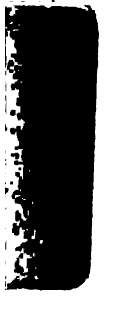

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

75

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1904.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Е. П. Распопова** въ Одессѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фоссъ (Г. Гессель)** въ Лейпцигѣ; у **Г. Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома **Сборника** *2 рубля 50 коп.*

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Январь 1904 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 1.

ВЛІЯНІЕ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII-го ВѢКА

НА

СУДОПРОИЗВОДСТВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ.

М. Тумановъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь, 1908.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Ни одно изъ старинныхъ злоупотребленій въ государственной жизни русскаго общества XVIII вѣка не подвергалось такимъ безпощаднымъ порицаніямъ въ нашей литературѣ, какъ судебныя проволочки и взяточничества. Можно легко подобрать массу свидѣтельствъ изъ этой области, въ которыхъ сказывается не только просто насмѣшливое, но часто и раздражительное отношеніе писателей къ русскимъ судьямъ того времени. Больше всего такое враждебное и ядовитое порицаніе встрѣчается въ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ журналахъ Новикова, но оно проходитъ, какъ опредѣленное направленіе, и во всѣхъ другихъ областяхъ литературы. Записки современниковъ и офиціальные документы въ свою очередь показываютъ, что со стороны писателей въ данномъ случаѣ не было никакихъ преувеличеній: почти любой случай изъ судебной практики въ разсматриваемую эпоху, который подъ перомъ писателя легко можетъ показаться карикатурой на дѣйствительность, находитъ для себя совершенно соотвѣтствующій историческій фактъ, абсолютно равнаго достоинства. Воспоминанія лучшихъ людей, вводящія насъ въ интимную жизнь этого вѣка, часто описываютъ и такіе случаи судебныхъ кляузъ и крючкотворства, которые даже способны дать намъ поводъ обвинять литературу за то, что она еще недостаточно энергично подчеркивала это общественное зло.

Но имѣли-ли какое-нибудь значеніе подобныя обличенія со стороны нашихъ тогдашнихъ писателей? Успѣли-ли они повліять на русскую жизнь того времени такимъ образомъ, что наконецъ

эта общественная язва мало-по-малу стала терять свою силу и судебное производство дѣлъ улучшилось?

Какъ видимъ, частный вопросъ пріобрѣтаетъ при подобной постановкѣ его уже принципіальное значеніе и скрываетъ за собой болѣе широкую мысль: *имѣла-ли вообще русская литература второй половины XVIII-го вѣка силу измѣнять въ лучшую сторону общественную жизнь своего времени?*

Аѳанасьевъ въ книгѣ своей — «Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 годовъ» (Москва 1859 г.), излагая взгляды тогдашнихъ сатириковъ по вопросу о правосудіи, находилъ, что ихъ обличенія не были безрезультатны и что въ тѣхъ же журналахъ появляются уже изрѣдка извѣстія о новыхъ молодыхъ судьяхъ и воеводахъ, которые, очевидно, подъ вліяніемъ литературныхъ идей, вершатъ дѣла по правдѣ, отказываются брать взятки и вообще отличаются неподкупной честностью. Къ сожалѣнію, Аѳанасьевъ ограничился лишь одними литературными свидѣтельствами и не провѣрилъ ихъ записками современниковъ и историческими справками, благодаря чему и эта мысль его не могла быть особенно убѣдительной. Извѣстно, что русскіе сатирическіе журналы XVIII-го вѣка не только рисовали на своихъ страницахъ типы порочныхъ людей, но стремились исправить общественные недостатки и тѣмъ, что думали вселять въ читателей, помимо отвращенія отъ порока, также и любовь къ добродѣтели; а для того нужно было указывать примѣры для подражаній, т. е. выводить и типы честныхъ людей. Такимъ путемъ легко объясняются всѣ извѣщенія журналовъ о честныхъ судьяхъ. Вдобавокъ, тѣ же журналы нерѣдко и сами подрывали довѣріе къ себѣ, благодаря легкомысленнымъ выходкамъ въ этомъ смыслѣ. Такъ «Всякая Всячина», напримѣръ, прямо брала судей лихоимцевъ подъ свое покровительство и увѣряла, что если судьи берутъ взятки, то единственно потому, что сами просители соблазняютъ ихъ: «перестанемъ быти злыми, не будемъ имѣти причины жаловаться на неправосудіе», говорилось здѣсь по этому поводу въ заключеніе (листъ 108, стр. 276 сл.). Одинъ изъ луч-

шихъ журналовъ 1769-го года,—«Смѣсь», въ свою очередь говорилъ, что «нынѣ взятки вывелись изъ моды» (листъ 3, стр. 22). Тѣ же самыя слова мы встрѣчаемъ, впрочемъ, и у Фонъ-Визина, который заявлялъ въ своемъ «Бригадирѣ»: «большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ» (Полн. Собр. Соч., изд. Каспари. Спб. 1893, стр. 73). Въ журналѣ 1772 г. — «Вечера», выходившемъ одновременно съ «Живописцемъ» Новикова, по тому же вопросу выражалась надежда, что «вскорѣ возсіяетъ истина, исчезнутъ совсѣмъ приказныя сплетни, воспоютъ музы, прославятъ царствующую на землѣ Астрею» (часть I, стр. 5).

Между тѣмъ тѣ же литературныя свидѣтельства, которыя имѣлъ въ виду Аѳанасьевъ, показываютъ, что безпорядки въ русскомъ судопроизводствѣ продолжали существовать во все продолженіе XVIII-го вѣка: судей лихоимцевъ осмѣивали въ самомъ концѣ столѣтія Капнистъ и Судовщиковъ, не говоря уже о сатирическихъ журналахъ, въ родѣ «Почты Духовъ», «Зрителя», «Меркурія» и т. д.

Эти и подобные факты дали поводъ критикѣ усомниться въ правотѣ взглядовъ Аѳанасьева на историческое значеніе русской сатирической литературы въ общественной жизни нашего народа и ея культурную роль. Добролюбовъ, извѣстный писатель, подвергнулъ книгу Аѳанасьева жестокому разбору на страницахъ «Современника» (1859 г. Русская сатира въ вѣкъ Екатерины. Также въ Собраніяхъ сочиненій его). Послѣ разнообразныхъ историческихъ справокъ онъ указалъ, что суды осмѣивали еще Гоголь и Щедринъ, т. е. спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ журналовъ 1769 года. Резюмируя окончательно свои сужденія по этому вопросу, Добролюбовъ говорилъ: «Сатира очень зло возставала противъ лихоимства и неправосудія. Въ концѣ прошлаго (18-го) столѣтія пороки эти если не усилились, то стояли на той же степени процвѣтанія, какъ и предъ началомъ царствованія Екатерины».

Въ слѣдующемъ году появилась обширная статья Мордов-

цева, посвященная нашей первоначальной періодической печати, въ которой между прочимъ разсматривался и вопросъ о старинномъ русскомъ правосудіи (Русское Слово, 1860, февраль и мартъ). Авторъ ея не только повторяетъ взгляды Добролюбова, но и выставляетъ ихъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ; по его мысли, полная несостоятельность литературныхъ притязаній исправить общественные пороки есть несомнѣнный историческій фактъ, установленный разъ на всегда, а потому и всѣ усилія сатиры улучшить старинное судопроизводство были по меньшей мѣрѣ наивнымъ самообольщеніемъ. «Нужно, вѣроятно, — писалъ онъ, — что-нибудь больше и дѣйствительнѣй, чѣмъ насмѣшки журналовъ, чтобы дѣла измѣнились къ лучшему. О подьячихъ ходила въ то время поговорка, что «отъ подьячихъ деньгами, отъ воровъ дубиною, отъ чертей крестомъ избавиться можно»; а чиновники смѣялись надъ этой бранью, или тупо и равнодушно смотрѣли на журнальныя нападки, которыя для нихъ нисколько не были страшны; большая часть изъ нихъ не знали даже о существованіи журналовъ. Какъ бы то ни было, литература тѣшила себя этой безполезной войною, безполезной потому, что она не вызывала никакихъ радикальныхъ перемѣнъ и современемъ была совершенно забыта».

Подобный взглядъ прочно установился послѣ этого въ научномъ сознаніи и долго повторялся потомъ въ различныхъ трудахъ по исторіи русской культуры. Но особенную важность пріобрѣтаетъ для насъ попытка В. А. Гольцева выяснить, въ какой мѣрѣ измѣненія общественныхъ нравовъ русскаго народа стояли въ зависимости отъ государственныхъ учрежденій и законодательной дѣятельности правительства (Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.; первое изданіе въ 1886 г., второе — въ 1896). Авторъ этого труда, прослѣдивъ постепенныя перемѣны въ состояніи русскихъ нравовъ въ XVIII в., приходитъ наконецъ къ выводу, что общественная нравственность къ концу столѣтія замѣтно измѣнилась, прежде всего подъ вліяніемъ законодательства, къ лучшему. Однако по вопросу о правосудіи

Гольцевъ не имѣлъ, при всемъ желаніи, возможности отмѣтить никакихъ улучшеній. Вотъ его окончательный выводъ по этому поводу: «Русское общество прошлаго вѣка страдало отъ взяточничества. Но было бы несправедливостію поставить это, при наличности указанныхъ условій, въ его исключительную вину: значительная доля отвѣтственности падаетъ на правительство. Рѣдкій изъ администраторовъ и судей отличался неподкупною честностью, и общество умѣло цѣнить подобныхъ людей».

Какъ видимъ, авторъ ограничивается лишь тѣмъ, что снимаетъ съ русскаго общества отвѣтственность за неправое веденіе дѣлъ въ судахъ и обвиняетъ въ томъ само правительство; фактическое же существованіе здѣсь прежнихъ безпорядковъ, неурядицы и злоупотребленій утверждается въ полной силѣ. Немудрено, что и въ самыхъ новѣйшихъ трудахъ, какъ напримѣръ, — въ «Исторіи русской литературы» академика А. Н. Пыпина, мы встрѣчаемъ тотъ же взглядъ почти безъ всякихъ ограниченій (Спб. 1899, т. IV). Перечисливъ основные вопросы журнальной сатиры второй половины XVIII-го в., — и въ томъ числѣ вопросъ о правосудіи, — почтенный ученый добавляетъ: «Трудно сказать, имѣла-ли какое-нибудь дѣйствіе эта сатира; можно думать, что имѣла немного, — самое распространеніе литературы было не велико; а главное, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ сатира или комедія не доводилась до конца: подобныя явленія несомнѣнно существовали, но писатель не объяснялъ, откуда происходитъ это зло и чѣмъ бы оно могло быть исправлено».

Такимъ образомъ въ теченіе почти цѣлаго полстолѣтія вопросъ объ активномъ вліяніи литературы на общественную жизнь русскаго народа нисколько не приблизился къ своему рѣшенію и до сихъ поръ въ сущности остается въ той же самой формулировкѣ, какая дана была ему еще Добролюбовымъ. Между тѣмъ существуетъ извѣстный рядъ историческихъ свидѣтельствъ, который доказываетъ, что убѣжденіе въ полномъ безсиліи обличительной литературы исправить жизнь русскаго общества слѣ-

дуетъ признать по меньшей мѣрѣ одностороннимъ. Записки современниковъ и другія данныя, напротивъ, приводятъ къ заключенію, что русская печать, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и по вопросу о правосудіи, оказала на тогдашнюю жизнь чрезвычайно благотворное вліяніе и замѣтнымъ образомъ улучшила положеніе вещей. Идеи передовыхъ нашихъ писателей второй половины XVIII-го в. успѣли глубоко проникнуть въ сознаніе и всего русскаго общества, и самого правительства; молодое поколѣніе, воспитанное на этихъ взглядахъ, внесло въ жизнь новую свѣжую струю; вдобавокъ и законодательная дѣятельность правительства рѣзко измѣняется къ концу 18-го столѣтія: если Екатерина II смотрѣла на крупныя общественныя злоупотребленія сквозь пальцы и даже сама покровительствовала имъ и скрывала ихъ, то императоръ Павелъ Петровичъ до такой степени ненавидѣлъ всякія безчестныя продѣлки администраціи и суда, что, по своей болѣзненной вспыльчивости, способенъ былъ на самыя крутыя мѣры. Но правленіе Павла I было еще только переходнымъ временемъ; со всею силою духъ новыхъ вѣяній сказался уже въ царствованіе императора Александра I, который въ числѣ главнѣйшихъ своихъ государственныхъ заботъ считалъ всегда и исправленіе правосудія. Впрочемъ теперь и само общество понимало дѣло иначе, чѣмъ прежде, а потому государю не стоило большого труда найти честныхъ судей и администраторовъ.

Останавливаясь подробнѣй на царствованіяхъ Екатерины II, Павла I и Александра I, мы, естественно, должны прежде всего считаться съ ихъ законодательной дѣятельностью; но этого еще недостаточно: по нашему мнѣнію, самыя правительственныя распоряженія стояли въ прямой зависимости отъ указаній современной и непосредственно предшествующей русской литературы, — другими словами, законодательство не само по себѣ исправляло нравы общества того времени, но лишь являлось главнымъ орудіемъ проведенія въ жизнь взглядовъ нашихъ лучшихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка.

Образъ мыслей и общій характеръ государственной дѣятельности императрицы Екатерины II извѣстны всѣмъ. Мы знаемъ, что главнымъ побужденіемъ для ея правительственныхъ предпріятій являлось личное честолюбіе, а вовсе не какія-нибудь соображенія, имѣвшія въ виду общественную и государственную пользу; если же нѣкоторыя мѣры ея и имѣли въ результатѣ самыя благотворныя послѣдствія для русскаго народа, то это опять-таки зависѣло не отъ стремленія принести дѣйствительную пользу имперіи, а единственно изъ желанія заставить не только Россію, но и всю Европу провозглашать о ней восторженныя похвалы. Вообще же говоря, всѣ громкія и пышныя начинанія Екатерины почти никогда не доводились до конца и такъ же быстро проваливались, какъ наскоро затѣвались. Неудивительно, что и по вопросу о правосудіи дѣятельность императрицы носитъ тотъ же характеръ поспѣшной и блестяще-мишурной внѣшности: въ дѣйствительности всѣ заботы ея въ этомъ смыслѣ принесли самые скромные результаты; ближайшее ознакомленіе съ историческими фактами даже приводитъ къ убѣжденію, что вся законодательная дѣятельность государыни по вопросу о правосудіи была въ большинствѣ случаевъ вынужденная. Пріученная мало-по-малу грубой лестью видѣть себя окруженной ореоломъ величія и славы и наконецъ дѣйствительно увѣровавшая, что всѣ стороны ея государственнаго управленія обстояли въ образцовомъ порядкѣ, Екатерина II съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣла на тѣхъ русскихъ писателей, которые указывали на очевидные общественные недостатки и язвы. Съ другой стороны съ подобными настойчивыми указаніями литературы нельзя было не считаться: какъ бы ни было, печать распространяла свои взгляды среди всего русскаго общества и тѣмъ самымъ должна была невольно внушать современникамъ сомнѣнія въ блаженномъ и счастливомъ состояніи государства. Вотъ почему Екатерина, хотя и съ неохотой, вынуждена была принять мѣры и къ улучшенію существовавшаго судопроизводства, чтобы успокоить общественное мнѣніе и еще лишній разъ доказать всѣмъ, что и

въ этомъ отношеніи ею сдѣлано все возможное и установленъ строгій порядокъ.

Для поясненія сказаннаго мы остановимся на слѣдующихъ фактахъ. Уже въ журналѣ 1769 г. — «Всякая Всячина» императрица враждебно высказалась противъ «Трутня» Новикова за помѣщавшіяся въ немъ статьи о взяточничествѣ подьячихъ. По ея мнѣнію, суды и судьи вовсе не такъ плохи, а во взяточничествѣ виноваты сами просители, такъ какъ они соблазняютъ своими подарками представителей правосудія. «Подлежитъ еще и то вопросу: если бы менѣе было около нихъ искусителей, не умалилась ли бы тогда и на нихъ жалоба» (стр. 159—160), писала она. Въ другомъ случаѣ «Всячина» рѣзко высказывала негодованіе противъ «дурныхъ шмелей», которые надоѣли ей разсказами «о *мнимомъ* неправосудіи судебныхъ мѣстъ» (листъ 108, стр. 276 — 280). Желаніе государыни увѣрить себя и другихъ въ томъ, что судопроизводство въ ея царствованіе вовсе не страдало безчестной продажностью, сказывается и гораздо позже. Такъ, на страницахъ «Собесѣдника любителей россійскаго слова», выходившаго въ 1783 г., въ своихъ знаменитыхъ «Быляхъ и Небылицахъ» Екатерина издѣвалась надъ тѣми, кто жалуется на судей. По ея мысли, подобныя сѣтованія до смѣшного устарѣли, и ихъ можно услышать лишь отъ лицъ, живущихъ старинными воспоминаніями, которые даже потеряли способность замѣчать, что все прежнее давно перемѣнилось: другъ прародителя автора Небылицъ «понынѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ ни гдѣ нѣтъ», писала императрица (Сочиненія. Изд. Смирдина. 1849, т. III, стр. 49). На совѣтъ Фонъ-Визина написать ѣдкую сатиру на судей лихоимцевъ, Екатерина отвѣчала въ томъ же Собесѣдникѣ съ высокомѣрнымъ раздраженіемъ: «Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло; мы и Грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!» (ibid., III, 57).

При такомъ образѣ мыслей императрицы мы въ правѣ думать, что съ ея стороны не встрѣтимъ никакихъ законодатель-

ныхъ мѣръ къ исправленію правосудія, потому что въ противномъ случаѣ она сама неизбѣжно стала бы въ противорѣчіе съ собственными же печатными заявленіями, которыя читала вся Россія; съ другой стороны, это значило бы дать поводъ литературнымъ противникамъ торжествовать побѣду и хвастаться, что они вынудили ее позаботиться объ исправленіи правосудія. Государыня именно такъ и понимала дѣло и потому, увидѣвъ, что зашла далеко въ полемикѣ, на первыхъ порахъ дѣйствовала лишь секретными предписаніями противъ судей и только уже потомъ, какъ будто по собственной инціативѣ, обращалась къ офиціальнымъ распоряженіямъ. Но даже и въ это время ей были непріятны всякія разоблаченія, касавшіяся общественныхъ злоупотребленій, что заставляло её прибѣгать иногда къ мѣрамъ, не совсѣмъ справедливымъ. Державинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующій случай: частнымъ образомъ Екатерина узнала о всевозможныхъ безчинствахъ въ псковской казенной палатѣ; Державинъ назначенъ былъ произвести слѣдствіе, по которому дѣйствительно обнаружились здѣсь большія злоупотребленія; освѣдомившись предварительно о ходѣ дѣла, императрица призвала своего статсъ-секретаря Турчанинова и черезъ него «приказала увѣдомить о дошедшемъ до нея слухѣ Ивана Ивановича Кушелева, свояка тамошняго вице-губернатора, Брылкина, который былъ женатъ на родной сестрѣ покойнаго бывшаго ея фаворита, Александра Дмитріевича Ланского, дабы онъ послалъ къ Брылкину нарочнаго и остерегъ его, чтобъ онъ взялъ свои мѣры, когда генералъ-губернаторъ прикажетъ о томъ слѣдовать». Послѣ этого Державину трудно уже было раскрывать злоупотребленія; Екатерина же, пригласивъ его къ себѣ, «ему же голову вымыла, что онъ такіе до нея доводитъ слухи и тѣмъ ее безпокоитъ» (Записки, стр. 339 сл.). Въ другомъ случаѣ тотъ же Державинъ высказываетъ предположеніе, что, назначая его на разныя доходныя мѣста, императрица хотѣла тѣмъ самымъ вознаградить его за труды и дать средства нажиться незаконными поборами.

При такихъ условіяхъ всякія мѣры Екатерины къ исправленію правосудія, очевидно, могли быть только вынужденными и притомъ вынужденными именно современной литературой, которая, не обращая вниманія на удовольствіе или неудовольствіе государыни, энергически и настойчиво продолжала обличать взяточничество и крючкотворство судей. Запретить писателямъ говорить объ этомъ было немыслимо: до такой степени эта общественная язва была у всѣхъ предъ глазами; безсиліе императрицы въ данномъ случаѣ ярко сказывается уже изъ того, что даже въ ея же собственномъ журналѣ, — во «Всякой Всячинѣ», продолжали появляться ѣдкія сатирическія статьи, направленныя противъ лихоимства подьячихъ, хотя сама же Екатерина, какъ мы видѣли, на первыхъ порахъ рѣзко обнаружила здѣсь свое раздраженіе и неудовольствіе на подобныя обличенія въ другихъ тогдашнихъ журналахъ. Впрочемъ мысль о зависимости законодательной дѣятельности императрицы Екатерины по вопросу о правосудіи отъ указаній современной литературы находитъ для себя и фактическія подтвержденія. Извѣстно, что когда комиссіи депутатовъ, собранныхъ для составленія проекта новаго уложенія, былъ предложенъ вопросъ объ отмѣнѣ пытки въ судахъ, комиссія отвергла подобное предложеніе государыни. Но рѣшенный такимъ образомъ вопросъ не могъ удовлетворить лучшихъ людей того времени: на страницахъ издававшагося Н. И. Новиковымъ журнала «Трутень» (въ 1769 — 1770 гг.), именно на XIII листѣ, появилась обширная статья, излагавшая исторію съ золотыми часами. Здѣсь разсказывалось, что у одного судьи молодой повѣса племянникъ, проживавшій вмѣстѣ съ нимъ, укралъ со стола золотые часы; судья, не подозрѣвая родственника, обвинилъ въ воровствѣ одного изъ просителей, находившихся въ комнатѣ; дѣлу былъ данъ надлежащій ходъ, — пошли допросы и дознанія, сопровождавшіеся возмутительными истязаніями и пытками, и бѣдный проситель, претерпѣвая адскія муки, совершенно безвинно долженъ былъ вслѣдствіе того долгое время томиться въ тюрьмѣ, пока наконецъ не выяснилось, что

настоящимъ похитителемъ золотыхъ часовъ судьи былъ его же собственный племянникъ («Трутень», изд. Ефремова, стр. 79 сл.). Такъ говорилъ Новиковъ въ своемъ журналѣ въ первую половину 1769 года. И вотъ, въ собственноручной запискѣ Екатерины II на докладъ архангельскаго губернатора, — въ запискѣ, составленной не ранѣе 12 ноября 1769 г., мы читаемъ между прочимъ: «Не полезно ли бъ было всѣмъ судебнымъ мѣстамъ хотя *секретно* приказать весьма осторожно и осмотрительно съ кнутомъ обходиться; есть многія наказанія чувствительнѣе кнута, а для малыхъ преступленій можно и родъ наказанія уменьшить» (Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 42, стр. 444). И это тотчасъ послѣ того, какъ сама же императрица на страницахъ «Всякой Всячины» доказывала, что русское правосудіе не слѣдуетъ ни въ чемъ обвинять!

Въ другой собственноручной запискѣ Екатерины II о томъ, какъ помогать народу въ годину бѣдствій и о смягченіи строгости наказаній, говорилось: «*Не дѣлая пытки изъ заключенія и изъ предварительнаго суда, въ особенности для преступленій, не имѣющихъ явныхъ доказательствъ*; требуя, чтобъ всякій приговоръ былъ основанъ на законныхъ и точныхъ доказательствахъ; довѣряя судъ надъ преступниками такимъ судьямъ, которыхъ честность, мудрость и безкорыстіе были бы всѣми признаны» (ib. т. 42, стр. 457). Предъ нами, такимъ образомъ, замѣчательно точное и вѣрное воспроизведеніе не только основныхъ мыслей, но, если угодно, и самаго содержанія Новиковской статьи въ «Трутнѣ». Приведенныя мысли Екатерины II, сказавшіяся первоначально лишь въ секретныхъ предписаніяхъ, получили со временемъ значеніе и офиціальныхъ законодательныхъ распоряженій: въ 1778 г. послѣдовалъ правительственный указъ, предписывавшій вообще соблюдать осторожность при тѣлесныхъ наказаніяхъ (Полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи, т. XX, № 14739), а въ 1782 г. такимъ же указомъ тѣлесныя наказанія были совершенно отмѣнены при судахъ (ib. т. XXI, № 15313); въ 1778 г. императрица запретила и

пристрастные допросы, но пока лишь въ военныхъ судахъ (ib. XX, № 14890).

Въ самомъ началѣ того же «Трутня», издававшагося Новиковымъ въ 1769—70 гг., помѣщено было сообщеніе въ «Вѣдомостяхъ» изъ нѣкотораго приказа: «Явилось порожнее мѣсто, которое въ годъ двѣ тысячи рублевъ безгрѣшнаго приноситъ дохода. Надобно знать, что сіе мѣсто требуетъ человѣка разумнаго, ученаго и прилѣжнаго; ибо отъ него блаженство и жизнь великаго числа людей зависитъ». Изъ троихъ претендентовъ на эту должность — «первой... дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія». «Все достоинство сего молодца въ томъ только и состоитъ, что онъ дворянинъ и родня многимъ знатнымъ боярамъ». Второй — также дворянинъ, но безъ сильныхъ связей, «поведенія добраго, разума хотя не пылкаго, однако наукою подкрѣпленнаго. *Служитъ въ полкахъ*, и хотя отмѣннаго ничего не сдѣлалъ, но по крайней мѣрѣ исполняетъ свою должность съ прилѣжностью». Онъ «крестьянъ своихъ не грабитъ... купцовъ по примѣру другихъ дворянъ не обманываетъ». «Третей проситель мѣста, по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ, есть человѣкъ подлой: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мещанъ». Это — человѣкъ высокаго образованія и непоколебимой честности, свято исполнявшій свой долгъ во всѣхъ родахъ правительственной службы. Онъ не сталъ бы просить и этого мѣста, «ежели бы здоровье его позволяло долѣе *служить въ арміи*, или ежели бы онъ не былъ въ состояніи подвластныхъ сему мѣсту учинить благополучными, и возстановить ихъ отъ раззоренія, въ которое приведены были бывшимъ судьею... Читатель! угадай: глупость ли подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелію наградятся?» заключаетъ свою статью авторъ («Трутень», изд. Ефр., Спб. 1865, стр. 25—28).

Такимъ образомъ, оба честные просители на воеводское мѣсто—люди военные, служившіе въ полкахъ, но теперь вышедшіе въ отставку; по мысли Новикова, именно эти лица, служившія

въ арміи, и способны болѣе другихъ къ занятію отвѣтственныхъ административныхъ постовъ (воеводъ смѣнили потомъ намѣстники губерній); мало того, — подобные честные правители способны своимъ вліяніемъ улучшить и самое судопроизводство. Любопытно сравнить теперь съ этими словами русскаго писателя то, что предлагалъ Екатеринѣ II въ 1775 г. въ своемъ проектѣ о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ князь М. Н. Волконскій: «Губернаторовъ выбрать *изъ служащаго въ арміи генералитета и изъ отставныхъ* къ тому дѣлу способныхъ людей *честныхъ, разумныхъ*, опредѣля имъ не только жалованья по ихъ чинамъ, но и довольное число столовыхъ денегъ» (Сб. И. Р. И. Об., т. 5, стр. 125). Подобные губернаторы должны смотрѣть, по словамъ Волконскаго, «чтобъ теченіе дѣлъ было безъ медленности и никому утесненіе и волокиты въ дѣлахъ не было, а всіо бъ по законамъ съ поряткомъ исполнялось» (ib. стр. 126).

Какъ видимъ, споспѣшники Екатерины въ дѣлахъ внутренняго управленія государствомъ цѣликомъ, даже въ ничтожныхъ мелочахъ, руководились указаніями сатирическихъ журналовъ. Любопытно отмѣтить, что подобныя мысли Волконскаго, воспроизводившія взгляды Новикова, дѣйствительно осуществлялись въ русской жизни. «Иванъ Александровичъ С., — говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Ф. Ф. Вигель,—открывалъ Пензенскую губернію, былъ первымъ въ ней губернаторомъ... *Находившись долго въ военной службѣ*, онъ былъ изъ числа строгихъ, точныхъ исполнителей даваемыхъ имъ предписаній, которые бываютъ полезны тамъ, гдѣ умствованія могли бы только запутывать дѣла. Какъ онъ былъ нрава серіознаго и *весь исполненъ чести, доброты и справедливости*... то, волею или неволею, всѣ почтительно ему повиновались» (Воспом., Москва 1864, часть II, стр. 82).

«Глупость же, подкрѣпляемая родствомъ» съ большими боярами, по мысли Новикова, способна лишь доводить подвластныхъ воеводскому «мѣсту» до разоренія, потворствуя между прочимъ и судейскимъ злоупотребленіямъ. И вотъ, въ собственноручномъ

наставленіи Екатерины II отъѣзжающему *для секретныхъ наблюденій за воеводами* уполномоченному мы читаемъ: «Дорогой ѣхавши навѣдываться въ каждомъ городѣ и по дорогѣ *о поведеніи воеводъ и прочихъ начальниковъ*» (Сб. И. Р. И. Об. т. 42, стр. 440). Предъ нами все еще пока секретныя предписанія: дѣйствовать иначе было нельзя, такъ какъ императрица публично сама брала судей на страницахъ Всякой Всячины въ 1769 г. подъ свое покровительство; обрушиться на нихъ сейчасъ же строгими указами—значило бы сознаться въ поспѣшности и необдуманности своихъ сужденій и дать лишній поводъ торжествовать литературнымъ противникамъ. Но эти секретныя мысли, мы увидимъ, опять-таки нашли для себя впослѣдствіи выраженіе въ офиціальныхъ законодательныхъ актахъ.

Впрочемъ намъ нѣтъ особенной нужды настаивать на текстуальныхъ совпаденіяхъ тѣхъ или другихъ правительственныхъ распоряженій Екатерины II съ соотвѣтствующими мѣстами изъ сатирическихъ журналовъ и вообще литературныхъ произведеній; важно только установить, что императрица *вынуждена была русскими писателями вообще принять мѣры къ улучшенію тогдашняго судопроизводства;* важно доказать, что она принуждена была отказаться отъ прежняго благосклоннаго и равнодушнаго отношенія къ лихоимству судей и проволочкамъ въ дѣлопроизводствѣ, а въ какихъ формахъ могло выразиться ея желаніе улучшить судопроизводство, — это, въ сущности, не имѣетъ особеннаго значенія. Глубокую общественную важность пріобрѣтаетъ лишь самый руководящій принципъ, основная точка зрѣнія, такъ сказать, общій духъ и направленіе законодательной ея дѣятельности, а вовсе не самые способы практическаго осуществленія, которые по необходимости должны были до безконечности видоизмѣняться въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей, на которыхъ возлагалось подобное осуществленіе правительственныхъ распоряженій, и т. д. Да и сами русскіе писатели далеко не мечтали заставить государственную власть съ буквальной точностью

осуществлять въ жизни то, что они стали бы ей диктовать въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Что первоначальные взгляды Екатерины II на правосудіе подъ вліяніемъ журнальной сатиры совершенно измѣнились, — это легко доказать длиннымъ рядомъ историческихъ фактовъ. Выходка Всякой Всячины въ 1769 г. въ защиту взяточниковъ судей (стр. 159—160) вызвала энергическій отпоръ со стороны другихъ современныхъ журналовъ. «Смѣсь» помѣстила у себя письмо, въ которомъ издѣвалась надъ «прабабушкой» русскихъ сатирическихъ изданій: послѣдняя «совѣтуетъ, чтобы не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться и раздѣлываться добровольно; всякой сіе знаетъ, и конечно по-пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, если бъ всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судовъ и приказовъ, и подьячимъ бы не шло государево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей защищать подьячихъ? Стыдно будетъ вамъ, господинъ издатель,—продолжаетъ авторъ письма къ редактору журнала,—имѣть такую родню: пожалуйте, откажитесь отъ бабушки, которая нынѣ сказываетъ простыя сказки, и тѣмъ изображаетъ слабость своего разума; ибо болѣе того не вѣдаетъ, что слыхала встарину» («Смѣсь», листъ 11, стр. 58 сл.).

Издававшаяся Эминымъ «Адская Почта» (1769 г.) также вмѣшалась въ полемику. Хромоногій Бѣсъ разсказывалъ на страницахъ этого журнала: «На сихъ дняхъ былъ я въ домѣ Т..., гдѣ случилось два спорщика. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что многіе страждутъ отъ неправосудія, а другой утверждалъ, что судьи виноваты быть не могутъ, поелику во всемъ свѣтѣ много есть такихъ, какъ здѣсь судей, и что больше виноваты истцы, нежели судьи... Одинъ изъ нихъ винилъ не то, что надобно, а другой извинялъ судей напрасно, и видно, что онъ отъ нихъ никакихъ бѣдъ надъ собою не испыталъ..... Не говорю, чтобъ здѣсь только несправедливые были судьи; вездѣ ихъ множество, но то заподлинно утверждаю, что такихъ судей, кото-

рые справедливости предпочитаютъ корыстолюбіе, извинять не должно, но потребно всячески стараться привести ихъ къ познанію истины, ежели можно. Весьма маловажная будетъ такимъ судьямъ защита, ежели кто скажетъ, что во всемъ свѣтѣ есть несправедливые судьи, слѣдовательно и наши извиненія достойны. Поэтому ежели вездѣ есть воры, то и здѣсь ихъ ловить и наказывать не должно? Я на то согласенъ, что въ нынѣшнее счастливое время больше есть справедливыхъ судей, нежели несправедливыхъ; но не могу подумать, чтобы отъ злого состава часто добрый не заражался. Слѣдовательно, должно отрѣзывать отъ тѣла злой составъ, чтобы сохранить добрый. Не могу также винить и истца обиженнаго, разореннаго и въ горести погибающаго, если онъ ищетъ справедливости, и не сыскавъ, на оную жалуется. Разсуждая по человѣчеству, думаю, что нельзя не застонать и за то мѣсто не хватиться рукою, гдѣ крѣпко болитъ.... Прекрасно нѣкто написалъ, что будьте незлобивы, судьи не будутъ виноваты. Рѣчь его весьма хороша, и видно, что произошла отъ добраго сердца; но дѣло невозможное: никто, думаю, не захочетъ быть обиженнымъ и разореннымъ единственно для того, чтобъ итти въ судъ. Весьма было бы хорошо, если бы весь свѣтъ всегда пребывалъ въ предѣлахъ добродѣтели; но когда родилось въ свѣтѣ зло, и много въ немъ есть обидчиковъ, то что осталось дѣлать обиженнымъ, когда нѣкоторые нравоучители имъ не велятъ жалобами своими безпокоить судей и искать справедливости?» («Адская Почта», письмо 60, стр. 238 сл.).

«Трутень» Новикова также высказался насмѣшливо противъ мысли Екатерины, будто судей соблазняютъ взятками сами просители. «Судья нѣкоторова приказа, — говорилось здѣсь между прочимъ, — покривилъ вѣсы правосудія: онъ въ томъ не виноватъ; а виноватъ подрядчикъ, которой на судейскую сторону такъ много положилъ кулей съ мукою, что правосудіе противъ такой тягости устоять не могло; желающіе тѣ вѣсы починкою исправить изъ своихъ матеріаловъ, могутъ явиться въ томъ приказѣ» («Трут.», изд. Ефр., стр. 57).

Въ такомъ же смыслѣ высказались и нѣкоторые другіе современные журналы. Разумѣется, Екатерина II не могла быть особенно довольна подобнымъ отношеніемъ къ ея словамъ со стороны русскихъ писателей: «Адская Почта» Эмина была закрыта, а въ 1770 г. остановленъ и «Трутень». Больше всего, повидимому, императрица прислушивалась къ голосу Н. И. Новикова, котораго она всегда считала «умнымъ и опаснымъ человѣкомъ» (Храповицкій, Дневникъ, Спб. 1874, стр. 430). Къ издателю «Трутня» Екатерина писала: «Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я чаю вы безъ бороды еще: по молодости и вздумали чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои однако отъ насъ, стариковъ, право не скрылися — мы небось съ перваго листа узнали, куда цѣлите» (Незеленовъ, Ник. Ив. Новиковъ, Спб. 1875, стр. 169 — 170). Отзвуки этого раздраженія сказываются и позже. Извѣстно, что Екатерина была недовольна «Трутнемъ» за слишкомъ язвительный тонъ его сатиры, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда здѣсь описывалось взяточничество судей; и вотъ, въ самомъ концѣ комедіи «О время», составленной въ 1772 г., императрица позволила себѣ слѣдующую выходку, въ которой обнаружилось ея раздраженіе противъ русской сатиры и, конечно, главнымъ образомъ, сатиры Новикова: «Вотъ какъ нашъ вѣкъ проходитъ! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучекъ въ глазу ближняго, а въ своемъ — и бревна не видимъ» (Сочин., изд. Смирд., т. II, стр. 57). Издатель «Трутня» прекрасно понималъ значеніе этихъ словъ и потому, во избѣжаніе осложненій на будущее время, посвятилъ свой новый сатирическій журналъ «Живописецъ», выходившій въ 1772 г., автору комедіи «О время» и

напечаталъ по этому поводу очень льстивое письмо Екатеринѣ. Что Новиковымъ руководило единственно желаніе избавить свой новый журналъ отъ притѣсненій со стороны императрицы, а вовсе не искреннее уваженіе къ Екатеринѣ, — это давно уже было извѣстно въ нашихъ литературныхъ кругахъ. Много позже одинъ изъ русскихъ писателей XIX-го вѣка, разсуждая о Гоголѣ, говорилъ: «Быть можетъ, не всѣ рѣчи и возгласы о правительствѣ, вложенныя Гоголемъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, отличаются одинаковой искренностью; быть можетъ, иныя похвалы явились съ тою же цѣлью, съ какою, напр., Новиковъ посвятилъ свой обличительный журналъ автору комедіи: «О время!» (Сухомлиновъ, Изслѣд. и статьи, т. II, стр. 340—41). Вотъ почему мы не можемъ принять мнѣнія, будто посвященіе «Живописца» автору комедіи «О время» было выраженіемъ искренняго преклоненія предъ Екатериной со стороны Новикова (Пыпинъ, Ист. рус. литературы, Спб. 1899, т. IV, стр. 30).

Между тѣмъ императрица была чрезвычайно польщена подобнымъ посвященіемъ, какъ то видно изъ ея отвѣта Новикову въ томъ же его журналѣ, и дѣйствительно установила послѣ этого очень дружескія отношенія съ бывшимъ издателемъ «Трутня»: Новиковъ подноситъ ей экземпляры своихъ журналовъ и пользуется, манускриптами для Россійской Вивліоѳики изъ собственнаго книгохранилища императрицы. Для насъ однако такая дружба важна единственно потому, что она заставляла Екатерину прислушиваться теперь къ настойчивымъ обличеніямъ судей, какія помѣщались въ Живописцѣ, уже не съ прежнимъ враждебнымъ предубѣжденіемъ, а съ спокойною разсудительностью: это былъ голосъ не литературнаго противника, а, такъ сказать, единомысленника. Императрица принимала теперь указанія Новиковскаго журнала на судебные безпорядки не съ упрямымъ желаніемъ настоять на своемъ мнѣніи, какъ было въ 1769 г.,— хотя и тогда, мы знаемъ, она принимала негласныя мѣры къ обузданію судей и чиновниковъ,—но съ благосклоннымъ вниманіемъ. Дѣйствительно, въ томъ же 1772 г. мы видимъ уже, что

Екатерина публично отказывается отъ прежней защиты судебныхъ безобразій и сознается, что на судебные порядки необходимо обратить серьезное вниманіе. Въ комедіи «Имянины госпожи Ворчалкиной», сочиненной въ Ярославлѣ, а представленной въ первый разъ въ 1772 г., императрица выводитъ Некопейкова, который придумалъ, «какъ поправить судебныя мѣста и господъ судей», на что Дремовъ отвѣчаетъ, «что иногда *одна строка въ проектѣ* много добраго сдѣлать можетъ... а это, чтобъ поправить судей, мнѣ кажется, и не дурно» (Сочин., т. II, 204). Мы не хотимъ сказать, что мысли эти явились у Екатерины подъ прямымъ вліяніемъ «Живописца», такъ какъ разсматриваемая комедія сочинена въ 1771 г.; «Живописецъ» Новикова лишь поддержалъ въ императрицѣ подобное намѣреніе заняться судебнымъ вопросомъ; самое же сознаніе въ судебныхъ безчинствахъ конечно возникло еще послѣ журнальной полемики въ 1769 г. Очевидно сатирическія изданія, издѣвавшіяся надъ исповѣдью Екатерины по вопросу о русскомъ правосудіи, подѣйствовали на нее отрезвляющимъ образомъ, если мы наблюдаемъ теперь такой быстрый переломъ ея недавнихъ убѣжденій. Задавшись цѣлью принять серьезныя мѣры къ исправленію правосудія, Екатерина II дѣйствительно занялась судебнымъ вопросомъ со всѣмъ усердіемъ. «Защищать невинность, писала императрица 26 апрѣля 1774 г. къ Еранкину, и искоренять обманъ и неправду Мы всегда за первый себѣ долгъ предъ Богомъ и предъ людьми почитаемъ» (Соч., III, 326).

Намъ уже извѣстно, что въ 1775 г. кн. Волконскій представилъ Екатеринѣ проектъ объ исправленіи судебныхъ присутственныхъ мѣстъ,—проектъ, очевидно составленный по порученію государыни. Въ томъ же 1775 г. былъ сдѣланъ замѣчательный шагъ къ искорененію лихоимства и волокиты судей: для избавленія челобитчиковъ отъ разнаго рода формальностей и канцелярскаго крючкотворства учрежденъ былъ знаменитый Совѣстный Судъ, въ которомъ судья долженъ былъ вершить дѣла, «придерживаясь болѣе совѣсти, нежели закона», по сви-

дѣтельству современника (Русскій Архивъ, 1877, кн. I, стр. 101). Государыня была буквально очарована своею счастливой мыслью учредить совѣстные суды. Державинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ о процессѣ купца Коробейникова съ купцомъ Роговиковымъ; въ пользу послѣдняго московскій совѣстный судъ безъ всякихъ основаній отнялъ у Коробейникова домъ и отдалъ Роговикову; обиженный обратился къ фавориту государыни—Зубову и апеллировалъ на имя Екатерины; недоброжелатели однако представили императрицѣ дѣло въ такомъ видѣ, что, защищая Коробейникова, она должна стать въ противорѣчіе съ рѣшеніемъ совѣстнаго суда: этого было довольно, чтобъ апелляція осталась безъ послѣдствій. Въ собственноручной запискѣ Екатерины о совѣстномъ судѣ въ войскѣ Донскомъ, относящейся къ концу 1775 г., читаемъ: «совѣстный судъ есть камень претыканія для всѣхъ судебныхъ мѣстъ и могила ябеды» (Сб. И. Р. И. Об., т. 27, стр. 63). 20 сентября 1777 г. императрица писала Вольтеру: «Наше законодательное зданіе мало по малу воздвигается... Двухлѣтній опытъ показалъ, что совѣстные суды... способствуютъ искорененію ябедничества» (ib., т. 27, стр. 136). Даже въ знаменитыхъ Быляхъ и Небылицахъ, помѣщавшихся въ 1783 г. на страницахъ Собесѣдника любителей россійскаго слова, Екатерина не могла удержаться отъ искушенія похвалить себя за учрежденіе совѣстныхъ судовъ. Дѣдушка, отъ лица котораго ведется разсказъ, весьма радуется, «что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ» (Соч., III, 12); старичокъ этотъ, по словамъ императрицы, самъ «посредствомъ Совѣстнаго Суда въ семи намѣстничествахъ помирился съ сосѣдями своими, съ коими тягался лѣтъ болѣе тридцати» (ib., стр. 13).

Въ приложеніи къ запискѣ объ учрежденіяхъ, составленной Екатериной не ранѣе 21 мая 1779 г., государыня уже офиціально признаетъ существованіе судебныхъ неурядицъ и злоупотребленій: для прекращенія «медленности, упущенія и волокиты», «поводовъ къ страстному производству», «своевольства и ябеды»,

«наипаче же ради заведенія лучшаго порядка и для безпрепятственнаго теченія правосудія, заблагоразсудили мы издать нынѣ учрежденіе для управленія губерній», говорила она въ приложеніи къ запискѣ объ учрежденіяхъ (Сб. И. Р. И. Об., т. 27, стр. 177). Вообще отношеніе Екатерины къ вопросу о правосудіи и проволочкамъ въ дѣлопроизводствѣ теперь рѣзко измѣняется. Рядъ правительственныхъ указовъ свидѣтельствуетъ, что работы объ искорененіи судебныхъ злоупотребленій и своеволія чиновниковъ составляли одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ея законодательной дѣятельности. Такъ въ 1778 г. послѣдовалъ строгій указъ о порокахъ секретарей Межевой канцеляріи, позволявшихъ себѣ несправедливости и взяточничество (Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XX, № 14806); противъ злоупотребленій землемѣровъ направлены были нѣкоторые указы и въ 1779 г. (ib. т. XX, №№ 14843, 14952 и др.). Въ 1779-мъ же году учрежденъ былъ и крестьянскій судъ, чтобы избавить поселянъ отъ канцелярскаго произвола и лихоимства (ib. № 14926). Въ 1784 г. былъ изданъ указъ, въ которомъ содержалось приказаніе, чтобы высшее начальство строго наблюдало за дѣлопроизводствомъ въ присутственныхъ мѣстахъ и требовало рѣшенія дѣлъ по законамъ, во избѣжаніе злоупотребленій (ib. т. XXII, № 15926). Въ томъ же году изданъ приказъ о тщательномъ наблюденіи за приставами, позволявшими себѣ злоупотребленія властью и взяточничество (ib. № 16010); также приняты были мѣры къ скорѣйшему производству дѣлъ въ канцеляріяхъ (ib. №№ 16074, 16091). Противъ злоупотребленій при дѣлопроизводствѣ со стороны разнаго рода правительственныхъ чиновниковъ послѣдовалъ указъ и въ 1786 г. (ib. т. XXII, № 16456). Если кн. М. М. Щербатовъ жаловался на всеобщій безпорядокъ въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ и даже самаго сената и охулялъ правительство за наполненіе ихъ «незнающими и мало совѣсти имѣющими людьми», за малое трудолюбіе служащихъ чиновниковъ, «такъ что можно сказать о всѣхъ присутствующихъ въ нихъ судьяхъ, что болѣе для пого-

ворки, нежель для дѣла въ присутственныя мѣста ѣздять, да и то пріѣзжають поздно, а выѣзжають рано», и что «нигдѣ, окромѣ канцеляріи генералъ-прокурора (т. е. въ правительствующемъ сенатѣ), нѣтъ порядочно собранныхъ законовъ, и нѣкоимъ образомъ ихъ въ тайнѣ содержать» (Сочиненія кн. М. М. Щербатова. Спб. 1896, т. II, стр. 251 сл.),—то какъ бы въ отвѣтъ на подобное заявленіе авторитетнаго писателя послѣдовалъ въ 1788 г. правительственный указъ, которымъ строго предписывалось принять всѣ мѣры къ улучшенію дѣлопроизводства какъ вообще въ канцеляріяхъ, такъ особенно и въ самомъ сенатѣ (П. С. З., т. XXII, № 16642). Впослѣдствіи, приблизительно въ 1791 г., въ указѣ Сенату въ Московскіе департаменты императрица писала: «Намъ учинилось извѣстно, что въ Москвѣ во многихъ правительствахъ дѣла не идутъ съ такимъ успѣхомъ, какъ бы то намъ желалося; ибо истцы и отвѣтчики не получають такъ скоро удовольствія, какъ то законами предписано, и наше на то непремѣнное соизволеніе есть. Того для симъ нашему Сенату снова предписывается недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ правосудіе и правда безъ препятствія и непрерывно свое теченіе во всѣхъ правительствахъ имѣли»; нерадивыхъ же слѣдуетъ наказывать (Сб. И. Р. И. Общ., т. 42, стр. 460—61). Впрочемъ теперь и само общество начинаетъ вооружаться противъ наглыхъ судейскихъ безчинствъ. 1 октября 1789 г. въ засѣданіи членовъ Государственнаго Совѣта разсматривалось прошеніе на высочайшее имя отъ Якутскаго князца Борогонскаго улуса головы Алексѣя Аржакова, въ которомъ содержалась просьба: «для правосудія и пресѣченія проволочки обиднымъ въ тяжбахъ... повелѣть составлять судъ особый подъ названіемъ совѣстнаго якутскаго суда» (Архивъ Гос. Сов., т. I, часть II, стр. 257—58).

Всматриваясь ближе въ современное судопроизводство, Екатерина, дѣйствительно, не могла не замѣчать здѣсь чудовищныхъ безпорядковъ: въ 1793 г. императрица въ официальномъ указѣ публично выразила свое удивленіе странной способности судей

доводить рвеніе къ канцелярскому формализму до размѣровъ, прямо колоссальныхъ: изъ иркутскаго суда поступило въ сенатъ дѣло, излагавшееся болѣе, чѣмъ на 1000 листахъ! Этотъ случай даетъ поводъ государынѣ еще лишній разъ повторить настойчивое приказаніе, чтобъ присутственныя мѣста по судебнымъ дѣламъ старались всячески обуздывать свои канцелярскія поползновенія (П. С. Зак., т. XXIII, № 17166). Въ 1794 г. Екатерина рѣзко высказалась въ оф. указѣ противъ злоупотребленій властью и взяточничества со стороны полицейскихъ властей (ib. т. XXIII, № 17240). Въ 1795 г. послѣдовали правительственные указы, которыми предписывалось произвести тщательную ревизію всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, особенно судебныхъ учрежденій, и слѣдить, чтобы дѣла вершились по законамъ; ревизорамъ поставлялось при этомъ въ главную обязанность слѣдить, не было ли гдѣ лишнихъ поборовъ съ крестьянъ (ib. т. XXIII, №№ 17414, 17416). Наконецъ, въ 1796 г. послѣдовало высочайшее распоряженіе, направленное противъ взяточничества, такъ какъ взятки съ крестьянъ, оказывается, брали даже выборные отъ самихъ же крестьянъ, «сверхъ чиновниковъ, въ коронной службѣ состоящихъ» (ib. т. XXIII, № 17444). До какой степени подъ конецъ царствованія Екатерина II интересовалась вопросомъ объ улучшеніи русскаго правосудія, можно видѣть изъ записокъ Грибовскаго. Упомянувъ объ арестѣ Новикова, онъ отмѣчаетъ далѣе: «Истребованіе сочиненія о канцелярскомъ порядкѣ отъ Завадовскаго»; тотчасъ за тѣмъ читаемъ: «Охраненіе подсудимаго достаточно обезпечено. Объ указѣ и формѣ суда» (Записки, Москва 1864, стр. 98—99). Особенно же занималъ императрицу, повидимому, вопросъ о средствахъ упорядочить сенатъ, какъ высшую судебную инстанцію; по крайней мѣрѣ въ 1802 г. гр. Воронцовъ указывалъ членамъ Государственнаго Совѣта, какъ на общеизвѣстный фактъ, на проектъ Екатерины II о сенатѣ, «коимъ Ея Величество занималась последніе годы ея царствованія» (Архивъ Г. Сов., т. III, часть I, стр. 44). Только что приведенныя свидѣтельства о сенатѣ пока-

зываютъ, что государыня задумывала провести въ концѣ концовъ судебную реформу сверху до низу, а не ограничиваться лишь низшими инстанціями, какъ она поступала почти въ теченіе всего своего царствованія; но ея намѣренію суждено было осуществиться только при имп. Павлѣ Петровичѣ.

Съ другой стороны, взяточничество вовсе не было слѣдствіемъ одной безнравственности чиновниковъ и судей, но вызывалось и самыми условіями существованія канцелярскихъ служащихъ и приказныхъ людей: крайней скудостью ихъ матеріальнаго обезпеченія. Это обстоятельство не могло конечно не обращать на себя вниманіе писателей. Князь М. М. Щербатовъ въ своемъ, еще неизданномъ до сихъ поръ, письмѣ съ вопросными пунктами къ Собесѣднику Любителей Россійскаго Слова говорилъ отъ лица выведеннаго здѣсь пензенскаго дворянина, что онъ обратился для переписки письма и исправленій въ слогѣ къ подьячему, и заплатилъ за то три рубля: *подьячій не можетъ взять меньше, потому что долженъ кормить семью и платить за квартиру, тогда какъ жалованья отъ правительства получаетъ сто рублей въ годъ* (Вѣстникъ Славянства, 1891, кн. VI; статья Дубицкаго: Неиздан. соч. кн. М. М. Щербатова, стр. 34—35). Фонъ-Визинъ писалъ въ 1788 г. «Разговорѣ у кн. Халдиной», отвѣчая на вопросъ, можно ли «пресѣчь взятки»: «Мудрено, сударь; ибо сверхъ того, что, кажется, сама природа одарила всякаго судью взятколюбивою душею, многіе изъ нихъ *съ честными правилами* принуждены брать взятки. Вообразите судью честнаго человѣка. Онъ дворянинъ, имѣетъ родню и знакомство, то есть, живетъ въ обществѣ, имѣетъ дѣтей, требующихъ воспитанія; но нѣтъ у него, кромѣ жалованья, другихъ доходовъ; а жалованья получаетъ только 450 руб. Скажите мнѣ ради Бога, какъ онъ можетъ содержать жену, дѣтей и домъ такою малою суммою и въ такое время, когда нужнѣйшія для жизни вещи взошли до цѣны невѣроятной? Хотя бы и не хотѣлъ, неволею долженъ сдѣлаться взяткобрателемъ» (Сочин., изд. Ефр. Спб. 1866, стр. 255). Крыловъ въ своемъ журналѣ «Почта

Духовъ», издававшемся въ 1789 г., также обращалъ вниманіе общества на матеріальную необезпеченность канцелярскихъ чиновниковъ. «У насъ иногда, говорилъ онъ, секретарей морятъ съ голоду, по крайней мѣрѣ принимаютъ ихъ съ хорошими обѣщаніями» (Полн. собр. сочин. Спб. 1859, т. I, стр. 6).

Обращаясь теперь къ законодательной дѣятельности Екатерины II, мы замѣчаемъ, что императрица дѣйствительно приняла послѣ такихъ указаній литературы соотвѣтствующія мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія чиновниковъ; при этомъ особенно замѣчательно, что первыя ея распоряженія (послѣ штатовъ 1775 года) объ увеличеніи денежныхъ окладовъ правительственныхъ чиновниковъ относятся какъ разъ къ 1783-му году, т. е. къ тому времени, къ которому относится и письмо кн. Щербатова къ Собесѣднику любит. россійс. слова. Такъ въ этомъ году императрицей изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось, для побужденія къ лучшему дѣлопроизводству, увеличить содержаніе и оклады жалованья для всѣхъ служащихъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ (П. Соб. Зак., т. XXI, № 15651); въ томъ же году послѣдовало распоряженіе отпускать впредь изъ Экономіи Государственныхъ расходовъ по 3, 500 руб. для прибавки жалованья правительственнымъ чиновникамъ (ib. т. XXI, № 15742; также № 15804). Въ 1784 г. было прибавлено жалованье таможеннымъ чиновникамъ (ib. т. XXII, № 16106), подобно тому, какъ въ предшествующемъ году изданъ былъ указъ объ отпускѣ изъ Государственнаго Казначейства суммъ для увеличенія содержанія почтовымъ служащимъ (ib. т. XXI, № 15851). Въ 1785 г. правительственнымъ распоряженіемъ былъ увеличенъ отпускъ суммъ на содержаніе служащихъ при Московскомъ университетѣ (ib. т. XXII, № 16441) и т. д. Трудно допустить, чтобъ Екатерина сама додумалась до необходимости позаботиться объ увеличеніи содержанія правительственнымъ чиновникамъ, разъ не прошло еще и 10 лѣтъ съ того момента, когда этимъ самымъ чиновникамъ и судьямъ въ 1775 году «жалованье по тогдашнему времяни назначено было

довольно достаточное», какъ говоритъ современникъ Винскій (Рус. Архивъ, 1877, стр. 101). Очевидно здѣсь имѣли мѣсто постороннія внушенія,—внушенія, исходившія изъ самого русскаго общества, выразителями которыхъ, какъ мы видѣли, были наши писатели.

Но въ такомъ важномъ государственномъ вопросѣ, какъ правосудіе, русскимъ писателямъ нельзя было ограничиться лишь указываніемъ существовавшихъ безпорядковъ: нужно было также подумать и о средствахъ, которыми можно было бы поправить дѣло. Наша литература второй половины XVIII-го в., дѣйствительно, такъ и поступила. Новиковъ помѣстилъ въ своемъ Живописцѣ письмо Фридриха Великаго по поводу Наказа Екатерины II, въ которомъ знаменитый прусскій императоръ предлагалъ государынѣ учредить въ Россіи «Академію Правъ, для наученія во оной людей, опредѣленныхъ къ должности судейской и стряпческой» (Живоп., стр. 136). «Прекрасные законы, писалъ Фридрихъ II Екатеринѣ, составленные по правиламъ, начертаннымъ вами, нуждаются въ законовѣдахъ (ont besoin de jurisconsultes), чтобы быть приведенными въ исполненіе въ вашемъ обширномъ государствѣ; и я думаю, государыня, что послѣ блага, какое вы оказали законодательству, вамъ остается совершить еще одно—это основать академію правъ (une Académie de Droit), чтобы образовать тамъ людей, предназначаемыхъ на судебныя мѣста, какъ судей, такъ и адвокатовъ (tant juges qu' avocats). Какъ бы ни были просты законы, встрѣчаются спорные случаи (il survient des cas litigieux), сложныя и темныя дѣла, гдѣ должно добывать истину изъ глубины кладезя, что требуетъ опытныхъ адвокатовъ и судей для приведенія ихъ въ порядокъ» (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 20, стр. 239—40). Помѣщая у себя подобное письмо, Новиковъ, конечно, вполнѣ раздѣлялъ образъ мыслей его автора. Въ 1788-мъ г. въ «Разговорѣ у кн. Халдиной» Фонъ-Визинъ настойчиво старался провести точно такую же мысль. По его мнѣнію, разсадникомъ полезныхъ и честныхъ общественныхъ дѣятелей должны быть русскіе университеты.

«Развѣ нельзя,—спрашиваетъ здѣсь Сорванцовъ,—завести добрыхъ судей, которые бы имѣли и знаніе и дарованіе понять дѣло»? — «Когда въ россійскихъ городахъ заводятъ университеты, — отвѣчаетъ Здравомыслъ, — то — стало намѣреніе есть готовить къ службѣ людей просвѣщенныхъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы въ университетахъ нашихъ *преподавалась особенно Политическая Наука*... Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія, науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ... Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ. Я о семъ размышлялъ довольно, но боюсь здѣсь распространяться, дабы не наскучить.... Я совершенно увѣренъ, что еслибъ взято было за правило: не учась, въ судьи не опредѣлять, то бы между судьями невѣжество было гораздо рѣже» (Сочин., стр. 253—54). Взглядъ Фонъ-Визина на просвѣщеніе, какъ на главнѣйшее средство къ искорененію судебныхъ непорядковъ въ Россіи, не остался безъ отвѣта въ послѣдующей литературѣ. Черезъ два года послѣ «Разговора у кн. Халдиной» А. Н. Радищевъ въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1790 г., снова старался доказать правительству и обществу необходимость позаботиться о подготовкѣ судей къ ихъ должности путемъ образованія въ высшей школѣ. Въ главѣ «Подберезье» авторъ злополучной, хотя и произведшей всеобщій переполохъ, книги выражался такимъ образомъ: «Для чего не заведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ преподавались бы науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ россійскомъ; ученіе было бы всѣмъ внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе и однимъ поколѣніемъ позже вмѣсто одного латинщика нашлось бы 200 человѣкъ просвѣщенныхъ; по крайней мѣрѣ *въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе*» (Лондонское изданіе 1858 г., стр. 151). Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1789 г., одинъ изъ лучшихъ публицистовъ XVIII-го в.,—кн. Щербатовъ, рѣзко охуляя русское правительство между прочимъ и за то,

что въ канцеляріяхъ и судахъ «нѣтъ нигдѣ знающихъ секретарей и протчихъ служителей». «Охуляю я,—писалъ онъ также,—и трехлѣтнее перемѣненіе всѣхъ судей по выборамъ въ нѣкоихъ присутственныхъ мѣстахъ, чрезъ что каждые три года новые незнающіе засѣдаютъ и, не успѣвъ познать законовъ, ни обрядовъ, паки выходятъ» (Сочин., т. II, стр. 251 сл.).

Справедливыя и честныя указанія нашихъ писателей не остались безъ результата и произвели наконецъ должное вліяніе на законодательную дѣятельность русскаго правительства: 19 февраля 1791 г. послѣдовалъ сенатскій указъ, въ которомъ содержалось распоряженіе, чтобы въ присутственныхъ мѣстахъ къ секретарямъ опредѣлялись особые кандидаты, для лучшаго наученія послѣднихъ какъ самому дѣлопроизводству, такъ и законамъ; послѣ подобной практической подготовки такіе кандидаты должны были назначаться на соотвѣтствующія секретарскія и другія должности, уже пріобрѣтши навыкъ и знаніе дѣлъ и законовъ (Пол. Соб. Зак., т. XXIII, № 16946). Въ другомъ случаѣ правительство предписывало секретарямъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ и судовъ, прежде чѣмъ вступить въ должность, прослушать *установленный курсъ юриспруденціи при Московскомъ университетѣ* и ознакомиться здѣсь съ государственными законами. До какой степени распоряженіе правительства о назначеніи кандидатовъ для тѣхъ или другихъ должностей съ цѣлью практическаго ознакомленія съ дѣлопроизводствомъ и законами оказалось плодотворнымъ и способствовало тому, что къ судейскимъ должностямъ такимъ путемъ подготовлялись лица, дѣйствительно знавшіе дѣло,—можно видѣть изъ свидѣтельствъ современниковъ. Державинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ бытность его статсъ-секретаремъ императ. Екатерины къ нему сбѣжалось «множество канцелярскихъ служителей, просящихся въ его канцелярію, то онъ, дабы испытать ихъ способности, принесенныя къ нему дѣла сенатскими секретарями роздалъ появившимся къ нему кандидатамъ, каждому по одному дѣлу, съ таковымъ приказаніемъ, чтобъ они

сдѣлали соображеніе, подчеркнувъ строки несправедливыхъ рѣшеній, а на полѣ показали *тѣ законы*, *противъ которыхъ учинена гдѣ погрѣшность*, и доставили бы ему непремѣнно завтра поутру. *Желаніе опредѣлиться и ревность показать свою способность и знаніе* столько въ нихъ подѣйствовали, что они до свѣту на другой день къ нему явились, всякій съ своимъ соображеніемъ» (Сочиненія, изд. Ак. Н., Спб. 1871, т. VI, стр. 628). При императорѣ Павлѣ Петровичѣ распоряженіе Екатерины II отъ 19 февраля 1791 г. получило новую силу: въ 1798 г. былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось назначать въ правительственныя присутственныя мѣста въ помощь къ секретарямъ «старшихъ канцеляристовъ», которые потомъ, ознакомившись съ дѣлопроизводствомъ, могли бы и сами занимать съ успѣхомъ секретарскія мѣста и вообще быть полезными государству чиновниками (Пол. Соб. Зак., т. XXV, № 18740). Мало-по-малу такая практика назначать на правительственныя должности только тѣхъ лицъ, которые служили первоначально кандидатами и освоились въ канцеляріяхъ съ дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ и русскими государственными законами, широко распространилась не только въ столичныхъ городахъ, но и въ провинціи, при чемъ охотниковъ опредѣляться въ кандидаты находилось громадное число. 18 марта 1807 г. сенаторъ Рунчъ, осматривавшій Рязанскую губернію, сообщалъ между прочимъ членамъ государственнаго совѣта въ своемъ донесеніи, «что въ Рязанской губерніи состоитъ 339 человѣкъ изъ дворянъ оберъ-офицерскихъ дѣтей и разночинцовъ, приписанныхъ къ присутственнымъ мѣстамъ сверхъ штата въ число канцелярскихъ служителей» (Архивъ Г. С., т. III, ч. I, стр. 63).

Всматриваясь ближе въ законодательную дѣятельность русскаго правительства по вопросу о правосудіи, нельзя не притти къ убѣжденію, что литературныя произведенія нашихъ писателей 18 в. оказали на нее неотразимое вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ кн. Щербатовъ въ «Разныхъ разсужденіяхъ о правленіи», говоря о законахъ, горячо доказывалъ необходимость

и пользу самой широкой гласности въ русскомъ судопроизводствѣ. «Законы, писалъ онъ, должны быть писаны слогомъ краткимъ, внятнымъ и не двояко знаменующимъ. Но понеже лукавство сердца человѣческаго есть толь велико, что тщетно употреблять всѣ способы къ написанію законовъ безъ двояко-знаменованія, поврежденные судьи все найдутъ нѣкоторое для утвержденія ихъ неправосудія. И для сего является мнѣ, что сіе бы великой полезности было, *естьли бы высшее судебное мѣсто каждой страны ежегодно велѣло печатать подлинникомъ всѣ дѣла, которыя были въ немъ рѣшены*» (Сочин., т. I, стр. 348). Въ знаменитыхъ вопросахъ, публично предложенныхъ Екатеринѣ II Фонъ-Визинымъ на страницахъ Собесѣдника любит. россійскаго слова въ 1783 г., популярный авторъ Недоросля спрашивалъ государыню: «Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства»?—«Для того,—отвѣчала Екатерина,—что вольныхъ типографій до 1782 года не было» (Сочин. Ф.-Виз., стр. 204). Ободренный такими словами императрицы, Фонъ-Визинъ готовъ уже былъ вѣрить, что въ самомъ непродолжительномъ времени неправосудіе на Руси искоренится. «Отвѣтъ вашъ,—писалъ онъ потомъ съ своей стороны государынѣ,—подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно съ душевною благодарностью десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству» (Сочин., стр. 210).

Однако Екатерина II, подобно тому, какъ было дѣло въ 1769 г., осталась вѣрной своему пріему и на этотъ разъ: разрѣшить печатаніе судебныхъ процессовъ послѣ подобнаго литературнаго конфликта—значило бы публично показать всей Россіи, что ее учатъ царствовать; а противъ этого императрица всегда возмущалась всѣмъ существомъ; всякія уступки въ этомъ смыслѣ ясно доказывали бы торжество противника, печатные

вопросы котораго, какъ сама она заявляла въ томъ же Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова, родились «отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли» (Соч. Ф.-Виз., стр. 205), и потому полезная сама по себѣ мѣра къ исправленію правосудія, предложенная Фонъ-Визинымъ, осталась пока безъ практическаго осуществленія со стороны государыни. Впослѣдствіи были, правда, попытки въ такомъ родѣ, но онѣ и сходили ужъ не отъ правительства, а отъ частныхъ лицъ; такъ въ 1791 году Василій Новиковъ задумалъ издавать для русской публики «Театръ судовѣдѣнія или чтеніе для судей», гдѣ помѣщались тѣ или другіе судебные процессы, но его изданіе вскорѣ прекратилось. Зато при государѣ Павлѣ I публикація судебныхъ дѣлъ начинаетъ входить въ силу. На самыхъ первыхъ же порахъ своего царствованія императоръ издалъ (въ 1797 г.) строгій указъ, которымъ повелѣвалось *опубликовывать тѣ присутственныя мѣста, въ которыхъ будетъ замѣчено неправое рѣшеніе дѣлъ* (Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17741). Въ слѣдующемъ году офиціальнымъ указомъ государь сâмъ доводилъ до свѣдѣнія всего русскаго народа, какъ часто въ судахъ совершаются незаконныя рѣшенія (ib. т. XXV, № 18426), какъ иногда позволяютъ себѣ разныя злоупотребленія даже простые городничіе (ib. т. XXV, № 18630), которымъ и назначается публично наказаніе (№ 18606), и т. д. Въ томъ же 1798 г. государь офиціальнымъ указомъ грозно обрушился на Черниговскую *Гражданскую* Палату, которая неправо рѣшила одну тяжбу (ib. т. XXV, № 18645); на этотъ разъ, можно предполагать, сказалось уже вліяніе «Ябеды» Капниста, который недаромъ, конечно, осмѣивая въ своей комедіи неправосудіе именно *гражданскихъ* палатъ, говорилъ въ посвященіи этого произведенія императору Павлу Петровичу:

Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но бывъ по мѣрѣ силъ *споспѣшникомъ Твоимъ*,
Сей слабый трудъ тебѣ я посвятить дерзаю.

Какъ угодно, но называть себя публично предъ самимъ им-

ператоромъ его же «споспѣшникомъ» въ дѣлахъ государственнаго управленія, въ частности по вопросу о правосудіи, можно было только имѣя на лицо несомнѣнныя фактическія основанія. Очевидно знаменитая комедія Капниста дѣствительно побудила Павла Петровича еще лишній разъ внимательнѣй всмотрѣться въ тогдашнее русское судопроизводство и замѣтить здѣсь снова безпорядки. Этимъ упорнымъ существованіемъ судебныхъ безобразій, какія иногда продолжала обличать русская литература и какія, очевидно, продолжали еще встрѣчаться, не смотря на строгую законодательную дѣятельность правительства, только и можно объяснить тотъ фактъ, что выведенный изъ себя императоръ Павелъ Петровичъ издалъ наконецъ въ 1798 г. офиціальный указъ, которымъ публично повелѣвалось отрѣшать приказныхъ людей за неправое веденіе дѣлъ въ судахъ отъ ихъ должностей и брать потомъ, въ видѣ наказанія, въ военную службу (П. С. Зак., т. XXV, № 18705).

Все болѣе и болѣе строгія мѣры высшаго правительства по вопросу о правосудіи привели наконецъ къ тому, что необходимость широкой гласности въ русскомъ судопроизводствѣ, какъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ исправленію укоренившагося неправосудія, было наконецъ всѣми ясно сознано, и мечты Щербатова и Фонъ-Визина осуществились въ самой жизни. Но это совершилось только въ началѣ царствованія Александра I, когда было приказано издавать при правительствующемъ сенатѣ особую газету, въ которой бы подробно печатались рѣшенныя въ немъ тяжбы судящихся сторонъ. Фактъ этотъ безспорно былъ для своего времено чрезвычайно крупнымъ событіемъ, и намъ пріятно отмѣтить еще разъ, что явленіе это было результатомъ тѣхъ именно литературныхъ указаній со стороны русскихъ писателей XVIII-го в., на которыя мы ссылались выше. Извѣстно, что вопросъ о газетѣ для публикаціи судебныхъ процессовъ, поступившихъ въ сенатъ, какъ высшую судебную инстанцію, возникъ вмѣстѣ съ поднятымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ вопросомъ вообще о правахъ сената,

какъ самостоятельнаго и опредѣленнаго государственнаго учрежденія. Просвѣщенный монархъ видѣлъ, что сенатъ въ концѣ концовъ пересталъ отвѣчать своему назначенію, что дѣла въ немъ рѣшались главнымъ образомъ въ зависимости отъ генералъ-прокурора и что, наконецъ, его рѣшенія не имѣли никакой самостоятельной силы, такъ какъ окончательно утверждались уже властью самихъ русскихъ государей, которые всегда имѣли возможность отмѣнить сенатское рѣшеніе и дать свое. При такихъ условіяхъ какой смыслъ могло представлять и самое существованіе его? Очевидно государь вполнѣ раздѣлялъ взглядъ на этотъ вопросъ кн. Щербатова, который говорилъ въ 1789 г.: «Охуляю я данную великую власть генералъ-прокурору и приведеніе сената почти въ ничтожное состояніе, и наполненіе онаго такими людьми, которые общимъ образомъ ни повѣренности, ни почтенія отъ Государя не имѣютъ, а сіе отнимаетъ общимъ образомъ у народа повѣренность къ правительству; оно само стало повреждено, правители сіи и законы пришли въ ослабленіе, а не меньше повредя, всѣ въ разсужденіи суда начальствуютъ надъ народомъ» (Сочин., т. II, стр. 251 сл.). Желая возстановить истинное значеніе сената, Александръ Павловичъ предложилъ въ 1802 г. высказаться по этому вопросу самимъ членамъ правительствующаго сената, поручивъ имъ предварительно собрать все, что касалось правъ этого учрежденія, предоставленныхъ ему тѣми или другими предшествовавшими русскими государями (Пол. С. Зак., т. XXVII, № 20405). Отдѣльныя мнѣнія членовъ сената о преобразованіи его внесены были потомъ для окончательнаго рѣшенія вопроса на разсмотрѣніе членовъ Государственнаго Совѣта, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривался и вопросъ о газетѣ при сенатѣ для публикаціи дѣлъ. Среди членовъ совѣта проектъ о правахъ сената вызвалъ въ свою очередь чрезвычайно оживленныя пренія и разнообразные доклады и записки. Всматриваясь ближе въ содержаніе этихъ «мнѣній», приходится притти къ заключенію, что не только основныя точки зрѣнія, но часто и самые аргументы тѣхъ или другихъ докла-

довъ цѣликомъ воспроизводятъ соотвѣтствующія сужденія нашихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Извѣстно, напр., какъ горячо и увлекательно доказывалъ Фонъ-Визинъ въ 1783 г. на страницахъ «Собесѣдника любителей россійскаго слова» пользу и необходимость широкой гласности въ русскомъ судопроизводствѣ. Въ отвѣтъ автору «Былей и Небылицъ», т. е. самой Екатеринѣ II, онъ говорилъ между прочимъ: «*Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній, гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся.* Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; *воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ*; *возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ.* О еслибъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель «Былей и Небылицъ»! съ радостію начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Еслибъ я имѣлъ перо ваше, *съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ, при чтеніи каждой строки, языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія!* Вотъ, г. сочинитель «Былей и Небылицъ», вотъ портретъ достойный забавной, но сильной кисти вашей»! (Сочин. Ф.-В., стр. 210—11). Тотъ же взглядъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повторилъ и Радищевъ въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву». Всеобщая гласность, по его словамъ, есть могущественная общественная сила: «Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судья, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удо-

влетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежомъ; прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, ибо не будетъ въ немъ закваcу. Нынѣ поверхность только гладка; но илъ на днѣ лежащій мутится и тмитъ прозрачность воды» (Лонд. изд., стр. 254—55).

Высказывая мнѣніе о необходимости публиковать рѣшенные въ сенатѣ судебные процессы, дѣйствительный тайный совѣтникъ Трощинскій приводилъ съ своей стороны въ одномъ изъ засѣданій членовъ Государственнаго Совѣта въ 1802 г. такія соображенія на 22-ю статью сенатскаго проекта: «публиковать о дѣлахъ рѣшонныхъ краткимъ означеніемъ въ чью пользу онѣ рѣшились, есть держать частную сенатскую газету. Должно публиковать опредѣленія Сената *со всѣми ихъ подробностями* (какъ на томъ настаивалъ, мы знаемъ, и кн. Щербатовъ), *дабы сужденія его были, такъ сказать, открыты предъ лицомъ цѣлаго государства, дабы пристрастіе, быть могущее, находило въ семъ обузданіе, а твердость и нелицепріятіе свою цѣну* и дабы присутственныя мѣста имѣли всегда предъ собой примѣръ законныхъ сужденій» (Архивъ Гос. Сов., т. III, ч. I, стр. 49). Предъ нами, такимъ образомъ, просто точное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ мыслей, какія были высказаны еще Фонъ-Визинымъ. Безспорную пользу отъ публикаціи чрезъ газету сенатскихъ дѣлъ признавалъ также и генералъ-прокуроръ Беклешевъ, но только, по его мнѣнію, одного этого далеко недостаточно для возстановленія сената въ надлежащихъ правахъ: нужно принять всѣ мѣры и къ улучшенію самаго дѣлопроизводства въ немъ, которое совершалось чрезвычайно медленно; только при такомъ условіи гласность окажетъ дѣйствительныя услуги обществу и государству и принесетъ несомнѣнную пользу. Если «по 22 статьѣ,—говорилъ онъ,—каждый мѣсяцъ о поступающихъ рѣшонныхъ дѣлахъ будетъ публиковано въ вѣдомостяхъ: то послужитъ ли сіе къ успѣшности въ самомъ отправленіи дѣлъ и предупредится ли тѣмъ запущеніе; а безъ таковой помощи, какая польза

видѣть только необъемлемое множество дѣлъ безконечныхъ, и какое утѣшеніе читать и слышать, послѣ коликаго томленія, дѣла рѣшенія получаютъ и во сколько болѣе дѣлъ, неизвѣстность конца ихъ умножаютъ. Что пользы въ компасѣ и картѣ, когда корабль на мели, или отъ течи моря не держитъ» (ibid., стр. 23). Во всякомъ случаѣ самая польза гласности признается Беклешевымъ во всей силѣ. Въ такомъ же смыслѣ высказались по этому вопросу и другіе члены Государственнаго Совѣта. Впрочемъ въ то время гласность, вообще говоря, уже настолько привилась въ русскомъ обществѣ, что въ 1803 г. оказалось возможнымъ издать указъ о вызовѣ въ судъ тяжущихся черезъ объявленія въ газетахъ (П. С. Зак., т. XXVII, № 20799).

Мы разсматривали до сихъ поръ законодательную дѣятельность русскаго правительства о судебномъ дѣлопроизводствѣ въ зависимости ея отъ вліяній со стороны тогдашней обличительной литературы. Факты говорятъ, что настойчивыя усилія нашихъ писателей обратить вниманіе общества и правительства на подобное государственное зло не прошли даромъ и вызвали цѣлый рядъ офиціальныхъ указовъ и другихъ мѣръ, направленныхъ противъ лихоимства и злоупотребленій судей. Но достигалась ли такимъ путемъ цѣль? Улучшилось ли къ концу 18-го и началу 19-го вв. русское правосудіе?

Что касается царствованія императрицы Екатерины II, то мы не рѣшаемся утверждать, что происшедшія къ концу ея правленія несомнѣнныя улучшенія въ русскомъ судопроизводствѣ были непремѣнно результатомъ ея законодательной дѣятельности по этому вопросу: результаты правительственныхъ начинаній государыни въ этомъ направленіи, по нашему мнѣнію, оказались довольно скромными. Дѣло въ томъ, что стремленіе императрицы исправить непорядки въ судахъ имѣли въ виду главнымъ образомъ, если не исключительно, только низшихъ чиновниковъ и подьячихъ; взяточничество въ этихъ случаяхъ преслѣдовалось, наказывалось и грозило отрѣшеніемъ отъ мѣстъ; но если то же лихоимство касалось лицъ высокопоставленныхъ,

государыня уже измѣняла планъ дѣйствій и готова была сама брать виновныхъ подъ свое покровительство: мы уже знаемъ описанное Державинымъ происшествіе въ псковскомъ судѣ. Снисходительное отношеніе Екатерины къ общественнымъ злоупотребленіямъ, когда они касались высшихъ сановниковъ, извѣстно и въ другихъ случаяхъ: послѣ того, какъ Безбородко и Потемкинъ разграбили государственную казну и украли отсюда до 2000000 рублей, и слѣдствіе выяснило, что виноваты именно эти вельможи, императрица приказала оставить дѣло безъ послѣдствій и государственный недочетъ отнести на счетъ ея величества. Подобная двусмысленность ея правительственныхъ начинаній не могла, конечно, не имѣть вредныхъ послѣдствій и въ вопросѣ о правосудіи: блестящія распоряженія почти не достигали цѣли, такъ какъ не доходили до самаго корня и парализовались дѣйствіями самой же государыни. Если же въ концѣ концовъ и получалось польза, то единственно въ томъ, что относилось къ нисшимъ судебнымъ инстанціямъ, гдѣ законъ всегда могъ сохранять надлежащую силу и строгость; высшіе же слои попрежнему продолжали злоупотреблять своей властью и положеніемъ. Правда, подъ конецъ жизни Екатерина II серьезно занялась было реорганизаціей сената, но проектъ ея остался не выполненнымъ, какъ слѣдуетъ, за смертью ея самой. Словомъ, на этотъ разъ мы видимъ ту же блестящую мишурную внѣшность, то же стремленіе заставить всѣхъ восхвалять себя, какія сказывались и во всѣхъ другихъ случаяхъ правительственныхъ дѣйствій императрицы. Государыня всегда почти горячо принималась за обширныя государственныя предпріятія и никогда не доводила ихъ послѣдовательно до конца. Нѣсколько историческихъ справокъ могутъ показать это съ очевидностью. Такъ созванная въ 1768—69 гг. комиссія депутатовъ для составленія проекта новаго уложенія, прогремѣвшая на всю Европу и надѣлавшая всюду много пустого шуму, кончилась ничѣмъ. Еще въ самомъ началѣ царствованія Екатерины графъ Джонъ Бекингхэмширъ писалъ въ 1762 г., характеризуя дѣятельность императрицы:

«Она охватываетъ слишкомъ много предметовъ сразу и любитъ начинать, направлять и исправлять проекты въ одно и то же время. Проявляя сама неутомимость во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, она заставляетъ и своихъ министровъ работать безъ перерыва. *Они обсуждаютъ, составляютъ планы, набрасываютъ тысячи проектовъ и ничего не рѣшаютъ*» (Русская Старина 1902, февраль, стр. 443). Порошинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ подъ 7 іюля 1765 г., что русскіе вельможи «нѣсколько сатирически» отзывались объ установленныхъ Екатериной «комиссіяхъ, изъ которыхъ многія учреждены съ самаго вступленія на престолъ Ея Величества, а до нынѣ еще не начинались» (Записки, Спб. 1844, стр. 323). Въ письмѣ Роберта Гунинга графу Суффолькъ, отъ 28 іюля 1772 г., содержится такое заключеніе о государственной дѣятельности императрицы Екатерины II: «Что бы ни говорили въ доказательство противнаго, Императрица здѣсь далеко не популярна и даже не стремится къ тому; она нисколько не любитъ своего народа и не пріобрѣла его любви; чувство, которое въ ней пополняетъ недостатокъ этихъ побужденій, есть безграничное желаніе славы, а что достиженіе этой славы служитъ для нея цѣлью, гораздо выше истиннаго блага страны, ею управляемой, это, по моему мнѣнію, можно основательно заключить изъ того состоянія, въ которомъ, по безпристрастномъ разсмотрѣніи, оказываются дѣла этой страны; если бы мы не предполагали, что она руководствуется подобнымъ принципомъ, мы были бы принуждены обвинить ее въ непослѣдовательности и безразсудствѣ, видя, что она предпринимаетъ огромныя общественныя работы, основываетъ коллегіи и академіи въ широкихъ размѣрахъ и цѣною крупныхъ расходовъ, а между тѣмъ не доводитъ ни одного изъ этихъ учрежденій до нѣкоторой степени совершенства и даже не оканчиваетъ постройку зданій, предназначенныхъ для нихъ. Несомнѣнно, что такимъ образомъ растрачиваются громадныя суммы, принося странѣ лишь весьма малую долю истинной пользы, но съ другой стороны несомнѣнно и то, что этого достаточно *для распростра-*

ненія славы этихъ учрежденій между иностранцами, которые не слѣдятъ и не имѣютъ случая слѣдить за дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ и результатомъ» (Сб. И. Р. И. Общ., т. 19, стр. 298—99). «Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются»?—смѣло спрашивалъ Екатерину Фонъ-Визинъ на страницахъ издававшагося въ 1783 г. «Собесѣдника любителей россійскаго слова» (Сочин., стр. 206). «Я всего могъ опасаться въ странѣ, гдѣ *все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ*», говоритъ въ своихъ запискахъ графъ Сегюръ подъ 1786 г. (Зап. Спб. 1865, стр. 128). При личномъ разговорѣ съ автрійскимъ императоромъ Іосифомъ II тотъ же графъ въ слѣдующемъ году такъ отзывался о дѣятельности русскаго правительства: «Здѣсь болѣе блеска, чѣмъ прочности; за все берутся, ничего не довершаютъ» (ib., стр. 227). Надъ блестящей мишурной внѣшностью, какою окружала себя Екатерина, подсмѣивался и самъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ; въ разговорѣ съ княземъ де-Линемъ по поводу путешествія императрицы на югъ Россіи въ 1787 г. онъ сказалъ съ улыбкой: Vous avez tout bien flatté ma mère, messieurs, en faisant semblant de voir ce qui n' existe pas; des armées, des ports, des flottes, des villes point bâties et des colonies de cent lieues en poste, qui courraient après vous autres (Mémoires et mélanges historiques et littéraires par le prince de Ligne. Paris, t. IV, p. 47—8).

При такомъ характерѣ правительственной дѣятельности Екатерины II, который, какъ мы видимъ, нисколько не измѣнился съ самаго начала и вплоть до конца ея продолжительнаго царствованія, трудно было ожидать какихъ-нибудь существенныхъ улучшеній и въ вопросѣ о правосудіи. Законы, предписывавшіе вести судъ по правдѣ и безъ лихоимства, издавались, но касались прежде всего только низшихъ судебныхъ инстанцій. Фонъ-Визинъ, напримѣръ, заставляетъ надворнаго совѣтника Взяткина ходатайствовать предъ Его Превосходительствомъ о таможенномъ сборщикѣ Простофилинѣ, котораго *«за весьма ма-*

лое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста». Простофилинъ готовъ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ дать слово на будущее время при опредѣленіи на должность, «что онъ *такъ мало* до казны никогда не прикоснется», а станетъ воровать такими крупными суммами, за которыя его уже не будутъ наказывать. Его Превосходительство соглашается позаботиться о симпатичномъ ему Простофилинѣ, но съ условіемъ: «если онъ еще разъ украдетъ мало, то навсегда отъ него отступлюсь» (Соч. Ф.-Виз., стр. 244—46). Конечно хорошо уже было и то, что хоть въ низшихъ-то инстанціяхъ, по крайней мѣрѣ, правосудіе такъ или иначе улучшалось, но все-таки до рѣшительныхъ успѣховъ было еще слишкомъ далеко. Шагъ впередъ замѣчается теперь въ томъ, что если раньше все безъ исключенія русское правосудіе было продажнымъ, то къ концу царствованія Екатерины II такая продажность и грубый произволъ сохранились во всей силѣ лишь среди представителей высшаго правосудія; низшія же судебныя инстанціи подъ давленіемъ законовъ и правительственныхъ распоряженій замѣтно улучшились, хотя и въ этой средѣ долго еще продолжало существовать взяточничество и продажность, искоренить которыя сразу, разумѣется, было невозможно. Предъ нами открывается, такимъ образомъ, полная двойственность явленій: если мы остановимся, разсматривая вопросъ о правосудіи при Екатеринѣ, на высшихъ инстанціяхъ,—приходится давать мрачную оцѣнку ея правительственной дѣятельности; если же имѣть въ виду низшія инстанціи, — получается другое освѣщеніе. Обращаясь къ историческимъ мемуарамъ и запискамъ современниковъ, мы дѣйствительно и встрѣчаемъ какъ разъ такое двойственное истолкованіе явленій.

Статсъ-секретарь Екатерины II,—Адріанъ Моис. Грибовскій, описывая частный образъ жизни императрицы, говоритъ, что государыня ежедневно съ 9-ти часовъ утра занималась съ своими приближенными важными государственными вопросами (между прочимъ и вопросомъ о сенатѣ, подъ конецъ жизни); и вотъ, когда здѣсь приходилось разсуждать о различныхъ прави-

тельственныхъ мѣрахъ, клонившихся къ благосостоянію Россіи, и «о исправленіи упущеній высшихъ или *судебныхъ мѣстъ*, или начальствующихъ лицъ»,—«тогда и власть и величіе императрицы чудно сливались съ чувствами человѣка, и во всей полнотѣ открывали самыя сокровенныя мысли и ощущенія души и сердца ея» (Записки, Москва 1864, стр. 55—56).

Стремленіе Екатерины къ правосудію восхваляетъ и графъ Сегюръ. По его словамъ, «такъ какъ императрица вовсе не желала, чтобы министры останавливали жалобы, ей приносимыя, и заглушали голосъ правды, то она наказала бы со всею строгостью министра, который вздумалъ бы открыть письмо или какую-либо бумагу, посланную на ея имя» (Зап., стр. 116). Тотъ же графъ, сопровождавшій государыню во время путешествія въ 1787 г. на югъ Россіи, пишетъ, что Екатерина на пути разспрашивала всѣхъ о состояніи управленія въ губерніяхъ «и допытывалась правды, чтобы обнаружить огромныя злоупотребленія, которыя многіе старались скрыть отъ нея» (ib., стр. 147).

Даже строгій Державинъ, характеризуя императрицу, даетъ о ней съ этой стороны довольно благопріятный отзывъ: по его словамъ, она «умѣла снисходить слабостямъ людскимъ и защищать безсильныхъ отъ сильныхъ людей» (Сочин., т. VI, стр. 661). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ авторъ Фелицы вынужденъ сознаться, что «она управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ» (ib., 654). Тотъ же писатель передаетъ и такой случай: иностранные купцы, входя въ соглашеніе съ таможенными чиновниками, скрывали до десяти процентовъ причитавшихся съ нихъ пошлинъ въ пользу государственной казны; устраивалось это слѣдующимъ образомъ: «выпускные наши товары объявляются настоящею цѣною и узаконенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, а иностранные объявляютъ иногда цѣну ниже 10-ю процентами, слѣдовательно болѣе десяти частей уменьшаютъ балансъ въ товарахъ и болѣе 10 процентовъ крадутъ пошлинъ. Итакъ, сравнивъ количество отпускныхъ товаровъ на-

шихъ съ иностранными цѣновными, выходитъ балансъ на нашей сторонѣ, а дѣйствительная выгода торга и курсъ на иностранной, не говоря о уменьшеніи пошлинъ, ибо мы переводимъ денегъ 10, а получаемъ вмѣсто того только 1 процентъ». Державинъ, открывъ таковую государственную кражу, думалъ сдѣлать выслугу для Имперіи и благоугодное Императрицѣ: подалъ о томъ рапортъ какъ Сенату, такъ и ей краткую, но ясную записку; но что же? Вмѣсто оказательства какого-либо ему благоволенія, хладнокровно о томъ замолчали. Послѣ, какъ ниже увидимъ, вышла еще непріятность. *Сказываютъ, что будто таковая правда была Императрицѣ непріятною, что въ ея правленіе и при ея учрежденіи могла она случиться или, лучше, обнаружиться.* Вотъ каково самолюбіе въ властителяхъ міра! И вредъ—не вредъ, и польза—не польза, когда только имъ они неблагоугодны» (Соч. т. VI, стр. 682—683). Послѣднія слова автора записокъ показываютъ, что стремленіе Екатерины II скрывать крупныя государственныя злоупотребленія ни для кого въ свое время не было тайной и хорошо было извѣстно русскому обществу. Что благоустроенность различныхъ отраслей управленія, и въ частности—стариннаго правосудія, была лишь кажущейся, а въ дѣйствительности здѣсь всегда имѣли мѣсто крупныя злоупотребленія,—это до извѣстной степени подтверждается собственными словами императрицы. Въ письмѣ къ кн. Дашковой, отъ 28 апр. 1774 г., Екатерина называетъ свои намѣренія святыми, но только они «проходя для исполненія черезъ руки многихъ, заимствуютъ отъ несовершенства, роду человѣческому свойственнаго» (Сочин. Ек. II, т. III, стр. 424).

Сохранились отзывы современниковъ о законодательной дѣятельности Екатерины II по вопросу о правосудіи и болѣе опредѣленнаго характера. Князь Щербатовъ въ трактатѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», обрисовавъ современное ему состояніе русскаго государства въ самомъ мрачномъ видѣ, наконецъ говоритъ въ заключеніе: «Торговля впала въ презрѣніе, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, раз-

вратность ободрена, и все подъ очами и знаніемъ Государя; то *можно-ли послѣ сего правосудія и безкорыстности отъ нижнихъ судей требовать»?* Авторъ, какъ видимъ, прежде всего имѣетъ въ виду высшія правительственныя сферы. По его словамъ, всеобщая испорченность можетъ исчезнуть лишь тогда, когда Россія дождется государя безпристрастнаго и справедливаго: «тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердитъ средь градовъ и при самомъ дворѣ престолъ свой, *правосудіе не покривитъ свои вѣски ни для мзды, ни для сильнаго»* (О повр. нр. въ Россіи кн. М. Щербатова и Пут. А. Радищева. London 1858, стр. 90 и 95). Тотъ же князь охулялъ въ 1789 г. русское правительство за полную продажность правосудія въ государствѣ, когда всюду, рѣшая тяжебныя дѣла, сообразуются не съ законами, а съ желаніями двора и фаворитовъ. «Всѣ имѣющіе дѣла,—говоритъ онъ,—чувствуютъ всѣ сіи злы надъ собою, и воплями на продолженіе дѣлъ и на неправосудіе всѣ мѣста наполнены; но никто смѣло охулить сіе не смѣетъ, а робость сія наипаче умножаетъ сіи злы» (Сочин., т. II, стр. 251—264).

А. Н. Радищевъ, разсказывая въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву», вышедшемъ въ 1790 г., о знаменитомъ снѣ властелина, въ которомъ Екатерина усмотрѣла изображеніе себя самой, говоритъ между прочимъ, что ослѣпленіе владыки, воображавшаго подъ вліяніемъ грубой лести, будто вся страна блаженствуетъ подъ его державой, исчезло, благодаря откровенію подошедшей къ нему Истины. Послѣдняя сняла съ глазъ очарованнаго деспота бѣльма, и онъ увидѣлъ, что дѣйствительное положеніе вещей было прямо обратно тому, какъ представляли его льстецы. Радищевъ заставляетъ теперь прозрѣвшаго властелина откровенно сознаться въ своихъ заблужденіяхъ. «Подвигъ мой, восклицаетъ деспотъ, коимъ въ ослѣпленіи душа моя наиболѣе гордилась, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія отъ превратнаго тол-

кованія и медлительнаго исполненія. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и кто давалъ больше, тому стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобъ чрезъ отпущеніе вины прослыть въ народѣ милосерднымъ, прослылъ я обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ» (Лонд. изд., стр. 146—47). Такимъ образомъ, по мысли Радищева, русское правосудіе при Екатеринѣ II дошло до публичной торговли закономъ и правдой. Буквально то же самое говорилъ и Фонъ-Визинъ въ «Разговорѣ у кн. Халдиной», относящемся къ 1788 году, когда возставалъ здѣсь противъ судей, «кои, награбя богатства», продолжаютъ однако брать взятки и *«продаютъ публично правосудіе»* (Соч., стр. 255). Именно эти слова автора «Недоросля» и воспроизводилъ, повидимому, Радищевъ. Современникъ Екатерины—Руничъ свидѣтельствуетъ въ своихъ Запискахъ, что при ней правосудіе продавалось *«съ публичнаго торга»* (Русская Старина 1901 г., янв., стр. 68). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ наглядно рисуетъ намъ, какъ пагубно дѣйствовалъ примѣръ высшихъ начальниковъ, безнаказанно позволявшихъ себѣ общественныя злоупотребленія, на ихъ подчиненныхъ и низшихъ чиновниковъ. Усилія императрицы исправить недостатки администраціи и суда, так. обр., въ весьма значительной степени парализовались ея же собственной снисходительностью къ высшему начальству. «Раздѣливъ Россію на губерніи,—говоритъ Руничъ,—и организовавъ ихъ администрацію, Екатерина не могла избѣгнуть злоупотребленій власти и недоброжелательства. Къ концу ея царствованія *правосудіе продавалось тому, кто больше за него предлагалъ*. Губернаторы обогащались на счетъ казны и народа. *Ихъ примѣръ былъ заразителенъ. Мелкіе чиновники поступали на службу только для того, чтобы поскорѣе разбогатѣть*. Подобнаго рода злоупотребленія проникли также въ армію» (Рус. Стар. 1901, янв., стр. 59).

Сохранились свидѣтельства современниковъ и о знаменитыхъ совѣстныхъ судахъ, на которые Екатерина возлагала такія обширныя надежды и въ которыхъ видѣла главнѣйшее и дѣйствитель-

нѣйшее средство избавить Россію отъ волокиты и ябеды въ дѣлахъ правосудія. Описывая судебныя реформы императрицы, предпринятыя въ 1775 г., Винскій говоритъ: «Судебныя мѣста умножены съ умноженіемъ въ нихъ чиновниковъ, такъ что иная губернія, управляемая прежде 50-ю чиновниками, раздѣлившись... на четыре намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80 судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, открыло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, ибо жалованье по тогдашнему времени назначено было довольно достаточное; но грубой хлѣбопашецъ скоро почувствовалъ отъ сея перемѣны невыгоду: поелику, вмѣсто трехъ барановъ въ годъ, должны возить ихъ до 15-ти въ городъ.

«Учрежденіе Совѣстнаго Суда, съ важнымъ преимуществомъ рѣшать дѣлà безъ переносу, въ рѣшеніяхъ придерживаться болѣе совѣсти, нежели закона, дѣлà по суевѣрію или изувѣрству, дѣлà слабоумныхъ и малолѣтнихъ, которыя составляли важнѣйшую его обязанность, заставило во всей Европѣ пропѣть и вострубить Екатеринину мудрость. Славный тогда Мерсье сгоряча написалъ: «Заря благоденствія рода человѣческаго занялась на Сѣверѣ. Владыки вселенныя, законодатели народовъ! Спѣшите къ полуночной Семирамидѣ и, преклонивъ колѣна, поучайтесь: она первая учредила судъ совѣсти»! Но мы, Россіяне, для которыхъ собственно великая законодательница изобрѣла сіи спасительные суды, мы скоро на свой счетъ узнали, что *они были одна кукольная игра*. Какихъ дарованій, знаній не долженствовалъ имѣть совѣстный судья по однимъ дѣламъ колдовства, которое въ невѣжествующей черни сколько многочисленно, столько по нелѣпостямъ и сумазбродствамъ разновидно! Бывали примѣры, что, по слѣдствіямъ Земскихъ Судовъ, цѣлыя селенія обнаруживались преступными въ колдовствѣ; одни какъ колдуны, другіе заколдованные, утверждающіе сіе своими собственными признаніями. Какое искусство, какая сила рѣчи потребны судьѣ, дабы образумить сихъ несчастныхъ и истребить въ нихъ вредныя нелѣпости, ставшія имъ какъ бы врожденными! Касательно раз-

бирательства тяжебныхъ дѣлъ, сіи одни, конечно, могли бы существенную доставлять обидимому пользу, ежели бы учрежденіе точнѣе уполномочивало сей судъ въ производствѣ дѣла. Когда одинъ изъ тяжущихся, и несомнительно справедливѣйшій, желалъ предать разбирательству Совѣстнаго Суда свое дѣло: тогда другой, и непремѣнно виновный, отъ онаго отказывался; и суду не только не дано силы его принудить къ явкѣ, но ниже права его позвать, или записать и сдѣлать гласнымъ его злонамѣренное сопротивленіе. Такъ желаніе благонамѣренныхъ быть судиму по совѣсти уничтожалося, и ябедники безбоязненно продолжали угнетать безпомощныхъ. *Можно утвердительно сказать, что, во все время существованія сихъ судовъ, едва ли десять дѣлъ произведено въ оныхъ надлежащимъ образомъ.* Я, четыре года живши въ домѣ совѣстнаго Уфимскаго судьи, видѣлъ, какъ его Алешка, бутузъ, гонялъ со двора несчастныхъ Чувашъ и Мордвовъ, притекавшихъ къ совѣстному правосудію; какъ судья самъ хвасталъ, что въ двѣнадцать лѣтъ его судейства и двѣнадцати дѣлъ не поступило въ судъ. По навѣдываніямъ, въ другихъ губерніяхъ совершалось то же» (Русс. Архивъ, 1877, стр. 101—102).

Но какъ бы рѣшительно и огульно ни осуждали современники законодательную дѣятельность Екатерины II по вопросу о правосудіи, все-таки въ ихъ словахъ всегда будетъ заключаться извѣстная доля преувеличеній. Они, конечно, имѣли основанія сѣтовать на полумѣры императрицы въ судебныхъ реформахъ, когда строгость законовъ, дѣйствительно, примѣнялась лишь къ нисшимъ инстанціямъ суда, да и то не всегда, такъ какъ плутни подьячихъ часто бывали связаны съ злоупотребленіями высшихъ сановниковъ, которые умѣли находить защиту какъ для себя, такъ и для своихъ клевретовъ,—однако нѣтъ сомнѣній, что отрѣшенія отъ мѣстъ, строгія ревизіи присутственныхъ учрежденій, законодательныя распоряженія о скорѣйшемъ дѣлопроизводствѣ и другія мѣры правительства, требовавшаго отъ судей непремѣннаго исполненія законодательныхъ предписаній и офи-

ціальныхъ указовъ,—должны были сильно ограничивать алчность и лихоимство судей и проволочки въ судебныхъ процессахъ. Такъ въ 1777 г. Екатерина офиціальнымъ указомъ налагала наказаніе за ябеду и волокиту (Пол. Собр. Зак., т. XX. № 14567); въ 1782 г. издала распоряженіе о немедленномъ и точномъ исполненіи правительственныхъ указовъ (ib. т. XXI, № 15320), публично объявляла о злоупотребленіяхъ на таможняхъ (т. XXI, № 15372) и возмущалась злоупотребленіями при назначаемыхъ правительствомъ ревизіяхъ (ib. № 15598); въ 1783 г. еще разъ подтвердила необходимость точно выполнять правительственныя распоряженія и присылаемые въ присутственныя мѣста указы (ib. № 15718); въ 1784 г. учредила строгій надзоръ за правительственными учрежденіями и присутственными мѣстами (ib. т. XXII, № 15926) и высказала требованіе о скорѣйшемъ дѣлопроизводствѣ въ судахъ и канцеляріяхъ (ib. № 16074 и № 16091); въ 1786 г. рѣзко выражала недовольство злоупотребленіями при дѣлопроизводствѣ (№ 16456); въ 1795 г. назначила произвести строгую ревизію присутственныхъ мѣстъ (т. XXIII, № 17414) и установила специальную ревизію по судебнымъ дѣламъ (№ 17416) и т. д. Всѣ эти и подобныя распоряженія правительства, какъ бы ни было, являлись законодательными актами, имѣвшими обязательную силу въ всемъ государствѣ, а потому волей-неволей имъ приходилось подчиняться. Если же и теперь все еще встрѣчались лица, которые продолжали брать взятки и вести судебныя дѣла не по правдѣ, то все-таки они не имѣли возможности дѣлать это такъ открыто, какъ прежде, невольно опасаясь доносовъ, преслѣдованій, правительственныхъ ревизій и законныхъ наказаній; вообще же старинный произволъ судей при такихъ условіяхъ неизбѣжно долженъ былъ уступать все большее и большее мѣсто строгой законности.

Но помимо законодательной дѣятельности правительства, которая служила лишь орудіемъ проведенія въ общественную жизнь тѣхъ взглядовъ, какіе высказывались нашими писателями въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ, улучшеніе русскаго су-

допроизводства обусловливалось съ другой стороны и прямымъ воспитательнымъ вліяніемъ сатирической литературы на общественное самосознаніе. Если неотразимой силѣ настойчивыхъ указаній писателей на общественныя язвы подчинялось невольно само высшее правительство, всегда стремившееся къ полной и абсолютной самостоятельности дѣйствій по вопросамъ государственнаго управленія, то тѣмъ неотразимѣй было вліяніе литературныхъ произведеній на понятія и нравы остальныхъ слоевъ русскаго общества. Осмѣивая судей за лихоимства и волокиту и тщательно разоблачая всѣ ихъ плутни, клонившіяся къ тому, чтобы обойти законъ, литература тѣмъ самымъ успѣла воспитать въ лучшей части современнаго общества полное презрѣніе къ взяткобрателямъ и крючкотворцамъ и неодолимое отвращеніе отъ судейскихъ кляузъ. Новому поколѣнію, выросшему въ атмосферѣ самыхъ обидныхъ издѣвательствъ надъ порочными представителями правосудія, вступая въ судейскія должности, невольно приходилось руководиться уже другими взглядами и если не презирать открыто старыхъ судей, то по крайней мѣрѣ опасаться придерживаться ихъ правилъ изъ боязни заслужить отъ всѣхъ презрительныя насмѣшки. Извѣстное явленіе, выраженное Грибоѣдовымъ въ словахъ:

Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче *смѣхъ* всѣхъ держитъ на уздѣ,

безспорно имѣло мѣсто и въ концѣ XVIII-го столѣтія. Что рѣзкія насмѣшки и сатирическія выходки писателей противъ недостойныхъ судей не только воспитывали въ такихъ взглядахъ общество, но задѣвали за живое и самихъ представителей продажнаго правосудія, что, слѣдовательно, обличительная литература достигала цѣли въ своемъ стремленіи «чистить нравы»,—это подтверждается разнообразными историческими свидѣтельствами. Мы остановимся на наиболѣе характерныхъ въ бытовомъ отношеніи. Уже Н. И. Новиковъ въ отвѣтъ на предложеніе г. Огорченнаго заявлялъ въ своемъ «Трутнѣ», выходившемъ

въ 1769—70 гг., что писать сатиры небезопасно, что принимaться за нихъ «надлежитъ *справясь съ силами тѣлесными*». Аблесимовъ, издававшій въ 1781 г. журналъ — «Разкащикъ забавныхъ басень», помѣстилъ здѣсь присланное къ нему какимъ-то Судиловымъ письмо, гдѣ такъ изображается общее неудовольствіе лицъ, задѣтыхъ сатирой «Разкащика»: «Кучами разная братья сбираяся говоритъ: можно бы де писать, да все не такъ нахально, а какъ бы нибудь да полегче... а эдакіе разсказы *всѣхъ пуще приказнымъ такъ глаза и колютъ*, то мы сообща и совѣтуемъ тебѣ отъ эдакихъ разсказовъ уняться—а то быть худу»! (Листъ 16). Какимъ «худомъ» грозили Аблесимову раздраженные его сатирой подьячіе и судьи, можно заключить изъ слѣдующихъ словъ издателя, которыми отъ заканчиваетъ послѣдній листъ журнала, выходившаго въ теченіе года:

Сколь было силы всей, къ писанью прилежалъ
И слово данное свое во всемъ сдержалъ
Журнала онаго по званью,
Благоразумію стараясь угодить;
Невѣжество же симъ привелъ къ негодованью.
Всѣ разно начали о семъ судить.
Пороки поклялись своей душею:
Разкащикъ гдѣ бъ попалъ, *сломить ему тутъ шею.*
Въ томъ случаѣ чтожъ сказать?
Потребно замолчать.

Крыловъ, издававшій въ 1793 г. журналъ—«Зритель», помѣстилъ здѣсь между прочимъ «Рѣчь, говоренную повѣсою въ собраніи дураковъ», въ которой заставлялъ оратора убѣждать слушателей, «чтобы тѣмъ яснѣе доказать грубость сатиры и возбудить въ сердцахъ вашихъ благородную ревность—*переломать сатирикамъ руки и ноги*» (Полн. Собр. соч. И. Крыл. Спб. 1859, т. I, стр. 308).

Сохранились и другія свидѣтельства, доказывающія, что сатирическія произведенія нашей литературы временъ Екатерины

II дѣйствительно оказывали на понятія и нравы современнаго русскаго общества могущественное воздѣйствіе. Митрополитъ Евгеній приводитъ въ доказательство успѣха произведеній Фонъ-Визина тотъ фактъ, что «многіе, почувствовавъ себя въ родѣ Простаковыхъ, тогда же отпустили изъ домовъ своихъ Вральмановъ и другихъ недостойныхъ воспитателей» (Словарь р. свѣтскихъ писат., Москва 1845, т. I, стр. 77). Ф. Ф. Вигель утверждаетъ съ своей стороны, что «комедіи Фонъ-Визина чистили вкусъ и нравы» русскаго общества (Воспоминанія. Москва 1864, часть I, стр. 163 — 64). Вспоминая о разнообразной дѣятельности Новикова по изданію журналовъ, книгъ и вообще сочиненій, тотъ же авторъ сознается, что «никогда частное лицо не способствовало такъ у насъ распространенію просвѣщенія» и, слѣдовательно, новыхъ взглядовъ и понятій (ib., ч. II, стр. 219—220). Говоря объ увлеченіи русскаго общества временъ Елизаветы Петровны и Екатерины II всѣмъ французскимъ, Вигель высказываетъ убѣжденіе, что если подобному подражательному направленію и можно было встрѣтить какой-нибудь противовѣсъ, «то, конечно, это были забавныя роли Фирюлиныхъ, въ Несчастіи отъ кареты, и въ Бригадирѣ — глупаго бригадирскаго сынка» (ib. ч. III, стр. 122 — 23).

Имѣя въ виду даже одни приведенныя нами свидѣтельства, приходится заключить, что взгляды русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и по вопросу о правосудіи, глубоко проникали въ сознаніе общества и, значитъ, воспитывали публику въ новыхъ понятіяхъ. До какой степени рѣзко стали измѣняться взгляды самихъ судей на свои обязательства, можно видѣть изъ произведенія Фонъ-Визина — «Разговоръ у кн. Халдиной», гдѣ знаменитый писатель, прославившійся удачнымъ воспроизведеніемъ русской дѣйствительности, выводитъ какъ разъ этотъ вновь народившійся типъ судей. По словамъ автора, характеры кн. Халдиной и судьи Сорванцова имъ «списаны съ натуры»; самое же произведеніе относится къ 1788-му году. Бывшій повѣса Сорванцовъ, теперь

судья, разсказываетъ здѣсь княгинѣ о своихъ опасеніяхъ поплатиться за допущенное имъ неправое рѣшеніе одного дѣла.—«Да неужели ты за одно былъ съ безсовѣстными судьями?» спрашиваетъ Халдина. Но ошибка, оказывается, съ его стороны допущена единственно потому, что онъ не могъ понять какъ слѣдуетъ самого дѣла, а вовсе не изъ желанія мошенничать вмѣстѣ съ старыми и опытными судьями.—«Я согласился съ ними для того, говоритъ Сорванцовъ, что не понималъ дѣла, и мнѣ пристойнѣе казалось имъ не противорѣчить, нежели признаться, что я не понимаю» (Сочин., стр. 252). По его словамъ, дѣла часто рѣшаются неправильно не отъ одной «безсовѣстности судей», но и «отъ безтолковости, съ которою предложено дѣло» (ib., стр. 253). Строгій Здравомыслъ однако обвиняетъ молодыхъ судей и за это: пусть они не желаютъ незаконныхъ рѣшеній тяжбъ и стремятся къ полному правосудію, но разъ у нихъ нѣтъ навыка разбираться въ дѣлахъ, они заслуживаютъ справедливаго осужденія, и притомъ именно за то, «что не сдѣлали привычки къ дѣламъ и не пріобрѣли способности къ вниманію. Сія способность пріобрѣтается ученіемъ и чтеніемъ» (ib., стр. 253). Изъ дальнѣйшаго разсказа Сорванцова о своей жизни мы узнаемъ, что этотъ мотъ, получившій самое нелѣпое первоначальное воспитаніе, недостатки котораго ясно сознаетъ, — теперь образумился, благодаря счастливому случаю: онъ познакомился въ Москвѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который внушилъ ему охоту къ чтенію книгъ и помогъ ему «выкарабкаться изъ кучи тѣхъ презрительныхъ невѣждъ, кои ни Богу, ни людямъ не годятся» (ib., стр. 257). — «Я не скажу, заключаетъ свой разсказъ Сорванцовъ, чтобъ сіе мое стараніе имѣло успѣхъ совершенный. Недостатки воспитанія моего часто наружу выказываются. По крайней мѣрѣ, не ставлю я моего невѣжества, подобно многимъ, себѣ въ достоинство и за перемѣну моихъ мыслей почитаю себя вѣчно обязаннымъ тому молодому почтенному человѣку, который наставилъ меня на стезю правую» (ib. стр. 257).

Мы подробно остановились на разсматриваемомъ произведе-

ніи Фонъ-Визина именно потому, что оно наглядно рисуетъ намъ, какъ подъ вліяніемъ книжныхъ идей улучшалось къ концу XVIII-го вѣка русское правосудіе и какъ образовалося такимъ путемъ новое поколѣніе судей, которому на первыхъ порахъ приходилось вести трудную борьбу съ представителями старинныхъ взглядовъ на судопроизводство. Въ самомъ дѣлѣ, если фактически неправосудіе и продолжало все еще существовать, то оно уже совершенно измѣняло свой прежній смыслъ: это были ошибки въ рѣшеніи дѣлъ непроизвольныя, невольныя, а вовсе не тѣ злостныя, упорныя и намѣренныя плутни старыхъ судей, противъ которыхъ вооружалась обличительная русская литература, напримѣръ, въ концѣ 60-хъ и самомъ началѣ 70-хъ годовъ XVIII-го вѣка, или и еще ранѣе. Новые судьи, пріобрѣтая постепенно опытность въ дѣлахъ и знаніе законовъ, уже начинали вершить дѣла по правдѣ и не давались въ обманъ старымъ лихоимцамъ. Если же въ нашей литературѣ и продолжали еще встрѣчаться нападки на судей (напр., комедія Капниста), то они, очевидно, имѣли въ виду только отживавшихъ представителей стараго поколѣнія, все еще тормозившихъ дѣятельность новыхъ судей. Да и въ самой литературѣ этого времени на ряду съ судьями несправедливыми обыкновенно начинаютъ выводиться и типы судей честныхъ. Такъ въ «Ябедѣ» Капниста мы встрѣчаемъ честнаго повытчика Доброва, молодого человѣка; въ комедіи Судовщикова — «Неслыханное диво или честный секретарь», въ противоположность взяточнику Кривосудову, выставляется честный секретарь Правдинъ, — диковинка, какой подрядчикъ, обратившійся въ судъ, «не видывалъ во вѣкъ» (Сочин. Судовщ., изд. Смирдина, 1849 г., стр. 63); Фонъ-Визинъ подъ конецъ литературной дѣятельности все чаще и чаще указывалъ на честныхъ представителей правосудія: помимо Сорванцова у него встрѣчаемъ, напр., и г-на Безкорыста, который «взятокъ никогда ни съ кого не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду» (Сочин., стр. 255) и т. д. Къ концу XVIII-го вѣка, впрочемъ, сатирическая литература у насъ совершенно

пала и нападки на судей прекратились. Мы не хотимъ сказать, что лихоимство въ судахъ исчезло къ началу XIX столѣтія; нѣтъ, — оно упорно держалось, да и не могло не держаться по условіямъ того времени, но это не было уже настоящее, прежнее взяткобрательство, а скорѣе побочный доходъ, добавочное содержаніе къ тому, получаемому отъ правительства, жалованью, ничтожность котораго хорошо видѣло и сознавало само русское общество. Со всею силою и въ прежнемъ видѣ старинное лихоимство могло теперь держаться только въ глухихъ, не тронутыхъ просвѣщеніемъ уголкахъ.

Подъ двойнымъ вліяніемъ литературы и законодательства русское судопроизводство уже къ концу царствованія Екатерины II стало испытывать весьма значительныя измѣненія къ лучшему, конечно прежде всего въ низшихъ сферахъ. Графъ Сегюръ, отмѣчая происшедшія при императрицѣ перемѣны въ общественной жизни русскаго народа, говоритъ между прочимъ: «суды рѣшали справедливѣе и сообразнѣе съ законами всѣ дѣла, *если только они не касались сильныхъ особъ*» (Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1865, стр. 179 — 180). «Тамъ, гдѣ не было адвокатовъ, говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Вигель, судьи и секретари должны были нѣкоторымъ образомъ заступать ихъ мѣсто, и *тайное чувство справедливости* не допускало помѣщиковъ роптать противъ такого рода поборовъ, обыкновенно весьма умѣренныхъ. Они никакъ не думали спѣсивиться, съ просителями были ласковы, вѣжливы, дары ихъ принимали съ благодарностію; не дѣлая изъ нихъ никакого употребленія, они сохраняли ихъ до окончанія процесса и *въ случаѣ его потери возвращали ихъ проигравшему*. Къ нимъ приступали смѣло и они дѣйствовали довольно откровенно. Ихъ образъ жизни, предметы ихъ разговоровъ, странность нарядовъ ихъ женъ и дочерей, всегда запоздалыхъ въ модѣ, отдѣляли ихъ даже въ провинціи отъ другихъ обществъ, приближая ихъ однакоже болѣе къ купечеству. Ихъ всетаки клеймили названіемъ подьячихъ, *прежде ненавист-*

нымъ, тогда унизительнымъ. Это было не совсѣмъ несправедливо, ибо въ нихъ можно было видѣть потомковъ или преемниковъ тѣхъ безсовѣстныхъ, безчеловѣчныхъ, ненасытныхъ вампировъ, коихъ Капнистъ такъ вѣрно изобразилъ въ комедіи своей «Ябедѣ», конечно *болѣе по воспоминаніямъ, чѣмъ по примѣрамъ, которые имѣлъ предъ глазами*. Вѣкъ Екатерины преобразилъ ихъ въ піявокъ, высасывающихъ лишнюю кровь, и тѣмъ составилось *второе поколѣніе* сего сословія» (Восп., ч. II, стр. 24—25). Комедія Капниста въ первый разъ была представлена на сценѣ 22 августа 1798 г., т. е. спустя всего два года послѣ смерти Екатерины II, хотя составлена была авторомъ гораздо раньше.

Изъ приведенныхъ словъ Вигеля мы видимъ, что взяточничество продолжало существовать въ русскихъ судахъ, но оно уже носило далеко не прежній характеръ, и самимъ обществомъ какъ бы признавалось справедливымъ. Предъ нами, если можно такъ выразиться, — взяточничество добросовѣстное. Такимъ образомъ, перемѣна въ состояніи правосудія къ концу XVIII-го вѣка рѣзко бросалась въ глаза даже самимъ современникамъ; послѣдніе не могли не замѣтить, что теперь на сцену выступило новое и въ значительной степени видоизмѣненное поколѣніе судей.

Тотъ же Вигель, описывая свое пребываніе въ Кіевѣ въ 1790-хъ годахъ, т. е. въ самый послѣдній періодъ продолжительнаго царствованія императрицы Екатерины II, сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о представителяхъ тогдашняго правосудія, характеризуя ихъ не вообще, а въ отдѣльности. «Въ уголовной палатѣ,—говоритъ онъ,—предсѣдательствовалъ Иванъ Гавриловичъ Вишневскій, *человѣколюбивѣйшій изъ судей*, что, кажется, довольно великая похвала для уголовнаго предсѣдателя» (Восп., ч. I, стр. 65). Мы видимъ изъ этихъ словъ современника, что представители новаго поколѣнія судей, воспитанные на взглядахъ, проводившихся нашей передовой литературой XVIII в., успѣли заявить себя съ лучшей стороны даже

въ провинціальныхъ городахъ. Возможность наглядно сравнить ихъ съ прежними судьями, и притомъ въ одномъ и томъ же городѣ, получаетъ въ глазахъ историка русскаго правосудія величайшую цѣнность. Какъ разъ такой именно матеріалъ и доставляетъ намъ Вигель. «Предмѣстникъ Вишневскаго,—замѣчаетъ онъ,—былъ *совсѣмъ противныхъ ему свойствъ*, грубый невѣжа и страшный взяточникъ: я его совсѣмъ не помню» (ib., стр. 65). Русское правосудіе къ концу XVIII вѣка испытывало, мы видимъ, въ своемъ развитіи не едва замѣтные успѣхи, не незначительныя измѣненія къ лучшему, а начало рѣзкаго перелома, благодаря которому получали совершенно другой, сравнительно съ прежнимъ, смыслъ и характеръ и самые недостатки суда. Пусть описанныя современникомъ явленія были не всеобщими и пока не повсемѣстными въ русскомъ государствѣ, а встрѣчались лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ,—важно, что процессъ разложенія традиціонныхъ порядковъ уже начался, что лучшія вѣянія и понятія стали прививаться и отстранять старинные взгляды и практику.

«Предсѣдатель гражданской палаты, — продолжаетъ Вигель, — былъ человѣкъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи, Иванъ Григорьевичъ Туманскій, который дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. *Онъ судилъ по справедливости и законамъ*, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся, а не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ» (ib. ч. I, стр. 65). Не лишены интереса и слѣдующія строки нашего автора: «Скажу нѣсколько словъ о губернскомъ прокурорѣ Григоріи Ивановичѣ Краснокутскомъ. *Его никто не могъ упрекнуть въ мздоимствѣ*, но чрезмѣрное самолюбіе и безпокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ» (ib., стр. 67). До какой степени появившіеся честные судьи успѣвали пріобрѣсти всеобщую любовь населенія и искреннюю довѣрчивость тяжущихся, взамѣнъ прежней боязни связываться съ подьячими, можно видѣть изъ того, что сообщаетъ Вигель подъ 1804-мъ годомъ: «Утѣшеніе ожи-

дало насъ въ Малмыжѣ. Онъ еще не былъ опять возведенъ въ званіе уѣзднаго города, однакоже въ немъ жилъ *прежній* городничій, безъ должности, но не безъ дѣла. *Любовь жителей давала ему содержаніе, и они добровольно шли къ нему на судъ*. Забыть его имя могло бы еще быть извинительно, но не спросить даже о немъ, право гадко, а мы это сдѣлали» (ib., ч. II, стр. 139). Таковы были въ нѣкоторыхъ случаяхъ представители правосудія въ концѣ XVIII-го вѣка, иногда продолжавшіе свою полезную дѣятельность и въ послѣдующее время.

Мы видимъ послѣ всего сказаннаго, что мечты нашихъ писателей Екатерининской эпохи руководить дѣятельностью правительства и развивать общественное самосознаніе въ желательномъ для нихъ направленіи дѣйствительно осуществлялись. Факты показываютъ, что неотразимое вліяніе литературы на понятія и нравы современниковъ даетъ право историку видѣть въ ней одинъ изъ могущественныхъ факторовъ культурнаго развитія общественной жизни народа. Русскіе писатели разсматриваемаго времени и сами прекрасно сознавали громадную важность своего общественнаго служенія и принимаемыхъ на себя обязательствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ взгляды на культурныя задачи литературы отличались замѣчательной высотой и ясностью. Такъ, по мнѣнію Фонъ-Визина, русскіе писатели «имѣютъ долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть *полезнымъ совѣтодателемъ государю*, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества» (Сочин., стр. 230). Это говорилось въ 1788 г.; за годъ предъ тѣмъ кн. М. М. Щербатовъ, предупреждая мысли Фонъ-Визина, высказывалъ взглядъ на свои литературныя занятія, имѣвшія въ виду общественные интересы и пользу для родины, какъ на высокое и чистое священнодѣйствіе; онъ прямо называлъ свои произведенія «жертвой» для отечества, приносимой во мракѣ его кабинета, и «источникомъ всея добродѣтели». Въ своемъ «Разсужденіи о нынѣшнемъ

въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупреждать подобное же нещастіе» суровый цензоръ общественныхъ нравовъ вѣка Екатерины такимъ образомъ развивалъ этотъ взглядъ на высокое общественное значеніе литературы: «Должность каждаго гражданина есть, поелику сила его доставать можетъ, печися о пользѣ отечества своего, а посему и мысли, которыя по разнымъ обстоятельствамъ къ пользѣ онаго родятся, не должны быть прежде рожденія ихъ погребены въ вѣчное забвеніе, но, за недостаткомъ другихъ способовъ, да предадутся они бумагѣ; можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могутъ сіи сѣмена желаемую жатву принести. Часы, посвященные мною къ таковымъ писаніямъ, я драгоцѣннѣйшіе въ жизни моей считаю, а предпринимая сіи разсужденія, изъ драгоцѣнныхъ драгоцѣнными ихъ называю, ибо удовлетворяю въономъ разные предметы, приятные душѣ моей, то есть, *воздаю долгъ отечеству*, *предлагаю то*, *что полезно мнѣ быть является*, *и подаю способы спасти отъ нещастія и жесточайшей гладной смерти многія тысячи людей»* (Сочин., т. I, стр. 629—630). Въ 1790 году А. Н. Радищевъ, рисуя въ Путешествіи изъ Петербурга въ Москву свой «проектъ въ будущемъ», также настаивалъ на могуществѣ литературы: по его словамъ, «разумъ человѣческій... сталъ нынѣ надежнымъ стражею общественныхъ *законоположеній»* (Лондонское изд., стр. 222). Во всѣхъ этихъ случаяхъ ясно сказывается увѣренность русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка, что они могутъ оказывать на правительство и законодательную дѣятельность государей полезное вліяніе. Изученіе относящагося сюда историческаго матеріала вполнѣ оправдываетъ подобный взглядъ на литературу.

Обобщая приведенные нами факты по вопросу о правосудіи при Екатеринѣ II, мы устанавливаемъ слѣдующія положенія:

1) Законодательныя распоряженія ея въ этомъ направленіи стоятъ въ прямой зависимости отъ произведеній сатирической литературы второй половины XVIII-го вѣка. Взгляды нашихъ

писателей находили здѣсь лишь важное вспомогательное средство для практическаго осуществленія въ жизни народа.

2) Русское правосудіе къ концу царствованія императрицы замѣтно улучшилось, съ одной стороны, — подъ вліяніемъ законодательныхъ мѣръ правительства, съ другой, — благодаря обличеніямъ писателей, успѣвшихъ воспитать въ болѣе честныхъ взглядахъ новое поколѣніе судей.

3) Улучшенія въ судопроизводствѣ главнымъ образомъ замѣчаются въ низшихъ инстанціяхъ, такъ какъ на злоупотребленія высшихъ сановниковъ и блюстителей закона Екатерина II смотрѣла снисходительно; послѣднее обстоятельство и давало поводъ нѣкоторымъ современникамъ сомнѣваться въ пользѣ предпринятыхъ императрицей судебныхъ реформъ и вообще въ успѣхахъ русскаго правосудія.

4) Значительно ослабѣвшія къ концу вѣка, хотя все еще продолжавшіяся, обличенія судей въ литературѣ, равно и направленныя противъ лихоимства и волокиты судей законодательныя распоряженія имѣютъ въ виду прежде всего отживающихъ представителей стариннаго правосудія и нетронутыя просвѣщеніемъ захолустья. То и другое было одинаково полезно, такъ какъ поддерживало энергію въ честныхъ поборникахъ правды и закона въ судебномъ дѣлопроизводствѣ.

Кратковременное царствованіе императора Павла Петровича оказало успѣхамъ русскаго правосудія несомнѣнныя и чрезвычайно важныя услуги. Съ чисто внѣшней стороны его законодательная дѣятельность въ этомъ смыслѣ служила лишь продолженіемъ правительственныхъ мѣръ Екатерины, только проявлялась въ болѣе энергическихъ формахъ. Такъ, въ первый же годъ правленія имъ изданъ былъ указъ о сокращеніи канцелярскаго формализма и необходимости установить опредѣленный сводъ дѣйствующихъ въ имперіи законовъ для точнаго руководства кого слѣдуетъ, и заключить ихъ въ три книги (Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17652 и № 17654). Привести въ порядокъ и выяснить дѣйствующіе законы съ устраненіемъ указовъ, потеряв-

шихъ силу или отмѣненныхъ впослѣдствіи, совѣтывалъ, мы видѣли, еще кн. Щербатовъ. Въ 1796 г., т. е. въ первые же мѣсяцы по вступленіи на престолъ, Павелъ Петровичъ энергически приступилъ къ осуществленію своей мысли и издалъ распоряженіе объ образованіи спеціальной комиссіи для выработки свода дѣйствующихъ законовъ, которой и было усвоено офиціальное названіе Комиссіи Новыхъ Законовъ (ib., т. XXIV, №№ 17697, 17978). Въ слѣдующемъ году императоръ издалъ предписаніе Сенату рѣшать дѣла безъ проволочекъ; то же повелѣвалось наблюдать и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ (ib. № 17884); подобное распоряженіе вскорѣ было настойчиво повторено еще нѣсколько разъ (№18052 и № 18294). О скорѣйшемъ дѣлопроизводствѣ въ судахъ, канцеляріяхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ послѣдовалъ указъ и въ 1799 году (т. XXV, № 18813). Вникая ближе въ общій духъ правительственныхъ распоряженій Павла I по вопросу о правосудіи, приходится сознаться, что его усилія улучшить дѣло отличаются бо́льшей энергіей, строгостью и прямолинейностью, нежели то было въ указахъ Екатерины II. Государь запрещалъ, напримѣръ, ябеду уже «въ виду золъ, кои терпитъ польза службы и общественная» (т. XXIV, № 18055). Онъ требовалъ также безусловно точнаго выполненія своихъ распоряженій по вопросу о судахъ и канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, и рѣзко возставалъ въ офиціальныхъ указахъ противъ упущеній и безпорядковъ въ этой области (т. XXIV, №№ 17964, 19028): дѣлалъ строгіе выговоры и назначалъ наказанія за незаконныя рѣшенія въ судахъ (т. XXV, №№ 18426, 18845), не стѣсняясь публично объявлять о приказныхъ людяхъ и практикующихся у нихъ «акциденціяхъ» (т. XXV, 18681), подвергалъ чиновниковъ суду за преступленія по должности (т. XXV, № 18933), предписывалъ начальникамъ не превышать данной имъ власти, а стоять исключительно на почвѣ законности (т. XXV, № 19126) и т. д. Вообще говоря, Павелъ I не любилъ полумѣръ, а извѣстная его строгость въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ замѣчалъ неисправность и злоупотре-

бленія въ общественной жизни, должна была сообщать его указамъ особенно грозную внушительность, и безспорно въ сильной степени обуздывала произволъ и алчность тѣхъ судей, которые хотѣли бы проявлять попрежнему свои грабительскіе инстинкты и поползновенія. Для большаго торжества правосудія и законности государь назначилъ въ 1799 г. ежегодную, правильно организованную, ревизію по гражданскимъ дѣламъ и приказалъ представить ему для того двухъ кандидатовъ изъ сенаторовъ (т. XXV, № 19139), которые и были имъ утверждены (№ 19202). Избранные изъ сенаторовъ ревизоры (см. и № 19211) были снабжены особой инструкціей, въ которой имъ предписывалось между прочимъ точно изслѣдовать и справляться во время объѣздовъ: «1) *О теченіи дѣлъ по Присутственнымъ мѣстамъ правосудія*; 2) О внутренней полиціи; 3) *О поборахъ, лихоимству столь свойственныхъ*» (П. С. Зак., т. XXV, № 19212); они обязаны были также наблюдать въ разныхъ мѣстностяхъ качество земли, даже слѣдить, насколько тщательно оберегаются лѣса и под. Любопытенъ и слѣдующій фактъ: Новиковъ помѣстилъ въ 1769—70 гг. на страницахъ «Трутня» подробное описаніе тѣхъ угощеній, какими задабривали судей ихъ просители съ цѣлью выиграть тяжбу («Тр.», изд. Ефр., листъ 34, стр. 206 сл.); послѣдующіе сатирическіе журналы не разъ отмѣчали подобное утонченное взяточничество; наконецъ, это задабриванье судей путемъ угощеній и подарковъ нашло живое изображеніе въ комедіи Капниста; и вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на такія разоблаченія судейскихъ хитростей, императоръ въ своихъ указахъ противъ лихоимства запрещаетъ взяточничество, имѣя въ виду и все, напоминающее взяточничество (см. привед. указы).

Какъ ревностный поборникъ правды, Павелъ Петровичъ не ограничивался только законодательными мѣрами для искорененія злоупотребленій въ судахъ; онъ охотно готовъ былъ даже лично разсматривать всѣ дѣла, въ которыхъ сказалось бы хоть какое-нибудь неправое притѣсненіе со стороны начальства или обнаружилась незаконность злонамѣренныхъ судей. Съ этой цѣлью

«у наружной стѣны дворца,—говоритъ современникъ Руничъ,— былъ прибитъ ящикъ, куда можно было опускать прошенія и письма на высочайшее имя. Ихъ было несмѣтное количество» (Рус. Ст. 1901 г., янв., стр. 65). Хорошо понимая, съ другой стороны, что продажность правосудія и разныя злоупотребленія среди нисшихъ чиновниковъ обусловливались въ большинствѣ случаевъ крайней скудостью назначаемаго правительствомъ содержанія за ихъ трудъ, государь старался увеличить ихъ оклады. Такъ въ 1799 г., напр., было издано распоряженіе о назначеніи городничимъ жалованья по 430 рубл. въ годъ (П. С. З., т. XXV, № 18929), что составляло сумму, по тому времени очень значительную; въ томъ же году увеличено содержаніе служащимъ по лѣсной части (ib. № 19234), а въ 1800 г. послѣдовало увеличеніе жалованья и вообще канцелярскимъ чиновникамъ (т. XXVI, № 19266).

Чѣмъ же объясняется эта энергія императора Павла Петровича, какая обнаружилась въ его законодательной дѣятельности по вопросу о правосудіи?

По нашему мнѣнію, единственно тѣмъ, что, воспитанный во взглядахъ передовыхъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка, онъ принялся за истребленіе судебныхъ безпорядковъ не по насильному, такъ сказать, принужденію, какъ то мы видѣли въ Екатеринѣ II, а по собственному глубокому убѣжденію во вредѣ для общества кляузъ, волокиты и лихоимства. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Порошина, императоръ еще мальчикомъ читалъ «Трудолюбивую пчелу» Сумарокова и въ частности его статью о копистахъ; впослѣдствіи онъ поддерживалъ знакомство съ знаменитымъ писателемъ вплоть до самой смерти послѣдняго; а извѣстно, какъ злостно издѣвался Сумароковъ надъ взяточничествомъ и крючкотворствомъ судей. По свидѣтельству современника Рунича, «Павелъ, не будучи увѣренъ, что ему придется когда-либо царствовать, подготовлялъ однако въ Гатчинѣ и Павловскѣ въ теченіе 20 лѣтъ планъ своего царствованія» (Рус. Ст. 1901, янв., стр. 66). Любопытно отмѣтить, что въ этой

подготовкѣ къ будущему царствованію весьма видное участіе принималъ и лучшій писатель нашъ того времени—Д. И. Фонъ-Визинъ, который по предложенію гр. Н. И. Панина и подъ его руководствомъ составлялъ для цесаревича Павла Петровича особую записку о неотложныхъ реформахъ въ Россіи и общественныхъ язвахъ; но мы уже знаемъ, какъ сильно всегда вооружался авторъ Недоросля противъ судебныхъ безпорядковъ, которыхъ онъ не могъ не коснуться, конечно, и въ своемъ докладѣ. Извѣстно также, что Павелъ I тотчасъ по вступленіи на престолъ освободилъ изъ заключенія Н. И. Новикова, возвратилъ изъ ссылки А. Н. Радищева и питалъ искреннее довѣріе къ Державину; онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и съ писателемъ Козодавлевымъ, и съ Лопухинымъ, и наконецъ съ Капнистомъ, который посвятилъ ему свою «Ябеду» и называлъ себя въ предисловіи «споспѣшникомъ» императора въ дѣлѣ искорененія судебныхъ безпорядковъ. Все это доказываетъ, что государь не только былъ прекрасно знакомъ съ произведеніями современной ему русской литературы, но и всецѣло раздѣлялъ взгляды тогдашнихъ писателей по общественнымъ вопросамъ. Вотъ почему и его законодательная дѣятельность, отличавшаяся такой неутомимой энергіей въ стремленіи исправить правосудіе, въ сущности должна быть разсматриваема просто какъ продукъ литературныхъ вліяній, какъ могущественное средство для практическаго осуществленія литературныхъ идей. Именно такое глубокое убѣжденіе и ясное сознаніе о вредѣ, какой могла причинять русскому обществу судебная неурядица, и побуждали Павла I принять самыя рѣшительныя и серьезныя мѣры къ устраненію подобнаго явленія. Въ то же время для него не могло быть сомнѣній, гдѣ слѣдовано искать корень зла. Екатерина II въ значительной степени сумѣла улучшить старинное судопроизводство, но она оставляла полный произволъ своеволію высшихъ сановниковъ, ограничившись исправленіемъ низшихъ инстанцій суда. Это была безспорно большая ошибка со стороны императрицы. Вотъ почему Павелъ Петровичъ какъ разъ и

прежде всего счелъ нужнымъ обрушиться на высшихъ представителей правосудія. Онъ органически не переносилъ ихъ надменнаго своеволія и всегда открыто говорилъ, что «вышибетъ» изъ вельможъ «потемкинскій духъ». По его мысли, передъ закономъ должны быть всѣ равны, начиная съ государя и кончая послѣднимъ подданнымъ. Такой взглядъ былъ внушенъ ему еще гр. Панинымъ, который убѣждалъ государя предъ своей смертью въ 1783 г. постановить «въ государствѣ *правила непреложныя*, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ *не могъ бы нарушить самъ*, не переставъ быть достойнымъ государемъ» (Шильдеръ, Императоръ Павелъ Первый, Спб. 1901, стр. 182). Замѣтимъ, что слова эти, служившія руководящимъ принципомъ для государя въ теченіи всей его жизни, гр. Панинъ писалъ совмѣстно съ Фонъ-Визинымъ, а потому мы въ правѣ видѣть здѣсь *непосредственное вліяніе на образъ мыслей императора честныхъ взглядовъ одного изъ лучшихъ нашихъ писателей XVIII-го вѣка*. Впрочемъ буквальное воспроизведеніе ихъ мы встрѣтимъ и въ офиціальныхъ заявленіяхъ императора Александра I.

По вступленіи на престолъ Павелъ Петровичъ дѣйствительно быстро подтянулъ всѣ присутственныя мѣста и особенно сенатъ: занятія вездѣ начинались въ его время въ 5 часовъ утра; онъ самъ ежедневно присутствовалъ въ сенатѣ и лично руководилъ занятіями и рѣшалъ дѣла; въ тоже время офиціальнымъ указомъ было объявлено, чтобъ всѣ служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ, и особенно въ сенатѣ, аккуратно являлись на занятія, такъ какъ до свѣдѣнія государя дошло, что они «болѣе для поговорки, нежель для дѣла въ присутственныя мѣста ѣздятъ, да и то пріѣзжаютъ поздно, а выѣзжаютъ рано», какъ жаловался въ свое время еще кн. Щербатовъ (Сочин., т. II, 251—264). Желая имѣть вѣрнаго и надежнаго помощника, который могъ бы тщательно слѣдить за правосудіемъ высшихъ сановниковъ и побуждать ихъ рѣшать дѣла по правдѣ и закону, Павелъ Петровичъ остановилъ наконецъ свой выборъ на Держа-

винѣ. Государь при личномъ свиданіи сказалъ автору «Фелицы», «что знаетъ его со стороны *честнаго*, *умнаго*, *безынтереснаго и дѣльнаго человѣка*, *и хочетъ его сдѣлать правителемъ своего Верховнаго Совѣта*, *дозволивъ ему входъ къ себѣ во всякое время*, и если что теперь имѣетъ, то чтобы сказалъ ему, ничего не опасаясь» (Соч., т. VI, стр. 702). Ив. Влад. Лопухинъ, другъ и сотрудникъ Новикова, былъ также милостиво принятъ Павломъ I; императоръ вполнѣ довѣрялъ его честности и чувству справедливости и потому назначилъ его 20 янв. 1797 г. въ московскій департаментъ уголовныхъ дѣлъ, гдѣ сенаторы сильно боялись его и считали *«за тайное око государево»*. (Шильдеръ, Имп. П., стр. 323). Конечно, въ концѣ концовъ московскіе сенаторы ошибались, но уже тотъ фактъ, что они вполнѣ допускали возможность тайнаго наблюденія за ихъ дѣйствіями со стороны государя, показываетъ, до какой степени вообще строго слѣдилъ за ними Павелъ Петровичъ и какъ сильно успѣлъ онъ обуздать ихъ прежнее своеволіе, несомнѣнно тѣмъ самымъ улучшивъ русское правосудіе.

Но усилія высшей власти исправить судопроизводство могли имѣть сами по себѣ лишь относительную цѣнность. Законодательныя предписанія и распоряженія безспорно содѣйствовали успѣхамъ правосудія, но для полнаго осуществленія въ жизни они нуждались, конечно, въ честныхъ исполнителяхъ, т. е. въ содѣйствіи самого русскаго общества. Мы уже видѣли, что къ концу царствованія Екатерины II народилось новое поколѣніе судей, воспитавшихся на произведеніяхъ обличительной литературы и съ свѣжими своими взглядами выступившихъ навстрѣчу правительственнымъ начинаніямъ. На первыхъ порахъ борьба защитниковъ новыхъ вѣяній съ представителями старинныхъ традицій обѣщала, повидимому, успѣшный исходъ послѣднимъ, такъ какъ въ количественномъ отношеніи они имѣли безусловный перевѣсъ. Но недаромъ однако русскіе писатели въ теченіе полвѣка громили продажный судъ: ихъ обличенія постепенно производили все большій и большій переворотъ во взглядахъ об-

щества и наконецъ открыли полную свободу дѣйствій людямъ новыхъ понятій. Что касается эпохи правленія императора Павла Петровича, то, по нашему мнѣнію, она была именно тѣмъ временемъ, когда старое и новое начала въ общественномъ самосознаніи переживали критическій моментъ. Силы обоихъ лагерей были уже приблизительно равны; правительство своей законодательной дѣятельностью смѣло ободряло защитниковъ правды на судѣ; въ самомъ обществѣ совершалось внутреннее броженіе, во время котораго, однако, новыя понятія и запросы проникали все глубже и шире въ сознаніе массъ; взгляды нашихъ писателей и сама литература незамѣтно пріобрѣтали все новыхъ приверженцевъ; легко уже было предугадать, въ какую сторону и въ чью пользу будетъ клониться подобный переломъ. Вотъ какъ описываетъ это внутреннее броженіе русскаго общества при императорѣ Павлѣ Петровичѣ одинъ изъ современниковъ: «Число литераторовъ при немъ было не весьма большое въ большой столицѣ. Но сколько въ обѣихъ столицахъ существовало ихъ непримѣтнымъ образомъ, сколько скрывалось въ деревняхъ, сколько зрѣющихъ и даже назрѣвшихъ талантовъ, чтобы воспрянуть, какъ будто дожидалось удобнаго времени: оно наступило: Я былъ тогда въ Москвѣ и помню это время; откуда что взялось? Какъ будто изъ земли выросло!» (Вигель, Воспом., ч. III, стр. 133—134). При такомъ состояніи русскаго общества правительству временъ Павла I уже не могло представлять особаго труда найти для себя честныхъ судей. Неудивительно, что сравнительно съ временами Екатерины II успѣхи нашего правосудія за кратковременное правленіе ея преемника рѣзко бросались въ глаза даже самимъ современникамъ. Такъ сдержанный въ похвалахъ Д. П. Руничъ, характеризуя правленіе Павла I, даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Надобно сказать правду, что всѣ отрасли управленія были при немъ значительно упорядочены по сравненію съ прежнимъ. Продажность должностныхъ лицъ не могла быть искоренена сразу; по крайней мѣрѣ правосудіе не продавалось болѣе съ публичнаго торга» (Рус. Стар., 1901, Январь,

стр. 68). Рисуя въ другомъ мѣстѣ печальное положеніе цесаревича Павла Петровича въ царствованіе Екатерины II, тотъ же современникъ говоритъ: «Онъ терпѣлъ всевозможныя непріятности и униженія, не жалуясь. Онъ зналъ, что на его счетъ распространяли непріятные слухи тѣ фавориты его матери, которые сами расхищали доходы государства, злоупотребляли властью, *продавали правосудіе*, допускали всевозможныя злоупотребленія, чтобы создать себѣ приверженцевъ. Вступивъ на престолъ, *онъ хотѣлъ искоренить эти злоупотребленія.* Онъ былъ строгъ, но справедливъ, требователенъ, но всегда щедръ и великодушенъ» (Рус. Стар. 1901, февраль, стр. 345). Правда, въ большинствѣ случаевъ отзывы о Павлѣ I другихъ современниковъ отличаются характеромъ рѣзкихъ осужденій, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти отзывы принадлежатъ почти всегда представителямъ дворянства, которое особенно преслѣдовалъ императоръ и которое имѣло всѣ основанія быть недовольнымъ этимъ монархомъ, хотя бы за одно уже сокращеніе помѣщичьихъ правъ въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ; между тѣмъ внимательное изученіе законодательной дѣятельности Павла I приводитъ къ другому взгляду на него. Наиболѣе справедливый отзывъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, современнику Руничу: «Правда,— говоритъ онъ,— что императоръ нисколько не умѣрялъ своей строгости касательно военной службы, требуя во всѣхъ отношеніяхъ самой точной исполнительности, точно такъ же, какъ *онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго снисхожденія гражданскимъ властямъ, когда онѣ дѣйствовали противозаконно* или несогласно съ его волею; однако нельзя приписывать ему всѣ несправедливости, которыя дѣлались его именемъ. Самодержавный монархъ, онъ оказывалъ безграничное довѣріе тому, кого онъ считалъ достойнымъ этого довѣрія, на комъ останавливалъ свой выборъ и кого облекалъ неограниченной властью. Это довѣріе породило множество злоупотребленій, но вообще *народъ не терпѣлъ притѣсненій*; даже солдаты, которые всегда жалуются на самое легкое подчиненіе, не тяготились суровыми требованіями службы,

такъ какъ они получали все, что имъ полагалось, и могли дослужиться до самыхъ высшихъ чиновъ, несмотря на свое низкое, плебейское происхожденіе. Торговля была возвышена дарованными ей новыми правами, слѣдовательно, *только одни дворяне могли быть недовольны* тѣмъ, что императоръ не обращалъ вниманія на ихъ права, оскорбляя ихъ проявленіемъ своей самодержавной власти» (Рус. Стар., 1901 г., февраль, стр. 343).

Резюмируя все сказанное нами о государѣ Павлѣ Петровичѣ, мы устанавливаемъ слѣдующіе выводы:

1) Его законодательная дѣятельность, имѣвшая въ виду улучшеніе судопроизводства, являясь орудіемъ практическаго осуществленія литературныхъ идей нашихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка, оказывалась дѣйствительнѣй распоряженій Екатерины II, такъ какъ императоръ поступалъ вполнѣ добровольно и съ убѣжденіемъ въ необходимости кореннымъ образомъ исправить судъ.

2) Законодательныя распоряженія въ это время прежде всего имѣли въ виду верховныя инстанціи суда, своеволіе которыхъ почти не знало границъ при Екатеринѣ II. Такимъ путемъ въ значительной степени была исправлена допущенная авторомъ «Наказа» ошибка, грубо тормозившая успѣхи русскаго правосудія.

3) Правительственныя распоряженія Павла I, клонившіяся къ улучшенію судебнаго дѣлопроизводства, имѣли успѣхъ и потому, что находили поддержку и въ самомъ русскомъ обществѣ, которое всегда могло теперь поставить съ своей стороны честныхъ судей.

Царствованіе императора Александра Павловича уже самимъ современникамъ казалось эпохой полнаго возрожденія Россіи. Въ это время, дѣйствительно, были подняты и поставлены на очередь всѣ самые сложные и капитальные вопросы государственной жизни, какіе давно уже настойчиво указывались нашими писателями. Народное представительство и свободная конституція, заботы о просвѣщеніи страны, крѣпостное право, вы-

работка непреложныхъ законовъ, съ цѣлью поставить ихъ даже выше произвола неограниченной власти,—таковы были задачи новаго царствованія, назрѣвшія къ началу XIX вѣка. При подобныхъ условіяхъ улучшеніе судопроизводства не могло не занимать молодого государя. Внимательный обзоръ законодательныхъ распоряженій Александра Павловича, стремившагося обезпечить рѣшительное торжество правосудія, дѣйствительно приводитъ къ заключенію, что энергическія усилія правительства въ этомъ смыслѣ имѣли цѣлью искоренить всякія безчинства въ судахъ разъ на всегда. Желая поставить личныя убѣжденія императора по вопросу о правосудіи и вытекавшія отсюда законодательныя мѣры его въ строгую связь съ вліяніями литературными, мы прежде всего должны вспомнить, что первыя десятилѣтія XIX-го в. были временемъ, когда русскіе писатели болѣе, чѣмъ въ какую угодно другую предшествующую эпоху получили возможность проводить въ общественную жизнь свои взгляды непосредственно и лично, такъ какъ правительство всегда готово было вручить имъ любую изъ наиболѣе важныхъ отраслей государственнаго управленія. «Странное дѣло,— говоритъ по этому поводу современникъ,— что Александръ не любилъ стиховъ, презиралъ ихъ даже, а высоко цѣнилъ поэтовъ. Онъ полагалъ, что стихи не что иначе, какъ блестящія шалости, мотовство богатаго ума, сокровища свои попустому расточающаго. Во всякомъ поэтѣ видѣлъ онъ искуснаго правителя, судью, котораго стоитъ поставить на истинный путь, ему природой указанный, съ котораго сила воображенія своротила его, и тогда отъ него болѣе, чѣмъ отъ другихъ государство можетъ ожидать пользы» (Восп. Вигеля, ч. III, стр. 85). Русскіе писатели сумѣли, такимъ образомъ, внушить къ себѣ и своимъ взглядамъ полное довѣріе со стороны верховной власти. Безусловное уваженіе къ честному и правдивому образу мыслей представителей нашей литературы,—какъ современной, такъ и предшествующей,—и желаніе предоставить имъ всѣ средства непосредственно проводить свои взгляды въ жизнь общества и побуждали государя

ввѣрять писателямъ отдѣльныя отрасли государственнаго управленія. Такъ Александръ Павловичъ именнымъ указомъ пригласилъ къ участію въ комиссіи новаго уложенія автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»,—А. Н. Радищева; Державинъ исправлялъ въ первые годы новаго царствованія обязанности министра юстиціи; впослѣдствіи этотъ постъ предоставленъ былъ другому писателю—Ив. Ив. Дмитріеву, «и русское правосудіе сдѣлало въ немъ важное пріобрѣтеніе», замѣчаетъ по этому поводу современникъ (Восп. Вигеля, III, 86); писатель Пнинъ, поклонникъ идей Радищева, доказывавшій необходимость широкаго просвѣщенія въ Россіи и облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ, дѣлалъ поправки и добавленія въ своей книгѣ сообразно съ указаніями, какія получалъ отъ императора въ личныхъ бесѣдахъ съ нимъ; Карамзину было предложено государемъ принять завѣдываніе министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ чего однако знаменитый писатель добровольно отказался, хотя не безъ сожалѣнія; около того же времени писатель Козодавлевъ получилъ назначеніе въ министры внутреннихъ дѣлъ и долженъ былъ разробатывать практическую сторону проекта объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной барщины и т. д.

Неудивительно, если въ отдѣльныхъ законодательныхъ распоряженіяхъ императора Александра Павловича по вопросу о правосудіи мы встрѣтимъ почти буквальное воспроизведеніе мыслей того или другого изъ русскихъ писателей. Заслуживаетъ вниманія съ этой точки зрѣнія уже основной принципъ государя, которымъ онъ руководился въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ: абсолютная неприкосновенность закона, силѣ котораго должны подчиняться всѣ члены общества, съ императоромъ во главѣ. Законъ является, по мысли Александра I, основнымъ нормирующимъ началомъ въ государственной жизни, и монархъ долженъ быть *первымъ его исполнителемъ*. Значеніе закона только тогда будетъ имѣть полную силу, когда и въ дѣлахъ правосудія и въ дѣлахъ вообще управленія онъ будетъ стоять на незыблемомъ основаніи. «Считаю я себѣ непозволен-

нымъ и самый человѣколюбивый поступокъ, — публично заявлялъ государь въ именномъ указѣ, отъ 23 сентября 1801 г., данномъ Комиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ,— когда несогласенъ онъ *съ правосудіемъ, первою обязанностью Государей*» (П. С. Зак., т. XXVI, № 20012). Императоръ такъ дѣйствительно и стремился поступать. «Какъ скоро, — писалъ онъ 7 августа 1801 г. въ отвѣтъ на прошеніе кн. Голицыной,— я себѣ дозволю нарушать законы, кто тогда почтетъ за обязанность исполнять ихъ? Быть выше ихъ, еслибъ я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ» (Рус. Архивъ 1877, стр. 146). Въ другомъ случаѣ, отвѣчая на прошеніе А. Н. Нарышкиной о завѣщаніи ея покойнаго мужа, Александръ писалъ 25 апр. 1801 г. о священномъ значеніи законовъ, которыхъ онъ не можетъ преступить: «Я бы подалъ примѣръ къ безконечному ихъ нарушенію и положилъ бы основаніе къ вѣчной тяжбѣ отъ рода въ родъ, при всякомъ царствѣ возраждающейся» (ib., стр. 145). Нельзя не сознаться, что на этотъ разъ мы имѣемъ предъ собой буквальное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ словъ, которыя писалъ императору Павлу Петровичу Фонъ-Визинъ, когда доказывалъ вмѣстѣ съ гр. Панинымъ, что государь долженъ поставить «въ государствѣ *правила непреложныя*, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ *не могъ бы нарушить самъ*, не переставъ быть достойнымъ государемъ» (Шильдеръ, Имп. Павелъ, стр. 182). Такимъ образомъ, мысль просвѣщеннаго писателя, ставшая руководящимъ принципомъ императора Павла I, не потеряла своей силы и при его преемникѣ.

Желая оградить законъ отъ всякаго произвола власти и тѣмъ самымъ обезпечить успѣхи русскаго правосудія, Александръ Павловичъ опубликовалъ 5 іюня 1801 г., т. е. почти тотчасъ по восшествіи на престолъ, слѣдующій именной рескриптъ на имя сената: «Уважая всегда Правительствующій Сенатъ, яко *Верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ*, и зная, сколь много права и преимущества, отъ Государей Предковъ моихъ ему присвоенныя, по времени и различнымъ обстоя-

тельствамъ подверглися перемѣнѣ, къ ослабленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго, Я желаю возстановить оный на прежнюю степень, ему приличную, и для управленія мѣстъ ему подвластныхъ толико нужную; и на сей конецъ требую отъ Сената, чтобъ онъ собравъ, представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанность его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было. Права сіи и преимущества Правительствующаго Сената Я намѣренъ поставить на незыблемомъ основаніи, какъ Государственный законъ, и силою данной Мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ» (П. С. З., т. XXVI, № 19908). Исполняя волю монарха, сенатъ, дѣйствительно, представилъ императору проектъ о возстановленіи правъ сената, который и былъ препровожденъ для окончательнаго разсмотрѣнія членамъ Государственнаго Совѣта. Въ проектѣ, заключавшемъ 27 статей, говорилось, что главную цѣль и непосредственный предметъ установленія сената, какъ государственнаго учрежденія, составляетъ «вышнее отправленіе *правосудія*, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ и общее ведѣніе всѣхъ государственныхъ распоряженій». Здѣсь предлагалось не только возстановить во всей силѣ права сената, но и улучшить самое дѣлопроизводство въ немъ, чтобы всякій подданный зналъ, «что *никакая личность, никакое пристрастіе не терпимы предъ лицомъ правосудія*» (Архивъ Государ. Совѣта, т. III, часть I, стр. 19—20). Общій смыслъ именного указа 5 іюня 1801 г., представленный сенатомъ проектъ и наконецъ происходившія въ Государственномъ Совѣтѣ пренія по этому поводу ясно показываютъ, что разсматриваемая правительственная мѣра имѣла въ виду прежде всего непреложность закона въ дѣлахъ правосудія. Такъ именно и понималъ значеніе предполагавшейся реформы сената генералъ прокуроръ Беклешевъ, который заявлялъ въ засѣданіи членовъ Государственнаго Совѣта 1 мая 1802 г., что если сенату не дать права отстаивать законъ даже предъ самимъ

государемъ, то это будетъ значить «не *правосудіе*, не безопасность, но заблужденіе и отчаянность вводить въ систему» (ibid. стр. 21). Въ такомъ же смыслѣ высказался между прочимъ и гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, по мнѣнію котораго, сенатъ просто является учрежденіемъ, «гдѣ подъ глазами самодержца вѣдаются всѣ правительства и отправляется докончательно правосудіе» (ibid., стр. 31). По вопросу о болѣе успѣшномъ производствѣ дѣлъ въ сенатѣ тотъ же графъ предлагалъ установить шестимѣсячный срокъ крайнимъ предѣломъ «всѣхъ медленностей» (ibid., стр. 36). Вообще же члены Государственнаго Совѣта почти всѣ высказались за сенатскій проектъ и въ пользу самой широкой гласности въ судебномъ дѣлопроизводствѣ, такъ что признали необходимымъ для правительства издавать при сенатѣ особую газету для публикаціи тяжбъ и процессовъ, причемъ, какъ мы видѣли выше, почти буквально воспроизвели въ своей мотивировкѣ слова Фонъ-Визина, Щербатова и Радищева.

Вопросъ о правосудіи, вообще говоря, сильно занималъ императора. Въ первые же мѣсяцы своего царствованія государь собственноручнымъ рескриптомъ на имя гр. Завадовскаго поручалъ ему образовать особую комиссію для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ, чтобы такимъ путемъ реформировать окончательно старый судъ. Работы комиссіи должны были устранить путаницу и противорѣчія въ указахъ, которыя облекаютъ мракомъ и судью и подсудимаго (Полн. Собр. Зак., т. XXVI, № 19904). Но наше вниманіе невольно останавливаетъ въ этомъ рескриптѣ и другое обстоятельство: государь заявляетъ здѣсь также, что «великое дѣло Законоположенія» всегда составляло у насъ «предметъ размышленія наилучшихъ государей и *цѣль желаній просвѣщеннѣйшей части подданныхъ*». Александръ Павловичъ публично сознается, такимъ образомъ, что, стремясь улучшить русское правосудіе и выработать непреложный законъ, онъ руководился въ данномъ случаѣ не одними личными соображеніями, но и желалъ тѣмъ самымъ осуществить мысли и лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ представителей общества, подъ которыми

слѣдуетъ разумѣть скорѣе всего именно нашихъ писателей 18 в., руководившихъ общественнымъ мнѣніемъ.

Отраженіе литературныхъ идей по вопросу о русскомъ судопроизводствѣ сказывается въ законодательной дѣятельности Александра I и въ другихъ случаяхъ. Въ именномъ указѣ сенату, отъ 1 авг. 1801 г., по поводу поступка Тамбовскаго Губернатора Бахметева, который сначала предалъ суду чиновниковъ за взятки, а потомъ нашелъ ихъ невинными, говорилось: «поступокъ таковой, обнаруживая злоупотребленіе власти и прихотливое ея обращеніе на выслугу себѣ, *съ отягощеніемъ судьбы людей, по званію губернатора особенному вниманію и попеченію его ввѣренныхъ*», заслуживаетъ самаго строгаго наказанія; государь находилъ нужнымъ поэтому отрѣшить Бахметева отъ должности (П. С. Зак., т. XXVI, № 19962). Въ указѣ этомъ любопытно отмѣтить не одно стремленіе искоренить общественныя злоупотребленія, но и почти буквальное сходство словъ императора съ тѣмъ, что мы находимъ въ «Трутнѣ» Новикова о порожнемъ и выгодномъ мѣстѣ, требующемъ «человѣка разумнаго, ученаго и прилѣжнаго; ибо *отъ него блаженство и жизнь великаго числа людей зависитъ*». Честный искатель этого мѣста не добивался бы его, «*ежели бы онъ не былъ въ состояніи подвластныхъ сему мѣсту учинить благополучными, и возстановить ихъ отъ раззоренія*, въ которое приведены были бывшимъ судіею» (Тр., изд. Ефр., стр. 26—27).

Высокій взглядъ Новикова на обязательства высшихъ должностныхъ лицъ и ихъ отвѣтственность предъ обществомъ и государствомъ уже оказалъ въ свое время извѣстное вліяніе на правительственную дѣятельность Екатерины II, но онъ не потерялъ, мы видимъ, своего значенія и при Александрѣ I, для котораго также служилъ руководящимъ правиломъ въ дѣлахъ внутренняго управленія имперіей.

Въ именномъ указѣ сенату, отъ 27 сент. 1801 г., объ отмѣнѣ пытки государь дѣлаетъ распоряженіе, «чтобъ нигдѣ ни подъ какимъ видомъ ни въ вышнихъ, ни въ нижнихъ Правитель-

ствахъ и Судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять *никакихъ истязаній*, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ Присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали *личное обвиняемыхъ предъ судомъ сознаніе*, что въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ либо *пристрастнымъ допросамъ*, и чтобъ наконецъ самое названіе пытки, стыдъ и укаризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной» (П. С. Зак., т. XXVI, № 20022). Мы находимъ здѣсь опять-таки полное и точное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ мыслей, какія проводились и въ помѣщенномъ у Новикова разсказѣ о пропажѣ золотыхъ судейскихъ часовъ, о судебномъ разслѣдованіи по этому поводу, о жестокихъ пыткахъ, пристрастныхъ допросахъ и т. д. Въ 1804 г. еще разъ было издано предписаніе не прибѣгать въ судахъ къ вынужденнымъ признаніямъ (ib. т. XXVIII, № 21516).

Мы не безъ основаній ставимъ въ связь тѣ или другія мысли законодательныхъ распоряженій императора Александра съ литературной дѣятельностью Новикова. Дѣло въ томъ, что государю и его приближеннымъ лицамъ была прекрасно извѣстна не только литературная дѣятельность знаменитаго издателя сатирическихъ журналовъ, но и его личныя качества. По крайней мѣрѣ масонъ Лабзинъ, издававшій «Сіонскій Вѣстникъ», писалъ 10 марта 1823 г. къ Корнѣеву, вспоминая 1806-й годъ, что всѣ постигшія «Сіонскій Вѣстникъ» бѣдствія исходили отъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ вельможъ. Когда литературная дѣятельность Лабзина была признана не соотвѣтствовавшей «духу правительства», то по этому поводу недоброжелатели нашего масона въ присутствіи государя «совѣтъ сотвориша», при чемъ гр. Кочубей предлагалъ заключить Лабзина въ тюрьму (il faut l'enfermer); онъ доказывалъ необходимость подобной мѣры,—пишетъ Лабзинъ,—«сравнивая меня съ покойникомъ Н. И. Новиковымъ и находя, что я его еще опаснѣе; потому что тотъ, бывъ человѣкъ неученый и

не знавшій языковъ, долженъ былъ жаръ загребать чужими руками, а я все то же могу самъ дѣлать» (Русскій Архивъ, 1892, кн. 3, стр. 370). «Вотъ какія понятія вселяли обо мнѣ Государю», заключаетъ свое письмо Лабзинъ. Мы видимъ изъ приведенныхъ словъ, что гр. Кочубей указывалъ на литературную дѣятельность Новикова, какъ на фактъ, прекрасно знакомый всѣмъ присутствовавшимъ въ совѣтѣ; онъ сообщалъ также, какъ общеизвѣстное обстоятельство, что Новиковъ не зналъ иностранныхъ языковъ. Между тѣмъ въ незнаніи языковъ Новиковъ признавался лишь на страницахъ издававшагося имъ въ 1772 г. журнала—«Живописецъ», именно въ статьѣ—«Англиская прогулка» (Живоп., изд. Ефр., СПБ. 1864, стр. 79 сл.)». До такой степени его сатирическіе журналы пользовались извѣстностью въ придворныхъ сферахъ даже въ началѣ 19-го вѣка! Неудивительно послѣ этого, что отдѣльныя мысли его почти дословно воспроизводились въ офиціальныхъ законодательныхъ распоряженіяхъ не только Екатерины II или Павла I, но и Александра Павловича.

Въ заботахъ объ улучшеніи русскаго правосудія императоръ Александръ I стремился уничтожить взяточничество въ самомъ корнѣ. Именнымъ указомъ, отъ 18 ноября 1802 г., государь повелѣвалъ сенату «подать мнѣніе, какія вообще къ истребленію язвы сей (лихоимства) должно принять мѣры, дабы не могла она вредить ни правосудію, ни Государственному устройству, ниже скорому теченію въ отправленіи дѣлъ», такъ какъ императору хотѣлось «истребить оное (лихоимство) въ самомъ корнѣ, отвратя причины къ поползновенію» (П. С. Зак., т. XXVII, № 20516). Вообще на исправленіе злоупотребленій въ судахъ въ это время было обращено особенно серьезное вниманіе. Таковы, напримѣръ, указы, предписывавшіе улучшить и ускорить порядокъ въ теченіи дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ (т. XXVI, № 19976), указывавшіе пороки чиновниковъ съ требованіемъ исправленія (ib. № 20062), повелѣвавшіе избѣгать излишнихъ канцелярскихъ формальностей (ib., т. XXVII, № 20477—78; также т. XXVIII,

№ 21522 и т. XXXI, № 24254), особенно въ судебномъ дѣлопроизводствѣ (ib., т. XXX, № 23981) и т. д. Въ 1808 г. правительственнымъ указомъ предписывалось, въ видахъ искорененія злоупотребленій и взяточничества, назначать на должность городничихъ тѣхъ или другихъ лицъ, сообразуясь единственно съ ихъ способностями, а вовсе не съ происхожденіемъ и чинами (т. XXX, № 23180). Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство заботилось и о точномъ исполненіи официіальныхъ указовъ: въ 1806 г. послѣдовало строгое предписаніе, чтобъ въ присутственныхъ мѣстахъ и судахъ дѣла рѣшались единственно на основаніи точнаго смысла законодательныхъ распоряженій высшей власти (т. XXIX, № 22134). Всякая несправедливость въ судѣ и уклоненіе отъ законности подвергались строгимъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ со стороны правительства: таковы указы 1801 года и слѣдующихъ годовъ (т. XXVI №№ 19802, 19998, т. XXVII, № 20127, т. XXVIII, №№ 21190, 21201, 21459 и др.), въ которыхъ караются судьи за неправое рѣшеніе дѣлъ и преслѣдуется превышеніе власти со стороны чиновниковъ (т. XXVII, № 20372). По поводу разслѣдованнаго Державинымъ дѣла о злоупотребленіяхъ губернаторовъ послѣдовало въ 1802 г. официіальное предписаніе правителямъ губерній искоренять проволочки въ судебномъ дѣлопроизводствѣ, наказывать за лихоимство и взятки и превышеніе власти (ib., т. XXVII, № 20374). Въ томъ же году Кіевскій Главный Судъ получилъ строгое внушеніе за допущенное имъ неправое судебное рѣшеніе (т. XXVII, № 20430); въ 1804 г. послѣдовалъ строгій указъ по поводу обнаружившихся злоупотребленій со стороны тамбовскихъ чиновниковъ (т. XXVIII, № 21120); въ 1805 г издачъ такой же указъ по поводу незаконнаго рѣшенія дѣла въ Лифляндскомъ Губернскомъ Правленіи (т. XXVIII, № 21572) и т. д. Эти и подобныя правительственныя распоряженія безспорно должны были сильно сдерживать всякія злоупотребленія въ судѣ и администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено серьезное вниманіе и на улучшеніе матеріальнаго обезпеченія чиновниковъ. Такъ въ

1802 г. было увеличено жалованье секретарямъ канцелярій присутственныхъ мѣстъ (ib., т. XXVII, № 20314), а въ 1806 г. учрежденъ даже особый сборъ на улучшеніе правительственнаго содержанія чиновниковъ и ускореніе дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ (т. XXIX, № 22392). До какой степени крупные успѣхи оказало русское правосудіе въ первыя десятилѣтія 19-го вѣка, можно видѣть уже изъ того, что теперь правительство заботится о водвореніи строго законнаго суда, имѣя въ виду не одни крупные центры населенія и большіе города, какъ то замѣтно въ законодательной дѣятельности предшествующихъ царствованій, но и незначительныя захолустья и даже просто сельскихъ обывателей. Мы уже знаемъ распоряженіе о выборѣ въ городничіе надежныхъ и честныхъ лицъ, единственно сообразуясь съ ихъ способностями, а не происхожденіемъ; здѣсь сказалась работа правительства о водвореніи законности въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ городничіе являлись главными представителями администраціи и суда. Въ 1801 году послѣдовалъ указъ и о сельскихъ обывателяхъ, который бралъ подъ свою защиту крестьянъ и предписывалъ губернскому и уѣздному начальству «силою закона оградить ихъ отъ всякихъ притѣсненій со стороны чиновниковъ, имѣющихъ напротивъ того непремѣнную обязанность доставлять имъ во всякихъ случаяхъ нужную помощь и защиту» (ib., т. XXVI, № 19943). Указъ 1802 г. простираетъ работы правительства въ этомъ смыслѣ еще далѣе: здѣсь областному начальству предписывается всячески защищать отъ притѣсненій чиновниковъ и судей даже башкирцевъ, мещеряковъ и тептерей (т. XXVII, № 20231).

Чтобы придать большій вѣсъ правительственнымъ распоряженіямъ и на мѣстѣ убѣдиться, до какой степени точно исполняются законодательныя предписанія, необходимы были правильно организованныя ревизіи и строгія разслѣдованія по поводу злоупотребленій властей. Такія мѣры дѣйствительно и были принимаемы въ это время. 27 января 1802 г. въ засѣданіи членовъ Государственнаго Совѣта обсуждалось донесеніе сенаторовъ

Салтыкова и Пестеля, которые по высочайшему повелѣнію разслѣдовали на мѣстѣ дѣло о злоупотребленіяхъ чиновниковъ Вятской губерніи по дошедшимъ на послѣднихъ доносамъ. Разсмотрѣвъ подробно докладъ, совѣтъ постановилъ: 1) Вятскаго губернатора Латышева «уволить съ пенсіей» отъ должности; 2) На его мѣсто назначить Владимірскаго губернатора Рунича, «по извѣстной его дѣятельности, знанію и безкорыстію; 3) «Рекомендованнымъ отъ сенаторовъ чиновникамъ объявить Высочайшее благоволѣніе»; 4) Неблагонадежныхъ чиновниковъ «въ примѣръ другимъ отъ мѣстъ отрѣшить»; 5) Наиболѣе же подозрительныхъ чиновниковъ «изъ Вятской губерніи выслать» (Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, часть I, стр. 55). Графъ Зубовъ однако настаивалъ, чтобы «обвиняемымъ предоставить всѣ средства къ оправданію» (ib., стр. 56—57). 5 февраля 1806 г. Государственный Совѣтъ разсматривалъ дѣло о злоупотребленіяхъ Калужскаго губернатора Лопухина и губернскаго прокурора Чаплина (ib., стр. 58 сл.). 18 марта 1807 г. совѣтъ обсуждалъ донесеніе ревизовавшаго Рязанскую губернію сенатора Рунича (ib., стр. 63—64). Въ 1805 г. была организована спеціальная ревизія изъ сенаторовъ для осмотра губерній. На докладъ по этому поводу правительствующаго сената, къ которому была приложена и подробная инструкція ревизорамъ, которой они должны были руководиться при осмотрѣ губерній, Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 5 іюня 1805 г. нашелъ нужнымъ присоединить къ инструкціи еще одинъ пунктъ: сенаторы обязаны слѣдить, «нѣтъ ли какихъ либо отъ мѣстныхъ губернскихъ начальниковъ народу притѣсненій, безгласныхъ налоговъ, такъ же жестокостей въ употребленіи власти и тому подобныхъ обстоятельствъ, коихъ открытіе зависитъ болѣе отъ благоразумнаго сенаторовъ наблюденія, нежели отъ публичнаго ихъ дѣйствія». Инструкція съ подобнымъ дополненіемъ 10 іюля того же года окончательно утверждена государственнымъ совѣтомъ.

Но законодательная дѣятельность императора Александра Павловича по вопросу о русскомъ правосудіи, стремившаяся

обезпечить торжество правды и законности въ судахъ, пріобрѣтала тѣмъ болѣе дѣйствительную силу, что находила для себя могущественную поддержку въ самомъ обществѣ. Усилія обличительной литературы второй половины 18-го вѣка внушить русскимъ людямъ отвращеніе отъ тѣхъ или другихъ злоупотребленій въ общественной жизни не прошли даромъ: взгляды отдѣльныхъ писателей стали теперь общимъ достояніемъ лучшей и просвѣщеннѣйшей части русскаго народа. Характеризуя состояніе нашего общества въ эту эпоху, Вигель говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: «Всѣ завидовали тѣмъ счастливцамъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ» (часть I, стр. 235). Новыя поколѣнія смѣло сами пошли навстрѣчу начинаніямъ правительства и рѣшили съ своей стороны оказывать ему рѣшительное содѣйствіе. Чрезвычайную цѣнность для историка пріобрѣтаетъ съ этой точки зрѣнія уставъ общества, называвшагося Союзомъ Благоденствія. Оно возникло въ концѣ 1817 или въ началѣ 1818 гг. Исходя изъ той мысли, что «правительство, не смотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей», составители устава заявляли, что «учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрываетъ своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ». Члены кружка подраздѣлялись на четыре группы. «Въ первой предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, то-есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ..... Во второй, умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ..... препятствуя по возможности воспитанія за границей и всякому чужеземному вліянію». «Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствія *судовъ*; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ

въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, *даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства.* Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи» (Русс. Старина 1901, авг., стр. 272—74).

Какъ видимъ, члены общества стремились содѣйствовать правительству въ тѣхъ именно вопросахъ, которые такъ долго и такъ настойчиво разрабатывались нашими писателями въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ еще во вторую половину 18-го в. Но для настоящей работы имѣетъ значеніе прежде всего рѣшимость общества слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона въ дѣлахъ правосудія и принять всѣ мѣры къ обузданію безчестныхъ и къ поощренію справедливыхъ судей. При такихъ условіяхъ русское судопроизводство въ царствованіе Александра I должно было несомнѣнно измѣниться къ лучшему. Обращаясь къ свидѣтельству современниковъ, мы дѣйствительно получаемъ возможность наглядно убѣдиться, до какой степени рѣзко измѣнилось теперь общее положеніе вещей въ этомъ отношеніи. Такъ Ф. Ф. Вигель, изъѣздившій уже въ первые годы царствованія Александра Павловича едва ли не всю Россію въ различныхъ направленіяхъ и даже совершившій вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ, направленнымъ въ Китай, продолжительное путешествіе по Сибири, отзывается почти о всѣхъ губернаторахъ, которыхъ встрѣчалъ и въ Россіи и въ Сибири, какъ о лицахъ примѣрной честности, стремившихся быть строгими исполнителями и блюстителями закона. По свидѣтельству современника Рунича, правительство, создавая министерства въ 1802 г., не могло не сознавать, что для того «надобно было найти цѣлый рой образованныхъ людей, чтобы замѣнить чиновниковъ стараго закала» (Рус. Ст. 1901, февр., стр. 350). По свидѣтельству другого современника, правительство такъ именно и поступило. Вигель,

говоря объ учрежденіи въ 1802 г. министерствъ, замѣчаетъ: «Канцеляріи министерствъ должны были сдѣлаться нормами и разсадниками для присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ. И дѣйствительно, молодые люди, преимущественно воспитанники духовныхъ академій или студенты единственнаго Московскаго университета, принесли въ нихъ сначала всѣ мечты юности о благѣ, объ общей пользѣ»; чиновникамъ этимъ, вдобавокъ, назначено было «приличное содержаніе», дававшее имъ возможность не только чисто одѣваться, но и позволять себѣ разумныя развлеченія (Восп., ч. II, стр. 25). Мы видимъ и на этотъ разъ, что сочувствіе просвѣщеннымъ начинаніямъ правительство прежде всего сказалось опять-таки въ идеалистически настроенныхъ молодыхъ поколѣніяхъ, которыя и являлись проводниками въ русскую общественную жизнь новыхъ культурныхъ началъ. Характеризую вообще правительственную дѣятельность императора Александра I по вопросамъ внутренняго управленія государствомъ и, слѣдовательно, имѣя въ виду состояніе администраціи и суда, Руничъ замѣчаетъ: «Время, протекшее со вступленія его на престолъ до 1810, 11 и 12 годовъ, будетъ на вѣки достопамятнымъ, какъ эпоха созданія настоящаго положенія Россійской имперіи въ половинѣ XIX вѣка. *Россія подвинулась на цѣлое столѣтіе къ политическому возрожденію*» (Рус. Ст. 1901, февр., стр. 351). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же современникъ считаетъ время царствованія Александра I «новой эрой» русской жизни; по его мнѣнію, въ это время Россія какъ бы порвала связь съ предшествующими эпохами исторической жизни: «Совершившееся возрожденіе страны не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ. Она идетъ къ своей цѣли; нѣтъ возможности остановить ее. Для этого надобно было бы обладать сверхъестественною силою» (ib., стр. 345). До такой степени казались невѣроятными современникамъ успѣхи русской жизни при императорѣ Александрѣ Павловичѣ во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія.

Какъ посмотрѣть, да посравнить

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! —

говорилъ приблизительно въ 1817 году авторъ комедіи «Горе отъ ума», — Грибоѣдовъ. Новые взгляды и понятія, неизбѣжно принимавшіе либеральный оттѣнокъ, въ это время успѣли широко распространиться въ русскомъ обществѣ. Декабристъ Бѣляевъ свидѣтельствуетъ, вспоминая періодъ свой юности, что къ концу первой четверти XIX в. «либерализмъ сталъ уже достояніемъ каждаго мало-мальски образованнаго человѣка» (Записки декабриста Бѣляева, стр. 154 сл.). Трудно приходилось при подобныхъ условіяхъ и защитникахъ старыхъ порядковъ въ судопроизводствѣ: духъ времени и новыя поколѣнія все больше и больше искореняли здѣсь произволъ и неправду; теперь старинный судъ могъ держаться лишь въ глухихъ закоулкахъ обширной Россіи, постепенно уступая мѣсто напору просвѣщенія; представители традиціоннаго правосудія оказывались уже безспорно отживающими типами; еще четверть вѣка, — и мы наканунѣ великихъ реформъ въ пользу всеобщаго торжества правды и законности, — наканунѣ суда скораго, праваго и милостиваго. Желая наглядно представить успѣхи русскаго правосудія, какіе оказало оно къ самому концу 18-го вѣка и началу 19-го, и вмѣстѣ показать эту, приводившую въ изумленіе современниковъ, глубокую пропасть, отдѣлявшую эпоху Екатерины II отъ первыхъ годовъ царствованія Александра Павловича, мы остановимся на слѣдующей эпизодической замѣткѣ въ Воспоминаніяхъ современника Вигеля, относящейся къ концу перваго десятилѣтія 19-го вѣка: «Къ удовольствію моему, — пишетъ онъ, — новый губернаторъ царствовалъ тирански, деспотически. Онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, который убѣжденъ, что лихоимство есть неотъемлемое, священное право всѣхъ тѣхъ, кои облечены какою-либо властію, и говорилъ о томъ непринужденно, откровенно. Мнѣ, признаюсь, это нравилось; истинное убѣжденіе во всякомъ человѣкѣ готовъ я уважать. Иногда, въ присутствіи Пензенскихъ жителей, позво-

лялъ онъ себѣ смѣяться надъ недостаткомъ ихъ въ щедрости: Хороша здѣсь ярмарка, говорилъ онъ имъ съ досадной насмѣшкой: Бердичевская въ Волынской губерніи даетъ тридцать тысячъ рублей серебромъ губернатору, а мнѣ здѣсь купчишки поднесли три пуда сахару; вотъ я же ихъ!» (Восп., ч. III, стр. 97). Этотъ губернаторъ, къ удивленію Вигеля, не стыдившійся признаваться въ стремленіи къ взяточничеству, былъ въ его глазахъ какимъ-то забавнымъ анахронизмомъ; современникъ положительно любовался имъ, видя въ немъ живой экземпляръ прежнихъ лихоимцевъ; подобные начальники губерній, очевидно, оказывались въ то время уже замѣчательной, интересной рѣдкостью; ихъ-то, несомнѣнно, и продолжало карать правительство. Между тѣмъ въ первую половину царствованія Екатерины II такой рѣдкостью были честные представители суда и администраціи; по крайней мѣрѣ въ запискахъ Добрынина разсказывается, что когда извѣстный своей неподкупной честностью генералъ Петръ Ивановичъ Боборыкинъ явился въ театръ, публика встрѣтила его шумными привѣтствіями и рукоплесканіями. Такъ рѣзко измѣнилось положеніе вещей въ какія-нибудь два-три десятилѣтія, тогда какъ продажность суда и всеобщее лихоимство до того времени упорно держались въ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Не забудемъ, что еще псковскій лѣтописецъ жаловался въ концѣ 15-го в. на московскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ-судей, что правда ихъ, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо и кривда въ нихъ начала ходить, что они позволяли себѣ неправый судъ, утѣсняли вдовъ и сиротъ и т. д.

Формулируемъ добытыя нами въ настоящемъ очеркѣ общія положенія по вопросу о вліяніи русской литературы второй половины 18-го в. на судопроизводство и законодательную дѣятельность правительства по этому вопросу:

1) Русское судопроизводство подъ вліяніемъ законодательныхъ распоряженій Екатерины II, Павла I и Александра I въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вв. рѣзко измѣнилось къ лучшему.

2) Самое законодательство по вопросу о правосудіи развива-

лось въ это время подъ прямымъ вліяніемъ обличительной русской литературы и потому являлось лишь проводникомъ въ общественную жизнь взглядовъ передовыхъ нашихъ писателей второй половины 18-го вѣка.

3) Правительство, требуя точнаго исполненія законодательныхъ предписаній по вопросу о правосудіи и строго карая ослушниковъ и нарушителей указовъ, тѣмъ самымъ улучшало русское судопроизводство.

4) Мѣры правительства, направленныя къ искорененію безпорядковъ въ судахъ, оказывались тѣмъ болѣе дѣйствительными, что находили для себя сочувствіе и поддержку въ лучшей части современнаго русскаго общества, особенно среди молодыхъ поколѣній, воспитавшихся на произведеніяхъ сатирической литературы.

5) Вмѣстѣ съ перемѣной понятій и нравовъ въ современномъ обществѣ мало-по-малу измѣнялись и улучшались взгляды, понятія и самый составъ судей, такъ что къ концу первой четверти 19-го вѣка старинные порядки въ русскихъ судахъ могли держаться лишь въ глухихъ захолустьяхъ.

6) Взяточничество если и продолжало еще существовать въ концѣ 18 и началѣ 19-го вв., то уже въ новомъ видѣ: это было не грубое вымогательство и грабительство, а добровольное соглашеніе съ просителями.

7) Случаи злоупотребленій въ судахъ, какіе отмѣчаются въ указахъ послѣднихъ годовъ царствованія Павла I и въ правленіе Александра I, оказываются уже не обычными явленіями, а скорѣе исключеніями въ судебной практикѣ этого времени, какъ отзвукъ старинныхъ взглядовъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 2.

СВѢДѢНІЯ

О НѢКОТОРЫХЪ ГОВОРАХЪ

ТВЕРСКОГО, КЛИНСКАГО и МОСКОВСКАГО

УѢЗДОВЪ.

СООБЩИЛЪ
В. Чернышевъ.

Въ приложеніи: I. Пѣсни, записанныя въ Клинскомъ и Московскомъ уѣздахъ. II. Замѣтки о народныхъ пѣсняхъ (1. Гдѣ сложена народная пѣсня? 2. Народныя и ненародныя пѣсни). III. Указатель варіантовъ и книжныхъ источниковъ приведенныхъ пѣсенъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1903 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверскаго, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ.

I.

Тверской уѣздъ.

II.

Клинскій уѣздъ.

III.

Московскій уѣздъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

II.

Стр.

III.

Замѣтки о народныхъ пѣсняхъ.

IV.

СОДЕРЖАНІЕ ПАРАГРАФОВЪ.

Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверскаго, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ.

Свѣдѣнія эти собраны лѣтомъ 1900 года. Они даютъ понятіе о говорахъ мѣстностей, находящихся по дорогѣ отъ Твери къ Москвѣ, недалекихъ отъ Николаевской желѣзной дороги и старой шоссейной дороги изъ Москвы въ Петербургъ. Въ Прасоловѣ и Гнилушѣ я провелъ значительную часть лѣтняго времени, съ другими говорами познакомился проѣздомъ. Возможность посѣщенія (открытый листъ и денежныя средства) была предоставлена мнѣ Отдѣленіемъ русскаго яз. и словесности Императорской Академіи Наукъ, которому приношу мою искреннюю благодарность за эту помощь, являющуюся для меня также и дорогой нравственной поддержкой. Достоуважаемаго А. А. Шахматова я долженъ поблагодарить за данныя мнѣ указанія передъ поѣздкой и при обработкѣ матеріаловъ.

Очень сожалѣю, что не могу представить свои наблюденія въ болѣе обработанномъ въ видѣ: для этого я совсѣмъ не имѣлъ времени.

I.

Тверской уѣздъ.

№ 1. *С. Ста́рый Пого́стъ Щерби́новской* волости, въ 8 верстахъ отъ Николаевской желѣзной дороги, № 669.

Разговоры съ старухой богомолкой, бывавшей въ Кіевѣ, Почаевѣ, Соловкахъ. Прежде странствованій жила въ кухаркахъ. Познакомился и бесѣдовалъ съ ней я въ Московскомъ уѣздѣ, въ которомъ она бываетъ довольно часто.

§ 1. Окаетъ: роска́жеш, *со*лфе́тку, но чаще: р*аз*—, раб*о́*тать; *жала́*ть, даже: пл*ахáя*.

Нё*су́*, *лё́*жыт, с*и*рё́бро́, *у*ст*и*рё́гá*йса*, б*и*рё́гут, хлё́ба́*ищ*, вё́сно́й, в*и*сё́ло; вё́дро́, забё́гá*йти*, слё́пых, бё́да́, двё́на́тцать; но: тро́*е*. Убрабо́тыв*у*т, *у*торвё́тца, *у*т просту́ды; до́ч*ю*нька.

Въ слогѣ не предударномъ у ней на мѣстѣ *о* — *а* неполнаго образованія: вы́м*аим*, до́р*ага*, ху́д*а*, многóньк*а*, видáла и горьк*ава* и слáткав*а*, теплѣ́я; также на мѣстѣ у: д*а*рачёк, вóзд*ах*.

Подъ удареніемъ: пощáлкив*ат*, пошáптывутца; полáш (= положь?).

§ 2. Подъ удареніемъ: зд*и*сь, сíит, калúких; j*и*сь (есть), ú*тим*, сил*и́*ніе, вр*и́*мя, дв*и*рь, ш*ы*сь (шесть), ш*ы*рсь (шерсть), ж*ы́*ньш*ы*ны и мног. др.; также: пiй (пей), людíй (людей). Эти произношенія непослѣдовательны; часто говорилось правильно. Передъ твердой согласной звукъ *е* (ѣ) сохраняется.

Передъ удареніемъ *и* на мѣстѣ *ѣ*, *е* является также только передъ мягкой согласной: л*и*ни́вай, м*и*ня́, в*и*ли́т, поб*и*сѣ́дуйте, *Ни*фóдій (Меѳодій), с*и*дьмóй, зв*и*ни́т.

Сравнивъ произношенія: вёснóй, бёдá, дв*и*рь, зд*и*сь, л*и*ни́вай, в*и*ли́т, мы увидимъ, что имѣемъ дѣло съ говоромъ особаго типа, въ которомъ *е* и *ѣ* совпали раньше, чѣмъ въ другихъ говорахъ, и имѣли одинаковую судьбу. Нѣтъ примѣровъ совпаденія только въ слогѣ подъ удареніемъ передъ твердою согласною.

Другіе примѣры: знá*ит*, игрá*ит*, лу́чч*ы*, *ишиы* (энклитика; ы неясно). Но: посиди́т*е*, погляди́т*е*; как н*е* как (какъ н*и* какъ).

§ 3. Звукъ е: ощó; тéплинька (не ё, но *ѣ*, кажется, твердо); пещóр (пещеръ).

Звукъ о: голóвушк*уй*, бобы́лачк*уй*, одёжк*уй*; бисикóм.

§ 4. Кол*ь* (коли, если); м*а*рáсь (мразь, мерзость).

Замѣчательно окончаніе *о* вмѣсто *ъ* въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ: Остáшков*о*, Ку́рск*о*, в Ры́бинск*о*, *Ми́ло* (Нилъ; о произнесено слабо) преподóбный.

§ 5. Рабóт*аш*, пощáлкив*ат*, выгля́дыв*ат*.

§ 6. *Х*то.

Иногда замѣчается мѣна *ц* и *ч*: по*ц*ерьпнет (*ц* почти мягко), чигáн, падлечу́ (подлецу); иногда слышится звукъ средній между *ц* и *ч*.

Звукъ *ч* тверже обыкновеннаго: ó*чы*нно.

Двойныя *ж* и *ш* мягки, но можно услышать и твердое или

довольно твердое произношеніе: служа́*шш*ыи, до́*жж*ык. Вмѣсто двухъ ш иногда одно: бп*ш*ество; вмѣсто *шш—шч*: *шч*ы (щи), *шч*я Ва́ся ни пришол; вмѣсто *жд—жж*: не до*жж*ёшься.

Отдѣльныя произношенія: скрозно́й вѣтир; чажо́лай; *ш*то. Замѣчательно правильное: клубни́ка (во владимирскихъ говорахъ: клу*н*нига, гдѣ *н*, можетъ быть, изъ формъ въ родѣ клу*н*ки́?).

§ 7. Перьва́; грибово́й, кры́кнул; взёт, взю́га.

Губные въ концѣ словъ тверды: любо́*ф*, гото́*ф*, ста*ф*, поста́*ф* (повелит. наклон.), се*м*, во́се*м*. О́чи*н*.

§ 8. Примѣровъ нѣтъ.

§ 9. Ко́ней; башма́чки; работа́ть; падняли́сь; (вѣтеръ) свѣжо́й; висёло́. До́ч*у*нька (слабое удареніе на концѣ).

§ 10. Родит. ед.: с Кля́зьм*и* (изъ Клязьмы, селенія); родит. мн.: брате́*й* (никакихъ ни брате́й ни сестер нѣт); манастыре́*ф*. Выраженіе: поди *в ко́бѣдни*—вѣроятно, представляетъ изъ себя винит. пад. мн. числа, образованный изъ дат. един., въ которомъ предлогъ слился съ именемъ. Сравн.: выросъ с *ко́бѣдню* (= церковь) въ значеніи: сталъ очень великъ (Гусевской заводъ Касимовскаго уѣзда). В Ры́бинск*им* хорошо́ (въ Рыбинскѣ).

§ 11. Именит. пад. единст.: промы́шленн*ай*, кото́р*ай*, сидя́щ*ей*; им. пад. множественн. числа на *ые* и *эе*: ми́л*эе* дѣтушки, фку́сн*эе* щи (э неясно), добродѣтельн*ээ* (э неясно); до́рог*е* (яица). Окончанія *ыих, ыим*: молод*ыих*, грѣшн*ыим*.

§ 12. Сея́ (на сея́—на себя), теэ́ (тебѣ). Въ родит. падежѣ древнія: і*ѣ*́ (і*ѣ*́ нѣту), одно*ѣ*́. То*ѣ*́ (не ё; одежинку и то*ѣ*́ фсё попроси).

§ 13. Изъявит. наклон.: ду́м*у*, не вѣд*у*, пріи́скыв*у*, поша́птыв*у*тца, *у*брабо́тыв*у*т, огля́дыв*у*т; как слѣ́да*и*т (слѣдуетъ); *одію́с* (одѣваюсь); возврат. залогъ на *с, сь* и *си*: корьмлю́*сь*, попадё*сься*, достучи́*сься*; да́л*си*, напи́л*си*.

§ 14. Мо́же (вводное слово), нико*вда́*, нѣт*у*.

§ 15. Крылёц (крыльцо).

§ 16. Членъ: *та*.

№ 2. *Д. Бычко́во*, или *Арха́нгельская слобода́ Нику́линской волости*, № 598.

Небольшое селеніе (19 дворовъ) на рѣкѣ *Перемтрѣ*, верстахъ въ двухъ отъ Твери, бывшее имѣніе барона Бу́хлица. Сохранилось преданіе, что жители выселенцы изъ Твери, переселились послѣ пожаровъ. Селеніе имѣетъ планъ 1736 года. У меня записано немного произношеній изъ разговора съ 64-лѣтнимъ старикомъ. Акающій говоръ Бычкова даетъ основаніе полагать, что въ Твери было аканье уже въ началѣ XVIII столѣтія [1]).—Вотъ замѣченныя мною особенности говора.

Звуки гласные: ник*а*во́, раз*а́*бра́ть, п*а*бли́жнасти и др.; *жа*ла́ете, пято́к; св*и*дёныи рощи; я́риц*у*́й; адо́нье; бѣ́гало́ф. *Я* за *е*, кажется, нѣтъ. Молодая женщина акаетъ яснѣе.

Согласные: рѣ*шн*ые; ра*щ*ибі́ла (расшибла); по́мачь; твердость конечныхъ губныхъ: жу́ра*ф* (удареніе такъ!), сте*п*, се*м*; мягкость *р*: пе́*рь*вая, се́*рь*п, се*рь*па́ми; гваско́м.

Калдава́я = кладовая, *калдаво́й* амбар.

Удареніе: балати́ста; чи́рис кра́й.

Имена и мѣстоименія: р. п.: лѣс*у*; бли́жн*іе*; никак*і́их*; ра́ньче (почти такъ), наро́т пре́жде *пращѣе* был; аднаѐ, аднѐм гваско́м занима́ются (собирательно); о́б*а* су́тки; до́чка еѐ (не ё).

Глаголы: ити́ть; спра́шыв*ут*, спры́скыв*ут*; *надѣ́етца* (= надѣвается), *засѣю́т* (засѣваютъ).

Въ словарѣ: *адо́нье*, *скирт* (очень большой стогъ сѣна), *ладо́нь*, (токъ), *паха́ть* (не орать), *баранава́ть* (не скородить), *клѣф*, *сасѣ́т* (не шаберъ), *шесто́к* (слова *загнѣ́та* нѣтъ), *квашня́* (сл. *дежа́* нѣтъ).

Названія урочищъ: *Дя́тлава*, *Бaгусло́фска*, *Чищо́ба*.

№ 3. *Гла́зково Васильевской* волости, на Тверцѣ, отъ Твери 5 верстъ, № 125.

Въ слѣдующей деревнѣ, *Но́венькое № 126* (у меня: Но́винка), тоже окаютъ и ѐкаютъ (сѐло́). Въ *Глазко́вѣ* въ большинствѣ случаевъ записаны произношенія старика 64 лѣтъ, постоянно жившаго въ своей деревнѣ. Она существуетъ давно: «когда и родителеф не было». Разницы между говоромъ стариковъ и молодыхъ онъ не замѣчаетъ, но она есть.

---

[1]) Вообще же около Твери много и акающихъ и окающихъ говоровъ. Первые, повидимому, преобладаютъ на западѣ, вторые — на востокѣ.

§ 1. *Р*о*б*о*тáть и *р*о*бóтать (о неясно), *о*птéка, т*о*рéлка; р*о*зýют; но иногда говорятъ на а: *с*а*х*á, к*а*пнá, т*а*пéрь.

Ё̈мý, *биз* нёвó (и: *е*вó), свёкрóф, вёснóй, дёшóв*аи* (мн. ч.; кажется, такое окончаніе), мётáли (какой-то средній звукъ между *ё* и *я*); пёсóк, пёскý.

Удинóкіи, *у*колѣ́ла, *у*быкновéніе. — Óк*а*нь (окунь).

§ 2. *И* на мѣстѣ *е* только за слогъ до ударенія: б*и*з нёвó, п*и*шникóф; п*и*тялтúнный; но: на фáбрик*ѣ*.

Молодой крестьянинъ, тверской извозчикъ, старается говорить по-московски: хл*ибап*áшества, з*и*млѝ и рядомъ произноситъ: *о*т нас, Колóшыно (собст. имя), *уд* дирéвни.

§ 3. Звукъ е: ещ*é* (не ё), щ*é*лочку (не ё). Звукъ о: молотилк*уй*. — Лени́ (лини́).

§ 4. Бор̀новáть, к̀раси́ (караси), к̀рася́, пер̀дѣли́фшы.

§ 5. Как*á* травá, как*и́* сапоги, мáленьк*и* лотчёнки.

§ 6. *Г*', *к*' сохраняются, но: почки́ (почти).

Х пёскý; порóз*ная*[1]) изба; пи*шн*икóф.

§ 7. П́ерьвай; свёкрó*ф*, óбу*ф*, картó*ф* (картофель), се*м*.

§ 8. Кл*ѣ*у*шóк и рядомъ: кл*ѣв*у*шки́. *Ю*хаешь по снѣгу (ухаешь, проваливаешься).

§ 9. Кóни; завéрнешь; жнивó; четвёро; работáть; вдавнѣ́.

§ 10. Род. падежъ: нарóд*у*, сперед*ý*; предложн. пад.: ф куст*ý*, на мх*ý*; твор. множ.: коньми́. *Кулье̂* возили (кули).

§ 11. Покóсн*ые* мѣста, монастúрск*іе* (крестьяне). Оконч. *ыих*: семéйн*ыих*, портн*ыих*, никак*іих*.

§ 12. Мѣстоименія *ты* и *себя* въ родительномъ и дательномъ падежахъ произносятся правильно, вѣроятно, от близости большого города.

Аны (молодой крестьянинъ). Въ родит. падежѣ *ей* (до *ней*) и *ей* (мало *ей* (лихорадки) бывало). Своé лóтки.

§ 13. Неопр. накл.: гресь (сѣно); изъявит.: дýм*у*; ѣ́зьд*іют*; возв. зал.: вывели*сь*, расселѝ*тцы* (3 л.).

---

1) З правильно: ср. древнерус. порозьдьныи.

§ 14. Ны́ничя, отсе́дова, топе́рь, здѣ́ся, коли́ (когда), пре́ждо; *я́ро* (*я́ро* вода течет).

§ 15. Родъ: пропа́л ло́шать, карто́ф згнила́. Число: наро́т стал *самолю́пцы*; ф *тя́ги* ходили которые (крестьяне: лошадей водить). Падежъ: *наро́ду* есь; заверну́фши *ногá* (но здѣсь могла быть ошибка въ чтеніи записи!); су́ток тро́е. — Сказуемое: (крестьяне) *пе́рдѣлифши* фсѣ (передѣлены).

§ 16. Члена въ записяхъ не оказалось.

Въ словарѣ: *конь* и *ло́шать* (у госпо́т конь, а у насъ ло́шать (п. ч. плоха)), *клѣф* (не закута), *бо́рнова́ть* (не скородить), *квашня́* (не дежа), *шосто́к* (не загнѣта), *ко́фшик* (не корецъ), *сусѣ́т* (не шаберъ), *свёкро́ф* (не свекры).

Отмѣчу также: черни́*ца*, брусни́*ца*; *брежъжевѐльник* (можжевельникъ).

№ 4. Села *Миха́йловское*, № 189 и *Васи́льевское*, № 191 *Васи́льевской* волости.

Большія села, гдѣ жители «ковали́» (занимаются ковкой гвоздей). Въ первомъ селѣ около 100 дворовъ, душъ 232. Крестьяне бывшіе крѣпостные графа Борха.

Рѣка *Видемья́* (въ Списк. насел. мѣстъ: *Вѣдемья*). Населеніе также идетъ на заработки, но въ Петербургъ болѣе, чѣмъ въ Москву. «Наши тамъ живутъ и другъ друга опредѣляютъ». Объясняютъ и тѣмъ, что въ Петербургѣ выгоднѣе.

Сходны съ данными селами по говору селенія: Я́ковлево, Ору́дово, И́зворотень (Изворотня № 127), Со́фьино, Алекса́ндровка (по Бѣжецкому тракту или близъ его). Нѣкоторыя изъ этихъ селеній возникли недавно изъ Михайловскихъ или Васильевскихъ переселенцевъ.

«*Щека́ет*» = кто говоритъ чисто, не по-васильевски.

Одинъ изъ видовъ дзекающихъ говоровъ на сѣверѣ. Въ вокализмѣ замѣчательною особенностью его являются одинаковые рефлексы древнихъ *е* и *ѣ* въ слогѣ передъ удареніемъ: тёпло́ и в лёсу́, такъ же какъ южно-великорусск. тяпло́, в лясу́.

§ 1. Окаютъ: коба́к, роспа́хывали и др. Аканье можно услы-

шать отъ женщинъ, приведенныхъ изъ акающихъ мѣстностей или отъ лицъ, не сохранившихъ въ чистотѣ старый говоръ. Такъ жена Васильевскаго сельскаго старосты, приведенная изъ *Ивановскаго прихода*, гдѣ акающее населеніе, акаетъ: холаднѣе, жанá, тяплó. Можетъ быть, поэтому и ея окающій мужъ иногда скажетъ на а: *адин*, *бальшóй*. И у другихъ окающихъ я слышалъ произношенія: утмянúли; плóтим; в учúлищу.

Пѐхáли, лёжáл, Лёксáндра (мужское имя), жовáть, ничёвó, у нёвó, тёплó, дёшóвáй, цолкóвых, ёмý; высёвáм, двёнáтцать, в лёсý, на снёгý, клёвы́.

Угорóды, *у*горóдникам, *у*бразовáть, *у*бглодáли, *у*топьёт.

Подъ удареніемъ: заклáпывать гвоздями.

Штó-жа (произношеніе старухи). Ни отдáст, деˣсятины; бóльше и бóльшы; на фáбрикѣ. Дровúц.

§ 2. Произношенія: вирьх (потолокъ), в лисѣ — слышаны неясно. Но они есть въ говорѣ (См. *Опытъ русск. діалек. А. И. Соболевскаго*, стр. 36).

§ 3. Звукъ е: Олёна, *ощó* и *ошшó*; брéвен (не ё), ведéрку (не ё); бáрыню́й.

§ 4. Прохóд (пароходъ).

§ 5. Холóдна (церковь), котóра (невѣста), фунтовý одёжу, ф сáму в вóду, какý дерéвню, деревя́нну; рубáхи бѣлы, подря́дны и др.; копéк; бѣгат, гуля́т, посылáт, хватáт, умѣ́т, поспѣ́т, не ломáм, добывáм, убирáм и др.; рядомъ: знáат, знáам...

Д иногда обращается въ *j*: погляjэл (Васильевское).

§ 6. Самóе замѣчательное въ говорѣ это, конечно, его дзеканье: *дзё*нешку, до *це*мнá. Оно слышится рѣдко [1]).

Роспáхывали (старуха), роспáхивали (молодая). Для мягкаго к въ концѣ словъ оказался одинъ примѣръ: тóлькё.

На мѣстѣ *мягкихъ з, с* слышатся мягкіе средніе звуки между *з* и *ж*, *с* и *ш*: возˣьмý, зˣéмлю, зˣдѣсшь, взˣять, возˣúли,

1) Два приведенныя произношенія я слышалъ только у старухи 60 лѣтъ На дзеканье въ этихъ говорахъ указывалъ мнѣ и мой бывшій учитель В. И. Долговъ, преподаватель Киржачской учительской семинаріи, котораго я долженъ поблагодарить за указаніе и совѣтъ посѣтить эту мѣстность.

*зʺ*ябнем, по*зʺ*ябли, *ѣзʺ*ъдили, торопи́ла*сʺ*ь, е*сʺ*ь, здѣ*сʺ*ь, *сʺ*веди́, *фсʺ*ево́.

Иногда звукъ приближается къ мягкимъ *ж*, *ш*: *ж*' *ж*емли́, ку́*ж*ница, в и*ж*'бѣ, в*ж*ять, здѣ*шь*, соф*ш*'ѣм, *ш*'ѣили, взяли́*шь*. Иногда трудно опредѣлить: твердо или мягко произнесены эти *ж*, *ш*: занима́ем*ша*.

При этомъ въ записяхъ есть случаи, гдѣ средній звукъ или его замѣна оказывается на мѣстѣ твердаго с: *сʺ*то два́т*сʺ*ать (120), *ш*коти́нкой. Эти случаи желательно провѣрить.

Цокаютъ не только бабы, но и мужики: *ц*ово́, ф *ц*ыслѣ́, закола́*ц*ывать, *ц*ы́сти, *ц*ай, *ц*ѣлове́къ и мног. др. Ц обыкновенно твердо, но можно услышать и мягкое произношеніе: си*ця́*с, на*це*ва́л. Въ общемъ цоканье непослѣдовательно: рядомъ слышится много правильныхъ произношеній. Чеканье очень рѣдко: *ч*ѣлко́вой, *ч*ѣлко́вых. Бабы, съ которыми я разговаривалъ, только цокаютъ, но не чекаютъ.

Ч произносится иногда съ оттѣнкомъ твердости (Васильевское).

Двойное *ш* иногда твердо: пу*шш*а́ть, о*шш*о́, но яснаго произношенія двойного твердаго *ж* мнѣ не удалось услышать.

Иногда *щ* = *шч*: настоя́*шч*ява. Въ словѣ еще *щ* звучитъ какъ *шт*: е*шт*о́, и*шт*о́.

Группы согласныхъ: гре́*шн*евая, мѣшо́*шны*, но: печ*н*о́й (старикъ); уни*ст*о́живаться; пра́*жьж*юю зе́млю, пра́*жьжи*х мѣсто́ф, мѣста́ пра́*жьжи*.

Отдѣльныя произношенія: поро́*зн*ых; *ть*вѣт и расвѣла́; карто́*фій* (картофель); мале́нько.

Вмѣсто всѣ почти: *п*сѣ (слышано нѣсколько разъ; Васильевское).

§ 7. Све*рь*ка́л, ве́*рь*бнова, пе́*рь*вай, пе́*рь*вава и др.; но*ф* (новь), це́рько*ф*, пригото́*ф*, ру*п*, се*м*.

§ 8. Гво́зья (гвоздья); тра*ў* (травў).

§ 9. Ко́ни, ко́ней, велик*ава* по́сту, в Мо́скву, ко́валь, гвоздики ко́вали; пригово́р, крупны́х, кожаны́е сапоги, ковала́, проковала́.

§ 10. Родит. п. ед. числа: смы́слу, вели́кава по́сту; у старшынѣ; имен. мн.: года́; брёвны; род. множеств.: ковалёф; мѣсто́ф, пиво́ф больше варят; твор. множ.: коло́шамы (поговорка: не мы одны́ съ коло́шамы). Гво́зья (гвозди). В Но́вѣгро́дѣ.

§ 11. Дорогі́е; в Васи́льефским.

Сравн. ст.: *строжѣе*; *горѣе* было как с мѣста согнали.

§ 12. Замѣчательно: *тобѣ* (тебѣ). При записяхъ ее́, іе́, jие́ (j слабо), къ сожалѣнію, не отмѣченъ падежъ. Хто *е* вѣдат; кузницу одноé (не ё). Квартéры своé, дѣти моé. Ш ѣили *тѣи*-тѣ года. Однѣ въ обоихъ родахъ.

§ 13. Неопр. накл.: итти́ть; изъявит.: натоцо́м новин.

§ 14. *Покéдова*, *сколь* (*неможно* сравнить, *сколь* высоко в избѣ).

§ 15. Число: много ли *были* самова́роф! Формы сказуемаго: жа́рко, а холо́днава-то *охо́тно* (хочется); наро́т разъѣхафши (разъѣхался), коне́ц был сгорѣфши.

§ 16. Членъ: луцы́нина-*та*, село́-*то*, тѣи-*тѣ* года́, старики́ - *та*.

Въ словарѣ: *шесто́к* (не загнѣта); *борони́ть* (не скородить), *клѣф* (не закута), *квашня́* (не дежа), *сосѣ́т* (не шаберъ), *свекро́фь* (не свекры), *ко́ни*. Отмѣчу также: *ба́ют*, *грыжо́вник*, *фе́резь* (юбка), *Пётра́й* (дядя Пётра́й).

II.

Клинскій уѣздъ.

№ 5. *Д. Пра́солово*, *№ 3509.*

Записывались преимущественно произношенія одной семьи, состоявшей изъ старой женщины и молодой, ея дочери. Первая родомъ изъ сосѣдней окающей деревни, гдѣ говоръ сходенъ съ Прасоловскимъ. Такимъ образомъ, помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія представляютъ видъ тѣхъ окающихъ говоровъ, которые распространены около Клина, такъ же какъ и около Твери (сличите № 3). Они, очевидно, составляютъ массу говоровъ, которая простирается на востокъ отъ данныхъ мѣстностей въ Московской губерніи по уѣздамъ Клинскому, Дмитровскому, Богородскому, отчасти по самому Московскому и въ Твер-

ской губерніи по Тверскому и Корчевскому уѣздамъ и далѣе, кажется, чуть не по всей Владимирской губерніи. Говоры другого типа, какъ говоръ с. Петровскаго Переяславскаго у., имѣющаго ѣ = и (см. опытъ рус. Діалектологіи проф. А. И. Соболевскаго, стр. 104), мнѣ кажется, здѣсь большая рѣдкость.

§ 1. Здѣсь окаютъ: розмо́кла, рози́ня (з или зз неясно), зобо́та, коло́ш (р. п. м. ч.), лома́ют, робя́ты, топе́рь и др.

Но оканье держится только въ старшемъ поколѣніи: молодежь акаетъ, конечно, не безъ оговорокъ. Даже у окающей старухи наблюдались случаи аканья: даржы́, лажы́сь, для каро́ви, говя́дины и гавя́дины и др.

Вмѣстѣ съ этимъ: пло́тют, до́рют.

Въ слогахъ не предударныхъ на мѣстѣ *о* и *а* слышится неопредѣленный средній звукъ между *о* и *а*: хлё́бо^а^ва^о^ (хлёбова), пять-то^а^, ла́во^а^к-то^а^, то́лько^а^ и др., который, кажется, иногда совпадаетъ съ а: ма́ла, не́чива, как жа, о́ва въ родит. падежѣ прилагательныхъ и т. п., но произносимымъ коротко, по-московски.

Точно такъ же я затруднялся опредѣлить и звукъ на мѣстѣ орѳографическаго *е* въ концѣ словъ: широкое, близкое къ а, *о* или настоящее *а* слышится въ говорѣ. Поэтому въ моихъ записяхъ встрѣчается и то и другое: пла́тье^а^ надѣть, большо́е^а^ (семейство), виселѣ́я, копѣ́як и др.

Неопредѣленный средній звукъ *о*^а^ слышится иногда и передъ удареніемъ: по^а^дёт (пойдёт).

Неясное и короткое а (о) находимъ и на мѣстѣ *у*, *ы* за слогъ до ударенія и за удареніемъ: дӑхата́, дӑраки́, пӑстотвѣ́т, с о^а^даво́льствіем, по́ ло̆гу, вы́сӑшыли, О́кань (прозвище), вӑжыма́ла.

Иногда на мѣстѣ гласнаго остается совершенно неопредѣленный очень краткій звукъ, который можно обозначить буквой ъ: хърошиі́ль.

Подъ вліяніемъ городского говора и еканье не сильно: ёво́, чёво́, вѣтёрко́м, Ё̆го́р, принёсу́, убёру́ (оберу), свёду́, запёка́йте, помёрла́, лёжа́т, сёстра́, хлёба́ть, угрёба́ла (огребала) и др., даже: полдённоё (ё слабо); бёго́м, прибёгла́, дёва́лся, иссёку́ (засѣку), припёва́ют (ищё чёво́-то припёва́ют).

Здѣшнее ё слабѣе, напримѣръ, такого же звука въ Покровскомъ уѣздѣ, гдѣ ё произносится настолько сильно, что кажется какъ бы стоящимъ подъ слабымъ удареніемъ.

Начальное *о* обращается въ *у* за слогъ (или за два) до ударенія: *у*брослá, *у*гурцы́, *у*бивáть (обивать), *у*ддавáть, *у*бижáисся, *у*бирáй (обирай), одна-*у*динёшенька, *у*бязáтельно, *у*т чёвó, *у*динóкій, *у*ддохни́те, *у*т грѣхá; *у*слобони́л, *у*полоснýть (ополоснуть); на мѣстѣ нашего а: Угрофéну, *у*курáтно.

Но эти произношенія не обязательны: *о*тслужы́ли (произношеніе старухи).

Иногда слышался средній звукъ между *о* и *у*: *о*ʸгурцы, *о*ʸтлёжáл, в *о*ʸгорóди.

Въ *у*дóбрил вмѣсто одобрил *у* могло явиться изъ: *у*добря́ть вслѣдствіе передвиженія ударенія, но могло явиться и не фонетически, какъ префиксъ.

Приведенныя произношенія соединяются здѣсь иногда съ аканьемъ: *у*вд*а*вѣ́ла. Также въ языкѣ одной клинской лавочницы аканье и произношенія: *у*ставáтца, *у*ддавáть, свидѣтельствующія о позднемъ и заимствованномъ аканьѣ.

Подъ удареніемъ: завя́ртывать.

§ 2. *И* на мѣстѣ *е*, *ѣ*, *я*: в*и*чёрá, б*и*рёглá, в*и*рстовы́е, н*и* ходи́, н*и* видáла; плáч*и*т, хворá*и*т, успѣ́*и*ш, вы́д*и*ш (выйдешь), дéв*и*ть, нá бер*и*к, вы́ст*и*г*у* (выстегаю), не ýчит*и*, рядомъ: посѣ́*е*м; (умнѣ́*и*; ср. тиш*ы*; чаще въ подобныхъ говорахъ: умнѣ́*я*); корóв*и*, скоти́н*и*, по пáшн*и*, к мáм*и*, к мáмт*и*, ф соббр*и*, на мѣст*и*; рядомъ: к сосѣ́дк*ѣ* (открытое е), ф Таганрóг*ѣ*, или побóл*е*ᶦ (узкое е); к Натáш*ы*, в гóрниц*ы*, рáньш*ы*, ти́ш*ы*, Натáш*ы*нька; п*и*тя*л*ты́ннай, нóнич*и*, мѣсиц. — Энклитика: *ить* (вѣдь).

Звуки *е*, *ѣ*, *я* передъ удареніемъ и подъ удареніемъ сохраняются въ условіяхъ не указанныхъ въ § 1.

Исключенія: і̇ё (j или нѣтъ, неясно), м*и*ня́, нац*ы*жено.

Звукъ *и* иногда приближается къ *е*: п*и*ᵉрýет.

Въ корняхъ *бер*, *тер* *е* не обращается въ *и*: соберáит, со-

бера́ть, убера́ть, обера́ют, вытера́ли, стера́ют и др.; также иногда *не* вмѣсто *ни*: негдѣ́ (нигдѣ), н*е* как здѣсь (= какъ будто-бы здѣсь).

И передъ удареніемъ только у тѣхъ лицъ, которыя стараются говорить по-московски: ф с*и*ня́х, *и*ва́нгеліе, св*и*кро́фь, св*и*ще́нники, но: отв*е*ча́ть.

§ 3. Звукъ е: э́сли, эё (въ пѣніи) и: е́то, е́тих; ощё и ошшо́; фсёношная и фсе́ношная (первое произношеніе старухи, второе молодой женщины), две́рка (не ё), в одда*ле́*нности (въ отдаленіи); ко*й*-как живешь, тако́*й*-мѣста; што́-это, што́-*й*то, Ко́ленька!; позадэ́ржывают (э неясно; сравн. д*а*ржы́ и д*е*ржы́).

Звукъ о: коро́вы заб*ы*ду́т; тихо́ньк*у* (п. ч. потихоньк*у*); творит. на *уй*: карзи́нк*уй*, ро́зочк*уй*, ста́раст*уй*, дере́вн*юй*, э́т*уй* и др.

Звукъ у: н*а́*жна (нужно; сравн. н*а́*до); гл*ы*бо́ко.
У одного лица (грамотная и полугородская женщина): ж*а*ла́ть и ж*е*ла́ть, ж*е*ркое, часы́, Р*е*за́нь. — Хоро́ш*ай*.

Слышатся протяжные гласные, обыкновенно усиливающіе значеніе слова: бога̄тая (очень богатая), дале̄ко ходи́л (очень далеко), скоре̄я (какъ можно скорѣе), два дома хоро̄ш*іе* (очень хорошіе), никово̄ нѣтъ (совсѣмъ никого нѣтъ), мно̄го-мно̄го нас бѣльё полоскали; также: Ва́ськӯ! (зв. падежъ, при призывѣ); из Я́синова̄ (слабое удареніе на концѣ); «Э́то фа́брика» — «Фабрика̄!?» (удивленіе и вопросъ).

§ 4. Пропуски гласныхъ: поврот*и*л, пердѣ́лю, перрыва́ют, билголо́в*а* корова, Влакала́мскава, за Влакала́мском, борно́ван; пшла́ (скорое произношеніе; обращеніе къ коровѣ) и пошла́ (нескорое произношеніе); сы́ворботка, ра́з*и* и рась (рась э́то возмо́жно?; рась ма́ло што тре́буетца!); Пра́слово (Пра́солово); не говори́ла *бы*, пила́ *б*! (въ одной фразѣ). — Излишніе гласные различнаго происхожденія: ту́т*а*, с*а*моро́да (смородина), сош*ы́*ли, к*о* скоти́н*и*, стег*о*ну́, жыг*о*нёт (бес чаю жиг*о*нёт, т. е. достанется), *у*поко́йница (вѣроятно, по вліянію церковнаго языка: «упокой душу раба Твоего»... и т. п.), ф це́рк*о*ви.

Полногласіе: н*оро*ви́тца (вишенье...тьвѣсть н*оро*ви́тца, т. е. готово къ этому, скоро будетъ цвѣсть).

§ 5. Стяженіе гласныхъ: по*бѣ*дать, п*у*кура́тн*и* (по-аккуратнѣе), п*ы*гра́йте (поиграите); кака́, така́, Дворя́неск*а* улица, хозя́йственн*а*, тако́, таку́, ма́хоньк*у*, таки́ травы, воро́нинск*и*, (жители), са́м*ы* были хлѣбопашественные (т. е. усердные крестьяне); бѣ́г*аш*-бѣг*аш*, поу́жын*аш*, нана́шыв*ат*, называ́*т* (въ пѣснѣ), при́тка их вѣ́д*ат* (вм. нашего: чертъ ихъ знаетъ!), ду́м*а*тца, ду́м*ам*, здѣ́л*ам*.

§ 6. *Рожа́лся* вм. родился (там хлѣп не рожа́лся).

Д обращается въ *j* (рѣдко): пойте (подите) бу́эм (будемъ), глзя́ть (глядѣть), гляй, гля́ка, гля́йка (гляди, гляди-ка).

Г=*g*, въ концѣ словъ — *к*: не тро*к*, ля*к*, телѣ́*к*.

У молодой грамотной женщины, которая прошла начальную школу, хорошо училась, любитъ читать вслухъ: *h*ряда́, мно́*h*о, *h*от. Хотя она жила недолго въ Таганрогѣ, но такое произношеніе она, вѣроятно, получила здѣсь и какъ-нибудь случайно.

Хы въ словахъ: отря́*хы*вать, опа́*хы*вали, опа́*хыву*т.

К' = *т'* (въ рѣдкихъ случаяхъ): рос*ти́*дыватца, *ти*пѣ́ла; *д'* на мѣстѣ *г'* не удалось слышать, но: *гл*я (гля себя, гля продажы).

Кт = *хт*: х чаю, хто.

Вмѣсто цвѣт — *ть*вѣт, *ть*вѣту́т, *ть*вѣтки́, пусто*ть*вѣ́т.

Ч произносится нерѣдко съ оттѣнкомъ твердости.

Мѣстоименіе *что* звучитъ: *што*; но, кажется, можно услышать и: *что*: такъ какъ будто-бы говорила старуха, но это нужно провѣрить.

Чн въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняется *шн*: коне́*шн*о, рѣ*шн*а́я, также *сн*: пшени́*сн*инькава.

Двойныя *жж* и *шш* обыкновенно мягки; рѣдко можно услышать произношеніе съ нѣкоторою твердостью: дожжы, пріѣжжа́л, ошшо́.

Ш на мѣстѣ *щ* тоже не часто: часоф*ш*ы́к, же́нь*ш*ына.

Въ сочетаніяхъ с+ч средній звукъ (т) не утрачивается, и

наблюдаются произношенія: роши́чёт, пеши́чя́на (говоръ старухи). Есть еще отмѣтка что щ=шч, но самое слово не записано.

Вмѣсто *сшиты*: *щиты* (*щи́ты* сарафаны).

Въ словѣ уѣ*жж*аетъ слышано произношеніе, близкое къ: уѣ*щ*я́ет.

Дн=*нн* (произношеніе молодой женщины, очень неясное): о*нн*ó, о*нн*á, угó*нн*о, бѣ́*нн*ых и др.; также *бм*=*мм*: о*мм*áнет.

Въ словѣ *уж ж* не обращается въ *ш*: *уж* убрáли, *уж* э́то, *уж* мы не в гóродѣ, *уж* я чаю нáпился.

Отдѣльные случаи: обо*щ*éй (овощей), да*м*нó, э́*р*акъ (эдакъ), натру*т*и́ли руки (утомили), Рóго*з*ин (фамилія), клупни́*г*а (и: земляни́*к*уй), *г*рыжóвник, ф *х*ресья́нствѣ, до *Н*ефóдія (Мефодіевскаго монастыря), *м*ыря́*л*, *М*икала́й, *б*áсмурнай день (пасмурный), не ка*ш*áется (не касается), *ч*ижолó, *ч*ерёзвая, *к*лѣф, пра*к*ла́дам (с пра*к*ла́дам пили (чай): не торопясь), роскóчен, роскóчный (мотъ, небережливый).

Лу́*т*чи или лу́*ч*чи, прó*т*чих. Маменька почти мá*н*енька.— Правильно: ма*л*éнько (во Влад. г.: ма*н*éнько).

Перестановка звуковъ: обнаковéнно, обнаковéніе.

У старухи *ч* сбиваетъ на *ц* (тепéрити*ц*я, *ч*ʼяй; неясное произношеніе); се*ч*я́с близко къ се*т*я́с или къ: се*ц*я́с. Вѣроятно, это слабые остатки исчезнувшихъ произношеній, но ихъ такъ мало и они такъ неопредѣленны, что моимъ записямъ пока нельзя придавать положительнаго значенія.

У другой старухи я слышалъ довольно мягкое *ж* въ словѣ: *ж*иву́. Въ этомъ отношеніи поиски, можетъ быть, были бы не безплодны.

§ 7. Мягкость согласныхъ: пé*рь*вай, пе*рь*вá (сперва), стé*рь*ва (произношеніе старухи) и: стé*р*ва (произношеніе молодой женщины); барó*нь*ша; в*ь* избѣ́ (почти такъ, но неясно).—Губные въ концѣ словъ обыкновенно мягки, но изрѣдка слышатся и твердыя произношенія: моркó*ф*, кро*ф*, готó*ф* (пов. накл.), станó*ф* (тоже), ру*п*, се*м*, вóсе*м* и др.; иногда слышатся неясныя произношенія, среднія между твердыми и мягкими. Другіе слу-

чаи твердости согласныхъ: *дв*вѣ; очен; домáшнава, малолѣтные, крáйно (= очень) жарко.

§ 8. **Пропуски согласныхъ**: дѣ (*г*дѣ); се (*в*се) спахáл (*в*спахал); мотри́ (*с*мотри), мотрю́ (*с*мотрю); прáзник (праз*д*никъ); подёт (пой*дёт*), вы́ди (вы*й*ди) взглянь, сечя́с (сейчасъ), дѣствительно (дѣйствительно) и др.; разорéнье (правильно); бáушк*уй* (ба*б*ушкой); Вѣра Ивáнна (Ивано*в*на); мускóй (му*ж*ской); кстилея (к*ре*стился), перекстись (перек*ре*стись); съѣс (съѣс*т*); воп (крик, воп тут=воп*ль*), Нáся (и Нáся одѣнетца. Настя — Насть — Нась — Нася).

Въ скоромъ произношеніи дѣлаются большіе пропуски: нукшто (ну такъ что), зат поставлю (завтра), большы пожáл (пожалуй), мáнька (маменька). Но: чёрс*т*вый.

Въ говорѣ старухи не договаривается иногда согласный конецъ слова: сич*á* принёсу́; идёт твоя́ мáмочка, ид*ê* (говорила ребенку); придёт-придê.

Вставка согласнаго отмѣчена только въ словѣ: пон*д*рáвилась.

§ 9. **Удареніе** приближается къ началу слова: на клáдбище и на кладби́ще (говоръ учащагося), плéтни (у картофеля), óпорок (у сапоговъ; р. м.); дрóвец, пи́лами (пилять), (молока) надóим, нáчал*са*, спéрва, мóкро тут, зá воз. **Удареніе** ближе къ концу: с полá (отъ полъ), волкá, войскá, с молодá (все родит. падежи), братья́, дѣтя́м, кассирáми, до коéй поры, работáй, работáли, скося́т, могу́т, бросили́сь, драл*ся́*, пріученá, набра*ты́*, посля́, холоднó и хóлодно [1]) (одно лицо сказало въ одно время).

Два слова подъ однимъ удареніемъ: инó-мѣсто, вотъ-э́тот.

Предлоги черес, середь съ самостоятельнымъ удареніемъ: чéрес два дня, чéресь Митроф, мырял сéреть мóсту.

§ 10. Родит. пад. единств. числа: сó смѣх*у*; отъ кумѣ́, у снохѣ, у каждой сестрѣ́, (много) землѣ; отъ невѣст*и*, три телегрáм*и*. Звательный падежъ един. числа: мам! Натáш! Кóля, Коль! (эти

---

1) М. б., по разницѣ значеній. Напр., въ Покров. у.: на дворѣ хóлодно (нарѣчіе) и пальтó холоднó (прилагательное).

формы обыкновенно при призывѣ). Твор. падежъ единственн. числа: вȯлостю́й; за дѣтём ходи́ть (ѣ неясно). Предложный падежъ: ф шкафу́, ф супу́. Именит. падежъ множественнаго числа: ли́ца, котя́та, цыпля́та, робя́та. Родит. пад. мн. числа: ӧпорок (нѣт ли у тебя каких-нибудь ӧпорок? Въ Покровскомъ уѣздѣ имен. пад.: опӧрокъ (обносокъ сапога съ отрѣзанными голенищами), родит. множ.: опӧркоф); нӧжницаф, ни Татья́наф ни Ма́рьяф — никово не слушай, сва́дьбоф и свадьбе́й; дѣлӧф мнӧго. Творит. падежъ множ. числа: с дѣтя́ми. Предложн. пад. множ. числа: на огорӧдаф, в луга́ф, в лѣса́ф, в вы́рупкаф, ф прислу́гаф, в деревня́ф, во фсѣх поля́ф, в лю́дяф, на полӧзьяф, на послѣ́ткаф.

Собирательныя формы: комарье̂ набьютца, попа́ла в у́галья; боп (вмѣсто бобы) не крѣпко (недостаточно, мало) розмӧк. — Можетъ быть, по аналогіи къ собирательнымъ: с пе́ньями (нареканіями) вм. пенями.

Да Влакала́мскава — до Волоколамска.

§ 11. Винит. падежъ женскаго рода ед. числа: ма́линькаю. Предлож. падежъ съ окончаніемъ творительнаго: в большы́м (городѣ). Именит. множественн.: винова́ти, сы́ти; ношны́е, бога́тые, родны́е, хорӧшые (нищіе), молоды́я кузнецы́ (при пѣніи), бѣ́дныя, ночи большы́я, осе́нні́я, у́мнинькіи, сми́рнинькіи, такі́и, провожа́тыи, прося́щіи, оста́ннаи (остальные).

Окончанія ыим, ыих: на мӧкрыим, ф кра́сныим ведрѣ; родныих, плохі́их.

Сравнит. степень: постари́ннѣ, духови́тѣ, скорѣ́ (иди скорѣ́), бога́ти (бога́ти тебя); пож̇же (такъ говоримъ и мы, хотя не употребляемъ форму пӧздо, изъ которой данная произошла [1]); здорӧфше.

Превосходная степень: разгорчя́йщяй-горькай пьяница.

Особое образованіе: прида́ново (приданое: за придановым поѣхали).

1) Сравн., впрочемъ, Я. К. Грота, Русск. правопис., Справочный указатель, гдѣ пӧздо поставлено въ числѣ литературныхъ словъ.

§ 12. Мѣстоименіе ты имѣетъ въ родит. падежѣ форму: *тея́*, въ дат.: *теэ́*. Вмѣсто тебя — *те*: онѣ *те* так ногой (ударять, лошади). Винит. един.: *тоé* (не ё) вмѣсто ту, *фсею́* вм. всю. На мѣстѣ творительнаго падежа видимъ предложный и обратно: с нем и с нём; на е́*тим*, на т*ѣ*м концѣ, оп ч*ѣ*м (не ё) пла́чеш.

Моé, твоé, своé; своéх; до коéх пор. В однём банкѣ, однéх постоф сколько, об*ѣ́*х (мальчиковъ). Одни́ (родъ не отмѣченъ).

Мѣстоименіе 3-го лица имѣетъ во множ. числѣ начальную гласную одинаковую съ единственнымъ: *е*х (ихъ), у *н*ех (у нихъ) и у нéф, за нéх (за нихъ), *ем* (имъ: *ем* в руки дать). Отсюда: *е́*хная (ихная).

Эти произношенія слышатся часто. Замѣчаются также переходныя къ правильнымъ, съ неяснымъ среднимъ звукомъ: *е*[и]хна невѣ́ска, *и*[е]хна деревня. Отсутствіе подобныхъ произношеній, если оно не случайно, въ творит. падежѣ, имѣющемъ въ началѣ другую гласную, обращаетъ на себя особое вниманіе: это подтверждаетъ мысль объ образованіи формъ множ. числа по образцу единственнаго.

Въ извѣстныхъ мѣстоименіяхъ замѣчается соотвѣтствіе между вставкою и предлогомъ: *с* э́стим, *с* э́стова, *из* э́стих, *в* э́фтим. Этого не замѣчается въ другихъ говорахъ.

При энклитическомъ употребленіи вин. падежъ мѣстоименія 2-го лица звучитъ *тебе*: я́-тёбĕ исстега́ю вѣ́ником-то, я́-тёбĕ дам (угроза, здѣсь винит. падежъ; сравн. въ говорахъ Покровск. у.: я́-тёбĕ дам и: я́-*ево* дам); я́-тёэ (произношеніе неясное) оту́жу (отдую).

Ка́ж*най* день — каждый.

§ 13. Неопредѣл. наклон: принéсь, привéсь, несь; иті́ть и втті́ть, потті́ть (т или тт неясно).

Изъявит. наклоненіе: ду́м*у*, збѣ́г*у*, задéржыв*у*, спра́шив*ут*, догля́дыв*ут* (присматриваютъ), вы́стир*ут*, довора́шыв*ут*. — Глаголы на овать: по́льзоваемся, слѣ́д*а*ет, про́б*а*ли (пробовали), посовѣ́т*а*тца (посовѣтоваться). — Отдѣльные случаи: éся (есть), хо́цца (хочется), мо́же (можетъ быть; какъ вводное слово); заму́ч*и*лись

(правильно).—*Ют* во второмъ спряженіи: сá*дют*, вó*зют*, гó*нют*, вынó*сют*, тé*лютца*, тревó*жут* и др.

Повелит. наклоненіе: вы́брос*и*; поклóнь*са* - поклóнь*са* (сказано ребенку); выд*и* взгля́нь; не *трок* дитю́.

Возврат. залогъ на *ся* и *са*: завали́*лися*, учи́*лися*, баловá*лся* и прибсру́*са* (у одного лица), помó*имся*, заблу́*дисься*, остá*несься*, балу́*исься*, учились. На окончаніе *си* оказалась одна запись съ отмѣткою, что она слышана неясно: с молоды́х лѣт ввы́кни*сьси* (привыкнешь).

Причастія: *дáден*, *найдёмши* (не плачь потеря́*мши*, не радуйся *найдёмши* — нашедши, послов.).

Особыя образованія: скидавáть, смотри́ла, соблюди́ла (соблюла), лáзить, лазают.

§ 14. Нóнѣ, *у́трѣ* (*утрѣ́* ф три часа вставать), дáвѣ, пóздо, ко*в*дá, нéко*в*да, у́*жотка*, *вечёрась* ночью (вчера), посля́, куды́, отсéда, отсéдова, кóлько (сколько: кóлько перебúл посу́ды), как-*такóича* (какъ-такое), бы́льно (было: быльно (энклитика) задави́ли), э̃па там! (объ очень далекомъ предметѣ).

§ 15. Родъ: крылéц тот óтперт; сту́день *хорошá* (кушанье), платёжь *была большая*. Число: пивá варили; мнóго-мнóго нас бѣльё *полоскáли*. Падежъ: видала *мнóгова* (вм. многое); между *казеннава*.

Сказуемое: онъ *горáздай* ѣздить на тройкѣ.

Согласованіе: ах ты стéрьва *э́така* (о мальчикѣ); стéрьва ты *э́дака проклята* (тоже) и сквернась ты *э́дакай* (тоже о мальчикѣ).

Сокращенное предложеніе: онѣ меня измучили *ходя* (о дѣтяхъ: тѣмъ, что заставляютъ ходить).

§ 16. Членъ: чаще слышится форма то (звучитъ: *та*): молока-то нѣт, рѣ́па-та, на свѣ́чки-та, двѣ-та и т. п.; квасу́-ту, по лѣ́су-ту, по полю-ту, гóроду-ту, зимóй-ту, дверь-ту; с лóшки-ты, по пáшни-ты, в дерéвни-ты, на мѣ́сти-ты, холсты́-ты, чáйники-ты, чáшки-та (два эти слова сказаны однимъ лицомъ одно вслѣдъ за другимъ), дорóги-ты, э́ти-ты, вози́ли-ты; вóтки-ти. Даже учащійся говоритъ: пáлачки-*ты*.

Изъ произношеній, слышанныхъ въ Клину и подъ Клиномъ, укажу нѣсколько такихъ, которыя могутъ служить дополненіемъ къ предыдущимъ. Къ § 6: не *моди́* (не моги), на*д*ибáнія (нагибанія); *лéкче*; къ § 7: *дéрьгаю*; къ § 8: москóскай; къ § 9: жéрлика (жерлица); къ § 11: — *ый* въ окончаніи прилагательнаго (одинъ случай у малолѣтняго, ясно); для прáзника Гаспóдн*ю*; къ § 13: сѣсти; врё! (врешь; при удивленіи); къ § 15: от дѣлать нечего (замѣчательно словорасположеніе).

№ 6. *Д. Давыдково*, № 3161.

Рѣка (вблизи) *Сéстра* (не ё).

Жители считаютъ себя коренными, не переселенцами. Занимаются они преимущественно легковымъ извозомъ въ Москвѣ.

§ 1. *А*си́на, гарóх, *а*тдáс (отдастъ), катóр*ы* (им. п. м. ч.) и др.; *сó*дим, пас*ó*жена. Въ слогахъ не передъ удареніемъ слышится неясный звукъ между *о* и *а*: о^{а}, который то приближается къ *о*, то къ *а*. *Од*ѣвá*исса* какъ будто бы *о*. Крестьяне говорятъ, что у нихъ изстари нарѣчіе на а.

§ 2. *И* на мѣстѣ *е*, *я*, *ѣ*: *би*рéзник, *и*вó (двѣ записи: въ одной отмѣчено, что въ началѣ не слышно j), н*и* вóдютца, н*и* бóльш*ы*, н*и* бальшóй, на шыскѣ́ (на шесткѣ); также: ше^{и}стóк, де^{и}с^{и}ятак; питóк, при*д*ём, прислóм (пряслом); въ словахъ: jизы́к, дьјичок j не ясенъ; в зав*и*тý, *ми*шкóф; но: збе*р*áли, вéрсты; праѣ́*ди*т, вы́*ви*зит, трéп*ли*м, сымá*и*м, сѣ́*и*м, н*и* мóжыш, смóж*ы*т, кáмуш*ы*к, нé при ч*и*м; хýж*ы*, бóльш*ы*, блúж*ы*; на фáбри*ти*, на вóл*и*. Также: прасл*ы́*ш*ы*л (прослышалъ).

§ 3. Дравени́к (лѣс дравени́к для атапленія); *бó*^{т}лѣе; имперáт*у*р; мѣш*é*чик (не о); б*ы*тта-бы (вѣроятно, энклитика); земл*а*пáшествам (*а*, м. б., по аналогіи съ: хлѣб*а*пашествамъ).

Протяжные гласные: бáтюшкá зв. п. (на концѣ второстепенное удареніе); съ нēдѣлю (приблизительно; сказано раздумывая), питьдесят пя̄та̄й (годъ).

§ 4. Примѣровъ нѣтъ.

§ 5. Рабóт*а*т, дѣ́л*а*м; катóр*ы* (которые); на бальш*ý* дарогу.

§ 6. *Г*=*g*, но: ка*h*да́, ба*h*а́ч. *К*=*т'*, *г*=*д'*: всё*дати*, викаў*шти*, но́*ди*, Пётр*а* Заха́раф Каря́*д*ин, обратно: *г*ля (для).

Хто; *х*ресья́нствам (твор. пад.); к*л*ёвы́.

На мѣстѣ *мягкихъ з* и *с* очень мягкій звукъ, средній между *з* и *ж*, *с* и *ш*: из*ж*мѣняют, вез*ж*дѣ, куз*ж*ьнéц, кня́з*ж*ева, гряз*ж*ъ, з*ж*и́му, па з*ж*има́м, з*ж*и́мніе дѣла (ср. р.); крес*ш*ья́н, с*ш*éмьдис*ш*ят, с*ш*емéйн*ы*их, здѣс*ш*ь, во́с*ш*имь, фс*ш*ё равно́, вс*ш*ѣ, ма́лас*ш*ь; но *ш*а́пка, *ш*есть и т. д. Такое произношеніе слышится только у нѣкоторыхъ лицъ; хорошо произносила этотъ звукъ одна женщина, но я записалъ свои примѣры у крестьянина 41 года, грамотнаго и бывалаго (служилъ въ военной службѣ и жилъ около 3-хъ лѣтъ въ Москвѣ въ дворникахъ).

У него же я отмѣтилъ замѣчательныя произношенія: четы́ре близко къ: *с*еты́ре, с чётвертью близко къ: с *с*ётвертью и *с*ерда́к вмѣсто черда́к; пу*щ*я́й близко къ: пу*сь*ся́й [1]).

Но обыкновенно *щ*=*шьшь*; иногда=*ш*: ба́р*ш*ыну, набо́й*ш*ы*ти*.

Дн=*нн*: пере́*нн*ее акно, за́*ч*нее акно, а*нн*о́, тру́*нн*о, мѣ*нн*ыи.

Отдѣльные случаи: слабо́дные, *ш*то.

Слѣдствіе потери звучности: во́*т*ачки.

Группы согласныхъ: сру́*шн*а, дабы́*шн*ик; *вн*о́га, гу́*вн*ы (им. п. м. ч.).

§ 7. Ли́*шну* скати́нинку; какъ будто произнесли: за́пэрто (неясно); пе́*рь*вай, се́мьдесять.

§ 8. Дѣ (гдѣ); про́ти нашава (противъ).

§ 9. О́льха; за́ Клин; сам-третéй.

§ 10. Родит. падежъ: о́кола до́м*у*, у вакза́л*у*, челавѣк до́ сарак*у*; у княжн*ѣ́*, княжн*ѣ́* мы бы́ли Вал*х*о́нскай; предл. пад.: на уса́дьб*ы*; имен. множ.: раб*я́ты*; родит. множ.: шесь сын*о́ф*, пять бра́т*аф*; князь*е́ф* Валхо́нских бы́ли; селе́пі*яф*; предложн. падежъ множ. числа: в изво́щик*аф*, ф про́тч*иф* мѣст*а́ф*. (Для освѣщенія) *лучи́нка* (собирательное значеніе) была́.

1) Любопытно, что этотъ человѣкъ въ своемъ нарѣчіи не находитъ ничего особеннаго.

§ 11. Мóлади; нибальшы́и, жи́фшыи.

§ 12. Маéф (моихъ) гадóф.

§ 13. Неопр. накл.: владáть; агаттúть; изъявит. накл.: скáзыву, приpабáтывут, катóры извóзничут; ни прóбали (не пробовали); хошь (хочешь); схóдют; повелит. наклон.: вы́гонь кур; возвр. залогъ: станавúлиса, учúлиса, кармúлиса.

§ 14. Примѣровъ нѣтъ.

§ 15. Родъ: без наймы́; падежъ: есь такúх селéній, да пидьдисят (домовъ). Сложное сказуемое: их (стариковъ) и въ жи́вности нѣт.

§ 16. Э́ту-ту.

Въ словарѣ: пахáть (не орать), барнавáть или баранúть не скородить), шестóк (не загнѣта), квашня́ (не дежа), кóфшик (не корецъ).

№ 7. Д. Мошнúцы Вертлúнской волости, отъ Москвы 66 верстъ, № 3162.

§ 1. Окаютъ: домóй, Москвá, овёс, робóта, робóтали, с колóшами, топéря и топéрь; подмарúца; вёсны́, но: чевó; утличúть, утлучúлса, уддавáли, ут тобó.

Я разговаривалъ съ нѣсколькими стариками, у которыхъ и отмѣтилъ приведенныя произношенія. Но окаютъ не сильно и не всѣ. Напримѣръ, пожилой крестьянинъ, жившій извозчикомъ въ Москвѣ (здѣсь тоже много извозчиковъ) съ 13 лѣтъ, акаетъ. Одинъ изъ этихъ извозчиковъ говорилъ мнѣ, что въ Москвѣ въ разговорѣ «потрафляеш пу́бликѣ». А прежде у нихъ «нарѣ́чія бы́ла сѣрѣ́я, ломовáтѣе».

§ 2. Бывáит, знáим, пáшым, полу́ччи, мéньшы, пожы́жы; дéвить (у окальщика); читырёхгранныи.

§ 3. Ну и зны́чит (энклитика), дóнышком (сравн. владим. дéнышко); бáтюшка́ (зват. пад.; слабое удареніе на концѣ).

§ 4. Аржанóй; прóтиву прéжнява.

§ 5. Зарабáтывам (зарабатываемъ).

§ 6. Общіе случаи: нихтó; дожьжú.

Отдѣльный случай: сабогú, што.

§ 7. Малолѣ́т*ных*; о́чи*н*. Конечные губные, вѣроятно, иногда тверды. Я слышалъ произношенія среднія, не вполнѣ твердыя: о́бу*фь*, семь почти о́бу*фъ*, сем*ъ*.

§ 8. Примѣровъ нѣтъ.

§ 9. По́т Клинам; трудно́. Соединеніе двухъ словъ подъ однимъ удареніемъ: ф ту́пару, пожа́луй-шта.

§ 10. Родит. ед.: без барыш*у́*; имен. множ.: ком*ы́* (земли; сравн. обыкновенное: комья); предлож. множ.: в лапт*я́ф*, ф сапо-г*а́ф*. Вре́м*ю* (дат. п. ед. ч.).

§ 11. Больш*ы́и*, настоя́щ*іи*, госпо́тск*іи*.

§ 12. Примѣровъ нѣтъ.

§ 13. Особое образованіе: займа́лись. Изъявит. наклон.: здѣ́л*ут*; стри*г*ё́м; му́ч*имса* дома; ѣ́з*дют*, зано́с*ют*; повелит. наклон.: поло́ште; возврат. залогъ: заговѣ́*лис*, поко́рм*исса* (работая въ Москвѣ).

§ 14. Ко*в*да́; по́здо.

§ 15. Мы з братом *раздълѣ́фшы* (= раздѣлены).

§ 16. Торго́фцу-*ту*; о́сенью-*ту*.

№ 8. Деревни *Ти́моново* № 3233, *Берё́зники* № 3234, *Высо́ково* № 3236, *Вертли́нской* («Веркли́нской») волости *Богоро́дскаго* прихода.

Три деревни съ одинаковымъ говоромъ; онѣ относятся къ одному приходу, принадлежали однимъ помѣщикамъ (Оленинымъ, по крестьянски: Оленевымъ) и теперь роднятся и общаются преимущественно между собою. Населеніе здѣсь коренное.

§ 1. Повидимому, здѣсь одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ говоровъ, въ которомъ не окаютъ и не акаютъ: т. е., произносятъ очень открытый звукъ *о*, средній между, напр., владимирскимъ *о* и *а*. Во многихъ случаяхъ я не могъ опредѣлить: окаетъ или акаетъ говорящій. Акающіе сосѣди (Солнечная гора) считаютъ жителей Богородскаго прихода окающими, но они не считаютъ себя такими, и на говоръ женщинъ, приведенныхъ изъ окающихъ мѣстностей, указываютъ какъ на особый, не ихній. Они говорятъ: «мѣстами есь *тверже* нашева нарѣчіе», т. е., сильнѣе окаютъ, точнѣе: менѣе ослабляютъ неударяемые слоги.

58-лѣтній крестьянинъ указываетъ, что въ другихъ мѣстахъ говорятъ: «чёвó да ковó», но я и у нихъ отмѣтилъ множество подобныхъ произношеній. Даже самъ онъ, по моему наблюденію, произноситъ: ничёвó.

У другого крестьянина 44-хъ лѣтъ я слышалъ рядомъ произношенія: карóва, свае̂ и ёвó; сéлó и сялó (я слабо); офсы́, в однóм и лянку́ (неясное я); у одной бабы: бальнáя и робóчая; въ другихъ случаяхъ отмѣчены у одного и того же лица: жонáтай и дарóга, коси́ть и каси́ть; еще у одного окающаго старика: харóш, равнѣ́е.

Еще старикъ, очень бывалый, ѣздившій съ товарами, какъ извозчикъ, въ разныя мѣста и бывавшій въ Москвѣ, Казани, Варшавѣ, Одессѣ, говоритъ съ одной стороны: робóтает, топéричя, ходи́ли (и: хо^а^ди́ли), огню́, моéй, одолѣ́л, помогáю, совѣ́тник, надёвáет, суётня́ и съ другой стороны: таhдá, канéшна, гарадáм, тапéрь.

Вліяніемъ Москвы или сосѣднихъ акающихъ говоровъ нельзя объяснить всѣхъ особенностей въ говорѣ Богородскаго прихода: останется непонятнымъ здѣшнее яканье (произношенія: яму́, вярсты́. Такъ говоритъ коренной, по его выраженію, «вѣковѣчный» житель Тимонова, 56 лѣтъ).

Приведу примѣры оканья и аканья изъ записей, обративши вниманіе на то, что записи относятся къ говору лицъ старшаго поколѣнія.

Оканье: софсѣ́м, опя́ть, робя́ты, гоня́ли (и: ганя́ют), надоѣ́ла, холóдной, поби́ло, говоря́т, робóт, робóтать, робóтника, в робя́чьих скасках, робёнок, в Москвѣ́, Ондрéй, контóру, ровнѣ́е, годóф, роздѣ́лывать, сломáити, прилогáют (въ значеніи: предлагаютъ) и др.

Аканье: катóрые, катóрыи (окончаніе неясно), гарá, к Масквѣ́, лави́ть, пастрóйка, расхóт; ляжы́т (я слабо), фчярáсь (молодая баба).

Среднія произношенія: ро^а^бóтника (неясно), сво^а^ю́ (неясно), до^а^бýдит, во^а^ Ржéфским уѣ́зди.

Слѣдствіе аканья: пло́тим (отъ лицъ изъ разныхъ деревень).

А или *о*ª въ слогѣ не передъ удареніемъ: п*а* горо́ду, п*а*чёму́; недáвнышк*а*, тóж*а*, у́г*а*ль, стру́ж*а*к, трó*я* (вездѣ звукъ а неполнаго образованія); нáд*о*ª, прáвоª, лѣтоª, мнóг*о*ª. Иногда, кажется, произносится неясное *о*: мо́лочкá. Въ двухъ случаяхъ отмѣчено произношеніе *ы* за *о*: с*ы*хрáнно (баба); мáт*ы*нька.

Ё на мѣстѣ *е* и *ѣ*: ёму́, принёсу́, сгрёбу́т, лёжы́т, чётыре, Ёгóр, чёвó, ничёвó, ёвó, у нёвó, Лёвóноф (ё слабо), принадлёжáло, унёслá черни́л*у*, хлёбáй, лётáют (ё слабо); в завёту́, *бё*гóм, ёзды́ (род. п., ё неясно); труднѣ*ё* (слабое ё, у старика 69 лѣтъ).

Открытое произношеніе звука о подтверждается и отсутствіемъ примѣровъ съ начальнымъ *у* вмѣсто *о* за слогъ до ударенія (произношеніе: *у*дновó), которые такъ часты въ обыкновенныхъ окающихъ говорахъ (съ закрытымъ о).

Подъ удареніемъ: обрабá*ты*вать и приспосó*б*ливат.

Такой говоръ, конечно, легче другихъ превращается въ акающій, и дѣйствительно, говоръ молодыхъ кажется акающимъ (одинъ старикъ говорилъ, что прежде больше окали), но на говоръ молодыхъ, какъ уже сказано, я не обращалъ много вниманія.

Иногда говорятъ скоро, съ ослабленіемъ гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ, при чемъ коротким кажется даже слогъ передъ удареніемъ: п*ӑ*тешéствіе, длй сйбя́.

§ 2. *Е* и *ѣ* обращаются въ *и*:

1. Подъ удареніемъ: подви́сь (подвесть), гри́сь сѣно, ви́сь, ф пи́чку, ди́няк, к Тви́ри, кли́вер, ти́сь, (тесть), си́мьи, ш*ы*сь, пі́йти (неясно) и др.; посмотри́ть, ви́тер, и́дит (j или нѣтъ, не знаю), к си́веру, гляди́ть, пои́ли (поѣли), фси́ми (*не фсими правдами*: всѣми правдами-неправдами), поси́яно (но: сѣили) и др.; иногда казалось, что слышишь неясное *и*, но средній звукъ между *е* и *и*; такъ записаны: мéильница, врéимя, топéирь, Ѳéидяй и др.; сéиют, рéичька, вéирит, недéилю, поспéиеш и др. Рядомъ очень часто правильныя произношенія: éсь, дéсять, рѣтька и мн. др. чаще, чѣмъ приведенныя. У людей очень бывалыхъ эта мѣстная черта говора сохранилась очень слабо.

Обратно, средній звукъ между *и* и *е* въ произношеніяхъ: *пил* близко къ *пел*, купи^е^л, ми^е^р, щи^е^пчики — не можетъ быть объясненъ чередованіями различныхъ предыдущихъ формъ, т. к. онъ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи, именно: передъ твердой согласной. То же нужно сказать и о произношеніяхъ: об*е*хо́т, М*е́*трафскава (Дмитріевскаго).

2 а). Непосредственно передъ удареніемъ: с*и*ча́с, с*и*бя́, *і*ё, з*и*лёнай, *и*щё, д*и*ре́вни, св*и*ди́т*и*, шысьд*и*ся́т, ф с*и*ле́ніи, в*и*зём, жылѣ́зн*а* дорога; см*и*пя́т, об*и*ньчя́ют (обвѣнчаютъ).

в). Передъ удареніемъ, но не рядомъ съ нимъ: с*и*дака́ми, б*и*готня́.

3. За удареніемъ: хо́ч*и*ш, слѣ́ду*и*т, палуча́*и*т, ѣ́д*и*т, сѣ́*и*м, бу́д*и*м, пакупа́*и*м, жи́т*и*лій, сими́д*и*с*и*ти, на́ д*и*с*и*ть, во́с*и*мь, ступа́йт*и*, ви́дит*и*, пре́жд*и*, крѣ́пш*ы*, лу́чш*ы*, бо́льш*ы*; в ро́д*и*, на во́л*и*, в огоро́д*и*, вда́вн*и*, окро́м*и*, бо́л*і*е.

Въ энклитикѣ: вить (вѣдь).

Передъ твердой согласной е, ѣ, повидимому, сохраняется, если не обращается въ ё: н*е*гдѣ́, н*е*хто́, л*е*та́ют, нич*е*во́ (е ясно), ц*ы*лко́вых (и: ц*о*лко́вай, у старухи). Въ условныхъ, раздѣлительныхъ и отрицательныхъ сочетаніяхъ вмѣсто *ни* видимъ обыкновенно *не*: кукую-*не*бу́ть, хто *не* су́нетца..., *не* то *не* се и сдѣ́лает, *не* бло́х ничево́ нѣту, *не* пло́тникоф (и ни кого-либо другого), воды́ нѣт *не* кро́хотки, *не*чѣ́м (ничѣмъ).

И на мѣстѣ *я*: п*и*тачёк; *и*зыку́, т*и*гло́ (неясное произношеніе), св*и*щённика.

§ 3. Звукъ *а*: туда произнесено почти туд*ә*; принадлеж*ы*ли (къ озеру луга) — принадлежали; запре́к—запрягъ.

Звукъ *е*: *Я*фи́м, *Я*фи́мам (такъ и въ окающихъ говорахъ Покровскаго у. Владим. г.); за *е́*то, *е*коно́мка.

Звукъ *о*: поразм*о*^у^чило землю, м*о*^у^лода́я, ф Ха́рьк*у*ф; пазажы́т*и*шни жыли (ср. древн. зажитіе = пожитки, слов. И. И. Срезневскаго) — позажиточнѣе, вир*і́*ятно (ср. произн. в*и*рить) — вѣроятно; пр*и*ведён вмѣсто проведенъ (кажется, о каналѣ. Вѣроятно, просто употреблено одно слово вмѣсто другого).

Звукъ *и:* *лень*—*линь*, попехáть сѣна (*е* на мѣстѣ древняго ѣ); зéмск*ай* начяльник, хорóш*ай*.

Наблюдается много случаевъ протяжнаго произношенія гласныхъ, особенно у женщинъ: въ риват. падежѣ: бáтюшкá (слабое удареніе на концѣ, очень ясный звукъ а), кýшāй бáтюшкá, Гóсподи; въ отвѣтахъ: дā, нē (нѣтъ); въ другихъ случаяхъ: мúлāй (зв. п.); не пóчатāй хлѣп; два сынóчка; коё-как время продолжáть (проводить), (онъ меня будетъ) ругáть; зашла тýчā, грōм....

§ 4. Гардовых, в балханáх, перделúть, блачкá (облачка), кресnaсь (окрестность), счяс (сейчасъ), ф Тúмнавѣ; с*о*терéть, *и*справедлúвай.

§ 5. Н*а*биходы (на обиходы), стар*о*брядец, нéтыщеш (не отыщешь); стáр*а* изба, как*á* тяжелина! (тягость въ работѣ), как*ó* счасье (счастье), стáреньк*у* кóфточку, на больш*ý* дорóгу, наёмн*ы* были, кáжн*ы* сýтки, как*é* тѣсноты; дѣл*а*ш, не сдѣл*а*ш, наслýш*а*сся, бѣг*а*т, заúлов*а*т (глина: заиловѣетъ, засохнетъ. *А*, вѣроятно, по вліянію глаголовъ на *а*ть), дýм*а*тца, вы́сват*а*тца.

§ 6. *Д* обращается въ *j* (очень рѣдко): бу*и*т (будетъ), па*й* судá (поди).

Г = *g*, но: Бо*х*.

Г' = *g'*, *к'* = *т'*: нóд*и* и др. (непослѣдовательно и не часто); *Т*рилаф, сýт*ти*, нехвáт*ти*, наý*ти*, фсёта*ти*, в лáф*ти*.

Кт = *хт*, *кк* = *хк*: *х*то, трá*х*ту, *х* Клúну.

Ч произносится иногда съ нѣкоторою твердостью (незначительной).

Двойное *ш*, произнесенное съ оттѣнкомъ твердости, отмѣчено только одинъ разъ (не падыш*ш*эш), но одно *ш* на мѣстѣ двухъ слышится не такъ рѣдко: жэньш*ы*на, наёмш*ы*к, кругофш*ы*на. Въ разговорѣ одного крестьянина съ лошадью я слышалъ *мягкое ш*: ишь ана!... (при понуканіи).

Замѣны однихъ звуковъ другими: *сл*обóдно; ста*л*овѣрничят, васпúта*л*ьникаф; недостáто*шн*о, табá*шн*ик, одн*е*м скý*шн*а, тý*шн*ый (полный, о человѣкѣ) но*шн*ы́м, низадá*шн*ыи; дерé*мн*и

(слышано неясно); чёрес усáдьбу (*с* правильно, какъ, напр., въ выраженіи: вос ѣдет); кáж*най*.

Мелькали какіе то оттѣнки въ произношеніи ч, т, з, но уловить и опредѣлить ихъ я не могъ. Можетъ быть, это была ошибка слуха.

Два случая яснаго произношенія требуютъ подтвержденія и провѣрки, особенно первый, какъ болѣе замѣчательный: *в* кресьянь нѣт лѣсу (записано *в*, можетъ быть, ореографически вмѣсто *ф*); мáлинька*ª*й (к съ оттѣнкомъ мягкости).

§ 7. Мягкость согласныхъ: пé*рь*вай, спе*рь*вá; к*ря*пива; обыкновенно: чер*фь* и т. п. Твердость согласныхъ: г*ры*бы́, колыбé*ль*ка, óчи*н*; ли́ш*ную*, дрéв*ных*, малолѣт*ные*, ф кáж*ным* (домѣ).

§ 8. Пропуски согласныхъ: дѣ (гдѣ); обалúло (обвалило); бѣствіе (бѣдствіе); наизýс (наизусть), вёрс (версг), дас (даст), уѣс (уѣздъ); мóить (можетъ; какъ вводное слово); дѣушка (дѣвушка); мотри́ (смотри); челóк (человѣкъ), челóка три; басловили́сь (благословились).

Иногда не договаривается согласный въ концѣ слова: сеч*á* придёт (сейчас).

Замѣчательны: *лé*жели (ежели), вó*зд*раст (возрастъ).

Вмѣсто нашего надо—*нáдать*. *Предмѣр* вмѣсто примѣр по смѣшенію приставокъ (у крестьянина, жившаго въ Москвѣ; искажено какъ слово не крестьянское, заимствованное).

§ 9. Удареніе ближе къ началу: недóимкаф затя́жыстых нѣт, и́*най*, дря́н*най*, (пчёлы) лётают, и́з Клину, нá лѣта; ближе къ концу: обществó, дѣвóчка, гвоздя́, дубá (дубá нѣту, собирательно), братья́ми, косáми, коé-как, каé-што, пратяжны́х (ѣздил на прятяжны́х—на долгихъ), додáл, годилáсь.

Соединеніе двухъ словъ подъ однимъ удареніемъ: на тóмѣста.

§ 10. Вмѣсто именит. звательный падежъ: *Гóсподи* е знает. Родит. единств.: запрéт*у* не была, огн*ю́* добыть; без зем*лѝ*. Звательный падежъ: Мáтушк! Федь, дѣ у тебя ножичек! Пóлькá,

што это ты не спишь! Творительный падежъ: артéлью*й*, с чéтвер*тюй*; вадó*ю*, тобó*ю*, с половúно*ю* (но мальчикъ, окончившій сельскую школу, произнесъ: с половúно*й*). Именит. множест.: свиня́т*ы*. Родит. множественнаго: пять сын*óф*, (тридцать) брат*óф*. Предложный падежъ множест. числа: в деревн*я́ф* и др.

Собирательныя имена: нѣт *зве́рья́*; *у́галь* жгём (угли).

§ 11. Винит. единст.: на рýск*аю*. Именит. множеств.: больш*ы́и*, рáзн*ыи*, лё*х*кіи науки, одинáков*ые* (нарѣ́чія).

Окончанія *іих*, *ыим*: лѣ́тні*их*, по нѣ́котор*ыим*.

Творительный вмѣсто предложнаго: ф кáжн*ым* (домѣ), на јэ́т*им*.

Сравнит. степень: дá*ли*, бó*ли*, богáт*и*; крѣ́п*шы*, тижéл*ьшы*, млáт*шы*; *паплóшы* (похуже: паплóшы одѣвались).

§ 12. Винит. п.: всеё, тоё (тоё (старину) не воротишь) и тоé. Именит. множест.: онэ́ (неясно).

Ф сва*é*м (не ё), тво*é* слова. Об *э́фтим*.

Мѣстоименіе 3-го лица множественн. числа по началу сходно съ единственнымъ числомъ: *е*х (ихъ), из н*é*х (изъ нихъ), *е*м (имъ); отсюда: у *é*хнава барина, *é*хныи.

§ 13. Неопредѣл. наклон.: пась (скотину). Изъяв. наклон.: дýм*у* (очень бывалый старикъ), размѣ́нив*ут*, скáзыв*ут*, жáлав*ут*ца; глаголы на овать—запáмятать (запамятовать), бѣ́тствали (бѣдствовали), жáлавутца (жалуются); другіе случаи: жгём; *хóчют* (старину *хочют* отмѣнить); хóтца (хочется); мýчют (правильно); *ютъ* во второмъ спряженіи: увóл*ют*, кóс*ют*, приготóв*ют*, кýп*ют*, хóд*ют* и др.

Возвратный залогъ: забойте*ся*, садúте*ся*, стрóй*ся*, лажúм*ся*, садúс*ь*, загорáло*сь*, занимáли*сь*.

Причастія: отмѣнúто (отмѣнено: и там ни отмѣнúто), говорё*м*шы (говорившн: пристáнут (устанутъ) с ним говорёмшы).

Особыя образованія: влад*á*й, *ла*зáли, слыхáим (слыхáим: лоси пробѣгают), притáрг*ы*вут (приторговываютъ: сѣнцóм притáргывут).

§ 14. Неизмѣняемыя слова: никуды́, óчинна.

§ 15. **Родъ**: однá нарѣчія; онá вмѣсто онó въ выраженіяхъ подобныхъ: онá надо бы это сдѣлать; пиво, *он* (? случай сомнителенъ по своей единичности) кислáй будет. **Число**: міръ-то только вонѣ *баслови́лись*, *пошли́* (на покосъ); *торгóвляф* нѣтъ; до *тѣх пор* (обыкновенно пора употребляется въ литературномъ языкѣ въ единст. числѣ). **Падежи**: *за э́тава* (за это); племянникову душу владáю (душой земли); тоё (старину) не воротишь (вмѣсто той). Ф ту́поры явилось изъ смѣшенія: *ф ту́пору* и *ф тѣ́поры*.

§ 16. Кромѣ *то*, *ты*: дóчири-*ты*, вóли-*ты*, хресьяни-*ты*, кóпны-*ты*, ни пусти́ли-*ты*, копáли-*ты*.

Въ словарѣ есть церковныя слова: *поднéсь* (до сихъ поръ: и *поднéсь* так осталось. Сказано очень бывалымъ крестьяниномъ), *творит* (дѣлаетъ, исполняетъ: волю свою *творит*, т. е., дѣлаетъ, что хочетъ, самовольно. Въ языкѣ женщинъ).

Мальчикъ, окончившій сельскую школу, раздѣляетъ съ другими особенности своего говора. Это было болѣе замѣтно, когда онъ говорилъ скоро и не со мной. Вотъ нѣкоторыя его произношенія: крапи́ва, поём (пойдемъ), бу́ит (будетъ), таё избу, ех (ихъ), сечá принесу (недоговариваніе).

№ 9. *Д. Сóлнечная горá*, № 3163.

По показаніямъ крестьянъ, здѣсь изстари говорятъ на а. Окаютъ, по ихъ словамъ, въ сосѣднихъ селеніяхъ: Головкóвѣ, Лáптевѣ.

§ 1. Здѣсь **акаютъ**, но не сильно, такъ что сначала нужно прислушаться, чтобы замѣтить это аканье. Говорятъ: *а*вёс, *ла*ви́ть, *са*хóй, *па*ля́, т*а*пéрь и т. д.; плóтим, упл*ó*тит, па*сó*дит, но также: плáтют, насáжын. Иногда кажется, что слышишь звукъ не полное а, но о^{а}: ро^{а}ди́тца; по^{а}гребá, о^{а}ктя^{и}брЯ́, чевó-то^{а}. Слогъ второй до ударенія слабѣе слѣдующихъ: мисицá (им. мн.); кăрапáтки (неясное *а* на мѣстѣ *у*). Такóя *жа*. Фсё ровнó (почти о).

§ 2. *И* на мѣстѣ *е*: м*и*жжевéльник; з*и*мля́, д*и*рéвни, л*и*жáл, на н*и*вóлѣ, н*и* бóльш*ы*, н*и* знáю; вы́в*и*ду, паслу́ша*и*т, знá*и*т, сѣ*им*, пáш*ым*; падарóж*ы*, памалóж*ы*; но рядомъ: нич*и*вó и чевó; де^{и}ся́тками; въ ф. сту́ль*и* (им. п. м. ч.) *и*, можетъ быть, изъ *е* (сту́лье);

и на мѣстѣ *я*: питёрка, *ј*имшы*т*и́ (ямщики), *ј*имщи́най занимаются, р*и*за́нцы; пасѣ*ил*, сѣ*или*;

и на мѣстѣ *ѣ*: миша́ть, прабижы́ш; вы́сию, не́ за чим; ф парядашнам до́ми, на фа́брити, к пя́тницы-*ты*; но: на тро́й*тѣ*, отсе́*лѣ* (кажется такъ).

§ 3. Запре́чь; лепь (линь); е́тай, е́дак и: э́ти; ко́й-*х*то (кое-кто).

§ 4. Примѣровъ нѣтъ.

§ 5. П*а̄*хо́тѣ (по охотѣ; кажется такъ), вапче́ (вообще); така́ (перемѣна), като́р*ы* на фабрику ход*ют*; зараба́тыв*ат*, нака́шыв*ам*, рабо́т*ам*, ј*и*мщи́чям.

§ 6. При *г* равномъ *g* (книж)—баһа́та (ср. р.).

К' = *т'*, *г'* = *д'*: *т*и́слава, я́бла*т*и, зимляни́*т*и, ка*т*і́и; но́*д*и, телѣ́*д*и.

Хто, тра*х*ти́р, *х* Тве́ри, но также: никто́; ни ѓа*х*-шта.

Хресья́нствам (тв. п.), *х*ристи́ли.

Двойныя *ж*, *ш* обыкновенно мягки, но въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно услышать и твердое произношеніе.

Ч, кажется, иногда произносится тверже обыкновеннаго.

Д, повидимому, сохраняется: бу́*д*ит.

Отдѣльные случаи: або́щ (въ собирательномъ значеніи), е́*д*акая, тапе́й (теперь), *ш*то.

Группы согласныхъ: ру*шн*а́я, даста́та*шн*а; гу*вн*о́.

§ 7. Здѣ́ш*ных*, дама́ш*н*ава, па дав*ны́*шнаму; г*ры*бы́, г*ры*бо́ф; пе́*р*ьвай, но: ста́*р*ъшай; почти: сем (полумягко). По-*с*э́рѣе — можетъ быть, оговорка (слышано, впрочемъ, два раза).

§ 8. Ве́рс, наизу́с, есь; челэ́ка три. Вмѣсто мало — мало*ть* (нѣт, ма́ла*ть*). Недоговариваніе: Грамотѣ знаете? — *Нѣ*.

§ 9. Удареніе ближе къ началу: нача́лся, придѣ́лютца (опредѣлятся); ближе къ концу: на адной лашади́, в людя́х; са́м-третей (на е слабое удареніе), дѣя́тельный, палудё́нный (поѣздъ); умень-ша́тца; ниужли́ нѣт; крамя́.

§ 10. Родит. пад.: с нача́л*у*; тварога́ (?); у ста́раст*и*; зват пад.: Марь! пагавари сь ём; предл. пад.: ф планту́ (на картѣ);

имен. множ.: гу́вны; рабя́ты (сыновья), масля́ты; родит. множ.: работи́шкаф 8 челавѣк; кресья́нь.

§ 11. Э̑туй (?); маладыи-та, нибальшыи, харо́шыи, катіи; сравн. ст.: бо́ли, пасла́бже.

§ 12. Сваé, сваéх, такéх, сваéм, в маéм, ф сваéм; с нём (съ нимъ); хто е знаит.

§ 13. Неопр. наклон.: гресь (сѣно), сѣсь; прайти́ть, натти́ть; изъявит. наклон.: преслѣ́давут (преслѣдовають), јимшшычют, сѣнако́сничют; са́дют, хо́дют и т. п., но въ одномъ случаѣ и: са́дят (рѣдкость въ здѣшнихъ говорахъ); возвр. залогъ: соста́рился, провела́с.

§ 14. Но́ньчи; нѣ́ту.

§ 15. Число: жи́ли нача́льства (им. п. ед. ч.); нихто́ не спют; палави́на Со́лнашна занима́ются (этимъ).

§ 16. Членъ: ста́ршай-ат; ухо́ду-ту, то́лку-ту; шу́бу-ту; зимо́й-та; на машы́ни-ты.

Въ словарѣ: паха́ть (не орать), барнава́ть (не знаютъ: скородить), клѣф (не закута), квашня́ (не дежа), шесто́к (не загнѣта), ло́шать (не конь), сасѣ́т (не шаберъ), ко́фшик (не корецъ. «Каре́ц то́лька на ме́льницѣ. Гаварят: сыпь ф каре́ц»).

III.

Московскій уѣздъ.

№ 10. *С. Гнилу́ша*, *Черки́зовской* волости, на Рогачевскомъ трактѣ, № 372; крестьяне были барскіе, князя Львова. *За́болотье* (въ спискѣ: Заболоты, № 367).

Наблюдался говоръ собственно Гнилуши, но въ семьѣ, гдѣ хозяйка взята изъ Заболотья.

Говоры представляютъ характерныя черты собственно московскаго нарѣчія, съ небольшими отличіями отъ говора столицы. Онъ богатъ словами и оборотами, которые въ большей части случаевъ совпадаютъ съ литературнымъ языкомъ. Разговаривая

съ хозяйкою того дома, въ которомъ я прожилъ что то около трехъ недѣль, я по привычкѣ записывалъ произношенія и слова, но совершенно забывалъ, что я бесѣдую съ крестьянкой и слушаю особый говоръ: такъ хороша, свободна и литературна была ея рѣчь. Но замѣчательно, что, умѣя «правильно» говорить, не всегда такъ говорятъ. Между собою, или въ скоромъ, небрежномъ произношеніи здѣшніе крестьяне иногда обнаруживаютъ особое «крестьянское» произношеніе, которое можно также услышать отъ очень старыхъ людей. Въ говорѣ молодого поколѣнія замѣтно вліяніе столицы, школы и книги.

§ 1. Аканье. Въ слогѣ передъ удареніемъ на мѣстѣ *о* всегда *а*. *А* на мѣстѣ *е*, *ѣ* въ слогѣ передъ удареніемъ нѣтъ. Въ другихъ неударяемыхъ слогахъ слышатся неясные звуки *а* неполнаго образованія, произносимые короче, чѣмъ соотвѣтствующіе по положенію звуки окающихъ говоровъ.

Примѣры: Че^а^рнышóва (почти я); капѣ́як, дéняк, птáш*а*чка, ненáсья (им. п.), двóя сутак, фся́кая дѣла, дáж*а*, што-ж*а*, хто-ж*а*; кажется: *же*рá (неясный звукъ), но: чиж*а*лó (послѣ ж звукъ не вполнѣ ясенъ); тéпл*о*^а^ (ср. р.) и т. п.

У 80-лѣтняго старика я слышалъ довольно ясное *о* въ слогѣ передъ удареніемъ: изл*о*мáн, изл*о*мáли, хл*о*пóт, р*о*бóтникоф (очень близкій къ о звукъ). У другихъ: Вол*о*́тька (почти *о*), тв*о*éх (закрытый звукъ, почти о).

Слѣдствіе аканья: пл*о́*тют, запл*о́*тиш, запл*о́*тит, запл*о́*тим, запл*о́*тют, пасóдиш, пасóдют, матерно сóдит (бранится сильно), скóтитца. Также: р*а*камесл*о́* (рукомесло).

Въ извѣстныхъ случаяхъ неударяемое *а* звучитъ какъ ясное или неясное *ы*; такъ послѣ *ж*, *г* имѣемъ: у́ж*ы*сь бирё́т (ясно), збѣ́г*ы*ю (недостаточно ясный, но близкій къ ы звукъ).

§ 2. *И* на мѣстѣ *е*, *ѣ*, *я*.

1. Въ слогѣ передъ удареніемъ: напл*и*вáть, об*и*зáтильна, нач*и*вáл, *си*м*и*нá, н*и* стáл, *а*рж*ы*нáя, ш*ы*снáтцать; с*и*чя́с, н*и*льзя́ б*ис* т*и*бя́, д*и*ся́ткаф, з*и*мля́ (и рядомъ: з*е*мля́), *и*вó, ч*и*вó, нич*и*вó, пра *ей*-Бóгу, щ*и*кóтит (щекочет), в*и*снóй, ц*ы*ркóвнай стараста,

іё, тилёнку, висны́, сти́ны, лижы́т, читы́ри, иму́ (без j), пику́, чийку́, визи́, бириги́, галини́щим, жыни́х, нидѣ́ля, тибѣ́, на зимлѣ́, виздѣ́, вилѣ́л, симе́йным; рядомъ: фчера́сь, пахлеба́ть, шеска́ (шестка), жена́т, жена́тыи, трево́жить, чижело́, семо́й, серьпо́м, гребёт, её, свезёт, уберём, лежы́, плели́, сиреди́, женѣ́, невѣ́ска, не сбѣ́гать ли—съ болѣе или менѣе яснымъ е; иногда слышится неясный среднiй звукъ: пажэⁿлѣ́ла; бидна́, ис хлива́, свила́ (цвѣла), пализа́й, даида́й (кажется, безъ j), падлиза́ть, бида́, двина́тцати, синца́, пищя́ная, дило́ф, мисто́ф, сидо́й, писо́к, дифчёнка, свитёт вада, свиты́, бижы́ш, бижы́т, на маём вику́, дитёй; рядомъ съ довольно яснымъ е: река́, детёй; игня́та, панила́, взила́, палчиса́, три чиса́, питна́тцать, на примо́к гавари́, тигло́, пито́к, на чiёк, визём (перчатки: вяжемъ), чийку́, плису́н, лигу́шка, тину́ть, завижу́, глижу́, свитые, изы́к, иiц (безъ j), глидѣ́ть, примѣ́е.

2. За слогъ до ударенiя: ираво́й, чисаво́й, питялты́ннай, чирназём, мижьжевёлавый, жырибёнак, ищи-щиппа́ми (еще, энклитика).

3. Въ слогѣ за ударенiемъ: талку́им, вы́думаит, о́чин, ну́жын, ма́линькай, во́стринькай, ма́минька, то́щинькая, асо́бинна, мана́шынак, другу́ чя́шычку, ло́жычкай, вре́мичка, за сара́им, по́лим (твор. п.), с удаво́льствiим, че́твира, с ве́чира, па настая́щиму, ви́шнынья, бу́дити, зна́ити, абма́нывати, уйдёти, ни найдёти, пу́щи фсево́, нынычи, сла́щи, лу́ччи, каро́чи, тапе́ричи, за́фтри, бо́льшы; рядомъ съ довольно яснымъ е или съ неяснымъ среднимъ: пла́чем, семь гри́вен, тро́е пар сапо́к, по́меⁿр, по́греⁿп, сни́меⁿш; вы́ихали, аби́дилса, вы́лизли, на гаро́ди (на огородѣ), ф про́шлам го́ди, ф сабо́ри, на адно́м мѣ́сти, в Рагачёви, на фа́брики, ф том до́мики, на со́лнушки, ф тьм мѣ́сицы, на ста́нцыи, ста́ри нѣ́т; мѣ́сиц, мѣ́сица, де́сить, па́мить, на́ десить, жыть в лю́дих, на кры́льих, лю́дим, гра́блими, ве́щими, сѣ́или, засѣ́ина (ср. р.); рядомъ: де́веть. Иканье сильнѣе въ говорѣ молодого поколѣнiя, чѣмъ стариковъ.

Въ: у́гальи и, можетъ быть, изъ стараго е (ср. здѣшнее бараньѐ и сѣверн. собир. на ѐ), п. ч. конечное я сохраняется: гля́дя (па даста́тку гля́дя), *сабо́лья.

Иногда первоначальное *и* приближается къ *е*: произносятъ почти прерóда, мелá, наспертýютца, на преступкѣ вмѣсто при́рóда, милá и т. д., обӗжáютца, сӗратá. Даже подъ удареніемъ: пéлют драва, пéлют-пéлют (не разъ), Зéня (отъ Зинаида), гаварéт вмѣсто говори́т (въ скоромъ произношеніи), ни ужлéш (неужли жъ), пави́сниш почти павéсниш. Въ послѣднемъ словѣ *е*, можетъ быть, по аналогіи къ словамъ вѣшать, повѣсить, такъ же какъ и въ словѣ: малатéльщикаф (рядомъ: малати́льщики) по аналогіи къ словамъ какъ платéльщикъ.

§ 3. Звукъ *а*: абрабáтыват (но: палёжывай); *а* (и *о*) замѣняется *ы* въ энклитикахъ: кык, тык (тык адин бы ни убижáл), хыш, кы́лй тáк, зны́чит; на мѣстѣ *я* можно услышать неясныя *е*: почти дрегáитца, три редá (почти такъ, у старика 80 лѣтъ), дéсеть (е очень неясно); запрéчь, запрéк, сѣпа трéсь, патрéс, затрёсса, на лашедя́х; висилькú.

Звукъ *о*: утигащáити; платья бурдóвая, намузóлили глаза; ыжырибúласа (короткое не очень ясное ы), ижырéбитца (неясный звукъ); капы́шатся там; рабити́шки и др. производныя.

Звукъ *е*: эщó, э́жели; *е* не *ё* слышаны въ словахъ: сучéчик, кручéчик, ф кулéчки, в мѣшéчки, кружéчки, гаршéчик, лужéчик, халщéвницы (какое в—не отмѣчено); стежь (случай: попадется, (но) эта уж рѣдкую стежь), слéшка, галавéшка (у саней); ф щéлачку, приверéды (причуды, капризы), насéрут; обратно, *ё* не *е* находимъ въ словахъ: пе̑рья, падёньщина, казёньник (казенный лѣсъ), вéдриный день (ср. § 7; повладимирски: вéдринай (не *ё*)), сь нéба; пасéф, пасéву; Амéля касапýзай (бр. сл.).

Звукъ *и*: теряетъ *j* въ положеніи за твердымъ звукомъ предыдущаго слова (сравн. обыкновенное произношеніе: обыгрáть и т. п.): я мал ыё ни вазьму; кабы ывó там многа; купи́л ыё, угавáривал ыё, пирыщý (переищу); но старикъ произнесъ: визбѣ́; аменúнник (сначала потеряно *и*, затѣмъ приставлено *а*, можетъ быть, изъ выраженій въ родѣ: о менины=во время именинъ); запёхыват; очюмѣишь паёмшы (поимшы), свалёмшы; гречю́ху (вѣроятно, суффиксъ *уха* вм. *иха*); князя Исýпава (также и въ

Боровскомъ у. вм. *Ю*супова; для объясненія такого произношенія нужно имѣть въ виду старинное имя *Исупъ*, которое, напримѣръ, встрѣчается въ актахъ Новгородской области).

Звукъ *ы*: окончаніе прилаг. имен. пад. муж. рода: ми́л*ай*, хво́р*ай*, ело́в*ай*, паря́да*шнай*, э́*кай*, харо́шыньк*ай*; особенно ясно слышится это окончаніе когда конецъ слова протягивается: харашо́ ми́л*а̄й*.

Звукъ *ы* замѣняется *у* въ суффиксѣ *ы*шко: пё*ру*шка, чё*лу*шка (у печки), стёкл*у*шка, до́н*у*шка (вѣроятно, сліяніе первоначальнаго суффикса съ суффиксомъ женск. рода: *ушка* (бабушка): окончаніе средняго рода сначала приблизилось къ женскому вслѣдствіе аканья, а потомъ и совсѣмъ замѣнилось имъ; произношенія эти распространены обыкновенно въ акающихъ говорахъ); мужук*а́* (часто), муж*у*ко́м, муж*у*чки́, муж*ў*чку́ (здѣсь слышанъ неясный звукъ); ещё-*ба*, увизли́-*ба*, пабалава́ла-*ба*.

Звукъ *у*: бы́тта.

Протяжные гласные: ей с кало́шами башмакӣ, ба̄тюшка̄ (на концѣ слабое удареніе: ба̄тюшка̄-мой, ба̄тюшка̄-нѣт (мой и нѣт—энклитики), красӣвай, э̄жели плаха̄я, ма̄линька̄я (на концѣ слабое удареніе), вада ванью́ча̄я, ма̄ленькӣе (слабое удареніе на *и*), ничӣво́, мно́га наро̄ду о̄чень! Здѣсь протяжный гласный въ большинствѣ случаевъ усиливаетъ значеніе слова; красӣвай значитъ: очень красивый, ничӣво́—совсѣмъ ничего и т. п. (долгота риторическая).

§ 4. Пропуски гласныхъ: забарнава́л, саркава́я дисити́на, хрáшо́, прася́ты, прася́т, пирлажы́ть, златаро́тцы, плате́нца; ниўжли (ж твердо); о́каль Масквы (изъ: о́кол*и*, которое, вѣроятно, изъ *околѣ*: ср. *окромѣ*); хо́льные дѣти (правильно образованное прилагательное, подобно: воля—вольный; наше хо́леный — причастіе); пущя́й-ё (почти такъ вмѣсто ее) уснёт.

Излишніе гласные: ту́т*а*; (версты двѣ) далины́, в*а* ста́ди; у́галю (много); атмести́лась (отомстилось), тря́пачкай пратерём; при́чет (въ такой формѣ есть у Пушкина); агуре́чик (особое образованіе; также въ Боровскѣ Калуж. г.); четвёрек или четвёрик

(неясный гласный, слышанъ много разъ); *а*фтóрник, *а*ржанóй, *а*грамáдныи два узла.

Полногласіе: В*алó*ха, В*алад*юха (имя мальчика, отъ Владимиръ).

§ 5. Стяженіе: заб*и*дѣл, н*а* гарóди, п*а* гарóдам, з*а* Зерéцким (за Озерецкимъ); пр*и*брѣтáли, н*и*тапрý, пр*и*станав*и*лиса (пріостановились), н*и*сушáит (плáчит глас н*и*сушáит); слав*а*хóтныи гаспадá; тóнинък*а* рука, я́лав*а* афца, мáханьк*а* дверь, нóв*у* слóбоду, так*ý* нужна, мя́кыньк*у* бѣ́линьк*ую* (одно вслѣдъ за другимъ), как*ó* дѣла, друг*ó* платья, как*и́*, так*и́*, мáлиньк*и* куски, катóр*ы* дерýтца катóр*ы* плáчют; раздýм*а*сса, жáлав*а*тца (жалуется), разгавáрив*ам*, далáмыв*ам*, дýм*а*ти, спрáшыв*а*ти; не чéрстви*т* хлѣп (не черствѣетъ).

§ 6. *Вн* = *мн* и обратно: *мн*ук; *вн*óга, у*вн*óжылас нарóду, гу*вн*ó. Также: нáда*мн*а (надобно).

Д = *j* (въ рѣдкихъ случаяхъ, особенно когда говорятъ очень скоро, или между собой; въ разговорѣ съ «бариномъ» не скажутъ ясно: «пай» (пойди), развѣ когда заговорятся и забудутся): пай (пойди́), пагай (погоди), бýит (будетъ), бýиш (будешь), дя́я (дядя), пайти тудá (пойдите), гли́ка (глядика).

Г = *g*, въ концѣ словъ = *к*: дéне*к*, твóра*к*, но*к*, вдру*к*, снѣ*к*, дру*к*. Но въ извѣстныхъ словахъ *h*: ба*h*áтай, ба*h*áчка, ба*h*áтая, бла*h*аслави́, кни*h*и́ня, *h*дѣ; Бо*х*. *Кы* въ окончаніяхъ: взы́с*кы*вал, разы́с*кы*в*а*т и др.; въ корнѣ: *кы́*скам (дѣтск. произ.).

К вмѣсто *х*: *к*аравóт, па дóлгу *к*ристія́нскаму, *к*лѣф; обратно: *х*ристи́лиса, *х*рёснай.

К' = *т*', *і* = *д*': ка*ти́*-та, с*ти́*нула, вы*ти*пáжах (въ экипажахъ), *т*ирпи́шны завóды, ка*т*іи, пирдафся́*т*им, сабá*ти*, но въ большинствѣ случаевъ правильно, даже у старика 80 лѣтъ: никак*и́*хъ и др.; обратно: *к*ѣ́сна, при*к*исня́йти, *к*ѣ́с*та*, *к*ѣ́ла (тѣло), с*к*исня́ться, *к*ѣ́зива накалóтишь (тезево, брюхо); á*н*дил, Сер*д*ѣ́вна и др.—тоже очень рѣдкіе случаи: обыкновенно правильно, у старика 80 лѣтъ: нó*ги*; обратно: *г*ля сваéй (г неясно).

Кт = *хт*: *хто*, до́*хт*ар, ви*хт*о́рія (сортъ клубники), та*х*-*та*, *х то*й старанѣ́;

также: *х п*о́лю, *х п*аро́гу, *х п*рипадо́бнаму; *h д*руhо́му (второе h неясно); *х х*арчя́м, *х к*ако́му-та.

Правильно: *к*ружо́внику.—Клупни́га и земляни́*к*а.

*С*курёха (*ш*курёха: каки́ *с*курёхи паршы́выи!), *ш*ашни́к (сошникъ), па*дж*ужа́ет (подзужаетъ); дру*жъ*я́ (правильно).

Слово цвѣтъ звучитъ: *с*вѣт (*с*вѣто́к, пуста*с*вѣт и др.).

У слѣпой старухи, здѣшней уроженки и постоянной жительницы, Настасьи Ефимовны Лобановой, оказались несомнѣнные слѣды слабаго цоканья: хо́*ч*ют почти хо́*ц*ют, пла*ч*ю почти пла*ц*у, с*ч*я́с почти си*ц*а́с; также, ясно и послѣдовательно слышится среднiй звукъ между *ч* и *ц*. Поэтому и на здѣшнія: ап*ч*яра́пнул, ап*ч*яра́паны, ап*ч*еря́пкали, ап*ч*еря́пали, нос с*ч*яра́пнули—можно смотрѣть какъ на остатки чеканья.

У пожилой женщины, уроженки изъ Заболотья, изъ разговора которой приводится здѣсь особенно много примѣровъ, я часто слышалъ въ скоромъ и не старательномъ произношеніи вмѣсто се*ч*яс почти се*ц*яс съ очень мягкимъ *ц*, но въ большинствѣ случаевъ звукъ приближался къ *т*, такъ что мнѣ казалось, что она произноситъ: си*т*я́с, да́и*ч*и почти да́и*ти*.

Ц иногда усиливается въ *тц*: спи́*тц*ы (спицы; т слабо). Съ про́*ч*ими произносится: с про́*тч*ими.

Ч въ очень рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ нѣкоторый оттѣнокъ твердости.

Слово *лучше* звучитъ: лу́*чи*, палу́*чч*и и лу́*т*шы.

Вмѣсто *чт*—*ст* въ словахъ: уни*ст*о́жилась, уни*ст*ажы́ть, нѣ́*ст*а можна (не очень ясно, но, кажется, такъ).

Что всегда произносится: *што*.

Чн = *шн*: паря́да*шн*ых, привы́*шн*ы, в на*шн*ы́м, ру*шн*у́ю, ту́*шн*ай (тучный, полный), де́нно и но́*шн*о; но не согласно съ нами: ро́ска*чн*ый, ро́ска*чн*а адѣты; *чл* = *шл* въ: дура́*шл*ивай (ср. *дура́*шн*ый).

Щ произносится какъ двойное мягкое *ш*. Въ *Заболотьѣ* мнѣ

могли указать стариковъ, которые произносили двойныя *ж* и *ш* твердо; про нѣкоторыхъ говорили, что они уже померли. Я слышалъ только до́жьжик, шьшюка и т. п.; также: пада*жди́*.

Но одно ш на мѣстѣ двойного изрѣдка слышится: ап*ш*эство́, грибинь*ш*ык, малате́ль*ш*ыкаф.

Въ рѣдкихъ и болѣе благопріятныхъ для наблюденія случаяхъ можно услышать не очень ясныя *с̕с̕* на мѣстѣ *щ*: *еще* какъ будто: ис*ьс*ё (или и*шьш*ё съ очень мягкими ш, близкими къ с), почти: му*сьс*и́на, почти: прас*ьс*ёный день, почти: рас*ьс*ёт, *ищи* сбиваетъ на: ис*ьс*и́, на *барщину* близко къ: на ба́р*ьсьс*ину, *съ чаемъ* почти: *сьс*я́ем.

Первоначальныя сочетанія *с* + *ч*, *з* + *ч*, *ж* + *ч* обратились въ *щ*, т. е. въ *ш̕ш̕*: *щ*ита́лся, *щ*а́сья, мѣ*щ*ину дают̕ъ, не́*щ*ева, му*щ*и́на, но можно услышать и *ш* + *ч*: *ш ч*ѣм, *ш ч*ёрнай.

Иногда *ишто́* (еще: *ишто́* сейчя́с фспо́мнила (пѣсню)).

Въ: саап*ч*и́ли видимъ старое *ч* вмѣсто нашего *щ*.

Нн = *лн*: на со́тельнам гаду́ по́мер.

Отъ женщины, уроженки д. Лупихи, я слышал произношеніе: тре*тт*ій (неясно, но почти такъ).

Смѣшеніе звучныхъ съ глухими: би*с* атры́ву, лачю́*ш*ычка.

Отдѣльные случаи: а*б*ащёй, разбири*д*и́ла па́*л*иц, с*л*або́да, с*л*або́дна, с*л*або́динъ, піи́йка (піявка; вѣроятно, слово особаго образованія), на сва́*р*ьби, *э́*ракай (старикъ 80 лѣтъ), *з*е́мчюк, та*н*бо́фскай, *М*ико́ла (праздникъ), *М*ико́лка (Николка), ни сум*л*ѣва́нтис, си́*л*ич (сирѣчь), тапе́*и*чя, тапе́*й* (часто), *ч*ижо́лая, *ч*ижело́, *ч*ирёзвай; вмѣсто чищенье—чи́*ст*енье.

Удвоеніе: же́н*н*ины, гли́ни*н*ная.

Перестановка звуковъ: бар*к*у́ют (бракуютъ), абнакаве́нна (обыкновенно).

Сочетанія словъ: впирё*д*-*з*аби́дѣл.

§ 7. Мягкость согласныхъ: се*рь*п, сте́*рь*ва, пе́*рь*вай, спе́*рь*ва, пе́*рь*ва-на́-пе*рь*ва, чё*рь*паиш (неясно), (почти:) мё*рь*твых, вё*рь*х*ная*; пи*рь*таска́ли (сравн. владим. пиртаска́ли съ твердымъ р); во́симьдисить; чи*ти́*ри (ясно не разъ; также въ Новг. у.).

Твердость согласныхъ: губные въ концѣ словъ обыкновенно мягки, но можно изрѣдка услышать и твердое произношеніе: свикрóф, пастáфте, дарагóф какая, прóлуп, руп, сем, иногда слышатся произношенія неясныя, среднія между твердыми и мягкими; твердое н въ: бчин, спакóн вѣку; другіе случаи твердости: грыбы́, грыбóф; малáрь, маларí, ф сталарях (подстановка окончанія аръ;) звѣрóк, звѣрóчки (особый суффиксъ); здѣшнава мѣста; твердость согласныхъ передъ j: бъём, бъют, папъют, съ jими, къ jиму.—Обращаютъ на себя вниманіе случаи твердости зубныхъ передъ слѣдующею мягкою губною и зубною согласною: падъвинниш, събѣгаю, пасъпѣла, васъпитывались; серъдитай, Калъчюгин (фамилія); тѣпълинькава.

Бóзнать (Бóзнать што, Бóзнать кудá дѣвáться) и: Бóзнат.

§ 8. Пропуски согласныхъ: дѣ (гдѣ), кадá (когда), нéкада (некогда), кады́ (когды), тады́ (тогды); се (все; часто), спóмню (вспомню), скапáли (вскопали), скипѣ́л (вскипѣлъ), ни здахнёт (не вздохнетъ); и́дите (видите); áгуста (августа); я́ствиннѣе (явственнѣе); нога не дѣ́ствуит (дѣйствуетъ), диствúтильна (дѣйствительно), падём (пойдёмъ), абыгнúласа авечка, абыгнúтца; асьнáтцать (осьмнадцать); пóзна (пóздно); взвúзнул (взвизгнул); заýт (зовут); паркú (портки), па насёрки (насердкѣ) здѣлали; раствó (родство); рош зáтлая (затхлая); чёрсвай (черствый); прáскай (правскій, настоящій: харóшая, прáская загáтка), маскóскай (московскій); шерсь (шерсть), чесь (честь), есь (есть), ѣсь (ѣсть), но: жисть и даже мрасть (мразь: ни видáть э́такай мрáсти; по вліянію: жись и жисть, гось и гость), извѣ́син (извѣстенъ; по аналогіи съ вѣсь вм. вѣсть), Нась (зв. пад.), Нáся (Настя: пайдём, Нáся, чай пить), с Нáськай (Настькой); поѣ́с (поѣстъ), дас (дастъ), ѣс (ѣстъ), хлы́сья (хлыстья; значитъ произносятъ: хлыс); пра (прáво), нéча (нечего: на эта нéча дивить); баславú Бох (благослови); самдѣ́ли (въ самомъ дѣлѣ); я гу (говорю).

Приставка согласнаго: вóстрыи (им. мн.), éта, éти и т. д.; иногда j звучитъ почти какъ h: hей Боhу, hесь (есть); вставка: страмна; ндрáвитца, пандрáвилса, пандрáвиласа; благаславлéнье

(жениха и невѣсты; п. ч. благословлю), Успле́нья (праздникъ; п. ч. сплю); муравли́ (вѣроятно отъ *муравѐль, ср. журавли́); планты́ (планы).

Сохраненіе согласнаго: абвя́заннась (обязанность: што за абвя́заннась!), *абвя́*зана (обязана), *абвя́*заны (обязаны).

Ни *привийдитца* вм. не *предвидится* представляетъ изъ себя смѣшеніе словъ.

§ 9. Удареніе приближается къ началу слова: тво́рак, по́мага, свя́тью, биз за́гаратки, зага́рдачку (загарадить: если здѣсь не было описки въ первоначальной записи), тво́рагам, пру́дам (ѣ́хали), хлы́стам (отстегаю), ку́барем палетити, гра́блими, ве́щими, зу́пки, фсѣ у́тра касил, ста́дами, дря́ннай, дря́нн(ыи) нажы, дря́ннаю, вы бо́льны, бо́льныи (аттаво вы и бо́льныи, шта ма́ла ку́шаити), со́ннава (сравн. влад. сонно́ва), и́дут (часто), при́дут (часто), ро́зарвала (штоп вас ро́зарвала!), на́пилиса, на́пилса чаю, на́пилис, на́чалса, за́нялись (драва́ за́нялись—загорѣлись), атво́рьти, лё́хка, тё́пла, у́мна вм. легко, тепло, умно (нарѣчій), пе́рьва (сперва), спе́рьва, за́ стан, за́ сѣнам, (мучили) ни-за́-шта, и́с паля, рубашка по́ зими (по землѣ), на́ вѣтер, на́ сани, на́ лѣта.

Удареніе удаляется къ концу словъ: жниво́, апщество́, апщества́, апществу́, Успленья́ (р. п.), тирё́м, миласти́ну, жаваро́нки, вара́ (р. п.), ат стана́, с малада́, вары́, склады́ лѣсные, планты́, прасвиры́ (им. п. м. ч.), ращя́ (им. п. м. ч.), балата́, братья́ (братья́ плахіе азарнича́ют), дѣтя́м, акна́ми, кальца́ми, ращя́ми, жела́сливые (жалостливые), дварава́я, ф чисто́ (поле), упало́е (дала бы ему (денегъ) на *упало́е мѣсто*), пои́ (чаемъ), уничтожы́т и унистажы́ть, уничтажы́л, удваи́лась, ни трану́ли, азарнича́ит, атпё́рли, запё́рта (ср. р.), падгни́л, ни да́л, ни жы́ли, украла́, паслала́ (паслала́ пастель и др.), висело́, далико́ (итти́ далико́), халадно́ и хо́ладна (там хо́ладна), ниужли́.

Че́рес съ самостоятельнымъ удареніемъ: че́рес | дня два, че́рес | авра́ги, че́рес | кана́вы, че́ресь | её́.—Два́-дни.

§ 10. Родит. падежъ единственнаго числа: караво́д*у* нѣт, да палуста́нк*у*, ни вы́хад*у*, да пру́д*у*, биз разбо́р*у*, ис по́гриб*у*, для

до́му, окала паро́гу, с вакза́лу, ис Пи́тиру (въ загадкѣ), пако́су нѣтъ ни си́нь-по́раху и др., изь зе́мству, снача́лу, агню́ засвитили, ис сара́ю; у ево женѣ, у старшынѣ, у сахѣ, у касѣ зу́бьи (для кошенія овса), ад душѣ гаварю, землѣ немно́га, (дом) Ильѣ; с машы́ни, у кре́сни, падаро́жы ста́расти, у Зинаи́ди, ис це́ркви, у мущи́ни, не нужна ба́би (бабы) слушать (слушаться) и др. Твор. падежъ: клю́шкаю (у старыхъ). Предложн. падежъ: в ре́тким даму, на шкапу́; па аканчя́нію. Звательный падежъ: дочк, не давали денек? Именит. пад. множ. числа: дамы́ (дома); валаса́, лѣска́ (есь лѣска́-та); стараста́; пи́сьмы, о́кны, бало́ты, варо́ты, пальты́, но: плеча́, за плеча́; барчя́ты (отъ барчёнок); хазя́ивы. Родит. падежъ множеств. числа: кресья́нь; тава́рищяф,ради́тиляф, рабяти́шкаф; биза фся́ких хи́трастяф, с пала́тяф; вёрстаф, ба́няф, бис тру́баф (избы), сва́дьбаф, кни́гаф, па́лкаф, сле́шкаф; иго́л (отъ игла́). Творит. падежъ множественнаго числа: з гасьми́, за гасьми́ пае́хали; фсё слизьми́ атхади́ла (отъ выпившаго мужа). У женщины, взятой изъ Дегунина пр. п.: на сва́рьбаф.

Собирательныя формы и значенія: баранья́ фсе бе́гают, з бараньями, тарака́нья (тараканы), дубья́ (есть въ лѣсахъ), ви́шынья; но: дя́ди (им. п. мн. ч.); перча́тку вя́жем (перчатки), нѣту харошава грыба́ (грибовъ), сурае́шка, по́дгруздь (есть въ лѣсу; вм. сурае́шки, подгрузди).

Отдѣльные случаи: два дни (и: два дня), семь дён, два рубли́, три рубли́; Го́спади знаетъ вм. Господь; жа́ласти вм. жалость (въ выраженіяхъ въ родѣ: жа́ласти смотрѣть на что либо); не и́сстаря вм. не исстари (произношеніе стараго человѣка; вѣроятно, аналогія къ нарѣчіямъ на я); суму́ в галава́ кладёт (винит. множ.; сравн. владим. в го́ловы кладёт).

Сколька вре́мя, вре́мям и др.; сѣмяно́ф.

§ 11. Винит. падежъ женск. рода: бе́линькаю, ф про́шлаю осинь. Предложный падежъ съ окончаніемъ творительнаго: в яравы́м, при малады́м кня́зи, на парны́м малакѣ, ф таки́м парикѐ, ф Петро́фским и др. Именит. падежъ множественнаго числа: ради́, сы́ти, винава́ти, мо́лади; чужы́и, малады́и, харо́шыи, пусты́и,

разу́ты*и*, разде́ты*и*, като́ры*и*, ниприя́гны*и*, гало́дны*и*, фку́сны*и*, кру́пны*и* драва́, наво́зны*и* по́ласы и мн. др., фся́т*іи*, ра́нн*іи* паизда́, радн*ые*, так*іе*, адино́к*іе*, разу́т*ые*, ма́леньк*іе*; можно услышать сходныя съ владимирскими произношенія безъ j, но неясно: почти малад*ыэ*, разде́т*ыэ*; стари́нн*аи*; у женщины взятой изъ Дегунина: харо́ш*аи*, го́рд*аи*. Замѣчательно: как*е́* (носики-та как*е́* грязныи). Родит. и предложн. падежи множественнаго числа: фабри́шны*ф* браня́т; оп пусты́*ф* дѣло́*ф*. Творительный падежъ съ окончаніемъ существительныхъ: с Вашу́тинск*ами*, Петро́фск*ами* кусто́чками, то́нинък*ами* кусками, фся́к*ами* славами, за ма́линьк*ами*.

Есть запись: э́*там* вм. эт*им*, но какой это падежъ и число— не отмѣчено.

Окончаніе *іим*: с нищ*іим*.

Сравнит. степень: скарѣ́; удалѣ́й; мля́тше; попростѣ́е. Превосходная: плаха́я-рас-плаха́я.

Съ членными окончаніями: при Льво́в*ам* (князѣ), при Далгару́кав*ам* (князѣ). Отсюда объяснится: (перешли к) князю Льво́*му* (вм. Льво́вому).

Особыя образованія: да у́трава, к у́траму (отъ прилагательнаго: *утрій*, измѣнившаго слѣдующій за р гласный подъ вліяніемъ слова у́тро); *Ильёва* ря́дам паласа́ (полоса Ильи), *Пѣшкаф* сынъ о́чинь прасто́й (сынъ Пѣшкова).

§ 12. Можно еще услышать въ скоромъ разговорѣ или при другомъ какомъ либо благопріятномъ условіи: у тея́, теэ́ (он теэ не ну́жен). Винит. единственнаго: таѐ, фсіѐ, аднаѐ руку вм. ту, всю, одну; на та*ю́* снась. Предложный замѣненный творит.: ф *тѣм* мѣсицы.—Сва*е́* (сваѐ руки), сва*е́*ми.—Ан*ѣ́* (о мальчикахъ), аднѣ́ агаро́ды, с адне́м, адне́х гаспо́т, абѣ́их сестёр и: абѣ́и дурачки́, абѣ́и ла́зили (о мальчикахъ).

Мѣстоименіе 3-го лица послѣ предлога безъ н: за им, в ём, на ём, у их, сь ими, сь е́й, на е́й и т. п.

Въ *этотъ* вставные звуки соотвѣтствуютъ предлогамъ: в э́*ф*тат, в э́*фтим*, из э́стих, ис е́става (въ предлогѣ записано с; оно возможно и въ произношеніи: ср. § 6, с. 38), с э́става, к э́*х*таму.

Изъ особыхъ словъ весьма замѣчательно *сё* (там и жыл па *сё* врéмя); другія: на *э́стаька*, на вершокъ сала, кáж*ная* деревня и кáж*най* день, на *и́хных* харчах, *э́нтат* (можетъ быть, образовано изъ: эн + тот).

Произношеніе: *с сибé* слышано въ цѣлой фразѣ, которая не отмѣчена. Конечно, *сибе* употреблено энклитически.

§ 13. Неопредѣленн. наклон.: несь деньги, гресь, свесь (свезти) и свесть, завéсься, *итить* и *иттить*, падайт*ить*.

Изъявит. наклон.: скáзыв*у*, выгля́дыв*у*, спрáшыв*ут*, вырабáтыв*ут*, спракáзнич*ют*, бизабрáзнич*ют*, скандáльничют; сажгёш, зажгём, ля́гит, вы́прягитца, насы́пит, сы́питца, асы́питца рош, ля́жу и лягу (рядомъ), ля́жут, фсѣ спать паля́жут, мóжут; óбразам блаһаславля́т (жениха и невѣсту); хóчим, хóчити, хóчют, захóчют; пачи́стію (платье), му́чiисса, морду испóртiиш, кáплiит, не кáплiит, лáзiют, сапаги начи́стiют, съѣздiют, лáзiют, му́чiити (рядомъ правильно: заму́чют).

Образованія по аналогіямъ въ формахъ не изъявит. наклон.: ни *маги́* взять; (отъ холода) не защитёна изба; не ѣздiй, слáзiй.

Во второмъ спряженіи *ют*: кýп*ют*, кóс*ют* и т. п.; *ят* безъ ударенія нѣтъ.

Глаголы на *овать:* папрóб*ать*, папрóб*аим*, перепрóб*али*, прóб*ал*, папрóб*ай*, здрáст*уй* и здрáст*ай*, не слѣд*аит*, рáд*а*тца (радоваться), абрáд*алис*, бесѣд*аити*, ноги не стали дѣйств*ать*; он жáл*ава*тца (жаловается), савѣт*ава*ют аддать, пасавѣт*аваю*с; в избѣ начи*вáи*т (ночует), не пóтч*ивай*.

Повелительное наклоненіе: станóфь, вы́лѣсь, нука принéсь куфшы́н, атвóрь акно, атвóрьти, прагóньти; хош ф сара*и* ля́шти; *пущя́й* анѣ у нас начюют.

Особые случаи: хош (спать хош); был загаради́л (было загородилъ; только у 80-лѣтняго старика); ни захварáть-ли хóчити (будущее сложное; хочете какъ вспомогательный глаголъ).

Возврат. залогъ на *са*: прóс*исса*, бай*мса*, учи́*лса*, фтыкáла*са*, гани́*са*, заступи́*са*, наѣ́*лиса*, павалю́*са*, атарвёт*иса* да убьёт*иса*. У старыхъ можно услышать окончаніе *ся:* раздýмал*ася*, бая́л*ися*.

Нѣкоторые глаголы, не имѣющіе у насъ окончанія ся, употребляются здѣсь съ нимъ: сызнава пиривриса (переври), ана ищя сагришытца (согрѣшитъ).

Причастія: (дровъ) кóланых, фся распóрана (корова), тёлка загнáта, фсе разбрóшено (правильно отъ разбрóсить, какъ отъ бросить—брóшено), мóхам были абращёны (извѣстныя постройки: обросли), нéшта мыслина эта (мыслимо); знáючи; спущя лѣта в лѣс па малину ни хóдют (ср. пущать); окончаніе *мшы* вмѣсто *вшысь*: нагнýмшы (нагнувшись), ни ругáмшы гаварю (не ругаясь), разýмшы (адна нагá разýмшы, а другáя ф сапагѣ). — Непутящій парин (прилагат.).

Особыя образованія: эту паслóвицу *приканчяли* (прикончили), бáрин ни *дазвáливал* дѣлитца, лáзить и лѣзть (*перелѣзть* через что либо), фстрѣнула, фстрѣнем, сымáит, укладáют, атпущяют гулять, картýс скидаёшь, скидавáй, паслýхаит (послушаетъ; у старика 80-ти лѣтъ), фсѣх (ягнятъ) саблюдили (соблюли).

§ 14. Неизмѣняемыя слова: нóньчи и ныньчи, тапéрь, тепéричка, ф тѣпары и ф тѣпару, кавды, никавдá, зáфтри, покáдава слава Богу (женщина, взятая изъ Дегунина), сызнава, пóзда, здѣся, óкали, куды, туды, акрýк (виздѣ акрýк лѣс), пазáть (сзади), аттéль взята (женщина, взятая изъ Лупихи), атсэдава, аткéда, кóлька (сколько: колька лѣт), тóлька (столько: сколька дéнек, на *тóлька* дает лѣкарства), апричя, óчинна, инда (такъ что), ищан (энклитика: еще), éли (если; получено изъ *е* въ значеніи *есть* и *ли*, какъ если изъ *есть* (произносится: *сь*) и *ли*), эво, эна вазьми (вонъ), не знаю што *такóчия*, нѣту, не нáдать, нáдать (надо).

§ 15. Родъ: женскій вмѣсто средняго вслѣдствіе аканья: другáя нарѣчія, гдѣ какáя расстаяніа, какáя паршивая тварéнья, какá нéба-та галубáя, пóлную прáву; мяхкá зернó, аднá симéйства, ф сáмую ф пращеная васкресенья; па пýзи удáрила; другія особенности въ родѣ словъ: (во ржи) кастéрь аднá и кастéрь адин (родъ сорной травы), вредá (вредъ: с чяю вреды не бýдит), тóрфу вазили, как лунь *бѣлая*, бери стýла (стуло).

Число: *харчь* гатóвай; *басикáми* бѣгают; нарот *гаварят*,

вали́ли наро́ду ужасти (рядомъ: наро́ду *вали́ло* день и ночь), нихто ни *гавари́ли*, нихто ни *аддáют* за нево (дѣвку замужъ), ни адназо чилавѣка грамати ни *знáли*, *фсѣм* народу велѣли уттить.

Формы сказуемаго: адна нага *разу́мши* (разута), а другая ф сапагѣ; а уш *слѣд-бы* (сдѣлать то-то)—слѣдовало бы; можетъ быть, была эта да нам *не фслух*—не пришлось слышать; я очень *беспáмятливая;* нада узнать, какой он *есь* чилавѣк; их там *ни есь* канца (нѣтъ конца, т. е. очень много).

Родительный падежъ: тут *я́гадничку* есь, афчи́нка *рубля́* сто́ит, нá душу *грихá* сибѣ брать, за *чивó* (отдастъ себя женщина)? за вина за какой нибуть стакан!, *ничивó* ни патрафишь ему (вм. ничѣмъ).

Винительный падежъ: раздам јих палави́на (вѣроятно, въ здѣшнихъ говорахъ, какъ и въ извѣстныхъ мнѣ владимирскихъ и боровскихъ, такая форма винит. падежа только въ этомъ словѣ); мущи́на ухáживаит её (вмѣсто за ней). Я не люблю балабóльныя пѣсни.

Творит. падежъ: а то бываит так *карóвай:* инáя мнóга дайт, инáя мáла; (платье) мишóк-*мишкóм*, (платье) куль-*кулём*. Также: нарóт *вáльмя* вали́т.

Тамъ, гдѣ слово употребляется вмѣсто другого, управленіе соотвѣтствуетъ иногда тому слову, которое должно бы было стоять: онъ дóлжын *слоф* панимать (т. е. слушаться), *друк-дру́шки* ни уважáют (не уступаютъ) (вѣроятно, дат. пад.; сравн. въ другихъ народныхъ говорахъ: уважать кому), *на Бóга* гнѣвить нéчива (роптать).

Дѣепричастіе какъ дополненіе при глаголѣ: саврáмшы вас! (подразумѣвается: поздравляю; шутка).

Вмѣсто нашихъ: гдѣ-гдѣ ни и т. п. видимъ другое словорасположеніе: гдѣ-нигдѣ были (гдѣ-гдѣ ни были), чивó-ничиво у ней тут бывает, чивó-ничиво насказать (можно бы), он штó-ништо приставля́л (что-что ни представлял: о паясничающемъ шалунѣ), каких-никаких бывает. Вмѣсто: что ни есть—*што ни на есь.*

Особыя обороты: Гдѣ стараста? — Фсю дерéвню *пра-*

шéдшы, пéрвый дом съ краю (т. е., послѣ того, какъ пройдешь всю деревню...). Ѣхали гавначи́сты *свалёмшы* (послѣ того какъ свалили). Малатéльщикаф нѣт абжóристѣе (нѣтъ людей обжористѣе молотильщиковъ). Ища хуже, загрусту́ити, галава забалит (условное предложеніе: еще хуже, *если* загрустуете, голова заболитъ).

§ 16. Членъ: гарóх-*та*, биз атцá-*та*, другóй-*та*, щи-*та*, бить-*та*, как каси́ть-*тà*; (ту) прóдали, а э́ту-*т* купи́ли; лѣ́су-*ту*, сечáс-*ту*, лю́ди-*та* фсѣ в работѣ; при кня́зи-*ты*. Подлежащее съ членомъ: батюшка у нас *он* ту́шнай (полный).

Слова замѣчательныя по формѣ, образованію или употребленію: наслѣ́к (ночлегъ), кóй (гаспадá, *кóи* и́збу нам стрóили), да Илья́-прарóка (о праздникѣ; какъ сложное слово), с Ильѝ-прарóка, прихадила брала в Илья́-прарóк, земь (земля: ат зéми), биза фсякава *прóсу* здѣ́лали (безъ спросу = бесспросу = беспросу), трипéхчется (трепещетъ; можетъ быть, образовано по вліянію другъ на друга двухъ глаголовъ: *трепетать* и *трепыхáться* (владим.)), *фсхади́ть* в и́збу (входить); каки уш *тарıóвые*! (торговцы); въ бѣ́днась *призашлá* (пришла), мы ни *пріизнóсим* э́тава грихá (мы не находимъ въ этомъ грѣха (въ любодѣяніи)); я *зрѣть* на ниво ни магу (сравнить частое употребленіе этого слова въ литературномъ языкѣ 18-го столѣтія; изъ языка книгъ оно, вѣроятно, перешло и въ живой московскій языкъ того времени, а отсюда проникло въ народную рѣчь).

Заключительная замѣтка.

Если не задаваться цѣлью научно сгруппировать приведенные говоры, для чего требуется, кромѣ превосходнаго знакомства съ живыми говорами, знаніе исторіи языка и установленіе отношеній между современными и старыми говорами, но ограничиться тѣми данными, которыя получены изъ наблюденія, и

сравнить ихъ между собою, то наши говоры можно свести къ слѣдующимъ видамъ:

I. Окающіе
1) Произношенія: вода́, сёло́, веди́, беда́, лени́ф, дверь, клѣть.
2) Произношенія: вода́, сёло́, види́, бёда́, лини́ф, двирь, клить.

II. Акающіе. Произношенія: вада́, сило́, види́, бида́, лини́ф, дверь, клеть.

Условно и предположительно первый типъ окающихъ говоровъ можно назвать *владимирскимъ*, второй—*новгородскимъ*, по тѣмъ старымъ областямъ, въ которыхъ они распространены. Въ говорахъ новгородскаго типа замѣчается особенность и въ произношеніи звука о: именно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произносится открытый звукъ *о*, тогда какъ во владимирскихъ, на сколько мнѣ извѣстно, звукъ о всегда закрытый.

Акающіе говоры всѣ московскаго типа.

Окающіе говоры владимирскаго типа окружаютъ Тверь, Клинъ и смѣшиваются здѣсь съ окающими говорами новгородскаго типа и съ акающими московскими. Первоначально, вѣроятно, распространялись новгородскіе говоры и проникли до самаго Московскаго уѣзда. Затѣмъ, въ эпоху заселенія владимирско-суздальскаго края нынѣшними поселенцами, произошло распространеніе говоровъ владимирскаго типа. Границы того и другого проходятъ теперь, вѣроятно, по Тверскому и Клинскому уѣздамъ. Гораздо позднѣе шло распространеніе московскихъ говоровъ, которые потянулись отъ Москвы по торговымъ путямъ на Новгородъ и Петербургъ и явились и окрѣпли прежде въ городахъ. Поэтому Тверь, Клинъ акаютъ, но кругомъ ихъ, кажется, больше оканья, чѣмъ аканья.

Къ типу новгородскихъ говоровъ изъ данныхъ нужно отнести №№ 1 и 8; къ типу владимирскихъ №№ 3, 5, 7; къ типу московскихъ №№ 2, 6, 9, 10. № 4, отличаясь отъ всѣхъ трехъ типовъ, представляетъ такія особенности, которыя требовали бы болѣе

подробнаго изученія. № 6, можетъ быть, когда-то былъ сходенъ съ 4, но, по какимъ либо особымъ причинамъ, подпавши давнему и сильному вліянію московскихъ говоровъ, потерялъ всѣ свои особенности, кромѣ мягкихъ среднихъ $с^ш$ и $з^ж$.

Приложенія.

I.

Пѣсни, записанныя въ с. Со́лнечной горѣ отъ крестьянки Марьи Фелатьевны Ху́хлиной (по мужу), уроженки изъ с. Обу́хова, № 3185, 40 лѣтъ.

№№ 1—48.

Пѣсни, разсказанныя Хухлиной записаны ея сыномъ, малограмотнымъ мальчикомъ лѣтъ 10—11. Затѣмъ она снова пересказывала мнѣ эти пѣсни, и я отмѣчалъ на записи всѣ случаи, гдѣ произношеніе отличалось отъ письма. Трудъ записыванья, такимъ образомъ, сократился, и мнѣ представлялась возможность болѣе сосредоточенно слушать произношеніе разсказчицы. Произносить я просилъ нескоро, внятно, по немногу, обыкновенно не по цѣлой строчкѣ или фразѣ, но по одному, по два слова. Сказанное слово часто не разъ повторялось, и мнѣ нерѣдко казалось, что слышатся разные оттѣнки въ произношеніи одного и того же звука. Все это я отмѣчалъ въ записи. Не ручаюсь ни за тонкость ни за точность моего слуха, но иначе, какъ отмѣчая все, что слышится, дѣлать нельзя, пока не существуетъ приборовъ, которые могли бы изображать рѣчь не только точно (какъ фонографъ), но и ясно опредѣлять особенности звуковъ, *измѣрять* звуки человѣческой рѣчи, съ фонетической стороны, какъ можно измѣрять силу или высоту звуковъ.

Для діалектологическихъ цѣлей, кажется, и невозможно записывать пѣсни иначе, какъ съ пересказа. Въ пѣніи очень трудно замѣтить много особенностей произношенія: иногда придется писать по соображенію съ общими чертами говора, а иногда и просто по привычной орѳографіи. И то и другое едва ли желательно.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но далеко не всегда, я отмѣчаю разницу между первоначальной записью и моимъ наблюденіемъ. Запись обнаруживаетъ, напримѣръ, болѣе сильное иканье. Я думаю, что эту особенность нужно отнести на счетъ говора мальчика-записывателя.

Я не изслѣдовалъ вопроса, какой звукъ слышится на мѣстѣ *о* и *а* въ слогахъ предпредударномъ и заударномъ. Въ записи поставлено мной всегда *а*. Но я не знаю, находится ли здѣсь глухой, близкій къ *ы* звукъ, или ослабленное, но довольно ясное *а*? Предполагать послѣднее можно потому, что первоначальная запись, довольно малограмотная, съ частыми случаями иканья въ слогѣ передъ удареніемъ, очень рѣдко даетъ записи съ *ы* вмѣсто *а*, *о* въ данныхъ положеніяхъ[1]). Конечно, я отмѣчалъ въ моихъ записяхъ всѣ случаи, когда слышалъ достаточно явственный звукъ *ы*.

Что обратило мое вниманіе въ говорѣ Хухлиной и затѣмъ Грачевыхъ (см. II) — это значительное ослабленіе слога непосредственно передъ удареніемъ, при чемъ уменьшается и ясность звука. Такіе случаи я обозначаю знакомъ ˘: ă, ĕ й, также: ы̆, ў. Это й, приближающееся къ нулю, я отличаю отъ й, неслогового *и*, тѣмъ, что знакъ надъ буквою *и* слабое ставится въ видѣ дуги, не имѣющей на концѣ утолщеній, подобныхъ точкамъ; *ў* также не есть неслоговое у, но звукъ, приближающійся къ нулю.

Въ предлагаемомъ текстѣ находятся: ненародныя пѣсни, или такія, въ которыхъ народныя черты смѣшиваются съ искус-

1) Эти случаи указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Впрочемъ, вѣроятнѣе, что, дѣлая такое предположеніе, противорѣчащее наиболѣе авторитетнымъ мнѣніямъ, я нахожусь во власти орѳографическихъ привычекъ и моего собственнаго искусственно усвоеннаго аканья.

ственными, №№ 1 — 12; народныя пѣсни разныхъ родовъ, №№ 13 — 32; свадебныя пѣсни, №№ 33 — 46; троицкія, №№ 47—48. №№ 19 и 34 записаны мной непосредственно со словъ разсказчицы. Языкъ приводимыхъ здѣсь текстовъ не имѣлся въ виду при описаніи говоровъ.

Въ правописаніи введены большія буквы, знаки препинанія, раздѣленіе на строчки. Остальное осталось безъ перемѣны.

Въ текстѣ много курсивовъ. Они обозначаютъ или звуки, которые слышались мнѣ довольно ясно, но которыхъ не всегда можно было ожидать въ говорѣ—напримѣръ, *е* безъ ударенія—или звуки, на которые я хотѣлъ обратить вниманіе.

Ударенія обозначены не вездѣ, но большею частію только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не одинаковы съ обыкновеннымъ литературнымъ выговоромъ. Въ употребленіи ихъ достойно вниманія то обстоятельство, что, и при передачѣ пѣсенъ говоркомъ, нерѣдко сохраняется удареніе пѣсенное.

№ 1.

Мамашынька бранила,
па што дочка скушна,
ана таво ни знала^{o} [1]),
ф каво я влюбле^{и}на.
Люблю друшка см*е*ртéльна^{o}, [1])
люблю иво душой,
а он та разне^{и}шьшяснай
см*е*(е^{и})ётца нада мной.
Ни смѣйса зладѣй,
не смѣйса нада мной:
те^{и}бя hаспоть накажэ^{и}(ы)т
не шьшяснаю судьбой;
такой судьбой не шьшя́снай,
развратнаю жэ^{и}ной.

1) Конечное *а* приближается къ *о*.

Ни ф поли вѣте^{и}р свишьшит —
ваеннай гром гре(е^{и})мит.
Ни хто так не^{и} стражалса,
как мой ми́л(ы)ӑй на вайнѣ;
он пули нй баялса —
сё думал аба мнѣ.
Сказали пра ме^{и}(е)лóва:
убитай мил лижыт.
Была бы я вольная пташка,
слитала бы туды.
Слитать бы я сле^{и}(?)тала,
фсе кости сабрала.
Сабрамши бы эти кости,
ва гробик пӑклалá.
Пакламши бы я ва гробик,
пакрыла палатном.
Пакрымши палатном,
паслáлá (бы) за папом.
Пой, батька, грамчее [1]),
што бы слышна бы́лà [2]) фсем.

№ 2.

Адин изъ казакаф
наѣзник(х) лихóй,
нибóльшы он год жымшы
ж жэнóй маладой,
на битвы я збиралса,
прашьшялса ж жыной.
Сказал на пращéнье:
будь жэ^{и}на верна!

1) Послѣднее е открытое.
2) На концѣ второстепенное удареніе.

Верна да мадилы,
сказала ему жә(эи)на́.
Три я года билса
с велитим врагом.
Пабил я сўпастáта,
паѣхал дамой.
Вижу из далёка
радите^и(и)ль идет.
Здарова, радитиль,
здарова ли се^иmья?
Фсѣ живы и здаровы,
случиласа бе^ида:
жэ^ина маладая
дитю радила.
Не слова к атвѣту,
памчйлса [1]) дамой.
Падъѣжьжяю һ до́му,
һ даму́ к сваиму́.
Мать сына стре^ичяит
з гарюче(е^и)й сле^изо́й,
а жэ^ина стричаит
с малюткай з де(е^и)тёй.
Мать сына прасила:
Прасти, сын, жэ^ину!
Мать, дитю прашышяю,
а жэ^ину нй прашышю.
Друк сабля взвиласа
на шею јиё.

№ 3.

Нихто миня не утешыт,
нихто ни звё^исе́лит.

1) Сравните: мчит.

Адна мая утѣха:
мил плакать ни вели́т.
Хадила я гуляла
в зелёным саду;
искала я тѣх сле(е^и)до́чкаф [1]),
дѣ милы̆(ă)й прахадил.
Нашла я тотъ кусточик,
дѣ с милым сидѣла.
Нá этим кусточти [2])
три пташтй сидѣли.
Адна из них спырхну́ла
ка мнѣ на бѣлу груть [3]),
а я млада вздахнула
па милаем сваéм.
Нагдњж мая атрада,
Серёжа пастушок?
Ушол гулять ат стада,
в зй(ё)лёнинькай лужок.

№ 4.

(Говорилась по одному слову).
Патёря́ла я калечка,
патёря́ла я любофь.
Как я па этаму калéчку [4])
буду плакать день и ночь.
Куды̆ дива́лся тот тьвйто́чик,
кой далину украшал;
ну гдѣ ш милинькай дружэ́чик,
кой славами уле^и(*и*)шьшя́л.
Аблести́л милóй славами,
он увѣрил на фсегдá.

1) Въ первоначальной записи послѣ *л* стоитъ *и*.
2) Въ пер. зап.: *какъ* на етимъ кусточкѣ.
3) Первоначально, вѣроятно, описка: *не бѣлый* грудь.
4) Первоначальная запись: какъ поетому калечку.

Мил уѣхал, мил аставил
мнѣ малютку на рука́*ф*.
*В*згля́ну-*в*зглянy[1]) на малю́тку —[2])
точна ми́л*ы*й был такóй.
Чрéс тѣбя́, мая малютка,
пайду в мори утаплюс,
а тебя́, злой мучи́тиль,
я нá вѣти пракле̇ⁿ(и)нý.
Долга русаю касою
стрепи*х*тáла па валнам,
праваю ручкаю махала[3]),
сказала: прашшяй, ми́л*ы*й мой.
Ни на што я так ни *зи*(еⁿ)рáла,
как на *э*тат бальшой дом:
ни па ком так ни страдала,
как па мальчити сва*е́*м (не ё).

№ 5.

Что[4]) в Масквѣ была за Масквою,
блись[5]) Бутырак и Тверской,
там стаят четыри башни,
по серётъти бальшой дом.
Калидóраф в ефтим доми многа
и нарот там жывёт вор.
Сидѣл воран на бѣлай берёзи —
свишьшит воин на вайнѣ.
Прападать тйбѣ, мальчишка,
ф чюжой дальнай старанѣ.

---

1) *В* слышится слабо.
2) Въ первон. зап.: *молютку*.
3) Въ пер. зап.: *моха́ла*.
4) *Ч*, вѣроятно, орѳографическое.
5) Такъ всегда и во Владим. губ.

Ты зачѣм, глупый мальчишка,
сваей родины(ѣ) бижал?
Никаво ты, мальчик, ниспрасилса,
кроми серца сваево.
На каво ты, мальчик, патинул
атца, старава старика,
а ишшё ты, мальчик, патинул
ты старушку сваю мать,
а ишшё ты, мальчик, патинул
маладу жы(эи)ну з дѣтьми́.
Малада жэина з дѣтьми́
абливаитца слйзьми.
Ты бă жыл бы ве(и)сели́лса,
ты б имѣл[1]) свой капитал.
Капитал ты весь свой праматал,
ваи(ы) невóлю жыть папал,
вы̆(ŏ)такую ваи невóлю —
бѣлай каминнай астрок.

№ 6.

Тинарéйка, вольна пташка,
ты утѣш гóря маё.
Маё гóря вам извѣ́сна:
мил уѣхал ат миня́.
Мил уѣхал нипрастилса,
знать, он миня позабыл[2]).
Растварю я клѣтьти двéри —
пушьшю пташку на волю.
Я са этай вольнай пташкай
два славечка накажу.
Два славечка патайныя:

---

1) Здѣсь неточность. Должно быть: *ты п имѣл* или: *ты б ымѣл*.
2) Послѣ *п* звукъ, близкій къ открытому *о*.

Слйта́й к миламу h друшку [1]),
сять на я́блыньку кудряву
и на вѣтку зйлеву́,
прапой пѣс*е*нку иную
пра у́чись [2]), горькаю маю.
Уш ты у́ч*и*(е^и^)сь, мая у́ч*и*(е)сь,
учись горькая мая!
да че(й)во ты миня, учись,
да *е*во́ ты дав*е*ла [3])?
Дав*ѣ*ла́ ты миня у́чясь,
да го́рюшка да б*ѣ*(*и*)ды́,
да вӗсёлай слабады́.
Как ва *е*(э)тай ва слаботъти,
ва вӗсёлай слабадѣ
лѣт асмнатцати [4]) мальчишка
нй жы(э^и^)на́тый халастой.
Как задумал он жэ^и^нитца,
дазваленья стал прасить:
Пазволь, тятинька, жэни́тца [5]),
дазволь взять, каво люблю.
Атец сыну ни паверил,
што на свѣти есь любофь,
што на свѣтй наро́т равин,
фсех далжно на́дать люби́ть.
Атв*е*(е^и^)рну́лса сын заплакал,
ничиво он ни сказал.
Вазьму я в рути писталетик,
в зе́*ли*н сат гулять пайду.

---

1) *Г* или *h*?
2) Послѣ *ч* въ первонач. записи стоитъ *и*, здѣсь и далѣе.
3) Пер. зап.: довила.
4) *М* очень слабо. Въ перв. зап. его нѣтъ.
5) Въ первон. зап.: *жинится*.

Шол я садикам зелёнăм[1]),
зашол я к Сашы ф тйрймок.
К неᵘму Саша не(й) выхóдит
и атвѣ̆ту нидаёт.
Вазьму в рути писталетик
прастри(еᵘ?)лю́[2]) груть сваю.
Уш я тѣ̆м буду давóли(е?)н,
што пакóнчил жись сваю.

№ 7.

Што ш ты, Саша, приуныла,
призадумамши сидиш,
али инóва палюби́ла,
аль зладѣ̆я маиво?
Ты, зладѣ̆й, злой мучитиль,
за што мучи(я)иш миня?
Я за то тибя те(еᵘ)ра́ню,
што давно са мной жывёш.
Я жыла с табой три года,
а з ба́тю̆шкăй дватцать лѣ̆т;
нй видала такой мути,
што с табою с падли(е)цóм.
Взвѣ̆йса, мой галупчик,
сять на правая плечó[3]).
Пакрасу́йса, мой галупчик,
на мае бѣ́ла лицо.
Мое ли́чинька бѣлéнька
зафсегда ка(ы̆)к-жа́р гарит;
мая ма́тўшка̀[4]) зладѣ̆йка,

1) Въ первонач. записи: зиленомъ.

2) Въ первон. записи: прострылю. Можетъ быть, не описка. Въ Зарайскѣ я слышалъ произношеніе: стрыла́.

3) Въ первон. зап.: пличó.

4) На концѣ второстепенное ударені́е.

навсӗгда́ журит, бранит.
Ни жури миня, радная:
ты сама с милы́м жыла.

№ 8.

Жыл я в горади в Аде́сти,
многа де́ник накапил,
а с Катюшаю мило́ю
в адин вечир пракутил.
Пил я водачку налифку,
музыкантаф нанимал;
да таво я дакутилса,
ва палитцію[1]) папал.
С палицэ̆йстим рашышӗлса
сваé̆м (не ё) прежним кашэлько́м.
На паслѣдніи деньжо́нти[2])
найму тройку лашы(э)де́й[3]).
Дам я кучиру на вотку:
— Паганяй, ку́чир, скарей!
Карнива́я рысью
пристежна́я ва весь мах.
Сидит Ваня ва каре́ти,
курит трупку табаку.
Иму пришлоса дамой итити[4])
па марозу басиком.

№ 9.

Хадила диво́чка
в зи(ё)лёнаим саду,
плакала диво́чка
над быстро́й рикой.

1) *Т* очень слабо.
2) Въ первонач. зап.: динжонки.
3) Кажется то *в*, то *м*.
4) Записано такъ!

Ап чём, дѣфка, пла́чйш,
каво ш те̌(й)бѣ́ жаль?
А́ли мать радну́ю,
аль се̌(й)стёр радны́х?
Ни систра́ми [1]) тибѣ́, дѣфка,
да вѣк викава́ть:
жыть тибѣ́, диво́чти,
са мной с малатцо́м [2]).
Цыга́нка гада́ла [3]),
фсю пра́вду сказа́ла:
папомни́ [4]), диво́чка,
свой сва́рьбишный день:
патониш, диво́чка,
ва быстро́й ритѣ́.
Ни плачь, дѣфка,
тваму го́рю памагу́:
намашьшю́ я мост,
бальшо́й мост чюгу́нный,
паста́влю старажо́ф.
Стаража́ стуча́ли
в чюгу́нну пли(ё)ту́.
Чюгу́нныя пли́та
унывна стучи́т:
нишьшя́снаюниве́сту
к виньча́нью визу́т.
Съѣ́хала карета
ва быстру́ рику́,
ниве́ста скричя́ла:
Прашьшяй, бѣ́лы(а)й свѣт!
Другой рас пафтаря́ла:

1) Записано такъ, можетъ быть, по ошибкѣ.
2) *Т* слабо.
3) Въ первонач. зап.: годала.
4) Удареніе записано такъ, вѣроятно, по ошибкѣ.

Прашьшя́й, мать, атéц!
Трéтій рас сказа́ла:
Прашьшя́й, ми́лэ̆(ӑ)й мой,
зо́лата калéчка,
зако́н дараго́й.

№ 10.

Слы́шу ви́жу: мой мё́ло́й вздыха́ит:
есь ина́я у *тибя́*,
есь иная размёла́я,
сё разлу́шнитца [1]) мая́.
Разлучи́ла, развёла́ [2])
со мёлы́м дружко́м *миня́*.
Я в*й*(ё)чёр(*ась*) по́зда из л*и́*со́чку
я карбу́шык гнала́.
Ни дагна́мшы ручёёчка [3]),
оглё(*и*)ну́ласа наза́т.
Слы́шу ви́жу: ѐ*дит* ба́р*и*н с по́ля фскори,
двѣ саба́ти ф пӗ(й)рӗ(й)ди́ [4]),
два латéя [5]) пазади.
Друк са мно́й ба́р*и*н паравня́лся,
ти́пул зор свой на миня́,
стал выспра́шывать ми́ня́:
Здра́*ствый*, ми́лы̆я красу́тка!
ис каторава сӗ(й)ла́?
Ва́шай ми́лы́сти крисья́нка!
атви́чя́ла иму́ я;
атв*й*(ё)чя́ла я иму́,
һаспади́ну сва*ё*му́.

---

1) *Т* очень слабо. Въ первон. зап.: разлушни*тъ ца*.
2) Въ первон. зап.: разв*и*ла.
3) Въ перв. зап.: руч*и*ечка.
4) На мѣстѣ первоначальныхъ *е* очень неясные звуки.
5) Въ первонач. записи: *л*отея.

Ни тĕбя́ ли[1]), маю́ красу́тку,
Игóр зá сына прасил?
У Игóра сын ни стóит,
ни ĕму́ ты раждĕнá[2]).
Ты сичя́с стайш в лаптишкаф,
а зау́тра в башмачкáф;
ты сичя́с стайш мужы́чка,
а зау́тра һаспажóй.
Нă"спажóй мнѣ быть лѣсна,
а Ваню́шу óчин жаль.
Нă(ы)спажóю та я бу́ду,
а Ваню́шу ни забу́ду.
Я Ваню́шыну симью
фсю на вóлю атпушыш́ю;
самавó та я Ваню́шу,
я ва двор к сибѣ вазьму́.

№ 11.

У миня́ младéньти
стáрэ̆й муш си(ĕ)дóй.
Стáрэй муш ни вѣрит
жынѣ маладóй.
З глас іĕ ни спу́стит,
двéри на замóк.
Унислá у му́жа
у старава ключи,
ушла патихóньку
ф карéтнэ̆й сарáй.
Срáзу дами(ĕ)кну́лса:
што ни́буть ни́ так.

1) Въ первон. зап.: тебя лъ.
2) Въ первон. зап.: рождина.

Ты аткрóй акóшка,
прак(х)ладáй, мой свѣт,
каһдá маéй мѝлти
дóма нет.
Ты куды́ хадѝла,
жы́(ǯ)нá, са дварá?
вóласы хоть вы́жми,
ю́пка фся макрá.

№ 12.

Как на гóрти на крутóй
пастая́лай двор худóй,
и ни кры́тай. — Рас кáлина, рас мáлина.
Пастая́лый двор худóй,
пастая́лиц маладóй,
салдáтик.—Припѣвъ.
Ли(ё)жы́т салдáт на бакý,
кýрит трýпку табакý,
з дочкай. — Припѣвъ.
А старýха лйпитýха
ни взлюбѝла тавó дýху,
дыму. — Припѣвъ.
Пáльцёми[1]) нóздри[2]) затыкáла,
х капитáну пабёжáла[3]),
с прозьбай. — Припѣвъ.
Капитáн, наш судья́,
рассудѝ дёлá[4]) паря́ткам Припѣвъ.
Капитáн рассудѝл,

---

1) Въ первонач. зап.: пальцыми.

2) Такое произношеніе я здѣсь услышалъ въ первый разъ. Обыкновенно говорится чуть ли не вездѣ въ средней Россіи: *ноздри*.

3) Въ первон. записи: побижáла.

4) Въ первон. записи: дила.

на каню́шню [1]) правади́л,
стару́ху. — Припѣвъ.
Два́тцёть [2]) ло́зан [3]) закати́л,
гаря́чих стару́хи. — Припѣвъ.
Ты стару́ха ни брани́с [4]),
с салда́тикам памёри́с. — Припѣвъ.
У тваéй дочти ни убу́дит,
а салда́ту лю́ба бу́дёт [5]). — Припѣвъ.

№ 13.

Иушка, иушка,
ратитавы̆й кусток!
что жэª ты, иушка,
не зе́леⁱна стаиш?
Как жэª мнѣ, иушти,
зеле́нинькай быть?
Сверьху (ту) миня, иушку,
до́жжычкам сеⁱчёт,
середи та иушку
солнышкам печёт [6]),
а пат самы(ӑ)й каришо́к
ключева вада́ течёт.
Ѣхали баяры
из нава́ гарада́,
срубили миня, иушку
ф чеⁱ(ё)тыри тапара;
здѣлали из ȷивушки
два веⁱсла́,

1) Какъ будто: каню́шьню (*ш* съ оттѣнкомъ мягкости).
2) Въ первон. зап.: двадцать.
3) Розогъ. Въ первон. зап.: лозынъ.
4) Въ перв. зап.: бронись.
5) Въ первон. записи: будитъ.
6) Въ первон. зап.: пичетъ.

два висла висельс,
третью лодачку;
сѣли на лодачку,
паѣхали гулять;
взяли пасадили
красну дѣвицу душу́.
Стали *э*ту дѣвицу
выспрашивать:
Дѣ́витца, дѣ́витца[1]),
краса́витца[1]) наша́,
что жэ^{а} ты, дѣвица,
не ве́се^{и}(е)ла сидиш?
Как жа мнѣ, дѣ́виц*ѣ*[2]),
весе́линькай быть?
Ба́тюшка̄ с матушкай
ний правдаю жи*в*у́т[3]),
ме^{и}(и)ньшу́ю сестру
ф п*е*рёт замуш аддают.
Меньшая с*е*(е^{и})стра́
чем жа лучче м*е*ня?
чем жэ[2]) лу́ччи,
чем жэ кра́шы
и чем же ве́жливѣ^{и}е^{и} (я)?
Ми(е)ньша́я се^{и}стра́
ни прясь, ана ни ткать,
ни пачя́*д*ычки[4]) матать.
Толька jиѐ дѣла

---

1) *Т* очень слабо.

2) *Е* на концѣ открытое.

3) *В* слабо, т. е: *w*. Передъ звукомъ *у* во многихъ русскихъ говорахъ, напр., московскихъ, владимирскихъ, *в* выпадаетъ, ассимилируясь слѣдующему *у*. Порядокъ измѣненія такой: *ву* (съ губнозубнымъ *в*), *wу* (чисто губное *w*), *у* (произносимое съ сильнымъ движеніемъ губъ впередъ), *у* (обыкновенное).

4) *Поча́точки* (въ пряжѣ).

с ви(еⁿ)дром по ваду хадить,
с ве(еⁿ)дром по ваду хадить,
са з гары вёдры катить.
Катитиса вёдры
плоть да самай да рѣти;
пачерпнитеса вёдр*ы*
с краями наравни.

№ 14.

Уш я нынчи и фчерась
двѣ я ночти *ни* спала,
к сё(й)бѣ милава ждала.
Н*и* даждамшы я милова
лажылаcа спать адна.
Как па утринай зарѣ
идет милинька(ы)й [1]) ка мнѣ.
У краватушти стаит
и тати рѣчи гаварит:
Жалка милаю будить,
я даждус таво случяю,
каһда милая фстаёт.
Как встаёт мая меⁿлая,
гаварит: Здарова, друк.
Мнѣ здаровья никак нѣт:
тибя мой мил*ы*(*а*)й дома нѣт.
Снар*и*дис, мая мелая,
пайдём в рошьшю мы с табой [2]).
Тама [3]) мы сядим на лужок,
абайму тибя дружок.
Я на ручку ти(ё)бя палажу,
фсіё тайнась раскажу:

1) Послѣ *к* неясный средній звукъ.
2) Въ первон. зап.: *въ рощицу гулять.*
3) Въ первон. зап.: *въ роще.*

хочиш лю́биш, хочиш нет,
ни капе́йти при мнѣ де́ник нѣт.
Тва́е де́ньди мнѣ ни нада(ть),
дарага́ твая любофь.
Хочиш любиш, хочиш нет,
мнѣ милѣя[1]) ф свѣ́ти тибя нѣт.
Я за ласкаф привѣт,
я сагласна любить вѣк.

№ 15.

Люблю я прика́шьшика̄,
люблю я малад́ова.
Нй да́вна приѣхал,
апя́ть уижьжя́ит;
ево раскраса́витца[2])
пла́чит и рыда́ит,
на́ начь аставля́ит.
Ты начюй, прикашьшик,
адну ночь са мною.
Э(е)сли[3]) я начую,
буди миня ра́ни,
штоп(бы) не-рассвѣта́ла,
штобы(п) мае́ таваришьши
в го́рат не фсхади́ли,
ключи бы нй брали,
ключи бы нй брали,
а ла́фти бы нй[4]) атпира́ли.
Праснулса прикашьшик —
на дварѣ та бѣ́ла,
на дварѣ та бѣла,
со́лнушкам пригрѣла.

---

1) Въ моей записи съ удареніемъ: *ми́лѣя*, вѣроятно, по ошибкѣ.
2) *Т* очень слабо. 3) Чаще *е*. 4) Очень короткій звукъ.

*И*вó раскрасáви*т*тца[1])
стаит абрабѢ́ла.
Што ш ты, раскрасáвитца[1]),
миня ни буди́ла?
Я будить вас стала,
а вы крѣпка спит*и*(е˟),
а мнѣ жалка стала,
будить пиристáла.
Праспал я прикáшьшинску должнасть[2]).

№ 16.

Сéни, маé сéни,
уш и знать та мнѣ
па сéнюшкам н*и* хáжывати,

---

1) *Т* слабо.

2) Приведу для сравненія болѣе полный варіантъ этой пѣсни въ *московской* редакціи 80-хъ годовъ XIX столѣтія.

Дарю я прикащичку,
дарю молодому
жилетъ пике бѣлый,
часы золотые,
а еще на шею
черный атласъ галстукъ.
Недавно пріѣхалъ,
опять уѣзжаетъ.
Стоитъ раскрасавица,
плачетъ и рыдаетъ,
гостить оставляетъ.
Погости, молодчикъ,
хошь одинъ денечекъ.
Я бы радъ, красавица,
погостить и двá-дни.
Дорога-та дальна,
да время-то поздно.
Пожалуй, ночюю;
буди меня рано,
чтобъ не разсвѣтало,
чтобъ мои товарищи
въ городъ не ходили,
чай—кофей не пили.
Проснулся молодчикъ —
на дворѣ-то бѣло.
Стоитъ раскрасавица,
очень обробѣла.
Что же ты, красавица,
меня не будила?
Хотѣла будити,
да вы крѣпко спите.
Проспалъ я, проспалъ
прикащицку должность.
Нельзя мои, молодчику,
пройти панскимъ рядомъ.
Всѣ мои товарищи,
всѣ меня тамъ знаютъ;
другъ друга толкаютъ,
нá смѣхъ поднимаютъ;
хозяину скажутъ,
хозяинъ откажетъ.
Проспалъ, я проспалъ
прикащицку должность.

Записано отъ А. К. Ч. въ іюнѣ 1902 года.

мнѣ *ми*ла́ друшка́
за ру́чиньку ни ва́жывати.
Выхади́ла мӑлада́
за навы́я варата́,
выпушьшя́ла саⁿкала́
ис право́ва рукава́.
На палёт*и* я сако́лику
нака́з*ы*вала:
Ты л*и*ти́, сако́лик,
высако́[1]), далёко́;
и высо́ка и далёка —
на ради́му сто́рану.
На ради́м*ы*(э)й на старо́нти[2])
гразён ба́тюшка жывёт;
он гразён да н*и* ми́ласлив*ы*(ă,э̆)й:
ни пушьшя́ит маладу́
гулять ве́чирам адну́.
Я н*и* слу́шалас атца́,
спатёша́ла[3]) малатца́;
я за то иво́ спате́шу,
шта адин сын у *в*атца́[4]),
уради́лса в малатца́;
урадилса, пригадилса,
зау́т[5]) Ва́нюшкаю,
пиваваа́рушкаю.
Пивава́р пи́ва вари́л,
зилёно́ вино́ кури́л,
красных дѣ́ушык пайл.

---

1) Въ первон. записи послѣ этого слова еще: *и*.

2) Передъ окончаніемъ *ти* вмѣсто *ки* согласный бываетъ твердымъ.

3) Въ первонач. записи послѣ *т* — *и*.

4) Чрезвычайно рѣдкій случай для данныхъ говоровъ, но не ошибка. Показываетъ, что пѣсня заимствована съ юга или вообще изъ говора, гдѣ есть смѣшеніе звуковъ *у* и *в*.

5) Здѣсь или очень слабое *в*: *ю*, или *у*, произносимое съ болѣе сильнымъ движеніемъ губъ.

№ 17.

Брала́ дѣфка лён,
брала́ выбёра́ла,
зе́млю выби́ва́ла.
Бая́ласа дѣ́фка
да сѣ́рӑва во́лка.
Ни таво́ во́лка баяласа,
кой по́ ли́су хо́дит,
а таво́ во́лка бая́ласа,
кой по́ пӑлю ры́шьшит,
кра́сных дѣ́вак и́шьши́т.
Дѣ не́ взя́лса пари́нёк,
схвати́л дѣфку папёрёк[1])
за ши́(ё)лко́вы́(ӑ)й паисо́к;
паташьши́л іё (ыё) в лисо́к,
за пень, за кало́ду,
за белу бёрёзу.
Пасто́й, па́ри́нь, ни валя́й,
сарафа́н[2]) ни мара́й.
Сарафа́н[3])—кума́шня[4]),
рабо́та дама́шня.
Сарафа́нчик сти́ну,
пат сибя́ патти́ну;
ручти но́шти разлажу́,
путь даро́жыньку[5]) укажу.
Даро́жынька то́рна,
цыга́нычка чёрна;

1) Въ первон. зап.: *за попирекъ.*
2) Въ первон. записи: сырофанъ мой.
3) Въ первон. зап.: сырофанъ.
4) *Кума́шня* = кумачный сарафанъ.
5) Въ первонач. записи: *дорожку.*

чёрныя цыга́нка [1])—
рабя́чья [2]) прима́нка.

№ 18.

Ду́ня, бѣла румина́,
паштó лю́биш Ива́на?
Я за то люблю́ Ива́на,
што галóушка кудря́ва.
Ива́н Ду́ню палюби́л,
начива́ть унима́л [3]):
Ты [4]) начюй, мая́ Ду́нюшка,
ра́дась [5]) лю́бушка.
Каль [6]) начю́иш у миня,
падарю́, ра́дась, тибя;
падарю́ ра́дась сирёшками [7])
сирéбрина́(ы)ми.
Я на сла́ушку пайду́,
жымчюжныя падарю́.
Спанадѣилас Дуня́ша
на Ива́навы слава́;
астава́ласа Дуня́ша
у Ива́на начива́ть.
Лажы́ласа Ду́ня спать
На Ива́наву кравать.
Вынима́ит он гуси́ная пи́(ё)рó,
акуна́ит он в чи́(ё)рни́лица иво.

---

1) Въ первоначальной записи: цыканка. Описка указываетъ на произношеніе г близко къ к.

2) Въ первонач.записи: *рибя́чья*.

3) Въ первон. зап.: *оставлялъ*.

4) Въ первон. записи этого слова нѣтъ.

5) Въ первон. зап.: *начуй* радость.

6) Въ первон. записи вмѣсто этого слова *ты*.

7) Первон. зап.: сирошками.

На́чил Ва́нюшка писать,
ста́ла Ду́нюшка кричя́ть.
Пагади́, Ду́ня, ни кричи́,
полч*й*(ё)со́чка памалчи́.
Каһда у́шти пранима́ют,
зафсиһда́ анѣ́ гаря́т:
каһда цѣ́лачку лама́ют,
зафсиһда́ бо́льна быва́ит.

№ 19.

Тьвѣли́ ф по́лй тьвѣ́тити,
да паме́рькьли:
люби́л мйнй ми́линьк*яй*(?) [1])
да па*т*и́нул [2]).
Пати́нул душа́ мӑй
ни надо́лг*а* —
на ма́лая вре́ме^{я}чка
на чи(е^{я})со́чик.
Ч*и*со́чик(-та) ка́ж*ы*тца мнѣ
за д*е*нё́чик,
а д*е*нё́чик-та ка́ж*ы*тца
за н*е*дѣ́льку,
а н*е*дѣ́лька(-та) ка́ж*ы*тца мнѣ
за май мѣ́с*и*(ё, е^{я})ц,
а май мѣ́сиц ка́ж*ы*тца
за г*а*до́чк*и*.
Уѣ́хал мой ми́линьк*а*^{я}ай [3])
в гарадо́ч*и*к.
А я за ни(ё)м дѣ́вица
ни ганю́с*а*.

---

1) Мягкое к показалось, вѣроятно, по ослышкѣ.
2) *Т* не ясно.
3) Слабый оттѣнокъ мягкости *к*, вѣроятно, — ослышка.

Го́нитца, душа мая,
он за мною,
за мае́й за дѣ́вичьей[1])
красато́ю.
А я ганю́*с* дѣ́вица
за сва́ей касо́ю.
Каса мая ко́сынька
карате́нька,
а я, кра́сна дѣ́вица,
маладе́нька.

№ 20.

Прахади день паскарея,
наступай ночь пате"мнѣ́я.
Мнѣ сиво́днишнай день скука,
са ме"лы́м друшком разлука.
Разлучаит нас ниво́ля,
нас ниво́ля, ни ахо́та —
чужа да́льн*ая* старонка,
питербу́рская дарошка.
Сколька рас па ней ижьжя́ла,
сколька слес я праливала.
Ва слизах письмо писала,
я друшку сваму атсылала.
Мае́ пи́сьмы ни́ дахо́дют,
слу*д*и вѣ́рны не даносют.
Слуди вѣ́рн*ы*й(ё) — зладѣи,
разлучить с милы́м хатели.
Нас тагда с милы́м разлу*чют*,
каhда в гроп иво́ паложут,
грабавой даской накроют,
в*ы* ма*д*и́лушку апу́ст*ю*т,
з гор жы(э)лты́м пе"ском засы́пют.

1) **Почти:** ***за дѣвичей*** или даже: за *дѣвичь*.

Зарастай мая мад*и*лка
и травою муравою,
ишшё алыми твѣтами,
а сама залью̀с слё̆ˣза́ми.

№ 21.

Была́ Ду́ню̣шка гульли́ва,
Авдо́тьюшка[1]) шьши̯гальли́ва.
На ры́нак гуля́ть хади́ла,
си̯(ё)бѣ ту́фильти купи́ла.
За ту́фильти рупь дала́,
за чюло́чти палтара́.
На м*е*ло́ва взгля́нула:
м*и̯*(*ё̆*)ло́й хо́дит и гуля́*и*т,
маё̆ се́рдца (д?) за мё̆ра́*и*т [2]).
На што́ шьшё̆гальна хади́ть,
каhда́ не́ кава люби́ть?
На што́ бѣ́ла умыва́тца,
каhда не́ стим ц*ы*лава́тца?
На што́ мя́хка слать,
каhда не́ стим спать?
Я са го́ря, са тасти́—
я на го́л*ы̆*(*а*)й на дасти́.
Я са го́ря, са пеˣчя́ли—
я на го́лай на пё̆чи[3])
па вы́тирла т*и*рп*и*чи.

№ 22.

Каво нет, таво мнѣ жаль;
уи(jeˣ)жьжяит милай вдаль,
уижьжяит аставляит

1) Въ первон. зап.: *и гульлива.*
2) Въ первон. зап.: за мираетъ.
3) Въ первонач. зап.: пичи.

аднѣ ласкавы слава.
На прашышéнища[1]) милай аставил
с рути пéрстинь залатой.
День на ручинти насила
нá ночь в голавы клалá (2 раза).
Па утру рана фставала,
заливаласа сли(е)зьми.
Кабы было[а] вóску яру,
тобы крылышти слила.
Я, слимшы́ бы и лёхти крыльи,
палетѣла к друшку в даль.
Рашьшестли́вай выхат мой —
мнѣ на стрѣчу мила(а[и])й мой,
мнѣ на стрѣчу издалечя,
разгавариват са мной.
Здраствуй[2]), милая мая,
пахудѣла биз миня;
пахудѣ́ла-паблѣднѣла,
нѣту красáчти в лицѣ[3]).
Пастель — мяхкая пери́на,
мнѣ не спитца биз тебя́.
Сабалиная адияла
ни сагрѣла груть маю,
двѣ пухóвыэ[4]) падýшти
патанули ва сле[и]зах.

№ 23.

Малóтка, малóтка,
малóдинькыя,
галóфка мая́,

1) *Н* или слабое *нн*.
2) *В* слабо. Ср. *здрáстуй* (Влад. г.).
3) Въ первон. записи: красычкѣ.
4) *Э* слабо.

пабе́дниинькыя!
Не́ стим мнѣ, мало́тти,
да спать начй(ĕ)ва́ть;
ля́гу спать адна́,
биз мй(ĕ)ла́ дружка́.
Абуя́ла грусь таска́,
грусь таска́ берёт,
далйко́ мĕло́й жывёт.
Далёка далёчя,
на той старанѣ,
ни бли́ска ка мнѣ.
Хо́дит мой мĕло́й [1])
то́ю старано́й,
ма́шыт мой мĕло́й
пра́ваю руко́й.
пĕ(й)рĕ(й)ди́, суда́рушка,
на маю́ старо́нушку.
Я бы ра́да пиришла́,
пирихо́ду ни нашла́.
Пирихо́д нашла́,
жо́рдычка танка́,
рѣ́чка глыбака́.
Ва е́(э)тай ва рѣ́чти
купа́лса бабёр.
Купа́лса, купа́лса,
ни вы́купалса,
весь вы́мы̆(ă)ры̆(ă)лса.
На го́рку фсхади́л,
атря́хывалса,
ахара́шывалса.
Ахо́тничти сви́шьшют,
чёрнава бабра́ и́шьшют,

1) Въ первонач. зап.: *милой*, и вообще нѣтъ *е* за *и*.

Хо́чют бабра́ бить[1]),
хатя́т застрĕ(й)ли́ть [2]) —
Ду́ни шу́бу шыть,
бабро́м аблажы́ть.

№ 24.

Ни клади́ти миня маладу́
на саломку на палу.
Палажы́ти маладу
на кравurку тисау́ [3]).
Палажыти маладу
на перину пуха(в)у [4]).
Ни буди́ти маладу
рана па утру́.
Вы таһда мйня буди́ти,
каһда со́лнушка взайдет [5]);
раса на́ зимлю пайдет;
пастух выдит на лужок,
заиграит ва ражок.
Харашо пастух игра*и*т,
выгаваривает:
Выганяйти ка скатинку
на широкаю далинку,
на зи̇̆(ĕ)лёнаю лугавинку.
Гон*ю*т дѣфти, гонют бабы,
гонют мал*ы*(а)и [6]) р*и*бяты,
гонют стары старити—
мираеды мужыти,

1) Въ первон. записи: *бити.*
2) Въ первон. записи: *за стрелити.*
3) Ясно безъ *в.*
4) Безъ *в* и съ *в.*
5) Въ первон. записи стихъ повторенъ; при этомъ вм. когда: кожда.
6) Неясно: то кажется произноситъ такъ — то этакъ.

гонют стары(а)и старушти —
мираедавы жынýшти.
Выганяли анѣ в лук,
станавилиса сами ф крук.
Адна дѣфка виселá,
в каравот плисáть пашла.
Ана пляшыт, рукой машыт —
пастушкá к сибѣ манит:
суды́-суды́, пастушок,
суды́, ми́линькаʺй дружок.
Ты скатинушку паси,
начивáть ка мнѣ хади.
Пастух ночку начйвáл —
он палстада патеря́л;
как другую начевáл [1]) —
он фсе стада растерял.
Кабы знала я млада,
ни мани́ла пастушка,
ни мани́ла, ни адмáнывала.

№ 25.

При далинушти калинушка стаит.
На калинѣ салавей птитца сидит,
гóрькаю ягаду калинушку клюет,
он малинаю закýсыват.
Прилё(еª)тали к саловьюшти два сакалá;
взяли саловьюшку с сабою;
пасадили ѝё ф клѣтачку,
за сéрéбрину ришотачку.
Ни давáли саловьюшти пити и ѣсь [2]),
заставля́ли саловьюшку пѣсьни пѣть:

1) Въ первон. зап.: начивалъ.
2) Въ первон. записи: *пить и пьсть*.

Ты васпой, весёлый салавей,
васпатѣш ты при кручини малатца,
припѣчяль краснаю дѣвицу душу.
Добрый моладиц фсю ночиньку ни спал,
всіё темнаю на дитарах(ф) [1]) праиграл.
Он играл сам пѣсни припѣ(еᵉ)вал.
Тута шли-прашли весёлае(ыи) чи(еᵉ)сы,
минавалас наша прежнія любофь,
даставаласа я старому малада.
Нипушьшяит стар на улитцу [2]) гулять;
если пустит, сам за мной [3]) ф слѣт идет.
Чёрныи брови иссушили малатца,
шьшигалихи разарили да канца.

№ 26.

Па берйшку добра(ы)й моладец идет,
за сабою варана каня веᵉдёт.
Поднилиса буйны вѣтры са гары —
свалиласа черная шляпа з галавы.
Падыми шляпу, пастылая жэᵘ(ы)на!
Мнѣ паднять шляпу нё хочитца,
пакаритца на умѣ таво нет.
Пайду молада в зёлеᵉ(е)н сат,
спрашу я маладова салавья:
Ты, саловьюшик бāтюшкā,
каму воля, каму нет воли гулять?
Што гулять (таᵒ) красным дѣушкам,
а малодушкам минаваласа гульба;
у них ѣсь (та) три заботушти:
как на перьвая заботушка —
варкатливая свикроушка;

1) Первонач. зап.: гитарыхъ.
2) *Т* очень слабо.
3) Въ первон. зап.: *за мною*.

на другая та заботушка —
што пайдут (та) малы дѣтушти;
как на третія та заботушка —
наравен ат муш навяжытца,
либа(ы) вóрак, либы(а) пья́ница.

№ 27.

За тапи́ла млада́ ха́ту,
сама́ пó ваду пашла́.
Ана́ пó ваду, ваду́
на Сама́рину рику́.
На Сама́риный ритѣ́
гуси[1]) сѣ́ры(а)и сидя́т,
вóду свѣ́жу(ы)ю мутя́т.
Пастая́ла, паждала́,
прамути́лася вада.
Размахну́ла шыракó,
почёрпну́ла глыбакó[2]).
Я вёдéрцы (не ё) паднёла́[3]),
па тй́хóньку пабрй(ё)ла́.
Мнѣ́ на стрѣ́чю идёт кума́,
насмйя́ласа в глаза:
Уш ты, ку́мушка кума́,
пратапи́ла́са изба́,
фсе аси́навы[4]) драва́
пё(й)рё(й)у́глилиса;
пустóй ка́шничик[5]) ф пи(ё)чи́
надарва́лса типучи́.
У нас ку́рычка в зала́вачти[6]): куда́к-так,
никаҍда́ ни бывáла у нас так,

---

1) Въ первон. зап.: куси.
2) Перв. зап.: глубыко.
3) Въ первон. зап.: на плечики подъ нила.
4) Въ первон. зап.: осинывыя.
5) Маленькій горшокъ для дѣтской каши.
6) Задвигающееся помѣщеніе подъ судницей въ родѣ шкафа.

никаһда́ наша хазя́юшка ни гу́ливала[1]);
какъ пашла наша хазя́юшка
ва три по́ля гулять.

№ 28.

Трех капе́ишный мужы́к
на крава́тушти лёжы́т[2]):
сто рублёвая[3]) жына́
у крава́тушти стаи́т,
ниска кла́нитца.
Ай, муш, прасти́,
на крава́ть ми(ё)ня́ пусти́.
Я таһда́ ти(ё)бя́ пушыщю́,
каһда́[4]) шку́ру фсю спушыщю́.
Хоть и двѣ шку́ры спусти́,
на крава́ть ми(ё)ня́ пусти́[5]).

№ 29.

Темная ночинька ни спи́тца мнѣ,
и сон миня не(и) берёт.

---

1) Въ первонач зап.: куливала.

2) Въ первон. зап.: лижитъ.

3) Перв. зап.: рублевыя.

4) Въ первон. зап.: *када.*

5) Для сравненія приведу болѣе подробный, хотя и неполный, варіантъ этой пѣсни по *московской* редакціи 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Я безъ рыбушки не сяду,
безъ калачика не съѣмъ:
я безъ милаго не лягу,
безъ надежи не усну.
Трехкопеечный мужикъ
на кровати лежитъ:
сторублевая жена
у кровати стоитъ (2),
низко кланяется.
Ахъ мужъ, прости,
на кровать меня пусти.
Я тогда тебя прощу,
когда шкуру всю спущу.
Я поѣду во торжище,
я куплю себѣ кнутище,
я такое витое,
позолоченое.
Буду жонушку бить,
Буду ее колотить.
У Иванова двора
стоитъ рыжа борода...

Записано отъ Н. К. Лебедевой и А. К. Ч.

Я схадил бы х[1]) душѣ́ к Сашы[2]),
да[3]) *не* зна́ю, ђдѣ ана[4]) жывё̈т.
Спрасил бы таварища,
таварищ даве[и](ѣ)дё̈т.
Таварищ та раскраса́витца[5]),
баюс Сашу атабъё̈т.
Я даждус свѣ́тлава мѣ́*си*цу,
авось сам іё[6]) найду.
Взашол мѣ́сиц; взайди, бѣлая заря,
прасвети́[7]) ка путь дарошку
плоть да Сашынава акна.
Падашол я падакошка,
слышу Саша крѣпка спит;
пастучалса[8]) падако́шка,
бе(й)жы́т Саша атп*е*(е[и])ра́ть.
Стыдна тибѣ́, Саша,
да б*ѣ*лай (*лы́*) зари л*е́*(е[и])жа́ть.
Тибѣ, милинькай, стыднея
да палу́начи гулять;
н*и* пара́ли[9]) тибѣ́ жы(э[и])ни́тца,
законн*а*ю жыну взять.

№ 30.

. . . . [10])
У нас со́лат на авѝни,

1) Вѣроятно, [illegible] бкѣ вмѣсто *ђ*.
2) Въ перво[illegible] *ше въ* іос[illegible]
3) Въ перв[illegible]
4) Въ пер[illegible] слова[illegible]
5) *Т* оче[illegible] мои, [illegible] слов[illegible]
6) Въ ст[illegible]
7) Въ [illegible]

а хмѣль на ты́чини,
на са́май вѐршы́ни.
Тычи́нушка к ни́зу гнётца,
а хмѐль къ вѐрьху въётца.
Апусти́лса, аблами́лса
на ма́тушку сыру́ зе́*мъ*лю.
Ни сви*и*(ё)ва́йса тра́ва с павили́най [1]):
ни свыка́йса мо́ладӗ(*й*)ц з ди́витцай [2]).
Харашо́ бы́ла свыка́тца [3]),
тя́шка растава́тца.
Што свыка́нья бы́ла та́йна,
растава́нья бы́ла я́вна.
Мы свыка́лис(а), слюбля́лис(а)
пад бѣ́лы(ӑ, э̆)й бёрёзӑ(э̆)й [4]);
растава́лиса, распрашышя́лис
пад го́рькай [5]) аси́нӑ(э̆)й.
Пайду́ з го́ря утаплюс [6])
с ка́миннава мо́сту [7]).
Ни тида́йса, ни браса́йса [8]),
удало́й мало́тчик,
сваю́ ду́шыньку пагу́би*ш*,
а в раю́ ни бу́ди*ш*.

---

1) Значенія слова не знаетъ.
2) *Т* очень слабо.
3) *Т* слабо.
4) Въ первон. зап.: *бирезой*.
5) Въ первон. зап.: *корькой*.
6) Въ первон. зап.: *утаплюся*.
7) Въ первон. зап.: *мусту*. Описка эта не можетъ ли указывать на болѣе узкое *о* послѣ губного?
8) Въ первонач. записи вмѣсто *бросайся* написано: *просайся*. При произношеніи шопотомъ, на которомъ основываются пишущіе и которымъ провѣряютъ себя, болѣе сближаются родственные звуки, которые при обыкновенной рѣчи вслухъ отчетливо различаются.

№ 31.

Уш ты, матушка радима,
на што на́ гаря[1]) радила,
малалѐтнава жэ^иHи́ла[2]);
жэ^ина[3]) мужа ни взлюбила,
са краватушти спихнула[4]),
ручку с но́жынькай свихнула.
Стала ножынька балети,
стала матушка жэ^илети[5]).
Ни жылей[6]), мая радная,
зажывёт нага бальна́я.
Станим банюшку тапити,
станим но́жыньку лечити[7]).

№ 32.

Как пайма́ли чйчётку
у маёра на дварѐ;
пасади́ли чичётку
за рй(ё)шо́тачку.
Нажыла́ *сибѣ* *чи*чётка
се*м* дачёре́й.
Вот и А́нну и Ма́рью,
Усти́нью, Кристи́нью,
Стипани́ду, Салмани́ду,
симу́ Ка́тиньку.

---

1) Въ первон. зап.: *коря.*
2) Въ первон. зап.: *жинила.*
3) Въ первон. зап.: *жина.*
4) Этотъ стихъ повторяется.
5) Въ первон. зап.: *жилети.*
6) Въ первон. зап.: *желей.*
7) Въ первонач. зап.: *личити.*

Ты пами́*луй*, су́дарь[1]) ба́*рин*,
маю́ Ка́*ти*ньку!
Как пайма́ли *чи*чётку
у маёра[2]) на дварѣ́;
пасади́ли чичётку
за ри́шóтачку.
Нажыла *себ*ѣ́[3]) чичётка,
она се*м* зи́(ѐ)тьёф[4]):
Заха́ра, Мака́ра,
Деме́ньтья, Клёме́нь*тя*,
Дими́ньте́я, Кл*и*мёньте́я,
а симóва Аликсѣ́я.
Ты пами́*луй*, су́дӑрь ба́*рин*,
Али́ксѣ́юшку.
Как пайма́ли *чи*чётку
у маёра[5]) на дварѣ́;
пасади́ли ч*и*(*ё*)чётку
за ри́шóтӑчку.
Нажыла́ *си*бѣ́ *чи*чётка
рóвна два́тц*а*ть *м*нучя́т:
двóё—си́дн*и*(*я*)ф,
двóи лёжнеф,
двó*е* пóпалзняф;
два у ла́вачти стая́т,
двóй учитца хатя́т,
двѣ Аку́льти
в лю́льти качя́ютца,
двѣ Ф*и*дóрти
ф пилёнкаф дрига́ютца,
двѣ Дарью́шти

1) Въ первонач. зап.: судырь.
2) Въ первон. зап.: маюра. Также и во второй строчкѣ сначала.
3) *Е* довольно ясно.
4) Въ первон. зап.: зятьюфъ. Ср. сноску 2-ю.
5) Въ первон. зап.: маюра.

ка краю́шти падвига́ютца,
двѣ Ната́шти
у ка́шти пита́ютца,
два Сти́па́на
у сми́та́ни усмиха́ютца.

№ 33.

Зборы мае, зборы,
зборы дѣ́вичьи!
Збирала Катири́нушка[1])
фсех сваех падружыник;
сажала падрук
за дубо́вый[2]) стол,
сама садиласа
выши фсех.
Склóнила галóушку
нижы фсех.
Заду́мала ду́му́шку
кре́пшы фсех.
Уш как же мнѣ быть,
ф чужы́х людих жыть?
Уш как мнѣ назвать
чужо́ва атца?
Как жа мнѣ назвать
чужу́ю мать?
Назаву я
чужо́ва атца—ба́тюшкай,
а чужую та мать—ма́тушкай,
а дивирькоф ты назау[3])
всех по имію (такъ!),

1) Послѣ *т* неясный звукъ между *е* и *и*.
2) Почти: — *эй*.
3) Неясно для слуха: *ау*, или: *аwу* (съ слабымъ *w*), или *у*, произносимое съ значительнымъ движеніемъ губъ впередъ.

а залóвак назау
фсех па теч*еству*,
а чюжу́ю дитю —
милэй[1]) друк.

№ 34.

Вы, твиты́, мае твéтити,
галубы́ твиты́ лазóрливы,
уш намнóга ли вас насѣ́ина?
вы, душы́, крáсн*ыи*[2]) дѣ́ушти,
уш и мнóга ли вас ва тéр*ими*?
Нас ва тéрйми малéничька;
у нас нé была измéньшыцаф;
измйни́ла нас Кат*е*ри́нушка[3]):
гавари́ла ни пайду́ зá *му*ш;
гавари́ла в манасты́рь пайду́
в манáшынти[4]),
а вас ми́л*ыи* падру́шти[5])
с сабóй вазьму́,
я катóр*ыю* ф прислу́жницы,
а катóр*аю* ва клю́*ж*ницы,
а сама пайду́ в игу́мшыцы[6]).

№ 35.

Ты, рикá ль, ты, мая рѣ́чинька[7]),
рӗкà[8]) бы́стра бéри(е)жы́ста(ая),

1) Не оч. ясно, но такъ.

2) Оконч. *ыи* ясно.

3) Послѣ *т* неясное *е*.

4) Такъ въ первоначальной записи. Нужно читать съ повтореніемъ двухъ послѣднихъ словъ предыдущей строчки. При пересказѣ вмѣсто этого: *Бόну малйтца*.

5) Въ первоначальной зап.: *подруженки*.

6) Въ первоначальной зап.: *игументы*.

7) Съ болѣе сильнымъ удареніемъ.

8) Съ слабымъ удареніемъ.

што ты те"(е)чёш ни калы́хнисса,
жылты́м писко́м ни вазму́тисса?
Што ты сидиш, свѣт Аннушка
и не"(й) усмѣ́хнисса?
Уш вы, ми́лыё мае́ падру́жыньти,
уш на што жа мнѣ смѣя́тца(*тися*),
на што гля́дя мнѣ радава́тца(*тися*)?
У маво та ли у ба́тюшк(т)и
што напо́лна"(*а*)й двор каней стаит,
пална́ горница гастей сидит.
Што на фсѣ-та [1]) гости съѣхалис [2]),
дарагой-та маей *го́сти* [3]) (маей) нѣту здѣсь,
шта радимай маей ма́тушти;
шта сабра́ть-та сриди́ть миня есь каму,
а баһаслави́ть-та мипя [4]) не́каму.

№ 36.

Ни до́лга тви*то́*чку
в са́дити твисти́ —
ни до́лга Катери́нушти [5])
в дѣ́ушкаф сидѣть;
паслѣ́днiй ей разо́чик
ру́су ко́су плесь;
аста́*д*нiй ей динѐчик
вдоль са́дику прайти́ть [6]);
с вѐрьбушт*и* в*и*(*е*)ръшы́нушку сла́мливать,
каню́ пат капы́тичка [7]) паткла́д*ы*вать.

[illegible] не вполнѣ [illegible]
[illegible]
[illegible] можно. П[illegible]
[illegible]
[illegible]

Тапчи́, конь, верълшы́нушку[1])
ве́рьбушку маю.
Стой ка стой, ве́рьбушка,
да вѣк биз ви(е)ршка́.
Жыви́-жыви́, ба́тюшка,
да век без миня́,
бис скорай[2]) пасы́лачти[3]),
биз до́чти Катери́нушти.

№ 37.

Што сказа́ли Иван гразё́н,
он гразё́н да нё ми́ласливый,
уш он ѣ́хал мима те́стива[4]) двара,
он уда́рил залато́й тросью каня́.
Залата́я мая́ тро́стӑ(ы)чка,
дарага́я мая́ го́сьюшка,
е́сли спит ни буди́ти ие[5])
а ни спит — далажы́ти,
штобы стрѣ́тила миня.
Кате(й)ри́нушка[6]) испуга́ласа,
за[7]) навы́ се́ни браса́ласа[8]),
за ми́(ё)лы́х падрук хваталаса.
Уш вы, ми́лаи(е) падру́жыньти,
вы сыма́йти с миня́ зо́латы ключи́,
атпира́йти фсе камо́ды сӑндути́,
вынима́йти сукно́ а́глицкая,
уш вы кро́йти Ивану хала́т:

1) Въ первон. зап.: вершиношку.
2) Послѣ *р* неясный звукъ. Въ перв. зап.: скорый.
3) Послѣ *л* звукъ *а* или *ы* неясно.
4) Въ перв. зап.: те́стяю. Записыватель ставитъ вообще *яю* на мѣстѣ *ива*.
5) *И* безъ *j*.
6) Въ первонач. зап.: Катиринушка.
7) Въ первон. зап.: *во*.
8) Въ первон. зап.: просалося.

вы н*и* дóлак ни карóтак штобы был,
во плё(й)ч*я́*х та параструбист*і*я,
ва пала́х [1]) та паразма́шыст*і*я,
штобы льзя бы́ло са кóня саскачи́ть
й [2]) с Катери́нушкай паздарóватца [3]).

№ 38.

Ты, кьиги́ня (кьииня) [4]) бѣ́ла ба́рыня,
ни клади́ ты [5]) Боһу жа́лабы,
и ни [6]) на ба́тюшку с ма́тушкой,
на сваво [7]) сва́та, разлу́шника,
на зладѣ́я пригавóрь*ш*ыка,
што схвали́л он чюжу́ю стóрану:
Как чужая та да́льна [8]) старóнушка
ана́ са́харам засѣ́ина,
винагра́дам абгарóжына,
мидавóй сытóй пали́вана.
Ни жыла́ дѣфка и [9]) ни вѣ́дала
и [10]) фсемъ дабры́м лю́дям не вѣ́рила.
Пажила́ дѣфка справѣ́дала,
фсѣ́м дабры́м лю́д*и́*м пав*ѣ*рила:
как чужа́*я*(й) та [11]) да́льнь*і*я старóнушка,
ана́ гóрюшкам засѣ́ина,
кручи́нушкай абгарóжына,
гарючьми́ сл*и*зьми́ пали́вана.

---

1) Въ первонач. зап.: в*ы* въ полохъ. Второй предлогъ — варіантъ; *ло* вм. *ла* — описка.

2) Въ первон. зап. *и* нѣтъ.

3) Въ первон. зап.: с кат*и*риной поздаровится.

4) Въ моей записи варіантъ: *кьиня*, я думаю, по ошибкѣ.

5) Въ первоначальной записи: ни клади-*ка* (Богу).

6) Въ первоначальной записи: *ни* нѣтъ.

7) Въ перв. записи: *а* на свого.

8) Въ первоначальной записи: *чужая дальняя.*

9) Въ первоначальной записи *и* нѣтъ.

10) Въ первоначальной записи *и* нѣтъ.

11) *Й* на концѣ, конечно, тогда, когда слово говорится съ членомъ.

№ 39.

Ни ф трýбушку трýбют
рана па утрý:
Катерйнушка[1]) плáчит
по русѣ[2]) касé:
Касаль ты мая кóсынька,
рýсыи-касá[3]),
вичёр тибя́ кóсыньку
мáтушка плĕ(е)лá[4])
па утрý ранёхынька
падрýшти плй(е)лй[5])
и мéлка нá мйлка
уплётывали
и крýпными жéмчугом
унйзывали[6]).
Прислал Иван свáшыньку
нĕ мйласливаю.
Пріѣ́жьжія свáшынька
ни збéрижна кóсыньку
расплётŭ(ă)вала
и весь ана[7]) крýпный жемчук[8])
рассыпăла[9]).

№ 40.

У баháтава хрисья́нина
салучйласа ни шьшя́сьитца[10]):

---

1) Въ первоначальной записи: Катиринушка.
2) И: па *русóй*.
3) Конецъ перваго слова соединяется съ началомъ второго.
4) Въ первоначальной записи: плила.
5) Въ первоначальной записи: плили.
6) Въ первоначальной записи: унизавали.
7) Въ первоначальной записи этихъ словъ нѣтъ.
8) Въ первоначальной записи: жемчик.
9) Послѣ *п* неясный звукъ.
10) *Т* слышится очень слабо. Въ перв. зап. оконч.: *тца*.

буйны вѣтры сбушавáлис[1]),
вирéюшти рашшытáлис[2]),
варóтичти растваряялиса,
фсѣ баяры на двор въѣхали.
Фсѣ баяры Бóhу мóлютца[3]),
крáсным дѣушкам
ниска клáнютца[3]).
Стали дѣушки их спрáшывать:
hаспадá, вы люди прiѣжьжія,
вы рй(и)кáми бы́стры(э)ми[4]) ѣхали,
уш вы што свавó князя ни вы́мăли?
как у нас та крáсна дѣвитца[3])
биз билйл(а,ы)[5]) билёхынька,
биз румя́н ана и руминёхынька,
бис сурмйн брóви чёрны[6]).

№ 41.

Разлилáса разлё(и)лéилас
па лугам та вада вёшнія,
унислó та улй(ё)лéила
са двара та три карáблика;
как напéрьвый та карáпь пашол
с сăндукáми[7]) са камóдами,
а на другой та карáпь пашóл
са пй(ё)рйною пухóваю,
как натрéтій та карáпь пашóл
са душóю крáсный дéвицый.
Аставáлас ыё мáтушка

1) Въ первоначальной записи: *съ бушавалися.*
2) Въ первоначальной записи: *разшиталися.*
3) *Т* слабо.
4) *Э* не очень ясно.
5) Въ первоначальной записи: *пилилъ она.*
6) Въ первоначальной записи: черныя.
7) Въ первон. записи: сондука ми.

на крутый(ё)м слáвным бéришти,
а [1]) сама слéзно [2]) сплáкнула,
ва слизáх слóва мóлвила:
Варатиса, маё дитятка,
пазабуть, маё дитятка,
пазабуть вóлю бáтюшкину,
ни(ѣ)гу [3]) мáтуштину.

№ 42.

Ф саду ягатка спилá
зимлиничка зрилá.
Атчивó ана спилá,
атчивó анá зрилá?
На пригóрачти раслá
прóтиф сóлнушка лучья.
Как и Кáтя харашá;
ф каво анá харашá,
ф кавó ана пригажá?
Я в бáтюшку харашá,
а [4]) в мáтушку пригажá.
Тут литѣл сён (так!) сакóл,
уранил сизó пёрó [5]),
уранил сизó пёрó [5])
пряма х Кáти падакнó.
Уш ты, Кáтя, падыми.
Я бы рáда паднёлá [6]),

1) Въ первоначальной записи: *что*.
2) Не *ё*.
3) Слово или произнесено такъ, какъ поется въ пѣснѣ, въ которой оно при пѣніи должно терять удареніе и стоять за слогъ до него: ˘ ˘ ¯; или оно заимствовано изъ сѣверныхъ говоровъ, тѣхъ, въ которыхъ *ѣ*=*и*. Такъ какъ разсказчица заявила, что такъ *и говорятъ*, то послѣднее предположеніе, можетъ быть, вѣрнѣе.
4) Въ первоначальной записи: *я*.
5) Въ первоначальной записи: пиро.
6) Въ первоначальной записи: поднила.

да мнѣ нé кагда:
я на свáрьбу [1]) спйшý,
крупён жемчюк нижу.
Мнѣ на свáрьби пиравáть,
жынихóф выбирáть.
Я вы́брāла жыниха́
маскóскава [2]) купцá.

№ 43.

Дали́на далинушка,
раздóлья шырóкая,
на тибѣ́, дали́нушка,
гуля́ла дити́нушка,
удал дóбра(э?)й мóлади(ё)ц.
Он ходит ни вéсила,
гуля́ит нирáды(ă)шно;
павéсил галóушку
на прáу старóнушку
ка крáснаму сóлнушку.
Увидáла мáтушка
с высóкава тéриму.
Дитёль маё, ди́ти́тка,
дитё [3]) чяда ми́лыя,
што хóдиш ни вéсила,
гуля́иш ни рáдышно [4])?
Ради́мыя мáтушка!
х че(й) мужа мнѣ висилитца?
Фсе маé тавáрищи,
да фсе пожы(ǯ?)ни́лиса [5]),

1) Въ первонач. записи: *свадьбы.*
2) Въ первонач. записи: *я* московскаго.
3) Въ первоначальной записи: *тите.*
4) Въ первоначальной записи: родышно; вѣроятно, описка.
5) Въ первоначальной записи: пож*и*нилися.

а я у вас, ма́тушка,
хбласт ни жына́т хажу́.
Жыни́с, жыни́с, ди́титка,
жыни́са [1]), чя́да ми́лыя,
вазьми́, вазьми́ [2]) ди́титка
у купца́ баhа́тава.

№ 44.

Я пайду́, млада младе́нька,
ф клинбваю рбшьшю;
Я срублю́ ли, младе́нька [3]),
клинбвая [4]) дре́ва.
Уш я здѣ́лаю, младе́нька,
званчётыя гусли.
Што каму в гу́сли игра́ть [5]),
каму танцава́ть будёт [6])?
Ми́линькай играть [7]),
а я буду [8]) танцавать.
Што сказали мнѣ, младеньти,
мой ми́лэи [9]) с Масквы́ ѣдит.
Ни успѣ́ла шу́бу взять,
за́(ы) рука́ф схвати́ла.
На паро́ди шу́бу вздѣ́ла [10]),
сёре́ть [11]) двара́ фстрѣла [12]).

---

1) Въ первонач. записи: *жинисъ*.
2) Въ первоначальной записи: *вазмемъ, вазмемъ*.
3) Въ первоначальной записи: моладенька.
4) Въ первоначальной записи: клиновыя.
5) Въ первоначальной записи: играт*и*.
6) Въ первоначальной записи: буд*и*тъ.
7) Въ первоначальной записи: играт*и*.
8) Въ первоначальной записи *буду* нѣтъ.
9) *Э* не очень ясно.
10) Въ первоначальной записи этотъ стихъ повторенъ.
11) Въ первоначальной записи: *въ* серед*ъ*.
12) *Ф* очень слабо.

Цăлавáла милавáла,
къ сéрдцу[1]) прижымáла[2]),
три слóва сказала:
што сказать ли тибѣ́, мúла(э)й,
вилúкă(ы)ю рáдась:
ражу ти(ё)бѣ́ сы́на,
как бѣ́лава сы́ра;
ражý тибѣ́ дóчку,
как бѣ́лăю ли(ё?)бётку[3]);
сы́на граматѣ́я,
а дочь златашвéйку;
сы́на — пиримѣ́на,
а дóчку[4]) — пĭрĭпýтья(ю);
дóчку вы́ры́(ă)шьшю,
в лю́ди вы́пушьшю;
буду в гóсти ѣ́здить,
буду заѣ́жьжяти.
Куды́ ни паѣ́ду,
се h дóчти заѣ́ду;
уш я день та пĭрĭднюю,
а нóчку начýю.

№ 45.

Расла ф пóли мя́та,
да фся паламáта;
фся паламáта,
ф путú павизáта[5]),
в гастúнцы саслáта

1) *Д*, вѣроятно, ороографическое.

2) Въ первоначальной записи: прижамала.

3) Въ первоначальной записи: *либютку*. Ср. сходные случаи передачи *ё* въ № 32.

4) Въ первонач. записи: *дочь*.

5) Въ первоначальной записи: по вязата.

князьям и баярам,
и [1]) судьём [2]) ваĕводам.
Судьи ваĕводы [3]),
судити па правди.
На хто у нас купчик,
бĕлинькай галупчик,
мой милинькы(а)й купчик,
бĕлинькый галупчик;
он миня любит,
мила пригалубит,
на ручку палóжыт,
другую налóжыт.

№ 46.

Как па сáдику садику,
тут хадил гулял
дóбра(ы)й [4]) мóладе(и)ц.
Он *чи*сáл сваé русы кудри;
он чйсáл русы кудри,
*чи*сáл кудри пригаварывал:
Прилеˣгáйт*и* [5]), маé кудĕ(е)рьти,
к маей буйн*ы*й галóвуш*ти* [6]),
ка маму ли к лицу бĕламу,
ка маéм к шьшикам румян*ы*(*а*)им [7]).
Привыкай ка, красна дĕвитца [8]),
ка маму ли уму разуму [9]),

1) Въ первоначальной записи *и* нѣтъ.
2) Въ первоначальной записи: судьимъ.
3) *Ĕ* — неясный звукъ, близкій къ *и*.
4) Средній звукъ между *а* и *ы*.
5) Въ первоначальной записи: прилигайти.
6) Съ *в* (губнымъ) или безъ *в*.
7) Послѣ *н* средній звукъ между *а* и *ы*.
8) *Т* очень слабо.
9) Въ первоначальной записи: раз*о*му.

к маей та спи́си[1]) го́рдасти.
Привыкать та[2]) ни хатѣ́ласа,
за дасаду рѣчь казаласа.
Уш и знать мнѣ привыкать буде(й)г,
спи́си[1]) го́рдасти убавити,
у́му ра́зу́му прибавити.

№ 47.

Выхади́ли кра́сныи[3]) дѣ́ушти
изъ варо́т да на у́лицу.
Вынаси́ли кра́сныи[3]) дѣ́ушти
салавья́ та на бѣлы́х рука́ф.
Салаве́й та вастри́пе́хнулса,
кра́сныи дѣ́ушти вазра́далис(а).
Как пашла́ на́ша бѣла́я бѐрёзынька
што праси́ть на кра́сных дѣ́ушык
къ самаму́[4]) х царю́ бѣ́ламу[5]).
Уш ты, ба́тюшка, наш бѣ́лэй[6]) царь,
уш ты дай суду́ на дѣ́ушык!
Я ни да́м суду́ на дѣ́ушык:
у них весь ту́та пра́зничик,
Сими́н та день, чисна́ тро́итца[7]):
ни равно́ та[8]) за́муш вы́дут,
ни равён та муш навя́жытца[7]),
ли́бы вор-ат, либы пъя́нитца[7]).
Он ф кабак идёт шыта́итца,
ис кабака́ — лижы́т валя́итца[7]).

1) Это произношеніе нужно объяснять такъ же, какъ *нига* въ № 41. См. сноску № 3 на стр.

2) Въ первоначальной записи вмѣсто этого слова: *мнѣ*.

3) Въ первоначальной записи: красны.

4) Въ первоначальной записи: самому *то*.

5) Въ первоначальной записи послѣ этого стиха снова слѣдуетъ предыдущій.

6) *Э* неясно.

7) *Т* въ окончаніи неясно.

8) Въ первоначальной записи вмѣсто этого слова: *онъ*.

№ 48.

Шырóкая пуд(т)ь [1]) дарóжынька,
дѣ бáтюшкā шол —
развесёлая [2]) бѣсѐдушка,
дѣ ми́линькай пьет.
Уш он пить та нё пьёт,
за мной младóй шлёт.
А я младá маладёхынька
замѣшкаласа.
Я за утками, за гу́сй(е)ми,
я за мелкаю вольной птāшычкай
за жóрашкай.
Какъ и жóрушка па бéришку
пахáжывала,
што шелкóвāю в лушкáф трáвушку
пашшы́павала,
што с халóднаю вадицею
прихлёбывала.
Как за рѣчкаю за быстраю
слабóтка стаит;
слабóдушка ни мáлинька
ф четы́ре в дварá.
Какъ ва ѣтих ва двóрикаф [3])

---

1) Произносилось то въ связи со слѣдующимъ словомъ, то отдѣльно.

2) Въ первоначальной записи: развеселыя.

3) Относительно стоящаго здѣсь звука *ф* въ окончаніи слова на мѣстѣ *х* замѣтимъ, что въ говорѣ Хухлиной такіе случаи нерѣдки. Отмѣтимъ ихъ всѣ: на рукаф (№ 4), в лаптишкаф, в башмачкáф (№ 10), ф пилёнкаф (№ 32), в дѣушкаф (№ 36), на рукáф (№ 47), в лушкáф, ва дворикаф (№ 48). Въ описываемыхъ говорахъ подобные примѣры находимъ на страницахъ 16 (Клинск. у.), 20 (Клинск. у.), 28 (Клинск. у.), 41 (Москов. у.), 42 (Москов. у.). Изъ всѣхъ случаевъ только въ одномъ (стр. 42) мы видимъ это окончаніе въ родит. пад. множ. ч.: во всѣхъ другихъ звукъ *х* замѣняется звукомъ *ф* только въ окончаніи предложнаго падежа множеств. числа. Несомнѣнно, что эта замѣна не фонетическая, такъ какъ наши говоры не знаютъ *ф* на мѣстѣ *х* (не говорятъ:

четы́ре[1]) кумы.
Уш, ку́муштп, падру́шти мае́,
вы куми́тиса, ни брани́тиса,
вы люби́ти миня.
Вы пайдѐти ва зе́лин сат,
вазьми́ти миня;
сарвети вы патьве́тику,
сарви́ти и мой;
(вы) савьётй вы па ви́нтику[2]),
саве́йти и мнѣ;
уш вы бросити[3]) винъти́ на ваду,
вы и бросити мой.
Что[4]) на фсѣ вѣнъти па сверьх вады,
а мой патанул:
што на фсѣ та друзья
с Масквы пришли,
а мой ни пришол.

Произношенія, записанныя въ семьѣ Хухлиныхъ (почти всѣ отъ самой разсказчицы пѣсенъ).

Я успѣлъ отмѣтить изъ разговоровъ слѣдующее: Гласные звуки. Произношеніе гласныхъ безъ ударенія у нихъ вообще

Хома́, *х*унт и т. п.), а въ тѣхъ говорахъ, гдѣ есть такая мѣна, мы не знаемъ *ф* за *х* въ такихъ случаяхъ, какъ напр.: мо*х*, грѣ*х*, вы́со*х*, огло́*х* и т. д. Но, при попыткѣ дать морфологическое объясненіе даннымъ формамъ, встрѣчается большое затрудненіе: мы очень рѣдко находимъ ихъ въ томъ случаѣ, въ какомъ могли бы скорѣе всего ожидать: въ формахъ родительнаго падежа множ. числа. Изъ: бога́ты*х* мужико*ф* могло явиться: бога́ты*ф* мужико́*ф*, гдѣ прилагат. приняло окончаніе слѣдующаго существит., чередованіе фф. съ окончаніями *ф* и *х* въ родит. падежѣ могло бы вызвать формы съ *ф* и въ предложномъ, но примѣры показываютъ первичность фф. предложнаго падежа. Вѣроятнѣе, это— смѣшеніе родит. съ предложнымъ, подобное смѣшенію дател. мн. съ творит.

1) На концѣ *е* открытое.

2) Объяснить слова не можетъ. Вѣроятно, просто искаженіе.

3) Въ первоначальной записи: *п*росити.

4) *Ч*, вѣроятно, орѳографическое.

неясное.—Аканье умѣренное, московское, при чемъ звукъ *а*—въ слогѣ не передъ удареніемъ—произносится, какъ мнѣ казалось близко къ *а*, не къ *ы* (ср. стр. 49); неясный *а* и на мѣстѣ первоначальнаго *у* (вы́дӑмаю); иканье: ч*и*во́, н*и* шо́л, т*и*лѣ́га, вы́пе"йт*и*, но: трепа́лка. Отмѣчено еще: та́к ж*а*, растре̑с. Акающая молодая женщина, живущая здѣсь на фабрикѣ, одинъ разъ сказала: роб́отать; вѣроятно, усвоила произношеніе отъ окальщиковъ.

Согласные звуки: Отмѣчено: задви́г*ы*ваитца; к' = т'; бу́иш (бу*д*ешь); синца́ растре̑с валачю́*ш*ачку (*ш* вм. *ж*); бальни́*тиц*у (усиленіе *ц*); не́*ни*щ*е*ва рабо́тать (зч = ш'ш').

Приставки и пропуски звуковъ: пиршывели́ (сѣно), дамо́й *и*шла́ (*и* изъ формъ настоящ. времени); *ј*имш*ы*́к, *ј*иму́ (ј неясенъ) и: *и*му́ (безъ јота), нѣт *ы*ё, хатѣл *ы*е аддать на фабрику, выравы́и паля (въ яровыя), даже въ началѣ фразы отмѣчено: *ы*му́; заýт (зо*в*утъ), прикла́дыут (прикладыв*утъ* = — дываютъ); с э́стим; стяженіе: схва́тыв*а*т груть, как*а́* бальшая.

Твердость согласнаго: дѣ́*ф*ъти.

Удареніе: пакосъ ни на́чил*сса*, ф кати по́ли (поля; записано такъ!?) Второстепенное удареніе и протяжность гласнаго (въ отвѣтахъ): А Татьяна дома? — И Татья́на̀ дома. Пришывать к чему?—К пла́тью̄.

Имена: Зим*о́ю*, за бума́га*ю*; в дама́*ф*, в дѣфка*ф*, на фа́брика*ф*. На адн*ѣ*м станк*ѣ́*; малако́м ба*ħ*а́т*и*;—*ыя*; чь*е́* (чьи); пасаба́чь*ю*.

Глаголы: взы́ск*ы*в*ут*, нати́дыв*ут*; що́*мши* взопрѣла; загорѣ́л*аса*. Мо́жы*ть* (= можетъ быть).

Членъ: ити́ть—*та*.

Родъ словъ: такая *вреда́*; о *сѣнѣ* сказали: *хоро́ш*. «Сѣно першэвели́ть?»—«Што ево шэвели́ть: *он* сухо́й».

II.

А) *Пѣсни и загадки, записанныя въ с. Гнилу́шѣ Московскаго у. отъ крестьянки Зинаиды Алексѣевны Грачёвой, урожденной изъ Заболотья, около 40 лѣтъ, малограмотной.*

№№ 49—66.

В) *Пѣсни и сказка, записанныя въ с. Гнилу́шѣ отъ крестьянскаго мальчика Василія Грачёва (сынъ предыдущей), 14 лѣтъ.*

Разсказчикъ учился въ школѣ только два мѣсяца; онъ немного грамотенъ, но писаннаго не можетъ прочесть.

№№ 67—70.

Записи сдѣланы также по очень медленному произношенію. Иногда слова произносились даже по слогамъ. При этомъ можно было услышать такіе оттѣнки въ произношеніи, которые были недоступны для наблюденія при обыкновенномъ, почти всегда скоромъ произношеніи; напр., разные оттѣнки въ произношеніи орѳографическаго окончанія *ый* прилаг. мужескаго рода. Конечно, и здѣсь необходимо имѣть въ виду возможность ослышекъ и ошибокъ недостаточно тонкаго и вѣрнаго слуха.

№ 49.

При широ́кай при дали́ни
гарит пално́чная луна.
Слышу: го́лас ат радно́ва,
слы́шу: пѣсня салавъя́.
Бѣдна гу́линька парха́ит,
ана па ро́шьшицы адна.
Мая ми́лая вздыха́ит,
сидит (сидя́) высо́к*им* (такъ!) тири(е?)му́.
Ана вздахнёт вздо́х*им* (такъ!) тя́шким.

Катиса слёска упадёт (?такъ!),
вынит бѣлинькай платочик,
прилёсны гласки абатрёт;
такiим голасам нисмѣлӑ(ы)м
пичяльну пѣсню запаёт [1]):
Ни на то тибя спазнала (узнала),
нувѣрна мучитца (т оч. слабо) страдать,
а на то тибя спазнала,
што вѣрна друк-друшка любить.
Спомни мяхкаю пастѣльку
и пирину пухаву.
В Питир гораду (такъ!) прикраснай(эй?)
я уѣду въ јиво жыть.
Праживу я цѣльнай мѣсиц,
пра(ы)жыву я круглай гот.

№ 50.

Кругом я так асиратѣла,
тибя милай здѣся нѣт;
с табою шьшясья улетѣла,
ни варотисса назат.
Приди, мой милай(ый), паскарѣэ(я)
ка бѣднай дѣвицы ка мнѣ!
Нiйдёт [2]) мой нинаглядный:
ни любит он миня.
Ва снѣ мнѣ мил јивилса,
на серца искру заранил;
блиснул как мольнья и скрылса —
навѣк спакойствiя лишыл (ре"шыл).
Сказал: Гуляй, мая милая,
и ни влюбляйса ни ф каво:

1) Мнѣ казалось, что въ подобныхъ случаяхъ, за слогъ до ударенія, слышится обыкновенно довольно ясное а.

2) Й очень слабо.

Ф тваéх литáх любить апасна,
и ты завя́ниш как трава,
и ты завя́ниш и засóхниш,
рассвѣ́сь ни мóжыш никáдá.
Када рóзан рассвитáит[1]),
и так старáютца сарвáть;
када рóзан засыхáит,
тадá старáютца стаптáть:
када дѣ́вица шьше(е)слива,
тот фсяк гатоф iё любить;
када дифчóнычка нишьшя́сна,
тот фсяк гатóф iё забы́ть.

№ 51.

Пташка кинарéйка
ф саду распивáла.
галасокъ — уны́вны(а)й[2])
в лѣ́су раздаётца:
эта, вѣ́рна, Саша
с ми́лэм растаётца.
Выхадила Саша
за навы́ варóты,
прастая́ла Саша
да сáмай палнóчи,
гаварила Саша
спатáйныя (патáйны́я[3]) рѣчи:
Куда, милы(а)й[4]) ѣ́диш,
куда уиж'жяишь[5])?

1) Почти: расвитаит.
2) Средній звукъ между *а* и *ы*.
3) Повторено съ удареніемъ на концѣ.
4) Средній звукъ, или неясное *э* послѣ *л*.
5) Послѣ у *j* нѣтъ.

на каво ш ты, ми́лэй[1]),
миня аставля́иш?
— На людей, на Бога[2]):
нас на све́ти внога,
а мнѣ путь дарога.
Ни стой пирдамнбю,
ни абливай[3]) сл*и*збю,
а то люди скажут,
што я жыл с табою.
— Пускай люди скажут,
а я ни баюса:
каво я любила,
сь тѣм я растаю́са,
каво ни люби́ла,
таму дастаюса;
эта была дѣла
лѣтам, н*и* зимою.

№ 52.

Каво та нѣт, каво та жаль —
у*и*жьжяит ми́*лай* вдаль.
Уижьжяит — аставля*и*т
аднѣ ласкавы слава.
На праще́ньица аставил
с руки перст*и*нь залатой.
День на ру́ч*и*ньк*и* насила,
на́ начь в го́лавы клала́.
По утру́ рана фставала,
залива́л*аса* слезьми́.

---

1) Э неясно.
2) «Это уш он ей гаварит *напрбтиф*» (въ отвѣтъ), пояснила разсказчица.
3) Также: ни ӑбливай, почти ни бливай; при пѣніи: ни бливáй. Не сокращенную форму нужно объяснять вліяніемъ грамотности.

Двѣ пухóвыи падýшки
патанули ва слизáх.
Сабалина адіńла
ни сагрѣла груть маю,
ни сагрѣ́ла, ни нагрѣ́ла
бис тибя, галýпчик мой.
Прашшяй, ми́лая мая:
уижьжяю са фсѣм ат тибя.

№ 53.

Ты канава, ты канава,
ты канаушка мая!
па тибѣ, мая канава,
ѣ́ха(ы)л [1]) Вася на канѣ.
Си́дит Са́шынька ва кнѣ.
Сидит Саша платком машы(э)т:
Заиж'жяй, Ва́ся, ка мнѣ.
— Я тада к тибѣ заѣду,
када вы́растит трава
у тваво, Саша, двара,
привижу́ дабра́ каня,
каня́ во́ранава,
кругом ко́ванава.
Конь капы́там землю бъет,
малатца́ [2]) го́ря берёт;
ис капыта руда́ [3]) льет,
з горя пѣсинки паёт.

№ 54.

Прашшя́й, жись-радась мая,
слышу — ѣ́диш ат миня.

---

1) Оттѣнокъ звука *ы*.
2) Неясно; м. б., *ца* или слабое *ица*.
3) Понимаетъ, что *кровь*, но такъ, конечно, не говоритъ.

Нам далжно с табой растáтца,
тибя большы ни видать.
Тёмна ночинька не*(?)спитца,
сама я знаю пачиму́:
сама дѣвица сказала:
за мной, мальчик, ни ганис;
ты за мною за младóю,
за маéю красатóй.
Буду помнить тваé взоры,
твой пріятнай[1]) ра(ы)згавóр[2]).
Вадин день майскай прикрáснай
на(ы)[2]) жэлтóй[3]) писóк садилис,
мылис свѣжаю вадой.
Вы пралéйти чястай дóж'жик,
расступис, сырá зимля́,
грабава даска, аткрóйса,
вастань, мáминька[4]) мая,
па(ы)глиди-ка[5]) на миня,
какъ гуля́ю с ми́ла(ы)м[6]) я.
Па билу́ свѣту шытáюс
сама сибя прадаю[7]).
Прадалá я кѣла бѣла
на мытáрства на маё.

№ 55.

Расказáть ли чивó ф свѣти у нас нѣт;
пра адин случáй раскáзывал купéц:

---

1) Послѣ *и* звукъ, склонный къ *ы*.
2) Произноситъ то *а*, то *ы*.
3) *Э* ясно.
4) На концѣ слабое удареніе.
5) Послѣ *и* звукъ приближается къ *ы*.
6) Слышится то ясное *а*, то ясное *ы*, когда говоритъ медленно, по слогамъ.
7) Послѣ *р* при пѣніи слышится ясное *а*.

Адин мо́ладиц дифчёнку абману́л,
он с jiё ли с руки пе́рстинь палучи́л;
палучёмши стал смия́тца он над ней;
насмия́мши вилѣл вы́ттить на крыльцо́,
о́ддал пе́рстинь палучил свае кальцо,
он паслѣ́дні́й рас сваю ми́лаю назвал,
сѣл ф каля́ску — ко́ни бы́стра паниcли́.
Разнишьшя́сная стала дѣва таскава́ть.
За дифчёнка(ы)й стали люди примичя́ть[1]).
Ей атец сказа́л: Ни ми́лая ты мнѣ дочь;
дли(я) чиво́ жа ты на свѣ́ти раждина́?
для како́й ты худо́й славы нажыла́?
Взила́ вёдры (не о) з го́ря по́ ваду пашла́.
Па(ы)че(и)рпну́ла станави́ла по́д бирик,
сама скры́лас по́д валны.
Чё́рис тибя́ я злой мучи́тиль вор тану́,
я ниви́ннаю ду́шыньку гублю́.

№ 56.

При бо́рна(э)й но́чиньки прахла́дный
и мѣ́сиц скры́лса за блака́,
над зилёнаю магилу пришла́ краса́вица мая.
Ана на са́мы(э)ю верши́ну
главо́й на па́митник лигла́.
Ана прилёсна(ы)м галасо́чкам
буди́ла ми́лава друшка́:
Фстань прасни́са, мой любе́знэй,
бис тибя́ жыть ни магу́!
Вдрук маhи́ла (h?) задража́ла,
из гро́бу го́лас падалса́:
Атайди́ прочь ат маhи́лы:
твой друк ужа́сна крѣпка спит[2])!

1) Послѣ м неясный звукъ.
2) С твердо или полутвердо.

Завы́ла дѣва, зарыда́ла,
ат магилы прочь пашла.
Зачѣм, зачѣм ты, друк, винчялса,
зачѣм дарил злато́ кальцо́,
лу́ччи (лу́чи) (бы) ты нибручя́лса,
миня́ нишьшя́снаю аставил.

№ 57 [1]).

Адна́*ж'жи* в ро́шьшицы гуля́л я,
һдѣ пташки по́рхали аднѣ́,
салавъя́ пѣсни внимал я,
вдрук што та стала ску́чна [2]) мнѣ.
Ниво́льна ат душ*ѣ* вздахну́л я,
ка бы́стр*ый* рѣ́чки падашо́л.
Луна свой вит изабрази́ла
ф хало́днэ(ы)й зѣ́ркальн*ай* вадѣ,
фсѣ тучи асрибри́ла,
и салаве́й пѣл в дал*и*кѣ́.
Он пѣл так нѣжна
и жа́лабна он распи*ва́л*,
а я пад дѣ́р*и*фца(ы)м вѣтлист*ам*
сидѣ́л в заду́мчивых меˣчта́х.
Из глас маёх го́рьки слёзы льютца
па маёй бѣл*ай* груди́.
Груть сл*и*зо́ю прасл*и*зи́лас.
Патом спрасил я салавъя́:
Ниу́жли го́ря маё знаиш,
любе́зн*ай*, ми́л*ай* салаве́й,
или той у́чисью страда́иш,
като́ра(ы)й я сичя́с ти(е)рь(ъ)пълю́.
Те(и)рьпълю́ мучѐнья биз ве(*и*)ны́,
а ро́дины зьдѣ́сь нѣт.

1) «У этай пѣсни *го́лас* харо́ш», замѣтила разсказчица.
2) Такъ замѣтно сказывается вліяніе книжнаго произношенія!

№ 58.

Ап чём ты пла́чиш, мӑлатчи́на,
тибѣ висӗламу нужна быть?
Ну как жа̄ мнѣ ни пла́кать (висили́тца)[1]),
есь кручина,
када жэⁿни́ть миня хатят,
и на стару́шки на вдавѣ́.
(Атéц) Ну вы жа̄ сами па̄суди́ти,
какая глупӑ(ы̆)сь[2]) в галавѣ.
Атéц на дéнишки пальсти́лса,
он хо́чит ты́сичи забра́ть,
а мнѣ жа бӗднаму си(еⁿ)ро́тки[3])
жы(эⁿ)ну́ старушку хо́чит взять.
— Малчять, ни слова — асержу́са
и абъесню́ (абъисню́, абисню́)[4]) што есь атец.
Ну сам заплачю, ни уймуса,
када вести́ нас пад винéц.
Пайду спра́шу тава́рищи̅ф:
Ну как жа́ мнѣ будит быть?
Мая красу́тка фсӗм извӗ́стна,
ну как мнѣ іӗ пазабыть.

№ 59.

Спо́мни, мой любéзнай
маю прéжнйю любофь:
как мы с табой абйшшя́лис
вѣ́чна друк-дру́шка любить,
а тапéря што случи́лас,

1) Иногда *т* очень слабо, почти—*ца*.
2) Неясный звукъ, почти *э*.
3) Послѣ *е* неясный звукъ.
4) Дамъ понять, почувствовать.

вадин час мож изми́нить.
Измини́л свишьшённу кля́дьбу,
сам жы(э)ни́лса[1]) на другой,
самъ жы(э)ни́лса разарилса,
ни ф пандра́ву жэ(ы)ну взял,
ни в пандра́ву, ни па серцу,
ни па со́висти сваей.
Твой патре́т всигда са мною;
он на стѣна́чки висит.
Тибя, ми́ла(ы)я[2]) расхаро́шая,
ни магу ни как забыть.

№ 60.

Хороводная.

Вдоль па рѣ́чки рѣчки,
да вдоль па рикѣ́
плывёт выплыва́ит
зилино́й садокъ.
Ва э(е́)ти́м садо́чки,
ва этим зилёнам
мо́ладиц гулял,
сам кудри чиса́л.
Чиса́л милай(эй)[3]) кудри,
чиса́л милай(эй) русы
чя́сты(э)м грибишко́м.
Ачёски брасал (брасаит)
[ва быстру рику́[4])]
да вдоль па рикѣ.
Плыви́ти, ачёски,
плыви́ти, русы́я,
да вдоль па рикѣ,

1) И при пѣніи неясно: *э* или *ы*.
2) Послѣ *л* звукъ приближается къ *ы*.
3) Слышится то *а*, то *э*.
4) Когда просишь сказать яснѣе, обыкновенно слышишь *и*.

да вдоль пӑ быстрóй;
шта бы вас, ачёски,
сó(а)к*а*(ó)л ни паймáл,
гн*и*здá ни свивал,
гнёзд*у*шка ни вил,
дитéй ни вывадил.
Как братѝц[1]) на братцу
в гости прихадил,
каня п*а*прас*и́*л:
Рад*и́мый* мой братиц,
тавáрищ-прíятиль!
пажáл*эй*[2]) мнѣ каня
съѣздить да силá,
пасматрѣть таргá.
(Брат иму атвичаит:)
— Рад*и́*май(ый) мой братиц,
тавáрищ-прíятиль!
миждý нас с табой(ю) (брáтиц)
двѣ люты́ зм*і́и* —
фсе жóны нáши:
ссóр*ю*тца-бранятца, урикáютца[3]),
а нам с табой, братиц,
нам с табой, ради́мэй(*ай*, *ый*),
ни чесь ни хвала,
бесчéсья нáша,
а мы с табой, братиц,
а мы с табой, рад*и́*мэй(*ый*),
в ладý пажывём
и в*а* саѓлáсь*и*цы.

1) Слабое удареніе.

2) *Э* довольно ясно. Здѣсь окончаніе *эй* на мѣстѣ *ай*, которое замѣнило первоначальное *уй* скорѣе всего морфологически. Это *эй* на мѣстѣ *ай* объясняется чередованіемъ окончаній *ай* и *эй* въ прилагательныхъ.

3) Поясненіе разсказчицы: «Друк дрýга бранят фс*я́*к*а*ми славáми. В бабёнках весь и грѣх идёт».

№ 61.

Пасиди, Дуня, патйрпи[1]) гóря!
Раднóй тя́тинька, насидѣласа,
многа (внóга) горичка натѐрпѣласа[1]),
фсей кручи́нушки напримáласа.
Ис пат кáмушку, камню бѣ́ла(ы)ва[2])
тут тичёт рѣчка, рѣчка бы́страя,
вада чи́стая[3]).
Как на той рѣчки дѣфка мы́ласа;
нá бирик взашла удивиласа.
Как на стрѣ́чу ей данской казачёк,
вёл каня паить —
ни каня паить, а жэ^ину губить.
— Ни губи миня, друк, са ве́чйра,
а загуби́ миня са палу́начи,
када сасѣ́душки спать уля́гутца,
малы дѣтушки приспакóютца.
Как бальшáя дочь ни спала фсю ночь,
малы дѣтушки прасыпаютца(лиса),
сваей матушки (мáминьки) фсё (анѣ) взыскáютца(лиса).
Ты, наш тя́тинька, һдѣ жа маминька?
Ваша маминька в новай гóрницы,
ана бѣлитца[4]) и румянитца[4]):
в гости к мáтири сабйрáитца.
— Ни абмáнавай ты нас, тя́тинька,
наша маминька в зилйны́м саду,
в зилйны́м саду в дубавы́м грабу́,
в дубавы́м грабу́ пад я́блынькаю.

---

1) Послѣ *т* неясный звукъ.

2) Послѣ *л* близкій къ *ы* звукъ.

3) Здѣсь нужно читать съ повтореніемъ предыдущаго полустишія; точно такъ же и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, которыхъ я не оговариваю.

4) *Т* очень слабо, такъ что окончаніе звучитъ почти: *ца*.

Вы ни пла́чьти-ка, дѣти малыя(и),
привиду я вам маладую мать,
я пастрою вам избу нов*аю*.
— Ты умри - умри, лиха(я) мач*и*ха!
Ты сгари-сгари, изба но́в*ыя*!
Ты вастань-вастань, радна ма́минька (матушка)!

№ 62.

Свадьби́шная[1]).

Зборы, вы нашы зборы, зборы дѣвичьи,
збе́(*и*)ра́ла Паладе́юшка фсѣх сваéх падру*к*
[к сибѣ в дом,][2])
сажала падру́к за дубо́в*ай*(эй) стол[3]),
сама та сади́ласа вышы фсѣх,
задумала ду́мушку крѣ́п*шы* фсѣх:
Ну (уш) как *жа* мнѣ ви*дь* *б*удит быть
ва чюжы́х лю́дях?
Уш как *жа* мнѣ бу́д*и*т назвать
свё́кра—тя́т*и*нькāй,
свикро́*ф*ь назаву[4]) ма́м*и*нька,
зало́(в)уша(*ы*)к наза*в*у́[4]) систри́цами,
ди(*е*)ви́(*е*)рьёф[5]) наза*в*у́[4]) бра́тц*а*ми[6]);
спи(е)си́ го́рдасти убавлю,
уму́-ра́зуму прибавлю.

---

1) «По нашему говорятъ: *вôютъ*, или *пла́чутъ* эти пѣсни».

2) Прозаическая поясняющая вставка?

3) «Это ужъ такъ поется, хоть и не дубовый. У насъ вонъ столъ—его бросить только».

4) *В* почти не слышно. Это чисто губной звукъ: *w*.

5) При произношеніи по слогамъ слышится *е*.

6) Звукъ послѣ *ц* ясный при произношеніи по слогамъ и неясный при обыкновенномъ произношеніи.

№ 63.

Величальная пѣсня женатому.

Си́зэ(а)й голупь, си́зэ(а)й голупь,
што Васи́лій гаспадин;
и(е[ъ])во си́*зая* галу́бушка—Зинаи́душка.
Саи*ж*жялиса бая́р*ы* фсѣ тава́рищи иво́ (или: јиво),
дивава́лис, любава́лис
на Васи́льиву жыну [1]):
Эка да́ма, эка да́ма, малади́ца хараша́ [2]).
Я бы лѣтам (я бы лѣтам) ва каля́сачки вазил,
а зимо́ю я на ла́кавых саня́х,
на була́нэх лашыдя́х.
Пріуда́рьти рибя́т*ы* па була́нэм лашыдям,
штобы ши́пчи шли —
маладу жыну [3]) визли́ (ве*з*ьли)
свѣт Зинаидушку,
мало́диньку харо́шиньку [4]).

№ 64.

Величальная пѣсня холостому.

А хто у нас хо́лас
да хто нижына́т*ый?*
Василій у нас хо́лас,
Ильич нижына́тый.
Задумал жыни́тца [5]) —
ти(ё)мна́ ноч ни спитца.

---

1) *Ы* неясно.

2) «А какая дама: медвѣдь испугается. А сидитъ важничаетъ!»

3) *Ы* не очень ясно въ обыкновенномъ произношеніи, но при медленномъ, по слогамъ — ясное *ы*.

4) «Сидитъ модничаетъ: рыла карытомъ деретъ» (та, которую величаютъ).

5) *Ы* при произношеніи по слогамъ, а то слышится: ӗ, или *е*[ъ].

На каня сади́тца,
пад ним конь бадри́тца.
Он лугами ѣдит —
луга *зилин*ѣ́ют[1]);
он садами ѣдит —
сады расс(сь)витáют[2]),
гру́ш*а* сазривáит,
на фся́кай на вѣ́тки
пают к*и*нарéйки.
Ка двару́ падъиж'жя́ит —
мáминька фстричя́*ит*.
Здрáств*ый*[3]), мой сынóчик,
я́сн*ый*(ай)[4]) сакалóчик;
бис тибя́, сынóчик,
завя́*л* весь садóчик,
стикля́нн*ыи* двери
фсю ночь праскрипѣ́ли.

№ 65.

Величальная пѣсня вдовъ.

Вы, сирёшки, сирёшки маé,
вы, сирёшки *з*имчю́жн*ы*е,
пависити малёх*ы*ньк*а*,
пака(уда) я маладёхынька...[5])

---

1) При произношеніи по слогамъ ясно *и*.
2) Твердые или мягкіе звуки *сс* не ясно; казалось и какъ будто бы: *съсь*?
3) См. № 60, примѣч. 2 на 111 стр., гдѣ сходное явленіе.
4) Или неопредѣленный звукъ; можетъ быть: *ѳй*?
5) Не знаетъ всей потому, что пѣсня рѣдко поется до конца. Дастъ пѣвицамъ деньги, скажетъ: «ладна уш ни вя́кайти» (о плохомъ пѣніи), и тѣ прекратятъ.

№ 66.

Загадки.

а) Литѣл пан, нá ваду пал,
вады́ ни взмути́л и сам ни патóп.

Отгадка: листок з дере́ф.

б) Литѣла тѣнь на Питрóф день,
(и) сѣла тѣнь на *и*лóвай пень
(и) стала тѣнь патитéнька*в*ыть[1]).

Отгадка: кóсу бьют.

№ 67.

«Прибаутки».

I. Пи́шэт-пи́шэ(ы)т мой радит*и*ль,
пи́шэт-пи́шэт тя́т*и*нька раднóй:
Прii*и*(ѣ)ж'жя́й, сынóк, дамóй
на машы́н*и* паравóй!
А сынóк *и*му́ в атвѣ́т:
На дарóгу дéн*и*к нѣт.
Прадáй, тя́т*и*нька, карó*у*,
пришли́ дéн*и*к на дарóгу;
прадáй, тя́т*и*нька, афцу́,
пришли́ дéник малатцу́;
прадáй, тя́тинька, сабáк,
пришли́ дéн*и*к[2]) на табáк.

II. Бу́д*и*т-бу́д*и*т палитáла
за маря́ми птáш*ы*чка:

1) Это слово произнесено по слогамъ.

2) Звукъ *и* въ подобныхъ случаяхъ очень послѣдовательно. Во Владим. г. (Покров. у. и др.) обыкновенно дéняк.

будит - будит пагуляя[1])
я с табой милашычка.

III. Лут(ч)чи пьянаму напитца,
чѣм чирёзваму хадить:
лу(ч)чи в мори утапитца,
чѣм карявою любить.

IV. Хади милый(ай) пиридом[2]),
а я тибѣ грудью,
пуш'шяй люди гаварят,
што я тибя люблю.

V. Ты, милашычка мая,
жди (ж'ди?) па осини миня:
ни з гульбы ни с волюшки[3]),
са салдацкый[4]) долюшки.

VI. Как на ёлки на јили
дѣф'ки драку завили.
На самы(а)й макушъки
дирутца лигушки[5]).

VII. Ты, милашычка мая,
чѣм ты набилиласа[6])?
Я кароушку дайла
малачком умыласа.

VIII. Уш ты миня ни дагониш,
а я тибя даганю;
уш ты миня ни павалиш,
а я тибя павалю.

---

1) Послѣ я звукъ задняго ряда.
2) Иногда говорилъ по слогамъ.
3) Воля = отхожій промыселъ. Такъ и во Владим. губ. (Юрьев. у.).
4) Произнесено по слогамъ.
5) Но при негромкомъ произношеніи кажется: $e^{ш}$.
6) Послѣ б какъ будто бы звукъ, близкій къ $e^{и}$?

IX. На пи́чи́ я малати́ла,
на пала́ти вѣ́ила.
Никаму́ я нискажу́,
што я до́ма дѣла́лă.

X. Када была малада,
тада была рѣ́зва —
паставила скаме́ичку,
сама на́ пич влѣзла.

XI. Вы ни бе́йти миня,
ни руга́йти миня,
э́жли я вам надаѣла,
тò[1]) атда́йти миня.

XII. Ми́ма о́кан, ми́ма стѐкал
прали́та́л Ваню́шка со́кал.
На нём фа́ивай(ый)[2]) картус —
наших дѣвак ни канфусь.

XIII. Мой ми́лай(ый, эй) тус
уранил картус,
а я го́риньку вила[3]),
картус паднила́.

XIV. Ми́лый(эй), ми́лый(эй), ми́лый(эй?) мой,
ми́лэй наричѐнный(эй),
пасидика ты са мной
да зари вичѐрьнiй.

XV. Картошку капал —
в нишьшя́сья(и)[4]) папал.

1) Слабое удареніе.
2) Слышится звукъ близкій къ ы.
3) По мѣстному объясненію: *го́риньку вила* = горе горевала.
4) Когда говоритъ скоро, произноситъ *и*: при медленномъ произношеніи, по слогамъ: *я*.

XVI. Урадиса хлѣп в аглόблю,
а картόшка ф кале(й)сό[1]).

XVII. Анютка мая грихавόдница,
фсе(и)ю́[2]) ночь праспала́ ни рабόтница.

XVIII. Ты, мила́шка зря́чія,
тибя любить ни для (такъ!) нидля́чивд[3]).

XIX. Салавей, салавей,
залётны(ă)я[4]) пташка,
раскажы салавей,
ђдѣ жывёт милашка.

XX. Накрόй гόлау[5])—праступиш,
скажы шэльма: каво любиш.
Ты ли миня, я ли тибя иссушыла,
иссушыла извила.
Пайдём, милка, ф сат, зилёнай(эй),
разарвём платόк дарёнэй.
Ты ли миня...
На гарѣ[6]) стаит аптека:
любόф сушит чилавѣка.
Ты ли миня...
Как на горки на гарѣ
ёлычка[7]) сагну́лас.
Ты ли миня...

---

1) Звукъ й неясно. Самъ совѣтуетъ писать и.
2) Мнѣ слышится е; онъ совѣтуетъ писать и.
3) О съ слабымъ удареніемъ.
4) Слабый звукъ, близкій къ ы или а. Онъ говоритъ, что написалъ бы здѣсь а. Въ скоромъ произношеніи близко къ: залётнэя.
5) Или очень слабое в, т. е. w.
6) Г здѣсь и во всѣхъ другихъ случаяхъ у разсказчика равно G.
7) Совѣтовалъ написать ы.

XXI. Мы зароимса ф саломку,
и не на́йдют нас;
хать и на́йдют нас —
што жа вам да нас,
кагда празничик у нас? [1])

№ 68.

Па́ша, а́ндил нипаро́чнай,
ни рапчи́ на Бо́ħа ты:
па ħриха́м мае́м дасто́йным
мае́й нака́занай руко́й,
жы́зни че́снай нипаро́чнай
мае́й нака́занай руко́й (такъ!).
Доч малю́тку дарагу́ю,
наве́к аста́вил сирато́й.
Доч! аста́фь сваė жылйшше [2])
низаме́тна ат людей;
ступа́й на бпшьшія(іе) кладби́шьши(я,е)
к маги́ли ма́тири свае́й;
фстань прид не́ю на кале́ни,
чи́ста а́ндильскай душо́й,
запла́ч го́рькими слеза́ми,
малитву тёплаю прано́й.
В э́(е́)тай пла́минай мали́тви
ни забу́ть праси́ть Тварца́,
што бы́(п) прасти́л за преступле́нье(я) [3])
сваво́ нишьшя́снава атца́

. . . .

1) Прибаутка XXI неизвѣстно отъ кого записана: отъ мальчика или его матери.

2) *Е* ясно. Самъ говоритъ, что на концѣ написалъ бы *я*. Ср. слѣдующую риему.

3) *Я* просилъ выговаривать ясно.

№ 69.

Сказка о зайчикѣ.

Жыл старик са старý*хай*. У них бы́ла (бы*л*а́) каза. Анѣ на́нили мальчика пась ко́зу. Приходит ана дамой. Старик начи (я?)л ијо́ спрашывать: Ко́зынька, пила́-ли ты-ѣла? Каза гаварит: Нѣт, дѣ́душка, ни пила и ни јѣ́ла (j слабо). Старик прагнал ма́льчика́ [1]). Стал сам он *і*ё пась. Напаил и накармил он *і*ё; пагнал дамой *і*ё и забижал напирёт и спрашыв*а*т: пила или ѣла ко́зынька? Ана атви*чяи*т: Ни пила и ни јѣ́ла (j слабо). Старик на *і*ё сказал: вреш. Сказал он старý*х*и: Нада іё зарѣзать. Паймали іё. Стал старик іё рѣзать, ткнул ей нажом в бок, ножык слама́лся. Пабйжа́л ф кузницу дѣлать. Каза сарвалас са двара и паби*ж*а́ла в лѣс. Вдрук пападáитца *лидин*а́я избушка. Гл*иди́*т каза в ако́шка, гл*иди́*т ни каво нѣту, пры́гнула в акно и на печку. Вдрук зайчик идет и пла́*чи*т: Хто в за́инькинай избý*шки* [2])? — Я, каза-би*ри*за́, за три гроша кý*пли*на, палбака́ лý*пли*па; тапу-тапу нагами, запарю тибя рагами, капы́тцами [3]) задавлю́, хвостикам замиту́. Заинька заплакал, пабижа́л давай Бох ноги [4]). Пападáитца (*т* оч. слабо) *иму́ ми*двѣть: Што за́инька плачиш? — Как жа мнѣ ни плакать: у миня каза-бириза́. — Пайдём [5]) вы́ганю. — Пайдем. — Хто в за́инькинай избý*шки* [6])? — Я, каза-бириза́... М*и*дв*и*дю́ давай Бох ношки. Идет п*и*тушо́к. Што ты, за́инька, плачиш? — Как жа [7]) мнѣ ни пла́кать: у миня каза-бириза́. — Пайдём выганю. Ндѣш тибѣ вы́гн*у*ть (такъ!): у миня м*и*двѣть выгани́л, да и то не вы́гн*ул*. Пришли анѣ кызбý*шки*. Питушо́к сѣл на̄кно (на́акно́, наакно́) и запѣл: кукурику. Каза бряк с печ*ки*. Вы́тащили анѣ казý

1) Оч. слаб. удар. на концѣ и растяжка.

2) *К*, несмотря на то, что онъ почти неграмотный.

3) Т слабо, почти капыцами и въ другом случаѣ также слышалось.

4) *Г* при неграмотности.

5) *Пайдём* вм. *падём* — тоже городской, не деревенскій элементъ въ рѣчи разсказчика.

6) *Іота* (j), кажется, нѣтъ.

7) Неясный звукъ *а*°, не *а*. Казалось даже, что звукъ приближается къ *е*.

изызбы. Зайчик и гаварит: Давай са мной, питушо́к, жыть. Питушок и гаварит: Мнѣ там барин до́лжы(э)н [1]). Прилитѣл на крышу и закричял: Барин-барин, аддай мае́ жырёнки; ни аддаш мае́ жырёнки — схажу на гала́нку [2]). Барин услыхал: Што, гаварит, за чю́да? Апя́ть питу́х та: Барин... Барин гаварит: Паймайти бросьти иво в воду. Он в вадѣ: Лунь-лунь, вы́пій воду. Лунь выпила воду. Апять: Барин-барин... Барин и гаварит: Бро́сьти иво́ вагóнь. Бросили иво вагонь. Он вваґнѣ (двойное в слабо): Лунь-лунь, залей агонь. Лунь залила агонь. Барин и гаварит: Паймайти jиво (j слабо). Паймали иво́, зарѣзали иво, зажарили иво, пада́ли барину кушать. Барин фсё съѣл. У ниво в жыватѣ закричял: Барин-барин... Барин испугался: Што дѣлать тапе́ричя (типе́ричя)? Слу́гам он наказа́л: Как пайду́ я на двор, бу́дит он вылиза́ть, вазьми́ти тапор и атруби́ти иму го́лау. Па галавѣ та нипапали: жопу палавинку атрубили. Барин у́мир, а питу́х жывой аста́лса [3]).

III.

Замѣтки о народныхъ пѣсняхъ.

1. Гдѣ сложена народная пѣсня?

Всматриваясь въ обстановку, въ которой происходитъ дѣйствіе народной пѣсни, въ свойства лицъ, о которыхъ она поетъ, мы находимъ множество указаній на то, что народная пѣсня первоначально явилась среди высшаго грамотнаго сословія народа, въ населенныхъ центрахъ русской исторической жизни. Подобныхъ указаній мы найдемъ немало даже въ томъ небольшомъ и случайномъ собраніи пѣсенъ, которое здѣсь напечатано. При этомъ мы будемъ брать свои примѣры только изъ тѣхъ пѣсенъ,

---

1) Неясный звукъ; слышится то близкій къ ы, то къ э.

2) Значенія объяснить не можетъ.

3) «Забыл кбе слово», говорилъ разсказчикъ о своей передачѣ сказки.

которыя считаемъ народными. Такихъ пѣсенъ у насъ, до 65 № включительно — 47. Почти всѣ ихъ мы считаемъ не крестьянскими. Приведемъ въ подтвержденіе этого доказательства.

Лица, дѣйствующія въ пѣсняхъ, принадлежатъ къ высшимъ сословіямъ по тѣмъ чертамъ въ содержаніи пѣсенъ, изъ которыхъ можно видѣть ихъ жилища, убранство жилищъ, одежды мужскія и женскія.

Пѣсня поетъ о людяхъ, живущихъ въ горницахъ (№ 35, № 61: новая горница), теремахъ (№ 34, № 43: высокій теремъ), сѣняхъ (№ 37, № 16: сѣни новыя кленовыя, рѣшетчатыя), гдѣ новыя ворота (№ 51), стеклянныя двери (№ 64). Въ домѣ дубовые столы (№ 33, № 62, гдѣ въ сноскѣ любопытно данное разсказчицей пѣсни примѣчаніе къ тексту о томъ, что у нихъ столы не такіе, плохіе), комоды, сундуки (№ 37, № 41), клѣтки для птицъ съ серебряными рѣшетками (№ 25), кровати (№ 14, № 18, № 24, № 28, № 31). На кроватяхъ постели (№ 22), мягкія пуховыя перины (№ 22, № 24, № 41), пуховыя подушки (№ 22, № 52), соболиныя одѣяла (№ 22, № 52). Сундуки запираются золотыми ключами (№ 37). Экипажами служатъ коляски (№ 63), лаковыя сани (№ 63).

Мужчины носятъ черныя шляпы (№ 26), золотые перстни (№ 22, № 52), золотыя трости (№ 37); ихъ одежды шьются изъ аглицкаго сукна (№ 37), они хорошо скроены и не стѣсняютъ движеній (№ 37); молодцы заботятся о своей внѣшности: причесываютъ кудри частымъ гребешкомъ (№ 60), стараются, чтобы онѣ хорошо прилегали къ бѣлому лицу, къ румянымъ щекамъ (№ 46). Дѣвушки украшаютъ себя серебряными, жемчужными серьгами (№ 18, № 65), вплетаютъ крупный жемчугъ въ косу (№ 39, № 42); носятъ шелковые пояски (№ 17), туфельки (№ 21), чулочки (№ 21); ихъ шубы обложены бобромъ (№ 23). Дѣвушка-невѣста имѣетъ такъ много пожитковъ, что ихъ везутъ къ жениху на двухъ корабляхъ (№ 41). Дѣвушки и женщины бѣлятся и румянятся (№ 40, № 61), также употребляютъ «сурмины» (№ 40). Это и теперь еще удержалось въ нѣкоторыхъ уѣзд-

ныхъ городахъ великорусскаго центра въ средѣ купцовъ и богатыхъ мѣщанъ. Есть и у крестьянъ (напр., въ Вологод. губ.), но къ нимъ перешло отъ высшихъ сословій. Платокъ, которымъ машетъ дѣвушка изъ окна своему милому, встрѣчается въ пѣснѣ, повидимому, болѣе новой и, судя по слову руда, м. б., южной? (№ 53). Въ пѣснѣ № 44 находимъ замѣчательный фактъ: женщина *танцуетъ* подъ игру на гусли; въ № 20 дѣвушка *пишетъ письмо* милому, у ней есть вѣрные *слуги*, съ которыми она его отсылаетъ. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка грамотность дѣвушки, даже принадлежащей къ дворянскому кругу, вызывала изумленіе. Г-жа Простакова говоритъ: «Вотъ до чего дожили. Къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!» (*Соч. Д. И. Фонвизина*, Спб., изд. Маркса, 1893, стр. 61). Если и нужно предположить для этихъ пѣсенъ болѣе позднее происхожденіе (Петровскія и послѣ-петровскія времена), то никакъ нельзя ихъ считать крестьянскими и деревенскими. Въ пѣснѣ № 41 говорится, что дѣвушка живетъ у родителей въ волѣ и нѣгѣ, что едва ли было возможно у кресть янъ или вообще въ трудящихся сословіяхъ. Въ пѣснѣ № 34 говорится, что дѣвушка хотѣла идти въ монастырь въ игуменьи, а подругъ своихъ взять которую въ прислужницы, а которую во ключницы: для бѣдной дѣвушки изъ низшаго класса желаніе быть первой въ монастырѣ, окружить себя прислугой неумѣстно и странно. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ есть намеки на самостоятельность чувствъ и положенія женщины, что могло быть вызвано только развитой общественной жизнью большого города: дѣвушка не слушаетъ отца, спотѣшаетъ молодца (№ 16); женщина не хочетъ поднять шляпу мужу, покориться ему на умѣ у ней нѣтъ (№ 26); невѣстѣ не хочется привыкать къ уму-разуму, къ спеси-гордости жениха (№ 46). Покоряться, примѣняться къ праву мужа приходится, но это не одно подчиненіе деспотизму мужа и его семьи, но также слѣдствіе воспитанности. Это разумность образованнаго сословія, которая требуетъ уступчивости при всякихъ новыхъ и сложныхъ отношеніяхъ къ людямъ;

нужно ума-разума прибавить, спеси-гордости убавить (№ 46, № 62).

Въ пѣсняхъ мы нерѣдко видимъ мало стѣсняемыя отношенія молодыхъ людей, также нерѣдко простое сожительство съ свободной дѣвушкой: № 29, № 30, № 51; № 15, № 18, № 21, № 22, № 24, № 29. Преданныя подруги какова, напр., Саша въ № 51 еще недавно, въ шестидесятыхъ годахъ восхищали русскую критику (Добролюбовъ о Дунѣ въ «Бѣдной невѣстѣ» Островскаго), о нихъ мы найдемъ и въ мемуарахъ XVIII вѣка («Записки майора Данилова»). Конечно, возможность, повторяемость, установленность этихъ явленій должны были имѣть мѣсто только въ большомъ богатомъ городѣ, среди аристократическихъ мо́лодцевъ, которыя при томъ имѣли средства для щеголихъ, разорявшихъ ихъ (№ 21, № 25). И та любовь, которая не предосудительна и не запрещена, обрисовывается такими чертами нѣжности и страсти, которыя понятны намъ только относительно городскихъ жителей (№ 44, № 45). Исключительно въ высшемъ классѣ стараго общества жена могла говорить о рожденіи мужу сына *грамотея*, а дочери *златошвейки* (№ 44), исключительно въ немъ умѣстно сказать, что дѣти хотятъ учиться (№ 32). Очень неприличная для нашего времени пѣсня подъ № 18 въ концѣ своими сравненіями показываетъ, что она сложилась среди грамотнаго класса.

Пѣсни придаютъ слишкомъ много значенія мужской и женской красотѣ (№ 42, № 63), чтобы отнести ихъ къ простому народу, который не очень высоко цѣнитъ красивое лицо («съ лица не воду пить»).

Черты вѣжливости также отнимаютъ у пѣсенъ характеръ ихъ простонародности. Иванъ, хотя онъ и грозенъ, говоритъ о женѣ: «Если спитъ, не будите ее; а не спитъ, *доложите*, чтобы встрѣтила меня» (№ 37). Бояре краснымъ дѣвушкамъ *низко кланяются* (№ 40). Въ пѣсняхъ говорятъ на *вы* (№ 15, № 43); дѣвушки называютъ пріѣхавшихъ въ обращеніи: *господа*; молодая женщина называетъ свекра *тятенькой*, свекровь — *маменькой* (№ 62), родныхъ — по отчеству, мужа — милый другъ (№ 33).

Такъ не умѣютъ держать себя, такъ не умѣютъ говорить наши крестьяне.

Часто пѣсня прямо называетъ среди дѣйствующихъ лицъ представителей высшихъ сословій: князей (№ 40, № 45), княгинь (№ 38), бояръ (№ 40, № 45, № 63), судей и воеводъ (№ 45), вообще господъ. Такъ въ № 32 встрѣчаемъ названія: маёръ, сударь-баринъ, въ пѣснѣ № 38: бѣлая барыня, въ пѣснѣ № 63: дама, гдѣ опять интересно примѣчаніе разсказчицы къ этому слову. О купцахъ говорится въ №№ 42, 43, 45. Въ пѣснѣ подъ № 47 является самъ бѣлый царь, какъ покровитель народныхъ увеселеній. Пѣсня несомнѣнно пѣлась въ Москвѣ: на это указываетъ обращеніе за судомъ къ самому царю, не къ судьѣ или воеводѣ. (См. замѣтку при варіантахъ этого №). Если мы и встрѣчаемъ названіе крестьянина въ № 40, то вся обстановка пѣсни показываетъ, что здѣсь позднѣйшая подмѣна одного слова другимъ: первоначально пѣли о богатомъ бояринѣ.

Есть указанія на то, что наши пѣсни складывались и пѣлись въ высшемъ сословіи, которое часто отправлялось въ походы на военную или сторожевую службу. Вотъ почему молодецъ часто является съ конемъ или на конѣ (№ 26, № 37, гдѣ говорится и объ одеждѣ удобной для всадника, № 53, № 64): видно, что онъ привычный ѣздокъ-всадникъ; вотъ почему въ пѣснѣ часто поется про долгую разлуку съ милымъ (№ 19, гдѣ прямо говорится, что милый уѣхалъ въ *городочикъ*, т. е. на сторожевую службу, № 20, № 44): эта разлука съ милымъ намъ кажется вообще городскимъ мотивомъ.

Охота—развлеченіе того же сословія. О ней находимъ упоминанія или намеки въ №№: 16, 25 (въ обѣихъ пѣсняхъ говорится о соколиной охотѣ), 23. На людей, занимающихся охотой или войною, указываетъ и сравненіе: «не въ трубушку трубятъ рано по утру» (№ 39). Занятія музыкой (№ 44: игра на гусляхъ, № 25: игра на гитарахъ; множественное число: на гитарахъ показываетъ на позднѣйшую подстановку: гитары вмѣсто гусли) и любовью (№ 25 и др.) принадлежатъ, конечно, людямъ того

же круга. Только они могли ѣздить съ кучерами (№ 63), только имъ свободнѣе разрѣшалось варить пиво, курить вино (№ 16) [1]), только представительница этой высшей среды можетъ ожидать на чужой сторонѣ сахара, винограда, медовой сыты (№ 38).

Конечно, вопросъ о русскихъ пѣсняхъ сложный. Нѣкоторыя очень древни, другія подверглись разнообразнымъ измѣненіямъ; обыкновенно только косвенныя соображенія или догадки могутъ послужить для опредѣленія времени и мѣста сложенія той или другой пѣсни, безъ чего нельзя составить о нихъ основательныхъ сужденій. Не говоримъ уже объ опредѣленіи очень важнаго вопроса: кто сложилъ ту или другую пѣсню или, по крайней мѣрѣ, въ какой средѣ она сложилась? [2]). Но содержаніе большинства пѣсенъ показываетъ, что мы имѣемъ не древнюю ихъ редакцію и что наши пѣсни обработаны въ большинствѣ случаевъ въ средней Россіи въ Московской области.

Въ нашемъ небольшомъ собраніи немногія такія черты можно усмотрѣть также изъ названій животнаго и растительнаго міра. Упоминаются: береза (№ 17, № 30, № 47), осина (№ 30), верба № 36), кленъ (№ 44), груша (№ 64)—граница распространенія которой лежитъ нѣсколько южнѣе Москвы—малина (№ 25), калина (№ 25), земляника (№ 42), хмель (№ 30). Виноградъ (№ 38) долженъ указывать на архаичность пѣсни. Изъ животныхъ называются: боберъ (№ 23; это, конечно, болѣе старая пѣсня), волкъ (№ 17); изъ птицъ: соколъ (№ 42, № 60; его знали какъ охотничью птицу), чечетка (№ 32; почему-то она посажена за рѣшеточку?), соловей (№ 47, гдѣ соловей для какого-то обряда, № 25, гдѣ соловей

1) Крестьянамъ это разрѣшеніе давалось только на большіе праздники 4 раза въ годъ. (См. *Костомаровъ*, Очеркъ домашн. жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол., Спб. 1860, с. 135.

2) И постановка этого вопроса и удачное его рѣшеніе (въ самомъ общемъ видѣ) находится уже у И. Прача въ «Собраніи русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами», ч. I, Спб. 1806: «Въ Россіи сочинители народныхъ пѣсенъ совсѣмъ не извѣстны... По содержанію нѣкоторыхъ изъ нихъ можно догадываться, что сочинители были казаки, бурлаки, стрѣльцы, старыхъ службъ служилые люди, фабричные, солдаты, матрозы, ямщики» (Предувѣдомленіе, стр. IX).

служитъ для увеселенія какъ пѣвчая птица, № 26, гдѣ соловей поетъ въ саду; это и теперь есть въ захолустныхъ городахъ Московской области (Сергачъ, Мещовскъ)), канарейка (№ 51, № 64; эта привозная птичка сдѣлалась любимой въ болѣе позднее время). Обыкновенно въ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ названіе конь (№ 53: вороной конь, № 60, № 87); лошадь рѣдко употребляется въ пѣсняхъ (№ 63; это болѣе новая пѣсня; въ ней женщина называется *дамой*). Названіе конь отчасти архаизмъ, отчасти слово обозначающее лучшую породу животнаго (ср. объ этомъ замѣчаніе крестьянина на стр. 6). Природа средней Россіи видна и въ пѣснѣ подъ № 35 (рѣка течетъ по желтому песчаному дну).

Въ языкѣ пѣсенъ встрѣчаются слова городскія: вѣжливѣе (№ 13) или книжныя: древо (№ 44), чядо (№ 43)[1]).

Въ городѣ, какъ центрѣ разнообразной, свободной и утонченной жизни культурныхъ классовъ общества, развивается русская пѣсня съ ея богатымъ содержаніемъ. Здѣсь слагаются любовныя пѣсни, которыми изобилуетъ репертуаръ русскихъ пѣсенъ. Здѣсь же долго держится и обрядовая пѣсня, вмѣстѣ съ самымъ обрядомъ, что можетъ быть подтверждено историческими доказательствами. Игровая пѣсня, живущая въ народѣ, и теперь указывается иногда не въ крестьянскомъ кругу. Вотъ что говоритъ Г-нъ Герм. Куликовскій въ «Словарѣ областного Олонецкаго нарѣчія» о народномъ танцѣ *черникъ*: «Интересно, что танецъ этотъ почти повсемѣстно главнымъ образомъ въ ходу у мѣстной аристократіи: въ деревняхъ его танцуютъ во многихъ мѣстахъ только поповны, учительницы, купеческая молодежь и разнаго рода служащіе. Въ г. Каргополѣ онъ распространенъ среди купечества, мѣщанъ, хотя и другія сословія города удѣляютъ иногда время на этотъ танецъ, въ общемъ до-

1) Не крестьянскія слова въ пѣсняхъ отмѣчаются, между прочимъ, и Ю. Н. Мельгуновымъ («Русскія пѣсни непосредственно съ голосовъ народа записанныя» М. 1879, вып. I, стр. XXIV), но, по нашему мнѣнію, этотъ фактъ объясняется имъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

вольно интересный, не лишенный красоты и граціи. Въ г. Пудожѣ онъ исполняется даже въ мѣстномъ клубѣ» (Спб., 1898, с. 135).

Въ XVIII вѣкѣ русская пѣсня держится еще въ самомъ высшемъ, придворномъ кругу. «Царствованіе императрицы Елисаветы вѣкъ былъ пѣсенъ. Она сама благоволила снисходить на сію забаву», говоритъ Державинъ (Сочин., 2 изд., т. 7, Спб. 1878, стр. 615). Пѣсенники Чулкова, Новикова, Трутовскаго, Шнора, Прача обращаются въ придворномъ кругу. Еще въ началѣ XIX вѣка въ столичныхъ городахъ поются старыя пѣсни на свадьбахъ, подблюдныя пѣсни на святкахъ, игровыя на пирушкахъ и вообще собраніяхъ молодежи. Въ «*Новѣйшемъ полномъ всеобщемъ пѣсенникѣ*» при пѣсняхъ свадебныхъ говорится слѣдующее: «Обряды, употребляемые при свадьбахъ, бываютъ различны: у Купцовъ, приказныхъ, посадскихъ и ремесленниковъ отправляются свадьбы со многими церемоніями, что будетъ видно изъ слѣдующаго»... (М. 1822, ч. IV, стр. 111). Далѣе идетъ описаніе сватанья и приведены пѣсни, которыя поются подругами невѣсты «по приличію», т. е. соотвѣтственно извѣстнымъ обрядамъ, что и указано при пѣсняхъ. Въ «*Самомъ новѣйшемъ отборнѣйшемъ московскомъ и санктпетербургскомъ пѣсельникѣ*» (М. 1799) свадебныя пѣсни напечатаны съ приложеніемъ свадебнаго обряда. Здѣсь указывается, что «дворянскія свадьбы отправляются безъ всякой почти церемоніи; въ нихъ не бываетъ ни свахъ, ни дѣвичниковъ», ни смотрѣнья, «потому что сочетаваются всегда почти знающіе другъ друга», а сосватываются родителями, родственниками или друзьями. «Напротивъ того въ среднемъ состояніи, къ коему принадлежатъ нѣкоторые дворяне, то есть не богатые, приказные, духовные и посадскіе, слѣдующіе обряды въ употребленіи». . . . Далѣе идетъ описаніе сватанья (стр. 352—353) и приведены пѣсни, которыя поются дѣвушками, тоже съ указаніемъ времени, когда что пѣть, и обрядовъ. Въ концѣ замѣчено: «Въ древнія времена было гораздо больше церемоній при бракахъ, но въ нынѣшнія едва и

сіи исполняютъ. Однакожъ изъ нихъ нѣкоторыя не обходимы; и для того я весь обрядъ написалъ по порядку» (стр. 374). Въ *«Новѣйшемъ всеобщемъ и полномъ пѣсенникѣ»* (Спб. 1819), при очень большомъ собраніи свадебныхъ пѣсенъ (73 №№), тоже отмѣчено, что «въ знатномъ и даже большею частію въ посредственномъ быту не имѣютъ мѣста свадебныя пѣсни». Они печатаются здѣсь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пѣсенъ маловажныхъ, «къ удовольствію простыхъ, а можетъ быть и другихъ особъ». «Случаи», говорится здѣсь, «на каковые каждая пѣсня поется, извѣстны тѣмъ, кои бываютъ часто на свадебныхъ пирушкахъ» (Часть IV, стр. 1).

Обрядовыя и хороводныя игровыя пѣсни также печатаются иногда въ старыхъ пѣсенникахъ съ описаніемъ обряда и игры, которые живутъ еще въ городахъ, но, повидимому, уже забываются. См., напр., *«Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ»*, М. 1822, ч. III, стр. 87—110; *«Самый новѣйшій отборнѣйшій москов. и санктпетерб. пѣсельникъ»*, М. 1799, стр. 333—354. *«Новѣйш. росс. пѣсенн.»*, ч. II, Спб. 1817, стр. 176, 180, 198—204 и др. Даже въ болѣе позднемъ *Пѣсенникѣ* Гурьянова (М. 1835) пѣсни свадебныя и святочныя напечатаны съ объясненіемъ обряда (см. ч. VIII).

Въ *«Новѣйшемъ полномъ всеобщемъ пѣсенникѣ»* (М. 1822) въ ч. III на стр. 97 въ отдѣлѣ «хороводныхъ» пѣсенъ приведена «пѣсня, употребляемая дѣвушками въ *посидѣлкахъ* о выборѣ женихомъ невѣсты»:

Что по гриднѣ Князь,
Что по свѣтлой Князь
Наше солнышко, любимой Князь похаживаетъ...
... .
Не мани насъ, Князь,
Не годай насъ, Князь,
Красно солнышко! ему *барышни* возговорятъ...

Здѣсь видимъ, въ какой средѣ бывали прежде посидѣлки и какому сословію принадлежали дѣвушки, пѣвшія на нихъ пѣсни.

Въ *«Новѣйшемъ всеобщемъ и полномъ пѣсенникѣ»*, Спб. 1819, находимъ при пѣсняхъ хороводныхъ любопытную замѣтку: «Употребляемые при сихъ пѣсняхъ обряды извѣстны всѣмъ хороводницамъ» (ч. IV, стр. 52).

Въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX русская пѣсня хорошо сохранялась при барскомъ дворѣ въ сословіи дворовыхъ, крѣпостной прислуги, отъ которой въ послѣднее время какъ-то брезговали записывать пѣсни, но нерѣдко получали очень хорошіе тексты старыхъ пѣсенъ (Шейнъ, Кирѣевскій). Подтвержденій тому, что дворовые знали много хорошихъ пѣсенъ, любили и умѣли ихъ пѣть, можно найти много, не входя даже въ изученіе спеціальной литературы. Знаменитая няня Пушкина, Арина Родіоновна была, конечно, не исключительнымъ явленіемъ, но типичной представительницей старыхъ служанокъ, сказочницъ и пѣсенницъ. См. также въ «Воспоминаніяхъ» С. Т. Аксакова объ игрищахъ дворовыхъ (Собр. сочин., М. 1900, т. I, стр. 262—263). Въ одной старой искусственной пѣснѣ первой четверти XIX вѣка очень хорошо изображенъ типъ крѣпостного весельчака кучера, мастера пѣть, играть, плясать. Вотъ отрывокъ изъ этой пѣсни:

Кирюшка! научи, какъ въ свѣтѣ веселиться?
Ты ростомъ не великъ и не пригожъ лицомъ;
Скажи мнѣ, какъ возмогъ ты до сего добиться,
Что удалымъ тебя щитаютъ молодцомъ?
Тебя по улицамъ извощики всѣ знаютъ;
Гдѣ ты появишься, тутъ и народу полкъ;
Привѣтствуютъ тебя и шапки всѣ снимаютъ:
Конечно есть въ тебѣ какой нибудь да толкъ.
Скажи, веселый мужъ! какими чудесами,
Лишь только примешься играть ты на гудкѣ,
И кучеръ предъ тобой явится вдругъ съ усами,
И поваръ прибѣжитъ изъ кухни въ колпакѣ?
Всѣ сказочки твои, затѣи, прибаутки,
Которыхъ остроты я не могу понять,
И бутошникъ къ тебѣ придетъ изъ ближней бутки,
И блинникъ, слушая, желаютъ перенять.
Кирюшка! ты всегда со всѣми балагуришь!
Лишь съ козелъ ты долой, ужь на дворѣ кружокъ;
Завидую, что лба ты никогда не хмуришь:
Ты веселъ каждый день, забавной мой дружокъ!

На милость барскую всесильно уповая,
Не знаешь нужды ты и ни какихъ хлопотъ;
Ты пѣсенки орешь, и пляшешь присѣдая,
До тѣхъ поръ, какъ съ лица твоего польется потъ...

(*Новѣйшiй полный всеобщiй пѣсенникъ*... Ч. IV. М. 1822, стр. 207. Тоже: *Новѣйшiй всеобщiй и полный пѣсенникъ*... Ч. VI. Спб. 1819, стр. 132; лишь въ 13 строкѣ вм. затѣи—*затѣйки* и въ 24 стр. вм. твоего—*твово*).

Еще въ первой половинѣ XIX вѣка пѣсня близка къ дворянскому сословiю. Героини Жуковскаго (Свѣтлана) и Пушкина (Татьяна) на Святкахъ гадаютъ при пѣнiи подблюдныхъ пѣсенъ. Въ Москвѣ, въ средѣ купцовъ, пѣсни употребительны еще въ 50-хъ, 60-хъ годахъ, какъ это видно изъ комедiй Островскаго. Въ комедiи «Бѣдность не порокъ» и другихъ дѣйствующiя лица даже говорятъ фразами, взятыми изъ народныхъ пѣсенъ и свадебныхъ причитанiй.

У насъ есть доказательство, что та среда, въ которой складываются и употребляются болѣе новыя пѣсни, не считаетъ наши пѣсни простонародными, крестьянскими. Это доказательство — появленiе особыхъ вульгарныхъ пѣсенъ (обыкновенно сочиненныхъ для оперъ), въ которыхъ изображается настоящiй деревенскiй народъ съ отличающею его первобытною грубостью въ обращенiи, въ понятiяхъ, съ его необработаннымъ языкомъ.

Вотъ, напр., отрывки изъ пѣсни «крестьянской дѣвушки, выражающей по своему чувства любви»:

Мнѣ моркотно молоденькѣ...
Какъ теленокъ за коровой,
Такъ и я за нимъ бреду...
Гдѣ онъ встрѣтится со мною,
Взбударажитъ все нутро;
Мимо пройдетъ, да не взглянетъ,
Какъ морозомъ подеретъ;
Вдоль спины перепояшетъ
Хворостиной, иль кнутомъ(,)
Мнѣ то зачесть и не больно,
Хоть малиной не корми.
А какъ: ну онъ къ ляду скажетъ,

Надоѣла ужъ ты мнѣ,
Какъ проклята лихоманка
Привязалася, отстань!
Тутъ то свѣту я не взвижу,
Рада въ петлю иль на ножъ.

(*Новѣйш. туалетн. пѣсенн.*, Орелъ, 1821, ч. I, стр. 184. Пѣсня эта есть и въ пѣсенникѣ 1780 года, ч. V, стр. 71).

Еще такія вульгарныя пѣсни для характеристики простонародности см. въ томъ же Орловскомъ пѣсенникѣ:

Радость! выслушай два слова:
Гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь?

(Ч. I, стр. 166. Есть и въ пѣсенникѣ 1780 г., ч. I, стр. 190. Это пѣсня изъ оперы «Федулъ съ дѣтьми»).

Съ той поры какъ отвернулся
Мой Антропка отъ меня...

(Ч. III, стр. 236).

Яль не дѣвка, яль не красна?

(Ч. III, стр. 236. Это арія изъ «Дѣвишника или Филаткиной свадьбы»).

Въ слѣдующей книгѣ находимъ замѣчательную попытку передать въ подобныхъ пѣсняхъ особенности народнаго языка: *Русскія пѣсни сочиненныя въ С... Спасскомъ*, Спб. 1805, стр. 48, № 34:

Ахъ! вѣць матушка головушка болить
Ахъ, родзимая, сердецушко сцемить:
Я не знаю, что попритцылось со мной;
Не хоцу я работаць больше съ тобой...

Стр. 51, № 36:

Лушка! ты вцора сманила
Въ первой разикъ предо мной;
Лишъ госцинцыки словила—
Не пришла въ овинъ ты мой...

Стр. 52, № 37:

Мнѣ гурасно молодзенькѣ
Подъ окошецкомъ сидзѣць;
Щемитъ сердце по дзѣтинкѣ;
Мнѣ въ окно тошно глядзѣть...

Вотъ въ какомъ видѣ представлялась въ началѣ XIX вѣка настоящая народная, т. е. крестьянская пѣсня! — Указанныя здѣсь пѣсни имѣли успѣхъ, и вторую изъ нихъ мы находимъ въ пѣсенникахъ 1822 г. (стр. 110, № 227), 1819 г. (ч. VI, стр. 98).

Кн. И. М. Долгорукій пишетъ рядъ такихъ грубоватыхъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ сантиментальныхъ) пѣсенъ изъ крестьянской жизни подъ заглавіемъ: «Гудокъ Ивана Горюна» (*Сочиненія*, т. II, Спб. 1849, стр. 225—241). Нѣкоторыя изъ нихъ мы встрѣчаемъ затѣмъ въ старыхъ пѣсенникахъ (II, Фекла, семъ-ка мы съ тобою; VII, Шелъ пошелъ нашъ воевода).

Мы думаемъ, что приведенныя данныя достаточно подтверждаютъ предположеніе о московскомъ происхожденіи или московской редакціи нашихъ пѣсенъ. При номерахъ 15 и 28 мы привели болѣе подробные московскіе варіанты записанныхъ пѣсенъ. Лицо, ихъ сообщившее, знаетъ много пѣсенъ, которымъ научилось, живя въ Москвѣ, въ модной мастерской, гдѣ вмѣстѣ съ разными романсами пѣлось немало старыхъ народныхъ пѣсенъ, между прочимъ и многія изъ приведенныхъ у насъ,—обыкновенно въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ. Мнѣ указали, что въ 80-хъ годахъ въ Москвѣ, въ модныхъ, швейныхъ и другихъ мастерскихъ, пѣлись слѣдующія изъ записанныхъ мною пѣсенъ: № 1, № 4, № 5, № 9 (навѣрное сказать не рѣшились: можетъ быть, пѣли эту пѣсню, можетъ быть, нѣтъ), № 10, № 11, № 12, № 13, № 14, № 15, № 16, № 18, № 19, № 20, № 25, № 28, № 30. Дальнѣйшихъ разспросовъ я не могъ сдѣлать, потому что имѣлъ подъ руками только эту половину своихъ текстовъ, но и этого достаточно для опредѣленія отношенія нашихъ пѣсенъ къ Москвѣ, великому источнику народной русской поэзіи.

Не очень еще давно въ Москвѣ записывали много хорошихъ народныхъ пѣсенъ. Въ «Великороссѣ» покойнаго П. В. Шейна изъ Москвы находится 34 пѣсни (стр. LIV). Въ «Пѣсняхъ, собр. П. В. Кирѣевскимъ», П. А. Безсоновъ дѣлаетъ очень много указаній на то, что въ Москвѣ поются старинныя пѣсни. См., напр., вып. 9, стр. 75, 184, 190 и др. Приведемъ дословно

важное свидѣтельство П. А. Безсонова о жизни пѣсни въ Москвѣ въ его время и раньше (о чемъ онъ, конечно, зналъ по преданію): «Волны цѣлаго прилива пѣсенъ вносились [въ XVIII вѣкѣ] въ Москву изъ областей, по временамъ, то оттуда, то отсюда; Москва брала на себя редакцію ихъ и примѣненія, Москва имѣла массу «своихъ» пѣсенъ, мѣсторожденныхъ, присныхъ; многочисленныя гульбища оглашались громкою пѣснею; слышалъ пѣсню и видѣлъ хороводы каждый садъ при частномъ домѣ, слышала и видѣла каждая залавочка у воротъ, каждая улица съ переулкомъ и перекресткомъ, каждая площадка, всякая пригородная и загородная луговинка. Уже мы, родившіеся при наступленіи времени суроваго, застали пѣсню и хороводъ тутъ же, на всѣхъ помянутыхъ пунктахъ. Чего же ожидать старше, и, чѣмъ старше, тѣмъ конечно больше? Все, что явилось заразъ при Екатеринѣ въ пѣсенникахъ печатныхъ, все это подготовлено было, жило въ самой московской жизни при Елизаветѣ. Какъ сама она любила народныя пѣсни и сказки, знаетъ, помнитъ, свидѣтельствуетъ письменно каждый. Когда она, между прочимъ, жила въ уединеніи въ Александровской Слободѣ, среди увеселеній охоты, объ Масляницѣ у дворца ея собирались толпы Слободскихъ дѣвушекъ «играть (т. е. разъигрывать, наприм. въ хороводѣ)» и пѣть народныя пѣсни: любительница пѣнія и сама прекрасная пѣвица щедро угощала созванныхъ гостей лакомствами»[1]) (вып. 9, стр. 200).

Въ молодости П. А. Безсонова народная пѣсня еще держится въ высшемъ классѣ общества. «Не можемъ забыть», говоритъ онъ, «впечатлѣній нашей ранней молодости, какъ старикъ Д. Н. С—въ, человѣкъ въ высокой степени почтенный, лучшихъ сферъ нашего общества, семейный, литературный, богатый, пѣвалъ намъ эту «Каинову» пѣсню («Не шуми, мати, зеленая дубровушка») одушевленнымъ и растроганнымъ голосомъ, съ пылавшими взорами» (*Пѣсни*, *собр.* П. В. Кирѣевскимъ, вып. 9,

1) Здѣсь ссылка на статью того же автора въ «Молвѣ» 1857 года. См. также «Великороссъ», стр. 274, № 965.

М. 1872, стр. 73). См. также вып. 10, стр. 362—363, гдѣ говорится о сохраненіи народныхъ пѣсенъ въ дворянскихъ семьяхъ Московской и смежныхъ съ нею губерній. Важныя указанія мы находимъ также у Кохановской («Русская Бесѣда», 1860, II, стр. 71, 107).

Подтвержденіемъ того, что многія народныя пѣсни обязаны своимъ происхожденіемъ Москвѣ и высшимъ классамъ общества, служитъ перенесеніе пѣсни въ Петербургъ вмѣстѣ съ переселеніемъ туда двора и знати. Переносится не только пѣсенный матеріалъ, но и, такъ сказать, самое творчество. Многія пѣсни складываются въ Петербургѣ, на что указываютъ собственныя названія или обстановка. Таковы, напр., слѣдующія 5 пѣсенъ въ «*Новомъ и полномъ собр. россійскихъ пѣсенъ*»:

Какъ во городѣ во Санктпитерѣ,
На проѣзжей славной улицѣ,
На противу двора гостинова,
У Милютина да на фабрикѣ... (Ч. I, стр. 188).
Какъ во городѣ во Санктпитерѣ,
Что на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ... (Ч. I. стр. 182).
На восходѣ красна солнышка,
На закатѣ свѣтла мѣсяца... (Ч. III, стр. 70).
Прощай славный Петербургъ,
Тѣсенъ сталъ въ тебѣ нашъ духъ... (Ч. III, стр. 135; пѣсня ненароднаго склада).
Еще какъ того тошнѣе,
Да кто кого любитъ... (Ч. III, стр. 134).

Затѣмъ петербургскія пѣсни мы находимъ и въ другихъ пѣсенникахъ. Таковы:

Я жила была у матушки догадлива дитя;
Не пускала меня матушка на улицу гулять...

(*Новѣйш. росс. всеобщ. пѣсенн.*, ч. I, М. 1803, стр. 265).

У воротъ дѣвка стояла,
Рукавомъ дѣвка махала...

(*Новѣйшій туалетный пѣсенникъ*, Орелъ, 1821, ч. III, стр. 143).

Не бѣлые снѣжки въ полѣ забѣлѣли...

(Тамъ же, ч. III, стр. 174. Здѣсь послѣдняя строка: «А останется

онъ въ Петербургѣ» указываетъ на петербургскую редакцію пѣсни).

Съ Нѣвы вѣтры понавѣяли,
Незваные гости на дворъ въѣхали...

(*Новѣйш. всеобщ. и полн. пѣсенн.*, Спб. 1819, ч. IV, стр. 7).

Въ саду дѣвки гуляли,
Калина моя, малина моя!
Въ саду красны гуляли,
Калина и проч.
Цвѣтки сорывали вѣнки совивали,
Во Неву рѣку бросали.
Кто вѣнокъ поймаетъ,
За тово за мужъ пойду.
Гдѣ ни взялся молодчикъ
Изъ суровскаго ряду:
Разувался, раздѣвался,
Во Неву рѣку бросался;
Какъ вѣночикъ то далѣ
Молодецъ-то вѣдь тонетъ;
Какъ вѣнокъ повернулся,
Молодецъ захлебнулся. (Тамъ же, ч. IV, стр. 57).

Пѣсня похожа на изложеніе дѣйствительнаго случая. Петербургское ея происхожденіе указывается какъ названіемъ рѣки, такъ и ея свойствами. Петербургскій же элементъ слово «суровской» (въ средней Россіи намъ его не приходилось слышать). Въ понятіяхъ и нравахъ двухъ дѣйствующихъ лицъ есть элементъ рыцарства, который могъ существовать только въ очень культурномъ обществѣ. Вѣроятность петербургскаго происхожденія много увеличивается тѣмъ, что пѣсня является въ ряду другихъ петербургскихъ, но, разумѣется, приведенныя соображенія не рѣшаютъ вопроса окончательно: дѣйствіе и составленіе пѣсни могло происходить и въ другомъ мѣстѣ, напр., на Двинѣ.

На петербургскую редакцію указываетъ слово Фонтанка въ общеизвѣстной пѣснѣ «Чижикъ». Въ «*Великороссъ*» Шейна въ одной свадебной пѣснѣ встрѣчается Нева (№ 2144, Калязинскій у.). Въ «*Великор. народ. пѣсн.*», изданн. академ. А. И. Соболевскимъ, Нева, Петербургъ встрѣчаются часто (См. Указатель собств. именъ).

Иногда въ старыхъ пѣсенникахъ пѣсни прямо отмѣчаются какъ «петербургскія». Съ такой отмѣткой мы встрѣчаемъ, напр., слѣдующія пѣсни: «Подлѣ рѣчки трава росла» (*Самой новѣйш. отборнѣйш. московск. и санктпет. пѣсельникъ*, М. 1799, стр. 157), «Ты почувствуй дорогая» (Тамъ же, стр. 309), «За горами, за долами» (*Новѣйш. туалет. пѣсенн.*, Орелъ, 1821, ч. I, стр. 181).

Есть и въ нашихъ пѣсняхъ, повидимому, не московскія черты, но онѣ не такъ рѣзки и могутъ получить удовлетворительное объясненіе, иногда отклоняющее, иногда ослабляющее предположеніе о заимствованіи. Послѣднее, конечно, было, и въ очень большихъ размѣрахъ, но характерныя мѣстныя черты принесенныхъ въ Москву пѣсенъ здѣсь сглаживались и теперь ихъ очень трудно подмѣтить. Такъ пѣсня подъ № 27 по всей обстановкѣ, по дѣйствующимъ лицамъ — крестьянская и южная. «Самарина рѣка» можетъ еще не опредѣлить мѣстности, потому что географическія названія пѣсенъ вообще не надежны, но въ пѣснѣ домъ называется по-южному: хатой. Впрочемъ, точное изображеніе крестьянской жизни не говоритъ еще безусловно за сложеніе ея крестьяниномъ. Нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы пѣсню сложилъ городской пѣвецъ, которые тогда, конечно, хорошо знали народную жизнь. Да и въ самой Москвѣ, вѣроятно, долго сохранялся по окраинамъ тотъ образъ жизни, который воспроизведенъ въ пѣснѣ. Крестьянскимъ бытомъ отзывается и 2-ая половина пѣсни подъ № 60, но съ этимъ бытомъ несогласно то, что одинъ братъ не имѣетъ лошади и проситъ ее у другого, притомъ проситъ въ вѣжливой формѣ («пожалуй мнѣ коня») и для того, чтобы «посмотрѣть торга́», что естественнѣе предположить для купца; онъ хочетъ «съѣздить до села»: значитъ, онъ живетъ не въ селѣ, но въ городѣ (или въ деревнѣ). Въ № 41 дѣйствіе происходитъ на крутомъ славномъ берегу судоходной рѣки, но и Москва-рѣка въ старое время была судоходна, тѣмъ болѣе тогда, когда разливалась «вешняя вода». Въ № 44 прямо говорится, что милый «съ Москвы» ѣдетъ, но такъ какъ пѣсня записана

нами не въ Москвѣ, то это указаніе на мѣстность можно считать позднѣйшей подстановкой.

Говоря о роли города въ развитіи народной пѣсни, нельзя оставлять безъ вниманія того положенія, которое занимали города въ старой русской жизни. Городъ часто былъ только мѣстомъ администраціи, суда, торга, крѣпостью. Центромъ оживленной жизни и дѣятельности были боярскія, позднѣе дворянскія, усадьбы, гдѣ отправлялись церковные, семейные и народные праздники. Въ обстановкѣ боярскаго двора, помѣщичьей усадьбы, такъ же какъ и въ городской, развивалась русская пѣсня. Этого нельзя опускать изъ виду при изслѣдованіи вопроса о ея происхожденіи и развитіи [1]). Только при этомъ условіи, при бракѣ, заключенномъ въ боярскихъ и дворянскихъ семьяхъ, живущихъ не близко другъ отъ друга, намъ будетъ понятно сохраненіе тѣхъ пѣсенъ, въ которыхъ говорится о выходѣ замужъ въ чужую сторону (№ 38, № 47).

Я не могу, конечно, въ небольшой, наскоро исполненной работѣ, взявши для изслѣдованія ограниченный матеріалъ, разъяснить какъ слѣдуетъ намѣченные вопросы. Но насколько я успѣлъ познакомиться вообще съ русской пѣсней, у меня составилось убѣжденіе о некрестьянскомъ ея происхожденіи [2]). Если при изу-

---

1) За указаніе на эту важную сторону вопроса я долженъ поблагодарить многоуважаемыхъ академиковъ В. И. Ламанскаго и А. И. Соболевскаго.

2) Эта мысль высказана еще давно К. Д. Кавелинымъ въ статьѣ «Бытъ русскаго народа» (рецензія на книгу Терещенка). Обративъ вниманіе на названіе молодыхъ «княземъ» и «княгиней» и на сходство лицъ, составляющихъ свадебный поѣздъ, со штатомъ лицъ, служащихъ при княжескихъ дворахъ, онъ говоритъ слѣдущее: «Многія свадебныя пѣсни, сохранившіяся теперь въ простомъ народѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сложены и пѣлись сначала на боярскихъ и княжескихъ свадьбахъ. Богатство, роскошь, упоминаемыя въ нихъ, могли быть дѣйствительностью между одними высшими, зажиточными сословіями, и только идеаломъ, мечтой для простого народа. Да вѣроятно, и не однѣ свадебныя пѣсни такъ произошли. Многія изъ тѣхъ, которыя теперь поются одними крестьянами, носятъ на себѣ слѣды стариннаго боярскаго и княжескаго житья-бытья. При всей безыскуственности, наши пѣсни, особенно старинныя, представляютъ что-то полное, обдѣланное со тщаніемъ, законченное. Онѣ цвѣтъ, результатъ извѣстной, хотя и ограниченной младенческой цивилизаціи; этого

ченіи обширныхъ собраній академика А. И. Соболевскаго, П. В. Шейна встрѣтятся чисто крестьянскія пѣсни, то несомнѣнно большинство ихъ указываетъ совсѣмъ на другую среду. При этомъ пѣсни Шейна имѣютъ болѣе крестьянскій характеръ, такъ какъ записывались часто отъ крестьянъ; пѣсни, изданныя академикомъ Соболевскимъ, имѣютъ болѣе книжный и городской характеръ, такъ какъ въ основѣ ихъ часто находятся тексты, взятые изъ старыхъ московскихъ пѣсенниковъ, а мы уже видѣли примѣры (см. стр. 67 и 80), какъ много отличается хорошо сохранившаяся московская редакція отъ крестьянской. Въ полныхъ варіантахъ гораздо лучше вырисовываются основныя черты пѣсенъ. Въ сборникахъ пѣсенъ отдѣльныхъ мѣстностей, конечно, уже есть мѣстное приспособленіе пѣсни, но отраженіе жизни городского и высшаго класса обыкновенно не стирается въ нихъ совершенно. Такъ у Пальчикова не крестьянская обстановка, бытъ, понятія видны въ пѣсняхъ подъ №№ 1, 9, 14, 17, 18, 26, 117 и др. У Смирнова (А. Смирновъ *Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губ.*, М. 1847) не крестьянскія пѣсни въ I отдѣлѣ №№ 5, 7, 16, 25, 35 (замѣчательны 6 строкъ въ концѣ), 48 и др., во II отдѣлѣ №№ 3 (стр. 111), 7, 9, 10. Приговоры дружки, приведеные здѣсь (стр. 173 — 186) ясно показываютъ, что они перешли въ народъ изъ роскошной обстановки богатыхъ боярскихъ домовъ. Въ Пѣсенникахъ Новикова 1780—1781 годовъ московская редакція, на нашъ взглядъ, очевидна. Не говоримъ уже о пѣсняхъ, въ которыхъ отражается бытъ богатыхъ горожанъ [1]). Но при условіяхъ старой московской

нельзя не замѣтить. Многія изъ нихъ должны быть сложены въ теремахъ, хоромахъ, и даже вѣроятно, что онѣ тамъ сложились» (К. Д. Кавелинъ, *Собраніе сочиненій*, т. IV, Спб. 1900, стр. 131).

1) Такъ въ пѣсняхъ говорится о *приданомъ* дѣвушки-невѣсты, чего народъ нашъ не зналъ и теперь не знаетъ: онъ беретъ деньги съ жениха за невѣсту.

У тебя много ума, разума,
У меня много есть приданаго,
Пять сотъ рублевъ гольемъ, деньгами,
Пятьдесятъ дворовъ со крестьянами (Пѣсенн. 1780, Собол. II, № 242).

жизни и другія пѣсни, какъ напр., разбойничьи, могли складываться въ самыхъ ея окрестностяхъ, наполненыхъ тогда шайками разбойниковъ. Здѣсь даже сохранились вполнѣ опредѣленныя преданія о связи могучей разбойничьей пѣсни: «Загуляла я, красна дѣвица, загуляла» (Пѣсенн. 1780 г., ч. III, стр. 62) съ извѣстнымъ лицомъ: разбойницей Танькой Растокинской. Обо всемъ этомъ важныя указанія см. у Безсонова («Пѣсни, собранн. П. В. Кирѣевскимъ», вып. 9, стр. 184—195). Въ «*Новѣйш. полн. всеобщ. пѣсенникъ*», М. 1822, ч. IV, стр. 230 мы находимъ эту пѣсню подъ такимъ заглавіемъ: «Пѣсня героини Марьиной рощи, по близости Москвы состоящей, которая называется ея именемъ».

Но уже въ концѣ XVIII вѣка старинныя пѣсни выходили изъ моды, спускались въ народъ. Въ Пѣсенникахъ Новикова и другихъ въ началѣ обыкновенно помѣщаются новѣйшія искусственныя пѣсни: (нѣжныя сантиментальныя, любовныя), пастушескія, театральныя и др. Иногда мы находимъ въ Пѣсенникахъ отмѣтки, подобныя слѣдующимъ: «Пѣсня сія, *хотя и старая*, но интересна по своему содержанію и пріятности голоса» («*Новѣйш. полн. всеобщ. пѣсенн.*», ч. II, М. 1822, стр. 112: «Стругалъ стружки доброй молодецъ»). Въ «*Пѣсельникъ*» 1799 года на

Конечно, не крестьяне умѣютъ такъ разбирать, какого цвѣта лучше сдѣлать платье:

Да что алый цвѣтъ отъ солнышка бѣжитъ,
Голубой цвѣтъ въ лицѣ тѣни не даетъ,
Помаранцевъ цвѣтъ марается

(Собол. IV, №№ 208—209 изъ Пѣсенн. 1780. Въ слѣдующихъ двухъ народныхъ пѣсняхъ, №№ 210—211, это мѣсто уже испорчено).

Въ пѣснѣ «Какъ по улицѣ новой тутъ ходитъ молодчикъ молодой» подобное мѣсто еще подробнѣе;

Ужъ алой цвѣтъ отъ солнышка бѣжитъ,
Алиловаетъ совсѣмъ полинялъ,
Вердепо ко мнѣ не присталъ,
Голубой цвѣтъ лицу тѣни не даетъ,
Помаранцевой марается (Пѣсен. 1780 г., ч. V, стр. 151).

Подобную разборчивость обнаруживаютъ только щеголя высшаго общества, выведенные въ сатирахъ Кантемира (*Сочиненія*, Спб. 1847, стр. 29 и 48).

стр. 169 о пѣснѣ «Молодка, молодка молодая» говорится: «Голосъ ея хотя и протяженъ, однако она и нынѣ женщинами часто употребляется». Значитъ, старинныя протяжныя пѣсни уже были не въ модѣ.

Съ переходомъ пѣсни въ народъ начинается и ея порча, такъ какъ народъ не все въ ней понимаетъ (См., напр., Куликовскій, *Словарь об. Олонец. нарѣчія*, стр. IV: «въ былинахъ, причитаніяхъ, старинныхъ пѣсняхъ, заговорахъ, не мало словъ, которыя непонятны олонецкому простолюдину»). Поэтому вмѣсто «косящета» окна поютъ «косящева» (А. Смирновъ, «Пѣсни крестьянъ Владим. и Костр. губ.», стр. 114), вм. «колпочку»—«колочку» (*Русс. Бес*. 1860, II, стр. 111—112) и т. п. При записи пѣсенъ отъ народа, на просьбу объяснить какое-либо непонятное слово, получается обыкновенно отвѣтъ: «Не знаемъ, не понимаемъ; въ пѣснѣ такъ поется» и т. д.

Не очень давно еще пѣсня сохранялась въ городахъ. Лѣтъ 50 тому назадъ А. С. Машкинъ составилъ прекрасное собраніе свадебныхъ и хороводныхъ пѣсенъ въ городѣ Обояни и его уѣздѣ (*Курскій сборникъ*, вып. III, Курскъ, 1902). Въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка свадебный обрядъ, съ кругомъ относящихся къ нему пѣсенъ, хранился еще въ замѣчательной полнотѣ во Псковѣ (См. Шейнъ, «Великороссъ», стр. 536—544; записи М. И. Семевскаго).

2. Народныя и ненародныя пѣсни.

Въ пѣсняхъ, записанныхъ отъ Хухлиной, я отнесъ къ ненароднымъ, или такимъ, въ которыхъ народныя черты смѣшиваются съ искусственными, №№ 1—12. Къ этому же роду относятся и №№ 49, 50, 54, 56, 57, 58, 67, 68. Дѣлаю это раздѣленіе не безъ оговорокъ, но и при нихъ не нахожу его достаточно прочнымъ.

Для точнаго опредѣленія прежде всего нужно выяснить, по какимъ признакамъ можно отличить пѣсню народную отъ ненародной. Точныя примѣты въ этомъ случаѣ чрезвычайно трудно

установить въ особенности допуская, что многія пѣсни складывались въ высшихъ и грамотныхъ классахъ. Можно бы было считать такимъ признакомъ широкую распространенность пѣсни по Россіи, но старые и новые романсы (напр., «Стонетъ сизый голубочекъ», «Разлука ты разлука», «Ясный мѣсяцъ») распространены не меньше, чѣмъ старыя народныя пѣсни. Остается опредѣлять по содержанію, стилю, языку и складу. Но и здѣсь встрѣчаемъ очень много затрудненій. Въ лирической пѣснѣ часто трудно найти тему, которая развивается въ ней. Возьмемъ самую извѣстную пѣсню: «Ахъ вы сѣни». Какая ея тема? Какой житейскій случай послужилъ основою ея содержанія? Какая основная мысль или основное чувство этой пѣсни? Мнѣ кажется, мы не найдемъ опредѣленныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, отвѣтовъ, которые подтверждались бы всѣмъ содержаніемъ пѣсни. Конечно, многое уяснится въ ея содержаніи, если обратить вниманіе на то, что она игровая (особый видъ танца: «ходить по сѣнямъ»), и знать подробности игры. Какъ много ослабляется въ этомъ случаѣ смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ пѣсняхъ, видно, напр., изъ № 30. Въ концѣ этой пѣсни говорится о намѣреніи молодца кончить свою жизнь самоубійствомъ вслѣдствіе разлуки съ милой. Но когда мы перенесемся въ ту обстановку, среди которой поется пѣсня, то мы придадимъ очень мало реальнаго значенія намѣренію утопиться (см. Шейнъ, Великоруссъ, 1900, № 424). Поэтическій стиль и размѣръ пѣсни также не вполнѣ точно опредѣлятъ, куда ее отнести. Такъ въ нашихъ записяхъ № 55, въ первыхъ 9 стихахъ, по размѣру и стилю принадлежатъ старой пѣснѣ, но конецъ ея по содержанію не похожъ на наши народныя пѣсни. Можетъ быть, къ старому началу придѣлано новое окончаніе?

Есть мнѣніе, что пѣсни съ риѳмой не народныя, но риѳмы вовсе не рѣдкость въ пѣсняхъ. И не только пѣсни, но пословицы и даже иногда сказки богаты ей[1]). См., напр., огромное коли-

1) Вотъ, напр., такой риѳмованный отрывокъ изъ одной сказки, которую мы имѣемъ въ малограмотной записи Покровскаго уѣзда:

стаѵъ козликъ обдумавать

чество риемованныхъ дѣтскихъ пѣсенъ и множество плясовыхъ въ «Великороссѣ» П. В. Шейна. Въ этихъ отдѣлахъ пѣсенъ безъ риемы очень мало[1]). По языку пѣсни также всегда довольно трудно опредѣлить ихъ народное или ненародное происхожденіе, такъ какъ языкъ пѣсни мѣняется отъ времени, мѣста и передающаго лица. Если разумѣть подъ лицомъ еще и сферу сложенія или распространенія пѣсенъ, то нельзя упустить изъ виду, что народныя пѣсни могутъ быть обработаны на книжный ладъ, положены въ основѣ искусственныхъ. (См. объ этомъ замѣчаніе Безсонова въ «Пѣсн., собр. П. В. Кирѣевскимъ», вып. 9, стр. 328—329). Это, напр., дѣлали въ нѣкоторой мѣрѣ Мерзляковъ и Цыгановъ, которые въ свои пѣсни брали слишкомъ много изъ народныхъ пѣсенъ: столько, сколько не берутъ поэты одинъ у другого. Сравните съ народными пѣснями у перваго №№ II, V, IX, у второго VIII, XVIII, XXII, XXV, XXVI, XXVIII, XXX, XXXIII, XXXIV, XXXVIII, XLI[2]). Въ большинствѣ случаевъ

как въ огородъ залѣсть,
да бѣлую капусту сѣсть (читайте: съѣсть),
вотъ козликъ вида (чит.: видалъ) какъ баушка Орина,
рубашки стирала,
на рѣчки полоскала
въ три погибили согибалась,
съ дѣдушкай ругалась,
себя дурый называла, что я дура
когда; малодая та бать была,
за тебя дурака за мужъ пошла и т. д.

(Записалъ крест. д. *Аленина С. Н. Фатюевъ* въ 1902 г.). Сказки съ риемами у Афанасьева (М. 1897) см. Т. I, стр. 32, 37, 52, 64, 66, 76, 77 и др.

1) Впрочемъ, развитіе плясовой пѣсни происходило, вѣроятно, въ болѣе позднее и, значитъ, въ болѣе книжное время. Прачъ отдаетъ преимущество музыкѣ новыхъ плясовыхъ пѣсенъ, объясняя это умноженіемъ числа музыкальныхъ орудій. Дѣйствительно, нѣкоторыя общеизвѣстныя и общеупотребительныя плясовыя пѣсни довольно новаго происхожденія (См. нѣкоторыя данныя объ этомъ дальше).

2) Обыкновенный способъ составленія пѣсни въ подражаніе старой народной былъ таковъ: брали два первые стиха, чтобы удержать въ пѣснѣ размѣръ и напѣвъ, и къ нимъ присочиняли всю пѣсню. Этому пріему слѣдовалъ и Мерзляковъ, и еще чаще Цыгановъ.

изъ народныхъ пѣсенъ взяты цѣлыя фразы[1]); иногда тема; напр., XXX № у Цыганова. Многія старыя народныя пѣсни мы имѣемъ въ книжной редакціи (что тоже указываетъ на жизнь пѣсни въ высшемъ грамотномъ классѣ общества). Это прежде всего тѣ случаи, когда пѣсня сознательно передѣлывалась въ цѣляхъ новой литературной обработки. Наиболѣе рѣзкій примѣръ этого мы находимъ въ «Карманномъ пѣсенникѣ» Дмитріева, передѣлка котораго во многихъ случаяхъ указана Безсоновымъ (См., напр., вып. 9, стр. 180—181, 226, 283, 299, 412). Авторъ нѣжныхъ пѣсенъ и стихотвореній накладывалъ чувствительныя сантиментальныя краски и на русскія пѣсни. Таковы, напр., фразы: «Унималъ изъ глазъ *потоки слезъ* И *вздыхая* утѣшалъ меня» въ пѣснѣ: «Ты ночуй, ночуй, сердечный другъ!» на стр. 179; «*Волновалось* ретиво *сердце* мое» въ пѣснѣ: «Не спала я цѣлу ноченьку млада» на стр. 187 (Сравн. *Собол.* IV, № 481). Онъ вставлялъ книжныя слова и формы; напр.: «надлежитъ», «судіею» въ темничной пѣснѣ: «Ахъ! ты сердце, мое сердце Молодецкое» (стр. 197), «любезнѣе», «свирепъ», «пріятнѣй», «увѣдомить», «оставъ» (остовъ), «скончаюся» въ пѣснѣ: «У сыра дуба скрыпучаго» (стр. 182—184). (Послѣднія три слова есть и въ редакціи 1780 года (Ч. III, стр. 105—106); они придаютъ и ей книжный характеръ). Онъ украшаетъ пѣсни новѣйшими эпитетами въ родѣ: «жаркія» слезы, «преславная» Москва въ пѣснѣ: «У душечки красной дѣвицы» на стр. 178. Ср. еще редакціи пѣсни: «Ты рябинушка, ты кудрявая» у Дмитріева (стр. 181) и въ Пѣсенникѣ 1780 года, ч. I, стр. 179, чтобы убѣдиться, какъ много измѣненій вносилъ Дмитріевъ въ тексты старыхъ пѣсенъ.

Но Дмитріевъ былъ выдающійся писатель, мастеръ литературнаго дѣла, и поэтому онъ производилъ надъ пѣснями такую коренную переработку, которой нельзя не замѣтить[2]). Другіе

1) Я указываю по 3 изданію «Дешевой библіотеки» А. С. Суворина, Русскія пѣсни Мерзлякова и Цыганова.

2) Впрочемъ, онъ, повидимому не былъ ни любителемъ, ни знатокомъ народнаго языка, поддѣлки подъ который у него неудачны. Такъ на стр. 225

редакторы пѣсенниковъ, конечно, не были такъ рѣшительны, но едва ли старались удерживать архаическія черты въ языкѣ пѣсенъ и даже прямо допускали новыя или книжныя элементы. Такъ, напр., въ пѣсенникѣ 1780 года въ прекрасныхъ старыхъ пѣсняхъ находимъ такіе элементы:

И я голосомъ вопила, другъ не слышитъ,
И я *вееромъ* махала другъ не видитъ
(«Мимо моего зеленова садочку», ч. I, стр. 186).
Стала дѣвица тужити,
Часто по воду ходити,
На окошечко *взирати*
(«Какъ у нашего сосѣда», ч. I, стр. 189).
Дубъ подъ нимъ зашатался,
Комаръ *весьма* испугался...
Стали они (мухи) *возплашати*,
О комарѣ вспоминати
(«Далече, далече въ чистомъ поле», ч. I, стр. 192—199).
Дятелъ на морѣ плотникъ...
Хощетъ намъ храмъ сорудити...
Гладомъ я птичка погибаю
(«Протекало теплое море», ч. I, стр. 194—197).
Завопила (муха) громкимъ *гласомъ*...
Съѣхались сильные драгуны
Слѣпни *зрѣть* мушей *фортуны* и т. п.
(«Восколебалося море», ч. I, стр. 193).
Передъ нашими *вороты*. . . .
Разыгралися робята. . . .
Ты поѣдешь дѣвка съ нами. . . .
Съ понизовыми *бурлаки* (ч. I, стр. 183—184).
Знать не грезится ей милой другъ,
Знать *не мыслитъ обо мнѣ* она
(«На закатѣ свѣтла мѣсяца», ч. V, стр. 82).

Во II части этого Пѣсенника на стр. 184 находится пѣсня, у которой весь конецъ со словъ: «Ахъ вы лютые звѣри» нужно признать книжнымъ (Перепечатана у *Собол*. т. II, № 260. Ср. съ этимъ концомъ конецъ текста болѣе новой искусственной

убитый полковникъ говоритъ: «*Отпишите* потомъ, братцы, въ домъ мой грамотку»; въ пѣснѣ о взятіи Азова на вопросъ царя, какъ бы взять поскорѣе Азовъ-городъ «Всѣ Князья, Бояре *нишкнутъ*». Въ народномъ языкѣ «отписать» обыкновенно значитъ не писать, но: написать въ отвѣтъ на письмо, «Нишкнуть» значитъ не молчать, но: прекратить рѣчь, плачь, пѣніе и т. п.

пѣсни: «Ахъ! ты день ли мой, денечикъ» въ Пѣсенникѣ 1818 года, стр. 93). Много книжныхъ элементовъ мы отмѣтили въ очень хорошемъ собраніи пѣсенъ, озаглавленномъ: «*Новѣйшій россійскій всеобщій пѣсенникъ*»... Новое изданіе, М. 1803.

Онъ довелъ меня до сильной такой *страсти* [1]),
Я готова съ нимъ терпѣть бѣды напасти
(«Ахъ! не павушка по сѣничкамъ ходила», ч. I, № 108).
Наградила красавица пріятными рѣчьми,
Звала, мой *жизнёночикъ* напредки ходить
(«Ахъ! Дюнушка, любушка, Авдотьюшка душа», ч. I, № 155).
Какъ заныло вдругъ тутъ сердечушко,
Холодѣла кровь вспламенѣнная,
Перервался мой истомленной духъ
(«Ахъ! житье мое, житье бѣдное», ч. I, № 156).
Вдоль по рыночку гуляетъ,
Онъ гуляетъ *воображаетъ*,
Какъ бы душичку видать.
(«Была дѣвица гулдива», ч. I, № 129).
Плѣнился онъ твоею красотою...
Тебя одну онъ въ свѣтѣ *обожаетъ*...
Подай взоромъ милая *отраду*,
Почту, дарагая, то въ награду...
Ни осень, ни лѣто, ни напасти,
Не сильны убавить нашей *страсти*
(«Дѣвица, дѣвица не сердися», ч. II, № 27).
За колечушко беретъ, да *восклицаетъ*
(«Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди», ч. II, № 20).
Отнеси ты, младъ жавороночекъ...
Ты *сіе* письмо къ отцу къ матери
(«Ты воспой, воспой младъ жавороночекъ», ч. I, № 4).

См. еще книжныя черты въ пѣсняхъ, напечатанныхъ у акад. *Соболевскаго*: т. III, № 291, № 301, № 595, т. V, № 89 и мн. др.

Иногда измѣненіе старой редакціи на книжную обнаруживается размѣромъ пѣсни. Такъ въ пѣснѣ: «Во лугахъ, лугахъ во зеленыхъ» (Пѣсен. 1780 года, ч. I, № 185) стихи: «Вкругъ изголовьица, вкругъ высокаго, Вкругъ одѣяличка, вкругъ соболинаго», очевидно исправлены по книжному; размѣръ показы-

1) Ср. анекдотъ Пушкина, изъ котораго видно, что народъ не понимаетъ этого значенія слова «страсть» (Сочин., издан. подъ редакц. Морозова, т. III, стр. 288, V, 229).

ваетъ, что пѣли: «зголовьица», «дѣяличка». Въ Пѣсенн. 1799 года очевидна редакторская поправка «высокихъ» вм. «высокіихъ», какъ есть въ Пѣсен. 1791 года (Собол. VI, № 119): «Изъ-за лѣсу ли, лѣсу темнаго, Изъ-за горъ ли, да горъ высокіихъ». Уничтоженіе такихъ нестяженныхъ формъ нерѣдко въ пѣсенникахъ.

Вносятся измѣненія въ самое содержаніе пѣсенъ въ цѣляхъ оффиціально-педагогическихъ. Такъ Дмитріевъ въ старой пѣснѣ: «Что подъ славнымъ было городомъ подъ Шлюшеномъ» прибавляетъ конецъ: «Чтобы знали, что *я умеръ за отечество*» (стр. 225). Въ Пѣсенникѣ Гурьянова мы находимъ въ такихъ цѣляхъ присочиненный довольно фальшивый конецъ къ превосходной солдатской пѣснѣ о походѣ въ землю Шведскую: «По конецъ было славна города»:

....
Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
Во слезахъ идутъ возрыдаючи,
Что прощаются ль солдатушки,
Какъ со отцами и съ матерьми,
Что съ женами и съ дѣтками,
Съ родомъ племенемъ, съ пріятелями.
Лишь одинъ изъ нихъ веселъ идетъ;
Что веселъ идетъ не кручинится.
Оставляетъ онъ отца и мать,
Оставляетъ молоду жену,
Оставляетъ малыхъ дѣтушекъ,
Оставляетъ весь родъ и племя;
Но имѣетъ весьма храбрый духъ:
Исполняетъ волю Царскую,
Вооружается за вѣру онъ,
Идетъ ратовать за отечество.

(И. Гурьяновъ, *Полный новѣйшій пѣсенникъ*, М. 1835, ч. I, стр. 143, № 64).

Разумѣется, мы не всегда въ состояніи точно опредѣлить разные возможные здѣсь случаи: 1) Могутъ быть сдѣланы поздѣйшія поправки въ старой пѣснѣ. 2) Сама пѣсня можетъ быть позднѣйшаго происхожденія, и книжныя слова и выраженія будутъ вставлены въ ней въ самомъ началѣ. Такими, напр., намъ

кажутся шуточныя пѣсни о комарѣ и мухѣ, изъ которыхъ мы привели нѣкоторые примѣры (См. *Соболевскій*, т. VII, № 440—443). 3) Можетъ быть, что и старая пѣсня сложена въ средѣ настолько литературной, что книжныя черты ея архаичны. Такими чертами мы считаемъ въ пѣсняхъ, между прочимъ, славянизмы, какъ «единъ», «младъ», «златъ», «древо», «словеса», «чядо», нерѣдкія иностранныя слова, какъ, «кампанія», «каналья», «шельма», «политичныя» слова, которыя вошли въ языкъ образованныхъ классовъ, вѣроятно, въ Петровскія времена. Наоборотъ, и искусственная пѣсня, долго обращаясь въ народѣ, можетъ пріобрѣсти, постепенно измѣняясь, такой видъ, что будетъ казаться народной. Такъ звучная и образная пѣсня Ломоносова «Ночною темнотою покрылись небеса» (встрѣчается во многихъ старыхъ пѣсенникахъ) въ народномъ употребленіи приняла такую обработку, что ее трудно и узнать, и стала много походить на народную. (См. Ѳ. М. Истоминъ, *Пѣсни русскаго народа*. Собраны въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 году, Спб. 1899, стр. 207, № 14 съ 11 стиха). Также пѣсня, приведенная у насъ подъ № 2, существуетъ въ такомъ варіантѣ, который по всѣмъ чертамъ нужно признать народной пѣсней. Позволимъ себѣ привести его здѣсь для сравненія.

Стояли казаченьки при крутой горѣ,
Изъ этихъ казаченьковъ одинъ былъ лихой:
Одинъ годъ проживши съ женой молодой,
Сказано казаченькѣ на службу идтить,
Жаль ему разстаться съ женой молодой;
Сталъ съ женой прощаться—женѣ говоритъ:
«Будь ты мнѣ, жена, до могилы вѣрна,
«До могилы вѣрна—до гроба честна».
Поѣхалъ казаченька враговъ побѣждать.
Побѣждалъ онъ враженьковъ копьемъ и мечемъ.
Побѣдимши враженьковъ, воротился назадъ.
На встрѣчу казаченькѣ начальство большо,
Шляпы на немъ со перами, кресты на груди:
Казакъ имъ ни слова—такъ молча прошелъ.
Поѣхалъ казаченька въ родительскій домъ;
На встрѣчу казаченькѣ родитель идетъ.

«Здорово, родимый, здорова-ль семья?»
«Мы, сынокъ, здоровы: не счастье твое—
Молода твоя хозяюшка сына родила.
Мы, сынокъ, простили—прости ужъ и ты».
Беретъ же казаченька шелковую плеть,
Ударилъ хозяюшку промежъ бѣлыхъ плечъ.
Пошелъ же казаченька изъ дому вонъ.
«Пропади ты безмозглая—пуста голова,
Когда ты забыла, казаченьку, меня»!

(Тихонравовъ, *Лѣтописи рус. литер. и древн.*, *т. IV*, *от. II*, *Русскія народныя пѣсни*, *собранн. въ Саратовской губер.* А. Н. Мордовцевой *и* А. Н. Костомаровымъ. Въ отдѣлѣ «Пѣсенъ казацкихъ» подъ № 6 на стр. 84 — 85).

Можно бы было установить нѣкоторые признаки и раздѣлять по нимъ пѣсни на старыя и новыя, но это будетъ уже другое дѣленіе, тоже не легкое для практическаго примѣненія и не достаточно точное, такъ какъ пѣсни очень стараго склада могли являться довольно поздно. Таковы, для примѣра, историческія пѣсни о 12 годѣ, Импер. Николаѣ I, Дибичѣ и даже объ Императорѣ Александрѣ II. А наши ненародныя пѣсни, во всякомъ случаѣ, не много моложе столѣтія. Такъ не народныя, но очень популярныя пѣсни: «Деревенски мужики Они правду дураки, Пальцы рубятъ, зубы рвутъ, Въ службу царскую нейдутъ», «Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ» имѣютъ болѣе, чѣмъ столѣтнюю давность. Первая встрѣчается въ «Карманномъ пѣсенникѣ» Дмитріева 1796 г. («Гранодеры молодцы!» стр. 154), вторая—въ Пѣсенникѣ 1780 года, ч. III, стр. 129, Собол. VI, № 469.

Напротивъ, многія характерныя для русскаго репертуара пѣсни, какъ «Барыня», «По улицѣ мостовой», «Ты поди, моя коровушка, домой», «Хожу я по улицѣ да не нахожуся», («Какъ во полѣ, полѣ дѣвка просо полетъ»), «Кумапечикъ, побывай у меня» сравнительно новы, а столько извѣстный «камаринскій» совсѣмъ молодъ и имѣетъ опредѣленнаго автора, поэта Трефолева.

«Барыню» мы встрѣчаемъ въ первый разъ въ Пѣсенникѣ 1799 года въ отдѣлѣ пѣсенъ «Цыганскихъ» на стр. 301 съ от-

мѣткой: «Сія пѣсня особенно нынѣ въ модѣ» (Сходный текстъ см. у Соболевскаго, т. IV, № 582). «По улицѣ мостовой» намъ извѣстна въ старшемъ текстѣ 1806 года (И. Прачъ, *Собран. русс. народ. пѣсенъ съ ихъ голосами*, ч. I, Спб. 1806 (втор. издан.), № 27, стр. 51. См. также Собол., т. IV, 740, гдѣ текстъ 1810 года). Въ Пѣсенникѣ 1818 года она напечатана съ отмѣткой: «Новая, по прекрасному своему голосу, весьма употребительная пѣсня» (стр. 150). Старшій текстъ пѣсни: «Ты поди, моя коровушка, домой» мы можемъ указать въ «*Новѣйшемъ росс. пѣсенникѣ*», Спб. 1818 года, стр. 8, гдѣ отмѣчено: «Пѣсня не давно вышедшая въ моду». «Хожу я по улицѣ» мы находимъ въ «Избранн. новѣйш. пѣсенн.», ч. II, М. 1820, стр. 133 съ отмѣткой «Новѣйшая употребительная пѣсня». Еще въ 1833 году она озаглавливается: «Цыганская новая пѣсня въ большомъ употребленіи по веселому голосу» (*Избранный песѣнникъ*, М. 1833, стр. 125) (См. Шейнъ, «Великороссъ» №№ 590 — 591). Для «Куманечка» хотя и имѣется варіантъ XVIII вѣка, но онъ слишкомъ много отличается отъ современнаго (См. Собол. т. IV, №№ 345—448 и далѣе).

Потомъ, составленіе пѣсенъ стараго склада продолжается довольно долго. Не только отъ Петровскаго времени мы имѣемъ много замѣчательно художественныхъ и безупречныхъ по размѣру пѣсенъ историческихъ, но много очень хорошихъ пѣсенъ складывается и въ болѣе позднія времена (Не говоримъ о многочисленныхъ подражаніяхъ и передѣлкахъ конца XVIII и начала XIX вѣка). Такъ, повидимому, не стараго происхожденія прекрасныя солдатскія пѣсни: «Какъ во городѣ во Вереюшкѣ» (Собол. VI, № 119; по Пѣсеннику 1791 года),[1]) «Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать» (Тамъ же VI, № 153). Хотя

1) Пѣсня говоритъ о выступленіи Тульскаго полка. Она такъ и озаглавливается въ Пѣсенникахъ 1799, 1820 год.: «При выступленіи Тульскаго полку изъ написанныхъ въ пѣснѣ мѣстъ». Тульскій полкъ былъ сформированъ въ 1775 году, въ 1796 году онъ названъ мушкетерскимъ (Брокгаузъ-Эфронъ, т. XXXIV). Но онъ называется мушкатерскимъ въ пѣснѣ уже въ 1791 г.(!).

въ первую пѣсню и вставлены отрывки изъ старыхъ пѣсенъ (о ночныхъ сборахъ въ походъ изъ пѣсенъ о взятіи Азова (см. «Карманн. пѣсенн.» 1796, стр. 225), о солдатѣ, несущемъ знамя), но она даетъ впечатлѣніе совершенно цѣльное. Старшій текстъ второй пѣсни мы имѣемъ въ «Пѣсельникѣ» 1799 (стр. 15: «Долго ли снѣжочкамъ во чистомъ полѣ лежать») съ отмѣткой: «Пѣсня, сочиненная на Турецкой границѣ солдатами»[1]. У П. А. Безсонова есть указаніе на то, что пѣсня: «Я посѣю ль, млада-молоденька, Цвѣтиковъ маленько» (Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ, вып. 9, Дополненія, стр. XXXV) не стараго происхожденія. Прачъ, указывыя «въ новѣйшія времена, при помощи уже искусства, сочиненныя . . . протяжныя пѣсни», называетъ въ числѣ ихъ такую, которую теперь едва ли кто рѣшился бы

1) Въ XVIII вѣкѣ въ военномъ сословіи пѣсня процвѣтала, и солдатамъ она, очевидно, много обязана. Несомнѣнно въ ихъ средѣ складывались военныя пѣсни и многія историческія, такъ какъ солдатамъ были извѣстны происшедшія обстоятельства. Напр., въ пѣснѣ на кончину Петра Перваго: «Ахъ! ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ» (Пѣсенн. 1820 г.) дается очень точное описаніе военнаго парада, опредѣленно называется чинъ Императора, что интересно только для военныхъ. Видно, что она сложена солдатомъ или офицеромъ. Болѣе старыя военныя пѣсни («О казни стрѣлецкаго атамана» [Пѣсенн. 1780 г., ч. II, стр. 145], «Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ, Что куда-то нашъ православной Царь снаряжается» [Пѣсенн. 1780 г., ч. III, стр. 59]) очевидно явились въ средѣ стрѣльцовъ (Вторую пѣсню мы считаемъ стрѣлецкой потому, что въ ней говорится о солдатѣ, живущемъ въ Москвѣ, среди своей семьи). Любовь къ пѣнію въ русскихъ войскахъ сохранилась до нашего времени. Въ недавней войнѣ съ Китаемъ русскіе солдаты обращали на себя вниманіе иностранцевъ своей охотой къ нему. Русское войско во всякомъ случаѣ дало нѣсколько прекрасныхъ народныхъ пѣсенъ о солдатской жизни. Напр., кромѣ названныхъ: «Ахъ! вы выходы, выходы, Погреба Государевы» (Пѣсенн. 1780 г., ч. I, стр. 144, Собол. VI, № 150), «За славною рѣкою за Москвою, За высокими горами Воробьевы» (Тамъ же, ч. II, стр. 143, Собол. VI, № 110), «Не кукушечка во сыромъ бору куковала» (Собол. VI, №№ 68—72). На Новиковскомъ пѣсенникѣ 1780—1781 годовъ лежитъ сильный отпечатокъ военныхъ вкусовъ и потребностей, солдатскихъ и офицерскихъ. Первыя пѣсни болѣе стараго склада представляютъ тяжесть военной службы, новѣйшаго происхожденія — офиціально-патріотическія, сочиненныя *для солдатъ, въ военныхъ цѣляхъ*. Вторыя пѣсни изображаютъ похожденія разгульнаго офицерства, извѣстныя намъ изъ исторіи XVIII вѣка. См., напр., пѣсню: «У воротъ дѣвка стояла» (ч. III, стр. 114, Собол. IV, №№ 565—566), «Какъ у нашева Маіора хороши двѣ дочи» (ч. IV, стр. 91, Собол. IV, №№ 544—547).

признать не старинной народной. Это пѣсня: «Дорогая ты моя матушка» (см. Предувѣдомленіе, стр. X. Текстъ этой пѣсни перепечатанъ у Соболевскаго, III, № 374).

Если мы будемъ отличать народныя пѣсни отъ ненародныхъ по художественности, то и это дѣленіе будетъ имѣть слабую сторону. Не всѣ старыя народныя пѣсни привлекательны художественной обработкой содержанія. Напр., конецъ старыхъ, такъ называемыхъ, «каннибальскихъ» пѣсенъ прямо звѣрскій (Собол. I, №№ 154—162, Шейнъ №№ 750—753). Между тѣмъ, нѣкоторыя пѣсни несомнѣнно книжнаго происхожденія нужно признать замѣчательно художественными. Таковы, напримѣръ, монашескія пѣсни: «Ты проходишь мой любезной мимо кельи, Гдѣ живетъ несчастна старица въ мученьи» (Пѣсенн. 1780 г., ч. V, стр. 105), «Ты проходишь мимо кельи, дорогая» Пѣсенн. 1780 г., ч. IV, стр. 125).

Но когда мы, хотя приблизительно, отдѣлимъ изъ круга данныхъ пѣсенъ тѣ, которыя кажутся городскими (терминъ тоже недостаточно опредѣленный, потому что въ городахъ складывались и пѣлись какъ народныя, такъ и ненародныя пѣсни), искусственными, то наше вниманіе остановитъ ихъ содержаніе. При непоэтичности, неизяществѣ этихъ пѣсенъ онѣ обнаруживаютъ опредѣленность мысли, чувства или случая, которые въ нихъ излагаются. Конечно, это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣсня какъ-нибудь не искажена, не представляетъ изъ себя сшивки изъ двухъ разныхъ пѣсенъ (какъ, напр., № 1, въ которомъ 14 строкъ въ началѣ представляютъ одну пѣсню, а съ 15 строки идетъ другая). Главная особенность многихъ изъ этихъ пѣсенъ: драматичность содержанія. Это прежде всего безпокойное личное чувство, которое не мирится съ посторонними стѣсненіями, или не выноситъ тяжести своего положенія. Такъ пѣсни №№ 6, 58—протестъ противъ деспотизма родителей, желающихъ устроить судьбу дѣтей, не обращая вниманія на ихъ сердечныя склонности. Въ №№ 50, 54 (сшивокъ), 4 [1]) предста-

1) Ср. также № 56.

влены разные случаи въ судьбѣ покинутой или обманутой дѣвушки: 1) любовная тоска, 2) покинутая дѣвушка «сама себя продаетъ», 3) кончаетъ жизнь самоубійствомъ [1]). И старая пѣсня [2]), и народная драма нашего времени («Власть тьмы»), и, главное, сама народная жизнь указываетъ намъ въ послѣднемъ случаѣ, какъ на обыкновеніе, на другой ужасный конецъ, который возможенъ только при низкомъ уровнѣ человѣческаго и материнскаго чувства въ женщинѣ [3]). По чувствамъ дѣйствующихъ лицъ эти пѣсни принадлежатъ новому времени. Слагатели подобныхъ пѣсенъ и среда, сочувственно принявшая эти пѣсни, вполнѣ могутъ быть сопоставлены съ писателями временъ Карамзина и ихъ читателями. Чрезвычайное сочувствіе общества къ трогательной исторіи Карамзина о бѣдной Лизѣ указываетъ на значительное развитіе уваженія и вниманія къ личному чувству человѣка. И въ томъ и другомъ случаѣ чувства и понятія общества становятся болѣе интеллигентными, какъ теперь принято выражаться. Ставя высоко свое личное чувство, человѣкъ новаго времени вновь сошелся съ первобытнымъ въ своемъ стремленіи къ личной расправѣ, къ кровавой мести. И въ нашихъ пѣсняхъ на-

---

1) Въ пѣсняхъ, изданныхъ академ. Соболевскимъ, мы не находимъ обыкновенно случаевъ, чтобы покинутая дѣвушка кончила жизнь самоубійствомъ (См. «Указатели пѣсенныхъ сюжетовъ» въ концѣ каждаго тома). Она грустить, говоритъ, что, не переживетъ разлуки, но нигдѣ не говоритъ о томъ, что кончитъ съ собою. Только въ одномъ случаѣ она бросилась въ рѣку, но и здѣсь «На желтой песокъ становилася, Что милому-то дружку возмолилася» (т. IV, № 750). См., впрочемъ, какъ исключеніе, т. IV, № 468, т. V, 679 (пѣсня не старая). Но это очень рѣдкіе случаи. Въ новыхъ пѣсняхъ, напротивъ, самоубійство — нерѣдкое явленіе. См. напр.: «*Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ*»..., ч. II. М. 1822, стр. 104, гдѣ помѣщена пѣсня новаго склада съ поддѣлкой подъ старину: «Ты рѣка, рѣка глубокая! Унесла ты по волнамъ своимъ» съ оглавленіемъ: «Дѣвушка, пожертвовавшая своему любезному жизнію за его невѣрность»; «*Новѣйш. туалетный пѣсенникъ*» Орелъ, 1821, ч. III, стр. 42: «У рѣки сидя Дуня плакала» (новая пѣсня и по своему языку); «*В. Н. Чернышевъ, Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда*», Спб. 1900, стр. 91, № 4.

2) Смотр. «Велик. нар. пѣсни» А. И. Соболевскаго, т. I, № 177.

3) Конечно это не всегда такъ бываетъ. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не преслѣдуетъ такъ жестоко дѣвушекъ-матерей. Это отразилось и въ старой пѣснѣ. См. Собол. II, № 110.

ходимъ два случая убійства женъ за измѣну (№№ 2, 68). Дѣвушка нашего времени не кроткое и покорное созданіе старины, которая, какъ доброе дитя, по выраженію одного изъ героевъ Островскаго, «будетъ любить всякаго мужа». Она сама имѣетъ нѣкоторыя требованія къ своему сожителю и, если онъ имъ не удовлетворяетъ, то онъ кажется ей «злодѣемъ», «мучителемъ», «тираномъ» (№ 7). «На что бѣдная на свѣтъ я рождена И въ такова я тиранна влюблена» (Пѣсенн. 1780 г., V, стр. 67) говоритъ героиня болѣе новой пѣсни. Въ этой пѣснѣ — новыя слова и понятія объ отношеніяхъ семейныхъ и любовныхъ. Въ пѣсняхъ болѣе новаго времени уже не только любятъ, но «влюбляются», «страдаютъ», «мучатъ», возлюбленныхъ упрекаютъ въ «жестокости». Въ болѣе позднее время не мыслима возлюбленная, которая говоритъ:

А въ чемъ я тѣ, свѣтикъ, виновата,
То возьми за правую за ручку,
Сними съ меня цвѣтное платье,
Побей меня по бѣлому тѣлу,
По всякому мѣсту по десятью.
Побивши, душа моя, помилуй,
Положь на тесовую кроватку,
Прижми ко ретивому сердечку...

(*Новѣйш. всеобщ. росс. пѣсенникъ*.... Ч. II, М. 1803, стр. 51: «Молодка, молодка молодая», Собол. V, № 392. — Ср. Домострой).

Любовница стараго времени скрываетъ свои чувства и отношенія; она боится родителей, боится людей и худой славы и любитъ того, кто остороженъ; обыкновенная ея просьба не хвастать ея любовью. См.: «*Новѣйш. росс. всеобщ. пѣс.*», ч. II, М. 1803, стр. 78, № 40:

На рѣчкѣ боберъ купался черной...
Дѣтинушка мой, бѣлой румяной,
Не стой ты со мной, со мной молодой,
Одинъ на одинъ, супротивъ меня,
Ай люди-то скажутъ, что любишь меня. . .

Новѣйш. росс. всеобщ. пѣсен. Ч. II. М. 1803, стр. 147—148, № 80:

Чернобровой, черноглазой...
Я за то его любила,
Что ходитъ порою,
По утру рано ранёнько
Ввечеру поздненько,
Чтобы люди не видали,
Сосѣди не знали,
Про меня бы молоденьку
Отцу не сказали.

А. Васнецовъ, *Пѣсни сѣверо-восточной Россіи*, М. 1894, стр. 23:

Ты люби, Ваня, не явно—
Дѣвицѣ не срамно;
Красной дѣвицѣ не срамно,
Людямъ не досадно.

Дѣвица нашего времени — свободная Элоиза, которая ставитъ свое чувство очень высоко и не признаетъ зависимости отъ людей. Милый говоритъ:

Ни стой пирдамнбю,
ни абливай слизою,
а то люди скажут,
што я жыл с табою.

Она на это смѣло отвѣчаетъ:

Пускай люди скажут
а я ни баюса:
каво я любила,
сь тѣмъ я растаюса... (№ 51).

Сантиментальная поэзія конца XVIII и начала XIX столѣтія внесла свой вкладъ и въ репертуаръ народной пѣсни данныхъ мѣстностей. Такого происхожденія №№ 49, 56, 57.

IV.

Варіанты и книжные источники приведенныхъ пѣсенъ. Замѣтки[1]).

№ 1. Сравните конецъ пѣсни (стр. 51) съ концомъ слѣдующей пѣсни (послѣднія 4 строфы) въ «*Новѣйшемъ всеобщемъ и полномъ пѣсенникѣ*»... (Спб. 1819, ч. I, стр. 20, отдѣлъ пѣсенъ «любовныхъ и нѣжныхъ»):

Гдѣ счастье? гдѣ отрада?
Гдѣ ты любезный мой?
Гдѣ милая забава?
Души моей покой?

Разставшись я съ тобою
Повсюду жизнь крушу,
Терзаюсь злой тоскою,
Вездѣ тебя ищу.

Бѣгу я въ тѣ лѣсочки,
Гдѣ милъ искалъ меня;
Топчу траву, цвѣточки,
Спѣшу найти тебя.

Но сердце ежечасно
Твердитъ: куда идешь?
Кого ты любишь страстно,
Того ужъ не найдешь.

Осталися напасти,
Лишь спутники мои;
Сойдите люты страсти,
Гдѣ вы счастливы дни!

Мой милой будь спокоенъ
И вѣрность соблюдай.
Ты счастія достоинъ,
И горе забывай.

Я птичкой быть желала,
Чтобъ въ армію летать.
Ябъ все тогда узнала,
Коль страшно воевать.

---

1) При составленіи этого отдѣла я пользовался указаніями П. К. Симони, Н. Н. Дурново и А. И. Яцимирскаго, которымъ приношу за это искреннюю благодарность.

Узрѣла-бъ, какъ сражался
Мой миленькой во гнѣ,
Пуль, ядеръ не боялся,
Все думалъ обо мнѣ.

Туда бы полетѣла,
Гдѣ милой мой убитъ;
Ябъ тамъ его узрѣла,
Какъ онъ безъ чувствъ лежитъ.

Ябъ косточки собрала,
Токъ слезный пролила;
Во гробъ бы ихъ поклала,
Землѣ бы предала.

То же съ небольшими измѣненіями: *Новѣйшій россійскій пѣсенникъ...* Спб. 1818, стр. 70. Послѣднія 16 строкъ этого текста приведены въ томъ же Пѣсенникѣ, какъ начало особой пѣсни на стр. 27 въ отдѣлѣ «Новыя военныя пѣсни». Въ нашихъ записяхъ имѣется еще варіантъ этой пѣсни, близкій къ тексту подъ № 1 (только съ приставленнымъ изъ другой пѣсни концомъ). Онъ записанъ отъ 63-лѣтней старухи нищей, уроженки *Боровскаго* уѣзда (*Чуфáрово*). Есть запись и изъ самаго *Боровска*, сдѣланная ученикомъ уѣзднаго училища. Ср.[1]) Собол. V, №№ 576—577, 713—715.

№ 2. Это стихотвореніе С. Т. Аксакова (Собраніе сочиненій, М. 1902, т. IV, стр. 177: *Уральскій казакъ* (Истинное происшествіе.) Впервые напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1821 года, № 14. Варіанты: В. Чернышевъ, *Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда*, Спб., 1901, стр. 139; *Русск. Филол. Вѣстн.*, 1898, № 3—4, стр. 4. Пѣсня очень распространенна въ разныхъ мѣстахъ Россіи (мы знаемъ ее еще во *Владимирской*, въ *Псковской* губерн.) и встрѣчается во многихъ пѣсенникахъ; напр.: *Пѣсенникъ для дамскаго ридикюля и туалета*, М. 1831, стр. 34; *Новѣйшій пѣсенникъ* . . . Спб.,

1) Слово *ср.* я ставлю всегда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть сходство только въ частяхъ пѣсни или когда варіанты пѣсенъ довольно далеки.

1838, стр. 94; *Пѣсни тиролекъ и московскихъ гризетокъ, распѣваемыя ими въ трактирахъ: Тумановомъ, Зайцевомъ, Часовниковомъ и Пѣговомъ. — Въ кофейныхъ: Александровскаго сада, Тверскою Бульвара и Волчьей долины. Съ присовокупленіемъ хоровыхъ пѣсенъ Осипа. М. 1860.* Послѣдній пѣсенникъ состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ стихотвореній лучшихъ авторовъ: Кольцова, Беранже въ переводѣ Курочкина и т. п. Любопытное заглавіе его показываетъ положеніе пѣсни въ Москвѣ въ 60-хъ годахъ, мѣста распространенія и лица, распространявшія пѣсни.

№ 3. Послѣднее четырехстишіе мы находимъ въ старой пастушеской пѣснѣ: «Молчите струйки чисты, И дайте мнѣ вѣщать»:

Ты здѣсь моя отрада,
Любезной пастушокъ,
Со мной ходилъ отъ стáда
На крутой бережокъ.

Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ... (М. 1780), Ч. I, стр. 71. Полный текстъ см.: *Пѣсенникъ «Чудный мѣсяцъ»*. Сост. М. Ожеговъ. М. 1897, стр. 19:

Сережа пастушокъ.

Послѣдній часъ разлуки,
Съ тобой, мой дорогой!
Не вижу кромѣ скуки
Отрады никакой.
Ничто меня не тѣшитъ,
Ничто не веселитъ;
Одно лишь утѣшенье:
Милъ плакать не велитъ.
Гуляла я въ садочкѣ,
Въ дубравѣ зеленой
Искала тѣ слѣдочки,
Гдѣ милъ гулялъ со мной.
Садилась подъ кусточекъ
На мягкую траву.
Сидѣли двѣ голубки
На яблонькѣ въ саду,
Одна изъ нихъ спорхнула
И скрылась вдалекѣ,
А я млада вздохнула
По миленькомъ дружкѣ.
Ты гдѣ жъ, моя отрада,
Сережа пастушокъ?
Ходилъ ко мнѣ отъ стада
На крутый бережокъ.
Игралъ онъ, моя радость,
Въ серебряный рожокъ,
И сладко цѣловался
Со мною мой дружокъ.
Прощай, мой другъ Сережа,
И вспомни обо мнѣ.
Послѣдній часъ разлуки
На дальней сторонѣ.

Подписано: *Народная.*

Сообщеніе Н. Н. Дурново: ««Никто меня не утѣшит». (№ 3). Очень популярная пѣсня. Есть в пѣсенниках и на лубочных картинках под заглавіем «Сережа пастушок». Печатный текст есть в прилож. к статьѣ Балова «Экскурсы въ область народной пѣсни» — Этногр. Обозр. 1897, № 2 (кн. XXXIII), стр. 115 (*Покров. у.* Влад. г.). Есть варіант у меня».

Пѣсня, повидимому, представляетъ переработку одной или нѣсколькихъ изъ старинныхъ «пастушескихъ» пѣсенъ, которыми изобиловали пѣсенники конца XVIII и начала XIX столѣтія. Нерѣдко крайне нескромныя по своему содержанію, пѣсни эти очевидно были въ модѣ при нестрогихъ нравахъ общества конца XVIII вѣка. Въ народъ эти пѣсни, конечно, проникали очень мало. Наша пѣсня сдѣлалась популярной, вѣроятно, благодаря идеѣ о разлукѣ, лежащей въ основѣ многихъ чисто народныхъ пѣсенъ, и пріятному для слуха и легкому для усвоенія итальянскому мотиву. Будь въ ней нескромныя картины пастушеской поэзіи, она не вошла бы въ народъ, который поетъ очень грубыя пѣсни по преданію и своей некультурности, но не имѣетъ влеченія и вкуса представлять себѣ утонченныя сладострастныя явленія, изображаемыя иногда книжной поэзіей.

Еще отраженіе или остатокъ пастушеской поэзіи мы можемъ указать въ проникшей въ народъ пѣснѣ:

Шла Машутка изъ садочка,
Несла въ ручкахъ три вѣночка
Себѣ и дружку...

(А. Васнецовъ, *Пѣсни сѣверо-восточной Россіи*, М. 1894, стр. 102. Въ этомъ варіантѣ много вставокъ изъ старыхъ народныхъ пѣсенъ). См. также Ѳ. Студитскій, *Народныя пѣсни Вологодск. и Олонецк. губерн.*, Спб. 1841, Народн. пѣсни Олонец. губ., стр. 11 («За долинушкой было за лѣсочкомъ»).

№ 4. *Пѣсенникъ «Колечко»*. Сост. М. Ожеговъ. М. 1896, стр. 2:

Колечко.

Сокрушилося сердечко,
Взволновалась въ сердцѣ кровь,
Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь.
Я по этомъ по колечкѣ
Буду плакать горевать,
По любезномъ по дружечкѣ,
Поневолѣ тосковать.
Я по бережку гуляла,
По долинушкѣ прошла;
Тамъ цвѣточекъ я искала,
Но цвѣточекъ не нашла.
Много цвѣтиковъ пригожихъ,
Да цвѣточки все не тѣ—
Всѣ цвѣточки не похожи
По завѣтной красотѣ.
Не похожи на тѣ очи,
Что любовью говорятъ,
Что какъ звѣзды полуночи
Ясно блещутъ и горятъ.
Гдѣ дѣвался тотъ цвѣточекъ,
Что долину украшалъ,
Гдѣ мой миленькій дружечекъ,
Что словами обольщалъ.
Обольщалъ милый словами,
Уговаривалъ всегда:
Не плачь, дѣвица, слезами,
Не покину никогда.
Милъ уѣхалъ и оставилъ
Мнѣ малютку нарукахъ,
Обезчестилъ, обсславилъ, —
Жить заставилъ въ сиротахъ.
Какъ взгляну я на сыночка,
Вся слезами обольюсь,
Пойду съ горя къ быстрой рѣчкѣ
Я сиротка утоплюсь.
Нѣтъ ужъ Богъ одинъ свидѣтель,
Полагаюсь на Него,
Мнѣ не жаль тебя, мучитель,
А жаль малютку твоего.

М. Ожеговъ.

Варіанты: *Русс. Филол. Вѣстн.*, 1898, № 3—4, стр. 21, 22; *Изв. Отдѣл. русск. яз. и сл. И. А. Н.*, т. III (1898 г.), кн. IV, стр. 1303; В. Чернышевъ, *Матеріалы для изуч. говор. и быта Мещовскаго у.*, стр. 84, № 114; *Курскій сборникъ, Издан. Курскаго губерн. статист. комит.*, вып. III, Курскъ, 1902, ч. II, стр. 93, № 158. Еще въ нашихъ записяхъ имѣется варіанты, очень близкіе къ № 4 изъ *Покровскаго* у. (*Филипповская* вол.) и изъ *Боровска*.

№ 5. Собол. VI, № 530; Ѳ. М. Истоминъ, *Пѣсни русск. нар.* Спб. 1894, стр. 232; *Его же, Пѣсни русск. нар.* Спб. 1899, стр. 268; А. Васнецовъ, *Пѣсни сѣверо-вост. Россіи*, стр. 28 («Сидитъ воронъ на березѣ»); Ѳ. Студитскій, *Народн. пѣсни, собранн. въ Новгород. губ.*, Спб. 1874, стр. 11 («Сидитъ воронъ на березѣ»); *Русск. Филол. Вѣстн.*, 1898, № 3—4,

стр. 9. Въ нашихъ записяхъ имѣется еще варіантъ изъ *Боровскаго* уѣзда. Ср. Цыгановъ, №№ XXXVIII (*«Дешевая библіотека», Русскія пѣсни Мерзлякова и Цыганова*, стр. 96).

№ 6. *Русск. Филол. Вѣстн.*, 1898, № 3—4, стр. 26 (о канарейкѣ), стр. 2, 3 (о сынѣ, просящемъ позволенія жениться на любимой дѣвушкѣ); ср. Якушкинъ, *Сочиненія*, Спб. 1884, стр. 634, № 149; В. Чернышевъ, *Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда*, Спб. 1901, стр. 49; А. Васнецовъ, *Пѣсни сѣверовост. Россіи,* стр. 106, № 133 («Канареечка любезна». Здѣсь части, въ которыхъ говорится о канарейкѣ и объ участи, сходны съ нашей, но конецъ другой); *Сборн. Отдѣл. русск. яз. и слов. И. А. Н.*, т. LXXIII, *Матеріалы для изученія великор. говор.* VIII, стр. 134. Наша пѣсня представляетъ изъ себя сшивки, кажется, изъ 3 пѣсенъ. Болѣе полный варіантъ той пѣсни, которая легла въ основѣ второй половины нашего сшивка, мы имѣемъ въ записи со словъ крестьянки *Шенкурскаго* уѣзда д. Слудной. Запись сдѣлана ученикомъ С.-Петербургскаго Андреевскаго городского училища П. Балашовымъ.

«Общая».

Пе во нашей во деревнѣ,
Во веселой слободѣ
Жилъ мальчишка лѣтъ семнадцать
Не женатой холостой.
Въ одну дѣвошку влюбился,
Обѣщался въ замужъ взять,
Но не зналъ, кого спроситься,
Кромѣ сердца своего.
Люди научили:
«Сынъ спросись хоть у отца».
Приходилъ къ отцу родному,
Позволенья сталъ просить.
«Позволь, тятенька, жениться».
Отецъ сыну не повѣрилъ,
Что любовь на свѣтѣ есть,
И отвернулся сынъ заплакалъ,
Пошолъ въ садикъ разгуляться,
Прямо къ Сашѣ въ теремокъ,
Подъ окошкомъ постучался:
«Выйди, Саша, на часокъ».
Дай мнѣ ручку, дай мнѣ праву,
Съ руки перстень золотой;
Не отдашь съ руки колечко,
Не видаться намъ съ тобой,
Не видаться, не встрѣчаться
Край дорожки столбовой.
Своротилъ Ваня на островъ,
Саблю остру обнажилъ,
Обнаживши саблю остру,
Себѣ голову сказнилъ.
Покатись моя головка
Вдоль по шелковой тровѣ,
Мои очи, мои ясны
Все на солнышко глядятъ.
Мои письма чесныя
Все ко любошкѣ моей летятъ.
Гдѣ читала, тамъ упала,
Съ милымъ кончилась любовь.

Тогда отецъ сыну повѣрилъ,
Что любовь на свѣтѣ есть.
Какъ бы зналъ отецъ-родитель,
Сыну слово не сказалъ.
Ты бери какую знаешь,
Не мнѣ съ нею вѣкъ жить.

См. также: Ѳ. М. Истоминъ, *Пѣсни русс. народа, собран. въ губ. Арханг. и Олонец.* Спб. 1894, стр. 182. Ср. съ этимъ *Матер. для изуч. велик. говор.* VIII, стр. 135 (*Сборн. Отдѣл. русск. яз. и слов. И. А. Н.,* т. LXXIII). Сравните также: *Пѣсенникъ «Красотка моя», сост.* М. Ожеговъ, М. 1896, стр. 10:

Канарейка.

(Изъ народныхъ мотивовъ).

Ужъ ты пташка канарейка,
Полно громко напѣвать,
Перестань ты ретивое,
Мое сердце надрывать!
Моя скорбь тебѣ извѣстна,
Мнѣ любезный измѣнилъ:
Онъ уѣхалъ не простился,
Меня бѣдную забылъ.
Если милый другъ измѣнитъ,
Тяжелѣе скорби нѣтъ.
Растворю я двери въ клѣткѣ,
Пташку выпущу на свѣтъ.
Пущу вольную на волю
Канарейку полетать,
Только пташкѣ я хотѣла
Два словечка наказать:
Чтобы пташка улетѣла
Въ тѣ далекіе края,
Куда скрылась улетѣла
Участь прежняя моя.
Тамъ въ дубравушкѣ кудрявой
Канарейка отдохнетъ,
Про мою то участь-горе
Громко пѣсенку споетъ;
Ужъ ты участь моя, участь,
Безотрадна тяжела,
До чего ты меня участь,
До чего ты довела!
Довела ты меня участь,
Что до славушки худой.
Заставляетъ меня участь
Знаться съ горюшкомъ бѣдой.
Что худая эта слава
По всему селу пройдетъ,
Тогда бѣдную дѣвицу
Никто замужъ не возьметъ.

М. И. Ожеговъ.

Для послѣднихъ 10 строкъ сравните концы пѣсенъ у акад. Соболев. III, №№ 384—387. Отрывокъ объ «участи» см. *Курскій сборн.*, в. III, ч. II, стр. 14, начало № 13.

№ 7. Сравн. Якушкинъ, *Сочиненія*, Спб. 1884, стр. 581; ср. Соболев. V, №№ 35—41, гдѣ, впрочемъ, мало, сходнаго съ нашимъ текстомъ. Болѣе близкій вар.: Соболев. V № 156; *Русск. Филол. Вѣстн.,* 1898, № 3—4, стр. 4, №№ VII, VIII, ср. также №№ XIX, XLIII.

№ 8. Ср. Соболев. VI, № 106; ср. Шейнъ 1577; ср. *Курскій сборникъ*, вып. III, ч. II, стр. 93, № 156.

№ 9. Изслѣдованіе объ этой пѣснѣ и ея варіанты см.: В. Перетцъ, *Современная русская народная пѣсня*, Спб. 1893, стр. 18 и дал. Еще варіанты: Ѳ. Студитскій, *Народн. пѣсни, собр. въ Новгород. губ.*, Спб. 1874, стр. 34; Магнитскій, *Пѣсни к-нъ с. Бѣловолжскаго Чебокс. у...* Каз. 1877, стр. 20; Ѳ. М. Истоминъ, *Пѣсни русскаго народа, собр. въ губ. Архан. и Олонец.*, Спб. 1894, стр. 211; Его же, *Пѣсни русск. народа, собр. въ губ. Вологод., Вятск. и Костром.* Спб. 1899, стр. 236; А. Васнецовъ, *Пѣсни сѣверо-вост. Россіи*, стр. 46; В. Чернышевъ, *Матер. для изуч. говоровъ и быта Мещов. у.*, стр. 86; *Русск. Фил. Вѣст.*, 1898, № 3—4, стр. 24. Есть также въ нашемъ собр. записей неполный вар. изъ *Покровскаго* у.

№ 10. Первыя 6 строкъ приставка изъ другой пѣсни:

Слышу вижу, что вздыхаешь,—есть иная у тебя,
Что иная то милая, то разлучница моя,
То разлучница моя полюбовница твоя.

Новѣйш. избранн. пѣсенн., М. 1827, ч. II, стр. 78 («Чѣмъ тебя я огорчила»), и др. Варіанты см.: *Пѣсни, собранныя* П. В. Кирѣевскимъ, М. 1872, вып. 9, стр. 51.

Несмотря на обширные комментаріи П. А. Безсонова, заключающіе много любопытныхъ данныхъ о слагательницѣ пѣсни, не выясненъ важный вопросъ о времени сложенія этой пѣсни, не вполнѣ опредѣлено отношеніе текста къ явленіямъ дѣйствительной жизни и нѣтъ текста болѣе стараго, хотя бы современнаго жизни автора пѣсни. Вѣроятно, пѣсня сложена вскорѣ послѣ той встрѣчи, которая рѣшила судьбу ея сочинительницы. Это время опредѣляется Безсоновымъ, какъ исходъ лѣта 1789 года (см. стр. 43). Впослѣдствіи, уступая предразсудкамъ времени, окружающіе сочинительницы старались не напоминать о ея происхожденіи и даже дали ей другую родословную (см. стр. 77—85), а самая пѣсня состояла подъ запретомъ (стр. 50). На близкое къ рѣшительному свиданію время составленія пѣсни указываетъ

то невольное смущеніе сочинительницы, которое чувствуется въ пѣснѣ. Старшій текстъ, который намъ встрѣтился: *Новѣйшій россійскій пѣсенникъ*, Спб. 1818 г., № 189 (Ср. неточность у Безсонова на стр. 50). Различія текстовъ въ пѣсенникахъ 1818 года, 1819 г. (*Новѣйш. всеобщ. и полн. пѣс.*, ч. I, Спб. 1819, стр. 267), 1820 г. (*Избранн. новѣйш. пѣсенн.*, М., ч. I, стр. 153), 1831 г. (*Собраніе русскихъ простонар. пѣсенъ*, М., стр. 137) и др. указываетъ, что и въ пѣсенникахъ помѣщались устныя редакціи пѣсни, а не текстъ сочинительницы. Выдающихся литературныхъ достоинствъ пѣсня не имѣетъ, но она очень замѣчательна тѣмъ, что сдѣлалась народной, какъ любимая и повсюду распространенная. Изслѣдованіе всѣхъ условій ея появленія на свѣтъ было бы очень любопытно. Оно показало бы какъ появлялись и распространялись пѣсни, составленныя не профессіональными сочинителями, а просто людьми счастливо настроенными къ тому, чтобы выразить свои мысли въ пѣснѣ. Подобнымъ образомъ, конечно, явилось у насъ не мало пѣсенъ. «Превосходный лирикъ», говоритъ Державинъ, «долженъ иногда уступить, въ сочиненіи пѣсни, вѣтряной, веселонравной дамѣ» (Сочиненія, 2 академ. изд., т. 7, Спб. 1878, стр. 617). Но и теперь мы имѣемъ больше точныхъ данныхъ, относящихся къ пѣснѣ и сочинительницѣ, чѣмъ объ авторствѣ другихъ любительницъ пѣнія и пѣвицъ, о которыхъ говорится въ 9 выпускѣ пѣсенъ Кирѣевскаго (Императрица Елизавета Петровна, Нарышкина, Сандунова).

№ 11. См. Л. А. Мей, *Полное собр. сочиненій*, Спб. 1887, т. III, стр. 123 (Отдѣлъ «народныхъ пѣсенъ», заглавіе: «Моравскія пѣсни», начало: «У молодки Наны»). Впервые напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1856 г., № 13, стр. 10. Въ пѣсенникахъ: *Пѣсни тиролекъ и москов. гризетокъ...*, 1860, стр. 13, *Новѣйш. русс. пѣсенн.*, М. 1864, ч. I, стр. 22, и др.

№ 12. Собол. VI, №№ 313—314.

№ 13. Собол. II, №№ 37—41.

№ 14. Собол. V, № 202. Во второй половинѣ нашего варіанта вставки изъ другихъ пѣсенъ.

№ 15. Собол. IV, №№ 474—476.

№ 16. Собол. II, №№ 72—78.

№ 17. Собол. IV, № 707; А. Васнецовъ, *Пѣсни сѣверовост. Россіи*, стр. 57, № 75.

№ 18. Собол. IV, №№ 728—732. Пѣсня эта тоже свадебная плясовая. Здѣсь, какъ и предыдущая, поется, по словамъ разсказчицы, обыкновенно на свадьбѣ нетрезвыми. Въ *Вятской* губ. она «поется при пляскѣ кругомъ бани, въ которой моются молодые» (Колосовъ, *Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія*, Спб. 1877, стр. 265).

№ 19. Собол. II, №№ 272—273.

№ 20. Кирѣевскій, вып. 9, Дополненія, стр. XXIV; Соболевскій, V, №№ 559—564. Ср. *Собол.* III, № 565, № 567; ср. Собол. V, №№ 519—529.

№ 21. Варіанты къ началу пѣсни (первыя 6 строкъ, послѣ которыхъ идутъ два отрывка изъ другихъ пѣсенъ) см. Собол. III, № 301; *Новѣйш. росс. всеобщ. пѣсенн.*, ч. I, М., 1803, стр. 301; Ѳ. Студитскій, *Народн. пѣсни Волог. и Олон. губ.*, Спб. 1841, Народн. пѣсни Олонец. губ., стр. 88 («Солетайте гуси на рѣку долой»). Для послѣднихъ 5-ти стиховъ ср. также Сахаровъ, *Пѣсни русскаго народа*, ч. IV, Спб. 1839, стр. 374.

Ср. для стиховъ 10—11, 14—17 въ «*Новомъ и полномъ собраніи россійскихъ пѣсенъ...*» (М. 1780), ч. II, стр. 193:

На что хорошо ходить, коли нѣкому любить,
На что мягко слать, коли не съ кѣмъ спать,
Ай спи душа въ тоскахъ, на голыхъ доскахъ.

(№ 185: «Панъ мой, панъ мой, панъ пропоецъ»).

Ч. III, стр. 155:

По что хорошо ходить, когда нѣкому любить,
По что мягко слать, когда не съ кѣмъ спать,
Ахъ я лягу на печи, на горячи кирпичи...

(№ 155: «Яблонь ты яблонь садовая моя»).

№№ 22 и 52. Собол. V, № 515, № 581; ср. еще № 174; А. Васнецовъ, стр. 68, № 89. Стихи 11—14 ср. съ подобными въ пѣснѣ: «Ахъ когда бъ я прежде знала» (И. И. Дмитріевъ, *Сочин.*, Спб., 1893, т. I, стр. 129, гдѣ Дмитріевымъ указано, что его пѣсня есть точное подражаніе старинной простонародной).

№ 23. Связка изъ двухъ пѣсенъ: первая — 25 строкъ начала, вторая — конецъ. Варіанты первой пѣсни — Собол. V, №№ 184 — 191; второй — Собол. VII, №№ 460 — 462; всей связки—Собол. V, №№ 192—194, Шейнъ № 556. У Гурьянова вторая пѣсня въ отдѣлѣ «свадебныхъ» (ч. VIII, стр. 175).

№ 24. Шейнъ, №№ 536—538. Пѣсня не старая. Въ пѣсенникахъ намъ встрѣчалась съ 1817 года: *Новѣйш. росс. пѣсенн.*, ч. II, Спб. 1817, стр. 122 (съ книжнымъ концомъ); *Новѣйш. росс. пѣсенн.*, Спб. 1818, стр. 146; *Новѣйш. всеобщ. и полн. пѣсенн.*, ч. II, Спб. 1819, стр. 68 (тоже какъ и первая указанная редакція съ книжнымъ концомъ); *Избранн. новѣйш. пѣсенн.*, ч. II, М., 1820, стр. 121 (съ книжнымъ концомъ); *Новѣйш. туалетн. пѣсенн.*, Орелъ, 1821, ч. III, стр. 212; *Новѣйш. полн. всеобщ. пѣсенн.*, ч. II, М., 1822, стр. 72, и др. Сложена тоже подъ вліяніемъ «пастушескихъ» пѣсенъ.

№ 25. Собол. IV, №№ 631 — 633, № 722. У насъ послѣднія 7 строкъ изъ другихъ пѣсенъ.

№ 26. Собол. II, №№ 135—140.

№ 27. Собол. II, №№ 493 — 497; IV, №№ 102 — 104; VII, № 308; Шейнъ № 553, № 618 (очень близокъ къ нашему), ср. также № 554, № 640.

№ 28. Раньше въ той же семьѣ изъ мѣщанъ (бывшихъ дворовыхъ) Покровскаго уѣзда, которые заучивали пѣсни въ Москвѣ, работая тамъ въ мастерскихъ, мной записанъ законченный текстъ пѣсни № 28 съ продолженіемъ, котораго недостаетъ въ текстѣ, приведенномъ въ сноскѣ:

Трехкопеечный мужикъ на кровати лежитъ:
сторублевая жена у кровати стоитъ,
у кровати стоитъ, низко кланяется.
Ахъ мужъ, прости, на кровать пусти.

Я тогда тебя прощу, когда шкуру всю спущу.
Я поѣду во торжище, куплю себѣ кнутище,
такое витое, позолоченое.
Стану жонушку бить, стану ее колотить.
У Иванова двора поукатана гора.
Я скокъ на ледокъ, подвернулся каблучокъ.
Я упала и лежу на правоемъ боку,
на правоемъ боку, помираю со смѣху.
Я глядь-поглядь, меня некому поднять.
Съ гостиннаго двора идетъ рыжа борода.
Я не знала какъ назвать, поучилася соврать,
поучилась соврала, Павлушей назвала.

Текстъ нашей сноски представляетъ связку изъ трехъ пѣсенъ. Варіанты послѣдней см. Собол. IV, №№ 654—656; Шейнъ №№ 548—549, ср. также № 598.

№ 29. Собол. IV, №№ 685—686; А. Васнецовъ, стр. 43; К. П. Галлеръ, *Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ С.-Петербургской губ.*, стр. 9. Въ книгѣ «*Народни украінскі пісні... зібрани... Ол. Гулакъ-Артемовскымъ*, вып. першый» (К., 1868), въ отд. III «пісні чоловічі», подъ № 34 на стр. 37 находимъ пѣсню, которая одинакова съ началомъ нашей:

Ой не спыця, не лежыця,
И сонъ мене не бере;
Пішовъ бы я до дівчины,
Та не знаю де жыве.
Попрошу я товарыша
Не хай мене одведе.
Попрохавъ бы товарыша,
Не хай мене одведе;
Такъ товарышъ кращый мене,
Вінъ дівчыну одибье,
Ой товарышъ кращый мене,.
Той дівчыну одибье.

Содержаніе нашей и малороссійской пѣсни не вездѣ понятно: Какъ товарищъ знаетъ лучше самого молодца, гдѣ живетъ его подруга? Какъ же онъ находитъ Сашу самъ, если не знаетъ, гдѣ она живетъ? Почему Сашѣ стыдно до бѣлой зари лежать? (У Мельгунова и Васнецова, впрочемъ: «со вечера рано спать»). Положимъ, въ старину вставали очень рано, до зари. Но если время прихода молодца къ Сашѣ совпадало съ тѣмъ временемъ, когда всѣ встаютъ, то странно, что оно выбрано такъ неудачно.

№ 30. Собол. IV, №№ 224—225; Шейнъ, №№ 422—424; Иваницкій, *Труды Этногр. отдѣла Имп. Общ. Л. Е. А.*

и Э., т. LXI, в. II, стр. 226 (*Грязовец.* у.); Васнецовъ, стр. 157 (вар. близкій къ нашему).

Стихи 8 — 11 мы находимъ въ видѣ частей старыхъ пѣсенъ: *Новое и полн. собр. росс. пѣс.*, ч. III, М. 1780, стр. 188, № 188:

Ты не вейся ты не вейся трава со ракитой,
Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей,
Хорошо было свыкаться тошно разставаться...

Сходно съ этимъ начало пѣсни въ IV ч., стр. 92, № 111.

Новѣйш. росс. всеобщ. пѣсенн., ч. II, М. 1803, стр. 127, № 68:

Не свивайся, не свивайся трава съ павилицей,
Не слетайся, не слетайся голубь ты съ голубкой,
Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей:
Хорошо было свыкаться, тяжко разставаться...

Стихи 14—17 мы находимъ въ одной пѣснѣ «Полнаго собранія пѣсенъ хора московскихъ цыганъ» (Спб. 1855, стр. 50—51:

Какъ мы съ тобой, дѣвица,
Совыкалися,
Подъ бѣлой березонькой
Любовалися,
Подъ горькой осиной
Разставалися.

Тотъ же отрывокъ: *Пѣсенникъ. Полное собр. русск. и цыган. пѣсенъ*, М. 1865, стр. 187. Сходно съ этимъ: *Рус. Фил. Вѣстн.*, 1889 г., № 1, стр. 116:

Как я с ми́лым савыка́лась пад бе́лаю бярёзаю,
Как я с ми́лым развыка́лась пад го́рькяю асинай.

Ср. также Собол. IV, № 759 (три послѣднихъ стиха). Ср. еще для стиховъ 8—17: Ѳ. Студитскій, *Народн. пѣсни, собр. въ Новгород. губ.*, стр. 48, № 31.

№ 31. Собол. III, №№ 563—567.

№ 32. Собол. VII, №№ 475—478; Шейнъ №№ 923—926.

№ 33 и 62. Шейнъ №№ 1567, 1703, 1850, 1860, 1896, 2062, 2458; *Карманн. пѣсенн.*, М., 1796, стр. 243 (текстъ съ поправками Дмитріева); *Самой новѣйшій отборнѣйш. москов. и*

санктпет. пѣсельникъ, М., 1799, стр. 370; *Новѣйш. росс. пѣсен.*, ч. II, Спб. 1817, стр. 201, и др.

№ 34. Шейнъ №№ 1514, 2187, 2265, 2414, 2435, 2480, 2558; *Новѣйш. росс. всеобщ. пѣсенн.*, Новое изданіе, ч. II, М., 1803, стр. 285; *Этногр. Обозр.* XXXV, стр. 121.

№ 35. Шейнъ №№ 1542, 1699, 1777, 2163, 2375, 2380; *Пѣсенникъ* 1817 г., ч. II, стр. 204; *Пѣсенникъ* 1819 г., ч. IV, стр. 40.

№ 36. Болѣе близкій вар. Шейнъ № 2266; ср. также Шейнъ №№ 1821, 1960, 1987, 2116, 2142, 2167 и *Пѣсенники* 1817 г., ч. II, стр. 205, 1819 г., ч. IV, стр. 42; ср. Сахаровъ, *Пѣсни русскаго народа*, ч. III, Спб. 1839, стр. 144.

№ 37. Шейнъ №№ 1899, 1963, 1990, 2104, 2169, 2374, 2412, 2472; Магнитскій, стр. 129.

№ 38. Очень близкій вар.: *Карманн. пѣсенн.*, М., 1796, стр. 193; *Пѣсенникъ* 1819 г., ч. IV, стр. 48; Сахаровъ, ч. III, стр. 146. Сравн. также: Шейнъ №№ 1594, 1965, 2190.

№ 39. Шейнъ №№ 1510, 1895, 1945, 1960, 1983, 2128, 2260, 2264, 2440; *Пѣсенники* 1799 г., стр. 373, 1817 г., ч. II, стр. 203, 1819 г., ч. IV, стр. 29; *Новѣйш. полн. всеобщ. пѣсенн.*, ч. III, М., 1822, стр. 150.

№ 41. Шейнъ №№ 1949, 1964, 2436, ср. также № 1557; *Пѣсенники* 1817 г., ч. II, стр. 209, 1819, ч. IV, стр. 5, 1822, ч. III, стр. 138.

№ 42. *Курскій сборникъ*, *Курскъ*, 1902, вып. III, ч. I, стр. 29, № 42; ч. II, стр. 83, № 138; Кохановская, *Остатки боярскихъ пѣсенъ*, *Русская Бесѣда* 1860, II, стр. 173 «хороводная» («Черезъ мой высокъ теремъ»); Е. Будде, *Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій*, *Изслѣд. особ. Рязан. гов.*, стр. 161 («Зимляничькя яһадка»). Ср. Собол. V, № 450.

№ 43. Собол. III, №№ 274—280; Шейнъ №№ 1573, 2411. Въ *Мещовскомъ* уѣздѣ употребительна, между прочимъ, какъ хороводная игровая; также въ Чердынск. у. (Поповъ, стр. 177). Нѣкоторые стихи встрѣчаются и въ другихъ пѣсняхъ:

. . . .
Ходилъ гулялъ молодецъ не радошенъ не веселъ,
. . . .
Повѣсилъ головушку на праву сторонушку,
Потупилъ ясны очи во мать во сыру землю,
Увидѣла матушка усмотрѣла родная,
Усмотрѣла родная съ высока терема,
Съ высока терема изъ косящата окна,
Дитя мое дитетко дитя чадо милое:
Что ходишь не весело, гуляешь не радостно,
Сударыня матушка не ты меня изсушила...

(*Новое и полное собр. росс. пѣсенъ*, ч. III, М. 1780, стр. 109).

№ 44. Шейнъ №№ 1836, 1874, ср. также № 2001; А. Н. Пыпинъ, *Народные стихи и пѣсни*, Отечеств. Записки 1858 г., т. CXVI, стр. 312; Кохановская, стр. 111; Пальчиковъ, *Крест. пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ Мензелинск. у.*, № 95.

№ 45. Ср. Шейнъ № 1988; ср. *Рус. Ф. В.* 1880, № 2, 284. Судя по слову «мята» ,пѣсня занесена съ юга Россіи?

№ 46. Шейнъ №№ 1575, 1916, 2160.

№ 47. Собол. II, №№ 117—123, ср. также №№ 112—128; Шейнъ №№ 401—403, 1232. Въ книгѣ: «*Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ... Ваньки Каина и Картуша*». 3 тисн. Во гр. Св. Петра. 1793 г., стр. 157 находимъ слѣдующее любопытное указаніе на отправленіе народныхъ весеннихъ праздниковъ въ Москвѣ во времена дѣятельности Ваньки Каина, т. е. въ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка: «Въ день праздника Пятидесятницы или какъ называется у насъ въ Троицынъ день, у Москворецкихъ воротъ на живомъ мосту собиралось множество дѣвицъ и женщинъ, которыя по древнему еще суевѣрному и идолопоклонническому обыкновенію, ходя съ березками, пѣли пѣсни, плясали и бросали съ головъ своихъ въ Москву рѣку вѣнки; чего ради для смотрѣнія сего позорища собиралось тамъ немалое число всякаго званія народу»...

№ 48. Собол. II, №№ 262—269, Шейнъ №№ 1241—1242.

№ 49. Приведенную здѣсь пѣсню въ первоначальномъ видѣ мы находимъ въ журналѣ: *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, ч. XX, М. 1798, стр. 175. Для сравненія представимъ ее такъ, какъ она напечатана въ книжкѣ: *Всеобщій новоизбранный пѣсенникъ*... Часть первая. Иждивеніемъ Московскаго купца Сергея Петрова. Москва, 1805.—Въ отдѣлѣ пѣсенъ «нѣжныхъ» подъ № 57, на стр. 84 напечатано:

Не нѣжна горлица порхаетъ,
Летя къ дружечку своему;
А красна дѣвица вздыхаетъ
О миломъ, сидя въ терему.
Вздохнетъ, и вздоховъ тяжкихъ, страстныхъ
Уныло сердце не снесетъ,
Вздохнетъ, и изъ очей прекрасныхъ
Скатится слезка упадетъ.
Вздохнетъ, своимъ платочкомъ бѣлымъ
Прелестны глазки оботретъ,
И робкимъ голосомъ, несмѣлымъ
Такую пѣсенку поетъ:
«Куда ты милой удалился?
«Куда ты милой залетѣлъ?
«Ты въ дальны стороны пустился,
«А мнѣ дать вѣсти не хотѣлъ.
«На то ли я тебя узнала,
«Чтобъ тщетно мучиться, страдать?
«На толь тобою плѣнна стала,
«Чтобъ вѣкъ отрады не видать?
«Иль у тебя страны далеки
«Меня въ забвенье привели;
«Иль вѣтры буйные на вѣки
«Меня изъ сердца унесли?
«Или теперь уже другая,
«Не я живу въ душѣ твоей?
«Ты сердце ей свое вручая,
«Меня принесъ на жертву ей.
«Ахъ! сжалься надо мною, милой!
«И страстно сердце не круши;
«Дай вѣсть душѣ моей унылой,
«И горки слезы осуши».

То же: *Новѣйш. всеобщ. и полн. пѣс.*, Спб. 1819, ч. VI, стр. 32; *Новѣйш. туалетный пѣсенникъ*, Орелъ, 1821, ч. III, стр. 178; *Новѣйш. полн. всеобщ. пѣсен.*, М. 1822, стр. 72; *Карманн. пѣсенн.*, Спб., 1838, кн. II, стр. 95; *Новѣйш. пѣсенн.*, Спб. 1838, стр. 31; *Новѣйшій русс. пѣсенникъ, или собр. романсовъ*, М. 1854, стр. 63, и др. Варіанты: *Русскій Филолог. Вѣстн.* 1887 г., № 4, стр. 267, № 5 (записано въ *Устюжскомъ* уѣздѣ отъ дочери просвирни); А. Васнецовъ, стр. 62, № 83; В. Чернышевъ, *Матер. для изучен. говоровъ и быта Мещовск. у.*, стр. 116.—Стихи 1—4, 19—24 нашей записи—приставки изъ другихъ пѣсенъ. Въ пѣс. Гурьянова указаны иниціалы автора: И. П. (М. 1835, ч. XII, стр. 47, № 25), въ пѣсенникѣ «Жасминъ и роза»... М. 1830, стр. 37, иниціалы: И. И.

№ 50. Е. Будде, *Къ діалектологіи великор. нар. Изслѣд. особ. Рязан. говора*, стр. 181 (съ отмѣткой: «Изъ Москвы пришла»); Н. Н. Дурново, *Замѣтка о говорѣ Шацкаго у. Тамб. губ.*, Спб. 1900, стр. 20; *Курскій сборникъ*, вып. III, ч. II, стр. 16, № 15; В. Чернышевъ, *Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда*, Спб. 1901, стр. 63 и 97. Еще варіантъ очень близкій къ № 50 имѣется въ моихъ записяхъ изъ *Покровскаго* уѣзда (Филипповская волость). Стихи 9 — 12 находимъ въ романсѣ: «Альфонсъ жестокой! сердцу милой»:

Почтожъ, какъ Ангелъ, ты явившись,
Мнѣ въ сердце искру заронилъ?
Блеснувъ, какъ молнія, и скрывшись,
На вѣкъ спокойствія лишилъ.

Гурьяновъ, *Полный новѣйшій пѣсенникъ въ тринадцати частяхъ...*, ч. VII, М. 1831, стр. 158 (въ отдѣлѣ пѣсенъ «любовныхъ»). Стихи, нѣсколько сходные съ 4-мя послѣдними, находимъ въ пѣснѣ «Я страдаю—милъ не знаетъ»:

Я вѣдь дѣвка молодая:
Меня всякъ будетъ любить;
Если стара буду, пожилая,
Тогда всякъ готовъ будетъ забыть.

Ю. Н. Мельгуновъ, *Русскія пѣсни непосредственно съ голосовъ народа записанныя*, М. 1879, вып. I, стр. 35 (Собол. IV, № 617).

№ 51. Сообщеніе Н. Н. Дурново: «Пташка канарейка в саду распѣвала» (№ 51). Печатных текстов не знаю. У нас в *Парфёнках* эту пѣсню поют так:

Куда милл уѣхал,
сама я не знаю,
помню: мы прощалис
с милым под горою;
дѣло было лѣтом,
жаркою порою.
Говорил мой милый:
«Не стой перьдо мною 2
ни бливай слезою,
а то люди скажут,
што ты меня любиш».
Пущай онѣ скажут,
а я не боюся 2
с милым растаюся.
(Кого я любила,
того здѣся нѣту,
кого ненавижу,
постоянно вижу).
В калиновой рощѣ
пташки распѣвали,

а мово милóва
в поход собирали.
Вот идёт мой милый,
он совсѣм собрáный:
в шапочкѣ бобровой
и шинель солдатска.
«Куда милой ѣдеш?
куда уѣзжаешь?
на кого же, милый,
меня оставляешь?
—«На Того оставил,
Кто живёт на небѣ;
уповай на Бога,—
—нас на свѣтѣ много».
(или послѣдн. стихъ:
«Будет милых много»).

№ 52. См. № 22.

№ 53. *Этнгр. Обозр.*, кн. XXXIII (1897, № 2), стр. 114 (*Покров.* у.). Ср. Собол. V, № 776; ср. Шейнъ № 540, № 599; ср. Якушкинъ, № 168. Стихи, сходные съ 8 — 10, находимъ въ пѣснѣ «Доброй молодецъ по улицѣ похаживаетъ»:

Я тогда, доброй молодецъ, побываю у тебя,
Когда выростетъ трава середь широкого двора...

Новое и полн. собр. росс. пѣсенъ, ч. III, М. 1780, стр. 130. Стихи, сходные съ 14—15:

Онъ (конь) копытомъ землю рветъ, молодца горе беретъ.

Пѣсенникъ 1819 г., ч. IV, стр. 25. Н. Н. Дурново, имѣетъ варіантъ этой пѣсни, записанный имъ въ Парфѣнкахъ *Рузскаго* у. У меня есть еще очень близкіе варіанты этой пѣсни, записанные въ *Боровскѣ* мною и учениками уѣзднаго училища. Въ нихъ болѣе понятный конецъ:

Конь копытомъ землю бьетъ,
изъ копыта руда льетъ.
Молодца горе беретъ,
Саша замужъ не идетъ.

№ 54. Варіанты см. А. Васнецовъ, стр. 76, № 99; Б. Будде, *Къ исторіи великорусскихъ говоровъ*, Каз. 1896, стр. 339, 354; *Русс. Филол. Вѣстн.* 1898, № 3—4, стр. 21, 36; Н. Н. Дурново, стр. 20; *Извѣстія Отдѣл. рус. яз. и слов. И. А. Н.*, т. VIII (1903), к. I, стр. 377; *Матер. для изученія великор. говоровъ*, VIII, стр. 136; В. Чернышевъ, *Матер. для изучен. говоровъ и быта Мещовск. у.*, стр. 92; *Курскій сборникъ*, в. III, ч. II, стр. 15, № 14.

Сравните: *Новѣйшій россійскій всеобщій пѣсенникъ*... Новое изданіе. Ч. II. М. 1803, стр. 156, № 86:

Ты прости моя душа,
Слышу ѣдишь отъ меня,
Я должна съ тобой разстаться,
Жаль, что долго не видаться!
Ты тамъ будешь жить въ веселье,
Я останусь въ огорченье:
Буду помнить твои взоры,
И пріятны разговоры,
Не усну спокойной ночи,
Воображаю твои очи.
Отъ сна какъ скоро проснусь,
Такъ слезами обольюсь.
Пріѣзжай душа, моя,
Ты утѣшь въ жизни меня!
Если бъ зналъ, сколь ты мнѣ милъ,
Твой духъ меня воспламенилъ,
Тебя, свѣтъ мой, обожаю,
Своей жизнью называю,
Ты одинъ меня тревожишь,
Ты одинъ меня крушишь.
Ахъ! проклятая любовь,
Для чего ты такъ вспалила кровь?
Лучше съ жизнію разстаться,
Чѣмъ безъ милова остаться;
Знать судьба того желаетъ,
Насъ съ тобою разлучаетъ,
Все я въ свѣтѣ презираю,
Когда милова теряю,
Имя ваше я не знаю,
Только сердцемъ почитаю.

№ 55. Ср. Соболев. II, № 445 (съ 18 строки); Ѳ. М. Истоминъ, *Пѣсни рус. народа*, собраны въ губ. Архангельской и Олонецкой въ 1886 году, Спб. 1894, стр. 173, № 13 (въ концѣ).—Н. Н. Дурново (Москва) любезно сообщилъ мнѣ: «Пѣсня «Расказáть ли чиво в свѣти у нас нѣт» (№ 55). Я нашол в своём собраніи только один варіант, записаный мною в с. Товарковѣ Полотняно-заводской вол. на р. Угрѣ *Медынск*. у. Но мой варіант короче и хуже вашего:

Как один случáй расказывал расказ:
Один молодец дѣвчонку обольстил,
обольстёмши с руки перстень получил,
получомши хотѣл взять её женой:
«Да ты будь жена до грóбу суждена́»,
а сам вышел на паратное крыльцо,
он стучал, гремѣл лакеям, кучерам:
«Вы лакеи, молодые кучера,
запрягайте тройку вóроных коней».
Сѣл в коляску; его кони понесли.
Взяла вёдры сама пó воду пошла,
почерпнула, поставила под горой,
перхрестилась, сама скрылась под водой».

№ 56. Сообщеніе Н. Н. Дурново: «При борнай нóчиньки прахладный» (№ 56). Печатных текстов я не нашёл. В моём собраніи есть нѣсколько варіантов, записанных в Парфёнках,

а также от крестьян *Волоколамск.*, *Венёвск.*, *Зарайск.* и *Пронск.* уу.». — У меня есть еще варіантъ изъ *Покровскаго* у. Владим. г.

№ 57. Вотъ первоначальный текстъ этой пѣсни. *Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ*... Ч. I. М. 1822, стр. 59, № 44:

Двое нещастныхъ (Голосъ томной).

Намедни въ рощицѣ гуляя,
Гдѣ птички порхали однѣ,
И пѣснямъ соловья внимая,
Вдругъ что-то грустно стало мнѣ.
Невольно отъ души вздохнувши,
Я къ свѣтлой рѣчкѣ подошелъ,
И на вѣтвистый дубъ вздохнувши[1]),
На берегу подъ тѣнью сѣлъ,
Луна свой видъ изобразила[2])
Въ студеной, зеркальной рѣкѣ,
И тихи воды посребряла,
И соловей пѣлъ вдалекѣ.
То громко пѣлъ, то тихо, нѣжно,
То жалобно онъ тосковалъ;
Я слушая пѣвца прилѣжно,
Сидѣлъ задумавшись мечталъ.
Но вдругъ, по рощицѣ летая,
На дубъ вѣтвистой онъ взлетѣлъ,
И душу томну услаждая,
Еще, еще нѣжнѣй запѣлъ.
Изъ глазъ тутъ слезы покатились,
И облегчили грусть мою;
Слезами чувства обновились—
Пѣвецъ! сказалъ я соловью:
Уже ль и ты нещастье знаешь,
Любезной, милой соловей?
Иль[3]) только сострадаешь
Въ печальной[4]) участи моей?
Я матери, отца лишился,
И младость въ сиротствѣ влачилъ;
Теперь—жестокою плѣнился:
Надежды нѣтъ... но полюбилъ..

1) Въ пѣсенникѣ 1819 г.: *взглянувши.*
2) Тамъ же: *изображала.*
3) Тамъ же: *или ты.*
4) Тамъ же: *печальной.*

А ты, мой другъ, о чемъ сгрустился?
Почто напѣвъ твой такъ уныль?
«Я съ милой, съ милой разлучился.
«Я только для нее и жилъ!
«Она вечоръ мнѣ измѣнила;
«Я муку лютую терплю!
«Она другова полюбила,
«А я, такъ все ее люблю»!
Пропалъ, умолкъ, спорхнулъ, помчался,
Свою невѣрную искать;
А я на бережку остался,
Чтобы по милой тосковать.
И благотворный сонъ на время
Плѣниру мнѣ явилъ...
Проснулся я—и скорби бремя
Еще сильнѣе ощутилъ.

То же: *Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ*... Ч. III, Спб. 1819, стр. 27; *Новый русскій пѣсенникъ*, М. 1854, ч. IV, стр. 17. Въ качествѣ варіанта ср. Ѳ. Студитскій, *Народн. пѣсни, собр. въ Новгор. губ.*, стр. 13, № 2 («Смоленско кладбище прекрасно»).—Послѣдняя строка нашей пѣсни изъ стихотворенія Козлова: «Послѣдній день красы моей».

№ 59. Ср. Собол: III, №№ 381 — 383; ср. *Курскій сборникъ*, вып. III, ч. II, стр. 14, № 13. (Въ послѣдней книгѣ указанъ еще варіантъ: Лопатинъ *и* Прокунинъ, Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, ч. I, М. 1889, стр. 124 и сл.).

№ 60. Собол. III, №№ 226—230.

№ 61. Собол. I, №№ 89—130; Шейнъ, №№ 903—908, 912.

№ 62. См. № 33.

№ 63. Шейнъ № 1574, 1882, 1930; Собол. III, №№ 304, 306—319.

№ 64. Шейнъ №№ 1989, 2309, 2410; ср. также № 1730.

№ 67, стр. 117, IV. Д. Зеленинъ, *Пѣсни деревенской молодежи*, Вятка, 1903, № 142.

Стр. 118, XI. Въ IV части вышеназваннаго «*Всеобщаго новоизбраннаго пѣсенника*» (М. 1805), въ отдѣлѣ: «Пѣсни мало-

россійскія» подъ № 24 на стр. 35 находимъ тотъ же куплетъ въ пѣснѣ: «Ой гай, гай, гай, гай, зелененки»:

Ой не бійте мене, и не лайте мене,
Коли я вамъ докучила, такъ отдайте мене.

Въ этихъ «прибауткахъ», болѣе извѣстнѣхъ подъ именемъ «частушекъ», мы должны, между прочимъ, видѣть отрывки изъ старыхъ пѣсенъ, подобно тому какъ это есть въ малороссійскихъ «коломыйкахъ». Впрочемъ, это бываетъ довольно рѣдко; большая часть современныхъ «частушекъ» новаго происхожденія. Можетъ быть болѣе старыя частушки — мы ихъ почти не имѣемъ — и были такими, но теперь онѣ уже давно перестали быть обрывками большихъ старыхъ пѣсенъ [1]). Въ наши времена крестьянская молодежь импровизуетъ частушки, собираясь сидѣть на заваленкахъ (Вологод. губ.; сообщеніе Л. В. Сиземскаго). Наоборотъ, въ цѣлыя пѣсни вставляются иногда отрывки—частушки. Такъ въ № 14 у насъ вставлены стихи:

хочиш любиш, хочиш нет,
ни капейти при мнѣ деник нет,

которые мы знаемъ какъ «частушку» (В. Чернышевъ, *Матер.*, стр. 107).

Стр. 118, XII, *Этнограф. Обозр.*, XXXIII, стр. 116.

Стр. 118, XIV. Ср. тамъ же, стр. 111.

Стр. 119, XX, строки 8—9. Зеленинъ, № 448.

№ 68. Болѣе подробный, но все еще неполный и не совсѣмъ толковый варіантъ этой пѣсни былъ записанъ мною раньше отъ одной неграмотной уроженки с. Ильинскаго Москов. г., съ дѣтства жившей въ Москвѣ. Она сообщила мнѣ, что пѣсня сочинена однимъ московскимъ квартальнымъ, убившимъ свою жену изъ ревности.

Паша андил нипарочнай,
Ни рапчи на жребій свой;
Прожил я с табой пять лѣт,
Знать, нам пробил чяс урочнай,
Я нарушилъ свой абѣт.

Мы ни в дальнам расстаяньи
Прашли рука с рукой.
Дочь малютку дарагую
На вѣк аставили сиратой.
Прежди гнался за чинами,

1) Сравн. В. Перетцъ, Совр, рус. нар. пѣсня, стр. 4; со ссылкой на Потебню (Приб. къ XXXVII т. Запис. Акад. Наукъ, № 4, стр. 146).

Искалъ славы, арде[i]на́,
А теперь гримлю цыпями,
Ф Сибирь на катаргу гатоф.
Даставать киркой я буду
И ни волинъ буду в ней.
Дочь, астафь свае жилишьшя
Не замѣтна ат людей,
Сходи на бпшьшія кладби́шьшя
К магили ма́тири сваей.
Васплачь горькáми сле[i](е)зами,
Малитву тихаю прапой.
В этай андильскай малитви
Праси Бога и Тварца,
Штоп прастил за приступлёнья
Тваво ни(е[i])счяснава атца.
Пра тебя́, мая малютка,
Издали́ идёт малва́:
Сердца кровью абальетца,
Когда услышу тѣ слава...

(Конецъ забытъ). У насъ имѣется еще варіантъ изъ *Боровска*, но тоже очень искажонный.

Н. Н. Дурново (Москва) любезно сообщилъ мнѣ слѣдующія данныя объ этой пѣснѣ:

«Пѣсня «Сиротка», т. е. «Паша, ангел непорочной» извѣстна мнѣ по слѣдующим пѣсенникам, имѣющимся у меня:

1. «Сборникъ новѣйшихъ пѣсенъ и романсовъ Ванька-Ключникъ. Изданіе первое». Спб. Изд. книгопрод. Холмушина 1901, стр. 24. (На обложкѣ: «Пѣсенникъ Ванька Ключникъ»).

2. «Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ, содержащій новѣйшія пѣсни, романсы и стихотворенія. В. Турбина». Москва. Изд. книгопр. А. Д. Сазонова 1901. (На обложкѣ: «Пѣсенникъ»), стр. 3.

3. «Новѣйшій полный пѣсенникъ, содержащій въ себѣ пѣсни, романсы и стихотворенія извѣстныхъ русскихъ поэтовъ. Изданіе второе». Спб. Изд. книгопр. А. А. Холмушина. 1901, стр. 465.

4. «Сборникъ новѣйшихъ русскихъ пѣсенъ и романсовъ «Бродяга»». Москва. Изд. книгопр. А. Д. Сазонова. 1901, стр. 57 (на обложкѣ: «Пѣсенникъ»).

5. Картинка, на которой изображон старик каторжник, сѣдящій в раздумьѣ с киркой в руках; рядом — тачка и лопата; сбоку, в кругу—дѣвочка, стоящая на колѣнях перед могилой. Под картинкой — текст. Изд. П. В. Пурецкаго въ Москвѣ. 1901 г. Заглавіе «Сиротка».

Других изданій не знаю, п. ч. не нашёл в книжных лавках, гдѣ я покупал пѣсенники и картинки в концѣ 1901 года.

Приведу текст пѣсни по пѣсеннику Турбина (№ 2) со всѣми варіантами остальных:

Паша, *друг мой* непорочный
Не ропщи на жребій свой;
По грѣхам твоим достойно
Казнь пришла моей рукой.
Жизнью честной *безупречной*
Прожил я с тобой шесть лѣт
Вѣрно: час пробил[1]) урочный
Нарушил я свой обѣт.
В недалёком разстояньѣ
Мы *про*шлись рука с рукой,
Доч малютку дорогую
Мы остави*м* сиротой,
Доч, оставь своё жилище
Недалеко от людей
Сходи на общее кладбище
К могилѣ матери своей.
Упади предъ небесами
С чистой пламенной душой
Заплачь горькими слезами,
Молитву *чистую*[2]) пропой
В этой пламенной молитвѣ
Не забудь просить Творца,
Чтобы[3]) простил Он за[4]) прегрѣшенья[5])
Горемычнаго отца.
Я гнался прежде за чинами
Искал я славы, орденов,
Теперь гремлю *я кандалами*
В Сибирь на каторгу готов.
И в Сибири жить я буду,
Рыться въ рудѣ золотой
Доставать злато киркою,
Вспоминать тебя, другъ мой!
Может статься, что случиться:
Что добуду я киркой,
Ты носить будешь *в сережкѣ*[6])
Или перстень золотой.
Может быть и донесется
Обо мнѣ к тебѣ молва.
Сердце кровью обольется,
Как услышишь тѣ слова.

Устные варіанты восходят к нѣсколько отличному тексту. Текстъ, запис. мною в Парфёнках (к тексту Турбина):

Паша, *андиль*[1]) нипарочнай,
Ни рапщи *на жерип* свой.
По гряхам тваим дастой*най*[2])
Маей наказанай рукой.
Паша андиль, Бох с табою, (или: нипыненай)[3])
Я прожил с табой 6[4]) лѣт,
Навѣрна прóбил[5]) час урочнай,
Нарушы́л я свой абѣт.
Ни в далёчим растаяньи[6])
Мы *сашлис*[7]) рука с рукой,
Доч малютку дарагую
Навѣк аставил сиратой.
Доч, астаф сваё жилища
низамѣтна ат людей[8])
Ступай на опчія[9]) кладбища,
К мадили матири сваей.[10])
Стань прид ней[11]) прид нибисами
вѣрна-пламинай[12]) душой,[13])
заплач[14]) горькими слизами,

1) пробил час—№ 4.
2) тихую—№ 4.
3) Чтобъ № 4, 5, 1.
4) нѣтъ № 4, 5, 1.
5) прегрѣшенія—№ 5.
6) сережки № 1, 5.

малитву тихаю[15]) прапой.
В вѣрнай (или: в ефтай) пламинай
малитви
ни забуть прасить Тварца,
што ни[16]) прастил за[17]) приступленья
тваво нищаснава ацá.[18])
Твая мать[19]) давно в мадили,
маей наказана рукой,
а я ф катарди ф Сибири
давно[20]) страдаю пад зимлёй.[21])
Раньшы гнался за чинами.
имѣл славу, ардиноф,
а типерь гримлю цыпями,
в Сибирь на каталгу гатоф.
Ва Сибири жить я буду,
рабатáть буду тирькóй,
рабатáть тирькой я буду,
рытца в роти залатой,
Даставать буду тирькóю,
ва иволи буду жить
. . . .
Э, што збýдица са мной!
Можат щасьица пастигнит,
кусок золата найду,
салью дочири сирёшки,
на рýчку перстень залатой.
Доч насить будит сирёжки,
на ручти перстинь залатой.
Дочка вырастит бальшая,
пра ниё прайдёт малва,
—серца кровью абальёца,
када услышит тѣ славá:
«Твая мать давно в мадили,
маей наказана рукой,
атец ф катарди ф Сибири
давно страдаит пад зимлёй».
Там гдѣ солнушка ни свѣтит,
луна ни фсходит никадá,
мне придётца там падибнуть
и завянуть как трава.

Т. обр. мой варіант полнѣе извѣстныхъ мнѣ печатных, но, может быть, в болѣе ранних печатных пѣсенниках, текст был не тот, какой в пѣсенниках 1901 г. В нѣкоторыхъ мѣстах, впрочем, полнота запис. мною варіанта — вторичная. Кромѣ того, я имѣю еще 2 варіанта: один полный—из дер. Акулова Пронск. у Рязанской губ., другой, неполной, из Мельгунова Рязанск. у. (отмѣч. их: 1) А; 2) М): 1) «другъ мой», какъ в печ. М, 2) достойным АМ; 3) «Паша, ангил нипарочнай» А; «Жисть частнáя, непорýчная» М; 4) «пять» А, 5) «Типерь настал нам» А; 6) «Круг священнаго налоя» АМ; 7) «прошли» АМ; 8) вмѣсто этѣх 2-х стихов в М: «Доч, носи златы сережки, на ручкѣ перстень золотой»; 9) «Сходи» АМ; 10) «Ко мнѣ, к матери к своей» М; 11) «Стань ты там» А; 12 «с чистай ангильскай А (тоже иногда и в Парф.); 13) этих 2-х стихов в М нѣт; 14) + «ка» А; 15) «теплуя» А; 16) «Штоп» АМ; 17) «Он» М; 18) Этим конч. М; 19) «Мать твая» А; 20) «Живу» А; 21) Далѣе: «Дочь тагда пра то узнаишь Кагда прайдеть пра то малва, С. кр. аб., к. усл. тѣ сл., Знать придетца мнѣ пагибнуть и зав. как тр., Гдѣ солнышка ни сьяить, луна ни всх. никада» А.

Замѣтка къ отдѣлу IV.

Подбирая варіанты и разыскивая книжные источники пѣсенъ, мы имѣли въ виду прежде всего предоставить себѣ и другимъ средства изученія текстовъ пѣсенъ въ ихъ измѣненіяхъ въ зависимости отъ времени, мѣста, среды и другихъ возможныхъ условій. Но знакомство съ варіантами и источниками, хотя и несовсѣмъ полное, даетъ намъ возможность сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній.

1. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе старая и глубокая связь нашихъ пѣсенныхъ матеріаловъ съ книжной, искусственной поэзіей. Наряду съ очень старой народной пѣсней поется пѣсня-стихотвореніе, происхожденіе котораго опредѣляется именемъ автора или, по крайней мѣрѣ, извѣстной книгой.

Съ этимъ вмѣстѣ получается указаніе на довольно старое вліяніе на народъ искусственной пѣсни. Уже въ концѣ XVIII вѣка пѣсня литературнаго происхожденія проникаетъ въ народъ и широко распространяется среди него. См. указанія къ № 49: пѣсня «Не нѣжна горлица порхаетъ», извѣстная въ литературномъ источникѣ 1798 года, отмѣчена, кромѣ Московскаго уѣзда, въ Устюжскомъ, Мещовскомъ и Вятской губерній. Въ послѣднее время собиратели и изслѣдователи пѣсенъ новѣйшаго происхожденія (частушекъ) не мало говорили о наступившемъ измѣненіи взглядовъ, вкусовъ и потребностей народа («Новое время— новыя пѣсни»). Позволительно думать, что при болѣе широкомъ изслѣдованіи всего того, что поется въ народѣ, это измѣненіе народныхъ потребностей окажется очень не новымъ и можетъ быть отодвинуто къ XVIII вѣку. Распространеніе въ народѣ пѣсенъ въ родѣ: «Ночною темнотою, покрылись небеса» (Ломоносова; см. стр. 149) или «Стонетъ сизый голубочекъ» (Дмитріева, впервые напечатана въ 1792 г.) показываетъ, что уже тогда, когда входили въ обращеніе эти пѣсни, въ народѣ существовала потребность къ произведеніямъ искуственной литературы.

Такъ какъ пѣсни литературнаго происхожденія распространялись устнымъ путемъ,[1]) то это еще болѣе указываетъ на то, что они усваивались потому, что «нравились». Для поющаго народа не можетъ, напр., имѣть значеніе имя автора: его привлекаетъ только сама пѣсня (содержаніе и напѣвъ).

2. Разыскиваніе варіантовъ и источниковъ убѣждаетъ насъ затѣмъ въ большомъ распространеніи пѣсенъ по мѣстностямъ. Многія старыя пѣсни извѣстны чуть ли не во всей Россіи. Новыя—какъ скоро входятъ въ моду—быстро разносятся тоже чуть ли не вездѣ.

3. Сличеніе варіантовъ старыхъ и отчасти новыхъ пѣсенъ указываетъ иногда на мозаичность ихъ состава: Не говоримъ о болѣе или менѣе связныхъ сшивкахъ, какъ № 23: иногда связываются неподходящіе другъ къ другу пѣсни, какъ № 1 (въ первой другъ смѣется надъ любящей дѣвушкой; во второй онъ вѣренъ ей до гроба). Иногда видимъ въ пѣснѣ вставленныя обрывки изъ разныхъ пѣсенъ, напр., въ №№ 3, 10, 21, 30, 43, 50, 53. Сшивки, мозаичность состава пѣсенъ съ одной стороны указываютъ на упадокъ, въ который приходитъ пѣсня: теряется сознательное отношеніе къ содержанію[2]), смѣшиваются напѣвы. Если предположить для каждой пѣсни особый напѣвъ, то смѣшеніе и сшивки текстовъ будутъ невозможны: они возникаютъ тогда, когда, при упадкѣ музыкальнаго знанія и чутья, двѣ пѣсни поются на одинъ напѣвъ. Съ другой стороны отрывки, вставлен-

1) Иначе они и не могли распространяться при неграмотности народа, которая существуетъ еще и въ наше время. Правда, мы имѣемъ отъ конца XVIII и начала XIX вѣка много пѣсенниковъ, но они обращались не въ простомъ народѣ. Это обозначается иногда и въ самыхъ заглавіяхъ ихъ, въ родѣ: «Для милыхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ». Но и въ этой средѣ пѣсенники только помогали памяти: по нимъ можно было исполнять пѣсню, когда заученъ мотивъ. Если бы мы допустили пѣніе пѣсенъ по пѣсеннику безъ знанія напѣва, то въ результатѣ получилось бы такое разнообразіе и смѣшеніе мотивовъ для одной и той же пѣсни, которое отняло бы у новой пѣсни всякую опредѣленность напѣва. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи, напротивъ, существуетъ замѣчательное единство.

2) Иногда, конечно, мало культурная народная среда съ самаго начала усвоиваетъ нелогичный текстъ или даже искажаетъ его по недоразумѣнію или желанію осмыслить по своему.

ныя въ пѣсни, даютъ намъ любопытныя указанія на вліяніе старыхъ пѣсенъ на вновь сложенныя (см. №№ 3, 50, 53); иногда они указываютъ, что въ данной мѣстности пѣлись пѣсни, которыхъ теперь въ ней, можетъ быть, и нѣтъ (см. № 57).

Дополненія и поправки

У меня имѣются еще отмѣтки о говорахъ 2 селеній, которыя я приведу здѣсь.

I. *Коровій Врагъ Всесвятской* волости Московскаго у., (въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ нѣтъ такого названія, но на картахъ Московск. г. есть), 10 верстъ отъ Московской заставы.

§ 1. Говоръ акающій. Обыкновенно въ слогѣ за удареніемъ и за слогъ до ударенія слышится звукъ средній между *о* и *а*: то^а^карѝ, лѣто^а^м. Рóвная мѣстă.

§ 2. *И*фимам, *зи*мля́, *чи*жóлая, руч*і*ёк, *си*мéйства, *биз* дроф; *би*жыт, ве^и^сна́; аддыха́*им*, ка́м*и*нь, сѣ́*ить*; ра́ньш*ы*.

§ 3. Въ одномъ случаѣ послышалось неударяемое *о*: да *о*ны́ фся́каи. Т*и*пéрь и т*а*пéрь (рядомъ).

§ 4. Перругáлиса; клéи (колеи).

§ 5. Примѣровъ нѣтъ.

§ 6. Пасичя́ют (посѣщаютъ); к' = т'; опчеству́; унистóжылись.

§ 7. Пéр*ь*вую; *дъ*вѣ.

§ 8. Примѣровъ нѣтъ.

§ 9. Апчеству́, прамыслóм, на складáх.

§ 10. Пад Масквó*ю*; 30 бра́то^а^ф.

§ 11. Паскарѣ́й.

§ 12. Теэ̆ (неясно). Оны́ (см. § 3); сь *им*. Сваé*м*. Катóр*ым*.

§ 13. Рашьши́тыву; пóльзавамса; кóс*ют*.

Въ общемъ «очень чистое нарѣчіе; говорятъ какъ въ «Радомлѣ» (См. Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. А. Н., т. LXVIII, прилож. № 3, стр. 6 и дальше).

II. *Кобы́лья Лу́жа Московскаго у.*, № 212.

Произношеніе мальчика лѣтъ 12-ти: Вообще акаетъ; отмѣчено: мáл*о*^{а}; Икаетъ: *си*лó, в*и*рсты́, *ни* знáю, мéньш*ы*. Въ сочетаніи фсёодно́ передъ звукомъ *д* я слышалъ *о*, но ни фсё *а*днó (когда слова раздѣляются въ произношеніи). *С*вѣты́ (цвѣты). Въ прилаг. имен. пад. множ. числа отмѣчены произношенія: бальш*ы́и*, дáльн*ыи*[1]); бе^{и}ирёзав*ыя* (е^{и} неясно). «Живу́т катóр*ы* (т. е., нѣкоторые) харашó». «В лѣсу *бѣлава* нашол». «У нас *на* Кабыльей Лужы» (въ Кобыльей Лужѣ).

При записи произношеній этого мальчика есть отмѣтка, что вообще произношеніе молодыхъ людей болѣе энергично, почему они акаютъ и икаютъ яснѣе чѣмъ старые, у которыхъ болѣе вялое произношеніе.

Аканье и оканье въ Клинскомъ уѣздѣ.

Въ общемъ необходимо признать, что тѣми свѣдѣніями по діалектологіи, которыя мы получаемъ путемъ разспросовъ, нужно пользоваться съ крайней осторожностью. Но когда мы имѣемъ нѣсколько данныхъ полученныхъ такимъ образомъ, то всетаки большая часть ихъ несомнѣнно окажется вѣрными. Поэтому приведу здѣсь названія селеній Клинскаго у., которыя мнѣ указывали какъ окающія или акающія. Послѣднихъ показали очень немного. Акаютъ въ Давыдковѣ (см. стр. 19), Голенищевѣ

1) Эти окончанія иногда не ясны.

(№ 3212), Дулѣповѣ (№ 3215; о Дулѣповѣ сообщаютъ, что жители тамъ переселенцы[1]). Акаютъ еще въ Ямугѣ (№ 3503), Малининѣ (№ 3502, Никитскомъ (№ 3170). Въ такъ называемомъ «Кругу» (на картѣ Московъ. губ. «Круговщина», въ сѣверо-западной части уѣзда, бывшія имѣнія Меньшикова) будтобы даже «якаютъ» (говорятъ *яво* и т. п.).

Большинство же говоровъ окающія; такими названы селенія: Елино (№ 3399), Мичурово (№ 3757: Мисюрево), Рубчиха (№ 3740), Покровъ (№ 3738), Головково (№ 3742), Бѣлозерки (№ 3206), Борозда (№ 3205), Акатьево (№ 3209; жители переселенцы), Синьково (№ 3210), Мѣленки и др.; на Рогачевскомъ трактѣ: Рогачевъ (№ 2439 Дмитр. у.), Гувеново (№ ?), Куликово (№ 2672 Дмитр. у.).

При этомъ говорятъ, что бывшіе барскіе крестьяне акаютъ, вольные окаютъ[2]).

Въ Звенигородскомъ у. по направленію отъ Воскресенска къ Москвѣ — аканье, по направленію къ Волоколамску — оканье. Такъ въ с. Петровскомъ (№ 5357) старики окаютъ.

Замѣтка къ № 5. Въ Прасоловѣ я записалъ нѣсколько пѣсенъ отъ крестьянскаго мальчика Илюши 12—13 лѣтъ, ученика 5-го отдѣленія Клинскаго городского училища. Пѣсни онъ знаетъ плохо, но любопытно его произношеніе, въ которомъ смѣшаны три элемента: родной *деревенскій окающій*, школьный *городской акающій* и, наконецъ, *книжный*. Онъ иногда говоритъ такъ, какъ написано (онъ, какъ и многіе школьники, не понимаетъ, что правильное письмо не есть образецъ правильнаго произношенія) и какъ должно писать. Произноситъ *чего́*, *его́*, (не *ево*), небольшо́*го* (при чтеніи), при чемъ и *г* иногда слышится близкое къ *х*: *h* (ср. стр. 13); также:

1) Всѣ три названныя селенія одного прихода.

2) Первые очевидно переселены сюда изъ Московской области помѣщиками въ болѣе позднѣе время.

ми́линькій, варачю́ся, что. Вліяніе городского говора сказывается въ полномъ или не полномъ аканьѣ и иканьѣ. Н*а*си́ть, т*а*ббю, м*а*я́ г*ала*ва́, тюрёмн*а*ю, п*а*тёряла, о*ª*на, изл*о*ªвлю́, до́лго*ª*ль, бѣлёнько*ª*, скбро*ª*, до́*ª*рагáя, абмирáла́, дрýго*ª* (род. пад. отъ другъ: «дрýго*ª* паджыдáла»); мнѣ показалось, что здѣсь звукъ ближе къ *о* чѣмъ къ *а*) и мн. др.; ни нáда [1]), н*е*ªплáчь, *е*ªмý.

Звуки *а* и *и* за удареніемъ и за слогъ до него на мѣстѣ первоначальныхъ *о*, *е*, впрочемъ, принадлежатъ часто и сосѣднимъ съ московскими окающимъ нарѣчіямъ, въ томъ числѣ и прасоловскому, поэтому заслуживаютъ особаго вниманія въ произношеніи Илюши только случаи аканья и иканья непосредственно передъ удареніемъ.

Вліяніе разныхъ элементовъ особенно обнаруживается въ рѣчи Илюши въ произношеніи *ѣ* въ окончаніяхъ дательнаго и предложнаго падежей. Слышится то открытое *е*, то суженное *е*: *е*ª, то *и*. Это даже въ одномъ словѣ, когда онъ его повторяетъ: на свѣт*и*, на свѣт*е*ª, на свѣт*е*ª. Также: рыдáэт, сѣдлáэт (и: сѣдлá*е*ªт), утирáэт [2]), забýд*е*т и забýд*и*т, перестáн*е*т. Эти черты его произношенія смѣшиваются съ полнымъ оканьемъ, сохраненіемъ *е* неударяемаго. Послѣднее, впрочемъ, есть и въ акающихъ сосѣднихъ говорахъ.

Онъ также произноситъ (опять-таки при медленномъ, искусственномъ произношеніи для письма [3]): «Ушып убил лебидбѣ́лою». Едва ли онъ говоритъ съ окончаніемъ *ою* (вѣроятно, у него слышится: «бѣл*аю*», но онъ произноситъ такъ зная, что на письмѣ окончаніе *аю* нужно изображать съ буквою *о*. Изъ другихъ произношеній Илюши замѣчательны случаи съ отвердѣв-

---

1) Полное иканье у него очень рѣдко.

2) Произношенія безъ j записаны съ отмѣткой: «неясно, но такъ». Удалось ихъ услышать потому, что я настойчиво просилъ произносить медленно, внятно и повторять нѣсколько разъ сказанное. Благодаря этому обнаружился яснѣе и книжный элементъ въ произношеніи разсказчика.

3) Можетъ быть, онъ представлялъ себя въ положеніи учителя, который диктуетъ по буквамъ, чтобы ученики не сдѣлали орѳографическихъ ошибокъ.

шимъ *в* въ корнѣ *цвѣт* (подъ вліяніемъ твердаго *ц*): цвэ^ы^ты́, цвэ́тики, цвэ́тикаф, цвы́то́чик, расцвы́та́ти, но: *тьвѣсти́* (при мягкомъ предыдущемъ согласномъ и *в* мягко). Можно отмѣтить также: ца́лава́ти (ср. владим. ца́лова́ть, цолу́ю въ окающихъ говорахъ), выгля́довала (при чтеніи), сми^е^ре́нно, «*уж-яж*-ево изло^в^влю», окончаніе *ют* вм. *ят* у него, кажется, всегда: пахаро́н*ют*, скало́т*ют*, уви́д*ют*.

Къ № 10. Названіе урочищъ въ Гнилушѣ.

Гага́ринская бало́та.
Дико́ва (кусточки, небольшой лѣсъ).
Дубро́ва (лѣсок и поле).
Дьичко́ф пако́с.
Зака́зьник (поле, которое заказали пахать и обратили въ лугъ).
Кра́снай лук (есть ржавчина).
Падмѐльницей [1]) (мельницы нѣтъ; мѣстность въ полѣ).
Пе́шкаф лѣс (купца Пешкова).
Праску́ткин лук.
Са́желка (прудъ у Пешковыхъ).

Названія урочищъ въ сосѣдней деревнѣ Лихачёвѣ.

Аси́нава ро́шьшя.
Запа́д.
Кузнечи́ха.
Пога́ный пруд [2]).
Савась́яниха.

1) Е ореографическое.
2) Запись этого слова ореографическая.

Женскія прозвища въ Гнилу́шѣ [1]).

Баба́шка: какая та: сдѣлается умнай, сдѣлается дурай.
Барбо́ска: очень лаетца во всякимъ дѣли.
Биршырo̍тая: потому что крикунья.
Биршыро́тая, № 2: рот бальшой.
Бѐшыная: у ней шишига былъ; какъ икону поджимать, она плачетъ, смѣется.
Гарла́стая: очинь арет шипка, рот бальшой.
Губа́стая: губы бальшія.
Ду́ра: пахабная, па матерну ругаетца.
Ду́рычка́ [2]): в ней маленька не дахвата́ет ума.

1) По мѣстному объясненію эти прозвища употребляются только «когда ругаются». Собственно это эпитеты лицъ, матеріалъ изъ котораго чаще всего образуются прозвища. Эпитетъ сдѣлается прозвищемъ, т. е. именемъ, когда онъ вполнѣ прикрѣпится къ лицу и войдетъ въ общее употребленіе.
2) Совѣтовалъ писать ы.

Завйсливая: всево внога, а все недавольна.

Касáя: адин маленька глас забигает.

Касáя (дѣфка) } потому что
Касáя (баба) } косы.

Лабáстая: лоб бальшой.

Линйвая: работать не ходитъ, а по миру ходит: и мужъ есть.

Лупаглáзая: очен глаза бальшіе.

Руль: очен нос бальшóй.

Савá (дѣвочка): бальшіе глаза.

Синигýбая: синія губы.

Сутýлая: ана сутуленька.

Талстамóрдая: морда ширака.

Халéра: очень худая.

Халýйка (не можетъ объяснить значенія).

Храмáя: потому что храмает.

Цыгáнка: черная.

Шáфка: галава шыршáвая, кудрявая.

Щитйна: кагда будет ругатца, так валаса становятца; очен сердитая.

Къ стр. 4 и др. Сл. *дежá* правильно нужно писать черезъ *ѣ*, какъ это показываетъ малороссійское *дижа*.

Въ названіи селенія Глáзково удареніе въ рукописи на а, но тутъ возможна ошибка; сравн. по ударенію предыдущую деревню.

Къ стр. 9. Въ § 12 едва ли нужно было высказывать сожалѣніе, что въ произношеніяхъ eé, ié, jié (не ё) не отмѣченъ падежъ. Здѣсь, конечно, безъ различія употребляется одна и та же форма для родит. и вин. падежа, какъ и въ нашемъ обыкновенномъ литературномъ говорѣ оба падежа произносятся одинаково: *её* (видѣлъ *её* и *её* сестру).

Къ стр. 9—12. Описаніемъ особенностей въ употребленіи гласныхъ звуковъ мы не опредѣлили въ полнотѣ Прасоловскій говоръ. Можно полагать, что и въ немъ была и есть особенность, которая отличаетъ нѣкоторые сосѣдніе говоры: произношеніе древнихъ *е* и *ѣ* передъ мягкой согласной какъ *и*. Такъ въ говорѣ одного крестьянина я слышалъ: под вйдѣніемъ, *сибя́*. Ср. **Линёк** — прозвище крестьянина, которое понимается какъ лѣнный. Но здѣсь возможно и другое объясненіе: онъ носитъ фамилію: **Линькóф**.

Къ стр. 14. Отмѣчено еще: чѣлизну (удареніе не записано) пахать.

Къ стр. 15, § 9: придут ж жалобáми.

Къ стр. 15. Слово Таганрогъ здѣсь я слышалъ обыкновенно съ двумя удареніями[1]): Тагáн Рог, ф Тагáн Рóгѣ и т. п. Такое произношеніе оправдывается исторіей слова. Въ старыхъ актахъ находимъ: Таганного Рогу («Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина», I, 27, столбецъ XVII в.).

Къ стр. 18, § 14: тóлько (=столько).

Къ стр. 18, § 15: мущúн (мужчина).

Къ стр. 19. Въ числѣ произношеній, слышанныхъ въ Клину и подъ Клиномъ, можно указать еще: робóтать, кяжелó (неясное произношеніе); Сéрьпухоф; дѣвóчка; какá ты невѣжа (мальчику), ты такóй баловнúца (о мальчикѣ).

Къ стр. 21, № 7. При описаніи говора д. *Мошнúцъ* опущено нѣсколько примѣровъ изъ произношенія крестьянъ, подолгу жившихъ извозчиками въ Москвѣ: дру*дú*х, дорó*ди*; пескá тоже нѣту, в извóщика*ф*; переселён*ых*, в рабóч*іих*, *пабагáтье* кресьяне. Нужно также прибавить, что въ населеніи этой деревни есть переселенцы изъ Рязанской губ., «изъ степи».

Къ стр. 32, § 1. Есть еще отмѣтка: звуки *о* и *а* за слогъ до ударенія и за удареніемъ совпали въ одномъ звукѣ, близкомъ къ *а* и почти не замѣняющимся *ы*.

Къ стр. 44: ачюмѣиш паéмши (поивши).

Къ стр. 44: па живатѣ (?; ср. па пуз*и*).

Къ стр. 46. Въ числѣ словъ замѣчательныхъ по формѣ нужно указать еще: апчеряпали (оцарапали: ноги апчеряпали), апчеряпкали (фсѣ ноги апчеряпкали (котята)); чючила-чюмúчила (чючила-чюмúчила, на каво ты пахож?).

Къ стр. 47. Говоря объ открытомъ произношеніи звука *о* въ нѣкоторыхъ говорахъ новгородскаго типа и о закрытомъ *о*

1) Отъ лица, жившаго тамъ нѣкоторое время.

въ говорахъ владимирскаго типа, *я*, во избѣжаніе недоразумѣній, долженъ прибавить, что говорю объ *о*, стоящемъ въ слогѣ передъ удареніемъ.

Къ стр. 98, сноска 3. Родительный падежъ на *ф* въ прилагательныхъ есть еще и на стр. 17, § 12, стр. 21, § 12, въ существит. еще на стр. 22, § 10, предложный на стр. 78 № 25. Послѣ любезнаго разъясненія А. А. Шахматова спѣшу отказаться отъ всего того, что я говорилъ въ сноскѣ 3 о происхожденіи звука *ф* въ приведенныхъ тамъ формахъ. Обращеніе *х* въ *ф* фонетическое; имѣетъ мѣсто: 1) въ концѣ словъ въ данныхъ окончаніяхъ потому, что эти окончанія не употребительны въ такой формѣ, гдѣ согласный былъ бы ясенъ (какъ въ: грѣ*х*и при грѣ*х*), 2) въ рединѣ или началѣ словъ предъ согласнымъ (*ф*то, ку́*ф*ня въ говорахъ. Параллельное ему явленіе: *в* за *h* въ: е*в*ó, дóбра*в*а и т. п.

В. Чернышевъ.

С.-Петербургъ, 23 мая 1903 г.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 3.

ИЗЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ СЕРБІИ

МИРЪ ПЕТРА ИЧКО

ПОПЫТКА НЕПОСРЕДСТВЕННАГО СОГЛАШЕНІЯ СЕРБІИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1806—1807 ГГ.

Этюдъ

Члена-Корреспондента Ст. И. Новаковича

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1903

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1903 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Немного людей, о которыхъ было бы такъ мало извѣстно и которые въ то же время такъ выдвинулись своими заслугами, какъ Петръ Ичко, дипломатъ и Константинопольскій депутатъ перваго сербскаго возстанія.

Хотя и дѣятельность прочихъ современниковъ П. Ичко до настоящаго времени не получила надлежащаго и полнаго освѣщенія, послѣднему повезло менѣе всѣхъ другихъ, такъ что въ этомъ отношеніи онъ остается значительно позади ихъ. Все, что намъ извѣстно о дѣятельности П. Ичко,—темно и неясно, все—безъ хронологическихъ данныхъ, безъ документовъ, безъ текстовъ. Даже въ письмахъ, въ которыхъ о томъ времени говорится, о немъ упоминается мало, а объ его дѣятельности какъ-бы мимоходомъ.

По этимъ даннымъ однако нельзя ни въ какомъ случаѣ судить ни о личности, ни о дѣятельности П. Ичко.

Какъ разъ тогда, когда всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы такъ или иначе формулировать вопросъ о возникновеніи новаго сербскаго государства въ долинѣ р. Моравы и въ древнихъ областяхъ Мачвы и Браничева, явился этотъ замѣчательный человѣкъ, который своимъ проницательнымъ умомъ распозналъ и искусно воспользовался удобнымъ моментомъ въ Константинополѣ, для приведенія сербскихъ дѣлъ къ опредѣленной формулѣ.

Въ другомъ мѣстѣ указаны причины неудачи этой формулы и обстоятельства, помѣшавшія осуществленію ея на практикѣ. Но все-таки нѣкоторые изъ важнѣйшихъ сербскихъ успѣховъ

того времени стоятъ въ связи съ нею, относясь къ тому короткому періоду, когда эта формула временно примѣнялась.

Въ формулѣ П. Ичко одна изъ фазъ перваго возстанія нашла свое олицетвореніе. О ней потомъ вспоминали, какъ о какомъ-то потерянномъ благѣ, каждый разъ, когда сербскія дѣла — идя противоположнымъ путемъ, на который толкали ихъ обстоятельства — попадали въ разныя невзгоды и терпѣли неудачи.

Переговоры Петра Ичко въ 1806 году въ Константинополѣ заканчивали собою всѣ болѣе раннія попытки непосредственнаго соглашенія между Портою и сербскими повстанцами Бѣлградскаго пашалыка. Въ виду того, что тѣмъ прежнимъ переговорамъ турки только въ 1806 г., благодаря стараніямъ П. Ичко, дали свое одобреніе и точную формулу, достигнутое и утвержденное тогда соглашеніе было названо *Миромъ П. Ичко*. Правда, въ 1807 г. сербскіе старшины, рѣшивъ въ послѣднюю минуту не мириться съ Турціей, какъ о томъ начали было хлопотать, а вмѣстѣ съ русскими продолжать войну противъ нея, — отвергли этотъ миръ; тѣмъ не менѣе о немъ долго еще помнили, такъ какъ онъ считался готовой и довольно удовлетворительной формулой умѣренныхъ сербскихъ требованій. Особенно часто сербы вспоминали о немъ до 1815 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока на дѣлѣ не оказалось, что права Сербіи лучше всего обезпечены сохраненіемъ въ силѣ и исполненіемъ на практикѣ тѣхъ обязательствъ, которыя, въ отношеніи Сербіи, Турція приняла на себя по русско-турецкому договору, подписанному 16 мая 1812 г. въ Букарестѣ. Миръ П. Ичко остался своего рода программою вассальной Сербіи, программою, о которой думали (хотя и не совсѣмъ основательно), что она можетъ быть принята Портою въ Константинополѣ и установлена непосредственными переговорами съ нею.

Когда въ 1815 году князь Милошъ, послѣ кратковременной войны съ турками, снова началъ переговоры съ Портою, онъ — все еще поддаваясь общему неудовольствію противъ Букарестскаго трактата и его постановленій касательно Сербіи, неудо-

вольствію, господствовавшему тамъ послѣ 1812 и въ особенности послѣ 1813 г.,—также остановился на требованіяхъ Мира П. Ичко, думая, что онъ будетъ имѣть особенное значеніе, какъ формула, относящаяся ко времени до союза съ русскими и притомъ достигнутая непосредственными переговорами съ Портою. И когда, въ маѣ 1818 г., собирался прервать всякія сношенія съ Марашли-Али-пашой, рѣшаясь опять положиться на русскую помощь,—князь Милошъ (именно 11 мая 1818 г.) заявилъ Марашли, что еще въ 1816 г. настаивалъ на утвержденіи «фирманомъ дарованныхъ черезъ Петра Ичко пунктовъ» и что паша обѣщался выхлопотать ихъ у Порты. Князь жаловался, что это обѣщаніе до того времени (11 мая 1818 г.) еще не было исполнено. Между тѣмъ неисполненіе его ни въ 1807, ни въ 1813, ни въ 1815—1818 гг. и необходимость прибѣгать къ другимъ средствамъ лучше всего свидѣтельствуютъ, что Миръ П. Ичко явился не какъ выраженіе доброй воли турокъ (хотя такъ оно казалось), и что формулой его послѣдніе пользовались только какъ средствомъ для выхода изъ политической путаницы, съ цѣлью выиграть время для новаго примѣненія силы.

Тѣмъ не менѣе Миръ П. Ичко заслуживаетъ серьезнаго вниманія и изученія, какъ потому, что въ 1806—1807 гг. сербы были согласны удовлетвориться его постановленіями, такъ и потому, что въ 1815 г. князь Милошъ на формулѣ Ичко основывалъ свои первыя требованія.

Задача настоящаго изслѣдованія—освѣтить этотъ предметъ. Во многихъ пунктахъ наше изложеніе — потому именно, что оно обширнѣе — расходится съ извѣстными до сихъ поръ историческими версіями.

Мы нарочно избѣгали всякой полемики съ тѣми, которые думали и писали иначе, и старались какъ можно яснѣе представить основанія, доводы и источники нашего особаго мнѣнія въ томъ или иномъ пунктѣ. Намъ кажется, что этого вполнѣ достаточно и что такое отношеніе — самое правильное въ трудѣ спеціальномъ, какимъ является настоящая работа.

Начнемъ съ изложенія всего того, что намъ извѣстно о жизни П. Ичко, а затѣмъ разсмотримъ его дипломатическую дѣятельность, текстъ, критику и объясненіе его договора (насколько они намъ доступны), значеніе его для сербской политики и переломъ, давшій послѣдней новое направленіе, упоминая одновременно и объ его противникахъ.

I.

Мѣсто рожденія, воспитаніе и служба Петра Ичко. Время его поселенія въ Землинѣ въ качествѣ коммерческаго агента. Связи съ Хаджи-Мустафа-пашой и переселеніе въ Бѣлградъ (послѣ 1795 г.). Базерджанъ-баша и драгоманъ. Заговоръ янычаровъ противъ Хаджи-Мустафа-паши. Первоначальный замыселъ сербскаго возстанія. Убійство Хаджи-Мустафа-паши (15 декабря 1801 г.). Возвращеніе П. Ичко въ Землинъ. Участіе его въ сербско-турецкихъ переговорахъ послѣ возстанія Карагеоргія (1804–1806). Миссія 1806–1807 гг. Неожиданная смерть 5 мая 1808 г. Связь этого событія съ политикою того времени.

Какъ скудны свѣдѣнія о дѣятельности Петра Ичко, точно такъ же мало данныхъ и объ его происхожденіи и жизни.

Всѣ біографы говорятъ, что онъ родился въ м. Катраницѣ въ южной Македоніи, Каиларскаго уѣзда, между городами Бэромъ (Верія) и Островомъ.

Катраница находится какъ разъ на южной этнографической границѣ славянскихъ поселеній Балканскаго полуострова. И нынѣ тамъ смѣшанное славянское (безъ экзархистовъ) и турецкое населеніе[1]).

---

1) Ростковскій въ своей статистикѣ Битолійскаго вилаета записалъ въ Катраницѣ 305 домовъ съ 1093 жит. турокъ-османліевъ и 1000 жит. славянъ-патріархистовъ. «Живая Старина» годъ IX, вып. I.

В. Кънчовъ насчитываетъ тамъ 940 душъ славянъ и 1100 — турокъ.

М. В. Веселиновичъ сообщаетъ мнѣ, что въ Катраницѣ 490 домовъ; изъ нихъ 240 турецкихъ, а 250 славянскихъ. И по нему — турки настоящіе османліи. О землѣ говорятъ, что она принадлежитъ султану, и христіане даютъ десятину въ натурѣ, а остальные налоги — деньгами. «Въ печальбу» (отхожіе промыслы) мало кто идетъ. Школы все еще греческія. Въ настоящее время тамъ 5 православныхъ церквей и 2 священника; служба совершается по-гречески. Есть еще нѣсколько церквей въ развалинахъ.

Отъ нея дальше къ югу и начинается одинъ изъ самыхъ большихъ въ тѣхъ краяхъ острововъ чисто-турецкихъ поселеній.

Связи этого края съ Сербіей, безъ сомнѣнія, давнишнія, такъ какъ не только Петръ Ичко связалъ свою судьбу съ судьбою Сербіи, но и позднѣе извѣстно, что и другіе роды изъ Катраницы искали и находили тамъ свое счастье [1]).

Вслѣдствіе того, что Катраница находится на сѣверной границѣ сильнаго турецкаго острова южной Македоніи и что П. Ичко имѣлъ много дѣлъ съ турками и даже на службѣ у нихъ отличился, его иногда называютъ и по-турецки Ичкоглу (Ичкоглија).

Ничего не извѣстно, какъ и гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и гдѣ получилъ образованіе; между тѣмъ и его служба и свидѣтельство людей, которые его знали и могли оцѣнить, даютъ ясное понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ образованномъ. Въ точности извѣстно только то, что онъ говорилъ по-нѣмецки, такъ какъ и Ранке (со словъ В. С. Караджича) и С. Милутиновичъ [2]) отмѣчаютъ, что онъ состоялъ при турецкомъ посольствѣ въ Берлинѣ сначала драгоманомъ (переводчикомъ), а потомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ. Нельзя точно установить, когда это было, но во всякомъ случаѣ — раньше 1792 г. Слѣдуетъ еще указать, что все время съ 1780 по 1807 гг. Россія и Австрія находились въ тѣсной дружбѣ и единеніи, — все въ виду турецкихъ дѣлъ. Въ противовѣсъ этому пруссаки изъ Берлина искали себѣ возмѣщенія и обезпеченія въ Турціи, почему, съ другой стороны, королевство Пруссія и Оттоманская имперія сблизились и въ свою очередь жили въ дружбѣ.

К. Родофинникинъ также говоритъ, что П. Ичко долгое время служилъ при турецкихъ посольствахъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ [3]). Правда, наши источники ничего не упоминаютъ о службѣ въ Вѣнѣ, но это записано еще при жизни Ичко и притомъ че-

---

1) Такъ напр.: изъ Катраницы роды Даничей и Вадемличей. Родъ же г. Ник. Христича изъ Блатца, недалеко отъ Катраницы.

2) Сербіанка, II, 40—42.

3) «Русскій Вѣстникъ», томъ 106, стр. 106, изслѣдованіе Н. Дубровина.

ловѣкомъ, который имѣлъ возможность быть точно освѣдомленнымъ.

Неизвѣстно и то, когда Петръ Ичко бросилъ турецкую дипломатическую службу, и почему онъ это сдѣлалъ.

Около 1794 г. П. Ичко упоминается уже въ качествѣ коммерческаго агента, — сначала въ Землинѣ, потомъ въ Бѣлградѣ. Но такъ какъ съ 1787 по 1792 гг. между Австріей и Турціей велась война и отношенія ихъ были вообще весьма неупорядоченными, то съ вѣроятностью можно предполагать, что и онъ не могъ открыть своей агентуры раньше установленія правильныхъ отношеній между двумя сосѣдними имперіями, — что̀ случилось въ 1792 г.

Торговыя агентуры въ Бѣлградѣ и въ другихъ пограничныхъ городахъ въ турецкое время имѣли весьма важное значеніе въ дѣлѣ посредничества между восточными и западными купцами. Отлично владѣя турецкимъ и нѣмецкимъ, а также и сербскимъ языками, П. Ичко, надо полагать, имѣлъ въ виду немедленно послѣ возстановленія мира (1791—92) занять вакантное мѣсто агента въ Бѣлградѣ и продолжать прежнюю практику посредничества. М. Миличевичъ пишетъ, что П. Ичко открылъ такую дѣятельность сначала въ Землинѣ. Если справедливо только что высказанное нами предположеніе о выборѣ момента, тогда это могло случиться сейчасъ послѣ заключенія мира въ г. Систовѣ (4 августа 1791). Тамъ, въ спокойномъ мѣстѣ, П. Ичко могъ начать дѣло, переѣзжая въ Бѣлградъ каждый разъ, когда было нужно, какъ это практикуется и нынѣ. Осмотрительность его была весьма умѣстной. Возстановленіе турецкой власти въ Сербіи на основаніи полнаго порядка, мягкаго обращенія съ христіанами и съ выводомъ изъ Бѣлградскаго пашалыка непокорныхъ янычаръ, — началось въ 1792 г., но не долго продержалось. Первый бѣлградскій визирь Бекиръ-паша (Эбу-Бекиръ-паша) уѣхалъ черезъ три года[1]); а въ 1795 г. новый визирь, Шашитъ-

1) Одна запись, писанная въ 1805 г. въ Землинѣ, утверждаетъ, что этотъ Бекиръ-паша въ 1804 г. исполнялъ обязанности представителя султана въ

паша, сталъ совѣщаться и дѣйствовать заодно съ янычарами и съ друзьями Пасваноглу въ видахъ возстановленія отнятыхъ у нихъ правъ на жительство въ Сербіи. Однако, въ защиту новаго порядка, введеннаго тамъ первымъ послѣ Систовскаго мира визиремъ, Бекиръ-пашой, возсталъ одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, бина-эминъ (главный строитель) Хаджи-Мустафа-паша Шиникоглу, происхожденіемъ изъ г. Филиппополя, который въ то время въ нижнемъ (бѣлградскомъ) городѣ наблюдалъ за ремонтомъ казармъ. Такъ какъ, при производствѣ этихъ работъ, онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ сербскими старшинами, руководившими доставкою строительныхъ матеріаловъ со стороны народа,— то сталъ во главѣ ихъ противодѣйствія и научилъ, что дѣлать, чтобы помѣшать возвращенію янычаръ въ Сербію. Шаги ихъ на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ. Помогло то обстоятельство, что уже тогда Виддинскій пашалыкъ, подъ предводительствомъ Пасваноглу, изъ-за янычаръ и сопротивленія набору низамовъ, — отказалъ въ покорности султану, такъ что Порта сочла нужнымъ немедленно уволить Шашитъ-пашу, тяготѣвшаго въ ту же сторону, и назначила визиремъ въ Бѣлградѣ того же самаго Хаджи-Мустафа-пашу. Послѣдній сейчасъ положилъ конецъ начавшемуся было хозяйничанью янычаръ въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, и показалъ, что и желаетъ и умѣетъ сохранить и даже улучшить введенный тамъ послѣ Систовскаго мира порядокъ. Это случилось въ началѣ зимы 1795 г.[1]). М. Миличевичъ пишетъ, что тогда говорили, будто и Мустафа-паша и П. Ичко были франмасонами, и что, поэтому, они жили въ большомъ согласіи. Другіе говорятъ, что въ это же время П. Ичко рѣшился бросить Землинъ и поселиться въ Бѣлградѣ,— въ чемъ нельзя не видѣть выраженіе его довѣрія къ дѣятель-

Сербіи. Тѣмъ не менѣе нельзя съ достовѣрностью утверждать, что этотъ паша въ 1795 г. былъ только переведенъ, или это два разныхъ лица.

1) Время установляемъ по докладамъ французскаго посольства въ Константинополѣ. A. J. Odobescu, Documente Suppl. I, vol. II. Bucareste 1885, стр. 130, 131—132 и 134. Сравн. записки Іоанник. Джурича, Гласник, IV, 99 и 100.

ности Хаджи-Мустафа-паши. Л. Ранке (со словъ В. С. Караджича) прибавляетъ, что Хаджи-Мустафа-паша находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ П. Ичко и пользовался его совѣтами и указаніями. Все это повело къ тому, что въ своемъ новомъ положеніи въ Бѣлградѣ П. Ичко пріобрѣлъ большой престижъ. Какъ близкаго и довѣреннаго человѣка, Хаджи-Мустафа-паша назначилъ его базерджанъ-башой въ Бѣлградѣ[1]). Базерджанъ-баша завѣдывалъ пошлинами и торговлей и являлся, въ нѣкоторомъ родѣ, совѣтникомъ паши по части торговли и промышленности, въ какихъ видахъ долженъ былъ заручиться довѣріемъ и паши и купцовъ. Въ одномъ австрійскомъ докладѣ изъ Землина отмѣчено, что П. Ичко исправлялъ обязанности консула греческихъ купцовъ и въ то же время состоялъ у паши драгоманомъ. Должность базерджанъ-баши упоминается за нимъ и позднѣе, даже тогда, когда онъ находился въ Константинополѣ делегатомъ для мирныхъ переговоровъ, какъ то видно изъ сохранившейся съ 1806 года записи объ этихъ переговорахъ. Когда черезъ нѣкоторое время начались козни и подвохи янычаръ противъ Хаджи-Мустафа-паши, П. Ичко совершенно перешелъ на его сторону. Между тѣмъ, Хаджи-Мустафа-пашѣ не суждено было сохранить въ полной силѣ запретъ о поселеніи янычаръ въ Сербіи и одержать верхъ надъ ними. Французская экспедиція въ Египетъ 1798 г. и неудачи турецкой арміи около г. Виддина, въ борьбѣ противъ главнаго предводителя бунтовавшихъ янычаръ, Пасваноглу, заставили Порту открыть янычарамъ свободный доступъ и въ Виддинскій и въ Бѣлградскій пашалыки. Самъ Пасваноглу именемъ султана былъ признанъ и утвержденъ визиремъ Виддинскаго пашалыка, а янычарамъ снова было дано право жить въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, право, отнятое у нихъ съ 1791—92 гг., т. е. съ возстановленія турецкой власти въ названномъ пашалыкѣ. Такимъ образомъ, янычары стали снова

1) О такой его службѣ упоминаетъ и Пр. М. Ненадовичъ въ Мемоарахъ, 62—63.

появляться въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, хотя страхъ Хаджи-Мустафа-паши, ихъ противника, удерживалъ ихъ въ строгомъ повиновеніи. Зато козни и смуты противъ Хаджи-Мустафа-паши, поддерживаемые изъ Виддина и со стороны мѣстныхъ начальниковъ янычаръ — будущихъ дахіевъ — продолжались и усиливались, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ они убѣдились, что, для наказанія произвола и насилія даже въ отношеніи христіанъ, Хаджи-Мустафа-паша не думаетъ останавливаться и передъ вооруженною силою, какъ это показалъ въ 1800 г. въ г. Шабцѣ, когда янычары убили кнеза (уѣзднаго начальника) Тамнавы, Ранко Лазаревича. Наконецъ, въ концѣ 1801 года, Хаджи-Мустафа-паша собственною жизнью заплатилъ удачу одного янычарскаго заговора, съ чѣмъ и были уничтожены всѣ девятилѣтніе — съ 1792 по 1801 гг. — труды по установленію въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ законности и порядка безъ янычаръ и ихъ произвола. Всѣ усилія обезпечить христіанамъ личную безопасность и относительную имущественную и религіозную свободу, подъ верховною властью турокъ, остались безъ всякаго успѣха.

Старшины янычаръ, видя, что отъ Хаджи-Мустафа-паши нельзя добиться никакихъ уступокъ въ ихъ пользу, стали уже думать о томъ, какъ бы избавиться отъ него и самимъ сдѣлаться хозяевами въ пашалыкѣ. Единственнымъ средствомъ для этого былъ бунтъ. Они не преминули воспользоваться и этимъ средствомъ. Именно въ то время, въ 1801 г., когда паша, по приказанію Порты, послалъ своего сына, Дервишъ-бея, къ г. Виддину противъ извѣстнаго Пасванджи, а самъ остался въ Бѣлградѣ съ небольшимъ числомъ кирджаліевъ, янычары взбунтовались и завладѣли предмѣстьемъ и нижнимъ городомъ Бѣлграда, самъ же паша съ кирджаліями заперся въ верхнемъ городѣ (цитадели)[1]. Такъ какъ и тогда Пасваноглу нельзя было нанести существеннаго вреда и Хаджи-Мустафа-пашѣ нечего было ждать помощи отъ своего двора, то онъ сталъ обдумывать, какъ соб-

1) В. С. Караджичъ, Грађа, 6.

ственными силами справиться съ янычарами въ городѣ. Первое, что можно было сдѣлать въ этомъ отношеніи,— это вызвать обратно сына Дервишъ-бея съ его войскомъ, состоявшимъ изъ сербовъ и турокъ. Но янычарскіе начальники сумѣли остановить исполненіе этого намѣренія. Измѣною одного изъ сотниковъ (булюкбаши) кирджаліевъ паши, янычары проникли въ цитадель и, захвативъ пашу, принудили его написать сыну (который уже находился у м. Гроцка), чтобы онъ немедленно распустилъ по домамъ сербовъ, а съ турками удалился изъ предѣловъ Бѣлградскаго пашалыка. Потерявъ всякую надежду на помощь съ этой стороны, паша сталъ совѣщаться со своими довѣренными людьми, особенно съ П. Ичко, и для собственнаго спасенія задумалъ вызвать возстаніе сербовъ противъ янычаръ. Планъ этого возстанія состоялъ въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ пашалыка одновременно должны были появиться сильныя повстанческія банды, съ извѣстнѣйшими и преданнѣйшими людьми во главѣ. Когда эти банды увеличатся до 300—400 человѣкъ, онѣ должны будутъ соединиться, подойти къ Бѣлграду и осадить его. Такимъ образомъ янычары въ городѣ очутились бы между двухъ огней, и были бы опять побѣждены. Какъ кажется, согласно одной землинской записи, кромѣ П. Ичко, въ этотъ планъ были посвящены еще Митрополитъ Леонтій и Янко Катичъ. Неизвѣстно, говорилъ ли объ этомъ Хаджи-Мустафа-паша кому-нибудь изъ турокъ и кому именно. Достаточно того, что кто-то изъ довѣренныхъ лицъ выдалъ янычарамъ планъ паши[1]). И они 15-го декабря 1801 г. объявили въ городѣ, чтобы всѣ христіане заперли свои лавки и отправились по домамъ, турокъ же приглашали взяться за оружіе. Послѣ этого нѣсколько главнѣйшихъ янычаръ отправились въ верхній городъ (крѣпость), а двое изъ нихъ явились къ Хаджи-Мустафа-пашѣ будто-бы для совѣщанія, поклонились ему, и тутъ Кучукъ-Али быстро вынулъ свои два писто-

1) Землинская запись 1805—6 гг. по разсказу самого П. Ичко. Архивъ С. К. А. № 389.

лета и обоими выстрѣлилъ прямо въ грудь паши. Послѣдній пробовалъ защищаться, но тѣ тремя ударами кинжала отрубили ему голову. Послѣ того главный начальникъ янычаръ (янычаръ-ага) сталъ править пашалыкомъ до пріѣзда новаго паши [1]). Такъ янычары совершенно завладѣли и Бѣлградскимъ пашалыкомъ, и послѣ почти десятилѣтней (съ 1792 по конецъ 1801 г.) борьбы снова завели тамъ турецко-янычарскій режимъ произвола и насилія, какъ то было до послѣдней австро-турецкой войны. Главные заговорщики изъ янычаръ Мехметъ-ага Фочичъ, Кучукъ-Али, Аганли и Мула-Юсуфъ, ставъ дѣйствительными правителями Бѣлградскаго пашалыка и, раздѣливъ его на четыре части, начали совершать тамъ тѣ же самыя янычарскія и грабительскія насилія и безчинства, противъ которыхъ въ то время вооружалось и центральное турецкое правительство въ Константинополѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ не было уже никакой возможности оставаться въ Бѣлградѣ ни Петру Ичко, ни другимъ лицамъ, стоявшимъ за прежній порядокъ, утвержденный мудростью и энергіей Хаджи-Мустафа-паши. Прота М. Ненадовичъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ одинъ изъ дахіевъ, Мула-Юсуфъ, покушался отравить кофеемъ его отца, кнеза Алексу (Алексѣя) Ненадовича. Почувствовавъ дѣйствіе яда, кнезъ Алекса немедленно позвалъ къ себѣ базерджанъ-башу П. Ичко, «съ которымъ (говоритъ Прота въ мемуарахъ) былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ», и онъ давалъ кнезу всякія противоядія, какія только зналъ [2]). Это могло быть въ 1802 г., такъ какъ правленіе дахіевъ продолжалось немного болѣе двухъ лѣтъ (съ конца 1801 до начала 1804 г.). По этому можно было судить, что для людей порядка нѣтъ больше жизни въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ. Л. А. Баталака пишетъ, что во время насилія дахіевъ (начиная съ 1802 г.) многіе христіанскіе купцы перебрались въ Землинъ, и между ними упоминаетъ Петра Ичко

---

1) См. письмо землинскаго протоіерея Мих. Пеича къ Митрополиту Стратимировичу отъ 16 дек. 1801 г. Споменик XXXVII, 183.

2) Мемоари, 62—63.

и его брата Наума Ичко[1]). Пр. М. Ненадовичъ разсказываетъ, что въ письмѣ кнеза Ал. Ненадовича, писанномъ весной 1803 г. австрійскому маіору Митезеру въ Землинъ, въ которомъ кнезъ просилъ о присылкѣ офицеровъ и военныхъ припасовъ для возстанія (Фочичъ, передъ тѣмъ какъ казнить кнеза Алексу, приказалъ прочитать это письмо народу въ г. Вальево), — маіору Митезеру рекомендуется, если не повѣритъ письму, разспросить обо всемъ базерджанъ-башу Петра Ичкоглу, изъ чего видно, что тогда, когда письмо это писано (1803 г.), П. Ичко проживалъ уже въ Землинѣ[2]). Итакъ, П. Ичко и послѣ смерти Хаджи-Мустафа-паши засвидѣтельствовалъ свою преданность ему и показалъ, что былъ его приверженцемъ не изъ-за одной выгоды, а и по искреннимъ политическимъ убѣжденіямъ.

Въ возстаніи 1804 г. на первомъ планѣ выдвигается защита жизни и національности со стороны сербовъ, а уже потомъ идетъ борьба противъ произвола янычаръ. Такъ какъ новая партія реформъ въ Турціи, во главѣ которой стоялъ самъ тогдашній султанъ Селимъ III, стремилась также къ уничтоженію или преобразованію янычаръ, и энергично старалась объ обузданіи всякихъ безпорядковъ, то, естественно, и сами турки партіи реформъ (а ей принадлежали всѣ лучшіе люди націи) съ радостью привѣтствовали возстаніе сербовъ и стали оказывать ему поддержку. Къ нимъ присоединились и всѣ бывшіе друзья и сторонники Хаджи-Мустафа-паши. Среди послѣднихъ, конечно, на первомъ мѣстѣ находился и Петръ Ичко, какъ личный другъ и приверженецъ Хаджи-Мустафа-паши и какъ бывшій турецкій чиновникъ и образованный человѣкъ, а потомъ и какъ сербъ и христіанинъ. Весьма возможно, что имъ были составлены и тѣ девять пунктовъ, въ которыхъ были формулированы первоначальныя требованія сербовъ, и которые они предъявили при свиданіи въ Землинѣ 28 апрѣля 1804 г., затѣмъ послали въ Константино-

1) Историја српског устанка, 33.
2) Мемоари, 66—67.

поль и, наконецъ, представили Бекиръ-пашѣ въ Бѣлградѣ. Основаніе для такого предположенія мы находимъ въ упоминаніи въ этихъ требованіяхъ Мореи, о которой едва ли зналъ кто-нибудь изъ сербскихъ старшинъ, — и, кромѣ того, нѣкоторые македонизмы въ стилѣ этихъ пунктовъ [1]).

Л. Ранке говоритъ, что П. Ичко особенно потрудился, со стороны сербовъ, въ то время, когда Бекиръ-паша, въ качествѣ представителя султана, стоялъ близъ сербскаго лагеря подъ Бѣлградомъ и въ самомъ Бѣлградѣ, въ іюлѣ 1804 г. Отмѣчено, что тогда же въ сербскомъ лагерѣ палатка П. Ичко стояла рядомъ съ палаткою Карагеоргія [2]). Несмотря на это, изъ одной записки Караджича, въ неизданныхъ его бумагахъ, какъ-бы выходитъ, что П. Ичко тогда еще не переѣзжалъ на жительство въ Сербію, а находился тутъ временно и въ этихъ переговорахъ 1804 г. участвовалъ съ цѣлью оказать услуги. Дѣло въ томъ, что Караджичъ въ упомянутомъ мѣстѣ говоритъ о томъ, какъ Карагеоргій въ 1806 г. пригласилъ П. Ичко изъ Нѣмецкой земли (Австріи) въ Остружницу, а затѣмъ черезъ Валахію отправилъ его въ Константинополь [3]). П. Ичко, поэтому, вплоть до 1807 г. имѣлъ постоянное мѣстожительство въ Землинѣ.

Важнѣйшую изъ дипломатическихъ акцій П. Ичко, Константинопольскіе переговоры 1806 г., мы опишемъ дальше. Эта дѣятельность связала его имя съ возстановленіемъ Сербіи и поставила его въ ряды выдающихся современниковъ. С. Милутиновичъ говоритъ въ «Сербіанкѣ», что Карагеоргій цѣнилъ П. Ичко «какъ родного брата», и что послѣдній и отъ природы и по своимъ дѣламъ стоялъ выше лучшихъ людей того времени. С. Милутиновичъ въ особенности восхваляетъ его ловкость въ переговорахъ съ турками и выдвигаетъ его дружбу съ Иваномъ

1) Текстъ названныхъ девяти пунктовъ былъ сообщенъ (изъ архива Пр. М. Ненадовича) въ первомъ изданіи мемуаровъ, 1867, стр. 288—290. Вотъ македонизмы: «неће да примимо»; «дата по хатишериф»; «да обновљавају цркве и манастири, који су пали и изгорели»; «како и у Мореа што се находи».

2) Л. Ранке, стр. 103.

3) В. С. Караджичъ, Грађа, 206.

Юговичемъ, котораго, подобно В. С. Караджичу, превозноситъ какъ человѣка необыкновеннаго ума и необычайныхъ способностей въ дѣлѣ оцѣнки политической ситуаціи и политической прозорливости.

Послѣ занятія Бѣлграда и перемѣщенія туда Совѣта изъ Смедерева (1807 г.), П. Ичко, по словамъ Л. А. Баталаки, былъ назначенъ членомъ Совѣта, хотя еще находился въ Турціи для переговоровъ[1]).

По своему прошлому и по своей дѣятельности П. Ичко принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые думали, что сербы обязательно должны примириться съ турками, — посредничествомъ со стороны или безъ него, — и остаться въ составѣ Турецкой имперіи. Поэтому онъ всегда искалъ способы, которые привели бы къ такому концу. Какъ это политическое мнѣніе, такъ и дѣло, которое онъ велъ, служа своему убѣжденію, — ставили его въ сторону, болѣе склонную къ турецкому правленію и примирительнымъ идеямъ. Вслѣдствіе этого онъ не могъ быть съ тѣми, которые съ самаго начала возстанія, безъ всякаго знакомства съ дѣлами, средствами и людьми, — тотчасъ стали дѣлать самые оптимистическіе планы насчетъ возстановленія сербскаго государства и полной самостоятельности. Несмотря на это, о немъ отозвался съ похвалой и К. К. Родофиникинъ, который въ одномъ изъ рапортовъ своему правительству, отъ 17 февраля 1808 г., о П. Ичко говоритъ какъ о «человѣкѣ выдающихся дарованій» и видитъ въ немъ одного изъ тѣхъ немногихъ образованныхъ людей Сербіи, которымъ и принадлежитъ заслуга за все, что было сдѣлано въ ней тогда по части благоустройства[2]).

---

1) Л. А. Баталака, Истор. срп. устанка 254. Однако, въ рапортѣ К. К. Родофиникина отъ 17 февраля 1808 г. П. Ичко названъ «купцомъ», изъ чего слѣдуетъ, что замѣчаніе Баталаки не точно. В. С. Караджичъ тоже не упоминаетъ П. Ичко въ числѣ лицъ, назначенныхъ членами Совѣта послѣ его переселенія въ Бѣлградъ, утверждая, что и П. Н. Чардаклія не былъ назначенъ совѣтникомъ. Вукъ приводитъ имена всѣхъ членовъ Совѣта по порядку. Грађа, 65.

2) Н. Дубровинъ, Военный Сборникъ, 1864 г., т. 38, стр. 233. К. К. Родофиникинъ прибавляетъ еще, что, пока было тѣсно и трудно, сербскіе

Когда же въ февралѣ и мартѣ 1807 г. совершенно прекратились переговоры съ Турціей, П. Ичко, въ виду извѣстнаго направленія дѣятельности, остался также безъ дѣла. Какъ человѣкъ заслуженный въ отношеніи новаго порядка, онъ жилъ въ Бѣлградѣ, но больше не упоминается въ связи съ государственными дѣлами. Въ 1808 году умеръ неожиданно, именно 5 мая, какъ то отмѣчено Л. Ковачевичемъ въ регистрѣ при его изданіи мемуаровъ Проты М. Ненадовича. Случилось это такъ. Въ Топчидерѣ была устроена какая-то гостьба («теферич»). Послѣ обѣда П. Ичко сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ Бѣлградъ, но по дорогѣ съ нимъ сдѣлалось дурно и еле живой добрался онъ до дому. Тутъ дѣлали все, чтобы спасти его отъ яда, но безуспѣшно [1]). С. Милутиновичъ воспѣлъ его смерть въ слѣдующихъ полныхъ грусти и почитанія стихахъ:

Та теферич онакови славни,
Што Топчидер не дочек'о дотле,
Смрт оскврни Ичкоглије Петра,
И узнаде с' из чије је главе,
Ал' га Господ ђоја предизабра,
Ол' да Српству једно ј' крило крньо [2]).

Въ этомъ же мѣстѣ С. Милутиновичъ дѣлаетъ намекъ и на причины смерти П. Ичко. Вотъ его слова:

О ви, тобож' просвећенци неки,
Гадите се ђе дивјаци једу
Себи равне а пљенике своје,
Што немају граде ни Руднике

старшины слѣпо слушались митрополита Леонтія, П. Чардакліи, Θеодора Филиповича (Божи Груѣвича) и П. Ичко, а возненавидѣли ихъ, когда, съ переходомъ русской арміи въ Валахію, почувствовали у себя шире около шеи,—такъ что клеветали на нихъ и самую ихъ жизнь ставили въ опасность, — какъ всѣ пакостные невѣжды, которые не выносятъ присутствія въ ихъ средѣ просвѣщенныхъ людей!

1) М. Миличевичъ, Поменик, 188.

2) Сербіанка, III, 40—42.

И што к' томе сви од лова живе!
А да како, обазрите с' на се,
Поступате ви с пријан'ма својим,
Ил' сте умни за зла чинит' веħа?!
Лажна ј' мудрост злобног дјелатеља,
Тешко л' земљи ħе се лест подвуче
Европејца!... чешħе чудовишча,
Све ждеравша, нигда л' ненасита!
«Монтецума, вјечно племенити,
«К теб' ето ме, и мој враг је бео!»
То изрекав умрьо је Ичко.

Что означаютъ эти намеки въ стихахъ Милутиновича? Авторъ «Сербіанки» упоминаетъ мексиканскаго царя Монтецуму, который предупредительно и дружелюбно встрѣтилъ испанскаго военачальника Фернанда Кортеса съ толпою авантюристовъ и грабителей, пріѣхавшихъ завоевывать Мексико. Несчастный этотъ царь изъ-за Кортеса и жизнь свою потерялъ, безвинно и почти случайно убитый своими же людьми, — за стараніе мирнымъ путемъ расправить и предотвратить стычки съ завоевателями, о которыхъ думалъ, что они явились по волѣ судьбы. Безъ сомнѣнія изъ этихъ намековъ дѣлались до настоящаго времени выводы, будто П. Ичко былъ отравленъ по наущенію К. К. Родофиникина, котораго поэтъ будто бы ставитъ въ роли Ф. Кортеса, а П. Ичко въ роли Монтецумы. Остается еще вопросъ: кто такое «просвеħенац» Милутиновича? Судя по всему и даже по этому же слову, его слѣдуетъ искать среди самихъ сербовъ. Изъ выраженія «Што немају граде ни Руднике» (въ оригиналѣ буква «Р» — прописная) можно подумать на Стефана В. Живковича. Изъ біографіи послѣдняго, — въ неизданныхъ бумагахъ В. С. Караджича и въ мемуарахъ Пр. М. Ненадовича,—видно, что Стефанъ В. Живковичъ до 1806 г. изучалъ въ Вѣнѣ медицину и почти кончалъ когда Прота М. Ненадовичъ, возвращаясь въ упомянутомъ году изъ своей миссіи изъ

Вѣны, взялъ его съ собою и привезъ въ Сербію. Тутъ онъ служилъ сначала писаремъ въ Совѣтѣ въ Смедеревѣ, а потомъ, въ виду его знакомства съ естественными науками, назначенъ былъ въ г. Рудникъ, на должность управляющаго рудниками, открытыми тамъ Совѣтомъ, — гдѣ и оставался до конца 1807 года [1]. Въ началѣ 1808 г. его опять перевели въ Совѣтъ, находящійся тогда уже въ Бѣлградѣ. Въ это время тамъ былъ и К. К. Родофиникинъ. Живковичъ сразу приблизился къ нему и сталъ послушнымъ его орудіемъ. Поэтому, когда въ концѣ 1808 г. отношенія между Карагеоргіемъ и К. К. Родофиникинымъ сильно обострились, первый прогналъ со службы Ст. Живковича. Послѣ того Живковичъ состоялъ нѣкоторое время писаремъ у Миленко Стойковича, пока, въ 1809 году, вмѣстѣ съ К. К. Родофиникинымъ не уѣхалъ изъ Сербіи и, наконецъ, около 1817 г. окончательно поселился въ Россіи [2]). Извѣстно, что онъ умеръ на русской службѣ, а, какъ кажется, въ Россіи и теперь есть его потомки. Итакъ, если П. Ичко дѣйствительно умеръ отъ отравленія, то, согласно стихамъ С. Милутиновича, вина за это падала бы на К. К. Родофиникина и Ст. В. Живковича. Мотивы для такого преступленія можно найти въ политической ситуаціи Сербіи того времени, ситуаціи очень тяжелой и запутанной, которая, понятно, вызывала между старшинами разномысліе и треніе, побуждавшія ихъ не останавливаться иногда и передъ крайними средствами.

Въ другомъ мѣстѣ [3]) мы уже нарисовали ту ломку, которая

1) Кромѣ В. С. Караджича, объ этомъ и С. Милутиновичъ поетъ:

Живковића, Протом доведена,
Одредише старатељем бити
Рудокопства у старом Руднику;
Набавио и мајсторе нужне
Из Нѣмачке и остале ствари,
Пак отпоче ископават' руде
Многог сребра и претапат' чисто.

Сербіанка, III, 80.

2) В. С. Караджичъ, Грађа, 348.

3) См. Годишњица, XXI, 208.

возникла между старшинами въ началѣ 1807 г. по вопросу: мириться ли съ турками, или вмѣстѣ съ русскими, которые уже выступили въ походъ противъ Турціи, — продолжать войну? Жестокія расправы, которымъ подверглись турки въ Бѣлградѣ, Шабцѣ и Парачинѣ, въ февралѣ 1807 г., положили конецъ дальнѣйшимъ колебаніямъ и вызвали обновленіе войны. Когда же лѣтомъ 1807 г., послѣ примиренія между Александромъ I и Наполеономъ, было установлено перемиріе и между Россіей и Турціей, при чемъ русскіе не успѣли внести Сербію въ это перемиріе и она осталась какъ взбунтовавшаяся турецкая область, внѣ его условій, то среди сербскихъ старшинъ снова возникли колебанія начала 1807 г. и разгорѣлись въ настоящіе раздоры, которые довели до образованія между ними русской и антирусской партій. Дѣло, однако, было потомъ улажено, по настоянію Россіи, и турки, чтобы сдѣлать пріятное русскимъ и французамъ, согласились молчаливо признать дѣйствіе перемирія и въ отношеніи Сербіи; а въ 1808 г. Карагеоргіемъ и турецкимъ главнокомандующимъ въ Софіи были подписаны и условія этого перемирія[1]).

Такимъ образомъ, вся осень и зима 1807 и 1808 гг. были заполнены этими спорами и передрягами — между русскими и сербами — съ одной, а сербами и турками — съ другой стороны.

К. К. Родофиникинъ былъ столпомъ русскихъ приверженцевъ въ Бѣлградѣ. Заодно съ нимъ дѣйствовали митрополитъ Леонтій (грекъ по происхожденію и человѣкъ преданный К. Ипсиланти, — какъ и самъ К. К. Родофиникинъ), Ст. В. Живковичъ, а изъ воеводъ П. Добрньяцъ и Миленко Стойковичъ. На другой сторонѣ съ Карагеоргіемъ, который боялся (безпричинно, какъ это мы теперь знаемъ), что Родофиникинъ съ этими своими друзьями орудуетъ противъ него, — стояли Младенъ Миловановичъ и кнезъ Сима Марковичъ, а изъ образованныхъ людей Иванъ Юговичъ и П. Н. Чардаклія. Петръ Ичко и Досиѳей Обрадовичъ, правда, не вмѣшивались въ эти внутрен-

1) Перемиріе въ Парачинѣ.

нія распри, но, тѣмъ не менѣе, по своимъ привычкамъ, тяготѣли больше къ Карагеоргію, какъ верховному правителю страны.

Первая изъ вышеупомянутыхъ группъ полагала, что слѣдуетъ безусловно слушаться Россіи; а такъ какъ Россія вела войну съ Турціей и они считали, что въ концѣ концовъ все будетъ такъ, какъ того захочетъ Россія,— то и возставали противъ Турціи всегда и во всѣхъ случаяхъ. Имъ казалось, что это самый кратчайшій путь для полученія самостоятельнаго и независимаго сербскаго государства. Вторая же группа находила, что русскіе чиновники слишкомъ скоро и неудобно вмѣшиваются въ сербскія внутреннія дѣла и притомъ раньше, чѣмъ успѣли сдѣлать что-нибудь для сербской націи,—и думая больше о томъ, какъ бы удержать то, что̀ уже было пріобрѣтено, были не прочь вступить въ переговоры съ Турціей и даже съ Австріей, лишь бы только этими переговорами скорѣе заручиться и обезпечить себѣ прочный миръ, хотя бы и съ умѣренными пріобрѣтеніями.

Мы уже упоминали, что П. Ичко шелъ съ людьми второй группы, о чемъ не трудно догадаться и изъ разсказаннаго впереди. И симпатіи его были на сторонѣ людей той категоріи. Изъ стихотвореній С. Милутиновича мы видимъ, что съ П. Ичко больше всего сходился и былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ Иванъ Юговичъ. Про Юговича всѣ говорятъ, что это былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и самыхъ ученыхъ сербовъ того времени. И В. С. Караджичъ даетъ о немъ слѣдующій весьма лестный и весьма похвальный отзывъ. «Чтобы не сказать»,— говоритъ Вукъ,— «что никто изъ сербовъ нашего времени не могъ бы сравниться съ нимъ въ знаніи и наукѣ, скажу только то, что, безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ однимъ изъ числа извѣстнѣйшихъ и умнѣйшихъ сербовъ»[1]). С. Милутиновичъ не меньше Вука восхваляетъ его въ своихъ стихахъ. Упоминая о томъ, что Карагеоргій любилъ П. Ичко «какъ родного брата», С. Милу-

1) Грађа, 277—278.

тиновичъ спеціально выдвигаетъ дружбу П. Ичко и И. Юговича. Этой дружбѣ онъ и посвятилъ слѣдующіе стихи:

Ах да ли се још продужи дружба
Петра славног с Југовићем ретким!
Онај радо свуд за Србе главом
И памећу стај'о у Турака,
К'о и овај Србом се додав'о,
Да га ставе на дно у Небојшу
Ђе су змије и скорпије јетке,
Да г' окују како грђе знаду,
Пак отале да га допитују
За сва дјела у правльенью земльe,
Ал' да слѣде и ньегову сјету,
Пак и у чем ако б' назаднули
Одмах смрћу да г' накажу грозном[1]).

А что и И. Юговичъ въ 1807 г. стоялъ за примиреніе съ турками, видно изъ стиховъ С. Милутиновича, гдѣ онъ вспоминаетъ, какъ П. Добрньяцъ вырѣзалъ турецкихъ пословъ, и гдѣ говоритъ:

Југовићу, залуду ти труди
Најславније испословат' перцем,
Дар одбачен Народнијем Вождом
И нагльецом... исјечени посли
Сјајне Порте и премногомоћне
Преко сваког народнога права
А с вольенья давно жельне дружбе
Против Турак' с Рус'ма дјејствовати[2]).

1) Сербіанка, III, 40—42. Въ доказательство правильности такой оцѣнки со стороны поэта, достаточно сослаться на весьма тяжелый и прямо критическій 1809 годъ. Въ тотъ самый моментъ, когда К. К. Родофиникинъ, П. Добрньяцъ и Ст. В. Живковичъ находили, что слѣдуетъ оставить страну, Юговичъ совѣтовалъ Карагеоргію твердо стоять и не поддаваться. Можно только пожалѣть, что и въ 1813 г. около Карагеоргія не нашлось какого-нибудь И. Юговича!

2) Сербіанка, II, 144. «Наглецомъ», по нашему мнѣнію, здѣсь названъ

По своему характеру Карагеоргій былъ бы всегда съ такими дѣятелями, какъ П. Добрньяцъ, Миленко Стойковичъ и Ст. В. Живковичъ, но мотивы внутренней политики заставляли его склоняться къ болѣе умѣренной политикѣ, такъ какъ за нее стояли тѣ его друзья, на которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться и относительно которыхъ былъ увѣренъ, что они никогда не оставятъ его. Между тѣмъ П. Добрньяцъ, М. Стойковичъ и др., которые всѣ потомъ сдѣлались горячими русскими сторонниками,—дѣйствительно старались воспрепятствовать Карагеоргію стать полнымъ хозяиномъ-правителемъ всей страны, не желая подчиняться его приказаніямъ. Они олицетворяли въ себѣ борьбу мѣстной автономіи и независимости, — къ которымъ тяготѣли,— противъ централизаціи власти, которую представлялъ Карагеоргій. Этотъ послѣдній въ самомъ дѣлѣ стремился всю власть и правленіе, какъ они тогда понимались, — сосредоточить и удержать въ своихъ рукахъ, а затѣмъ передать своимъ дѣтямъ. Поэтому Карагеоргій, видя, что около русскихъ чиновниковъ собираются и группируются его противники, боялся Россіи, какъ орудія въ ихъ рукахъ. И поэтому же онъ часто сожалѣлъ о томъ, что не удержалось въ силѣ соглашеніе П. Ичко 1807 года. Самъ К. К. Родофиникинъ разсказываетъ въ своихъ рапортахъ, какъ однажды, въ ноябрѣ 1807 г., во время какого-то горячаго спора, Карагеоргій, обращаясь къ нему, сердито сказалъ: «Вы сами приказали, чтобы мы на это (т. е. на примиреніе съ турками) не соглашались, и мы исполнили ваше приказаніе». Затѣмъ прибавилъ, что отрубитъ голову каждому совѣтнику, который не сталъ бы слушаться К. К. Родофиникина, — и уѣхалъ въ Тополу[1]). Эта рѣзкость въ обращеніи Карагеоргія даетъ ясное понятіе о томъ, каково было его личное мнѣніе осенью 1807 г. (а это и послѣ много разъ повторялось) о русско-сербской политикѣ, къ которой рѣшительно приступили весною

Петръ Добрньяцъ, такъ какъ тутъ упоминается его рѣзня турецкихъ чиновниковъ въ Парачинѣ 1807 г.

1) Н. Дубровинъ, Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 136—137.

1807 г. Такое мнѣніе и такія же чувства имѣли своихъ представителей и среди другихъ сербскихъ старшинъ, при чемъ эти чувства смѣшивались съ чувствами внутренней политики, съ симпатіями и антипатіями къ той или другой личности, что̀ еще больше обостряло отношенія. Тѣ люди, которымъ во что бы то ни стало хотѣлось видѣть торжество союза съ русскими, могли считать препятствіемъ для своей политики и человѣка съ заслугами Петра Ичко, въ особенности если знали, что онъ ихъ надежды не вполнѣ раздѣляетъ и ихъ взгляды не одобряетъ. Кромѣ того, его положеніе могло казаться и опаснымъ для этихъ взглядовъ, такъ какъ можно было бояться, какъ бы обстоятельства снова не выдвинули его впередъ и не отбросили на задній планъ и тѣ взгляды и тѣ способы и пути спасенія и благоустройства Сербіи, въ которые они вѣрили. Политическія страсти всѣхъ временъ движутся такими двигателями и производятъ преступленія, различающіяся только по формѣ, по времени и по культурному уровню среды, но совершенно однородныя по своимъ началамъ и источникамъ.

Возвращаясь къ смерти Петра Ичко, мы опять утверждаемъ, что замѣтка объ его отравленіи при гостьбѣ въ Топчидерѣ, 5-го мая 1808 г., отнюдь нѐ имѣетъ характера такой записи, въ достовѣрности которой нельзя было бы усомниться. Источникъ же ея — молва и разсказы. Извѣстно, что тотъ же духъ партійности, о которомъ мы только что говорили, охотно приписываетъ своимъ противникамъ и такія политическія преступленія, которыя иначе нельзя было бы доказать. И это бываетъ во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ образованія. Значитъ, то же самое могло случиться и въ 1808 году въ Сербіи. Но если П. Ичко дѣйствительно палъ жертвою своихъ политическихъ враговъ, тогда слѣдуетъ признать, что нападеніе на него могло произойти только на почвѣ рѣзкаго противорѣчія между политикою тѣснѣйшаго союза съ русскими,—съ одной и примиренія съ турками,—съ другой стороны, и въ такомъ случаѣ его враговъ надо искать среди тѣхъ лицъ, которыхъ мы выше называли.

П. Ичко похороненъ у монастыря Раковицы, близъ Бѣлграда, какъ человѣкъ, имѣющій заслуги передъ своимъ народомъ. Послѣ него остался въ живыхъ его братъ Наумъ Ичко, который въ 1813 г. также былъ назначенъ базерджанъ-башой. Въ 1816 году князь Милошъ снова утвердилъ Наума Ичко въ этой должности, которую онъ и занималъ до 1820 г.[1]). Безъ сомнѣнія, князь Милошъ этимъ назначеніемъ хотѣлъ выразить почитаніе и признательность памяти Петра Ичко и его заслугамъ для Сербіи со времени 1806 года.

II.

Формула сербскихъ требованій 1804 г. и сравненіе съ прежнимъ состояніемъ 1792—1801 гг. Австрійскій взглядъ на настоящее сербское движеніе. Миссія Бекиръ-паши (съ іюля по августъ 1804 г.) и первая попытка примиренія. Сербское требованіе иностранной (австрійской) гарантіи выполненія условій примиренія. Холодность и Австріи и Турціи къ этому желанію сербовъ. Сербскіе делегаты въ С.-Петербургѣ. Результаты этой миссіи. Связи съ Россіей черезъ Букарештъ. Примирительная работа при посредствѣ кн. Ипсиланти и его роль въ этомъ дѣлѣ. Сербская депутація въ Константинополѣ и новыя требованія сербовъ отъ апрѣля 1805 г. Оцѣнка послѣднихъ и сравненіе съ требованіями 1804 г. Перемѣна въ расположеніи Порты къ сербскому возстанію. Рѣшеніе Порты подавить возстаніе въ Сербіи при посредствѣ силы. Нападеніе Гафисъ-паши (августъ 1805 г.). Порученіе изъ С.-Петербурга послать новую депутацію въ Константинополь (въ концѣ 1805 г.).

Въ исторіи сербскаго возстанія весьма интересно прослѣдить ту постепенность, съ какою желанія народныхъ старшинъ о формулѣ новаго порядка и новаго государственнаго состава поднимались и росли съ низшей ступеньки на высшую, отъ меньшаго къ большему.

Хотя это мы и разсматриваемъ въ спеціальномъ трудѣ, всетаки, для ясности, считаемъ необходимымъ и здѣсь представить коротенькое обозрѣніе этихъ ступеней развитія сербскихъ жела-

---

1) М. Петровић, Финансије и установе обновљене Србије, Београд 1897, стр. 203.

ній въ дѣлѣ формулировки новаго государства, для того, чтобы лучше было видно, на какой ступени и за какую формулу выступаетъ въ дипломатическую акцію Петръ Ичко.

Первый случай, при которомъ желанія сербскаго народа могли быть выражены, показался въ концѣ апрѣля 1804 г., когда, вслѣдствіе просьбы о содѣйствіи со стороны начальниковъ сербскихъ повстанческихъ отрядовъ, австрійскія власти получили приказаніе сдѣлать попытку примиренія повстанцевъ съ турками. По этому поводу, собственно говоря, и состоялось впервые сближеніе и соединеніе въ нѣкоторый общій союзъ всѣхъ сербскихъ вожаковъ, которые раньше дѣйствовали безъ солидарности и отдѣльно, каждый на свою сторону. Дѣло въ томъ, что именно въ виду такого австрійскаго приглашенія и для того, чтобы знать, чего требовать отъ турокъ и австрійцевъ вообще — отъ имени всего бунтующаго пашалыка, — Карагеоргій въ Юрьевъ-день созвалъ было въ м. Остружницѣ близъ Бѣлграда какъ бы нѣкоторое общее собраніе старшинъ Шумадіи и Подринья. На этомъ собраніи и были утверждены основные пункты первой сербской государственной или автономной программы, которая 28 апрѣля 1804 г., во время переговоровъ въ Землинѣ, въ присутствіи австрійскаго комендапта, была сообщена турецкимъ делегатамъ изъ Бѣлграда, а потомъ, когда землинская попытка примиренія осталась безъ всякихъ результатовъ,—послана и Портѣ въ Константинополь, въ качествѣ формулы тогдашнихъ сербскихъ требованій.

Формула эта состояла изъ девяти пунктовъ, въ которыхъ въ видѣ условій примиренія выставлены были слѣдующія требованія:

а) Чтобы дахіи были истреблены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установленные ими читлукъ - сахибійскія отношенія въ Сербіи.

б) Чтобы сербы, до пріѣзда султанскаго войска, представили въ помощь бѣлградскому пашѣ отрядъ въ 1500 вооруженныхъ воиновъ, для безопасности своей и его самого.

в) Чтобы царскимъ фирманомъ сербамъ была объявлена

амнистія, и чтобы никто не подвергался взысканію за участіе въ возстаніи.

г) Чтобы каждый визирь правилъ раей въ смыслѣ гатишерифа 1793 г., и чтобы налоги не увеличивались больше тогда установленной нормы.

д) Чтобы въ каждой нахіи (округѣ) былъ учрежденъ судъ; чтобы судьями были люди способные и честные; чтобы во всемъ судили по закону и, наконецъ, чтобы никто не могъ быть наказанъ безъ суда.

е) Чтобы сербы,—все согласно тому же гатишерифу 1793 г.,—свободно могли возобновлять сожженныя церкви и монастыри; чтобы было свободно исполненіе религіозныхъ обрядовъ; чтобы турки не вмѣшивались въ христіанскія свадьбы, и чтобы духовныя лица (священники и монахи) не подлежали турецкому суду, а судились бы у своихъ духовныхъ начальниковъ—архіереевъ.

ж) Чтобы по округамъ было свободно заниматься торговлей, и чтобы каждый сербъ могъ продавать свое имущество тому, кто дастъ лучшую цѣну за него.

з) Чтобы рая сама избирала своихъ кнезовъ, которыхъ долженъ утверждать визирь. Они же, въ свою очередь, избираютъ верховнаго кнеза, который, такимъ образомъ, является главою всего сербскаго народа. Черезъ послѣдняго совершаются всѣ сношенія съ народомъ и визиря и другихъ чиновниковъ Порты; такъ, черезъ него совершается раскладка дани, которую собираютъ мѣстные кнезы, приносятъ верховному, а онъ передаетъ Портѣ и т. д., какъ оно было въ Мореѣ [1]).

і) Послѣ того, какъ Порта дастъ удовлетвореніе по всѣмъ вышеизложеннымъ пунктамъ, сербы будутъ готовы и жизнь свою пожертвовать, когда Порта отъ нихъ того потребуетъ, и вообще обѣщаютъ оставаться у нея въ полномъ повиновеніи во всемъ.

Вотъ первыя сербскія требованія въ девяти пунктахъ, о которыхъ Пр. М. Ненадовичъ въ Мемоарахъ упоминаетъ три

1) Мемоари Пр. М. Ненадовича, въ изданіи Л. П. Ненадовича 1867 г. стр. 288—289.

раза: при совѣщаніи въ Землинѣ, при началѣ осады Бѣлграда и при предъявленіи ихъ Бекиръ-пашѣ[1]). Очевидно, вездѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же актѣ. Однако, Л. А. Баталака, въ своей книгѣ о сербскомъ возстаніи, говоритъ, что подъ девятымъ пунктомъ слѣдуетъ понимать требованіе сербами австрійскаго поручительства, которое сербскіе старшины не хотѣли предъявлять письменно, а высказали его устно Бекиръ-пашѣ[2]).

Эти требованія олицетворяли въ себѣ тотъ порядокъ, который тамъ существовалъ на практикѣ во время Хаджи-Мустафа-паши, а въ видѣ мѣстной автономіи встрѣчался и въ разныхъ другихъ областяхъ Турецкой имперіи. Упоминаніе же Мореи показываетъ, что сербскія требованія были написаны человѣкомъ, знавшимъ тамошніе порядки. Въ Мореѣ, въ главномъ городѣ области, Триполицѣ (какъ въ Сербіи въ Бѣлградѣ), дѣйствительно практиковался тотъ же способъ собиранія дани, какъ въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ при Хаджи-Мустафа-пашѣ. Тамъ паша въ Триполицѣ съ народными старшинами опредѣлялъ сумму дани, которая потомъ раскладывалась между общинами и семьями[3]).

Вышеупомянутое сербское предложеніе представляло собою нѣкотораго рода соединеніе областной автономіи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Въ немъ внутреннее единство области выступало только въ связяхъ съ суверепнымъ турецкимъ правительствомъ черезъ верховнаго кнеза; въ округахъ же власть окружныхъ кнезовъ, въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ верховною турецкою властью, почти ничѣмъ не ограничивалась.

Не забыто въ немъ ни существовавшее при Хаджи-Мустафа-пашѣ — народное войско. Упомянута также и автономія духовныхъ властей, хотя права, которыхъ добивались сербы, и безъ того вездѣ признавались за греческими архіереями по автоном-

1) Мемоари, стр. 104—117.

2) Историја срп. устанка, стр. 152. Пр. М. Ненадовичъ дополняетъ это замѣчаніе, говоря, что требованіе поручительства было предъявлено на другой день послѣ передачи девяти приведенныхъ пунктовъ.

3) G. G. Gervinus, Geschichte des Aufstandes und der Wiedergeburt von Griechenland I, 17.

нымъ правиламъ Вселенской Церкви. Тираническая расправа дахіевъ и казнь Хаджи-Руфима, Хаджи-Дьеры и какого-то священника въ Пожаревацкомъ округѣ,— могли послужить непосредственнымъ поводомъ для такого требованія.

Въ сравненіи съ состояніемъ при Хаджи-Мустафа-пашѣ выступали болѣе точно выраженныя права народа на избраніе окружныхъ кнезовъ; кромѣ того вновь устанавливалась должность верховнаго кнеза, въ лицѣ котораго сильнѣе выставлялась національная самостоятельность христіанъ и, наконецъ, создавался чистый типъ областной автономіи подъ турецкимъ верховенствомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что каждый изъ вожаковъ (воеводъ) стремился сохранить за собою ту самостоятельность и власть, которыя до тѣхъ поръ, — при тогдашнемъ странномъ стеченіи обстоятельствъ — успѣлъ забрать въ свои руки. Установленіе же верховнаго кнеза, въ качествѣ обще-народнаго представителя и посредника въ отношеніи суверенной власти,— было новостью, которой при Хаджи-Мустафа-пашѣ не существовало. Кромѣ необходимости дать народной автономіи опредѣленный типъ, этимъ нововведеніемъ освящалось созданное уже на практикѣ положеніе главнаго старшины — Карагеоргія. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, какъ много расчитывалъ на это самъ Карагеоргій.

Въ другомъ мѣстѣ мы скажемъ и объяснимъ, какъ тѣ же бунтующіе сербскіе кнезы и воеводы жаловались и султану на безпорядки и насилія дахіевъ, вызвавшія ихъ на бунтъ. То же самое дѣлали и спагіи, изгнанные дахіями изъ ихъ помѣстій; они жаловались отъ имени своего и своихъ христіанъ, для чего и присоединили къ себѣ кнеза Іоанна Рашковича.

Для Австріи, въ то смутное для Европы время,—всѣ осложненія на южной ея границѣ были весьма не съ руки. Австрія тогда вовсе не искала войны съ Турціей и желала поддерживать съ нею дружественныя отношенія. Не хотѣла она также недоразумѣній съ Россіей, съ которой давно (съ 1781 года) состояла въ союзѣ и дружбѣ, и совмѣстно съ которою еще такъ

недавно начала было войну противъ Турціи, войну (1788—1791 гг.), цѣлью которой открыто выставлялось желаніе уничтожить и раздѣлить Турцію.

Смуты, вызванныя французской революціей, незначительные военные успѣхи и смерть императора Іосифа II помѣшали осуществленію на этотъ разъ такого плана.

Созданіе въ Сербіи новой автономіи безъ австрійскаго руководительства и въ то время, когда Австрія, занятая на другой сторонѣ, не могла воздѣйствовать и силою,—возбуждало въ Вѣнѣ сомнѣніе, чтобы и эта автономія не пошла путемъ Валахіи и Молдавіи—еще сильнѣе въ сторону русскихъ, тѣмъ болѣе, что въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ и кругомъ его населеніе не только православное, но и славянское. Поэтому въ Вѣнѣ совершенно искренно желали, чтобы возстаніе, вспыхнувшее въ Сербіи 1804 г., по причинамъ весьма основательнымъ,—прекратилось и успокоилось, и чтобы сербы остались въ такомъ же положеніи, въ какомъ они находились до времени дахіевъ, хотя бы и съ нѣкоторыми поправками въ смыслѣ лучшаго и болѣе спокойнаго житья. Для австрійской политики выгоднѣе всего было удержать движеніе въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ въ томъ же положеніи, до другого времени, когда у Австріи будутъ развязаны руки для разрѣшенія этого спора.

Всѣ эти условія въ совокупности дали въ результатѣ то, что Порта въ Константинополѣ рѣшилась,—съ благосклонными чувствами къ сербамъ, которые, казалось, возстали въ защиту порядка и центральной законной власти въ пашалыкѣ,—послать въ Бѣлградъ боснійскаго визиря Бекиръ-пашу съ приказаніемъ возстановить порядокъ въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ и снова водворить тамъ миръ и спокойствіе. Въ Вѣнѣ уже 13/25 мая 1804 г. знали о возложеніи такой миссіи на Бекиръ-пашу[1]),—изъ чего слѣдуетъ, что рѣшеніе объ этой миссіи было принято Портой еще до переговоровъ въ Землинѣ,—по всей вѣроят-

1) См. рапортъ императору отъ 13/25 мая 1804 г. у Богишича: Разборъ сочиненія и т. д., стр. 33.

ности во второй половинѣ апрѣля. Полагаемъ, что около половины мая и Бекиръ-паша былъ увѣдомленъ объ этомъ назначеніи, когда получилъ и нужныя инструкціи. Въ Сербію же Бекиръ-паша отправился только во второй половинѣ іюня, послѣ того какъ собралъ небольшой отрядъ войска. Пр. М. Ненадовичъ разсказываетъ, что въ началѣ или около половины іюля сербами и турками у Бѣлграда была получена «буюрундія» (приказъ визиря) Бекиръ-паши, въ которой тотъ приказывалъ, чтобы обѣ стороны воздерживались отъ борьбы, и сообщалъ, что онъ посланъ султаномъ для примиренія сербовъ съ дахіями. Переговоры дѣйствительно начались еще до конца іюля 1804 г., такъ какъ извѣстно, что вечеромъ 25 іюля дахіи были уже въ Адакалэ, ибо въ тотъ же день были тамъ умерщвлены посланникомъ Карагеоргія, Миленко Стойковичемъ. Немедленно затѣмъ сербы поднесли Бекиръ-пашѣ въ бѣлградской крѣпости свои требованія,— тѣ же самыя, которыя 28 апрѣля предъявлялись ими въ Землинѣ и которыя вскорѣ послѣ того были посланы въ Константинополь. Для Сербовъ самымъ важнымъ было то, которое и не было записано, а именно—требованіе поручительства со стороны Австріи за все, что̀ повстанцы выговорили бы для себя отъ представителя султана. Объ этомъ сербскіе старшины думали еще раньше, нежели Бекиръ-паша прибылъ къ Бѣлымъ Водамъ у Жаркова—vis-à-vis сербскаго лагеря подъ Бѣлградомъ.

Сохранился черновикъ письма отъ 20-го іюля 1804 г., писаннаго въ сербскомъ осадномъ лагерѣ въ Топчидерѣ, съ которымъ подписавшіеся подъ нимъ сербскіе старшины обращались къ австрійскому кесарю (императору) съ просьбою о помощи и посредничествѣ. Въ этомъ письмѣ старшины благодарятъ императора за то, что онъ довелъ до свѣдѣнія султана объ ихъ страданіяхъ и совершаемыхъ надъ ними насиліяхъ. Между тѣмъ, съ Божіею помощью, они сами теперь избавились отъ всего этого, и нынѣ только ищутъ способовъ и пути, какъ бы упрочить этотъ новый порядокъ вещей. Султанъ же послалъ своего человѣка, боснійскаго визиря Бекиръ-пашу, съ цѣлью возстановить у нихъ закон-

ность и порядокъ. «Но паши — люди смертные и непостоянные, а мы отъ нашего царя весьма отдалены и поэтому не всегда и во время можемъ получить защиту». Въ виду этого сербскіе старшины просятъ императора, чтобы и онъ, въ свою очередь, не отказалъ имъ въ помощи и послалъ бы своихъ представителей, которые были бы посредниками и свидѣтелями въ дѣлѣ новаго устройства и соглашенія сербовъ съ посломъ султана. Сербскіе старшины просятъ и о томъ, чтобы кесарь (императоръ) подтвердилъ и поручился за новый порядокъ, который будетъ установленъ переговорами съ Бекиръ-пашой, — по утвержденіи его султаномъ,—ибо только такъ можно было бы предупредить насилія въ Сербіи. Наконецъ старшины просятъ кесаря послать своихъ представителей въ Бѣлградъ или куда онъ найдетъ за лучшее, лишь бы только они скрѣпили договоръ съ Бекиръ-пашой[1]).

Имѣется и другое указаніе,—въ одномъ письмѣ митрополита Стратимировича, — на то, что упомянутое письмо кесарю было передано въ Славонскую Генералъ-Команду съ просьбою отослать его по назначенію. Дѣло въ томъ, что, обращаясь къ австрійскому императору, сербы искали тутъ помощи и содѣйствія и у своего митрополита Стратимировича. И дѣйствительно митрополитъ Стратимировичъ 4/16 августа писалъ объ этомъ сербскомъ дѣлѣ эрцгерцогу Карлу, состоявшему въ то время военнымъ и морскимъ министромъ Австріи. Въ этомъ письмѣ митрополитъ говоритъ, что онъ отлично понимаетъ, что при существующихъ обстоятельствахъ нельзя ничего сдѣлать для удовлетворенія прошенія сербовъ, такъ какъ дружественныя отношенія Австрійскаго и Турецкаго Дворовъ не позволяютъ предпринимать какіе бы то ни было шаги въ этомъ направленіи. Но, все-таки, Стратимировичъ утверждаетъ, что сербы въ правѣ требовать какихъ-нибудь гарантій, иначе, при извѣстной склонности турокъ къ своеволію, безпорядку и насилію (въ доказательство этого онъ приводитъ недавніе примѣры) и при ихъ невѣжествѣ,

1) Гласник, II, стр. 221—222.

всѣ обѣщанія ихъ и договоры, какъ бы ясно ни устанавлялись на бумагѣ,— нельзя считать достаточными для обезпеченія мира и порядка. Итакъ, предусматривая невозможность исполненія того, о чемъ просили сербы, митрополитъ Стратимировичъ, тѣмъ не менѣе, обращаетъ вниманіе эрцгерцога Карла на то, что можно было бы собрать тѣ факты, которые имъ уже извѣстны, прибавить то что представляютъ сербскіе старшины и что онъ самъ сообщалъ, и воспользоваться этимъ для посредничества въ видахъ установленія болѣе прочнаго мира у южныхъ границъ Имперіи. Излагая съ почтительностью и смиреніемъ это предложеніе и напоминая, что во всемъ этомъ онъ руководствуется данными ему въ свое время инструкціями съ наивысшаго мѣста,— митрополитъ Стратимировичъ сообщаетъ и о томъ, что не преминулъ передать и сербскимъ старшинамъ отвѣтъ въ такомъ же смыслѣ; а именно, онъ велѣлъ сказать имъ, что ихъ просьба трудно исполнима, что въ особенности тогда (когда только что были казнены дахіи, для удовлетворенія ихъ) имъ слѣдуетъ показыватъ возможно больше довѣрія и предупредительности по отношенію къ Бекиръ-пашѣ, которому нужно искренно открыть всѣ свои желанія и что, наконецъ, имъ слѣдуетъ сообразоваться съ его совѣтами и указаніями, а особенно заботиться о томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ и ничѣмъ не оскорбить ни Бекиръ-пашу, ни кого бы то ни было изъ чиновниковъ султана[1]).

Между тѣмъ сербскіе старшины дѣйствовали и дальше такъ, какъ считали нужнымъ. Когда, около 31 іюля 1804 г., они прочитали Бекиръ-пашѣ вышеприведенныхъ восемь пунктовъ, тотъ отвѣтилъ имъ: «Иншала, иншала! Будетъ еще лучше; все получите»! Но когда упомянули объ австрійскомъ поручительствѣ, Бекиръ-паша рѣзко отказалъ въ этомъ требованіи, говоря: «Въ нашего царя земли никто не смѣетъ вмѣшиваться; у нашего царя много вѣрныхъ турокъ, которые ему скажутъ, кто виноватъ»[2]). Изъ этого сербскіе старшины увидѣли, что Бекиръ-паша

1) Архив Срп. Краљ. Академиjе, № 386.
2) Мемоари Пр. М. Ненадовича, стр. 117—119.

уклоняется отъ дачи гарантій, а старается только замазать имъ глаза и провести ихъ, по старому и хорошо извѣстному турецкому способу. А такъ какъ, съ другой стороны, было извѣстно, что и Австрія не въ состояніи оказать имъ въ этомъ дѣлѣ помощь, которую они отъ нея ожидали, — старшины склонились послѣдовать совѣтамъ своихъ австрійскихъ соплеменниковъ, въ особенности П. Н. Чардакліи, и рѣшили послать депутацію въ Россію и тамъ поискать совѣта и помощи въ дѣлѣ охраны народныхъ правъ.

Но хотя сербскіе старшины и считали, что въ переговорахъ съ Бекиръ-пашой отсутствуетъ самый главный пунктъ: гарантія иностранной державы, которая, въ случаѣ поворота назадъ, вслѣдствіе ли безпорядочности или своеволія турокъ, — была бы въ состояніи вступиться за Сербію, и хотя, потерявъ надежду на помощь сосѣдней Австріи,—послали депутацію въ Россію,— передъ Бекиръ-пашой они показывали видъ, что соглашаются на всѣ его обѣщанія. Не выпуская изъ рукъ ничего изъ своей добычи, они старались получить отъ Бекиръ-паши все возможное и при его помощи укрѣпить и расширить свои пріобрѣтенія. Изъ донесеній прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Бильфельдта отъ 12/24 августа 1804 г. видно, что тогда Порта, вѣроятно, по совѣтамъ Бекиръ-паши, — объявляла сербамъ, что подтвердитъ ихъ «привиллегіи» и «что правленіе надъ народомъ останется въ рукахъ народныхъ кнезовъ; а турецкое войско ограничится только своею чисто-военною службою»[1]). И сербы одно время думали, что порядокъ въ самомъ дѣлѣ будетъ возстановленъ и они примирятся съ турками. Внѣшній порядокъ мирнаго состоянія дѣйствительно установился въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ. Осадная сербская линія кругомъ Бѣлграда была снята. Въ Бѣлградъ снова ходили, какъ и раньше — до возстанія. И Бекиръ-пашѣ, спеціальному послу султана, и Ага-Гассанъ-пашѣ, бѣлградскому коменданту, и Гушанацъ-Али, начальнику гарнизона, — всѣмъ

1) J. W. Zinkeisen: Geschichte d. Osman. Reiches in Europa, VIII, 305, примѣч.

сербы, въ натурѣ и деньгами, давали полное содержаніе и все, что имъ слѣдовало, какъ чиновникамъ султана. Турки послали муселимовъ (въ родѣ окружныхъ начальниковъ) во всѣ нахіи, чтобы вмѣстѣ съ сербами вершить судъ въ народѣ. И спагіи тоже отправились въ свои помѣстья собирать десятину. Протоіерей Мих. Пеичъ изъ Землина 1 августа 1804 г. писалъ митрополиту Стратимировичу, что сербы выбрали двадцать новыхъ кнезовъ, которые будутъ собирать подати отъ народа, и что Бекиръ-паша принялъ ихъ и въ знакъ утвержденія въ должности надѣлъ на нихъ кафтаны. Вскорѣ затѣмъ былъ смѣщенъ и Ага-Гассанъ-паша, а на его мѣсто назначенъ Сулейманъ-паша, который во время Хаджи-Мустафа-паши занималъ постъ мухасила (шефа финансоваго управленія области). Несмотря на это, фирмана все еще не было, а все происходило и совершалось на основаніе простого соглашенія сербскихъ старшинъ съ Бекиръ-пашой и обѣщаній послѣдняго. Паша думалъ, что онъ только возстановляетъ прежній порядокъ, который существовалъ при Хаджи-Мустафа-пашѣ, а сербы, — что вводится новое положеніе, и поэтому все время ждали фирмана и поручительства какой-нибудь изъ иностранныхъ державъ. А тутъ еще Бекиръ-паша, войдя въ бѣлградскую крѣпость съ небольшими силами, попалъ въ руки Гушанацъ-Али, военачальника дахіевъ и фактическаго хозяина Бѣлграда. Гушанацу вовсе не хотѣлось дѣлать какія бы то ни было уступки, такъ что въ скоромъ времени стало видно, что бѣлградскіе турки не слушаются посла султана. Съ другой стороны, и сербскимъ воеводамъ не хотѣлось выпускать изъ своихъ рукъ власти, пріобрѣтенной въ борьбѣ 1804 г. Поэтому, видя, что нѣтъ ни фирмана, ни поручительства Австріи, они въ концѣ августа 1804 г. обратились къ Россіи и стали ждать, что принесутъ имъ оттуда ихъ депутаты. Въ концѣ октября Бекиръ-паша возвратился въ Боснію, оставляя и Бѣлградъ и Сербію въ такомъ же положеніи, въ какомъ ихъ и засталъ. Такъ какъ турками ничего не было исполнено, кромѣ казни дахіевъ и того, что сами сербы взяли съ оружіемъ въ рукахъ,—обѣ стороны вошли

въ зиму 1804—5 гг. въ ожиданіи и готовясь къ чему-то. Доклады Бекиръ-паши изъ Бѣлграда скорѣе всего могли открыть глаза Портѣ и показать ей, что̀ собственно началось и подготовляется въ Бѣлградѣ. Слухи и сообщенія съ другихъ сторонъ дополнили то, о чемъ въ началѣ 1804 г. въ Константинополѣ имѣли весьма неполное и одностороннее представленіе.

Въ началѣ 1805 г. въ Сербію возвратились делегаты изъ Россіи. Хотя они тамъ и были приняты довольно холодно и сдержанно, тѣмъ не менѣе, ихъ миссія дала много послѣдствій, важныхъ для позднѣйшаго развитія сербскаго дѣла. Они принесли оттуда привѣтствія и совѣтъ черезъ особую депутацію представить свои требованія непосредственно Портѣ въ Константинополѣ, а Россія постарается, черезъ своего посла, посодѣйствовать принятію и выполненію сербскихъ желаній. Назначенъ и нѣкоторый предѣлъ для этихъ желаній, такъ напр. сказано, что отъ Порты слѣдуетъ искать хорошаго визиря и освобожденія отъ Гушанаца и отъ насилій[1]). Вообще, значитъ, то была программа Бекиръ-паши и австрійская[2]).

Одинъ изъ депутатовъ, П. Н. Чардаклія, остался въ С.-Петербургѣ, съ цѣлью дождаться нѣкоторыхъ новыхъ донесеній изъ Константинополя и потомъ уѣхать въ Букарештъ, гдѣ долженъ былъ оставаться въ качествѣ посредника между С.-Петербургомъ и Бѣлградомъ.

---

1) Весьма характерно, что митрополитъ Стратимировичъ еще 29 марта 1804 г. писалъ Пр. М. Ненадовичу, что Турецкій Дворъ состоитъ въ мирѣ и дружбѣ и съ Австрійскимъ и съ Русскимъ Дворами, и что для послѣднихъ будетъ пріятно, если сербы останутся вѣрными султану, какъ своему государю. Эти Дворы могутъ только *рекомендовать* сербовъ вниманію султана, и только объ этомъ, по мнѣнію митрополита, сербы могутъ просить ихъ. «Между тѣмъ всѣ свои дѣйствія такъ направляйте и то всегда въ виду имѣйте, что вы подданные турецкаго султана и что по окончаніи начатаго предпріятія должны остаться въ подчиненіи турецкой Портѣ. Единственно только облегченія и безопасности въ будущемъ можете просить отъ вашего обладателя—Турецкаго Двора, а другіе Дворы, которые съ нимъ въ дружбѣ, можно попросить о поддержкѣ вашего ходатайства». Мемоари Пр. М. Ненадовича, въ изд. Л. П. Ненадовича, стр. 286—287.

2) Мемоари, стр. 159.

Делегатамъ еще было сказано, что правленіе въ Сербіи не должно быть самовольное, а нужно учредить судъ и синодъ (или совѣтъ),— что впослѣдствіи имѣло громадное значеніе для новой государственной жизни Сербіи[1]). Не менѣе важныя послѣдствія для сербскихъ дѣлъ имѣло и то обстоятельство, что передаточнымъ пунктомъ въ сношеніяхъ сербовъ съ Россіей избранъ былъ Букарештъ. Дѣло въ томъ, что тогдашній русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, князь А. Чарторыжскій, питалъ большое довѣріе къ валахійскому князю К. Ипсиланти, въ виду чего послѣдній, до нѣкоторой степени, въ качествѣ русскаго довѣреннаго лица, офиціально былъ вовлеченъ въ сербскія дѣла и оказалъ на нихъ не малое вліяніе.

Порта также скоро узнала о начавшихся между сербскими повстанцами и Россіей связяхъ и это извѣстіе было ею принято не безъ страха новыхъ осложненій. Порта уже начинала побаиваться русскихъ стремленій, и поэтому французское вліяніе стало брать верхъ въ Константинополѣ. Видно было, что миссія Бекиръ-паши не принесла никакихъ результатовъ. Въ виду этого изъ Константинополя было приказано князьямъ Валахіи и Молдавіи, К. Ипсиланти и Мурузи, чтобы они, въ качествѣ единовѣрцевъ, посовѣтовали сербамъ смириться и покориться. Порученіе это К. Ипсиланти исполнилъ нарочно въ противоположномъ смыслѣ, хотя и нерѣшительно и со свойственною восточной дипломатіи хитростью. Въ дѣйствительности, К. Ипсиланти желалъ, чтобы сербское возстаніе не затихло, а разгорѣлось до того, чтобы вызвать новую русско-турецкую войну; такъ такъ онъ считалъ, что новая война съ Турціей, при тогдашнихъ условіяхъ, можетъ привести къ освобожденію греческихъ земель.

Между тѣмъ, сербскіе старшины надумали, по совѣту Россіи, послать депутацію въ Константинополь,—съ новыми и болѣе обширными требованіями. Всѣ эти дѣла накопились къ собранію, созванному въ Печанахъ, у Остружницы, близъ Бѣлграда, 17 ап-

1) Мемоари, стр. 212.

рѣля 1805 г. Туда же передъ Карагеоргіемъ и прочими старшинами предстали и послы князя К. Ипсиланти съ предложеніемъ о примиреніи. Имъ отвѣчали, что и сами сербы добиваются мира, для чего и посылаютъ делегатовъ съ требованіями и условіями непосредственно въ Константинополь. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ собранія въ Печанахъ сербскіе делегаты отправились туда.

Представленіе сербовъ, которое эти делегаты везли въ Константинополь, придерживалось въ общемъ тѣхъ же требованій, которыя были предъявлены Бекиръ-пашѣ, только въ немъ они были значительно расширены и разработаны. Ссылаясь на то, что, вслѣдствіе разныхъ смутъ, насильническаго режима и вымогательства денегъ,—народъ обѣднѣлъ и разорился, сербы просили Порту не назначать впередъ въ Бѣлградъ визиря, а посылать туда мухасила, изъ дѣловыхъ и честныхъ людей; ибо вилайетъ только такъ можетъ быть умиротворенъ и очищенъ, если въ немъ не будетъ никого, кто имѣлъ бы возможность злоупотреблять властью. Настоящій же смыслъ этого перваго пункта тотъ, чтобы и визирь и всѣ подчиненные ему чиновники, гражданскіе и военные,— были выведены изъ Сербіи, а съ ними и турецкое войско. Такъ какъ назначеніе мухасила,—областного финансоваго начальника,—еще въ качествѣ начальника административнаго и военнаго имѣло мѣста на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага [1]), то для тѣхъ, которые знали турецкіе порядки,—въ одномъ этомъ требованіи ясно было видно желаніе сербовъ получить настоящее автономное управленіе, въ которомъ со стороны султана принималъ бы участіе только этотъ одинъ областной чиновникъ, главнымъ образомъ для расчетовъ по областнымъ податямъ и повинностямъ, платить которыя сербы никогда не отказывались.

Во второмъ пунктѣ сербское собраніе Бѣлградскаго паша-

1) Juchereau de St. Denys, Revolutions de Constantinople en 1807—1808. Paris, 1822, t. II, 288 — упоминаетъ мухасиловъ съ такимъ характеромъ на Критѣ, въ Канеѣ, Ретимо (на Кипрѣ), Мореѣ, Лепантѣ, Хіосѣ и Латакіи.

лыка требуетъ, чтобы въ двѣнадцати кадилукахъ (уѣздахъ) этого пашалыка были назначены оборъ-кнезы, утверждаемые бератомъ, и чтобы народъ выбралъ надъ всѣми ими одного великаго кнеза, который тоже долженъ быть утвержденъ бератомъ и имѣть свою резиденцію въ Бѣлградѣ. Всѣ исходящія отъ султана распоряженія и приказанія сообщались бы черезъ мухасила этому великому кнезу, какъ верховному начальнику народа, который, въ свою очередь, объявляетъ ихъ народу, и наоборотъ — всѣ сообщенія о нуждахъ и пользахъ народа, равно какъ и его просьбы, доставлялись бы султану черезъ великаго кнеза и мухасила. Если бы мѣста великаго кнеза или оборъ-кнезовъ остались вакантными вслѣдствіе смерти или по другой какой-нибудь причинѣ, требовалось признаніе за народомъ права избирать ихъ замѣстителей.

Всѣ денежные взносы въ казну султана, разныя подати и повинности, а также сборы въ пользу спагіевъ, съ царскихъ (казенныхъ) имуществъ и пр. — должны быть приведены къ одному знаменателю, т. е. всѣ вмѣстѣ опредѣлены въ одной общей суммѣ. Эта сумма раскладывается и собирается съ народа его старшинами, а потомъ, въ сопровожденіи одного представителя отъ народа и одного со стороны мухасила,—отсылается въ Константинополь; а тамъ уже султанъ распредѣляетъ и даетъ сколько и кому слѣдуетъ. Этимъ желали достичь того, чтобы и подъ предлогомъ сбора спагіевъ никто не могъ вмѣшиваться въ народное управленіе и дѣлать злоупотребленія. Исключенія нынѣ спагіевъ, какъ раньше янычаръ, добивались «потому, что спагіи — наполовину тѣ же янычары». Значитъ, цѣлью этого второго пункта было, чтобы вообще страна совершенно очистилась отъ турокъ, имѣющихъ право на какіе бы то ни было сборы съ народа, вмѣсто чего старались установить новый порядокъ, по которому всѣ денежные взносы уплачивались бы въ опредѣленной суммѣ непосредственно султану.

На великаго кнеза возлагалась обязанность сохраненія порядка и мира въ народѣ и охрана послѣдняго какъ отъ гайду-

ковъ, такъ и отъ всякихъ другихъ насильниковъ. Въ этихъ видахъ, равно какъ и для собиранія податей, предполагалось дать ему нѣкоторое число вооруженныхъ людей.

Требовалась затѣмъ полная свобода въ дѣлѣ постройки церквей и монастырей, а также въ отношеніи всѣхъ обрядовъ и священнодѣйствій православной вѣры.

Требовалась и полная свобода въ дѣлѣ торговли и промышленности, съ гарантіей, что на нихъ не будутъ устанавливаемы никакіе новые сборы и налоги.

Такъ какъ можно было предполагать, что кирджаліи Гушанацъ-Али, которые все еще были фактическими хозяевами Бѣлграда, не захотятъ послушаться султана, не уступятъ бѣлградскую крѣпость и не впустятъ туда мухасила, то сербское собраніе предлагало Портѣ сдѣлать представленіе Австріи, чтобы она запретила доставку провизіи для крѣпости, ибо только такимъ образомъ можно было заставить кирджаліевъ покориться. Въ концѣ просьбы было упомянуто, что ее везутъ два народныхъ депутата, которые могутъ и устно разсказать и объяснить все, что было бы нужно и, наконецъ, съ ними присланъ и отчетъ о всѣхъ сдѣланныхъ народомъ расходахъ по содержанію Бекиръ-паши, бѣлградскаго мухасила и прочихъ чиновниковъ Порты [1]).

Главнѣйшая разница между этими требованіями сербовъ отъ апрѣля 1805 г. и тѣми отъ апрѣля 1804 г. состоитъ въ томъ, что всѣ признаки автономіи, очерченные въ 1804 г. только слегка и какъ-то боязливо, — въ этомъ новомъ актѣ высказаны твердо, ясно и опредѣленно. Въ представленіи отъ апрѣля 1805 года сербы уже требуютъ, чтобы не было и визиря въ Бѣлградѣ, а сидѣлъ бы тамъ только финансовый чиновникъ султана (мухасилъ); требуютъ далѣе, чтобы не оставалось тамъ ни янычаръ, ни спагіевъ, чтобы рѣшительно никто не вмѣшивался и не нарушалъ автономнаго управленія области и чтобы съ сербскимъ народомъ Бѣлградскаго пашалыка никто изъ турокъ не могъ сно-

1) Голубица, V, 277—285.

ситься непосредственно, а только черезъ главныхъ начальниковъ края: мухасила, какъ представителя султана, и великаго кнеза, какъ представителя сербскаго народа. Если требованія отъ апрѣля 1804 г. и походили на автономныя привиллегіи разныхъ турецкихъ областей, то требованія отъ апрѣля 1805 г. еще больше походили на автономное устройство княжествъ Валахіи и Молдавіи.

Вопросъ о городахъ (укрѣпленныхъ пунктахъ) въ Сербіи,— относительно которыхъ турки были весьма чувствительны,— здѣсь не былъ и затронутъ, но изъ всего содержанія видно, что сербы думали и о томъ, какъ бы и эти города имъ были уступлены, такъ какъ иначе трудно представить управленіе съ мухасиломъ во главѣ. Турки сейчасъ это замѣтили, а какъ кажется имъ было это устно высказано, ибо В. С. Караджичъ пишетъ, что сербскіе старшины, не смотря на предупрежденіе о трудности выполненія, со стороны людей хорошо знающихъ турокъ,— рѣшили требовать и уступку городовъ, въ виду увѣренности въ томъ, «что пока города въ рукахъ сильныхъ и непокорныхъ турокъ, которые и своего царя слушаются только по доброй волѣ,— нельзя положиться ни на какіе договоры и соглашенія» [1]).

Біографы К. Ипсиланти разсказываютъ, что и онъ тогда старался обострить отношенія между сербами и турками, чтобы легче вызвать войну между Россіей и Турціей, о чемъ онъ хлопоталъ весьма дѣятельпо. Зато Порта все больше и больше была недовольна дѣятельностью К. Ипсиланти. Выполненіе имъ данной осенью 1804 г. ему и его товарищу, молдавскому князю Мурузи, миссіи въ дѣлѣ усмиренія Сербіи, только увеличило недовѣріе Порты. Для сербовъ же было вообще невыгодно, что объ ихъ дѣлахъ хлопоталъ К. Ипсиланти. Политическая ситуація въ Европѣ была такова, что заставляла Россію и Австрію обратить все вниманіе на Францію, такъ что у Порты оставались руки совершенно развязанными. Ко всему этому съ

1) Грађа, 49.

начала лѣта 1805 г. сербскіе старшины сдѣлали нападеніе на города Карановацъ, Чачакъ и Ужице, съ цѣлью очистить ихъ отъ турокъ и присоединить и эту часть къ освобожденнымъ краямъ, такъ какъ это не было сдѣлано въ 1804 году. Это нападеніе было предпринято почти въ то же время, когда сербскіе послы съ вышеупомянутыми требованіями прибыли въ Константинополь. Поэтому,— такъ какъ Порта получила много непріятныхъ свѣдѣній и о сербскомъ возстаніи и о сербскихъ старшинахъ, такъ какъ турки были весьма недовольны сербскими требованіями отъ апрѣля 1805 г., и такъ какъ новое распространеніе возстанія въ самыя южныя части Бѣлградскаго пашалыка, хотя и подъ предлогомъ изгнанія янычаръ, только усилило прежнее раздраженіе,— Порта рѣшила приказать нишскому Гафисъ-пашѣ, который въ прошломъ 1804 году помогалъ сербамъ противъ дахіевъ,— привести въ покорность Бѣлградскій пашалыкъ. Послы же сербскіе были приняты скорѣе какъ виновные, нежели какъ послы. Они только успѣли передать свои требованія, а потомъ съ ними никто и говорить не хотѣлъ.

Между тѣмъ вторженіе Гафисъ-паши, задуманное въ видѣ одновременнаго нападенія со стороны Ниша, Ужицъ, Смедерева и Бѣлграда,—окончилось полной неудачей. Прежде всего начальникъ бѣлградскаго гарнизона, Гушанацъ-Али, не захотѣлъ съ мѣста тронуться, такъ какъ со стороны ему дали знать, что Гафисъ-паша идетъ и противъ него, въ чемъ онъ и не сомнѣвался, зная, что паша, какъ представитель султана, не потерпитъ его произвола. Затѣмъ, туркамъ изъ Ужицъ и Смедерева не повезло въ операціяхъ противъ сербовъ, наконецъ, и самого Гафисъ-пашу сербы, подъ предводительствомъ Миленко Стойковича и Петра Добрньца, разбили на Иванковцѣ, а Карагеоргій отбросилъ его (да еще, какъ говорятъ, раненымъ) отъ Парачина. Вскорѣ послѣ того Смедерево было очищено отъ турокъ (8 ноября 1805 г.). Зато сербскіе послы еле успѣли спастись изъ Константинополя, убѣжавъ на русское судно, которое доставило ихъ въ Одессу, откуда они были препровождены въ С.-Петербургъ. Изъ

С.-Петербурга послы вернулись въ Сербію въ концѣ 1805 года съ порученіемъ отъ русскаго министерства снова отправить депутатовъ въ Константинополь и возобновить предпринятые въ началѣ 1805 г. шаги.

Между тѣмъ ситуація въ Европѣ совершенно измѣнилась. Война Австріи и Россіи противъ Наполеона приняла худой для союзниковъ оборотъ. Сраженіе при Аустерлицѣ (2 декабря 1805 г.) кончилось очень печально для союзниковъ, въ особенности для Австріи. Она принуждена была отдѣлиться отъ Россіи и заключить съ Франціей миръ въ Пресбургѣ (26 декабря 1805 г.), по которому должна была уступить послѣдней свои области Адріатическаго побережья, доставшіяся ей въ 1798 г. отъ Венеціи. Такимъ образомъ, Франція вошла въ Далмацію, — въ западныя ворота Балканскаго полуострова. Сербское возстаніе, очутившееся чрезъ это въ близкомъ разстояніи отъ французской границы, — получило новое положеніе и значеніе.

Для Россіи было весьма непріятно и неудобно, что Франція заняла теперь такое выгодное положеніе по отношенію къ областямъ, о которыхъ до того времени она одна заботилась. Русскій гарнизонъ въ Корфу пріобрѣлъ совершенно новое значеніе, а покровительствуемая Россіей Черногорія — новыхъ враговъ. Война между Россіей и Франціей продолжалась, а французская дипломатія усиленно работала въ Константинополѣ съ цѣлью натравить Турцію на Россію.

Порта тогда уже поняла и оцѣнила характеръ сербскаго возстанія и была далека отъ самообмана, въ которомъ, подъ вліяніемъ первыхъ донесеній, — находилась нѣкоторое время въ началѣ 1804 г. Неудача Гафисъ-паши еще больше подлила масла въ огонь, и послѣ этого, осенью 1805 г., не думая уже ни о какомъ примиреніи, — въ Константинополѣ рѣшили снова изо всей силы и со всѣхъ сторонъ накинуться на возстаніе въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ и окончательно уничтожить и искоренить его.

При такихъ обстоятельствахъ закончилась дѣятельность пер-

вой сербской константинопольской депутаціи 1805 г., и при такихъ обстоятельствахъ она, въ концѣ того же года, принесла Карагеоргію и сербскимъ старшинамъ порученіе изъ С.-Петербурга, чтобы снова послали депутацію въ Константинополь и непосредственно отъ Порты добивались того, что считали нужнымъ для умиротворенія Сербіи.

III.

Петръ Ичко во главѣ новой константинопольской депутаціи. Расширеніе границъ сербской области зимнимъ походомъ въ январѣ 1806 г. по направленію Кладова, Ниша, Прокуплья, Новаго-Базара, Мокрой Горы. Характеристика новаго представленія съ требованіями сербовъ отъ 12 января 1806 г. какъ со стороны текста, такъ и со стороны посланцевъ. Депутаты въ Вѣнѣ и сообщеніе сербскаго представленія Императору Александру I при посредствѣ вѣнскаго правительства. Мнѣніе этого правительства и Императора Франца II о сербскихъ дѣлахъ въ началѣ 1806 г. Положеніе сильно измѣняется, особенно въ С.-Петербургѣ, вслѣдствіе французской оккупаціи Далмаціи. Усиленіе французскаго вліянія въ Константинополѣ и стараніе вовлечь Турцію въ войну съ Россіей. Тщетная русско-австрійская интервенція въ Константинополѣ въ пользу сербскаго дѣла. Настаиваніе Наполеона, чтобы Турція силой покончила съ Сербіей. Сраженіе на Братачичѣ, Мечарцахъ, Мишарѣ, Делиградѣ, Прокуплѣ, Алексинцѣ и между Княжевцемъ и Пиротомъ. Уступчивость въ Константинополѣ требованіямъ П. Ичко. Перемиріе съ Ибрагимъ-пашой (сентябрь 1806 г.).

Во всей указанной дипломатической работѣ 1805 года не видно никакого непосредственнаго участія Ичко. Какъ не было его среди депутатовъ, посланныхъ осенью 1804 г. въ Россію, такъ точно не было его и среди депутатовъ, которые весной 1805 г. были отправлены въ Константинополь. Мы уже впереди указывали основанія, по которымъ догадываемся, что сербскія требованія 1804 г. были, быть можетъ, имъ написаны. Точно такъ же можно предполагать, что и при формулировкѣ народныхъ требованій, предъявленныхъ туркамъ въ 1805 г., — съ П. Ичкомъ совѣщались. Въ этихъ требованіяхъ безспорно видно дипломатическое искусство и въ общемъ построеніи и въ стилѣ представленія. Не отмѣчено только, кто былъ его составителемъ.

Мы думаемъ, что писалъ его Божо Груевичъ (Өедоръ Филипповичъ), по должности секретаря Совѣта. Но требованіе мухасила и дальнѣйшее развитіе автономныхъ началъ, положенныхъ въ основѣ сербскихъ требованій 1804 г. (28 апрѣля и 31 іюля), едва ли принадлежатъ послѣднему.

Требованіе мухасила (о которомъ въ требованіяхъ 1804 г. нѣтъ и помину) выдаетъ человѣка весьма освѣдомленнаго въ турецкихъ порядкахъ и устройствѣ. Возможно, что мысль о мухасилѣ дана была П. Ичко или митрополитомъ Леонтіемъ (какъ рожденнымъ грекомъ), а то и ими обоими вмѣстѣ. Трудно даже и предполагать, чтобы кто-нибудь изъ сербскихъ старшинъ до такой степени зналъ турецкое устройство. Между тѣмъ, этимъ требованіемъ, въ весьма прикрытой формѣ, хотѣли добиться и областной и окружной (помѣстной) автономіи и городовъ (укрѣпленныхъ пунктовъ), такъ какъ нельзя было предполагать, чтобы турки удержали ихъ за собою безъ паши, который, особенно въ Бѣлградѣ, являлся еще въ качествѣ начальника гарнизона и командующаго войсками въ области,—какъ это было съ-испоконъ вѣковъ.

Однако, у насъ нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ и записей объ этомъ дѣлѣ и о людяхъ, которые давали совѣты и внушали соотвѣтственныя идеи, и все, что мы сказали здѣсь о роли П. Ичко, не болѣе какъ наше личное предположеніе.

Такъ какъ борьбою во второй половинѣ 1805 г. противъ Гафисъ-паши сербы выступили въ открытую борьбу уже не съ непокорными султану лицами, а съ нимъ самимъ и съ Портою, положеніе въ концѣ 1805 г. совершенно измѣнилось. Сербскіе старшины получали извѣстія, что, по приказанію самого султана, противъ нихъ собирается огромное войско для нападенія со всѣхъ сторонъ. Со стороны Софіи и Ниша готовился къ наступленію самъ румелійскій вали Ибрагимъ-паша Бушатли изъ Скутари. Въ виду этого, сербскіе старшины въ Смедеревѣ еще въ половинѣ декабря 1805 г. задумали и рѣшили не ждать въ границахъ Бѣлградскаго пашалыка нападенія ни съ той, ни

съ другихъ сторонъ, а двинуться со своимъ войскомъ сейчасъ послѣ Новаго года, когда у турокъ еще продолжается зимній отдыхъ, и неожиданнымъ нападеніемъ занять болѣе выгодныя позиціи впереди, раздвинувъ этимъ границы освобожденной области за предѣлы Бѣлградскаго пашалыка. Неизвѣстно, кто предложилъ такой важный по своимъ послѣдствіямъ планъ дѣйствія, только онъ былъ принятъ единодушно и всѣ стали готовиться къ предположенному неожиданному нападенію. Какъ разъ послѣ принятія этого рѣшенія прибыли изъ С.-Петербурга Константинопольскіе депутаты съ порученіемъ снова послать депутацію въ Константинополь, не обращая вниманія на участь той, представители которой только что вернулись изъ Россіи. Сербскіе старшины нашли, что и этотъ шагъ можетъ быть сдѣланъ одновременно съ первымъ, т. е. что, съ одной стороны, можно выбрать и послать депутатовъ для переговоровъ о мирѣ, а съ другой,—послать войска для того, чтобы раздвинуть границы края и дальше гнать турокъ.

Около 12 января 1806 г. Карагеоргій собралъ въ Остружницѣ главнѣйшихъ старшинъ, для обсужденія и выбора новыхъ депутатовъ, посылаемыхъ съ требованіями автономныхъ правъ для Сербіи. Тогда же (какъ пишетъ В. С. Караджичъ) былъ вызванъ изъ Землина и избранъ въ депутаты Петръ Ичко. Вмѣстѣ съ нимъ избраны еще кнезъ Миличъ и Живко Парачинацъ.

Войско сербское, между тѣмъ, выступило въ походъ, какъ видно и по этимъ выборамъ, гдѣ вмѣстѣ съ П. Ичко назначены двое депутатовъ изъ только что занятыхъ мѣстъ. Согласно одной записи, день 6-го января былъ назначенъ для начала военныхъ дѣйствій[1]). Петръ Добрньяцъ долженъ былъ двинуться съ войскомъ вдоль р. Моравы, но онъ, какъ кажется, открылъ свои дѣйствія еще раньше срока. По крайней мѣрѣ, въ Букарештѣ около Крещенія 1806 г. получены были извѣстія (достовѣрныя или только въ предположеніи, точно не извѣстно), что сербы уже

1) Герас. Георгіевича, владыки шабацкаго, Знамените догађаи новіе србске исторіе, Београд, 1838, стр. 4—5.

осадили и Нишъ[1]). Дѣйствительно, П. Добрньяцъ очень скоро занялъ Парачинъ (весьма возможно, что и до Крещенія), сдавшійся безъ сопротивленія, и Ражань, сопротивленіе котораго быстро преодолѣлъ, такъ что весьма скоро подоспѣлъ къ Алексинцу. Вслѣдъ за тѣмъ и Младенъ Миловановичъ очистилъ отъ турокъ лѣвую сторону р. Моравы и занялъ г. Крушевацъ и Крушевацкій округъ.

Миленко Стойковичъ направился внизъ по теченію Дуная и занялъ Порѣчъ, вскорѣ послѣ Крещенія, такъ какъ 15-го января 1806 г. Реджепъ-ага, комендантъ Адакалэ, писалъ князю Ипсиланти, что сербы заняли Порѣчъ, и что теперь очередь за его городомъ (Адакалэ), въ виду чего просилъ прислать ему войска и денегъ, дабы могъ защищаться[2]). Самъ г. Порѣчъ Миленко занялъ неожиданнымъ ночнымъ нападеніемъ, во время котораго всѣ бывшіе тамъ турки были перебиты. Затѣмъ онъ двинулся впередъ, по направленію Кладова и Неготина, но не могъ взять ни того, ни другого города. Тѣмъ не менѣе онъ очистилъ верхнюю часть придунайскаго края и разставилъ свои сторожевые посты противъ Дуная. Однако, дорога вдоль рѣки оставалась свободной, и только по ту сторону горъ начиналась фактическая власть Миленко.

Капитанъ Радичъ Петровичъ былъ назначенъ для расширенія границъ со стороны Карановца и Чачка къ Новому-Базару. Сначала и эта экспедиція шла удачно, но потомъ турки взяли верхъ и, разбивъ сербское войско, въ самый день Входа Господня во Іерусалимъ зажгли монастырь Студеницу и отбросили сербовъ въ границы Бѣлградскаго пашалыка. Зато Рудницкій воевода Миланъ Обреновичъ былъ нѣсколько счастливѣе и раздвинулъ сербскія границы до Мокрой Горы и Вышеграда. Далѣе, внизъ по р. Дринѣ, всю эту весну и лѣто сербы только защищались отъ босняковъ, которые все время сильно напирали, пока

1) В. Богишичъ. Разборъ сочин. и т. д., стр. 64.

2) В. Богишичъ. Разборъ сочин. и т. д., стр. 65, — по донесеніямъ русскаго консула въ Яссахъ.

не были какъ слѣдуетъ проучены на Мишарѣ 1-го августа 1806 г.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ Петръ Ичко, въ началѣ 1806 г., принялъ на себя миссію по представленіи сербскихъ требованій въ Константинополѣ. Какъ видно по всему, обстоятельства эти, несмотря на совѣты изъ С.-Петербурга, — были въ высшей степени неблагопріятными. И П. Ичко и всѣмъ другимъ было извѣстно, какъ весной 1805 г., еще до разгрома Гафисъ-паши на Иванковцѣ, Порта не хотѣла даже принять сербскихъ депутатовъ, а послала къ нимъ въ Патріархію кого то изъ чиновниковъ, чтобы тамъ ихъ выслушать и взять отъ нихъ представленіе съ требованіями. Чего же можно было ожидать тогда, въ началѣ 1806 г., когда турецкое войско готовилось напасть на Сербію со всѣхъ сторонъ, отомстить за пораженіе Гафисъ-паши и разъ навсегда покончить съ возстаніемъ? П. Ичко, должно быть, весьма сильно надѣялся на свое искусство, если согласился въ подобныхъ условіяхъ принять на себя такое тяжелое бремя, и его преданность сербскому національному дѣлу достойна удивленія.

Само новое представленіе 1806 г. съ народными требованіями, хотя и воспроизводитъ то отъ апрѣля 1805 г., задумано совершенно иначе. Оно показываетъ новый, въ короткое время достигнутый прогрессъ въ развитіи сербскаго національнаго вопроса. Представленіе, писанное въ 1806 г. для этой новой депутаціи, написано искуснѣе всѣхъ прежнихъ [1]). Отъ нихъ оно отличается еще и подписями и делегатами, черезъ которыхъ послано, какъ это сейчасъ увидимъ. Подъ прошеніемъ изъ Остружницы отъ 12-го января 1806 г. не подписались всѣ участники собранія, какъ то мы видѣли на прошеніи отъ апрѣля 1805 г. На этомъ послѣднемъ, напримѣръ, подписались на первомъ мѣстѣ представители Вальевскаго округа, при чемъ первою стоитъ подпись Проты М. Ненадовича. Затѣмъ слѣдуетъ Бѣл-

1) Голубица, V, стр. 135—142.

градскій округъ съ подписью Карагеоргія на восьмомъ мѣстѣ. На представленіи же изъ Остружницы, 12 января 1806 г., подписались только присутствовавшіе старшины и прежде всѣхъ Карагеоргій, какъ верховный комендантъ. Послѣ Карагеоргія подписанъ Прота М. Ненадовичъ, въ качествѣ представителя всего духовенства, и дальше: кнезъ Сима Марковичъ, Лука Лазаревичъ, воевода шабацкій, Миленко Стойковичъ, воевода пожаревацкій, Вуица Вуличевичъ, воевода смедеревскій, Стефанъ, кнезъ отъ Пазара (Новаго Базара), Ефта, кнезъ ягодинскій, Лазарь Мутавшевичъ, кнезъ драгачевскій и Новакъ, кнезъ сокольскій. Въ концѣ этихъ подписей прибавлено, что подписываются они «отъ имени сербскаго народа».

Въ отношеніи депутатовъ характерно то, что съ Петромъ Ичко, по рожденію македонцемъ, послали двухъ видныхъ дѣятелей изъ Парачинскаго округа, который въ тѣ дни только былъ очищенъ отъ турокъ, и который (какъ и Крушевацъ) не принадлежалъ къ Бѣлградскому, а къ Лесковацкому пашалыку. Кромѣ того на прошеніи подписанъ «Стефанъ, кнезъ отъ Пазара». Новый Базаръ, который въ лицѣ своего представителя подписанъ на прошеніи отъ 12 января 1806 г., не былъ занятъ сербами ни тогда, ни потомъ, а только его округъ въ то время старались поднять противъ турокъ, какъ это было указано впереди. Стефанъ, все-таки, могъ быть представителемъ Новобазарскаго округа; но откуда онъ на собраніи 12-го января 1806 г. въ Остружницѣ? Понятно, это бросается въ глаза прежде всего потому, что и Новобазарскій округъ не входилъ въ составъ Бѣлградскаго пашалыка, а представлялъ особый санджакъ, соединенный съ Босніей. Весьма знаменательно, что при подписаніи этого новаго представленія султану взяты были и люди, которые не принадлежали Бѣлградскому пашалыку. По нашему мнѣнію, это можетъ обозначать только одно, а именно, что съ границами Бѣлградскаго пашалыка, какъ поприща новой освободительной работы, стали окончательно прощаться. Вмѣсто его, черезъ эти выборы, подписи и предпріятія передъ нами высту-

паетъ болѣе широкое понятіе—сербскій народъ. Это видно и по другимъ характернымъ признакамъ. Представленіе отъ апрѣля 1805 г. отправляется султану отъ имени «раи Бѣлградскаго пашалыка», и передъ подписями участниковъ собранія значится: «всепокорнѣйшая рая»,— безъ выставленія чьего-либо старшинства. Поэтому и Карагеоргій и другіе старшины перемѣшались съ низшими начальниками, чтобы только не выдвигаться въ качествѣ главныхъ вожаковъ и правителей народа, какими они являлись въ дѣйствительности. Въ новомъ же остружницкомъ представленіи вся эта осторожность брошена въ сторону и старшины подписываются открыто въ порядкѣ, принадлежащемъ имъ по положенію, и подписываются только они. «Бѣлградскій пашалыкъ» и не упоминается, «рая» — еще меньше, а вмѣсто того стоятъ слова: «отъ имени сербскаго народа». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ депутаты, которые должны были везти это представленіе въ Константинополь, избираются люди, происходящіе не изъ Бѣлградскаго пашалыка: П. Ичко изъ Македоніи, а другихъ двое изъ Лесковацкаго пашалыка. Наконецъ, среди подписавшихъ находимъ и имя одного представителя Новобазарскаго пашалыка. Слѣдовательно: и вооруженная акція на поляхъ сраженія, и стилистика дипломатическихъ актовъ, вполнѣ согласуясь, убѣждаютъ насъ въ томъ, что послѣ перелома въ 1805 г., совершенно сознательно стала уже выдвигаться чистая программа сербскаго освобожденія. Этимъ, значитъ, Бѣлградскій пашалыкъ превращался — въ Сербію.

Остружницкое представленіе 1806 г. подвергаетъ разбору и возстаніе противъ дахіевъ 1804 г., бросая всю вину за него на центральную государственную власть, которая непремѣнно должна была защищать вѣрныхъ своихъ подданныхъ отъ своеволія и насилія грабителей. «Въ такомъ, крайне тяжеломъ положеніи»,— говорится въ этомъ представленіи,— «мы обращали свои глаза къ престолу Вашего Величества, откуда могла быть намъ оказана помощь и защита, но, къ несчастію, всѣ наши попытки остались безплодными, и у насъ не остается больше ничего,

кромѣ печальнаго сознанія, что мы лишены помощи и убѣжища и оставлены самимъ себѣ. Когда цѣлый одинъ народъ, да еще безъ поводовъ съ его стороны,—подвергаютъ такимъ мученіямъ, которыя по своимъ ужасамъ противны и Божескимъ и человѣческимъ законамъ, и когда подъ гнетомъ на небо вопіющимъ онъ содрогается, можно ли осудить его, если, оставленный самому себѣ, самъ и позаботится о спасеніи своихъ дѣтей и своего имущества?»...

Главная часть представленія помѣщается въ двухъ-трехъ строкахъ въ самомъ концѣ. Тутъ представители сербскаго народа торжественно заявляютъ, что желаютъ навсегда остаться подданными султана и исправно платить принадлежащую ему дань; но что ни они, ни ихъ дѣти никогда не согласятся снова вернуться подъ грабительскій и насильническій режимъ дахіевъ и ихъ преемника — начальника кирджаліевъ Гушанацъ-Али, который забралъ всю власть въ свои руки и лишилъ ея какъ Бекиръ-пашу, спеціальнаго посла султана, такъ и Сулейманъ-пашу, новопоставленнаго (съ августа 1804 г.) визиря бѣлградскаго. Представленіе сербскихъ старшинъ выдвигаетъ и признаетъ важность миссіи Бекиръ-паши. Въ немъ говорится, какъ султанъ, послѣ многократныхъ жалобъ со стороны сербовъ, послалъ своего уполномоченнаго Бекиръ-пашу, который принялся за дѣло и началъ хорошо, но потомъ, переѣхавъ съ Бѣлыхъ Водъ въ Бѣлградъ, попалъ въ руки злодѣевъ, такъ что съ этимъ переѣздомъ окончилась и его власть. «Если Ваше Величество»,— говорится въ этомъ прошеніи,—«пошлетъ противъ насъ войска, мы предпочтемъ всѣ погибнуть, чѣмъ снова преклонить голову подъ ярмо нашихъ мучителей, подъ которымъ столь долгое время изнываемъ».

Этимъ только хотѣли напомнить ту великую истину, что безъ гарантіи правъ для христіанъ имъ нѣтъ покою въ Сербіи, ибо всякое простое подчиненіе султану отдало бы сербскій народъ снова подъ власть злоупотребленій и насилій, которыми только и умѣли управлять тогдашніе турки. Поэтому, такимъ логическимъ

путемъ, сербскіе старшины приходили къ заключенію, что и борьба съ посылаемыми изъ Константинополя пашами и войскомъ султана есть борьба противъ насильниковъ, такъ какъ эти войска, хотя и посылались султаномъ, дѣйствовали, въ концѣ-концовъ, въ пользу тѣхъ же непокорныхъ элементовъ. Однако, тутъ упускалось изъ виду, что этотъ способъ умозаключеній — способъ обоюдоострый, и что имъ оставляется безъ твердаго основанія утвержденіе того же представленія о томъ, что возстаніе направлено не противъ султана, а противъ непокорныхъ его слугъ; хотя событія и обстоятельства въ дѣйствительности заставляли сербовъ дѣлать, что и эти послѣдніе, т. е. слушаться султана только тогда, когда онъ дѣйствуетъ согласно ихъ видамъ и желаніямъ. Разница могла быть только въ томъ, что желанія и стремленія христіанъ всегда отличались большею справедливостью въ сравненіи съ желаніями и стремленіями непокорныхъ мусульманъ. Затѣмъ, авторы остружницкаго представленія отъ 12 января 1806 г. весьма искусно обошли всякія упоминанія о стычкѣ съ Гафисъ-пашой въ 1805 г. и участи сербскихъ депутатовъ въ Константинополѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1805 г., точно ни того, ни другого непріятнаго случая совершенно не происходило. Между тѣмъ, эти два событія и оказывали самое сильное вліяніе на всѣ дѣла. Разсмотрѣніе ихъ оставлено было до болѣе удобнаго момента и личнаго объясненія, которое, во всякомъ случаѣ, зависѣло отъ условій, при которыхъ встрѣтились бы представители двухъ спорящихъ сторонъ.

Неизвѣстно, отправился ли П. Ичко и его товарищи съ этимъ представленіемъ въ Константинополь сейчасъ послѣ 12-го января, такъ какъ объ этомъ нѣтъ никакихъ упоминаній. По замѣткѣ В. С. Караджича, можно думать, что это было тотчасъ [1]), — что единственно и отвѣчало бы тогдашнимъ обстоятельствамъ. Но кромѣ этой депутаціи сербы одновременно от-

1) Грађа, 207: Призвалъ Карагеоргій изъ Нѣмецкой земли въ Остружницу Петра Ичко и черезъ Валахію отправилъ въ Константинополь; тамъ Ичко заключилъ миръ и привелъ въ Смедерево мухасила.

правляли и другую — въ Вѣну. Сербскіе старшины, считаясь съ тѣмъ, что Россія и Австрія находились въ союзѣ, и зная, какъ объ ихъ дѣлѣ хлопоталъ раньше австрійскій императоръ, думали, что теперь похлопочетъ и русскій императоръ, и поэтому рѣшили, кромѣ депутаціи въ Константинополь, снарядить и другую въ Вѣну, на обязанности которой было бы просить Вѣнскій Дворъ о посредничествѣ передъ Портой, и оттуда, черезъ австрійскія власти, послать Императору Александру I копію прошенія, отправляемаго въ Константинополь, съ извѣщеніемъ о всемъ, что̀ было ими сдѣлано, и съ просьбою о помощи. Пр. М. Ненадовичъ разсказываетъ въ Мемоарахъ, что тогда, въ началѣ января 1806 г., Карагеоргій назначилъ его и Божу Груевича ѣхать въ Вѣну, «чтобы у Императора Франца просить военной амуниціи и прочаго, откуда мы послали прошеніе и русскому Императору Александру» [1]).

Въ одномъ письмѣ капитана К. Јовановича изъ Кленка, адресованномъ митрополиту Стратимировичу, сообщается, что около 18—20 января Пр. М. Ненадовичъ поѣхалъ въ Австрію «того ихъ дѣла ради» [2]). Судя по этому замѣчанію, можно думать, что Стратимировичу было все извѣстно. Въ австрійскихъ офиціальныхъ источникахъ читаемъ, что въ февралѣ 1806 г. (нов. ст.) въ Вѣну дѣйствительно прибыла сербская депутація, состоявшая изъ Пр. М. Ненадовича, Божи Груевича и Урошевича [3]), — съ прошеніями для императоровъ австрійскаго и русскаго.

Бросается въ глаза эта скомбинированная политическая, дипломатическая и военная акція въ началѣ 1806 г., т. е. именно тогда, когда Петръ Ичко выступаетъ въ первую линію дѣятелей. Въ то самое время, когда войска изъ Бѣлградскаго пашалыка двинулись по всѣмъ направленіямъ, чтобы раздвинуть гра-

1) Мемоари, 169.

2) Архив Срп. Кр. Академије, № 395.

3) По всей вѣроятности, Миланъ Урошевичъ изъ Земляна, купецъ и знакомый Карагеоргія еще со времени до возстанія. Онъ не могъ быть депутатомъ, но въ офиціальныхъ австрійскихъ записяхъ онъ такъ значится, потому что пріѣхалъ въ Вѣну вмѣстѣ съ депутатами.

ницы освобожденной области, посылаются депутаты и въ Константинополь и въ Вѣну, съ цѣлью этимъ вторымъ путемъ, черезъ русскаго союзника, дать знать обо всемъ и С.-Петербургу. Жаль, что неизвѣстно, изъ чьей головы вышелъ планъ этой акціи. Изъ письма корреспондента Стратимировича изъ Кленка видно, что послѣдній былъ въ него посвященъ.

Въ виду такого оборота дѣлъ, въ Константинополѣ стали все больше и больше побаиваться Россіи. Французы и другіе непріятели Россіи не переставали нашептывать Портѣ, что всѣ смуты въ Сербіи дѣло рукъ Ипсиланти и русскихъ. Поэтому Порта, кромѣ сильныхъ военныхъ мѣропріятій противъ Сербіи, обратилась еще къ Австріи, дабы она своимъ вліяніемъ и по сосѣдству помогла ей распутать сербскія дѣла. Въ сущности, того же желали и въ Вѣнѣ, гдѣ путаница въ Сербіи изо дня въ день становилась неудобнѣе. Уступивъ Далмацію Наполеоновской Италіи, тамъ боялись, чтобы появленіе этой новой силы на границахъ Турецкой имперіи не вызвало новыхъ осложненій, когда бы она захотѣла воспользоваться пожаромъ въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ [1]). Но, несмотря на это, въ Вѣнѣ полагали, что для Австріи совсѣмъ неудобно вмѣшиваться въ сербскія дѣла. На предложеніе Порты, въ концѣ 1805 г., помочь ей въ усмиреніи Бѣлградскаго пашалыка, въ Вѣнѣ находили, что теперь уже слишкомъ поздно и что предложеніе дѣлается безъ указаній на средства, при помощи которыхъ можно было бы достигнуть этого. Порта обратилась къ Австріи съ просьбою о посредничествѣ, не упоминая, однако, ни о какихъ уступкахъ или поправкахъ и улучшеніяхъ. Въ Вѣнѣ отлично понимали, что никого въ Сербіи не удовлетворятъ голыя обѣщанія со стороны турокъ, такъ какъ повстанцы своею дѣятельностью до того времени и боевой удачей пріобрѣли право, чтобы на нихъ смотрѣли съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ смотрѣли и на ихъ властителей. И если бы

1) Французы заняли Далмацію около половины февраля 1806 г. (ст. ст.). Архимандритъ Зеличъ отмѣтилъ появленіе ихъ въ томъ краю, гдѣ онъ находился, подъ 17 февраля. Срп. Књиж. Задруга, 44. Житије Зелића, II, стр. 158.

даже Австрія рѣшилась позвать повстанцевъ, чтобы они сложили оружіе, примирились съ турками и снова согнули шею подъ турецкое ярмо съ простой амнистіей за все, что было сдѣлано ими во время войны (какъ то предлагалось Портой),—Вѣнскій Дворъ (думали въ Вѣнѣ) подвергъ бы большому риску и свое собственное достоинство и достоинство Порты. Вмѣсто упованія вызвали бы въ сербахъ — сомнѣніе, вмѣсто надежды — отчаяніе[1]).

Такое мнѣніе о сербскихъ дѣлахъ господствовало тогда въ правительственныхъ сферахъ Вѣны. И когда тамъ прибыла вышеупомянутая сербская депутація изъ Остружницы, австрійскій министръ Стадіонъ въ предложеніи отъ 25 января 1806 г. представилъ императору свои взгляды и соображенія въ этомъ смыслѣ, на основаніи которыхъ спрашивалъ разрѣшенія на то, чтобы Австрія отказала въ снабженіи провизіей и сербамъ и туркамъ, до тѣхъ поръ пока они не примирятся между собою, не скрывая отъ нихъ и того, что она готова все сдѣлать, чтобы помочь имъ придти къ такому примиренію.

Однако, Императоръ Францъ II, который много полагалъ на мнѣніе своего брата эрцгерцога Карла, не вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ министра объ этихъ дѣлахъ и значительно исправилъ его въ пользу сербскихъ повстанцевъ. Императоръ Францъ напомнилъ своему министру, что и онъ желаетъ скорѣйшаго примиренія между сербами и турками въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, ибо обстоятельства таковы, что изъ пограничнаго раіона Австріи слѣдуетъ уклонить и разсѣять всѣ стычки и недоразумѣнія; но для этого, полагалъ онъ, нужно немедленно подѣйствовать у султана, въ виду чего и приказалъ послать соотвѣтственныя инструкціи австрійскому послу въ Константинополѣ, а прошеніе сербовъ, предназначавшееся для русскаго императора, сейчасъ отправить Императору Александру I и сообщить Петербургскому Кабинету о всѣхъ шагахъ, которые въ этомъ дѣлѣ намѣрена сдѣлать Австрія. Относительно же сербскихъ депутатовъ

1) A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs. Prag 1883, стр. 189—190.

Императоръ приказалъ, чтобы ихъ принялъ придворный секретарь Валенбургъ, выслушалъ ихъ, поучилъ и пригласилъ вернуться домой [1]).

Приказаніе Императора Франца II сейчасъ же начали приводить въ исполненіе.

Придворный секретарь Валенбургъ принялъ сербскихъ депутатовъ въ министерствѣ 16/28 февраля. То, что тамъ говорилось, не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ осталось безъ всякихъ послѣдствій. Гораздо важнѣе то, что прошеніе сербовъ Императору Александру I немедленно было отправлено по назначенію. Передъ нами письмо русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, князя А. Чарторижскаго, отъ 3/15 февраля 1806 г. [2]), въ которомъ русскому послу въ Константинополѣ, Италинскому, сообщается, что сербскіе старшины просили Императора, «дабы онъ заступился за нихъ у султана Селима», и что это прошеніе привезъ новый австрійскій повѣренный въ дѣлахъ, который сообщилъ Императорскому Правительству, что съ такимъ же прошеніемъ сербы обратились и къ австрійскому Императору. Князь А. Чарторижскій въ этомъ письмѣ становится совершенно на точку зрѣнія сербовъ и беретъ ихъ въ защиту передъ Портой.

Онъ напоминаетъ, что Турція безъ достаточнаго основанія готовится (какъ говорили тогдашнія извѣстія) къ походу противъ сербовъ, чтобы силою оружія привести ихъ въ покорность, ибо въ покорности султану они никогда не отказывали. Не согласенъ онъ признать сербовъ бунтовщиками, какъ это дѣлала Порта, находя, что больше въ интересахъ Турецкой имперіи щадить какъ сербскія силы, противъ которыхъ направилась бы военная акція, такъ и турецкія, — которыя были бы затрачены на эту акцію для покоренія сербовъ. Далѣе, онъ ставитъ на видъ опасность отъ приближенія границъ Французской имперіи, которая могла бы, въ ущербъ Турціи, воспользоваться отчаяніемъ,

1) A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs, стр. 100.

2) Неточно, — вѣроятно по ошибкѣ переписчика, обозначенъ мѣсяцъ. Слѣдуетъ читать *марта* вмѣсто *февраля*.

могущимъ охватить Сербію при новомъ турецкомъ нападеніи. Наконецъ, онъ прямо и открыто говоритъ, что нужно было бы предать забвенію все, что до тѣхъ поръ произошло между Турціей и Сербіей, и сдѣлать все необходимое для правильнаго развитія послѣдней. Съ такими аргументами и инструкціями, князь А. Чарторижскій приказываетъ императорскому послу въ Константинополѣ сообщить Портѣ и султану, что Императоръ Александръ желаетъ, чтобы Турція воспользовалась храбростью сербовъ и удовлетворила ихъ просьбѣ о внутреннемъ самоуправленіи и объ уплатѣ дани въ опредѣленной суммѣ, съ тѣмъ, чтобы сербы помогали Портѣ, въ случаѣ надобности, военными отрядами. Въ приложеніи къ этому послу Италинскому было послано и полученное черезъ Вѣну прошеніе сербовъ Императору Александру I, въ которомъ были изложены сербскія требованія[1]).

Хотя сербское прошеніе доставлено было въ С.-Петербургъ при посредствѣ Австріи, отвѣтъ на него сербскимъ старшинамъ послѣдовалъ черезъ К. Ипсиланти и русскаго консула въ Бухарештѣ. Русскіе съ самаго начала всегда предпочитали этотъ путь для сношеній съ Сербіей. К. Ипсиланти въ то время пользовался большимъ довѣріемъ со стороны русскихъ правящихъ сферъ, его мнѣніе въ С.-Петербургѣ считалось самымъ компетентнымъ и имѣло рѣшающее значеніе[2]).

Согласно приказаніямъ Императора Франца II, со стороны Австріи также предпринимались шаги въ пользу Сербіи.

Извѣстно письмо австрійскаго генералиссимуса отъ 7 марта 1806 г., которымъ онъ приглашалъ Карагеоргія и начальниковъ турецкой арміи, стоявшей кругомъ Сербіи, временно пріостановить непріязненныя дѣйствія. Такъ какъ въ это именно время шла ожесточенная борьба по всѣмъ границамъ Сербіи, этотъ шагъ сдѣланъ былъ вполнѣ благовременно. Затѣмъ, Императоръ Францъ II обратился лично и непосредственно султану съ письмомъ, а австрійскому послу въ Константинополѣ, барону

1) Голубица, V, 142—145.
2) I. Φιλήμον, Δοκίμιον περὶ τῆς ἑλληνηκ. ἐπανκστάσεως. Ἀθῆναι, 1859, II, 39.

Штюрмеру, было приказано переговорить съ Портой о томъ, какими средствами и способами можно было бы возстановить миръ, и въ этихъ видахъ предложить ей всевозможныя дружескія услуги со стороны Австріи. Придворный же секретарь еще во время пріема 16/28 февраля 1806 г. сказалъ сербскимъ депутатамъ, что Императоръ будетъ за нихъ хлопотать и у султана и у Порты, и что имъ остается быть въ своихъ требованіяхъ какъ можно болѣе умѣренными и домогаться только возможнаго; но добавилъ, что нельзя и думать о какой-нибудь помощи возстанію войсками и амуниціей (какъ о томъ хлопоталъ Пр. М. Ненадовичъ), такъ какъ это означало бы нарушеніе мира и даннаго Императоромъ слова. Тогда сербскіе депутаты заявили, что въ дѣлѣ посредничества въ Константинополѣ они съ полнымъ довѣріемъ полагаются на Императорскій (австрійскій) Дворъ, и только просили, чтобы въ ту трудную минуту чѣмъ бы то ни было облегчили положеніе сербовъ и чтобы Австрія сдѣлала представленіе въ пользу сербовъ стоящимъ кругомъ Сербіи турецкимъ пашамъ и военачальникамъ и, въ случаѣ нужды, не закрывала своихъ границъ для перебѣжчиковъ изъ Сербіи [1]). Дѣйствительно, въ то время босняки проникли было въ Вальевскій округъ, сожгли Бранковину и дома Ненадовичей, о чемъ Пр. Ненадовичу уже было сообщено. На всѣхъ же прочихъ позиціяхъ сербы держались отлично.

Вслѣдствіе этого и въ связи съ предпринятыми въ Константинополѣ дипломатическими шагами, эрцгерцогъ Карлъ обратился къ той и другой сторонѣ, — къ Карагеоргію и турецкимъ военачальникамъ, — приглашая ихъ прекратить непріязненныя дѣйствія и ждать окончанія начатыхъ въ Константинополѣ переговоровъ. Несмотря на это, борьба не скоро прекратилась, и босняки заняли почти весь Подринскій (Ядаръ и Радьевину) и Шабацкій округа, такъ что на той сторонѣ границы Сербіи почти совпадали съ границами Вальевскаго округа. Нуженъ былъ зна-

1) A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs, стр. 191—192.

чительный промежутокъ времени, пока въ Константинополѣ будутъ сдѣланы соотвѣтственныя представленія и оттуда придетъ приказаніе военачальникамъ на сербской границѣ. Письмо эрцгерцога Карла какъ будто не имѣло никакихъ послѣдствій, ибо какъ разъ въ мартѣ мѣсяцѣ отъ г. Сокола черезъ Печскую къ Шабацкому округу и с. Свилеухѣ двинулось многочисленное турецкое войско подъ начальствомъ Османа Джоры. Войско это сожгло Свилеуху и домъ воеводы Луки Лазаревича; но, къ счастію, сербскіе старшины не растерялись, а встрѣтили Османа Джору на Чучугахъ близъ м. Уба, 3-го апрѣля 1806 г. и такъ жестоко разбили, что онъ самъ тутъ же палъ, а изъ его войска немногіе вернулись въ Боснію, такъ какъ сраженіе происходило въ большомъ разстояніи отъ границы и разсѣянныя турецкія отдѣленія сербы потомъ догоняли и разбивали [1]).

Но всѣ усилія Россіи и Австріи въ Константинополѣ, въ дѣлѣ примиренія, падали на безплодную почву. На Порту вліяли уже другія повѣтрія и о примиреніи едва ли тамъ подумывали. И самое обращеніе Порты къ Австріи за помощью, въ концѣ 1805 г., имѣло совсѣмъ иной, а не такой смыслъ, какой ему придавали въ Вѣнѣ. Турки задумали тогда силою подавить возстаніе въ Сербіи и желали только того, чтобы Австрія имъ въ этомъ не мѣшала. Французское вліяніе въ Константинополѣ продолжало и дальше толкать Порту по тому же пути. Тѣмъ не менѣе, на представленія Австріи и Россіи о временной пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, съ цѣлью сдѣлать еще одну попытку примиренія,— Порта не могла отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ, не сдѣлавъ хоть для виду что-нибудь въ этомъ смыслѣ. Австрійцамъ было отвѣчено, что Порта вотъ уже цѣлые годы въ отношеніе сербовъ пользовалась мирными средствами, чтобы этихъ бунтующихъ подданныхъ привести въ покорность, но что теперь вынуждены прибѣгнуть къ средствамъ другого рода. Австрій-

1) Пр. М. Ненадовичъ, Мемоари, 171—174. Интересно сравнить разсказъ Проты съ стихотвореніемъ С. Милутиновича объ этомъ сраженіи, Сербіанка III, 105—107.

скій посолъ изъ Константинополя доносилъ, что Порта разсчитываетъ силою оружія скоро возстановить порядокъ въ Сербіи. Тамъ, значитъ, крѣпко надѣялись на армію, которая со всѣхъ сторонъ надвигалась противъ сербскихъ повстанцевъ. Стадіонъ въ своемъ рапортѣ, представленномъ Императору 8 мая (24 апрѣля) 1806 г., высказываетъ такое мнѣніе,—что причина негативнаго отношенія Порты къ австрійскому предложенію именно въ томъ, что вопросы и представленія о сербскихъ дѣлахъ дѣлались ей въ то же время и со стороны русскихъ и французовъ, вслѣдствіе чего довольно трудно было найти способъ рѣшенія, который могъ бы всѣхъ удовлетворить. Кромѣ того,—сообщалъ министръ Императору,—Порта пользуется сербскими смутами, какъ удобнымъ предлогомъ для лучшаго подготовленія въ военномъ отношеніи, а когда съ этимъ будетъ готова, тогда, въ дѣлѣ усмиренія Сербіи, она гораздо охотнѣе воспользуется австрійскимъ посредничествомъ, нежели русскимъ или французскимъ [1]). Итакъ, еще около Юрьева-дня въ Вѣнѣ было извѣстно, что Россія и Франція дѣлали Портѣ представленія о сербскихъ дѣлахъ, и что Порта и слышать не хотѣла ни о какомъ примиреніи. Не трудно угадать, каково могло быть посредничество Франціи, когда ея дипломаты смотрѣли на сербовъ какъ на русскихъ protégés. На западѣ вообще боялись сербскаго возстанія, потому что думали, что съ возобновленіемъ сербскаго государства русское вліяніе распространится до р. Дрины, а это тогда для всей западной политики являлось такимъ пугаломъ, которое никакъ не слѣдовало допустить. Наполеонъ 7/19 іюня 1806 г. писалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, что нужно придумать, какъ сокрушить сербовъ, не вызывая грековъ, этихъ русскихъ приспѣшниковъ; а уже 8/20 іюня Наполеонъ писалъ самому султану Селиму, совѣтуя не позволять никому изъ великихъ державъ вмѣшиваться въ сербскія дѣла, и говоря, что онъ долженъ употребить самыя крайнія и самыя сильныя средства для окончатель-

1) A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs, 194—195.

наго уничтоженія сербскихъ бунтовщиковъ, которыхъ Россія поддерживаетъ и ободряетъ, какъ это хорошо видно и изъ того, что она за нихъ хлопочетъ у Порты, дабы обезпечить имъ самостоятельность[1]). Въ то же самое время французы, занявъ Далмацію и Бокку Которскую, уступленныя имъ по Пресбургскому миру (конца 1805 г.), пришли въ столкновеніе съ русскими (имѣвшими свои войска и флотъ въ Корфу и на Іоническихъ островахъ) и съ черногорцами, передъ которыми не разъ вынуждены были отступать. Тогда же и подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ владыка черногорскій Петръ I Петровичъ обратился къ Карагеоргію и сталъ добиваться связей съ нимъ[2]). Карагеоргій отвѣчалъ, но, очевидно, владыка Петръ ждалъ, чтобы Карагеоргій и помогъ ему чѣмъ-нибудь. Въ свою очередь, Карагеоргій настаивалъ, чтобы владыка оттянулъ къ себѣ босняковъ и герцеговинцевъ и тѣмъ помогъ Сербіи, на которую послѣдніе тогда сильно напирали и тѣснили ее. Между тѣмъ и у владыки были свои заботы, такъ что объ этомъ и думать было некогда. Такимъ образомъ, сербамъ Бѣлградскаго пашалыка нельзя было ждать ни откуда, и приходилось положиться только на свое боевое счастье и самоотверженіе.

Таково было общее положеніе въ Европѣ въ то время, когда сербская депутація собиралась ѣхать въ Константинополь и начать тамъ свою примирительную акцію.

Спрашивается, когда именно П. Ичко со своими товарищами отправился въ Константинополь? Выше мы упоминали, что, согласно одной замѣткѣ В. С. Караджича, это было немедленно послѣ собранія. Л. А. Баталака также утверждаетъ, что избранные депутаты тотчасъ поѣхали съ прошеніемъ въ Константинополь. Объ этомъ имѣется и третье свидѣтельство въ разсказѣ Пр. М. Ненадовича, который при свиданіи съ боснійскимъ ви-

1) J. de Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane, Paris 1865, II, 277.

2) Іов. Хаджичъ, Устанакъ србскій. Н. Сад 1863 г., стр. 53. Переписка владыки Петра съ Карагеоргіемъ напечатана у Л. А. Баталаки — Историја срп. устанка, стр. 235—238.

зиремъ у р. Дрины, около половины іюня 1806 г., говорилъ послѣднему, что сербскіе повстанцы послали «султану прошеніе (мазарэ) съ тремя старшинами (кнезами), и просили его прислать визиря и войско, чтобы прогнать кирджаліевъ изъ Бѣлграда»[1]). Но такъ какъ никто не записалъ самаго дня отъѣзда депутаціи изъ Сербіи, и такъ какъ, съ другой стороны, знаемъ, что вѣнская депутація отправилась туда немедленно и что вся акція, во всѣ стороны, была скомбинирована вообще,— весьма возможно, что Константинопольская депутація не трогалась съ мѣста, пока не были получены извѣстія о томъ, что первая (задача которой была подготовить почву для второй) успѣшно окончила свое дѣло, такъ что акція послѣдней въ Константинополѣ не будетъ единоличной. И объ этомъ нѣтъ никакихъ точныхъ указаній; впрочемъ тутъ о времени мы и сами догадываемся. Такимъ образомъ, они могли тронуться въ путь сейчасъ, какъ только указалась къ тому возможность, и во всякомъ случаѣ, не позже второй половины или конца февраля (ст. ст.). Почти съ достовѣрностью можно сказать, что сербскіе депутаты находились въ Константинополѣ уже въ апрѣлѣ и маѣ, т. е. въ то время, когда могли быть предприняты представителями Россіи и Австріи тѣ шаги въ пользу Сербіи, сдѣлать которые имъ было приказано. Но все, что̀ въ ту пору со стороны Порты дѣлалось въ смыслѣ вниманія къ сербскимъ депутатамъ, дѣлалось прямо и исключительно въ угоду Россіи и Австріи, и въ зависимости отъ ихъ посредничества. Не желая дѣлать никакихъ уступокъ и твердо рѣшившись силою сокрушить сербское сопротивленіе, какихъ бы усилій это ни стоило, турки, все-таки, не хотѣли до такой степени обижать своихъ друзей и союзниковъ и отказаться отъ всякаго разговора съ сербскими депутатами, во главѣ которыхъ, вдобавокъ, стоялъ теперь человѣкъ, знающій всѣ турецкіе порядки и формальности. Значитъ, попытка вести переговоры съ сербскими депутатами должна была состояться и, по всей вѣроятности, состоялась тогда,

1) Мемоари, стр. 195.

хотя у насъ и не имѣется никакихъ указаній на это. Военныя приготовленія противъ Сербіи, между тѣмъ, ни на минуту не прекращались. Тѣмъ не менѣе, послѣ неудачнаго для турокъ нападенія Османа Джоры, разбитаго на Чучугахъ 3-го апрѣля, и за все время до начала іюля, не извѣстно ни о какихъ стычкахъ на сербской границѣ. Этотъ продолжительный перерывъ, несмотря на изданное раньше турецкимъ войскамъ приказаніе, нападать на Сербію, какъ только погода этого позволитъ,— нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ дипломатической акціей Австріи и Россіи въ Константинополѣ. Въ австрійскихъ источникахъ имѣется одна замѣтка, согласно которой русскіе начали свою дипломатическую акцію въ пользу сербовъ еще въ началѣ апрѣля (ст. ст.), и что и они тогда добивались отъ Турціи прекращенія непріязненныхъ дѣйствій между сербами и турками. Къ этому времени, т. е. къ апрѣлю или маю 1806 г., слѣдуетъ отнести и пріемъ Петра Ичко съ товарищами и нѣкоторыя попытки вести съ ними переговоры. Этимъ, быть можетъ, и можно объяснить слова Карагеоргія, въ письмѣ его къ владыкѣ Петру отъ 29 мая 1806 г., въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Нашъ благородный царь, султанъ Селимъ, во всемъ намъ благоволитъ, и мы изо-дня въ день ожидаемъ его фирмана, которымъ установится законность и порядокъ, чтобы жить намъ счастливо, какъ вѣрнымъ подданнымъ Блистательной Порты, и чтобы, пользуясь внутреннимъ самоуправленіемъ, давали царю царево и защищали нашу страну, какъ часть Имперіи Султана, противъ всѣхъ покушеній и нападеній извнѣ» [1]). Безъ сомнѣнія, разъ уже такъ пишетъ Карагеоргій владыкѣ Петру, таковы должны были быть извѣстія, полученныя имъ отъ П. Ичко, и на то надѣялись какъ въ Смедеревѣ, такъ и въ Тополѣ. Но весьма скоро оказалось, что эти надежды П. Ичко были слишкомъ оптимистическія. Очень возможно, что письмо Наполеона султану Селиму отъ 8/20 іюня, о которомъ мы уже говорили, вызвало рѣшительный поворотъ

1) Л. А. Баталака, Истор. срп. уст. 235.

въ противоположную сторону. Въ Мемоарахъ Пр. М. Ненадовича встрѣчаются кое-какія указанія на то, что въ іюнѣ 1806 г. и боснійскій визирь на р. Деинѣ пытался вести переговоры съ старшинами западной Сербіи и, какъ кажется, съ намѣреніемъ контролировать или ослабить значеніе предпринимаемыхъ въ то время П. Ичко шаговъ въ Константинополѣ. Въ другомъ мѣстѣ и подробнѣе мы поговоримъ объ этой попыткѣ мирныхъ переговоровъ на западной границѣ Сербіи. Здѣсь только скажемъ, что какъ-то въ концѣ іюня, можно думать вслѣдствіе указанныхъ впереди совѣтовъ Наполеона, всѣ эти переговоры сразу и неожиданно были прерваны и войскамъ повсюду изданъ приказъ двинуться впередъ и открыть военныя дѣйствія. Въ австрійскихъ источникахъ говорится, что боснійское войско 8/20 іюля двинулось отъ р. Дрины къ Шабцу, а Пр. М. Ненадовичъ пишетъ, что турки уже 10 іюля достигли этого города[1]). Австрійцами отмѣчено и то, что турки въ Бѣлградѣ уже 23 іюня стрѣльбою изъ пушекъ объявили конецъ перемирія и какъ потомъ пришло извѣстіе, что 28 іюня огромная турецкая армія двинулась отъ Софіи къ р. Моравѣ. У Пр. М. Ненадовича читаемъ, что около 10-го іюля въ западную сербскую армію было получено письмо отъ Карагеоргія, въ которомъ сообщалось, что онъ разбилъ турокъ на Моравѣ и что теперь собираетъ войско въ Тополѣ, съ которымъ намѣренъ идти противъ босняковъ. Этимъ, значитъ, закончилось какъ русско-австрійское заступничество за сербовъ передъ Портой, весной и въ началѣ лѣта 1806 г., такъ и перемиріе, установленное вслѣдствіе ихъ интервенціи. Очевидно, дѣло разстроилось вмѣшательствомъ Наполеона и преимущественно благодаря его совѣтамъ, разгорѣлось новое нападеніе на Сербію, нападеніе весьма сильное, съ одной стороны отъ Ниша вдоль р. Моравы, съ другой — отъ Босніи.

Выше всякихъ похвалъ военныя доблести, ловкость и самообладаніе сербскихъ старшинъ, выказанныя ими въ этотъ разъ,

1) Мемоари, 195; Срб. Летопис 1826 г. IV, 16.

въ іюлѣ и августѣ 1806 г., во всѣхъ перипетіяхъ борьбы, какъ въ нападеніи, такъ и въ защитѣ,—при отстаиваніи ими того, что до тѣхъ поръ было пріобрѣтено сербскимъ возстаніемъ. Устроивъ все, что было нужно для успѣшной защиты Делиграда, въ томъ же году занятого, созданнаго и прославленнаго, Карагеоргій тотчасъ отправился къ р.升 升 升

Около 8-го іюля боснійская армія двумя колоннами выступила противъ Сербіи: одна шла отъ Сокола, другая — отъ Бадовинцевъ. Задачею первой, предводительствуемой Хаджи-бегомъ изъ Сребрницы, было—черезъ г. Вальево и долиною р. Колубары или куда будетъ удобнѣе, выйти къ Бѣлграду, наравнѣ съ главной колонной, которая должна была достигнуть этого пункта со стороны Шабца,—спустившись внизъ по р. Савѣ. Сербское войско, осаждавшее Шабацъ, тотчасъ сняло осаду, начатую еще въ январѣ мѣсяцѣ, и отступило назадъ на правую сторону Добравы, къ Вучіевицѣ. Около 15-го іюля самъ Карагеоргій съ отрядами гружанскимъ, рудницкимъ и бѣлградско-колубарскимъ, вышелъ навстрѣчу арміи Хаджи-бега, остановившейся было на Братачичѣ, къ западу отъ Вальева. Сраженіе произошло 20-го іюля, продолжалось весь день и окончилось побѣдою сербовъ[1]). Немедленно послѣ этого Хаджи-бегъ отступилъ назадъ къ Соколу, а Карагеоргій съ войскомъ направился къ р. Савѣ, противъ главной турецкой арміи на той сторонѣ.

Въ тотъ же самый день, когда произошло упомянутое сраженіе съ Хаджи-бегомъ на Братачичѣ, двинулось впередъ и боснійское войско отъ Шабца къ Бѣлграду. Правое крыло этого войска встрѣтилось съ сербами на Крничѣ (и Месарцахъ), и они заставили его отступить. Встрѣтивъ тѣхъ же борцовъ и на главномъ пути у Устья и узнавъ объ отступленіи праваго фланга, главнокомандующій турецкой арміей счелъ за лучшее вернуться въ Шабацъ, собраться тамъ съ силами и основательнѣе пригото-

1) День опредѣляемъ по комбинаціи генер. К. С. Протича, Годишньица XIII, 198.

товиться для наступленія. Въ этотъ именно моментъ къ сербскому войску прибылъ Карагеоргій съ Братачича. Онъ сейчасъ приказалъ придвинуться ближе къ Шабцу и, пользуясь неудачами и оплошностью турокъ, занялъ выгодныя позиціи на Мишарѣ. Здѣсь и произошла рѣшительная битва 1-го августа 1806 г. Въ этотъ день вся боснійская армія кинулась на сербовъ съ цѣлью прогнать ихъ съ новыхъ мишарскихъ позицій, но вмѣсто того сами босняки были на-голову разбиты и потеряли въ этомъ сраженіи лучшихъ своихъ вождей, надежду арміи, вслѣдствіе чего рухнули всѣ планы о движеніи къ Бѣлграду; а въ виду всего этого битва на Мишарѣ получила значеніе одного изъ самыхъ важныхъ сраженій въ исторіи сербскаго возстанія.

Немного раньше нападенія босняковъ, началось нападеніе турецкой румелійской арміи со стороны Ниша. Румелійскій вали (начальникъ всѣхъ пашалыковъ европейской Турціи, за исключеніемъ Босніи и Герцеговины), Ибрагимъ-паша Бушатли изъ Скутари (потомокъ зетскихъ Черноевичей) двинулъ отъ Ниша моравскимъ путемъ многочисленную главную армію. Съ нимъ были и новые низамскіе (по-европейски обученные) артиллеристы съ четырнадцатью пушками и мортирами. Со стороны сербовъ эту армію ожидали у Делиграда, кромѣ капитана Жикича съ «бекьярами», Петръ Добрньяцъ съ шестью тысячами человѣкъ, а затѣмъ: Станой Главашъ, воеводы Вуле и Вуица — съ смедеревцами, Антоній Пльяка и кнезъ Ефта изъ Левча — съ ихъ отрядами. Эти старшины подумали и нашли, что для лучшей защиты Делиграда слѣдовало бы построить еще одинъ редутъ на правой сторонѣ Моравы, и поэтому въ раіонѣ села Любеша возникъ новый редутъ — Топольякъ. Ибрагимъ-паша осадилъ Делиградъ и цѣлыхъ шесть недѣль усиливался занять его и открыть себѣ дорогу на Бѣлградъ,— но всѣ эти усилія остались безъ успѣха. Для того, чтобы войска легче вынесли нападенія турокъ, сербы защищали редуты смѣнами, такъ какъ въ особенности была тяжела не смолкавшая ни днемъ ни ночью турецкая бомбардировка. С. Милутиновичъ, воспѣвая геройскую

защиту Делиграда, говоритъ, что бомбардировка продолжалась шесть недѣль и прекратилась, когда пришли извѣстія о разгромѣ боснійской арміи на Мишарѣ. Между тѣмъ, были тому и другія причины. Приблизительно въ то же время, когда произошло сраженіе на Мишарѣ, Станой Главашъ задумалъ дерзкую диверсію на Прокуплье. Выдѣливъ 2500 человѣкъ пѣхоты и 500 человѣкъ конницы, онъ неожиданно ночью напалъ на Прокуплье и поджегъ его ракетами, такъ что весь городъ сталъ жертвою пламени. Турки еле успѣли спастись въ крѣпости. И самого Главаша тутъ немного обожгло ракетой[1]). Одно — это, второе — извѣстіе о пораженіи босняковъ, третье — слухи о томъ, что на подкрѣпленіе Делиграда идетъ самъ Карагеоргій, а четвертое — безуспѣшность всѣхъ нападеній, заставили Ибрагимъ-пашу снять осаду Делиграда и отодвинуться ближе къ Нишу, чтобы не попасть между двухъ огней. Случилось къ тому, что молнія ударила и сожгла всю амуницію осаждающей Делиградъ турецкой арміи. Снятіе осады Делиграда послѣдовало, по всей вѣроятности, около Преебраженія 1806 г.[2]). Однако, турецкое войско не совсѣмъ еще отступило къ Нишу. И такъ какъ оно не было еще разбито, противъ него стали придвигаться и прочіе сербскіе старшины, ибо послѣ сраженій на Братачичѣ, Месарцахъ и Мишарѣ совершенно нечего было бояться босняковъ. Такимъ образомъ, всѣ сербскіе воеводы, кромѣ оставшихся въ Подриньи, собрались теперь насупротивъ арміи Ибрагимъ-паши, которая, послѣ отступленія отъ Делиграда, остановилась на линіи между Алексинцемъ и Нишомъ[3]). За нею придвинулась и сербская ар-

1) Споменик, XIX, стр. 10. Записки Анты Протича.

2) С. Милутиновичъ, Сербіанка, II, 1—8.

3) Капитанъ Коста Іовановичъ изъ Кленка писалъ митрополиту Стратимировичу, 18-го августа, что въ этотъ день онъ узналъ отъ какого-то купца изъ Землина, что Карагеоргій отъ Бѣлграда отправился къ арміи, стоящей противъ Ниша, и что туда направляются и другіе отряды изъ Шумадіи. Архив Срп. Кр. Академије, № 430. Къ этому и письмо изъ Митровицы отъ 21 авг. 1806 г., № 431, и письмо изъ Кленка отъ 28 авг. 1806 г., № 433, — тамъ же.

мія, защищавшая до того времени Делиградъ. Къ послѣдней — со стороны Тимока, отъ Вратарницы и Княжевца,—приблизился и Миленко Стойковичъ. Первая стычка съ однимъ изъ отрядовъ нишской арміи произошла 22 августа. Въ этотъ день турки атаковали сербскіе редуты у Алексинца, которыми командовалъ Младенъ Миловановичъ. Сраженіе продолжалось весь день и окончилось только на второй,—когда одна сербская колонна ударила въ бокъ туркамъ. Послѣдніе тогда отступили съ большими потерями, оставивъ сербамъ весь свой лагерь, пушки, кассу и амуницію. И другой турецкій отрядъ, который со стороны Пасваноглу напалъ на Миленко Стойковича, былъ также отброшенъ сербами. Въ виду этого, засѣдавшій въ Смедеревѣ Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе отпраздновать эти побѣды и въ честь ихъ по всѣмъ лагерямъ совершить благодарственные молебны съ пушечными салютами [1]).

Но Ибрагимъ-паша все еще не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія. Не въ силахъ будучи пробиться ни со стороны Делиграда, ни со стороны Алексинца, и несмотря на полную неудачу его попытки на правомъ флангѣ, онъ все-таки задумалъ съ той именно стороны обойти какъ-нибудь сербовъ, пройдя горами отъ Пирота и Чипуровца къ Княжевцу, спуститься позади Делиграда — къ Парачину или дальше послѣдняго — прямо къ Моравѣ и Шумадіи. Въ этихъ видахъ Ибрагимъ-паша двинулся по горамъ со стороны Пирота и отъ истоковъ Лома къ предѣламъ Торговиштскаго Тимока, намѣреваясь обойти сербскую армію и отрѣзать ее отъ главной базы. Узнавъ объ этомъ, сербскіе старшины рѣшили и на этотъ разъ прибѣгнуть къ тактикѣ, которой придерживались въ началѣ 1806 г., а именно: — предупреждать непріятеля, идти ему навстрѣчу и вызывать на сраженія раньше, чѣмъ онъ успѣетъ развернуться. Этотъ планъ былъ принятъ, и сербскіе воеводы пошли навстрѣчу непріятелю,

1) Письмо кап. К. Іовановича митрополиту Стратимировичу отъ 28 августа 1806 г. Архив Срп. Кр. Академије, № 433; Срб. Летопис 1826 г., IV, 24—25.

вверхъ по р. Тимоку, въ горы между Пиротомъ, Чипуровцемъ и Княжевцемъ, черезъ которыя Ибрагимъ-паша думалъ провести свои войска. Въ происшедшей тамъ стычкѣ Ибрагимъ-паша опять потерпѣлъ неудачу. Поэтому онъ рѣшилъ прекратить борьбу и начать переговоры, въ какомъ смыслѣ у него уже имѣлись инструкціи изъ Константинополя[1]).

Такая перемѣна расположенія въ Константинополѣ наступила еще гораздо раньше и была вызвана обстоятельствами, изъ которыхъ явствовало, что война съ Россіей неизбѣжна. Въ подобномъ случаѣ положеніе Сербіи создавало массу неудобствъ и опасностей. Петръ Ичко, между тѣмъ, говорилъ въ Константинополѣ всѣмъ, которые имѣли расположеніе слушать его, что сербы рады жить въ мирѣ и возстаютъ только противъ насилія, что въ Сербіи никогда и никто не думалъ отказывать въ покорности султану, что и старшины и народъ проникнуты однимъ общимъ желаніемъ, а именно, чтобы къ нимъ было послано довѣренное лицо султана, которое съ народными старшинами согласилось бы объ условіяхъ мира[2]). Собственно говоря, ничего иного не требовали ни Россія и Австрія въ началѣ того же лѣта, до неудачнаго турецкаго похода. Франція, правда, тоже вмѣшивалась въ это дѣло, но дѣйствовала въ противоположномъ направленіи, хотя и она желала, чтобы сербскія смуты какъ-нибудь закончились, зная, насколько было бы невыгодно для Турціи ихъ продолженіе въ случаѣ войны съ Россіей, въ которую французы изо всѣхъ силъ старались втянуть турокъ. Въ концѣ іюля 1806 г. въ Турцію прибылъ новый французскій посолъ генералъ Себастіани, главною задачею котораго было какъ можно скорѣе поссорить Турцію съ Россіей и вызвать тамъ расположеніе къ этой войнѣ.

1) Изъ нашихъ источниковъ знаемъ только то, какъ ожидалъ эту рѣшительную войну Яковъ Ненадовичъ,—по собственнымъ его соображеніямъ того времени. Архив Срп. Кр. Академије. Письмо К. Іовановича отъ 28 августа, № 433. Остальное черпаемъ изъ австрійскихъ замѣтокъ въ Серб. Летописи, 1826, IV, 27—31, хотя во многихъ отношеніяхъ онѣ насъ не удовлетворяютъ.

2) С. Милутиновић, Сербіанка, II, 102—104.

Какъ и что думалъ генералъ Себастіани о сербскихъ дѣлахъ въ то время, когда ѣхалъ къ мѣсту своего служенія, въ Константинополь, т. е. въ концѣ іюля, хорошо видно изъ его разговора съ княземъ Ипсиланти въ Букарештѣ, гдѣ онъ, по приказанію Порты, былъ встрѣченъ со всѣми почестями. Тутъ-то генералъ Себастіани и сказалъ Ипсиланти, что Французскому Двору извѣстно, что онъ, Ипсиланти, поддерживаетъ сербское возстаніе и доставляетъ повстанцамъ оружіе изъ Россіи. Себастіани рѣшительно высказался противъ возстанія въ Сербіи, потому что оно на руку Россіи, стремящейся создать въ Сербіи княжество, которымъ бы она распоряжалась по своей волѣ, и поэтому упрекалъ Ипсиланти за то, что онъ не дѣйствовалъ въ противоположномъ направленіи, т. е. не тушилъ пожара въ Сербіи, прибавляя, что это былъ бы единственный способъ, которымъ онъ, князь Валахіи, могъ засвидѣтельствовать свою преданность Портѣ и, въ то же время, заручиться расположеніемъ Наполеона. Князь Ипсиланти отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно получилъ приказаніе позаботиться объ усмиреніи возстанія въ Сербіи и что въ этомъ отношеніи дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, но что не было успѣха потому, что Порта не хотѣла ничѣмъ поступиться для примиренія, а теперь — прибавилъ Ипсиланти — это дѣло въ рукахъ Ибрагимъ-паши, румелійскаго вали. Онъ еще разъ высказалъ свое убѣжденіе, что возстаніе въ Сербіи нельзя усмирить, не сдѣлавъ сербамъ кое-какія уступки, тѣмъ болѣе, что они не требуютъ ничего другого, кромѣ обезпеченія за ними мирнаго житья. Услышавъ все это, генералъ Себастіани поколебался, и хотя раньше говорилъ, что сербы должны непремѣнно и безусловно покориться турецкой власти, — послѣ завѣреній Ипсиланти, что они борятся только для мира и порядка въ своемъ домѣ, — просилъ его снова подѣйствовать на сербовъ въ смыслѣ примиренія, а онъ, въ свою очередь, похлопочетъ за нихъ въ Константинополѣ. Ипсиланти согласился на такую интервенцію, съ тѣмъ, однако, чтобы для этого со стороны Порты даны были ему спеціальныя полномочія, а генералъ Себастіани

обѣщалъ позаботиться о присылкѣ таковыхъ[1]). Между тѣмъ, по прибытіи въ Константинополь, генералъ Себастіани повернулъ иначе и измѣнилъ свою политику въ отношеніи Ипсиланти, и мы пока не знаемъ, дѣлалъ онъ что-нибудь и что именно, — въ смыслѣ вышеприведеннаго разговора. Во всякомъ случаѣ, этотъ разговоръ весьма ясно рисуетъ положеніе сербскихъ дѣлъ и расположеніе къ нимъ въ концѣ іюля 1806 г., т. е. въ то самое время, когда въ Сербіи приближались тѣ рѣшительныя битвы, благодаря которымъ сознаніе необходимости примиренія и другимъ путемъ было пробуждено.

Война Турціи съ Россіей виднѣлась уже на горизонтѣ. Это было извѣстно и въ С.-Петербургѣ, и въ Константинополѣ, и въ Парижѣ. А когда, въ виду сверженія князей К. Ипсиланти и Мурузи, эта война стала неминуемой, изъ Парижа опять писали генералу Себастіани въ Константинополь 4/16 сентября 1806 г., чтобы онъ приложилъ всѣ старанія для окончанія смутъ въ Сербіи. «Вамъ уже раньше было приказапо»,—писалъ генералу Себастіани французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, — «настаивать у Порты, чтобы въ отношеніи Сербіи она предприняла мѣры энергичныя и рѣшительныя; при нынѣшнихъ же обстоятельствахъ въ особенности необходимо это сдѣлать. Тогда мы вамъ это рекомендовали изъ желанія сохранить общій миръ на континентѣ, а теперь всѣми средствами слѣдуетъ воспрепятствовать, чтобы сербскіе бунтовщики не получили отъ русскихъ новую помощь»[2]). Дѣла эти, между тѣмъ, на глазахъ генерала Себастіани развивались своимъ чередомъ. Уже въ началѣ августа 1806 г., т. е. въ то самое время, когда генералъ Себастіани прибылъ въ Константинополь, принося войну съ Россіей, — на Портѣ, какъ кажется, взяли верхъ миролюбивыя теченія въ отношеніи Сербіи, и явилось убѣжденіе, что въ данный моментъ силою оружія нельзя достигнуть тамъ никакихъ результатовъ.

---

1) В. Богишичъ, Разборъ сочиненія Н. А. Попова, стр. 50—60. Приведены замѣтки самого кн. Ипсиланти, приготовленныя имъ для русскаго министра.

2) Выписки изъ французскаго архива г. Мих. Гавриловича.

Австрійскіе источники говорятъ, что еще до сраженія въ Балканскихъ горахъ у Ибрагимъ-паши имѣлся уже приказъ султана о примиреніи съ сербскими повстанцами, такъ что и эта диверсія сдѣлана была имъ на собственный рискъ и страхъ, въ надеждѣ преодолѣть какъ-нибудь сербовъ и повернуть дѣло на свою руку [1]). С. Милутиновичъ говоритъ, какъ послѣ осады Делиграда въ Константинополѣ отвѣтили отказомъ на предложеніе Ибрагимъ-паши о присылкѣ ему новыхъ подкрѣпленій и денегъ, чтобы разъ уже покончить съ сербами, и что Порта тогда была согласна примириться съ послѣдними, въ виду чего и были отклонены предложенія Ибрагимъ-паши, а приняты предложенія Петра Ичко [2]). При подобномъ расположеніи сторонъ и всей европейской политики, какъ мы ихъ очертили по самымъ достовѣрнымъ источникамъ, требованіе Ибрагимъ-паши о присылкѣ новаго войска и денегъ едва ли могло быть принято иначе, — если только оно предъявлялось. Боснійская армія была нѣсколькими стычками сильно разстроена, а на Мишарѣ — окончательно разбита; если она и не была отброшена назадъ въ Боснію, то сама собою таяла и гибла, въ особенности при самовольномъ возвращеніи въ Боснію небольшими отрядами, кото рыхъ сербы встрѣчали и уничтожали. У Ибрагимъ-паши была довольно большая армія, и такъ какъ до тѣхъ поръ не могъ съ нею достигнуть никакихъ успѣховъ, — онъ тѣмъ самымъ ослаблялъ и подрывалъ упомянутое предложеніе объ усиленіи его арміи. С. Милутиновичъ замѣчаетъ, что изъ Константинополя былъ тогда посланъ къ Ибрагимъ-пашѣ въ Нишъ самъ сербскій делегатъ Петръ Ичко, съ приказаніемъ, чтобы паша, которому раньше уже даны были полномочія для окончанія сербскихъ дѣлъ,—приготовилъ и послалъ черезъ того же П. Ичко все, что нужно для мира. Но когда послѣдній пріѣхалъ въ Нишъ, Ибрагимъ-паши тамъ уже не было. С. Милутиновичъ разсказываетъ,

1) Срб. Летопис, 1826, IV, 30.

2) Сербіанка, II, 104. Это могло быть въ первой половинѣ августа, послѣ отступленія турокъ отъ Делиграда.

что какое-то возмущеніе христіанъ около Битоли заставило его отправиться туда, — откуда онъ больше и не возвращался въ Нишъ. На самомъ же дѣлѣ,—продолжаетъ С. Милутиновичъ,— Ибрагимъ-пашѣ былъ не по душѣ этотъ новый поворотъ, потому что онъ, хотя и не имѣлъ удачи въ борьбѣ, все-таки стоялъ за дальнѣйшее воздѣйствіе силою оружія, вслѣдствіе чего, подъ предлогомъ битолійскихъ волненій, онъ удалился изъ Ниша раньше пріѣзда сербскаго депутата изъ Константинополя. Ибрагимъ-паша, по словамъ С. Милутиновича, все еще надѣялся, что рѣшеніе Порты какъ-нибудь видоизмѣнится въ смыслѣ возвращенія къ его предложеніямъ.

Австрійскимъ Военно-Комендантскимъ Управленіемъ въ Землинѣ уже 12 сентября были получены достовѣрныя извѣстія изъ Совѣта въ Смедеревѣ, что письмо Порты о примиреніи съ сербами нельзя было передать Ибрагимъ-пашѣ, такъ какъ везшій его татаринъ (курьеръ) не засталъ пашу въ Нишѣ. Зато назначенный въ Бѣлградъ нишскій мухасилъ вскрылъ это письмо вмѣсто паши и сейчасъ приступилъ къ исполненію содержащихся въ немъ приказаній [1]).

Однако, С. Милутиновичъ увѣряетъ, что, не заставъ Ибрагимъ-пашу въ Нишѣ, П. Ичко не растерялся, а самъ поѣхалъ къ нему въ Битоли, нашелъ его тамъ и любезностью и ласкою добился того, что паша наконецъ сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія для приведенія въ исполненіе фирмана, сообразуясь конечно и съ тѣмъ, что онъ долженъ исполнить такой, санкціонированный самимъ султаномъ, приказъ Порты [2]).

Вслѣдствіе этого прежде всего были прекращены военныя дѣйствія на границѣ. Ибрагимъ-паша, дѣйствительно, послалъ,— какъ о томъ оповѣщаютъ опять-таки австрійскіе источники,— къ Карагеоргію одного изъ подчиненныхъ пашей съ предложеніемъ заключить перемиріе, въ продолженіе котораго велись бы

1) Донесеніе маіора Митезера отъ 13/25 сентября изъ Землина. Архив. Срп. Кр. Академије, № 443.

2) Сербіанка, II, 104—105.

переговоры объ окончательномъ мирѣ. Срокъ перемирія былъ опредѣленъ въ 42 дня, съ тѣмъ, чтобы оно имѣло силу для всей сербской границы. На случай пріѣзда турецкаго делегата для мирныхъ переговоровъ, была предусмотрѣна возможность продолженія перемирія подъ условіемъ предупрежденія за двѣ недѣли впередъ. Установлена была и демаркаціонная линія, согласно которой сербы должны были отойти еще на два часа дальше отъ Ниша и очистить неготинскую Краину (занятую раньше Миленкомъ), оставляя открытымъ путь между Адакалэ, Нишомъ и Виддиномъ. Это перемиріе тотчасъ, около 11 сентября 1806 г., было подписано Карагеоргіемъ и Ибрагимъ-пашой, послѣ чего Карагеоргій немедленно отправился съ границы въ Смедерево[1]). Условленное перемиріе Ибрагимъ-паша немедленно объявилъ вдоль всей границы. Передъ нами письмо К. К. Родофиникина, писанное въ Букарештѣ 16-го сентября 1806 г., въ которомъ сообщается, что въ Виддинѣ и другихъ мѣстахъ кругомъ объявленъ фирманъ Порты, въ силу котораго сербамъ все прощалось и запрещалось нападать на нихъ. Въ Букарештѣ не знали, что это собственно означаетъ, и К. К. Родофиникинъ думалъ, что Порта или самъ Пасваноглу хотѣли только усыпить бдительность сербовъ, дабы потомъ неожиданно напасть и разгромить ихъ[2]). Въ дѣйствительности же это было вышеупомянутое перемиріе, которымъ на дѣлѣ заканчивалась война и открывалась новая эра переговоровъ съ довѣреннымъ лицомъ Порты въ Смедеревѣ, согласно предложеніямъ и просьбамъ Петра Ичко.

Но объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

---

1) Срб. Летопис 1826, IV, 28—30, откуда черпаемъ эти свѣдѣнія, опредѣляетъ день отъѣзда Карагеоргія 14 сентября, но числа въ этой статьѣ, писанной по даннымъ съ австрійской границы,—не всегда точны. Впрочемъ, относительно дня перемирія имѣется подтвержденіе и съ другой стороны, какъ это сейчасъ увидимъ.

2) В. Богишичъ, Разборъ сочиненія Н. А. Попова, стр. 69.

IV.

Прибытіе П. Ичко съ мухасиломъ въ Смедерево. Встрѣча мухасила. Отличія и обѣщанія Карагеоргію. Неискренность той и другой сторонъ. Текстъ и оцѣнка концессій, сдѣланныхъ Константинополемъ. Настаиванія сербскихъ старшинъ, чтобы мухасилъ помогъ имъ въ дѣлѣ занятія Бѣлграда и Шабца. Несогласіе на сдачу Гушанацъ-Али и шабацкихъ комендантовъ. Рѣшеніе сербскихъ старшинъ взять эти города вооруженною силою. Окончательные переговоры съ мухасиломъ объ условіяхъ мира. Новая поѣздка П. Ичко въ Константинополь (въ ноябрѣ 1806 г.) для докончанія и утвержденія соглашенія. Занятіе внѣшнихъ частей Бѣлграда (30 ноября 1806 г.), а затѣмъ и крѣпости (27 декабря 1806 г.). Празднества въ Бѣлградѣ по этому случаю. Мирное занятіе Шабца по приказу изъ Травника (26 января 1807 г.). Впечатлѣніе этихъ событій. Успѣхи Наполеона въ войнѣ противъ Пруссіи и приближеніе къ границамъ Россіи. Вліяніе всего этого на дѣятельность П. Ичко въ Константинополѣ. Окончательное завершеніе переговоровъ П. Ичко въ Константинополѣ (около 16 января 1807 г.).

Во второй половинѣ сентября 1806 г. въ Сербіи ожидали перемирія и были заняты переговорами. Сербскій Совѣтъ изъ Смедерева сообщалъ австрійскому Военно-Комендантскому Управленію въ Землинѣ, что довѣренное лицо султана (мухасилъ) уже 18/30 сентября ожидается въ сербскомъ лагерѣ подъ Бѣлградомъ. Кромѣ того передъ нами и письмо изъ Кленка, адресованное 13-го сентября 1806 г. митрополиту Стратимировичу, въ которомъ говорится, что какіе-то купцы изъ Землина принесли извѣстія, что въ Смедерево прибылъ изъ Константинополя базерджанъ-баша Петръ Ичко и привезъ фирманъ (собственно текстъ фирмана), по которому въ Бѣлградъ скоро прибудетъ визирь съ 200 турокъ. Этотъ визирь, говорилось дальше, впередъ будетъ принимать и высылать султану въ Константинополь дань съ Сербіи, въ которой будетъ возстановленъ миръ и порядокъ, а границы (со стороны Босніи) проведены по р.升Дринѣ [1]).

Въ дѣйствительности же П. Ичко и мухасилъ пріѣхали немного позже и какъ кажется (точной записи нѣтъ) — въ послѣднихъ числахъ сентября. Имѣется письмо изъ Кленка, адресованное митрополиту Стратимировичу 2-го октября 1806 г., въ ко-

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 437.

торомъ капитанъ К. Іовановичъ разсказываетъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ имѣлъ свиданіе съ Яковомъ Ненадовичемъ и спрашивалъ его, правда ли что базерджанъ-баша П. Ичко пріѣхалъ изъ Константинополя съ фирманомъ, на что Яковъ Ненадовичъ, ссылаясь на письмо Карагеоргія, отвѣтилъ, что дѣйствительно П. Ичко пріѣхалъ съ фирманомъ и съ нѣсколькими представителями султана. Въ тотъ же самый день Якову Ненадовичу пришла эстафета отъ Карагеоргія, чтобы немедленно пріѣхалъ къ нему на Врачаръ (у Бѣлграда). Изъ вышеприведенной австрійской записки видно, что мухасиломъ и представителемъ въ Сербіи былъ назначенъ прежній нишскій мухасилъ [1]). По другой, австрійской же замѣткѣ, вмѣстѣ съ мухасиломъ прибыли еще одинъ капиджи-баши и тайный патріаршій писарь изъ Константинополя [2]).

А такъ какъ послы султана всегда—въ знакъ преданности—были встрѣчаемы съ нѣкоторою торжественностью, то и новый представитель былъ встрѣченъ съ такими же почестями, которыя тѣмъ важнѣе, что приходились послѣ извѣстныхъ намъ отчаянныхъ сраженій. С. Милутиновичъ передаетъ, какъ Карагеоргій и его правительство, чтобы показать свою солидарность съ требованіями, заявленными въ Константинополѣ ихъ депутатомъ П. Ичко, и чтобы засвидѣтельствовать свое расположеніе къ миру, — снарядили въ Нишъ, для встрѣчи мухасила, депутацію изъ 24 избранныхъ сербскихъ кавалеристовъ, которые, поздравивъ его тамъ, должны были провожать его до Смедерева. Въ Смедеревѣ самъ Карагеоргій съ старшинами и множествомъ войска вышелъ навстрѣчу мухасилу. Въѣздъ его состоялся при радостныхъ крикахъ народа и пушечныхъ салютахъ съ крѣпости. С. Милутиновичъ прибавляетъ, что эти крики и стрѣльба раздавались эхомъ во всѣ четыре стороны [3]). Тотъ же С. Милутиновичъ въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ, какъ мухасилъ обѣ-

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 443.
2) Срб. Летопис, 1826, IV, 33.
3) Сербіанка, II, 106.

щалъ тогда Карагеоргію, что онъ будетъ признанъ и утвержденъ наслѣдственнымъ беемъ всей Сербіи, и что «за важныя услуги» надѣлъ на него верхнюю одежду изъ чистой порфиры и надавалъ еще дорогіе «самуръ-чурки», т. е. накидки на собольемъ мѣху.

Примиреніе, значитъ, выставлялось напоказъ обѣими сторонами и со всѣми формальностями[1]).

Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти блестящія празднества, настоящаго примиренія еще не было, а снова начиналась, только въ нѣсколько иномъ видѣ, та же самая игра, которая, въ іюлѣ и августѣ 1804 г., водилась съ Бекиръ-пашой, первымъ посломъ султана для усмиренія Сербіи. Мухасилъ и П. Ичко привезли, или лучше сказать — выслали передъ собой основные пункты примиренія, которые въ тотъ моментъ были принципіально одобрены въ Константинополѣ. Согласно переговорамъ, которые П. Ичко велъ въ Константинополѣ съ представителями турецкаго правительства, эти пункты еще разъ должны были быть разсмотрѣны совмѣстно съ сербскими старшинами и окончательно установлены, а затѣмъ представлены Портѣ, для приготовленія фирмана въ смыслѣ достигнутаго на этихъ переговорахъ соглашенія, чтобы, такимъ образомъ, уже былъ нами упроченъ миръ въ странѣ. Сербскому Совѣту въ Смедеревѣ еще 12-го сентября 1806 г. былъ извѣстенъ этотъ принципіально принятый и утвержденный Портою текстъ соглашенія.

Имъ особенно сильно интересовалось австрійское Военно-Комендантское Управленіе, которое послало въ Смедерево землинскаго (раньше бѣлградскаго) купца Нану Бембо, съ спеціальною цѣлью разузнать что-нибудь объ этомъ. Согласно сдѣланному Н. Бембо со стороны Совѣта сообщенію, вашеупомянутый, присланный изъ Константинополя текстъ содержалъ слѣдующіе пункты:

1) Всѣ кирджаліи и ихъ старшины должны оставить Бѣлградъ и выселиться.

---

1) Сербіанка, II, 124. Споменик, XIX, 10. Записки Анты Протича.

2) Янычары и осѣдлые турки остаются въ Бѣлградѣ, но первые не должны получать содержанія ни отъ султана, ни отъ народа, а должны сами объ этомъ позаботиться и жить торговлей, промыслами или какъ знаютъ.

3) Визиремъ въ Бѣлградѣ назначается прежній Ага-Гассанъ-паша, который занималъ это мѣсто до Сулейманъ-паши (т. е. до примиренія съ Бекиръ-пашой).

4) Кромѣ этого визиря и кромѣ мухасила въ Бѣлградѣ не будетъ больше никого изъ турецкихъ должностныхъ лицъ.

5) Ежегодно сербы обязаны платить мухасилу, въ качествѣ дани, 12,000 кошельковъ или 6 милліоновъ грошей; а кромѣ того никому ничего давать не должны, за исключеніемъ 2000 возовъ сѣна и 2000 возовъ дровъ для бѣлградской крѣпости и гарнизона.

6) Для послѣдняго будетъ прислано изъ Константинополя 300 человѣкъ турецкой регулярной арміи, и кромѣ того

7) сербы будутъ отряжать для этого гарнизона 500 человѣкъ своихъ.

8) Верховный Кнезъ будетъ жить въ Бѣлградѣ, а по нахіямъ (округамъ) будутъ назначены двѣнадцать простыхъ кнезовъ, подчиненныхъ Верховному Кнезу.

9) Въ руки сербовъ перейдутъ всѣ государственные доходы Сербіи, какъ-то: налоги, пошлины, лѣсные доходы и т. д.

10) Содержаніе бѣлградскаго паши и гарнизона идетъ въ счетъ упомянутыхъ 6 милліоновъ грошей дани.

12) Сербы обязаны снова принять только своихъ старыхъ спагіевъ (помѣщиковъ), какъ хозяевъ обрабатываемой ими земли, но эти спагіи должны будутъ жить въ Бѣлградѣ и не выѣзжать въ свои помѣстья, а сами сербы честно и исправно будутъ собирать и приносить имъ всѣ ихъ доходы.

12) Туркамъ не позволяется жить ни въ какомъ другомъ городѣ или мѣстечкѣ Сербіи. Сербамъ предоставляется самимъ возводить тамъ необходимыя служебныя и другія постройки, какъ-то: почтовыя станціи, торговые склады и пр., и сопро-

вождать и охранять торговые караваны при проѣздѣ изъ одного мѣста въ другое[1]).

Такова суть упомянутаго «фирмана», насколько онъ былъ извѣстенъ сербскому Совѣту въ Смедеревѣ еще 12-го сентября 1806 г. Хотя въ немъ въ общихъ чертахъ тѣ же привилегіи, какія требовались представленіемъ Народнаго Собранія въ Печанахъ отъ апрѣля 1805 г., есть однако и модификаціи въ пользу Турціи. Турки, какъ видно, не хотѣли совершенно отказаться ни отъ городовъ, ни отъ содержанія визиря въ Бѣлградѣ, хотя дальнѣйшее держаніе городовъ облекли въ такую форму, которую сербамъ не трудно было переносить. Предлагается нѣкотораго рода совмѣстное обладаніе городами, какое на практикѣ одно время, въ 1805 году, имѣло мѣсто въ Бѣлградѣ и въ Смедеревѣ. Не хотѣли отказаться и отъ того, чтобы имѣть визиря въ Бѣлградѣ, хотя и назначали на это мѣсто тѣнь правителя, Ага-Гассанъ-пашу, человѣка стараго и добраго. Рядомъ съ нимъ въ дѣйствительности главнымъ турецкимъ чиновникомъ являлся бы новый мухасилъ, такъ что на дѣлѣ было бы исполнено желаніе сербовъ, а по формѣ — оставалось бы по желанію турокъ и согласно традиціонному уваженію къ власти султана.

Вопросъ о дани и налогахъ разрѣшался по желанію сербовъ. Турки отлично понимали чувствительность сербовъ въ этомъ отношеніи. Но и тутъ удержано древнее право спагіевъ, которымъ хотя и запрещено лично собирать свои доходы и выѣзжать въ помѣстья, все это должны были дѣлать сами сербы, — имъ все-таки разрѣшено жить въ Бѣлградѣ. А такъ какъ спагіи, согласно старымъ турецкимъ регламентамъ и устройству, представляли контингентъ армейской кавалеріи, этимъ, значитъ, турецкая военная сила въ Бѣлградѣ — тогда еще населенномъ по преимуществу турками — значительно умножалась, ибо въ немъ должны были собраться спагіи всей страны.

---

1) Донесеніе маіора Митесера. Архив Срп. Кр. Академије, № 443.

Въ этомъ состояли главныя различія, и объ нихъ, понятно, должны были вестись разговоры съ сербскими старшинами въ Смедеревѣ.

Въ наше время сейчасъ было бы приступлено къ окончательному разбору, соглашенію, утвержденію и исполненію. Но тогда,— за отсутствіемъ настоящей искренности или по привычкамъ турецкой администраціи въ отношеніи внутреннихъ вопросовъ,— дѣйствовали совершенно иначе.

Когда, въ іюлѣ и августѣ 1804 г., сербы вели переговоры съ Бекиръ-пашой, въ двухъ-трехъ важнѣйшихъ вопросахъ они тогда и не думали дѣлать уступки, хотя Бекиръ-пашѣ прямо объ этомъ не говорили, а напротивъ показывали видъ, точно совершенно согласны на его предложеніе, желая, такимъ образомъ, скорѣе добиться исполненія тѣхъ пунктовъ, которые были для нихъ выгодны, и потомъ только, гораздо позже, указать на то, чѣмъ они были недовольны. Въ настоящемъ случаѣ, въ переговорахъ съ мухасиломъ, прибѣгли къ той же самой тактикѣ. Сербскіе старшины, очевидно, не могли быть довольны многими пунктами новаго «фирмана», но зато были весьма довольны двумя-тремя изъ нихъ и въ особенности первымъ, который былъ направленъ противъ Гушанацъ-Али и его кирджаліевъ. И такъ какъ сербскимъ старшинамъ очень хотѣлось тогда забрать въ свои руки Бѣлградъ и Шабацъ, около которыхъ пролили столько крови, и безуспѣшно,—то они стали спеціально напирать на эти два пункта и, какъ лучше умѣли, ласками стали дѣйствовать на мухасила, чтобы онъ эти два пункта немедленно имъ исполнилъ. Относительно прочаго, безъ сомнѣнія, показывали видъ, что со всѣмъ согласны, лишь бы только добиться скорѣйшаго очищенія Бѣлграда отъ кирджаліевъ и Шабца— отъ босняковъ. Въ инструкціяхъ мухасила, вѣроятно, говорилось, чтобы онъ старался какъ-нибудь удовлетворить и усмирить сербовъ,—средствами указанными въ проектѣ фирмана. Поэтому мухасилъ дѣйствительно обратилъ вниманіе на эти желанія сербовъ и тотчасъ сталъ принимать мѣры къ ихъ удовлетворе-

нію. Съ [illegible]

задержки [illegible]

себѣ [illegible]

просъ [illegible]

рить об [illegible] и

стали ра [illegible] о-

отъ [illegible] ихъ

для [illegible] жно

С [illegible] по

сторонъ [illegible] того

серьезно [illegible] со-

фирман [illegible] подати

была [illegible] авы, съ

нія [illegible] мукадъ»),

апрія [illegible] шлинъ въ

сербан [illegible] сумма въ

Но обстоят [illegible] ,000 гр.)[3]).

рокъ пока [illegible] оренная тур-

уступки [illegible] ,000 грошей.

[illegible] текста фирмана,

та и другая [illegible] стороны Совѣта

[illegible] ію въ Землинѣ,

Шабанъ [illegible] годно по 12,000

[illegible] му вопросу, зна-

[illegible] замѣтка, сообщен-

двухъ [illegible] авляетъ собою не

руки [illegible] Сербіи, содержа-

манѣ. [illegible]

ными и [illegible]

вос [illegible]

[illegible] Протичъ, Споменик [illegible] о, не трудно въ нихъ

[illegible] ѣленную сумму 1800

Приблизительно съ такими мыслями сербскіе старшины сейчасъ послѣ упомянутыхъ торжествъ въ Смедеревѣ повезли мухасила къ Бѣлграду, «чтобы и Бѣлградъ очистить отъ чумы», какъ говоритъ С. Милутиновичъ. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и пробный шаръ, которымъ они хотѣли испытать и удостовѣриться, насколько искренне участіе турокъ въ этихъ переговорахъ. Согласно вышеупомянутыхъ сообщеній сербскаго Совѣта Нани Бембо, прибытіе мухасила въ сербскій лагерь у Бѣлграда ожидалось 18/30 сентября. Изъ другихъ австрійскихъ источниковъ знаемъ, что 19 октября (1 ноября нов. ст.) мухасилъ писалъ Гушанацъ-Али и *совѣтовалъ* сдать Бѣлградъ. Гушанацъ, понятно, не послушался *совѣта*. Приказаніе объ этомъ могло быть прислано только изъ Константинополя или мухасиломъ, когда бы у него были соотвѣтственныя полномочія для изданія такого приказанія. Между тѣмъ у турокъ всегда трудно идетъ дѣло съ изданіемъ ясныхъ и прямыхъ приказаній, и въ этомъ случаѣ они все дѣлали какъ-то черезъ силу, безъ искренняго желанія. Поэтому все шло такъ туго и загадочно. Иновѣрцамъ турки вообще дѣлаютъ уступки очень трудно и только когда принуждены къ этому. Такимъ образомъ, хотя сербскіе старшины слышали отъ представителя Порты, что султанъ уступаетъ имъ Бѣлградъ, и хотя этотъ представитель явился въ осадный сербскій лагерь у Бѣлграда и извѣстнымъ способомъ позвалъ Гушанаца сдать городъ сербамъ, послѣдній и не думалъ его слушаться. Много и въ стилѣ турецкихъ писемъ и приказовъ, такихъ тонкостей и крючковъ, причемъ сама собой вызывается двойная и тройная работа, даже безъ желанія участниковъ въ проведеніи дѣла. И въ данномъ случаѣ Гушанацъ и мухасилъ дѣйствовали въ совершенно противоположномъ другъ противъ друга направленіи, но со стороны Порты ни тому ни другому не могъ бы быть сдѣланъ выговоръ за неправильныя дѣйствія. Сербскіе старшины увидѣли, что для занятія Бѣлграда имъ остается только прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. А такъ какъ и до тѣхъ поръ они не отказывались отъ этого способа, то теперь еще энергич-

нѣе обратились къ нему съ намѣреніемъ во что бы то ни стало покончить съ Бѣлградомъ.

Мухасилъ между тѣмъ вернулся съ Карагеоргіемъ въ Смедерево, гдѣ и приступили къ разсмотрѣнію вышеупомянутаго соглашенія, сообщеннаго сербамъ вскорѣ послѣ объявленія перемирія[1]). О переговорахъ, которые тогда велись, равно какъ и о томъ, на что обѣ стороны согласились, у насъ нынѣ нѣтъ абсолютно никакихъ извѣстій или замѣтокъ. Какъ кажется, въ этихъ переговорахъ прошелъ весь октябрь 1806 г. Въ нихъ, можно думать, больше всего говорилось о турецкомъ требованіи по части доходовъ или дани съ Сербіи. По дошедшимъ отъ того времени запискамъ и указаніямъ, сербскіе старшины соглашались, чтобы Портѣ во имя налоговъ, подушной подати («харача») и доходовъ съ пристаней Дуная, Савы и Моравы, съ овецъ («чибука»), съ государственныхъ имуществъ («мукадъ»), отъ умиренія крови, рыболовства и таможенныхъ пошлинъ въ Бѣлградѣ и Нишѣ,— давалось въ общей сложности сумма въ 806,000 грошей[2]), или 1800 кошельковъ (т. е. 900,000 гр.)[3]). Австрійскія же замѣтки утверждаютъ, что выговоренная турками сумма равнялась 2500 кошельковъ или 1,250,000 грошей. Между тѣмъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго текста фирмана, который 12-го сентября былъ сообщенъ со стороны Совѣта австрійскому Военно-Комендантскому Управленію въ Землинѣ, Порта требовала, чтобы сербы ей платили ежегодно по 12,000 кошельковъ или 6 милліоновъ грошей. По этому вопросу, значитъ, происходили продолжительные дебаты, и замѣтка, сообщенная Антомъ Протичемъ, надо полагать, представляетъ собою не что-либо другое, какъ записку о доходахъ изъ Сербіи, содержа-

---

1) Срб. Летопис 1826, VI, 33.

2) Мита Петровичъ, Финансије и т. д., стр. 66—67; Анта Протичъ, Споменик XIX, 10—11. Эти указанія въ мелочахъ расходятся, однако, не трудно въ нихъ разобраться.

3) В. С. Караджичъ, Грађа, 116 отмѣчаетъ какъ опредѣленную сумму 1800 кошельковъ.

ніе которой было извлечено изъ турецкихъ финансовыхъ книгъ въ Константинополѣ и которою пользовались въ видѣ главнаго основанія противъ слишкомъ большихъ требованій турокъ относительно дани съ Сербіи. Что касается отмѣченной у В. С. Караджича цифры въ 1800 кошельковъ, мухасилъ какъ будто согласился на нее подъ условіемъ одобренія въ Константинополѣ, такъ какъ эту цифру сербскіе старшины вспоминали и потомъ, какъ весьма выгодную, такъ что на ней остановились и послѣ возстанія князя Милоша въ 1815 г. Такая сумма, собственно говоря, дѣйствительно числилась и поступала въ турецкое казначейство въ Константинополѣ, хотя народъ и платилъ гораздо больше. Разница же расходилась по карманамъ испорченной турецкой администраціи. Собравъ эти данныя изъ Константинопольскихъ книгъ, П. Ичко оказалъ Сербіи большія услуги. Въ австрійской замѣткѣ о 2500 кошельковъ мы склонны видѣть послѣднюю цифру, на которую Порта соглашалась въ отношеніи сербской дани. Осталось ли во время окончательныхъ переговоровъ П. Ичко, въ январѣ 1807 г., 1800 или 2500 кошельковъ, сказать въ точности невозможно, такъ какъ объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Требованіе турокъ, чтобы съ мухасиломъ въ Бѣлградѣ находился и турецкій гарнизонъ изъ 300 человѣкъ регулярной арміи, также казалось тяжелымъ сербскимъ старшинамъ. По имѣющимся въ нашей литературѣ записямъ, мухасилъ во время переговоровъ въ Смедеревѣ какъ будто согласился уменьшить составъ гарнизона съ 300 на 150 человѣкъ.

Какъ кажется, не понравился сербамъ и тотъ пунктъ, въ которомъ говорилось о доходахъ спагіевъ. Тутъ, впрочемъ, одно изъ важнѣйшихъ различій между Константинопольскимъ (турецкимъ) предложеніемъ и извѣстнымъ намъ требованіемъ Народнаго Собранія въ Печанахъ. Совѣтъ требовалъ, чтобы и тутъ была установлена опредѣленная сумма, подобно тому, какъ сдѣлано съ государственными податями и налогами. Имѣется одна запись, по которой мухасилу предлагали, чтобы въ

счетъ содержанія спагіевъ взималось деньгами по четыре гроша съ каждаго женатаго человѣка [1]). Неизвѣстно было ли это усвоено, но, безъ сомнѣнія, было записано для представленія въ Константинополь къ окончательному разсмотрѣнію.

Нѣтъ никакихъ указаній и относительно государственныхъ границъ Сербіи.

Въ турецкомъ текстѣ, приведенномъ выше согласно земли нской записи, въ восьмомъ пунктѣ говорится о двѣнадцати кнезахъ, что воспроизводитъ значительно ограниченный Бѣлградскій пашалыкъ, т. е. въ тѣхъ именно границахъ, въ какихъ сербы его держали въ своихъ рукахъ весной 1805 г., во время собранія въ Печанахъ. По турецкому административному устройству, Бѣлградскій пашалыкъ раздѣлялся на восемнадцать округовъ или нахій [2]). Въ печанскихъ требованіяхъ отъ апрѣля 1805 г. сербы добивались права на избраніе своихъ кнезовъ только въ двѣнадцати кадилукахъ (которыми и обладали въ то время). Между тѣмъ, во время переговоровъ съ мухасиломъ, т. е. осенью 1806 г., они держали почти въ два раза больше земли, чѣмъ весной 1805 г., когда происходило собраніе въ Печанахъ. Очевидно, сербы разсчитывали, что въ составъ ихъ автономной области войдетъ все то, чѣмъ они тогда владѣли, турки же думали уступить имъ въ крайнемъ случаѣ только Бѣлградскій пашалыкъ цѣликомъ. Намъ неизвѣстно, поднимался ли вообще этотъ вопросъ, но, внѣ всякаго сомнѣнія, по этому вопросу сербы и турки едва ли бы могли придти къ соглашенію.

Оставался еще вопросъ о городахъ (укрѣпленныхъ пунктахъ), на которые турки, по старымъ традиціямъ, много возлагали и относительно которыхъ сербы не предъявляли никакихъ категорическихъ требованій. Однако между строкъ легко можно было читать, что сербы желали очищенія городовъ отъ турокъ, такъ какъ въ апрѣлѣ 1805 г. они изъявили, что не желаютъ имѣть въ Бѣлградѣ визиря, а лишь мухасила (финансоваго чиновника).

1) Мита Петровичъ, Финансије 66—67.
2) Споменик XVIII, Хаджи Калфа, 63 и д.

Понятно, что турки никакъ не соглашались на это требованіе, и, какъ мы уже видѣли, въ своемъ предложеніи, назначая мухасила, удерживали и визиря съ гарнизономъ изъ 300 человѣкъ турецкихъ солдатъ и 500 человѣкъ сербовъ. Турки, значитъ предлагали, чтобы города оставались подъ ихъ управленіемъ съ тѣмъ, чтобы въ ихъ охранѣ участвовали и сербы при посредствѣ своего войска. Немного ниже, когда будемъ говорить о сдачѣ Бѣлграда и Шабца, мы увидимъ, какъ это на практикѣ осуществилось. На такое смѣшанное управленіе, какъ кажется, и сербы тогда согласились, чтобы разъ уже окончить борьбу около Бѣлграда и Шабца, и чтобы черезъ это какъ-нибудь завладѣть этими городами.

Въ австрійскихъ замѣткахъ говорится, что 8/20 ноября мухасилъ выѣхалъ изъ Смедерева въ Константинополь [1]). Между тѣмъ у насъ имѣется много указаній и замѣтокъ, изъ которыхъ явствуетъ, что мухасилъ оставался въ Сербіи всю зиму 1806—1807 гг. и до самой весны. Въ первой половинѣ ноября въ Константинополь уѣхалъ П. Ичко со своими товарищами-депутатами и кто-то изъ пріѣхавшихъ съ мухасиломъ турецкихъ чиновниковъ. Они-то и повезли разсмотрѣнное и утвержденное въ Смедеревѣ соглашеніе для дальнѣйшаго разбора въ Константинополѣ. Самъ же мухасилъ остался у сербовъ въ качествѣ представителя султана, въ ожиданіи одобренія и окончательнаго утвержденія со стороны Порты достигнутаго соглашенія, послѣ чего онъ остался бы и для постояннаго служенія въ Сербіи, согласно новому устройству, предусмотрѣнному этимъ соглашеніемъ. Въ такомъ ожиданіи мухасилъ помогалъ сербскимъ старшинамъ во всѣхъ предпріятіяхъ, которыя клонились къ исполненію разныхъ пунктовъ упомянутаго соглашенія, къ осуществленію которыхъ, согласно тогдашней тактикѣ, они немедленно и энергично приступили. Такъ какъ сербы согласились на турецкое предложеніе относительно управленія городами, то и муха-

1) Срб. Летопис 1826, VI, 34.

силъ отдалъ себя въ ихъ распоряженіе въ дѣлѣ очищенія Бѣлграда отъ кирджаліевъ и яничаръ съ Гушанацъ-Али, и выхода изъ Шабца босняковъ, которые занимали этотъ городъ еще со времени сраженія на Мишарѣ.

Выше мы упоминали, какъ мухасилъ приглашалъ Гушанаца очистить Бѣлградъ, ссылаясь на то, что изъ Константинополя имѣется другое рѣшеніе относительно устройства города.

Для этого имѣемъ и весьма цѣнное свидѣтельство митрополита Стратимировича, который 10-го октября 1806 г. писалъ Вик. Ракичу въ Тріестѣ, что мухасилъ привезъ въ Смедерево фирманъ объ уступкѣ сербамъ, на извѣстныхъ условіяхъ, Бѣлграда съ тѣмъ, чтобъ они, въ случаѣ отказа бѣлградскихъ турокъ сдать городъ добровольно,—имѣли право выгнать ихъ насильно. Согласно полученнымъ Стратимировичемъ извѣстіямъ, въ первыхъ числахъ октября мухасилъ вмѣстѣ съ сербскими воеводами прибылъ къ Бѣлграду, «чтобы бѣлградскимъ туркамъ объявить фирманъ и предупредить ихъ, что въ случаѣ отказа сербы силою выгонятъ ихъ оттуда» [1]). Гушанацъ, какъ мы уже говорили, не обратилъ на это никакого вниманія, и Карагеоргій долженъ былъ позаботиться о принудительныхъ мѣрахъ и занятіи Бѣлграда силою оружія. Однако, и посредствомъ этого трудно было достигнуть цѣли, въ виду того, что съѣстные припасы въ городъ доставлялись австрійцами изъ Землина. Мухасилъ, по просьбѣ сербовъ, отъ своего имени обратился къ австрійскимъ гражданскимъ властямъ съ требованіемъ прекратить такую доставку для Гушанаца, какъ бунтовщика и ослушника законной власти. Но это не помогло, ибо для успѣха такого требованія слѣдовало обратиться надлежащимъ порядкомъ къ самой Портѣ изъ Константинополя или объявить передъ австрійскими властями мухасила своимъ уполномоченнымъ и для такихъ дѣлъ и представленій. Такъ какъ этого сдѣлано не было, то и письмо мухасила осталось безъ послѣдствій. Быть можетъ и самъ мухасилъ

1) Јов. Радоничъ, Прилози истор. слов. препорођаја. Н. Сад 1900, стр. 88—89.

ожидалъ именно такихъ результатовъ, но показывалъ видъ что точно этого не знаетъ; сербы же были довольны его дѣйствіями, а для него это было главное. Когда стало видно, что ничто не помогаетъ, Карагеоргій, письмомъ отъ 3/15 ноября 1806 г. изъ Смедерева, обратился непосредственно къ Императору въ Вѣну. Въ этомъ письмѣ онъ горько жалуется на австрійскихъ пограничныхъ комендантовъ, которые сербамъ, оставившимъ, вслѣдствіе войны, въ продолженіе всего 1806 года свои поля необработанными и уже осенью страдавшимъ отъ голода, — не позволяютъ и за деньги покупать съѣстные припасы, а въ то же время снабжаютъ ими Гушанаца въ бѣлградской крѣпости. «Цѣлый годъ»—жалуется Карагеоргій Императору—«мы принуждены держать Бѣлградъ въ осадѣ, а изъ Землина ему доставляется содержаніе и подкрѣпленіе. И нынѣ, несмотря на то, что въ Бѣлградѣ сидитъ Гушанацъ - Али,—человѣкъ котораго Блистательная Порта приказываетъ прогнать и изъ города и изъ страны, какъ своего ослушника и бунтовщика, который въ ущербъ обѣимъ Имперіямъ тамъ находится и своимъ дальнѣйшимъ пребываніемъ въ Бѣлградѣ желаетъ снова вызвать большое кровопролитіе, — и несмотря на сдѣланную со стороны присланнаго къ намъ мухасила просьбу о томъ, чтобы съѣстныхъ припасовъ Бѣлграду не отпускалось, дабы тѣмъ заставить Гушанацъ - Али скорѣе оставить городъ,—ему, Гушанацу, все еще доставляютъ эти припасы и такимъ образомъ его въ городѣ содержатъ на пакость и намъ и нашему царю и Вашему Величеству» [1]). Письмо это повезъ въ Вѣну Іеремій Гагичъ въ качествѣ специальнаго посланца.

Точно такъ же мухасилъ дѣлалъ нѣкоторые шаги и для удаленія босняковъ изъ Шабца. Корреспондентъ митрополита Стратимировича, капитанъ К. Іовановичъ изъ Кленка, въ письмѣ отъ 26 ноября 1806 г. сообщаетъ, что Карагеоргій отправилъ одного изъ кнезовъ, а мухасилъ одного изъ своихъ чиновниковъ къ

1) Архив Срп Кр. Академије, № 451.

боснійскому визирю въ г. Травникъ по дѣлу шабацкихъ турокъ. Такъ какъ Шабацъ занимали босняки, то на приглашеніе мухасила сдать городъ сербамъ, согласно Константинопольскому соглашенію,—они отвѣчали, что безъ приказанія визиря изъ Травника ничего сдѣлать не могутъ. И тогда-то и мухасилъ и Карагеоргій отправили пословъ къ визирю въ Боснію. Визирь далъ утвердительный отвѣтъ, съ какимъ послы эти и возвратились изъ Босніи раньше 26 ноября. Сербы должны были открыть боснійскому войску и его начальникамъ дорогу для свободнаго и мирнаго возвращенія въ Боснію. Только что назначенный комендантомъ Шабца, Али-паша Видаичъ, остался въ городѣ съ 100 человѣкъ шабацкихъ турокъ. Со стороны сербовъ къ нимъ присоединился отрядъ въ 100 человѣкъ съ однимъ кнезомъ, для совмѣстной охраны города и «для того чтобы, по мѣрѣ надобности, въ договорѣ съ нашой заботиться объ управленіи и порядкѣ въ нахіи (округѣ)» [1]). Дальше, въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что и это не было такъ скоро исполнено, какъ тогда ожидали и надѣялись.

Вслѣдствіе этого, послѣ всѣхъ упомянутыхъ шаговъ, сербы немедленно занялись дѣломъ осады и стали заботиться о завладѣніи Бѣлграда,—опять таки въ договорѣ съ мухасиломъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ С. Милутиновичъ. Борьба открылась тотчасъ послѣ отъѣзда П. Ичко и его товарищей-депутатовъ, (въ первой половинѣ ноября) въ Константинополь. Наконецъ, какъ извѣстно, 30-го ноября 1806 г., сербамъ удалось занять всѣ части города, находящіяся внѣ стѣнъ крѣпости, чѣмъ и самую крѣпость сильно стѣснили, подойдя къ ней на близкое разстояніе. Сейчасъ послѣ этого, окружая крѣпость все сильнѣе и сильнѣе,—сербы поставили пушки на пустой дунайскій островъ противъ крѣпости, о которомъ первоначально и австрійскія власти не знали, кому собственно онъ принадлежитъ [2]). Оттуда,

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 457.

2) Въ Срб. Летописи 1826, IV, 86 говорится, по австрійскимъ источникамъ, что это произошло 8/20 декабря. Анта же Протичъ, Споменик XIX, 11—

со стороны башни Небойши, сербы, значитъ, и съ противоположной стороны окружили крѣпость, которая этимъ путемъ получала припасы и которая, вдобавокъ, съ той стороны была почти незащищена. Поэтому Гушанацъ, главный начальникъ кирджаліевъ, 10/22 предложилъ сдачу города подъ условіемъ, чтобы ему съ гарнизономъ позволено было 17/29 декабря отплыть внизъ по Дунаю къ Виддину. При этомъ Гушанацъ прислалъ Карагеоргію своего племянника въ качествѣ заложника, а Карагеоргій ему тоже своего. Отъ имени сербовъ переговоры съ Гушанацемъ велись митрополитомъ Леонтіемъ и мухасиломъ [1]).

Когда сербы 17-го декабря проводили Гушанаца, Сулейманъ-паша, оставаясь полнымъ хозяиномъ бѣлградской крѣпости, далъ знать сербамъ, что Гушанацъ не имѣлъ власти вести съ кѣмъ бы то ни было переговоры относительно крѣпости, какое право принадлежитъ только ему, Сулейманъ-пашѣ, въ виду чего никакія обязательства и обѣщанія Гушанца касательно крѣпости онъ не считаетъ для себя обязательными и не впуститъ туда сербовъ, а будетъ и дальше защищаться съ оставшимися яничарами и другими турками; однако, предлагалъ имъ перемиріе для веденія переговоровъ. Сербы на это согласились, такъ какъ австрійцы запретили было имъ дальше нападать на городъ съ того нейтральнаго острова [2]). Изъ записокъ же Анты Протича видно, что сербы все-таки оставались на островѣ до самой сдачи бѣлградской крѣпости. Но съ выѣздомъ Гушанаца изъ крѣпости дальнѣйшее сопротивленіе сербамъ было невозможно, немыслимо. Поэтому уже около Рождества самъ Сулейманъ-паша предложилъ сербамъ занять верхнюю крѣпость совмѣстно съ тур-

---

отмѣчаетъ, что это было сдѣлано на третій день послѣ занятія внѣшнихъ частей города. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Анта самъ принималъ участіе въ занятіи острова.

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 465 — письмо землинскаго протоіерея Мих. Пенча, который весь день 16-го декабря пробылъ въ Бѣлградѣ. Срб. Летопис 1826, IV, 37.

2) Срб. Летопис 1826, IV, 36. Такъ было сообщено высшему начальству въ дѣйствительности же это не было исполнено.

ками. Тогда сербскими старшинами были представлены условія сдачи, по которымъ пашѣ и туркамъ разрѣшалось оставаться въ Бѣлградѣ, но безъ права носить оружіе и входить въ верхнюю крѣпость. По австрійскимъ источникамъ, Сулейманъ-паша принялъ эти условія и сдалъ крѣпость сербамъ [1]). Анта Протичъ, между тѣмъ, разсказываетъ, что въ самый день архидіакона Стефана (27 декабря) сербскіе «бекьяри» съ острова и изъ города пробрались къ такъ наз. «Суу-Капи» (со стороны рѣки) и найдя эти ворота пріотворенными, стали тихонько пробираться внутрь, пока, такимъ образомъ, въ нижней крѣпости не набралось ихъ болѣе тысячи человѣкъ. Тогда Сулейманъ-паша сдался, а Карагеоргій обѣщалъ препроводить его въ Константинополь [2]).

Французскій посолъ въ Константинополѣ генер. Себастіани 16/28 января 1807 г. сообщилъ Наполеону, что Бѣлградъ сдался сербамъ вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ австрійцы запретили доставку ихъ для крѣпости [3]). Явилось ли это запрещеніе какъ результатъ вышеупомянутаго письма Карагеоргія къ австрійскому Императору, или такъ только говорилось въ официіальномъ донесеніи Сулейманъ-паши о сдачѣ города,—трудно сказать. С. Милутиновичъ замѣчаетъ, что турки въ послѣднее время страдали отъ голода [4]), — и это вполнѣ понятно и является послѣдствіемъ занятой сербами позиціи на островѣ противъ башни Небойши, позиціи, которою прекращалась коммуникація крѣпости съ Землиномъ, что и Гушанаца заставило сдаться и уйти.

1) Срб. Летопис 1827, I, 15.

2) Споменик XIX, стр. 13. Изъ этого разсказа видно, что и самъ А. Протичъ былъ въ числѣ этихъ «бекьяровъ».

3) Выписки изъ француз. архивовъ д-ра М. Гавриловича.

4) Но ев' Божиħ чим предсрету Срби,
Дијелеħи свој залогај с враз'ма
Исташтеним и довольства жудним,
Што би за кус кадшто с' и у раку.

Сербіанка, II, 122. Еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ поэтъ упоминаетъ, какъ, послѣ занятія позиціи на островѣ и перерыва связей съ Землиномъ,—турки начали ѣсть лошадей (II, 115), собакъ и мышей (II, 119), которыхъ также больше не было.

Послѣ того какъ весь Бѣлградъ съ цитаделью достался въ руки сербовъ, Карагеоргій приказалъ, по словамъ С. Милутиновича, чтобы всѣ джаміи (турецкія молельни) были разрушены, за исключеніемъ одной, такъ называемой «Шареной джаміи», которая пощажена для оставшихся турокъ. Послѣ того въ церкви митрополитъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства совершилъ благодарственный молебенъ и освятилъ городъ, обходя его съ крестомъ и св. водою. Вслѣдъ затѣмъ,—опять согласно разсказу С. Милутиновича, — Карагеоргій, сербскіе старшины и Сулейманъ - паша отправились къ мухасилу, чтобы поздравить его, какъ представителя султана, и показать, что все сдѣланное происходитъ во исполненіе воли суверенной власти послѣдняго и въ угоду ей [1]). Этотъ торжественный визитъ мухасилу послѣ занятія Бѣлграда со стороны сербовъ долженъ былъ служить доказательствомъ, что они неизмѣнно считаются съ верховенствомъ султана и что не думаютъ объ отдѣленіи и разрывѣ съ Турецкой Имперіей. «Послѣ занятія сербами Бѣлграда», — пишетъ В. С. Караджичъ, — «Карагеоргій послалъ въ Константинополь писаря Степана съ извѣщеніемъ о томъ, что Бѣлградъ очищенъ отъ кирджаліевъ, и поэтому пусть царь теперь пошлетъ туда своихъ людей [2]). Изъ этого видно, что Карагеоргій и тогда думалъ придерживаться соглашенія П. Ичко, дѣйствуя въ смыслѣ его опредѣленій. Впрочемъ, все это еще лучше видно изъ дѣйствій, направленныхъ къ занятію Шабца. Мы уже указывали, какіе шаги предпринимались Карагеоргіемъ и мухасиломъ въ ноябрѣ 1806 г. съ цѣлью завладѣнія городомъ на основаніи Константинопольскаго соглашенія П. Ичко. Дѣло не было окончено въ виду того, что визирь далъ свое одобреніе *устно*, а начальники гарнизона въ Шабцѣ думали, что въ такомъ важномъ

1) Сербіанка, II, 123—124.

2) Граѣа, 206. Въ австрійскихъ замѣткахъ (Срп. Летопис 1827, I, 17) говорится, что Карагеоргій послалъ тогда депутатовъ въ Константинополь завѣрить Порту, что «враги султана и его враги». Между тѣмъ П. Ичко еще съ ноября находился въ Константинополѣ, и этимъ только подтверждается смыслъ данныхъ ему для Порты порученій и заявленій.

дѣлѣ, какъ сдача города, необходимо письменное приказаніе. Сербы, между тѣмъ, приготовились къ нападенію на Шабацъ, рѣшившись завладѣть имъ силою. Поэтому въ началѣ декабря, вѣроятно по полученіи извѣстія о занятіи внѣшнихъ частей Бѣлграда,—въ сербскій лагерь на Мишарѣ къ Якову Ненадовичу прибыли православный владыка изъ г. Зворника съ шестью тамошними турками, дабы примирить сербовъ и шабацкихъ турокъ и черезъ это дать возможность пяти боснійскимъ пашамъ, которые въ то время сидѣли въ осажденномъ Шабцѣ (въ томъ числѣ и Сулейманъ-паша Скопльякъ), — мирно возвратиться въ Боснію. Но такъ какъ и эти посредники не имѣли никакихъ письменныхъ полномочій отъ визиря, то и дѣло это кончилось ничѣмъ. Въ виду этого запертые въ Шабцѣ паши обратились къ визирю въ Травникъ и потребовали формальнаго разрѣшенія на сдачу города. Сербы согласились ждать отвѣта на это письмо и заключили перемиріе на время поѣздки и возвращенія курьера, который и отправился въ Травникъ изъ сербскаго лагеря на Мишарѣ. Въ этомъ лагерѣ оставались и владыка съ турками изъ Зворника [1]). Какъ кажется, визирь не особенно торопился съ приказомъ о сдачѣ Шабца, и по всей вѣроятности самъ объ этомъ спрашивалъ въ Константинополѣ, такъ какъ съ того времени и до передачи Шабца прошло болѣе шести недѣль. Наконецъ былъ полученъ приказъ, котораго ожидали шабацкіе начальники. 23 января, въ Кленкѣ, на австрійской сторонѣ, въ присутствіи австрійскихъ военныхъ властей, состоялось совѣщаніе о сдачѣ Шабца, при участіи съ сербской стороны воеводъ: Якова Ненадовича, Стояна Чупича, Луки Лазаревича и Милоя Петровича, а съ турецкой — Сулейманъ-паши Скопльяка съ другими старшинами. Извѣщенный объ этомъ, Карагеоргій прибылъ на Мишаръ. Во время этого свиданія въ Кленкѣ Сулейманъ-паша говорилъ сербскимъ старшинамъ, что султанъ

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 463, письмо капитана К. Іовановича изъ Кленка, отъ 11 декабря 1806 г., адресованное митрополиту Стратимировичу.

позволилъ имъ (сербамъ) самимъ «управлять раей, съ тѣмъ, чтобы всѣ подати и налоги оставалась послѣдней, а они бы давали султану лишь царскую «мирію» и «улефу» (дань), но чтобы въ крѣпости (Шабцѣ) оставался турецкій комендантъ, диздаръ, кадій и тѣ изъ шабацкихъ (рожденныхъ тамъ) турокъ, которыхъ сербы признаютъ хорошими. «Мы паши—закончилъ Сулейманъ-паша — «и остальные турки получили приказаніе вернуться въ Боснію, при чемъ вы должны проводить насъ по Сербіи до р. Дрины и черезъ нее—мирно и въ полной неприкосновенности». Послѣ того переговоры велись еще 25-го января и состоялся обмѣнъ поклонами и подарками между боснійскими пашами и самимъ Карагеоргіемъ. Согласно этимъ переговорамъ, 26-го января Шабацъ былъ переданъ сербамъ. Въ этотъ день выѣхали изъ Шабца Сулейманъ-паша Скопльякъ, Гассанъ-паша сребёрницкій, Чаинъ-паша травницкій и Али-паша зворницкій; вслѣдъ затѣмъ Карагеоргій съ барабаннымъ боемъ и съ музыкою вошелъ въ городъ и занялъ его [1]). Въ немъ изъ турокъ оставались только яничаръ-ага и диздаръ съ десяткомъ турокъ. Карагеоргію были переданы всѣ ключи, касса и т. д. Черезъ два-три дня Карагеоргій отправился къ Соколу и Ужицѣ, чтобы и тамъ установить тотъ же порядокъ. Весьма знаменательно и важно то, что Шабацъ былъ переданъ боснійскими властями, которыя, очевидно, сдѣлали это не по порученію мухасила изъ Смедерева, а по распоряженію изъ Константинополя, которое могло состояться или въ самомъ концѣ 1806 или въ началѣ 1807 года. Въ договорѣ о сдачѣ Шабца было также установлено, чтобы съ боснійской стороны вдоль границъ Бѣлградскаго пашалыка былъ утвержденъ миръ и порядокъ и чтобы граница была открыта для торговыхъ и др. сношеній [2]).

Между тѣмъ сербскій депутатъ Петръ Ичко давно находился въ Константинополѣ сь цѣлью воздѣйствія въ дѣлѣ окон-

1) Голубица, V, 287—292. Письмо изъ Кленка капитана К. Іовановича митрополиту стратимировичу отъ 26 января 1807 г.

2) Голубица, V, стр. 292.

чательнаго утвержденія и санкціи его соглашенія, равно какъ и по изданію соотвѣтственнаго фирмана. Какъ нѣтъ указаній на то, въ какое именно время въ 1806 г. онъ уѣхалъ изъ Смедерева, точно такъ же нѣтъ указаній и относительно времени его пріѣзда въ Константинополь. Возможно, что уже въ началѣ декабря 1806 г. онъ снова былъ тамъ.

Политическая ситуація въ Европѣ, между тѣмъ, значительно измѣнилась. Наполеонъ, побѣдами у Іены и Ауерштедта, въ октябрѣ 1806 г., разгромилъ было Пруссію. Уже 19 ноября (1 декабря) 1806 г. изъ лагеря у Познани онъ писалъ султану Селиму, чтобы сербамъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ, пока они предъявляютъ свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уговаривалъ султана послать свои войска къ Хотину противъ Россіи и этимъ оказать ему помощь, такъ какъ послѣ Пруссіи на очереди стояла Россія. Въ тотъ же самый день Наполеонъ писалъ и своему послу въ Константинополѣ, генер. Себастіани. Въ этомъ письмѣ онъ указываетъ, что для Порты наступилъ самый удобный моментъ избавиться отъ русской опеки и зависимости; а затѣмъ уполномочиваетъ Себастіани на утвержденіе съ Турціей секретнаго договора для защиты и нападенія, которымъ обезпечивалась бы за Турціей неприкосновенность ея областей Молдавіи, Валахіи и Сербіи [1]).

Русскіе точно знали объ этихъ планахъ и еще въ іюнѣ 1806 г., черезъ генер. Михельсона, командующаго русской арміей у р. Днѣстра (которая начала собираться на турецкой границѣ лѣтомъ 1806 г.), завязали сношенія съ Карагеоргіемъ, а затѣмъ вошли въ Валахію и Молдавію, подъ предлогомъ возстановленія въ нихъ порядка, и въ продолженіе ноября и декабря совершенно заняли эти княжества. Послѣднее обстоятельство и вызвало объявленіе войны Россіи со стороны Турціи въ концѣ 1806 г.

Сильное впечатлѣніе повсемѣстно произвело и извѣстіе о

---

1) J. de Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane, Paris 1865, II, 284.

томъ, что сербы 30-го ноября заняли внѣшнія части, а 27-го декабря и крѣпость Бѣлграда. Мы уже выше отмѣтили со словъ В. С. Караджича, что Карагеоргій немедленно послѣ занятія Бѣлграда отправилъ въ Константинополь своего писаря для сообщенія Портѣ объ очищеніи города отъ непокорныхъ элементовъ, съ приглашеніемъ сдѣлать что нужно, дабы султанъ послалъ туда своихъ людей. Этимъ какъ-бы заявлялось въ Константинополѣ о своей преданности и одновременно указывалось, что теперь время обратить къ исполненію соглашеніе, достигнутое первоначально переговорами съ П. Ичко, а потомъ просмотрѣнное въ Смедеревѣ. Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ порученій Наполеона въ Константинополѣ опять стали колебаться. Шагъ, сдѣланный Карагеоргіемъ посылкою Степана Іевтича, былъ на руку той струѣ въ Константинополѣ, которая хотѣла примиренія съ Сербіей. Онъ могъ быть принятъ какъ изъявленіе покорности и преданности, а этимъ у занятія Бѣлграда отнималось все, что могло быть оскорбительнымъ для Константинополя. Какъ кажется, Степанъ Іевтичъ около половины января 1807 г. былъ уже въ Константинополѣ. Имѣется письмо генер. Себастіани Наполеону отъ 16/28 января 1807 г., въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ данный моментъ двое сербскихъ депутатовъ заканчиваютъ съ Портой переговоры о мирѣ. Генер. Себастіани говоритъ, что страхъ передъ Франціей заставитъ сербовъ снова передать Бѣлградъ туркамъ. По одной замѣткѣ того же письма, въ которой генер. Себастіани указываетъ, «что сербскіе депутаты даютъ завѣренія въ томъ, что не будутъ вступать въ союзъ съ Россіей» [1]), видно, что П. Ичко дѣлалъ все что могъ въ дѣлѣ эксплоатаціи тогдашняго положенія и даже склонялся по вѣтру. Въ другомъ письмѣ генер. Себастіани отъ того же числа (16/28 января 1807 г.), которое онъ писалъ маршалу Мармону въ Рагузу, прибавлено, что между сербами и Блистательной Портой состоялось полное соглашеніе о

1) Выписки изъ французскихъ архивовъ д-ра М. Гавриловича.

мирѣ. «Сербы обѣщали»—сообщаетъ генер. Себастіани—«разойтись по домамъ и *сдать Бѣлградъ и пушки*. Ихъ депутаты уѣзжаютъ черезъ три дня въ Сербію съ такимъ соглашеніемъ» [1]). Намъ уже извѣстно, какое соглашеніе было достигнуто между сербами и турками, и эти французскія сообщенія для насъ интересны въ томъ отношеніи, что они указываютъ на время (16 января 1807 г.), около котораго это соглашеніе было окончательно принято, а также и на то, что сербскіе депутаты готовились къ отъѣзду въ Сербію около 19-го января 1807 г. Объ этомъ тогда знали и въ Виддинѣ, такъ какъ имѣется письмо французскаго агента Меріежа отъ 8/20 марта 1807 г., въ которомъ говорится, что Порта пришла въ соглашеніе съ сербами, въ силу котораго въ Бѣлградѣ будетъ находиться одинъ паша съ 600 человѣкъ турецкаго гарнизона, иначе туркамъ не позволяется жить нигдѣ въ Сербіи и сербы будуть платить опредѣленную дань [2]).

Къ этому миру и соглашенію нужно прибавить и слѣдующіе стихи изъ «Сербіанки» С. Милутиновича:

Мир је сков'о нам Бонапарт вјечни,
Знавши тужне тјешит' отечески
И јунаштво незазором сматрат',
Чреза свога тад Министра силна
У стамболска при колену цара.
Што л' му исту милост одбацисмо,
И не хотјев, наказа нас грдно
Навојштеньем отважньејшим свијех
На Славјана леденога света,
Принуђе их све прибрати моћи
И са Турц'ма мир напрасно кончит'
Без икаква сучастија српства [3]).

1) Mémoires du maréchal duc de Raguse. Paris, 1867, III, 94—95.

2) Выписки изъ франц. архивовъ д-ра М. Гавриловича.

3) Сербіанка, III, 144. Строки курсивомъ относятся къ генер. Себастіани, послу Наполеона въ Константинополѣ; вторая же половина стиховъ касается событій 1812 года.

Съ тѣмъ, значитъ, сербскіе депутаты и отправились изъ Константинополя въ Бѣлградъ.

Но не успѣли они достигнуть границъ Сербіи, а обстоятельства совершенно измѣнились, и измѣнились, быть можетъ, въ тѣ самые дни, когда они выѣзжали изъ Константинополя, направляясь къ Бѣлграду.

V.

Отношенія и связи сербскихъ старшинъ съ Россіей, начиная съ 1804 г. Связи съ 1806 г. съ генер. Михельсономъ, главнокомандующимъ русской арміей у Днѣстра (на турецкой границѣ). Роль Угричича-Требиньскаго (Ильи или Бея Новокрещеннаго). Требованіе генер. Михельсона отъ 11 января 1807 г. сербской кооперація со стороны Виддина. Вліяніе русско-турецкой войны на расположеніе духа въ Сербіи. Осложненія и недоразумѣнія въ Бѣлградѣ между Сулейманъ-пашой и сербскими старшинами. Ожиданіе возвращенія Ичко и приготовленія Сулейманъ-паши къ отъѣзду изъ Бѣлграда. Переломъ въ сторону русскихъ и избіеніе оставшихся въ Сербіи турокъ (около 23 февраля 1807 г.). Возвращеніе Ичко изъ Константинополя и умерщвленіе турецкихъ должностныхъ лицъ въ Парачинѣ. Послѣдніе переговоры съ мухасиломъ и разрывъ съ Турціей. Совѣщаніе и рѣшеніе старшинъ возобновить войну съ турками въ союзѣ съ русскими.

Мы уже раньше видѣли, какъ сербскія дѣла стали двигаться по двойному пути: съ одной стороны въ переговорахъ съ Портой, съ другой же — въ исканіи помощи и совѣта въ Россіи, а немножко и въ Австріи.

Намъ извѣстно, какъ еще въ 1804 г.,—въ то самое время когда велись переговоры съ Бекиръ-пашой и когда условія соглашенія съ нимъ приводились въ исполненіе, — сербскіе депутаты отправились въ С.-Петербургъ, чтобы тамъ просить помощи. А если такъ поступали въ 1804 г., когда Россія находилась въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Турціей и когда возстаніе проходило черезъ трудныя фазы, предшествующія новой русско-турецкой войнѣ 1806 г., то было вполнѣ естественно, что въ 1806 — 7 гг. сербы не хотѣли оставить безъ вниманія этой войны и ея шансовъ и что въ отношеніи своей будущности много

на нее разсчитывали. Не осталось незамѣченнымъ со стороны сербовъ и то, что турки дѣлаютъ имъ уступки только въ виду этой войны, такъ какъ знали, что ни въ 1804, ни въ 1805, ни весной 1806 г. въ Константинополѣ и слышать не хотѣли ни о какихъ уступкахъ возставшимъ. Одинъ нашъ политическій дѣятель того времени въ книжкѣ подъ заглавіемъ: «Сербіе плачевно паки порабощеніе лѣта 1813», напечатанной въ первый разъ тогда же, говоритъ слѣдующее о политическомъ положеніи 1806 — 7 гг.: «Турецкій султанъ дѣлалъ намъ предложенія о примиреніи, обѣщая дать такія права, которыя обезпечивали бы намъ въ будущемъ свободу, и что онъ будетъ защищать насъ отъ насилія его ослушниковъ, но чтобы мы уже прекратили трехлѣтнюю войну, такъ какъ достаточно наказали его ослушниковъ. Мы кое-какъ растягивали время и послали къ султану депутатовъ съ заявленіемъ, что противъ его воли не будемъ ничего дѣлать, а между тѣмъ ждали только отвѣта отъ нашихъ депутатовъ изъ Россіи. Эти депутаты принесли намъ отвѣтъ изъ Россіи, что скоро начнется война съ Турціей, и что намъ будетъ оказана всяческая помощь и чтобы, поэтому, мы не довѣрялись султану, такъ какъ Россія, при помощи своего оружія, навсегда обезпечитъ намъ отъ турокъ будущее наше счастье и нашу независимость; вдобавокъ, она пришлетъ къ намъ и своего представителя, руководству и наставленіямъ котораго можемъ довѣриться вполнѣ» [1]).

Надо отдать справедливость и заслуженное признаніе сербской политикѣ 1806 г., которая зорко смотрѣла во всѣ стороны и искала помощи вездѣ, гдѣ только можно было ожидать ее. Какъ только, съ пораженіемъ Австріи и заключеннымъ съ Наполеономъ пресбургскимъ миромъ (въ к. 1805 г.), положеніе измѣнилось, Австрія отдѣлилась отъ Россіи, французы вошли въ Далмацію, въ Константинополѣ стала брать верхъ французская политика, а Россія у Днѣстра, тогдашней турецкой границы, начала соби-

1) Лейпцигское изданіе 1846 г., стр. 13.

рать войско, главнокомандующимъ котораго былъ назначенъ генер. Михельсонъ. Ведя съ одной стороны войну съ турками, а съ другой — переговоры въ Константинополѣ, подъ защитою Россіи и Австріи, сербы тотчасъ, еще въ началѣ лѣта 1806 г., завязали сношенія съ новымъ начальникомъ Днѣстровской арміи и искали у него помощи [1]). Въ первой половинѣ лѣта 1806 г. отмѣчена миссія Угричича-Требиньскаго или Ильи Новокрещеннаго, который былъ посланъ къ Карагеоргію Михельсономъ. Встрѣтившись съ этимъ Угричичемъ въ іюнѣ 1806 г. у Бѣлграда, Карагеоргій снова отправилъ его къ генер. Михельсону. Генералъ опять послалъ Угричича къ Карагеоргію, которому съ разрѣшенія Императора Александра отвѣчалъ и старался укрѣпить сербовъ въ ихъ упованіи на Россію. Это было въ сентябрѣ 1806 г., въ то самое время, когда были присланы и деньги и когда тамъ начинали милостиво смотрѣть на всѣ сербскія нужды. Осенью 1806 г. сербы, по предложенію К. К. Родофинникина, который тогда впервые сталъ принимать участіе въ сербскихъ дѣлахъ,—посылали въ Валахію Досиѳея Обрадовича, чтобы онъ въ точности изложилъ желанія и нужды сербовъ [2]). Въ то самое время, когда мухасилъ прибылъ въ Сербію, Карагеоргій посылалъ еще Петра Новаковича Чардаклію къ русскимъ людямъ (агентамъ) въ Валахіи и Молдавіи, чтобы отъ нихъ разузнать, что̀ тамъ подготовляется и чтобы въ переговорахъ съ турками

---

1) Связь эта возникла по инициативѣ самого русскаго военнаго начальства Днѣстровской арміи. Оставаясь съ небольшимъ войскомъ, генер. Михельсонъ заручился разрѣшеніемъ Императора Александра на право пополнить составъ арміи добровольческими отрядами изъ сербовъ и болгаръ. Въ письмѣ отъ 10 апрѣля 1806 г. Михельсонъ писалъ князю А. Чарторижскому, что намѣревается послать поручика Бея Новокрещеннаго «къ сербамъ, которые теперь ведутъ войну съ турками, чтобы тамъ разузнать, каково расположеніе этого народа къ русскимъ и вообще все, что тамъ происходитъ и что намъ слѣдовало бы имѣть въ виду». Русскій Вѣстникъ, XLVI, 108—109. Такимъ образомъ Карагеоргій и генер. Михельсонъ тогда, еще вступили въ связь независимо отъ министерства.

2) Андр. Гавриловичъ, Доситиjе Обрадовиħ, 48. В. Богишичъ, Разборъ, 66 и пр. Слѣды этой миссіи—въ домашнихъ письмахъ Досиѳея, т. е. въ письмахъ къ его роднымъ.

не сдѣлалъ какой-нибудь ошибки. Въ январѣ 1807 г. генер. Михельсонъ обратился къ Карагеоргію съ письмомъ отъ 11-го января, которымъ и извѣстилъ его объ объявленіи войны. «Сербскій народъ» — говорится въ этомъ письмѣ — «для всего міра служитъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать героическій духъ, пылающій христіанскою вѣрою и любовью къ отечеству» [1]). Далѣе Михельсонъ проситъ Карагеоргія извѣстить его обо всемъ, что происходитъ въ Сербіи, объ арміи, ея числѣ и расположеніи, а также и о самомъ удобномъ способѣ сношенія между сербами и русскими, для того чтобы и онъ могъ сдѣлать необходимые шаги.

На это письмо Карагеоргій отвѣтилъ немедленно, уже 13-го января. Изъ этого видно, съ какою быстротою велась эта переписка, а это показываетъ, какъ много на нее возлагалось. Карагеоргій отвѣчаетъ, что все, что имѣлъ сообщить, передалъ устно Манолачу. Бросается въ глаза уже то обстоятельство, что при первомъ же обмѣнѣ мнѣній между русскимъ и сербскимъ высшимъ военнымъ начальствомъ стремленія ихъ сильно расходятся. Въ то время, какъ Карагеоргій ожидаетъ прибытія въ Сербіи русской военной помощи, чтобы легче очистить, расширить и обезпечить страну, — русское военное начальство, въ свою очередь, не обращая никакого вниманія на собственныя нужды сербовъ, старается утилизировать сербскія силы въ задачахъ простой кооперацій въ опредѣленныхъ русскихъ операціяхъ и буквально требуетъ, чтобы четыре или пять тысячъ сербовъ было прислано въ Краёву въ Валахіи, для подкрѣпленія русскаго праваго фланга! Съ того на практикѣ началось, а отъ того и послѣ почти никогда не отступали.

Вотъ въ какихъ условіяхъ находилась Россія и сербскіе повстанцы въ январѣ 1807 г., т. е. именно въ то время, когда сербскіе депутаты въ Константинополѣ заканчивали мирные переговоры и когда Порта дала свое окончательное одобреніе со-

1) Русскій Вѣстникъ, XLVI, 114—115.; А. Петровъ. Война Россіи съ Турціей, I, 223.

глашенію съ сербскими повстанцами объ автономіи Сербіи (какъ думали сербскіе старшины) или Бѣлградскаго пашалыка (какъ, очевидно, думала Порта).

Между тѣмъ объявленіе войны и тѣ болѣе дѣятельныя связи, какія открылъ генералъ Михельсонъ, произвели сильное вліяніе на настроеніе духа въ Сербіи. Къ концу января 1807 г. турецкихъ гарнизоновъ не было больше ни въ Бѣлградѣ, ни въ Шабцѣ, а оставались еще только въ Соколѣ и въ Ужицѣ. Въ отношеніи новой русско-турецкой войны, въ которую нынѣ русскіе открыто приглашали Сербію, гордость сербовъ все больше и больше разгоралась, занося ихъ мечты и надежды въ безконечность. Въ городахъ, между тѣмъ, какъ въ Бѣлградѣ, такъ и въ Шабцѣ, — управленіе не было сосредоточено въ сербскихъ рукахъ, а было смѣшанное, такъ какъ и населеніе ихъ, въ особенности Бѣлграда, — было такимъ же, да и согласно условіямъ новаго мира въ городахъ и впередъ должна была формально удержаться турецкая власть, какъ признакъ верховенства султана въ странѣ. При упомянутомъ общемъ состояніи и при указанномъ расположеніи, изъ этой двойственности въ управленіи городами въ ту смутную пору не могло выйти ничего хорошаго.

Бѣлградскій Сулейманъ-паша старался изъ этой двойственности въ Бѣлградѣ и прочихъ городахъ удержать за собою и за своими турками какъ можно больше власти, чтобы, такимъ образомъ, вышеупомянутый принципъ турецкаго верховенства оставался въ силѣ не только формально, но и въ дѣйствительности. Вооруженной же силы у Сулейманъ-паши не имѣлось никакой. Его упованіе на старые обычаи и прежній страхъ турецкой власти нисколько не отвѣчало расположеніямъ даннаго момента, а онъ не замѣчалъ, что все вокругъ его уже горитъ.

И среди самихъ сербовъ расположенія обострялись и расходились. Пока болѣе умѣренные и разумные люди думали, что полнаго освобожденія тогда же еще нельзя ожидать и что слѣдовало бы удовлетвориться умѣренными турецкими уступками, огромное большинство полагало, что съ русской войной все бу-

детъ закончено и что малодушничаютъ всѣ тѣ люди, которые не предаются самымъ розовымъ надеждамъ. Многимъ казалось, что старшины, охраняя порядокъ и думая о послѣдствіяхъ, только напрасно откладываютъ и не хотятъ протянуть руку, чтобы взять готовую добычу. Такъ какъ на очереди и въ курсѣ было исполненіе достигнутаго переговорами Ичко соглашенія и мира съ Турціей, многіе думали, что союзъ съ Россіей обезпечитъ Сербіи полную независимость и что о будущности всего сербскаго племени нечего больше безпокоиться, если рискнуть и пойти на войну вмѣстѣ съ русскими. Въ счастливомъ окончаніи этой войны никто не сомнѣвался, такъ какъ всѣ разсчитывали, что сильная Россійская Имперія окончательно разгромитъ непріятеля, которому много хлопотъ надѣлали и неподготовленные и неустроенные сербскіе повстанцы. Къ такимъ взглядамъ склонялись и многіе старшины, и не было почти никого, кто бы не думалъ, что положительные результаты будутъ на этой сторонѣ.

Двойное турецко-сербское управленіе въ Бѣлградѣ шло, между тѣмъ, все хуже и хуже еще и потому, что съ сербской стороны въ немъ принимали участіе два большіе грабителя и обирателя, Младенъ Миловановичъ и его приверженецъ Милой Петровичъ Тернавацъ, командиръ «бекьяровъ» (босяковъ). Первоначально, сейчасъ послѣ сдачи Бѣлграда, Карагеоргій назначилъ было старшиною въ Бѣлградѣ смедеревскаго воеводу Вула Ильича (Коларца), но старый товарищъ и другъ Карагеоргія, Младенъ Миловановичъ былъ этимъ недоволенъ и сталъ настаивать, чтобы Карагеоргій уступилъ это мѣсто ему, а начальникомъ войска въ Бѣлградѣ назначилъ бы Милоя. Эти люди должны были дѣйствовать совмѣстно съ Сулейманъ-пашой. Неизвѣстно теперь, изъ-за чего собственно это дѣло не клеилось, и почему, наконецъ, Сулейманъ-паша рѣшился уѣхать изъ Бѣлграда. Отмѣчено, все-таки, что представители смѣшаннаго сербско-турецкаго управленія въ Бѣлградѣ никакъ не могли ладить между собою. А такъ какъ въ скоромъ времени ожидался пріѣздъ изъ Константинополя П. Ичко вмѣстѣ съ вновь назначенными ту-

рецкими чиновниками, Сулейманъ-паша задумалъ поскорѣе отправиться въ Константинополь, оставляя Бѣлградъ всецѣло въ рукахъ сербовъ. Можетъ быть въ этомъ было и исполненіе Константинопольскаго соглашенія, о которомъ мы не знаемъ, какъ въ немъ объ этомъ говорилось въ послѣдней редакціи. Можетъ быть Сулейманъ-паша торопился уѣхать и потому, чтобы въ Бѣлградѣ его не застали П. Ичко и новые турецкіе чиновники, относительно которыхъ онъ могъ знать, что они подъѣзжаютъ къ границамъ Сербіи. Какъ бы тамъ ни было, но 22 февраля 1807 г. утверждены были условія о выѣздѣ изъ Бѣлграда Сулейманъ-паши и всѣхъ турокъ, находящихся тамъ на службѣ гражданской или военной. 23-го февраля они должны были тронуться къ Нишу. Но сейчасъ за Бѣлградомъ (у Пашиной Чесмы или Екмеклука) ихъ встрѣтили назначенные для того люди и всѣхъ ихъ перебили. Ихъ было, какъ кажется, до 270 человѣкъ. Вооруженными были только Сулейманъ-паша и нѣсколько его чиновниковъ; у всѣхъ же остальныхъ оружіе было отобрано еще при занятіи Бѣлграда 27 декабря 1806 г. Всѣ они погибли, но эта буря разнузданности не остановилась на этомъ. Въ самомъ Бѣлградѣ вспыхнуло возмущеніе съ нападеніемъ со всѣхъ сторонъ на оставшихся тамъ турокъ и ихъ семьи. Отмѣчено, что и эти злосчастные защищались, насколько могли, и наконецъ заперлись въ какомъ то домѣ, изъ котораго никто не вышелъ живымъ [1]). Такъ какъ тотчасъ почувствовали, что въ данномъ случаѣ поступлено нехорошо, то стали распускать слухи, будто бѣлградскіе турки взбунтовались и хотѣли перебить проживающихъ въ Бѣлградѣ сербовъ. Одновременно и главнымъ образомъ изъ корыст-

1) День этой страшной расправы указанъ въ Срб. Летописи 1827, I, 17. Въ запискахъ Каменскаго («Звезда», февраль 1901, стр. 169) отъ 1808 г. отмѣчено подъ 7 марта 1807 г., но это по новому стилю, согласно сообщеніямъ нѣкоторыхъ французскихъ газетъ. Iокичъ, думая объ этомъ, говорилъ Миличевичу въ 1852 г., что *ю, од* (*крѣпость*) былъ сданъ сербамъ *на сырной недѣлѣ*. Споменик, XIV, 45. Сырная недѣля въ 1807 г. была съ 17 по 24 февраля. Такимъ образомъ, съ нѣсколькихъ сторонъ подтверждается, что выходъ турокъ изъ Бѣлграда состоялся 23 февраля (7 марта нов. ст.) 1807 года.

ныхъ видовъ, чтобы завладѣть ихъ деньгами и имуществомъ, — возникло нѣкоторое броженіе и противъ бѣлградскихъ евреевъ, въ виду чего они жаловались русскому послу въ Вѣнѣ, который по этому поводу писалъ генералу Михельсону въ Валахію, а послѣдвій, въ свою очередь, обращался къ Карагеоргію и просилъ его не трогать евреевъ[1]). В. С. Караджичъ прямо говоритъ, что сербская стража все время охраняла мухасила, чтобы кто-нибудь и его не убилъ въ то время, когда сербы въ Бѣлградѣ убивали и грабили остальныхъ турокъ[2]). Тотъ же В. С. Караджичъ отмѣчаетъ и то, что тогда же были даны соотвѣтственныя инструкціи Якову Ненадовичу и Лукѣ Лазаревичу, согласно которымъ и они въ Шабцѣ убили диздара и Алайбеговича, а ихъ женъ и дѣтей обратили въ христіанство[3]). Точно такъ же поступали и въ Бѣлградѣ съ женами и дѣтьми убитыхъ турокъ. С. Милутиновичъ съ осужденіемъ отзывается объ этомъ:

На страшноме л' одговар'о суду,
Тко је Вожда криво упутио,
И чрез хотнью покрштати Турке
По узетю одмах Београда[4]).

Можно было бы думать, что эта дикая выходка была вызвана грабительскими инстинктами Младена Миловановича и его друга Милоя, на отвѣтственности которыхъ, уже по самому ихъ положенію, безъ всякаго сомнѣнія, лежитъ самая отвратительная часть этого непростительнаго поступка. Но распространеніе такой же выходки и на Шабацъ, т. е. на оба города съ мусульманскимъ населеніемъ, и упоминанія о томъ, что она состоялась съ одобренія Карагеоргія, заставляютъ думать, что въ данномъ случаѣ этимъ послужились и какъ политическимъ средствомъ[5]).

1) Л. А. Баталака, Истор. српск. устанка, 251 и д.
2) Грађа, стр. 207.
3) Грађа, стр. 206.
4) Сербіанка, II, 127.
5) Кромѣ Л. А. Баталаки, который прямо говоритъ, что Карагеоргій одобрилъ это избіеніе, то же самое утверждаетъ и С. Милутиновичъ въ стихотвореніи: «Спасеније Ичка», Сербіанка, II, 133.

Въ концѣ февраля 1807 г. положеніе сдѣлалось критическимъ. Приближалась весна, а съ нею и время боевой страды. Война между Россіей и Турціей была объявлена. Мы только что говорили о томъ, какое расположеніе она вызвала у сербовъ. Турки, между тѣмъ, именно тогда торопились провести на практикѣ примиреніе съ сербскими повстанцами, хотя фирманъ о сербскихъ правахъ и привиллегіяхъ еще не былъ изданъ. Въ Сербіи вели двойную игру, — на одной сторонѣ, но безъ настоящей искренности, — съ турками, на другой — съ русскими. Въ февралѣ 1807 г. и тамъ и тутъ назрѣвали событія. Отъ турокъ надо было принять миръ, окончательно утвержденный П. Ичко около половины января 1807 г. въ Константинополѣ; отъ русскихъ же надо было принять войну и двинуть войско. Согласовать эти два противоположныя дѣйствія — было невозможно, и поэтому приходилось избирать то или другое изъ нихъ. Распоряженіе о нападеніи на бѣлградскихъ и шабацкихъ турокъ имѣло цѣлью привести къ новому разрыву съ Турціей и снова, такъ сказать, во время исполненія условій примиренія, — поссорить съ нею сербскихъ повстанцевъ. Л. А. Баталака, который, очевидно, былъ невысокаго мнѣнія о соглашеніи П. Ичко, такъ какъ упоминаетъ о немъ только вскользь и всего въ двухъ-трехъ мѣстахъ, — тѣмъ не менѣе возстаетъ противъ нападенія на людей, которые остались жить между сербами, довѣряя ихъ честному слову («вѣрѣ»), и осуждаетъ какъ первое нападеніе на турокъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ Гушанацомъ въ декабрѣ 1806 г., такъ и второе—на тѣхъ, которые въ февралѣ 1807 г. отправлялись изъ Бѣлграда въ Константинополь. Онъ говоритъ, что Карагеоргій «не поступилъ бы такъ ни съ Гушанацомъ, ѣхавшимъ въ сопровожденіи заложниковъ, ни съ пашой, если бы не совѣты и знакъ со стороны Новокрещеннаго. Но почему онъ это посовѣтовалъ? Тутъ нельзя дать иного отвѣта, кромѣ того, что у него были такія инструкціи и что, согласно имъ, подобными свирѣпыми и жестокими поступками онъ желалъ поссорить сербовъ и турокъ и довести до разрыва между ними; впрочемъ, онъ могъ

такъ поступить, еще побуждаемый личною ненавистью къ туркамъ. Но какъ бы тамъ ни было, а и этотъ совѣтъ Новокрещеннаго и поступокъ Карагеоргія — безчеловѣчны; и гдѣ же тѣ выгоды, которыя могли быть получены для его великой идеи (намѣренія) при священномъ исполненіи такихъ договоровъ?» [1]).

Когда это происходило, П. Ичко могъ быть уже въ Нишѣ. С. Милутиновичъ говоритъ, что Карагеоргій поручалъ Жикичу, стоявшему у Алексинца, никого не пропускать въ Нишъ и изъ него, пока оттуда не выѣдетъ П. Ичко, которому онъ, еще до выхода турокъ изъ Бѣлграда, т. е. раньше 23 февраля,—*во второй разъ писалъ*, чтобы какъ можно скорѣе выбирался изъ Ниша, пока носитъ названіе сербскаго депутата. Вслѣдствіе этого и готовясь къ разрыву, а въ виду этого ожидая и нападенія со стороны турокъ, онъ послалъ въ подкрѣпленіе пограничному коменданту Жикичу еще войска [2]). Изъ этого видно, что убійство Сулейманъ-паши и его провожатыхъ было задумано раньше. И изъ порученій Карагеоргія явствуетъ, что П. Ичко, согласно сдѣланнымъ впереди указаніямъ, — въ третьемъ десяткѣ января 1807 г. могъ уже тронуться изъ Константинополя, направляясь въ Сербію вмѣстѣ съ новыми турецкими чиновниками и слугами. Имѣющіяся объ этомъ свѣдѣнія весьма неполны. Вотъ что разсказываетъ В. С. Караджичъ: «Ичко и кнезъ Миличъ и Живко Парачинацъ и Степанъ (Іевтичъ) выѣхали изъ Константинополя въ Бѣлградъ съ двѣнадцатью турками, взявъ съ собою и сумки для дани; одинъ же изъ турокъ оставался въ Софіи, приготовляясь къ поѣздкѣ въ Бѣлградъ съ назначенными для тамошняго гарнизона 150 человѣкъ солдатъ,—послѣ чего миръ былъ бы окончательно установленъ и утвержденъ фирманомъ. Пріѣхавъ въ Делиградъ, они тутъ только узнали о томъ, что сербы умертвили пашу и всѣхъ бѣлградскихъ турокъ. Тогда Петръ Добрьяцъ сказалъ, чтобы Ичко и тѣ двѣнадцать турокъ (чиновниковъ и слугъ) оставались у него, а Степана отправилъ въ Бѣлградъ

1) Историја срп. устанка, 224.
2) Сербіанка, II, 134.

спросить у Карагеоргія: препроводить турокъ въ Бѣлградъ или отправить ихъ обратно? Карагеоргій и прочіе старшины рѣшили привезти турокъ въ Бѣлградъ и сказать имъ, что паша и бѣлградчане не хотѣли сидѣть спокойно, а подняли оружіе противъ сербовъ, вслѣдствіе чего всѣ турки были убиты; затѣмъ дать имъ нѣсколько тысячъ грошъ на дорогу и препроводить ихъ назадъ. Но Петръ Добрньяцъ, не дождавшись отвѣта Карагеоргія, гдѣ-то около Парачина перебилъ всѣхъ этихъ турокъ и на порученіе Карагеоргія объ отправленіи ихъ въ Бѣлградъ—отвѣтилъ, что онъ всѣхъ ихъ послалъ по рыбамъ въ Виддинъ, а потомъ оправдывался тѣмъ, что и въ Бѣлградѣ безъ него сербы (т. е. Карагеоргій и Младенъ съ другими старшинами изъ Шумадіи) перебили и ограбили турокъ» [1]).

Стихи С. Милутиновича подтверждаютъ это событіе и указываютъ причины, его вызвавшія. С. Милутиновичъ восклицаетъ:

Дар одбачен Народнијем Вождем
И наглецом [2]).... исјечени посли
Сјајне Порте и премногомоћне
Преко сваког народнога права
А с вольенья давно жельне дружбе
Против Турак с Рус'ма дјејствовати,
Ласкајућим помоћ' избавит' нас
И уздићи рог имена српска
А за вјеру и узајмну ползу
Што немалост ал' прозирца оку [3]).

Согласно замѣткѣ В. С. Караджича, «послѣ прибытія П. Ичко и Степана изъ Константинополя», сербы и мухасила,

1) Грађа, 207 и 71. Л. А. Баталака, Ист. срп. устанка, 445—446, хотѣлъ бы отнести это событіе къ 1808 г. Но разсказъ В. С. Караджича подтверждаетъ и С. Милутиновичъ, какъ это видно изъ приводимыхъ нами въ текстѣ его стиховъ.

2) Подъ этимъ названіемъ надо понимать Петра Добрньца.

3) Сербіанка, II, 144.

котораго до тѣхъ поръ охраняли, — «перевезли въ Нѣмецкую землю (Австрію), откуда онъ уѣхалъ въ Турцію»[1]).

Имѣются и съ другой стороны указанія, что въ концѣ февраля 1807 г. и турецкіе пограничные начальники смотрѣли уже на Сербію, какъ на непріятельскую страну. Передъ нами письмо французскаго агента Меріажа изъ Виддина отъ 25 февраля (9 марта нов. ст.), въ которомъ онъ сообщаетъ министерству въ Парижѣ, что виддинскій комендантъ Мола-ага былъ склоненъ издать строжайшій приказъ, чтобы на Дунаѣ были прекращены всякія связи между Сербіей и Валахіей. А въ Кладово съ этою цѣлью былъ уже посланъ заклятый врагъ сербовъ извѣстный намъ Гушанацъ-Али. Онъ еще до того (т. е. раньше 25 февраля) схватилъ двухъ сербовъ, о которыхъ думали, что служатъ лазутчиками, — и казнилъ ихъ[2]). У турокъ, значитъ, уже не было сомнѣнія относительно сербовъ, и поэтому съ конца февраля 1807 г. больше всего стали обращать вниманіе на Неготинскую Краину, гдѣ во что бы то ни стало нужно было воспрепятствовать связи и соприкосновенію русскихъ съ сербскими повстанцами.

Погромами въ Бѣлградѣ и Шабцѣ въ концѣ февраля 1807 г. и умерщвленіемъ въ Парачинѣ немного позднѣе, (вѣроятно въ первыхъ числахъ марта) назначенныхъ для Сербіи, согласно мирному договору, турецкихъ чиновниковъ былъ произведенъ полный разрывъ между сербскими повстанцами и Портою. Вслѣдствіе нерѣшительности и оттягиванія со стороны турокъ, исполненіе условій мира началось какъ разъ въ то время, когда было почти невозможно достигнуть положительныхъ результатовъ.

Австрійскія донесенія упоминаютъ о послѣднихъ происходившихъ тогда переговорахъ съ мухасиломъ. По этимъ источникамъ, Порта и ея ближайшій совѣтникъ въ то время, французскій посолъ генералъ Себастіани потребовали отъ сербовъ черезъ мухасила, чтобы они прямо высказались противъ русскихъ и отрек-

1) Грађа, 207. С. Милутиновичъ замѣчаетъ, что мухасилъ переѣхалъ уже въ Австрію въ то время, когда П. Ичко выѣзжалъ изъ Ниша.

2) A. J. Odobescu, Docum. Suppl. Bucareste, 1885, I, vol. II, стр. 398.

лись отъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по австрійскимъ замѣткамъ, тогда было возобновлено и старое, отъ 1805 г., предложеніе о сербскомъ вспомогательномъ отрядѣ, который предоставлялся бы въ распоряженіе Турціи. Изъ тѣхъ же замѣтокъ видно, что предложеніе о вспомогательномъ отрядѣ сербы тотчасъ и рѣшительно отклонили, заявивъ, что они не могутъ сражаться противъ своихъ единовѣрныхъ братьевъ, но соглашались оставаться нейтральными, если Порта приметъ и утвердитъ формулированныя уже условія примиренія. Оттуда узнаемъ и то, что въ то же самое время въ Совѣтѣ усилилась партія, поддерживаемая преимущественно людьми изъ восточныхъ округовъ Сербіи[1]), которая успѣла большинствомъ голосовъ провести рѣшеніе объ открытомъ присоединеніи къ русскимъ и продолженіи военныхъ дѣйствій. Карагеоргій будто бы былъ противъ этого, но — говорятъ упомянутыя замѣтки—подчинился рѣшенію большинства.

Французскому начальству въ Далмаціи было сообщено, что въ Сербіи многіе были противъ этой новой войны, что тутъ стояли другъ противъ друга двѣ страстныя партіи и что, изъ-за этой кажущейся оппозиціи войнѣ, многіе сербы были казнены[2]). Въ австрійскихъ замѣткахъ тамъ, гдѣ говорится о вышеприведенныхъ послѣднихъ вопросахъ — упомянуто, что мухасилу въ Смедеревѣ они были привезены татариномъ (курьеромъ) 17/29 марта 1807 г. Совѣщаніе Совѣта по этому предмету, согласно тому же источнику, — происходило 19/31 марта. Карагеоргій въ этомъ засѣданіи не присутствовалъ. Замѣнялъ его въ предсѣдательствованіи кнезъ Сима Марковичъ. Мухасилъ сообщилъ членамъ Совѣта, какія приказанія получены имъ отъ Порты изъ Константинополя. Онъ всячески и изо всѣхъ силъ трудился убѣдить сербовъ отказаться отъ своего намѣренія возобновить войну въ союзѣ съ русскими; указывалъ имъ на данную Портой амнистію за все, что было ими сдѣлано до тѣхъ поръ,

1) Тутъ слѣдуетъ понимать Миленко Стойковича и Петра Добрньца.

2) Письмо генер. Виньоля военному министру отъ 1/13 апрѣля 1807. Ив. Павловича — выписки, Споменик, II, 17.

указывалъ и на собственное ихъ обѣщаніе, что будутъ покоряться Портѣ и платить ей ежегодно по 2500 кошельковъ въ признаніе ея верховенства. Кнезъ Сима Марковичъ отвѣчалъ, что Сербія считаетъ себя вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ, что она не желаетъ платить никакой дани и что никогда не подниметъ оружія противъ своего союзника. Мухасилъ указалъ на значеніе и важность такого отвѣта и подчеркнулъ, что послѣ этого онъ долженъ немедленно выѣхать. Онъ дѣйствительно сейчасъ же и уѣхалъ изъ Смедерева [1]).

Сохранилось письмо митрополита Леонтія, въ которомъ говорится о случаѣ, похожемъ на это совѣщаніе. Въ этомъ письмѣ митрополитъ сообщаетъ князю Ипсиланти въ Букарештѣ, какъ послѣ окончательнаго занятія Бѣлграда и истребленія невѣрныхъ собралась Народная Скупщина, чтобы рѣшить, въ какую сторону двинуться съ войскомъ. «Зная приказаніе и желаніе Его Императорскаго Величества», — писалъ въ этомъ письмѣ митрополитъ — «о томъ, что прежде всего нужно спуститься въ Краину, въ видахъ вступленія въ соприкосновеніе и установленія связи (съ русскими), — чего требуютъ и наши интересы, — мы позаботились о снабженіи войска припасами. Какъ только это было рѣшено, избранъ былъ господинъ Миленко для отъѣзда въ Порѣчъ и приготовленія тамъ всего, что нужно для войска, пока оно будетъ собираться. Вождь Карагеоргій рѣшилъ было тогда въ Скупщинѣ и самъ ѣхать въ Порѣчъ съ Миленкомъ. Но этого нельзя было сдѣлать по той причинѣ, что мы получили извѣстіе о нападеніи турецкаго войска изъ Босніи на Дрину и что часть этого войска достигла Ужицы, а остальное задержалось у Дрины. Въ это время прибылъ и ключарь господинъ Маколаки, передалъ намъ офиціальныя письма и устно сообщилъ желаніе Россіи, равно какъ и приказаніе спуститься къ Неготину и Фетисламу (Кладову) и съ Божіею помощью занять Краину. Господинъ Младенъ, управитель Бѣлграда, по полномочію Вождя, писалъ

1) Срб. Летопис, 1827, I, 18—19.

Миленку, чтобы тотъ исполнилъ полученное приказаніе; а затѣмъ и самъ Вождь приказалъ нѣкоторымъ частямъ отправиться туда же и присоединиться къ войску Миленка. Эта соединенная армія была довольно многочисленна»[1]).

Можно было бы думать, что въ этомъ же самомъ собраніи старшинъ (по тогдашнему обычаю сзываемое при каждомъ болѣе серьезномъ поворотѣ дѣлъ) происходило и то, о чемъ упоминается въ австрійскихъ донесеніяхъ съ отнесеніемъ къ Совѣту, хотя въ письмѣ Леонтія объ этомъ ничего не говорится. Ясно, что послѣ 23 февраля Сербія начала разрывать отношенія съ Турціей и что тогда, съ общаго согласія всѣхъ старшинъ, она рѣшительно присоединилась къ Россіи.

Тѣмъ и закончилась миссія Петра Ичко. Самъ онъ послѣ того и до своей смерти мирно проживалъ въ Бѣлградѣ, а судьба Сербіи повернулась и пошла другими путями.

VI.

Какъ обстоитъ съ документомъ Мира Ичко. Общественное мнѣніе того времени и слабая оцѣнка этого дѣла. Неожиданный Тильзитскій оборотъ и непріятности съ русскими чиновниками вызываютъ сожалѣніе о Мирѣ Ичко. Оцѣнка этого Мира со стороны сербскаго Совѣта. Позднѣйшее мнѣніе Карагеоргія объ этомъ дѣлѣ. Первоначальное мнѣніе князя Милоша о Мирѣ Ичко. Настоящія турецкія намѣренія съ этими кажущимися уступками. Правильность и неправильность политическаго расчета сербовъ въ отношеніи даннаго соглашенія. Разочарованіе князя Милоша въ первоначальной оптимистической оцѣнкѣ этого Мира.

Если разобрать и соединить вмѣстѣ все извѣстное по данному вопросу, то выходитъ, что Миръ Ичко дѣйствительно былъ окончательно принятъ и утвержденъ Портой около половины января 1807 г., приблизительно въ то самое время, когда и русскіе готовились на дѣлѣ открыть военныя дѣйствія противъ Турціи и когда изъ Русской Главной Квартиры сербамъ уже дава-

1) Споменик, XXXVII, 136, переводъ съ греческаго изъ книги Филимона.

лись порученія относительно кооперацій на русскомъ правомъ флангѣ въ сторону Виддина. Фирманъ же о турецко-сербскомъ соглашеніи и сербскихъ привиллегіяхъ все-таки не былъ опубликованъ.

При серьезномъ разсмотрѣніи современныхъ этимъ событіямъ записей и впечатлѣній современниковъ, во сколько они имѣются,—видно, что большинство сербскихъ дѣятелей считало, что этимъ миромъ турки желаютъ просто провести сербовъ и этими привиллегіями воспрепятствовать вступленію Сербія въ союзъ съ Россіей, — а тѣмъ лишить ее вѣрныхъ и значительно большихъ выгодъ, какія ожидали ее послѣ войны. Таково было общее мнѣніе объ этихъ привиллегіяхъ, особенно въ началѣ 1807 г. Наши источники говорятъ о нихъ вообще очень мало и притомъ съ недовѣріемъ и пренебреженіемъ,—въ такомъ смыслѣ какъ о предметѣ, который не стоитъ многаго. Только позднѣе и во многихъ случаяхъ, — когда, вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній, надежды на русскихъ начали охлаждаться и когда неудачи открыли доступъ и противоположной оцѣнкѣ, — сербы съ нѣкоторымъ раскаяніемъ стали вспоминать безразсудное увлеченіе 1807 г., которымъ былъ вызванъ разрывъ съ Турціей и отклоненіе мира Ичко. Сербскіе старшины и въ то и въ послѣдующее время различно относились къ этому поступку, и во сколько больше пробивалось наружу недовольство русскими, во столько больше сожалѣли объ этомъ поступкѣ и отклоненіи мира Ичко.

Начало проявляться это въ томъ же самомъ году, когда, въ іюнѣ мѣсяцѣ, положеніе совершенно измѣнилось — свиданіемъ въ Тильзитѣ и примиреніемъ Императора Александра съ Наполеономъ, при чемъ русскими не было даже оговорено, чтобы и сербы были участниками русско-турецкаго примиренія. Турки считали ихъ бунтовщиками, а русскіе покорились этой формальности международнаго права. Этотъ неожиданный поворотъ въ самомъ началѣ войны и въ самомъ началѣ серьезныхъ русско-сербскихъ связей, подѣйствовалъ на сербовъ какъ холод-

ный душъ. Вслѣдствіе этого сербскій Совѣтъ 27 августа 1807 г. писалъ главнокомандующему русской арміей на Дунаѣ, генералу Михельсону, что сербскій народъ могъ жить въ покоѣ, *«если бы мы приняли тѣ довольно сносныя условія, которыя предлагалъ намъ въ прошломъ* (т. е. 1806) *году султанъ.* Но мы» — продолжаетъ Совѣтъ — «изъ любви къ отечеству и народу отвергли ихъ тотчасъ, какъ только изъ писемъ Его Превосходительства господина Родофиникина и отъ нарочныхъ посланцевъ узнали, что русская армія вступила въ Молдавію. Всѣ присылаемые къ намъ люди возбуждали въ насъ надежду на скорую помощь. Наконецъ, мы удостоились получить и манифестъ Вашего Превосходительства, въ которомъ вы насъ приглашаете рѣшиться и смѣло возстать противъ враговъ вѣры, и обѣщаете намъ всякую помощь, покровительство и утвержденіе нашей свободы. До тѣхъ поръ мы боролись только противъ турецкихъ бунтовщиковъ, а когда получили манифестъ, выступили и противъ самого султана»[1]).

Немного позже, въ ноябрѣ того же года, Карагеоргій однажды, сердясь, крикнулъ русскому агенту К. К. Родофиникину (который объ этомъ сообщилъ своему правительству), «что ему (Карагеоргію) султанъ обѣщавалъ прощеніе и свободу всѣмъ сербамъ, только бы остались подъ его верховною властью, а сами бы правили собою... Но вы приказали», — закончилъ онъ сердито, — «чтобы мы на это не соглашались, и мы исполнили ваше приказаніе». Тутъ онъ прибавилъ, что отрубитъ голову каждому совѣтнику, который не сталъ бы слушаться К. К. Родофиникина, и уѣхалъ въ Тополу[2]). Имѣются и другія указанія, свидѣтельствующія о такомъ мнѣніи Карагеоргія. Во время пребыванія Карагеоргія въ дринской арміи уже въ послѣднемъ 1813 году, онъ говорилъ своему родственнику Гаѣ Пантельичу слѣдующее: «Мнѣ султанъ давалъ власть, съ тѣмъ чтобы я принялъ 200 турокъ въ четырехъ городахъ, по 50 въ каждомъ, —

1) Збирка Богишича. Отаџбина XXXII, стр. 12.
2) Н. Дубровинъ. Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 136—137.

и чтобы муезинъ кричалъ съ минарета,—пусть только, говоритъ, земля называется моей, — и чтобы мы ему давали по 102 пары дани съ каждой души населенія, — изъ нихъ — 100 царю, а по 2 пары сборщикамъ; затѣмъ мы, четыре кнеза, собирали бы еще въ видѣ подати по 1 грошу съ души, и такимъ образомъ наша бы страна славилась»[1]).

И позднѣе, всѣ сербскіе политическіе дѣятели того времени считали, что этотъ миръ былъ у нихъ въ рукахъ и что они его упустили, какъ готовое уже дѣло. Такъ, послѣ пропасти 1813 г. Младенъ Миловановичъ въ Бессарабіи жаловался Л. А. Баталакѣ, что недовольные Букарештскимъ миромъ, сербскіе старшины въ 1812 году были въ страшномъ недоумѣніи насчетъ того, въ какую сторону обратиться за помощью и найти ее тогда, «когда изъ-за вѣры и надежды на Россію и по ея совѣтамъ они всѣмъ пренебрегли и все упустили»[2]).

Въ виду того, что Букарештскій договоръ 1812 г. ставилъ Сербію въ болѣе неудовлетворительныя условія существованія, чѣмъ какія представлялись миромъ Ичко, послѣ 1812 г. всѣ вообще сербскіе старшины думали, что сдѣлали непростительную ошибку, когда въ 1807, 1809 и 1811 гг. отказались отъ самостоятельнаго — безъ участія русскихъ — соглашенія съ турками, которымъ имъ предоставлялись болѣе значительныя уступки.

Когда въ 1815 г. князь Милошъ снова поднялъ возстаніе противъ турокъ и когда начались переговоры о примиреніи, съ сербской стороны избѣгалось всякое упоминаніе Букарештскаго договора, во первыхъ, чтобъ оно не вызвало неудовольствія турокъ, во вторыхъ, потому, что всѣ сербы тогда думали, что этотъ договоръ и не стоитъ ничего, разъ въ 1813 г. могъ быть такъ нарушенъ, вслѣдствіе чего и были имъ недовольны. В. С. Караджичъ говоритъ, что въ 1816 г. отправляемой въ Константинополь сербской депутаціи даны были инструкціи — «добиться отъ Турецкаго Двора тѣхъ же условій мира, какія въ 1806 г.

1) Гласник Друштва Срп. Слов. II, 234—235.
2) Историја срп. устанка, 932—933.

выговорилъ было Петръ Ичко»[1]). А когда осенью 1815 г. въ Константинополь поѣхалъ архимандритъ Мелентій для веденія переговоровъ и усмиренія, ему даны были письменныя наставленія, въ которыхъ говорится: «Если бы васъ кто-нибудь упрекнулъ: *Вы царскій фирманъ разорвали и царскую милость отрынули*, — отвѣтьте, что все вышло изъ-за русскихъ, которые надули нашихъ старшинъ обѣщаніями и подарками, а старшины, въ свою очередь, надули народъ и заставили его поступать такъ, какъ они хотѣли и приказывали»[2]). Въ письмѣ же отправленномъ султану 27 сентября 1815 г., т. е. сейчасъ послѣ перемирія съ Марашли-Али-пашой, и въ подписи подъ которымъ значится: «Рая санджака Семендріи», можно читать и слѣдующее: «Мы передъ тобою провинились въ томъ, что данный намъ девять лѣтъ тому назадъ милостивый фирманъ отвергли. Но не мы это сдѣлали, а тѣ четверо, которые нами управляли и сами были обмануты русскими, — ихъ же теперь нѣтъ среди насъ, а уѣхали они къ тому, кто ихъ обманулъ»[3]).

Однако, какъ бы ни были основательны причины такого расположенія сербскихъ старшинъ, — ихъ оцѣнка была неточна и разсчеты, на которые они надѣялись говоря такъ, — вовсе не оправдались и не осуществились.

Ни осенью 1806 г., ни въ январѣ 1807 г. Порта не была расположена дѣлать сербамъ уступки и удовлетворить ихъ, — какъ не была никогда ни до, ни послѣ того. Ея разсчеты преслѣдовали совершенно иныя цѣли. Сербскія завѣренія въ томъ, что они борются не противъ Имперіи или султана, а противъ дахіевъ или кирджаліевъ, ослушниковъ султана, — встрѣчали у турокъ такое же довѣріе, съ какою искренностью выражались со стороны сербовъ. Ни въ 1804, ни въ 1805, ни въ 1806 гг.

---

1) Граħа, 171.

2) Петровичи В. и Н., Граħа, II, 124—125.

3) Петровичи В. и Н., Граħа, II, 126. Упоминаемыхъ четверо суть: Карагеоргій, Младенъ Миловановичъ, Миленко Стойковичъ и Яковъ Ненадовичъ; всѣ четверо находились тогда въ Бессарабіи.

Порта не желала ничего другого какъ только провести сербовъ, и ни на одну минуту не разставалась съ мыслью покорить ихъ снова и получить удовлетвореніе за возстаніе. Съ того самаго момента какъ стало замѣтно, куда клонится сербское возстаніе, Порта постоянно и неизмѣнно стремилась подавить его тѣмъ способомъ, который оказался бы самымъ подходящимъ и дѣйствительнымъ. Не имѣя возможности потушить возстаніе силою и дѣлая попытки усмирить его уступчивостью, турки при этомъ каждый разъ строго слѣдили и заботились какъ можно полнѣе сохранить возможность возвращенія къ старымъ порядкамъ. Этимъ и объясняется то, что̀ объ этомъ самомъ мирѣ Ичко говоритъ В. С. Караджичъ, а именно, что турки въ 1806 г. «легко обѣщали» все, чего искалъ П. Ичко и даже послали въ Смедерево мухасила, «но весьма долго не рѣшались и откладывали утвердить это фирманомъ» и «отчасти по этому, отчасти по разнымъ другимъ причинамъ изъ это мира ничего не вышло, а снова началась война въ которой сербы стали русскими *союзниками*»[1]).

И дѣйствительно, значительныя уступки турокъ въ августѣ 1806 г., о которыхъ говорилось впереди, объясняются только давленіемъ русско-турецкой войны. Ожидая войны съ Россіей, Турція все время — отъ августа и сентября 1806 г. и до марта 1807 г.— старалась усмирить сербовъ разными уступками, чтобы только отвратить ихъ отъ вступленія въ союзную съ русскими войну. Этотъ моментъ рѣшалъ все какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Бѣлградѣ, въ немъ и былъ центръ всего вопроса.

И хотя сербскимъ старшинамъ казалось потомъ, что разорвавъ въ 1807 г. съ Турціей они сдѣлали громадную ошибку, въ дѣйствительности же фатальная ошибка была бы сдѣлана, если бы они тогда вступили въ соглашеніе съ Турціей и остались глухи къ русскимъ призывамъ къ войнѣ противъ нея, въ особенности, если бы еще вступили въ союзъ съ Турціей, какъ это позже, по совѣту французовъ, въ нѣкоторомъ родѣ имъ и предлагалось.

---

1) Граħа, 117.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ соглашеніи Ичко имѣется и одинъ значительный дефектъ.

Дефектъ этотъ состоитъ въ томъ, что тамъ нигдѣ не говорится ни о какой иностранной гарантіи выговоренныхъ правъ.

Такъ какъ гарантіи не было, то возникаетъ вопросъ: что сталось бы съ соглашеніемъ Ичко послѣ того, какъ въ іюнѣ 1807 г. Императоры Наполеонъ и Александръ помирились и первый изъ нихъ изъ лучшаго друга Турціи превратился почти въ злѣйшаго ея врага? Что было бы съ сербами въ іюнѣ 1807 г. если бы они въ мартѣ присоединились къ туркамъ? Правда, въ свой договоръ перемирія съ Турціей отъ 12/24 августа 1807 г. русскіе не успѣли внести и сербовъ, но всетаки они въ дѣйствительности обезпечили послѣднимъ, дополнительнымъ согласіемъ Порты, перемиріе на ровный же срокъ, а все потому, что считали ихъ своими союзниками.

Не будь этого, права Сербіи не получили бы международнаго договорнаго признанія и утвержденія, и поэтому держались бы только до тѣхъ поръ, пока оно было выгодно Турціи, и были бы уничтожены при первомъ удобномъ случаѣ.

Правда, русскія заботы и хлопоты о Сербіи не всегда отвѣчали желаніямъ сербовъ, но, начиная съ союза 1807 г., основаннаго и запечатлѣннаго кровью,—онѣ всегда проявлялись въ той степени, въ какой позволяли обстоятельства, которыя не всегда вѣрно понимались и оцѣнивались сербами. Союзъ и совмѣстная борьба съ русскими укрѣпили требованія и ожиданія сербовъ, пріобрѣвъ имъ наконецъ и интернаціональную санкцію, безъ которой нельзя было и представить настоящей государственной автономіи. Какъ можно было бы добиться этой необходимой интернаціональной санкціи если бы обстоятельства не облегчили союзъ 1807 г.? А ясно какъ божій день, что безъ интернаціональнаго обязательства передъ болѣе сильнымъ турки, не долго думая, уничтожили бы все, что̀ въ 1806 г. дали и обѣщали, когда уже въ 1813 г., не смотря на Букарештскій договоръ, они набросились на Сербію и покорили ее.

Настоящая оцѣнка слишкомъ наглядно подтвердилась на практикѣ.

И Карагеоргій въ 1813 г., да еще послѣ Букарештскаго договора, безуспѣшно добивался условій соглашенія Ичко. Точно также напрасно упоминалъ и выставлялъ его и князь Милошъ какъ послѣ перемирія съ Марашли Али-пашой въ 1815 г., такъ и черезъ первыхъ посланныхъ имъ въ Константинополь депутатовъ въ 1816 г. Туркамъ тогда ничто не угрожало, и поэтому они не хотѣли и слышать о чемъ-нибудь подобномъ, а заботились только о томъ, какъ бы уничтожить сопротивленіе Сербіи и снова ее подчинить себѣ. Князь Милошъ очень скоро убѣдился, что путемъ непосредственныхъ переговоровъ, безъ поддержки Россіи и безъ требованія правъ, опредѣленныхъ Букарештскимъ трактатомъ,— ничего нельзя подѣлать съ турками. Поэтому онъ во время перемѣнилъ политику и обратился къ русскимъ, хотя одно время у него имѣлись планы уклониться отъ нихъ, или по крайней мѣрѣ показывать видъ, что уклоняется. И не смотря на все сильное недовольство сербовъ Букарештскимъ договоромъ въ періодъ съ 1813 по 1816 гг., только ссылками на него, фактическимъ обладаніемъ страною и поддержкою Россіи можно было обезпечить Сербіи ея автономныя права.

И какъ непосредственными переговорами съ Турціей послѣ 1815 г., безъ участія Россіи, нельзя было ничего добиться, точно также и въ 1806 г., не смотря ни на какія турецкія завѣренія, не было никакой возможности достигнуть какихъ либо положительныхъ результатовъ. Въ настоящее время въ этомъ отношеніи не можетъ быть уже никакихъ сомнѣній, такъ какъ передъ нами не вѣрныя или невѣрныя предположенія, а фактическіе результаты.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 4.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1901 года.

Отчетъ и рецензіи I—VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1903

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1903 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1901 года Ординарнымъ Академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

Въ настоящемъ торжественномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ пріятно заявить, что ему и составляющему съ нимъ одно цѣлое Разряду изящной словесности предстояло въ этомъ году разсмотрѣть большое число сочиненій и литературныхъ трудовъ, представленныхъ на XIV-ое соисканіе премій имени А. С. Пушкина, и что среди нихъ нашлось нѣсколько выдающихся по своимъ достоинствамъ произведеній.

Всего на означенное соисканіе премій поступило *двадцать пять* сочиненій, изъ которыхъ *одно*, по просьбѣ доставившаго его автора, перенесено было на одну изъ другихъ академическихъ премій; четыре (три драматическихъ и одно повѣствовательное въ прозѣ) были сняты съ конкурса и возвращены авторамъ, какъ не удовлетворяющія Правиламъ о присужденіи Пушкинскихъ премій, остальныя же въ числѣ двадцати одного были разсмот-

рѣны академиками и приглашенными сторонними учеными и литераторами, — причемъ *двѣнадцать* изъ нихъ были признаны соединеннымъ засѣданіемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности не заслуживающими награжденія; среди послѣднихъ оказалось: пять сборниковъ стихотвореній, большею частію оригинальныхъ, шесть сочиненій въ повѣствовательной формѣ (четыре въ прозѣ и два смѣшанно въ стихахъ и прозѣ) и одинъ сборникъ путевыхъ очерковъ.

Такимъ образомъ награжденію преміями подлежало, согласно §§ 4 и 11 Правилъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина, *шесть* сочиненій и еще *два* сочиненія, оставшіяся отложенными отъ предыдущаго XIII-го конкурса 1899 года за неполученіемъ къ сроку на нихъ рецензій, всего же *восемь* литературныхъ и научныхъ трудовъ.

I.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Томы I—VIII. Спб. 1894—1898 гг.

Рецензія на означенный трудъ была составлена по порученію Отдѣленія членомъ-корреспондентомъ его, профессоромъ Н. И. Стороженкомъ.

Г. рецензентъ въ общихъ чертахъ далъ нижеслѣдующій отзывъ объ объемистомъ трудѣ г. Соколовскаго:

Стихотворный переводъ полнаго собранія драматическихъ произведеній Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, — въ высшей степени отрадное явленіе. Болѣе тридцати лѣтъ употребилъ почтенный переводчикъ на свой колоссальный трудъ, въ который вложилъ столько знанія, любви и надеждъ. Онъ трудился систематически, ohne Hast und ohne Rast — какъ сказалъ бы Гёте, — и имѣлъ счастье дожить до конца своей многолѣтней работы. Воодушевленный страстною любовью къ Шекспиру,

переводчикъ, повидимому, не чувствовалъ утомленія; послѣдній томъ переведенъ у него также тщательно, какъ и первый, и потому, чтобы судить о достоинствахъ и недостаткахъ перевода г. Соколовскаго, достаточно разсмотрѣть любую изъ переведенныхъ имъ пьесъ. Какую же цѣль поставилъ онъ себѣ? Хотѣлъ ли онъ, подобно Кетчеру, быть какъ можно ближе къ оригиналу, сохраняя всѣ особенности Шекспировской фразеологіи; рѣшился ли, подобно Дружинину, смѣло отбросить преувеличенное благоговѣніе къ буквѣ, стремясь передать лишь поэзію оригинала, тщательно отбрасывая всѣ обороты, несовмѣстные съ духомъ русскаго языка; или же, наконецъ, увлеченный примѣромъ Шлегеля и Тика, онъ сдѣлалъ попытку разрѣшить почти неразрѣшимую задачу — сохранить одновременно и букву, и поэзію оригинала? Въ обширномъ предисловіи къ своему переводу г. Соколовскій высказываетъ весьма опредѣленно свой взглядъ на свою задачу. Отправляясь отъ мысли, давно уже высказанной Шлегелемъ, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ, т. е. стихами, глубоко убѣжденный, что рано или поздно Шекспиръ долженъ сдѣлаться и у насъ такимъ же популярнымъ и даже національнымъ поэтомъ, какимъ онъ сдѣлался въ Германіи, новый переводчикъ задался цѣлью дать въ руки русскаго читателя такой переводъ, при чтеніи котораго передъ глазами вставалъ бы не одинъ сухой скелетъ подлинника, но самыя его картины во всей ихъ свѣжести и красотѣ и притомъ отнюдь не оскорбляя ни уха, ни чувства оборотами и рѣчами, чуждыми духу того языка, на который текстъ переводится. По мнѣнію г. Соколовскаго, труднѣйшая задача переводчика состоитъ не столько въ вѣрной передачѣ подлинника, сколько въ сохраненіи того оригинальнаго характера, которымъ проникнуто переводимое произведеніе, сообразно съ личностью автора, съ нравами и особенностями страны и среды, какія онъ изображалъ. Зная все это, напередъ можно предвидѣть, что г. Соколовскій не будетъ гнаться за буквой подлинника, что онъ сознательно отступитъ отъ нея, лишь бы сохранить его духъ и поэзію.

Извѣстно, что у Шекспира встрѣчается не мало оборотовъ, которые, будучи переведены буквально, могутъ поразить русское ухо. Въ такихъ случаяхъ переводчикъ, идя въ этомъ отношеніи по слѣдамъ Дружинина, старается подыскать русскія выраженія, равносильныя по духу и энергіи подлиннику. Ни у кого изъ русскихъ переводчиковъ, продолжаетъ рецензентъ, мы не встрѣтимъ такого добросовѣстнаго отношенія къ тексту Шекспира. Г. Соколовскій долго работалъ надъ нимъ, сжился душей съ своимъ любимымъ поэтомъ, пользуется всѣми извѣстными изданіями его произведеній, призываетъ къ отвѣту и ранніе in-quarto и позднѣйшіе in-folio, тщательно сопоставляетъ ихъ между собою, знаетъ всѣ поправки, предложенныя критиками, и, сравнивая ихъ между собою, искусно отдѣляетъ пшеницу отъ наносныхъ плевеловъ. Отсюда необыкновенная полнота его перевода. Онъ не опускаетъ ни одной реплики, ни одной пѣсенки и вноситъ въ свой переводъ все, что сообщая рѣчи оригинальный Шекспировскій колоритъ, не противорѣчитъ духу русскаго языка; если же въ текстѣ встрѣчаются выраженія мало понятныя читателю, то онъ, не измѣняя ихъ смыслу, измѣняетъ только ихъ форму. Конечно, если сравнить отдѣльныя мѣста въ переводахъ г. Соколовскаго съ соотвѣтственными мѣстами у Каткова или Дружинина, то у послѣднихъ они окажутся красивѣе и поэтичнѣе, но взятый въ цѣломъ переводъ любой пьесы Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, окажется болѣе Шекспировскимъ по колориту, чѣмъ переводы его предшественниковъ.

Переводу Шекспировскихъ драмъ г. Соколовскій предпосылаетъ обширное введеніе, въ которомъ старается выяснить значеніе Шекспира въ исторіи всемірной литературы; затѣмъ слѣдуетъ краткая біографія поэта; а въ заключеніе г. Соколовскій высказываетъ свой взглядъ на задачу русскаго переводчика произведеній Шекспира. Къ числу немаловажныхъ достоинствъ труда г. Соколовскаго принадлежитъ то, что каждой переведенной имъ пьесѣ предпосланъ обстоятельный критическій этюдъ о ней. Въ этюдахъ этихъ нерѣдко проявляется тонкое

критическое чутье и значительная начитанность автора въ области Шекспировской критики.

Свою рецензію профессоръ Стороженко заканчиваетъ слѣдующими словами: «Разсмотрѣвъ переводъ драмъ Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, и указавъ на достоинства и недостатки этого многолѣтняго колоссальнаго труда, въ который вложено переводчикомъ столько любви, знанія и таланта, я считаю возможнымъ ходатайствовать передъ Академіей Наукъ о награжденіи г. Соколовскаго *полной Пушкинской преміей*».

II.

К. Станюковичъ: Собраніе сочиненій, томы I и II. — Морскіе разсказы (М. 1897 г.).

Означенное сочиненіе г. Станюковича было критически разсмотрѣно Почетнымъ Академикомъ А. А. Потѣхинымъ.

Собраніе сочиненій К. Станюковича въ двухъ томахъ, представленное на соисканіе Пушкинской преміи, заключаетъ въ себѣ болѣе 30 разсказовъ, очерковъ и характеристикъ, относящихся къ жизни и быту русскаго военнаго флота. Въ живыхъ, разнообразныхъ типахъ русскаго матроса и морского офицера онъ изображаетъ ярко и рельефно эту жизнь и бытъ, начиная съ царствованія императора Николая I-го до позднѣйшаго времени. Особенно подробно при этомъ выступаетъ періодъ реформъ во флотѣ, въ 60 и 70-хъ годахъ. «Во всѣхъ этихъ разсказахъ авторъ является не историкомъ-изслѣдователемъ или лѣтописцемъ-бытописателемъ, но настоящимъ художникомъ, воспроизводящимъ жизнь и дѣйствительность, хотя по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, но совершенно объективно, безъ преувеличеній, прикрасъ и искаженій. Всѣ его разсказы дышатъ искренностью, безпристрастіемъ, настоящею правдою, при полной реальности.

Въ своихъ «Морскихъ разсказахъ» онъ вывелъ цѣлую галле-

рею типовъ современнаго русскаго военнаго флота отъ послѣдняго воришки и пропоицы матроса до адмирала включительно. «Морскіе разсказы» автора — это живая панорама, въ которой вы видите всю жизнь, всѣ подробности быта, всю душу, все міросозерцаніе русскаго моряка на разныхъ степеняхъ служебнаго положенія и нравственнаго развитія.

Г. Станюковичъ не только художникъ-жанристъ: у него есть превосходныя описанія шторма, штиля, тропической ночи, Рождественской ночи и Свѣтлаго праздника въ морѣ. Эти описанія иногда служатъ только фономъ картины, но чаще составляютъ самостоятельное художественное произведеніе. Нельзя не замѣтить, что иногда, особенно въ описаніяхъ, авторъ повторяется, употребляя одни и тѣ же эпитеты и выраженія; замѣтно и однообразіе въ приступахъ къ разсказу; такъ, напримѣръ, многіе разсказы начинаются словами: «въ этотъ день», и безпрестанно повторяются слова: «умопомрачающая чистота судовъ» и т. п.

Встрѣчается и неправильность въ выраженіяхъ, какъ, напр., «разставилъ ноги фертомъ», что и физически невозможно, — и т. п. Но это замѣчается только при внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи разсказовъ и есть не болѣе, какъ недосмотръ, который легко можетъ быть исправленъ и устраненъ, и только нѣсколько мѣшаетъ художественному впечатлѣнію, не нарушая его. Въ общемъ, по мнѣнію рецензента, «Морскіе разсказы» г. Станюковича, не смотря на свою, такъ сказать, спеціальность по взятой области наблюденія, имѣютъ большое общественное значеніе, представляютъ большую художественную литературную цѣнность и вполнѣ заслуживаютъ *преміи* во имя Пушкина. Можно указать также на растянутость нѣкоторыхъ разсказовъ, на недостатокъ въ нихъ компактности и сжатости, на обильное уснащеніе ихъ эпизодическими вставками, отвлекающими читателя отъ основной идеи или отъ главнаго сюжета; но эти недостатки покрываются прекраснымъ изложеніемъ, хорошимъ литературнымъ языкомъ; разговорный же языкъ матросовъ — живой, неподдѣльный, своеобразный и характерный, безъ произвольныхъ авторскихъ прикрасъ и

искаженій, составляетъ особое достоинство всѣхъ разсказовъ г. Станюковича.

III.

Потерянный и Возвращенный Рай, поэмы Д. Мильтона, въ новомъ стихотворномъ переводѣ О. Чюминой, съ 50 рисунками Г. Доре. Спб. 1899 г.

Разборъ означеннаго переводнаго произведенія г-жи Чюминой былъ сдѣланъ академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ.

Это изданіе, выпущенное въ качествѣ безплатнаго приложенія къ журналу «Родина», открывается довольно широковѣщательнымъ предисловіемъ «Отъ издателя», гдѣ онъ, послѣ очень высокой оцѣнки перевода, пріобщаетъ себя къ славѣ переводчицы, называя трудъ и свой и ея «грандіознымъ». Похвальба издателя едва ли вполнѣ основательна, такъ какъ иллюстраціи далеко не вездѣ удовлетворительны (смотри, напр., изображеніе Адама и Евы послѣ стр. 132) и по мѣсту такъ отстаютъ отъ текста, что относящіяся къ «Потерянному Раю» находятся между страницами «Возвращеннаго» безъ всякаго предувѣдомленія, гдѣ бы слѣдовало, что къ такимъ-то словамъ поэта есть картинка, вслѣдствіе чего читатель не можетъ пользоваться текстомъ и его живописными поясненіями одновременно.

Что до труда переводчицы, то онъ былъ, если не «грандіозенъ», то и не малъ. Впереди она помѣстила хорошо составленную біографію Мильтона. За нею слѣдуютъ примѣчанія къ «Потерянному Раю», объясняющія преимущественно собственныя имена, библейскія и классическія, которыхъ въ поэмѣ много.

Переводила г-жа Чюмина, хотя и не такъ, какъ заявляетъ издатель въ предисловіи: «не отступая ни на шагъ отъ оригинала», — однако въ общемъ все таки близко и могла бы передать подлинникъ еще ближе, сохранивъ кое-какія опущенныя ею частности, въ родѣ эпитетовъ и другихъ не особенно существен-

ныхъ словъ, если бы она не стѣсняла себя, повидимому, числомъ стиховъ, что совершенно излишне при отсутствіи строфъ и даже риѳмъ.

«Если въ переводѣ г-жи Чюминой, говоритъ рецензентъ, и есть гдѣ нѣкоторыя частныя неточности, — онѣ не особенно важны, а текстъ вездѣ переданъ вѣрно, и съ точки зрѣнія общаго впечатлѣнія переводъ О. Чюминой можно признать близкимъ къ подлиннику, чему въ значительной степени содѣйствуетъ форма, т. е. языкъ, правильный и поэтическій, и строй стиха, строго выдержанный и звучный.

«На основаніи этихъ данныхъ я предполагалъ бы возможнымъ удостоить переводъ О. Чюминой *Пушкинской преміи въ половинномъ размѣрѣ.*»

IV.

И. Стешенко: Поэзія И. П. Котляревскаго. Къ 100-лѣтнему юбилею его „Энеиды“. — 1) И. П. Котляревскій и Осиповъ. 2) Котляревскій въ свѣтѣ критики. Кіевъ, 1899 г.

Рецензія труда г. Стешенка по порученію Отдѣленія написана А. Е. Крымскимъ.

Общая мысль первой части труда г. Стешенка, носящей заглавіе: «Котляревскій и Осиповъ», вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ. Форма перелицованной малорусской «Энеиды» Котляревскаго вполнѣ сходна съ формою перелицованной русской «Энеиды» Осипова какъ по стихотворному размѣру, такъ и по построенію строфъ; по содержанію же многія строфы обѣихъ «Энеидъ», малорусской и русской, совпадаютъ довольно близко, а иныя почти буквально; но такъ какъ «Энеида» Осипова вышла въ 1791 году, а «Энеида» Котляревскаго уже въ 1798-мъ году, то надо заключить, что подражалъ Котляревскій Осипову, а не Осиповъ Котляревскому. Справедливость этого заключенія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ

обѣихъ Энеидахъ есть мѣста, вполнѣ сходныя съ болѣе ранней пародической Энеидой Блумауэра (1784 г.), написанной на языкѣ нѣмецкомъ, котораго Котляревскій, по свидѣтельству біографовъ, не зналъ; совпаденія Котляревскаго съ Блумауэромъ могутъ объясняться, значитъ, только тѣмъ, что Блумауэромъ пользовался Осиповъ, а Осиповымъ—Котляревскій. Достаточно было бы страницъ даже четырехъ, чтобы вполнѣ научно мотивировать эти положенія, но г. Стешенко счелъ нужнымъ произвести это на 82 страницахъ довольно мелкой печати. Такой большой объемъ происходитъ не столько отъ обстоятельности въ дѣлѣ изслѣдованія, сколько отъ нагроможденія ненужныхъ сырыхъ матеріаловъ, отъ частыхъ повтореній одной и той же мысли и отъ наклонности опровергать такія догадки, которыя едвали могли кому-нибудь прійти въ голову.

Совершенно иначе написана г. Стешенкомъ первая часть второго отдѣла его книги, озаглавленнаго: «Котляревскій въ свѣтѣ критики». Изслѣдователь тщательно ознакомился со всѣмъ, чтó когда-либо писано было о Котляревскомъ съ 1816 года, не исключая даже самыхъ мелкихъ замѣтокъ и случайныхъ попутныхъ упоминаній въ одну-двѣ строки. Хронологическому обозрѣнію и подробному изложенію всѣхъ свѣдѣній и отзывовъ о Котляревскомъ посвящены стр. 83—151 его книги, т. е. болѣе трети. Помнится, гдѣ-то въ печати было недавно указано, что г. Стешенко долженъ былъ употребить на свой трудъ болѣе года, и этому повѣрить можно, такъ какъ ему приходилось усердно рыться во всякихъ старинныхъ изданіяхъ, рѣдкихъ и малодоступныхъ, напримѣръ, въ провинціальныхъ газетахъ. Тѣ отзывы и мнѣнія о Котляревскомъ, которые носятъ характеръ благопріятный для него, г. Стешенко только излагаетъ, а неблагопріятные сопровождаетъ небольшими полемическими замѣчаніями. Такимъ образомъ кропотливый трудъ его совершенно ясно показываетъ эволюцію взглядовъ общества (и обыкновенной читающей публики, и ученыхъ историковъ литературы) на дѣятельность Котляревскаго.—Полной Пушкинской преміи

книга г. Стешенка, конечно, не заслуживаетъ, — заключаетъ свою рецензію г. Крымскій, но въ виду того, что г. Стешенкомъ затрачено на нее большое количество и труда, и времени, и что библіографическій обзоръ литературы о Котляревскомъ всегда останется положительной заслугой этой книги, рецензентъ ходатайствуетъ передъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о награжденіи труда г. Стешенка *половинной преміей*.

V.

К. Льдовъ. Отзвуки души. Стихотворенія. Спб. 1899 г.

Разсмотрѣніе сборника стихотвореній г. Льдова принялъ на себя Почетный Академикъ А. М. Жемчужниковъ.

Г. Льдовъ, замѣчаетъ рецензентъ, — «поэтъ серьезный и искренній. Муза его вдохновляется природой, любовью, религіознымъ чувствомъ, смысломъ жизни и тайнами смерти. Тонъ его пѣсенъ — по преимуществу вдумчиво-грустный и иногда суровый. Въ нихъ нѣтъ веселости и жизнерадостности, но онѣ и не носятъ на себѣ печати пессимизма, гнѣва или отчаянія. Въ его стихотвореніяхъ слышится снисходительность, но не индифферентность. Въ нихъ нѣтъ юмору, но нѣтъ и сухости. Во всякомъ случаѣ, при характерѣ серьезности, о которомъ я упомянулъ, онѣ далеко не скучны».

Слогъ его также совсѣмъ не педантиченъ; но во многихъ случаяхъ тонъ, однако, не достаточно простъ и свободенъ. Въ своемъ послѣсловіи г. Льдовъ говоритъ, что ему приписывали въ печати преднамѣренное тяготѣніе къ «символической школѣ» и даже къ декадентству, но это мнѣніе онъ называетъ ошибочнымъ, выражая убѣжденіе, что въ русской поэзіи не можетъ быть рѣчи ни о какой иной школѣ, кромѣ Пушкинской. Это совершенно вѣрно, такъ же какъ и то, что «въ мірѣ русскаго поэтическаго слова какъ бы возникла новая стихія». Повтореніе Пушкина по содержанію и по формѣ для современнаго поэта

конечно необязательно; а если онъ самобытенъ, то и невозможно, продолжаетъ рецензентъ; «въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ формѣ г. Льдова, въ которой я призналъ недостатокъ простоты, я вовсе не желаю и не имѣю права требовать отъ него простоты Пушкинской; но мнѣ кажется, что его стихъ часто, не скажу вычуренъ, но слишкомъ изысканъ. Стихи г. Льдова мнѣ представляются въ видѣ ткани, нѣсколько обремененной причудливыми узорами. Изысканность формы и обиліе украшеній иногда затемняютъ сущность мысли и чувствъ поэта».

Г. Льдовъ пишетъ вообще сжато. Онъ не любитъ многословія, и это составляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ свойствъ въ поэтѣ. «Г. Льдовъ, — заключаетъ рецензентъ, — относится къ себѣ строго, что̀ ручается за дальнѣйшее развитіе его симпатичнаго дарованія. Я читалъ его сборникъ съ большимъ интересомъ и съ чувствомъ уваженія къ личности автора, какъ она выразилась въ его стихотвореніяхъ.»

VI.

Н. Гальковскій: Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ. Сумы, 1897 г.

Разсмотрѣніе означеннаго труда по просьбѣ Отдѣленія принялъ на себя П. А. Ровинскій.

Это — переводъ на русскій языкъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ, большею частью изъ собранія Вука Стефановича Караджича, II-ой книги (изданной въ Вѣнѣ въ 1875 году), а частью изъ пѣсенъ, записанныхъ Гильфердингомъ, всего 59 пѣсенъ или 10611 стиховъ, какъ сосчиталъ самъ авторъ, что составитъ половину II книги собранія Вука С. Караджича и гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ переведено въ сборникѣ Гербеля «Поэзія Славянъ» (Спб. 1871). Переводчикъ распредѣлилъ ихъ по слѣдующимъ отдѣламъ: I — пѣсни миѳическія (12), II — косовскія (13), III — о Маркѣ Королевичѣ (28) и IV — позднѣй-

шія (6), въ числѣ которыхъ три, относящіяся къ Россіи. Переводу предпосланъ историческій очеркъ Сербіи отъ поселенія сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ и до окончательной погибели сербскаго царства; на послѣдующій затѣмъ періодъ авторъ также бросаетъ взглядъ, чтобы дать понятіе о положеніи сербскаго народа въ то время, когда на цѣломъ Балканскомъ полуостровѣ водворилось господство турокъ.

Очеркъ — по словамъ рецензента — составленъ хорошо; авторъ главнымъ образомъ останавливается на моментахъ и характерахъ, которые дали содержаніе пѣснямъ, какъ Косовская битва съ княземъ Лазаремъ и обстоятельствами, подготовившими его пораженіе; боярская рознь, взаимное недоброжелательство и интриги между великашами, ихъ недальновидность въ политикѣ; Марко Королевичъ, народный герой, но тоже плохой политикъ, и т. д.

Обращаясь къ выбору пѣсенъ, рецензентъ замѣчаетъ, что авторъ, имѣя въ виду пополнить недостатокъ въ этомъ отношеніи въ русской литературѣ, сообразовался прежде всего съ тѣмъ, что въ ней есть и чего нѣтъ. Поэтому онъ не переводитъ пѣсенъ, имѣющихся въ сборникѣ Гербеля, какъ: Построеніе Скадра, Бановичъ Страхинья, Юришичъ Янко, и еще около десятка; а около десятка повторяетъ, считая ихъ, можетъ быть, недовольно точно переведенными; это даетъ намъ возможность сдѣлать сравненіе.

Указавъ на достоинства перевода г. Гальковскаго, рецензентъ останавливается на его недочетахъ.

Само собою разумѣется, что замѣчанія наши, заключаетъ рецензентъ, далеко не исчерпываютъ всего переведеннаго г. Гальковскимъ; но ихъ достаточно, чтобы уяснить себѣ, откуда происходятъ его ошибки.

«Во многихъ случаяхъ, конечно, видно неполное знакомство переводчика съ сербскимъ языкомъ, прямо непониманіе нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ. Видно, что переводчикъ не вошелъ въ духъ языка и сербской народной поэзіи. Затѣмъ у всѣхъ пере-

водчиковъ мы замѣчаемъ слишкомъ малое знакомство съ бытомъ народа: съ его образомъ жизни и внутренними отношеніями, съ его жилищемъ и всею обстановкою, съ одеждой, пищей, оружіемъ и употребляемыми народомъ орудіями и т. д.».

Въ общемъ рецензентъ сочувственно относится къ труду переводчика и находитъ его полезнымъ пособіемъ для нашего знакомства съ славянствомъ.

VII.

Ф. Заринъ: Стихотворенія. Спб. 1899 г.

Рецензія на упомянутый трудъ написана Почетнымъ Академикомъ Графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Сборникъ стихотвореній г. Зарина содержитъ въ себѣ пятьдесятъ мелкихъ стихотвореній, переводы Паризины Байрона и трехъ стихотвореній Ады Негри, оригинальную поэму «Сафаръ» и двѣ драматическія сцены — «Понція» и «На жизненной сценѣ». Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ возраста автора, замѣчаетъ рецензентъ; говоримъ — къ сожалѣнію, потому что отъ этого обстоятельства въ значительной мѣрѣ должно зависѣть критическое отношеніе къ его произведеніямъ. Если авторъ — уже зрѣлый человѣкъ и сборникъ является плодомъ труда цѣлой жизни, книгу г. Зарина слѣдуетъ признать не заслуживающею вниманія. Если же авторъ — молодъ и подлежащая нашему разбору книжка его стихотвореній только — первый опытъ литературнаго творчества, мы не можемъ не признать въ г. Заринѣ молодого поэта, подающаго лучшія надежды, поэта, который можетъ со временемъ завоевать себѣ почетное мѣсто въ русской литературѣ, конечно, подъ непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго саморазвитія и добросовѣстнаго труда надъ усовершенствованіемъ внѣшней формы своихъ прозведеній.

Отсутствіе въ поэзіи г. Зарина столь распространеннаго въ настоящее время недуга исканія чего-то новаго, небывалаго,

невиданнаго и неслыханнаго, безыскуственное отношеніе его къ избираемымъ имъ сюжетамъ, яркость образовъ и звучность стиховъ — все это вмѣстѣ взятое производитъ въ читателѣ самое пріятное и, такъ сказать, успокоительное впечатлѣніе. Правда, въ произведеніяхъ г. Зарина еще не проявляется полная самостоятельность, свойственная лишь зрѣлымъ талантамъ, — отъ всей книги вѣетъ духомъ нашихъ великихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова, избранныхъ авторомъ себѣ въ образцы; но самый выборъ такихъ образцовъ и независимость г. Зарина отъ чуждаго истинному искусству современнаго декаденства уже свидѣтельствуютъ о здоровьѣ и силѣ его поэтической природы. Притомъ г. Заринъ — не слѣпой подражатель; онъ пока только усвоиваетъ себѣ пріемы творчества нашихъ классиковъ, чему нельзя не порадоваться.

Представленный имъ на соисканіе премій сборникъ свидѣтельствуетъ о наличности въ его авторѣ поэтическаго дарованія. Г. Заринъ, какъ мы уже сказали выше, — если онъ притомъ очень молодъ, — подаетъ блестящія надежды.

Г. рецензентъ подалъ свой голосъ за присужденіе г. Зарину *преміи.*

VIII.

А. А. Навроцкій («Н. А. Вроцкій»): Драматическія произведенія. Томъ I. **«Государь-Царь Іоаннъ III Васильевичъ. Боярское правленіе».** Спб. 1900 г.

Разборъ означеннаго драматическаго произведенія г. Навроцкаго написанъ Академикомъ В. И. Ламанскимъ.

Драма или, какъ авторъ назвалъ, «трагедія Іоаннъ III» — говоритъ рецензентъ — заслуживаетъ сочувственнаго вниманія Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности, какъ новый опытъ русской драматической хроники, какъ стремленіе продолжать дѣло, такъ блестяще начатое Пуш-

кинымъ. Въ драмѣ г. Навроцкаго, впрочемъ, наиболѣе удавшіяся сцены и лица принадлежатъ не къ главнымъ лицамъ и не къ главнымъ сценамъ дѣйствія; Иванъ, герой драмы, — не живой, а блѣдный, мозаично-составленный образъ.

Можно, впрочемъ, надѣяться, что при новой переработкѣ пьесы, написанной какъ будто наскоро и не вездѣ достаточно продуманной, она могла бы быть съ успѣхомъ поставлена на сцену и послужила бы къ обогащенію нашего театральнаго репертуара по исторической драмѣ. При всѣхъ недостаткахъ, трудъ г. Навроцкаго заслуживаетъ *почетнаго отзыва.*

Объемистый въ восьми большихъ томахъ и содержательный трудъ А. Л. Соколовскаго привлекъ къ себѣ общее вниманіе соединеннаго засѣданія членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и Почетныхъ Академиковъ Разряда изящной словесности, которое, по совмѣстномъ и внимательномъ обсужденіи и принимая въ соображеніе авторитетный голосъ г. рецензента, закрытою баллотировкою рѣшило присудить г. Соколовскому за его многолѣтній и талантливо исполненный трудъ, посвященный переводу и истолкованію всѣхъ драматическихъ произведеній Шекспира, — *полную премію имени А. С. Пушкина* (въ тысячу рублей).

Имѣя же въ виду выдающіяся достоинства трудовъ гг. К. Станюковича и О. Чюминой и одобрительные о нихъ отзывы гг. рецензентовъ, соединенное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности нашло необходимымъ наградить ихъ *Пушкинскими преміями въ половинномъ размѣрѣ* (по пятисотъ рублей каждому), что представилось возможнымъ по состоянію суммъ Пушкинскихъ капиталовъ.

Остальные пять трудовъ, а именно гг. Стешенка, К. Льдова, Н. Гальковскаго, Ф. Зарина и А. Навроцкаго положено наградить *почетными отзывами.*

Во изъявленіе своей искренней признательности гг. рецензентамъ за тщательно исполненные ими по особому порученію критическіе разборы и отзывы, Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ постановило выдать установленныя Пушкинскія золотыя медали члену-корреспонденту, профессору Императорскаго Московскаго Университета Н. И. Стороженку, Почетному Академику А. А. Потѣхину, профессору Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ А. Е. Крымскому, Почетному Академику А. М. Жемчужникову, П. А. Ровинскому и Почетному Академику графу А. А. Голенищеву-Кутузову.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I—VIII.

I.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи **А. Л. Соколовскаго** (Спб. 1894—1898. 8 томовъ).

Стихотворный переводъ полнаго собранія драматическихъ произведеній Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, есть въ высшей степени отрадное явленіе. Болѣе тридцати лѣтъ употребилъ почтенный переводчикъ на свой колоссальный трудъ, въ который онъ вложилъ много знанія, любви и надеждъ. Онъ трудился систематически, ohne Hast и ohne Rast—какъ сказалъ бы Гёте—и имѣлъ счастье дожить до конца своей многолѣтней работы. Воодушевленный страстной любовью къ Шекспиру, переводчикъ повидимому не чувствовалъ утомленія; послѣдній томъ переведенъ у него такъ же тщательно, какъ и первый, и потому, чтобъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ перевода А. Соколовскаго, достаточно разсмотрѣть любую изъ переведенныхъ имъ пьесъ Шекспира. Какую же цѣль поставилъ себѣ новый переводчикъ Шекспира? Хотѣлъ-ли онъ, подобно Кетчеру, быть какъ можно ближе къ оригиналу, сохраняя всѣ особенности шекспировой фразеологіи, или же онъ, подобно Дружинину, рѣшился смѣло отбросить преувеличенное благоговѣніе къ буквѣ и стремился только передать поэзію оригинала, тщательно отбрасывая всѣ обороты, несовмѣстные съ духомъ русскаго языка, или же, наконецъ, увлеченный примѣромъ Шлегеля и Тика, онъ сдѣлалъ попытку разрѣшить почти неразрѣшимую задачу—со-

хранить одновременно и букву и поэзію оригинала? Въ обширномъ предисловіи къ своему переводу г. Соколовскій высказываетъ весьма опредѣленно свой взглядъ на свою задачу. Отправляясь отъ мысли, давно уже высказанной Шлегелемъ, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ, т. е. стихами; глубоко убѣжденный, что рано или поздно Шекспиръ долженъ сдѣлаться и у насъ такимъ же популярнымъ и даже національнымъ поэтомъ, какимъ онъ сдѣлался въ Германіи, новый переводчикъ Шекспира задался цѣлью дать въ руки русскаго читателя такой переводъ, чтобъ при чтеніи его передъ глазами читателя вставалъ не одинъ сухой скелетъ подлинника, но самыя его картины во всей ихъ свѣжести и красотѣ, и притомъ отнюдь не шокируя на ухо, на чувства оборотами и рѣчами чуждыми духу того языка, на который текстъ переводится. По мнѣнію г. Соколовскаго, труднѣйшая задача переводчика состоитъ не столько въ вѣрной передачѣ подлинника, сколько въ сохраненіи того оригинальнаго характера, которымъ проникнуто переводимое произведеніе сообразно съ личностью автора или съ нравами и особенностями страны и среды, какіе онъ изображалъ. Зная все это, напередъ можно предвидѣть, что г. Соколовскій не будетъ гнаться за буквой подлинника, что онъ сознательно готовъ отступить отъ нея, лишь бы сохранить его духъ и поэзію. Извѣстно, что у Шекспира встрѣчается не мало оборотовъ, которыя, будучи переведены буквально, могутъ сильно шокировать русское ухо; въ такихъ случаяхъ переводчикъ, идя въ этомъ отношеніи по слѣдамъ Дружинина, старается подъискать русскія выраженія, равносильныя по духу и энергіи съ подлинникомъ. «Для достиженія этой цѣли — говоритъ г. Соколовскій — я, переводя тотъ или другой монологъ или сцену, старался прежде всего представить себѣ въ возможной ясности во-первыхъ характеръ лица, чьи слова переводятся, а во-вторыхъ то психическое состояніе, въ которомъ находилось лицо въ данную минуту. Затѣмъ задача моя была, строго оберегая малѣйшіе оттѣнки мысли подлинника, подыскать такія подходящія выраженія, какими то лицо, находясь въ данномъ положеніи, вы-

сказало бы свою мысль и чувство по-русски. Бывали и такіе случаи, когда я не останавливался даже передъ прибавкой къ тексту нѣсколькихъ словъ, какихъ въ немъ не было, если подобнаго рода прибавка, не вводя какой-нибудь новой мысли, способствовала болѣе ясному выраженію смысла, который иначе, при буквальной передачѣ, вышелъ бы блѣденъ или теменъ». (Томъ I, стр. 102—103). Въ виду такой постановки вопроса было бы несправедливо требовать отъ г. Соколовскаго буквальной вѣрности подлиннику, которой мы вправѣ требовать отъ перевода прозаическаго, но за то съ тѣмъ большей строгостью должно быть осуждено въ переводѣ г. Соколовскаго всякое уклоненіе отъ духа подлинника съ одной стороны и духа русскаго языка съ другой, а также всякая прибавка, которая, лишая рѣчь Шекспира свойственной ей краткости, ни мало не способствовала бы болѣе ясному пониманію смысла подлинника. Для того, чтобъ посмотрѣть, какъ г. Соколовскій выполнилъ свою задачу, мы избираемъ трагедію Макбетъ, надъ переводомъ которой трудились такіе опытные переводчики, какъ Кетчеръ, Кронебергъ и Юрьевъ. Въ III сценѣ перваго акта одна изъ вѣдьмъ грозится изсушить какъ былинку (as hag) мужа обидѣвшей ее матроски: «не смѣжитъ отъ очей ни днемъ, ни ночью, будетъ ныть и изнывать девятью девять недѣль; корабль его не потонетъ, но буря будетъ бить его». Кронебергъ перевелъ это мѣсто очень далеко отъ подлинника:

Въ черной пасти бурныхъ волнъ,
Ожиданья смерти полнъ,
Лютыхъ семью семь седмицъ
Не сомкнешь своихъ рѣсницъ!
Будешь чахнуть — не исчахнешь,
Будешь сохнуть — не изсохнешь,
День рожденья проклянешь,
Окаяннымъ пропадешь.

У Юрьева это мѣсто, хотя и увеличено вдвое противъ подлинника, но вышло по крайней мѣрѣ поэтично:

Изнывая всѣ девятью девять ночей,
Какъ отверженный міромъ, въ мученьи своемъ,
Въ душевной истомѣ и ночью и днемъ,
Не сомкнетъ онъ и на мигъ отягчаемыхъ сномъ
И безъ слезъ и безъ сна воспаленныхъ очей!
Не погибнетъ въ волнахъ, но корабль безъ снастей
Буду бить и трепать и кидать средь морей.

Вѣрный своей задачѣ приблизить Шекспира къ пониманію средней русской публики, г. Соколовскій, принимая въ соображеніе доброту русскаго человѣка, счелъ своимъ долгомъ прежде всего уменьшить мѣру наказанія несчастнаго матроса: въ подлинникѣ и у Юрьева онъ томится девятью девять недѣль, у Кронеберга семью семь, а у Соколовскаго всего девять недѣль:

Соломинки тоньше ржаной
Его изсосу, изсушу,
Измается день онъ деньской,
А ночью тоску припущу
Къ нему *подколодной змѣей!*
Родныхъ не узнаетъ онъ лицъ,
Промучится девять седмицъ.

Уменьшеніе наказанія на нѣсколько степеней, сравненіе тоски съ подколодной змѣей — все это безспорно въ русскомъ духѣ, но непонятно, какими соображеніями руководился переводчикъ, замѣнивъ былинку ржаной соломинкой, ибо выраженіе *изсушить какъ былинку* больше въ духѣ русскаго языка. Еще болѣе непонятна прибавка стиха

Родныхъ не узнаетъ онъ лицъ —

прибавка весьма неумѣстная, ибо, носясь по волнамъ Архипелага и Чернаго моря, англійскій матросъ едва-ли могъ встрѣтиться съ своими родными.

Въ той же сценѣ Банко обращается къ вѣдьмамъ, предсказавшимъ столько почестей Макбету, съ требованіемъ, чтобы они

предсказали что-нибудь и ему: «Скажите въ такомъ случаѣ и мнѣ» (Speak then to me). Это простое восклицаніе почему-то не понравилось переводчику, который поспѣшилъ замѣнить его церемонной фразой новѣйшаго изданія: «*Займитесь же и мной*»! звучащей нѣсколько странно въ устахъ полудикаго героя. Когда вѣдьмы предсказываютъ Макбету въ той же сценѣ корону, послѣдній въ раздумьи говоритъ самому себѣ:

Когда мнѣ случаемъ назначена корона,
То пусть онъ самъ на голову надѣнетъ
Корону мнѣ; *я не ударю пальцемъ*
О палецъ для того.

Хотя подчеркнутыхъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ, съ ними можно еще примириться, но съ чѣмъ мы не можемъ примириться, такъ это съ повтореніемъ разъ высказанной мысли въ концѣ слѣдующей сцены, когда назначеніе принца Кумберлэндскаго наслѣдникомъ престола вселяетъ въ душу Макбета мысль объ убійствѣ:

Принцъ Кумберлэндъ! вотъ дѣлу кто помѣха!
Пока онъ живъ — не будетъ мнѣ успѣха!
Все горе въ немъ! померкни звѣздный свѣтъ,
Чтобъ скрыть въ душѣ ужасныхъ мыслей слѣдъ!
Поступковъ злыхъ невольно глазъ боится,
Но если бы мой поступокъ самъ свершиться.

Не говоря уже о томъ, что послѣднихъ двухъ стиховъ совсѣмъ нѣтъ въ подлинникѣ, а есть нѣчто совершенно противоположное*), повтореніе и разжевываніе одной и той же мысли совершенно не въ духѣ Шекспира; притомъ же употребленіе

---

*) «Пусть свершится то, что и по свершеніи страшно для взора». Юрьевъ перевелъ это мѣсто весьма удачно:

И пусть свершится то, на что взглянувъ,
Окаменѣетъ отъ испуга взоръ,
Когда ужь будетъ все совершено.

слова *поступокъ* въ отвлеченномъ смыслѣ вмѣсто слова *дѣло* неудачно, ибо при словѣ поступокъ невольно возникаетъ вопросъ: чей поступокъ?

Прочтя письмо мужа, извѣщающее о скоромъ прибытіи короля въ его замокъ, лэди Макбетъ (въ V сценѣ того же акта) въ упоеніи восклицаетъ:

Ко мнѣ, другъ дорогой!
Въ тебя вдохнуть съумѣю я рѣшимость!
Отвагой словъ помѣхи устраню
И прямо приведу къ завѣтной цѣли,
Указанной волшебнымъ предсказаньемъ
Обоимъ намъ.

Замѣна словъ *тебѣ* (To have *thee* crowned withal) словами *обоимъ намъ* не совсѣмъ удачна въ виду господствующаго въ критикѣ взгляда на женскій характеръ честолюбія лэди Макбетъ, въ силу котораго она желаетъ короны прежде всего для любимаго человѣка. Этого смягчающаго обстоятельства переводчикъ не хочетъ признать за лэди Макбетъ и вслѣдствіе этого вторично переиначиваетъ ея слова: въ заключительной сценѣ перваго акта лэди Макбетъ упрекаетъ мужа въ томъ, что онъ теперь колеблется достигнуть того, что самъ считалъ украшеніемъ жизни (which *thou* estim'est the ornament of life). Вмѣсто этого въ переводѣ Соколовскаго читаемъ

Хотѣлъ бы ты достать
Безцѣнный перлъ — мечту всей *нашей* жизни —
И ужъ, какъ трупъ, бормочешь ты не смѣло.

Мы обращаемъ вниманіе на всѣ эти мелочи, потому что отъ нихъ зависитъ тотъ или иной взглядъ на характеръ Макбета. У Шекспира не даромъ говорится, что мысль о коронѣ была давнишней задушевной мечтой Макбета, о которой онъ не разъ говорилъ женѣ задолго до убійства, и даже обдумывалъ и время и мѣсто, гдѣ всего удобнѣе было совершить его, такъ что, если

лэди Макбетъ играла главную роль въ самомъ актѣ убійства, то интеллектуальнымъ виновникомъ былъ безспорно ея мужъ. Шестая и седьмая сцены перваго акта переданы г. Соколовскимъ весьма удовлетворительно.

Второй актъ начинается вопросомъ Банко сыну: «много-ли еще осталось ночи»? Вопросъ этотъ выраженъ у Соколовскаго не русской фразой: *Какъ поздно, малый мальчикъ?* Вторая сцена II акта переведена ближе къ подлиннику, чѣмъ у Кронеберга, и читается легче, чѣмъ у Юрьева, за исключеніемъ послѣдняго стиха въ знаменитыхъ словахъ Макбета о снѣ. Перечисляя всѣ благодатныя свойства сна, надолго отъ него отнятаго, Макбетъ между прочимъ называетъ его питательнѣйшимъ блюдомъ на жизненномъ пиру (Chief nourisher in life's feast). Это прекрасное образное выраженіе замѣнено у г. Соколовскаго темнымъ и неуклюжимъ стихомъ:

Благодать природныхъ силъ.

Далѣе въ той же сценѣ переводчикъ неизвѣстно для какой цѣли невѣрно передалъ слова лэди Макбетъ мужу; въ подлинномъ сказано: «мужество тебя оставило совершенно» (Your constancy hath left you unattended), а въ переводѣ г. Соколовскаго:

Просто ты
Къ нему (т. е. убійству) не приготовился.

Стихъ этотъ можетъ, чего добраго, навести русскую публику на мысль, что по мнѣнію Шекспира къ убійству можно приготовиться какъ къ уроку. — Можно указать случай, когда, даже переводя прозой прозу подлинника, переводчикъ счелъ себя вправѣ обогатить подлинникъ цѣлой строкой собственнаго изобрѣтенія. Такъ, въ монологѣ привратника прибавлены слѣдующія слова, ничего не разъясняющія, потому что и безъ того все ясно: «Если бъ я — говоритъ привратникъ — былъ сторожемъ у адскихъ воротъ, то пришлось бы шевелить ключами чаще чѣмъ

теперь; *многихъ бы гостей пришлось тогда допрашивать!* — И, напротивъ того, можно привести случай, когда переводчикъ очень удачно отступилъ отъ подлинника въ словахъ Дональбэна. У Шекспира Дональбэнъ говоритъ: *наши слезы еще не выработались* (our tears are not yet brew'd). Г. Соколовскій, слѣдуя впрочемъ Кронебергу, удачно замѣнилъ эту фразу стихомъ:

Не время литься теперь слезамъ *).

Пойдемъ далѣе. Въ первой сценѣ третьяго акта переводчикъ вновь безъ достаточныхъ основаній отступаетъ отъ подлинника. У Шекспира Макбетъ спрашиваетъ Банко:

Вы уѣзжаете послѣ обѣда?

На что Банко отвѣчаетъ утвердительно: Да, государь! — Вмѣсто этого простого *да* переводчикъ влагаетъ въ уста Банко излишнюю и неправильную по-русски фразу, ибо здѣсь дѣло идетъ о будущемъ, а не о прошедшемъ:

Да, я точно
Былъ долженъ отлучиться.

Вслѣдъ за этимъ г. Соколовскій удачно перефразируетъ напутствіе Макбета Банко: «желаю вашимъ лошадямъ быстраго и вѣрнаго бѣга и поручаю Васъ спинамъ ихъ». Слова Макбета звучатъ по-русски нѣсколько странно, и переводчикъ хорошо сдѣлалъ, замѣнивъ ихъ слѣдующими стихами:

Желаю вамъ ретивыхъ
И вѣрныхъ лошадей, чтобы довезли
Онѣ благополучно васъ.

---

*) У Юрьева это мѣсто передано весьма неудачно:

Наши слезы
Еще сперлись въ груди и не готовы.

Въ той же сценѣ Макбетъ такъ описываетъ крайне тяжелое состояніе своей души:

Лучше было бы
Зарытымъ быть въ своей могилѣ съ тѣмъ, кого
Навѣкъ мы успокоили, чтобъ этимъ
Найти себѣ покой — чѣмъ выносить
Такую пытку вѣчнаго *сомнѣнья*,
Способнаго, пожалуй, довести
До сумасшествія. Дунканъ *привольно*
Лежитъ въ своей могилѣ и т. д.

Здѣсь слово *сомнѣнье* совершенно неумѣстно, ибо Макбетъ говоритъ не о сомнѣньяхъ, а о самомъ фактѣ убійства и вытекающей изъ него страшной душевной пыткѣ (torture of the mind), которая отравляетъ собой и дни и ночи его. Равнымъ образомъ неудаченъ эпитетъ *привольно*, ибо какое же приволье можетъ быть въ могилѣ? въ подлинникѣ сказано просто, что Дунканъ спитъ спокойно (well) послѣ тревожной лихорадки жизни.

Далѣе Макбетъ объясняетъ женѣ, что душевныя муки его усиливаются при мысли, что Банко и его сынъ живутъ.

Лэди Макбетъ. Но жизнь
Ихъ можетъ и прерваться.
Макбетъ. Этой мыслью
Я только живу. *Покончить можно*
Съ обоими. Такъ будь же весела
Поэтому и ты. Быть можетъ прежде
Чѣмъ нетопырь успѣетъ облетѣть
Вокругъ старинной башни...
Свершится страшный подвигъ!

Весь тонъ рѣчи Макбета зловѣщій и загадочный; подчеркнутыхъ стиховъ нѣтъ, да и не могло быть въ его рѣчи. Если бы они были, то лэди Макбетъ нечего было спрашивать: какой же это подвигъ? А Макбету ей отвѣчать: этого тебѣ я не скажу.

Когда въ сценѣ пира (актъ III, сц. 4) лэди Макбетъ напо-

минаетъ мужу, чтобъ онъ былъ любезенъ съ гостями, ибо пиръ не въ пиръ, если онъ не приправленъ радушіемъ хозяина, Макбетъ у Шекспира отвѣчаетъ: О милая напоминальщица! (sweet remembrancer). Такъ какъ слово *напоминальщица* звучитъ некрасиво и не укладывается въ стихъ, то Кронебергъ замѣнилъ его словами: Да, правда, милый другъ! А Юрьевъ словами:

Благодарю
За доброе напоминанье.

Желая придать словамъ Макбета русскій колоритъ, г. Соколовскій заставилъ Макбета обратиться къ женѣ съ такой фразой:

Брани, брани, заводчица веселья!

Въ концѣ той же сцены Макбетъ вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда камни двигались, деревья говорили, а авгуры понимали языкъ птицъ и черезъ нихъ открывали сокровеннѣйшихъ убійцъ. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ соображеній переводчикъ приписываетъ эти чудеса самому Макбету:

Мнѣ рѣчь теперь ясна камней, деревьевъ!
Крикъ ворона, зловѣщій голосъ совъ —

и къ этому прибавляетъ еще три стиха, о которыхъ и помину нѣтъ въ подлинникѣ:

Пророческій во всемъ я слышу голосъ,
Мнѣ громко вопіющій, чья теперь
Нужна мнѣ кровь.

Въ пятой сценѣ того же акта переводчикъ вкладываетъ въ уста царицы вѣдьмъ Гекаты такія выраженія о Макбетѣ, которыя скорѣе можно отнести къ Гамлету, чѣмъ къ Макбету:

Лишившись разсудка средь черныхъ видѣній,
Презрительный вызовъ онъ бросилъ судьбѣ,

Добра отречется въ порывѣ сомнѣній
И сгибнетъ на вѣки въ тяжелой борьбѣ.

Слова эти бросаютъ ложный свѣтъ на характеръ Макбета. По словамъ Гекаты, онъ погибнетъ не отъ своего скептицизма, а вслѣдствіе своей самонадѣянности и вытекающей отсюда вѣры въ свою безопасность, а извѣстно — говоритъ Геката, — что самонадѣянность (security) есть главнѣйшій врагъ человѣка, ибо въ силу своей самонадѣянности онъ будетъ возставать противъ судьбы и ставитъ себя выше мудрости и страха*).

Переходимъ къ 4 акту, который переведенъ въ общемъ удовлетворительнѣе третьяго. Въ сценѣ III въ разговорѣ Малькольма съ Мэкдофомъ о несчастномъ состояніи ихъ общей родины Шотландіи первый, назвавши Макбета тираномъ, самое имя котораго противно произнесть, вдругъ совершенно неожиданно прибавляетъ:

Злость его
Быть можетъ напускная. Вотъ Вамъ
Средство его смирить.

Подчеркнутыхъ стиховъ, конечно, нѣтъ въ подлинникѣ, потому что ими уничтожалась бы прежде высказанная характеристика Макбета; на какомъ основаніи они прибавлены отъ себя переводчикомъ — мы не знаемъ. Желая испытать Мэкдофа, Малькольмъ много распространяется о своихъ порокахъ и между прочимъ заявляетъ, что онъ одержимъ порокомъ *ненасытной скупости*, тогда какъ въ данномъ случаѣ *avarice* означаетъ не

*) Кронебергъ перевелъ это мѣсто очень плохо и замѣнилъ самонадѣянность слѣпотою; у Юрьева этотъ мотивъ сохраненъ:

Въ немъ вѣры въ счастье вспыхнетъ жаръ напрасный,
Онъ презритъ мудрость, страхъ и разумъ ясный.
Надъ смертью смѣясь, на страшный бой
Надменно выйдетъ онъ съ самой судьбой,
Всегда увѣренность въ судьбѣ своей —
Извѣстно вамъ — первѣйшій врагъ людей.

скупость, а жадность, что видно изъ послѣдующихъ словъ Малькольма:

Ставъ королемъ, я буду радъ зарѣзать
Всѣхъ тановъ поголовно, лишь бы только
Достались мнѣ ихъ земли.

Въ разговорѣ Малькольма съ Мэкдофомъ встрѣчается неловкое выраженіе: вмѣсто того чтобы сказать, что такой король недостоинъ жизни, сказано совсѣмъ не по-русски:

Онъ жить не стоитъ.

Описывая самыми мрачными красками состояніе Шотландіи Малькольму и Мэкдофу, прибывшій оттуда лордъ Россъ между прочимъ говоритъ:

Отчаянье сразило
Огульно всѣхъ какъ яростный и злой
Припадокъ бѣшенства.

Въ подлинникѣ стоитъ: where violent sorrow seems a modera ecstasy, т. е. гдѣ сильное горе кажется обычнымъ явленіемъ (собственно возбужденіемъ).

Руководимый желаніемъ приблизить Шекспира къ пониманію современнаго русскаго человѣка, г. Соколовскій нерѣдко употребляетъ слова и выраженія изъ современнаго разговорнаго жаргона, которыя неумѣстны въ переводѣ писателя XVI в. Такъ Россъ сообщаетъ о томъ, что многіе *порядочные* люди рѣшились выйти въ поле, чтобы возстать и свергнуть иго рабства; въ подлинникѣ many worthy fellows (многіе достойные люди). Замѣчательно, что это очень легкое мѣсто подверглось у русскихъ переводчиковъ самымъ превратнымъ толкованіямъ. Кетчеръ переводилъ слова *were out* (вышли въ поле) словомъ *спроважены:* много достойныхъ людей спроважено; Кронебергъ, понимающій выраженіе *were out* въ томъ же смыслѣ, переводитъ такъ:

Пронесся слухъ,
Что многія изъ знатныхъ лицъ убиты.

Исключеніе составляетъ Юрьевъ:

Выступило много
Мужей достойныхъ въ поле на тирана.

Въ пятомъ актѣ слѣдуетъ отмѣтить два мѣста, которыя подлежатъ исправленію. Въ сценѣ лунатизма, когда лэди Макбетъ уходитъ въ спальню, докторъ, наблюдавшій ея припадокъ, замѣчаетъ, что не даромъ ходятъ далеко дурные толки. Не вѣря въ сообразительность русской публики, которая, пожалуй, и не догадается, о какихъ толкахъ идетъ рѣчь, г. Соколовскій влагаетъ въ уста доктора другія слова:

Намекъ ужасный вырвался невольно
Изъ устъ ея

и въ примѣчаніи 85 разъясняетъ, почему онъ такъ переводитъ; но принять его толкованіе препятствуетъ слово abroad, которое показываетъ, что тутъ дѣло идетъ не о намекѣ, вырвавшемся невольно изъ устъ лэди Макбетъ, а о слухахъ, которые носились вездѣ въ окрестностяхъ (abroad).—Въ третьей сценѣ Макбетъ говоритъ доктору:

А ты возьмись лѣчить мнѣ государство,
Сунь носъ въ сю мочу и т. д.

Въ подлинникѣ сказано: *изслѣдуй мочу моего государства* (Cast the water of my land), ибо въ эпоху Шекспира медицина уже занималась изслѣдованіемъ мочи больнаго, а замѣна изслѣдованія сованіемъ носа доктора въ мочу можетъ навести на мысль, что изслѣдованіе только этимъ и ограничивалось.

Познакомившись съ общими пріемами работы г. Соколовскаго, возьмемъ теперь на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ различныхъ драмъ Шекспира и сравнимъ переводъ ихъ, сдѣланный

г. Соколовскимъ, съ переводами другихъ переводчиковъ. — Изъ русскихъ переводчиковъ Шекспира г. Соколовскій стоитъ ближе всѣхъ къ Дружинину. Оба они сознательно стремятся передать не букву, но духъ и поэзію подлинника; оба они тщательно избѣгаютъ фразъ и оборотовъ, чуждыхъ духу русскаго языка; разница между ними не въ методѣ работы, а въ силѣ поэтическаго таланта. Г. Дружининъ безспорно обладаетъ бóльшимъ вкусомъ и лучше владѣетъ стихомъ; оттого его переводы читаются легче. У Дружинина въ его переводѣ Лира мы нигдѣ не встрѣтимъ тяжеловатыхъ стиховъ въ родѣ слѣдующихъ:

Но увидя,
Что въ мигъ одинъ успѣлъ ужь ободрить
Себя я чувствомъ правды и т. д. (Актъ II, Сц. I),

или:

Свою я старость думалъ успокоить,
Довѣрившись рукамъ ея (Актъ I, Сц. I).

На вопросъ Кента, кто сидитъ въ шалашѣ, шутъ отвѣчаетъ: его милость король и голякъ (Here's grace and cod-piece). У Дружинина: Король и Колпакъ. У г. Соколовскаго хотя и ближе къ буквѣ подлинника, но за то крайне тяжело и не совсѣмъ ясно:

Охабка величія съ пустымъ стручкомъ.

Чтобъ понять эту фразу, нужно обратиться за разъясненіемъ къ соотвѣтствующему примѣчанію, чего, конечно, театральная публика не сдѣлаетъ. Это пристрастіе къ народнымъ и вульгарнымъ выраженіямъ отчасти объясняется тѣмъ, что Соколовскій имѣлъ въ виду главнымъ образомъ сцену, а г. Дружининъ читающую публику — преимущественно образованную молодежь обоего пола, которую онъ хотѣлъ заинтересовать Шекспиромъ. Опасаясь отпугнуть эту публику шекспировскими эвфуизмами и непонятными ей современными намеками, Дружининъ упрощалъ на каждомъ шагу роскошный метафорическій языкъ Шекспира, опускалъ современные намеки и даже реплики дѣйствующихъ

лицъ, если они ему казались задерживающими безъ нужды ходъ дѣйствія. Совершенно иначе поступаетъ г. Соколовскій. Болѣе увѣренный въ сочувствіи публики и принимая въ соображеніе требованія сцены, онъ бережнѣе обращается съ текстомъ Шекспира, не пугается современныхъ намековъ, не опускаетъ характерныхъ репликъ, переводитъ напр. всѣ пѣсни шута короля Лира, большая половина которыхъ была опущена его предшественникомъ, и старается только о томъ, чтобъ придать рѣчи Шекспира русскій колоритъ и тѣмъ приблизить его къ пониманію русской театральной публики. Отсюда такія выраженія: *Вотъ сказъ тебѣ! Былъ Лиромъ да сплылъ! Лыкомъ шитая ты образина!* и т. д. Въ особенности кишитъ руссизмами переводъ *Виндзорскихъ Проказницъ*, пьесы, бытовой тонъ которой повидимому самъ наталкивалъ на народныя выраженія. Тутъ мы встрѣчаемъ такія слова, какъ-*могарычъ*, *Батюшка баринъ*, *тетенька Пэджъ и глуздарь*, и такія выраженія: *Здорово, мать моя; все черезъ пень-колоду идти; тяпну его по башкѣ; тяпну съ нимъ чару Канарскаго; устрой такъ, чтобъ онъ всегда промежъ васъ съ ней состоялъ* и т. д. Всѣ эти руссизмы, нисколько не достигающіе цѣли, придаютъ дикціи пьесы несвойственный колоритъ. Не трудно замѣнить фунтъ по курсу десятью рублями, шерифа назвать земскимъ начальникомъ, а графство губерніей, но этимъ Шекспиръ не приблизится къ пониманію русскаго зрителя, а развѣ собьетъ его съ толку. Подобная руссификація была затѣяна въ пятидесятыхъ годахъ относительно Гомера. Извѣстный знатокъ классическаго міра Ордынскій вздумалъ было сдѣлать Илліаду народнымъ русскимъ произведеніемъ и для этой цѣли перевелъ ее слогомъ народныхъ русскихъ былинъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ герои Гомера бранились между собой какъ пьяные извозщики, а пастырь народовъ Агамемнонъ восклицалъ: *А ну-те-ка оболокнемъ Ахеянъ!* Но попытка не удалась, и единственнымъ о ней воспоминаніемъ осталась прекрасная статья Каткова въ *Пропилеяхъ*, гдѣ была доказана нелѣпость мысли перелицовать на русскій ладъ Илліаду, забывая, что греческая и благополучно

поживающая русская народность мало походятъ другъ на друга. Хотя г. Соколовскій прибѣгаетъ къ пріему Ордынскаго только изрѣдка и иногда даже весьма удачно*), мы всетаки совѣтовали бы ему въ этомъ отношеніи бóльшую осторожность, изъ опасенія придать Шекспиру несвойственный ему колоритъ, что и случилось съ г. Соколовскимъ въ той же пьесѣ, когда онъ, слѣдуя примѣру Кетчера, вздумалъ заставить валлисца пастора Эванса и француза доктора Каюса говорить языкомъ русскихъ нѣмцевъ и произносить такія фразы: *въ гербѣ тѣьнатцать сукъ* (*т. е. щукъ*): *сука шивотное плохоратное и первый трузъ человѣкъ.* Или: *если Анна Пэджъ не будетъ мой жонъ — я будетъ толкать твой въ шея.* При произнесеніи подобныхъ фразъ со сцены получится несомнѣнный комическій эффектъ, но эффектъ такого грубаго свойства, что его слѣдуетъ избѣгать. Поэтому съ бóльшимъ тактомъ поступилъ одинъ изъ прежнихъ переводчиковъ *Виндзорскихъ Проказницъ* г. Вейнбергъ, совсѣмъ отказавшись отъ желанія передать по русски коверканіе англійскаго языка, производимое Эвансомъ и Каюсомъ. Не смотря на указанные недостатки, переводъ г. Соколовскаго отличается многими солидными достоинствами. Ни у кого изъ русскихъ переводчиковъ мы не встрѣтили такого добросовѣстнаго отношенія къ тексту Шекспира. Г. Соколовскій долго работалъ надъ текстомъ своего любимаго поэта, сжился съ нимъ душой. Онъ пользуется всѣми извѣстными изданіями текста Шекспира, призываетъ къ отвѣту и ранніе Quarto и позднѣйшіе In Folio, тщательно сопоставляетъ ихъ между собою; онъ знаетъ всѣ эмендаціи, предложенныя критиками, и, сравнивая ихъ между собою, искусно отдѣляетъ пшеницу отъ наносныхъ плевеловъ. Отсюда необы-

---

*) Такъ напримѣръ мы находимъ замѣну фамиліи мистера Брука (Brook значитъ ручей, потокъ) мистеромъ Струемъ весьма удачной, ибо она дала возможность переводчику внести въ свой переводъ всѣ связанные съ этимъ шекспировскіе каламбуры. Узнавъ, что мистеръ Струй приказалъ ему поднести кружку хересу, Фольстафъ восклицаетъ: Добро пожаловать всякому Струю, если онъ струится такой хорошой струей.

кновенная полнота его перевода. Онъ не опускаетъ ни одной реплики, ни одной пѣсенки шута и вноситъ въ свой переводъ все, что, сообщая рѣчи оригинальный шекспировскій колоритъ, не противорѣчитъ духу русскаго языка; если же въ текстѣ встрѣчаются выраженія, шокирующія русское ухо или мало понятныя публикѣ, то онъ, не измѣняя смысла, измѣняетъ только ихъ форму. Конечно, если сравнить отдѣльныя мѣста въ переводахъ г. Соколовскаго съ соотвѣтственными мѣстами у Каткова или Дружинина, то у послѣднихъ они окажутся красивѣе и поэтичнѣе, но, взятый въ цѣломъ, переводъ любой пьесы Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, окажется болѣе шекспировскимъ по колориту, чѣмъ переводы его предшественниковъ.

Переводу шекспировскихъ драмъ г. Соколовскій предпосылаетъ обширное введеніе, въ которомъ старается выяснить значеніе Шекспира въ исторіи всемірной литературы; затѣмъ слѣдуетъ краткая біографія поэта, а въ заключеніе г. Соколовскій высказываетъ свой взглядъ на задачу русскаго переводчика произведеній Шекспира. «Предпосылая тексту моего перевода—говоритъ онъ—краткую біографію Шекспира, я считаю необходимымъ сказать, что въ ней читатели найдутъ изложеніе лишь тѣхъ фактовъ его жизни, достовѣрность которыхъ доказана безусловно». Какъ ни строго подобное заявленіе, съ научной точки зрѣнія съ нимъ можно примириться, но съ чѣмъ нельзя примириться, такъ это съ тѣмъ, что авторъ, наряду съ полудостовѣрными анекдотами, наполняющими обыкновенно біографіи Шекспира, выбрасываетъ изъ біографіи поэта такіе вполнѣ достовѣрные и характерные факты, какъ напр. свидѣтельство Миреса о литературной дѣятельности Шекспира до 1598 или отзывъ Четтля и Бэнъ-Джонсона, лично знавшихъ поэта, объ его нравственномъ характерѣ.—Этихъ современныхъ отзывовъ никто никогда и не думалъ оспаривать; притомъ же они бросаютъ такой яркій свѣтъ на Шекспира, что ихъ можно найти въ самой краткой біографіи поэта. Нельзя одобрить также неловкаго критическаго пріема, въ силу котораго авторъ, такъ безпощадный къ

нетвердымъ фактамъ, самъ высказываетъ сужденія, лишенныя всякой фактической основы. Таковъ напр. его отзывъ о матери Шекспира, не умѣвшей подписать своего имени, которую онъ въ одномъ мѣстѣ называетъ женщиной *образованной* (стр. 72); такъ напр. въ другомъ мѣстѣ (стр. 78) авторъ утверждаетъ, что Гринъ поносилъ Шекспира за тѣ нововведенія, которыя молодой поэтъ внесъ въ классическій строй прежней сцены — утвержденіе крайне неосновательное, ибо извѣстно, что Марло, Гринъ и Шекспиръ всѣ трое принадлежали къ народно-романтической школѣ драматурговъ и что Гринъ осыпалъ Шекспира бранью за то, что послѣдній, быстро достигнувъ извѣстности, отбивалъ у нихъ хлѣбъ, передѣлывая старинныя пьесы и дѣлая это лучше, чѣмъ они это дѣлали.—Говоря о переселеніи Шекспира изъ Стрэтфорда въ Лондонъ, авторъ отбрасываетъ мало достовѣрное преданіе о причинѣ, заставившей поэта оставить родной городокъ, и утверждаетъ, что Шекспиръ сдѣлалъ это потому, что былъ Шекспиромъ и что провести всю жизнь въ маленькомъ городишкѣ, среди мелкихъ житейскихъ дрязгъ, никакъ не могло входить въ его планы и надежды (т. I, стр. 77). Все это справедливо, но не вѣрна аналогія, проводимая по этому поводу между Шекспиромъ и Гете, который будто бы покинулъ Франкфуртъ и переселился въ Веймаръ, руководимый подобными же побужденіями. Авторъ забываетъ то обстоятельство, что если Шекспиръ бросилъ Стрэтфордъ для Лондона, чтобъ дать просторъ своимъ силамъ и сдѣлать свою карьеру, то Гете этого дѣлать было не нужно, ибо его литературная карьера была въ то время уже сдѣлана; онъ былъ уже славнымъ авторомъ Геца и Вертера, и не онъ искалъ, а его искали.

Къ числу немаловажныхъ достоинствъ труда г. Соколовскаго принадлежитъ то, что каждой переведенной имъ пьесѣ Шекспира предпосланъ обстоятельный критическій этюдъ о ней. Въ этюдахъ этихъ нерѣдко проявляется тонкое критическое чутье и значительная начитанность автора въ области шекспировской критики. Какъ критикъ, г. Соколовскій принадлежитъ къ пси-

хологической школѣ и относится съ большимъ недовѣріемъ къ измышленіямъ нѣмецкой философской критики, которая стремится прежде всего найти въ каждой драмѣ Шекспира одну основную идею и навязать ее Шекспиру. Такъ поступаютъ Ульрици, Ретшеръ и отчасти даже Гервинусъ. Г. Соколовскій является убѣжденнымъ противникомъ этого рода критики. По словамъ г. Соколовскаго (т. I, стр. 250), Шекспиръ, подобно всѣмъ великимъ художникамъ, творилъ безъ предвзятыхъ идей, и если мы читаемъ въ его произведеніяхъ великіе для себя уроки, то лишь потому, что необычайная яркость, правда и сила его образовъ дѣлаетъ ихъ равнымъ твореніямъ самой жизни, изъ которой мы черпаемъ всю нашу премудрость. Хотя г. Соколовскому приходится не разъ говорить объ основной идеѣ той или другой пьесы, но онъ понимаетъ эту идею не въ смыслѣ непререкаемой отвлеченной формулы, изъ которой нѣмецкая критика выводитъ весь ходъ дѣйствія и всѣ характеры пьесы, а въ смыслѣ житейской истины или нравственнаго урока, который навѣвается содержаніемъ пьесы и составляетъ какъ бы общій выводъ изъ нея, а такихъ выводовъ можетъ быть много, ибо они зависятъ отъ личностей, которыя ихъ дѣлаютъ. Изучая драмы Шекспира съ психологической точки зрѣнія, отмѣчая психологическія стадіи развитія главныхъ характеровъ, авторъ прибѣгаетъ къ пріему, если не особенно новому, то во всякомъ случаѣ самому надежному: онъ постоянно сравниваетъ драмы Шекспира съ ихъ источниками и удивляется тому поразительному искусству, съ которымъ Шекспиръ съумѣлъ создать изъ неясныхъ намековъ хроники или новеллы цѣльные драматическіе характеры. Особенно хорошо проведена эта точка зрѣнія при сравненіи Макбета съ хроникой Голиншеда. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что эта хроника представляетъ собою не болѣе какъ сухой перечень событій, безъ всякой попытки ихъ осмыслить и связать, между тѣмъ какъ характеръ Макбета, въ томъ видѣ какъ онъ изображенъ Шекспиромъ, именно потому и замѣчателенъ, что въ немъ развертывается стройная исторія человѣческой души, выслѣжен-

ной въ мельчайшихъ изгибахъ и проведенной черезъ цѣлый рядъ самыхъ глубокихъ, самыхъ важныхъ психологическихъ положеній (т. I, стр. 375—76). Строгое проведеніе психологическаго метода по всѣмъ драмамъ Шекспира составляетъ несомнѣнную заслугу г. Соколовскаго. Если въ чемъ можно упрекнуть нашего автора, то развѣ въ его, правда довольно рѣдкихъ, экскурсіяхъ въ область психіатріи, науки еще не окрѣпшей, принципы которой нужно примѣнять съ большой осторожностью къ литературной критикѣ. Идя по слѣдамъ англійскихъ критиковъ-психіатровъ, г. Соколовскій находитъ въ Макбетѣ и нервную болѣзнь и яростное состояніе души, близкое къ острому помѣшательству. О послѣднемъ мы не будемъ спорить, ибо Макбетъ послѣдняго акта и своимъ приближеннымъ кажется помѣшаннымъ, но считать суевѣріе Макбета нервной болѣзнью едва ли справедливо. Если суевѣріе нервная болѣзнь, то и источникъ его, невѣжество, тоже нервная болѣзнь, и тогда всѣхъ дикарей нужно признать нервно-больными — выводъ, съ которымъ едва ли согласятся психіатры, утверждающіе, что нервныя болѣзни главнымъ образомъ развиваются на почвѣ высшей культуры. Подробный разборъ этюдовъ г. Соколовскаго выходитъ изъ предѣловъ данной намъ задачи, а потому мы ограничимся краткими замѣтками и укажемъ на недомолвки и пробѣлы, замѣченные нами при бѣгломъ чтеніи ихъ.—Разбирая, напримѣръ, характеръ лэди Макбетъ, авторъ въ особенности настаиваетъ на томъ, что въ противоположность мужу она совсѣмъ не имѣла совѣсти и потому не могла испытывать никакого раскаянія. По его мнѣнію, изображать лэди Макбетъ мучащеюся по собственной иниціативѣ страхомъ или угрызеніями совѣсти значило бы исказить ея характеръ до самаго основанія противъ того, какъ онъ былъ задуманъ (т. I, стр. 393). Не говоря уже о томъ, что Шекспиръ не любилъ изображать выродковъ человѣческой природы, взглядъ этотъ опровергается знаменитой сценой сомнамбулизма, въ которой лэди Макбетъ помимо своей воли высказываетъ ночью то, что тяготило ея душу днемъ, т. е. дѣлаетъ то же, что дѣлаетъ Ри-

чардъ III во снѣ наканунѣ Босвортской битвы. — Изъ пьесы не видно, чтобъ лэди Макбетъ была лунатичкой; она сдѣлалась ею подъ вліяніемъ неотступныхъ думъ и угрызеній совѣсти, которыя она высказывала въ припадкѣ сомнамбулизма. Искусство Шекспира состояло въ томъ, что онъ съумѣлъ поставить сомнамбулизмъ лэди Макбетъ въ причинную связь съ жгучими муками совѣсти, которыя она подавляла днемъ и противъ которыхъ она была безсильна ночью, когда, объятая сномъ, она не могла контролировать ни своихъ рѣчей, ни своихъ поступковъ. Не принявъ этого въ соображеніе, авторъ бросилъ односторонній и ложный взглядъ на характеръ лэди Макбетъ, который можетъ привести въ недоумѣніе его читателей. Ту же односторонность проявилъ г. Соловскій въ своемъ взглядѣ на загадочный характеръ Жака (въ комедіи *Какъ вамъ угодно*), котораго Жоржъ Зандъ назвала Альцестомъ эпохи Возрожденія. Авторъ видитъ въ Жакѣ только личность комическую и называетъ его маленькимъ комическимъ Тимономъ. — Ему не приходитъ въ голову, что Шекспиръ не былъ бы поэтомъ, если бы взглянулъ только съ комической точки зрѣнія на этого чувствительнаго до сентиментальности меланхолика, который одинаково способенъ проливать слезы надъ раненнымъ стрѣлою оленемъ и искренно скорбѣть о сбившемся съ пути человѣчествѣ. Самъ герцогъ, относившійся къ Жаку отрицательно и не признававшій за нимъ права обличать другихъ, такъ какъ въ юности онъ самъ былъ страшнымъ развратникомъ, тѣмъ не менѣе находилъ обличительныя тирады Жака глубокомысленными и любилъ ихъ слушать—знакъ, что онъ не видѣлъ въ Жакѣ только лицо комическое. При обсужденіи характера Жака не нужно упускать изъ виду ту роль, которую онъ играетъ въ экономіи пьесы. Роль эта состоитъ въ томъ, чтобъ быть коррективомъ къ пасторальной тенденціи пьесы. Сопоставляя между собой искусственную жизнь городовъ и простую нравственно-здоровую и близкую къ природѣ жизнь въ лѣсу и видимо отдавая преимущество послѣдней, Шекспиръ съ свойственною ему широтой взгляда хотѣлъ показать, что и эта послѣдняя не можетъ удовлетворить

человѣка съ тонко-чувствительной душой, потому что она основана на насиліи и жестокости по отношенію къ животнымъ. Выразителемъ протеста противъ этой жестокости и является Жакъ. Предваряя на два столѣтія свое время, великій поэтъ создалъ типъ родоначальника новѣйшаго сантиментализма, который говоритъ въ сущности то же, что будутъ говорить впослѣдствіи Стернъ и Бэрнсъ. Въ одномъ примѣчаніи къ *Виндзорскимъ Проказницамъ* г. Соколовскій дѣлаетъ тщетную попытку опредѣлить, къ какому періоду жизни Фольстафа относится дѣйствіе пьесы. Попытки эти дѣлались уже не разъ другими критиками и всегда безъ результата. Это происходило оттого, что критики обращали вниманіе не на общій смыслъ пьесы, а на разныя, противорѣчащія одна другой мелочи. Такъ поступаетъ и нашъ критикъ и думаетъ, что онъ рѣшилъ вопросъ, сославшись на слова Пэджа (актъ III, сц. 2), который, говоря о Фольстафѣ, замѣчаетъ, что онъ якшается въ компаніи принца и Пойнса, а такъ какъ эта компанія перестала существовать съ восшествія принца на престолъ, то комедія должна изображать эпизодъ изъ жизни Фольстафа до удаленія его отъ двора. Но такому толкованію противорѣчитъ роль Шалло, который передъ самой коронаціей далъ Фольстафу взаймы 1000 фунтовъ и съ тѣхъ поръ слѣдилъ за нимъ какъ тѣнь. Извѣстно преданіе, что пьеса была написана по заказу королевы Елизаветы и притомъ въ такой короткій срокъ (двѣ недѣли), что Шекспиру не было времени думать, къ какому періоду жизни Фольстафа отнести ея интригу. Предоставляя это собственной фантазіи зрителей, Шекспиръ думалъ только о томъ, чтобъ разсмѣшить королеву изображеніемъ любовныхъ подвиговъ Фольстафа. Если обращать вниманіе на мелочи, то пьесу можно отнести къ разнымъ періодамъ его жизни, но если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія типа Фольстафа, то, несомнѣнно, она должна быть отнесена къ послѣднему періоду, когда Фольстафъ настолько постарѣлъ и поглупѣлъ, что лишился своего прежняго юмора, остроумія и изворотливости и далъ себя поддѣть не разъ на такую удочку, на которую никогда бы не попался прежній Фольстафъ.

Поэтому авторъ не правъ, утверждая, «что Фольстафъ Виндзорскихъ Проказницъ влюбленный (?), осмѣянный и даже битый, звучитъ совершенно въ тонъ съ тѣмъ забавнымъ трусомъ и хвастуномъ, какимъ онъ былъ изображенъ прежде». Главный источникъ немногихъ попадающихся въ этюдахъ г. Соколовскаго промаховъ и недоразумѣній — это страстная любовь къ Шекспиру, не только закрывающая глаза на его недостатки, но иногда даже превращающая эти недостатки въ достоинства. Яркимъ примѣромъ этого пристрастія къ любимому поэту можетъ служить этюдъ г. Соколовскаго о Коріоланѣ. Что, плохо знакомый съ римскимъ государственнымъ устройствомъ, Шекспиръ изобразилъ въ ложномъ свѣтѣ борьбу сословій въ древнемъ Римѣ, что вмѣсто стойкихъ и сдержанныхъ плебеевъ онъ вывелъ на сцену не римскую, а современную ему англійскую чернь — объ этомъ было много писано не только въ иностранной, но и въ русской шекспировской критикѣ. Все это должно быть извѣстно автору, но это не помѣшало ему восхищаться историческимъ чутьемъ Шекспира. «Читая — говоритъ онъ — сцены драмы, гдѣ шумъ и галдѣнье толпы, увлекаемой хитрыми вождями трибунами, рѣшаетъ государственные вопросы бурнымъ натискомъ, подобно лавинѣ, мы видимъ передъ собою изображеніе древняго Рима лучше, чѣмъ могутъ его описать краснорѣчивыя страницы присяжныхъ историковъ» (томъ IV, стр. 19). Что до характера героя пьесы, то онъ понятъ нашимъ критикомъ слишкомъ односторонне и потому не вѣрно. Упустивъ изъ виду основной законъ шекспировской психологіи, сложность мотивовъ, г. Соколовскій считаетъ преобладающей чертой личности Коріолана страсть къ военной славѣ и выводитъ изъ этого свойства и его судьбу. При такомъ взглядѣ другая, не менѣе важная черта, патриціанская гордость Коріолана, отходитъ на второй планъ, а она-то и была главной причиной его изгнанія, ибо не жажда славы повела его къ Вольскамъ, а желаніе отомстить изгнавшей его родинѣ. Возставая противъ нѣкоторыхъ одностороннихъ увлеченій автора, мы держимся однакожъ того мнѣнія, что предпосланные переводу

пьесъ этюды, взятые въ цѣломъ, представляетъ собою весьма полезное пособіе для всякаго серьезно интересующагося Шекспиромъ.

Разсмотрѣвъ переводъ драмъ Шекспира, сдѣланный г. Соколовскимъ, указавъ на достоинства и недостатки этого многолѣтняго колоссальнаго труда, въ который вложено переводчикомъ столько любви, знанія и таланта, я считаю возможнымъ ходатайствовать передъ Академіей Наукъ о награжденіи г. Соколовскаго полной Пушкинской преміей.

Н. Стороженко.

II.

К. Станюковичъ: Собраніе сочиненій, томы I и II. — Морскіе разсказы (М. 1897 г.).

Собраніе сочиненій К. М. Станюковича въ 2 томахъ, представленное на соисканіе Пушкинской преміи, заключаетъ въ себѣ болѣе 30 разсказовъ, очерковъ и характеристикъ, относящихся къ жизни и быту русскаго военнаго флота. Въ живыхъ разнообразныхъ типахъ русскаго матроса и морскаго офицера онъ изображаетъ ярко и рельефно эту жизнь и бытъ, начиная съ царствованія Императора Николая 1-го до позднѣйшаго времени. Особенно подробно при этомъ выступаетъ періодъ реформъ во флотѣ, въ 60 и 70-хъ годахъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ авторъ является не историкомъ-изслѣдователемъ, или лѣтописцомъ бытописателемъ, но настоящимъ художникомъ, воспроизводящимъ жизнь и дѣйствительность хотя по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, но совершенно объективно, безъ преувеличеній, прикрасъ и искаженій. Всѣ его разсказы дышатъ искренностью, безпристрастіемъ, настоящею правдою, при полной реальности. Самый большій изъ нихъ по объему, подъ названіемъ «Грозный адмиралъ», рисуетъ типъ стараго служаки, грознаго командира корабля, созданнаго суровымъ режимомъ Николаевскаго времени, и ставитъ его въ столкновеніе съ новыми вѣяніями шестидесятыхъ годовъ, съ «новымъ духомъ», которымъ

заразился его родной младшій сынъ, кадетъ, будущій морякъ. Герой этого разсказа, воспитанный на идеяхъ безусловнаго подчиненія и суровой дисциплины, отрицающій личное самосознаніе въ подчиненныхъ людяхъ, эгоистъ и самоуправецъ по натурѣ, адмиралъ Ветлугинъ, почувствовавшій власть командира въ своихъ рукахъ, дѣлается жестокимъ деспотомъ, признающимъ только себя, свою волю, свою личность. Безупречно честный, строгій исполнитель служебнаго долга, онъ заботится о пищѣ, здоровьѣ и довольствѣ матросовъ и въ то же время безпощадно наказываетъ ихъ за малѣйшую неисправность, бьетъ и запарываетъ до полусмерти, безжалостно вгоняетъ въ чахотку матросовъ безмѣрными требованіями и взысканіями. Совѣсть его остается спокойною, потому что онъ оправдываетъ себя сознаніемъ исполненнаго долга и непониманіемъ возможности другаго отношенія къ службѣ и людямъ. Освобожденный отъ командованія въ морѣ и получившій почетное служебное положеніе на сушѣ, на берегу, адмиралъ смотритъ на свой домъ, на свою семью, на жену и взрослыхъ дѣтей, какъ на управляемый имъ корабль съ подчиненной ему командой: и у себя дома онъ также суровъ и недоступенъ, также наслаждается внушаемымъ страхомъ и трепетомъ предъ своей особой, также слѣдитъ за строгимъ порядкомъ и самъ соблюдаетъ его по минутамъ, также взыскателенъ къ прислугѣ и бьетъ ее за малѣйшую неисправность, но считаетъ своимъ долгомъ заботиться о содержаніи и матеріальномъ довольствіи своей семьи въ тѣхъ размѣрахъ, какіе признаны имъ для себя обязательными, творя при этомъ только свою волю, свою мысль, свои убѣжденія и не предполагая даже возможности противоположныхъ ему взглядовъ и требованій. Всѣ новыя идеи, новыя вѣянія времени въ общественной жизни, всѣ новшества въ близкой его сердцу морской жизни и службѣ, до воспрещенія бить и увѣчить матросовъ, только возмущаютъ и оскорбляютъ его и ведутъ, по его мнѣнію, къ нарушенію общественнаго порядка и колебанію основъ, къ гибели. У него въ домѣ, въ семьѣ, все подчинено ему, все безпрекословно идетъ по

установленному имъ порядку, и конечно онъ не допуститъ никакой перемѣны въ немъ и никогда не потерпитъ никакой оппозиціи. И вотъ вдругъ онъ встрѣчаетъ ее, эту оппозицію, оттуда, откуда меньше всего ожидалъ ее — отъ самаго младшаго члена семьи, отъ своего любимца, младшаго сына, въ которомъ онъ видѣлъ и ожидалъ повторенія самого себя, въ кадетѣ морскаго корпуса, 17-лѣтнемъ Сережѣ. Зараженный новыми идеями о необходимости науки и болѣе широкаго и всесторонняго образованія, чѣмъ даетъ корпусъ, Сережа задумалъ поступить въ университетъ и осмѣлился прямо обратиться съ заявленіемъ объ этомъ желаніи къ грозному родителю, который не признавалъ никакой иной службы государству кромѣ военной, всѣхъ остальныхъ сыновей сдѣлалъ офицерами, а Сережѣ предназначалъ быть морякомъ и поддержать во флотѣ славу имени Ветлугина.

Прекрасно, художественно и правдиво изображено авторомъ это столкновеніе стараго отца съ юнымъ сыномъ, стараго, отживающаго свой вѣкъ, но сильнаго, крѣпкаго и упорнаго міросозерцанія съ нарождающимся новымъ, слабымъ еще, но горячимъ, пылкимъ, и такимъ же упорнымъ, борьба деспотизма, опирающагося на матеріальную силу, отрицающаго права единичной личности, и нравственная самозащита этой личности. Оскорбленный уже одною смѣлостью мальчика, осмѣлившагося заявлять личныя свои мысли и желанія, противныя взглядамъ и намѣреніямъ всемогущаго командира семьи, доведенный до бѣшенства смѣлостью и возраженіями сына-«щенка», старикъ бросился было бить сына, но былъ остановленъ и побѣжденъ безстрашнымъ упорнымъ взглядомъ сына и его фразою: «вы можете меня убить, но бить я себя не позволю... я не боюсь васъ». Отецъ опустилъ руки и безмолвно отступилъ, почувствовавъ нравственную силу, противопоставленную его — матеріальной. Конечно, адмиралъ не могъ уступить сыну-мальчишкѣ вполнѣ и устроилъ, что его отправили, прежде окончанія курса и производства, въ кругосвѣтное плаваніе, но онъ долженъ былъ сознаться въ глубинѣ души, что народилось что-то новое, для него непонятное, но

сильное, съ чѣмъ необходимо считаться. Конечно, адмиралъ не могъ уже измѣнить своихъ убѣжденій и подчиниться новому вѣянію, но онъ не могъ же не сознавать, что отступилъ предъ грознымъ и рѣшительнымъ взглядомъ и рѣзкимъ отвѣтомъ сына-мальчика, онъ, который собственноручно избилъ и топталъ ногами другого сына, уже взрослаго офицера, который сдѣлалъ безчестный поступокъ и долженъ былъ уйти изъ полка. Но грозный генералъ, деспотъ-отецъ, не является въ разсказѣ автора звѣремъ: онъ остается человѣкомъ, способнымъ любить и прощать, переживъ жгучее чувство обиды и оскорбленія, нанесеннаго ему мальчикомъ-сыномъ. Настоявъ на своемъ съ цѣлью лишить его возможности поступленія въ университетъ, онъ прощаетъ обидчика и, отпуская его въ дальнее путешествіе и на долгую разлуку, благословляетъ его съ любовью, съ возможной для него лаской и довѣріемъ, бесѣдуя почти какъ съ равнымъ и отвѣчая только иронической улыбкой на его смѣлыя рѣчи, которыми юноша прямо обнаруживалъ свое сочувствіе къ новымъ, ненавистнымъ отцу порядкамъ во флотѣ.

Авторъ вполнѣ дорисовываетъ фигуру адмирала, описывая его отношенія къ прочимъ членамъ семьи и послѣдніе годы его жизни. Онъ былъ дикимъ безпощаднымъ звѣремъ и палачомъ сына, который сдѣлалъ безчестный поступокъ и отказался отъ предложенія отца застрѣлиться, чтобы смыть собственной кровью безчестіе, нанесенное его имени. Онъ выказывалъ явное презрѣніе и преслѣдовалъ ядовитыми и грубыми сарказмами и насмѣшками другаго сына, тоже офицера, типъ нарождавшагося въ то время фарисея-карьериста, несмотря на его раболѣпную почтительность къ отцу, внѣшне благоговѣйное согласіе съ его взглядами, убѣжденіями и правилами. Онъ видѣлъ, что этотъ сынъ, несмотря на свое видимое благонравіе и благонамѣренность и безукоризненную исправность по службѣ, способенъ былъ пробивать себѣ дорожку поднесеніемъ генеральшамъ просвирокъ и всякаго рода адъютантскимъ прислуживаніемъ — видѣлъ — и негодовалъ и презиралъ сына. Суровый, недоступный глава и вла-

дыка семьи, адмиралъ оказывалъ нѣкоторую благосклонность и довѣріе только къ одной дочери, Аннѣ, оставшейся въ невѣстахъ, дѣвушкѣ доброй, незлобивой, кроткой и миролюбивой, преданной семьѣ до самоотверженія. Къ женѣ своей адмиралъ относился равнодушно и пренебрежительно, какъ къ рабынѣ и экономкѣ, и совершенно обезличилъ ее. Онъ, не стѣсняясь, держалъ въ домѣ на глазахъ жены любовницъ изъ собственныхъ дворовыхъ дѣвушекъ, которыхъ, кстати сказать, съ варварскою жестокостью казнилъ за невѣрность, — и жена терпѣливо и великодушно не только переносила это оскорбленіе, но даже ласкала незаконную дочь своего мужа, воспитываемую имъ въ пансіонѣ. При освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, адмиралъ, съ вѣдома сыновей, подарилъ крестьянамъ 500 десятинъ оставшейся за надѣломъ земли въ своемъ родовомъ имѣніи и, раздѣливъ между всѣми дѣтьми поровну полученную выкупную ссуду, считалъ всѣ свои обязанности относительно семьи исполненными и послѣ смерти жены уѣхалъ изъ Петербурга въ провинціальный городъ вмѣстѣ съ бывшей крѣпостной экономкой. Живя тамъ по поговоркѣ: лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ, онъ велъ замкнутую жизнь высокопоставленнаго человѣка, который зналcя только съ губернаторомъ и отъ нечего дѣлать наблюдалъ добровольцемъ за порядкомъ въ городѣ, ревизуя и усовѣщевая торговокъ на базарѣ, и дѣлая замѣчанія и указанія полицейскимъ, и опонируя, по возможности, всякимъ вѣяніямъ новаго, ненавистнаго ему духа. Отъ семьи своей онъ совершенно устранился, тяготился, когда кто-нибудь изъ дѣтей пріѣзжалъ навѣстить его, никому самъ не писалъ и не отвѣчалъ на письма. И написалъ только младшему сыну, который, возвратясь изъ пятилѣтняго кругосвѣтнаго плаванія, желалъ осуществить свое намѣреніе о поступленіи въ университетъ и просилъ у отца разрѣшенія выйти въ отставку изъ морской службы, угрожая, что если отецъ не разрѣшитъ добровольно, то онъ устроитъ такъ, что его съ позоромъ для имени Ветлугина выгонятъ изъ флота. Разгнѣванный и испуганный угрозою «упрямаго негодяя»,

онъ отвѣчалъ ему такимъ лаконическимъ и характернымъ посланіемъ: «позора не желаю и противъ вѣтра плыть не могу. Чортъ съ тобой, негодяй! Выходи въ отставку и забудь отнынѣ, что ты мой сынъ. Скотина! Адмиралъ Ветлугинъ». Онъ остался вѣренъ себѣ до послѣдней минуты жизни: самъ заблаговременно заказалъ себѣ гробъ по своему вкусу и строго взыскивалъ съ гробовщика за неаккуратность и непрочность работы, самъ сочинилъ проектъ намогильнаго памятника и надписи на немъ; гробъ и памятникъ содержались въ полномъ порядкѣ, и адмиралъ лично за этимъ наблюдалъ. Недовольный дѣтьми, онъ, умирая, все оставшееся послѣ него имущество и деньги завѣщалъ своей сожительницѣ, экономкѣ Настѣ.

Фигура грознаго адмирала въ изображеніи автора является цѣльной, правдивой, живой и типичной. Она является воображенію какъ строго художественное изваяніе, какъ памятникъ, олицетворяющій собою идею, настроенія, вѣрованія и убѣжденія стараго, отошедшаго въ вѣчность періода русской жизни. Это прототипъ стараго морскаго не волка, а льва, со всѣми его достоинствами и недостатками: съ твердостью принциповъ, съ непреклонностью воли, съ честнымъ исполненіемъ признаннаго долга, но и съ самовластіемъ, съ деспотизмомъ, съ жестокостью, сухостью сердца, поблажкой личному эгоизму, крайнею вѣрою въ полезность и святость формы и внѣшняго порядка и непризнаніемъ какой либо свободы мысли и человѣческой личности.

Если бы литературная творческая дѣятельность Станюковича ограничилась только созданіемъ этого одного типа, то и въ такомъ случаѣ онъ заслуживалъ бы благодарность за этотъ серьозный и цѣнный вкладъ въ русскую беллетристику, но онъ въ своихъ морскихъ разсказахъ вывелъ цѣлую галлерею типовъ современнаго русскаго военнаго флота, отъ послѣдняго воришки и пропоицы матроса до адмирала включительно. Морскіе разсказы автора — это живая панорама, въ которой вы видите всю жизнь, всѣ подробности быта, всю душу, все міросозерцаніе русскаго моряка на разныхъ степеняхъ служебнаго положенія и нравственнаго развитія.

Вотъ предъ вами *Мрачный штурманъ*, угрюмый, нелюдимый, замкнутый, чуждающійся каютъ-кампаніи, весь ушедшій въ свое спеціальное дѣло, отъ котораго зависитъ часто участь всего корабля и экипажа, непонятый, неоцѣненный офицерами, предметъ ихъ насмѣшекъ втихомолку и въ тоже время человѣкъ съ сильною душою, съ сердцемъ способнымъ къ самой нѣжной самоотверженной любви. Онъ оставилъ на берегу молодую жену, на которой, кромѣ службы, и сосредоточены всѣ его помыслы; онъ безконечно любитъ и вѣритъ въ нее, но по возвращеніи, послѣ трехлѣтней разлуки на берегъ застаетъ жену беременною. Послѣ жестокой внутренней борьбы, онъ не только прощаетъ ее, но любитъ и ласкаетъ — родившагося ребенка, какъ собственнаго. Въ то время, къ которому относится разсказъ, штурманы на военныхъ судахъ назначались изъ особаго спеціальнаго училища, составляли какъ бы особую касту, и офицеры флота свысока смотрѣли на нихъ. Неоцѣненный и непонятый на службѣ въ морѣ, мрачный штурманъ остался такимъ же для флотскихъ и на берегу: «онъ не навидитъ ихъ еще болѣе и отзывается о нихъ съ какою-то ожесточенною ненавистью, а за глаза, въ обществѣ моряковъ, глумятся надъ нимъ.

— Жена-то ему чужаго ребенка преподнесла, а онъ преспокойно это скушалъ... Даже не вызвалъ на дуэль Скрыпина и не прогналъ жены. Впрочемъ чего же и ждать отъ штурмана! — брезгливо прибавляли многіе (флотскіе офицеры).

Вотъ *Василій Ивановичъ*, старшій офицеръ, хозяйскій глазъ клипера и главный жрецъ порядка, низенькій, гладкій, круглый, какъ кубышка, пожилой лейтенантъ, щеголевато одѣтый во все бѣлое, съ безукоризненно чистыми воротничками. Какой это милый образъ добраго, скромнаго, незлобиваго, преданнаго службѣ, миролюбиваго и готоваго на помощь и на всякую услугу моряка, и въ тоже время способнаго и простить, и забыть всякую обиду. Какъ онъ забавенъ въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ на канацкомъ берегу, какъ трогателенъ въ своихъ отношеніяхъ къ офицерству и морякамъ и какъ грустно-жалокъ, когда мало оцѣ-

ненный на службѣ, встрѣчается на берегу старымъ посѣдѣлымъ совѣтникомъ адмиралтейства, сухопутнымъ морякомъ «швейцарскимъ адмираломъ», какъ самъ себя называетъ, въ потертомъ пальто, въ старенькой фуражкѣ, женатый на вдовѣ своего бывшаго товарища. Онъ съ любовью и безъ зависти разсказываетъ о повышеніи опередившихъ его младшихъ по службѣ товарищей, которыхъ считалъ достойными того людьми и насупился только при воспоминаніи объ одномъ офицерѣ, котораго онъ облагодѣтельствовалъ и который оказался нетолько неблагодарнымъ, но, сдѣлавшись важной персоной по службѣ, при встрѣчѣ даже не узнаетъ его.

Въ противоположность этому милому чисто русскому образу вы съ болѣзненнымъ чувствомъ негодованія и отвращенія будете знакомиться въ разсказѣ «*Куцый*», съ личностью другого старшаго офицера изъ нѣмцевъ, тоже хорошаго и по своему честнаго служаки, но безсердечно-черстваго, жестоко-холоднаго формалиста, барона фонъ деръ Беринга, прозваннаго матросами «Чертовой зудой», который возбудилъ противъ себя общую ненависть всего экипажа и чуть не вызвалъ бунтъ на суднѣ своимъ непониманіемъ души и сердца русскаго человѣка-матроса, способнаго перенести всякія несправедливости, всякія жестокости, но не обиду и притѣсненія того, кого онъ любитъ, кого онъ считаетъ своимъ вѣрнымъ и ни въ чемъ неповиннымъ другомъ, хотя бы это былъ куцый песъ.

Въ замѣнъ его вы отдыхаете на свѣтломъ образѣ *Безпокойнаго адмирала*. Это уже человѣкъ новой формаціи, воспитанный на новыхъ идеяхъ гуманности и уваженія къ человѣческой личности. Онъ до фанатизма преданъ службѣ, строгъ, взыскателенъ, по нервности своей способенъ доходить до крайняго раздраженія, до бѣшенства, и въ этомъ состояніи быть и не справедливымъ, и грубымъ, и даже оскорбить и унизить человѣческое достоинство въ подчиненныхъ, но въ тоже время сознаетъ обязанность не только овладѣть собою и укротить себя, но и признаться въ своей ошибкѣ, просить извиненія за нанесенное въ пылу гнѣва оскорб-

леніе или несправедливость. Онъ проситъ прощенія у молодого мичмана, котораго на шканцахъ обозвалъ «щенкомъ» и который отвѣтилъ ему словами: «а вы... вы... бѣшеная собака»!.. за что его могли разжаловать въ матросы.

И юные не оперившіеся гардемарины, и молодые мичмана, и опытные послужившіе уже лейтенанты проходятъ передъ читателями въ этой выводимой авторомъ галлереѣ моряковъ и для всѣхъ у автора находятся на палитрѣ живыя краски; но съ особою любовью и искусствомъ онъ описываетъ простыхъ матросовъ въ цѣломъ рядѣ своихъ разсказовъ. Онъ знаетъ матроса, онъ подробно изучилъ его, вошелъ въ его душу, сердце, его міросозерцаніе и мышленіе, изучилъ его языкъ. И какую нравственную красоту, какія возвышенныя черты чисто русской души и русскаго сердца открываетъ онъ въ этомъ грубомъ, корявомъ, неуклюжемъ, часто забитомъ и обезличенномъ человѣкѣ. Авторъ заставляетъ читателя понять и полюбить своихъ героевъ, не смотря на всю ихъ грубую внѣшность и неразвитость.

Вотъ разгульный и безшабашный запѣвало Шутиковъ, предлагающій свои деньги воришкѣ и паріи среди матросовъ, Прошкѣ, чтобы спасти его отъ преслѣдованія всей команды и этотъ парія Прошка, бросающійся въ море, чтобы спасти упавшаго за бортъ Шутикова. *(Человѣкъ за бортомъ)*.

Чисто русское добродушіе проявляется въ матросахъ, кормящихъ и одѣвающихъ негра, попавшаго на корабль и тронувшаго ихъ своимъ печальнымъ видомъ. *(Вдали отъ берега)*.

Черномазый малайскій мальчикъ найденъ на берегу, взятъ на клиперъ, и матросы ухаживаютъ за нимъ какъ за роднымъ ребенкомъ, а матросъ Ефремовъ водится съ нимъ, какъ нянька: «положилъ на свою койку и почти не спалъ до утра, поминутно подходя къ нему и заглядывая хорошо ли онъ спитъ». *(Рождественская ночь)*.

И еще болѣе трогательная картина. На клиперъ попалъ негритенокъ, снятый въ морѣ съ мачты разбитаго бурею судна. Матросъ Лучкинъ, пьяница и забулдыга, принявъ въ немъ особое

участіе, одѣлъ его въ собственную рубаху и штаны и кормилъ его съ собственной ложки, пока негритенокъ не привыкъ къ бѣлымъ и не рѣшился ѣсть вмѣстѣ съ матросами, чего онъ не смѣлъ дѣлать, бывши на американскомъ суднѣ. Русскіе матросы ласкали и привѣчали его по своему, кто какъ умѣлъ, но съ полнымъ добродушіемъ. «Какое оно ни на есть: хрещеное, али арабское, а все дитё», говорили русскіе матросы. *(Максимка).*

Матросъ Иванъ Рябой, неисправимый пьяница и околотень кидается спасать еврея, матроса Исайку, бросившагося въ море изъ страха предстоящаго наказанія линьками. Онъ спасаетъ его потому, что еврейчикъ разъ далъ ему денегъ на покупку пропитой Рябымъ на берегу казенной одежды. Рябой спасалъ еврея, а матросы въ это время крестились. *(Исайка).*

Вотъ трогательный образъ грубаго матроса Макарова, влюбленнаго въ жену и по ея настоянію ушедшаго въ кругосвѣтное плаваніе, чтобы скопить денегъ, и рядомъ съ нимъ ловеласъ Егорка, находившійся въ связи съ его женой. *(Ночью).*

Превосходно написанъ разсказъ стараго моряка Тарасыча о томъ, какъ онъ безкорыстно и платонически любилъ и былъ любимъ замужней женщиной какой то загадочной натурой: «умственная... съ большимъ понятіемъ до книжекъ охотница... однимъ житейскимъ брезговала... Любила все умственное... насчетъ души значитъ и насчетъ всего такого прочаго, вотъ вашескобродіе». И кончила тѣмъ, что ушла отъ мужа по святымъ мѣстамъ, сдѣлалась странницею. *(Глупая причина).*

И много, много еще выводитъ авторъ другихъ типовъ и дѣлаетъ характеристикъ простыхъ матросовъ, всесторонне обрисовывая ихъ.

Но Станюковичъ нетолько художникъ жанристъ: у него есть превосходныя описанія шторма, штиля, тропической ночи, Рождественской ночи и Свѣтлаго праздника въ морѣ. Эти описанія иногда служатъ только фономъ картины, но чаще составляютъ самостоятельное художественное произведеніе.

Нельзя не замѣтить, что иногда, особенно въ описаніяхъ,

авторъ повторяется, употребляя одни и тѣже эпитеты и выраженія, замѣтно и однообразіе въ приступахъ къ разсказу, такъ наприм. многіе разсказы начинаются словами: «въ этотъ день» и безпрестанно повторяются слова: умопомрачающая чистота судовъ» и т. п. Встрѣчается и неправильность въ выраженіяхъ, какъ напр. «разставилъ *ноги* фертомъ», что и физически невозможно и т. п. Но это замѣчается только при внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи разсказовъ и есть не болѣе какъ недосмотръ, который легко можетъ быть исправленъ и устраненъ, и только нѣсколько мѣшаетъ, но не нарушаетъ общаго художественнаго впечатлѣнія.

Можно указать также на растянутость нѣкоторыхъ разсказовъ, на недостатокъ въ нихъ компактности и сжатости, на обильное уснащеніе ихъ эпизодическими вставками, отвлекающими читателя отъ основной идеи, или отъ главнаго сюжета; но эти недостатки покрываются прекраснымъ изложеніемъ, хорошимъ литературнымъ языкомъ; разговорный же языкъ матросовъ живой, неподдѣльный, своеобразный и характерный, безъ произвольныхъ авторскихъ прикрасъ и искаженій, составляетъ особое достоинство всѣхъ разсказовъ Станюковича.

Въ общемъ, по нашему мнѣнію, представленные на соисканіе Пушкинской преміи морскіе разсказы Станюковича, не смотря на свою, такъ сказать, спеціальность по взятой области наблюденія, имѣютъ большое общественное значеніе, представляютъ большую художественную литературную цѣнность и вполнѣ заслуживаютъ преміи во имя Пушкина.

Алексѣй Потѣхинъ.

III.

„Потерянный и возвращенный рай, поэмы Д. Мильтона въ новомъ стихотворномъ переводѣ **О. Н. Чюминой** (съ 50-ю большими рисунками художника Г. Доре). Изданіе А. А. Каспари. С.-Петербургъ 1899.

Это изданіе, выпущенное въ качествѣ безплатнаго приложенія къ журналу «Родина», открывается довольно широковѣщательнымъ предисловіемъ «Отъ издателя», гдѣ онъ, послѣ очень высокой оцѣнки перевода, пріобщаетъ себя къ славѣ переводчицы, называя трудъ и свой и ея «грандіознымъ». Похвальба издателя едва-ли вполнѣ основательна, такъ какъ иллюстраціи далеко не вездѣ удовлетворительны (смотри напр. изображеніе Адама и Евы послѣ стр. 132) и по мѣсту такъ отстаютъ отъ текста, что относящіяся къ «Потерянному раю» находятся между страницами «Возвращеннаго», безо всякаго предувѣдомленія, гдѣ-бы слѣдовало, что къ такимъ-то словамъ поэта есть картинка, вслѣдствіе чего читатель не можетъ пользоваться текстомъ и его живописными поясненіями одновременно.

Что до труда переводчицы, то онъ былъ, если не «грандіозенъ», то и не малъ. Впереди она помѣстила хорошо составленную біографію Мильтона. За нею слѣдуютъ примѣчанія къ «Потерянному раю», объясняющія преимущественно собственныя имена, библейскія и классическія, которыхъ въ поэмѣ много. Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій заключаютъ въ себѣ неточности, напр. (кн. I, прим. 12): «Оріонъ у древнихъ считался богомъ

вѣтровъ. По миѳологіи, Оріонъ считался сыномъ Нептуна...» (гдѣ странно противоположеніе «древнихъ» «миѳологіи», да и то, что Оріонъ былъ богомъ вѣтровъ, выведено чуть-ли не изъ текста, гдѣ рѣчь идетъ о буряхъ, поднимающихся въ зависимости отъ положенія этого созвѣздія на небѣ); (тамъ же прим. 29:) «Подъ именемъ пигмеевъ въ народныхъ (чьихъ?) преданіяхъ былъ извѣстенъ народъ крайне малаго роста, который обиталъ въ средней Африкѣ и постоянно велъ борьбу съ журавлями, такими-же маленькими, какъ и сами пигмеи» (по греческому преданію — съ обыкновенными).

Переводила г. Чюмина, хотя и не такъ, какъ заявляетъ издатель въ предисловіи — «не отступая ни на шагъ отъ оригинала», однако въ общемъ все-таки близко и могла-бы передать подлинникъ еще ближе, сохранивъ кое-какія опущенныя ею частности, въ родѣ эпитетовъ и другихъ не особенно существенныхъ словъ (напр. Вальдарно, имя мѣста, гдѣ Галилей производилъ свои астрономическія наблюденія), если-бы она не стѣсняла себя, повидимому, числомъ стиховъ, что̀ совершенно излишне при отсутствіи строфъ и даже риѳмъ. Вѣроятно, опечаткой приходится объяснить слѣдующее отступленіе (кн. I) — о сатанѣ, низверженномъ съ другими падшими ангелами въ адъ:

he with his horrid crew
Lay vanquish'd, rolling in the fiery gulf,
Confounded, though immortal-
А онъ лежалъ съ дружиною своей
Преступною въ пылающей пучинѣ,
Погибшій, побѣжденный, но безстрашный,

гдѣ вмѣсто послѣдняго слова ничего не стоитъ возстановить «безсмертный»; впрочемъ и вмѣсто «преступною» точнѣе было-бы «ужасною». Глубже заходитъ другой родъ неточностей — перестановки частей сложнаго предложенія, напр. (тамъ-же, въ словахъ Вельзевула о тѣхъ-же духахъ):

If once they hear that voice, their liveliest pledge
Of hope in fears and dangers, heard so oft

In worse extremes and in the perilous edge
Of battle, when it rag'd, in all assaults
Their surest signal, they will soon resume
New courage and revive; though now they lie
Groveling and prostrate on yon lake of fire,
As we erewhile, astonish'd and amaz'd;
No wonder, fall'n such a pernicious height-

Пускай раздастся голосъ
Могучій твой, будившій въ нихъ надежду,
Въ сраженіи одушевлявшій ихъ,
Когда кругомъ опасность угрожала.
Пускай они услышатъ этотъ голосъ,
Зовущій ихъ на приступъ — и они,
Паденіемъ съ высотъ неизмѣримыхъ
Поражены и ввержены въ огонь,
Вернутся вновь къ сознанью и воспрянутъ
Съ удвоенной отвагой для борьбы,

гдѣ переставлены предложенія «паденіемъ съ высотъ неизмѣримыхъ» и «ввержены въ огонь», которыя кромѣ того соединены, не говоря о неточности соотвѣтствія между «in all assaults their surest signal» и «зовущій ихъ на приступъ». Такъ-же нѣсколько ниже:

The spear, to equal which the tallest pine
Hewn on Norwegian hills, to be the mast
Of some great admiral, were but a wand,
He walk'd with, to support the uneasy steps
Over the burning marbe, not like those steps
On heaven's azure.

По глыбамъ раскаленнымъ Сатана
Шелъ далѣе нетвердыми шагами,
И посохомъ копье ему служило.
Предъ тѣмъ копьемъ длиннѣйшая изъ сосенъ
Въ Норвегіи, что срублена на мачту
Громаднѣйшаго въ мірѣ корабля,
Казалась бы тростинкою ничтожной.
Давно-ль стопой воздушною своею
Онъ попиралъ небесную лазурь?

Здѣсь «громаднѣйшій въ мірѣ корабль» явился вмѣсто «какого-нибудь большого адмиральскаго корабля», а перестановки еще

значительнѣе. Правда, и тамъ и здѣсь, какъ и вообще въ такихъ примѣрахъ, рѣчь въ переводѣ выходитъ стройнѣе и яснѣе, чѣмъ въ подлинникѣ; но не значитъ-ли это поправлять подлинникъ? Впрочемъ смыслъ отъ такихъ измѣненій синтактическаго построенія не страдаетъ. Если въ трудѣ г-жи Чюминой и есть гдѣ нѣкоторыя частныя неточности, онѣ не особенно важны, а тонъ вездѣ переданъ вѣрно, и съ точки зрѣнія общаго впечатлѣнія переводъ О. Н. Чюминой можно признать близкимъ къ подлиннику, чему въ значительной степени содѣйствуетъ форма, т. е. языкъ, правильный и поэтическій, и строй стиха, строго выдержанный и звучный.

На основаніи этихъ данныхъ я предполагалъ-бы возможнымъ удостоить переводъ О. Н. Чюминой Пушкинской преміи въ половинномъ размѣрѣ.

Ѳ. Коршъ.

IV.

И. Стешенко. Поэзія И. П. Котляревскаго. (Къ столѣтнему юбилею его Энеиды). 1. Котляревскій и Осиповъ. 2. Котляревскій въ свѣтѣ критики. Кіевъ. 1898 г. Стр. 1—232.

Общая мысль первой части труда г. Стешенко, носящей заглавіе: «Котляревскій и Осиповъ», вкратцѣ заключается вотъ въ чемъ. Форма перелицованной малорусской «Энеиды» Котляревскаго вполнѣ сходна съ формою перелицованной русской «Энеиды» Осипова какъ по стихотворному размѣру, такъ и по построенію строфъ; по содержанію же многія строфы обѣихъ «Энеидъ», малорусской и русской, совпадаютъ довольно близко, а иныя почти буквально; но такъ-какъ «Энеида» Осипова вышла въ 1791 году, а «Энеида» Котляревскаго ужъ въ 1798-мъ году, то надо заключить, что подражалъ Котляревскій Осипову, а не Осиповъ Котляревскому. Справедливость этого заключенія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обѣихъ Энеидахъ есть мѣста, вполнѣ сходныя съ болѣе ранней пародической Энеидой Блумауэра (1784), написанной на языкѣ нѣмецкомъ, котораго Котляревскій, по свидѣтельству біографовъ, не зналъ; совпаденія Котляревскаго съ Блумауэромъ могутъ объясняться, значитъ, только тѣмъ, что Блумауэромъ пользовался Осиповъ, а Осиповымъ Котляревскій. Достаточно было-бы страницъ даже четырехъ, чтобы вполнѣ научно мотивировать эти положенія; но г. Стешенко счелъ нужнымъ произвести это на 82 страницахъ

довольно мелкой печати. Такой большой объемъ происходитъ не столько отъ обстоятельности въ дѣлѣ изслѣдованія, сколько отъ нагроможденія ненужныхъ сырыхъ матеріаловъ, отъ частыхъ повтореній одной и той же мысли и отъ наклонности опровергать такія догадки, которыя едва-ли могли кому-нибудь прійти въ голову. Взглянемъ для образца на стр. 34 — 37, гдѣ у г. Стешенко приведены параллельныя выписки изъ Энеиды Котляревскаго и Энеиды Осипова и гдѣ въ числѣ параллелей есть, напримѣръ, такія:

Котляревскій.	Осиповъ.
А потім смерть до артикулу	Потомъ имъ смерть косой своею
Їм оддала косою честь,	Отбрякнула посвойски честь,
На перед стоя калавуру,	Ведя толпами за собою
Який у її мосці есть.	Все, что у ней въ командѣ есть.

Предсказанія Сивиллы:

Котляревскій.	Осиповъ.
Борщів як тры не поденькуеш,	Какъ ѣдки трои не посутчишь,
На моторошні засердчить	Такъ на тошнѣ заживотитъ.
І зараз тяглом закишкуеш,	На всемъ нытьѣ ты пожелудчишь
І в буркоті закеньдюшить.	И на ворчалѣ забрюшнитъ.
Коли ж що напхом з' язикаеш	А если позубить жевало,
І в тереб добре зживотаеш,	Не засердчитъ ужь тосковало,
То на веселі занутрить.	И все уйдило прочь сгруститъ.

Описаніе благородной женской красоты:

Котляревскій.	Осиповъ.
Таке дівча — кусочок ласий,	На лакомый такой кусочекъ
Заслинишся, як глянеш раз...	И нехотя разинешь ротъ:
Що ваші гречеські ковбаси!	Зачешется, небось, усочекъ,
Що ваш первак грушевий квас!	И мигомъ подведетъ животъ....
Завійниця од неї вхопить,	Развѣсишь отъ зѣванья нюни,
На голову насяде клопіт,	Покажутся на губѣ слюни,
А може тьохне і не там:	И поневолѣ дрожь проймстъ;
Поставить рогом ясні очі,	Заѣкаетъ, какъ отъ испуга,
Що не доспиш Петрівской ночі,	Сердчишко, будто отъ натуга.
Те по собі я знаю сам.	Ничто на умъ ужъ не пойдетъ!

Окончивши эту послѣднюю порнографическую выписку, г. Стешенко говоритъ: «Прежде всего напрашивается обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ: не является-ли близость между обѣими передѣлками именно потому, что авторы одинаково пользовались общимъ первоисточникомъ — Энеидой *Вергилія?* Но небольшая доля сообразительности (даже очень небольшая! — *А. К.*) и, кромѣ того, самое сравненіе общихъ мѣстъ славянскихъ передѣлокъ съ римскимъ ихъ оригиналомъ даетъ на упомянутый вопросъ чисто отрицательный отвѣтъ» (стр. 34). Высказавши свою увѣренность, что небольшая доля сообразительности избавитъ читателя отъ мысли искать у Вергилія военныхъ артикуловъ смерти, шутовскаго языка Сивиллы и скабрезныхъ описаній дѣвственной красоты, г. Стешенко все-таки посвящаетъ затѣмъ стр. 34 — 37 доказательствамъ, что серіозный характеръ Вергиліевой національной поэмы не допускаетъ сатирическаго, насмѣшливаго отношенія къ національнымъ богамъ и героямъ, и что Вергилій не могъ же писать самъ на себя пародію. Для какихъ дикарей-читателей предназначено это обстоятельное разъясненіе, не понятно. Во всякомъ случаѣ оно совершенно напрасно занимаетъ много мѣста въ книгѣ Стешенко, который, занявшись сличеніемъ чисто внѣшней стороны разныхъ Энеидъ, упустилъ изъ виду сличеніе ихъ *внутренняго* родства или неродства, т. е. выясненіе самостоятельности Котляревскаго. Правда, г. Стешенко много разъ повторяетъ, что малорусская Энеида Котляревскаго, не смотря на свою подражательность русской Энеидѣ Осипова, есть произведеніе вполнѣ самостоятельное, потому что отличается талантомъ и юморомъ, котораго нѣтъ у Осипова. Но *въ чемъ же*, собственно, виденъ не-талантъ Осипова и самостоятельный талантъ Котляревскаго? Отъ литературнаго изслѣдованія, озаглавленнаго «Котляревскій и Осиповъ» и трактующаго о независимости новой малорусской литературы, мы вправѣ ждать отвѣта прежде всего на *этотъ* вопросъ. Въ трудѣ П. И. Житецкаго «Энеида Котляревскаго» (вышедшемъ уже послѣ появленія въ свѣтъ книги г. Стешенка) показано факти-

чески, осязательно и обстоятельно, какимъ образомъ Котляревскій влагалъ и юморъ и талантъ въ передѣлку бездарнаго сочиненія Осипова. У г. Стешенко этотъ, самый существенный пунктъ совершенно не выясненъ, хотя въ тоже время изслѣдователь — какъ видимъ — считалъ нужнымъ удѣлять время излишнему и несущественному опроверженію мнѣній тѣхъ воображаемыхъ читателей, которые вздумаютъ искать у Вергилія Сивиллу-шутовку.

Совершенно иначе написано г. Стешенкомъ первая часть второго отдѣла его книги, озаглавленнаго: «Котляревскій въ свѣтѣ критики». Изслѣдователь тщательно ознакомился со всѣмъ, что когда-либо писано было о Котляревскомъ съ 1816 года, не исключая даже самыхъ мелкихъ замѣтокъ и случайныхъ попутныхъ упоминаній въ одну-двѣ строки. Хронологическому обозрѣнію и подробному изложенію всѣхъ свѣдѣній и отзывовъ о Котляревскомъ посвящены стр. 83 — 151 его книги, т. е. болѣе трети. Помнится, гдѣ-то въ печати было недавно указано, что г. Стешенко долженъ былъ употребить на свой трудъ болѣе года, и этому повѣрить можно, такъ-какъ ему приходилось усердно рыться во всякихъ старинныхъ изданіяхъ, рѣдкихъ и мало доступныхъ, — напримѣръ, въ провинціальныхъ газетахъ. Тѣ отзывы и мнѣнія о Котляревскомъ, которые носятъ характеръ благопріятный для него, г. Стешенко только излагаетъ, а неблагопріятные сопровождаетъ небольшими полемическими замѣчаніями. Такимъ образомъ кропотливый трудъ его совершенно ясно показываетъ эволюцію взглядовъ общества (и обыкновенной читающей публики и ученыхъ историковъ литературы) на дѣятельность Котляревскаго.

Сдѣлавши обзоръ чужихъ воззрѣній, г. Стешенко старается подвести имъ резюме и, ужъ отъ себя, окончательно опредѣлить историческое значеніе литературной дѣятельности Котляревскаго и эстетическія достоинства его произведеній: «Перелицьованої Энеїди», «Оди до князя Куракина», «Наталки-Полтавки», «Москаля-Чарівника». Этотъ отдѣлъ (стр. 151 — 200) — самая

слабая часть въ изслѣдованіи г. Стешенка. Требуется, напримѣръ, прежде всего рѣшить вопросъ, была ли пародированная «Энеида» Котляревскаго, панегирическая «Ода до князя Куракина» и прочія его произведенія достойнымъ національнымъ проявленіемъ малорусскаго духа, или же, какъ утверждаетъ Кулишъ, это была антинаціональная балаганщина, предназначенная для потѣхи обрусѣлыхъ пановъ насчетъ простого народа и крайне обидная для малорусскаго національнаго самосознанія. Единственнымъ способомъ рѣшить этотъ вопросъ фактически, а не апріорно, было-бы научное сличеніе произведеній Котляревскаго съ цѣлымъ рядомъ произведеній малорусской литературы XVIII вѣка. Такое сличеніе (теперь уже произведенное П. И. Житецкимъ) выяснило бы тѣсную, органическую, генетическую связь Котляревскаго съ прежней малорусской литературой, показало-бы, что перелицованная Энеида является, больше всего, прямымъ продолженіемъ литературы «дяків-пиворізів», а драматическія произведенія Котляревскаго въ частности — преемственнымъ продолженіемъ малорусскихъ интерлюдій, что однимъ словомъ — по выраженію Житецкаго — «корни Энеиды лежатъ въ ея прошломъ». Разъ это выяснено, то ужъ излишнимъ дѣлается самый вопросъ, патріотомъ ли былъ Котляревскій или не патріотомъ. Необходимость такихъ историческихъ изслѣдованій сознаетъ самъ г. Стешенко, и въ заключительномъ отдѣлѣ своей книги онъ настойчиво утверждаетъ, что сочиненія Котляревскаго — преемственное продолженіе малорусской литературы XVIII столѣтія, но *какъ* и *въ чемъ* видна эта преемственность — этотъ вопросъ г. Стешенкомъ не выясненъ; научныхъ изслѣдованій и сличеній въ области старинной малорусской литературы г. Стешенко не предпринимаетъ, и такимъ образомъ для доказательства національной серіозности перелицованной Энеиды у него остаются преимущественно апріорныя соображенія о малорусскомъ патріотизмѣ Котляревскаго, которыя, конечно, всегда есть возможность оспаривать. Приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ стр. 152 — 154: «У Осипова, автора русской пере-

лицованной Энеиды, было цѣлью дать каррикатурное изображеніе приключеній Энея, способное *потѣшить публику* *) насчетъ представителей классическаго міра. Для достиженія своей цѣли Осиповъ поставилъ послѣдній въ великорусскую обстановку. Прочитавъ русскую Энеиду, Котляревскій, въ противоположность ей, захотѣлъ создать Энеиду украинскую, захотѣлъ облечь боговъ и героевъ ея въ народно-національныя одежды. Чему же приписать появленіе національной **) формы послѣдней? Котляревскимъ въ данномъ случаѣ руководила народная гордость». Далѣе г. Стешенко сообщаетъ, что у многихъ малоруссовъ конца прошлаго вѣка дѣйствительно была національная гордость. Но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ обязательно, что она *поэтому* должна была быть и у творца потѣшной «Энеиды»; а все предыдущее апріорное разсужденіе г. Стешенка прямо таки несостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ: кто, подобно Кулишу, будетъ утверждать, что Котляревскимъ руководило только антинаціональное желаніе поиздѣваться надъ простымъ малорусскимъ народомъ, тотъ всегда можетъ возразить, что примѣненіе Котляревскимъ малорусскаго языка и малорусской обстановки для цѣлей смѣхотворныхъ, перенесеніе боговъ и героевъ въ малорусскія хаты и вложеніе въ ихъ уста мужицкаго языка малорусскаго въ качествѣ высшей комической ненормальности, способной вызвать *сугубый* смѣхъ, служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ нарочитаго презрѣнія къ этому языку. Только историческое изученіе малорусской литературы XVIII в. можетъ снять съ Котляревскаго укоры въ его антинародности, но, какъ я уже съ сожалѣніемъ отмѣтилъ, такого-то изученія у г. Стешенко почти и нѣтъ.

Нежеланіе осматриваться на старинную малорусскую литературу вредно отразилась у г. Стешенка иногда даже въ области чисто-литературнаго пониманія произведеній Котляревскаго. Такъ, по поводу пѣсни Вознаго: «От юних лїт» г. Стешенко за-

---

*) Подчеркиваніе — мое.

**) Т. е. малорусской.

мѣчаетъ, что она написана по-русски (ст. 188). Но г. Стешенко не высказалъ-бы такого мнѣнія, если-бы обратилъ вниманіе на другую пѣсню, вложенную въ уста того же Вознаго: «Всякому городу свой правъ и права». Пѣсня эта (какъ г. Стешенко несомнѣнно знаетъ) — сочиненіе не Котляревскаго, а народнаго украинскаго философа — Сковороды. Рѣчь ея — книжное семинарско-малорусское язычіе; вотъ такъ же и пѣсня «Отъ юныхъ лѣтъ не зналъ я любови» (читается «От юных лит нэ знал я любовы») составлена не на русскомъ языкѣ, а на томъ же язычіи, характерномъ для круга почитателей Сковороды. — Въ другихъ отношеніяхъ литературная критика г. Стешенка обыкновенно бываетъ справедлива, хотя страдаетъ по временамъ чрезмѣрной диѳирамбичностью. — «Энеида Котляревскаго», говоритъ онъ, «напоминаетъ намъ болѣе всего» «Мертвыя души» Гоголя, съ которыми наша пародія имѣетъ много общаго, именно въ изображеніи типовъ: произведенія обоихъ украинцевъ представляютъ дѣйствительныя эпопеи украинской націи, — только наша поэма далеко шире русской и по замыслу и *по исполненію*» (стр. 160). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему великорусскія «Мертвыя души» должны быть дѣйствительной эпопеей именно *украинской* націи, отмѣтимъ только чудовищное преувеличеніе послѣднихъ словъ, подчеркнутыхъ у насъ. «Мертвыя Души» Гоголя можно перечитывать каждый годъ, — и каждый годъ съ новымъ увлекательнымъ интересомъ: начавши читать «Мертвыя души», не хочешь оторваться отъ многократно читанной книги, пока не дочитаешь ея до конца; между тѣмъ для чтенія Энеиды Котляревскаго во второй разъ, а особенно — для чтенія подъ рядъ — требуется извѣстная доза храбрости: первыя пѣсни еще читаются съ интересомъ, но чѣмъ дальше — тѣмъ больше интересъ ослабѣваетъ, однообразіе начинаетъ пріѣдаться, грубый шаржъ отталкиваетъ отъ себя, и чтеніе (если оно вызвано не какими-нибудь спеціальными научными цѣлями) дѣлается прямо утомительнымъ. Не даромъ поэтому и Минскій (вообще отнесшійся къ Котляревскому сочувственно) печатно заявилъ, что вторая половина Перелицованной

Энеиды — менѣе талантлива, чѣмъ первая *), а Данилевскій въ своей статьѣ о Квиткѣ, высказалъ еще болѣе откровенное мнѣніе, что «въ Энеидѣ заключается порядочная частица снотворности и воды» **). А ужъ если сопоставлять у автора «Перелицьованої Енеїды» и автора «Мертвыхъ душъ» силу ихъ юмора, то не лишне напомнить тоже извѣстныя г. Стешенку слова проф. А. Котляревскаго, несомнѣннаго малорусса-патріота: «Малороссіянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтетъ Энеиду Котляревскаго и посмѣется вдоволь, да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣемся мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя». — Пусть даже согласимся мы считать всякія такія мнѣнія субъективными, — г. Стешенко ничѣмъ ихъ не опровергъ и противопоставляетъ имъ только свое субъективное же мнѣніе, что по таланту Котляревскій выше Гоголя. Меньшее, но все-таки еще значительное преувеличеніе является у г. Стешенка въ его стараніяхъ доказать художественность посредственнаго водевиля: «Москаль-Чарівник». Кулишъ (нашедшій въ этомъ пунктѣ множество послѣдователей для своего мнѣнія) совершенно справедливо и притомъ доказательно, въ томъ числѣ путемъ сопостановленій съ «Простакомъ» Гоголя-отца, отмѣтилъ неестественность и натянутость типовъ и положеній въ названномъ водевилѣ Котляревскаго. Г. Стешенко не соглашается съ Кулишомъ, но ничѣмъ опровергнуть его не можетъ, и всѣ опроверженія его сводятся въ сущности къ простому отрицанію воззрѣній Кулиша: по заявленіямъ г. Стешенка, типы водевиля «Москаль-Чарівник» жизненны и естественны. Правда, «*нѣкоторую* ненатуральность» признаетъ за ними въ концѣ концевъ и самъ г. Стешенко (ст. 198), но это ему не мѣшаетъ остаться при убѣжденіи, что «Москаль-Чарівник» есть произведеніе художественное. Все это кажется преувеличеннымъ особенно потому, что и стилизовано данное мѣсто (стр. 189 — 198) не совсѣмъ удачно.

*) Новь, 1884, № 4.

**) Въ своемъ сборникѣ: Украинская старина, 1866, стр. 198.

Изъ дальнѣйшей, заключительной главы изслѣдованія г. Стешенка (стр. 202) вполнѣ ясно видно, что г. Стешенко имѣетъ въ виду художественность только относительную, — литературныя достоинства въ «Москалѣ-Чарівникѣ» онъ усматриваетъ едва ли не исключительно потому, что это былъ первый чисто малорусскій водевиль; появись «Москаль-Чарівник» *теперь*, въ эпоху полнаго разцвѣта малорусской драматической литературы, г. Стешенка, очевидно, счелъ бы такой водевиль за очень посредственное или даже вовсе неудачное произведеніе. Къ сожалѣнію, въ надлежащемъ мѣстѣ, при самомъ разборѣ «Москаля-Чарівника», эта точка зрѣнія не выставлена ясно, и потому восхваленіе «художественности» «Москаля-Чарівника» прямо кажется гиперболическимъ.

Въ послѣдней главѣ (ст. 201 — 232) г. Стешенко отмѣчаетъ тѣ условія, при какихъ создалась поэзія Котляревскаго, и указываетъ на ея огромное вліяніе и значеніе въ новой малорусской литературѣ. Много здѣсь затронуто пунктовъ спорныхъ, но въ концѣ концевъ для уясненія исторіи малорусской литературы эта глава изслѣдованія г. Стешенка имѣетъ несомнѣнную важность.

Полной Пушкинской преміи книга г. Стешенко, конечно, не заслуживаетъ. Но въ виду того, что г. Стешенкомъ затрачено на нее большое количество и труда и времени и что библіографическій обзоръ литературы о Котляревскомъ всегда останется положительной заслугой этой книги, не найдетъ ли Отдѣленіе возможнымъ наградить г. Стешенка, для поощренія, *половинной* преміей?

А. Крымскій.

V.

Отзвуки души. Стихотворенія К. Льдова.

Я давно знакомъ съ стихотвореніями г. К. Льдова; но только теперь, прочитавъ его сборникъ: «Отзвуки души», получилъ возможность дать себѣ опредѣлительный отчетъ о его поэтическомъ дарованіи. Изъ послѣсловія къ этому сборнику видно, что «Отзвукамъ души» предшествовалъ другой сборникъ, котораго я, кажется, въ рукахъ не имѣлъ.

Г. Льдовъ весьма скромнаго мнѣнія о своемъ талантѣ, и въ свой новый сборникъ не помѣстилъ, какъ видно изъ послѣсловія, тѣхъ изъ стихотвореній перваго сборника, которыя показались ему слабыми. Г. Льдовъ — поэтъ серьезный и искренній. Муза его вдохновляется природой, любовью, религіознымъ чувствомъ, смысломъ жизни и тайнами смерти. Тонъ его пѣсенъ, по преимуществу, вдумчиво-грустный и иногда суровый. Въ нихъ нѣтъ веселости и жизнерадостности, но онѣ и не носятъ на себѣ печати пессимизма, гнѣва или отчаянія. Въ его стихотвореніяхъ слышится снисходительность, но не индиферентность. Въ нихъ нѣтъ юмору, но нѣтъ и сухости. Во всякомъ случаѣ, при характерѣ серьезности, о которомъ я упомянулъ, онѣ далеко не скучны. Скучными бываютъ произведенія, въ которыхъ авторъ въ педантичной формѣ выражаетъ самолюбованіе. Такихъ произведеній не долюбливалъ и Буало, сказавшій:

Tous les genres sont bons, hors genre ennuyeux. Именно этого самолюбованія я не нахожу и слѣдовъ у г. Льдова. Слогъ его также совсѣмъ не педантиченъ; но во многихъ случаяхъ онъ, однако, недостаточно простъ и свободенъ. Въ своемъ послѣсловіи г. Льдовъ говоритъ, что ему приписывали въ печати преднамѣренное тяготѣніе къ «символической школѣ» и даже къ декадентству; но это мнѣніе онъ называетъ ошибочнымъ и выражаетъ убѣжденіе, что въ русской поэзіи не можетъ быть рѣчи ни о какой иной школѣ, кромѣ Пушкинской. Это совершенно вѣрно, такъ же какъ и то его же мнѣніе, что «въ мірѣ русскаго поэтическаго слова какъ бы возникла новая стихія». Повтореніе Пушкина по содержанію и его формѣ для современнаго поэта конечно не обязательно; а если онъ самобытенъ, то и невозможно. Въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ формѣ г. Льдова, въ которой я призналъ недостатокъ простоты, я вовсе не желаю и не имѣю права требовать отъ него простоты Пушкинской; но мнѣ кажется, что его стихъ часто, не скажу вычуренъ, но слишкомъ изысканъ. Стихи г. Льдова мнѣ представляются въ видѣ ткани нѣсколько обремененной причудливыми узорами. Изысканность формы и обиліе украшеній иногда затемняютъ сущность мысли и чувствъ поэта. Для объясненія моего мнѣнія я приведу нѣкоторые примѣры изъ сборника г. Льдова.

Стихотвореніе: «И мнѣ безуміе дано» красивое и звучное, мнѣ непонятно:

И мнѣ безуміе дано
За этимъ явственнымъ предѣломъ;
И я взростилъ его зерно
Въ моемъ умѣ осиротѣломъ!
На небо-ль хмурое смотрю, —
Я прозрѣваю блескъ заемный,
Восторговъ дѣвственныхъ зарю
Въ степи ласкательной и темной...

Я не могу понять какія именно утраты понесъ *осиротѣлый* умъ, взростившій въ себѣ зерно безумія. Не понимаю также *восторговъ дѣвственной зари въ степи ласкательной и темной.*

Въ стихотвореніи: «Мятежный хмѣль разлитъ въ природѣ» мнѣ неясно значеніе послѣдняго стиха во второй строфѣ:

Не о земномъ ей громъ грохочетъ
И не о дольнемъ вихрь поетъ;
Она повѣрить имъ не хочетъ
И о грѣховномъ вопіетъ.

Стихотвореніе: «Въ этотъ храмъ закрыта дверь» красиво и звучно, но опять для меня не ясно.

Ограничиваюсь здѣсь этими примѣрами; но я отмѣтилъ въ книжкѣ г. Льдова еще нѣсколько мѣстъ или смутныхъ, или совсѣмъ не ясныхъ. Конечно эти неясности—не декадентскія; т. е. онѣ не принадлежатъ къ такимъ выраженіямъ, которыя не только сознательно не ясны, но даже какъ бы похваляются своею загадочной запутанностью; тѣмъ не менѣе и у г. Льдова ясность не играетъ такой же роли элемента обязательнаго въ выраженіи мысли, какъ напримѣръ обязательно въ фактурѣ стиха присутствіе размѣра. Очень можетъ быть, что усиліе мысли съ моей стороны мнѣ и помогло бы выяснить себѣ то, что̀ хотѣлъ выразить поэтъ; но мнѣ кажется, что именно поэтъ и не долженъ требовать отъ читателя труда и усилій, чтобы быть по̀нятымъ.

Мнѣ попадались также въ стихахъ г. Льдова красивые на видъ, но не вѣрные эпитеты. Напримѣръ въ стихотвореніи: «Знойный лучъ скользнулъ сквозь сѣтку» поэтъ говоритъ далѣе:

И прильнулъ къ щекѣ твоей.
Я смотрю и негодую,
И ревную сгоряча
Къ золотому поцѣлую
Утомленнаго луча.

Почему утомленнаго? Знойный лучъ томитъ; но онъ самъ еще не утомленъ, пока продолжаетъ быть знойнымъ. Въ другомъ стихотвореніи: «Потускнѣли огни» тотъ же эпитетъ употребленъ болѣе кстати.

Разметалъ свой костеръ
Умирающій день

И простеръ
На шатеръ
Утомленную тѣнь.

Кромѣ того я сожалѣю, что въ первое граціозное стихотвореніе вкрался неловкій стихъ: и ревную *сгоряча;* особенно неловкій рядомъ съ описаніемъ жаркой погоды.

Мнѣ также представляется невѣрнымъ въ стихотвореніи: «Въ твоихъ устахъ цвѣтетъ веселье» прилагательное, которымъ опредѣляется красота женской шеи:

Изъ бриллiантовъ ожерелье
На шеѣ бархатной твоей.

Впрочемъ, можетъ быть я ошибаюсь. Это—дѣло вкуса. Я сравнилъ бы кожу женской шеи съ атласомъ; и вспоминаю при этомъ, что мой пріятель Козьма Прутковъ восклицалъ: шея — мрамора кусокъ!

Еще упомяну объ одномъ невѣрномъ, по моему мнѣнію, выраженіи, о которомъ я въ особенности сожалѣю потому, что оно находится въ очень пріятномъ стихотвореніи: «Тучекъ дымныхъ кочевья». Представленъ зимній пеизажъ.

Лѣсъ колдуетъ; сѣтью снѣжной
Разстилаются деревья.

Слово *разстилаются*, болѣе подходящее къ предметамъ лежащимъ, чѣмъ къ стоящимъ, мѣшаетъ читателю прочесть безъ запинки это коротенькое стихотвореніе. Мои послѣднія замѣтки могутъ быть отнесены вѣрнѣе къ придиркамъ.

Я уже въ началѣ этой статьи старался представить общую характеристику поэтическаго дарованія г. Льдова; и теперь мнѣ остается прибавить, что въ его сборникѣ много стихотвореній очень хорошихъ. Укажу на тѣ, которыя особенно мнѣ пришлись по сердцу: Расцвѣли опять сирени; Не океанъ шумитъ волнами; Въ глубокихъ взорахъ тонутъ взоры; Въ осенній вечеръ дышетъ лѣсъ; Экклезіастъ и другіе. Одни изъ нихъ свѣжи и поэтичны; другія — глубоки по замыслу. Г. К. Льдовъ пишетъ во-

обще сжато. Онъ не любитъ многословія, и это, по мнѣ, одно изъ самыхъ цѣнныхъ свойствъ въ поэтѣ. Г. Льдовъ относится къ себѣ строго, чтò ручается за дальнѣйшее развитіе его симпатичнаго дарованія. Я читалъ его сборникъ съ большимъ интересомъ и съ чувствомъ уваженія къ личности автора, какъ она выразилась въ его стихотвореніяхъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

VI.

Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ **Н. Гальковскаго**. Сумы. 1897, больш. 8°, XVI + 247.

Это — переводъ на русскій языкъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ большею частью изъ собранія Вука Стеф. Караджича II кн. (изд. Вѣна 1875 г.), а частью изъ пѣсенъ, записанныхъ Гильфердингомъ, всего 59 пѣсенъ или 10611 стиховъ, какъ сосчиталъ самъ авторъ, что составитъ половину II кн. собр. Вука С. Караджича и гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ переведено въ сборникѣ Гербеля «Поэзія Славянъ» (Спб. 1871). Онъ ихъ распредѣлилъ по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Пѣсни миѳическія (12), II — Косовскія (13), III — о Маркѣ Королевичѣ (28) и IV — позднѣйшія (6), въ числѣ которыхъ три, относящіяся къ Россіи. Переводу предпосланъ историческій очеркъ Сербіи отъ поселенія сербовъ на Балканскомъ — полуостровѣ и до окончательнаго паденія Сербскаго Царства; а на послѣдующій затѣмъ періодъ авторъ также бросаетъ взглядъ, чтобы дать понятіе о положеніи сербскаго народа и въ то время, когда на цѣломъ Балканскомъ полуостровѣ водворилось господство турокъ. Очеркъ составленъ хорошо, и главнымъ образомъ авторъ останавливается на моментахъ и характерахъ, которые дали содержаніе пѣснямъ, какъ: Косовская битва съ княземъ Лазаремъ и обстоятельствами, подготовившими его пораженіе; боярская

рознь, взаимное недоброжелательство и интриги между великашами и недальновидность ихъ въ политикѣ; Марко Кралевичъ, народный герой, но тоже плохой политикъ и т. д. Конечно, г. Гальковскій держится стараго взгляда на сербскую исторію и Косовскую катастрофу объясняетъ въ духѣ народнаго преданія, игнорируя новѣйшія изслѣдованія, по которымъ Вукъ Бранковичъ не считается измѣнникомъ и катастрофа объясняется другими причинами; Милоша Обилича вмѣстѣ съ Югъ-Богданомъ онъ считаетъ единственными личностями, которыя «имѣли понятіе о важности и послѣдствіяхъ переживаемаго историческаго момента» (стр. XIV). Въ связи съ этимъ, само собою разумѣется, и князь Лазарь является у него личностью болѣе пѣсенною, чѣмъ историческою. По словамъ автора, Лазарь, не отличаясь ни особеннымъ умомъ, ни политическими способностями, ни даже твердою волей, «былъ мужественъ, честенъ, добръ; не запятналъ себя никакимъ преступленіемъ» и т. д. (стр. VIII). Напротивъ, его умѣнье держаться при тогдашнемъ смутномъ положеніи дѣлъ и среди всеобщей интриги показываетъ въ немъ больше ума, чѣмъ честности и доброты. Когда юный Урошъ, послѣдній изъ Неманичей, зная лукавство Вукашина, обращался къ Лазарю, Лазарь его отдалилъ отъ себя и заставилъ предаться Вукашину, который его и убилъ. А по смерти Вукашина онъ очень ловко устранилъ отъ престола сына его Марка. Несовсѣмъ честно поступилъ онъ и съ Николаемъ Алтомановичемъ.

Есть у г. Гальковскаго и прямыя погрѣшности противъ исторіи. Такъ онъ полагаетъ, что «жители, бѣжавшіе отъ турецкаго ига изъ юго-западной части Сербіи въ горы, положили начало Черногорскому княжеству», и относитъ это какъ будто къ эпохѣ, послѣ выселенія патріарха Арсенія Черноевича съ 37.000 сербовъ въ Австрію въ 1690 г. (стр. XI). Изъ чего можно заключать, что ему не извѣстно ничего о Черногоріи, какъ составной части Зеты, которая еще при Неманичахъ имѣла своихъ отдѣльныхъ государей.

Въ сынѣ Лазаря деспотѣ Стефанѣ онъ видитъ только чело-

вѣка, который «старался уладить династическіе безпорядки отомановъ и принималъ участіе въ войнахъ турокъ, въ качествѣ ихъ союзника» (стр. XIV); а ничего не говоритъ о его высокихъ замыслахъ, о трагизмѣ его положенія и о заботахъ его о просвѣщеніи.

Иногда авторъ противорѣчитъ самъ себѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ прекрасно охарактеризовалъ гайдучество, сказавъ, что оно «было носителемъ надеждъ на воскресеніе свободы и старой славы сербскаго народа и кромѣ того выработало систему военнаго національнаго ополченія» (стр. XI); а въ другомъ читаемъ у него же совсѣмъ другое: «Изъ гайдуцкихъ пѣсенъ мы узнаемъ о подвигахъ и продѣлкахъ (?) гайдуковъ, но ихъ дѣятельность не имѣетъ общественнаго значенія, потому что каждый гайдукъ руководится не общественными, а своими личными цѣлями» (стр. XV). Да и нѣтъ у него пѣсенъ о гайдукахъ, кромѣ одной о Старинѣ Новакѣ и князѣ Богосавѣ.

Дѣлая замѣчанія на историческій очеркъ г. Гальковскаго и смотря на него только какъ на статью, служащую для пониманія содержанія переведенныхъ имъ пѣсенъ, мы считаемъ его вполнѣ удовлетворительнымъ.

Въ заключеніе авторъ даетъ объясненіе, что означаютъ встрѣчающіяся въ сербскихъ пѣсняхъ выраженія *славить славу*, *братимиться*, *сеструться*, *кумовать*.

Обращаемся теперь къ выбору пѣсенъ. Имѣя въ виду пополнить недостатокъ въ этомъ отношеніи въ русской литературѣ, авторъ прежде всего сообразовался съ тѣмъ, что есть въ русской литературѣ и чего нѣтъ. Поэтому онъ не переводилъ пѣсни, имѣющіяся въ сборникѣ Гербеля, какъ: Построеніе Скадра, Бановичъ Страхиня, Юришичъ Янко и еще около десятка; а около десятка повторяетъ, считая ихъ, можетъ быть, недовольно точно переведенными; и намъ это даетъ возможность сдѣлать сравненіе переводовъ.

Можно было-бы замѣтить, что г. Гальковскій, исчерпавши всѣ пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ, мало мѣста оставилъ для другихъ

личностей, въ которыхъ дорисовываются другія стороны народной жизни; но можно надѣяться, что авторъ не остановится на изданномъ теперь, тѣмъ болѣе, что онъ не коснулся еще III кн. собранія пѣсенъ Вука С. Караджича; а есть и другія изданія. Желательно-бы было, конечно, имѣть въ русскомъ переводѣ и сербскія пѣсни, такъ называемыя женскія и обрядовыя, между которыми есть прелестныя, приводившія въ восторгъ корифея нѣмецкихъ поэтовъ Гёте; но для этого требуется другой талантъ, которымъ г. Гальковскій, можетъ быть, не обладаетъ, чувствуя своимъ призваніемъ передачу только эпическихъ темъ и мотивовъ.

Прежде чѣмъ говорить о переводахъ г. Гальковскаго, скажемъ нѣсколько словъ о переводахъ тѣхъ-же эпическихъ пѣсенъ, сдѣланныхъ другими до него.

Почти все это мы находимъ въ сборникѣ, изд. подъ редак. Н. В. Гербеля «Поэзія Славянъ» (1871 г.). Въ немъ находится 24 эпическихъ пѣсни. По времени первымъ переводчикомъ является Пушкинъ, и въ числѣ переведенныхъ имъ пѣсня «Сестра и братья» дословно вѣрна оригиналу, не только передавая со всею точностью смыслъ, но простоту и наивность, которою дышетъ сербская народная пѣсня. Затѣмъ мы встрѣчаемъ имена: Н. Щербины, П. Кирѣевкаго, Н. Берга, А. Майкова и О. Миллера. Изъ нихъ А. Майковъ переводитъ свободно, т. е. не держась близко оригинала, передѣлывая много по своему и прежде всего заботясь, чтобы вышло хорошо порусски. Въ томъ-же родѣ и переводъ Н. Щербины. Наибольшею точностью отличаются переводы П. Кирѣевскаго и О. Миллера; они, можно сказать, вполнѣ выдержаны. Прекрасны и также точны переводы Н. Берга; но въ нихъ нѣтъ да и не можетъ быть той выдержанности, такъ какъ онъ перевелъ въ пять разъ больше, чѣмъ всѣ тѣ вмѣстѣ. Тѣ съ двумя-тремя пѣснями, выбранными по вкусу и по средствамъ, легче могли справиться, чѣмъ онъ, переводя такую большую пѣсню какъ о Страхинѣ Банѣ или Бановичѣ, въ 810 стиховъ; нужно было одолѣть и онъ одолѣлъ: перевелъ прекрасно.

Бергъ больше всѣхъ сдѣлалъ; поэтому на немъ и остановимся.

Вполнѣ владѣя русскимъ языкомъ и стихомъ, переводчикъ всю работу положилъ на то, чтобы сохранить смыслъ каждой рѣчи оригинала и по возможностти передать его духъ. Видно, что переводчикъ хорошо знаетъ сербскій языкъ и проникся духомъ сербской поэзіи; поэтому у него есть мѣста, буквально передающія смыслъ и тонъ оригинала, при чемъ вполнѣ выдерживается характеръ и русскаго языка и стиха. Нѣкоторыя бытовыя слова, какъ: планина, топузъ, долама, челенка и т. п., онъ оставляетъ безъ перевода, а только въ сноскахъ даетъ ихъ толкованіе. И это совершенно основательно; потому что въ русскомъ языкѣ нѣтъ словъ, которыя-бы имъ соотвѣтствовали.

Есть, конечно, мелкія ошибки и невольныя отступленія, которыя однако не искажаютъ смысла и не портятъ впечатлѣнія; но есть и такія, которыя даютъ другой смыслъ, при чемъ ничего не выигрываетъ и русскій стихъ.

Такъ, въ пѣснѣ «Бановић Страхиња» слово:

Паде на ум па се досjетио
За његова хрта Карамана (кн. II, № 44, ст. 294—95),

онъ переводитъ:

И взбрело Страхиничу на мысли,
Что съ собой въ дорогу пса онъ не взялъ,
Своего лихого Карамана.

Взбрело на умъ—означаетъ что-то безумное, ненормальное, шальное; тогда какъ *паде на ум* просто значитъ: вспомнилъ; и дальше онъ-же употребляетъ это выраженье:

Вспомнилъ онъ лихого Карамана.

И еще одно мѣсто:

Но биjаше то девет шурњаjа (снохи, жены, Юговичей),
Но шурњаjе дворе упоредо,
Дворе *свекра* Југ-Богдана,
И двораху своjе господаре (мужьевъ, Юговичей),
А наjвише зета поносита. (Бановича Страхиню (ст. 50—54).

переводитъ:

Больше всѣхъ Юговичи служили,
Другъ за другомъ угощая *батьку*,
Стараго сѣдого Югъ-Богдана и т. д.

Онъ былъ угощавшимъ его снохамъ свекоръ, а не отецъ; и батька — слово малороссійское.

«Проћ' се тасте, стари Југ-Богдане!» (ст. 175)—выраженье простое, въ родѣ: «Богъ съ тобою» и т. д., Бергъ перевелъ:

«*Ну те къ Богу*, старый, не пугайся», — употребивъ выраженье грубое; при томъ пугаться тутъ было и нечего.

Окрикъ «бре!», выражающій презрѣніе, онъ переводитъ словомъ *брешешь*: вопервыхъ оно не отвѣчаетъ смыслу, а вовторыхъ слово малороссійское.

Встрѣчаетъ Страхиня на пути какого-то дервиша, который

«Пије вино турчин кондијером (сосудъ около полу-ведра),
Но сам лије, по сам чашу пије». (ст. 338—39),

а въ переводѣ выходитъ, что онъ не пьетъ вино, а выливаетъ:

И вина не въ мѣру наливаетъ —
Въ чашу льетъ онъ, а *вино-то на полъ*.

Есть добавленья, совершенно неумѣстныя: стихъ «Потегоше перне буздоване» (ст. 628) онъ передаетъ:

Какъ не стало копьевъ, ухватили
Палицы они и шестоперы —

Когда-же сербы бились палицами?... Иногда простое, но сильное и образное выраженье ослабляется ненужными распространеніями.

Такъ у Страхини была знаменитая сабля, которую ковали два кузнеца съ тремя помощниками, не переставая отъ воскресенья до воскресенья,

«Од челика сабљу претопили,
«У острицу сабљу угодили» (ст. 650 — 54).

А переведено:

> Выковали саблю изъ булата,
> Рукоять изъ серебра и злата,
> На великомъ брусѣ, на точилѣ,
> Страхинъ-бану саблю наточили».

Не знаю, почему переводчикъ, не довольствуясь преувеличеньемъ, естественнымъ въ поэзіи, увеличиваетъ еще больше и считаетъ у Влахъ-Аліи два раза по 200.000, тогда какъ въ оригиналѣ только по 100.000 (ст. 113—124).

Мѣстами видно, что переводчикъ не понималъ слова: *ћемер* ћуприја (мостъ сводомъ, аркой) перев. «Мостъ *желѣзный*» (въ то-то время!); при томъ принимаетъ это слово за собственное имя. Точно такъ изъ—«цара тирјанина,

Тирјанскога цара Сулејмана» (Јуришић Јанко, ст. 8-я) сдѣлалъ: «У Тирьанскаго царя, у Сулеймана» и дальше тоже. И наоборотъ изъ географическаго названія «малена Бањска» (мѣстечко и монастырь на рѣкѣ, впадающей въ Ибръ, названіемъ указывающей, что тамъ были купальни) сдѣлалъ «маленькое банство» (Бановичъ Страхиня). Уклоняясь отъ оригинала и дѣлая своевольныя прибавленья, а не зная хорошо народнаго быта, переводчикъ дѣлаетъ курьозную ошибку.

Пѣсня «Како се крсно име служи» (№ 20) начинается такъ:

> «Свеца слави, Српски цар Степане,
> Свеца слави, света Аранђела»

Бергу показалось этого мало и онъ переводитъ:

> «Царь Стефанъ великій праздникъ славитъ,
> Празднуетъ Архангела Стефана».

У сербовъ говорятъ «архангеловъ день» (8 ноября арханг. Михаила), не упоминая, какого архангела; и всѣ Неманичи праздновали именно этотъ день; Стефана-же архангела вовсе не существуетъ.

Указывая эти ошибки въ переводахъ Берга, мы остаемся при мнѣніи, что они всетаки сдѣланы прекрасно, и ошибки эти

считаемъ неизбѣжными, а почему, объ томъ будемъ говорить послѣ; теперь-же перейдемъ къ переводамъ г. Гальковскаго.

Примѣнимъ и къ нему ту-же мѣрку, т. е. признавъ въ общемъ переводы хорошо сдѣланными и, что въ массѣ ошибки неизбѣжны, остановимся на этихъ ошибкахъ и постараемся найти имъ объясненіе.

Возьмемъ пѣсню «Марко Кралевичъ и Мина изъ Костура (стр. 146 — 54; у В. С. К. II, № 62), которая находится и въ переводѣ Берга (78 — 82), такъ что можно будетъ сдѣлать сравненіе. У г. Гальковскаго она начинается такъ:

«Марко сѣлъ за ужинъ съ Евросимой»—а кто эта Евросима? Читатель, для котораго и назначаются эти переводы, не можетъ знать, кто такая была Евросима. Да и къ чему употреблять это имя, когда въ оригиналѣ стоитъ:

«Сједе Марко с мајком вечерати»?

Бергъ тоже перевелъ:

«Сѣлъ за ужинъ Королевичъ Марко
Со своею матерью родимой».

И по всей этой пѣснѣ всюду стоитъ «мать», а г. Гальковскій всюду выставляетъ собственное имя.

Мать совѣтуетъ Марку пойти по требованью султана въ войско, хотя-бы пришлось отказаться отъ свадьбы и крестинъ, куда его приглашаютъ, потому что, какъ стоитъ въ оригиналѣ:

Богъ проститъ намъ, сынокъ;
А турки не поймутъ насъ

или не захотятъ понять, т. е. принять во вниманіе нашихъ обстоятельствъ.

У Берга: «Богъ проститъ, а турокъ не умолишь». Г. Гальковскій же пропускаетъ второй стихъ, безъ котораго первый является неполнымъ.

Когда Марко былъ раненъ, султанъ, отправляя его на излѣченье,

«За њим посла двије вјерне слуге,
Да гледају, да не умре Марко».

А Гальковскій перевелъ:

Двухъ рабовъ еще онъ посылаетъ,
Чтобъ слѣдили — живъ ли храбрый Марко.

У Берга ближе къ оригиналу:

Вѣрныхъ слугъ даетъ еще онъ Марку,
Какъ-бы онъ не умеръ у султана.

Въ описаніи разгрома Маркова дома Миной изъ Костура говорится:

«Стара мајка с коњма прегажена
И вјерна му љуба заробљена»

Гальковскій перевелъ:

Мать его раздавлена конями,
А жена въ рабыни взята Миной.

Но мать осталась жива, хотя кони и топтали её ногами; а жена взята въ плѣнъ, и Мина хочетъ на ней жениться, а не держать рабыней; *зароботи* — значитъ плѣнить.

Такъ понялъ и Бергъ:

Что потоптана (а не растоптана) конями матерь,
Что похищена подруга-люба.

Во время войны съ арапами,

«Марко сијече Арапске јунаке,
Па све главе пред цара износи,
А цар Марку бакшише поклања»

У Гальковскаго:

Марко рубитъ головы араповъ
И къ султану на бакшишъ приноситъ.

Иное дѣло—самъ султанъ даетъ ему подарки за арапскія головы, а иное — если Марко приноситъ эти головы ради подарковъ. И бакшиш — значитъ прежде всего подарокъ, большой или малый,

а послѣ—«на водку» или «на чай», какъ толкуетъ Гальковскій. Такъ и у Берга:

День и ночь сѣчетъ араповъ Марко
И султану ихъ башки приноситъ,
А султанъ даритъ за это Марка.

Есть мѣста, которыя Гальковскимъ поняты лучше, чѣмъ Бергомъ.

Такъ Марко проситъ султана отпустить его домой, чтобы отпраздновать Юрьевъ день, своего святого (слава или крсно име). Гальковскій это переводитъ такъ:

Буду завтра праздновать я славу,
Красно имя, свѣтлый день Егорьевъ.

А у Берга:

Завтра день великаго святого,
Юрьевъ день, святой для насъ и *красный*,
И мои опричь того крестины.

Въ сербскомъ-же оригиналѣ:

Мене јесте сјутра крсно име,
Крсно име, лијеп данак Ђурђев;
Већ пусти ме, царе поочиме,
Да прославим моје крсно име.

Бергъ очевидно смѣшиваетъ *славу* съ крещеньемъ; а онъ и Гальковскій вмѣстѣ *крсно име* (крестное) смѣшиваютъ съ краснымъ т. е. прекраснымъ. Смѣшенье и непониманье этого слова часто встрѣчается у того и у другого (у Гальковскаго на стр. 71, 148, 191, 192). Слово гóра оба они постоянно переводятъ *горà*, тогда какъ въ сербскомъ языкѣ оно, хотя и употребляется въ нашемъ смыслѣ, но очень рѣдко; а обыкновенно въ смыслѣ *лѣсъ* и постоянно съ прибавкою *зеленый*. Они, не догадываясь объ этомъ, прибѣгаютъ къ натяжкамъ.

Такъ, въ пѣснѣ «Смерть Марка Королевича» (В. С. К. № 74, Гальковскій стр. 204—28, Бергъ стр. 82—83) вила

говоритъ Марку, чтобы онъ, когда будетъ наверху *планины*, посмотрѣлъ справа налѣво:

«Опазиђеш двије танке јеле,
Сву су гору врхом надвисиле,
Зеленијем листом зачинилe», что

значитъ: Увидишь двѣ тонкія ели, которыя своими вершинами превысили весь лѣсъ, украсили (его) своею зеленью. А Гальковскій переводитъ:

И увидишь тонкія двѣ ели:
Поразросшись сучьями своими
Всей горы они вершину кроютъ.

У Берга тоже:

Широко тѣ ели разрослися
И собой прикрыли всю планину.

Тамъ говорится о высотѣ ихъ, а не о ширинѣ; да и не въ состояньи двѣ, да еще тонкія, ели прикрыть высокую гору, особенно сучьями, а не вѣтвями.

Эта ошибка красною нитью проходитъ по всѣмъ переводамъ, какъ Гальковскаго, такъ и Берга.

Выраженье: «Марко тражи, ђе је *боље* вино» т. е. гдѣ вино лучше; они оба переводятъ «гдѣ *больше*».

Не могутъ они опредѣлить масть Маркова коня *Шарца*. Гальковскій однако правильнѣе называетъ его *пестрымъ*, а Бергъ — *сѣрой масти*. Въ сущности-же это — пѣгій, который и у насъ считается особенно сильнымъ и доброѣзжимъ. Въ одной пѣснѣ (В. С. К. № 42) говорится:

«Коњ му није какви но су коњи,
Веђ шарен, као и говече» (ст. 129 — 130).

Ходжи и хаджіи — Бергъ оставляетъ безъ перевода или соединяетъ ихъ въ названьи — «ходжи перехожіе» (стр. 77). Гальковскій же первое слово не переводитъ и даетъ правильное объясненіе, что оно означаетъ магометанскихъ священниковъ

муллъ; а второе переводитъ словомъ *прохожіе* или *странники.* Собственно-же это — люди, совершившіе паломничество магометане въ Мекку и Медину, а христіане въ Іерусалимъ. И тогда къ имени магометанина или христіанина присоединяется въ родѣ добавочнаго прозвища — *хаджи*: Хаджи-Муратъ, Хаджи-Ристичъ, Хаджи-Савва Косановичъ, бывшій сараевскій митрополитъ.

Недоумѣваютъ они, что за орудіе *кривые косіеры*, которыми вмѣстѣ съ мотыгами Марко снабжаетъ свою дружину вмѣсто оружія, чтобы её приняли за партію рабочихъ. Бергъ переводитъ *кривыя косы*; а Гальковскій *кривые ножи*, объясняя притомъ, что они употребляются для ухода за виноградомъ. Въ дѣйствительности-же *косіеръ*—кривой ножъ на длинной рукояткѣ, и главное его назначенье срубать кустарникъ, который всегда бываетъ колючій, а при длинной рукояткѣ колючки руки не достаютъ; имъ же рубятъ тонкія вѣтки съ дерева, которыя потомъ складываютъ въ стожки (лист, лишњак), а зимой этими вѣтвями кормятъ козъ; отъ нужды обрѣзываютъ имъ и виноградную лозу; но для этого есть особый ножъ. Мотыги-же именно служатъ для окапыванья виноградной лозы; а косіеры упоминаются, какъ вообще земледѣльческое орудіе.

Въ сербскихъ пѣсняхъ часто случается, что дѣйствіе въ сущности относится къ одному предмету, а по формѣ будто къ двумъ, напр.

Да не падне дажда из облака,
Нити ноћу сјајна мјесечина (да не падне?),
Да не роди вино, ни шеница,
Ни за цркву часна летурђија (да не роди?).

Упустивъ это изъ виду, Гальковскій доходитъ до абсурда.

Въ пѣснѣ «Марко пашетъ землю» (стр. 193; у В. С. К. Орање Марка Краљевића № 73), разсердившись на турокъ-янычаръ,

«Диже Марко рало и волове,
Те он поби турке јањичаре».

А Гальковскій постарался держаться, какъ можно, ближе оригинала и перевелъ:

«Онъ схватилъ воловъ и плугъ *и ими*
Положилъ всѣхъ турокъ здѣсь на мѣстѣ».

По указаннымъ выше примѣрамъ дѣйствіе глагола *диже* распространяется только на рало, а волы упоминаются вслѣдствіе того, что они были при ралѣ; поэтому и не говорится, чѣмъ и какъ Марко побилъ турокъ; а конечно могъ только раломъ, выпрягши изъ него и бросивши воловъ или бросивши то и другое; а Гальковскій произвольно прибавилъ *ими*.

Также произвольно въ той-же пѣснѣ переводитъ онъ *четовање* двумя словами «поѣздки и походы»; *три товара блага* переводитъ — три воза денегъ; тогда какъ *товар* — вьюкъ, въ которомъ считается 100 окъ, а въ дѣйствительности *товарятъ* (вьючатъ) на лошадь меньше, около 80 окъ. Да и дороги тамъ только вьючныя, а не возомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ переводитъ *три кармана* (стр. 199). «Три *купе* дуката»—три *кучи* дукатовъ (у Берга — купы). Въ пѣснѣ «Брађа и сестра» (В. С. К. № 9; у Гальковскаго, стр. 14 — 17) Богъ посылаетъ двоихъ ангеловъ, чтобы они воскресили младшаго изъ братьевъ сестры, выданной замужъ и напрасно ожидающей ихъ посѣщенья, и чтобы онъ пошелъ къ ней, и приказываетъ Богъ ангеламъ:

«Вашијем га духом задапите (т. е. оживите),
Од гроба му коња начините (на которомъ бы онъ поѣхалъ)
Од земљице мијесте колаче (хлѣбъ на дорогу),
Од покрова режите дарове (платки или полотенца),
Спремите га сестри у походе».

Гальковскій это переводитъ такъ:

«Въ мертвый трупъ вдохните жизнь, изъ досокъ
Гробовыхъ коня ему создайте,
Изъ земли колчанъ и быстры стрѣлы» и т. д.

Симеонъ Найденышъ (В. С. К. № 14, Г. стр. 28), прося игумена

пустить его въ свѣтъ, чтобы отыскать своихъ родителей, заключаетъ, что онъ долженъ узнать, какого онъ рода,

«Јал'ћу скочит у тихо Дунаво» т. е. безъ того онъ утопится; а у Гальковскаго: «Погулять хочу я у Дуная». Въ уста Милицы, жены князя Лазаря, переводчикъ влагаетъ такой ему упрекъ (Построеніе Раваницы):

Сколько было Неманичей славныхъ,
Всѣ они покоятся въ гробницахъ.....
Но они не тратили богатства
На пиры, да какъ на что придется:
Задужбины строили владыки,
Устрояли церкви въ славу Божью....

(перечисленье всѣхъ задушбинъ)

На пиры свои ты тратишь деньги» и т. д.

А въ оригиналѣ читаемъ (В. С. К. № 198; Гальковскаго стр. 49—51):

Што бијаху Немањићи стари,
Цароваше па и преминуше,
Не трпаше на гомиле благо,
Но градише свиме задужбине...
....
Ти остаде у столу њиноме
И потрпа на гомиле благо»

Совершенно обратное: онъ копилъ кучи денегъ и дѣйствительно не строилъ задужбинъ; но никакъ не тратилъ ихъ на пиры и разныя бездѣлицы. Это поклепъ переводчика, который, очевидно, смѣшалъ два совершенно различныя по значенію слова *трпати и трошити*, а остальное подогналъ къ глаголу. Все равно какъ онъ не понимаетъ значенія словъ: бисер (жемчугъ), олово (свинецъ), книга (письмо), ослабити (расхвораться), срдобоља (болѣзнь, кровавый поносъ), вењер или фењер (фонарь) переводитъ— можевельникъ (стр. 80) и др.

Есть одно мѣсто въ цитированной нами выше пѣснѣ «Марко

Краль и Мина од Костура», которое и Гальковскимъ, и Бергомъ переведено одинаково въ смыслѣ противуположномъ.

Когда султанъ даетъ Марку домъ и всякое богатство, то Марко представляетъ, что объ немъ тогда будутъ говорить его противники:

«Гле курвића Краљевића Марка!
Они су му двори изгорели,
А ови му *пусти остануми!*
Оно му је благо однешено,
А ово му *остануло пусто!»* (ст. 222 — 31).

Бергъ переводитъ это:

«Коли тѣ дворы его сгорѣли,
Пусть ему на этихъ *будетъ пусто»*.
Тамъ его расхищено богатство,
Такъ и здѣсь ему *пусть будетъ пусто.*

И у Гальковскаго:

«У него одни дворы сгорѣли,
Пусть-же эти *остаются пусты.*
У него разграблено богатство, —
Пусть же это *въ прокъ ему не будетъ»*.

Слово *пусти*, кромѣ значенья *пустой*, незанятый никѣмъ и ничѣмъ, значитъ еще нѣчто великое, необыкновенное, выходящее изъ ряда вонъ: «*пусто благо* понијесмо тада!» — хвалится одинъ т. е. великое богатство; «*пусти јунак* бјеше Божо Перутин!» т. е. храбрости его не было мѣры; «брза му је *пуста бедевија»*; «да се *пусту Богу* намолимо!» т. е. великому Богу. Въ этомъ смыслѣ сказано и здѣсь: тѣ дома сгорѣли, а у него теперь еще лучше; то богатство у него унесли, а теперь посмотри какое большое!

Переводя, самое лучшее, конечно, ничего не передѣлывать и не прибавлять отъ себя; а Гальковскій противъ этого часто грѣшитъ и тѣмъ отнимаетъ настоящій смыслъ и характеръ оригинала. Отчасти мы это уже видѣли; сдѣлаемъ еще два — три замѣчанія.

Лазарь Гребляновичъ въ пѣснѣ обыкновенно называется — *князь* и *царь*. Въ этихъ случаяхъ г. Гальковскій вм. князь ставитъ царь (В. С. К. № 35. Г. стр. 49) или же придаетъ ему еще титулъ владыки: Лазарю владыкѣ (стр. 51); Лазарь царь, глава-владыка сербовъ (стр. 55; у Вука № 50, I: Српском кнез-Лазару, од Србије главо); теремъ Лазара владыки (стр. 66; вм. господара, славног княз Лазаря); и еще тоже (стр. 78) вм. кнез Лаза; и Стефанъ, владыка сербовъ (стр. 45) вм. царь; собралися сербскіе владыки (стр. 201) вм. српске војеводе; въ одномъ мѣстѣ жена мужа своего называетъ владыкой (стр. 6 и 72) вм. господиномъ. Слово это не отвѣчаетъ оригиналу, а не употребляется также въ томъ смыслѣ и въ русскомъ языкѣ. Некстати также онъ употребляетъ слово старуха вм. мать: у старухи сердце было твердо (стр. 74) вм. мајка тврда срца била, и далѣе въ той-же пѣснѣ и въ другихъ (стр. 14, 146, 200 и др.).

Намъ непонятно, почему переводчикъ такъ настойчиво употребляетъ это слово, замѣняя имъ находящееся въ оригиналѣ мать, котораго онъ и долженъ держаться. Мать для серба, въ особенности для черногорца, составляетъ нѣчто священное; поэтому онъ такъ любитъ это имя и постоянно употребляетъ его въ поэзіи; а нѣтъ причины избѣгать его и русскому переводчику. Гдѣ нужно, сербъ тоже употребляетъ имя старикъ или старуха, напр. стара мајка, стари Богдане, старац о деведесет година и т. п. Часто человѣкъ еще непожилой говоритъ о такой-же или еще моложе его женѣ: «моја стара, ја са старом или ми два стари»; но другой этого не скажетъ ни ему, ни ей, хотя-бы они и были стариками; и только самый близкій человѣкъ можетъ спросить: «ђе је твоја стара или баба». Этого требуетъ своего рода этикетъ, который до крайности доводится у магометанъ г. Подгорицы. Тамъ и совсѣмъ къ старухѣ относятся со словами: «Како си, невјесто?», что означаетъ вообще женщину, но отнюдь не старую. А она въ свою очередь въ отвѣтъ въ видѣ комплимента назоветъ его «момче», хотя-бы онъ и былъ въ годахъ; въ

противномъ-же случаѣ она отвѣтитъ: «Како си и ти, ђедо!» Поэтому въ пѣснѣ и не употребляется безъ надобности имя старухи и охотнѣе ставится имя матери. Это, конечно, мелочь, но мы остановились на ней, чтобы показать, какъ въ народной пѣснѣ все установлено твердо, основано на своихъ причинахъ и потому не можетъ быть измѣняемо или замѣняемо другимъ, и измѣненье это можетъ явиться несообразностью. Такъ, г. Гальковскій копью, которое въ оригиналѣ называется боевымъ (убоjито), даетъ эпитетъ стальное (стр. 57, 203), а потомъ говоритъ что копья разбиты въ щепки (стр. 67); въ оригиналѣ стоитъ: «Разбѣжались по полю деліи (турки), какъ воробьи отъ копчика по кустарнику (подразумѣвая — разлетаются)»; а у г. Гальковскаго: «Какъ бѣгутъ отъ копчика вороны» (стр. 186); мать «бросила ребенка на пыльную дорогу» (стр. 1) вм. «ударила объ каменную скалу» (њьом удари о камену станцу), т. е. убила объ камень.

О. Миллеръ отлично переводилъ и очень точно, потому что хорошо зналъ оба языка, сербскій и русскій; но въ одномъ мѣстѣ онъ позволилъ себѣ сдѣлать небольшую прибавку, и изъ того вышла несообразность. Въ концѣ пѣсни «Марко-Королевичъ пашетъ» онъ къ слову плугъ (вѣрнѣе — соха) прибавляетъ *отцовскій*. Но это можно бы сказать, еслибъ отецъ его самъ пахалъ, какъ говорится о саблѣ, которою онъ дѣйствовалъ; а отецъ его былъ изстари *великашъ*, а потомъ царь, слѣдовательно не пахалъ. И къ чему прибавлять?... Можемъ увѣрить, что всякая прибавка, которую позволяетъ себѣ переводчикъ, обременяетъ пѣсню излишествомъ и ослабляетъ впечатлѣніе; и наоборотъ, пропуски оставляютъ недосказанность и неясность.

Прекрасна пѣсня «Сабля царя Вукашина» (сборникъ стр. 75—76; у Вука—Марко Краљевић познаjе очину сабљу № 57) въ переводѣ А. Майкова: онъ внесъ въ неё много картиннаго, но измѣнилъ и наполовину пропустилъ разговоръ между турчанкой и утопавшимъ, а также сцены между Маркомъ Кралевичемъ и Мустафъ-агой, и послѣ между имъ-же и султаномъ,

и тѣмъ далъ всему другой оттѣнокъ; а въ общемъ отнялъ у пѣсни ея спокойный эпическій тонъ. У Гальковскаго-же эта-же пѣсня представляетъ одинъ изъ лучшихъ переводовъ (стр. 132—36). При передачѣ собственныхъ именъ переводчикъ держится оригинала, что иногда и лучше, напр. Едрене вм. длиннаго Адріанополь; онъ даже удержалъ названье «Пачаршія» (Паћаршиjа), которое, по всѣмъ вѣроятіямъ, произошло отъ «патріаршія», хотя мѣстные жители изъ Печи и Призрена не произносятъ иначе, какъ «пачаршиjа»; васеленскій патріархъ вм. вселенскій. Но тамъ-же онъ ошибочно передаетъ Юрьево Ступово вм. Юрьевы — столпы, Сапочина вм. Сопоћани, Короновацъ вм. Карановацъ, задужбина Яна вм. церковь Яня. Но есть и не ошибки, которыя всегда возможны, а произвольныя измѣненія: Ваистинъ вм. Ваистина (слуга Стефана Мусича), Янкъ (стр. 203) вм. Янко, Прилепъ вм. Прилипъ; или же неправильно измѣняетъ во флексіи: арапины,-ов; Сибинянъ вм. Сибинянинъ; Гойкой вм. съ Гойкомъ; бковъ (мѣра стр. 192) вм. окъ; въ имени Милицы постоянно неправильно переноситъ ударенье на предпослѣдній слогъ. Странно также чтенье: *Тя*ковица (Ђаковица), *Тю*ро (Ђуро) и *Те*мо (Ђемо).

Само собою разумѣется, что замѣчанья наши далеко не исчерпываютъ всего переведеннаго г. Гальковскимъ; но для насъ этого достаточно, чтобы, указавъ ошибки, можно было уяснить, откуда онѣ происходятъ.

Во многихъ случаяхъ, конечно, видно неполное знакомство переводчика съ сербскимъ языкомъ, прямо непониманье нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ. Видно, что переводчикъ не вошелъ въ духъ языка и сербской народной поэзіи. Затѣмъ у всѣхъ переводчиковъ мы замѣчаемъ слишкомъ малое знакомство съ бытомъ народа: съ его образомъ жизни и внутренними отношеніями; съ его жилищемъ и всею обстановкой, съ одеждой,

пищей, оружіемъ и употребляемыми народомъ орудіями и т. д. Мы видѣли уже, къ какимъ несообразностямъ приводитъ это незнаніе народной жизни. Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ и разберемъ ихъ подробнѣе.

Въ пѣснѣ «Змија младожења» (В. С. К. № 12, въ перев. «Змѣй женихъ» стр. 23—28) есть мѣсто, которое г. Гальковскій переводитъ, очевидно, не давая себѣ яснаго отчета въ описываемой имъ обстановкѣ.

Когда свадебный пиръ окончился,

> «Сваки оде ка своjему двору,
> Змиjа оста у своме дувару,
> Краљ остаде на своме дивану».

Гальковскій это перевелъ:

> «Ѣдутъ гости ко дворамъ, остался
> Змѣй, какъ прежде, подъ своей стѣною,
> А король сталъ управлять народомъ».

Когда мы читаемъ оригиналъ, намъ все такъ ясно и просто: гости отправились по домамъ, змѣя влѣзла въ стѣну, внутрь ея, такъ какъ дома сербскіе кладутся изъ дикаго, нетесаннаго камня и внутри всегда образуются пустоты, въ которыя обычно и забираются змѣи и ящерицы; а король остался въ своей комнатѣ, гдѣ онъ принималъ гостей. Какой-же смыслъ имѣетъ прибавка, что «король сталъ управлять народомъ»? Какъ будто въ продолженіе свадьбы его управленіе прекращалось, а съ окончаніемъ пира началось опять. Этого пѣсня не имѣла и не могла имѣть въ виду; а переводчикъ недоумѣваетъ передъ словомъ *диван*. Слово это турецкое и, что оно значитъ по турецки, мы не знаемъ; но у сербовъ оно означаетъ помѣщенье, въ которомъ происходятъ совѣщанья или пріемы гостей у султана и высшихъ сановниковъ; оттуда пойти на *диванъ* на совѣщанье, и *диванити* — говорить. Въ Новобазарскомъ санджакѣ, а также въ Васоевичахъ въ Черногоріи галлерейку при домѣ, на которой лѣтомъ проводятъ время сами хозяева и принимаютъ гостей,

называется *диванана*, тоже, вѣроятно, потому что проводятъ тамъ время въ разговорѣ.

Въ данной пѣснѣ мы не видимъ описанія какой-нибудь особенной обстановки, какъ у будимскаго краля, такъ и у призрѣнскаго царя; они изображаются, какъ простые люди; поэтому и диванъ здѣсь нужно разумѣть просто, какъ пріемную комнату.

Точно такъ всѣ переводчики недоумѣваютъ передъ словомъ *кула*, которое турецкаго происхожденія; а у сербовъ означаетъ просто каменный домъ, поднятый непремѣнно на одинъ этажъ (на под), а самое большое бываетъ въ два этажа. Самый-же низъ — нежилое помѣщенье, и служитъ для скота и храненія различныхъ хозяйственныхъ орудій и принадлежностей; иногда онъ служитъ подваломъ для бочекъ съ виномъ; эта нижняя часть дома называется — *изба*, *подрум*, *коноба*. Такимъ именно каменнымъ въ два или три этажа домомъ, по представленію народной пѣсни, была и кула будимскаго краля, и невѣсту повели не въ какую-либо особую башню, а въ томъ-же домѣ, въ самый верхній этажъ, чтобы испытать, долѣзетъ-ли туда змѣя. Смотря по высотѣ и по наружному виду, такой кулѣ даются эпитеты: *бијела*, *висока*, *танка*, *бојанли* (въ нѣсколько этажей), *давор* (господская?) и др.

Кулой-же называется и военное укрѣпленіе, служащее для охраны границы или дороги, въ которомъ помѣщается только военная стража, и она поэтому называется *стражарица*, *пандурица*, *паланка*. Къ этимъ постройкамъ можно, пожалуй, примѣнить названье башни, и еще болѣе, если такія кулы возвышаются надъ стѣною укрѣпленія. Онѣ служатъ для той-же цѣли, т. е. для стражи или тюрьмою. Мы уже говорили, какъ г. Гальковскій слово *четованье* переводитъ двумя словами — «поѣздки и походы»; а О. Миллеръ въ той-же пѣснѣ переводитъ его — «богатырство». Но между богатыремъ и четникомъ большая разница: первый всегда обладаетъ необыкновенною, нечеловѣческою силой и идетъ на единоборство, иногда же на цѣлое полчище; тогда какъ у четника его физическая сила вовсе не вы-

ставляется; онъ отличается храбростью и военнымъ искусствомъ и всегда идетъ съ четой, а если бываетъ ея главой, то называется четобашой. Тоже самое, хотя не совсѣмъ, гайдукъ и гайдучество, какъ у грековъ клефтъ; близки къ тому наши южнорусскіе гайдамаки. Но подъ этими названіями мы находимъ такіе различные и своеобразные типы, что ихъ никакъ нельзя замѣнять одного другимъ. Все равно какъ слово *юнакъ* нельзя переводить герой или молодецъ; *вилу*—русалкой, ножъ или *ятаганъ*, тоже и *ханджар*, переводить кинжаломъ, *челенку* — султаномъ, *дива* — лѣшимъ (Гальковскій не могъ однако не прибавить — *лѣсной дивъ*) и т. п. Такія слова, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ оставлять безъ перевода, давши однако имъ толкованіе, сколько возможно, точное и ясное; а тогда-то и требуется хорошее знаніе народнаго быта, чего именно и не достаетъ нашимъ переводчикамъ, какъ мы уже видѣли то выше.

Не можемъ не вспомнить и переводъ сербскихъ пѣсенъ на малороссій языкъ, сдѣланный въ 1876 г. М. Старицкимъ *), и не сдѣлать сравненія его съ русскими переводами.

Прежде всего г. Старицкій въ предисловіи высказываетъ такой взглядъ на сербскую поэзію. «Украинцы — говоритъ онъ — по своему кровному родству, по своему прошлому, по типу, по многимъ бытовымъ чертамъ, по языку и наконецъ по симпатіямъ чрезвычайно близки къ придунайскимъ Славянамъ; это сходство отразилось и въ народной поэзіи». (I — II).

*) Сербські народні думи і пісні.—Переложив М. Старицький. Київъ. 1876. мал. 8°, III+420. Всего 53 эпическихъ пѣсни. Чистая выручка предназначалась въ пользу Славянъ (это было при началѣ сербско-турецкой войны), а самое сочиненіе посвящено М. П. Драгоманову. Предисловіе написано по-русски. Авторъ предполагалъ издать еще 2 бытовыя и женскія пѣсни и 3 обрядовыя и историческій очеркъ придунайскихъ славянъ; но по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ вышла только первая часть.

А далѣе объясняется, какъ онъ переводилъ: «При переводѣ думъ я старался фотографически передать мысль подлинника, слѣдя за нимъ стихъ за стихомъ, слово за словомъ; старался удержать тотъ-же самый размѣръ бѣлаго сербскаго стиха и употреблять въ переводѣ исключительно народную рѣчь, чтобы сохранить эпическій букетъ подлинника».

Что касается словъ г. Старицкаго относительно перевода, то — насколько позволяетъ намъ знаніе сербскаго и малороссійскаго языковъ — мы сказали-бы, что взглядъ его вѣренъ и онъ также вѣрно выполняетъ поставленную имъ задачу.

Это можно видѣть изъ нѣсколькихъ сопоставленій перевода съ оригиналомъ; но насъ въ то-же время интересуетъ и сличеніе съ русскими переводами, для чего и постараемся въ нѣсколькихъ примѣрахъ сдѣлать это тройственное сопоставленіе. Мы уже цитировали одно мѣсто изъ пѣсни «Построеніе Раваницы» въ переводѣ г. Гальковскаго вмѣстѣ съ оригиналомъ (стр. 24); вотъ какъ это самое переведено у г. Старицкаго:

Закладини Раваниці (стр. 127—32).
Що були тут Неманичи древні,
Й царювали аж поки їх стало,
Одже скарбу не збірали в купу,
А чинили задушниці з ёго.

Ти-ж сидиш на їхнёму престолі
І збираеш тильки скарб до-купи,
А не тратиш ёго в славу Божу.

Хорошо у г. Гальковскаго переведена пѣсня «Марко и дочь Арапскаго короля»; вотъ ея начало:

Говорила мать старуха Марку:
«Что съ тобою, дорогой мой Марко!
Что такъ много задужбинъ ты строишь?
Или Богу согрѣшилъ ты тяжко?
Иль добро тебѣ досталось даромъ»?

Отвѣчаетъ Ефросимѣ Марко:
«Мать моя, скажу тебѣ всю правду.
Мнѣ случилось быть въ землѣ арапской,
И пошелъ я утромъ на колодецъ,
Чтобъ водою напоить Шарина.
Подхожу съ конемъ я къ водоему,
А ужъ тамъ двѣнадцать арапиновъ» (стр. 155 — 56).

Смыслъ переданъ вѣрно: но отъ оригинала есть отступленье, а въ то-же время есть нѣкоторое насиліе и русскому языку: пошелъ *на* колодецъ (вм. къ колодцу), водоемъ, арап*иновъ*.

Между тѣмъ малороссійскій переводъ держится буквально оригинала:

«Пита мати в короленка Марка:
Мій ти сину, короленку Марку!
Чого ставиш задушни́ць ти стільки?
Чи ти тяжко завинився Богу,
Чи здобув де собі лехко грошей»?
Одріка ій із Прилипа Марко:
«Ой на Бога, матінко старенька!
Раз я був якось в землі Арапській,
І пішов раненько до криниці,
Щоб коня там напоіти Шарця;
Як прийшов ото я до криниці,
Аж стоіть дванадцать там арапів». (стр. 377).

А вотъ и оригиналъ:

Пита мајка Краљевића Марка:
«Ја мој сине, Краљевићу Марко!
Што ти градиш млоге задужбине?
Ил'си тешко Богу згријешио,
Ал'си лудо благо задобио»?
Вели њојзи од Прилипа Марко:
«Ој Бога ми, моја стара мајко!
Једном бијах у земли Арапској,
Па уранил на воду чатрњу,
Да напојим мојега Шарина;
Кад ја дођох на воду чатрњу,
Ал' на води дванаест Арапа». (№ 64).

Въ той-же пѣснѣ Марко зарубаетъ
Саблею арапку:
«То се мене мучно учинило,
Ја потегох сабљу оковану,
Ударих је по свилену пасу,
Кроз њу сабља, мати, пролећела».

Старицкій переводитъ:

«Так мене те уразило тяжко,
Що я витяг свою шаблю гостру
Й її вдарив по шовковім пасу, —
Аж кроз його пролетила шабля».

Еслибъ можно было сказать: *кроз неї*, то было-бы еще точнѣе. А вотъ какъ перевелъ Гальковскій:

«Такъ на сердцѣ стало мнѣ противно....
Изъ поженъ свою я саблю вынулъ
И ударилъ дѣвушку арапку,
Гдѣ былъ поясъ шелковый повязанъ:
Сабля въ землю врѣзалась съ размаху».

Прибавленъ цѣлый стихъ и ослаблена живость дѣйствія.

Въ пѣснѣ «Женидба Марка Краљевића» (№ 56) слѣдующее мѣсто совсѣмъ не удалось Гальковскому.

«Ја је (ђевојку) нађох на води чатрњи,
Кад је виђох, моја стара мојко!
Око мене трава окрену се».

Онъ переводитъ:

«Повстрѣчалъ её я на колодцѣ,
Поглядѣлъ я на неё, родная!
Вкругъ нея склонялись даже травы....

А у Старицкаго:

«Як побачів я ту дівку, мамо,
Як побачїв побіля криниці, —
Аж трава пішла круг мене колом...

Потомъ Марко поручаетъ матери: «спреми мене танке браш-

њенице» т. е. хлѣбъ изъ лучшей муки: у Старицкаго: «Спечи мині паляницю билу»; а у Гальковскаго: «Приготовь мнѣ пищи на дорогу» — что-то общее, неопредѣленное.

Чтобы дать читателю возможность самому сдѣлать сравненіе и получить изъ того цѣльное впечатлѣніе, приведемъ цѣликомъ два перевода пѣсни «Марко Королевичъ и орелъ»; изъ оригинала-же приведемъ только тѣ слова и выраженія, въ которыхъ рѣзче сказывается особый характеръ того и другого перевода. Гальковскій (стр. 124 — 26):

Разболѣлся Королевичъ Марко:
У дороги легъ онъ подъ доламой,
А лицо платкомъ [1]) покрылъ отъ солнца;
Въ головахъ копье воткнулъ онъ въ землю
И за поводъ привязалъ Шарина.
На копьѣ его орелъ усѣлся:
Навѣваетъ крыльями прохладу,
Въ клювѣ носитъ воду ключевую
И поитъ водой больного Марка.
Говоритъ орлу лѣсная вила:
«Ты скажи, орелъ, мнѣ ради Бога!
Или видѣлъ ты добро отъ Марка,
Что ему прохладу навѣваешь
И водой поишь его изъ клюва»?
Говоритъ орелъ ей сизокрылый:
«Замолчи ты! Я-ль добра не видѣлъ
Отъ юнака — Кралевича Марка? [2])
Можетъ быть, ты знаешь да и помнишь,
Какъ войска сразились на Косовѣ? [3])
Два царя погибли въ этой битвѣ —
Сербскій Лазарь и Муратъ турецкій.
Кровь рѣкой лилась тамъ; доходила
До стремянъ конямъ она юнацкимъ,
А юнакамъ — по шелковый поясъ.

---

1) Срмаjли марама.

2) «Мучи, вило, муком се замукла! како м'ниjе добра учинио, учинио Краљевићу Марко?

3) Можеш знати и паметовати, кад изгибе воjска на Косову.

И въ крови той отъ рѣзни великой,
Плавали и кони, и юнаки.
Много птицъ слетѣлося голодныхъ —
И голодныхъ и на мясо жадныхъ —
Наклеваться тѣла человѣчья
И людскою кровію упиться [1]).
Я свои тамъ крылья окровавилъ.
Жарко солнце ясное сіяло,
И подъ нимъ засохла кровь на крыльяхъ, —
Былъ не въ силахъ полетѣть я въ небо [2]).
И летѣла наша птичья стая,
Я одинъ остался на Косовѣ.
Чуть меня на полѣ не стоптали,
Не стоптали кони и юнаки.
Да нанесъ Богъ Кралевича Марка;
Онъ рукой меня изъ крови поднялъ
И съ собою посадилъ на Шарца [3]);
И, отвезши въ горы — въ лѣсъ зеленый,
Посадилъ меня на вѣтку ели.
Частый дождь пошелъ съ небесъ на землю,
Съ крыльевъ кровь омылъ онъ, такъ что могъ я
Полетѣть къ своей орлиной стаѣ. [4])
И еще добро мнѣ сдѣлалъ Марко.
Можетъ быть, ты помнишь да и знаешь
О пожарѣ на Косовѣ полѣ,
Какъ горѣла башня Аджагина? [5])
Были тамъ въ гнѣздѣ мои орлята;
Взялъ къ себѣ за пазуху ихъ Марко
И отнесъ съ собою въ дворъ свой бѣлый.
Цѣлыхъ девять мѣсяцевъ кормилъ ихъ
Да еще къ тому недѣлю [6]);

---

1) А ми тице долетисмо гладне, долетисмо и гладне и жедне, љуцкога се меса наранисмо и крви се љуцке напоисмо.

2) Те се моја крила окореше, ја не мого с крилма полетети.

3) Узе мене из крви јуначке, па ме метну за себе на Шарца.

4) Те се моја крила поопраше, и ја мого с крилма полетити, полетити по гори зеленој, састадо се с мојом дружбиницом.

5) Кад изгоре варош на Косову и изгоре кула Аджагина.

6) Па и рани читав месец дана, читав месец и нађељу више.

И затѣмъ пустилъ въ зелены горы,
Гдѣ я съ ними снова повстрѣчался.
Вотъ что сдѣлалъ Королевичъ Марко!»
Это память о юнакѣ Маркѣ:
Былъ герой онъ славный и могучій [1])

М. Старицкій.

Марко й орелъ (стр. 349 — 51).

Лежить Марко понад шляхом хворий,
Огорнувся в доламу зелену,
На вид скинув сріблоткану хустку;
В головóньках застромив він списа,
Коня Шарця привизав до ёго;
Поверх спису орел, птиця сиза,
Ширить крила, холодочок чинить,
А у дзёбі носить воду свіжу
Та юнака раненого поїть.
Коли це з гір обізвалась віла:
«Ой на Бога, сиза птице орле!
Що тамъ добре учинив тобі він,
Учинив цей короленко Марко,
Що крилами холодочок чиниш
І у дзёбі носиш воду свіжу,
Та юнака раненого поіш?»
Одріка орел ій, птиця сиза:
«Цить бо, віло, щоб ти вік мовчала!
Що пак добро учинив для мене,
Учинив цей короленко Марко?
Адже знаеш, памьятаеш певно,
Як лягло два війська на Косовім
І царі погинули обидва —
Царь Мурат і князь преславний Лазарь?
Кров стояла по стремена конім,
А юнáкам по шовковий пояс;
В ій бродили і юнаки, й коні —
Кінь при кóню, при юнаку юнак....

---

1) Спомиње се Краљевићу Марко, као добар данак у години.

От туди ми й налетіли птахи,
Налетіли і голодні й жадні:
Там людьского ми наілись мьяса
І людьскоі напилися крові.
Мої-ж крила намочились в крові;
От, як вгріло ясне солнце з неба,
То мини і пошкарубли крила,
Що й летіти вже було не сила:
Одлетіло товариство наше, —
А я сам зостався серед поля
На стоптання юнакам та коням!
Тут приніс Бог короленка Марка!
Взяв мене він из калюжі крови,
По-за себе геть на Шарця скинув,
Одвіз мене на зелену гору,
Та й і скинув на ялову вітку;
Незабаром дрібен дощ ударив,
Мої крила виполоскав чисто,
Що здолав я знов летіть на крилах,
Полетіти по горі зеленій,
Наздігнати товариське стадо.
Крім того й друге добро для мене
Учинив цей кароленко Марко:
Адже знаеш, памьятаеш певно,
Як горіло на Косовім місто,
І згоріла башта Аджагіна?
Там мої сиділи орленята.
Зратував іх короленко Марко,
Всіх поклав за пазуху шовкову
І заніс до білого до двору;
Годував іх цілий місяць в себе,
Годував іх цілий місяць з тижднем;
Потім виніс на зелену гору,
Де й злетілись до мене́ орлята:
От мині що учинив той Марко!»
І згадалось кароленку Марку,
Який добрий ёму день той випав.

Изъ этого сопоставленія мы видимъ, что переводъ Старицкаго ближе къ оригиналу и языкъ его вообще ближе къ сербскому: но оба переводчика не знаютъ, что *гора* по сербски значитъ лѣсъ, а *кула*—домъ, и плохо перевели два заключительные стиха, при томъ Гальковскій лучше понялъ смыслъ ихъ: не Марко вспоминаетъ этотъ день, какъ передаетъ г. Старицкій, а его вспоминаютъ или хранятъ память объ немъ, какъ говоритъ г. Гальковскій, какъ добрый день въ году, какъ какой-нибудь свѣтлый годовой праздникъ.

Прочитавъ всѣ переводы г. Старицкаго и сдѣлавъ сличеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ оригиналами, мы и въ нихъ замѣчаемъ ошибки и несовсѣмъ правильно понятый смыслъ; но въ цѣломъ не можемъ не признать, что эти переводы на малороссійскій языкъ ближе къ сербскому тексту, чѣмъ всѣ наши великорусскіе; въ нихъ чувствуется больше естественности, легкости и простоты, которыми отличается сербская народная пѣсня. У сербовъ относительно перевода съ чужого языка существуетъ слово *посербить* т. е. совершенно усвоить, претворить въ свое сербское, чтобы казалась сербскимъ оригинальнымъ, а не переводомъ. Тоже самое мы сказали-бы о переводѣ г. Старицкаго; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ онъ дѣйствительно передаетъ «эпическій букетъ подлинника», и мы готовы вмѣстѣ съ нимъ приписать это именно кровному сродству украинцевъ съ сербами, а также нѣкоторому сходству прошлаго въ жизни тѣхъ и другихъ. Отчасти-же это можно приписать и тому, что, какъ сербы, такъ и малороссіяне не создали еще себѣ особаго отъ народнаго, литературнаго языка, какъ у насъ; ихъ литературный языкъ тотъ самый, на которомъ говоритъ ихъ народъ; а ихъ поэзія по содержанію до сихъ поръ вращается въ сферѣ народной пѣсни; да и сами поэты, по крайней мѣрѣ, первые годы своей жизни проводили въ средѣ простого, сельскаго люда, и съ народомъ у

нихъ были общіе не только языкъ, но цѣлое міровоззрѣніе, складъ ума и способы выраженія.

Этого нельзя сказать ни объ нашемъ литературномъ языкѣ, на которомъ высказывается наша поэзія, ни о нашихъ поэтахъ, за весьма немногими исключеніями. Мы переводимъ гораздо лучше съ другихъ европейскихъ языковъ, а изъ славянскихъ съ польскаго, потому что мы съ поляками переживаемъ одинаковую фазу общественной жизни и литературнаго развитія. Мы сказали-бы еще больше: не смотря на разницу алфавита и фонетики обоихъ языковъ, мы съ поляками стоимъ ближе, чѣмъ съ сербами, по духу языка, по конструкціи фразы и синтаксису.

Но, помимо всего этого, у нашихъ переводчиковъ съ сербскаго главный недостатокъ составляетъ неполное знаніе сербскаго языка, и еще меньшее — бытовой стороны сербскаго народа. Отчасти это нужно отнести къ ихъ личной неподготовленности, а частью вообще слабой постановки у насъ изученія славянства. Въ этомъ отношеніи насъ далеко опередили западные народы, въ особенности нѣмцы, которые раньше насъ обратили вниманіе на сербскую народную поэзію, живѣе, чѣмъ мы, приняли её къ сердцу, больше оцѣнили её и въ концѣ концовъ больше сдѣлали для ознакомленія съ нею своего общества и для научной постановки этого ознакомленія.

Приведемъ здѣсь нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ изъ исторіи этого дѣла, какъ оно шло и установилось у насъ и на Западѣ.

Первый обратилъ вниманіе на сербскую народную поэзію итальянецъ, просвѣщенный аббатъ А. Фортисъ, который, путешествуя по Далмаціи, заинтересовался оригинальнымъ тамошнимъ этнографическимъ типомъ, *марлаками* и въ своемъ путешествіи, изданномъ въ Венеціи въ 1774 г. (Viaggio in Dalmazia 2 volumi), описываетъ со всѣми подробностями ихъ бытъ, а въ то же время сообщилъ нѣсколько пѣсенъ, частью въ переводѣ, а частью и въ оригиналѣ. Изъ этихъ пѣсенъ «Жалосна пјесанца племените Асан-Агинице» сообщена имъ въ оригиналѣ и въ

прекрасномъ переводѣ. Тамъ-же находятся пѣсни на сербскомъ языкѣ о кралѣ Радославѣ и на итальянскомъ о женитьбѣ Янка Сибинянина и о Милошѣ Кобиличѣ и Вукѣ Бранковичѣ.

Книга Фортиса вскорѣ была переведена на другіе языки, на нѣмецкій, французскій и англійскій, при чемъ морлаковъ Фортиса отожествляли съ черногорцами; впослѣдствіи этимъ воспользовался французъ Vialla de Sommiere въ своемъ соч. Voyage historique et politique au Monténegro (1820 г.). Съ однимъ изъ этихъ переводовъ, вышедшемъ въ Бернѣ (1776 г.), познакомился Гёте, во время путешествія по Швейцаріи, и перевелъ, хотя и несовсѣмъ близко, пѣсню объ Асанъ-Агиницѣ подъ заглав. «Klaggesang der edlen Frau des Assan-Aga». Въ то время, говорятъ, онъ усвоилъ и въ оригинальныхъ своихъ стихотвореніяхъ хореическій сербскій десятисложный стихъ, не принявши только цезуры послѣ четвертаго слога, какъ то находится въ сербскихъ пѣсняхъ. Въ 1778 г. эта пѣсня появилась въ «Stimmen der Völker» — Гердера. Тогда на неё обратили вниманіе нѣмцы; на англійскій языкъ перевелъ её Вальтеръ-Скотъ; m-me Staël наслаждалась ею на франц. языкѣ. Тогда ученый нѣмецъ въ Вѣнѣ Іоганъ Миллеръ обратился въ Дубровникъ къ тамошнему ученому Феричу, спрашивая у него, нѣтъ-ли тамъ и еще подобнаго рода пѣсенъ; но Феричъ оказался въ этой области совершенно несвѣдущимъ. Наконецъ въ 1808 г. Копитаръ, жившій въ домѣ барона Цейса въ Любляпѣ, прибылъ въ Вѣну, гдѣ поступилъ чиновникомъ въ императорскую библіотеку, исполняя въ то же время должность цензора славянскихъ, новогреческихъ и румынскихъ сочиненій и участвуя, какъ писатель, въ различныхъ вѣнскихъ изданіяхъ съ романтичнымъ направленіемъ. Онъ тотчасъ сталъ черезъ посредство писемъ и печати отыскивать собирателей сербскихъ и хорватскихъ пѣсенъ. Въ 1813 г. случайно попалъ въ Вѣну и Вукъ Стефановичъ Караджичъ; а въ 1814 г. вышла уже небольшая книжечка сербскихъ народныхъ пѣсенъ, частью извѣстныхъ Вуку, а частью записанныхъ имъ отъ одной женщины.

Копитаръ обратилъ вниманіе на эти пѣсни Якова Гримма, который въ 1815 г. находился на вѣнскомъ конгресѣ; ради этихъ пѣсенъ онъ сталъ учиться сербскому языку и написалъ на первую книжечку рецензію въ «Wiener Allgemeine Literaturzeitung». Затѣмъ обратили на нихъ вниманіе нѣмецкіе ученые филологи Фатеръ, Боппъ, Гумбольдтъ, удивляясь и воздавая великую честь сборнику Вука. Въ 1823 и 1824 г. вышли 3 книжки сербскихъ пѣсенъ. Я. Гриммъ снова отозвался объ нихъ въ двухъ статьяхъ въ «Göttinger Gelehrten Anzeiger», ставя ихъ наряду съ пѣснями Гомера. Онъ же рекомендовалъ Гетё Вука Караджича, который посѣтилъ его, поднесши въ то же время ему и нѣмецкій переводъ своихъ пѣсенъ въ прозѣ. Гёте впрочемъ больше увлекался лирическими пѣснями.

Въ это время появляется Тальви (имя, составленное изъ начальныхъ буквъ полнаго имени: Therese Albertine Luise von Jakob, род. 1797 г.), дочь профессора политическихъ наукъ въ Галлѣ, съ которымъ она десять лѣтъ (съ 1806 — 1816 г.) провела въ Россіи и тамъ научилась русскому языку. Воротившись въ родной городъ, она предалась литературѣ и вслѣдствіе лестныхъ отзывовъ о сербскихъ пѣсняхъ Я. Гримма занялась ими. Знанье русскаго языка облегчило ей изученье сербскаго, и въ 1825 и 1826 г. вышелъ ея переводъ сербскихъ пѣсенъ: «Volkslieder der Serben metrisch übersetzt. Halle».

Гёте снова отозвался и съ 1825 — 1828 г. въ его журналѣ «Kunst и Alterthum» вышелъ цѣлый рядъ статей о сербской народной литературѣ (въ томъ числѣ и разоблаченіе мистификаціи Проспера Мериме «La Guzla»).

Переводъ Тальви онъ разсмотрѣлъ еще въ рукописи, при чемъ посовѣтовалъ ей распредѣленіе пѣсенъ и сдѣлалъ еще нѣсколько полезныхъ для переводчицы замѣчаній, а главное, онъ совѣтовалъ переводить, какъ можно больше, «такъ какъ нужно, чтобы это народное богаство вошло въ публику (нѣмецкую) въ массѣ».

Этимъ установилось положеніе сербской народной поэзіи въ

нѣмецкой литературѣ, изъ которой она стала распространяться и въ другихъ западныхъ литературахъ. Переводъ Тальви вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1835 г., третьимъ въ 1850-хъ годахъ, не знаемъ, были-ли другія изданія. Нѣмецкихъ переводовъ нѣсколько; у французовъ переводили Шарль Нодье, m-me Elise Voïart, Дозонъ; у англичанъ—Боурингъ, у итальянцевъ—Каррара.

Не распространяясь далѣе, мы останавливаемся на томъ фактѣ, что въ нѣмецкой литературѣ знакомство съ сербскою народною поэзіей составляетъ эпоху. Ею увлекаются — первый нѣмецкій поэтъ, ученые и вообще литераторы, она входитъ въ обращеніе въ обществѣ именно въ массѣ, какъ совѣтовалъ Гёте. Есть мнѣніе, что она имѣла даже нѣкоторое вліяніе на нѣмецкую поэзію.

Благодаря этому, въ нѣмецкой литературѣ вы находите переводы произведеній лучшихъ сербскихъ и хорватскихъ поэтовъ, какъ Гундулича, черног. влад. Петра II, Мажуранича и др., снабженные при томъ коментаріями и статьями относительно тѣхъ поэтовъ и воспѣваемыхъ ими сюжетовъ.

Сербская народная поэзія вошла въ обиходъ у нѣмецкихъ ученыхъ филологовъ, этнографовъ, юристовъ и др. Для изученія сербскаго языка существуютъ хорошіе лексиконы, руководства и хрестоматіи.

Обратимся теперь къ Россіи.

И у насъ, какъ на Западѣ, прежде всего появляется въ переводѣ Востокова «Жалостная пѣсня объ Асанъ-Агиницѣ» (Сѣверные цвѣты 1827 г.). Но на этомъ дѣло, кажется, и останавливается до Пушкина и то въ послѣдніе годы его жизни.

Пушкинъ обратилъ вниманіе на сербскія пѣсни, изданныя П. Мериме подъ заглавіемъ: «La Gouzla, poèsies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegovine», и нѣкоторыя изъ нихъ перевелъ; а послѣ, узнавъ, что это не настоящія сербскія пѣсни, а передѣлка или просто поддѣлка Мериме, онъ обратился къ автору ихъ съ запросомъ, «на чемъ

основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ», на который и полученъ отвѣтъ, помѣченный 18 янв. 1835 г. Пушкинъ однако успѣлъ уже получить собраніе пѣсенъ Вука Караджича и сталъ заниматься сербскою поэзіей; но это было уже поздно.

Учрежденіе въ 1839 г. при университетахъ каѳедры славянскихъ языковъ ввело изученье славянства въ кругъ науки и литературы, но обществу оно прививалось слабо; хотя съ того времени, въ журналахъ, особенно съ спеціально славянскимъ направленіемъ, стали появляться переводы поэтическихъ произведеній западныхъ и южныхъ славянъ.

Это и дало Н. В. Гербелю возможность издать въ 1871 г. сборникъ «Поэзія Славянъ», который для того времени не оставлялъ ничего лучшаго желать. Въ настоящее время изданіе это сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Могло-бы быть новое изданіе съ дополненіями и нѣкоторыми измѣненіями; но не находится, кто-бы могъ за это взяться; да и не знаемъ, много-ли бы привелось измѣнить и дополнить.

Есть у насъ прекрасное сочиненіе по исторіи литературы славянъ Пыпина и Спасовича (Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, перв. изд. 1865 г.), которое пережило два изданія, и тоже въ настоящее время не находится въ продажѣ. И это сочиненіе, значитъ, должно быть вновь издано, также конечно съ дополненіями. Но это трудъ большой и потому для первыхъ его составителей безъ чьей-либо помощи очень трудный; а вновь составить или помочь, какъ видно, некому.

Что-же касается словарей и другихъ пособій для переводовъ съ другихъ славянскихъ языковъ, то тутъ у насъ оказывается полнѣйшая несостоятельность.

Судя по тому, какъ расходятся такія книги, какъ сборникъ Гербеля и исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича, въ обществѣ пробужденъ уже интересъ къ славянству; переводы Гальковскаго и Старицкаго также указываютъ на этотъ интересъ; но у насъ и этому слабому пробужденію не отвѣчаетъ научная постановка изученія славянства. Вслѣдствіе

этого въ литературѣ нашей мы встрѣчаемъ только одинокія попытки, которыя мы радостно привѣтствуемъ, но не находимъ въ нихъ того, что могло-бы возбудить въ нашемъ обществѣ одушевленіе, подобное тому, какъ въ нѣмецкомъ обществѣ его возбуждали Гёте, Тальви, Гриммы, Гумбольдтъ и ихъ преемники, продолжающіе начатое ими дѣло до настоящаго момента.

П. Ровинскій.

VII.

Ф. Заринъ: Стихотворенія. (С.-Петербургъ. 1899).

Сборникъ стихотвореній г. Зарина содержитъ въ себѣ 50 мелкихъ стихотвореній, переводы Паризины Байрона и трехъ стихотвореній Ады Негри, оригинальную поэму Сафоръ и двѣ драматическія сцены — «Понція» и «На жизненной сценѣ». Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ возраста автора; говоримъ — къ сожалѣнію, потому что отъ этого обстоятельства въ значительной мѣрѣ должно зависѣть критическое отношеніе къ его произведеніямъ. Если авторъ уже зрѣлый человѣкъ и сборникъ является плодомъ труда цѣлой жизни, книгу г. Зарина слѣдуетъ признать не заслуживающею вниманія. Если же авторъ молодъ и подлежащая нашему разбору книжка его стихотворенія только первый опытъ литературнаго творчества, мы не можемъ не признать въ г. Заринѣ молодого поэта, подающаго лучшія надежды, и который можетъ со временемъ завоевать себѣ почетное мѣсто въ русской литературѣ, конечно подъ непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго саморазвитія и добросовѣстнаго труда надъ усовершенствованіемъ внѣшней формы своихъ произведеній.

Отсутствіе въ поэзіи г. Зарина столь распространеннаго въ настоящее время недуга исканія чего-то новаго, небывалаго, невиданнаго и неслыханнаго, безыскуственное отношеніе его къ избираемымъ имъ сюжетамъ, яркость образовъ и звучность сти-

ховъ — все это вмѣстѣ взятое производитъ въ читателѣ самое пріятное и, такъ сказать, успокоительное впечатлѣніе. Правда— въ произведеніяхъ г. Зарина еще не проявляется полная самостоятельность, свойственная лишь зрѣлымъ талантамъ, — отъ всей книги вѣетъ духомъ избранныхъ авторомъ себѣ въ образцы нашихъ великихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова; но самый выборъ такихъ образцовъ и независимость г. Зарина отъ чуждаго истинному искусству, современнаго декаденства уже свидѣтельствуютъ о здоровьѣ и силѣ его поэтической природы. При томъ г. Заринъ не слѣпой подражатель; онъ пока только усвоиваетъ себѣ пріемы творчества нашихъ классиковъ, чему нельзя не порадоваться.

Талантъ г. Зарина, по нашему мнѣнію, преимущественно драматическій. Въ лирическихъ произведеніяхъ и въ поэмѣ «Сафоръ» онъ не возвышается надъ уровнемъ посредственности, хотя и въ нихъ встрѣчаются сплошь прекрасные и звучные стихи. Для примѣра мы укажемъ на двѣ лирическія пьесы — «Моихъ незбыточныхъ желаній я въ сердцѣ пламень затаилъ» (стр. 10) и «Луннымъ свѣтомъ озаренныя въ эту ночь издалека пролетаютъ, окрыленныя надъ мною облака» (стр. 48).

Въ нихъ красота и правильность формы вполнѣ соотвѣтствуютъ правдивой простотѣ и жизненности лирическаго содержанія. Такихъ стихотвореній въ сборникѣ можно найти довольно много.

Поэма «Сафоръ»—юношески незрѣлое произведеніе въ родѣ Лермонтовскаго Хаджи-Абрека; но и оно отмѣчено печатью несомнѣннаго дарованія, написано гладкимъ, правильнымъ четырехстопнымъ ямбомъ и, страдая растянутостью, изобилуетъ однако очень яркими описаніями природы. Гораздо большаго вниманія заслуживаютъ вышеназванныя драматическія произведенія — «Понція» и «На жизненной сценѣ». Послѣднее, по нашему мнѣнію, въ особенности отличается характерностью дѣйствующихъ лицъ, живостью движенья и красотою языка, нигдѣ не впадающаго въ прозаизмы—достоинство весьма цѣнное

и рѣдкое въ стихотворныхъ драмахъ, написанныхъ бѣлымъ пятистопнымъ ямбомъ. Третье явленіе первой картины съ діалогомъ между актеромъ Гаррикомъ и Герцогиней Лейтонъ и вся послѣдняя, третья картина могли бы (будучи поставлены на сцены въ игрѣ хорошихъ артистовъ) произвести глубокое художественное впечатлѣніе.

Мы однако не считаемъ нужнымъ войти въ болѣе подробный разборъ этихъ сценъ, такъ какъ вообще не рискуемъ подать свой голосъ за присужденіе г. Зарину преміи.

Представленный имъ на соисканіе преміи сборникъ свидѣтельствуетъ только о наличности въ его авторѣ поэтическаго дарованія. Г. Заринъ, какъ мы уже сказали выше, — если онъ притомъ очень молодъ, — подаетъ блестящія надежды... Но и только.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 5.

Е. Ѳ. Карскій.

МАТЕРІАЛЫ
для
ИЗУЧЕНІЯ БѢЛОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

Выпускъ IV-й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. О., 9 л., № 12).
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1903 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ.

IV.

19. *Гродненская губ.*, разныя мѣста. Наблюденія производились мною. Въ 1897 году вышла въ Краковѣ книга М. Федеровскаго: «Lud białoruski na Rusi Litewskiej». Tom I. Изданіе это даетъ очень много интереснаго и для характеристики языка главнымъ образомъ бѣлоруссовъ Гродненской губерніи (ср. «Извѣстія», т. IV, 349—353). Желая провѣрить особенности языка по записямъ въ отмѣченной книгѣ, лѣтомъ 1899 года я предпринялъ поѣздку по особенно интереснымъ мѣстностямъ Гродненской губерніи. Лѣто 1901 г. я провелъ на дачѣ въ им. Милгово возлѣ деревни того же имени, въ 18 в. отъ г. Гродна (къ Ю.-В. на р. Нѣманѣ). Считаю умѣстнымъ подѣлиться нѣкоторыми изъ своихъ наблюденій.

М. *Заблудовъ* Бѣлостокскаго уѣзда. Населеніе мѣстечка состоитъ изъ евреевъ и крестьянъ православнаго и католическаго исповѣданій. Имѣется два училища (народное и церковноприходское). Разговорная рѣчь — русская или польская. Въ той и другой проглядываютъ особенности бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій, но въ очень слабой степени. Лица, съ которыми мнѣ приходилось разговаривать, были грамотны. Въ ихъ рѣчи слышалось вм. *е* иногда *э*, далѣе *у* на мѣстѣ *о*; сильнаго аканья не

было замѣтно; послѣ *в* передъ *ё* слышался *j*: вjозъ. На базарной площади пришлось встрѣтить обозъ изъ Нарева (нѣсколько южнѣе); тутъ извозчики уже говорили по-малорусски. Въ самомъ Заблудовѣ дифтонговъ въ рѣчи не приходилось слышать, равнымъ образомъ не замѣчалъ я и дзеканья. По свидѣтельству мѣстнаго псаломщика (г. Савицкаго) и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, въ окрестныхъ деревняхъ дзеканье еще въ большомъ ходу; живутъ и другія бѣлорусскія особенности.

Ст. *Жедня* Полѣсск. ж. д. Бѣлостокскаго уѣзда. Наблюдалъ рѣчь крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, привезшихъ на вокзалъ дерево. Рѣчь бѣлорусская: п*у*дъѣ́с*иць*, п*уступ*я́*иць*, г*улув*á. Вездѣ *ў*. Иногда слышится аканье, но чаще избѣгается. Замѣтна склонность къ литературному произношенію.

М. *Городокъ* (возлѣ ст. Валилы Пол. жел. д.) Бѣлостокскаго уѣзда. Въ мѣстечкѣ живутъ почти исключительно евреи. Свѣдѣнія относительно народной рѣчи получены мною отъ учителя народнаго училища (г. Данилевича). По его словамъ, говорятъ въ окрестныхъ деревняхъ по-бѣлорусски: *дзѣ́ци*, цѣ*лы*, хлѣ*пъ*, *hа*рѣ́*ць*, *hр*ѣ́хъ, *бóхъ*, в*ó*лъ, зно*ў*, (снова), *й*шо*ў*, т*ó*лько, п*óў*ны, но ц*ю́о́*тка, несу́, *hдз*ѣ, п*á*лцы; х*адзі́ци*, ѣ́ха*ци*; «мой тáто паѣ́ха*ли*», «мая мáма паѣ́ха*ли*». Всѣ говорятъ: фэ́ка (гадко), лóнскій (прошлогодній).

Ст. *Волковыскъ* (возлѣ города того же имени). Въ поѣздъ, на которомъ я ѣхалъ, здѣсь сѣла партія переселенцевъ, ѣхавшихъ въ Сибирь, состоявшая изъ крестьянъ сосѣднихъ деревень (въ 15 верстахъ отъ г. Волковыска). Мнѣ съ ними удалось бесѣдовать на вокзалѣ, въ вагонѣ и во время большой остановки на ст. Барановичахъ. Кромѣ того, я былъ свидѣтелемъ трогательнаго прощанья провожавшихъ ихъ односельчанъ. Всѣ они говорили обыкновеннымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, дифтонговъ не было слышно. Какъ болѣе рѣдкую форму отмѣчу зват. *тату*: «Тáту, пайдзі́ по дзіцця́», сказала одна дѣвочка. Всѣ ѣхавшіе были неграмотные.

С. *Говѣйновичи* Слонимскаго уѣзда (между ст. Лѣсной М.-Б. ж. д. и г. Слонимомъ). Начиная отъ Лѣсной, всѣ говорятъ чисто по-бѣлорусски; я разговаривалъ съ людьми разныхъ возрастовъ. Мнѣ бросились въ глаза лишь — *гў*лица (улица), палядзи́ (погляди). Мѣстный священникъ (Бѣляевъ) еще указалъ мнѣ: циќую (помню), дзи́вицца (смотритъ).

М. *Жировицы* Слонимскаго уѣзда. Населеніе исключительно бѣлорусское; рѣчь никакихъ особенно выдающихся чертъ не представляетъ. Въ Жировицахъ имѣется монастырь и духовное училище. Когда-то здѣсь была духовная семинарія. Рукописей въ м-рѣ нѣтъ; такъ по крайней мѣрѣ заявилъ мнѣ о. ризничій.

Ст. *Берестовица* Пол. ж. д. Крестьянинъ, везшій меня въ м. Великую Берестовицу, изъ деревни, находящейся въ одной верстѣ отъ вокзала, говорилъ обычно по-бѣлорусски; только дифтонгъ *оў* (= ов и ол) произносилъ какъ-то особенно лабіально: быть можетъ передъ этимъ *оў* и слышался неуловимый ų неслоговой. По дорогѣ, возлѣ *В. Берестовицы*, шли бабы, гнавшія свиней на торгъ. Тутъ одна обратилась къ другой со слѣдующими словами: «Ярѝна, ля, ля, ля!» Здѣсь «ля» изъ «гля» (гляди).

С. *Малая Берестовица* Гроднен. уѣзда. Говорятъ обыкновенно по-бѣлорусски, но есть и нѣкоторыя особенности: *h*арѣ́хи, *h*ýлица, *h*оўцá (овца). 3 л. ед. ч. оканчивается на *-цься*: бойцься; то же и въ неопредѣленномъ: боя́цься. Въ прошедшемъ времени муж. р. всегда *-са*: напіўса, но въ жен. родѣ — напилáся. Въ дательномъ падежѣ одушевл. словъ муж. рода *-ови* и *-еви*: Я́севи, волóви, конéви, но у неодушевленныхъ только *-у*: сталý. Во множ. ч. подъ удареніемъ *-э́*, *é*: волэ́, дер. Коляснике́, Ковале́.

Сёла *Олекшицы* и *Лаша* Гроднен. уѣзда. Говоръ ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстъ; только *-са*, кажется, лишь въ прошедшемъ времени. Въ другихъ случаяхъ, особенно въ 3 л. ед. ч. послѣ *ц* мягкаго, бываетъ *ся*. Въ дифтонгѣ *óў* звукъ *о* слышится довольно сжатый, почти *у*.

Д. *Мигово*. Всюду *-са*. Часто приставочное *г* (*h*) передъ *о* и *у*: *г*у́лица, *г*аўцá, *г*авéчки, *г*авёсъ жацъ. *А*щé (еще), р. Нёманъ (всегда съ ё), Г*ирдз*ѣ́й (Гордѣй). Прыгѣджáць. Дат. п. дзя*кéй*, мужык*éй*, бáцьк*ей*. Род. п. ты*é* пары́. Будущее: мóже мáсло брáцьм*еце*? Удареніе: гáрачо.

(Сообщеніе Е. Ѳ. Карскаго).

---

20. *Сувалкская губ.* Лѣтомъ 1901 года я имѣлъ возможность посѣтить *Августовскій уѣздъ Сувалкской губерніи*. Первое извѣстіе о существованіи бѣлорусскаго племени въ Сувалкской губерніи относится къ 1863 г. Въ 1864 г. по оффиціальнымъ источникамъ бѣлоруссовъ здѣсь было 23.760 человѣкъ (Приложеніе къ мат. для этногр. Царства Польскаго... сост. подполк. Риттихъ). Затѣмъ въ наукѣ свѣдѣнія о сувалкскихъ бѣлоруссахъ какъ-то глохнутъ, забываются, становятся неопредѣленными[1]). Никто не сообщилъ ни одной записи изъ указанной мѣстности. Будучи поблизости Августовскаго уѣзда, я рѣшилъ заглянуть туда. Оказывается, бѣлоруссы живутъ здѣсь сплошною массой по сосѣдству съ Гродненскимъ и Сокольскимъ уѣздами, примыкая съ востока къ р. Нѣману, съ юга къ р. Бобру и устью р. Лососны; на сѣверозападѣ бѣлоруссы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходятъ даже Августовскій каналъ, простираясь почти до г. Сейнъ и Августова. Южнѣе Августова бѣлоруссы до с. Красный боръ (въ 14 верст. отъ м. Липска). Всѣ бѣлоруссы, населяющіе отмѣченную мѣстность, считаются или православными, или католиками, но изъ первыхъ большинство «упорствующіе». Въ Августовскомъ уѣздѣ православные приходы слѣдующіе: Лабно, Балля Церковная, Рыгаловка, Голынка, Липскъ и Сопоцкинъ. Къ каждому приходу приписано очень

1) Ср. Труды варшавскаго статистич. комитета по десяти губ. Царства польскаго, вып. II, 1890 г., стр. 112—113.

много деревень. И въ нѣкоторыхъ католическихъ приходахъ большинство населенія бѣлоруссы. Въ настоящее время всѣхъ бѣлоруссовъ въ Августовскомъ уѣздѣ считается 21.237 чел. обоего пола, а во всей Сувалкской губерніи — 22.390 чел. (ср. Э. Вольтеръ: Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи, какъ матеріалъ для историко-этнографической географіи края. С.-Пб., 1901). Впрочемъ, это цифры за 1888 г. [1]).

Выѣхавши изъ ст. Новокаменной Сокольск. уѣзда, я посѣтилъ пос. Липскъ, с. Голынку и пос. Сопоцкинъ. Оказывается, что рѣчь населенія здѣсь такая же, какъ и въ сосѣднихъ мѣстахъ Гродн. губерніи (въ Сокольскомъ и Гродн. уѣздахъ). При чемъ католики, а также рьяные изъ упорствующихъ легко переходятъ на польскую рѣчь; по-польски (но очень неумѣло) они часто говорятъ не только съ «начальствомъ», но даже съ своими священниками. Всюду слышно *-са* — *-со* (на́ѣўса, на́ѣлосо, смѣ́ялисабъ), приставочное *г* (*h*) даже передъ *а* (Гаўгустóў = Августовъ), лéньце (смотрите), лане́й, пóзалане́й (въ прошломъ году, третьяго года), ля́тось (въ этомъ году); замѣтна склонность у отдѣльныхъ лицъ къ дифтонгическому произношенію: ю͡бнъ, сле͡епэ́й (имен. п. ед. ч. муж. р., также — злэй); перемѣна *ы* ударяемаго въ *э* (изрѣдка): кудэ́ д. Скеблево; род. ж. р. на *-е:* чвэ́ртка зямле́, изъ тае́ хáты.

(Сообщеніе Е. Ѳ. Карскаго).

---

1) Данныя, сообщаемыя г. Вольтеромъ, собраны оффиціальнымъ путемъ при содѣйствіи Сувалкскаго губернатора. Въ названной книгѣ имѣются свѣдѣнія и о прежнихъ изученіяхъ Сувалкской губ. Ср. стр. 7, выноска. Въ другихъ статистическихъ трудахъ по Сувалкской губерніи составъ населенія обозначается только по религіямъ, а не по народностямъ. Такъ, въ «Обзорѣ Сувалкской губ. за 1899 г. Приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету» показано православныхъ въ Августов. уѣздѣ 17.404.

21. *Минской* губ., *Слуцкій* уѣздъ, с. *Блячинъ*. Въ Слуцкомъ уѣздѣ Минской губ. мнѣ пришлось быть два раза: лѣтомъ 1898 г. (ср. стр. 85, № 12, а также «Варш. Унив. Изв.» 1898 года, № 9, и «Русск. Фил. Вѣстн.», XL) и 1900 г. Въ первую поѣздку я производилъ наблюденія преимущественно въ с. Басловцахъ и въ д. Подлѣсьѣ, во вторую поѣздку я прожилъ 3 мѣсяца въ с. Блячинѣ (въ 5 в. отъ м. Клецка къ сѣверу). Вотъ нѣсколько наблюденій, въ дополненіе къ прежнимъ, которыя небезынтересны для характеристики бѣлорусскихъ говоровъ данной мѣстности (Блячинъ):

рўўненько = ровненько;
глядзи́ анó = смотри только!
нѣ́што са пяць вазóў ѣ́дуць = около пяти возовъ ѣ́дутъ;
мае́ гра́бли = мои грабли;
пама́лу, ня ки́дай: пробъешъ каго = осторожно, не бросай...;
зъ дóўгимъ дзяржа́льнемъ грабли = съ длинной рукоятью...;
абы́ гэтто бы́ло нижэ́й = чтобы здѣсь было ниже;
яще мо хто ѣ́дзе = еще быть-можетъ кто ѣдетъ;
ну, дальбóхъ, идзи = ну, ей-Богу, иди;
мару́дзиць = медлить;
дрóбинъ: нéльга бу́дзе ўвесци́ = мелокъ: нельзя будетъ...;
гэ́та енó самó ѣ́дзе = вотъ оно само ѣдетъ;
идзе́ хурма́накъ яще́ съ пяць;
пайду папалóдную = пойду пообѣдаю;
барждже́й! = поскорѣе!
буду дзяўке́ закида́ць = буду забрасывать дѣвушекъ;
злама́ў рубля́ = сломалъ жердку;
наўда́ вяли́ка намъ = большая печаль намъ;
кура́во шъ нѣ́йкаё сѣ́но = сѣно ужъ очень пыльное;
скарѣ́й, скарѣ́й вы завиха́йцеся, бо абѣ́дацъ пара́ = скорѣе справляйтесь...;

аткóчвайце, аткóчвайце скóрэнько;
чуць кáрку ня ўкруціў = едва не сломалъ шеи;
тры хурмáнки идзе ўжé;
кабъ васъ, дзяўчатки, Бохъ любіў;
хадзѣ́мъ палóднаваць;
стойце, пáне дзяцьку, не наяжджáйце!
гэто, дзя́дзюхно, мущы́намъ трэ́бо;
ну, залажѣ́мся: пераважвай = держимъ пари: перевѣшивай;
дзеравяны́е ви́лки стая́ць;
дзѣ той хлапéцъ?
бярѣ́ця, дзяўчатки, бярѣ́ця!
я ду́маю, ня лѣпшъ за цябé = думаю, онъ не лучше тебя;
мянé ўчóра вéльмо пчóлы скусáли;
надóи разагнáў двои пчóлы = вчера...;
пакаціўся да якъ заравé;
папасхлó = достаточно насохлось;
у кагó гэ́то у васъ кóсиць шасьцё́хъ касцóў?
спимó, дзя́дзюхно, ўже;
а то ящé прызирáетца = еще присматривается;
такъ мы табѣ́ ру́ку подамó;
«мы тутъ сягодня й начавáць бу́дземъ», говорятъ молодыя дѣвушки, а старухи у нихъ спрашиваютъ: «а дзѣ шъ вы тутъ начавáцьмеце?»
мáма осачы́ла ку́рыцу = нашла, гдѣ курица несетъ яйца;
камéннёў навымувáло.

Слыхалъ въ Блячинѣ отъ разныхъ лицъ, уроженцевъ Слуцкаго уѣзда, но не Блячина:

могóмъ, ѣ́домъ, сáлцо — Н. Новицкая, род. въ с. Морочѣ;
махнидрáло, отъ нея же;
а куди ти? съ вполнѣ ясными *д* и *т* мягкими и съ *и* вм. *ы* — батракъ Михаилъ, въ другихъ случаяхъ всегда говорившій обычно по-бѣлорусски.

Нѣсколько замѣтокъ, касающихся *разныхъ мѣстъ:*

палѧ́ (посмотри) Слонимск. у. возлѣ м. Ружанъ;

апанбу̂ (сковорода), сцихо́тъ (страхъ), рыхтомъ то дыхтомъ (кое-какъ), чвэ́рышъ (говоришь) — с. Щорсы Минск. губ. Новогр. уѣзда (со словъ Авкс. Кладкевича);

ущу́къ дощъ (пересталъ дождь) — с. Черетянка Гомельск. уѣзда Могилев. губ. (со словъ А. А. Бржезинскаго).

(Сообщеніе Е. Ѳ. Карскаго).

---

22. *Минская губ.* Разныя мѣста. Отступленія въ *удареніи*, замѣченныя среди учениковъ учительской семинаріи въ г. *Несвижѣ* Минской губ. Воспитанники семинаріи обыкновенно дѣти крестьянъ Новогрудскаго, Слуцкаго и Игуменскаго уѣздовъ. Наблюдалъ больше, нежели въ теченіе 10 лѣтъ, учитель приготовительнаго класса.

Àпрѣль, àпрѣля, барàнъ—баранà, барану̀, бараны̀, баранòвъ, Богъ—богѝ, болотà (множ.), болотàмъ, болотѝстый, бордàвка, бордàвки, бòсый, бòсая, бòсое, бòсые, бу̀тыль, бы̀ла, былò, былѝ. Отъ гл. вести: возвèденъ, возвèдена, отвèдено, перевèденъ, провèдена, провèдены, провèденный. Отъ гл. водить: навòдила, отвòдила, перевòдилъ, привòдить, провòдила, подвòдилъ. Отъ гл. везти: везетè, завèзла, отвèзла, перевèзли, привèзли, повèзли, подвèзли, провèзли, привèзена. Отъ гл. возить: отвòзили, привòзили, подвòзили. Вербà, вербы̀, вербу̀, Владимѝръ, Владимѝра, волкъ—волкѝ, волосы̀: сито изъ волосòвъ; глупы̀й, глупàя, глупòе, глупы̀е, глупы̀хъ; говорю̀—говòришь, говòритъ, говòримъ, говòрите, говòрятъ, говòрится, поговòрить, поговòритъ и т. д., но говорѝлъ; гòрячо, государь—государя̀, государю̀, государèмъ, государѝ, гречихà, гречихòю, грибъ—грѝба, грѝбу, грѝбомъ, грошъ—грòша, грòшемъ, грòши, грòшей, грòшами (множеств. число въ значеніи деньги), грубы̀й, грубòе, грубàя, грубы̀е; дàла, подàла, далѝ, дàна, дàно, дàны, прòдаешь, продалѝ, продàно;

держишь, держитъ, держимъ, держатъ, держишься, держится, держимся, держатся, содержитъ, содержится; документъ, документа, документы, долото, долота, доска, доскою, дрова; дуёшь, дуётъ, дуютъ, подуёмъ; дума, думы, думу, дѣвица, дѣвицею, дѣтямъ, Евдокія, Евдокіею; жила (глаголъ); жилый, жилое, жилая, пожилый, пожилая; загадка, загадкою, зайцы, зайцовъ, закладъ, закромъ, закромы, заслонка, заслонкой, застрѣлю, застрѣлилъ, прострѣлить, прострѣлю, подстрѣлить, издержка, издержкою, имя, инный, инное, инная, инные (вм. иной), инструментъ, инструменты. Отъ гл. итти: идете, зайдешь, найдешь, перейдешь, пойдешь, пойдемъ, пойдете, пойдутъ, придется; кидаю, кидай, кидайте, кидалъ, кидала, раскидаетъ, кидаться, кидается; кладовая, кладовой, конопля, коноплею, конюхъ, конюхомъ, коромысло, коромыслу и т. д., косый, косое, косая, косые, коршунъ, коршуну, красивѣе, покрасивѣешь, кремень, кремня и т. д., крестьянинъ, крестьянину, кропива, кропивѣ. Отъ гл. купорить: закупорь, закупорилъ, откупорить, откупорю, откупорилъ; кухонный, кухонная, кухонные, лакомиться, лакомлюсь, лакомишься, лакомился, полакомиться, лакомый, лакомство, людямъ; лятаетъ, лятаютъ, лётаютъ, малый, малое, малая, малые, маленькій, маленькихъ; медлить, медля, медлила, медлили, замедлилъ, молодежь, молодежью, набожность, набожный, нарочно, наростъ, наросты, насмѣшить, насмѣшатъ, насмѣшилъ, находка, находкѣ, недоимка, недоимкѣ, недоимокъ. Отъ гл. нести: перенесли, занесла, унесла, внесенъ, перенесена. Отъ гл. носить: вносила, доносилъ, относила, переносилъ, переносила, подносила, приносила, проносились, сносить, сношу, переношу, выносить, новгородцы, новгородцевъ, нѣмый, нѣмая и т. д.; опустошить, опустошу, опустошилъ, опустошили, опустошено, опустошены; останусь, останёшься, останётся, останёмся, останётесь, останутся; переводный, переводные, Перуна, Перуну, плотва, плотвѣ, полоса, полосѣ, полосой, поглядимъ, не углядѣла, не оглядѣлся, помѣстишься, помѣстится, помѣстятся, размѣстимъ, умѣстятся; постишься, постится, постимся, поститесь, постятся, потымъ (вм.

потомъ); прѝсяга, прѝсягѣ, присяжны̀й, присяжны̀е, приходскі̀й, приходско̀е, прѝданое, про̀стый, про̀стое, про̀стые и т. д., про̀стишь, про̀ститъ, про̀стимъ, про̀стите, про̀стятъ, пьяны̀й, пьяна̀я, ро̀списка, ро̀спискою и т. д., рѐмень, рѐмня, рѐмни, ржавѣ̀ть, ржавѣ̀ю, ржавѣ̀ешь, заржавѣ̀ть, заржавѣ̀етъ, заржавѣ̀лъ, перержавѣ̀ть, ро̀дишь, ро̀дитъ, ро̀димъ, ро̀дите, ро̀дятъ, ро̀дишься, ро̀дится, Ро̀стовъ, рѣ̀спица, рѣ̀сницѣ, рѣ̀шето, рѣ̀шету, рѣ̀шетомъ, само̀го, само̀му, семейство̀, семейству̀, серѐдина, серѐдинѣ, сѝроты (множ.), сѝротамъ. Отъ гл. скочить: вско̀чилъ, доско̀чилъ, наско̀чилъ, отско̀чилъ, переско̀чилъ, соско̀чилъ; стары̀й, старо̀е, стара̀я, стары̀е, стары̀хъ, сто̀ляръ, сто̀ляру, сто̀лярамъ, стра̀намъ, стра̀нами, стра̀нахъ, стра̀шить, стра̀шилъ, стра̀шила, стра̀шили, тѝтулъ, тѝтулу, торговѐцъ, торговцу̀, торговцы̀, увѣдомѝть, увѣдомлю̀, увѣдомѝшь, увѣдомѝтъ, увѣдомѝлъ, увѣдомѝли, уго̀лья, уго̀льевъ, умёръ, у̀мерла и умѐрла, помѐрла, умерлѝ, у̀мершій, у̀мершаго, у̀мершему, у̀мершіе, у̀сы, у̀совъ, у̀частокъ, у̀частку, филѝнъ, филѝну, фѝтиль, фѝтилемъ, хлѣва̀, хлѣво̀мъ, въ хлѣвѣ̀. Отъ гл. ходить: дохо̀дило, захо̀дилъ, захо̀дили, нахо̀дили, находѝтся, нахо̀дился, нахо̀дилась, перехо̀дила, прихо̀дить, прихо̀дилъ, прихо̀дило, прихо̀дила, приходѝтся, прихо̀дилось, происхо̀дили, схо̀диться, выхо̀дило; цѣ̀почка, цѣ̀почкѣ, чайнѝкъ, чайнико̀мъ, четырна̀дцать, шѐстьдесятъ. Отъ гл. ять: во̀зьмешь, во̀зьметъ, во̀зьмемъ, во̀зьмете, во̀зьмутъ, взя̀ла, взя̀ло, взялѝ, за̀нять, по̀нять, прѝнять, примёмъ, прѝняла, ячменя̀, ячменю̀.

(Сообщеніе П. А. Введенскаго).

---

23. *Минская* губ. с. *Старый Свержень*[1]) Минскаго уѣзда. Наблюденіе производилъ воспитанникъ учительской семинаріи.

Гласные: ко́ляды, варша́ўка, запро́гъ, подзя́коваў, шыроче́йшый, доўже́йшый, легче́йшый, дуже́йшый, гле́дзючы, подгле́-

---

1) Бѣлорусскимъ говорамъ сосѣдней мѣстности посвящена ст. М. Довнара-Запольскаго: «Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ» (Живая Старина 1893 г., вып. I). *Е. Карскій.*

дзиць, слѣпы́й, другій, кры́шка, кры́шыць, мы́ю, накры́ю, лоба, рóта, мóху, рóва, ўнавáжываць, орѣ́хъ, пóлымя, крыви́, глыбóкій, глытáць, дрыжáць, продавáць дры́жыки, шáпонька, ў чы́стумъ пóли, сэ́рце, уздэ́чка, гэ́тый, сё́ла, жóнка, прывё́ў, ўсё, маё, одзежа, падзежъ, крестъ, нéбо, ўмéрла, здзéрла, жéрла, ведзё́мъ, пъецё́, несéмъ, несéшъ, ужé, ещé, надзéжа, гнѣ́зда, вѣ́дра, пóпелъ, вóжыкъ, ажы́на, ми́жъ. Мижъ хвояў крыже стаяць. Мижъ кленомъ и дубомъ гуляли Катрына зь Якубамъ. Употребительно еще слово «помежъ», а отсюда, вѣроятно, и помежынки («живуць помежъ», т. е. межа съ межой). Лё́ду, ильну́, кáменя, зáйца, цецеру́къ, вярни́сь, вязу́ць, зялё́ный, бяру́, сяребрó, ўставáйця, вóсянь, вóзяро, слу́хайця, гэты рóкъ, шасцяры́хъ, чалавѣ́къ, жани́тца, чатырóхъ, нащапáў, царкóўный, чырвóный, бу́дзіе, воробéй, соловéй, муравéй, людзéй, свинéй, грóшый, шы́ю, напи́ся, бры́юсь, табѣ́, сабѣ́, бáби, цаќá, ў лѣ́си и ў лѣ́сѣ, дзвѣ́сця, гóлка, грáць, яéцъ, яéчко, яéшня, збирáлися, заливáеттца, умирáець, сядзѣ́ць, одышóў, ўмё́ръ, ўмѣ́ць, ўбóгій, ўбиць, дзира, веробъ́ями, серебрó, срéбро, золóзы, верецё́нница, солóдкій, болозѣ́, ўмéрци, здзéрци, свавóля, оўтóрокъ, иржá.

Согласные: ўлѣ́зъ ў мѣ́хъ, усихъ, ўвознáў, дзѣ́ўка, дзѣ́ўча, дзѣ́ўчатко, а также дзѣ́вачка, а мн. ч. дзѣўкé и дзѣвачкé, даў, быў, доўжыня, моўчáць, горэ́лка, обмоўляць, царъ, зарá, рэкá, говору́, сцерóгъ, драць, голубъ, сыпъ, розяў, семъ, пяць, пъяць, мясо, памяць, ўремя, завязъ, ганокъ, розга, пиць, дзѣ́ци, цéмя, ци́хо, нядзéль, цѣ́нь, дзьвѣ́, дзьвéри. «*Т* мягкое весьма трудно отличить отъ *ц* въ бѣлорусскомъ говорѣ, вотъ почему одно и то же слово въ иномъ мѣстѣ написано съ *т* мягкимъ, а въ другомъ—съ *ц*». Важдацца, важдалися, заѣжжáць, дóжджыкъ, дожджá, дощъ, свѣ́чка, рóбячы, одзéжа, шыць, чыстый, чóрный, прощáй, щу́ка, оўцá, цэнá, цы́фра, купéцъ, щупáкъ, бу́тка, дзѣтъ, бопъ, жыў, лё́хкій, бохъ, люцкій, зглаць, лѣ́сци, лѣсь, рѣшъ, свѣтъ, смáга, съ крóўю, зъ лѣ́сомъ, зъ рукáми, зъ вѣ́никомъ, зъ мякиной, одъ менé, одъ рѣ́чки, одъ луга, отки́нь, отогнáли и одогнáли, отпрáўлю,

жъ жыда́ми, шъ ша́пки, шъ чо́рнымъ, нау́чисься, доццѣ́, фля́сцѣ, ссешъ, могилеу́скій, женскій, зъѣсьць, цьвѣтъ, зьвѣзда, съ кимъ, гни, лёхкій, санки, земълю, серебъряная, щепъки, хто́, нихто́, мя́хкій и мя́ккій—преимуществ., што, ничого, про́сицца, зва́цца, помочникъ, по́штовацъ, частова́цъ, чмель, сма́шный и сма́чный, до́ўгій, лёгкій, сухі́й, му́хи, бычки́, но́ги, дузѣ́, дзѣ́уцѣ, стрѣ́сѣ, ў поро́зѣ, руцѣ́, рѣ́тцѣ и рѣ́ццѣ, рѣ́чка, сяго́ння, вяли́кодню, одна́, ро́дной, обѣ́дня, ниво́дзинъ, восень, возеро, ву́мъ, ву́лица, вось, наву́къ, сподзѣва́цца, гѐтый, гужъ, вужъ, Алена, ўучы́ць, на ёй, за ёю, по́зно, жа́лосный, посцѐль, няўжо́, чаго́, озми́, зли́нуць, дзѣ́, чацьвѐръ, чацьверга́, пи, ко́ни, до́бры, си́ни (имен. ед. ч.), цотъ, нѐцотъ, до́шка, ужахну́цца, скрозь, ску́сный, охво́та, парло́вый, вышыня́, доўжыня́, шырыня́, канѐшня, хрестъ, крестъ, крёстъ, клопоты, корогодъ, ойца́, молойца́.

Удареніе: аржаны́й, ба́бухна, ба́ловацъ, балоўни́къ, ба́цька, бацьки́, бацько́ў, ба́цькоўщына, бѐрегъ, на бѐрезѣ, бли́жѣй и ближѣ́й, богаты́ръ, борода́, бороду́, бра́тацца, бра́товая, велико́дній, верба́, вербу́, вода́, воду́, во́ўкъ, во́ўка, воўкѐ, воўча́, ву́да, ўчо́ра, ў жалю́, вы́моўка, вѐдрами, выня́ць, вѣха́, гвоздзики́, гвоздзико́ў, глы́бѣй, голова́, голову́, го́ловы, говорю́, гово́рышъ, гово́рыць, го́лосно, гора́, гору́, го́родъ, горло́вый, го́рачо, грѐцковище, гро́шы, грошъ, гро́ша, града́, граду́, гу́ба, далѐко, дзѐшевый, до́беръ, до́лото, дочка́, дочу́хна, до́шка, друка́ръ, друкова́нный, дума́, душа́, душу́, дзѣды́, дзѣдо́ў, дзѣця́мъ, еловѐцъ, жеребя́, жовци́зна, жорновы́й, жо́рны, за́гвоздка, за́годзя, зада́рма, закла́дка, за́ходъ, захо́дъ, захоця́, защѐмленный, зима́, зиму́, зло́сникъ, Зми́тро, Змитро́къ, змогци́, игри́ще, и́кается, и́ковка, и́мя́, имѐни, и́нный, коўза́ць, коршу́нъ, конь, ко́ней, на ко́няхъ, коса́, косу́, кла́дбище, крѐмень, кроў, крыви́, ў кро́ви, люцкі́й, мала́я, мало́е, мно́го, молодзѐнькій, молодзѐцъ, мо́лотъ, молота́ми, молото́ў, мо́рква, мо́ркоўка, мѣ́дзяный, мѣ́зиный, мя́ккій, найвыбо́рный, накры́шенный, напѐредъ, настра́шыць, нѐпріяцель, низаво́што, нога́, ногу́, ў но́чы, ў ночу́, оба́два, обка́то-

вацъ, обра́зъ, образы́, образо́въ, обу́хомъ, одзина́нцацъ, око́нце, наго́рокъ, панъ, пана́, пе́рци, ў пе́чы, пи́це, по́куцье, посудзи́на, посе́кци, потане́й, по́тымъ, прави́ца, прыда́рылось, прыле́гли, прылуча́й, пры́межъ, прово́дзины, прута́, пу́га, пуговье́, рака́, раки́, ракоў, роўци́, роса́, росу́, рука́, руку́, руча́й, рѣка́, само́го, свѣтло, сивизна, сле́гци, смола́, смолу́, смѣшный, смѣшно, соко́лъ, сбромъ, соха́, соху́, со́сна, сре́бро, стары́й, сторо́жа, сторону́, стра́шыцъ, сцѣну́, судо́ў, сха́пнуцъ, сы́ра, сы́ры, серни́чокъ, то́ўстый, у́галь.

Суффиксы словъ: морква, моркоў, Гаврыло, бунило, Котра (Екатерина), кругмень, сугмень, крыница, блазница, макрыца, веснюкъ, кулюкъ (соломы), игрыще, грецковьище, церковьище, веребъи́ха, ма́рчыха, бондарыха, ярабина, алешына (ольха), грушына, прайдоха, катухъ, абухъ, вывяртуха, саладуха, харашуха, выглянтасъ (г=g), насмѣханецъ, мазанка, лазанка, галубе́нька, но́женька, ру́ченька, Мары́лянька (Марія), столянька (ум. отъ столь—потолокъ), шнарочекъ, ум. отъ шнаръ (знакъ отъ разсѣченнаго или разрѣзаннаго), попелясный (какъ бы въ пеплѣ-золѣ), дзеверя́тка, братка (при обращеніи: «а мой жа, ты, братка»), сва́цiйка (сватъ), сваце́йка, нави́зна, стары́зна, гало́та, раўно́та, бабуленька, кумуленька, Гануленька (ум. отъ Ганна), мату́лька, татулька, зялянюсенькій, синюсенькій, мамусенька (матка), ма́тухна, дзѣвухна, бабухна, лѣпе́й, лѣпшъ, лѣпшый, го́ршый, велизный, бо́лѣй, бо́льшый, ме́ньшый, ме́нѣй, барджджѣй, найлѣпшый, найго́ршый, бѣлю́сенько, роўци́, сопци́, хропци́, це́рци, пе́рци, ўме́рци, волокци́, стры́гци, хлопану́цъ, сербану́цъ, ѣсцьки, пи́цьки, спа́цьки, ѣсциньки, пи́ценьки, спа́ценьки, спа́точки, ѣсточки, спа́тки, пра́таю, замишъ=вмѣсто, ня забаўся=не опоздай; тымчасамъ = тѣмъ временемъ, коли́, доку́ль, тоды́, тогды́, куды́, туды́, ўсю́ды, ўсю́дыхъ, ўсю́дахъ, кудо́ю, тудо́ю, сюдо́ю, лежма́, да́рма, дарма́, дармо́, ве́льми, тудыма́, цяпе́река, ту́тока, дарма́шака, го́дзи, але́, але́шака, ўдоўшъ, зроблено поконецъ рукъ, чы, ци, хай, дакъ, якъ, кабъ, хи́ба, нима́шака, нима́, нельга́, ба-

да́й, нибы́тто, мо, догоры́, сто́рчма, соўси́мъ, ўлѣ́тку, лѣтось, о до́мѣ, о хлѣ́бѣ.

Склоненія: Род. и вин. п. татка, дзяцька. Гусь ж. р., собака муж. р. Употребительнѣе: коно́пля, полы́нъ, я́блыко; къ пъя́ницу, къ пъя́ницы, дзьвѣ ха́ты, руки́, наги́, дзьвѣ сялѣ́, четыре бядзѣ́, сялѣ́, дзьвяры́ма, плячы́ма, очы́ма, слязы́ма; сцяў ду́ба, знайшо́ў гры́ба, ма́е рубля, пора́ заклада́ци ко́ни, дои́ць каро́вы; звательный падежъ отъ словъ муж. рода: сы́нку, садочку, мядочку; ў лѣ́си. Именительный множественнаго: жанце́, касцэ́, мужыке́, сваты́, панэ́, хозяе́, варо́та, гла́зы, се́ла. Родительн. множ. гла́зоў, солда́тоў, аршы́ноў, мѣща́ноў, тата́роў, рого́ў, конёў, рублёў, окунёў. Слова на -ръ имѣютъ род. п. на -ровъ. Къ слову грошъ род. множ. гро́шоў; лѣ́цеў; служыць пано́мъ, господаро́мъ, дацъ дзѣцюко́мъ, треба зубо́мъ. Вин. мн. волэ́, мѣшке́. Въ творительномъ множ. гро́шми, ко́ньми, ключми́, обру́сми, шку́рми, курми, но́жми (ножъ), анучми. Именительн. единств. пани, княги́ни, господы́ни. Въ дательномъ—дубро́ви, дзѣ́ўцы, доро́зи. Въ творительномъ—жо́нкой, доро́гой. Во множественномъ числѣ—жанке́, дзяўке́, родительный множ. старшы́ноў, старосто́ў, судздзёў. Творительн. слезьми, сви́ньми, шы́йми. Дат. п. людземъ, дзѣцемъ. Творительн. сяньми́, дзяцьми́. Гарбузеня (ум. сѣмя арбуза). Именительн. множ. бро́вы. Сяго́дни, на дни́. Табѣ, сабѣ. Именит. п. той, та́я, то́е. Творительный тымъ; предложн. ў томъ; родительный жен.: тое́й, ты́я; дат. и предложн. пад. отъ мѣстоименія *та* женскаго рода: той. Твор. тою. Гэтый. Никогу́тоньки, никогу́сенько, ничагу́сенько, ничы́мъ. Род. муж. мойго. Род. жен.: мае́, твае́, свае́; дат. п. мѣстоименій—мой, твой, свой муж. и жен. рода: мойму, твайму, свайму, маёй, тваёй, сваёй; предлож. пад.: о маёй, о тваёй, о сваёй; предлож. п. чымъ. Въ именительномъ множ.: маѣ́, тваѣ́, сваѣ́. Ёнъ, яна́, яно́. Родит. жен. яе, творительный ёю; именительный множ. яны́; предложный: по ёмъ, по ёй; чый, нѣчый, удерживаютъ свое і, род. ж. р. чые́; ўвесь, род. п. ж. р. ўсёй, твор. м. р. ўсимъ, мн. ўсѣ, ўсихъ.

Ихній. Твор. однымъ; родит. единств. жен. одные; во множ. числѣ одны. Нивóдзинъ, нивóднаго, нивóдному и т. д.; дзьвёхъ, дзьвёмъ; трымá, чатырмá; пяцёхъ, шасцёхъ, двацацёхъ; пяцёмъ, шасцёмъ, двацацёмъ; пяцьмá, шасцьма, двацацьмá; чатэры; одзинáнцаць, дванáнцаць, пятнáнцаць, дзéвяцьдесятъ; пéршый, другій, сёмый; двóйко, трóйко, чецвéрко, пяцéрко, шесцéрко, семéрко, трóйчы; новы, сини домъ; нóва синя шапка, вин. ж. р. нову, синю; род. м. слѣпóго; родит. женск. молодыя; вин. ж. р. мóкраю, цёплаю, синяю; вин. ж. р. на сивóмъ, ў сусѣднемъ; во множ. числѣ именительный -ые, -іе, -ыя, -ія.

Спряженіе: ѣси, даси, несé, даé, робиць, оддасць, ѣсць, 1 л. множ. числа: несемъ, хвалимъ, дамó, ѣмó, сѣдзимó, живóмъ, идóмъ, пекóмъ, во 2 л. множ. идзецé, спицé, стоицé, боицéся, 3 л. множ. несуць, хвáляць, сястрóнки накладáя, дзявóчки прыспѣвáя, вѣтры расплятáя. Неопредѣленное: несци, любиць, повел. печы, хвали, неси; въ повелительномъ—несѣмъ, несѣце, жнѣмъ, жнѣце, уцекáймо, ѣжмо; дѣепричастіе: глядзючы, прóсючы, мѣручы, нéсшы, дáўшы, цвіўшы; повелит.: ѣць; неопредѣленное: ѣсци, прошедш.: йшóў, ўстрѣў, стрѣць, пáсвиць, пáсвіў, пáсціў; неопр. грацци, сапсци, храпци, бѣгци, повелит. поможы; дзьму, дзьмешъ, выняць, выму, ўмéрци, здéрци; мáю, мѣю, мѣў, 2 л. мн. купицé; бѣгчы, настоящее время: бѣжу, бѣжымó, бѣжыцé, бѣгуць, прош. бѣхъ, бѣгла, бѣгло; жену, женéшъ, жени; дзéрци; даси, дáсць, дамó, дасцé, дадуць; ѣшъ, ѣшьце; есць, ёсцека; буду несци, буду хвалиць.

Особенности синтаксиса: голоднаго лѣта людзи умирáли, тыхъ дзёнъ, сегóлѣта; ў мине грошей есць; яна табѣ не треба будзе; 5, 6 годъ, годóў; гдзѣ шъ ты быў, ци ты гэтого не бачыў, чему ты не прыйшоў, што гэто за людзи; научыць рóзуму, научыць лихому; слухай Бога; сцерегуць яблокъ; глядзѣць дзива, мóсту, хлѣба; пытáў мине; даць дыхту, даць пáру; поѣхаў по овесъ, пошóў по грыбы, пошóў ў грыбы, ў ягоды; пиць до кого

горѣлку; мы ўдвохъ гэто зрóбимъ, ўтрóхъ, ўдзесяцерыхъ прышли, насъ быдó трохъ; сміяцца зъ мене, радоваўся зъ гэтого, поцѣху мѣў съ того, добра съ того мало, ёнъ худы́ съ тва́ру; той, што спиць, не зостаў человѣка, бы имъ мѣў шкодзиць.

Образцы рѣчи.

Нѣкоторыя поговорки.

Раби, нябожа, то и Богъ дапаможа. Да Юрья треба, кабъ было и ў дурня. Да св. Духа ни скидай кажуха, а по св. Дуси у ту͡омъ самомъ кажуси. Прышóў Петрокъ—опаў листокъ, прышла Илья—опало два. Екъ прыдзя св. Илья, то наробиць гнилья. Вотъ Богъ, а вотъ и порогъ. На воўка памоўка, а мядзьвѣць сцишкомъ. Куця зьведзе съ пуця. Рѣцька бѣла, да горка, а макъ чоранъ, да соладакъ. Прышли къ рѣццы, ажъ нима дзѣ дѣцца. Паново воко бачыць далеко. Хто парася украў, у таго въ ушу пищыць. Чортъ семъ паръ лапцей стаптаў, пакуль гэдаку пару сабраў. За́ пярабирачку выберешъ горачку. Екъ здароў, то семъ пошоў, а екъ занимогъ, то адзинъ Богъ. Вочы екъ лошки, а ни бачаць ни трошки.

Выраженія: Капнуло съ Антонову слязу. Станць, екъ Михаль адъ Нисьвижа. Зрабиў па канецъ рукъ. Зрабиў, екъ душы ни ўлажыў. Екъ гляня, то все роўно, екъ дасць саракоўку.

Разсказъ стараго Андрея.

Да вотъ паслухайця, што за мною расъ былó. Было гэта трецьяго року, екъ лѣто былó вельми сухое. Попрасили мяне жончыны бацькé паѣхаць, да сустрѣць ихъ плытникаў. Сказали яны мнѣ абъ гэтумъ еще надоячы, а назаўтра была, помню екъ циперъ, нядзѣля. Я такъ для паўдни запрогъ кабылу и паѣхаў ихъ сустрачаць. Тымъ часамъ покуль я прыѣхаў да Яремичъ (Еремичи—мѣстечко Минской губ. Новогрудскаго уѣзда на Нѣ-

манѣ), дакъ и сонцо зайшло. Плытникаў въ Яремичахъ яще ни быль, а я даляй ни паѣхаў: куды, думаю, ѣхаць цямнатою, да й даляй, признацца, добро й дороги ня знаю; ўзяў я да прыпыниўся въ адной карчмѣ и стаў ихъ чакаць. Счакаўшы такъ гадзинъ са тры, приходяць мае плытники въ тую карчму. Я доўго ничакаўшы, ўзяў свайго швагруся (шурина) да другого хлопца на возъ, дай паѣхаў. А зь Яремичъ треба шъ ѣхаць, можа знаяця, цярасъ лѣсъ. Ночъ была хмурная, цемраць, хоць ў воко пальцамъ пары; да еще вѣцеръ схадзиўся — страшно, хоць и трохъ насъ на вози. А въ гэтумъ жа лѣси разбойники пахованы. Кажуць, што яны были братэ, ци праўда, ци не, да за нѣку дзѣўчыну забили одзинъ другого; ни проци ночы спаминаючы... (это было вечеромъ: всѣ слушавшіе набожно перекрестились). Цяперъ жа ци хто ѣдзя, ци хто йдзе, дакъ што-нибудзь да киня на ихъ магилу, а екъ ни киня, дакъ яны дзяржаць (Да ни праўда, кали гэто было!? послышалось среди слушающихъ). Але, дзѣтки, продолжалъ разсказчикъ, и я никому ни вѣрыў, покуль самъ ни папаўся. Слухайця шъ: я шъ екъ туды ѣхаў, дакъ ничого ни кинуў и назадъ ѣхали ничого ни кинули, дакъ за тое, што шъ вы думаяця, екъ ўѣхали памишъ двухъ магилъ ихъ, дакъ и — стала кабыла (А, Божа, мой! послышалось). Я — но, но, а возъ съ кабылою ўсе роўно екъ прикованы, а ни зь мѣсца. Што тутъ рабиць! Напалохалися мы; ўзяли мы саломы, запалили яе, палазили зъ возу, ходзимъ вокругъ воза. Паганяемъ кабылу ўжо съ парожнымъ возомъ—няйдзе, стаиць, такъ екъ прылипла. Глядзимо мы, думаемъ, можа дзѣ за корень коло зачапиласё? — нѣ: кола стаяць въ калянинахъ хорашо: ниякихъ кореньеу, ни каменьеў, роўная, якъ яйцо дорога, хоць и ў лѣси. Прастояли мы тутъ гадзинъ са тры; дзѣ шъ, ажъ маросъ пашоў па цѣли, а посля — пусциў разбойникъ; чули тольки, екъ нѣшто затрашчало. Кабыла тарканула и пашла. То мы ўжо скрось пагоняли яе ды паганяли, покуль ни прыѣхали дадому. Прыѣхали ўжо мы свѣтомъ. Я скарѣй кабылу выпрагъ и, ни прыбраўшы воза, легъ трохи заснуць: змарыў вельми мяне сонъ, вядомо ўсю ночъ ни спаўшы.

Побудзила мяне жонка ўжо, якъ хлопецъ прыгнаў зъ ра́ницы бы́дло. Паснѣдаўшы, дай, думаю, ўвязу возъ ў гумно, кабъ часамъ дощъ ни опаласкаў восяў. Иду брацъ за аглобли, ажъ глядчу́, дакъ лестки адной пима ў маемъ вози, а я помню добро, дай Богъ зъ гэдакаю памяцью и памерци, што якъ ѣхаў ў Яремичы, то были ўсѣ лястке́. Прыгледчуся[1]) я, дакъ видацъ, лестка выломана. Дагадаўся я ўжо, хто гэта выламаў; я шъ казаў, што чуў, екъ нѣшто затращало въ вози и тагды пашла кабыла. Вотъ ў якой апали я пабыў, а все за тое, што мало слухаў стары́хъ людзей!

Сказочка.

Была ў аднаго́ мужыка жонка, да ве́льми праци́ўная, падупа́ртая: што енъ скажа, дакъ по яе ўсе ни гэдакъ, ўсе надваротъ. Чалавѣкъ ёнъ быў, прызнацца цихій, дакъ бывало ўсе ёй ўжо и ўступаў. Настало ніекъ ворыво. Идзе ёнъ адзинъ расъ арацъ паснѣдаўшы, ды кажа ёй: «ня няси шъ ты мнѣ сягоньни ѣсьци».—«А трасцу, вота-шъ таки прынясу», крычыць яна яму. Ёнъ, ничого ни гаворачы, узяў дый пашоў арацъ. Аре ёнъ, аре, такъ для паўдни идзе жонка и нясе́ ѣсьци. Хоць и ни хацѣў чалавѣкъ, дакъ што шъ ѣшъ, кали прынясла, а ня будзяшъ ѣсци, то яна гатова ў голаву табѣ пусциць: такая была сибирная. Пачакала яна, покуль ёнъ зьѣў, узяла збаночки, ды пашла. А исьци на полё треба было́ цярасъ кладку, бо рѣчка цякла. Ну дакъ яна, екъ ишла на поле, дакъ цярасъ добрую перейшла, бо тамъ бачыця лежало дзьвѣ кладки: одна добрая, а другая зыбкая, а екъ — съ поля, дакъ пошла на зыбкую. Мужыкъ гэто бачыць, ды хацѣў пярастярагчы яе: «куда ты, кажа, пашла? ня йдзи цярасъ тую кладку, бо яна зыбкая — дакъ увалисься!» А жонка ўго́ласъ:—«А трасцу табѣ! вота-шъ пайду». Ну и пашла, да тольки и ўтапилася ў рѣццы. Мужыкъ бачыў, якъ ляцѣла яна ў воду; прышоў енъ къ рѣццы, ды стаў шукаць «утоплянаи». Да ни пашоў за вадою, але проци

1) Здѣсь и раньше наблюдатель посредствомъ *дч*, очевидно, передаетъ *жджж*, какъ и въ старомъ бѣлорусскомъ. *Е. Карскій.*

вады, ды усе прыглядваяцца, ци ни плыве цѣло. Идзе на той часъ нѣкій чалавѣкъ, ды пытаяцца, чаго ёнъ приглядваяцца въ вадзѣ. «А вотъ, мой чалавѣчакъ, гляжду жонки, нѣдзя ўтапилася ў рѣццы», говорыць енъ яму. «Дакъ чагошъ ты, гаворыць той чалавѣкъ, — идзешъ напроциў вады, нибыто штошъ плыве проциў вады, дакъ здацца ўсе плыве за вадою?» — «А нѣ, мой чалавѣчакъ, ўсе то ўсе, але мая жонка была вельми працыўна, то яна пэўня што нипашла за вадою, а напроци вады».

Пѣсни.

Жатвенныя.

Ой я ў поли жыто жала (2 раза каждый стихъ),
Ў мене ў доми бяда стала:
Звалилася свякроў съ тыну
Да ў жычкýю крапиву.
Не жаль жа мнѣ свякрованьки,
Да жаль жа мнѣ крапивушки:
Свякровачка сама ўстаня —
Крапивушка навѣкъ зьвяня.

Гула пчелка, гула,
Па бары летаючы,
Да мядокъ зьбираючы;
Еще шъ буду ляпѣй гусьци,
Екъ буду мядокъ нясьци.
Да плакала удованька,
Дрыўца зьбираючы,
Да абѣдъ гатуючы:
Ой, обѣдзе мой горенькій,
Да бязъ цябе, мой миленькій;
Наварыла рыбки съ перцамъ,
Сама сѣла зъ маладзенцамъ;
Рыбки съ перцамъ не хочацца,
Зъ маладзенцамъ рагочацца;

Да мнѣ рыбка ва снѣ сьницца,
Да зъ маладзенцамъ доўго спицца;
Сама сѣла на пóкуци,
А мае дзѣтки у зáпяку;
Сама пъю медъ — вино,
А маимъ дзѣткамъ вады жаднó,
Сама ѣмъ съ талерачки,
А мае дзѣтки съ чаропочки.

После пóлудня на полѣ:

Дзякуй, Божа, за полудзянь,
Ни сытъ, ни голадзянъ.
Пасядзѣла гадзиначку,
Зьѣла хлѣба скарыначку.
Да дай, Божа, мнѣ мядзьвѣжу силу:
Галóвачка, екъ бóчачка,
А бакé, екъ дóщачки.

Идя домой съ жнивья поздно вечеромъ:

Да мѣсяцу ясьнюсеньки,
Да на небѣ круглюсеньки,
Асьвяци намъ дарожаньку,
Куды исьци да-доманьку,
На цеплую вячераньку,
На мяккую пасцеляньку.

Дожиная рожь:

Золотая мецёлачка,
Памяла и папратала,
Да ў гуменцо паскладала.
Судзи, Божа, спаживаци,
Да за рокъ прычакаци,
Ў радасьци, ў вэсалосьци,
Ў добрумъ здароўи.

Идя домой, дожавъ рожь:

Засьцилайця да сталэ́, лавы,
Ѣдзя госьць нябывалый,
У годъ расъ пабывая,
Да и зноў выяжжая.
Пазволь, Божа, спаживаци,
Да за рокъ причакаци.

Свадебныя.

Идя изъ церкви послѣ брака:

Да у Бога мы бы́ли
И ў Духа святóго;
Насъ ксензъ зьвянчаў,
Да ня дорага ўзяў:
Паўтара залатога
Отъ князя маладога;
Паўтары да капіечки
Отъ нашаи да княгинячки.

При въѣздѣ свиты жениха на дворъ невѣсты. (Приданыя = люди, находящіеся въ свитѣ жениха или невѣсты).

Да прыданачки, да галубачки,
Просимъ васъ, кабъ ни было кепско
Нашуй дзѣваццы ў васъ.
Кабъ ни стаяла съ падцемныя ночки падъ окномъ,
Кабъ ни ўцирала дробныхъ слезакъ рукавомъ,
Кабъ ни была да павѣтачка за хатку,
Кабъ ни была да сусѣдачка за матку.

Отвѣчаюѓъ пріѣхавшіе съ женихомъ:

— Настайцца съ цемныя ночки падъ окномъ,
Наўцираяцца дробныхъ слезакъ рукавомъ.
Будзе, будзе да павѣтачка за хатку,
Будзе, будзе да сусѣдачка за матку.

При выѣздѣ молодой изъ дому:

Щабеча пярапелка, щабеча,
Зъ бору ляцѣць ни хоча,
Добро мнѣ былó ў бары́,
Да ни будзя гэдакъ на мóры:
Да ў бары ягадки-суницы,
Халодная вадица съ крыницы.
Плача, паплача,
Одъ мамы ѣхаць не хоча;
«Добро мнѣ былó у мамки,
Ни будзя гэдакъ у свякроўки:
У свае мамки
На вулку иду — гуляю,
А зъ вулки иду — не дбаю.
Екъ засталася къ свякроўцы,
На вулку иду — прашуся,
А зъ вулки иду — баюся;
На новы ганачакъ ступаю,
Екъ бопъ слезки раняю».

При въѣздѣ невѣсты на дворъ жениха:

Наѣхала къ намъ,
Наѣхала къ намъ
Дзивная да маладая:
Съ-падъ яе ношки,
Съ-падъ чаровичка,
Сивый голубъ вылетая;
Съ-падъ яе лица
Да бѣленькаго
Ясно слонцо зяя.

Невѣстѣ — сиротѣ.

Да маладая дзѣвачка,
Скоро сѣла за столикомъ,
Ци ўздыхнула цяженько,
Ци заплакала сильнянько?
Што ў цябе матачки нѣту?
Што ў цябе роднаи нѣту?
Да нѣкаму рады гадаци,
Да нѣкаму дзицямъ назваци;
Да чужая, да чужаница
Яна табѣ рады гадае,
Да яна цябе дзицямъ назаве,
Хоць назаве дзицяткамъ,
Да ня вѣрнянькимъ славечкамъ,
Да ня любенькимъ дзицямъ.

(Сообщеніе воспитанника Несвижской учительской семинаріи Александра Іустиновича Фурсевича).

---

24. *Минская* губ., *Новогрудскій* уѣздъ, д. *Студзёнка* (по рѣкѣ Ушѣ, недалеко отъ ст. Городея М.-Б. ж. д.).

Образцы рѣчи.

I.

Прыѣхали на мяцёный дворъ;
Ой, вынясце намъ цясовый столъ
И выкацице бочку мядочку.
Да выпъемъ па кубачку
За сваю да галубачку,
Што яна у насъ жыць ня хацѣла
Ў чужый край пяреляцѣла.

II.

Хто ў лѣсѣ пацихýсенку гукáе?
Тамъ дзѣвачка сваёй матки шукае:
«Падзи, мая матачка, са мною,
Ўся-шъ мая парадынька съ табою».
— Ня пайду, маё дзицятко, съ табою,
Бо збудавали мнѣ сталярóве новый домъ
Безъ аконечковъ, безъ дзвярей, безъ слонца,
Ня прамоўлю, маё дзицятко, ни слоўца.
Ўлажыли мнѣ ношки да ў нѣ́мые дошки,
Прылажыли ручки до щы́раго сэрца,
Спечатывали вочки съ цемной ночки...
Къ табѣ, дзицятко, на вяселійко да ня пойду».

III.

Ель, ель да зелёненька,
Падымай гальё ў гóру,
Ня ўчапи́руйся ў кóсы,
Русы кóсы да до пояса,
А стýжечки до сукéнки.
А я иду да до церкоўки,
На мяне да папы́ глядзяць,
Чытаючи да молюцься,
На мяне прызираюцься,
Што я тонка, якъ былинка,
Харóша, якъ малинка,
Бѣла и румяна,
Харошая прыдала.

IV.

Гдзѣ наша маладая,
Што зъ руты вянка ажыдае?
Ў агаротъ идзе,

Квѣтки рве;
Съ агароду йдзе,
Вянки ўе.
Звіўшы вяночекъ,
Ўсё квѣточки личы́ла,
Колько ў бацюшки
Лѣ́цечкоў служыла.
— Яще къ вяночку
Адну квѣтачку прылажу,
Яще ў бацюшки
Адну лѣцячку послужу».
«Съ Богомъ, съ Богомъ, моё дзицятко,
Атъ мяне,
Пярелѣ́тую это лѣцячко
Безъ цябе».

V.

Святая да суботынька,
Прыбирайся да сиротынька,
Капъ твой столъ быў засланый,
Капъ твой ротъ (родня) быў сабра́ный.
«Дзѣвачки́, маи сястрыцы,
Есць у мяне ро́дный бацюшка,
Ёнъ же мнѣ столъ засцѣ́ле,
Ёнъ же мнѣ ротъ сабере».

VI.

Да паѣдзешъ, дзѣвочка, ў чужы край;
Бяры сабѣ зязюльку да прыучай;
Да кали прыѣдзешъ, пусци ў садъ:
Будзе яна раненько ковацъ (куковать),
Будзе цябе, маладую, пабуджацъ.
Будзе у цябе свякроўка—да ня матка,

Да ня будзе рано побуджаць,
Пойдзе къ сусѣду судзиць:
«Да сонейко ўзыдзе, гуляе,
Спиць мая нявѣхна, ня дбае;
Да сонейко ўзыдзе, ў гóру йдзе,
Тады мая нявѣхна зъ ложа йдзе».

VII.

Саадзе, саадзе да винагратъ,
Посадзила дзѣвачка друшки ў ратъ,
Сама шъ яна сѣла прамéшъ ихъ,
Думала, гадала большъ за ўсихъ.
«Ня думай, дзѣвачка, да ня гадай,
Пяреѣдземъ рѣченьку и цихій Дунай».
— Якъ же мянѣ думаць да ня гадаць:
Ня знáла свякроўки — треба знаць,
Ня звáла маткой — треба зваць».

VIII.

Цёмно, цёмно надъ боромъ,
Ещé цямнѣйше надъ дворомъ:
Наѣхало бояроў, да пóвенъ дворъ,
Насыпали золота повенъ столъ.
Дзѣватчына маточка походжае,
Да на тóе золото поглядае.
«Вамъ—ваше золото, да бялéнько,
А мнѣ—мае дзицяко, да милéнько;
Вамъ ваше золото шафоваци,
А мнѣ маё дзицятко посылаци».

IX.

Ну кукуй, зязюлька, пракукуй,
Да ўже тваё кукованье умянётца,

Да рябое пёрейко змѣнитца,
Гуляй, дзѣвачка, прагуляй,
Да ўже тваё гулянье умянётца,
Бѣлое личико змѣнитца,
Русая косочка сатретца,
Тады тваё гулянье умянётца.

X.

Да ци чуешъ, маладая дзѣвачка,
Якъ па табѣ матка плаче,
Якъ зязюлька кукуе
Ў вишневомъ садочку
На кляновомъ листочку,
Къ зямлицѣ припадаючы,
Цябе, маладу, пакликаючы?

XI.

Свякроў пае: Пайду я дарогою,
Пущу голосъ дубрóвою,
Чей то голосъ по дубровѣ,
Ци не маего дзицяняци.
Кали-шъ маего дзицяняци,
Нехай яно пагуляе,
Коли маей нявѣхны,
Няхай дзѣло паробляе.

XII.

Баравая ты, зязюлечка,
Ўсе тваё да минаетца:
Садовое кукованейко,
Баравое жырованейко.
Ў садъ палядишъ—накукуешься,
Ў боръ прылядишъ—нажыруешься.

Маладая ты, дзѣвачка,
Ўсе тваё да минаетца:
Матчыно гадованейко,
Дзявбчее красованейко,
Кавалерское заляцанейко.
Куда пóйдзешъ—нагуляешься,
Да сонца высыпаешься,
Да на матку спадзѣваешься.

XIII.

Ня плачъ, дзѣвачка, да ня тужы,
Пяребудзь дзянёчекъ, къ намъ прыбяжы,
Хаця наше падворъе да патапчы,
Хаця нашу сямейку да развясели;
Бо наше падворъе скрамянѣло,
Наша сямейка смурнѣла.

XIV.

Ў полѣ падъ вярбою
Я шъ каня сядлаю,
За имъ, за имъ дзяўчыночка
Съ жáлю (горя) упадае.
— Ци упáдай, ци ня упáдай,
Ня вазьму съ сабою,
Застанёсся атцу и матцѣ
Вѣрнаю слугою.

XV.

Зялёна, зялёна ў лузи трава;
Чымъ яна зялёна? — Што дожджыкъ идзе.
Харóша, харóша у мужа жана;
Чымъ яна хароша?—Што доля добра.
Спиць яна ў лóжечку до бѣлаго дня,

Да свякратко бацюшка па дварѣ ходзиць,
Да сваю нявѣхночку дай пабуджае:
«Ўставай, нявѣхночка, годзи табѣ спаць:
Да волы, кароўыньки ў хлѣвѣ стаяць,
Курачки каноплечки повыгребали,
А жыто-пшаниченька ня жато стаиць,
Яе бѣлый кўжель (ленъ) да ня прадзенъ ляжиць».
(А сынъ уже будзе атвѣчаць:)
«Бацюшка, бацюшка радной,
Ня май-жешъ да ты воленьки надъ маей жаной;
Курушки съ каноплюшки самъ я папугну,
На жыто пшаниченьку жнеюшекъ найму,
На ей бѣлый кужель прямо посаджу...
Залажу, залажу тройку лашадзей,
Залатую брыченку и харошъ лакей,
Да сяду шъ съ милай пракатаюсь,
Да съ сваими жнейками расчитаюсь».

XVI.

Памеценъ садочекъ, памеценъ,
Зялёной рутой аплеценъ;
Нихто ў томъ садочку ни быўаў,
Маладой дяцинка ў карты граў,
Сабѣ дзѣвачку да намуўляў (уговаривалъ):
«Ѣдзьмо, дзѣвачка, са мной,
Будзешъ маей матотцѣ слугой,
А мнѣ, маладому, жаной.
Будзешъ маей матотцѣ пиць падаваць,
А мнѣ, маладому, бѣлу пасцель слаць».

XVII.

Ой выйду, выйду да на гору,
Ўдару, ўдару ў далбни,
Капъ маи далони щымѣли (болѣли),

Залатые пярсцёнки звянѣли.
У маего бацюшки садъ зацвіў,
Вишни, чярешни паспѣли,
А мнѣ маладзенькой къ нядзѣлѣ.
Каму вишеньку, каму дзьвѣ,
А я сваей свякроўцѣ чатыре,
Капъ яна ня прождала да нядзѣли;
А я сваему свякратку двадцаць пяць,
Капъ ёнъ ня выбыў да нядзѣль пяць.

XVIII.

Пятрова ночка малёнка,
Ня выспалася панёнка,
Ягодки бра́ла — дремала,
Перебирала — заснула,
Прыѣхаў дзяцинка — ня чу́ла.
Махнуў ёнъ ху́сточкой — ня домахнуў,
Злѣсъ исъ ко́нника и побудзіў.
«Ўставай, дзѣвачка, доўго спишъ,
Чымъ свае сато́ве надарышъ?»
— Што табѣ, дзяцинка, до таго,
Есць у мяне падарки для таго
Ў матчыной скрынѣ замкнёной,
Ў бацьковой клѣци зачынёной.
Ў бацькову клѣцю ўвайду,
Тонкихъ падаркоў набяру,
Тады сваи сватове надару.

XIX.

«Зима, зима, марожена!
Баюся цябе, ня змарось мяне,
Ня такъ мяне, якъ маего друшка.
У маего друшка ку́дзёрки ўютца,
За маего друшка дзѣўчата бьютца.

Ня бицися, ня сварицися
За маего друшка, пагадзицися».
(А ёнъ пра сваю жану пае:)
«Паѣду я ў новы гарада,
Куплю для матки шубу дарагу,
Сястрицѣ рóдной персцень залатой,
А шельмѣ-жанѣ драцяную плець,
Прывяжу жану къ сиваму каню,
Пущу каня ў чистыя поля,
Няхай сивый конь разгуляетца,
А шельма-жана научаетца».
Прибѣгае конь ў чатыре дня,
А шельмы-жаны уже духу нямá».

XX.

Кагда я былá маладзéнькая,
Тагды я была харошéнькая,
Тагды-шъ мяне хлопцы любили,
Па чатыре за мной слѣдомъ хадзили,
Цяперъ же я постарылася;
Здумай, милый, сваю прежнюю любоў,
Якъ мы съ табой ну гуляли ў саду,
Замѣчали много пташечекъ на лятý;
Якъ мы сидзѣли за убраненькимъ сталомъ,
Пили, ѣли слатко кушанье съ табой,
Гаварили рѣчь харошую, дзѣла,
Што другъ друга ня обманёмъ никагда.

XXI.

Свякроў нявѣхну дожадóмъ жадáе,
По ўсихъ дарогахъ стараже стаўляе,
А самá, старáя, у варотахъ ўстрѣчае,
У варотахъ стрѣчае да и научае:
«Буць, мая нявѣхна, умна, разумна,

Да не буць хваслива, буць сабѣ счаслива.
Распусци долю да па маему полю,
А прыдо́лейку да по засто́лейку,
А здароўе да на маю сямейку,
Капъ мая сямейка бы́ла вяселенька».

XXII.

Салавей зязюльку да да бору кли́че:
«Ляцимъ, мая зязюлька, да ляцимъ да бору,
Добро шъ намъ было кукаваць съ табою».
Братко сястрыцу да да дому кличе:
«Ѣдзьмо, мая сястрыца, ѣдзьмо са мною,
Добро шъ намъ было да жыци съ табою.
Была́ мая кашулька што нядзѣлю бялё́нька,
Была мая пасцелька што ночы мякё́нька,
Цяперъ мая кашулька отъ слезъ макренька».
— Ѣдзь, братко, да адзинъ да дому,
Вѣчна разлука намъ же съ табою,
Тамъ табѣ кашульку жо́нка вы́мые,
Тамъ табе пасцельку матка пасцеле.
«Жонка вымые,—да бѣла ня будзе,
Матка пасцеле,—мягкая ня будзе».

XXIII.

Ишла паненка черезъ боръ,
На ей сукенка ў дзевяць полъ;
Стала тая сукенка шамрѣ́ци,
Зялёная дуброва гарѣци.
— Йдзѣ́ци (идите), малойцы! Тушѣ́це,
Рѣшетомъ воду несѣ́це.
Ишла паненка черезъ боръ,
На ей сукенка ў дзевяць полъ;
Стала тая сукенка шамрѣ́ци,

Зьѣздзіў я Польщу и Ўкрайну,
На бачіў такого древа надъ арабину.
— Вазми, сынку, сакéру й тапарочыкъ,
Падзи зруби ў арабинѣ вяршочыкъ.
Ўзяў сынокъ сакéру й тапарочыкъ,
Пашоў рубиць ў арабинѣ вяршочыкъ;
Сѣкануў ёнъ першый разокъ — цѣло бѣло,
Сѣкануў ёнъ другій разокъ, кроў канула,
Сѣкануў ёнъ трецій разокъ, вымовила:
«За што, пра што, мой миленькій, такъ рубаешъ?
Ци ты сваей рóдной матцѣ потураешъ?».

XXVIII.

Пачувайцеся, вараные кони, на нóги,
Да будзеце бѣгчы чатыры мили дароги,
А пятую жалѣзными мостами,
Капъ дѣвачку на пасадзѣ застали.

XXIX.

Поле, поле румяное!
Радзи, Боже, жыто буйнаё,
Бо наша дзѣвачка прентко жне:
Сярпа ў ручки да ня бяре,
За ей, маладою снопъ у снопъ —
Семъ казаченкоў а восьмы попъ,
Дзявятый дяцинко, што бяре шлюпъ.
«Ой, попе, попе! Дай намъ шлюпъ
Да съ тымъ дзяцинкомъ, што стаяў тутъ».

XXX.

Высоко сонце ўсходзиць,
Низенько заходзиць,
Вясёлый той дзянёчекъ,
Дзѣ мой милый ходзиць.

Отъ ёнъ ходзиць, походжае,
Сивы валы запрагае,
Йдзе ў поле араци.

XXXI.

Да дўбу, гуси, лебедзи,
Да дўбу, да бялéнькія,
Тамъ трава зялёная,
Тамъ вада лугóвая.
Да шлю́бу, маладая дзѣвачка,
Да шлю́бу, маладзéнькая,
Тамъ табѣ ручки звяжуць,
Тамъ табѣ праўду скажуць,
Бѣлой вуальницей
Съ тымъ чужымъ, чужаницей,
Чорнаю китайкою
Съ тымъ чужымъ незнайкою.

XXXII.

Ходзиць милый па улицѣ,
Хўсточкой маше,
За имъ, за имъ дяўчыночка
Слезачками плаче.
—Дóсыць хадзіў и досыць любіў,
Досыць заляцаўся,
А ты шъ мяне, сэрце, судзишъ,
Я не сподзѣваўся.
«Не я шъ цябе, сэрце, суджу,
Судяць же насъ людзи,
Што зъ нашаго кохáнейка
Ничóго ня будзе.
Любилися, кохалися,
Насъ матка ня знала,
Разышлися, разсталися,

Якъ цёмная хмáра.
Любилися, кохалися,
Якъ ластоўки ў стрѣсѣ,
Разышлися, разсталися,
Якъ ягодки ў лѣсѣ».
— Адна гара высокая,
А другая — ниска,
Адна мила далекая,
А другая блиско.
А я тýю далекую
Людзямъ падарую,
А гэтую близенькую
Самъ я пацѣлую.
«Скрыпучая варóцечко
Ня можно отпéрци,
Каго люблю, ня забуду
До самыя смерци».

XXXIII.

Сподъ саду рѣченька,
Сподъ саду быстрая,
Тамъ плыло тры чаўночки,
И тры рыбалойцы.
Адзинъ каже: «дзяўчына»;
Другíй каже: «ядына»;
Трецій каже: «сэрце мóе,
Да ци пóйдзешъ за мяне?»
— Чаго шъ ты пытаешъ,
Коли хаты ня маешъ? —
«Найму, сэрдцу, чужую,
Пакуль сваю сбудую.
Сбудую хатыньку
Зъ бэзоваго цвѣтыньку,
Пастаўлю ў край сяла,

Живи, милая, вясела».
— Церазъ ту́ю будынину
Соколъ воду носиць,
Тамъ же цёща свайго зяця
На вячеру просиць.
«Вячерай, мая матка,
Кали наварыла,
А я пайду на Ўкраину,
Дзѣ дзяўчына ми́ла».
— Пайду я ў камбру,
Нема́ хлѣба ни соли,
Ня ўцекла-шъ я, не убѣжала
Атъ лихой доли.
Пайду я до скрыни,
Нема́ муки и пылины,
Ня ўцекла-шъ я, не убѣжала
Атъ лихой гадзи́ны.

XXXIV.

Ў полѣ крыничунька
Видно́ дно,
Нигдзѣ шъ маего миленькаго
Ня видно́.
Пайду шъ я, маладая,
У начы́,
Ци ня стрѣну миленькаго
Идучы́.
«Дзѣ шъ ты, милый мой, миленькій?»
Забавіў [1]),
«Што ты сваю вячёрыньку
Избавіў».
— Да быў жешъ я, мая мила́я,

1) Въ оригиналѣ «забаю», что́ не имѣетъ смысла.

Е. Карскій.

На мяду̑,
Балиць мая галовачка,
Лéдва йду.—
Прыѣхау̑ рóдный братко
Съ Альбова,
Пытаетца: «Пъянюсенькій
Ци у̑ дома?»
—Спиць пъяница, спиць латрýга
На палу,
Мой ты братко, мой рóдненькій,
Ня збудзи:
Якъ ты шъ яго, мой братко,
Сбудзишъ,
Ты шъ маю галованьку на вѣкъ
Утрудзишъ.

XXXV.

Да за лѣсомъ, лѣсомъ,
Да за цёмнымъ гаемъ,
Маладый дзяцинка
Да каня сядлае,
Да на сонце гляне:
«Пара табе, сонейко,
Да заходзиць да бору,
А мнѣ, маладому,
Да ѣхаць да дому.
У маего бацюшки
Да дварецъ маленекъ,
Да дварецъ маленекъ,
Гасцей поу̑ненекъ;
Пъюць яны, гуляюць
И мяне дажыдаюць.
Пійце, людзи, гуляйце,
Мяне ня дажыдайце».

XXXVI.

«Да ци чулась, мая матка,
Якъ я у цябе была,
Да патъ тваимъ аконечкомъ,
Якъ галупка гула?»
— Какъ чула, маё дзиця,
То пъ я отчынила,
Дала пъ табе пици, ѣсци,
Чаго пъ ты захацѣла.
Чамушъ ты, маё дзиця,
Скоро состарѣла?
Ци ты сыны пажанила,
Ци дачки́ замушъ атдала?
«Я сыноў ня паженила,
Дачо́къ замушъ ня отдала,
Якъ прышло мнѣ велько горе,
Скоро состарѣла.
Завяжы мнѣ, мая матка,
Бѣлымъ платкомъ вочы,
Вядзи мяне, тапи мяне
Серець цемной ночы.
Ня давай мнѣ, мая матка,
Мо́цненько крычаци,
Бо набягуць сусѣдачки,
Будуць ратоваци».

XXXVII.

Ни шумъ, ни шумъ, ни дубровушка,
Ни шумъ, ни шумъ, ни зялёненька!
Всѣ салдаты да съ паходу идуць;
А мой милый да убитъ ляжыць,
Ў правой руцѣ да каня дзержыць,
Лѣвай рукой да расу бяре,
Расу бяре, да на сэрце лье.

«Роса-шъ моя покраплющая,
Доля-шъ мая пропадзющая!
Охъ вы, братцы, вы таварыщы мае,
Накажѣце тамъ маей жанѣ,
Няхай яна да мяне ня ждзе,
Маладая да замушъ идзе».

Примѣчаніе. При №№ I—VIII наблюдательницей сдѣлана приписка «свадебная».

Сказка.

Жыў быў сабѣ дзѣтко зъ бапкой; у яго, у таго дзѣтка быдо́, кажа, тры сыны́: два разумные, а трецій дурень. Бацько даў тымъ разумнымъ па ружъю и пашли яны на палеванье. А дурень ка́же: «Дай жешъ, бацько, и мнѣ ружъё и я, кажа, пайду на палеванье зъ ими». Бацько и кажа яму: «Куды, дурню, пойдзешъ! ня дамъ я табѣ ружъя». Дурень ўзяў тады жалѣзную качаргу да и пашоў ў лѣсъ. Прышоў ў лѣсъ, лянь—збирае баба апёнки; ёнъ той качаргою якъ стягне по той бабѣ да забіў саўсимъ яе. Ўзяў тады дурень бабу тую за но́гу и цягне яе да до́му. Прыцягае ёнъ яё ў хату церезъ парогъ и каже: «Што шъ вы казали, што я ничо́го не ўпалюю, а я, ци бачыце, прывалокъ якую велькую бабу?» И папало́халися тады ўсѣ ў даму, спужа́лися, а бацька ему, дурню, ка́же: «Вазьми скарѣй кабылу и запряжы́ да вязи бабу куды-нябуць, капъ на насъ якой бяды ня бы́ло». Запрогъ дурень кабылу, палажыў тую бабу на возъ и ѣдзе. Прыѣзжае ёнъ падъ лѣсъ. Стаи́ць хатка, заходиць ёнъ туды и проситца на́ ночь. «Пусци, каже, чалавѣчку, на́ ночь мяне зъ маткою пяреночеваци». — «Капъ адзинъ быў, такъ пяреночеваў бы, а зъ маткой няма дзѣ дзѣтца», той яму зъ хаты атвѣчае.—«Мой чалавѣчку! маю матку хоць у якій хлѣўчыкъ, дзѣ целята стаяць, ци што, пусци; яна ня баитца холаду». Тады той уже яму каже: «Добро уже пяреначуйце!» Ўзяў тады дурень тую бабу и паставіў яе ў хлявѣ, дзѣ целята стаяць, патомъ

замкнули яны той хлѣўчыкъ, прышли ў хату, повячѐрыли. Ночью дурень препильноваў, якъ ўсѣ паснули, ўзяў ключъ и ношъ вострый и пашоў ў той хлѣў. Патомъ атрѣзаў нажомъ той бабѣ руку да цяляцѣ ў горло и ваткнуў, а самъ зноў замкнуў хлѣўчыкъ, прышоў ў хату и лёгъ спаць. Назаўтра рано поўставали ўсѣ, а дурень на таго чалавѣка гаворыць: «Падземъ, мой чалавѣчку, ў хлѣўчыкъ скарѣй, бо тамъ, може, цялята маю матку зьѣли». Одзянулися яны и пашли ў хлѣў. Прышли яны туды, а целя таё, што ў горлѣ руку мае, раве, а дурень той ужо крычыць: «Ай Боже шъ мой! Цялята маю матку зьѣли!» Той чалавѣкъ спалохаўся и просиць ужо яго: «Ня крычы! я табѣ дамъ чатыры мѣшки грошы!» А дурень ўсё крычыць. Тады той чалавѣкъ гаворыць: «Я табѣ дамъ ўсѣ сваи цялята, только цихо! ня крычы!» Дурень побраў тады таи чатыры мяшки грошей, прывязаў цялята таи да воза, ўзяў сваю бабу и ужо ѣдзе. Прыѣхаў ёнъ ў Миръ (мѣстечко Новогрудскаго уѣзда, Минской г.) на ярмарку. А тамока продае чалавѣкъ мёдъ; дурень ўзяў сваю бабу зъ воза и поставіў яе коло таго мёду, а губы яе помазаў мёдомъ и ўсадзіў руку яе ў мёдъ. Прыходзиць той чалавѣкъ, што продаваў мёдъ, да якъ дасць той бабѣ по уху, такъ тая баба и повалилася. А дурень ужо крычыць: «Маю матку забіў! Божа шъ мой, маю матку забіў!..» А той чалавѣкъ ужо просиць яго: «Цихо! цихо, ня крычы! я табѣ дамъ чатыры мѣшки грошей; дамъ табѣ ўвесь мой медъ». Дурень ўзяў таи грошы, той медъ и тую бабу и палажыў ўсе на возъ, сѣў самъ и ѣдзе. Одъѣхаўся троха да и скинуў тую бабу зъ воза. Самъ прыѣхаў да дому и гаворыць: «Поглядзице, што я за сваю бабу, за старую зарабіў. Вы, каже, пабійце сваи маладыя, такъ що большъ будзе за вашы». Браты паслухали яго, дурня, пабили сваи жонки, паклали ихъ на возъ и вязуць ужо. Палицейскіе якъ увидзѣли ихъ, злавили ихъ и забираюць ужо ихъ ў вастрогъ.

Прышли ещо адзинъ разъ[1]) яны да дому да и выбираютца,

1) Эта часть, повидимому, изъ другой сказки. *Е. Карскій.*

ў вастрогъ—идуць и дурень идзе зъ ими, ничóго ёнъ ня баитца. Идуць яны ужо доўго и обняла ихъ ночъ цёмная працёмная. Лянь—стаиць хатка на курачьихъ нощцахъ. Зайшли яны ў тую хатку, а ў хатцѣ сѣни зачынены, чалавѣчьей нагой закручены, а хата чалавѣчьей рукой закручена. Ўходзяць яны ў хату, а тамъ вѣдзьма пяче алатки, печъ вымятае чалавѣчьей галавой. Ёна же ихъ чаўствоваць будзе алатками тыми. Разумные ня хóчуць ихъ ѣсць, а дурень наѣўся добре тыхъ аладокъ. Назаўтра рано браты выбираютца ици, а вѣдзьма имъ каже: «Я васъ ня пущу, будзеце цяперъ маи сыны́. Зявяла яна ихъ ў свиронокъ жалѣзный, запéрла ихъ и замкнула дзверъ чалавѣчьей рукой. А ў той свéрнѣ много арѣхоў ляжыць, да и каже имъ вѣдзьма: «Ѣшьце таи арѣхи!» Разумныя брацья ня хочуць ѣсци тыхъ арѣхоў, а дурень дóбро ихъ ѣў и за гэто ёнъ такій жырный зрабіўся. Вѣдзьма ужо ходзиць глядзѣць ихъ што дзень и каторый сытче, такъ яна ужо будзе таго рѣзаць. А той дурный сытче за ўсихъ стаў. Вѣдзьма ўзяла яго, што ёнъ сытче за ўсихъ стаў, прывяла ў хату рѣзаць. Печъ яна напалила, якъ агонь гарачую и мечъ навастрыла. Пасадзила яго на столку и каже яму: «Задзяры тваю галаву́ гэтакъ, о, ўгору!» А дурень вазьме да и спусциць ўнизъ галаву́. Такъ яна яму кольки разоў говóрыць: «Задзяры ўгору!» а ёнъ ўсё ўнизъ пускае галаву. Тады яна гавóрыць: «Пастой, дурень, я табѣ сама покажу!» Енъ ўстаў, а яна сѣла на столку и задзёрла галаву, а ёнъ скарѣй ўзяў касу́ и яе па горлѣ касою да и атрѣзаў ей галаву́. Кинуў ёнъ тады вѣдзьму ў печъ гарачую и печъ зачыніў. Самъ пашоў, братоў сваихъ выпусціў зъ свéрна; ўзяли яны што лѣпшее у яе было и зъѣли, патаму што таи разумные галодные были. Патомъ пашли яны да дому къ дзѣткѣ таму и бабцѣ и доўго харашо жыли.

(Сообщеніе бывшей ученицы VIII класса Виленскаго Маріинск. высш. женск. училища Н. Ивановой. Доставилъ преподаватель г. Дадыкинъ).

---

25. *Минская губ., м. Городище, Новогрудскаго уѣзда.* Наблюденіе производилъ сельскій учитель, уроженецъ того же уѣзда, воспитывавшійся въ Молодечн. учит. семинаріи.

Гласные. Рózумъ, рóспустъ, óцетъ, кóляды, жылéць, чалавѣкъ, пóясъ, месаѣдъ, каледá, доўжѣйшый, легчѣйшый, дужѣйшый, глéдзючы, дрень, дрéнный, кры́шыць (3 л. ед. ч.), чернобрывый, мыю, выю, накрыю, слѣпыйи, злыйи; лоба, рóта, мóху, рóва, ворáчатца; дóброго, рáно, рóдомъ, тагó, па дварý, палажыý, памаладзѣла, маладóга, дýдачка, хóлоду, глыбóкій, сэрце, уздэчка, гэтый, одзёжа и одзежа, падзежъ, крестъ, нéбо, ўмéрла, здзéрла, жéрла, прыбѣгла, прынéсла, éлка, опéнки, клёпки, мёдъ, далёко, прынёсъ, цёмный, чóрный, цéща, мéрзнуць, ведзёмъ, пъецё, несёмъ, несéшъ, моё, твоё, ужó, ещó, ўсё, éсць, далёкій, бѣлёсенькій; ёю, моёю, ўсёю, гнёзда, вёдра, звёзды, мядзвёдокъ, гнѣдый, можемъ, идземъ, печемъ, пóпелъ, вóжыкъ, ожына, лёдъ, лёду, лёнъ — лёну, кáменя, зáецъ — зáйца, вярнúсь, у мянé, вязýць, зялёный, бярý, дзяравяннный, сярабрó; вставáйця, вóсянь, на сúнямъ, вóзяро, мúлянькій, слýхайця, семярыхъ, селязёночка, селянúна, зелянó, гэты рóкъ, дзисятку, пиракúнемся, дзесецú, несúце, середá, шасцярыхъ, жанúтца, чатырóхъ, нащапáў, царкóўный, чырвóный, чырвóнцы, бýдзіець—бýдзіе, шыю, напúся, лію, брыюсь, ещé, табѣ, сабѣ, цанá, бѣдá, лѣсá, дзядáми, ў лѣсѣ; дзвѣсця, ўвúдзяў, увúдзяли, именит. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ, а также въ род. п. единств. ч. жен. рода худыя, пъяныя; гóлка, грацъ, сьци (итти), яéцъ, яéчко, яéшня, хлóпчыки, жывý, шыя, щырый, цыгáнъ, ўмёръ, ўмѣць, ўбóгій, ўбиць, дзира, воробъями, срéбро, верецённица, ўмéрци, здзéрци.

Согласные. Пошóвъ вм. пошолъ, царъ, зарá, рэкá, говорý, сцерóгъ, драць, радъ, бъю, пъю, семъями, голубъ, сыпъ, розяў, семъ, пъяць, мясо, памяць, ўремя, завязъ, пиць, дзѣци, цéмя,

цихо, бу́дзець, дзикій, дзьвѣ, дзьве́ры, дыяконъ, весе́лле, сва́цця и сва́тця, Илля́, бо́жже, судзя́, Дземмя́на, совъю, куффѐ, прохожу́ся, ража́ць, ви́жу, заѣжжа́ць, дощъ, вижжа́ць, о́бчаство, освѣча́ць, одзе́жа, шыць, чыстый, чо́рный, щу́ка, цы́фра, купе́цъ, прошча́й, шчупа́къ, бу́дка, дзѣтъ, опцѣса́ць, бопъ, ла́ўка, лёхкій, бохъ, лю́цкій, зглаць, лѣ́сци, лѣсь, рѣжь, зъ кро́ўю, зъ лѣсомъ, зъ рука́ми, зъ вѣникомъ, зъ мякиной, отъ мене́, отъ рѣчки, отъ лу́га, откинь, отогна́ли, отпра́ўлю, жъ жыда́ми, шъ ша́пки, шъ чо́рнымъ, нау́чысься, доццѣ, фляcцѣ, хто́, нихто́, мя́ккій, про́сицца, зва́цца, помо́шникъ, по́штовацъ, чмель, дузѣ, дзѣўцѣ, стрѣсѣ, ў поро́зѣ, рутцѣ—руццѣ́, рѣццѣ, сяго́ння, нивбо́дзинъ, восень, возеро, ву́лица, вуцица, паву́къ, сподзѣва́цца, ге́тый—гэ́тый, гужъ, ужъ, вужъ, Гале́на, ў ёмъ, на ёй, за ёю; по́зно, жа́лосный, сла́ци посце́ль, ка́жа, ко́ни вм. коній, до́бры вм. до́брый, си́ни вм. синій; потъ-не́цотъ, до́шка, скрозь, слобода, ску́сный, знисто́жыць, Пилиппъ, Осипъ, Апанасъ, Текля, картопля, охво́та, вышыня́, доўжыня́, шырыня́, клопоты, корогодъ, бра́ційки.

Удареніе. Аржа́ный, балова́ць, ед. чис. 1 л. я ба́лую, ты ба́луешъ, пов. накл. ты ба́луй, вы ба́луйце, прош. ба́ловаў, ба́цькоўщына, блискави́ца, бра́тацца, ед. чис. 1 л. я бра́туюсь, ты -есься; пов. накл. бра́туйся, ўсты́дзиць — ед. ч. 1 л. встыдзу́, пов. накл. ты встыдзи́, вы встыдзи́це, дороговизна, дочка́ — до́чокъ, дру́каръ — друкаре́й, дума́ (напр. городска́я), -ы́, -у́, душа́—душу́, ду́шы, душъ, вы́няць — я выму, ты вымешъ, пов. накл. ты вы́ми, вы вы́мице, прыле́гци, я прылягу, ты прыляжешъ, повел. накл. ты прыляшъ, вы прыляшце, реўци, я реву, ты ревешъ, повел. наклон. ты реви, вы ревице, слегци, я слягу, ты сляжешъ, повел. накл. ты сляшъ, вы сляшце, смали́ць, я смалю́, ты сма́лишъ; повелит. накл. ты смали́, вы смалице, сапци́, я сапу́, стра́шыць, я стра́шу, сха́пнуць пов. накл. ты сха́пни, вы схапни́це, улаго́дзиць.

Суффиксы. Лѣпѣй, лѣпшъ, лѣпшый, го́ршый, ме́ньшый, ме́

нѣй, бóлѣй, найлѣпшый, найгóршый, роўцú, сопцú, хропцú, цéрци, ўмéрци, погýливаць, расхваливаць, колú, докýль, покýль, откýль, оттýль, тогды́, куды́, туды́, кудóю, тудóю, сюдóю, лежмá, дáрма, дармá и дармó, вéльми, цяпéрека, тýтока, гóдзи, нимáшака, догоры́, стóрчма, лѣтось, о дóмѣ, о хлѣбѣ.

Склоненія. Род. и винит. татка, дзядзька и татку, дзядзьку; гусь муж. род., слуга и сóбака женск. рода, конóпля, óблако, линъ, полы́нъ, я́блыко, дзьвѣ сялѣ́, тры — четыре бядзѣ́, сялѣ́; дзьвярьі́ма, плячы́ма, очы́ма, слязы́ма, ногáма; вúдзѣў вóўка, зарѣзаў пѣтухá, мáе рубля, пасцú волы́, доúць корóвы, хвалю нáши жанкé; звательный — сы́нку; въ родительномъ единств.: мёду, дзёгцю, пяскý, оўсу; ў лѣсѣ; им. мн.: жанцé, косцé, мужыкé, облакé, сваты́, паны́, чéрци, сусѣ́дзи, гóни, цыганы́; род. п.: солдáтоў, 5 аршы́ноў, мѣщáнъ, татáръ, рогъ и рогóў, комарéй, грóши; тв. п. грóшмú, кóньми, ключьмú; солоўя́мы, вядзéркамы; звательный—мáтко, мáмо; тв. п. жóнкой, дорóгой; во множ. числѣ: жанкé, дзяўкé; въ творительномъ — слезьми, свúньми, шы́йми, творительный—кóсцею и кóсьцю, нóчею, сяньмú, дзяцьмú; жеребя́, порося́, щеня́, воучá, коценя́, паня́, зерня́, -я́ци; табѣ́, сабѣ́; дат. п. менѣ́; той, тáя, тóе; творительный—тымъ; род. ж. р. тыé и ты́я, тыи; тою, гэтый, кáжный; родительный женск.— маé, тваé, сваé, моú, своú; въ именительномъ множ.—маѣ́, тваѣ́, сваѣ́; нашый, -ая, -ае, вашый, -ая, -ае, ёнъ, янá, янó; родительный женскаго рода—яе; творительный женскаго рода—ёю, ёй; именительный множ.—яны́; по ёмъ, по ёй; што, чаго жъ, чымъ; им. ед. ўсей; творительный муж. ўсимъ, во множ. числѣ ўсѣ, ўсѣхъ; одзинъ; творительный одны́мъ; одны́; р. п. ед. ч. ж. р. — одной, множ. ч. р. п.— одныхъ, д. п.— ымъ, в. п.— ы, твор.— ыми, пред.— ыхъ; склон. слова ниводзинъ, р. п. ед. ч.— ниводнаго, д. п.—ниводному, вин.—ого, твор.—ымъ, пред.—омъ, мн. чис. им. — ыя, род. — ыхъ, дат. — ымъ, вин. — ые, твор. — ыми, пред.—ыхъ; два—дзьвѣ, двухъ, двумъ, двумá, дзьвёхъ, дзьвёмъ; трымá, чатырмá; пяцёхъ, шасцёхъ, дваццацёхъ человѣ́къ, пя-

цёмъ, шасцёмъ, дваццацёмъ человѣкамъ, пяцьма́, шасцьма́, дваццацьма́ человѣками, одзина́нцаць, двана́нцаць, пятна́нцаць, дзе́вяцьдесятъ; пе́ршый, дру́гій, сёмый; род. ед. новые хаты, молодыя; на сивы́мъ конику, ў сусѣднемъ по́лю; во множ. числѣ именительный—до́брые, синіе.

Спряженіе. Во 2-мъ лицѣ -си имѣютъ только ѣси́ и даси́, въ 3-мъ лицѣ: несе, дае, робиць, спиць, лежиць, даѐ, берѐ; несемъ, хвалимъ, но дамо́, ѣмо́, сѣдзимо́; въ 1-мъ лицѣ множ. повелительнаго — мо: уцека́ймо, ѣ́жмо; дѣеприч. на -учи и -ючи: глядзючы́, про́сючы, завиду́щый, загребу́щый, нёсшы, да́ўшы, цві́ўшы; иццѝ, исцѝ, йшо́ў, ѣ́сци, па́свиць, па́свіў, грапцѝ, сапсцѝ, храпцѝ, бѣ́гци, помогцѝ, повелит. поможѝ, дзьму́, дзьмешъ, вы́няць, вы́му, ўме́рци, зде́рци, мѣць, ма́ю, мѣ́ў; ку́пимо, ку́пице, спимо́, спице́ или спимъ, спи́це; бѣ́гчы, бѣжу́, бѣжымо́, бѣжыце́, бѣгу́ць, бёхъ, бѣ́гла, бѣ́гло; гнаць — жену́, женёшъ, женѝ, отженя́й; дзе́рци; дамъ, даси́, дасць, дамо́, дадзи́мъ, дасце́, дадзице́, даду́ць; ѣжъ, ѣ́жце; есць; бу́ду несцѝ, бу́ду хвали́ць.

(Сообщеніе Андрея Лещинскаго).

---

26. *Витебская* г., *Могильнянская* волость, *Себежскаго* уѣзда (въ 35 в. отъ уѣзднаго города). Наблюденіе производилъ учитель народн. учил., уроженецъ Могилевск. губ. Сѣнн. уѣзда.

Наблюдателемъ сдѣлано замѣчаніе: «Вообще нарѣчіе жителей скорѣе великорусское, чѣмъ бѣлорусское».

Гласные. Розумъ, кождый, дуброва, штоники, пётны (пятна), пако́тица, пасо́дитъ, падо́римъ, выда, трыва, нымачился, чилавѣкъ, цыря, зыря и т. д., разсыпылся, распакылся, разбѣгылся. «Примѣч. къ 1 пункту § 4-го. Приставки, имѣющія а, о, звучатъ съ бук. «ы»: пыднялся, ныдырвался, нырвался, рызы-

грался; но въ словахъ: «панесъ, пакинулъ, падыметь (онъ)» произносится «а». Калидá, идранóя, инá, мисаѣдъ, пѣснимн, стучѣло, застучѣло, широчѣйшій, легчѣйшій, дрень, дрéнный, «шматьтя»; слялэй, залатэй, другей; чернобрывый, мыю, выю, накрыю, удваивать, устраивать, зарабáтывать; но—унавоживать, вырáчицца (ворочаться). § 8. п. 1 и 2. Въ подобныхъ случаяхъ «о» произносится, какъ «а» или «ы»: гылыва, арѣхъ, рана (рано), окончаніе твор. падежа «омъ» замѣняется «ымъ»: родымъ, домымъ, ножимъ, носымъ; но если удареніе стоитъ на окончаніи, тогда оканчивается на «омъ»: тапаромъ, атцомъ. Окончаніе «аго» и «ого» замѣн. «ыга»: добрыга, милыга». Блыхá, глыбóкій, глытáць, дрыжáць, сыкатáць, вылачóбники, вырытá, сѣтычка, мыладэ́й, зылытáя, сыхá, двырá, по сахў; кувáць, хувáць, сувáць, снувáць; шáпынька, дурукá, гусукá, рукувá, подъ грўшкуй, съ мáткуй. Безударное «о» замѣняется «и» только въ словѣ «истрить»; пóпилъ (пепелъ), «мижда» двухъ нивъ; ильду, ильну, но «на льду, на льну», заицъ — зайца, каминь — камня. Неударяемое «е» замѣняется всегда «я», «и»: зимля, систра, сирябро, титярюкъ, нидѣля, типерь, вѣтиръ, миня, тибя, дисяти́, няси́тя, сиридá, вприряди, вирста, сярёдка. Въ большинствѣ случаевъ слышно «и»: чилавѣкъ, читырехъ, чирвоный, чирвонцы, но царкóўный; вырабей, сылавей, лью, шью, броюсь. Предложный падежъ вмѣсто «ѣ» выговаривается съ «и»: въ роти, въ лѣси, на дериви, на поли; но — въ избѣ, въ трубѣ, въ рукѣ. Ѣ безъ ударенія произносится какъ «и», «ы» — рика, цына, бида, увидили. Прилагательныя во множ. числѣ всегда оканчиваются на «іи», «ыи»: синіи, хорошіи, гулубыи. Троéцкій; збирáлися, заливáетца, умирáеть; зайграть, на йимя Божія, найшелъ, за йголкой; зыйшлá, обыйшлá; мужуки́; такéй, кривэ́й; ўмёръ, ўмѣть, ўбóгій, ўбить; превкрасный; зáмыжъ, быдто; опохнить. На мѣсто «у» ставится «і», «ы»—всякыю, Божію, хвиснылъ (свистнулъ). Ня'ткажи, жáв'ронокъ, ня'тдаёшь, мойгó, твойгó, свойгó, моймў, твоймў, своймў, черóтъ, за'дно, за'блоки; апаслѣднему, альняный, ирвáць, игрўши.

Согласные: Унукъ, улѣзъ, узялъ, но за ўнукомъ, ня ўлѣзъ, ни ўзялъ, ўвесь, ўвъ абхвати, увыйшолъ. «Р» произносится такъ, какъ слѣдуетъ, исключая слова «сахарь и знахарь». Бью, пъю, шъю, убъю, голубъ, прорубъ, сыпъ, кровъ, церковъ, семъ. «Въ рѣчи мѣстныхъ жителей едва можно замѣтить послѣ «д» букву «з»; но «д» въ нѣкоторыхъ случаяхъ смягчается: Дьвина, дьвери, дьвѣ». Буква «щ» произносится, какъ удвоенное «ш»: прошшай, пришшурилъ глазъ, пришшепъ; горатъ, порóхъ, дрошь, зупъ, гушъ. «В» не замѣняется буквой «ф»: дровъ, церковь, сыновъ; зъ Богомъ, зъ дубомъ; шъ шапку, шъ чилавѣкымъ, шъ щукуй, «атадьвинулъ атъ тибя»; наўчисься; зъѣсьць, цьвѣтъ, зьвѣзда, земълю, серебъряная, щепъки, прóситца, звáтца, помóшникъ, пóштовацъ, щамéль. Говорятъ: аннэй, сырэй, но чаще: «оннóй (одной), сырой, слѣпой», аннá, повнялъ (поднялъ), (рыння́ родня) и т. д., амманъ, аммачилъ (обмочилъ); но не говорятъ: дамно, мнукъ. Замѣчательно «д» въ словѣ пондравился (понравился). Буква «ч» женщинами и дѣтьми произносится, какъ «ц»: пець, богацъ, цаго (чего). Мужчины, напротивъ, наслушавшись въ СПБ. на заработкахъ грамотныхъ людей, неумѣстно изъ подражанія «ц» замѣняютъ буквой «ч»: чарь, черква, чыганъ. Скрозь и сквозь, скўсный. На мѣстѣ «ф» и «ѳ» въ рѣдкихъ случаяхъ слышится «х»: Хилиппъ, Хролъ. Тыварышшъ, гаршокъ, дыска, начлекъ, вѣчный, зыпрятить, мыстярить, дайжа (даже), мынастырь, мидьвѣдь, бярлога, картошка, сымать, рынняя (родня), черисъ, тясовый, уништожить, сирéбрянныи, комныта, зьвѣзды, сонца, Микита.

Удареніе. Въ нашей мѣстности родительный падежъ ед. числа женскаго рода всегда оканчивается на «ѣ», «и»: «принёсъ вадѣ́», «астался безъ капусти». Глаголы прошедшаго времени въ жен. и сред. родахъ имѣютъ одинаковыя окончанія «ла»: «пóля пакрылась». Прилагательныя во множ. числѣ жен. и ср. родовъ оканчиваются на «іи», «ыи»: красныи нитки, синіи цьвяты, далёкіи мясты́. Аржаны́й, аржанóя, аржаны́и; бáбухна (род. пад. ба-

бухнѣ), балва́нъ, балвана́, балваны́, балвано́въ; баловни́къ, баловни́ка, баловни́ки, баловнико́въ; бе́регъ, береги́, бе́рега, берего́въ; барада, р. п. барадѣ́, баро́ды, баро́дъ; бра́тацца—я бра́таюсь, ты бра́таишься, бра́тайся, бра́тался, ж. и ср. родъ бра́талася; бу́да, р. пад. будѣ, бу́ды, будъ; ве́рба, ве́рбѣ, ве́рбы, вербъ; выда́, вадѣ́, во́ды, водъ; волкъ, волка́, валки́, валко́въ; войска́, войскъ; варо́ты, варо́тъ; у́да, утъ; род. пад. ед. чис. у́ди, удавъё, удавъёвъ; видра́ми; виха́, вихѣ́; гво́здики; глыбѣ́й, глыбжи; гылыва, гылавѣ́, гало́вы, гало́въ; гыварю, гаво́ришь, гаво́рить; гыра́, го́ры; горытъ, гырады́; гырячо́; гыспыда, гаспотъ; грида́, грядѣ́, гря́ды, грятъ; губа́, губѣ́, гу́бы, гупъ; дяшёвый, дяшевыя (ед. ч. для ж. и ср. рода); дяшёвыи; дылато́, дало́ты; дычка́, дачкѣ́, до́чки, дачо́къ; дума́, думѣ́, ду́мы; духъ, ду́ха, духи́, духо́въ, душа́, душѣ́, ду́ши; зыба́вна; заво́дъ, за́гвыстка, за́гвысткывъ; за́пыхъ; за́пысты, за́пыстовъ; за́щелка; Зьми́тра; кури́ца, ку́рицы, ку́ры, куре́й; ма́лая, ма́лый; сред. род. «малыя по́ля», (множ. чис.) малыи; ни ды чаво́; панъ, па́на; паны́, пано́въ; пыса́тка; пасу́дина; по́тымъ таго. Ви́лы, ни́вы, на нива́хъ, на вила́хъ; со́колъ; стрѣла́; тво́рыгъ; то́лстый; у́гыль; хо́ладна; тесть, тестя́; шилавли́вый; языки́ (въ значеніи сплетенъ и органа тѣла). Рѣчь вообще протяжна на послѣднихъ слогахъ въ предложеніяхъ, просьбахъ, указаніяхъ; быстра въ отвѣтахъ и спорѣ, когда не выражаетъ подражанія голосу противника.

Суффиксы. Зимляни́ца, брусни́ца; сталю́къ, сяврю́къ (вѣтеръ); дружи́ща, парни́ща; партни́ха, капыли́ха; аси́на, дуби́на; пасту́хъ, трябу́хъ; но́чинька, зо́ринька; сямёрка, восьмёрка; нави́зна, стари́зна; слипота́, глухыта́; бабу́ся, Ануся; дяду́синька, малю́синькій; кану́рка, дачу́рка; матушка, каро́вушка; стукытня́, тылкытня́; копю́га, бычу́га; добрый —добрѣй; злый — злѣй; великій—большій; малый—меньшій; скоро—скорѣй; многій—бо́ли; гладоши, сладоши, мякоши. Въ подобныхъ словахъ всегда срав. степень оканчивается на «оши». Въ превосход. степени въ рѣдкихъ случаяхъ употреб. «най»: найдабрѣйшій; чаще употреб.

«раз» и «при» разудалый, привкрасный; ѣсцьки, пицьки, спа́цьки, ѣсциньки (-тынки), пиценьки, спа́ценьки, спа́тки, ѣстки, танцува́ци, скува́ць, годува́ць, плюва́ць; превосход. степень образуется чрезъ приставку «на»: налуччій. Глаголы многократнаго вида выражаются суффиксомъ: «ыва», «ива»: рысхаживать, подбрыкывать, пыглядывать, пакручивать; коли́, ўсюдыхъ, лежма́, да́рма, дамбо́ў, дало́ў, дамбо́ўки, ми́жда, тяпе́река, ту́тока, та́мытьки, сидить конецъ стола, нибы́тто, соўси́мъ, лѣтось, долгавязый, криваносый, прыстадушный, дрывасѣкъ.

Склоненія. Р. и в. падежи: татки, дядьки; гусь муж. рода, два стола́, четыре стола́; дьвѣ ха́ты, руки́, наги́, четыре бядѣ́. «Родительный падежъ въ им. существительныхъ женскаго рода замѣн. дательнымъ и наоборотъ — дательный родительнымъ: «три нагѣ», «принесъ вадѣ», «нѣтъ травѣ», «плыву по вады». Слова собирательныя вм. мн. ч. употребляются и согласуются въ муж. родѣ (согласованія въ сущности указать и нельзя, такъ какъ имена прилагат. всѣхъ род. во множ. числѣ оканчив. на іи, ыи). Зв. п. Данила, батюшка, Пётра. Прощай братки. Въ лѣ́си и въ лѣсу́, въ хлѣ́ви и въ хлѣву́, на лугу́. Сваты, паны, браты. Черти, сусѣди и т. п. Именительный мн. ч. на -а́: дома́, цвѣта́, города́; сред. родъ всегда оканчив. на «ы»: о́кны, сте́клы, зёрны. Въ родительномъ множ.: мѣща́нь, крестья́нь, ко́ній. Слова на -ръ имѣютъ род. п. на -ровъ. Един. случай дат. мн. на ёмъ: стибанулъ по глазёмъ. Твор. падежъ замѣн. дательнымъ: работаю рукамъ, ѣмъ зубамъ, гляжу глызя́мъ. Предложн. падежъ часто оканч. на «ёхъ»: на моихъ глазёхъ. Дат. и пред. падежи ед. ч. всегда имѣютъ окончаніе «и», «ы»: шапка на галавы́, ударилъ по руки́, на пиви, на поли. Творит. падежъ ж. р. един. числа имѣетъ кромѣ «ой» окончаніе «уй»: за хатуй, съ маткуй. Сяньми́, дзяцьми. Имените́льный множ. — бро́вы. Родительный ед. дни. Предложный — на дни́. Въ дательн. падежѣ: табѣ, сабѣ, цибѣ́, сибѣ́. Той, та́я, то́е; родительный — тово́; творительный и предложный: тымъ, ў томъ; родительный,

дательный, творительный и предложный ж. р.—тэй; кождый; хто, тв.—кимъ. «Мѣстоименіе «хто» въ вопросахъ вытѣснило совершенно мѣстоименіе «что»: «Каво ты ясй?», «Каво ты кинылъ?», «Каво надѣлъ?». Родит. падежъ: майго, твайго, свайго. Дательный: майму — маей, твайму — тваей, свайму — сваей; ёнъ, яно́, ина́; родительный женскаго—іе; творительный—ёй; именительный множ.—яны́; винительный женскаго р. единств. ч. сходенъ съ родительнымъ; предложный: по нёмъ, по ёй; што, чаво, чимъ; ницо́гъ вм. ничего; чій, нѣчій удерживаютъ свое і; родительный п. женскаго р.—чіей. Мѣстоименіе весь имѣетъ именительный п.—ўсей; родительный женск.—ўсёй; творительный мужеск.—ўсимъ; во множ. числѣ—ўси, ўсихъ и ўсѣ, ўсихъ. Вмѣсто «его» употребляютъ: евонный, евонная, ейный, ейная; ихный. Творительный п. — однымъ, такъ и предложный; родит. женск. — однэй, и.—адны, р.—адныхъ. д.—аднымъ, т. — аднымъ (рукамъ работаю), п. — абъ адныхъ; и. — ниводинъ, р. — ня̀днаво, д. — ня̀днаму, т.—ня̀днымъ, п.—ни абъ аднымъ и ни абъ аннымъ; двухъ, двумъ, двума́, дьвюхъ, дьвюмъ, дьвюма́, трима́; двойко, тройко, чётверко, пятерко, шéстерко, сéмерко; яны́ обое; купленая земля дырыгая, а надѣльныя дырмывая. На́ша по́ля апширныя. Нашъ попъ молодый, его вусъ золотый. Си́ня мо́ря, ворона́ коня́, добру молойчику, буйны вѣтры, дробны звѣзды; именительный п. мужескаго р.: святэй, молодэй, дорогей; женскій и средній родъ: -ая, -оя; въ родительномъ единств. ч. всегда: ова, ива, ыва; винительный женскаго—сподніи. На сивымъ конику, ў сусѣднимъ полю. Именительный падежъ множ.: -ыи, -іи добрыи, синіи).

Спряженіе. Глаголы въ 3 лицѣ ед. числа настоящаго времени всегда оканчиваются на «ць»[1]) безъ всякаго измѣненія. Во 2-мъ лицѣ -си имѣютъ только ѣси и даси; множ. чис. пишитя, зна́итя, гуля́итя, живитѐ, неситѐ, кличитѐ. 3 лицо множ. числа

1) Интересно, что авторъ вездѣ обыкновенно избѣгаетъ дз и ц мягкихъ, а здѣсь пишетъ -ць. Также ниже -уць, -юць, -аць, -яць, -ци. *Е. Карскій.*

всегда оканчиваются на «уць», «юць»: нясу́ць, бягу́ть, рявуть; оконч. «аць», «яць» только возможно подъ удареніемъ: блища́ть, боронять. Неопред. накл. оканчив. на «ц» (чь тоже выговаривается «ць» напримѣръ: сѣць, лець). Въ рѣдкихъ случаяхъ замѣтно «ци»: нясци́, плясци́. Всегда «и»: гуля́ишь, зна́ишь; «е» употреб. подъ удареніемъ: прядешь, жгешь. Дѣепричастія настоящаго вр. оканч. на «уци», «юци»: знаюци; прошедш. вр. дѣепричастія нерѣдко, кромѣ «вши», оканчив. на «лши»: зналши, видалши. Къ ѣхаць повелит. будетъ ѣць; къ иду́ неопр. ицци́, бываетъ ици́ць; прошедш. вр.—йшбу́; неопредѣленное къ ѣмъ—ѣсць или ѣсь; вы́няць, вы́йму, у́мерци, здѐрци. Къ глаголу мѣць настоящее мѣю, прош. мѣу́; бѣжать неопредѣленное бѣчь, настоящее бѣжу́, бѣжицѐ, бѣгла, бѣгло; ѣжь, ѣжце; есць; будущее: бу́ду несци́, бу́ду хвали́ць. «Мировая судьба», и даже «Становая пристава». Адоныкъ (сложенная куча сѣна или снопов).

Образецъ рѣчи. Притча, разсказанная о неудобствѣ частой смѣны волостныхъ писарей.

У даро́ги ба́ринъ рызсярди́лся на свайго́ слугу́ — лаке́я и, разьдѣлши, го́лыва привиза́лъ къ алѐшини. Еэта[1]) дѣла було́ падъ ве́чиръ на за́хытъ со́нца. Въ лѣтнію пару́, зьвѣсна, апступи́ли яво кымары́. Дыва́й ёнъ у слѣтъ кричать: «Ба́ринъ ми́лысьливый! атпусти́; Христосъ жа (Ей Богу), ня бу́ду тибѣ́ бо́льши злить. Вярнулся панъ, ды ня'твя́зываиць, а то́льки кымаровъ згыня́иць. Лакей яму: «Зацимъ е́тыхъ, што вжё ныпили́си, гонишь, а то другіи ныли́тѣли и ящё бальнѣ́й зыкуса́ли. Есьли льзя (можно), пускай ужо́ ста́рыи напъюцца, напи́вшись яны пириста́нуць кусати.

(Сообщеніе Ф. Колотовкина).

---

1) Такъ въ оригиналѣ. Вѣроятно вм. jéta. *Е. Карскій.*

27. *Витебская* губ., м. *Орѣховно*, *Лепельскаго* уѣзда.

Наблюдатель—уроженецъ с. Орѣховна, получилъ образованіе въ духовномъ училищѣ и семинаріи, по окончаніи коей былъ псаломщикомъ Черствянской церкви (Леп. у.), затѣмъ — учителемъ Зачернянской с.-х. школы, учителемъ ц.-пр. училища при Марковомъ монастырѣ и въ настоящее время состоитъ учителемъ Орѣховскаго народнаго училища. Разстояніе до губерн. города отъ м. Орѣховно 135 верстъ, до уѣзднаго 71 в. Населеніе мѣстечка и окрестныхъ деревень — коренные бѣлоруссы. Оно сильно перемѣшалось съ мѣстной шляхтой. Шляхта представляетъ собой отжившихъ свое время «пановъ». «Паны» эти владѣютъ небольшими фольварками (десятинъ 12—20—40), или состоятъ на арендѣ у мѣстныхъ богачей. Крестьяне находятся подъ сильнымъ вліяніемъ шляхты, и это вліяніе сказывается какъ во внѣшнемъ образѣ жизни (одежда, жилище) и нарѣчіи, такъ особенно въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Большинство крестьянъ, деревни которыхъ прилегаютъ къ костеламъ, никогда не бываетъ въ православныхъ церквахъ, а тѣ, которые состоятъ половинщиками и работниками, сами превращаютъ свой внѣшній видъ въ «панскій», и прочіе обыватели нерѣдко недоумѣваютъ: «ти гэта самъ панъ, ти у пана служить».

Гласные. По разговорной рѣчи крестьянки (62 л.): рóзумъ, дубрóва, кожный и кажи́ный, зрóбъ, ободвы; запрóгъ, отпрóгъ; покотицца; намачи́лися, засыпа́емъ, узра́довалися; расплакалася, зъ дѣтками; пая́съ, гляди́, выглядаить, даўжѣйшій, лягчѣйшій. Мѣстоим. тотъ произносится своеобразно: тый, тая, тое, числит. «одинъ»—род. и дат. жен. рода однэй («однэй табѣ»), прилагательныя оканчиваются всегда на «ый»—слѣпы́й и проч. Случаевъ пе-

рехода «о» въ «ы» не наблюдалось. Окончанія «ыю» (въ глаголахъ) и «ый» (въ прилагательныхъ) остаются всегда безъ измѣненій: «мыю» и проч. Выпаденіе гласной [1]) въ нашей мѣстности не бываетъ: лобъ — лоба, роў — рóва. § 7 п. 8. Слова весьма рѣдко употребляемыя, за исключеніемъ развѣ слова «покáшивать». Слово «ýголь» произносятъ «вугáль», вм. ворочаться говорятъ «ворóчатца». Галавá, арѣ́хъ, дóбрага, рáна, милага, памаладѣ́ла, хóладу; сыкатать, сувáть, снувáть, истрить; гэный и етый, спасенне и спасэ́ннс. Введенне, Срѣтення; сѐлы, хрестъ и крышъ; умѐрла, жóрла и жрáла, нажóрлася и нажралася, прыбѣ́гла, опѐнки, темныи, дешево, тёща, мѐрзнуть, ведѐмъ, веземъ, несѐмъ, несѐшь, ёсть, бѣлюсенькій; ѐю, моѐю, своѐю, ўсѐю; ей, моѐй, своей, усей; гнёзды, ведры, мядведокъ, гняды́й, идемъ, ёжикъ и вожикъ. Мижи. Мижи пановъ покачáисся и панства нахватаисся. Лёдъ—лёду, лёнъ—лёну, кáменя, пшаница, титярукъ, вярнися, вязуть, зяленый, возиро, кукуить, вѣтиръ, тибѣ, чирвóный, чирвонцы́; вирабей, салавей, муравей, свинней, брыюся, у лѣси, бидá, лисá (=лѣса). Въ окончаніи имен. п. множ. числа для всѣхъ родовъ всегда наблюдалось только «ыи»: «худыи бабы, пьяныи мужики». Станцая, истеный, яецъ, троѐцкій, умираить, сядѣ́ть, дитя́тко. Послѣ шипящихъ вмѣсто «и» всегда слышится «ы» и какихъ-либо смягченій нельзя уловить какъ послѣ ч и щ, такъ равно и послѣ ж и ш. «Жыто — щытъ, чынъ — шыло». Преобладающимъ наблюдается произношеніе «зыйшла» и проч., хотя иногда «й» совсѣмъ выбрасывается. Въ тѣхъ случаяхъ, когда гласный у безъ ударенія, передъ нимъ бываетъ слышно иногда «в» — вурчить (урчитъ)—собака вурчить (въ смыслѣ рычитъ), а также и при удареніи: вумница, вусны (уста), вутка; бытта; дира, диравый. «Я пролѣзъ прозъ (черезъ) дирку». Маланния. Веробѐй, веробъи́ха, сирабро и рѣдко сребро, виратѐнница, солоткій, умерти; ня'ткажи, братка, свайго дару Боскаго (Божьяго), бо гэткій человѣкъ завсегды отъ Бога знайдить и

1) Конечно только въ нижеприведенныхъ словахъ. *Е. К.*

люди похвалють. Послѣ предлога «на» говорятъ (§ 30): «на аганёкъ», на городѣ, черотъ — «до тебе черотъ дойшбу», за̓дно съ тобой. Послѣ предлоговъ, оканчивающихся на гласную—гласная слѣдующаго слова или выпадаетъ или требуетъ буквы «в» (на вусы, на воси (оси), на вумъ (умъ), за вутку (утку)). Приставки гласныхъ: илгешь, апаслѣдній, аржаный, иржать, иржа, ирвать, игруши, истужки, искусный.

Согласные. Согласный «в» переходитъ въ «у» безразлично, стоитъ ли въ началѣ или послѣ гласнаго. Приходится только наблюдать произношеніе «у» какъ «ув», впрочемъ такое сочетаніе замѣтно больше всего въ словѣ «удова» (увдова), у мѣхъ (увмѣхъ). Во многихъ случаяхъ приходится констатировать переходъ «л» въ «ў», особенно у старыхъ людей, а у молодежи слышится и «в» и «ў». § 35. «Мягкаго окончанія у насъ никогда не слышно: царъ, зара, рака, говору, стеро́гъ». Звукъ «г» всегда произносится какъ «h» въ началѣ слова, а въ концѣ всегда слышится «х». Въ нашей мѣстности звукъ «дз» почти не слышенъ, а равно «ц» вм. «т» мягкаго [1]). Такимъ образомъ у насъ говорятъ: дяды, будить, дяўчина, дявоцкій, нядѣля; звукъ же «д» иногда смягчается: дьвери, дьвѣ. Слово дьяконъ произносится: «дыяканъ». Судьдя. Это слово употребляется въ женскомъ р.: мировая судьдя. У насъ говорятъ: свѣчка, отвѣчать, вобчаства, освѣщать; одежа, шыть, чыстый, чорный, прощай, щука. § 42. Буква «щ» въ произношеніи не видоизмѣняется. Дѣтъ, оптесать, бопъ, лѣсти, снидания (завтракъ), дацці́ (дочкѣ), могилёўскій, зъѣсьть, по́тчивать и пошто̀вать; вялі́конню, сяго́ння, восень, возеро, ву́мъ, ву́лица, вуцица, вось, паву́къ, злось, шесь, чесь, ѣсь, дась, прясь, ми́лось, чатьве́рхъ, или че́тверъ, «на пи́»; скрозь и сквозь, слобо́да, слободный, скусный. Пилипъ, Язэ́пъ (Во́синъ, Юзэ́пъ, Ёска, Юзю́къ), Хлоръ, Панасъ (Апанасъ), Тэ́кля, Тумашъ, Тодаръ (Хведаръ). Вообще имена мужск. и женск. коверкаются и

1) Слишкомъ рѣшительное утвержденіе. *Е. К.*

произносятся иногда совершенно своеобразно. Различіе въ именахъ одного и того же святого бываетъ иногда настолько велико, что весь околотокъ не соглашается, напр., признать тожественность имени: Іерофей и Варантэ́й, Антропъ — Вантро́ба, Илля—Галіяшъ (Виліяшъ тоже), Елисавета—Альжбета, Климъ—Климята, Розалія—Ружа, Софія—Зося, Евфросинія—Прузына. Хвала—хула. Такъ, говорятъ: хула табѣ, Божа, что наша удалося. Охота—ахво́та. Товарышъ, дошка, нашлехъ, вѣшный, полутшало, харобрый, курганъ, мядьвѣть, бярлога, бульба (картошка тоже), знимать, родня, вяликоння, чиризъ (сквозь, скрозь тоже), знiштожить, талерка, слонца, шѣрый, шабля, архирей, Барбара, Микола, Микита; женьскій, стюденый; хрестъ, хрыстицца, клопоты, конопель — колопе́нь.

Склоненія. Мой собака; колопни, -ей (конопля). Отъ стады отбилася; вочми; у штано́хъ не усѣдишь; у гостёхъ, у людёхъ; камень, каменя; хула табѣ Божа; явоный, ая, ая. Зъ ёй, ей; имъ, по имъ; што, чаго, чаму, што, чимъ, объ чимъ; ничёго; чій, чійго, чійму; ничій; увесь, увся, увсяго, увсей, увсяму, увсей, увсимъ, увсей; аба всимъ, аба всей; абъ аднымъ, объ аднэ́й; одны, одныхъ, однымъ; одными, абъ аныхъ; ниводинъ; абадва, абѣдви; абадвыхъ, абѣдьвихъ; абадвамъ, абѣдьвимъ; тры—чатыры; трыма—чатырма; у пятёхъ, у шастёхъ, у дватцатеро́хъ, у трыццатёхъ, у сарако́хъ, пятимъ, шастимъ, двадцатимъ; пятьми, шастьми, двадцатьми; одинанцать, двананцать, пятнанцать, дьвяносто, дьвяноста, дьвяносту; яны аббі; гэтый шляхтицъ низграбный.

Спряженіе. нясе́ть, дае́ть; ро́бить, спи́ть, ляжи́ть; отдась, ѣсь, несуть, хвалють. Окончанія всегда «-ють», а во 2-мъ спр. «ять». Неопредѣленное по преимуществу ти, ть; тьвитѣли.

(Сообщеніе А. Пщелки).

---

28. Деревня *Черней Себежскаго* уѣзда *Витебской* губ., въ 4 верстахъ отъ уѣзднаго города.

Наблюдатель—учитель народнаго училища, окончившій духовную семинарію.

Гласные. «Ро́зумъ, дубро́ва». «Што́ники». Запро́гъ и запрёгъ. Поко́цицца, подо́римъ, посо́дзимъ. Подзя́куваў, послу́хаў. Безъ ударенія *я* произносится какъ *и*: по́исъ, ма́слиница, мисаѣдъ, калида́, выглида́иць, пѣ́сними и т. п.; но въ словахъ гляди́ *я* сохраняется. Широчѣ́йшій, доўжѣ́йшій, легчѣ́йшій, дужѣ́йшій, дре́нь, дре́нный; говорятъ: поглидзѣ́ць, ты́сицкій. Звукъ *э* вмѣсто *о* употребляется только въ словахъ: однэ́й, тэй, золотэ́й, сляпэ́й, друге́й—род. п. жен. р. Мы́ю, вы́ю, кры́ю, злы́й, слѣпы́й употребляются. Ло́ба и лоба́, ро́та и ро́ту, мо́ху, рову (род. пад.). удво́иваць, унаво́живаць, но «пока́шиваць». Уга́ль, мн. ч. уга́лля. Таго́, на двару́, тапары́, палажіў, пamaладзѣ́ла; ра́на, маладо́га, но́вага, ду́дычка, бы́страй, по́выдамъ. По́лымя, крыви́, здрыгану́лися, глыбо́кій, дрыжа́ць; но «блаха́, глата́ць» (вм. о—а). Истри́ць; игаро́дъ (огоро́дъ), игуре́цъ (огурецъ). Гэ́тотъ, уздэ́чка. Одёжа и одзёжа, падзёжъ; хре́стъ, не́бо; прибѣ́гла, опе́нки, дзе́шево и дзёшево, це́ща и цёща, ме́рзнуць, 3 л. ед. ме́рзниць, мн. ме́рзнуць, ведзёмъ, пье́це и пьецё, несёмъ, несёшь, ещо́ и еще́, усе́, ёсць, далёкій, надзе́жа (надежда). Звёзды и звѣзды. Ёжикъ и во́жикъ, ажавина. Вмѣсто «между» говорятъ «мижь»: мижь собой, ми́жи горъ, про́мижь людзе́й. Лёду, лёну. Е, предшествующее ударенію, переходитъ большею частью въ *я*; е, удаленное отъ ударенія—черезъ звукъ передъ удареніемъ, произносится, какъ и; ж, ч, щ, ш, ц на характеръ произношенія безударнаго е не вліяетъ, только въ этомъ случаѣ *я* произносится какъ *а*; е, слѣдующее за удареніемъ, произносится какъ и. Зимля́, систра́, зи-

линоватый, жина́, пшаница, чилавѣкъ, сирабро́, на́шиго, си́ннга, си́нію, си́нинькимъ, дзе́раво, ни пирипива́й, цицяру́къ, болющая. Вярни́сь, ў мяне́, вязу́ць, зялёный, бяру́, мядо́вый; дзирявя́нный, зилянό; ўстава́йци, во́синь, на си́нимъ, во́зиро, ми́линькій, слу́хайци; симяры́хъ, силязёнка. Дзяся́тку, доро́жинька, цясо́вый, зиляну́, пираки́нимся, куку́иць, нядзѣля, цяпе́рь; нясици (2 л. мн.), сирида́. *А* слышится въ словахъ: жанитца, царко́ўный; въ остальныхъ и: шисцяры́хъ, читыро́хъ, нащипа́ў. Варобе́й, салаве́й, мураве́й, людзе́й, свине́й. Шію, напійся, лію, нальлю, бры́юсь. Табѣ́, сабѣ́. Стриляць, піяць, бидава́ць; у лѣси, у ро́ци, руцѣ́; бида́, звизда́. Только безударное *ѣ* произносится какъ и; съ удареніемъ ѣ произносится какъ *е*. Цына́, рика́, бида́, р. пад. цаны́, раки́—ряки́, бяды́; но дзяды́, лясы́, вясы́; у лѣси, дзвѣсци, увидзіу, увидзили. Имен. мн. ч. *ыи*—худы́и, пьяныи; род. п. ед. ж. р.: худэ́й, пья́най. Измѣненія звука *ѣ* вообще сходны съ измѣненіями звука *е*. Йихъ, йимъ, йикаўка; но Илля́, и́мя; мойхъ, твойхъ, говорятъ также: йимя, мойихъ, твойихъ. Послѣ гласныхъ произносится: зайшо́ў, знайци́, ня йшо́ў, пя йци́, зайгра́ць, за йго́лкой, яе́цъ, яе́чко, яе́шня, трое́цкій. Сядзѣ́ць, сядзѣ́ў. Послѣ ж, ч, ш, щ, ц *и* произносится твердо: хло́пчыки, жыву́, шы́я, цыга́нъ. Подыйшо́ў. Мужуки́. У безъ ударенія произносится кратко: ўмёръ, ўмѣ́ць, ня ўмѣ́ю, ўбогій, ўда́рила. Опо́хниць. Дзюра́, дзю́рка, дзюра́вый. Молоння́, за́лза; виробъя́ми, вирабъи́ха, сирабро́; саладкій, ўмёрци. Гэ́т'кое, ня'ткажи́, по'хвала, жа́в'ронокъ, ня'тдае́шь, мойгό, твойгό, свойгό, свойму́. Ў горо́дзи, на'ганёкъ, за'днό атвича́ць. Апаслѣ́дній, альняны́й, аржаны́й, игру́ши; на йскрипки, на йржи́.

Согласные. Ўнукъ, ўдова и пр. Послѣ согласныхъ *в* произн. какъ настоящее у: улѣзъ у мѣхъ. Ўвесь, ўв обхваци, ўв огонь, увыйшо́у, ўвотри́. Голоўа, голоўка, голодоўка. Да́ў, бы́ў, ўзя́ў, доўжина́, моўча́ць, по́ўный; гарэ́лка, колъ, столъ, полъ, весёлъ, го́лъ. Ца́ръ, зара, рика́, на ряку́, гавару́, спяро́гъ; вообще *р* произносится большею частью твердо (мягкое р я слышалъ въ Не-

вельскомъ у. и ч. Городокскаго: старя́цца, са́харь, ря́мка). Звуки б, п, в произносятся твердо: бъю, пъю, въю и ўю, семъя́; голу́бъ, сыпъ, разя́ў, семъ. Звукъ д, если за нимъ стоятъ ь, е, ё, и, я, ю, ѣ произносится какъ дз, а т въ такомъ случаѣ близокъ къ мягкому ц: пиць, дзѣци, це́мя, дзяви́ца, дзьвѣ, дзьвѣ́ри, дзья́канъ. Весе́лле, сча́сцця, бо́жже. Судзьдзя́, Илья́. Ры́бъя, бабъё, вы́пъю, Дземъя́нъ, соў́ю. Пе́рря, звяррё, Яго́рря. Мягокъ первый изъ удвоенныхъ кромѣ б, п, в, ф, м. Прохожу́ся, заѣжжа́ць, дощъ, род. дожджа́; виждже́ць. О́бчаство, но освѣщать. Обѣсци́ць (обѣщать) и отвѣсци́ць (отвѣтить). Шы́ць, чы́стый, чо́рный, проща́й, щу́ка; оўца́, цына́, цы́фра, оце́цъ, купе́цъ. Щ, какъ шч: прошча́й, шчупа́къ. Бу́тка, дзѣ́тъ, род. дзида́, бопъ, род. бо́бу, ла́ўка, жиў, згладзь, лѣзь, ражство́, рѣжь; зьми́рный, зъ лѣ́сомъ, зъ рука́ми(ъ), зъ вѣ́никомъ, зъ мяки́ной; передъ к, п, т, х, ц, ф предлогъ «съ» не произносится никогда какъ зъ. Жъ жида́ми, шъ ша́пки, шъ чо́рнымъ; на́ўчисься, доццѣ́, фляс цѣ, воло́сься, сьсешъ; же́нькій, зъѣсьць, цьвѣтъ, зьвѣзда́, сь кимъ, лёхкій, са́нки; земълю́; серебъря́ная, ще́пъки. Хто, нихто, мя́ккій и мяккі́й; што, ништо́; про́сицца, зва́цца; помо́шникъ, по́штовацъ, моло́шный, ску́шный, щаме́ль; горшки́, смачный. Гъ (g) дзереву, гъ (g) горѣ́, гъ (g) желѣ́зу. Аднэ́й, сырэ́й. Слышалъ такую рѣчь въ Невельск. у. и сѣв. части Городокскаго. Дузѣ́, дзѣўцѣ́, стрѣхѣ́, у поро́зи; но у ву́хѣ, о Бо́гѣ, ў человѣ́ку; ў руцѣ́, ў рацѣ́ (въ рѣкѣ), у рѣ́ццѣ (въ рѣчкѣ); у горо́си. Ся́нни (сегодня); нивo̒дзинъ, во́синь, вумъ, паву́къ, гэ́тотъ; гужъ (у хомута) и гужо́къ (веревка), вужъ (змѣй не ядовит.), вужа́ка (гадюка); ўучи́ць. Лядзи́, палядзи́; злосць, шесь. Смѣшиваютъ ц и ч въ мѣстностяхъ Себежскаго у., прилегающихъ къ Опочскому уѣзду Псковской губ.; я слышалъ такое «цоканье» въ Томситской вол. и Прихабской Себежскаго у., а также Аѳанасьевской вол. Опочскаго уѣзда. Шѣ́рый и до́шка. Скрозь, наскро́зь; слабо́да, ску́сный. Унисто́жиць, замузда́ць. Фили́пъ и Пили́пъ, О́сипъ и Во́сипъ, Хлоръ и Хролъ, Апана́съ, Хвѣ́кла и Тэ́кля, Ѳома́—Хо́мка—Тума́шъ, Хвѣ́доръ—Хвѣ́дзька; хунтъ, карто́хвель (карто́ха—бу́льба и въ одной мѣстности гу́льба). Та-

ва́рышъ, гаршо́къ и гарщо́къ, полу́ччала, запрясци́ць (запретить), номасты́рь, видзьмѣ́дзь, мярло́га, тале́рка, ко́млата, со́нца, шэ́рый, ша́бля, Микула́й и Никала́й, Мики́та, свище́льникъ; стака́ньчикъ, сцюдзѐный, вышыня́, доўжыня́, шыриня́.

Удареніе. Абы́, азарни́къ, -а́, -о́въ, али́, аржаны́й, балва́нъ, -а, -о́въ, бли́жи, бли́жѣць, побли́жѣло, бондари́ха, братя́цьца, ве́рба, ве́рбу, ве́рбина, везти́, ве́сти, вѣ́тохъ, вѣ́тоха, водзяни́къ, -а́, во́йска, войско́въ, воро́ты, воро́тъ, ву́да — вудавьѐ, гва́здзики (гвоздика), глы́бѣй, говору́, гово́ришь, гово́рыць, говоры́, горловы́й, -а́я, -о́я, горя́чо, гу́ба, грибъ мн. грыбы́, до́беръ, добѐръ, добра́, жерѐбочка, жо́рны, жоро́нцы, и́мя, во́ и́мя, коўза́цца (слизгаться), мяккі́й, мякко́го, піі́ць, пяю́, пяе́шь, пяе́ць, стрѣха́, сырова́тка, тво́рогъ, тваро́гъ. Подъ вліяніемъ сильныхъ чувствъ рѣчь принимаетъ тотъ оттѣнокъ, что ударяемые гласные протягиваются, какъ бы удваиваются: А Бо́жухна! А Го́сподиǃ Ду́урень! Идзи́и!

Суффиксы словъ. При́чалъ (пристань), по́малъ (маловатъ), конова́лъ, го́монъ, усло́нъ (скамья), верзи́ло, баламу́тъ, паску́да, ту́рманъ, паску́дница, дзѣцю́къ, побиро́ха, дурѐха, пату́ха, паля́рычъ (параличъ), повста́нецъ, пога́нецъ, пога́нка, залупа́стый, гриба́стый, раскиря́ка, величи́зна, мелко́та, сухо́та, перхо́та, свербо́та, пеко́тка (изжога), свисту́лька, мату́лька, солоду́сенькій, чисцю́сенькій, ничегу́сенько, борздзѣ́й, мяко́ше, лягоше, сладо́ше, ловоше (ловкій); роўци, це́рци (тру), пе́рци (пру), ўме́рци, стри́гци, гуля́цьки, ба́хоньки, лю́леньки, скува́ць (собаку), распи́хываць, распи́ливаць, разню́хываць, раздзѣ́лываць и т. п., спо́роваць, приду́маваць. Употребляются: удо́ўжки (въдлину), заўмѣ́ста (вмѣсто), вкрай (съ краю), наўпро́ци (противъ), ци (ли), хай, неха́й (пусть), дакъ и дыкъ, кабъ (чтобъ), нѣ́, нема́ и нема́шъ, багда́й, наза́ўтрага, бы́тцомъ, догоры́, ниўзабáви, тымча́сомъ, то́рчомъ, ўсто́ечку, соўси́мъ, ўлѣ́тку, лѣ́тось (въ прошломъ году), якъ, нельзя́ и нельга́, му́сиць (вѣроятно); вы́ма (мимо), нѣ́туци, на́тта

(слишкомъ), ледва́ (едва); пустопля́съ, свинопа́съ, бѣлобры́сый, головорѣ́зъ, свинопро́лъ (трава), сухосто́й, су́прядки, су́стрѣчъ, лоботря́съ.

Склоненія. Та́тка и дзя́дзька, р. п. та́тки, дзя́дзьки, вин. п. та́тку, дзя́дзьку. Слово лошадь употребляется въ женскомъ родѣ; гусь, слуга́, соба́ка мужеск. р. Употребительнѣе: конопли́, о́блакъ, ли́нь, полы́нь, я́блыкъ; къ судздзю́, судздзёмъ, Иллёмъ, съ пьяницомъ, съ собакомъ и пр.; два столы́, дзьвѣ ха́ты, руки́, ноги́; два сялы́. Говорятъ: ко́лля, бру́сся, поло́ззя, перря, гниллё, звяррё, бабьё и т. п.; согласуются въ родѣ среднемъ. Имен. п. мн. ч. воро́ты, сёлы, гнёзды, я́йцы, пи́сьмы; употребляется бабьё, зубьё, звяррё, пе́рря, ску́лля и скуллё; род. п. мн. ч. гла́зоў (рѣдко), арши́ноў, солда́тоў, рого́ў, помѣща́нъ, крестья́нъ; ко́ній (ко́ни), рублёў, окунёў, линёў, курмялёў; комаро́ў, сухаро́ў; гро́шій—гро́ши; дат. н. мн. ч. пано́мъ, дзяцёмъ, пастухо́мъ, людзёмъ, Твор. п. мн. ч.: грошми́ и гро́шамъ, ключми́ и ключа́мъ, людзьми́ и людзя́мъ; больше твор. употр. въ формѣ дат.; сусѣ́дзими и сусѣ́дзимъ. Мѣст. п. мн. ч.: ў людзёхъ, ў штано́хъ, ў лясо́хъ; окончаніе *ѣхъ* не встрѣчается. Безъ ударенія слышится *ахъ* — ў я́годахъ, ў каро́вахъ (род. въ этомъ случаѣ замѣняется творит.). Род. вм. предложн.: на головы́, на спины́, ў вышыны́. Окончанія род. ед. ч. *е* и *э* я слышалъ въ Невельскомъ уѣздѣ и сосѣдней части Городокскаго Витебской губ.: земле́, вадзе́, трава̀ и травѐ; безударное — рабо́ци, капу́сци и пр. Говорятъ: старшыно́ў, судздзёу, ста́ростоў; но дзѣвокъ (ыкъ), жё́нщынъ; ў гасцёхъ, ў людзёхъ, людзёмъ, у сянёхъ, дзяцёмъ; рожь, твор. иржой; путь — пуць, жен. р., употребляется творит. п. пуцёй, предл. пуци́. Печь — подъ пе́ччу; ко́сьцю, но́ччу, сме́рцьцю; небесы́, ў нибясо́хъ. Той, та́я, род. ж. р. тэй, мн. ч. тыи, тыхъ и т. д. Твор. тымъ, мѣст. объ тымъ. Гэ́тотъ, мн. гэ́ты; хто, ки́мъ, объ ки́мъ, нихто̀, ни во́бъ кимъ; ничагу́сенько, ни чымъ—ничо́го; ка́жный; які́й. Невельск. у. якѐй. Мой, род. п. мойгò. Йонъ, йиннà, йянò; род. п. ягò, яѐ и т. д.; што, чымъ, объ чымъ; чі́й, чія́, чіё, чі́йгò,

чіёй и т. д.; ўвéсь, ўся́, ўсё; и́хный, явóный, éйный, нáській, нѣ́йкій; одзи́нъ, одна́, однó, однагó, однэ́й; мн. ч. одны́, одны́хъ; нивóдзинъ, нивóднага и т. д.; два, дзьвѣ̀, двухъ, дзьвюхъ; обáдва, обѣ́дзьвѣ, абу́двухъ, абюдзьвюхъ, абу́двумъ, абюдзьвюмъ и т. д.; трóмъ — чатырóмъ; пяць, шесть, двáццать человѣ́къ; дат. пяцёмъ, шесцёмъ, дваццацёмъ человѣкамъ; твор. пяци́мъ, шасци́мъ, двадцаци́мъ человѣкомъ.

Спряженіе. Дамъ, даси́, дасць, дадзёмъ, дасцё, даду́ць; ѣмъ, яси́, ѣсць, ядзёмъ, ясцё, яду́ць; нясéць, даéць, рóбиць, стáиць; отдáсць, ѣсць — ць не отбрасываютъ, только зъѣсь и то не всегда; идзицё, стоицё, спицё, боицёся; гля́дзючы, гуля́ючы, прóсючы и под.; прич. на щій — завиду́щій, загребу́щій, гуля́щій рабоця́щій; ляцѣ́ць, ляту́, паляту́; бягу́ць и очень рѣдко бигáць; Сравнительная степень выражается иногда особымъ образованіемъ словъ: бальшéнный, страшéнный, а также и особой интонаціей съ протягиваніемъ и пониженіемъ ударяемаго слога: богáтый, здорóвый.

Образцы рѣчи.

Два мужика.

— Здрáстуй.
— Здрáстуй.
— Дзѣ бы́ў?
— На 'зярэ́, тросць касі́ў; а ты́ дзѣ?
— Аглидáў ярыну́, ци ни парá жаць.
— Да, благодары́ць Гóспода Бóга, скóра ўбярóмся.
— Што, навину́ (новый хлѣбъ) ѣў? смáшна?
— Ништо, бѣ́ла — паху́ча, а бу́льба дрэнь.
— Дá-а, ни коры́стна.

Мужикъ, учитель и мальчикъ.

Муж. — Здрáстуйци, гаспадзи́нъ вучи́циль.

— Здравствуй, дядя, что скажешь?

— Ды вотъ къ ва́шай ми́лосци, ци ня мо́жно былобъ мальчы́шку майго́ у вучи́лищу записа́ць.

— Этого самаго?

— Анягожъ. Чаго́ жъ ты тули́сся (стѣсняешься), ду́-урынь. Дома дыкъ на́тта смѣлъ, а ту́тыка цябе́ якъ нѣтуци.

— Хочешь учиться, мальчикъ?

Мальч. — Ня вѣдаю.

Муж. — Ци ни была́ бъ ла́ска ва́шай ми́лосци записа́ць яго́; хуць бы Бо́гу наўчыўся моли́цца ды до́ма ни клуміў ба галаву́; угамо́ну на йи́хъ нѣтъ, а йи́хъ у мяне́ дзивя́цира, ўсе́ гэ́такіи.

— Хорошо, возьмемъ; сколько лѣтъ?

— Адзина́ццать.

— Какъ зовутъ?

— Йяго? Анухрэ́й Аликса́ндроў.

— А по фамиліи?

— А хвами́ліи у насъ нѣтуци; па дзѣду пи́шуць ўсе́—Кузьмо́ў.

— Ну, ладно.

— Дай, Бо́жа, вамъ здаро́ўика, дазвидання.

Двѣ женщины.

— Ци ня вѣдаишъ, сястры́цка, дзѣ я ту́тыка ма́сла доста́ну свайму́ па́ну?

— Каму́ жъ гэ́та?

— Ды ўчи́целю; ци ёсць у васъ?

— Нѣ, дра́ка [1]), ў мяне нѣтуци, а ў Ахрэ́михи пави́нна быць: тры каро́вы, симья́ ма́лая, ды йще́ ня чуць было́, кабъ продава́ла.

— На́да збѣгаць.

— Ци жъ ты даўно́ та́мыка слу́жишъ?

— Зъ во́сини.

1) Не извѣстно, что обозначающее обращеніе въ разговорахъ женщинъ: дра́ка. *Покровскій.*

— Ци за мнóга?
— За 'дзинáццать. Дыкъ у яé ёсць?
— Есць.
— Пращáй.
— Пращáй.

Учитель В. Покровскій.

---

29. *М. Любчь, Минской* губ., *Новогрудскаго* уѣзда, въ 21 верстѣ отъ уѣзднаго города.

Наблюдатель — сельскій учитель, уроженецъ Любчи.

Гласные. Обóдва и обýдва, вóцатъ, кóляды, штáники (а не штóники). Произношеніе: доў, казоў, стоў и т. д. слышалъ въ Виленской губ., Вилейскомъ уѣздѣ; *у*дыримъ (удáримъ). Произношенія: узёў, ўзёў, вм. узяў и ўзяў, принёў вм. приняў слышалъ въ Виленской губ., Вилейскомъ уѣздѣ; пóесъ и пóясъ, также пóвясъ, повясóкъ. Произнош.: тэй, однэй, золотэй, слѣпэй, другэй— слышалъ въ Виленской губ., Вилейскомъ уѣздѣ, въ м. Молодечнѣ. У насъ же говорятъ такъ, что намѣсто *о* слышится *что-то среднее между «у» и «о»* [1]) туой, однуой, другуой, а также говорятъ: золотый и рѣдко золотой, слѣпый, другій (род. пад. м. р. другого,—дат. п. ж. р.—другуой). Другей — нигдѣ не слышалъ. Произносятъ: буоръ, туомъ, уонъ вм. онъ, друобный, доруожка, пуойде, а не пуойдзе, мнуого, коруовочки, нуожечка, штуо (что). Въ произношеніи *о* слышится яснѣе, равнымъ образомъ на *о* падаетъ и удареніе. Звукъ *о* часто замѣняется *ы*; такъ, говорятъ: крыѓшиць, чернобрыѓвый; подъ грўшкуой, ў

---

1) Написаніе уо такимъ образомъ здѣсь не обозначаетъ дифтонга, а скорѣе *о* склонное къ *у* (оʸ). Сказанное относится и къ другимъ мѣстамъ.

Е. Карскій.

чистумъ поли; в͡іёдра, гн͡іёзда, с͡іёдла, но звёзды [1]). Мечъ—произносится м͡іечъ, мечá же произносится безъ «і» (мечá); равнымъ образомъ и «печы» произносится безъ *і* (ед. ч. имен. п. п͡іечь). У насъ говорятъ л͡іёдъ, а въ род. пад. лёду (безъ *і*). Лёнъ — такъ и говорятъ (род. п. лёну). Говор.: кáмень, кáменя; рéмень, рéменя; царкóўный, чырвóный, чырвóнцы, вéс͡юолъ; весéлё, дóбраё, купáлё, чы́стоё пóлё, дождáласё ср. р.; муравéй, шію, напи́ся, лію́, бры́юсь. Гарабéй; таб͡іѣ и саб͡іѣ; повелит. наклон.: нал͡ій; *ѣ* иногда произносится какъ *і* и *е* вмѣстѣ, напр.: д͡іедъ, с͡іели, хл͡іевъ, л͡іесъ, поб͡іегъ, сн͡іехъ (снѣгъ), см͡іехъ, п͡іець. Въ окончаніяхъ словъ у насъ часто слышится *ѣ*, *и* и *я*, напр.: ў л͡іѣсѣ и ў л͡іѣся, ў пóли, ў сáдѣ, въ рóтѣ (во рту) и ў рóтя, ў руццѣ́-э (что-то среднее между *е* и *э*), уноз͡іѣ (въ ногѣ). У насъ говорятъ: м͡іель, б͡іѣль, день (но не д͡іень). лѣнь, м͡іѣлъ, ц͡ыэлъ, ц͡ыэль, шостъ (но не шестъ), ш͡іесьсть; д͡іѣло, с͡іѣра, с͡іѣрка, в͡іѣсъ, но *весь* уже произносится безъ *і*, день, ц͡ыэль, лѣнь (тоже безъ *і*). Ле*ч*ня. Произношенія: нóся, прóся, хóдя (ходитъ), гавóра (говоритъ), ки́ня, хóдя (вм. хóдзя) слышалъ въ Виленской губ., Вилейскомъ уѣздѣ, въ м. Молодечнѣ и его окрестностяхъ. У насъ говорятъ: сядѣть, свярѣпый, дитятко. Произнош.: жалаў ба, патаетца, бала (была), вымата — слышалъ отъ лицъ Могилевской губ., Мстиславльскаго и Климовичскаго уѣздовъ. Раздаўся слыхъ о томъ. Слово «лгать» спрягается такъ: лыгу, лыжешь, лыже (лжётъ); лыжемъ, лыжоте, лыгуть (но не лыгутъ). Примѣч. Всѣ глаголы въ 3 лицѣ множеств. чис. оканчиваются на *ть*, вм. *тъ*, а въ 3 лицѣ един. ч. на *е* и *я* или на *э* или даже на что-то среднее между *е* и *э*. Д͡іѣушка— гов. и д͡іѣвушка; ў ближе къ *у*, нежели къ *в*: пашоў, и пайшоў. У насъ говорятъ кромѣ гвалтъ—гарнецъ, цагáнъ (горшокъ чугунный), гдѣ слышится *г* = *g*; кромѣ того говорятъ: ганакъ, гузикъ, р͡уозга, мазг͡іе (но не мозгъ), гдѣ звукъ *г* такой, какъ въ

1) На страницѣ 19-й было написаніе «угл͡іе» и при немъ поясненіе: написаніе ͡іе «что-то среднее между *е* и *э*»; потомъ оно было зачеркнуто. Очевидно, наблюдатель написаніемъ ͡іе не передаетъ дифтонга. *Е. Карскій.*

польскихъ словахъ. § 38. У насъ такого (*д'* какъ *д'з* и *т'* какъ *ц'*) произношенія не слышно, *дз* нигдѣ не употребляется, на мѣстѣ *дз* стоитъ одно что-нибудь: или *д* или *т*, говорятъ: пить, дѣти, темя, тихо, будя (но не будеть), дикій, дявица и дѣвица, нядѣль, тѣнь[1]). У насъ усиленія никакого согласныхъ не бываетъ, напротивъ, бываетъ опущеніе *ь* или *і*; такъ, говорятъ: весіелё, счастё и щастё, Иля (и Илья); Иля — въ смыслѣ праздника въ честь пророка Иліи, собственное же имя Илья. Буожо (Божье), Буожа (Божья), напр., воля. Гов. судья и судя. Говор. рыбія (вм. рыбья) напр.: рыбія икра; выпъю, Демяна, савъю́ (совью). Піера (мн. ч.). Въ словахъ: раджацъ, виджу, дожджа и т. п. произносится какой-то особенный звукъ, котораго нельзя обозначить и который замѣняетъ звукъ *ж* (обознач. его на бумагѣ: *дж*); урожай — говорятъ, но меджа, чуджій—не говорятъ. *Щ* у насъ произносится какъ *шч*; бутка, дутка, діѣтъ и т. д.; съ круоўю, съ табою и т. д., но: зъ лѣсомъ, зъ руками и т. д.; боисься, задумаесься, валóсья, магиліеўскій, са́ньки; дузѣ, дѣўцы (дат. пад.), стрѣсѣ, ў порóзѣ, въ вуснѣ; на руццѣ ў мене́ сядить мошка (рѣже рутцѣ), раццѣ и ратцѣ (рѣдко очень); кромѣ того, говорятъ еще: на рѣ́цы (напр.: «гдѣ ты была?» — «На рѣ́цы была́»; такой разгов. слышится очень часто). Всѣ прилаг., оканчивающ. на *ый*, въ разговорѣ оканч. на *ы*; повел. накл.: *пи*. Вмѣсто «уничтожиться», говорятъ «зьмитріежытца». Въ окрестныхъ деревн. около м. Любчи говор. вуойсько, женьській, деревеньській, стаканьчыкъ, куоньській и т. д.; въ м. же говор.: вуойско, женскій, деревенскій, стаканчыкъ, куоньскій, (но не куоньській, какъ въ дер.); гов.: хозяинъ, хозяйка, хрестъ и крестъ, христицца, клопоты, карагодъ; ойца и молойца.

Удареніе. У насъ говор.: абó, абы́, альбó, аржапы́й, балва́нъ,

1) Мѣстечко Любчь находится на самомъ сѣверѣ Новогрудскаго уѣзда, такъ сказать, въ центрѣ Бѣлоруссіи; поэтому утвержденіе, что въ данной мѣстности не слышно *дз* и *ц* мягкихъ основано на какомъ-то недоразумѣніи: очевидно, наблюдатель произноситъ всякое русское и литературное *т* и *д* мягкое съ свистящимъ оттѣнкомъ и поэтому въ бѣлорусскихъ звукахъ не замѣчаетъ ничего особеннаго. *Е. Карскій.*

береги́, браты-э (что-то среднее между *ы* и *э* слышится), велѝкодній, япру́къ, ерба́, іе́рбы (вм. ве́рбы), време́ё, за́вочно и заво́чно, воу́ки-э). Въ родит. падежѣ не ячме́ня, а ячме́ню; ану́ча и гану́ча; бау́ди́ло (дуракъ), брушни́ца, залуви́ца, спадни́ца (юбка); свиню́къ (отъ свинья). Дамо́у, далбу—слышалъ въ Виленской губ., Вилейскомъ уѣздѣ; вм. тудыма — говор. тудо́ма и тудома́, вм. дармашака — говор. дарма́шу́ка, годи, тамачи (тамъ). Часто говор. по-у́зъ ха́тѣ, по-у́зъ травѣ́, по-узъ хлѣвѣ́, по-узъ рѣтцѣ. *Узъ* безъ *по* не употребл. Говор.: напроти, чи и (чаще) ти, ко́лись, назау́траё, въ словѣ «нибыто» одно *т*, няу́забавѣ (вскорѣ), тымчасомъ (между тѣмъ), совсѣмъ: соу́симъ и соу́сёмъ (въ деревняхъ), лѣтось, въ смыслѣ «въ прошломъ году» — слышалъ въ Вилен. г., Вилейск. уѣздѣ.

Склоненія. Родит. пад.: та́тка, дя́дька (и дя́дьки); винит. п. тоже: татка, дядька (и дядьку). Говор. также: тато, дядё (дядя). Лошадь — употреб. и въ мужеск. и въ женск. родѣ; остальныя слова, какъ-то: слуга и собака — мужескаго рода; гусь — женскаго рода (моя гусь). У насъ говор.: черва́ поточи́ла, у́ся́кая бо́лѐзь, гастру́сенькій міечъ, святы́мъ Ильёмъ и святою Илёй (чаще); пора заклада́ть (и запрягать) ко́ни (и ко́ней), пасти́ волыэ, доить коро́вы, хвалю́ на́шы жнейки; хлопецъ — хлопче и хлопча (зватeл. пад.), человѣ́къ — человѣ́че, голу́бчыкъ — голу́бчыку и го́лубя, сыно́къ — сы́нку. При восклицаніи вм. молодецъ часто говорятъ молодцо́мъ (творит. пад.). Въ именит. множеств. употребляются окончанія: іе, ыэ; ове, и; говор.: мужыкіе́, тятярукіе́ (тетерева́), коніе́, косцыэ, волыэ, столыэ, купцыэ, торговцыэ, полыэ и т. д. (въ подобн. случаяхъ слышится что-то среднее между *і* и *е*, между *ы* и *э*); сватые, паныэ — говор. чаще, нежели свато́ве, пано́ве. Говор.: служить пану́омъ, гаспадару́омъ, дать дятюку́омъ, треба зубу́омъ. На *омъ* дат. пад. отъ этихъ словъ не употребляется. *Охъ* въ предл. пад.: господару́охъ, капачу́охъ и т. д. Въ словахъ съ оконч. на *а* всѣхъ родовъ род. пад. множ. числа имѣетъ оконч. на оу́ (оу́ — слыш.

какъ аў): карбу́каў, сиру͡откаў, судьёў, старшынбу́, ста́растаў; *ми* въ твор. пад. встрѣчается;—говор. слезьми́, свиньми́, шіями, (но не шійми). На мѣстѣ твор. форма дат. пад. не встрѣчается; гэту ну͡очъ йшу͡оў добры дождж͡ъ; цéркоў и церква́, йимя́, и́ме и имі͡енё, плéме и плéмя, дитя́, мати. Вмѣсто каждый употр. слово жа́дный. Въ женск. родѣ: дьвёхъ, дьвёмъ, двумя́, говор. и дьвѣма́; обадва, обудва и обѣдьвѣ — склоняется такъ: оба́двыхъ, обу́двыхъ и обудвы́хъ, обѣдьвёхъ, обадвымъ, обу́двымъ и обудвы́мъ, обѣдьвёмъ, оба́двыхъ—оба́два, обу́двыхъ и обудвы́хъ — обудва, обѣдьвѣ и обѣдьвёхъ, оба́двымъ, обу́двымъ и обудвы́мъ, обѣдьвёмъ, объ оба́двыхъ, обу́двыхъ и обудвы́хъ, обѣдьвёхъ; женскій и средній родъ: свята́я — святбё, *маладá*я — *малад*бё, дарагá*я* — *дара*гоё (средній родъ оканчивается на ё).

Спряженіе. Несéть, даéть, берéть; рббя, ку́ра, гавбра — слышалъ въ Виленской губ., Вилейскомъ уѣздѣ, въ м. Молодечнѣ и окрестностяхъ. Большинство глаголовъ въ 3-мъ лицѣ единств. числа настоящаго времени имѣетъ окончаніе—*ть* только тогда, когда на *и́ть* падаетъ удареніе, напр.: спи́ть, лежи́ть, кричи́ть и т. д.; печи́, могчи́; неопредѣленное наклоненіе оканчивается такъ, какъ въ обычной рѣчи. Первое лицо множеств. ч. въ изъявит. накл. оканчив. и на—*мъ*, въ повелит. на—*мо*: несемб, хва́лимо, ѣ́дямо и ѣ́дьмо, дадемб и дадимб, дамб, ѣмб и ямб, судимб. Иногда говор.: і͡ёнъ понесся якъ мога́. Въ глаголахъ въ настоящемъ времени у насъ слышится не *и* вмѣсто *е*, а *я* и *а*, напр.: зна́яшь, зна́ямъ, хбчашь и т. д. Повелительное наклоненіе во второмъ лицѣ ед. ч. у насъ оканчивается на *и* только: хвали́, неси́, поможи́ (помоги), стережи́ (стереги) и т. д. У насъ говор.: несéмъ — несі͡етё, жні͡ёмъ, жні͡стё, хвалі͡емъ, хвалéтё, горі͡емъ, горі͡етё. Говорятъ: хбдимъ, хбдимо и ході͡емъ (побужденіе), ўтека́емъ, ўтека́емо и ўтекаймо, ѣмб, ямб и іѣжмо (побужденіе). Во множ. числѣ въ 1 лицѣ встрѣчается поѣ́дямо. Чаще всего исти въ неопр. накл. Глаголы въ неопред. наклоненіи на *ить* имѣютъ 1 и 2 лицо на *мо* безъ ударенія и съ удареніемъ и на *тё* тоже

безъ ударенія и съ удареніемъ: ку́пимо, ку́питё; пьямó, пьятё, (уже съ удареніемъ на мó и тё), зру́бимо (сру́бимъ), зру́битё; грубимó, грубитё; волóчимо, волóчитё и под.—За *Мик*а*лаям*ъ Паўловичамъ п*а* 25 гуодъ (и гадуоў) служили въ *ма*скалі̑ёхъ; вéльми вéлькій (весьма большой), велёзный и большу́щій. Говор. іонъ на минé злость мáя.

Образцы рѣчи.

Сказка (байка).

Жыў діѣдъ (и діѣтъ) и баба; былó ў ихъ три сыныэ: два разумные, а адинъ дурны́; паслáли тóго ду́рня сабрáть людей на вячэ́ру (послѣ поминокъ бываетъ ужинъ, называемый вячэрою); іонъ першъ (сперва) привіесъ мушчинъ, а пóтымъ паслáли ягó па бáбы, а іонъ набравъ цыэлы вуосъ дятéй падъ рубéль (жердь) и привіесъ ихъ да хаты и пасадиў ихъ вакрухъ хаты, а самъ вайшуоў ў хату; а ў ягó пытаюць: «діѣ-шъ тваіе бабы?» А іонъ кажа, падъ (и патъ) хáтою, на прызьбѣ!..—«А што яны́ тамъ робять?»—«А што-шъ робять—сыръ ядуть!» Вышли съ хаты, паглядіѣли, дакъ ни бабы, да діѣти и ў ихъ ни сыръ, а сніѣхъ ў рукахъ и ўсіѣ яны́ нижывыя ляжáть. За гэ́то, *что* іенъ падушы́ў рублемъ дятей, ягó павіезли тапить, пасадиўшы въ мяшокъ; прывéзли ягó да ріѣчки и забылися сякіеры (топора) прарубиць пруоламку, (гэто былó зимою). Одинъ на другого кáжа: ты йди па сякіеру, а туой кажа: ты йди; а пóтымъ пашли таки и абудва; тымъ чáсамъ іѣхаў панъ и пытаецца ў тóго звязанаго ду́рня: «чагó ты ляжышъ?»—Іонъ кажа: «ни ўміѣю ни чытать ни писать,—за каралЯ́ асажваюць!»—Панъ кажа: «и я ни ўміѣю ни чытать ни писать, хай (пусть) мине асáдять». Панъ зліѣзъ зъ брычки, развязаў дурня, а самъ ўліѣсъ ў міѣхъ; ду́рань ягó завязаў ў мяшку, а самъ сіѣу на карету и паіѣхаў. Прышли тыя два, высякли пру́оламку и ўкинули ў яіе пана. Іѣдя туой дурань на пана

кóняхъ (и на панавыхъ кóняхъ) и кажа: «вотъ, браткіе! вы мине ўтапили, а я тамъ якихъ кóней знайшуоў; ящé тамъ и лiѣпшіе есть!» Одинъ разýмны и гавóрыть дурнóму: «братецъ, ўтапи и мине!» Дурань якъ ўкинувъ ягó, дакъ іонъ кажа: ой! и зачаў бóлбатки пущáть. «Вотъ гляди, якіе добрые кóни выбирáя, мýсить ўжó запруогъ и паганяя!» гавóрить дýрань другому разумнаму. Разумны бáчить (видитъ), што дóбра, и кáжа дурню: «кидай, кидай и минé брáтя!» Дурань ўкинувъ и ягó, а самъ сiѣў на пáнскую карэ́ту и паiѣхаў.

Я тамъ быў, мiѣдъ, (и мiѣтъ) вино пiў, па барадiѣ тякло́, а ў рóтя (во рту) ни было́.

Учитель И. Кавцевичъ.

---

30. Мѣстечко *Юревичи*, *Рѣчицкаго* уѣзда, *Минской* губерніи. Разстояніе отъ уѣзднаго города, Рѣчицы, 95 верстъ, а отъ ближайшей станціи желѣзной дороги, Мозырь — Коленковичи, 32 версты.

Гласные. Удырыць, прéженый, пятна, петнó, пóесъ, мáсленица, гледзи́, месаѣдь, коледá; едренóе, ена, ёнъ, выгледáс, пѣснеми, стучѣло, широчѣйшый; галавá, арѣхъ, тагó, по дварý, тапары, палажыў, памаладзѣла, рáно, маладóго, нóваго, дýдачка, пóвадомъ, бѣлаго, хóладу, сѣно. Жоўтомъ, бѣлéсенькій. Ўсé, маé, одзéжа, падзежъ, крéстъ, нéбо, помéрла, здéрла, жéрла, прыбéгла, прынеслá, опéньки, мéдъ, пéсъ, далéко, прынéсъ, цéща, мéрзнуць, маé, тваé, ужé, ещé, всé, éсць, éю, маéю, сваéю, ўсéю. Гнёзда, звёзды, вёдра. Магóмъ, идóмъ, пекóмъ; у мані́. *Е* и *ѣ* въ произношеніи крестьянъ слышатся одинаково. Еéцъ, еéчко, еéчня. Високій, нинѣ. Цáръ, зарá, ракá, говорý, сцерóгъ. Звуки: *б*, *п*, *в*, *м* въ соединеніи съ *ь* произносятся твердо—бъю, пъю, гóлубъ, сéмъ, сыпъ, пяць, мясо, пáмецъ, врéмя, завязъ.

Пи́цъ, дзѣ́ци, це́мя, ци́хо, бу́дзе, дзи́кій, дзѣви́ца, недзѣ́ль, цѣ́нь. Бу́тка, опчеса́ть, бопъ, ла́ўка, жыу́, лёхкій, Богъ, згла́дзь, лѣ́сци, лѣзь, рѣжь; сего́дне. Него́дзинъ, ву́лица, во́сь, паву́къ, е́тый, ге́тый, ву́жъ, Гале́на. Два́ столы́, тры-четыры столы́, двѣ́ ха́цѣ, рутцѣ́, назѣ́, двѣ́ селѣ́, бѣдзѣ́. Сы́нку, горо́ше, бо́ру, се́лезню; сваты́, паны́. Чаты́ры, одзина́нцаць, двана́нцаць, пстнанцаць и т. д.; дзе́вяцьдесятъ, пе́ршый, другі́й, сёмый. Несе́, дае́, ро́биць, спи́цъ, лежы́ць, отда́сь, ѣсь. Жыво́мъ, идо́мъ, peко́мъ. Дзьму́, дзьме́шъ, вы́нець, вы́му, уме́рци, здéрци, мѣць, ма́ю, маў. 5 годовъ, 6 верстовъ.

Наблюдатель—сельскій учитель М. Морозъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 6.

Е. Ѳ. Карскій.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИЗУЧЕНІЯ СѢВЕРНО-МАЛОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ,

А ТАКЖЕ ПЕРЕХОДНЫХЪ ОТЪ БѢЛОРУССКИХЪ КЪ МАЛОРУССКИМЪ.

(ПОЛѢСЬЕ).

ВЫПУСКЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр. 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1903 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ,

а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ. (Полѣсье).

II.

5. *Минской* губ. м. *Туровъ Мозырскаго* уѣзда. Наблюденіе производилъ сельскій учитель.

Гласные: ро́зумъ, ро́спустъ, дубро́ва, ко́жный; о́цетъ, ко́ляды, што́ники; ўды́рыць. Ўзёў, прынёў; поко́цицца, подо́рымъ, уто́йвай. Чоловѣкъ. Жылѣць. По́есъ, ма́сленица, гледзи́, месаѣдъ, коледа́. Стучѣ́ло, доўжѣ́йшый, глё́дзючы. Золоты́й. Ку́͡онь, су́͡оль, сту́͡олъ, ву́͡олъ, бу͡оръ, ту͡омъ, ву͡онъ, дру͡обный, дору͡ожка, пу͡ойдзе, кору͡овочки, ну͡ожечка, шту͡о[1]). Кры́шка, кры́шиць, чернобры́вый, мы́ю. Ло́ба, ро́та, мо́ху, ро́ва. Горѣ́хъ. Кува́ць, хува́ць, сува́ць, тупо́ръ, кува́локъ (кусокъ). Подъ гру́шкуй, ў чи́сту͡омъ по́ли, у до́брумъ здорови, у малё́нькумъ горщочку. Жо́ўту͡омъ. Сэ́рце, гэ́тый, спасэ́не, пэ́рецъ, вэрё́нка (плетеная сумка), вэро́ўка, дзвэ́ри, сэреда́. Одзё́жа, падзежъ, ўмё́рла, здзё́рла, жё́рла, прибѣ́гла, принё́сла, клё́пки, медъ, песъ, далё́ко, цё́ща, мё́рзнуць. Гнѣ́зда, вѣ́дры, звѣ́зды, медзвѣ́докъ. Ста́номъ, ля́жомъ, несо́мъ, беро́мъ, мого́мъ, идомъ, peко́мъ. Попелъ, о́жикъ, ожи́на. Ню͡осъ, поню͡осса, клю͡онъ, плю͡оў. Лё́ду, лё́ну, ка́меня, за́ецъ. Жона́,

---

1) Въ 4-хъ первыхъ словахъ удареніе проставлено наблюдателемъ; но въ вопросѣ 8 § 7 подчеркнуто *о* и на немъ поставлено удареніе. *Е. Карскій.*

пшони́ца, шоўко́вы. Измѣненія безударныхъ *о и е* въ *а и я* не бываетъ. Чирво́ный, чирвонцы. Бу́дзіе, его́. Шı́ю, лію́, бры́юсь, написа. Чого́, чосно́къ, чоты́ры, чому́. Тобѣ́, собѣ́. *Ѣ* произносится какъ *и*[1]): дзидъ, уми́ю, си́ли, хли́ба, лисъ, поби́гъ, синёхъ, бида́, стриля́ць; ў лѣ́си, рутци́, ли́то, ли́тась (въ прошломъ году), ви́ра, зьи́жце, одзи́ўса, ўми́сци (вмѣстѣ), ў гумни́, при доро́зи, ў ку́бли (въ гнѣздѣ). Піе́ць (пѣть), кымъ, чымъ. Сіе́но, віе́дзьма, кліе́ць, дзіе, бесіеда, гаріелочка, табіе, сіени. Река́, ре́цка, ре́па, решо́то, це́сто, дзе́ўчына, ве́церъ, ме́сецъ[2]). Дзвѣсцѣ. Пья́ныйе, жо́ўтыйе — (имен. п. мн. ч. всѣхъ р.). Пья́найе, до́брайе, шоўковей (род. и вин. п. единств. ч. жен. рода). Пы́во, выно́, вы́шня, господы́нъ, лы́па. Йшо́ў, йци́, йгра́ць, йми́, найшо́ў. Яе́цъ, яе́чко, яе́шня. Ста́нцея, и́стенный, хресцея́нскій. Во́жыкъ (ёжъ), жыто, вужы́ (ужи), чы́мъ, во́чы (глаза), чырво́не, хло́пчыки, жыву́, шы́я, щы́рый[3]), цыга́нъ. Ишо́ў, ишла́, ишло́, одыйшо́ў, зыйшла́, обыйшла́, зыйнайшоў; но́жики, пасту́шики. Висо́кій, ми́ло, ци́сеча. Ма бу́ць (должно быть), ву́колоў. Бува́й, бува́ў, пробува́ў. Ўзя́ў, ўкра́ў, ўмёръ, ўмѣ́ць, ўбо́гій, ўби́ць. Раски́даў, вы́слухаў. Бы́дто. Сано́жаць (лугъ), ўселя́кую, бо́жую, свиснуў. Ў лѣ́пшую пору (лучшую). Хма́ра (облако, туча), блы́скавыца (молнія), вре́ме, горобей (воробей), сре́бро, вереце́нница, соло́дкій, балозь, жеребо́къ, золоза. Ўме́рци, здзе́рци, збе́рци. Гет'кое, ня'ткажы́, пох'ва́ла, к'роль, жа́в'ронокъ, ня'тдае́шь, мого, твого, свого, мому. Гонёкъ, горо́дзѣ (огородѣ), черо́ть. Ода́рочка, ораллй, иржа́ць. Воўто́рокъ имен. п.; ильняны́й, аржаны́й, рва́ць, сма́чный (вкусный), гдзѣ́ и агдзѣ́.

---

1) Въ виду того, что въ данной мѣстности *ѣ*, повидимому, выговаривается какъ *и* и даже какъ дифтонгъ — іе, я не нашелъ возможнымъ ниже поправлять тѣ неточности наблюдателя, гдѣ онъ вм. *ѣ* пишетъ *е* и даже *э*, такъ какъ въ нихъ, быть можетъ, тоже сказывается живое произношеніе.

Е. Карскій.

2) Не знаю, какъ слѣдуетъ читать здѣсь *е*: вѣроятно, умягчительно.

Е. Карскій.

3) Шипящіе и общерусское *ц* выговариваются, очевидно, твердо; значитъ, попадающіеся ниже случаи соединенія ихъ съ *и*, *е*, *ь* представляютъ неточность.

Е. Карскій.

Согласныя. Ўдова́, ўлѣзъ ў мѣхъ, ўсихъ, цароўны, уну́къ, но—за ўну́комъ, улѣ́зъ у мѣ́хъ, но—ня ўлѣзли ў мѣхъ. Устава́й, не ўставай, кроў, валя́ўса у крывы́, церква, у церквы, церкоўны. Ўвесь, ўв обхваци, ўвозна́ў, ўвыйшо́ў, ўвотри́, ўв ого́нь. Даў, быў, доўжына́, моўча́ць (молчать), по́ўный, човенъ (човнъ). Куолъ, стуолъ, пуолъ, весюолъ, голъ моўчаць, обмоўляць. Ў—замѣняетъ *в* и *л*: сказа́ў, свиснуў, дро́ў, уба́чыў (увидѣвъ). Зора́, царъ, рѣка́, говору́, сперо́гъ. Бъю, пъю, ўю, семъями, голубъ, сыпъ, розя́ў, семъ. Пъяць, мъясо, памъяць. Ўре́мъе, заўязъ, це́мъе, беремъе (охапка). Ходзе́мъ, дзерево, дзеру́га (родъ одѣяла). Пиць, дзѣци, це́мя, ци́хо, бу́дзець, дзи́кій, дзяви́ца, нядзе́ль, цѣнь, дзьвѣ, дзьвѣ́ри. Прохожу́са, ража́ць, ба́чу—бачь, до́жжикъ, дожжа́, вождалиса, пища́ць вм. визжать. Урожа́й, межа́, чужы́й. Прошча́ўса, що́ (что), помо́чникъ, о́бчаство, освѣча́ць. Ешче́, шчо́тка, шчеци́не, грышче (игрище), кожу́шокъ (вм. щука). Бу́тка, дзѣтъ, опцѣса́ць, бопъ, ла́ўка, жиў, лѐхкій, бохъ, лю́дкій, зглаць, лѣсци, лѣсь, рѣшь, дощъ. Одыйдзи́ одъ мене́. Шъ чы́мъ ты мене́ зустрѣциў. Наўчысса, пля́шцѣ, байшься, заду́маешься. Волосы́, ссешь. Жано́цкій, цывѣтъ, кыва́чъ (кисть). Хто́, нихто́. Що (что), нышо́ (ничто). Про́сицца, зва́цца, чмель. Помо́шникъ, моло́шный, ску́шный. Горщо́къ—мн. ч. горчки и горщки; сма́шный. Кы плоту, кы цяплу́, кы дзе́реву, кы ба́цьку. До́ўгій, сухі́й, му́хи, бычки́, но́ги. Аднэй, сырэй, худэй (род. п. жен. р. иименит. п. един. ч. муж. р.); у другэ́й такэ́й жо́нки. У Бо́гу, у чоловѣ́ку, на ду́ху. Руццэ, рѣццэ, на су́сѣ, ў горо́сѣ. Даўно́, ўну́къ, омма́нъ, Нигодзинъ, восень, возеро, во́ба, восуда́ръ, ву́мъ, ву́лица, вуцица, вось, паву́къ, напова́ци, сподзѣва́цца. Але́на, гэтый, гу́лонька, гужъ, вужъ, ўаве́съ. Не зама́ла (не брала), ву́лочка (улица), да ужо́жъ (уже). По́зно, жа́лосный, сла́ци посце́ль. Няўжежъ (неужели). Хадзи бра (братъ). Бо не (да нѣтъ, ей Богу нѣтъ). Моўляў. Озми́. Скрозь, слобода. Знисто́жиць, замузда́ць, ужаха́тца, цмокта́ць. Змиитре́жиць (уничтожить), му́ндрый (мудрый), нома́цаць (ощупать). Пилипъ, Іе́сипъ, Хлоръ, Апана́съ, Те́кля, Хома́, Хведоръ, хунтъ (фунтъ), карто́хель и картошка, хвала́,

ухвачў, охво́та. Това́рышъ, до́шка, полѣ́пшало, хва́брый, забараниць (запретить), барло́га, ру͡бдня, ху́тко (скоро), паска, празъ (черезъ), вашко (тяжело), ли́царъ (рыцарь), сребраны, ко́млата,краски́ и квятки́ (цвѣты), зо́ры, со́нце, шабля (сабля), Миколáй, Мики́та. Пáлцы, видэ́лцы, си́лно, дово́лный, мáлцы, стралцы́. Дъя́волъ, дзядыше, сто́ларъ, хлэсне́ць, сэрдэ́нко, парло́вый. Жони́дзьба. Купáуса, падáуса, бі́уса, наѣ́уса, наѣ́лосо. «Глаголы въ прошедшемъ врем. муж. и жен. рода оканчиваются на *са*, а сред. рода на *со*». Во́йсько, вышиня́, доўжиня́, шириня́. Хожáинъ, хрисци́цца, клопоты, корогодъ. Бо́ценъ (аистъ), по́куль, брацейки, конопель, по́куль, молойцá. Уселя́кіе.

Суффиксы: Лѣ́пѣ́й, лѣ́пшъ, лѣ́пшій, хучѣ́й, хуткій. Намилѣ́йшій, набольшій (старѣйшій — важнѣйшій). Гробци́, же́рци, пѣ́ци, цяхци́. Кусану́ць, чавану́ць (прижать). Пѣ́ю, давáю, скакáю, прáтаю. Раски́дываць, погу́ливаць, расхваливаць. Пахажáць — пахажáю (вынуть рыбу изъ сѣти). Попѣ́вуваць.

Склоненія: Гусь, слуга, собака употребляются какъ имена мужескаго рода. Наприм.: «пошоў гэтый собака»; род. и винит. татка, дзядзька. Конопе́ль, о́блакъ, линъ, полы́нъ, я́блыко, червá поточи́ла, ўся́кій болѣзь, гастру́сенька мечъ, къ су́дздзю, святы́мъ Иллёмъ. Два, три, четыре столы́, дзьвѣ хáцѣ, рутцѣ́. Дзьвѣ салѣ́, три, четыре бядзѣ́, дзьвяры́ма, плячи́ма, очи́ма, слязы́ма. Ко́лля, бру́сся. Видзѣ́ў во́ука, зарѣ́заў пѣтухá, сцяў ду́ба, знайшо́ў гры́ба, мáе рубля. Почти всегда имена предметовъ неодушевленныхъ ставятъ въ формѣ род. падежа вмѣсто винительнаго. Напр., «зроби́ў столá», «застрáциў рублá». Вмѣсто вин. муж. р. — родительный. Зроби́ў хваёваго столá, зламáў ножа, абрѣ́заў пáлца, загастры́ў калá, знайшо́ў гро́ша. Пора закладáци ко́ни, потру́иць собáки, пасци́ волы́, дои́ць коро́вы, хвалю нáши жанке́. Петро́, Дани́ло, бáцюшко. Такъ и звательный. Садзи́са, чоловѣче, за столá. Сы́нку, горо́се, бо́ру, се́лезню, мё́ду, дзёгцю, пяску́. Святымъ Пятро́. Ў лѣси. Употребительнѣе (нежели образованія на *-е*) форма на *ы*: жанцы́, мужики́, сваты́,

паны́. Че́рци, сусе́дзи, го́ни, цыганы́, хозяе́. Им. пад. м. ч. домы́, цвѣты́, городы́. Въ родительн. мн. солда́тоў, арши́ноў, мѣща́ноў, тата́роў, рого́ў, конёў, рублёў, окунёў. Слова на -ръ имѣютъ род. п. на -ровъ. Къ слову грошъ родительный множ. гроши. Пи́сьмоў, палёў, лѣ́цеў. Дат. мн. пано́мъ, господаро́мъ. дзѣцюко́мъ, зубо́мъ. Въ творит. множ. Гро́шми́, ко́ньми, ключми́, обру́сми. Въ предложномъ падежѣ: господаро́хъ, копачо́хъ, штано́хъ, ледо́хъ. Именительный единств. пани, княги́ни, господы́ни. Звательный: жо́нко, до́нухно, ма́тко, ма́мо, Бо́жухно, молодзи́цо, заро́, земле́, старши́но, ста́росто, дзѣўчи́но. Родит. вмѣсто дательн. сестры, жу͡онцы, творит. падежъ: жу͡онкаю, сва́хаю, маладзи́цаю. Родительный множ. старши́ноў, старосто́ў, судздзёў. Творительный: ко́сьцю, ночо́ю, сяньми́, дзяцьми́. Це́ркоў, це́ркыви, и́ме, по́лыме (родительный по́лыменя), пле́ме. Им. ка́мень — ка́мени, род. ка́меня — каменёў, дат. каменю — канёмъ, вин. каменя — ка́мени, твор. ка́менемъ — каменя́ми, пред. ка́мени—каменя́хъ. Именительный множ. бро́вы, сяго́дни, на дни́. Тобе́, собѣ. Той, та́я, то́е. Родит. падежъ женск. рода «тайе́». Дат. пад. женскаго рода «ту͡ой». Им. и вин. множ. числа «ты́е». Им. хто, твор. кимъ; ко́жный;якій твор. якимъ. Род. мойго, ж. р. мае́, твае́, свае́. Дательный п. мужескаго р. маему́, тваему́, сваему; женск. рода маёй, тваёй, сваёй. Ву͡о́нъ, ву͡о́на и ена́, ву͡оно и ено́. Вуоны. Родит. и винит. пад. жен. рода — яйе́. Им. що (что), твор. и предл. чимъ. Чій — род. падежъ «чійго». Родит. п. жен. рода — чійю (чійе?). Родит. женскаго рода: къ ўвесь — ўсее́. Творительный муж. и предл. ўсимъ. Во множ. числѣ — ўси, ўсихъ и т. д. Хтось, штось, якійся; одзинъ, творительный одны́мъ. Родит. ед. ж. р. одно́е, именительный мн. одны́е. Родит. падежъ м. ч. одныхъ, дательный однымъ, вин. одны, твор. одныма, предложный — одныхъ. Вмѣсто нико́дзинъ употребляется жо́дный, два — дзьвѣ, двохъ, двомъ, двома, дзьвю́хъ, дзьвю́мъ, дзьвюма́. Въ § 111 всѣ слова подчеркнуты. Одзина́нцаць, двана́нцаць, пятна́нцаць, дзе́вяцьдесятъ, пе́ршій, дру́гій, се́мый, дво́йко, тро́йко, чецве́рко, пяце́рко, шесце́рко, семе́рко, яны́ во́боя, обо́е рабо́е,

трыщи. Новы сини домъ; нова синя шапка; ново сине окно; нову синю и т. д., чистэ поле. Въ родительномъ единств. муж. слѣпóго, рóдного, гóжего. Въ родительномъ жен. новые, новое, новае хаты. Дат. пад. ж. рода: святуой, маладуой. Винительный жен. мóкраю, цёплаю, сúняю. Предложный пад. муж. рода: на сивуомъ конику, ў сусѣднюомъ полю, на старуомъ дзѣду. Во множ. числѣ именительный падежъ на *-ые* — *-іе*.

Спряженіе: Во 2-мъ лицѣ ѣсú и дасú, въ 3-мъ лицѣ един. *-цъ*: несéць, даéць, рóбиць, оддась, ѣсь. 1 л. множ. *-мо*: несéмо, хвалúмо, ѣдзьмо, дамó, ѣмó, сѣдзимó. Въ 1-мъ л. множ. числа: жнуомъ, несуомъ, живóмъ, идóмъ, пекóмъ. Во 2-мъ л. множ. идзецé, спицé, стоицé (слышится *é*). Въ 3-мъ л. множ. числа: поюць, стрýжуць, говóраць, кóсець, нóсець. Въ неопредѣленномъ всюду господствуетъ *-ци*: пекцú, могцú. Мáешь, капáешь, маракуешь (безъ толку говоришь). Знáемъ, знáешь, хвáлишь. Повелит. хвалú, несú, несúце, жнúце. Ӥдзúце. Въ 1-мъ лицѣ множ. ходзéмо, уцекáймо, несéмо, ѣжмо. Дѣепричастіе бáчучи, сидзючú, мѣраючи. Причастіе на *-щій*: завидýщій, загребýщій, несýщій. Дѣепричастіе прошедшаго времени: нѣсши, дáўши, цвíўши. Неопр. наклон. зустрѣчáць, повелит. наклон. зустрѣнь. Грапцú, зачерпцú, сапцú, храпцú, бѣгци, помогцú, повелит. поможú. Дзьмý, дзьмешь, вы́няць — вы́му, ўмéрци, здéрци, повелит. наклоненіе «вы́ми». Мáю и мѣю, маў. Гнаць — женý, женéшь, женú, отженя́й. Дзéрци. Повúнь. Дамъ, дасú, дась, дамó, дасцé, дадзицé, дадýць; ѣжь, ѣжце; есць, есцека. Будущее: несцúму, хвалúциму.

Особенности синтаксиса: Часу голода, голодного лѣта людзи умирáли; тыхъ дзёнъ. За Миколая Паўловича по 25 годъ служили; ў дзень и ў ночи ўсё плáче; ў мори гаду есць, которому личбы немашъ; народзицца сынóў; ў мине грошей есць. Сравнит. степень: набуольшій (=старше); важкій (=тяжелый) сравнит. степень «важче и важѣй». Гэто будзе знаць; горохъ поѣло мóшками. 5—6 годóў. Гдзѣ жъ ты быў? Ци ты гэтого не

бачіў. Ци жъ бáцька вучиць худóму. Чему ты не прійшоў. Навý-чиць рóзуму, научиць лихому; слухай Бога; сцерегуць яблокъ; запáметаць имени; напоминáў хвáлы боской; пытáў мине; даць дыíхту, даць пáру; поѣхаў по овесъ; объ што ты пришóў; пошóў по грибы; ў ягоды. Ходзи́ць по грибы́ (=принести готовые), ходзи́ць ў грибы́ (=собирать). Пиць до кого горѣлку; мы ўдвохъ гэто зрóбилъ; ўтрóхъ, ўдзесяцеры́хъ пришли; насъ былó трохъ. Сильнѣйшій надъ мене; лѣпшій одъ цибé; сміяцца зъ мене; радоваўся зъ гэтого; поцѣху мѣў съ того; скажу до Бога; увойци до неба; ступіў до пекла. Добра съ того мало; злосць до мене мáець. Вуонъ не гуожъ съ твáру.

Образецъ рѣчи. Сказка.

Жыли́ двóе бѣдныхъ людзéй, жуонка и чоловѣкъ; у ихъ родзи́лосо дзиця́, и нихтó не хоцэ́ў хрисцици. Одзи́нъ стáрецъ (=нищій) пришóў и каже: «дáце я перехрищý». Вуоны́ дали́. Вуонъ понюóсъ и перехрисции́ў и принюосъ за полóхъ три копéйки. И сказáў стáрецъ: «черезъ гуодъ вы мнѣ принесецé пироги́, а бýдзе ўрéме, коли́ клубóчокъ прикóцицца». На другíй дзень вуоны ўстáли и погледзѣли, гдзѣ Госпуóдъ (то былъ Богъ) положы́ў три копéйки, ажъ тамъ копá грóшей. Пройшóў гуодъ; вуоны́ ўзели́ грóшей, пойшли и купи́ли муки́ и спекли́ пирогуў. Прикоциуса клубóчокъ, чоловѣкъ узя́ў пироги́ и пайшóў за тымъ клубóчкомъ. Йшоў, йшоў и прійшоў къ такуой горы (=большой); клубóчокъ поуёў [1]) ёгó на тýю гору; на туой горы стои́ць такій садъ! (= весьма красивый), а у тымъ сáду стои́ць такая хáта! И бояўса вуонъ ици́ у хáту. Госпуодъ выйшоў зъ хáты и сказаў: «Кумъ, хадзи́ сюды́»! Кумъ войшóў. Госпуодъ даў ему́ ѣсци, вуонъ наѣўса. Госпуодъ поуёў его у такій садъ и пришли́ къ пéклу. Вуонъ убáчыў у пéкли своіо́ мáтку. Госпуодъ пойшóў уперуодъ, а кумъ иззáду и плакаў. Госпуодъ каже: «чогó ты плáчешь, кумъ»?

1) Въ оригиналѣ: пойёу, но ниже: поуёу. *Е. Карскій.*

Кумъ каже: огъ вѣ́церъ подўў. Госпуодъ сказáў вѣтру: нáщо ты засыпаў моёму куму вочы? Вѣ́церъ сказаў: не. Госпуодъ и кáже: «не, кумъ, ты чогóсь плачешь». Кумъ и кáже: я убáчыў свою мáтку у пéкли. Госпуодъ и кáже: «а? якáя твая́ матка! Вуона разъ сѣдзѣла ў огорóдзи, я просиў у ейé цыбули, а вуона далá три голи́нки. На тобѣ три голи́нки цыбули, коли выщегнешь, тагды́ твоя́ мáтка бýдзе у рáю. Вуонъ узяў и пойшоў мáтку зъ пéкла цегнýць. И начапля́лосо другíхъ умéршихъ, а вуонá узелá и крутнýласа, умéршые попáдали, и голи́нки парвáлиса и мáтка упáла. Госпуодъ и сказáў: «бáчышь, якáя твая́ мáтка». Вуоны́ пойшли́ у хáту и посадзиў Госпуодъ ёго на золотумъ кресли и дáў тросци́нку ў рýки, а самъ пойшоў за дзверы. Кумъ и бáчыць: однуой жуонцы усегó мало (=жадная); вуонъ хоцѣў уды́рыць ейé, а Госпуодъ ухапиў ёго за руки и каже: «бачышь, якíй ты, кумъ»! Госпуодъ дáў ему ещé ѣсци; вуонъ наѣўса и пойшóў до дóму.

(Сообщеніе Е. Полѣшука).

---

6. *Минской* губ. *Пинскаго* уѣзда, села *Угриничи*, *Червищи* и д. *Седлищи*.

Наблюденіе производилъ сельскій учитель.

Гласные [1]). Рóзумъ, рóспустъ, дубрóва, кóжный. Слово штаны не употребляется, а говорятъ: портки или наговицы. Говорятъ: даў, казаў, стаў, стаўшы, заўтра; говорятъ: ломáетца, дáлѣй, крáска, кáжуць, лáюць (ругаются). Ударяемое въ концѣ слова *а* и произносится какъ *а*, напр.: чарапъ, каптанъ, цыганъ. Слово «ўдырыць» слышалъ въ деревнѣ Заполье Новогрудскаго

1) Наблюдатель очень увлекся программой, и данный говоръ у него вышелъ совершенно бѣлорусскимъ. Однако, какъ показываютъ словарныя данныя, приведенныя ниже, разсматриваемый говоръ имѣетъ твердое *е* и *и* и др. особенности сѣверномалорусскихъ говоровъ.

Е. Карскій.

уѣзда. *А* подъ удареніемъ произносится ясно (ярма, ясли, яма, ягода, прягниць, взяў, прыняў, только вмѣсто «запрягъ» говорятъ запрогъ. Наслу́халася сегодня музы́ки, натопта́лася съ дзѣтками. Нѣкоторые глаголы, напр.: ла́ятца, би́тца въ 3-мъ лицѣ ед. ч. оканчиваются на ы—ла́етцы, бъётцы, куса́етцы (это слышалъ въ дер. Тудоровѣ). *Я* безударное произносятъ какъ *я* и какъ *е*: по́ясъ и по́есъ, гледзи́ и глядзи́, месоѣ́дъ и мясоѣ́дъ, каледа́ и каляда́. Шырѣ́йшый и доўжѣйшый, легчѣ́йшый, дужѣ́йшый, крыча́ць, гле́дзечы и гля́дзячы, ўсе́кій, дре́нь, ты́сецкій. Пу̃ойдзе. Говорятъ: кры́шыць, мы́е (мо́етъ), вые (воетъ 3. л. ед. ч.), чернобры́вый. Говорятъ: ворочатся. Въ слогахъ, предшествующихъ ударенію, *о* произносится, какъ *а*: галава́, арѣ́хъ, малако́, таго́, памаладзѣ́ла; слово «тапары́» не употребляется, говорятъ «саке́ра». Въ слогахъ, слѣдующихъ за удареніемъ, произносится *о* и *а*: по́водамъ, хо́ладъ, рано, ду́дачка, сѣ́на, сѣнамъ. Вмѣсто *о* неударяемаго, стоящаго послѣ *р* и *л*, въ нѣкоторыхъ словахъ слышится *ы*, напр.: глыта́ць, блыха́, крыви́, дрыжа́ць, содрыга́тца. Въ словахъ съ ударяемымъ *о* и слышится *о*: бло́хи, кро́въ, дро́жджы. Саката́ць, валачо́нники, варо́та, сѣ́тачка, маладый, залатая, бѣднаго, соха́, барана́, двара. Перехода *о* въ *у* не замѣтно; произносятъ: Багаро́дица, камарэ́, кава́ць, хавацъ, палива́ць, дурака́, гусака́, рукава, красовалася; словъ съ окончаніемъ на *онька* не слышно. «Звукъ *е* въ началѣ слова произносится мягко: его, еў (кушалъ), елина (ель), а въ серединѣ словъ произносится иногда какъ э: сэрцо, гэтый, уздэчка, спа́сэны». Слово надзе́жа (надежда) употребляется, а надзёжа нѣтъ, говорятъ одзе́жа. Слово «звѣзды», не употребляется, говорятъ: зоры; попелъ, во́жикъ, ожи́на. При § 12 сдѣлано замѣчаніе: «подобныхъ произношеній не слышно». Произносятъ: серебро́ и сярабро́, не перепива́й и ня перепива́й, цецеру́къ и цяцяру́къ, вярни́сь, ў мяне́, вязу́ць, зяле́ный, бяру́, дзяравя́нный, мядо́вой, зеляно; въ слогахъ, стоящихъ послѣ ударенія: встава́йця, слу́хайця, ми́ляцькій, до́бряцькій, подымайцяся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто *е* безударнаго произносятъ *и*: дзися́тка, мине́, цибе́, нидзѣ́ля, ципе́ръ. Иногда рядомъ съ *и* воз-

можно въ нѣкоторыхъ словахъ и *е*: дзисеци́, дзивеци, нея́цé, середа. Послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц* въ произношеніи слышится вмѣсто *е* звукъ *а*: чалавѣкъ, жанитца, шасцярыхъ, чатырохъ, нащапаў, царковный, чирвóный, чирвóнцы. Въ нѣкоторыхъ словахъ на мѣстѣ *е* безударнаго появляется звукъ *ё*, напр.: дóбраё, купáнё, персцёнокъ, весéлё, чистаё, пóлё, адзéнё, дождáласё, купáласё. Шію, напійся — напи́ся, лію, бры́юсь. Табѣ, сабѣ. Въ срединѣ словъ *ѣ* произносится какъ *е*: лѣсъ, хлѣбъ, мѣлъ, а въ окончаніи иногда произносится какъ *и*: ў рутци, ў роци, ў лѣси. При § 18 п. 2 замѣчено: «не встрѣчалось подобныхъ примѣровъ». *Ѣ* безъ ударенія въ слогахъ, предшествующихъ ударяемымъ, произносится иногда какъ *я*: дзядэ́, бядá, пяхóта, а послѣ слоговъ ударяемыхъ слышится *и*: ў лѣси, ў пóли, ў мѣсци. Прилагательныя въ имен. п. мн. ч. оканчиваются двояко: на *ые* и *ыя*. Гласный звукъ *и* всегда произносится мягко: миля, пиво, вишня, вино, господзинъ, цишина. *И* безъ ударенія послѣ гласныхъ произносится какъ *й*: наймóў, найгрáўся, найци́, йгóлка, йыя (якъ цибѣ звать на-йимя), а иногда *и* теряется: голка, грацъ. Иногда на мѣстѣ *и* слышится *е*: яéшна, яéчко, яéцъ, хресціянинъ; бываетъ иногда и *я*: пасядзи́, сярóжка. Послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц* вмѣсто *и* всегда слышится *ы*. Послѣ предлоговъ въ глаголѣ йшоу, йшла, йшло бываетъ *ы*: одыйшоў, зыйшла, выйшло, обышóў. Гласный звукъ *у* безъ ударенія произносится кратко: ўмеръ, ўмѣць, ўбогій, ўбицъ, ўтоптáць, ўкалóў. Въ нѣкоторыхъ словахъ выпадаетъ гласный звукъ *е*: мойгó, твойгó, свойго, моймý, твоймý, своймý. Иногда бываютъ случаи приставки гласныхъ, напр. аўтóрокъ, аржанóй.

Согласные. Согласный *в* передъ согласнымъ и послѣ гласнаго въ началѣ слова произносится какъ *ў*: ўнукъ, за ўнукомъ, улѣзъ, ня ўлѣзъ, ў мѣхъ, ў хацѣ, ўставáйце, поўставали. На мѣстѣ *л*, стоящаго послѣ гласнаго, слышится *ў*, иногда *в*: доўжынá, пашóў, даў, быў, моўчáць, пóўный, чóвенъ; *ў* ближе къ *в*. Говорятъ твердо: царъ, зара, рэка, сцерогъ. Звуки *б*, *п*, *в*, *м* въ соеди-

неніи съ ь произносятся твердо: бъю, пъю, въю, семъями, голубъ, разяў, семъ. Пъяць, мъясо, ўремъя, завъязъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *г* произносятъ какъ польское g: гáнакъ, гýзикъ, мазгé (мозгъ), гвáлтъ, гýстъ (вкусъ), гирлянда (брачный вѣнецъ), а въ остальныхъ какъ *г* (h). Звукъ *д* передъ *ъ*, *е*, *ё*, *и*, *я*, *ю*, *ѣ* произносится какъ *дз*, а *т*—какъ *ц* мягкое: дзиця́, дзе́ўка, дзéнь: дзя́цько (дядя), дзюрá (дыра), цётка (тётя), цѣнь, цúхо, цéмя, дзьвери, дзвѣ; слово «дьяконъ» произносятъ дыя́канъ. Въ случаяхъ соединенія согласнаго съ *j* онъ усиливается: весéлле, Илля, Божжіё, счáсццё, а иногда передъ удареніемъ согласный сокращаютъ: Иля́, судзя́, церпѣнё, свацё. Ры́бяя, вы́пъю, Дземяна, соўвъю. Удвоенія *р* не замѣчалъ, говорятъ: пéра, звѣръё. При удвоеніи *дз* и *ц* изъ *д* и *т* мягкихъ слышится *дздз* и *цц*: счасццё, судзьдзя. Илья, сóльлю. Усиленія *б*, *п*, *ф*, *в* и *м* не замѣчалъ. Проходжýся, раджáць, вúджу, заѣжджáць, дóжджикъ, дожджá, воджалися. Вмѣсто вижджацъ говорятъ вищáць. Говорятъ: уроджáй, чужій, межа. Говорятъ: свѣчка, рóбячи, обчаство, обчій (общій), родю. Послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* всегда слышатся твердые гласные — *а*, *ы*, *у*: одзёжа, чы́стый, шыць, щупáкъ (щука, чорный, жыто (рожь), щы́пцы. *Ц* также произносится твердо: цэнá, ойцá, купéцъ, ойцéцъ. *Щ* произносятъ какъ *шч*: шчупáкъ, шчóтка, прошчáй, шчы́пцы. Бýтка, дзѣтъ, опцѣсáць, бопъ, лáўка, жиў, лёхкій, бохъ, лю́цкій, зглаць, лѣсци, лѣсь, рѣшь, дощъ. Предлогъ *с* не употребляется, а замѣняется *з*. Одъ менé, одъ рѣчки, одъ луга; откúнь, одогнáли, отпрáўлю; жъ жидáми, шъ шáпки, шъ чóрнымъ; наýчисься, доццѣ, пля́сцѣ (пля́сцы); жéньській, зъѣсьць, цьвѣтъ, зьвѣзда; съ кимъ, гни, лёхкій, санки; землю, серебъраная, щепъки. Хтó, нихтó, мя́ккій; што, ништó; прóсицца, звáцца; помочникъ, пщóлы, чмель. Говорятъ: гаршчóкъ, гарчешни́къ, смáшный. Предлогъ *к* передъ *п*, *т*, *к*, *ч*, *ц* остается: говорятъ—къ плóту, къ коню́, къ тóкару, къ цяплý, а передъ *б*, *д*, *г*, *ж*, *з* слышится какъ польское g: g дзереву, g горы́, g желѣзу, g дýбу, g бѣдзѣ, g зубáмъ. Послѣ *г*, *к*, *х* слышится *и*: доўгій, сухій, мýхи, бочки́, нóги; дузѣ,

дзѣўцѣ, стрѣ́сѣ, ў порóзѣ, ў вы́роцѣ, ў у́сѣ; рутцѣ — руццѣ, рѣ́тцѣ — рѣццѣ; о Богу, ў человѣку, на духу. Сегóння; оммáнъ; нивóдзинъ, восень, возеро, восудáръ, вýмъ, вýлица, вось, павýкъ, сподзѣвáцца; гэ́тый, гужъ, вужъ, Галена. Перехода «*въ*» въ «*у*» передъ гласными не замѣчалъ. Сягонячи не ўлежно; ў ёмъ, на ёй, за ёю, вжей, да ягонь. Раствó, кáжа, нягó вм. няўжó. Дзѣ, чацьвéръ; пи, кóни, дóбры, си́ни. Смѣшенія *ц* и *ч* не замѣтно, исключая только выраженія: цотъ-нецóтъ, которое слышится повсюду. Звуки *ж* и *з* не смѣшиваются, говорятъ: желѣзный, ржуць, зубы, колóдзязю. Вмѣсто *ш* произносятъ иногда *с*: сыпѣць (шипѣць) и наоборотъ: дóшка, шарый. Ужахнуцца. Скрозь, слобода, скýсный, знистóжиць, цмоктáць. Пилипъ, Ёсипъ, Апанасъ, Тэкля, Томашъ, Тодаръ, картопля. На мѣстѣ *х* иногда появляется *хв*: охвота (охота), охвотникъ (охотникъ). Товáрышъ, горшчóкъ, дóшка, вѣчный, збройный (храбрый), наватъ (даже), велигдзень (пасха), перезъ (черезъ), талерка, шабля, Микола, Микита, пáлцы, видэ́лцы, мáлцы, стралцы. Войсько, женській, вышыня, доўжыня, шырыня, ходзяинъ, ходзяйка, хрестъ, хрысцийца, клопоты. Иногда *й* появляется на мѣстѣ *дъ* и *тъ*: ойца, молойца.

Удареніе: áбо, áбы, áльбо, аржáный, бáбухна, багнó, бáловаць, бáлую, бáлуешъ, балýйце, бáцькя, бáцькоўщина, безпрóспу, бéрегъ, бéрега, берегé, берегóвъ, ближѣ́й, блы́скавица, блыскави́цу, богаты́ръ, бóгъ, бóга, бóги, богóвъ, бондариху, бóренне, бородá, бороды́, бóроды, бородý, брáтатца, брáтовая, брáтовой, братовýю, брáтъ, браты́, братоў, бýда, великóдній, вéперъ, вербá, вéрбу, верби́на, вéзци, вéсци, водá, водý, вéтохъ, ветхá, вóўкъ, вóўка, воукé, воўкóў, вóйско, вóйски, ворóта, ворóты, встыдзиць, вýда, ўчóра. Вы́няць, вы́му, вы́ми, вѣ́ха, дзицá, дзѣци́ны, дзѣци, дзятки́, дзятóкъ, еловéцъ (можжевельникъ), забáвно, завóдъ (племя), зáводу, зáводъ (употреб. въ смыслѣ «ничего нѣтъ»: капъ нáватъ зáводъ быў), загодзя́, задáрма, закóпъ, закýска, зáпахъ, зáпуски (запусты); заслугóваць,

заци́шно, за́щепка, звони́ца, Змитру́къ. Вм. «кладбище» говорятъ мо́гилки; ку́рица, нау́ченый.

Говорятъ у насъ медленно, съ протяженіемъ нѣкоторыхъ слоговъ, особенно подъ вліяніемъ чувства страха или изумленія, такъ что нѣкоторые гласные какъ бы удваиваются: а Бо́жа мой, чамужъ ты не ходзійу́. Въ произношеніи стариковъ и молодыхъ замѣчается та разница, что первыхъ рѣчь отличается вообще протяжностью, а вторые болѣе быстро произносятъ, отчеканивая каждое слово.

Суффиксы: дури́ло, верзи́ло, мотови́ло, ону́ча, холодзе́ча, голодне́ча, жму́тъ (пукъ), ячмень, кме́нь, молодзи́ца, чаровни́ца, близню́къ, щеню́къ, иржи́ще, игри́ще, глини́ще, Михали́ха, кали́на, оси́на, хвайна, бере́зина, пройдо́ха, голоду́ха, би́мбасъ, вы́рвасъ, го́рычъ, магары́чъ, сестра́нецъ, капта́нецъ, цыга́нка, мѣща́нка, лежа́нка, доро́женька, недзѣ́лянька, бабулька, цыбулька, пода́рочекъ, господаро́чекъ, куму́ся, Маруся, кудла́стый, хвостастый, печурка, шкурка, свекра́тка, щеня́тка, ягня́тка, вязокъ, пяцёрка, труци́зна, голо́та, духо́та, дробно́та, бабу́ленька, сеструле́нька, це́тухна, дзядзюхна, паду́шка, стукотня. Лѣпѣ́й, лѣ́пшъ, лѣ́пшый, го́ршый, ме́ньшый, ме́нѣй, хучѣ́й, хуткій, болѣ́й, бо́льшъ, бо́льшый, борждже́й. При превосходной степени прибѣгаютъ къ приставкѣ най, говорятъ: найлѣпшый, найгоршый, найстатнѣйшій. Иногда для выраженія высшаго качества говорятъ: тоню́сенькій, бѣлюсенько, черню́сенько, цемнюсенько. Всѣ слова §§ 66 и 67 подчеркнуты. Глаголы съ окончаніемъ па *ываць* не встрѣчаются, а вмѣсто подобныхъ употребляются образованія на *оваць* — *аваць*: вы́танцоваць, выграва́ць, обманваць; въ настоящемъ времени отъ такихъ глаголовъ употребляются формы на *аю*: вытанцо́ваю, выграва́ю, обманваю; другихъ образованій не встрѣчается. Почти всѣ образованіи, отмѣченныя въ § 69, встрѣчаются. «Узъ» одно безъ «по» не употребляется, говорятъ: по-ўзъ плотомъ, по-ўзъ хатаю, по-ўзъ рѣчкаю. Хорошо́,

дóбрэ. Предлога *о* не бываетъ, его замѣняетъ «объ». Лежабóкъ, пустоплясъ, доўголицый, обибóкъ (лѣнтяй).

Склоненія. Род.: татка, дзядзька. Слово «лошадь» не употребляется, равнымъ образомъ и «слуга»; слово «гусь» ж. р., а «собака» муж. р., говорятъ: собака ўкусиў, я йшоў съ собакомъ; конóпли, линъ, полы́нъ, червá поточы́ла. Говорятъ: святымъ Иллемъ, съ пъяницомъ, къ пъяницу, когда рѣчь идетъ о мужчинѣ, а когда о женщинѣ — говорятъ: къ пъяницы, съ пъяницою. Два столы́, четыре столы́; дзьвѣ хáцѣ, рутцѣ́, два сялѣ́, три — четыре бядзѣ́; дзьвяры́ма, пятьы́ма, очы́ма, слязы́ма, дравúма. Кóлли (род. пад. кóлля), вя́ззя, полóззя (твор. пад. полóзземъ). Сцяў ду́ба, знайшóў гры́ба, мáе рубля; порá закладáци кóни. Слова мужескаго рода на *о*: бáцюшко, Петрó, Дани́ло, Дзми́тро; звательный падежъ отъ подобныхъ словъ тоже оканчиваютъ на *о*. Зват. сы́нку, горóсе, бóру, силезéню, Васи́лю, бáцьку, сáдзе, гóлубе, сóколе, кóню. Въ дательномъ падежѣ употребляютъ окончаніе на *ови* и *еви*: бáцькови, дзя́цькови, пáнови, сынóви, ковалéви, конéви; святымъ Пятрó; ў лѣ́си. Имен. мн.: жанцé, косцé, мужикé, облакé. Чаще всего говорятъ: паны́, жиды́, сваты́, кумы́, хотя иногда говорятъ: панóве, сватóве, кумóве; чéрци, сусѣ́дзи, черты́, цыганы́, хозяé и хозяи́; ворóты, сёлы. Род. п.: очóў, салдáтоў, аршы́ноў, мѣщáноў, татáроў, рогóў. Род. п. оканчиваютъ на ёў: конéў, рублéў, окунéў. Слова на *-ръ* имѣютъ род. п. на *-ровъ*. Ворóтоў, пи́сьмоў, палёў, лѣ́цеў. Дат. п.: панóмъ, господаромъ, дзѣцюкóмъ, зубóмъ. Винительный множ. ч.: волэ́, мѣшкé, жидэ́, панэ́, коровэ́, пескé. Окончаніе *ми* въ творительномъ падежѣ встрѣчается; говорятъ: грошми́, ключми́, кóньми, сви́ньми, сосѣ́дзьми. Предложный падежъ оканчиваютъ на *охъ*: ў бокóхъ, ў воротóхъ, ў лѣтóхъ молодыхъ, на колѣнóхъ, штанóхъ, ў вязóхъ. Въ именительномъ пад. женскаго рода съ окончаніемъ на *и* употребляютъ только слово «пáни». Въ дательномъ и предложномъ падежахъ женскаго рода постоянно приходилось слышать окончаніе *и*: дубрóви, дзѣўцы, жóнцы, ў

дорози, къ сестры́, рутцы́, ў голови́, ў нозі́. Творительный падежъ оканчиваютъ на *ою*: жа́нкою, ба́бою, доро́гою. Во множ ч. встрѣчается *е*, говорятъ: дзяўке́, жанке́, цятке́; безъ ударенія это *е* не бываетъ. Подобная форма употребляется и въ винительномъ падежѣ. Слова съ окончаніемъ на *а* въ родительномъ пад. мн. ч. оканчиваются на *оў* не только въ муж. родѣ, но и въ женскомъ: ха́та — хатбу, ба́ба — баббо́ў, це́тка — цяткбо́ў. Слезьми, сви́ньми, шыйми. Ў госцё́хъ, ў лю́дзёхъ, госцёмъ, людзёмъ, ў сянёхъ, дзѣцемъ. Слово «каме́нь» склоняется правильно, только безъ пропуска гласнаго *е*: ка́меня, ка́меню, ка́менемъ, ка́мени, каменеў. Отъ слова «дзень» говорятъ родительный пад. «дни». Въ родительномъ падежѣ говорятъ: минѣ, цибѣ, сибѣ, а въ дательномъ: менѣ, табѣ, сабѣ. Той, та́я, то́е и тый. Творительный тымъ. Родительный жен. р. тые́ и ты́я, тыи. Дательный жен. тэй и тый. Той — тою или тэй. Именительный и винительный падежи множ. числа имѣютъ: тые и тыи; склоняется безъ *ѣ*. Гэтый, гэ́ты. «Хто» въ твор. пад. «кимъ», а въ предложномъ — о комъ; никогу́сенько, ничагу́сенько, ко́жный, ка́жный, ка́жинный. Родительный мужеск. рода: мойго; женск. р. мае́, твае, свае́. Дательный падежъ: мойму, твойму, свойму; женскаго рода: маёй, тваёй, сваёй. Въ именительномъ множ. ма́ѣ, твае, свае. Нашый, -ая, -аё, вашый,-ая, аё. Ёнъ, яна́, яно́. Родительный женскаго р. яе. Творительный ёю. Именительный множ. яны́. Трыма́, четырма́. Што, род. чажъ, предлож. чимъ. Чій, родительный женск. чіёй. Мѣстоименіе «нѣчій» въ родительтельномъ, дательномъ, творительномъ и предложномъ теряетъ і. Ихный, ихній, гэ́ный; хтось, штось, чійся, якійся, хто́ськи, нѣйкій. Одны́мъ. Родит. женскаго однэй. Во множ. числѣ одны́е и одны́, одныхъ, однымъ и т. д. Слово «ниводзинъ» склоняется: ниводнаго, ниводному и т. д. Жа́дзинъ въ значеніи «каждый», а нижа́дзинъ въ значеніи «ниодинъ». Два—дзьвѣ, двохъ, двомъ, двома, дзьвёхъ, дзьвёмъ. Оба́два — обѣ́дзвѣ. Род. п.—обадвыхъ, обѣдзьвихъ и т. д. По ёмъ, по ёй. Пяцёхъ, шасцёхъ, дваццацёхъ, пяцёмъ, шасцёмъ, дваццацёмъ, пяцьма́, шасцьма́, дваццацьма́.

Чатэ́ры, одзина́тцать и одзина́нцаць, двана́нцать, пятна́нцаць, дзе́вяцьдесятъ; пе́ршый, дру́гій, се́мый; двойко, тро́йко; о́бы они, обо́е рабо́е. Говорятъ тре́йчы. Въ такихъ случаяхъ, когда *прилательное* является *опредѣленіемъ*, употребляется полное окончаніе: до́брый, до́брая, до́брое, равнымъ образомъ оно всегда употребляется съ полнымъ окончаніемъ въ смыслѣ сказуемаго: ёнъ сердзи́тый на мене, нашый сынъ еще молодый и т. д. Нашъ попъ молоды́й, его высъ золоты́й. Случаи стяженія прилагательныхъ, напр. ый—ій въ ы—и, ая—яя въ а—я, ое—ее въ о—е встрѣчаются очень часто, говорятъ: новы домъ, нова синя шапка, ново сине окно, а иногда на мѣстѣ ое бываетъ э — чистэ поле, добрэ жыто. Родительный падежъ единственнаго числа мужескаго рода всегда оканчивается на *ого*, *его*. Въ родительномъ падежѣ женскаго рода бываетъ иногда *ые*—новые хаты, *эй*—добрэй жинки, старэй бабы, *аи*—бога́таи, но́ваи, бѣлаи. Въ дательномъ падежѣ женскаго рода часто встрѣчаются формы на *эй*: старэй бабѣ, молодэй пцицѣ, добрэй дачцы. Винительный падежъ иногда оканчивается на *аю*—*яю*: мокраю, цёплаю, синяю. Предложный падежъ мужескаго рода имѣетъ окончаніе сходное съ творительнымъ: на добрымъ коню, на чистымъ полю, ў сусѣднимъ огородзѣ. Во множественномъ числѣ именительный падежъ большею частью оканчивается на *ыи*—*іи*: добрыи, синіи.

Спряженіе. Дамъ и ѣмъ. Во 2-лицѣ ѣси́ и даси́. 3 л. несе, дае, робиць. Глаголы съ удареніемъ на иць — спиць, лежы́ць— никогда не отбрасываютъ *иь*. Несе́мо, хвали́мо, ѣ́дзьмо, да́дзьмо, дамо́, ѣмо́, сѣдзимо́. Идзеце́, спице́, стоице́, боице́ся. Несу́ць, хва́ляць. Неопредѣленное наклоненіе оканчивается на *ци* подъ удареніемъ: пекци́, несци, и на *иь* безъ ударенія. Окончанія *чь* — *чи* въ неопредѣленномъ наклоненіи никогда не бываетъ: пекци́, мохци́. Въ настоящемъ времени бываетъ иногда слитіе *е* съ предыдущимъ гласнымъ: машъ, хова́шъ; зна́ишъ, зна́имъ, хо́чишъ. Во множ. числѣ въ повелит. въ 1 и 2 лицахъ: несе́мъ— несе́це, жнемъ—жне́це, хвале́це, горе́це. Въ 1-мъ лицѣ множ.

числа всегда бываетъ окончаніе *мо*: ѣжмо, ходзе́мо, рабе́мо, ўцека́ймо. Дѣепричастіе: глядзючы́, про́сючы, мѣрючы; завиду́щый, загребу́щый, несу́щый; нёсшы, да́ўшы, цвіўшы; ўзя́мшы, уѣхамшы, запалёмшы. Грапци́, зачерпсци́, сапци́, храпци́, бѣгци и бѣгчы. Къ слову помогци́ повелит. поможы. Дзьму́, дзмешъ; вы́няць — вы́му и вы́йму; ўме́рци, здерци; ма́ю, мѣў и маў. Купимо́, купице́, спимо́ спице́. Есць, ёсцека. Будущее время: несци́му, хвали́циму; «чимъ ма́ю хадзи́ць па людзя́мъ, тымъ барздзѣй самъ зраблю́».

Словарь[1]).

Дѣленіе сутокъ: пѣвни, сни́дання, поўдня, коло полудня, коло вяче́ры, прицемки, поўночъ.

Составныя части крестьянской избы: хата, сѣни, камо́ра (кладовая).

Части печи: прыпекъ, у́стье, чары́нь, поднебе́нё, ку́пка, коминъ.

Названіе домашней утвари: сты́лъ, лаўка (длинная скамейка), слы́нъ (короткая скамейка), ди́шка, го́рщыкъ (большой горшокъ), вары́вникъ (средній горшокъ), по́вникъ (малый горшокъ), гля́чыкъ (кувшинъ), бо́дня (сундукъ), цэ́брыкъ (ушатъ), коцюба́, пле́жка (бутылка), ка́дубчыкъ (боченокъ), верелька (корзина), ко́шыкъ (корзина), портови́на (скатерть), за́пекъ (нары), радно́ (простыня).

Названіе одежды женской: окру́жникъ (холстяная юбка), спадни́ца (хлопчато-бумажная юбка), хустка (платокъ), хварту́хъ (передникъ), на́мѣтка (головной уборъ).

Названіе одежды мужской: нагави́цы (штаны лѣтніе), убранё

1) По принятой системѣ словарныя данныя обыкновенно не приводятся, такъ какъ имѣю въ виду всѣ ихъ сгруппировать въ концѣ цѣлаго тома. Здѣсь сдѣлаю отступленіе въ виду фонетическихъ соображеній. Въ словарѣ почти чистая малорусская рѣчь. Очевидно, раньше сообщаются данныя, которыя или не относятся къ разсматриваемой мѣстности, или слышатся рѣже.

Е. Карскій.

(зимніе штаны), свитка, кожухъ (тулупъ), капэлюшъ (соломенная шляпа), чоботы, постолы́ (лапти).

Названіе кушаньевъ: кулишъ (прѣсный супъ), зацирка (похлебка).

Названія родственниковъ: небо́жъ (племянникъ), небога (племянница), сватъ, сваха.

Названія ремеслъ: бо́ндаръ (столяръ), краве́цъ (портной), кава́ль (кузнецъ), шаве́цъ (сапожникъ).

Названія крестьянскаго ткацкаго станка: верста́тъ, статынке́, нитъ, бэрдо, на́билки, ле́до, вороты́ло, ча́ўныкъ, цы́вка, хлу́тчыкъ, пота́къ.

Названія крестьянской упряжи: наба́дрыки, кульбачка, вужы́, ярмо́, кульба́ки, зало́зы, нары́шникъ (веревка на рогахъ вола).

Названія повозокъ: возъ; составныя части его: вось, ко́леса, стрешы́ны, люшни, ле́пики; *сани*; сост. части: увъе́зъ, копэлле, на́морожня, по́цяхъ, дря́нки.

Названія земледѣльческихъ орудій и ихъ составныхъ частей: борона—оборо́нокъ, калачы́, цыпке́, зу́бъе; соха—вуйе́, закры́й, поля́ця, пудпа́локъ, сошнике́, пудвій.

Огородныя растенія: цыбуля (лукъ), пастэрна́къ.

Деревья: сосни́па, дуби́на, ви́льха, клэнъ, е́сень, берестына, верби́на, лаза́, лещына, граби́на, ороби́на, лыпи́на, сокорына, черемшы́на, цвидына.

Ягоды: чарни́цы, журахли́ны (клюква), брусницы.

Названія животныхъ: каро́ва, тэлочка, вы́пустокъ, сысу́нчыкъ.

Названія рыбъ: щупа́къ, колосни́къ, кожушо́къ, клэнъ, лыно́къ, кара́сикъ, е́зыкъ, плоты́ця, окунэ́цъ, мине́къ, въюнъ.

Гады: га́дына, ву́жъ, е́щерка, стужъ (слизень).

Названія птицъ: пи́вень, ка́чка, кни́га, пэкачъ, вороне́къ, бу́кано, лызнюха, бу́ська, о́чычъ (журавль).

Свадебный персоналъ: молоды́й, молода́я, дружко́, дру́жка, сватъ, сва́ха, марше́локъ, покорова́йчый, ста́роста, прида́нь, музы́ка (музыкантъ).

Бранныя слова: на лыхо на ма́тара, же́бо, згинь тва́я ма́ты, пропа́ды и слызни, лыхо матэры и бацькови.

Названія праздниковъ: Велы́кдэнь, Про́воды, Зне́сене, Клэ́чене (Троица), Петро́, Спасъ, Прычы́стая, Спле́не, Ко́лады, Новый рикъ, Водохрыща, Микола, Вербеница.

Семейныя событія: родыны, хрыстыны, запо́яны, весе́лле, мэрли́ны.

Клички собакъ: жукъ, би́лка, му́рка, лыска, су́чка.

Мѣры: ша́нокъ, че́шка, безме́нъ, шильки (чашечные вѣсы).

Названія монетъ: дисе́тка, поўзлытка, золы́тка, дватце́тка, сорокивка, рубэ́ль.

(Сообщеніе О. Тарасевича).

---

7. *Минской* губ. *Пинскаго* уѣзда, с. *Бѣлое* Кухоцко-Вольской волости.

Наблюденіе производилъ ученикъ Несвижской учит. семинаріи. Записи вездѣ довольно точныя, только не выдержаны послѣдовательно написанія шипящихъ и *р* съ «твердыми гласными». Коегдѣ рѣчь идетъ о буквахъ, а не о звукахъ.

Гласные: ро́зумъ, ро́спустъ, дубро́ва, ко́жный, зробы́, оцетъ, ко́ляды. Ўзёў, принёў, мне́со, пье́тна, гле́нь. Поко́тыцця. Чоловикъ. Е́ковъ (Яковъ), е́ма (яма), е́щерка (ящерица), застучѣло, кричѣты, ў́се́кій (всякій), дре́нный (дрянной), прине́ў (принялъ). Тэ́е (то); тэ́и, однэ́и, другэ́и, слэпэ́и (родит. пад. женск. рода). Волы́ў (воловъ), быки́ў (быковъ), грибиў, столы́ў (столовъ). Чернобры́вый. Ри́ў (ровъ)—рова́. Горихъ, мы́лого. Крыви́, глыбо́кій, дрыжа́ты; лы́сь (лось), лымъ (ломъ), грымъ (громъ). Въ дат. и предл. падеж. ед. ч. въ прилагат. женск. рода: но́вуй, си́руй, би́луй (новой, сѣрой, бѣлой). Е постоянно слышится,

какъ э, и въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ ё (ёго = его); впрочемъ бываютъ исключенія (елыпа — ель). Пóпелъ, ожи́на. Понюсъ, завюзъ; пичъ, мичъ. Лидъ—лёду, льпу, каменя. *Е* произносится большею частью, какъ *э*: зэмля́, сэстрá, зэлэновáтый, пшены́ца, сэрэбрó, нáшого, сы́нёго, сы́нею, сынэнькымъ, дэрэво, нэ пэрэпывай, тэтэрукъ; гэ́той рикъ (этотъ годъ). Дэсяты́, нэситэ, сэрэда; чирвóный, чирвóнцы. «Если предъ *е* стоятъ шипящіе, то оно измѣняется въ *о*, *и*: чолови́къ, нáшого, щóдрый, щитка, жинка (жена)». Воробэ́й, соловэ́й, людэ́й, свынэ́й, грóшэй, копэ́й. Шію, напы́йся, ллью. Тоби́, соби́. *Ѣ* произносится какъ *и* и рѣже, какъ *э*: ди́дъ, ди́ло, умію, ззи́жтэ, си́лы (сѣли), хли́бъ, ли́съ (лѣсъ), въ си́няхъ (въ сѣняхъ); бэдá, стрэляты, въ руци́, пóли, на голови́, на столи́, на рѣци́. *Е*, какъ и *ѣ*, произносится, какъ *и* или какъ *э*: шистъ (шестъ), шисть или шэсть, ўвэсь (весь), дэнь. Всѣ прилагательныя въ именит. падежѣ множ. числа оканчиваются на *ыи*: худы́и, пья́ныи, сы́ныи, хорóшыи; родит. пад. ед. ч. женск. рода оканчивается на *эи*: худэ́и, пья́нэи, сы́нэи, хорóшэи. Бэдá, полэшу́къ, вэнóкъ, одэвáтыся. Ымня (имя), пы́во, вынó, вы́шня, господы́нъ, лы́па; Лья (Илья); хрестьянскій; збэрáлыса, умэрáе; Гóлка, грацъ; яéчко, яéцъ, яéчня; хлóпчыки, жыву́, шы́я, щы́рый, цыгáнъ; одышоў, обышла, зышла. Бувáй, бувáў, пробувáў. Оболокы; горобья́мы; сри́бро или сли́бро, солóдкый. Мого, твого, свого, мому. Горóдъ (огородъ), чэрэта (очерстъ). Одáрочка.

Согласные: Бýў, моўчы́, пóўный, човэнъ; горилка, колокъ (колъ), стылъ, вэсёлый, голый. *Ў* ближе подходитъ къ *в*, чѣмъ къ *у*. Стэри́гъ, царъ, рэкá, говору́. Бъю, пъю, ўю, семъями; голубъ, сыпъ, розя́ў, сэмъ. Пя́ть, мнéсо, пáмнять. Мягкихъ *дз*, *ц* не слышно; замѣняющія ихъ *д* и *т* произносятся твердо: пыты, ди́ты, ты́хо, бýдэ, ды́кый, нэди́ля, ти́нь; дви́, двэры, дыяконъ. Вэси́лле, Лля, суддя; ры́бяя, вы́пъю, Дэмя́па, зовъю́ (совью), кухва. Удваиваемые звуки произносятся одинаково мягко. Выщéты (визжать). Сви́чка, отвэчáты, óбчество. Одэ́жа, шы́ты,

чы́стый, чо́рный, ба́тько (отецъ), купэ́цъ. Ди́дъ, би́пъ, лэ́гкый, би́гъ, ли́зты, ли́зь, Рожество́, ри́жъ, дощъ; сви́тъ, змы́рный. Предлогъ *съ* постоянно замѣняется предл. *зъ*. Одъ мене́, одъ рѣ́чки, одъ луга; отки́нь, отогна́ли и одогна́ли. Жъ жидами, шъ ша́пки, шъ чо́рнымъ. Доцци. Мнэ́гкій; що́, нысшо́; молочный, частова́ты, чми́ль. Предлогъ *къ* замѣняется предлогомъ *до*: до рэки́ (къ рѣкѣ), до коня (къ коню). До́ўгый, лёгкый, сухы́й, му́хы, бычкы́, но́гы. Послѣ *г*, *к*, *х*, за немногими исключеніями, постоянно слышится *ы*: однэ́и, сырэ́и, худэ́и (род. п. женск. р. ед. ч.), у другэ́и такэ́и жинки. Го́сэнь, го́зэро, гу́лыца, паву́къ, гэ́тый; нэ няла́ виры (не повѣрила). Пи́зно, жа́лосный, хрысты́ны, здаёца (кажется). Пый, ко́ны, до́брый, сы́ный. Зали́зо (желѣзо). Ша́ша (Саша). Жахну́тыса (ужаснуться). Пылы́пъ, Е́сыпъ, Хло́ръ, Опана́съ (Аѳанасій), Тэ́кля, Хома́, Хвэ́доръ, Макадэй (Меѳодій); ху́нтъ, картопля. Товарышъ, горщо́къ, до́шка, ночли́гъ, ви́чный, поли́пшало, вы́гонъ, майстрова́ты, номасты́ръ, мэдви́дь, бэрлы́гъ, ри́дня, Па́ска, тали́рка, лы́царъ, дри́бный, скры́почка, цвэтокъ, зоры, со́нце, си́рый, крыста́ль, ша́бля, Барба́ра, Мыки́та, Мыкола́й, свяще́нныкъ. *Ся* постоянно замѣняется *са*: купа́уса, быу́са, бороу́са; *сэ* и *со* не употребляются. Па́лцы, видэ́лцы, силно. Вышиня́, доу́жиня́, шириня́.

Удареніе: болва́нъ, болвана́, болваны́, болваны́ў; ба́тько, ба́тька, батьки́, батькі́ў, ба́тькоўщына; бэ́рэгъ, на бэ́рэгу, бэ́рэга, бэрэгы́, бэрэгі́ў; блы́жшэй; блыскавыца, блы́скавыцы, блы́скавыцу, блыскавыци́, блы́скавыцъ; би́гъ (Богъ), бо́га, богы́, боги́ў; борода́, ы́, бо́роду, бороды́, бори́дъ; бра́татыса, бра́тайса; братъ, бра́та, браты́, браты́ў; буда́, буды́, буду́, буды́, бу́дъ; вэлыко́дный, вэлыко́дная, вэлыко́днэе, вэлыко́дныи; вэ́прыкъ (кабанъ), вэ́прыка, вэпрыкы́, вепрыкі́ў; вэрба́, вэрбы́на, вэрбы́, вэ́рбу, вэрбы́нъ; вэзты́, вэзы́, и вэсты́, вэды́; вода́, воды́, во́ду (мн. ч. не имѣется); во́ўкъ, во́ўка, воўкы́, воўкы́ў; во́ўча, во́ўчый, во́ўчэ, воўчы; ві́йско, ві́йска, войска́, ві́йскъ; воро́та, вори́тъ, стыды́ты, стыды́са; у́чора; у́ жалю́ (въ горѣ); вымо́ва,

вымо́вы, вымо́ву (мн. ч. не имѣется); ви́драмы; вы́неты; вэха́, вэхи́, вэху́, вэхы́, ви́хъ; глу́бшэй (глубже); голова́, головы́, го́ловы, голы́у; говору́ го́лосно (громко); гора́, горы́, го́ру, го́ры, гиръ; го́рачэ (жарко); гро́шы; гро́шъ, грошá, грошы́, грышíу́; згрызо́та, згрызо́ты, згрызо́ту (множ. числа нѣтъ); гре́дка, гре́дки, гре́дку, грядкы́, грядо́къ; губа́, губы́, губу́, губы́, губъ; далэ́ко; дэшо́вый, дэшо́вая, дэшо́вэе, дэшо́выи; долото́, до́лота, долота́, долы́тъ; дочка́, дочки́, дочку́, дочкы́, дочо́къ; до́шка, до́шки, до́шку, дошкы́, дошо́къ; душа́, душы́, ду́шу, ду́шы, ду́шъ; ди́дъ, ди́да, дэды́, дэды́у; ди́ты, дэтэ́й; ева́нгэлые; еловэ́цъ, еловца́; жэрэбя́, жэрэбюка́, жэрэбюкы́, жэрэбюку́у; жывына́, жывыны́, жывыну́ (множ. числа не имѣетъ); жо́рны, жори́нъ; жорно́вый, жорно́вая, жорно́вэе, жорно́выи; за́водъ (порода) и заво́дъ (напр. стеклянный); за́гвоздка, за́гвоздки, за́гвоздку, загвоздкы́, загвоздо́къ; дармо́ (напрасно); зако́нъ, зако́на (мн. ч. нѣтъ); за́куска, за́куски, за́куску, закускы́, за́кусокъ; за́пуски, за́пусокъ; заслуго́уваты (заслуживать); за́ходъ со́нца; захидъ (заботливость); за́тырка, за́тырки, за́тырку, затыркы́, -о́къ; заты́шно, заты́шный, заты́шная, заты́шнэе; звоны́ца, звоны́цы, звоны́цу, звоныцы́, звоны́цъ; зыма́, зымы́, зы́му, зымы́, зы́мъ; Дмы́тро; зъ вэ́чера (съ вечера); ы́мня, ы́мэни (мн. ч. не имѣется); гы́ншый (иной), гы́ншая, гы́ншэе, гы́ншыи; по́рція (рюмка), порціи, по́рцій; туля́къ (коршунъ), туляка́, туляки́, тулякы́у; ки́нь (конь), коня́, ко́ны, ко́нэй; коса́, косы́, ко́су, ко́сы, ки́съ; мо́глыцы, мо́глыцъ; кро́у, крыви́, во крыви́; ку́рыца, ку́рыцы, ку́рыцу, ку́ры, ку́ръ и куре́й; лата́ты; ла́таный, ла́таная, ла́танэе, ла́таныи; ли́съ, ли́са, лэса́, лэсы́у; ли́та (годы); лю́цкый, лю́цкая, лю́цкэе, лю́цкыи; малы́й, мала́я, малэ́е, малы́и; мни́го (много); молодэ́нькый, молодэ́нькая, молодэ́нькэе; мо́лотъ, мо́лота, мо́лоты, молоты́у, молота́мы; мо́рква, мо́рквы, мо́ркву; лэ́йка (мотылекъ); ми́дный, ми́дная, ми́днэе, ми́дныи; ме́ккій, ме́ккая, ме́ккэе, ме́ккіи; у́пери́дъ и попэ́родъ; напрымэ́ръ; наро́дъ, наро́да, лю́дэ, людэ́й (мн. ч. отъ народъ не имѣется); настра́шыты (напугать); нэ́прыятэль, нэ́прыятэля (мн. ч. нѣтъ); нэсты́, нэсы́; ны до чо́го, ны́чо́го,

ныкóго, ныкóму, нызáщо, нызави́що; ногá, ноги́, нóгу, нóгы, ны́гъ; ны́чъ (ночь), нóчы, у ночы́ (ночью); обы́два и обáдва, обóхъ; оболоки́, оболокíў; óбразъ, óбраза, образы́, образы́ў; обычай, обы́чая; обычаи́, обычаи́ў; окóлыца, окóлыцы, окóлыцу, околыци́, -ы́цъ; панъ, пáна, паны́, паны́ў; пэкты́, пэчы́ (неопр. и повел. накл.); пичъ, пэ́чы, у пэчы́, пэ́чы, пэчэ́й; пóкутьте; прыдáча, прыдáчу, прыдáчы, прылэгты́, прилéжъ; прóводы, прови́дъ; баты́гъ, батогá, батогы́, батогыў; пьéныца, пьéныцы, пьеници́, пьéныцъ; пьетдэсятъ, -ы́; робы́ты, рабы́ и зрабы́; ракъ, рáка, ракы́, рáкоў; ры́быназ, ры́бины, ры́бину (множ. не употр.); росá, росы́, рóсу; рукá, руки́, рýку, рýкы, рукъ; сыви́ты, сывíю; ы́скра, ы́скры, ы́скру, ыскры́, ыскрэ́й; слы́на (слюна), слы́ны, слы́ну; слобóда и свобóда, -óды, -óду; смалы́ты, смалы́; смолá; смолы́, смолý; сми́шный, смэшнó; сопты́; соромъ (срамъ); сброма; сохá, сохи́, сóху, сóхы, сы́хъ; соснá, сосны́, сóсну, сóсны, сосёнъ; сэрэбрó, -á; стары́й, старáя, старэ́е, стары́и; сторонá, ы́-, стóрону, стороны́, стори́нъ; страшы́ты; стри́ха, стри́хи, стри́ху; стэнá, -ы́, -ý, сти́ны, сти́нъ; судъ, судá, суды́, судуў; сырóватка, сырóватки, сырóватку; сыръ, сы́ра, сыры́, сырíў; твари́гъ, творогá; тоўстый, тóўстая, тóўстэе, тóўстыи; ýголь, угля, угли́, углíў; умэрты́; умы́снэ; холоднó; хапáты; хрэбэ́тъ, хрэбтá; нэщэ́сце, нещэ́сця; тэ́мно; тэ́рты; цы́цка, цы́цки, цы́цку, цыцки́, цыцóкъ; цэнá, цэнý; шэздэся́тъ; ячми́нь; языкóмъ; язы́ки (сплетни) и языкы́ (собствен.); на нэ́би, на вóду, на зэ́млю, одотнэ́тъ, булы́, булó, ўзялы́, стáлы (начали).

Рѣчь большею частью умѣренная; рѣчь мужчинъ быстрѣе рѣчи женщинъ. Женщины говорятъ нараспѣвъ, протягивая гласные, стоящіе подъ удареніемъ. Ссорясь, женщины, равно какъ и мужчины, говорятъ быстрѣе, отчеканивая каждое слово; нѣкоторые согласные въ это время удваиваются и звучатъ рѣзко.

Суффиксы: цэ́ркоў, свэкрóў; пужéло, мочéло, падло; сырéча, холодэ́ча; сали́тра, маки́тра, чэ́лядь; сподны́ца, чэрны́ца, полы́ца;

гадю́къ, свыню́къ, па́длюкъ; дныщэ, макови́щэ; маскалы́ха; дэрэвы́на, бэрэ́зына, дивчына, господы́ня; мазёха, ласо́ха; свыню́хъ, пасту́хъ; молоду́ха, побэгу́ха; барка́съ; копанэ́цъ; соля́нка; ру́чэнька, но́женька; двойча́стый, спыча́стый; волыня́ка, гуляка, кобыля́ка, коня́ка; мохра́тка, соловэ́йко, бра́тэйко; табакерка, бэлю́сенько, малю́сенько; молоды́ца, сэстры́ца; бабу́ся, бабу́сенька, сэстру́сэнька, рюднюсэнька; коми́рка, тэлу́шка, тэлу́шэчка, тоу́котня́. До́брый—ли́пшый; пычогій (злой) — ги́ршій; вэлы́кый — би́лшый; малы́й — мэ́ньшый; ско́рый или ху́ткій — ху́тшый; отсюда часто употребляется и нарѣчіе: хучі́й. Превосходная степень образуется или при помощи приставки най (найлу́чшый, найги́ршый, найби́льшый), или при помощи слова вэ́льмы: вэ́льмы пычо́гій, вэ́льмы до́брый (очень злой, очень добрый). Всѣ глаголы неопредѣленнаго наклоненія постоянно оканчиваются на *ты*: ходы́ты, робы́ты, йисты, тэ́рты. Встрѣчается слово *докы* (доколѣ), ту́тэйка (здѣсь), го́ды (довольно). Про́тыў но́чы, нэхай (=пусть), якъ, щобъ (= чтобъ), колы́сь, кyды́сь, одку́ль, хыба́, нэма́е (= нѣтъ), ни́льга (нельзя), бода́й (= чтобъ), мо (можетъ быть), тре́ (= нужно), тымча́сомъ (тѣмъ временемъ), ли́тось (въ прошломъ году). Предлогъ *о* встрѣчается рѣже, чѣмъ *объ*. Покоты́поль, вэрболо́зъ, чортополо́хъ, доўгоно́сый, оби́ручъ, косоо́кый, крывобо́кый, крывоно́сый, куцохво́стый, чорноо́кій, скалозу́бъ, свынопа́съ, тоўстоголо́вый.

Склоненія: Гусь, слуга, собака—слова женскаго рода (моя гусь, слуга, собака); говорятъ коноили, един. ч. нѣтъ; оболокъ и оболоки; лынъ, полы́нь, яблыко. 2—3—4 столы́; дви, тры, чоты́ры ха́ты, руки́, ноги́, сэли́. Що того́ во́вка расплоды́лоса, що того́ ду́ба есть у ли́сы, що тэ́и ры́бы у рэци́! Звательный падежъ оканчивается на *у* и рѣже на *о*: Пе́тру, Даны́лу, Марью́, Настю́, ба́тюшко; часто оканчивается послѣднею гласною: Максы́, Ива́, Стэпа́, Даны́. Въ звательномъ падежѣ имена животныхъ почти не употребляются; если же иногда и употребляются, то какъ въ именительномъ. Дат. п. ковалэ́ви, сы́нови, ба́ць-

кови, столо́ви. Ў ли́сы, ў саду́. Чаще слышится въ именит. мн. ч., сваты, паны. Суси́дэ, волы́, домы́, городы́; свато́ве, пано́ве; чорты́, цыганы́, хозяи́. Именит. п. множ. ч. средн. рода: до́лоты, ди́ты, коле́са, поле́. Ко́нэй, рублі́ў, окуню́ў. Людьмы́, свыньмы́; ви́драмы, ци́памы, сы́рамы, вола́мы, быка́мы. Предложный падежъ оканчивается на *ахъ* и рѣже на *ѣхъ*: въ садахъ, на полѣ́хъ[1]). Зват. п. въ слов. жен. р. встрѣчается очень рѣдко: тэлу́шэчка, быцю́ська. Дат. п. ед. ч.: руци́, нози́, доцци́. Род. мн. ч.: судди́ю́ў, судцю́ў. Твор. п. ки́сткою, ны́чью; саньмы́, дэтьмы́. Цэ́ркоў, цэ́рквы, цэ́ркоў, цэ́рквою, о цэ́рквэ, цэрквы́, цэрквэ́й, цэркво́мъ, цэрквы́, цэрква́мы, о цэрквахъ. По́ломье, -мя, -мью, мье, мьемъ, -мьи. Нэ́бо, -а, -у, -о, -омъ, -и (множ. ч. нѣтъ). Дытя́, дытя́ты, дытя́, дите́мъ, о дытяты. Ма́ты, ма́рэры, -ры, ма́ты, -рью, -эры. Ка́мэнь, ка́мэня, ка́мэню, ка́мэнёмъ, ка́мэни. Слова съ именит. на *я* встрѣчаются только въ названіи молодыхъ животныхъ: жэрэбя, щэня, порося, котэня; въ родит. имѣютъ *ка*: жэрэбюка, котэнюка и т. д. Существительныя собирательныя склоняются большею частью правильно: ста́до, стада, стаду, стадо, стадомъ, о стады; стада́, стадъ, стадамъ, стада́, стадамы, о стадахъ. Именительный: я, ты; родительный: мэнэ́, тэбэ́, сэбэ́; дательный: мэни́, тоби́, соби́; винительный: мэнэ́, тэбэ́, сэбэ́; творительный: мно́ю, тобо́ю, собо́ю; предложный: о мни́, тоби́, соби́. Той, та́я, тэе, тэ́и, туй, тэ́ю. Именит. множ. *тыи*; винительный *тыи*, *тыхъ*. Гэтый; им. множ. *гэ́ты* и *гэ́тыи*. Хто, кымъ, о кимъ; яки́мъ (какимъ). Мій, твій, свій; родит. п.: мого́, твого́, свого́; родит. п. женск. рода ед. ч.: мэ́и, твэ́и, свэ́и. Дат. и предл. п. мужеск. рода: *мому́*, *твому́*, *свому́*; дат. и предл. жен. рода: *мо́юй*, *тво́юй*, *сво́юй*. Винъ, воно, вона; родит. п. ж. р. ей; имен. множ. *воны*; винит. п. ж. р. ед. ч. ей; предл. юй; предл. муж. р. ёму́. Н послѣ предлоговъ не встрѣчается. Им.: се́й, ся́я, се́е; род.: сёго́, се́и, сёго́; дат.: сёму́, сю́й, сёму́; вин.: сёго́, сю́ю, сіе; твор.: си́мъ, се́ю, си́мъ; предл.: о сюмъ, сюй, сюмъ. Що (что), чого́, чому́, що, чы́мъ, о чи́мъ. Им.:

1) Полѣхъ, конечно, лишь неточное написаніе вмѣсто полехъ, такъ какъ здѣсь *е* изъ *я*, стоящаго подъ удареніемъ: ср. выше ёма, Ековъ. *Е. Карскій.*

чый, чыя́, чые́; родит.: чыёго, чые́и, чыёго; дат.: чыёму, чыю́й, чыёму; вин.: чыёго, чыю́, чые́; твор.: чыи́мъ, чые́ю, чыи́мъ; пр. о чыи́мсь, чыю́йсь, чыи́мсь. У́весь или у́сёй; род. жен. р. у́се́й; твор. у́симъ; множ. у́си, у́сихъ. Хтось, штось, якійся. Одынъ; твор. одны́мъ; предл. пад. объ *одно́мъ*; род. женск. одно́й; во множ. числѣ одны́; вм. ныго́дный (ни одинъ) употребляется жадный; ныго́дный, ныго́дного, ныго́дному и т. д. Два — дви, двохъ, двомъ, двома. Такъ же склоняется и оба́два: оба́дви, ободво́хъ, ободво́мъ и т. д. Чоты́ры, шты́ры, одына́нцать, двана́нцать и т. д. Двойко́, тройко́. Двійчи, тріи́чи. Прил. муж. р. всегда оканч. на *ый*; прил. жен. р. могутъ оканчиваться на *ая* и *а*: на́ша па́ни до́бра, -ая. Средн. родъ: святэ́е, молодэ́е и т. д. На *ого* род. падежъ можетъ оканчиваться даже и тогда, когда и не стоитъ на концѣ слова удареніе: хоро́шого; родит. падежъ женскаго рода имѣетъ окончаніе *э́и* и *е́и*: сынеи, хоро́шэи.

Спряженіе: ѣсы́, дасы́; глаголы въ 3 л. ед. ч. наст. вр. оканчиваются на *ь*, *э*, *е*: хо́дыть, нэсэ́, дае́. 3 л. мн. ч. оканчивается на *уть*—*ють* и *ать*—*ять*: довбу́дь, хо́дять, цилу́ють, моло́тять. Неопред. наклон. постоянно оканчивается на *ты*. 2 л. ед. ч. повел. наклон. оканчивается на *ы*: нэсы́, робы́; *з*: плачъ; *ь*: кынь; *й*: вычыта́й. Въ 1 л. множ. ч. чаще слышится *мо*, но возможно и *мъ*: ходи*мо* и ходи*мъ*. Дѣепричастія рѣдки: оканчиваются на *ячы* и *учы*: сто́ячы, нэсучы́. Повелительное къ ѣхать *и́йдь*; неопред. ить́ы; и́йсты. Ма́ю, маў. Глаголы 1 и 2 л. мн. ч. имѣютъ оконч. на *мо* и *тэ*: ку́пымо, ку́пытэ, спымо́, спытэ́; хочу, хо́чэмо, хо́чэтэ; глаголъ бѣжать имѣетъ неопред. бэжаты; настоящее бэгу́, бэжымо́, бэжитэ́, бэгуть; прошедш. бигъ—бэжа́ў, би́гла—бэжа́ла, би́гло—бэжа́ло. Вмѣсто дра́ты употребительно дэ́рты. Дамъ, дасы́, дасть; дамо́, дастэ́, даду́ть; такъ же склоняется и глаголъ ѣсть; къ ѣсть повелит. и́йжъ, и́йжтэ. Отъ глагола есьмъ встрѣчается только 3 л. ед. ч.: *есть* и *е*. Въ будущемъ времени встрѣчается: бу́ду нэсты́ и нэсты́му, бу́ду хвалыты и хвалы́тыму.

(Сообщеніе Б. М. Марцинкевича).

---

8. *Минской* губ. *Пинскаго* уѣзда, *Скородненская* волость (на границѣ съ Волынской губерніей), деревни *Валовскъ* и *Корма*.

Наблюденіе производилъ сельскій учитель.

Гласные: одни говорятъ чоловѣкъ, друг. чолавѣкъ и человѣкъ. У насъ говорятъ: «я, *бра*, не уважу»; «бра, о бра, е!» (братъ, о братъ, есть!). Купаласа, обуваласа, просиласа. Вмѣсто *я* говорятъ *е*: поесъ, масленица, коледа и т. п. Буоръ, туомъ, вуонъ, друобный, доруожка, пуойдзе, мнуого, коруовочки, нуожечка, пуойдомъ. Удареніе на у. Кры́шиць (3 л. ед. ч.), чернобры́вый, мы́ю, вы́ю (вою), накры́ю, слѣпы́й, злы́й. Лобъ — илба. Подобныхъ словъ (какъ въ § 7, п. 8) не удалось слышать. Ворочацца. По́лымя, крыви́, глы́бокій; чистуомъ, новуомъ, бѣлуомъ. Одни говорятъ серце, другіе сэрцэ. Произносятъ: мое, ўсе, привеў, одежа, падежъ, теща, ведуомъ, пекуомъ, несуомъ, идуомъ, ведуомъ могўомъ. Гожикъ (ежъ); понюосъ, юонъ; е произн. какъ юо: трейцюомъ (удареніе на о), понюосъ. Оробей (воробей); написэ; ище. *Ѣ* произносится у нѣкоторыхъ какъ *ы* и даже *э*: на улицы, на улицэ. Муло, вусокій; вупьемъ, вускачиў, вулецюў, вунесъ. Адзѣ (гдѣ).

Согласные: даў, быў, доўжина́, моўча́ць, по́ўный, човенъ, горэлка, кобылъ, колъ, стуолъ, пуолъ, весюолъ. *Ў* ближе къ *в*. *Г* произносится какъ g въ словахъ: ганокъ, гузикъ, гвалтъ, розга, мозги, но въ этихъ словахъ *г* болѣе похоже на *к*. *Д* и *т* мягкое произносится какъ *дз* и *ц*, но ближе къ границѣ нѣкоторые произносятъ и т. Весе́лле, Илля, бо́жже; ры́ббя. Дземмя́на. Роджа́ць, виджу, заѣжджа́ць, до́ждживъ, уроджа́й; о́бчаство, освѣча́ць; роджу. Одзе́жа, чыстый, чо́рный, проща́й, щу́ка. *Щ* произносится какъ *шч*: шчедрый, шчавель. Буогъ, буобъ. Мяккій; просиццэ, знаццэ, поштувать. Дузѣ, дзѣўцы, ў поро́зи, руццѣ,

рѣццы, на су́си, ў горо́си. Омма́нъ, даўно, ўнукъ; осуда́рь, ву́мъ, ву́лица, паву́къ; е́тый, гэ́тый, вужъ, Олена. Залѣзнымъ; до́шка. Ужахну́цца. Скруозь, замуздать. Есипъ, Филе́ръ, Апанасъ, Тэкля, Хома, Хведаръ, хунтъ, картопля. Товаришъ, горщокъ, паска, сонце, сребреные, друобный; шабля, Варка, Миколай, Микита, священникъ. Палцы, видэ́лца, си́лно, во́лный; купа́ўса, пада́ўса, біўса, наѣ́ўса, наѣ́лисэ, наѣ́лосо; *са* въ единств. числѣ: юонъ, ена найѣуса, найѣласа; *сэ* множественное: ены найѣлысэ; *со* средняго рода: ено найѣлосо. Ходзяинъ, ходзяйка, хрестъ, хрисци́цца.

Суффиксы словъ: мотавило, холоднеча, близнюкъ, гульбище, ковалиха, дубина, олешина, цыганка, доенка, губастый, чистенько, гейко (сестрица), голота, икота, сосулька, голубуся, матуся, Ганнуся (Анна), малюсенькій, свекрухна, хлопчука, трескотня. Лѣпшій, горшій, пущѣйшій, хучѣй, хуткій, буольшій. Роўци́, сопци́, пе́рци, це́рци, ўме́рци, волокци́, стри́гци; бѣгци, пекци; хопану́ць, сербану́ць; ѣстоньки, спа́точки, спа́тки, годува́ць, плюва́ць[1]).

Склоненія: съ соба́комъ. Два столы, дзьвѣ ха́ты; плячи́ма, очи́ма, слязы́ма. Петро, Данило, батюшко. Звательный падежъ: сы́нку, горо́ше, бо́ру, человѣче, Иване, Степане, браце, бра (братъ). Въ именительномъ множ.: жанце́, косце́, мужике́, облаке́; свато́ве, пано́ве; черты́, сусѣ́ды, цыганы́, хозяе́. Юонъ, ена, вуонъ, вуоно, по юомъ. Ср. р.: чистэе, добрэе новэе. Предл. п. сивуомъ.

Спряженіе: несе, дае, робиць; несюомъ, живуомъ, идуомъ. Пекци, могци; будущее — хвали́циму. Що сэ за людзи [1]).

---

1) Врядъ ли во всѣхъ подобныхъ случаяхъ слышится *ц* мягкое и *дз*. Раньше приводились случаи съ *т* мягкимъ. Должно быть наблюдатель отмѣтилъ здѣсь особенность своего личнаго говора (онъ родомъ изъ Слуцкаго уѣзда). *Е. Карскій.*

Словарь: Саянъ = андаракъ = лѣтникъ (своей работы изъ шерсти юбка), чоботы (сапоги), постолы (лапти), хиндзя (лихорадка), етровка, ярица (яровая рожь); журавины (клюква); качка, качуръ (утка, селезень); буселъ (аистъ), бояре (мужчины и женщины, ѣдущіе съ женихомъ за молодою); корецъ (4 мѣрки по 10 гарнцевъ), полкорца (2 мѣрки), чвэртка (мѣрка).

(Изъ сообщенія А. Шарупича).

Примѣч. Къ стр. 27. Скородиянская волость Мозырскаго, а не Пинскаго уѣзда. *Е. К.*

---

9. М. *Шерешово Пружан. у. Гродненской* губ. *).

Гласные: Обáдва. О́пать, ко́леды. «Мнѣ долѣй ици, якъ тобѣ». Скáжеце; попытайса яго. Наобáпалы; «вуо͡нъ ўзяў злóдзѣя пообáпалъ»; ўдырыци. Запруо͡гъ; ўзяў, «вуо͡нъ не лéда що» (онъ не что-нибудь). Мня́со; гля́, напр.: «гля́, гля́, хто гэто пошбу́ў» (смотри, смотри, кто это пошелъ); пьятна, пья́ница. Покоцицца, подсóдзи вм. подсáдзи, порáдзь, що гетому зробици; (посовѣтуй), «ницъ не утойвай». Водá, травá, показáциса, царá, чоловѣ́къ, чорэви́къ (башмакъ). Распла́калаcа, разбѣ́галаса Подзя́коваў, послу́хай. По́есъ, поесни́ца, мáсленица, светы́, поглeдзéце, проси́ласа, коледовáци, месоѣ́дъ, хóдзечи, зáецъ. Сту́кало,

*) Авторъ настоящаго отвѣта производилъ свои наблюденія, кромѣ м. Шерешова, еще въ д. Пеняжкахъ и м. Свислочи, а также сосѣднихъ селахъ и деревняхъ. Такъ какъ захваченная область оказалась очень разнообразной въ отношеніи языка, то въ записяхъ обнаружилась такая смѣсь, что разобраться въ нихъ было трудно даже лицу, близко знакомому съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Во время своихъ поѣздокъ по Бѣлоруссіи лѣтомъ 1903 года я имѣлъ возможность побывать въ Шерешовѣ и тутъ на мѣстѣ провѣрить печатаемое сообщеніе. Особенно интересными оказались наблюденія надъ языкомъ, сдѣланныя въ названномъ мѣстечкѣ. Съ ними почти всегда сходны особенности языка крестьянъ д. Пеняжекъ. Въ Свислочи рѣчь совершенно иная, близкая къ общебѣлорусской. Ея особенности изъ печатаемаго отвѣта я устранилъ.

Е. Карскій.

цежѣ́йшы, легчѣ́йшы, ду́жѣйшы, говóрать, у̌селя́ки, дрéнны, туойé (род. пад. ед. чис. жен. рода), одну́ойе, золоты́, слѣпы́, худы́, стары́, нѣмы́ (им. п. ед. чис. муж. р.), други́, дурны́, дурнóго, дурнóйе (род. п. ж. р.). *О* подъ удареніемъ произносится глухо[1]), какъ уо: гу́бдъ, ду́бмъ, тху́бръ (хорекъ), що, вулу́бу̌, куру́бу̌ (коровъ), ву̌куду̌ (волковъ), бу́бръ, гору́бдъ, горщу́бкъ, припубу̌, бу́бчка, двубръ, дру́биздъ, вуру́бна (ворона), бру́бдъ, гру́бмъ, чу́бртъ, ну́бсъ. Вуонъ, вона, воно (говорятъ въ Пружанскомъ уѣздѣ), ёнъ, яна́ и ёна, ёнó (въ Волковыскомъ уѣздѣ). Кры́шка, кры́ха вм. крóха (немного), кры́е (3 л. ед. ч.), чернобры́вы, спиваю вм. спѣваю (пою), мы́ю, ры́ю. Лóба, рóта, мóху, рóва. Удвóиваци, утрóиваци. Ву́голь и ву́голе. Голова́, борода́, горѣ́хъ, дóброго, бѣ́лого, чóрного, пу́бзно, малóго. Горóдъ, тогó, помолодзѣ́ла, похорóшшѣла, ду́дочка, пóводомъ, хомутóмъ (тв. пад.), хóлодзи, морóзи, братова́я, вода́. Пóломне, крывé (род. п. ед. ч.), блоха́, глыбóки, клыка́ци (глотать), дрыжа́ци, плыва́къ (пловéцъ); золотое (род. пад. ед. ч. ж. рода), золотэ́е вм. золотое (им. пад. ед. ч. ср. род.) въ выраж.: «нема́шъ, золотое шпи́льки», «гэ́то золотэ́е пьюро» (это золотое перо). Сокóрытъ курыца; волочóбники. У шóстумъ часу́. Жоу̌тумъ, у другуомъ, у пьятуой, бѣ́лумъ, у дзеся́тумъ, дру́гуой, у чорнумъ. Гострúци, москóу̌ськую. Звукъ *е* (иногда даже изъ *ѣ*), произносится, какъ *э*, только послѣ губныхъ согласныхъ въ срединѣ и концѣ словъ, напр. цепэ́рэшній, цепэ́ра, грэбэ́, бэрэ́, бэрэтца, бэжиць, мэдъ. Прывьёу, усё, одзёжа, сёла, крыжъ, у̌мьёръ, издзеръ, прыбíегъ, у̌мэрла́, прынесла́, жёрла, слёзы, прыбíёгла, опэ́ньки, клёпки, далёко, принюосъ, цёмный, чорный, тане (дешево), цёща, мэрзнуци, мэрзнутъ (3 л. множ. чис.), вэдзёмъ, несёмъ, несёшь, пьёце, моé, твоé, ужé, ещé, у̌сé, е и éстъ (вм. éсць),

1) Значитъ, не какъ дифтонгъ. При личномъ моемъ наблюденіи оказалось, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ слышится звукъ по началу похожій на *у* (точнѣе *о* сжатое), а по окончанію на *о* менѣе сжатое такъ что написаніе уо—юо далеко не равны цо́ — дцо. Точнѣе бы писать у̊ (*у* склонное къ *о*). Иногда въ ударяемыхъ закрытыхъ слогахъ даже слышится вполнѣ явственное *о*.

Е. Карскій.

далéкій. Гнѣ́зда, вэдра, мьёў, вьёў, йшоў. Пóпелъ, ежъ, ожы́на. Понюосъ, цёмны. Піе́чь, хліе́бъ, прыбіе́гъ, ліе́съ. Піечь — пэ́чи. Нюосъ, понюосса, трецюомъ, вюозъ (вёзъ), во ўсюой; выраж.: во ўсюой вёсцы. Ми́жь и мэ́жъ. Мижъ горóдами процекала рые́чка. Мижъ ліе́сомъ зацишно. Мижъ гэтыми селами верстóў зъ пьяць. Люодъ — лёду, лёнъ — льну́ и лну́, камэнь — кáмэня, зáецъ — зайца, пáлецъ — пáльца и пáлца. Безударное *е* послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* переходитъ иногда въ *о*, напр., жорóнки вм. жерóнки (маленькіе жернова), жонá, чортóўски вм. чертóўски, чорвóны, чоловѣкъ, нáшого, щокá. Землѧ́, сестрá, зеленовáты, пшеница, срые́бро, си́нею, скры́нею, си́ненькимъ, дзе́рэво, не пэрэбивай, болющее. Вэрни́са, у мэнé, вэзу́тъ, зелёны, бэрéшь, вставáйце, восень, вóзеро, миленьки, гóленьки; слухáйце, ховáйце, шукáйце, ходзéце, селезéночка, зелено. Гэ́ты руокъ. Віецеръ, нисчáсьце. Дзесеци́, несіеце, ссрэдá, бэрэги́. Шесцярыхъ, шасцёхъ, штырёхъ, нащапáў, шалясци́тъ, церкóўны, чорвóнцы. Ондзіе, бу́дзіе, пры́дзіе, гы́ндзіе (тамъ), сюолко (небольшое село). Ну́женька, свáшенька. Сэ́рцэ, дóбрэе, однэ́ (ср. р.). Горобэ́й, соловэ́й, мурáшка вм. муравей, грóшей, кóней, дрóжжей. Шію, напи́са, лю, бры́юса. Ещé и ещи́, я́къ вм. если, напр., въ выраженіи: «я́къ ты́ пуойдзешь, то й я за тобою». У насъ очень часто *ѣ* произносится, какъ *іе*, напр.: ліесъ, дзіедъ, стрыеля́ць, хліебъ, хліеў, хрыенъ. У поли, у хліевіе, на дуби, на століе, у дóми. Лѣпи́ци, полѣніўса, сѣды́, блѣды́, бэсѣдоваци[1]). Мягкій согласный оказываетъ вліяніе на предшествующій звукъ *е*, приближая его къ *и*, напр., міель, ціесьць[2]). Дзіело, сіера, віесъ (но вэсь), дзень, ціель, ліень, поліено. Цэна, цэдзи́ци, ріекá, бэдá, дзѣды́. У ліе́си, у горóдзи, дзвіе́сціе. Слово «ліесъ» во множественномъ числѣ не употребляется. Худы́е, цёмные, дóбрые, гнилые, пьяные (именит. пад. мн. ч. всѣхъ род.). Худóе, пья́ное, дóброе (род. п. ед. числа жен. р.). Сліе́дство,

---

1) Написаніе іе дѣйствительно передаетъ ꙇе со слишкомъ краткимъ ꙇ.

2) Лучше бы писать іᵉ. *Е. Карскій.*

цэдзйици. Пи́во, винó, господзи́нъ, ли́па, ли́хо, кли́каци, клинъ; йи́мъ, йи́хъ, йи́каўка, йи́сцинна, Иля, вэселе, йи́мя, свойи́хъ; йшóў, вы́йшоў, ици́, йдзи́ найшóў. Гóлка, грацъ, грá (игрá). Яéцъ, яéчко, яéчница. Стáнцыя. Збирáлиса, заливáетца, умирáе. Вишнёвы, сироцѣ́, вилáми, сидзѣ́ци; свиріепый, дзицятко. Чы́стый, жырýе, шы́шка, щыпáци, цыбýкъ, но би́чики, защиціў, жи́ци, шици. Ишóў, ишлá, ишлó, одыйшóў, зайшóў, прыйшóў, зыйшлá, обыйшлá. Литвá, воскликáли, обливáли. Мужики́, жыровáць. Нóжки, пастушóкъ, що, мніе (дат. п. ед. ч.). Пытáетца, товáрыщоў, былá, вы́мыта, вы́брыта. Таки, крывы, домóвы, шклянны́е вóчи, золоты́е рóги, дóбрые лю́дзи. У худыхъ, у одныхъ, у гэ́тыхъ, гыбкій. Бывáў, бывáй, бы́ци, прыгóжы, выдзи, вы́шеў, у новыхъ; ўмѣ́цъ, ўбóги, ўби́цъ. Раски́нуў, духóта (жарá), зáмужъ, дубóкъ, слы́хъ, вы́слухай, быдто въ выраж.: «бы́дто прáўда»? Опýхне, луги́, чуў. Ўся́кую, бóжую, сви́снуў, шы́ршую, плю́снуў. Ў дурнýю гóлову, на такýю дзѣ́ўку, на тýю клýню. Дзюрá, дзюрáвы, дзюрка. Оболоки́, мóлня, жеребóкъ, залóза, горбъя́ми, горобъи́ха. Срэ́бро и рѣже сэрэбрó, солóдкій, болозѣ́ и болозѣ́й. На горóдзи, черóтъ, гурки́, гэ́то, тобѣ́, за одно. Дáрочкá, вóўторокъ (им. п.).

Согласные. Появленіе *у* и *ў* вмѣсто *в* зависитъ отъ того, стоитъ ли *в* послѣ гласнаго или въ началѣ слова; если *в* стоитъ послѣ гласнаго, то вмѣсто *в* произносится *ў*; если же *в* стоитъ въ началѣ слова, то на мѣстѣ *в* произносится *у*, напр., унукъ, удова, уліезъ у міехъ, у горóдъ, уси́хъ, ужé, царэўны, за ўнукомъ за ўдовою, ня ўлѣзли у міехъ. Увэсь, у обхвáци, утры, у огонь, у водзѣ. Двуоръ, голова, вуóдка, вóля, вóрокъ (мѣшокъ). Даў, быў, прышóў, подары́ў, доўжнá, моўчацъ, купáўса, поўны, чоўёнъ. Горыелка, куолъ, стуóлъ, гóлы. Звукъ *л*, переходя въ *ў*, ближе къ настоящему *у*, чѣмъ къ *о*. Обмоўляцъ. Царъ, зорá, рэка, говору, сцерогъ, бэрóгъ, драцъ, радъ, рáдоваписа, граница, старáциса, сáхаръ, сокéрою (вм. топоромъ), государъ, царыца, по бэ́рэгу. Бъю, пъю, въю, сéмъями, голубъ, сыпъ, розяў, семъ,

вбсемъ, скамъями. Пъяць, пáмэць, урэ́мъя, завъязъ, опъяць, бэрэ́мъя. Въ бѣлорусской рѣчи очень немного такихъ словъ, гдѣ звукъ г произносится мгновенно (g), какъ въ словахъ: гáнокъ (крыльцо), гу́зикъ (пуговка), гвалтъ, рубзга; почти всегда этотъ звукъ произносится, какъ длительный, даже приближаясь къ *х*, напр.,ноhá, бэ́рэhъ, дороhá, hорá, hóрóдъ. Одзѣци, одзéжа, бу́дзень, бу́дзе, дзикъ (дикій кабанъ), дзи́во, дзіе́у́ка, дзя́хтелъ, дзя́дзина, пи́ци, ѣсьци, цемя, цихо, ця́шко, подзерéшь, подзи́, дзьвѣ, дзьвэры, дзя́конъ. Ходзи́ць, пи́скаць, бѣгаць. Дзѣци, глядзѣци. Вэсéле, счáсце, бóжее. Удвоенный согласный можетъ сливаться, если онъ стоитъ передъ удареніемъ, напр., судзя, судздзя. Согласные: п, б, м, в, ф не удваиваются, напр. вмѣсто «выппю» говор. «выпью», вм. «Дземмяна» гов. Дземьяна, робью. При удвоеніи *дз* и *ц* мягкихъ изъ *д* и *т* слышатся звукосочетанія: *ддз* и *тц*. Первый изъ удвоенныхъ согласныхъ передъ мягкимъ же согласнымъ бываетъ довольно мягокъ. Проходжу́са, раджáць, заѣжджáць, дóжджыкъ, дожджу́, вищáць, вискъ. О́бчество, освѣчáць, ростубу́чикъ вм. ростовщикъ. Отвѣчáючи, отвѣчáци, отвѣчáу́шы, отвѣ́цицъ. Полечу, роджу́. Одзéжа, щы́ць, прощай, щу́ка, шукáци (искать), щыпаци, щытъ, чыстый, чорный, чбботы.. Оу́ца, цэвá, цы́фра, ойцéцъ, купэ́цъ, цэдзи́ци. Прошчáй, шчупáкъ, шчу́ка, шчу́паци. Бу́тка, ду́тка, дзѣтъ, обіетъ (обѣдъ), опцѣсаць, опходзиць, бопъ, лау́ка, жыу́, лехки, бохъ, люцки, глáдзь, лѣзци, лѣзь, рожествó, рѣжъ, дбжджъ и дощъ. Свѣтъ, свидáня, смáга, смирный, зъ крóу́ю, зъ лѣсомъ, зъ ру́ками, зъ ногáми, зъ вэ́нкомъ, зъ мэки́ною, зъ котóмъ, зъ пѣу́немъ, зъ товаромъ, зъ хлѣвомъ, зъ цѣстомъ, зъ фунтъ. Одъ мэнé, одъ рѣ́чки, одъ лу́га, одкинь, одогнали, одобрáли, одпрáу́лю, оддáмъ. Зъ жыдáми, зъ жытомъ, зъ шáпки, зъ чорнымъ. Нау́чишься, доцц́ѣ, флясцѣ, боишься, задумаешься, забэрешься, забьéшься. Зъѣсть и зъѣсць, цьвѣтъ, зьвѣздá, зьвѣ́ръ, зъ кимъ, гни, лёхки, санки́. Зéмълю, серэ́бъраная, щéпъки, зéръне (зернó). Що вм. что. Прóсицца, годзи́цца, звáциса. Помóшникъ, пóштовацъ и частовáци, молóшный, ску́шный, пщóлы, чмель, заплéш-

никъ. Горщóкъ, горшки́, смашный. Къ плóту, къ пэ́чи, къ цяплу́, къ коню. Гъ дзéрэву, гъ горѣ́, гъ желѣ́зу. Доу́ги, блі́зки, нóги, легки, сухи, му́хи, блóхи, бычки, рожки́. Одноé, сырóе, худóе (родит. пад. един. ч. ж. р.), одзинъ, сыры́, худы (им. п. ед. ч. муж. р.), другóе, такóе (род. п. ед. чис. жен. р.), други́, таки́ (им. пад. ед. чис. муж. р.). Дузѣ́, дзѣу́цы, стрѣ́си, сосѣ́, у порóзи, у усѣ́. О Бóгови, о человѣ́кови, о своемъ мужикéви. Рутцѣ́ (рукѣ́), на рѣ́цдѣ (на рѣкѣ́), на су́си (вм. на сушѣ́), у шасѣ́ (въ шоссе къ имен. шашá), у горóси. Оннá, сегóння, вэли́конню. Нигóдзенъ, вóсень, вóзеро, вóба, государ́ъ, вумъ, ву́лица, ву́цица, ось, паву́къ, наповáци, сподзѣвáцися, гэ́ты, гу́лочка, гужъ, вужъ, Галéна, годнáковы вм. однаковый (одинаковый), ву́голь. Не нялá, выраж.: не нялá віéры». Позно, жáлосно, слáпи, посцéль, послаци, рожествó, ксци́ны, здаéтца (кажется), ёгó, няу́жé (неужéли), чаго и чоу́, моляу́, бáчицися, кáже, посны (пóстный). Глядзѣ́цъ, пиру́óгъ, озьми́, взлину́ць. Злосьць, шéсць, чесць, ѣсць, дасьць, прясць, милосць, грубосць, злѣ́сць. Дзѣ́, чацьвэ́ръ. Пи, би (бей), кóнёу́ (коней), добры вм. добрый, сини вм. си́ній, чéрны вм. черный, стары́ вм. стáрый, большы́ вм. большой и т. д. Колóдзяжу, зáлко, залѣ́зо, залѣ́зны. Шáпка, шпѣ́ваци, шпѣвáкъ, дóшка. На мѣстѣ *с* иногда является *з*, напр., крезтъ вм. крестъ, хризтіянинъ вм. христіанинъ [1]). Ужахну́цися. Цвисьци́, пасьвэци́, твэ́рды (твёрдый), свэ́рдзѣлъ. Унистóжиць, нистожны, ужахáцися, цмоктáци, цмóкнуу́. Хвили́ппъ, Юзё, Хлоръ, Ахѳанáсь, Хѳéкла, Хѳедоръ, хвунтъ. Хвалá, ухвачу́, охвóта вм. охóта. Горщóкъ, дóшка, ночліéгъ, віéчны, поліéпшало (получшало), вьюнъ, запрэсци́ци, мастэроваци и чаще майстровáци, нáвэць (даже), мэдзьвэ́дзь, бэрлу́óгъ, картóфля и бульва, ху́тко, пáска, чарэзъ, ця́шки, унистóжиць, талéрка, покóи (комнáты), карчóмцы, раздувáци, скры́бочка, квѣ́точка, квѣ́точки, гвя́зды, сóнце, шáбля, архерéй, Барбáра, Миколáй, Мики́та. Падáу́ся, біу́са, наѣу́са, наѣ́лиса, наѣ́лоса. Вмѣсто *ся* говорятъ *со* и *са* въ тѣхъ случаяхъ, когда *ся* стоитъ въ концѣ глаголовъ, какъ

1) Вѣроятно, въ произношеніи отдѣльныхъ лицъ. *Е. Карскій.*

возвратное мѣстоименіе, напр., бйциса, учйциса, купáциса, наѣ́ласа, наѣ́лосо и т. д.; *сэ* вм. *ся* не употребляется. Пóўны, вóйсько, женьски, стакáньчикъ, стýжены, вышиня́, доўжиня́, ширыня́, вэличиня́, тоўщиня, дужиня́, конéчне. Ходжáинъ ходжáйка, клóпоты. Ноченька, бýсликъ (áистикъ), конопэ́ль, покýль. Усякіе. Ойца, молойца. Относительно согласной *ж* у насъ существуетъ слѣдующая особенность въ произношеніи: изъ двухъ рядомъ встрѣчающихся звуковъ *ж* второй звукъ произносится твердо, приближаясь къ звуку *ч*, напр., прыѣ́жджáў.

Удареніе. Вэзцú, вэзé, вэзú, вьюзъ, вэзлá, вэзло, гóздзикъ, гоздзика, гóздзики, гóздзикоў, клыкáци, клыкáю, клыкáе, клыкáй, жерэбья́, жерэбья́та, жерэбья́тя (р. п. е. ч.), жерэбья́тъ, дóлото, дóлота, долотá, долотóў, запусты́, запустóў, зáходъ сóнца, зацéрка, зацéрки (род. п. е. ч.), зацёрки (и. п. м. ч.), зацёрку, и́мя, и́мени, именá, именóў, обычáй, обычáя, обычаé, обычаéў, умэрцú, умьёръ, умэрлá, умэрлó, смѣ́шны, смѣ́шная, смѣ́шнэе, целя́, целя́ця, целя́та, целя́тъ.

Образованіе словъ. Гóлядзь, попадзю́къ, голенáсты, головúзна, голосúсьценько, кобыля́ка, дзѣдýлько, матýсинька, новьюсéньки, дочýшка, гультаю́шка, побѣгýшка, скупендзя́ка, одзинюсенько, стукотня́, браскотня́, голодзѣ́й, бородзѣ́й. Вэлúзны и вэлúзозны (очепь большой), бóльшы, вэ́льки, вэлизóрны, найшпарчѣ́йшы. Намилѣ́йшы, надóўшшы, тонусéненечко, бѣлюсéненечко, добрусéнечко. *Ня* служитъ для образованія превосходной степени только при словѣ «плохо», напр., гэ́ты хвóры чýе себэ ня плохо (очень дурно себя чувствуетъ). Бáхоньки, лю́леньки, ды́боньки, бѣ́ганьки; пѣ́цъ—пѣ́ю, шумѣ́цъ—шумѣ́ю, давáць—давáю, скакáць—скакáю, прáтаць—прáтаю, вы́биць—вы́бію. Похóджываци, выспѣ́вываць, покрыкиваць, пагалѣ́киваць, подýмываць, поговóрваци, вы́грываць, выдумóвываци. Цяпэ́рка, цяпэ́рыка, тýтэка, тýтэчки; ýлѣтку (лѣтомъ), улéтку (легко). Круциголóў (вертиголóвка), великосéлецъ, кривонóги, зорвúголовá.

Склоненія. Зъ моимъ собáкою; лицъ. Съ пъяницомъ (когда рѣчь идетъ о мужчинѣ), съ пъяницою (когда рѣчь идетъ о женщинѣ). Два столы́, два чоловѣки, два кóни, тры—чэтырэ столы́, три — чэтырэ дóмы, дзвѣ хáты, рукѝ, ногѝ, головы́, дзьвѣ селѣ, дзьвѣ дзицяци, чэты́рэ—три селѣ, бэды́. Дзьвэры́ма, очы́ма, плечы́ма, слёзы́ма, грудзѝма. Къ § 73-му. Имена собирательныя обыкновенно согласуются въ среднемъ родѣ. Зайня́ў коня́, пойня́ў зайца, зрубáў грáба, згубѝў рубля́, знашóў грыба, зломáў плóта, мáе грóша (денежку), мáе грошá (въ смыслѣ много денегъ). Порá закладáци кóни, поклѝкаци собáки, погнаци волы́, поглядзѣци коровы́, побáчици женцэ́ (жнецъ), похвалѝци дзѣўки. Зват. п.: сы́нку, горóсе, бору, селезню, бáцьку; ой, дубе, дубе, высоки баръя́че; брáце, жы́ду, хлóпче, чоловѣче, добродзѣю, пáне, дру́же, Бóже, панѝчу. Дат. п. ед. ч.: ковалéви, сы́нэви, бáцькеви, столови, ду́бови, столярэви, конéви, парсючкéви, жерабцéви, лóсеви. У лѣси, у пóли, у століé, у ду́би, у лугу́, у острогу́. Имен. п. мн. ч.: жанцэ́, косцэ́, гребцэ́, цыгáне. Сватóвэ, панóвэ, господарóвэ и чаще — паны́, сваты́, господары́. Чéрци, сусѣдзи. Въ именительномъ пад. мн. числа употребляется и окончаніе іе: ключіé, обручіé, вэчэріé. Род. п. мн. ч. óчоў, солдáтоў, аршы́ноў, мѣщáноў, жыду́ў, татáроў, рогóў, болгáроў, стогóў. Кóнёў, рублёў, óкунёў, ву́голёў, рогалёў. Комарóў, докторóў, офицѝроў. Грошей. Воротóў, пѝсьмоў, устóў, полёў. Служѝць пáномъ, господарóмъ, трэба зу́бомъ, панáмъ и пану́омъ (д. п. м. ч.). Твор. п. мн. ч.: грóшмѝ, грушмѝ, обручмѝ, кóньми, короу́мѝ, обру́смѝ, плѣснеми. У ворóцяхъ, на колѣняхъ. Господарохъ, у штанóхъ, у каптанóхъ, у чóботохъ. Пáни, васпáни. Зват. п.: мамъ, тáту, Дунь, Оль, Мары́сь, Надзь, Ану́сь. Жóнкой, дорóгой, споднѝцэю, старэ́й, не дужэй. Отъ землé, возъ травэ́, квáрга водэ. Род. п. мн. ч.: старшынóў, старостоў, су́дзёў, коровóў, кобылóў, бабóў. Твор. п. мн. ч.: слезьмѝ, свиньмѝ, шіймѝ, очмѝ, косьмѝ. Пэчэ́, ночэ́ (род. п. ед. ч.) на пэчѣ, косцéю, ночею, сяньмѝ, дзяцьмѝ. Небьéсы. Брóвы; о днёхъ; род.: мэнé и мане, цебэ́, себэ́; дат.: мніé, тобіé, собіé; вин.: мэнé и манé, тебэ́, це,

себә́, се; твор.: мно́ю, мной, тобою, тобой, собою, собой, предл.: о мніе, о тобіе, о собіе. Той, тáя, тое и тә́е, того, тымъ, ў тубмъ; тә́е и ты́е (р. п. ед. ч. ж. р.), тубй, о туой (д. и пр. п. ед. ч. ж. р.), тоéю, тóю и тә́ю (твор. п. ед. ч. ж. р.), тымъ (тв. п. м. р.), тые (им. и вин. пад. мн. ч. для всѣхъ род.). Гә́тый, гә́ты и гэтые (имен. п. мн. ч.). Кимъ (тв. п. е. ч.), о кубмъ (предл. п. е. ч.). Кóжный, кáжный и кóженъ. Якимъ родомъ; род. п. муж. и средн. р.—мого, твого, свого, род. п. жен. р.—моіé, твоіé, своіé. Воны́. Передъ формами мѣстоименія «вуонъ» никогда не встрѣчается *н*. Ўвэсь, ўсéй, вэсь, ўсёé (р. п. ед. ч. ж. р.). Ўсúмъ, объ ўсёмъ. Усіе, ўсихъ ўсимъ, и т. д.; хтось, штось, чійсе, якійсе, которыйсе. Хтóськи, штóськи, нѣкись. Одны́мъ и годны́мъ, объ гóдномъ, объ однубмъ. Род. ж. р. Одноé, однә́е и однә́й. Мн. ч.: одны, одны́хъ, одны́мъ, одны́ми, объ одныхъ. Двохъ, двомъ, двомá, о двохъ, дзьвѣхъ, дзьвѣмъ, дзьвѣ́ми, о дзвѣхъ. Вмѣсто «трижды» говорятъ «тры разы» и «трымá наворóтами». «Якъ дорóга дóбрая, то мóжна и поѣхаци хучѣй». «Вэсёлы чоловіекъ нáйдзе объ чубмъ говори́ци». Стары́ чоловіекъ мнóго ўсёгó знáе». «Нашъ молоды́ попъ вә́льми хýтко хóдзитъ ў цéркви». «Дóбра мáци любитъ своихъ дзѣцей». Лихи́ собака, хрáбру молойцý, дрóбна картофля, чóрна хáта. Палками лозóвинькими, чорными брóвáми. Новы сини домъ, нова синя шапка, новэ сине окнó, нову синю сподницу и т. д., милэ цихэ дзиця. Святы́, молоды, дороги и святый, молоды́й, дорогій, святая, святә́е. Родит. пад. ед. ч. муж. р. всегда имѣетъ окончаніе—ого,—его: слѣпого, дурнóго, слáбóго, старóго, бѣдного; жен. р.—ое—эе: нóвое хаты, старóе бабы; старэй жонки, дурнә́е дзѣўки. Дат. п. жен. р. Святуой, пречистубй, велизнуой.

Спряженіе. Ѣси, даси. Несé, даé, рóбитъ, хóдзитъ, спитъ, купýе, гультýе, душытъ, лжé, говóрытъ, спитъ, лежы́тъ, несé, бэрé, оддастъ, ѣстъ[1]). Спѣвáе, ни дбáе, гуля́е. Несемъ, бэремъ,

1) Въ 3 л. ед. и мн. ч., дѣйствительно, *т* твердое; рѣже употребляется *и* мягкое. *Е. Карскій.*

хвалимъ, ѣдземъ, но бѣжымо́, дамо́, ѣмо́, сѣдзимо́. Живэмъ, идземъ, пэчэмъ, купу́емъ. Идзе́це, спице́, стоице́, боице́са, бѣжице́, спэшице́; въ приведенныхъ словахъ на концѣ слышится *е*, но не *ё*. Чита́ютъ, гуля́ютъ, несу́тъ, берутъ, хо́дзятъ, лазятъ. Несци́, любици, хова́ци, гуля́ци, ѣ́хаци, плесци́, гнесци́, пэрци́, дзе́рци, мэсци́, бра́ци, купова́ци, глядзѣци. Пэчы́, мохчы́. Ходзь сюды́. Ѣ́жмо, несе́мо, купу́ймо, бѣгаймо, ходзе́мо, уцека́ймо. Заві́дующій, заграбу́ющій. Здыня́ушы. Узя́мшы, прыня́мшы, пойнямшы. Исци́ йци, йшо́у. Па́свици, па́свіу. Грэбсьци́, зачэ́рпаци, сопсьци и сопѣци, храпсьци, бѣ́хчи. Дзьму, дзьмэть, дзьмэмъ. Вы́няци, вы́му, выйму́, выймэшь. Мѣ́ця, маю, ма́ешь, мѣ́у, мѣ́ла, мѣ́ло; пов. накл.: май. Ку́пимо, ку́пице, зро́бимо, зро́бице. Спимо́, спице́. Хо́чу, хочешь, хоче, хо́чемо, хо́чеце, хо́чутъ. Кле́пле, кля́пье. Зву, звэшь; пов. н.: зви, звэ́це. Гна́ци, жену́, жене́шь, пов. н.: жени. Повѣнь. Дамъ, даси́, дастъ, дамо, дасце́, дадутъ. Ѣмъ, ѣси́, ѣстъ, ѣмо́, ѣсце́, ѣдзя́тъ. Ѣжь, ѣ́жьце (пов. накл.). Есть (3 л. наст. вр. ед. ч. отъ глагола быть).

Особенности синтаксиса. Голо́днаго ча́су не пора́ гро́шы збираци. «Гэ́такъ было́ еще́ за мого́ дзѣда». «На́шому сосѣ́дови корова оцѣлиласа»; у́ моры гаду есть, которому лычбы немашъ; ему боли́тъ голова. Сравн. степень часто выражается повышеніемъ голоса и протягиваніемъ, напр., богаты, ду́жи и др.; сперегутъ гру́шоу́, пасу́тъ ко́ни, запо́мници имени (забыть имя), пыта́у́ у мэне́. Прійци по хлѣбъ, но ходзитъ за хлѣбомъ (за милостыней), пошо́у́ по коровы. Ходзици по я́годахъ, до кого здоровациса, пришли у́дзесяцёхъ, у́тро́хъ, у́чтэ́рохъ. Памятаци на Бога, силнѣйшій одъ мене; лѣпшій одъ цебэ́, смѣе́ца зъ мэне; цѣшыу́са зъ того. Увойшо́у́ до поко́ю. Ойцецъ его тонки зъ плечъ; зъ того пользы не будзе. Размножитца большъ пэску́. Городская голова ке́пска. Гинши умѣе ле́стями придобри́тиса. Пту́хи летаютъ по воздухови.

Разговоръ.

(Одинъ крестьянинъ сообщаетъ другому о кражѣ лошади).

«Ничи́поре! чи ты чу́ў, що гэ́тое но́чи у на́шого Янка́ пропа́ла его сива кобыла»? — «Ахъ, му͡ой брацы́шку, ня́ўже гэ́то пра́ўда, що ты допе́ро ка́жешь»?—«Прыся́гшы Бо́гу[1]), праўда! ко́ли не вѣ́рышь мн͡іе, то запыта́й со͡біе кого хо́чь. Сего́ни на́вэтъ прыѣ͡жджа́ў ура́тникъ, пэрэтру͡у́съ ўсе́ сю͡олко и ни́цъ ни знашо́ў; ў͡сіе кажутъ, що гэто работа на́шого молодо́го корчмара Шмульки, що бацько его сидз͡іе́ў у острогу́».—«Але́, але́, гэто́ хучѣ́й ву͡онъ таки́ ма́йстэръ, бо неда́рмо старые лю́дзи говбратъ: «яки́ бацько, таки́ сы́нъ, а яке́е дре́во, таки кли́нъ».

Александръ Салтруковичъ.

---

1) Чаще «дальбохъ».

Е. Карскій.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 7.

МАТЕРІАЛЫ
для
ЭТНОГРАФІИ СѢДЛЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

собралъ
И. В. Бессараба.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Близкое знакомство съ языкомъ и народнымъ бытомъ Забужной Руси вообще и Ломазскаго прихода въ особенности побудило меня въ интересахъ науки составить настоящій сборникъ по описанію родного для меня бѣло-малорусскаго говора, народныхъ обычаевъ и повѣрій этой мѣстности.

Главнымъ источникомъ для составленія «Матеріаловъ для этнографіи Сѣдлецкой губерніи» послужили мнѣ личныя наблюденія во время долгаго пребыванія моего на родинѣ и частыхъ туда поѣздокъ въ послѣдніе годы.

Кромѣ того, для пополненія результатовъ моихъ личныхъ наблюденій, для параллелей и болѣе яснаго освѣщенія добытаго мной матеріала я пользовался нѣкоторыми (бывшими подъ руками) и печатными пособіями, попутно указанными въ моей книгѣ.

Трудъ мой былъ благосклонно принятъ и одобренъ къ помѣщенію въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Вотъ почему я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить искреннюю признательность корпораціи этого Отдѣленія, равно и всѣмъ лицамъ, оказавшимъ мнѣ доброе содѣйствіе при составленіи и напечатаніи предлагаемыхъ «Матеріаловъ».

И. Бессараба.

Октябрь 1903 г.
Пос. Новая Прага, Херсонск. губ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Звуковыя особенности Ломазскаго говора.

Гласные звуки.

Звукъ е = е, э, ё, а, я, о, у, ю, и-ы, і͡э, ю͡о.

1) Звукъ е въ слѣдующихъ словахъ произносится мягко, какъ общерусское е: пáлець, читáе, ночýе, малю́е, лéтае, е-есть.

2) Е въ нѣсколькихъ словахъ выговаривается какъ русское ё: осёлъ, козёлъ, лёнъ, слёзы, сёмая, ёмý.

3) Е во многихъ словахъ произносится какъ э: нэбо, зэмля́, сэлó, рэбрó, бэрэ́за, пэнь, пэрэць, зэлёная, твэ́рдо.

4) Е въ нѣкоторыхъ словахъ звучитъ какъ о: орóлъ, пóпэлъ, лободá, пошóвъ, пашóвъ.

5) Е иногда замѣняется звукомъ а: Гараси́мъ, Банады́къ, Патэрбýркъ, парсьцёнокъ.

6) Е въ единичныхъ случаяхъ замѣняется звукомъ я: яли́на, ядвáбъ, янарáлъ

7) Е въ дат. и пред. падежахъ нѣкоторыхъ мѣстоименій и прилагательныхъ женскаго рода переходитъ въ у: нáшуй мáтэри, вáшуй, хорóшуй.

8) Е иногда замѣняется звукомъ ю: дýрнювъ, хлóпцювъ, си́нюй, кóшоловцювъ.

9) Е въ нѣкоторыхъ словахъ переходитъ въ и — ы: видро́, митла́, писо́къ, у́лій, трыво́га.

10) Е часто переходитъ въ двугласный звукъ: іэ (іе): міэдъ: піэчь, вэсіэле, каміэне, коріэне, зіэле, воробіэй, соловіэй, людіэй, куріэй, здоровіэй, сіэмъ [1])

11) Е въ нѣкоторыхъ словахъ переходитъ въ дифтонгъ — юо: люодъ, купцюовъ, кравцюовъ, моюой, твоюой, своюой, ломазьцюовъ, москалюовъ.

Дифтонгъ — іэ, образовавшійся изъ звука е, составляетъ звуковую особенность Ломазскаго говора, незамѣченную изслѣдователями въ другихъ подляшскихъ говорахъ, хотя онъ и существуетъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ въ Кошоловскомъ.

Безударное е иногда переходитъ въ звуки — и, у, ю, а съ удареніемъ — въ дифтонги іэ, юо; при чемъ удареніе всегда ставится на первой части дифтонга: міэдъ, зіэле, твою́ой, лю́одъ, купцю́овъ.

Въ однихъ словахъ дифтонги сохраняются во всѣхъ падежахъ; въ другихъ же съ измѣненіемъ ихъ окончаній дифтонги исчезаютъ: вэсіэле, вэсіэля, вэсіэлёмъ, зіэле, зіэля, на зіэли, зіэлёмъ; міэдъ, мэ́ду, мэ̀домъ, воробіэй, воробья, люодъ, лёду, млюонъ, млёпа.

Звукъ о = о, у, уо.

1) Звукъ о въ большинствѣ случаевъ звучитъ какъ русское о: кровъ, стовпъ, сонъ, мохъ, дощъ.

2) О иногда замѣняется звукомъ у: купэ́цъ, кунча́нэ, гуркій, Руздво́, пуйти́ и пошо́въ, чо́рнуй, біэлу̇й, чэрво́нуй, зэлёнуй.

Эта звуковая особенность мало распространена въ Ломазскомъ говорѣ; между тѣмъ въ нѣкоторыхъ забужныхъ говорахъ больше встрѣчается случаевъ перехода о въ у.

---

1) Въ словѣ е́жъ е произносится какъ йіэ: йіэжъ — йижа́.

О часто переходитъ въ закрытыхъ слогахъ въ дифтонгъ — у͡о: Пу͡ольща, ву͡олъ, ку͡онь, су͡оль, сту͡олъ, му͡ой, тву͡ой, ту͡олько, ляху͡овъ, пану͡овъ, корову͡овъ, волу͡овъ, столу͡овъ. Существуетъ единичный случай перехода открытаго звука о въ у͡о въ словѣ у͡ольха — у͡ольхи. Дифтонгъ у͡о въ нѣкоторыхъ словахъ сохраняется во всѣхъ падежахъ, если удерживается удареніе на одномъ и томъ же слогѣ, а если удареніе переходитъ при измѣненіи окончанія на другой слогъ, то дифтонгъ исчезаетъ и замѣняется первоначальнымъ звукомъ: Пу͡ольща — Пу͡ольщи, ву͡ойсʼко — ву͡ойська, — зъ ву͡ойськомъ; ву͡олъ — волá, волы́, волáми, ку͡онь — коня́.

Безударное о иногда переходитъ въ у, а ударяемое въ двоегласіе — у͡о и при этомъ удареніе дѣлается на первой ея части: ву̍͡олъ, ку̍͡онь, ляху̍͡овъ.

Звукъ а = а, я, о.

1) Звукъ а въ большинствѣ случаевъ произносится какъ общерусское а: водá, сáло, си́то, травá.

2) А передъ согласнымъ звукомъ ц замѣняется звукомъ я: царыця, ку́риця, Яртэ́мъ.

3) А въ нѣкоторыхъ словахъ замѣняется звукамъ о: овтóръ, оксами́тъ, Онту͡онъ, Ондрі͡эй

Звукъ я = я, а, э.

1) Звукъ я по большей части произносится какъ русское я: я́ма, яйцé, яринá.

2) Я послѣ согласной р произносится какъ а: царá, порадóкъ, гра̀дка, праду́, горачка.

3) Я переходитъ въ э въ слѣдующихъ словахъ: пáмэть, памэтáти, имэ̀не, вы́мэне, ті͡эмэне, берэ́мэне, стрэ̀мэне, полóмэне, сі͡эмэне, племэ́не.

Суффиксъ эн, находящійся въ приведенныхъ словахъ, очевидно, — слѣдъ древнеславянскаго юса, сохранившагося до сихъ поръ въ польскомъ языкѣ: imię, wymię, ciemię, plemię, pamięć.

Въ Кошоловскомъ говорѣ, весьма сходномъ съ Ломазскимъ, послѣ согласной р звукъ я переходитъ въ дифтонгъ — ыэ: порыэдокъ, прыэсьци.

Въ полѣшскихъ говорахъ Володавскаго, а отчасти Бѣльскаго уѣзда послѣ шипящихъ звуковъ и р звуки а и я замѣняются дифтонгомъ ыэ: порыэдокъ, жыэты, шыэпка, щыэсьце. Въ одномъ народномъ говорѣ Бѣльскаго уѣзда около Бреста Литовскаго сохранилось произношеніе этихъ буквъ древнеславянское: шяпка, щясьце, жяти, жяба, щючка, вмѣсто шапка, щасьце, жати, жаба, щучка.

Звуки и — ы = и, ы, й, йи, ыэ — іэ.

1) Звуки и-ы въ Ломазскомъ говорѣ произносятся такъ, какъ и въ литер.—русскомъ языкѣ: кóни, сáни, грáбли, ви́лы, волы́, козлы́ и т. п.

2) Твердый звукъ ы послѣ согласнаго звука ц замѣняется мягкимъ звукомъ и:ципленя́, пáльци, хлóпци, любэ́ньци, кóшулувци.

3) Мягкій звукъ и въ единичныхъ случаяхъ замѣняется й: йти́, йду́, йди́.

4) Звукъ и послѣ гласной буквы удваивается звукомъ йи (ji): мойи, твойи, свойи, мойимъ, твойими, добрыйи, синійи, хорошійи.

5) Звукъ и послѣ р имѣетъ три произношенія—твердое, мягкое и среднее — между ы и и, какъ въ Корницкомъ говорѣ: цары́ця, цары́, грибъ, приніюосъ, тры́ста, дрымати, трыво́га, крычáти, у мáтэры, ку́рица, куры́ти, тры́чи, грихи́ до рики́, рикá.

Ударяемое и звучитъ какъ ы, а безударное какъ и, или по

большей части слышится среднiй звукъ между твердымъ звукомъ ы и мягкимъ и.

6) Звуки ы и и часто переходятъ подъ удареніемъ въ дифтонги — ы͡э, і͡э: лі͡эти, шi͡эрши, бэрі͡этэ, нэсі͡этэ, возьмі͡этэ, иді͡этэ, бэрі͡эмо, нэсі͡эмо, иді͡эмо, щі͡эра, щі͡эрэць, мазуры͡э, клуні͡э, жэньці͡э, рублі͡э, ломазьці͡э, вортульці͡э, пазуры͡э, до зэмлі͡э, до зоры͡э, безъ сэстры͡э, матэрі͡э.

Этотъ дифтонгъ, образовавшійся изъ звука и, распространенъ во многихъ народныхъ говорахъ Забужной Руси, не только въ Сѣдлецкой губ., но и въ Люблинской, какъ наприм. въ селѣ Сверже, Холмскаго уѣзда. Въ Свиржѣ эта звуковая особенность встрѣчается даже въ окончаніяхъ един. числа: рублі͡э, костэлі͡э вмѣсто рубэ́ль, костёлъ.

Звуки и и ы, произносимые въ большинствѣ словъ такъ, какъ и въ литер. языкѣ, служатъ отличительной звуковой чертой Ломазскаго, Корницкаго, Кошоловскаго и другихъ подляшскихъ мягкихъ говоровъ.

Звуки у — ю = у, ю.

1) Звуки у и ю во всѣхъ почти словахъ произносятся, какъ и въ лит. языкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ.

2) Звукъ ю послѣ согласнаго р замѣняется въ слѣдующихъ словахъ звукомъ у; бру́ква, жовтобру́шка, цару́.

3) Звукъ у послѣ ц иногда замѣняется звукомъ ю: дай перцю.

Звукъ ѣ = і͡э, э, и, ѣ, йі͡э.

1) Ударяемый звукъ ѣ во многихъ словахъ переходитъ въ дифтонгъ — і͡э: сі͡эно, колі͡эно, лі͡это, мі͡эсто, лі͡эсъ, бі͡эсъ, рі͡эчка, мні͡э, на зэмлі͡э, на воді͡э, здорові͡эй, пузні͡эй, рі͡эдко [1]).

---

1) Въ началѣ словъ дифт. і͡э произн. какъ йі͡э: (jie): йі͡эзъ, йі͡эсьци, йі͡эмъ, йі͡эду; послѣ гласной и въ срединѣ словъ: пойі͡эхали, пойі͡эли, зъйі͡эли, я зъйі͡эвъ, пэрэйі͡эдь.

2) Безударное ѣ произносится какъ и: мишо́къ, било́къ, рика́, бида́, вино́къ, лисьни́къ.

3) Ударяемое ѣ въ слѣдующихъ словахъ звучитъ какъ э: рэ́шэто, стрэлець при стриля́ти, рэдька, снэда́ти, снэда́не, мэдвэдя при мэдві͡эдь, хмэ́ля при хмі͡эль. Слова — рэшэто, стрэлець, снэда́ти, снэда́не сохраняютъ э во всѣхъ падежахъ; остальныя-же — хмі͡эль, мэдві͡эдь — только косвенныхъ един. числа, а слово мэдві͡эдь во всѣхъ пад. множ. числа: хмэля, хмэлёмъ, мэдвэдя, мэдвэ́демъ, мэдвэді͡э, мэдвэдями.

5) Звукъ ѣ въ нѣсколькихъ словахъ польскаго происхожденія такъ звучитъ, какъ великорусское ѣ: Лѣсна, лѣсничи, подлѣсны, дѣдичъ.

Въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ народныхъ говорахъ — Корницкомъ и Кошоловскомъ ударяется первая часть дифтонга: сі͡эно, лі͡это, ві͡эки, чолові͡экъ. Подъ вліяніемъ удареній образовались всѣ дифтонги. Если же при измѣненіи окончаній словъ ударенія переходятъ на другіе слоги, то дифтонги исчезаютъ и замѣняются отдѣльными гласными звуками: рі͡эки—рика́, лі͡эсъ—лисы́, бі͡эсъ — бисы́.

Всѣ дифтонги въ Ломазскомъ говорѣ произносятся скоро и невыразительно, такъ что непривычному уху трудно различать составныя ихъ части; только въ Кошоловскомъ говорѣ, сосѣднемъ съ Ломазскимъ, болѣе явственно слышатся отдѣльные звуки этихъ дифтонговъ, такъ какъ Кошоловская рѣчь протяжная — пѣвучая, что составляетъ характерную особенность этого говора. Эта звуко́вая особенность подляшскихъ говоровъ не ограничивается однимъ Забужьемъ; по словамъ черниговцевъ, дифтонги существуютъ въ малорусскихъ говорахъ въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. И здѣсь говорятъ, какъ и въ Сѣдлецкой губ.: ву͡олъ, ку͡онь, сту͡олъ, ну͡ожъ.

Дифтонгъ і͡э изъ ѣ существуетъ въ одномъ изъ говоровъ сербскаго языка, а также спорадически наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полѣсья. («Лекціи по славянскому языкознанію» пр. Флоринскаго въ Кіев. «Универ. Изв.» за 1894 г. и «Пѣсни

Пинчуковъ» Довнара Запольскаго въ томъ же изд. за 1896 г.). Двугласный уо изъ о встрѣчается въ бѣлорусской рѣчи («Пѣсни Пинчуковъ» Довнара-Запольскаго. Тамъ-же).

По всей вѣроятности, дифтонги существуютъ и въ Гродненскихъ говорахъ, родственныхъ съ подляшскими какъ по формамъ языка, такъ и по звуковымъ особенностямъ.

Во всѣхъ дифтонгахъ Ломазскаго, Корницкаго, Кошоловскаго и другихъ говоровъ преобладаютъ первые ударяемые звуки — у, ю, и, послѣ которыхъ во время произношенія слова слышатся протяжные звуки о, или э: ву́ ‿ ‿ олъ, си́э-э-эно.

Очевидно, что до образованія двухгласныхъ созвучій слова произносились такъ: вулъ, кунь, сино, мисяцъ, мидь, зиле, вэсиле и т. д. Г. Шимановскій въ своей книгѣ «Звук. и форм. особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси» говоритъ, что дифтонги могли развиться подъ вліяніемъ удареній, требующихъ болѣе протяжнаго произношенія гласныхъ звуковъ. Но при какихъ условіяхъ могли образоваться эти звуковыя особенности народной рѣчи, изслѣдователи подляшскихъ говоровъ не объясняютъ. Въ обыкновенной рѣчи, гдѣ слова произносятся скоро, не растягиваются, дифтонги немыслимы.

Очевидно, что въ старину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорили очень протяжно, нараспѣвъ, какъ говорятъ теперь еще въ Кошолахъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдл. губ. и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губ. [1]). Подъ вліяніемъ такой пѣвучей рѣчи и могли развиться дифтонги въ народныхъ говорахъ. Для образца пѣвучей Кошоловской рѣчи привожу нѣсколько фразъ: Му́ - ой бааатько пойі - эхавъ до мі - эста. Тю́ - отка мні - э далаай го-сьци́ - нѣця. Въ лі - эси я ба́аачивъ воовка. И бу - огмэ, пэ пра́авда.

---

1) Бѣловѣжская пуща, Генр. Сенкевича.

Мазуры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣдл. губ. говорятъ протяжно; надо полагать, что пѣвучая рѣчь выработалась обитателями лѣсовъ.

Звуки, замѣнившіе древніе глухіе.

По общему закону фонетики въ мѣстныхъ народныхъ говорахъ, какъ и въ общерусскомъ языкѣ, глухой звукъ ъ перешелъ въ о, а ь въ е; но встрѣчаются въ Ломазской рѣчи слѣдующія особенности, какихъ нѣтъ въ лит. языкѣ:

1) Прoясненіе глухого звука въ нѣкоторыхъ словахъ не только въ прямыхъ падежахъ, но и въ косвенныхъ: лобъ — лóба—лобы́, ровъ—ровá — ровы́, ротъ — рóта — роты́, у́лій— у́лія — уліи, вошь — вóши, бэздóнниця—бэздóнници; прoясненіе глухого звука въ глаголахъ жэ́рти, задэрти во всѣхъ ихъ формахъ: жэрэ́, — пожэ́ръ, задэ̀рла, вы́дэръ; прoясненіе въ словѣ жэньціэ во всѣхъ падежахъ, кромѣ им. ед. числа жнэць; въ словѣ дэньцé — дэньця́.

2) Потеря глухого звука въ глаголѣ прошедшаго времени — хтіэвъ — хтіэла — хтіэли (хóчу — хóтѣли). Эта глагольная форма, существующая во всѣхъ мѣстностяхъ русскаго Забужья, замѣчается изрѣдка въ малорусскомъ говорѣ Херсонской губ. въ посадѣ Новой Прагѣ и окрестныхъ деревняхъ. Въ дер. Берескутѣ, Рад. уѣзда Сѣдл. губ., говорятъ хцу вмѣсто хочу. Безъ сомнѣнія, что эта форма глагола образовалась подъ вліяніемъ польскаго языка, такъ какъ тамошній говоръ находится на пути своего вырожденія.

3) Замѣна прояснившихся глухихъ въ о и е другими звуками: тривóга, дрижáти (дрощъ), кривáвы (кровъ), христи́ти (хрэстъ), чорнобры́вы (брóвы), яблы́ко, на хриптови; кулокъ, снупóкъ (снуопъ — снопы) кунэ́ць, хрибэтъ, обжирáтися — обжэрся — обжэртýхъ — обжарство.

4) Замѣна мягкаго глухого твердымъ: царъ, гóлубъ, звіэръ, прибáвъ, кровъ, пи́саръ, слéсаръ, сэкрэтàръ, косáръ и т. д.; но въ словахъ буольшъ, мэн-шъ даже е замѣнилось ъ.

5) Замѣна твердаго глухого звука мягкимъ: пáлець, отэ̀ць, жнэць, купэ́ць, погоріэлець, стрэ́лець, ломазэ́ць, кóшоловэць.

6) Умягченіе н, с, з, ш, ц, д, т въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ: паньськи, русьськи, Ломазьськи, росу́сьськи, Савицьки, Микола́ювськи, коза́цьки, полю́цьки, нимэ́цьки, по-нимэцьки, біэльськи, цыганьськи, французьськи, ляховэцьки, бэрэсьцицьки отъ Бэрэсьць = Beрecть.

Въ единичномъ случаѣ древній мягкій глухой послѣ н произносится въ нар. рѣчи то твердо, то мягко: мэньшъ и мэ́нша.

Приставка, вставка, выпаденіе и сокращеніе гласныхъ.

1) Приставочнымъ звукомъ въ Ломазскомъ говорѣ иногда бываетъ и, й: я йшо́въ исъ цэркви исъ своимъ братомъ. Изъ твоимъ батькомъ ишли мои сэ́стры. Куотъ иззіэвъ са́ло.

2) Вставочные звуки — о, э, ё, й находятся въ словахъ: Па́волъ, вэпо́ръ, ґмитёръ, журавэ́ль, рубэ́ль, мо́зокъ, найшовъ и нашовъ, зайшовъ — зашовъ, ви́хоръ, мойи, твойи, свойи, ліэтьнійи, синійи, добрыйи, зелёныйи, хорошійи. Во всѣхъ подобныхъ окончаніяхъ слышится вставочный звукъ й.

3) Выпаденіе звуковъ — и, о, е: міэти, грати, щэ, горо́дъ, гуро́къ.

Выпадаютъ нѣкоторые звуки въ Ломазской рѣчи только въ началѣ словъ.

4) Сокращаться могутъ въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ говорахъ мѣстоименія: кото́ры — въ котры́й, моёго — мого́, твоёго — твого́, своёго — свого́; существит.: саня́ми — саньми́, кры́лами — крыльми́, ко́сьцями — кусьцьми́, грушми́, куоньми; глагольная форма — нэма́шъ — нэма́. Послѣдняя форма этого глагола болѣе употребительна.

Переходъ гласныхъ въ согласные и наоборотъ.

Въ Ломазскомъ говорѣ существуетъ переходъ гласныхъ въ согласные въ слѣдующихъ словахъ и выраженіяхъ: въ мэ́нэ, въ

тэ́бэ, въ сэ́бэ, вжэ, вмэръ, вмі͡эю, втика́ти, втю͡окъ, втэ̀рла, втэръ, на вмі͡э, впавъ, вкравъ; но говорятъ также: въ сусіэда и у сусіэда, у мэнэ, у тэбэ, у сэбэ, утэкли, упавъ, укравъ, у клуни и въ клуни, у хати и въ хати, у лі͡эси и въ лі͡эси, узявъ и взявъ, усэ и всэ, усіэ и всі͡э, упавъ и впавъ, вмэръ и умэръ.

Согласные звуки.

Особенности выговора нѣкоторыхъ согласныхъ звуковъ.

1) Звучные остаются какъ въ концѣ словъ, такъ и въ срединѣ, стоя передъ отзвучными; лобъ, ру͡одъ, голубка, кровъ.

2) Случаи перехода согласныхъ звучныхъ въ однозвучные: оптирае, ниско при низэнько, блисько при близэнько, лошка при ложэчка, ді͡эшка при ді͡эжэчка, на дору͡осьци при дорожэчка.

3) Предлогъ съ то сохраняетъ свою древнюю форму, то переходитъ въ зъ: съ пилою, съ саломъ, съ косою, скидати, сховати; зо мною, зъ братомъ, зъ ею, зъ зэмлёю, зрі͡эзати, зварити, здойняти, змолотити.

Слѣдуетъ замѣтить, что предлогъ съ въ мѣстныхъ говорахъ подчиняется такому же закону фонетики, какъ въ литер. языкѣ слитные предлоги — воз, из, раз, низ, которые передъ одними согласными звуками сохраняютъ звукъ з, а передъ другими этотъ звукъ переходитъ въ с.

4) Случаи перехода шипящихъ звуковъ въ свистящіе: на рі͡эцьци, на доросьци, скрипоцьци, на лосьци, на стэсьци. Но иногда слышатся эти слова и такъ: на рі͡этци, на рі͡эчци, на пі͡этци. Впрочемъ, должно сознаться, что очень трудно уловить слухомъ не ясное произношеніе этихъ сомнительныхъ созвучій.

5) Существуетъ группа словъ съ наращеніемъ звуковъ дж передъ ихъ окончаніемъ: гла̀джу, буджу̀, сиджу́, ходжу́, пріиждждай, выйиждждай, подъйиждждай, воджу́, каджу̀, суджу́.

6) Въ нѣкоторыхъ словахъ встрѣчается умягченіе звуковъ: сьві͡этъ, сьцина, сьвьятый, женьці͡э,ща́сьце, тэсьць, Бэ́рэсьць, Ломазьці͡э.

7) Въ нѣсколькихъ словахъ согласные непосредственно соединяются съ мягкими гласными безъ ь: попадя́, дякъ, кутя́, сьвиня́.

8) Губные не сочетаются непосредственно съ мягкими гласными: розмовляти, мовля́ли людэ, сьпьятъ, робъятъ, въятеръ, пъять, пъятнанцятъ, пъятница, завъязати, завъяла, мняти, мнясо.

Гортанные.

Звукъ г въ Ломазскомъ говорѣ, какъ въ малорусскомъ нарѣчіи, звучитъ какъ латинская буква H; но есть слова отчасти мѣстнаго, но по большей части польскаго происхожденія, въ которыхъ слышится латинскій звукъ G: ґэзъ, ґзи́тися, ґидзи́кати, ґаґа́вка, ґу́зикъ, ґо́здзи, ґа́нокъ, ґардзюолка, ґа́ня, ґрунтъ.

Въ письменныхъ памятникахъ юго-западной Руси XVI и XVII вѣка буква G изображалась двояко: ґ и кг. Эта буква встрѣчается въ древнихъ актахъ и сочиненіяхъ южно-русскихъ писателей.

Губные.

Губные звуки ф и ѳ встрѣчаются только въ словахъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ: акаѳистъ, фунтъ, фузія, фо́рба, фасоля, фарту́хъ, фа́лды, фа́брика, фуора, фалюшъ, фальбо́ны, фу́рманъ, фля́шка.

Но въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ ф иногда замѣняется другими звуками: хварту́хъ, на плисъ, пля́шка.

Звуки ѳ и ф, находящіеся въ христіанскихъ именахъ, замѣнены въ народной рѣчи слѣдующими звуками:

1) п: Стэпа́нъ, Пили́пъ, Панасъ, Супру́нъ.
2) х: Трохи́мъ, Халимуонъ, Химка, Хо́ма.
3) хв: Хвэ́доръ, Хвэдо́ра.
4) ш: До́рошъ, Яруошъ.
5) в: Мавтэ́й.
6) т: Тэдуоръ, Тэ́кля, Ма́рта.

Слѣдуетъ замѣтить, что Ломазскій говоръ менѣе склоненъ къ замѣнѣ звука ф другими звуками, чѣмъ сосѣдніе родственные говоры.

Плавные р и л.

Звукъ р звучитъ во всѣхъ словахъ твердо и способствуетъ отвердѣнію за нимъ мягкаго гласнаго и полугласнаго: рабый, радóкъ, порадокъ, царъ—цара, говорý, зъ гòра, изъ мóра.

Въ дифтонгахъ р звучитъ нѣсколько мягче передъ гласными ы—и: мазуріэ, ріэки, ріэпа.

Звукъ р въ единичныхъ случаяхъ довольно мягко звучитъ и передъ другими гласными: ряжкà, брящáти.

Звукъ л въ Ломазскомъ говорѣ произносится такъ, какъ и въ лит. языкѣ передъ твердыми гласными твердо, а передъ мягкими мягко: волы́, кони, лыко, липа, вилы, мыло, мило, соли, воля, нэволи.

Зубные д и т.

Звукъ д, находящійся между гласной и согласной ц, смягчается въ т или ц: дватцять — двацнять, тритцять — трицнять.

Звукъ т, стоя передъ мягкими гласными и знакомъ мягкимъ, звучитъ какъ ц, если ему предшествуетъ согласный звукъ с: Насьця, Бэрэсьць, тэсьць, нэсьци, сіэсьци, плесьци, йіэсьци, гóсьци, сьцинá, тросьцинá, госьцинэ́ць, умываецьця.

Передъ твердыми гласными зубные звуки произносятся твердо, какъ и въ литер. языкѣ.

Звукъ т смягчился въ ц въ словахъ ци́цька и цётка. Малорусское слово титка произносится въ Кошолахъ, сосѣднемъ селѣ съ Ломазами, тюотка. Такая форма слова, вѣроятно, существовала прежде и въ Ломазскомъ говорѣ, но потомъ замѣнена польскимъ произношеніемъ (ciotka). Подъ вліяніемъ польскаго языка звукъ Ѳ, находящійся въ христіанскихъ именахъ, видоизмѣненныхъ въ народной рѣчи, впослѣдствіи перешелъ въ Ломазскомъ говорѣ въ звукъ т: Тэ́кля, Томáшъ, Тэдуоръ, Мáрта.

Въ нѣкоторыхъ именахъ т замѣнилось звукомъ ц: Марци́нъ, Мицько́, Мацько́, Нэ́сцюръ.

Шипящіе и свистящіе.

Въ Ломазскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ словахъ существуютъ дифтонги, образовавшіеся изъ согласныхъ: дж и дз: ходжу́, сиджу́, буджу́, воджу́, прійижджати, дзёбати, дзюбати, дзюбъ, роздзя́ва, роздзявляти, гидзи́ковка, Га́ндзя дзюба́ти, вро̀да и вроджа́й, дыра́ и дзюра́, дись и дзись, дзюравы и дыравы, дзикъ. Въ этихъ звуковыхъ сочетаніяхъ ж и з служатъ для смягченія д. Но встрѣчаются въ Ломазскомъ говорѣ и такія слова, въ которыхъ нѣтъ этихъ звуковыхъ сочетаній: звуонъ, зво́нити, звуни́ця, жерело́.

Шипящіе сочетаются съ твердыми гласными а и у: жа́ба, ша́пка, ща́сьце, щу́чка, шуля́къ, жа́ти, чайникъ, ча́ры, чу́ти.

Шипящіе передъ звукомъ и въ Ломазскомъ говорѣ звучатъ тверже, чѣмъ въ литер. языкѣ.

1) Въ одномъ только подляшскомъ говорѣ, какъ я уже упоминалъ выше, сохранилась древнеславянская форма сочетанія шипящихъ согласныхъ съ мягкими гласными — я и ю: шяпка, щюка, щясьце; въ полѣпскихъ говорахъ послѣ шипящихъ звуковъ является дифтонгъ ыэ: жыэти, щыэсьце.

2) Въ Новопрагскомъ, какъ и въ другихъ говорахъ Херсонской губ., въ глагольныхъ формахъ не существуетъ вставочнаго звука ж: хо́дю́, будю́, водю́, сидю́; но созвучіе дз и дж въ нѣкоторыхъ словахъ слышится: дзвинъ, — дзвини́ця, (подземный ключъ), дзы́ґа (волчокъ игр.), джерело.

Свистящій звукъ ц въ соединеніи со вторично-мягкими гласными всегда звучитъ мягко: око́ньце, со́ньце, ломазьціэ, па́льци, таньцюва́ти, ци́цька. Ц въ соединеніи съ первичнымъ е (= э) произносится твердо: цэ́саръ, цэ́рква, цэ́брикъ, цэ́ґла, цэґе́льня. Въ нѣсколькихъ словахъ послѣ ц находятся и другія твердыя гласныя буквы: цыга́нъ, цу́коръ, цымба́лы.

Смягченіе согласныхъ.

Звукъ г смягчается въ ж, х, з: Божэ, бижи́тъ, мняхко при мьягэнько, лэхки при легэнько, Бо́зя (дѣтск.), на поро́зи, на нозі͡э, на бэрэ́зи, на доро́зи.

К — въ ч, ц: на рі͡эчци — рі͡эцьци, на руці͡э, въ соро́цьци.

Х — въ с: на сосі͡э, на пля́си.

Ч — въ ц: на рі͡эцьци, въ соро́цьци.

Ж — въ с: въ ді͡эсьци, на дору͡осьци, на стэсьци.

Ш — въ с: на су͡осьци.

Щ — въ с: на до́сьци.

Губные смягчаются посредствомъ ь и въ единичныхъ случаяхъ вставкой л: любью́, купью́, заставью, одмовья́ю, розмовьяю, мовля́ли людэ, мовля́въ.

Зубные д и т смягчаются дифтонгами д͡ж, д͡з и звуками ц: ну́джу, буджу́, покаджу, ходжу, воджу, дзюравы, дзикъ, цётка, тэсьць, госьци́на. Смягченіе этихъ звуковъ уже указано выше.

Удвоеніе согласныхъ.

Въ Ломазскомъ говорѣ находится мало словъ, въ которыхъ встрѣчается удвоеніе согласныхъ; оно замѣчается только въ нѣсколькихъ прилагательныхъ, существ. и нарѣчіяхъ: со́нная, ку͡онная, вышшая, страшэ́нны, осі͡эньня, вэсі͡эньня, куоньниця, вы́шш͡э, бэздо́ньниця.

Переходъ однихъ согласныхъ въ другіе.

Л переходитъ въ в: вовкъ, стовпъ, по́вна, товчи́, товка́чъ, во́вна, пу͡овночь, чово́нъ.

В — въ м: ру͡овмно, ру͡омны, румня́ти.

Н — м: жомі͡эръ, комі͡эръ, Мики́та, Микола́й.

С — ц передъ т или ц — вэрнэцьця, смі͡эцьця.

К — х: хто, нихто́, христи́ти, до́хтуръ.

Т—д: доптáти, одъ мэ́нэ, одобрáти.

Т—к: выдóпкали, удопкáти. (Един. случай).

С—ш: шалáта, шкло и скло. »

Ж—з: зэлі͡эзо, зэлі͡эзникъ. »

Р—л: срі͡эбло. »

Чт—щ: що, щобы.

Т—ц: Насьця, тэсьць, Бэрэсьць.

1. Особенно встрѣчаются частые переходы однихъ гласныхъ въ другіе въ личныхъ народныхъ именàхъ, взятыхъ изъ греческаго языка. Изъ согласныхъ звуковъ, какъ мы уже успѣли замѣтить, въ этомъ отношеніи наиболѣе подверглись измѣненіямъ ф и ѳ (см. выше).

2. Въ Руденскомъ говорѣ звукъ ч въ нѣкоторыхъ словахъ замѣненъ звукомъ ш;[1]) што, штóбы, вмѣсто обычнаго малорусскаго що, щобы. Очевидно эта звуковая особенность Руденскаго говора образовалась подъ вліяніемъ бѣлорусскаго языка. (Руднò, Рад. уѣз.).

Приставка, вставка, и выпаденіе согласныхъ звуковъ.

Приставка в: ву͡опъ, воня́, вони: ву͡оспа,

» г: Ганна, Ганізя, гармата,

» н: зъ ними, зъ него, но чаще зъ ими, зъ его.

Вставка: д: здрада, здрь͡эла,

» н: мняти, мнясо, мняхко,

» г: тягнути (sic) стогнати, одягну,

» в: паву́къ.

Выпаденіе в: споминати,

» т: сьви́снути, жалосно, щасьливы, нещáсная,

» д: сэ́рцэ, сёма, празникъ,

» л: соньце, жомі͡эръ, комі͡эръ,

» г: дэ?

1) Въ Ломазскомъ говорѣ ч переходитъ въ ш въ словахъ: штыри, штыринаньцять.

Въ Полѣшскомъ говорѣ, въ Голешовѣ (Бѣльскаго уѣзда) г. Холмъ извѣстенъ подъ именемъ Хомъ.

Въ Забужной Руси до возсоединенія уніатовъ церковно-богослужебныя книги читались съ малорусскимъ произношеніемъ гласныхъ е и ѣ, какъ э и и̂: нэбо, чэловикъ, и во вики виковъ. Буква Ѳ произносилась какъ вт: Втома, Матвтэй, Тимовтэй. Подъ вліяніемъ произношенія послѣдней буквы и образовались въ нѣкоторыхъ говорахъ народныя формы христіанскихъ именъ, въ родѣ Тымохтэй, — Тимофтэй, Доровтэй, Хвэдоръ, Хвэдора, Мавтэй.

Въ Ломазскомъ говорѣ этотъ способъ произношенія фиты отразился на именахъ Хвэдоръ и Мавтэй; другія же народныя имена, существовавшія въ этомъ говорѣ, въ послѣднее время видоизмѣнились подъ вліяніемъ польскаго языка: Хвόдуръ въ Тэдуоръ; Хома въ Томáшъ. Марвта — Марта. И такому измѣненію легко, повидимому, способствовало древнее произношеніе фиты.

[Настоящій отдѣлъ «Звуковыя особенности Ломазскаго говора» я составилъ по образцу «Фонетики» въ книгѣ г. Шимановскаго: «Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Хо̂лмской Руси» (Варшава), 1897 г. Кромѣ общаго плана я воспользовался и нѣкоторыми примѣрами, подходящими для Ломазскаго говора, пополнивъ ихъ многими словами, взятыми изъ народнаго говора пос. Ломазъ и сосѣднихъ селеній.]

II.

Грамматическія формы Ломазскаго говора.

ЧАСТИ РѢЧИ.

Имя существительное.

Родовыя окончанія.

Мужескій родъ оканчивается на ъ, ь, й и о: Буогъ, чоловіэкъ, сонъ, куонь, ка́мэнь, медвіэдь, край, рай, воробіэй, соловіэй, ба́тько, дя́дько, Пэтро̀, Данѝло, Ковале́нко.

Женскій родъ оканч. на а, я, ь, ъ: ба́ба, жа́ба, жуонка, діэвка, мура́ха, попадя́, клуня, нуочь, жовчь, тіэнь, ма́ти, кровъ, суоль.

Средній родъ — на о, е — э, ·я: окно́, сукно́, молоко́, поле, вэсіэле, коріэне, насіэне, тэля́, ягня́, жэрэбья́, дитя́, го́рэ, мо́рэ.

Падежныя окончанія муж. рода и средняго на о и е — э.

Един. ч. Им. падежъ: сынъ, куонь, край, окно, поле, мо́рэ.

Р. — а, я, у, ю: сы́на, коня́, мэ́ду, моро́зу, бо́рщу, съ кра́ю, окна́, мо́ра, вэсіэля, съ по́ля, вы́мэня, сіэмэня.

Д. — ови — ёви, ю: сы́нови, ба́тькови, коне́ви, хло́пцёви, дя́дькови, дяко́ви, попо́ви, окно́ви, мо́рови, вименёви, по́лю, вэсіэлю, ліэсови.

Винит. пад. сохраняетъ флексію имен. или род. падежа, какъ и въ лит. языкѣ, т. е. одушевленные предметы какъ род., а неодуш. какъ именительный; хотя есть единичные случаи исключенія изъ этого правила: ставъ руба́ти ду́ба; я нашо́въ ножа́.

Зв. пад.: э, е, у, ю: Бóжэ, Пэ́трэ, Пáвле, свáтэ, кýмэ, сы́ну, брáтэ, Васи́лю, Миколаю, сóколе, кóню, крáю, рàю, тáту.

Т.—омъ, ёмъ: сы́номъ, конёмъ, краёмъ, соловьёмъ, воробьёмъ, полёмъ, окномъ, дномъ, вэсіэлёмъ, мóромъ, бáтькомъ.

М. — ови, ёви, и, іэ, у, ю: на сы́нови, брáтови, соловьёви, воробьёви, на пóли, на дніэ, болоти, на вэсіэли, на вэрхý, въ ліэси, въ Вои́ню, въ Пищацьцю[1]).

Мн. ч. Им. — ы, и, іэ, э-вэ, а, я: сыны́, браты́, батьки́, кóни, ножіэ, купціэ, хлóпци, ратайіэ, жэньціэ, ломазьціэ, хрисціянэ, купчáнэ, мищàнэ, злодіэвэ, людкóвэ, óкна, я́йця, поля́, сэ́ла[2]) людэ.

Р. — уовъ, увъ, юовъ, ювъ, іэй, ъ, ь, и: сынуовъ, пануовъ, волуовъ, хливуовъ, разбуойникувъ, воробьюовъ, соловьюовъ, хлóпцювъ, дýрнювъ, людіэй, óконъ, сýконъ, дніэй — дёнъ, яéць, сюолъ, кóни, грóши.

Д. — амъ, ямъ, юмъ — ёмъ: сынáмъ, батькáмъ, волáмъ, воробья́мъ, óкнамъ, сэ́ламъ, поля́мъ, края́мъ, хлóпцюмъ — хлопцямъ, кóнюмъ — конёмъ, людюмъ — людёмъ.

Вин. пад. какъ именительный или род.; но не всегда одушевл. предметы имѣютъ окончаніе род. падежа — названія людей сходны съ род. пад., а названія нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ — съ именительнымъ: просили своихъ батькуовъ, я маю братуовъ, братъ купивъ волы, кони, діэдъ погнавъ волы.

Звательный падежъ сходенъ съ именительнымъ.

Т. — ами, ями, ьми: сынáми, братáми, поля́ми, сэ́лами, рубля́ми, зáйцями, купця́ми, хлóпцями, куоньми, грушьми́, куольми.

П. — ахъ, -яхъ, ёхъ: о сынáхъ, братáхъ, рубляхъ, хлóпцяхъ, на пáльцяхъ, въ сэ́лахъ, по людёхъ — людяхъ, въ Ломáзёхъ, но чаще въ Ломáзахъ.

---

1) Окон. вэ встрѣчается въ единичныхъ случаяхъ.

Въ пред. пад. ед. числа — на окніэ и на окнóви, въ молоціэ.

2) Сущ. царъ, ключъ, столяръ, косаръ и т. п. въ род. и вин. пад. множ. числа оканч. на уовъ: царуовъ, ключуовъ, столяруовъ, косапуовъ, рублюовъ, днюовъ — дёнъ, ужуовъ.

Нѣкоторыя существительныя — пэро́, во́лосъ, ка́мэнь, ко́рэнь, листо́къ, куолъ—во множественномъ числѣ по большей части употребляются въ собирательной формѣ: піэрье, волуосе, каміэне, ли́сьце, куоле. Но говорятъ также: пэ́ри, во́лосы, ко́рэни, ка́мэни, лисьця, зъ волоса́ми, съ корэня́ми, ка́мэнями.

Слово у́хо склоняется во множеств. числѣ безъ перехода х въ ш: у́ха, у́хъ, у́хамъ, у́хами, въ у́хахъ. Нѣкоторыя названія мѣстностей, съ окончаніемъ имен. пад. единственнаго числа при измѣненіи переходятъ въ падежи множ. числа: Лѣсна, изъ Лисны́хъ, Росуошэ, изъ Росуоша, въ Росуошахъ.

Падежныя окончанія жен. р. на а, я.

Им. п. — а, я: ба́ба, сэстра́, нога́, зэмля́, клуня.

Р.—ы, и, іэ: ба́бы, сэстріэ, ноги, зэмліэ, клу́ни.

Д.—и, іэ: ба́би, сестріэ, нозіэ, зэмліэ, клу́ни.

В.—у, ю: ба́бу, сэстру́, но́гу, зэ́млю, клуню.

З.—о, ю: ба́бо, сэ́стро, кумо́, лю́бко, голу́бко, до́ню, Катру́сю, Парасю, Марысю.

Т.—ою, ёю: ба́бою, сэстро́ю, ного́ю, зэмлёю, съ кудэле́ю, долонёю. Но и говорятъ: зъ Ганулею, за клу́нею.

М.—и, іэ: о ба́би, на сэстріэ, на нозіэ, на зэмліэ, въ клу́ни, въ ха́ти, на доро́зи.

М. ч. Им. падежъ — ы, и, іэ: бабы́, сэ́стры, но́ги, зэ́мли, овэчки́, клуніэ, письніэ. сьви́ни. (Един. случай — курэ).

Р.—уовъ, ъ, ь, іэй: бабуовъ, жабуовъ, коровуовъ, сэстэръ, нуогъ, рукъ, соба́къ, овэчо́къ, зэмэ́ль, ви́шэнь, чэрэ́шэнь, грабэ́ль, конопэ́ль, писэ́нь, куріэй, клуніэй, саніэй, синіэй[1]).

Дат. — амъ, ямъ, юмъ: баба́мъ, сэ́страмъ, корова́мъ, соба́камъ, ку́рицямъ — ку́ромъ, сьви́нямъ — сьви́нюмъ.

Вин. падежъ одуш. пред., какъ родительный, а неодуш., какъ

1) Говорятъ: коровуовъ и коро́въ.

именительный. Но коровы́, овэчки́ въ вин. пад., какъ именительный: Трэба напойити коровы и овэчкѝ.

Т.—ами, ями, ьями: бабáми, сэ́страми, съ коровáми, ногáми, рукáми, за клунями, съ курьми́, саньми́, синьми́, сьвиньми.

М.—ахъ, яхъ: бабáхъ, сэ́страхъ, на ногáхъ, на зэ́мляхъ, клуня́хъ, хатáхъ, въ конóпляхъ, на саняхъ.

Муж. флексія родительнаго падежа мн. числа на уовъ встрѣчается какъ исключеніе въ нѣсколькихъ сущ. жен. рода: баба, корова, жаба; остальныя существительныя этого рода имѣютъ общерусское окончаніе ъ, ь и ей съ дифтонгомъ — сьвиніэй, синіэй, дворіэй и т. п.

Падежныя окончанія жен. р. на ъ — ь.

Ед. ч. Им. пад. ъ, ь: кровъ, нуочь, куосьць, жовчь, тіэнь, піэчь, ріэчь, суоль, міэдь.

Р.—и: крови, нóчи, куосьци, соли, пэ́чи, ріэчи, жóвчи, міэди, тіэни.

Д.—и: крови, ночи, соли, пэчи, міэди, жовчи.

В.—и Зв. какъ именительный падежъ.

Т.—эю — ею, ю: жóвчэю, съ суолю, за ріэчэю, съ кровéю и съ кровью, зъ міэдю, съ косьцéю, за пэ́чэю.

М.—и -іэ: въ нóчи, въ тіэни, жóвчи, въ соли, на пэчіэ, въ міэди, въ пуовночи.

Мн. ч. им. ы, и: брóвы, нóчи, пэ́чи, ріэчи, двэ́ри.

Р.—іэй: бровіэй, ночіэй, пэчіэй, рэчіэй, двэріэй.

Д.—амъ, ёмъ: брóвамъ, ночамъ, пэчамъ, ричамъ, двэрамъ, грудёмъ.

Вин. падежъ какъ именительный.

Т.—ами, ьми: бровами, ночами, пэчами, ричами, двэрами — двэрьми, грудьми, съ кусьцьми.

М.—ахъ, -яхъ, -ёхъ: на бровахъ, по ночáхъ, въ косьцяхъ, на двэ́рахъ, въ грудёхъ, въ синёхъ.

Сущ. женскаго рода съ окончаніемъ на ь въ Ломазскомъ

говорѣ немного, такъ какъ нѣкоторыя слова этого рода перемѣнили окончанія на а и и: цэ́рква, мо́рква, дочка́, свэкру́ха, двэ́ри, гру́ди, ма́ти и т. д.

Слово двэри часто употребляется въ двойственномъ числѣ: двэри́ма.

Падежныя окончанія средняго рода на я.

Ед. ч. Им. пад. я: тэля́, порося́, ципленя́, гусэня́.

Р.—тя: тэля́тя, порося́тя; жэрэбья́тя.

Д. и П. падежи -тёви: тэля́тёви, порося́тёви, жэрэбья́тёви, гусэня́тёви.

Вин. и звательный, какъ именительный.

Т.—тёмъ: тэля́тёмъ, порося́тёмъ, гусэня́тёмъ.

Мн. ч. Им. п. та: тэля́та, жэрэбья́та, гусэня́та.

Р.—тъ: тэля́тъ, жэрэбья́тъ, порося́тъ.

Д.—тамъ: тэля́тамъ, жэрэбья́тамъ, порося́тамъ.

Вин. падежъ какъ родительный.

Т.—тами: теля́тами, порося́тами.

М.—тахъ: о тэлятахъ, поросятахъ.

Особенности склоненій — мати, дитя, діэвчина.

Ед. ч. Имен. пад. ма́ти, дитя, діэвчина.

Род. — ма́тэры, дитя́тя, діэвчины.

Дат.—ма́тэри, дитятёви, діэвчини.

Вин. ма̀тэра, дитя́, діэвчину.

Зв. — ма́ти, дитя́, діэвчино!

Тв. — ма́тэрэю, дитя́тёмъ, зъ діэвчиною.

М. — при ма́тэри, дитятёви, о діэвчини.

Мн. ч. Им — матэріэ, діэти, дивіа́та

Род. — матэріэй — матэруовъ, дитіэй, дивіа́тъ.

Дат. — матэра́мъ, діэтемъ — діэтюмъ, дивча́тамъ.

Винительный какъ родительный.

Тв. — матэра́ми, зъ дитьми́, зъ дивча́тами.
М. — о матэрахъ,ді͡этяхъ — ді͡этёхъ, дивча́тахъ.

Двойственное число.

Двойственное число въ Ломазскомъ говорѣ сохранилось только въ слѣдующихъ словахъ: очи́ма, плечи́ма, двэри́ма, дві͡э селі͡э, дві͡э яйці͡э, дві͡э окніе.

Ласкательныя и уменьшительныя имена существительныя.

Стэпа́нъ — Стэпа́нко, Иванъ и Янъ — Иванко — Янко́, Ондрі͡эй — Ондрійко, Миха́лъ — Михалко, Грыць — Грицько́. На́сьця — Насту́ля, Га́ндзя — Гану́ля, Катэрина — Катруся и Катруля, Мары́ська — Мары́ся, Пара́ся, Татянка. Чолові͡экъ — чолові͡эчокъ, ба́тько — та́то и тату́лё. Мати — ма́ма и мату́ля, ді͡эдъ — дидо́къ — диду́лё, братъ — бра́тикъ, сэстра́ — сэстру͡онка, дочка́ — до́нька, сынъ — сыно́къ. Бу͡огъ — божокъ — Бо́зя (дѣт.), со́ньце — со́нэчко, дэрэво — дэрэвце́, сэло — сэльце́, вода — води́ця, зэмля — зэмли́ця, дубъ — дубо́къ, мі͡эдъ — мэдо́къ, дно — дэньце́, рука — ру́чка, нога — ну͡ожка, молоко — молочко́, палець — па́льчикъ, парсцёнокъ — парсцёночокъ.

Увеличительныя имена.

Чолові͡эчищэ, руки — ручи́ща, ноги — ножи́ща, лобъ — лоби́щэ, чэрэво — чэрэви́щэ, голова — голови́щэ.

Названія дѣтей и дѣтенышей животныхъ.

Жидэня́, циплeня́, тэля́, жэрэбья́, ягня́, козэня́, вовчэня́, качэня́, порося́, щэня́; тэля́тко, ягня́тко, жэрэбья́тко, порося́тко. Соколеня́та, Адаменята, Терещенята, т. е. дѣти Соколовскаго, Адама, Терещука.

Имя прилагательное.

Родовыя окончанія.

Мужескій родъ оканчивается на ый, ій, ы, и, ъ: слипы́й, нимы́й, глухі̀й, лихій, до́бры, чо̀рпы, біэлы, си́ни, ліэтьни, мья́хки, по́вны — по́вонъ, здоро́вы — здоровъ.

Женскій родъ — на ая, яя, а, я: слипа́я, нимая, глуха́я, лиха́я, до́брая — до́бра, чорная — чо̀рна, біэлая — біэла, синяя — си́ня, ліэтьняя — ліэтьня, по́вная — по́вна, здоро́вая — здоро́ва.

Средній родъ — на ое, ёе, э, е: слипо́е, глухо́е, нимо́е, доброе — до̀брэ, чо̀рное—чо̀рнэ, біэлое—біэлэ, синёе—сине, ліэтьнёе—ліэтьне, по̀вное — по̀внэ, здоровое — здоро́вэ.

Падежныя окончанія муж. и средн. рода.

Род. падежъ — ого, ёго: слипо́го, нимо́го, до́брого, чо́рного, біэлого, си́нёго, ліэтьнёго.

Д.—ому, ёму: слипо́му, нимо́му, доброму, здоро́вому, синёму, ліэтьнёму.

Винительный падежъ какъ им. или родительный.

Т.—ымъ -имъ: слипы́мъ, нимы́мъ, до́брымъ, си́нимъ, ліэтьнимъ, осіэнним ъ.

М.—уомъ, умъ, юмъ: па нимуомъ, слипуомъ, на до́брумъ, на высо́кумъ, въ ліэтьнюмъ, въ си́нюмъ, въ осіэньнюмъ.

Мѣстный или предложный падежъ иногда принимаетъ окончаніе дательнаго падежа: по дубо́вому столо́ви, по широ́кому поли.

Мн. число. Им.—ыи, іи, ы, и: нимыйи, глухійи, синійи—сини, чорныйи — чо́рны, біэлыйи — біэлы, здоровыйи — здоро́вы, хорошійи — хоро́ши, ліэтьнійи — ліэтьни, Божійи.

Р.—ыхъ, ихъ: нимы́хъ глухи́хъ, до́брыхъ, си́нихъ, ліэтьнихъ, здоро́выхъ, малы́хъ.

Д.—ымъ, имъ: нимы́мъ, до́брымъ, хоро́шимъ, си́нимъ, Бо́жимъ, лихи́мъ.

Винительный падежъ какъ им. или родительный.

Т.—ыми, ими: нимы́ми, си́ними.

М.—ыхъ, ихъ: о нимы́хъ, синихъ.

Падежныя окончанія женскаго рода.

Р.—ои, ёи: нимо́йи, доброи̑и, синёйи.

Д.—уо̑й, уй, юй: нимуо̑й, слипуо̑й, бі̑элуй, чо́рнуй, си́нюй, лі̑этьнюй, по́внуй.

В.—ую, у, юю, ю:ниму́ю, глуху́ю, стару́ю, по́вную—повну, бі̑элую—бі̑элу, ці̑элую—ці̑элу, си́нюю—си́ню, лі̑этьнюю—лі̑этьню.

Т.—ою, ёю: нимо́ю, старо́ю, біэлою, доброю, синёю, лі̑этьнёю, чо́рною.

М.—уо̑й, уй, юй: на нимуо̑й, чорнуй, си́нюй.

Падежныя окончанія множественнаго числа тѣ же самыя, что муж. и средняго рода.

1) Въ Ломазскомъ говорѣ прилагательныя мужескаго рода въ имен. падежѣ ед. числа удержали полныя членныя флексіи преимущественно тѣ, которыя въ литер. русскомъ языкѣ оканчиваются на ой, т. е. вообще тѣ прилагательныя, въ которыхъ стоитъ удареніе на послѣднемъ ихъ слогѣ: стары́й, малы́й, слипы́й, нимы́й, глухі́й, кривы́й, сьвьяты́й, дурны́й, рабы́й, лихі́й, кривы́й, живы́й. Эти прилагательныя всегда употребляются съ длинными окончаніями: слипа́я, мала́я, слипое, малое; слипу́ю, стару́ю, рабыйи, малыйи.

Прилагательныя муж. рода, не имѣющія ударенія на последнемъ слогѣ, оканчиваются въ им. падежѣ един. числа на ы, и, какъ въ польскомъ и чешскомъ языкахъ: до́бры, смі̑элы, чо́рны, жо́вты, бі̑элы, зэлёны, чэ́рвоны, кру́глы, до́вги, коро́тки, си́ни, лі̑этьни, осі̑эньни, вэсі̑эньни, вовкова́ты, борода́ты.

Прилагательныя этого рода въ нѣкоторыхъ падежахъ имѣютъ двойныя окончанія—длинныя и короткія: до̀брая—до̀бра, до̀брое—до̀брэ, синяя—синя, синёе—си́не, жовтая—жо́вта, жовтое—жо́втэ; бі̑элую—бі̑элу; чорную—чорну, повную—повну; повныйи—повны, лі̑этьнійи—лі̑этьни.

2) Что касается именныхъ окончаній, то они только сохранились въ нѣсколькихъ прилагательныхъ въ имен. падежѣ един. числа и множественнаго: повонъ горчикъ, будь здоровъ, пóвны віэдра, будтэ здорóвы. Хотя многія прилагательныя имѣютъ въ нѣкоторыхъ падежахъ короткую флексію, но они употребляются, какъ опредѣлительныя слова: чорну, повну, синю вмѣсто чорную, синюю, повную; ціэлу нуочъ, ціэлэ яйцѐ и т. п.

3) Прилагательныя притяжательныя, какъ и качественныя, въ нѣкоторыхъ падежахъ имѣютъ тоже двойныя флексіи: попóвая — попóва, дяковая — дякóва, собачая—собача, котячая—котяча; поповое — поповэ, дяковое — дяковэ, собачое — собáчэ; поповую — попову, дяковую — дякову, сьвинячую — сьвинячу; козлячіи — козлячи, собачіи — собачи. Притяжательныя муж. рода, какъ вообще всѣ прилагательныя, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣютъ въ им. пад. един. ч. одну только флексію; только прилагательныя — повный, здоровый, попуовъ, біэсовъ имѣютъ два окончанія: повный — повонъ, здоровый — здоровъ, попуовъ — поповы, дякуовъ — дяковы, біэсовъ — біэсовы. Двойныя окончанія замѣчаются и въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ, образовавшихся изъ именъ личныхъ и фамильныхъ прозвищъ: Пилúпувъ — Пилиповы, Максúмувъ — Максимовы; Пилипова — Пилиповая, Максимова — Максимовая.

Уменьшительныя прилагáтельныя.

Маленьки, малéнька — малéнькая, малéньке — малéнькое, старэ́ньки, билéньки, рабэ́ньки, солодэ́ньки, нэвэлички — нэвэлúчка — нэвэлúчке, хорóленьки, сивэ́ньки, новэ́ньки, чорнэ́ньки, тонэ́ньки, жовтэ́ньки.

Увеличительныя прилагательныя.

Новýсеньки, билю́сеньки, малю́сеньки, вэлицю́°зны, страшэ́нная.

Уменьшительныя и увеличительныя прил. въ нѣкоторыхъ па-

дежахъ имѣютъ двойную флексію; но большей частью употребляются съ краткимъ окончаніемъ.

Степени сравненія.

Сравнительная степень образуется съ помощью двухъ суффиксовъ — ш и іэйш: мэ́нши, буольши, хоруоши, коруотши, розумніэйши, здоруовши, сытніэйши, бога́тши, пузніэйши, то́ньши, біэльши, твэрдіэйши, ду́жши, муцніэйши, жовтіэйши.

Превосходная степень образуется изъ сравнительной съ прибавленіемъ къ ней приставки най: найхоруошша, наймэнши, наймудріэйшая, найбога́тши, найздоруовши, найрозумніэйши, найгуорши.

Кромѣ простой формы сравнительной и превосходной степени употребляется еще въ народной рѣчи сложная форма: ба́рзо богаты, буольшъ розу́мны, са́мы біэдныи чоловіэкъ.

Въ народной рѣчи употребляются особыя прилагательныя для выраженія сходства по наружности или по характеру одного предмета съ другимъ: козакова́ты, вовкова́ты, собакова́ты, болванова́ты, кошлакова́ты. Прилагательныя обѣихъ степеней имѣютъ въ нѣкоторыхъ пад. двойную флексію.

Имя числительное.

Въ Ломазскомъ говорѣ числительныя произносятся слѣдующимъ образомъ:

Оди́нъ — одёнъ — едёнъ, два, двіэ, три, штыри, пъять, шіэсьцъ, сіэмъ, вуосимъ, дэ́въять, дэ́сять, одина́ньцять, двана́ньцять, трина́ньцять, штырина́ньцять, пъятна́ньцять, шисна́ньцять, симна́ньцять, вусимна́ньцять, дэвъятна́ньцять, два́тьцять, три́тьцять, со́рокъ, пъятдэся́тъ, шиздэся́тъ, симдэся́тъ, вусимдэся́тъ, дэвъятдэся́тъ, сто, двіэсьци, три́ста, штыриста, пъятсо́тъ, шиссо́тъ, симсо́тъ, вусимсо́тъ, дэвъятсо́тъ, тысяча.

Пувтора́, пувтрэтя́, обадва, обіэдви, обо́е, дво́е, трое, чэтвэ́ро,

пьятэро, шэ́стэро, сэ́мэро, во́смэро, дэ́вьятэро, дэ́сятэро, одина́ньцятэро, двана́ньцятэро, два́цятэро, три́тцятэро.

Пэ́рши, дру́ги — другі́й, трэ́ти, чэтвэ́рты, пьяты, шо́сты, сёмы, во́смы, дэвьяты, дэсяты, одина́ньцяты, дватцяты, соровый, пьятдэся́ты, шисдэся́ты, со́ты, пьятсо́ты, симсо́ты, вусимсо́ты, дэвьятсоты.

Падежныя окончанія числительныхъ съ родовыми окончаніями.

Мужескій и средній родъ.

Ед. число. Им. — ъ, ій, ы, и; о, э—ое, е—е́е́; одинъ—одёнъ—едёнъ, другій, трэти, одно, другое, трэте — трэте́е́, чэтвэртэ — чэтвэртое.

Р.—ого, ёго: едного и одного, друго́го, трэтёго, пьятого.

Д.—ому, ёму: едному и одному, трэтёму, сёмому.

Винительный какъ именит. или родительный.

Т.—ымъ, имъ: еднымъ и однымъ, други́мъ, трэ̀тимъ.

П.—уомъ, умъ, юмъ: въ одну͡омъ, другу͡омъ, въ сёмумъ, дэся́тумъ, трэ̀тюмъ.

Мн. ч. Имен. падежъ для всѣхъ родовъ ы -ыи, и -іи: одны — одныйи, другійи, трэти — трэтійи, сёмы — сёмыйи, пэ́рши — пэ́ршійи.

Р. — ыхъ, ихъ: одны́хъ, други́хъ, трэти́хъ, сёмыхъ.

Д. — ымъ, имъ: однымъ, другимъ, трэ̀тимъ.

Винительный какъ именит. или родительный.

Т. — ыми, ими: одными, другими, трэтими.

М.—ыхъ, ихъ: одныхъ: другихъ, трэтихъ.

Женскій родъ.

Ед. ч. Им. — а -ая, я -яя: одна — одна́я, друга́я, трэ́тя — трэ̀тяя, чэтвэ̀рта — чэтвэ̀ртая.

Р. — ои, ёи: одно́йи[1]), друго́йи, трэтёйи.

---

1) Часто говорятъ: до еднёйи, едну́, одно́ю.

Дат. и Пред. — уой, уй, юй: однуой, другуой, трэ́тюй, чэтвэ́ртуй, пъя́туй, сёмуй.

Вин. — у -ую, ю -юю: одну — одную, другую, трэ́тю — трэ́тюю, чэтвэ́рту — чэтвэртую.

Т. — ою, ёю: зъ одною, другою, съ трэтёю.

Во множ. числѣ тѣ же окончанія, какъ и въ муж. и средн. родѣ.

Склоненіе количественныхъ.

Им. — два, двіэ, три, штъ́іри, пъять, сіэмъ.

Род. — два, двіэ — двохъ, три — трохъ, пъять — пъятёхъ.

Дат. — двомъ, тромъ, штыромъ, пъятёмъ.

Вин. — какъ род. или именительный.

Твор. — двóма, трóма, штырома, пъятёма.

Пред. — на двохъ, трохъ, пъятёхъ, на девъятёхъ, на шэсьцёхъ, на двананьцятёхъ.

Склоненіе собирательныхъ числ.

Им. — обáдва, обіэдви, двое, трое, чэтвэро.

Род. и Пр. — обóхъ, двохъ, трохъ, чэтвэрóхъ.

Дат. — обóмъ, двомъ, тромъ, чэтвэромъ.

Винит. — какъ родительный или именительный.

Твор. — обома, двома, трома, чэтвэрома.

Род. и дат. падежъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходенъ съ именительнымъ: Въ мэ́нэ нэмà пъять рублюовъ. Вони нажали по пъять куопъ жи́та. Родит. падежъ иногда имѣетъ и общерусское окончаніе: бэзъ шэсьци́ сто рублюовъ, изъ сэми́ крыни́цъ, бэзъ дэвъяти́, дэсяти́.

Имена сущ. мужескаго рода послѣ числительныхъ — два, обáдва, три, штыры ставятся въ им. падежѣ множественнаго числа; женскаго и средняго рода — въ род. падежѣ един. числа, какъ и въ литер. языкѣ: два волы́, обáдва хлóпци, три кóни, штыры волы́; два пóля, двіэ корóвы, три óкна, три бáбы, шты́ры видрá,

штыры дочки́. При числительныхъ — оденъ — еде́нъ — одинъ употребляется форма сущ. — руокъ, ты́ждэнь, а при другихъ числительныхъ эти слова замѣняются сущ. ліэто, нэдіэля: два ліэта, двіэ нэдіэли, пъять ліэтъ, шіэсьць нэдіэль.

Хотя и руокъ употребляется иногда въ косвенныхъ падежахъ ед. числа: два рóки, три рóки, но больше говорятъ два ліэта, три ліэта. Послѣ числительныхъ пъять, шіэсць и т. д. существительныя, какъ и въ лит. языкѣ, употребляютъ въ род. пад. множ. числа: пъять рублюовъ, сіэмъ волуовъ, дэсять па́льцювъ.

Мѣстоименіе.

Личныя и возвратное: я, ты, вуонъ, вона́, вонó, сэбэ́.

Притяжательныя: муой, твуой, свуой, нашъ, вашъ, моя, твоя, своя, мое́, твое́, свое́.

Указательныя: той, тамтой, ги́ншій.

Вопросительныя и относительныя: хто, що, якій, чій, котры́й, куолько?

Опредѣлительныя: всэнь, куожды — ка́жны, самъ, самы́й, куождёнь, всэля́кіи.

Неопредѣленныя: нихтó, ничóго — ницъ, дэкотры́й, ки́лька, хто-нэбудь, що-нэбудь, хтось, щось.

Склоненіе мѣстоименій.

Ед. ч. И. — я, ты, вуонъ, вонó, вона́.
Р. — мэнэ, тэбэ, сэбэ, ёго, е́йи.
Д. — мніэ, тобіэ, собіэ, ему́, юой.
В. — мэнэ, тэбэ, сэбэ, его, йийіэ, е ср. рода.
Т. — зо мнóю, съ тобою, собою, зъ нимъ, зъ нею, е́ю.
М. — о мніэ, тобіэ, собіэ, юомъ, -нюомъ, нюой, юой.
Множ. ч. И. — мы, віэтэ, вони́.
Р. — насъ, васъ, йихъ.
Д. — намъ, вамъ, йимъ.

Винительный какъ имен. или родительный.
Т. — нáми, вáми, ними — йими.
М. — о насъ, о васъ, о нихъ — йихъ.

Мужескій и средній родъ мѣстоименій.

И. — му͡ой, тву͡ой, сву͡ой, моé, твоé, своé.
Р. — могó — моѐго, твогó — твоѐго, свогó — своѐго.
Д. — моёму, твоёму, своёму.
Винительный какъ имен. или родительный.
Т. — мойи́мъ, твойи́мъ, свойи́мъ.
М. — на мою͡юмъ, твою͡юмъ, свою͡юмъ.
Мн. ч. И. — мойі͡э, твойи, свойи́.
Род. и М. — мойи́хъ, твойи́хъ, свойи́хъ.
Д. — мойимъ, твойимъ, свойимъ.
Винительный какъ имен. или родительный.
Т. — мойи́ми, твойи́ми, свойи́ми.
Ед. ч. И. — нашъ, вашъ, нáшэ — нáшое, вáшэ — вáшое.
Р. — нáшого, вáшого.
Д. — нáшому, вáшому.
Винительный какъ им. или родительный.
Т. — нáшимъ, вáшимъ.
М. — о нáшумъ, вáшумъ.
Мн. ч. И. — наши — нашійи, вáши — вашійи.
Р. — и П. — нáшихъ, вáшихъ.
Д. — нáшимъ, вáшимъ.
Т. — нáшими, вáшими.

Женскій родъ.

Е. д. Им. — моя́, твоя́, нàша — нáшая, вáша — вáшая.
Родит. п. — моейи, твоéйи, нáшойи, вáшойи.
Дат. и Мѣстн. — мою͡ой, твою͡ой, нáшуй, вáшуй.
В. — мою́, твою́, свою́, нашу — нáшую, вáшу — вáшую.
Т. — моéю, твоéю, своéю, нáшою, вáшою.

Женск. родъ во множественномъ числѣ склоняется какъ мужескій и средній.

По образцу прилагательныхъ склоняются мѣстоименія — указательныя, вопросительныя, опредѣлительныя и другія съ родовыми окончаніями: куожды, котрый, всэляки, якій, самъ, дэякій, якій-сь.

Им. — хто, що, чій, чіé, чія́, всэнь, кúлька.

Р. — когó, чогó, чіёго, чіейи, всёго, килькóхъ.

Д. — кому́, чому, чіёму, всёму, килькóмъ.

Винительный какъ имен. или родительный.

Т. — съ кимъ, чимъ, килькóма, чіймъ.

М. — о куомъ, о чуомъ, килькóхъ, на чіюомъ.

Жен. родъ: Им. — вся — уся — вся, чія́, куожда — куождая, всэля́ка — всэля́кая.

Род. — всэйи, чіейй[1]), куождойи, всэля́койи.

Д. — всюои, чіюой, куождуй, всэля́куй.

В. — всю — усю, чію́, куожду — куождую, всэляку — всэлякую.

Т. — всёю — усёю, чіёю — куождою, котрою, всэля́кою.

Предл. какъ дат.

Мѣстоименія съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, какъ и прилагательныя, въ женскомъ родѣ имѣютъ только длинное окончаніе: котрáя, якáя. Точно такъ же и прилагательныя съ удареніемъ надъ предпослѣднемъ слогѣ имѣютъ только одно длинное окончаніе: слипáя, нимáя, глухáя, малáя, старáя. Въ Ломазской рѣчи не говорится стара́ мáти, котра́ баба, нима́ діэвка, а всегда въ подобныхъ случаяхъ употребляется мѣстоименіе или прилагательное съ длиннымъ окончаніемъ: старáя мáти, котрáя бáба, нимáя діэвка и т. п. Если же удареніе стоитъ на другихъ слогахъ въ им. прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, то женскій родъ въ им. пад. и вин. ед. числа употребляется съ двумя окончаніями: чорна и чóрная, біэлу и біэлую, зэлёна — зэлéная.

---

1) Мѣстоим. — тая, тамтая въ род. падежѣ — тэи, тамтэи; въ предл. тэю.

Глаголъ.

Неопредѣленное наклоненіе оканчивается на ти, тися, чи, гчи: ходи́ти, носи́ти, писа́ти, чита́ти, сидіэти, умыва́тися, часа́тися, купа́тися, сміятися, пэчи́, тэчи́, товчи́, лягчи́, помогчи́, стэрэгчи́.

Вспомогательный глаголъ бы́ти въ настоящемъ времени употребляется только въ 3-мъ лицѣ, какъ и въ общерусскомъ языкѣ — е, а иногда естъ. Въ прошед. времени я, ты, вуонъ бывъ, а въ жен. родѣ я, ты, вона́ была́. Множ. число мы, віэтэ, вони́ были́. Буд. время: я бу́ду, ты бу́дэшь, вуонъ, вона́ бу́дэ; мн. число — мы будёмо, віэтэ бу́дэтэ, вони́ будутъ. Пов. накл. — будь, нэхъ бу́дэ, бу́дтэ, нэхъ бу́дутъ. Дѣепричастіе наст. и прошедшаго времени — бу́дучи, бы́вши. Прич. прошед. времени — бывши, щая. Прич. наст. и буд. времени нѣтъ.

Архаическое спряженіе сохранилось въ Ломазскомъ говорѣ только трехъ глаголовъ — віэмъ, йіэмъ, дамъ. Глаголъ віэмъ употребляется только въ первомъ лицѣ. Вмѣсто віэмъ говорятъ часто віэдаю, нэ віэдаю. 2-е лицо—ты видаешь, вуонъ нэ віэдае. Або я віэмъ (Albo ja wiem).

Очевидно, что эта форма глагола заимствована изъ польскаго языка. Глаголы йіэмъ, дамъ, прода́мъ во 2-мъ лицѣ йиси́, даси́, продаси́; въ 3-мъ лицѣ: йіэстъ, дасьць, прода̀сьць.

Глаголъ міэти въ наст. времени спрягается такъ: я ма́ю, ты ма́ешь, вуонъ ма́е; мы маёмо, віэтэ, ма́ете, вони́ ма̀ютъ. Прош. время—я міэвъ, я міэла, мы міэли, вони́ міэли. — Буд. вр. я буду міэти, ты будешь міэти, вуонъ будэ міэти.

Глаголъ хотіэти въ наст. вр. — я хо́чу, ты хо́чэшь, вуонъ хо́чэ; мы хо́чэмо, віэтэ хо́чэтэ, вони́ хо́чутъ. Прош. вр. — я хтіэвъ, я хтіэла, вони хтіэли. Буд. вр. — я захочу, вони хо́чутъ.

Форма глагола хтіэвъ, хтіэла, хтіэли, какъ я уже упоминалъ раньше, распространена далеко за предѣлы Забужной Руси. Эта звуковая особенность замѣчается и въ пос. Новой Прагѣ, Херс. губ. у мѣстныхъ малороссовъ.

Спряженіе глаголовъ.

Настоящее время. Един. число.

1-е лицо окан. на у, ю, юся, уся: пишу́, чита́ю, умываюся, чэшу́ся, бигу́, стэрэгу́.

2-е лицо:—ешь, ишь, еська, иська: пишэ́шь, чита́ешь, умываесься, чэшэсься, хо̀дишь, но́сишь, молисься, бижишь.

3-е — е, э, итъ, ця: чита́е, малюе, пи́шэ, бижи́тъ, стэрэжэ́, нэсэ́, купаецьця, чэшэцьця, умываецьця, хо̀дитъ, ро̀битъ, молицьця, сміэцьця, во̀рнэцьця, гнэцьця, товчэ.

Глаголы 1-го спряженія въ 3 лицѣ оканчиваются на э и е, а во 2-мъ спряженіи на итъ, какъ въ лит. языкѣ. Въ малорусскомъ языкѣ въ пос. Новой Прагѣ, Херс. губ., глаголы 2-го спряженія оканчиваются на э: ро̀бэ, хо́дэ, си́дэ.

Мн. ч. 1-ое лицо оканч. на мо: пи́шэмо, чита́емо, ро́бимо, купа́емося, умыва́емося, стэрэжэ́мо, лежимо́, моли́мося, бижимо́.[1]

2-е л. — тэ: пи́шэтэ, чита́етэ, лю́битэ, сьпитэ́, йі̑эдэтэ.

3-е л. — уть, ють, ать, ять: пи́шуть, чита̀ють, но́сять, ко́сять, мо́ляцьця, купаюцьця, сміюцьця, сварацьця, бигу́ть, стэрэгу́ть.

Прошедшее время. Мужескій родъ въ единств. числѣ оканчивается на въ, женскій на ла, средній на ло: я ходи́въ, ты читавъ, ву͡онъ писавъ; я ходила, ты носила, вона́ пра́ла ку́жэль; воно́ пило́. Во множ. числѣ для всѣхъ родовъ оканчивается на ли: мы писали, чита̀ли, купалися. Я молився, вона молѝлася, вони моли́лися.

Отъ глаголовъ нэсьци́, вэсьци́, вэзьци́, росьци прошед. время ню͡осъ, нэсла́; вью͡овъ — вэла́, вэло; вью͡озъ — вэзла́ — вэзло́; ру͡оосъ — росла́ — росло́[2]).

---

1) Иногда глаголы совершеннаго вида въ 1-мъ лицѣ буд. времени оканчиваются на юмъ: пу͡ойдюмъ, пойі͡едюмъ.

2) Въ Ломазскомъ говорѣ нерѣдко можно слышать, какъ говорятъ робивъ-емъ, косивъ-емъ, носивъ-емъ; косивъ-есь, косили-сте, и пр. Очевидно, эти формы глагола прошед. времени образовались подъ вліяніемъ польскаго языка.

Глаголы — жэ̀рти, вмэртѝ, тэ̀рти въ прош. времени жэръ-жэрла; вмэръ — вмэрла́; тэръ—тэ́рла; змэрзъ—змэ́рзла — змэ́рзло.

Въ народной рѣчи употребляется еще и другая форма прошедшаго времени, очевидно, заимствованная изъ польскаго языка: косѝлисьмо, возѝлисьмо.

Будущее время: я буду писа́ти, ты будэшь читати, вуонъ будэ купатися, мы бу́дёмо робити, віэтэ будэтэ умыватися, вонѝ будуть ночовати.

Повелительное наклоненіе. Един. число 2-ое лицо: пи, би, сьпи, йди, нэсѝ, просѝ, пишѝ, стэрэжи, бижѝ, дай, сіэй, сядь, глянь, ляжъ, прибавъ, сыпъ, віэръ, умывайся, одягайся, обувайся, нэ буойся.

3-е лицо: нэхъ сьпитъ, нэхъ идэ̀, нэхъ чита́е, нэхъ купаецьця, нэхъ про́ситъ, нэхъ сьміецьця, нэхъ жарту́е.

Мн. ч. 1-е лицо: піэмо, біэмо, сьпіэмо, йдіэмо, нэсіэмо, просіэмо, стэрэжіэмо, йіэжмо, робіэмо, пишіэмо, да́ймо, ся́дьмо, гля̀ньмо, ля́жмо, бэріэмо, помоліэмося.

2-е лицо: піэте, біэтэ, сьпіэтэ, нэсіэтэ, просіэтэ, стэрэжіэтэ, бэріэтэ, пишіэтэ, да́йтэ, возьміэтэ, сядьтэ, гля̀ньтэ, ля́жтэ, сыптэ, віэртэ, вста́ньтэ, моліэтэся, чэшіэтэся, сьміэйтэся.

3-е лицо: нэхъ пъютъ, нэхъ вэзу́тъ, нэхъ стэрэжутъ, нэхъ купаюцьця.

1. Ударяемая примѣта повелительнаго наклоненія и переходитъ въ Ломазскомъ говорѣ въ дифтонгъ — іэ, а неударная въ ь.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ мягкій знакъ не слышится. Эта звуковая особенность замѣчается и въ Кошоловскомъ говорѣ. Этотъ дифтонгъ, вѣроятно, образовался изъ древне-славянскаго звука ѣ.

2. Въ Ломазскомъ говорѣ мѣстоименіе ся, которое звучитъ какъ ця, всегда находится въ концѣ глагола; но иногда употребляется въ безличной формѣ глагола и въ началѣ его. Употребленіе ся въ началѣ глагола, очевидно(,?) польскаго происхожденія: що ся робило, що ся діяло на сьвіэти, якъ ся маешь.

Для выраженія проклятія въ Ломазской рѣчи, какъ и въ другихъ говорахъ, употребляется при глаголахъ слово бодáй: бодай ты пропавъ, бодай тобі͡э всі͡э курэ поздыхáли. Но вмѣсто бодай часто говорятъ: щобъ или кобъ.

Въ мѣстной рѣчи существуютъ особыя глагольныя формы, какъ и въ другихъ говорахъ: понапикала, понаварывала, нэ йі͡эсьця, нэ пьецьця, нэ сыпицьця, нэ робицьця (не хочется ѣсть, пить, спать, работать).

Голоса животныхъ.

Ку͡онь ржэ. Ву͡олъ мычи́тъ, вэчи́тъ, рэвэ́, буйитъ. Собака брэ́шэ, гáвкае, вы́е, вищи́тъ, ворчи́тъ. Сьвиня́ рóхкае, квичитъ. Вовкъ вы́е. Ку͡отъ кававчи́тъ, мьявчитъ, мручи́тъ. Баранъ бэчи́тъ. Курыця кукудáкае, сокори́тъ. Пі͡эвэнь сьпивáе. Ворона крáкае. Мышь пищи́тъ. Му́ха бзючи́тъ. Змія́ сычи́тъ. Жаба кру́мае. Буцёнъ клекóчэ. Мэдві͡эдь вэчи́тъ. Зазу́ля·ку́кае, куé. Гуси ґáґаютъ. Козá бэчи́тъ. Пщолá бзючи́тъ. Воробі͡эй чиркоти́тъ, цири́кае. Циплята ця́вкаютъ. Сорока чекоти́тъ. Дэ́ркачъ дэркóчэ. Гу́пачъ гучи́тъ. Вьюнъ пищи́тъ. Кáчка квáкае. Книгавка киги́кае.

Причастіе и дѣепричастіе.

Въ Ломазской рѣчи, какъ и въ другихъ народныхъ говорахъ, причастія дѣйствительной формы и дѣепричастія страдательной— не развились, такъ какъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеній, начинающихся этими частями рѣчи, въ мѣстномъ говорѣ не существуетъ; если же и образовались отъ нѣкоторыхъ глаголовъ причастныя формы, то онѣ служатъ въ предложеніи въ качествѣ прилагательныхъ, какъ опредѣлительныя слова: стоячая вода, висячи замокъ, работящая баба, лежачого чолові͡эка. Существуютъ только въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ народныхъ говорахъ, причастныя формы прошедшаго времени страдательнаго залога: куплены—куплена -ая, куплено -ое, украдёны, а, о,

заби́ты, сшиты, завьязана, замучены, нажаты, назбирана, вы́мыты, пэ́коны -а.

Причастія настоящаго времени страдат. формы не развились, кромѣ единственнаго случая отъ глагола любити — люби́мое образовалось причастіе средняго только рода для обозначенія мяса безъ костей и хрящей. Но и это причастіе употребляется въ смыслѣ существительнаго: я хочу́ люби́мое, т. е. я хочу мяса безъ жилъ, костей и хрящей. Причастіе это склоняется, какъ прилагательное имя.

Дѣепричастія бываютъ только дѣйствительнаго залога настоящаго и прошедшаго времени съ окончаніями на чи и вши: будучи, бывши, лё́жачи, лежавши, стó́ячи, стоя́вши, кó́сячи, коси́вши, накоси́вши, оручи́, заора́вши. Будучи въ лі͡эси, я набравъ я́гудъ. Накоси́вши травы̀, ву͡онъ пошовъ до дó́му.

Въ народной рѣчи сокращенныя придаточныя предложенія рѣдко встрѣчаются, а причастія прош. времени страдательной формы употребляются въ большинствѣ случаевъ въ качествѣ сказуемыхъ и опредѣленій, а дѣепричастія дѣйствительной формы служатъ въ предложеніи нарѣчіями. Рѣдкое употребленіе сокращенныхъ придаточныхъ предложеній замѣчается во всѣхъ почти народныхъ говорахъ русскаго Забужья.

Склоненіе причастій.

Ед. ч. Им. падежъ: звъязаны, звъязана -ая, звъязанэ -ое, заби́ты, забита -ая, забитэ -ое.

Р. — звъязаного, забитого, звъязанойи, забитойи.

Д. — звъязаному, заби́тому, звъя́зануй, заби́туй.

В. — какъ род. или им. — звъязану -ую, забиту -ую.

Т. — звъязанымъ, забитымъ, зъ звъязаною, забитою.

Пр. — на звъя́занумъ, на заби́тумъ, на звъязануй, забитуй.

Мн. ч. Им. п.: звъязаны -ныйи, забиты—забитыйи, нажаты—нажатыйи, накошэны -и.

Род. — звъязаныхъ, забитыхъ, нажатыхъ.

Д. — звъязанымъ, забитымъ, нажатымъ.

Вин. какъ род. или именит.

Т. — звъязаными, забитыми, нажатыми.

Пр. — на звъязаныхъ, забитыхъ, нажатыхъ.

Въ предложномъ падежѣ ед. ч. прилагательныя, числительныя поряд. и причастія часто принимаютъ окончанія дат. падежа муж. и средняго рода: по широкому пóли, на забитому чолові͡экови.

Нарѣчіе.

Нарѣчія мѣста: дэ, нигдэ́, óсьдэ, дэсь, тутъ, тамъ, тамó, куды́, туды́, сюды́, ску͡оль, сту͡оль, стамту͡оль, астту͡оль, отсю͡оль, зусю͡оль, всю́ды, — всю́дэ, вдóма, дóма, скру͡озь, додóму; вгóру, внизъ, вверхъ, здалю͡окъ.

Времени: топі͡эро, тэпэ́ръ, дись — дзись — дзи́сяка, вчóра, зáвтра, позавчóра, зáвшэ — зáвжды, давнó, — нэдáвно, споконъві͡эку, здавóнъ давнó, впэршъ, поту͡омъ, коли́, коли́сь, никóли, — ки́кды, доку͡оль, зáразъ, щодэ́нь — щодня, щону͡очь — щонóчи, щору͡окъ — щорóку, щомі͡эсяця, щонэді͡эли, щосубóта, щопья́тниця, завчáсу, дэнь-у-дэнь, ввэ́чэри, такру͡окъ, натакру͡окъ, дóдня, зрáня, звэ́чура, лі͡этомъ, вэснóю, зимою.

Количества: мну͡ого, мáло, ки́лька, вчэ́твэро, три́чи, трóхи.

Образа дѣйствія и другія нарѣчія: бáрзо, ни́цьма, навпáкъ, нáстэжъ, вздовшъ, вширшъ, попэрэ́къ, дóбрэ, ху́тко, далéко, близько, тэ́пло, зи́мно, дóрого, тáнё, лéдво, ледь, сóлодко, гу͡орко, ги́дко, ні͡э, ни, нэмá — нэмáшъ, знову, зусі͡эмъ, гóрачэ, обі͡эручъ, обáпулъ, вжэ, по-руськи, по-пу͡ольськи, впрòбусьць, водносталь, ни такъ-ни сякъ, лядáкъ, ні́якъ, разурáзъ, дóвго, глыбóко, плы́тко вку́пи, вэрхóмъ, хорошэ̀, кéпсько, хи́тро, тонко, у́зко, му͡оцно, рáкомъ, онòщо, чижпàкъ, авжэ̀жъ, ту͡олько, пу͡оки, поку͡оль.

Степени сравненія.

Сравнительная степень: тóнчэ, коруотчэ, лiэпи — лiэпшъ, узчэ, шiэри, доруожшэ, мэншъ, буольшъ, гуоршъ, довшъ, глыбчэ, дáлiй, хучiэй, здоровiэй, пузнiэй, голоснiэй, блúжи, тэплiэй, вы́шшэ, давнiэй, гуори.

Превосходная степень: найбуольшъ, наймэншъ, найлiэпшъ, найгуоршъ, найдóвшъ, найхучiэй, найголоснiэй, найпузнiэй, найдоруошэ, найдáлiй, найгуори.

Уменьшительныя и увеличит. нарѣчія.

Близэ́нько, ридэ́нько, густэ́нько, друбнэ́нько, тэплéнько, частэ́нько, низэ́нько, пузнэ́нько, тихéнько, ранэ́нько; близюсенько, ридю́сенько, тиху́сенько, тоню́сенько, раню́сенько, трóшки, трóшечки.

Предлогъ.

Простые предлоги: бэзъ, для—ґля, къ—ґъ, для, къ, о, по, про, кóло, до, мижи, подъ-пудъ, зъ—съ, въ — у, за, на, одъ—отъ, пэрэ́дъ, вы, изъ, — исъ, надъ, пэрэ, прэзъ, при, чэрэзъ, сэрэ̀дъ, роз, пэрэ, объ.

Сложные предлоги: изъ - за, -зза, сподъ, по-за, по-надъ.

Предлоги — про, вы, роз, пэрэ́, объ употребляются только слитно съ другими частями рѣчи: пройiэхали, продáти, выкупити, роздáти, пэрэлáзы, пэрэйiэхати, пэрэвэрну́тися, объйiэвся, объйiэхати.

Предлоги — бэзъ, коло, для — ґля, для, до, одъ, отъ, изъ, исъ требуютъ послѣ себя родительнаго падежа: бэзъ хлiэба, коло хáты, для мáне—ґля мэнэ, для мэ́нэ, до кáмэня, одъ бáтька, одъ брáта, отъ свáта, отъ кумы́, одъ вуойська, изъ вуойська, исъ хáты. Вмѣсто изъ, исъ часто употребляется зъ, съ: зъ мiэста, зъ лiэса, зъ мня́са, съ каши, зъ я́мы, съ клу́ни.

Предлогъ до замѣняетъ великорусскiй — до, къ, въ: Горóдъ

тягнэця до рики́. Я пошовъ до бра́та. Сэстра́ пой͡іэхала до Кіёва. Для выраженія близости къ предлогу до прибавляется часто слово ажъ: я зашо́въ ажъ до рики́. Но говорятъ часто: въ л͡іэсъ, въ поле.

Предлоги зъ, съ замѣняютъ общерусскіе изъ, съ: Батько зъ дочкою пришовъ зъ ярма́рку. Братъ съ сэстрою вышли исъ ха́ты.

Предлогъ къ — ґъ употребляется только въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ґъ Вэликодню, ґъ Руздву́, къ сьвыта́мъ. Сус͡іэдъ заколо́въ вэ́прика ґъ Руздву́. Ма́ти наши́ла сорочо́къ ґъ Вэликодню. Предлогъ—къ по большей части звучитъ въ нар. рѣчи какъ ґ. Одъ, отъ: одъ мэ́нэ, одогна́въ, отъ сэ́бэ, отчипи́въ, откусивъ, одобравъ. Въ большинствѣ случаевъ въ этомъ предлогѣ слышится звукъ д.

Предлоги **у** и **въ** въ род. и предл. падежахъ употребляются въ одномъ и томъ же смыслѣ, но чаще въ род. пад. **у** замѣняется пред. **въ**: у мэ́нэ — въ мэнэ, у тэбэ, въ тэбэ, въ батька, въ сусіэди, въ насъ — у насъ, въ васъ — у васъ; въ хати — у хати, въ клуни — у клуни, въ сэли, въ м͡іэсьци, въ л͡іэси.

Въ предложномъ падежѣ по большей части въ этомъ случаѣ употребляется предлогъ **въ** и рѣдко замѣняется въ Ломазскомъ говорѣ предлогомъ **у**.

Предлогъ чэрэзъ часто замѣняется предлогомъ прэзъ, очевидно, заимствованнымъ изъ польскаго языка: чэрэзъ тэбэ, чэрэзъ пл͡уотъ — прэзъ пл͡уотъ, чэрэзъ ёго — прэзъ ёго.

Зза, сп͡уодъ, по-за, по-надъ: изъ-за горъ, зза клуни, сп͡уодъ зэмл͡іэ, по-за л͡іэсомъ, по-надъ рикою.

Ми́жи: мижи сэлами, ми́жи полями, ми́жи нами. Но говорятъ: мэжа́, Мэжи́ричи.

Союзъ.

Въ народной рѣчи существуютъ слѣдующіе союзы: а, та, жэ, и, чи [1]), ни, но, що, щобъ, коли́, якъ-такъ, то, бо, або, чомъ, для

1) Вмѣсто чи иные говорятъ ци.

чого, ежэли, нащо, нэбудь, сь (дэсь, якійсь, колись), бы, абы́, але, кобъ.

Примѣры: Ты коси́, а я буду жа́ти. Чомъ ты до насъ нэ пришовъ? Нащо ты потруча́въ грушки! Коли завтра придэшь до мэ́нэ, то мы пойі͡эдёмо на ярма́рокъ. Чи бу́дэ дощъ, чи ніэ? бо щось хмурно на дворі͡э. Купи для мэнэ що-нибудь, якъ пойі͡эдэшь до мі͡эста На тобі͡э нэбожэ, що мні͡э нэго́жэ.

Междометіе.

Междометія, выражающія различныя чувства души: ось, отъ, а, ага́, эгэ́, ого́, аяяй, ой, оёёй, но-но, ну, ну́тэ, на, нажъ, охъ, ахъ, диви́ -диви́ бу͡огмэ, ґвалтъ, ґвалтъ!

Звукоподражательныя: дзень-дзень, дзелень, шясьць, гамъ, чиркъ, бухъ, бобо́хъ, трі͡эсь, бу́лькъ-булькъ, пись-пись, гавъ -гавъ, бээ, муу, мъявъ, чиръ-чиръ, крумъ-крумъ, кра-кра, куку, куку, вэээ.

Окрики на людей — гэтъ, цыть, цы́тьтэ, ша; собакъ — ву͡онъ; воловъ—гэць, со; свиней — аля!; волковъ — алю́па [1]);— куръ — ги́ша; котовъ — пси́къ, апси́къ. При погонкѣ воловъ для поворота направо служитъ окрикъ со, а налѣво — гэць; для остановки воловъ и лошадей употребляется окрикъ тпрр.—

Клички: людей зовутъ (голѣкаютъ)— гопъ — гооо; куръ — тю-тю-тю; цыплятъ —ципь-ципь; свиней — цынь-цынь, вэцю-вэцю, вець-вець, мэль-мэль; собакъ — натуна; овецъ — шухъ-шухъ; кошекъ — кси-кси; воловъ — бысь-бысь, быць-быць; лошадей — цёсь-цёсь, цёсь.

---

[1]) Алюпи! Это слово, очевидно, происходитъ отъ лат. lupus — волкъ; апсикъ — отъ татарскаго слова пшикъ — кошка.

III.

Образцы Ломазскаго говора.

I. НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

1) О происхожденіи волка.

Якъ Буогъ створи́въ сьвіэтъ, то ча́сто ходи́въ собіэ по зэмліэ. Разъ чортъ хтіэвъ Бо́га наляка́ти: вы́липивъ изъ гли́ны во́вка и поста́вивъ ёго на доро́зи. Коли́ Буогъ зоба́чивъ того́ во́вка, то кры́кнувъ: «гужа чо́рта!» Вовкъ схопи́вся и ки́нувся на чо́рта, а чортъ ско́чивъ на уольху, и вовкъ туолько ему́ стэгно́ обуэ́ръ, такъ що зъ ёго и кровъ и потэкла́ по дэ́рэви. И съ того́ часу́ уольха ста́ла чэрво́ною.

2) О происхожденіи аиста.

Зоба́чивъ Буогъ, що нэдо́брэ зроби́въ, що створи́въ гадуовъ, ужуовъ, жабуовъ и ящуро́къ: позбира́въ йихъ всіэхъ въ мишо́къ, завъязавъ ёго́ и сказа́въ Ива́нови: «Ива́нэ! на, занэси́ той мишо́къ на рику́, туолько нэ заглядай въ мишо́къ, а кинь ёго́ въ во́ду». Взявъ Ива́нъ мишо́къ на плэ́чи и понюосъ ёго́ до рики́. Йдэ́ собіэ доро́гою, йдэ́, а ёго всё корти́тъ загля́нути въ мишо́къ, що тамъ тако́е е. Пришо́въ на муостъ, нэ вы́тэрпивъ, и зача́въ розвъя́зувати мишо́къ; якъ туолько тро́шки розвъяза́въ, га́дина вся и повтика́ла и попа́дала въ во́ду и порозбига́лася по зэмліэ. Тогды́ Буогъ сказа́въ Ива́нови: «Тэпэръ жэ збира́й, Ива́нэ, га-

ду͡овъ, ужу͡овъ, жабу͡овъ, поку͡оль нэ позбираешъ!» Иванъ обэрну́вся въ бу́цьна и хо́дитъ лі͡этомъ и вэсно́ю по боло́ти, збира́е, збира́е йихъ и нэ мо́жэ ні́якъ позбира́ти.

По народному пове́рію и медве́дь происходитъ отъ человѣка. Аистъ въ народѣ почитается какъ бы священной птицей. — И если совьетъ гнѣздо аистъ на чьей нибудь клунѣ, то это считается большимъ счастіемъ для хозяина.

3) Чортъ.

Чортъ страшны́й — чо́рны якъ смола́, зъ рога́ми и хвосто́мъ, съ крылами и съ шэрсьцю; морда въ ёго соба́чая, но́ги козлячіи, ла́пы съ пазура́ми. Хо́дитъ ву͡онъ за ку͡ождымъ чолові͡экомъ и ку́ситъ ёго на грі͡эхъ и всё шэ́пчэ въ у́хо: иди́ до корчмы́, укра́дь, ошука́й. И якъ ску́ситъ, то радуецьця. Чортъ мо́жэ пока́затися чолові͡экомъ, козло́мъ, барано́мъ, сово́ю, кру́комъ [1]), соро́кою. Соро́ка чортова сэстра́. Въ но́чи, якъ поляга́ютъ спа́ти, чортъ йі͡эздитъ на кобы́ли въ коню́шни. Кобы́ла вся мокрая — пі͡эна на мо́рди, пу͡отъ зъ е́йи цюрко́мъ тэчэ́. Щобъ чортъ нэ му́чивъ ко́ни, въ ста́йни ві͡эшаютъ соро́ку, або сову́. Пъя́ного чортъ заво́дитъ въ боло́то. Якъ вмрэ грі͡эшны чолові͡экъ, то чортъ прилита́е за ёго́ душо́ю. Надъ ха́тою тако́го мэрця́ крутяцьця и кра́чутъ кру́ки, воро́ны, со́вы, соро́ки — одны́и сяда́ютъ на стрі͡эху, други́и влита́ютъ въ ды́мникъ. То всі͡э злы́и ду́хи. Возьмутъ во́ни грі͡эшную ду́шу и понэсу́тъ йиі͡э до пэ́кла и тамъ бу́дутъ му́чити и сма́жити въ горя́чуй смолі͡э. Въ дэнь ча́сомъ быва́е ви́хоръ. То чортъ лі́тае, кру́титъ лі́сьце, писо́къ, подыйма́е ку́раву. До пу͡овночи чортъ ма́е вэликую си́лу, но якъ пі͡эвэнь засыпива́е въ пу͡овночь, то ву͡онъ втика́е и хова́ецьця въ тросьцину́, въ трэбэзу́ дэ нэбу́дь на боло́ти, або́ на рицi͡э. Той бі͡эсъ, що сиди́тъ въ воді͡э и то́питъ

1) Крукъ польск. Kruk—воронъ; въ Херсонск. губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Новой Прагѣ, малороссы ворона наз. кракомъ.

людіэй, называецьця топелець[1]). Въ тросьциніэ на риціэ чортъ показываецьця старымъ сивымъ діэдомъ. Хто чортови запишэ свою душу, тому вуонъ дасьць мнуого грóши; но часто шайтанъ ошукуе людіэй—дасьць пóвну тóрбу, зарэгóчэ и полетитъ, а чоловіэкъ дурный заглянэ въ тóрбу, а тамъ нэ грóши, а куоньськи гнуой. Чортъ лякае людіэй въ нóчи: въ гиншуй хати, якъ лягутъ спати, то отъ шуму и стуку просыпаюцьця и чуютъ, що рыпаютъ дзэрми, пэрэворачиваюцьця столы и стульціэ, на горіэ хтось хóдитъ, стужки пэрэкидае. А якъ засьвіэтятъ огóнь и зачнутъ ходити и всэ оглядати, то ничóго нэ найдутъ ни въ хати ни на горіэ, а туолько страху натэрпьяцьця. Такъ нэчистая сила страхае щонуочь, поки хаты нэ осьвьятятъ, або зусіэмъ éйи нэ покинутъ. Е такійи хаты въ сэлахъ и мистахъ, що пустками стоятъ, бо нэмуожня въ йихъ жити, бо щóсь лякае въ нóчи. Нэчисты духъ влазитъ въ сэрэдину гиншого чоловіэка и трасэ ёгó, якъ віэхоть[2]): чоловіэкъ той падае на зэмлю, курчицьця, піэна зъ рóта тэчэ, храпитъ, вищитъ, якъ звіэръ[3]). И ежэли такóму чоловіэкови Буогъ нэ помóжэ, то ни одёнъ дóхторъ ёгó нэ вылечитъ. Біэсъ до дóброго чоловіэка вóли нэ мае, а туолько до лядащого, що мнуого гришитъ. Чортъ бойицьця крыжа и сьвъячóнойи воды, якъ огню — сьвячóная вода ёгó палитъ, и вуонъ утикае.

4) Мертвецы (упыри).

Хто мнуого гришитъ, то по смэрти ходитъ на туомъ сьвіэти. Чортъ влазитъ въ тіэло такóго чоловіэка, выхóдитъ въ нóчи изъ могилы и блукае по пóлю и людіэй лякае. Часомъ мрэць стукае въ двэры, въ óкна и навэтъ показываецьця въ хати, якъ всіэ полягаютъ спати. Щобъ мрэць нэ ходивъ, трэба вбити въ ёго

1) Въ Докудовѣ называется топэльникъ.

2) Віэхоть — ветошь, тряпочки.

3) Такъ объясняетъ простой народъ причину падучей и другихъ нервныхъ болѣзней.

оси́новы кулóкъ. Оси́на прокля́тое дэ́рэво — на оси́ни Ю́да повіэ́сився, якъ Христа́ жида́мъ прода́въ.

5) Чародѣи и вѣдьмы.

Мижи́ стары́ми баба́ми быва́ютъ чарувни́ци и віэ́дьмы; но естъ по ги́ншихъ сторона́хъ и чарувники́. Вэликую чорувни́цю называ́ютъ віэ́дьмою. У віэ́дьмы е хвуо́стъ; вона́ лéтае на помэліэ́. Нигдэ́ нэма́ туо́лько віэ́дьмъ, якъ у Кі́еви. Чарувники́, чарувни́ци и віэ́дьмы зна́юцьця зъ нэчи́стою си́лою, и мнуо́го биды́ вони́ робьятъ лю́дюмъ—и трэ́ба йихъ остэрэга́тися.. Чарувни́ця одбира́е молокó отъ чужойи корóвы: вткнэ нуо́жъ въ нóгу стола́, и молокó бижи́тъ въ збанóкъ, або обэ́рнэцьця въ куо́шку, побижи́тъ до чужóго хлива́ и выссэ тамъ корóву. Вона́ и клубкóмъ котицьця по у́лици. Коли́ корова нэ дае́ молока́, абó молокó съ кровéю, то зна́читъ, що чарувни́ця одбирае молокó. Въ ту́ю ха́ту, дэ е чарувни́ця, мэдвіэ́дь нія́къ нэ хóчэ зайти: бывало, якъ води́ли мэдвэ́дя по сэліэ́, то до ги́ншои ха́ты нэ пуо́йдэ; поводы́ръ и крычи́тъ и бье ёго, а мэдвіэдь упрэтьця, вэчи́тъ, куса́ецьця, встае́ на задніи ла́пы, а чэрэ́зъ порóгъ нэ пэрэсту́питъ, а по други́хъ хата́хъ зъ охóтою хóдитъ.

6) Волколаки (оборотни).

Чарувни́къ, якъ розозлицьця на я́кого нэбу́дь чоловіэ́ка, то мóжэ ёго обэрну́ти въ вóвка, и такóго вовка называ́ютъ вовкула́комъ. Вовкула́ки лихійи, якъ шалёныйи соба́ки, напада́ютъ на людіэ́й и разрыва́ютъ йихъ. Но коли забью́тъ такóго вóвка, то вуо́нъ обэ́рнецьця въ чоловіэ́ка и тогды́ узнаютъ, що ты бывъ вовкула́къ. Вовкула́къ хóдитъ по лиса́хъ, по поля́хъ до тогó часу̀, пуки́ чарувни́къ знову нэ обэрнэ ёго въ чоловіэ́ка. Ги́ншійи хóдятъ вовкула́ками ки́лька міэ́сяцювъ, а ги́ншіи и килька ліэ́тъ. Кажутъ, разъ чарувни́къ на вэсіэ́ли розозли́вся на молоды́хъ и

госьціэй, закля́въ и обэрнувъ всіэхъ йихъ въ вовкула́кувъ и ходи́ли вони́ вовкула́ками двана́ньцять ліэтъ.

7) Кладъ.

На Глухо́ви коло рики́ зако́паны гро́ши, но нихто́ йихъ нэ мо́жэ найти́, бо чортъ йихъ до́брэ стэрэжэ́ и хова́е въ зэ́млю и туолько ю́диццця зъ людьми́. Въ но́чи ча́сто бли́кае ого́нь и хо́дитъ по по́лю, а бара́нъ біэгае и бэчи́тъ. Бара́нъ-то чортъ. Хто зайдэ шука́ти гро́ши, то бара́нъ и ого́нь счэза́ютъ. Ка́жутъ, що якъ-бы найти́ тое міэсьце, дэ бара́нъ схоеаецьця, и ки́нути на зэ́млю ша́пку, або́ кра́йку, або чо́бутъ, то гро́ши муожня бы найти́. Якъ ша́пку ки́нути, то трэ́ба копа́ти до гро́ши вглыбшъ чоловіэка; якъ кра́йку, то по поя́съ, а якъ чо́бутъ, то по коліэна [1]).

8) Какъ церковь провалилась въ землю и отчего въ Кіевѣ много церквей.

Ка́жутъ лю́дэ, що на Глухо́ви коли́сь была́ цэ́рква, но на Вэли́кдэнь запа́лася. На Вэликдэнь, на пэ́рши дэнь, коли лю́дэ вышли исъ цэ́рквы, ба́ба зачала́ ту́ю цэ́ркву замита́ти и якъ вда́рилася ного́ю о поро́гъ, то закляла́: «А щобъ тая цэ́рква запа́лася!» И цэрква запа́лася и вы́шла въ Кі́єви. И дэ туолько западэцьця цэ́рква, то выхо́дитъ въ Кієви и оттого въ Кієви мнуого цэрквуовъ. Якъ пріи́йти на Вэликдэнь, на пэ́рши дэнь, на Глухъ, дэ цэрква запа́лася, и нагну́тися до са́мойи зэмліэ и слу́хати, то чу́ти, якъ въ звоны звонятъ и якъ сьпиваютъ въ туой цэ́ркви [2]).

1) Глухъ—урочище въ окрестности Ломазъ около рѣки Желявы, гдѣ въ старину, по народному преданію, существовала церковь.

2) Это народное преданіе, какъ отголосокъ сѣдой старины, свидѣтельствуетъ о церковно-религіозной связи русскаго Забужья съ древнимъ Кіевомъ.

9) Панъ и мужикъ.

Въ одного пáна служúвъ линúвы мужикъ. Якъ стáнэ мужúкъ до робóты, то все нарыкáе на Адáма: «Нащо Адáмъ зогришúвъ въ раю́, а якъ-бы нэ зогришúвъ, то всіэмъ дóбрэ-бъ жилóся нá-сьвити; а тэпэ́ръ рáно трэ́ба вставáти и тя́жко працювáти. Почу́въ панъ, якъ мужúкъ нарыкáе на Адама, заклúкавъ ёгó до сэ́бэ и кáжэ ему́: «Тэпэ́ръ ты бу́дэшъ пáномъ: живú собіэ въ мойихъ покóяхъ и ничого нэ робú; йіэжъ и пи, що тобіэ захочэцьця; сьпи и лежи, куолько тобіэ схочэцьця, — туолько прошу́ тэбэ́: нэ заглядáй подъ той таліэръ, що на століэ стойúтъ». А подъ таліэромъ былá мышь. Мужúкъ радъ, що бу́дэ поновáти. Живэ́ собіэ вэсёлы мужúкъ въ пáньськихъ покóяхъ, нúчого нэ-рóбитъ, а туолько смáчно йіэстъ и пье и довго сьпитъ. А мышь подъ таліэромъ дэнь и нуочь шэлéпае, шэлéпае. Всёго у мужикá довóли и йиды́ и питя́, туолько ёгó кортúтъ заглянути подъ таліэръ, що тамъ шэлéпае, но бойицьця пáна розгніэвати. Хóдитъ вуонъ по покóяхъ, всэ розглядáе, въ óкна выглядáе, но все однýю дýмку на-вміэ мáе, щобъ заглянути подъ таліэръ, що тамъ такое е. Тэрпіэвъ, тэрпіэвъ, а на трэти дэнь и нэ вытэрпіэвъ — поднявъ трошки таліэръ, а мышь шмыгъ подъ его рукóю и втэклá. Прихóдитъ панъ — слýхае, а мышь нэ шэлепúтъ; заглянувъ подъ таліэръ, а тамъ пýсто. Мужúкъ злякáвся, стойитъ и дрыжúтъ, якъ осúна, а панъ на ёго крычúтъ: «Ахъ ты, хáмэ, якъ-жэ ты сміэешь на Адáма нарыкáти, що вуонъ зогришúвъ въ раю́, колú и ты моёго приказáня нэ послухáвъ!» А мужúкъ бухъ ему́ въ нóги: «Ой панóчку, ой руодны муой батьку! бу́дтэ ласкáвы, нэ гніэвайтэся на мэ́нэ дурнóго — вжэ я буольшъ нэ бу́ду!» Панъ вы́гнавъ мужика съ покóю и приказáвъ свойимъ слýгамъ дóбрэ ёго почастовáты батогáми. И мужикъ никóли вжэ нэ нарыкáвъ на Адáма.

10) Польша.

Якъ былá Пуольща, то нэ былó ніякого порáдку — паны́ нэ слухáлися своёго короля́, а що хтіэли, то робили. Вони́ туолько гуля́ли, банкетовáли и надъ нарòдомъ знучáлися. Мужикувъ вони́ и за людіэй нэ міэли. Бывáло, на паньськи́хъ ланáхъ людэ одъ батогувъ кривувця́ми плáчуть и стóгнуть, а въ палáцахъ грáе музы́ка, паны́ рэгóчуть, кричáть, выджворáюцьця, пьютъ и йидя́ть. Нэ вміэли шановáтися ляхи́ и за йихъ пы́ху и люцьку кры́вду Буогъ и скàравъ, и Пуольща згинула, якъ рудáя мышь. Коли́ Буогъ схòчэ когó укóрати, то впэршъ рóзумъ одбэрэ̀. Дурныйи ляхи́ продали́ свою́ Пуольщу Рóссіи за одну бочку золота и за идинáньцять бочокъ писку́. Обиця́ли панáмъ дванáньцять бочокъ зòлота, но коли́ паны́ розбили пэршу бòчку, то въ юой былó зòлото, а коли́ розлупáли другіи одинáньцять бочокъ, то всіэ тыйи бочки́ были́ насы́паны нэ зòлотомъ, а пискóмъ. Цариця Катэрина присылала въ Пуольщу Суворова. Поляки́ боя́лися Суворова, якъ огню́ — дэ показався Суворовъ, то конфэдэрáты розбигáлися, якъ кýрэ одъ я́стрэба. Слáвили нáши диды́, що Суворовъ заходи́въ и въ нáшую стóрону — бывъ вуонъ и въ Бэ́рэсьци, бывъ вуонъ и въ Пищáцьцю. Въ пищацькихъ лисáхъ ночовáло ёгó вуойсько. Конфэдэрáты зъ музы́кою йіэзьдили по сэ́лахъ и мистáхъ и возили съ собóю хліэбъ, мня́со и горіэлку и хто до йихъ приставáвъ, тогó кормили и пойили. Пэрэкáзываютъ старыйи людэ: якъ прійіэдуть бывало вони до сэла, то граютъ и сьпиваютъ: «Пристáнь, Юрку, до вэрбýнку, будэшъ йіэсьци зъ масломъ кýрку». И дэ якіи дурныйи панки́-голодрáйи и приставáли до конфэдэрáтувъ, бо добрэ йихъ кормили и пойили. Якъ полякѝ зачали́ бунтовáтися, то Суворовъ вы́ризавъ Прагу и взявъ Варшаву и всю Пуольщу завоювавъ. Тогды́ русьською цорыцёю былá Катэри́на. За Катэрины москаліэ, якъ дивки́, ходили въ чэрэви́кахъ и носили кóсы. Катэрина былá мýдрая цорыця.

Въ трицьця́тому рокóви поляки знóву збунтовáлися и хтіэли

Пуольщу одъ Россіи одобрáти, но нэ дали рáды: Пашкéвичъ взявъ Варшаву и порозгонявъ пуольске вуойсько. Пуольськіи жоміэры хорошэ́ были ýбраны, выпасены и гладкіи, но прóстому нарòдови бáрзо докучáли. Бывало якъ стàнуть на кватырахъ въ сэліэ, або въ міэсьци, то бидá для господаруовъ: стрáвы нáшойи нэ хóчуть йіэсьци, а давáй йимъ пэчэ́ню, курицю, яйця, мáсло, молокó; на чóрны хліэбъ нашъ и нэ дивьяцьця, а принэси йимъ пироги, бýлки, оборáнки. А нэ даси, чого захóчуть, то зачинáють штýрхати, кулакáми бити и кричати: «Ach wy przeklęte chłopy! my za was krew swoję przelewamy, a wy nie chcecie nam i jeść dać». Жоміэръ въ хàти господарá роспораджаецьця, якъ у сэ́бэ дóма — бэрэ́, що хóчэ, а чогó нэмá, посылáе купити ему туолько нэ за своийіэ грóши, а за господáрòвы. Жилитися на жоміэрувъ боялися, бо старшинá йихъ былá лядáщая, та вони йийіэ и мáло слýхалися. Муого гора натэрпіэлися людэ отъ тыхъ жоміэрувъ. Москáль нэ такіи, якъ жоміэръ — москáль сядэ зъ нáми за стуолъ, повэчэ́рае и щэ и подякуе: «спасибо, хозяинъ и хозяюшка, за хлѣбъ, за соль»; а чáсомъ трáпицьця такіи дóбры и гóжи москáль, що нáвэть помóже що-нэбýдь въ господàрстви — принэсьци воды, нарубáти дровъ, загнáти корóву, або сьвиню до хливá. А жоміэръ — панъ и до ёго и приступу нэмá, и туолько дóбрэ йіэстъ и пье и на всіэхъ кричить и хóчэ, щобъ ёмý всіэ служили и догаджáли.

11) Козаки-мародёры въ 1812 году[1]).

(Разсказъ старухи).

Я дóбрэ памэтáю, якъ въ Ломáзахъ рабовáли козаки. Я щэ былá малáя, тáто муой вмэрли, и мàма остáлися зъ малыми

1) Этотъ разсказъ относится къ тому времени, когда послѣ занятія Москвы Наполеономъ Чичаговъ съ Молдавской арміей расположился въ Брестъ-Литовскѣ, и отсюда посылались козаки по деревнямъ собирать провіантъ и фуражъ и нѣкоторые изъ нихъ занимались мародерствомъ. Какъ видно изъ разсказа, между мародёрами находились и не христіане-калмыки и другіе инородцы.

дитьми́, а я была́ наймэ́ншая. Мы были́ бі͡эдныйи. Якъ ма́ма почу́ли, що козаки́ прійі͡эхали рабова́ти, то насъ всі͡эхъ диті͡эй посади́ли на пі͡эчь, а мэнэ́, якъ наймэ́ншую, попэрэ́ди. Пришовъ коза́къ до ха́ты и закричавъ: «Старуха, давай гроши!» — Въ мэ́нэ гро́ши нэма́, сказали мама, мы лю́дэ бі͡эдныйи — нэхъ вамъ Пресьвятая Богородиця дасьць. — «Да што мнѣ твая Богородица дасьць», и ма́му лясь по руці͡э тэсакомъ. И до́вго мама носи́ли руку на ручнико́ви. Мы поляка́лися — всі͡э дрижимо́ и пла́чэмо. Коза́къ подививсся на насъ, заглянувъ въ скры́ню, поштýрхавъ пи́кою, зашо́въ до комо́ры — пони́павъ - пони́павъ, но ничо́го нэ взявъ.

Козаки́ ходили по всі͡эхъ хата́хъ и клуня́хъ и забира́ли добы́токъ, фа́ньте, збу͡ожэ; ла́пали дивча́тъ и молоди́ць и знуча́лися надъ йими: подоймýтъ сокі͡эрою дыль въ сьцині͡э, вло́жатъ цицьки́ въ щэлю́бу, и нэща́сная ді͡эвка мýчиццця. Лю́дэ хова́лися зъ добы́ткомъ въ лиса́хъ, збу͡ожэ и скрыні͡э зако́повали въ землю; но козаки и въ я́махъ находи́ли добро́ и въ лиса́хъ забира́ли ко́ни, волы́, овэчки́, сьвини. Бува́ло, козаки́ въ лі͡эси крича́тъ: «Катэри́на! Мари́на!» И людэ отзыва́юцьця, дýмаютъ, що свои́ кли́чутъ, а козаки́ йдутъ на го́лосъ и рабýютъ. Но поту͡омъ лю́дэ стали осторо́жными и вжэ нэ отзыва́лися, якъ голёкали козаки́. Козаки всю́ды рабова́ли, би́ли люді͡эй и знуча́лися надъ баба́ми. Въ ги́нших сэ́лахъ, якъ осьмі͡элилися, то ста́ли нэ дава́ти козака́мъ рабова́ти: якъ пока́жэцьця въ сэлі͡э одёнъ, або два козаки и зачнýтъ ходи́ти по хата́хъ, то бабы́ изза двэрі͡эй залива́ли йимъ о́чи окро́помъ. Ча́сомъ козаки́ забива́ли люді͡эй, а часомъ и людэ забива́ли козака́. Чýти было́, що и францýзъ рабова́въ и пали́въ ха́ты въ ту͡ой стороні͡э, дэ ву͡онъ показа́вся. Бі͡эдныйи лю́дэ мну͡ого натэрпі͡элися въ тыйи часы́ и стра́шно згадовати, що ся роби́ло тогды́ на́-сьвити. Хвала́ - Богу, що французъ до насъ нэ загляда́въ, а то зусі͡эмъ бы пони́щилися лю́дэ, и зъ го́лоду повмира́ли бы, бо дэ ву͡онъ бывъ, то тамъ ницъ нэ оста́лося, якъ про́сля саранчі͡э.

12) Панщина.

Нэ такъ впэршъ жили людэ за панщины, якъ тэпэ́ръ. Що тэпэ́ръ? Тэпэ́ръ, хвалити Бо́га, куожды чоловіэкъ самъ собіэ панъ; а якъ была́ па́нщина — ой бидова́ли людэ, бидова́ли! Ца́рство нэ́бэсное на́шимъ цара́мъ, що скасова́ли панщину![1]) Мнуого кро́ви вы́ссали зъ насъ ляхи́ — тяжко и зга́довати, якъ му́чили насъ паны́. Ляда́щіи были́ паны́, а щэ гуорші́и йихи окомоны́. Но тако́го ляда́щого па́на нигдэ́ нэ было́ въ на́шуй око́лици, якъ въ Ломазёхъ бывъ Кута́съ; а око́монъ ёго́ бывъ такі́й лихі́й, якъ соба́ка. Быва́ло дэнь-у-дэнь, щэ со́ньце нэ зы́йдэ, око́монъ съ канчуко́мъ вбига́е до ха́ты, кричи́тъ, псяма́цькае: «Ach wy psy rusiny, psia wiara, psia krew, na panszczyznę!» Канчуко́мъ шмага́е и старо́го и мало́го, горчки́, миски́ бье, дижки́ съ тіэстомъ повыворо́чуе: бабы́ и діэти пла́чутъ, а чоловіэки сто́гнутъ и проклина́ютъ пануовъ. Вы́жэнэ голо́дныхъ людіэй на па́нщину и якъ чэ́рэду жэнэ́ до па́ньського двора́, щэ и каньчукомъ подгоня́е. На лано́ви ціэлы дэнь плачъ и крикъ: то ба́бу батога́ми бьютъ, то чоловіэка кату́ютъ. Ходи́ли на панщину и въ нэдіэлю и въ сьвья́то: въ цэркви звоны браща́тъ, а мы брагу но́симо въ бро́варови. На Вэли́кдэнь и Руздво́ насъ выгоня́ли съ пудво́дами до Варшавы. Мнуого людіэй скрывдивъ Кута́съ — ги́нші́и отъ тя́жкои рабо́ты и битя́ повмира́ли, а котры́и вы́здужали, то оста́лися каліэками навіэки. Обрыдъ той Кута́съ и ломазьця́мъ: якъ туолько міэськіи ко́ни, або гу́си покажуцьця коло́ па́ньського по́ля, то Кута́съ зъ дворака́ми приско́читъ и зачнэ́ би́ти пастухуовъ, поздира́е зъ йихъ шапки́, сукманы́, а гусіэй и ко́ни позайма́е до двора́ и два-три дніэ нэ выпуска́е исъ хлива́. Мища́нэ хо́дятъ и про́сятъ и кла́няюцьця, а Кута́съ на йихъ кричи́тъ и

---

1) Крестьяне дер. Любенки были освобождены отъ панщины въ царствованіе Николая I-го въ 1851 году, а крестьяне другихъ селеній при Императорѣ Александрѣ II, по Высочайшему Манифесту отъ 19 февраля 1861 года.

бье ч якъ нэ заплатять, що вуонъ схбчэ, то-й нэ выпустить йимъ добытку. Нэ было того дня, щобъ Кутасъ нэ сварився зъ ломазьцями. Кутасъ присвоивъ часть Ломазькои зэмлiэ. Довго мучивъ вуонъ насъ и мы тэрпiэли, тэрпiэли, но нэ вытэрпили: зачали на Кутаса подавати просьбы, но Кутасъ выкручивався, звычайно ляхъ за ляхомъ тягнэ (Тогды были пусльськiи суды). Ажъ нарэсьци одёнъ розумны чоловiэкъ пошовъ до Люблина и подавъ просьбу въ Трибунали и тамъ розсказавъ, якъ Кутасъ крывдить людiэй и зачали зъ йимъ правоватися. Трибуналъ присудивъ Кутаса до крэминалу. Отъ крэминалу Кутасъ выкрутився, но залiэзъ въ довги и ёго злицитовали, и вуонъ кудысь выйихавъ изъ Ломазъ [1]). Мужики зо злосьци мсьцили Кутасови: часто крали снопы съ поля, выпасали лонку и збуожэ, пудпалювали будынки. Разъ осэню згорiэла ёму клуня съ пшеницею и житомъ. Кажуть, що хтось пудпаливъ его. Просля Кутаса наставъ дэржавця Шэлягъ, но той панъ бывъ собiэ ничого — нэ бивъ людiей, нэ знучався надъ нами и мы его шановали якъ доброго пана. Нэдовго мы ходили на панщину при Шэлягови — пэрэдъ вуйною (Крымскою) насъ очиншовали, и мы пошли на колёнiи, а чэрэзъ дэсять лiэтъ и въ другихъ сэлахъ пэрэстали робити панщину. Вэликая была радусць для людiэй, якъ нашъ цэсаръ скинувъ панщину!

Кажуть старыи люда, що за пуольськoю ронду паны принэволювали и мищанъ ходити на панщину, но вони упэрлися и нэ пошли, хочъ паны йихъ били и вiэшали. Въ Ломазахъ дэржавця Тызэнгаузъ за то, що нэ хтiэли мищанэ ему робити панщину, часто бивъ ихъ, калiэчивъ, а богатшихъ господаруовъ повiэсивъ въ дымникахъ. Въ Россуошахъ также нэ давалися панови, и панъ страшно людiэй мучивъ — мнуого народу покалiэчивъ и позабивавъ до смэрти, но на панщину нэ пристали. И въ Пи-

1) Кутасевичъ или по народи. Кутасъ былъ арендаторомъ въ 40-хъ годахъ казеннаго имѣнія—Ломазъ, къ которому принадлежали деревни: Любенка, Копытникъ, Вортель и другія.

щатцю паны́ чэ̀плялися до мища́нъ и ихъ вуо͡йта Валиновича спалили въ шпихиро́ви у Ви́льни, якъ вуо͡нъ туды́ зайі͡эхавъ, щобъ пода́ти про́сьбу королёви. Мища̀нэ мі͡эли майдэбурськое пра́во, но лядачіи паны́ нэ зважа́ли на ихъ права́ и нэ боялися ни суда́, ни свого́ короля. Но были́ и такіи мищанэ, що пуддалися пана́мъ. Сэло́ Доку́дово было́ впэршъ мі͡эстомъ: Радзивилъ розозли́вся на доку̀дувцювъ и принэво́ливъ ихъ робити па́нщину. Доку̀довци вы́будовали нову́ю цэ̀ркву. Разъ Радзивилъ йі͡эхавъ чэ̀рэзъ Доку́дово и зашо́въ до цэ̀ркви, щобъ подивитися, яка́я вона́ въ сэрэ̀дини. Адъюта́нтъ его вэрти́вся по цэркви, розгля́дувавъ сьвятыхъ и зоба́чивъ на́писъ на до́щэцьци и пэрэчита́въ, що фундаторами тэ̀и цэркви были́ такіи и такіи мищанэ и нашъ князь Радзивилъ. Колй Радзивилъ почу́въ одъ адъюта́нта, що ёго́ имэне написано на рэ̀сьци, розозли́вся и за́разъ вы́шовъ исъ цэркви и пойі͡эхавъ до Бі͡элои. На дру́ги дэнь Радзивилъ прислав при-ка́зъ обложи́ти хворосто́мъ и соло́мою цэркву и мі͡эсто и пудпалити. Доку́дувци якъ почу́ли, що ихъ церкву и хаты́ съ клунями будутъ пали́ти, пэрэлякалися, и всі͡э старыи и малы́и пошли́ до Бі͡элои до за́мку и тамъ три дні͡э на колі͡энахъ плака́ли и просили Радзивила, щобъ змило́вався надъ йими и нэ ка́равъ такъ стра́шно за йихъ вину́. Якъ вони́ до́сыть напла́калися и напросилися, то нарэ̀сьци Радзивилъ сказавъ ймъ, що вуо͡нъ нэ будэ вжэ пали́ти цэркви и мі͡эста, но одбэрэ одъ йихъ майдэбурськое право, и Докудово будэ сэломъ, а мища́нэ будутъ роби́ти ему́ па́нщину. И съ того́ часу́ Докудово пэрэста́ло бы́ти мі͡эстомъ. Щэ и тэпэръ видно, дэ бывъ ры́нокъ и дэ стоя́лъ ра́тушъ [1]).

Якъ была́ панщина у насъ, то въ сэ̀лахъ нэ вмі͡эли ни чита́ти, ни писа́ти; а якъ хто бывъ письмэ̀нны, то панъ отдававъ до вуо͡йська, «żeby chłopów nie buntował». Тогды́ и по мистахъ ма́ло было́ письмэ̀нныхъ люді͡эй.

1) По разсказамъ сторожиловъ, въ городскихъ судахъ того времени, когда существовало «Магдебургское право», царилъ полнѣйшій произволъ—по большой части, судьи (войтъ и райцы) за хорошое угощеніе и взятки оправдывали богатыхъ преступниковъ и часто жестоко наказывали бѣдняковъ, приговаривая ихъ къ висѣлицѣ или къ тяжкимъ побоямъ.

13) Повстанье въ 1863 году.

Якъ ляхи́ зобáчили, що нашъ царъ хóчэ панщину скинути, то задýмали Пуольщу одвоюваáти, щобъ пáнщину вэрнýти. Паны́ зачали́ зъ мужикáми брáтатися — поодягáлися въ сукманы́, ходи́ли по хатáхъ, кумовáли дитіэй ý мужикуовъ и всіэмъ говорили, що якъ Пуольща настáнэ, то всіэмъ бýдэ дóбрэ: пороздаю́тъ людюмъ мнуого зэмліэ, подáткувъ нэ бýдутъ платúти, до вуойська нэ будутъ брáти и бýдутъ всіэ мужики шляхтою. Такъ паны́ лéстками пудбивáли насъ до йихъ повстáня. Мы слухали, що паны́ патоня́тъ, но нэ віэрили йимъ и на мáковэ зэ́рно, бо дэжъ таки́ йимъ былó віэрити, коли́ вони́ вы́точили нáшу кровъ и дóбрэ залили́ сáла за нáшую шкуору и за людіэй насъ нэ міэли, и назывáли насъ бы́дломъ, псáми, хáмами и всэля́кими пруозьвисками. Блевья́скали намъ ляхи́, що панщину скинувъ нэ нашъ русьськи Царъ, а французьски Наполёнъ, що нибы Наполёнъ казáвъ нáшому Царóви освободúти нáрудъ отъ панщины. Но мы усьмихáлися мижѝ собóю якъ паны́ брэ́шутъ, якъ собáки, бо розуміэли, що русьськи царъ найсильніэши мижи́ царáми и що вуонъ чужи́хъ царуовъ нэ бойицьця и нэ слýхае, а щэ éгó всіэ бояцьця и слýхаютъ, такъ якъ богáты господáръ никóму нэ клáпяецьця, а щэ емý біэдныи господарыэ клáняюцьця. Дивáчилися ляхи́: ходи́ли процэ́ссіи съ косьцёла до косьцёла съ пуольськими орлáми и гóлосно всіэ сьпивáли: «Wróć nam Boże ojczyznę i panszczyznę!» Стави́ли на дорóгахъ крыжіэ съ корóю. Въ косьцёлáхъ нэ звóнили въ звунóчки, а клекотáли въ кликутки́. Панійіэ и панны́ ходили въ чóрнумъ одіэнёви, а паны́ въ сукманáхъ и причипля́ли до шапóкъ кусники́. Пуольськіи ксёндзы на казаня́хъ и спóвэди говорили всіэмъ йти до повстáня. По косцёлáхъ збирали грóши— «офьяру» на повстане: паны́ такъ и сыпали грушми́ по дэсять, по двадцять пьять и по сто рублюовъ, но съ прóстыхъ людіэй нихто нэ давъ и шэ́ляга, бо знáли, на що тыи грóши пуйдýтъ. Панки́ и мазуріэ зачали́ насъ стрáхати: «Poczekajcie wy chłopy! Iak wypędzimy moskala, to będziecie na panów pracować jak woły i

będziecie nas wozić na sejmy do Warszawy, jak wozili naszych dziadów, pradziadów»!

Такъ мудровали паны́ два лі͡эта и нарэсьци змо́вилися вырізати всі͡эхъ москалю͡овъ въ одну ну͡очь по Руздві͡э (съ 10 на 11 января 1863 года).

Въ Ломазахъ тогды стояли уланы. Въ пу͡овночь прибі͡эхъ кульга́вы Онту͡онъ (Ярошукъ) исъ Копы́тника до Лю́бэнки и сказа́въ всі͡эмъ хова́тися, бо мазуры͡э зъ Гу͡ощи йду́ть выгоня́ти до повстання. Якъ почу́ли тое любэ́нци, то всі͡э повтикали зъ до́му и пdescribed на вы́шкахъ, въ соло́му и въ лёха́хъ. Мазуры͡э вы́шли зъ Гу͡ощи съ ко́сами и хті͡эли порі͡эзати со́нныхъ ула́нувъ, но нэ дошли́ до Лома́зъ — йихъ на госьци́нцёви окружили уланы и повьязали якъ бара́ну͡овъ по-двое, по-тро́е до ку́пы и погнали йихъ якъ чэрэду до Бі͡элойи и тамъ посадили мазуру͡овъ до за́мку. Ула́нувъ остэру͡огъ одёнъ мазу́ръ, що въ ву͡ойську служи́въ и за тое мазуры͡э напали въ но́чи на ха́ту того́ мазура́, вы́волокли ёго́ въ по́ле и тамъ ёго́ заму́чили, а ті͡эло пики́нули нэзако́панэ, и соба́ки поросьцяга́ли его́ ко́сьци по по́лю — въ одну͡омъ мі͡эсьци валялася голова, въ другу͡омъ рэбра, въ трэтюмъ но́ги и руки. За тако́е мордэ́рство гуща́нэ заплати́ли вэли́кую контрибу́цію. Повста́ньци ходи́ли ба́ндами по лиса́хъ, но русьске ву͡ойсько нападало на ихъ и розбивало ба́нды. Найбу͡ольшая стычка была́ съ повста́ньцями пудъ Симьятичами за Бугомъ. Тамъ янара́лъ Манюкинъ розби́въ ки́лька ты́сячи повста́ньцювъ — мну͡ого было́ пора́неныхъ и побитыхъ поляку͡овъ, мну͡ого было взятыхъ въ плі͡энъ. Но довуд͡одця Рогиньськи втю͡окъ съ своими адъюта́нтами и хова́вся въ лиса́хъ за Бэрэ́сьцёмъ и тамъ его́ злапали забужняки́ и привэли́ опшарпаного и голо́дного до Бэрэсьця и ка́жуть, що его ху́тко пові͡эсили.

Биля́нэ розска́зовали, що Рогиньськи прійі͡эхавъ зза граници — тамъ ву͡онъ учився въ акадэміи якъ воювати, и паны́ ра́довалися, що ма́ють тако́го до́брого воя́ку. Щэ за мі͡эсяць до повстаня Рогиньськи прі͡эхавъ до Бі͡элои и посэлився въ пу͡ольського ксёндза Млёчка. Паны́ дэнь и ну͡очь і͡эзьдили до ёго и тамъ

ра̀дилися, якъ москалю͡овъ вы́гнати зъ Пу͡ольщи. Тогды́ ву͡ойська въ Бі͡элуй нэ быльо́, а ту͡олько стоя́ла кома́нда инвали́дувъ. Въ но́чи (съ 10 на 11 января) повста̀ньци напали на со́нныхъ салда́тувъ и хті͡эли ихъ порі͡эзати, но вони́ попросыпа́лися и зачали́ въ ихъ стриля́ти: поляки́ зляка́лися и повтика́ли. Инвали́ды кильковъ повста́ньцювъ окрова́вили, звъяза́ли и привэли́ до за́мку. Поту͡омъ инвалиды вы́шли изъ Бі͡элои и вжэ ніякого ву͡ойська нэ остало́ся въ мі͡эсьци. На трэти дэнь, якъ вышли инвалиды, нахлы́нули до Бі͡элои повстаньци съ ко́сами, ша́блями и стрильба́ми. Низбига́лося мну͡ого норо́ду. Жиды́ вы́котили бочки съ пи́вомъ и горі͡элкою; нанэсли́ хлі͡эба, мняса, рыбы. Вэли́кая ра́дусьць была для пану͡овъ; вони ду́мали, що вжэ наступи́ло ихъ панова́не: всі͡э кричали, шумі͡эли, обнима́лися и цилова́лися. А якъ понайида́лися и понапива́лися, то ста́ли гарцюва́ти зъ го́лыми ша́блями по улиця́хъ и по ры́нкови; а поту͡омъ зачали́ пали́ти на ры́нкови ру́сьськіи орлы́ и царськіи потрэ́ты. Дэ ту͡олько нашли́ орлы́ и потрэ́ты, нэсли на рынокъ и ки́дали ихъ въ ого́нь. Ту͡олько ніякъ нэ могли́ одорва́ти орла́ и русьськихъ ли́тэрувъ на шко́ли (Бяльское уѣздное училище): полі͡эзли панки по драби́ни, щобъ скинути орла, рвали его, рвали и оно́що сторчма голова́ми не попа́дали; полі͡эзли и ковалі͡э, но и вони нэ могли ничого поча́ти. Такъ и остався оролъ на мі͡эсьци. Повстаньци кинулися съ сокира́ми до базылія́нувъ и хті͡эли вырубати въ цэ́ркви ра́йськіи двэры, но супэ́ріоръ Троце́вичъ вы́шовъ съ мша́ломъ и показа́въ имъ, що въ уніа́цькуй цэркви пови́нны бы́ти ты́и двэ́ры и проси́въ и плакавъ, щобъ ихъ нэ ру́хали и вони, почувши шумъ на дворі͡э, вы́бигли исъ цэрквы, и нэ рубали двэрі͡эй. На други дэнь, якъ мну͡ого назбира́лося наро́ду, Роґиньськи чита́въ золоту́ю гра́моту для сі͡эльськихъ люді͡эй. Въ ту͡ой гра́моти было напи́сано, що поляки́ давно́ хті͡эли освободи́ти отъ па́нщины про́сты на́рудъ, но русьськи царъ нэ дозволивъ. А якъ зобачивъ московськи царъ, що паны ко́нчэ хо́чутъ скасовати панщину, то ву͡онъ посьпиши́въ самъ скинути панщину, но зэмлі͡э давъ людюмъ мало и наложи́въ на йихъ вэликіи пода́тки. «Мы жэ поляки́, говоритъ Роґиньськи, дамо́ вамъ

мнуого ґрунту, податкувъ нэ будэтэ платити, до вуойська нэ будюмо брати, и будэтэ всіэ свободными и руовными зъ нами панами и шляхтою. Всэ дамо вамъ, туолько поможіэтэ намъ выгнати съ краю нашого заклятого ворога: бэріэтэ косы, вилы, сокиріэ и выгоняйтэ сусматыка москаля». Тую грамоту чули біэльськіи мищанэ; сіэльсьскіи людэ нэ показывалися повстаньцямъ, бо боялися, щобъ ихъ силою нэ взяли до банды — сидіэли собіэ вдома и журилися, що настала бида въ краёви. Чути было, що повстаньци віэшають нэвинныхъ людіэй, рабують, выгоняють до повстаня. Въ нашуй староніэ нихто изъ мужикувъ нэ пошовъ до банды, туолько дэкотрыи паны, мазуріэ и официялисты. И чути было, що гиншіи пуольськіи ксёндзы волочилися съ повстаньцями по лисахъ. Казали, що едёнъ такій ксёндзъ Бжуська бывъ вэликимъ чарувникомъ — его ніякъ нэ могли взяти въ пліэнъ салдаты. Бывало, окружать Бжуску и вжэ руками държать за коміэръ або за полу, но Бжуська напустить тумана — руки въ салдатъ задрыжать, и ксёндзъ счэзае. Разъ таки въ ночи его злапали въ хати: вуонъ часто ходивъ до еднои молодици и вона его выдала москалямъ. Бжуську повіэсили и спалили, щобъ нэ думали дурныи людэ, що вуонъ сьвьятый. Той чорувникъ ксёндзъ валандався зъ бандою коло Сэльцювъ и Соколова и всіэ его тамъ добрэ знали. Чутка у насъ была, що и біэльскіи школяріэ бунтовалися: якъ заворошилися паны въ Варшави, то біэльськіи студэнты порвали русьськіи ксёнжки, пикидали на зэмлю и зачали на ихъ плёвати и допкати; а якъ Рогиньськи бывъ въ Біэлуй, то одёнъ молодый профэссуръ (Волянъ) и килькохъ студэнтувъ пристали до банды, а пудъ Симьятичами и головами наложили[1]). Одёнъ съ такихъ студэнтувъ (Скальскій) пришовъ до нашого сэла (Любенка) и пэрэночовавъ въ солтыса; а на други день рано вставъ и казавъ солтысови ходити по сэліэ и выгоняти чоловіэ-

1) Изъ воспитанниковъ Бѣльскаго уѣзднаго училища пошли въ ряды повстанцевъ и двое русскихъ — уніатъ Скальскій (сынъ священ.) и православный нѣкто Боровскій, уроженецъ Царства Польскаго. Оба они родились въ ополяченныхъ семьяхъ.

кувъ и хлопцювъ до повстаня. Но коли солтысъ ставъ чо́хатися и стоя́ти на мі͡эсьци, то повстанэць вы́нявъ пистоле́тъ зза пазухи и приста́вивъ до его лоба, и завэрэщавъ: «Idź prędzej, łajdaku, a to ja ciebię zabiję jak psa!». Со́лтысъ злякався и вы́бигъ исъ хаты и сиді͡эвъ на сэлі͡э до вэ́чэра. Повста́нэць вышовъ зъ его хаты и куды́сь запропасти́вся. Якъ Роґиньськи съ панами будова́въ свою Пу͡ольщу въ Бі͡элуи́, ляхи волочилися по сэлахъ и выгоняли людi͡эй до повстаня, но чолові͡эки и хло́пци нэ показовалися имъ, а хова́лися въ клуня́хъ, въ хлива́хъ, въ солому и на вышкахъ. Пристава́ли вони и до русьськихъ ксёндзу͡овъ (уніатскихъ), щобъ въ цэрква́хъ говорыли народови йти ві͡эру боронити. Въ Ломазёхъ ки́лька разъ паны́ стра́хили попа́ шубэницею, якъ нэ будэ намовля́ти людi͡эй до повста́ня. Въ Ломазёхъ тогды́ бывъ розу́мны ксёндзъ Калину͡овськи и нэразъ ву͡онъ говоривъ намъ, що паны́ подурі͡эли, що бунтуютьця. Въ сі͡эльськихъ цэрквахъ нигдэ въ насъ нэ сьпива́ли писэ́нь о бу́нтови, а по косцёла́хъ всюды рэві͡эли: «Boże! wróć nam ojczyznę i panszczyznę» и гинші. Съ поча́тку паны́ подю́джували насъ ле́стками, а поту͡омъ и зачали́ насъ ляка́ти, що будутъ би́ти и ві͡эшати, якъ не пу͡ойдюмъ до повста́ня. Но ни оденъ изъ русьськихъ сі͡эльскихъ людi͡эй въ на́шуи сторонi͡э нэ пошовъ до банды, хиба́ якій дурный двора́къ, що въ пана служи́въ; одного ту͡олько хло́пця изъ Ломазьськихъ мi͡эщанъ Яська Дэрлюка́ подмовили ляхи пуйти до повстаня, но и той до́вго нэ бывъ въ ю͡омъ; поваландався съ ты́ждэнь по лисахъ и ему обрыдло, и ву͡онъ втю͡окъ до дому и ховався и одъ ляху͡овъ и одъ москалю͡овъ и нарэсьци самъ пришовъ до начэ́льника повi͡эту и присягну́въ, що вуонъ вже бу͡ольшъ нэ пу͡ойдэ до повстаня, и его выпустили хутко на свобо́ду.

Якъ Манюкинъ розбивъ повста̀нцювъ пудъ Симья́тичами, то ляхи́, котрыи повтикали, знову зачали збиратися по лиса́хъ въ банды, и одная такая банда прибլука́лася до Ломазъ. Щэ зра́ня по Лю́бэнци гнався на конёви Мочульськи — (татаринъ изъ дер. Стидёнки) маха́въ ша́блею и крича́въ: «Do powstania!» Не всьпі͡эвъ выі͡эхати Мочульськи изъ сэла, якъ зачали́ стриля́ти въ

Ломазахъ: козакѝ налетіэли на повста́ньцювъ и кѝнулися на нихъ съ пѝками и ша́блями: ляхѝ втэки, а козакѝ за ѝми — одного забили и килькóхъ ранили. А одёнъ повста́нэць—панъ Дзикуовськи изъ Біэлои біэгъ зъ Ломазъ заса́паны, бэзъ шапки, роскотóрханы и розхриманы; а якъ зобачили его любэ́ньци, то закрича́ли: «Хучіэй бэріэмо мотузки, зьвъя́жэмо ля́ха и отдамó его козака́мъ — нэхъ нэ бунту́етьця прóтивъ царá!». Кинулися зъ мотузка́ми на Дзикуовського, но солтысъ остановѝвъ ихъ и сказавъ: «Що віэтэ рóбитэ! Мы ёго отдамó козака́мъ, а за́втра придуть ляхѝ и насъ за тое повіэсятъ».—«Пра́вду ка́жэтэ, ку́мэ, нэхъ вуонъ собіэ бижѝтъ до біэса—нэ трэба его зачипати, а то щэ биды́ собіэ нарóбимо». И пэреля́каны Дзикуовськи побіэгъ въ Хомѝнную (назв. лѣса). А любэнци ему кричáть: «Хучіэй, па́нэ, втикай, а то козакѝ жэну́тьця!» А панъ пэрэкидаетьця и огля́дываетьця—чи нэ бижѝтъ за йимъ коза́къ. Но козакѝ погна́лися за гиншими повстаньцями, котры́и розбижалися въ другіи стороны, и Дзикуовському удалося втэчѝ въ Хомѝнную. Потуомъ козакѝ розбили ба́нду Шинявського, но Шинявськи втюокъ и скрывався въ Красуовци коло свого фульва́рку. Узнавши козаки, дэ ховаетьця панъ Шинявськи, зачаилися и вы́слидили его. Разъ Шинявськи зашовъ до корчмы́ закурити люльку: зыркъ въ окно, а козакъ стоитъ пэрэдъ двэрѝма съ пикою. Шинявськи выскочивъ на двуоръ чэрэзъ окно и втэки, а козакъ за имъ и кричитъ: «Не уйдешь, мятежникъ!» Вы́стриливъ козакъ, и Шинявськи упавъ на зэ́млю и нэ ворохну́вся. Шинявського поховали въ Біэлуй, а паню Шинявськую вы́слали на Сибіэръ; а якъ утихоміэрилося, то позвóлили юой вэрнутися до дóму [1]). Хвалилися ляхи, що Шинявськи

1) Панъ Сенявскій былъ помѣщикомъ въ дер. Красовкѣ, Бѣльскаго уѣзда, недалеко отъ пос. Ломазъ. Онъ сформировалъ банду и почти два года предводительствовалъ ею. Жена его тоже была большой патріоткой — она собирала офяру на повстанье и участвовала въ манифестаціяхъ, за что была сослана на жительство въ городъ Уфу. Послѣ возвращенія на родину, Сенявская или Любатынская (по второму мужу), проживая послѣдніе годы въ своемъ имѣньи Красовка, подавала примѣръ христіанской любви не только къ католикамъ но и православнымъ, крестя у послѣднихъ дѣтей въ православной церкви, къ удивленію мѣстныхъ жителей.

въ лі͡эси подъ Жэжиномъ (Жиржинъ, Люб. губ.) напавъ на москалю͡овъ и вы́ризавъ ці͡элую рóту и забравъ въ ихъ мну͡ого грóши. Лгали паны, що Наполіóнъ и якійсь Гальбарди придуть имъ помагати, но нихть нэ пришовъ. Брэхали вони, що вэсною Англія пришле свои окрэ́нты зъ вуо͡йськомъ; но пришла вэсна и нэ чути было тыхъ окрэнтувъ. А вуо͡ська русського нахлынуло до насъ мну͡ого и якъ заходилися, то всі͡э банды порозбивали, довудцувъ полáпали и пові͡эшали, а повстáньцювъ одныхъ побили, другихъ повпакóвовали до крэминалу, а гиншихъ винні͡эшихъ выслали на Сибі͡эръ золото копати. Паны подку́лили свои хвосты́ и пэрэстали ходити до повстаня. Кинулися ляхи якъ львы, а згинули якъ рудыи мыши. Но нэ всі͡э паны были дурны́и; мижи ими были и дэкотры́и и розумныи; въ Ломазёхъ Шéлягъ (Шелига, арендаторъ каз. имѣнія Ломазы) часто говоривъ одному господарóви покрыёмо: «Głupstwo robią polacy — młokosy òszaleli, nic oni nie zrobią Rossyi, ona ma dobre wojsko, a u polaków nic niema i nikt im nie pomoże: siedzieli by sobie spokojnie i chleb jedli, a to tym głupiem powstaniem tylko biedy sobie narobią». Такъ говори́въ Шелиґа, бо самъ добрэ знавъ, якъ трудно воювати зъ русськимъ вуо͡йськомъ: вуо͡нъ бывъ пуо͡льськимъ офицэромъ въ тритця́туму рокови, якъ бывъ бунтъ въ Пуо͡льщи. Таки́хъ людi͡эй, якъ Шелягъ, котры́и говорили правду, ляхи называли московськимъ духомъ и страшно нэнави́дили, ихъ; но по повстанёви часто споминали ихъ, що вони были розумными: «Prawdę on mówił, nie trzeba było robić powstania!» Но такихъ пану͡овъ, що гáнили повстане мало было въ Пуо͡льщи, а всі͡э вóни рады были вэрнути свою Пуо͡льшу, щобъ орáти людьми́, а самы́мъ пановáти. Якъ нэ всі͡э паны шли до повстаня, то всэтаки помагали чимъ нэбудь, абы́ Пуо͡льшу одвоювати. Такіи жэ были и пуо͡льськіи ксёндзы заодно съ панами: вони мну͡ого баламу́тили простыхъ людіэй, но рі͡эдко хто ихъ послухався, бо розумъ мі͡эли, що съ того ничого для ихъ доброго нэ будэ, а туо͡лько одна бида ждэ, якъ бы Пуо͡льща настала.

Настоящее описаніе эпизодовъ изъ польскаго возстанія составлено мною на основаніи разсказовъ мѣстныхъ жителей, какъ очевидцевъ тогдашнихъ событій, а также и по моимъ личнымъ воспоминаніямъ, какъ уроженца тамошняго края и той мѣстности, гдѣ все это происходило на моихъ глазахъ, когда я былъ ученикомъ сначала Бѣльскаго уѣзднаго училища, а потомъ и Бѣльской гимназіи. Разсказъ о польскомъ повстаньѣ составленъ мною въ народномъ духѣ, т. е. такъ, какъ сами крестьяне въ 60 и 70 годахъ передавали свои впечатлѣнія и высказывали взгляды на политическія событія въ Царствѣ Польскомъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Крестьяне были убѣждены, что паны бунтуются изъ-за панщины и потому думали, что въ революціонномъ польскомъ гимнѣ поютъ: «Wróć nam Boże ojczyznę i pańszczyznę. Вообще они слово «ойчизна» отожествляли съ «панщизной». Нерѣшительныя мѣры русскихъ властей для обузданія своеволія польскихъ пановъ во время демонстрацій простой народъ объяснялъ себѣ добротой и снисходительностью Императора Александра II; поляки же эту нерѣшимость объясняли боязнью нашего правительства передъ Европой, намѣревающейся будто бы защищать Польшу отъ угнетенія. Продолжительность повстанья (два года) крестьяне приписывали военноначальникамъ и офицерамъ, не желающимъ поскорѣе покончить съ бунтовщиками, чтобы не лишиться двойного жалованія, повышеній и разныхъ наградъ—орденовъ и т. п.; поляки же въ этомъ медленномъ усмиреніи повстанцевъ видѣли необычайную ихъ стойкость и храбрость и потому ободрялись и продолжали энергично вести повстанье, надѣясь главнымъ образомъ на помощь Франціи, Англіи, Австріи и Италіи (Гарибальди). Послѣ неудачнаго возстанія, когда начали вводить реформы въ Царствѣ Польскомъ, поляки всю вину ихъ повстанья свалили на наше правительство: «Еслибъ русское правительство съ самаго начала не дало потачки панамъ, когда начались манифестаціи въ Варшавѣ, то никакого повстанья не могло бы и быть, говорили часто поляки; а то, дескать нарочно «москали» молчали, какъ мы дурачились, чтобъ послѣ бунта взять насъ крѣпко въ

руки и лишить конституціи, дарованной Польшѣ Александромъ Благословеннымъ». Придя къ такому заключенію, поляки увидѣли глубокій политическій умъ у нашихъ Варшавскихъ намѣстниковъ: Горчакова, Сухозанета, Ламберта.

14) Панъ Борковскій и пани Борковская.

Якъ люда робили панщину, то паны́ были́ богаты и жили въ вэли́куй роскоши—ту͡олько пили, і͡эли и вэсэлилися, а мужики бидова́ли и слюзми́ облива́лися. Но паны́ на свою поги́бэль марнова́ли свои маёнтки, люцькою кривдою набытыи, и нарэсьци и самы змарнова́лися и згинули якъ рудыи мыши. Вэлика́я роспуста тогды была́ по двора́хъ — ляхи́ ни Бога нэ боялися, на люді͡эй нэ встыда́лися. Въ Зэлі͡эзнуй[1]) бывъ бога́ты и роспу́сны панъ Борку͡овськи и такая же была роспусная и пани. Вони́ зачали́ зана́дто панова́ти и гуля́ти: вы́муровали вэликій па́лацъ, коню́шни, клуні͡э, шпихирі͡э и хливы́, бо въ дэрэвья́ннумъ дворі͡э имъ показа́лося ті͡эсно и нэдо́брэ жи́ти. Въ коню́шни поробили политурованы жо́лобы, на сті͡энахъ пові͡эсили люстра, якъ въ поко́яхъ. Паны завэли́ капэлію изъ хло́пцювъ своихъ сэлъ. Въ пону͡овъ было мну͡ого хоро́шихъ дивча́тъ, набраныхъ до двора исъ своихъ сэлъ; вони были́ хорошэ повбираны—одныи въ чорное оді͡эне, другіи въ бі͡элое, трэтіи въ чэрвоное, а гиншіи въ жовтое, зэлёное, синее и рабо́е. Въ палацахъ музы́ка дэнь и ну͡очь грае: паны рэгочуть, брыкаютьця, кепкують, выджвараютьця, пьють и йидя́ть; а на дворі͡э людэ пла́чуть и сто́гнуть одъ батогу͡овъ о́комона. Музы́ка лящи́ть, ажъ палацъ трасэтьця, а мужики прокли́на́ють пана, що въ ихъ хаты́ розвалюютьця, оді͡эне поша́рпанэ и що нэ мають спочи́нку ни въ ночи, ни въ нэді͡элю, ни въ сьвьято. Ни въ одного пана нэ было такихъ бі͡эдныхъ мужику͡овъ, якъ у Зелі͡эзнуй. Мну͡ого госьті͡эй пріизджало до того

1) Дер. Желѣзная въ Радинскомъ уѣздѣ, Сѣдл. губ.

пана и музыка нэ пэрэставала грати, но были такіи паны́, що встыда́лися и показа́тися въ Зэлі͡эзнуй, бо знали, що тамъ пьянство и одна роспуста бывае. Тамъ была садомія: панъ ни однои ді͡эвки нэ мина́въ; а якъ выходитъ ді͡эвчина за́мужъ, то на пэршу ну͡очь приво́дили ей до пана. Такая бэзстды́дниця была и сама́ пани: дэ якій хлопэць покажэтьця ю͡ой гла́дкимъ, то вона ёго кли́чэ до сэ́бэ. Довго гриши́ли панъ и пани, пу͡оки на ихъ нэ пришла кара Божая. Тяглыи мужики порозбига́лися, бо нэ могли вытэрпити: ихъ часто были и нэволили тяжко робити. Панъ замота́вся въ довгахъ, якъ муха въ павути́ну. Нарэ́сьци Бу͡огъ ска́равъ пана за ёго люцькую крывду и роспусту: одная ду́жая ді͡эвка нэ здава́лася па́нови, и скалі͡эчила ёго и ву͡онъ цні͡эвъ, цні͡эвъ и вмэръ, а маёнтокъ ёго за довги́ продали́, а пани осталася въ одну͡ой сорочци, и нихтъ еі͡э изъ пану͡овъ нэ хті͡эвъ взя́ти до сэбэ. Всі͡э одрэкли́ся одъ е́и, на́вэтъ и свояки́ ейі͡э, и ту͡олько мужики сжалилися и возили на бі͡эдци одъ сэла до сэла и годова́ли и называли ейі͡э «панэською жэбрачкою». Бывало, придэ до хаты господара: ю͡ой дадутъ молока́, хлі͡эба, борщу́, а ча́сомъ и яе́ць, нако́рмятъ еи и вона хорошэ подя́куе и поговоритъ зъ баба́ми, пэрэночу́е, а на дру́ги день йдэ до другого господаря́. Побу́дэ въ сэлі͡э пэді͡эли дві͡э, три, а поту͡омъ еі͡э одвозятъ до другого сэла. Такъ вона́ вала́ндалася по сэлахъ килька лі͡этъ, пуки нэвмэрла́ въ одного господаря́. Такъ и марнэ згинули обое за свою роспу́сту! То щэ было за панщины, но якъ воля настала для простыхъ людіэй, то мну͡ого пану͡овъ пони́щилося, а чэрэзъ що? а чэрэзъ тое, що нэ гляді͡эли свого господарства, а сиді͡эли въ Варшави, або въ Пори́жови и тамъ гуляли, въ карты грали, а ихъ ро́ньци крали ихъ добро́, и паны́ лі͡эзли, лі͡эзли въ довги, якъ въ болото, пуки ихъ маёнткувъ нэ попра́дали, а самы́ осталися бэзъ куска хлі͡эба. Въ нашуй сторонi͡э просьвиставъ одёнъ панъ всэ свое добро, а ді͡эти его панны́ и паничі͡э ходили по сэлі͡э и просили, щобъ имъ хто давъ і͡эсти. Други панъ програвъ у Варшави дві͡э сэлі͡э, а самъ пришовъ до брата ту͡олько зъ лі͡эсочкою и собакою. Но естъ мижи панами дэкотры́е, що сидятъ

дома и глядятъ господáрства и нэ довирáютъ ни рóньцямъ, ни гумéннымъ, и вони маютъ хлi͡эбъ и гроши и живутъ собi͡э спокꙋ͡ойно. Но такихъ розумныхъ панꙋ͡овъ мало.

15) Радзивиллъ.

(Разсказъ старика).

Какъ князь Радзивиллъ угощалъ бѣльскихъ ксендзовъ.

Разъ убóгая баба шла до зáмку хлi͡эба просити—зобáчивъ ей Радзивúлъ на двурцёви и пытае: «що ты скажэшь, бабо»? Баба ему низко поклонилася. — Ой пáночку, поратýйтэ зъ ласки своеи мэнэ бi͡эдную — дáйтэ мнi͡э хлi͡эба, а то я голòдпая. — Добрэ, я тэбэ поратýю—дамъ тобi͡э хлi͡эба и грóши, тꙋ͡олько впэршъ вы́лизь, бабо, на онъ-тое дэ́рэво и кукай», сказавъ Радзивúлъ.—Ой нэ здýжаю, пáночку, нэ здýжаю—старáя я, и сúлы нэ маю.—«Лжэшь, шэльмо! закричáвъ Радзивилъ: «лi͡эзь, бабо, а то я тэбэ повi͡эшу ось на тꙋ͡ой голя́ци!» Нэщáсная бáба злякàлася и стóгнучи ледьледь вы́лизла на дэрэво. «Кукай же, старáя зазуля!» крикнувъ Радзивúлъ. — Ку-ку, ку-ку, ку-ку, сказала баба плаксивымъ голосомъ. «Ba-ba-ba-ba! Co ja widzę? W. moim lesie zjawiłsię ptak nieznojomy: trzeba, mości dobrodzieju, zrobić na niego polowanie. Hej pachołku, przynieś mnię fuzyę!» Взявъ одъ хлопця стрильбý и бухъ въ бабу, и баба впáла на зэмлю нэживáя. Застрi͡эливши бабу, Радзивилъ казавъ еi͡э поховáти ксёндзáмъ, но ни едёнъ ксёндъ нэ хтi͡эвъ ховáти, бо вона вмэрлá нэ своею смэртю. Розозлúвся Радзивилъ на ксёндзꙋ͡овъ и сказавъ собi͡э: «Poczekajcie gáłgany popy—ja was łajdaków nauczę jak. słuchać Radziwiłła!» Радзивилъ казавъ своёму кýхарови одрi͡эзати пáлець у бабы, спэчи́ пирꙋ͡огъ и положити въ ёго бабинъ палець и подати на обi͡эдъ, и тi͡эло бабы казавъ закопати дворакамъ въ ночи, щобь нихто нэ бачивъ и нэ вi͡эдавъ, а въ кого будэ довги языкъ, то вꙋ͡онъ ёмý одрi͡эжэ и скрунэ́ голову такóму «гундцвотови». Всi͡э мовчáли, якъ набравши въ ротъ воды́. На други дэнь Радзивилъ закликавъ ксёндзꙋ͡овъ на обi͡эдъ. Ксёндзы́ были рáды,

що будутъ въ гостѝни въ такого вэликого пана: пришли всі͡э и посядали за сту͡олъ и зачалѝ пити, і͡эсьти и вэсэло говорѝти. Радзивилъ ходитъ коло ихъ и одъ радости руки трэ и сміетьця. Подалѝ пиру͡огъ: ксендзы́ накинулися и ку͡ождый взявъ собі͡э кусо́къ на талі͡эръ и зачалѝ і͡эсти. Но оденъ ксёндзъ, якъ розрі͡эзавъ сву͡ой пиру͡огъ, то побилі͡эвъ якъ сті͡эна́ и крикнувъ: «Oj Iezus—Maryia!» Всіэ оглянулися на его и зачали мижи собою шептати, що въ пирогови оказався люцьки палецъ. Ксёндзы здумі͡экалися—замовчали и пэрэста́ли обі͡эдати. Радзивилъ имъ сказавъ: «A cóż, moście dobrodzieje, nie do gustu moje potravy i napoje, co nie jecie i nie pijecie!» Одёнъ ксендзъ вставъ и кажэ ёму на тое: «Co to znaczy, juśmie oświecony książe, że w pirogu znalezlismy palec człowieka». А Радзивилъ отказуе: «Nic dziwnego, mości panowie: niechcieliście, przewelebny ojcowie pochować babę, to zato zjedliście ją». Радзивѝлъ зарэгота́въ, а ксёндзы́ поклонѝлися ему, и якъ схво́станы вы́шли изъ замку и пошлѝ собі͡э додо́му, пові͡эсивши свои носы́.

Приведенный разсказъ про Радзивилла я слышалъ въ дер. Любенкѣ. Еще приведу нѣсколько анекдотовъ, циркулирующихъ въ Бѣлѣ, о чудачествахъ Радзивилла:

1) Однажды гайдуки Радзивилла убили за что то еврея изъ сосѣдняго мѣстечка. Владѣлецъ этого мѣстечка страшно обидѣлся на Радзивилла, и прислалъ ему укорительное письмо. Тогда Радзивиллъ велѣлъ своимъ дворовымъ наложить жидовъ полную халабуду (евр. фура) и «прирублевать» какъ сѣно, а затѣмъ отвезти ихъ обиженному пану и свалить передъ его крыльцомъ. Сказано, сдѣлано. Когда цѣлый фургонъ съ жидами, стонущими и плачущими, остановился передъ крыльцомъ владѣльца мѣстечка, то на шумъ и крикъ выбѣжали изъ дому панъ и его семейство; тогда передъ глазами недоумѣвающихъ хозяевъ вывалили цѣлую кучу людей, завывающихъ разными голосами, а дворецкій Радзивилла сказалъ: «Нашъ князь Радзивиллъ не жалѣетъ этихъ «пархов», и за одного присылаетъ вельможному пану ихъ много; а если панъ пожелаетъ, то его сіятельство можетъ прислать еще и больше».

2) Разъ, когда у Радзивилла собрались гости въ замкѣ, князь сказалъ имъ, что онъ можетъ съ однимъ дукатомъ объѣхать всю Европу. Поднялся по этому поводу горячій споръ между панами: Радзивиллъ настаивалъ на своемъ, а паны возражали. Наконецъ Радзивиллъ побился объ закладъ съ однимъ паномъ. Недолго думая, Радзивиллъ отчеканилъ громадный дукатъ и отправился съ нимъ за границу. Тамъ онъ размѣнялъ этотъ дукатъ и путешествовалъ по всѣмъ государствамъ Европы, а возвратившись домой, еще привезъ часть неистраченныхъ денегъ изъ взятаго имъ на дорогу дуката. Такимъ образомъ выигралъ Радзивиллъ пари.

3) Однажды Радзивиллъ держалъ пари, что онъ можетъ лѣтомъ легко кататься на саняхъ, какъ и зимою. Ночью наканунѣ назначеннаго для катанья дня Радзивиллъ велѣлъ насыпать толстый слой соли по дорогѣ, идущей отъ замка до хутора Погулянка, находящагося въ окрестности г. Бѣлы. На другой день поутру, когда собралось множество зрителей, Радзивиллъ, при кликахъ пановъ: Wiwat! dux magnus»! промчался на саняхъ изъ замка въ Погулянку, а черезъ какіе-нибудь полчаса ѣхалъ обратно въ замокъ съ такою быстротою, какъ по снѣгу зимою. Это привело пановъ въ такой восторгъ, что они съ большимъ одушевленіемъ кричали: «Wiwat» и каждый изъ нихъ подходилъ къ Радзивиллу и поздравлялъ его съ совершеннымъ имъ необыкновеннымъ подвигомъ. Всѣ удивлялись находчивости и изобрѣтательности Радзивилла.

4) Радзивиллу пришла мысль удивить пановъ, собравшихся на сеймъ въ Варшавѣ: онъ вздумалъ поѣхать на сеймъ на медвѣдяхъ цугомъ. Когда Радзивиллъ въѣзжалъ въ панскій обозъ, расположившійся въ окрестности Варшавы, то лошади, увидѣвъ страшныхъ косматыхъ звѣрей, переполошились и начали фыркать и бросаться во всѣ стороны, и переломали много экипажей и перекалѣчили немало людей. Во время этой суматохи раздавались проклятія, плачъ и смѣхъ и такой произошелъ крикъ и шумъ, что на многихъ пановъ, недоумѣвавшихъ, что происходитъ въ

обозѣ, напалъ паническій страхъ. Этотъ случай былъ главной темой для разговоровъ въ Варшавѣ и въ цѣлой Польшѣ, а Радзивиллъ торжествовалъ, что ему удалось надѣлать столько шуму въ Рѣчи-Посполитой.

5) Радзивиллъ придумалъ для своего сына остроумную методу обученія грамотѣ. Дѣло въ томъ, что молодой княжичъ никакъ не могъ усвоить азбуку: гуверцеры выбивались изъ силъ, но ничего не могли подѣлать съ лѣнью и отвращеніемъ къ ученью своего злополучнаго воспитанника. Ни просьбы, ни угрозы, ни даже наказанія грознаго отца не дѣйствовали на сына, а только вызывали въ немъ крикъ, плачъ и слезы, возбуждая чувство озлобленія къ педагогамъ и отвращеніе къ ученію. Княжичъ часто убѣгалъ изъ дому, прятался и притворялся больнымъ, чтобы избѣжать опротивѣвшаго ему школьнаго занятія. Отецъ былъ въ отчаяніи и не зналъ, что дѣлать съ такимъ упрямымъ «гультаемъ». Радзивиллъ и педагоги долго думали, какъ помочь бѣдѣ, и наконецъ рѣшили попробовать еще одинъ способъ обученія грамотѣ, а именно посредствомъ стрѣльбы въ цѣль съ нарисованными на мишени громадными буквами. Княжичъ былъ отличный стрѣлокъ и любилъ часто стрѣлять изъ пистолета и ружья, особенно въ компаніи паничей, чтобъ показать свое умѣніе и похвастаться передъ родителями и знакомыми. Было сдѣлано столько мишеней, сколько находится буквъ въ алфавитѣ, и каждый почти день княжичъ съ своими товарищами палилъ изъ ружья въ мишень съ какою-нибудь буквою: въ первый день въ А, въ другой въ Б, въ третій въ Ц и т. д. По поводу стрѣльбы въ цѣль происходили въ замкѣ оживленные разговоры и княжичъ былъ въ восторгѣ, что онъ попалъ въ А или Б. Стрѣльба продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, пока не были прострѣлены всѣ буквы на мишеняхъ, и молодой Радзивиллъ хорошо запомнилъ названія всѣхъ буквъ и никогда ихъ не забывалъ. Такимъ образомъ первая ступень обученія грамотѣ была успѣшно пройдена, и Радзивиллъ былъ очень радъ успѣхамъ своего сына и гордился передъ всѣми

своимъ педагогическимъ талантомъ въ изобрѣтеніи имъ самаго раціональнаго способа обученія, какого не было еще отъ сотворенія міра.

Про Радзивилла на Подляшьѣ, какъ про Потоцкаго на Украйнѣ, сложилось въ народѣ много анекдотовъ. Нѣкоторые изъ Радзивилловъ, жившихъ въ городѣ Бѣлѣ, нынѣ Сѣдл. губ., были ревностными католиками, немало способствовавшими къ окатоличенію и ополяченію русскаго Забужья: они строили въ своихъ имѣніяхъ костелы, монастыри и учредили такъ называемую Бѣльскую базиліанскую миссію. Базиліане съ монахами католическихъ орденовъ разъѣзжали по мѣстечкамъ и селеніямъ и распространяли въ народѣ польскія религіозныя пѣсни и обычаи римской церкви. Особенно же римско-католическая пропаганда усилилась въ періодъ раздѣловъ Польши (1772—1796). По народнымъ разсказамъ, въ имѣніяхъ Радзивилловъ народъ страшно бѣдствовалъ—его обременяли тяжелой работой и очень жестоко съ нимъ обращались: за собираніе ягодъ и грибовъ въ Бѣльской пущѣ лѣсники избивали мужиковъ и бабъ до полусмерти, а за обломанную вѣтку или вырѣзанное «бичильне» (кнутовище) въ лѣсу вѣшали или сдирали кожу. Крестьяне были очень озлоблены противъ Радзивилла и другихъ пановъ, и вотъ почему во время войнъ Хмельницкаго здѣшніе сельскіе жители приняли участіе въ возстаніи и вмѣстѣ съ запорожцами два раза опустошили и сожгли замокъ Радзивилла въ Бѣлой и избили многихъ пановъ въ этой мѣстности, какъ это видно изъ лѣтописи Бѣльской церкви, напечатанной въ одномъ изъ «Холмскихъ мѣсяцеслововъ» въ 70-тыхъ годахъ XIX вѣка.

Бѣльскій замокъ, внушительный своими размѣрами, въ истекшемъ столѣтіи пришелъ въ запустѣніе и послѣ польскаго возстанія (1863 г.) былъ разобранъ его владѣльцемъ (кн. Витгенштейномъ), такъ что въ настоящее время остались въ цѣлости его флигеля, часовня, ворота и обширное двухъэтажное зданіе съ башней, гдѣ нынѣ помѣщается тюрьма. Въ народѣ ходятъ легенды о сокровищахъ, находящихся въ погребахъ бѣль-

скаго замка и что будто бы ихъ стережетъ огромный страшный песъ на цѣпи, съ оскаленными зубами.

16) Жиды.

Жиды́—нэдовiэрки: въ Бога вiэратъ, но Богови нэ вiэратъ. Вони́ Христа́ замучили и нэнавидятъ христiянъ и щобъ могли́, то всiэхъ бы насъ въ лόжци воды́ утопили. Жидъ, якъ пацюруе, то плюе́ и дόбчэ, то вуонъ такъ плюе на христiянськую вiэру и ейiэ добчэ. Якъ жидъ лежитъ при смэрти, то его хучiэй ду́шатъ пэриною, щобъ вуонъ нэ увiэровавъ въ Христа́ и нэ пожада́въ вы́христитися. Одныи христiянэ вмира́ютъ, а жиды́, татары и поганы, якъ собаки, здыхаютъ, бо вони нэхри́щены. Якъ жидъ сконáе, то нихтъ нэ кажэ, що вуонъ вмэръ, а здохъ, бо въ ёго хочъ е душа́, но нэтака́я якъ въ христiяни́на, и жидъ нэ пуойдэ до нэ́ба, а до пэкла. Жиды́-ошуканьци хи́трыи, затю́нливыи и ла́сы на грόши, якъ куотъ на са́ло. Жидъ буольшъ гроши любитъ, чимъ самόго сэбэ́—вуонъ изза грόши полiэзэ и въ воду и въ огонь. Жидъ за жида вступаетьця, якъ за руодного батька и матэра. Вуонъ самъ бье и самъ и кричитъ. Правду кажутъ людэ: Нэ зачипа́й жида́, бо будэ бида́; жидъ хутко вы́крунэтьця изъ биды́, якъ вьюнъ изъ руки́. Возьмэшь вьюна въ па́льци и вуонъ высковзнэ зъ руки. Такъ и жидъ зробитъ. Нэхъ Буогъ борόнитъ зъ жидомъ судитися — вуонъ и сьвiэдкувъ пудкупитъ, пудпόитъ, вуонъ и судю́ ле́стками и госьти́ньцями на свою́ стόрону пэретя́гнэ. Часто жидъ и винёнъ, але судъ обвини́тъ христiяни́на, бо нэдовiэрокъ вмiэе дόбрэ забрόнтати чоловiэка, якъ паву́къ му́ху въ павути́ну. Жидъ пэрэдъ па́номъ, або богачόмъ ша́пку щэ здале́ку здыймае, ни́зко кла́няетьця, лестками говоритъ, но бiэдному мужикови нэ дасьць и дόброго слόва, а зовэ: ты сьвиня, сьвинячая морда, хамськая поты́лиця и гиншими паскудными слова́ми. Но нигдэ нэма такихъ лядащихъ жидуовъ, якъ въ Бэресьти: тамъ инакше нэ кли́чутъ людiэй, якъ «чула, чула, иды до мэнэ—купы сэлэдэць, обаранки». А якъ минае чоловiэкъ ёго, то вуонъ кри-

читъ: «Эй ты сьвиня, мужикъ, чомъ нэ купуешь въ мэнэ!» А якъ заклинэ́ на жида, чогó вуо̂нъ чэ́пляетьця до ёго, то недовіэ̂рокъ вдáритъ чоловіэ̂ка по головіэ̂, або по хрибтóви, а чоловіэ̂къ дасьць ему въ морду—тогды жидъ закричитъ: «нáщо ты мэнэ бьешь, сучій сыну! Ратуйтэ! Ґвалтъ»! И жиды збигýтьця и зачнýтъ чоловіэ̂ка товчи́ кулаками и кіями; а якъ полиціянты прискóчатъ, то нэ жида повэдýтъ до арэшту, а мужика, щэ и оштрафýютъ ёго, бо сьвіэ̂дки жиды звалятъ всю винý на нэщасного. И нэ онó въ одну̂омъ Бэрэсьци крывдятъ нашихъ, а всюдэ, дэ туо̂лько тэи саранчіэ̂ мну̂ого по вэли́кихъ и малы́хъ мистáхъ. Якъ стáнэ торговáти въ міэ̂сьци христіяни́нъ — полякъ, або рýсьськи, то жиды кончэ ёго выкуратъ: змэншатъ цэ́ны на сву̂ой товáръ, и людэ пэрэстáнутъ куповáти въ христіянськуй кліэ̂тци, а нарэшци и ду̂омъ спалятъ христіянина купця́, и біэ̂дны купэ́ць мýситъ вы́йихати зъ міэста. Купэ́ць проклинае жиду̂овъ, а нэдовіэ̂рки насьмихáютьця изъ йихъ и кепкýютъ, що вдалóся имъ хýтко вы́гнати Ґоя въ одну̂ой сорóчци. Часто жидовá знучаетьця надъ нáшими: пьяныхъ и твэрозыхъ бьютъ, штýрхаютъ и плюю́тьця. Бахуріэ̂ зза плóта ки́даютъ каміэ̂не на хлопцювъ и прозываютьця: Ґой, Ґой! А Ґои значитъ погáны, що въ Бога нэ віэ̂ратъ, а кляняютьця болванамъ и имъ мóлятьця. Наши образы̂э и крыжіэ̂ знэважаютъ: плюю́тъ на ихъ, ши́дятъ, паскýдятъ и óчи въ сьвятыхъ выколýпываютъ. А якъ процессія йдэ, або мэрця нэсýтъ на мóгилки, то жиды и старыи и малыи ховаютьця и выглядаютъ зза двэріэ̂й, зъ оконъ и зза плоту̂овъ, насьмихаютьця, плюютъ и фиґи показываютъ: то вони такъ ши́дятъ зъ нашои віэ̂ры христіяньськои. А якъ жиды по сэлахъ корчмы арэндовали въ пану̂овъ и по мистáхъ шинковали, то людіэ̂й стрыгли вони, якъ тыи овэчки́: труйили сивухою тэ́мны народъ—нэдовіэ̂рки лили воду въ бочку зъ горіэ̂лкою, ки́дали туды титю̂онъ и вэзлякое паскýдство и такою горіэ̂лкою частовали людіэ̂й, и вони упивáлися и дурили, якъ одъ блéкоту, а жиды́ богатіэ̂ли, бо мужики нэ міэ̂ли доброго рóзуму. Кажутъ старыи людэ, що колись въ насъ жиды арэндовали въ пану̂овъ нашіи цэрквы́ и якъ

трэба быль кому дитину христити, або до шлюбу йти, або паску сьвятити, то шли до жида Жэльмана ключу͡овъ куповати, щобъ цэркву дозволивъ одчинити. Но того нихто нэ памэтае, а ту͡олько пэрэказываютъ и мусить то быля правда, коли въ письняхъ навэгъ споминаетьця и Жэльманови и о ключахъ: Нэма ксёндза вдома, пойі͡эхавъ до Львова: — ключикувъ куповати, щобъ Ганулю звинчати. Тое было давно, якъ ляхи нашую русьськую вi͡эру ломали.

Жиды свою мацу йидятъ съ христіяньською кровью: злапаютъ дi͡эвчинку, або хлопчика, всадятъ въ бочку зъ острыми ґвоздзями и зачнутъ тую бочку на всi͡э стороны калатати и пэрэворочувати и якъ всю кровъ выточать и збэрутъ, то розсылаютъ ейi͡э по всi͡эхъ мисьцяхъ, дэ мну͡ого жидовы сидитъ; и якъ пэкутъ мацу, то въ тi͡эсто трохи вливаютъ тэи крови, бо бэзъ христіяньськои крови жиды нэ йидятъ мацы. Нэдавно щэ за нашои памэти въ Ломазахъ мало що жиды нэ замучили дi͡эвчинки: йi͡эдучи на торгъ, батько взявъ съ собою маленькую дочку, ю͡ой было лi͡этъ два чи три и якъ зашовъ до клi͡этки соли куповати, заговорився зъ жидами, дивитьця, а дочки нэма: кинувся ву͡онъ туды — сюды, нэма — тогды ву͡онъ пошовъ до стражнику͡овъ и зачали добрэ шукати въ грубого Янкеля и нашли въ лёхови дi͡эвчину зъ звязанными руками и ногами, а щобъ вона нэ кричала, проклятая жидова ротъ ю͡ой заткнули клочомъ. Жиды пэрэлякалися, добрэ заплатили всi͡эмъ—имъ обошлося бэзъ суда и кары. До жиду͡овъ нэ хочутъ йти служити, бо съ такихъ парубку͡овъ и дивокъ сьміютьця и жартуютъ и называютъ ихъ жиду͡овськими попыхачами. Гиншіи дурныи изъ нашихъ наймаютьця за жиду͡овсьского гамана: жиды его бьютъ, штурхаютъ, плюютъ, товкутъ, якъ въ ступи просо, знучаютьця — часомъ скалi͡эчатъ, а часомъ и забиваютъ до смэрти. Но на такого чоловi͡эка — обибоку жиду͡овського пальцями показываютъ и насмихаютьця зъ ёго, що за килька рубли, або за кварту горi͡элки продався жидамъ, но такое людя нэ мае ни встыду ни сумленя: ему абы горло залi͡эти горi͡элкою, бу͡ольшъ ему ничего нэ трэба на сьвi͡эти, абы

хліэбъ йіэвся и дэнь вьюовся. Мнуого жиды биды робьятъ для людіэй — мижи ими туолько злодіэювъ, ошукóньцювъ, обдіэрцювъ, лгунуовъ, що всіэхъ лядащихъ нэдовіэркувъ, якъ бы записывати, то на воловуй шкуори всіэхъ нэ муожня записáти. — Добрэ зробивъ бы нашъ Царъ, якбы тыхъ жидуовъ порозгонявъ и давъ бы имъ зэмлю, щобъ вони господáрили, якъ мы; тогды нá·сьвити мэншъ было бъ біэды одъ ихъ, якъ тэпэръ, а то вони хочутъ пановати — тяжко не працююты, а хочутъ лéгко доставати гроши, щобъ хорошэ ходити, добрэ йіэсти и пити.

1) Сýра. Жиды ждутъ свогó месіяша и кажутъ, якъ вуонъ прúдэ, то жиды будутъ панами, а всіэ христіянэ ихъ парубкáми. Щэ пэрэдъ пуольськимъ бунтомъ (1863 г.) пошла чýтка, що бýдэ кунэ́ць сьвіэта, а жиды говорили, що вжэ родився ихъ мéсіяшъ въ Туреччини. Тогды по Лю́бэнци ходила зъ Ломазъ дурноватая жидуовка Сура и продавала бабáмъ голки, напэрстки, мыло, запалки. Разъ пришла Сура до Кузьмуовъ. «Добры вэ́чуръ»! — Добры вэчуръ. А що скажэшь намъ доброго, Суро. — «Ось пришла до васъ посидіэти, а то я барзо втомилася за ціэлы дэнь, ходячи по сэліэ» [1]). Слово, за слово, ажъ нарэшци Сура кажэ: «Вжэ я буольшъ нэ буду ходити по Лю́бэнци». — Чомъ? пытаютьця ейіэ бабы́. «Бо до насъ вжэ пришовъ мэсіяшъ: нашъ мэсіяшъ будэ царомъ надъ царами, и вашъ цесаръ, и нимэцьки цэсаръ, и французьськи цэсаръ и всіэ цэсары и короліэ и царіэ, якіи туолько есть на сьвіэти будутъ служити нашому мэсіяшови, якъ парубкú своёму господарóви». — И брэшэшь, дурная жидуовко! Щобъ таки нашъ царъ служúвъ въ паршúвого жида. Якъ сьвіэтъ стоúтъ тогó нэ былó и нэ бýдэ: хочъ и мэсіяшъ вашъ, а всэжтаки вуонъ жидъ — анцы́христъ, но нэ чоловіэкъ [2]) и нэ царъ, и щобъ вуонъ бывъ самымъ чортомъ, то нэ дождэтьця того,

1) Всѣ почти евреи говорятъ съ жидовскимъ акцентомъ и особой интонаціей; но нѣкоторые изъ нихъ, живущіе среди христіанъ, довольно чисто говорятъ по-польски и по-русски.

2) Простой народъ называетъ себя только людьми, человѣками (мужчинами), а евреевъ — жидами, дворянъ — панами.

щобъ пановати надъ ці͡элымъ сьві͡этомъ. «Ему Бу͡огъ помо́жэ».— Нэ брэши́, Суро! «Хо́вай-Божэ, я нэ брешу́ — я такъ кажу́, якъ всі͡э нашіи жидки кажуть, такъ всэнь кагалъ нашъ говоритъ. Брунь-Божэ, я одъ сэбэ ницъ нэ кажу́ — я кажу тое, що всі͡э кажуть». — А щэ що кажуть жиды́? — «Нашіи жиды щэ ка́жуть? кажуть, що якъ нашъ мэсіяшъ зачнэ́ па̀новати, то поодбирае одъ христіянъ, татаръ и одъ всі͡эхъ наро̀дувъ маёнтки — ґрунтъ, хаты, быдло и пороздае́ жида́мъ. Тогды и я буду вэликою панею: буду собі͡э жити въ пала́цахъ, ницъ нэ буду робити, а ту͡олько спати, й͡і͡эсти, пити и гроши личи́ти».

— А якъ ты будэшь вэликою панею, то насъ нэ забывай, Суро, и попроси своѓо́ месіяша, щобъ нашои хаты и зэмлі͡э жиды нэ рухали и щобъ всэ нашэ было, що мы маемо тэперъ.

—«А якже, ві͡этэ такіи добрыи людэ, що я для васъ всэ зробью. Я васъ часто буду частовати шабашу͡овкою и ку́ґэлёмъ, якъ ві͡этэ принэсэтэ мні͡э на шабашъ тлустого пі͡эвника, або сві͡эжую рыбу. Далибукъ, буду частова́ти. За́ що васъ крывдити, коли ві͡этэ добрыи людэ».

— Всі͡э добрыи людэ въ на̀шумъ сэлі͡э.

«Ой вай! Дэ вони добрыи? Естъ такіи лядащіи, що нэхъ Бу͡огъ боронитъ. Мэнэ вони нэ зачипа́ютъ, бо я жиду͡овка и никому и воды́ нэ закалому́тила, а що тыи ги́цли выробьяютъ зъ бі͡эдными жидками, то нехъ ренка Боска захова! Якъ му͡ой Сруль ходитъ по сэлі͡э щэти́ну и ву͡оскъ куповати, и пытаецьця пудъ окномъ: чи нэма, що продати? А ді͡эти въ хати закричатъ: «Е ку͡ошка здыха́ти!» То щэ ничого, а щэ гу͡оршъ робьятъ: хло́пци бигутъ за Срулькомъ, цькуютъ собаками и кричатъ: «Жидъ халамидъ, мамэле — татэле, адоной, адоной, зъй͡і͡эла кошка лой». А батьки слухаютъ, сміюцьця, а нэ припыняютъ своихъ роспусныхъ диті͡эй. Но то всэ байки—побрэхали, побрэхали хлопци на Срулька, якъ собаки, и порозбига́лися, а му͡ой Сру͡олько ці͡элы остався. Но разъ тыи гунцвоты вэликую шкоду зробили для Срулька: вони нацьковали ёго и собаки подэрли ему лапсэрда́къ, сподни и шапку, и я ці͡элы вэчуръ сиді͡эла и латала

ему одіэне. Ось якіи биваютъ лядячи людэ въ вашумъ сэліэ, а віэтэ кажэтэ що всіэ добрыи. А віэтэ чули, що зробили тыи ґалґаны зъ моимъ своякомъ Мафтулою». — Ніэ нэ чули, скажи, що зъ имъ зробили. — «Мафтула біэдный и хоры жидокъ, бо вуонъ вжэ старый и нэдобачае — вжэ двіэ недіэли тому біэдны Мафтула пошовъ до Любэнки и зашовъ до Викторукуовъ, чи до Тэрэщукуовъ, я нэ віэдаю, и тамъ въ ихъ купивъ зъ ґарнэць картофлювъ и якъ всыпали картофли ему въ мишóкъ, то хлопци вложили въ мишокъ вэликій камэнь. Мафтула взявъ мишóхъ и хтіэвъ нэсти за плечима, но нэ муогъ ёго пудняти, бо вуонъ бывъ барзо тяжки. Тогды хлопци засміялися и пуддали ему мишокъ, и Мафтула ледь понюосъ до Ломазъ и по дорози часто стоявъ и присядавъ и туолько пуозно ввэчэри ледьледь приліэзъ до своеи хаты и якъ пришовъ до двэріей, такъ и пэрэкинувся біэдны Мафтула зъ мишкомъ. А жуонка его Хайка давно его ждáла, часто выглядала въ окно и выходила нá-двуръ, а Мафтула нэ показуетьця, такъ вона загасила каганэць и лягла спати, но нэ могла заснути и всэ думала, думала, дэ йиіэ Мафтулка подіэвся — чи ёго вовкъ зъйіэвъ, чи розбуойники ёго забили, чи вуонъ втопився, чи можэ вуонъ пошовъ до кого пэрэночовати. Такъ думала, думала біэдная Хайка и вжэ стала дрымати, и якъ почула що щось стукнуло за окномъ, то вона такъ пэрэлякалася, що въ пэрины сховалася: Хайка думала, що коло хаты стоитъ шайтанъ, або якійсь лядащи чоловіэкъ. Лежитъ біэдная Хайка пудъ пэриною и одъ страху дрижитъ, а якъ трохи одъ сэрця юой одошло, то вона зачала слухати, що тамъ за окномъ ворошитьця и стогнэ и нарэщци почула голосъ свого Мафтулки, и вышла въ сіэни и спытала: чи то ты Мафтулка? — Я, Хайка, я, одчиняй хучіэй двэри, я вжэ давно тутъ лежу. — Одчинила Хайка ему двэри, взяла мишокъ и привэла Мафтулку до хаты и зачала его пытати дэ вуонъ такъ довго сидіэвъ, що нэ пришовъ вчэсніэй до дому. Вуонъ юой всюсенько розсказавъ одъ самого напочатку до самого куньця. Мафтулка люогъ, а Хайка взялá мишóкъ и зачала высыпáти картофли,

моркву и всэ, що Мафтула купивъ и якъ всэ тое летіэло на зэмлю, то вылитивъ такій вэлицюозны камэнь, що трудно ёго и пудняти. Тогды вони и догадалися отчого такъ тяжко было нэсти той мишокъ и тэпэръ Хайка и Мафтула проклинаютъ тыхъ лётрувъ, що вони ему такъ нэдобрэ зробили. Топіэро Мафтулка хоріэе, фэльчэръ до ёго приходитъ и ліэчитъ и Буогъ віэдае, чи вуонъ ужэ выздоровіе. Фэльчэръ казавъ, що Мафтула надсився, якъ мишокъ нюосъ зъ вэликимъ камэнёмъ. Отъ якіи бываютъ людэ въ вашумъ сэліэ! Кажутъ ваши, що христіянэ добрыи, а жиды лядачіи, нэ правда: и мижи вашими и нашими е всэлякіи людэ и добрыи и лядачіи, но бульшъ естъ кепськихъ, чимъ добрыхъ».

2) Сруль и Янцюлё. Сруль. «Янцюлю, чи нэма чого продати?»—Янцюлё—Е!—«А що е?»—Ян. тэля.—«А дэ воно?»—Въ хливіэ.—«Въ якуомъ хливіэ?»—Осьдэ. «Ну покажи.»—Иди, покажу. А въ хливови Янцюлё зачинивъ лихую собаку. Привьюовъ Янцюлё Сруля подъ хліэвъ и кажэ ему: «Иди, жидэ, осторожно—я тэбэ впущу до хлива и зачиню, а то тамъ стоитъ брыкливэ тэля, и можэ выскочити».—Добрэ, добрэ, Янцюлю, хучіэй одчиняй двэри, а то я нэ маю часу. Янцюлё тихо отхиливъ трохи двэри и нэ всьпіэвъ жидъ щэ головы всунути, якъ Янцюлё такъ ёго пхнувъ, що Сруль туолько ґалами задэръ, а въ хливови: гавъ, гавъ, гавъ! аяй — аяй-яй! Цюхъ Сруля кусае, рвэ на юомъ одіэне, ажъ піэрье зъ ёго летитъ, а Сруль ёнчитъ и кричитъ: «Гивалтъ, ґивалтъ, ратуйтэ людэ, хто въ Бога віэруе»: На шумъ и крикъ назбигалося мнуого народу; одогнали собаку и вытягнули изъ хлива Сруля, покаліэчоного, пошорпаного и всэ одіэне на юомъ было порванэ. Ледво живый Сруль плакавъ, якъ малая дитина и кричавъ: «розбуойникъ той Янцюле — вуонъ мэнэ хтіэвъ зацьковати. Я пуйду до суда, я поіэду до Патарбурка до самого Цара; пуойдэ вуонъ гицэль до крэминалу, або на Сибіэръ за тое, що вуонъ мэнэ хтіэвъ забити, щобъ моя біэдная Малка зъ титьми зъ голоду вмэрла». Людэ зачали Сруля успокоювати, а на Янцюля кричати и радили ему погодитися съ Срулемъ, а то бида можэ выйти. Сруль плачучи пошовъ собіэ до Ломазъ, а

Янцюлё на други дэнь зраня взявъ гроши и мишокъ жита на плечи и пошовъ до жида годитися и вони и погодилися. И съ тогó часý Янцюле пэрэставъ цьковати жидуовъ.

3) Шмэ́рко и Вэ́виха. Въ Лю́бэнци живъ Шмэрко: вуонъ трохи торговавъ и трохи господаривъ: засивавъ городъ и двои або трои стáи на чужуомъ пóли оравъ и сіявъ жито, ячміэнь, або овэсъ для коня́. Шмэрко и Шмэрчиха на роботу нэ ходили, но Шмэрчэнята выучилися добрэ полоти, жáти и такъ робили тыи бахурки, якъ и наши дивчата, Шмэрчэня́та выучилися по нá-шому говорити и такъ гладко говорили, що по мóви нихтъ бы и нэ познавъ, що то бахурки. Живъ Шмэрко зъ усіэми въ ладý и ни съ кимъ нэ сварився, бахурки часто заходили до сусіэдувъ: вони никого нэ зачипали, и до ихъ нихтъ нэ чэпьявся. Но хлопци часто жартовали изъ йихъ и за очи говорили: «Шмэрко — пэсъ, Шмэ́рчиха — сýка, Шмэрчэня́та — щэня́та. Нэвэли́кая штýка». По нáшумъ сэліэ часомъ ходила старая Вэ́виха — цётка Шмэр-чэнятъ. Разъ ввэ́чэры пришла Вэвиха до Соколуовъ. «Добры вэ-чуръ вамъ». — Добры вэ́чуръ. Сядь, Вэвихо. «Нэхъ я постою — я вжэ довго сидіэла у Шмэрка. Будтэ ласковы, дайтэ мніэ що зъйіэсти, а то я голодная, якъ собака: вышла зъ міэста нáтщо и ціэлы дэнь ничого и въ губу нэ брала». — Добрэ, дамо. А въ Шмэрка тэбэ нэ частовали? — «Якая тамъ въ жида поческа: си-діэла я, сидіэла въ ихъ и кажу: я барзо голодная — дайтэ мніэ що йіэсти. А Шмэрчэнята заґэрґотали: пудъ лавкою стоитъ борщъ и йіэжтэ. Взяла я ложку и прошу, щобъ дали мніэ хліэба, а вони кажутъ, що у ихъ вышовъ и нэма ни крошки. Збрэхали Шмэрчэнята, бо я трохи бачила, що на полици лежавъ буханэ́ць. Нагнулася я пудъ лавку и зачала йіэсти: йіэмъ, йіэмъ, но чую щось нэдобрая страва, ажъ нарэшци вытягаю зъ миски обіэрины съ картофлювъ и кажу имъ: що то у васъ за борщъ, що въ йомъ лупины. А Шмэрчэнята якъ закрычатъ: «то нэ борщъ, а помы́и — борщъ стоитъ въ куткóви пудъ лавкою. Нáщо віэтэ ихъ йіэли»? Я нэдобачаю трохи и была голодная, и нэ могла поз-нати смакý и оттого я зъйіэла помыи и воно мніэ гидко зроби-

лося, такъ що я мало нэ блёва́ла. Такъ мэнэ частовали въ Шмэрка, но то щэ ничого, якбы нэ зачали сміятися изъ мэнэ. Шмэрко кричитъ! цыть, ша! а бахурки рэгочутъ, якъ тыи кобылы́, и мні͡э такъ стиснуло коло сэрця, що имъ подяковала за такую гостину и пришла до васъ. Бачтэ въ насъ нэ такъ частуютъ, якъ у васъ: якъ до насъ придэ сэстра, або братъ, або якій своякъ, то зъ ими бу͡ольшъ говоратъ, а мало частуютъ, даютъ часомъ по оборанкови, або по яблыкови, або по цукеркови, а часомъ склянку гарбаты; а якъ чіе вэсі͡эле бывае, то даютъ по килишку горі͡элки, кусочокъ булки, ку́сочокъ рыбы, мэдовникъ або маковникъ, якъ мизи́нэць. Бачтэ жидки мало йидятъ, нэ такъ якъ вашіи чолові͡эки, або бабы́. А якъ придэ убогій жидокъ хлі͡эба просити, то богатыи жиды мало ему даютъ: въ одну͡ой хати дадутъ ложку каши, въ другу͡ои — оборанокъ, въ трэтюй шэлягъ и въ каждуй хати трошки ему дадутъ. И для бі͡эдного жидка будэ того досыть и ву͡онъ нэ будэ голодны. А ві͡этэ своимъ диди́мъ мну͡ого даетэ. И щожъ доброго? Ді͡эдъ занэсэ вашъ хлі͡эбъ до корчмы, напьетьця якъ, сьвиня, и валяетьця пудъ плотомъ.

Чи ві͡этэ чули, що въ Ломазахъ было въ бужни́ци? — Ні͡э нэ чули. А щожъ было? Ой вай! Що было, то нэхъ Бу͡огъ боронитъ. Якъ всі͡э нашіи жидки пришли до школы въ судный дэнь и стали молитися, то влеті͡эвъ до бужни́ци страшэ́нный звіэ͡ръ зъ вэликими очими: всі͡э полякалися и такій зробився га́ласъ и калмага́лъ, що нэхъ Панъ-Бугъ захова. Жидувки́ момглі͡эли, жиды зачали втикати, бо всі͡э думали, що то прилеті͡эвъ злы духъ. А я сама такъ злякалася, що ледво ноги приволокла до дому. Того звіэра выгнали смі͡элыи жиды изъ школы и казали вони, що то была сова и що тую сову вкинули въ бужницю ломазьськіи хлóпци, щобъ имъ было тяжко на тамту͡омъ сьві͡эти, защо вони гицли налякали такъ бі͡эдныхъ жиду͡овъ. Ой вай! якіи е въ Ломазахъ лядащіи хлóпци и батьки ихъ нэ припыняютъ; но и любэньськіи е кéпськіи. Такру͡окъ пэрэдъ вашимъ Вэликоднёмъ, якъ въ ночи изъ цэрквы шли до дому, то любэньськіи хлóпци въ Мордка, що коло мосту, побили камі͡энемъ óкна и

онощо малое дитя въ колысьци нэ забили: камэнэ́ць полетіэвъ чэрэзъ шибку и впалъ въ колышку, а тамъ дзэцко лежало. Такъ вони робьятъ щоруокъ, но Мордко розумны жидокъ — вуонъ въ тую нуочъ, якъ ему бьютъ окна, зачиняе оконници и хочъ якій хлопэць и кинэ камэнь, но шибки вжэ нэ розобье.

Въ 60-тыхъ годахъ истекшаго вѣка въ страстной четвергъ, когда ночью возвращались люди изъ церкви, то нѣкоторые шалуны бросали камни въ крайній домъ еврейскій, но это дѣлали не изъ религіознаго фанатизма, а просто чтобъ напугать евреевъ и посмѣяться.

Всѣ эти народные разсказы я слышалъ въ деревнѣ Любенкѣ Ломазскаго прихода во времена пребыванія на родинѣ въ 70-хъ годахъ и позже въ 80-хъ, когда мнѣ приходилось посѣщать эту мѣстность. Многіе изъ разсказовъ записаны мною дословно, а иные составлены изъ отдѣльныхъ мнѣній и отзывовъ самихъ крестьянъ.

II. ПОСЛОВИЦЫ, ЗАГАДКИ, ПРИБАУТКИ, ПОГОВОРКИ, СРАВНЕНІЯ, ПЕРЕБРАНКИ.

1. Якъ тривога, то до Бога, а по тривози, то и о Бози. (Въ разг. рѣчи о Богови).

2. Бэзъ Божои воли нэ згинэшь никóли.

3. И въ наше оконьце загляне, колись соньце.

4. Хто въ церкви не бывае, той сьвьятыхъ не видае (Въ разг. рѣчи: не бачитъ).

5. Хто дорогу простуе, той дома нэ ночуе.

6. На чужій коровай рукъ нэ протягай.

7. Покорнэ тэля двіе матэры ссэ.

8. Сухая ложка горло дэрэ.

9. Крути́, нэ вэрти́, а трэба вмэрти́.

10. Не вміею ни читати, ни писати — хочуть мэнэ за короля обрати.

11. Хто пудъ кимъ яму копае, той самъ въ еи впадае.

12. Голосны́ бубны за горáми.

13. Якъ на мэдвэдя шишка впадэ, то вуонъ вэчи́тъ; якъ голя́ка, то мовчи́тъ.

14. Нагани́ козіе смэрть, то вона бэчитъ; а якъ ріежешь йіе, то мовчитъ.

15. На Падуоли пироги на куоли; а якъ мы зашли, то пирогуовъ не нашли.

16. На однуомъ міесьци и камэнь обростае.

17. Въ міесьци (въ городѣ) широко сіесьци, а нэма чого йіэсьци.

18. Дарóваному конёви въ зубы нэ заглядаютъ.

19. Що впало, то пропало.

20. Нэ сьвьятыи горчки ліепьятъ, а гріешныи.

21. Що написано пэромъ, того нэ вырубаешь и топоромъ.

22. Голóта нэ боитьця ни дощу́, ни болота.

23. Скачи, враже, якъ панъ каже (Въ разг. рѣчи ворогъ).

24. Пуоки соньце зыйдэ, роса очи выистъ.

25. Якъ съ попа духъ, то съ попади пухъ.

26. Не віеръ собаци, бо вкуситъ.

27. Не будь солодкимъ, бо злижутъ; не будь гуркимъ, бо сплюютъ.

28. Моя хата съ краю — ничого нэ знаю.

29. Нэ будэ съ хама доброго пана.

30. И самъ нэ гамъ и никому нэ дамъ.

31. Попала коса на камэнь.

32. Напэрэдъ нэ вызывайся и назадъ нэ оставайся.

33. Хто рано встае, тому Буогъ дае.

34. Нэ такъ страшныи чортъ, якъ ёго малюютъ.

35. Гріехъ у міехъ, а покута[1]) за плéчи.

36. Покуоль тлусты схуднэ, то худыи спрутнэ.

37. Надъ сиротою самъ Буогъ съ калитою.

38. Штыри мили ходу, а до полудня празника.

39. Нэ міела баба клóпоту, то купила порося.

40. Кинувся якъ левъ, а пропавъ якъ муха.

41. На тобіе, нэбоже, що мніе нэгоже.

42. Рада бы душа до раю, но грихи нэ пускаютъ.

43. Зъ Богомъ, Парасю, коли людэ трапляютьця.

44. На злóдіёви и шапка горитъ.

45. Якъ хто хоче, такъ по своюой матэри плаче.

46. Вовчая натура до ліеса тягнэ.

47. Зъ напáсьци муожня пропасьци.

48. Пудъ лежачи камэнь вода не бижитъ.

---

1) Покаяніе, эпитимья.
Нэ туолько свіета, що въ окніе, е ще буольшъ и за окнóмъ.

49. Баба зъ воза — колéсамъ лехче будэ.

50. Що сторона, то ги́ншая новинá.

51. Въ богатого и пі͡евень нэсэтьця, а въ бі͡едного и курка нэ хоче нэстися.

52. Въ бабы волосъ довги, а рóзумъ коротки.

53. Ни сі͡ело, ни пало, давай, бабо, сало.

54. На похи́лэ дэрэво всі͡е козы скачуть.

55. Огля́нувся вовкъ назадъ, якъ ему хву͡остъ одорвали.

56. Скажешь гопъ, якъ выскочишь.

57. Котá въ мишкóви нэ утаи́ти, якъ ву͡онъ кававчи́тъ.

58. Які̆й панъ, такі̆й и крамъ.

59. Бáчили очи, що куповали.

60. Дэри лы́ка, якъ дэрутьця.

61. Добрэ, якъ у Бога за пазухою.

62. Чолові͡екъ богаты, бо душу мае.

63. Трэба нэба, трэба и хлі͡еба.

64. Гуляй, но сву͡ой розумъ май.

65. Хто нэ хоче робити змолоду, той на старусть умрэ зъ голоду.

66. Хто нэ хоче змолоду робити, той на старусьть съ торбою будэ ходити.

67. Лі͡епи мовчати, чимъ нэ до рэчи казáти.

68. Патонá патони́тъ, ту͡олько Бога гниви́тъ.

69. Мудрая голова розумі͡ее всі͡е слова.

70. Добрая дитина для рȯдичувъ уті͡еха едына.

71. Такъ то правда, якъ вошь кашляе.

72. Якъ въ симьі͡е нэма ладу, то всэ йдэ нэ ладý.

73. Мысли за горáми, а смэрть за плечами.

74. Хто зрȯду розуму нэ мае, той до смэрти дурнымъ бывае.

75. Нихто розуму нэ може ни купити, ни вхопити.

76. За грóши все му͡ожня купити, ту͡олько ру͡однои матэри трудно набы́ти.

77. Богаты черевáты, а бі͡едны голёпаты.

78. Якъ живэшь, такъ и вмрэшь.

79. До сьвьятого Духа нэ скидай кожу́ха.

80. На Грумни́ци напьетьця пі͡евэнь водици, а на Юрія найі͡эсьця ву͡олъ травици.

81. Покро́ва — ді͡евка готова.

82. На Спаса—рукавици до паса. (Въ разг. рѣчи поясъ).

83. Гусь и Рудно́ пошука́ти трудно́. (Въ разг. рѣчи тру̀дно) [1]).

84. Нэ зачипай жида, бо будэ би́да.

85) Якъ бида, то до жида.

86. Хлі͡ебъ и вода́ — нэма́ голода́ (го́лода).

87. Хлі͡ебъ и вода́ найздору͡овша йида́.

88. Рыба-загиба; губа-загуба (губа = грибъ).

89. Едына́къ якъ нэ злóдій, то піякъ.

90. Живу собі͡е, якъ горохъ при дорози—хто нэ хоче, той нэ скубае. Живъ, живъ и головою наложивъ.

91. Май-ре́шту быдлови оддáй, а самъ на пі͡ечь утика́й.

92. Скрыня тараче, а Катэрина плаче.

93. Чи кажетэ пі͡есьню пи́ти — сву͡ой ду͡омъ вэсэлити? (Въ разг. рѣчи вмѣсто пити спивати).

94. Вэрба бье, нэ я бью — Вэликдэнь за дыждэнь.

95. Щобъ чолові͡ека узнати — трэба бочку соли зъйі͡есьти.

96. Нэві͡ерны Хома́. Ласы якъ ку͡отъ до сала.

97. Пэщенэ дитя́тко, якъ брыклы́вэ тэлятко.

98. Живэ собі͡е, якъ въ Бога за пазухою.

99. За мое жито, то ще-й и побито.

100. Хто скаче, тонъ доскачетьця.

101. Що то тако́е, що скру̀ченэ вдво́е, зубу͡овъ нэ мае, а добрэ кусае? (Бичъ, кнутъ).

102. Коло ямы всі͡е съ кіями (Возлѣ миски всѣ съ ложками). Сивы ву͡олъ выпивъ воды ду͡олъ (Морозъ).

103. Покотився камэнэць до сусі͡еда на двуре́ць (Мѣсяцъ).

104. Що найдору͡оше? Що найжвавше? Що наймилыше? (Найдор. душа, найжв. мысли, а найм. сонъ).

---

1) Гусь и Рудно самыя большія села въ Радинскомъ уѣздѣ, Сѣдл. губ.

105. Що найвыше? Що найшіерше? Що найдовше? (Буогъ, сьвіэтъ, віечносьть).

106. Що найстрашніеше? Що найгуорше? И що найліепше? (Найстраш. смэрть и пэкло, найгуорше — хороба и нэчиста сумлене, найліепше здорове и царство нэбэсное).

107. Що нэнасытное? (Нэнасытный огонь и вода: огонь всэ спалитъ, а вода всэ забэрэ).

108. Що найплудніейше? (Зэмля найплудніейша: вона всэ плодитъ и все родитъ).

109) Мышко, мышко! На тобіе зубокъ косьтяный а ты мніе дай зэліезны. (Такъ говорятъ дѣти, когда бросаютъ выпавшій зубъ подъ печку).

110. Сорока билобока на порогъ скакала, госьтіей скликала, кашу ворыла, дитокъ кормила.

111. Люляй, люляй, очки стуляй (Колыб. прип.).

112. Кумъ! кума! Дэ была? — Пудъ лавкою, накрылася копанькою. (Передразниваніе лягушекъ).

113. Ви́лу-ви́лу! Лупи кобылу! Коня! (Иволга).

114. Сиджу́! сиджу́! Подполю, подполю! (Перепелка).

115. Зазуля каже: купивъ, купивъ, а ворона каже: укравъ! укравъ! Ворона—моськовськая зазуля, бо москаліе якъ стояли по хата́хъ, то часто крали, бо имъ старшина́ мало давала йіесьти.

116. Оче-нашъ, батько нашъ, куріей кравъ, въ ступу складавъ, канчуко́мъ бивъ; канчу́къ урвався и батько.... (злякався).

117. Господи, помилуй! Діедъ бабу покинувъ. Вэрнися, дидулю, по свою бабулю.

118. Амэнь! На мори камэнь. А на туомъ камэни церковка стоитъ. А въ туой церковци дякъ вэрэщи́тъ, людіей ляка́е и самъ утикае.

119. Паки, паки! дай, попэ, табаки! Сурсумъ корда! На тобіе пся морда!

Народная пародія на церковныя молитвы не имѣетъ характера кощунства надъ религіей, а только служитъ предметомъ невинныхъ шутокъ ради развлеченія. Подобнаго рода произведе-

нія народной фантазіи существують и у поляковъ. Нѣсколько такихъ шуточныхъ прибаутокъ, составленныхъ по характеру и напѣвамъ костельныхъ молитвъ и набожныхъ пѣсенъ, я слышалъ въ г. Бѣлѣ, Сѣдлецкой губ. и нѣкоторыя изъ нихъ привожу, какъ образчикъ этого народнаго польскаго творчества.

120. Biegł zając przez cmętarz pogubił trzewiki,
A za to mu dał ksiądz proboszcz malowane swice.

121. Zacznimcie stukać, pukać u koscielnej budki,
A żeby nam dał ksiądz dziekan po kiliszku wódki.

122. Onego czasu, wyleciała baba z kwasu, udeżyłasię o piec, a z niej wyleciał malowany chłopiec.
A z tego chłopca-baran i owća. A z tego barana-mleko, śmietana. A z tej śmietany stał kościół murowany. A z tego kościoła żydowska szkoła. A z tej szkoły wyleciał żyd goły.
A z tego żyda wesz i gnida. A z tej gnidy wszystkie na świecie bidy.

123. Ходитъ буцёнъ по болоти,
Кличе хлопцювъ до роботы.
Хлопци кажутъ: що робити?
Буцёнъ каже: молотити.
Хлопци кажутъ: нэ хочу!
Буцёнъ каже: заплачу.
— А почуомъ? — Поличу́...
По рублёви заплачу. (Запис. въ Докудовѣ)

124. Я дiедъ зъ дiеда, а ты гречкосiей! (Такъ нищіе по рожденію хвастаются своимъ происхожденіемъ передъ другими бѣдняками, сдѣлавшимися нищими вслѣдствіе увѣчья, старости и т. п.).

125. Сьпиваю, сьпиваю, ничого нэ знаю.
А бодай той нэ мiевъ, що сьпивати нэ вмiевъ.
(Въ Докудовѣ).

126. Мазуръ: Rusin kobyłę zadusił.
Русинъ: A polacy się zbiegli i kobyłę zjedli.

127. Шляхта—съ чого жупа́нъ, съ того и пла́хта.

128. Сли́пый мазу́ръ за гора́ми лу́пить козу́ пазура̀ми.

129. Мазуръ: Rusin, ja myslałem że to pies, ale on żre w subotę słoninę jako pies.
Русинъ: Поля́къ зъйи͡евъ.... (гною) за троя́къ.

130. Мѣщанинъ: Мужикъ-соломьяны языкъ.
Крестьянинъ: Ваши языки въ мі͡эсьци — нэ маютъ чого йі͡есьци; а наши въ сэлі͡е—добры господары͡е.

Со времени уничтоженія крѣпостного права сословная и племенная вражда въ Забужьѣ начала ослабѣвать, особенно въ новомъ поколѣніи, не испытавшемъ власти пановъ во времена барщины; но при столкновеніяхъ и теперь все-таки обнаруживается недружелюбное отношеніе даже въ частной жизни—и нерѣдко идутъ перебранки, приведенныя выше, между полякомъ и русскимъ, между мѣщаниномъ и крестьяниномъ.

Народный языкъ очень богатъ пословицами, прибаутками, присказками. Иная говорливая баба такъ и сыплетъ разными прибаутками, поговорками и т. п.

Складъ рѣчи въ этихъ пословицахъ вполнѣ народный, и служитъ образцомъ современнаго Ломазскаго говора; а если встрѣчаются уклоненія отъ разговорной рѣчи, то очень рѣдко, какъ это видно изъ подчеркнутыхъ мѣстъ. Кромѣ народныхъ русскихъ пословицъ, въ русскомъ народѣ распространены нѣкоторыя и польскія, которыя употребляются въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя подобрать соотвѣтственной русской поговорки или пословицы. Въ послѣднія десятилѣтія, когда начала распространяться русская грамотность, то стали входить въ употребленіе и великорусскія пословицы, загадки и т. п. съ мѣстнымъ произношеніемъ. Всѣ пословицы, поговорки и т. п. записаны мною въ дер. Любенкѣ и отчасти въ пос. Ломазахъ и по происхожденію

ихъ можно раздѣлить на три группы: 1) чисто малорусскія мѣстнаго происхожденія, образовавшіяся подъ вліяніемъ народныхъ забужныхъ говоровъ. Въ числѣ этой группы встрѣчаются такія пословицы, которыя употребляются и въ Малороссіи съ небольшими измѣненіями. 2) нѣсколько пословицъ, позаимствованныхъ изъ польскаго языка и 3) пословицы, перенятыя отъ солдатъ и передѣланныя на малорусскій ладъ, согласно фонетикѣ народныхъ забужныхъ говоровъ; такихъ пословицъ помѣщено мною не болѣе 3 или 4 и онѣ очень давно стали употребляться въ народной рѣчи: еще въ 60-хъ годахъ я ихъ слыхалъ въ дер. Любенкѣ и Ломазахъ. Въ настоящее время посредствомъ русской школы очень много уже позаимствовано въ Забужномъ краѣ подобнаго рода изреченій изъ учебниковъ и изъ книгъ для народнаго чтенія.

III. НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Народныя пѣсни данной мѣстности, какъ это справедливо замѣчено этнографами, не могутъ вполнѣ служить образцомъ мѣстнаго говора, такъ какъ онѣ сложились по большей части подъ вліяніемъ другихъ говоровъ въ мѣстностяхъ иногда довольно отдаленныхъ. Существующія народныя пѣсни въ Ломазскомъ приходѣ и въ другихъ мѣстахъ Забужья поются малоруссами Юго-Западнаго края; но нѣкоторыя пѣсни, очевидно, мѣстнаго происхожденія, такъ какъ по складу народной рѣчи и особенностямъ ея формъ весьма близки къ подляшскимъ говорамъ. Звуковыя особенности Ломазскаго говора въ большинствѣ случаевъ соблюдаются во всѣхъ малорусскихъ пѣсняхъ какого бы онѣ ни были происхожденія. Для сравненія стихотворной рѣчи съ разговорной привожу нѣсколько народныхъ пѣсенъ, слышанныхъ мною въ Ломазахъ и Любенкѣ въ 60-хъ годахъ прош. ст.

1.

Ой, коля́да, колядиця!
Да́йтэ ма́чку и кутиця.
Якъ нэ да́стэ, откажîетэ,
Моихъ нуожокъ нэ зябîетэ:
Я дитинка маленька́я,
Моя́ нуожка босэнька̀я.
Мыкъ, мыкъ, да́йтэ колядникъ
Пильно! бо въ нόчи зимно!

Въ этой колядкѣ, какъ во всѣхъ почти народныхъ малорусскихъ пѣсняхъ, встрѣчаются неправильныя ударенія: въ живой рѣчи говорится: мачку̀, дастэ́, мале́нька, босэ́нька, коляда́.

2.

А въ наше́и попади, попади, попади
Три кутаса наза́ди, наза́ди е.
Добре зъ ею гуля́ти, гуля́ти, гуля́ти,
Бо е за що трима́ти, трима́ти, е.

Въ разговорной рѣчи слѣдуетъ сказать: въ на́шеи, наза́ди, гуля́ти, трима́ти. Вообще, очень рѣдко встрѣчаются малорусскія пѣсни безъ погрѣшностей противъ удареній.

3.

(Варіантъ украинской пѣсни).

По-пудъ гаемъ, гаемъ, гаемъ зэленэнькимъ,
Тамъ орала дивчинонька воликомъ чорнэнькимъ.
Орала, орала, нэ вмила орати,
Той найняла козаченька у скрыпоньку грати.
Козаченько грае, очками моргае.

Лихо ёго батько знае, чого вуонъ моргае:
Чи на мои волы, чи на мои кони,
Чи на мое біелэ личко, чи на чорны бровы.

Пѣсенныя формы выраженій: дивчинонька, козаченько, скрыпонька употребляются въ живой рѣчи въ другой формѣ: діевчина, козачо́къ, скры́почка. Слово **личко** въ Ломазскомъ говорѣ вовсе не употребляется, а замѣняется словомъ тваръ изъ польскаго twarz. Вмѣсто выраженія: у скрыпоньку грати въ Ломазахъ говорятъ: на скрыпочци грати. Вслѣдствіе неправильныхъ удареній въ нѣкоторыхъ словахъ дифтонги исчезаютъ, какъ напримѣръ: дивчинонька, не вмила вмѣсто діевчина, не вміела.

4.

(Варіантъ украинской пѣсни).

Тамъ дэ **гора** круто вьетьця, (Въ укр. Горынь)
Тамъ быстра тэче вода,
Тамъ дивчина **красолица** хороша и молода.
Въ насъ дивчата всіе хороши:
Коса зъ довгимъ волосомъ,
Очи кары, бровы чорны, **лицо** якъ кровъ зъ молокомъ.
Якъ поглянэ милымъ окомъ,
Якъ **ся** щиро засміе,
То ажъ сэрцю легче станэ, ажъ **ся** сэрце радуе.

Слова — красолица и лицо въ Лом. рѣч. не сущ. **Ся** всегда стоитъ въ концѣ глагола и только въ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ польскаго языка, ставится впереди глагола.

Прилагательныя съ оконч. на ый, какъ напр.: молоды́й въ Лом. говорѣ съ краткими окончаніями не употребляются, и всегда говорятъ: молодая, рабая, старая, слипая, глухая и т. п.

Итакъ, почти въ каждой малорусской пѣснѣ замѣчаются тѣ или другія уклоненія отъ Ломазской рѣчи. Въ слѣдующихъ пѣс-

няхъ, чтобы избѣжать подстрочныхъ примѣчаній, я только буду подчеркивать пѣсенныя формы и слова, не употребляемыя въ Ломазскомъ говорѣ.

5.

(Отрывокъ).

Поі͡ехавъ милы по журавлины,
Погубивъ коники, Боже му͡ой милы.
А ни стэженьки, ни дороженьки:
Ой пуйду-жъ я до вороженьки.

6.

(Вар. укр. пѣсни. Отрывокъ).

Не ходи, Грыцю, той на вэчерницю, (вэчуркй)
Бо на вэчерници ді͡евки чорувници.
Котра дивчина чорнобрывая, (котрáя)
Той чарувниця справэдливая.

7.

Подъ дубиною, подъ зэлёною,
Тамъ сидивъ голубъ зъ голубиною. 2 (голубка)
Сиді͡ели соби, розмовлялися,
Бі͡елыми крыльми обнималися. 2
Ой вышовъ стрэлець, ставъ коло дуба:
Злапавъ голубку, забивъ голуба. 2

8.

(Отрывокъ).

Журилася попадя своею бидою:
Бі͡една-жъ моя головонька, що пу͡опъ зъ бородою.

Охъ мэни тяжко, охъ мэни нудно, (мніе)
Що пуопъ зъ бородою жити мніе трудно.
Ой пуйду я до владыки, буду го просити, (ёго)
Щобъ позволивъ мому попу бороду голити. (моёму
Охъ мэни тяжко, охъ мэни нудно, [попови)
Що пуопъ зъ бородою жити мніе трудно.

9.

(Варіантъ укр. пѣсни).

И шумить и гудэ, друобны дощикъ идэ,
А хто-жъ мэнэ молодую до домоньку доводэ. 2
Одозвався козакъ на солодкомъ мэду:
— Гуляй, гуляй, дивчинонько, я до дому доводу. 2
Нэ води ты мэнэ, не прошу я тэбэ,
Бо я маю злого мужа — будэ бити мэнэ. 2
— А я мужа нэ боюсь и я мужу поклонюсь;
Мужъ тое подаруе и табачкой почастуе. 2

10.

(Варіантъ украинск. пѣсни).

Чумаче, чумаче, чого зажурився?
Чи волы пристали, чи зъ дороги збився?
— Волы нэ пристали, зъ дороги нэ збився:
Того зажурився — бэзъ доли родився.
Доля-жъ, моя доля, нэщасная доля!
Чомъ ты нэтакая, якъ доля чужая!
Туолько въ мэнэ доли, що чорныи бровы,
Туолько въ мэнэ пары, що очици кары.

11.

(Отрывокъ. Варіантъ укр. пѣсни).

Горэ мое, горэ, нэщасная доле!
Ой ззорала дивчинонька мысленьками поле. 2
Чорными очима той заволочила,
Друбнэнькими слёзоньками все поле зросила. 2
Полетіела-бъ птицёй, якъ бы міела крыльця.
Ой ужъ нэма и нэ будэ мого чорнобывця. 2

12.

(На Гóготы).

Василёва мати пошла гоготати.
Гу, гу! дайтэ того, що на рогу:
Кишки, колбаски, що зъ вашеи ласки.

13.

(Изъ временъ панщины).

А нашъ окóмонъ гуорши собаки,
Нэвáртъ и рожка табаки:
И кричитъ, и лае,
И обіедати нэ дае.

Бодáй пана кули били,
Якъ мы руки потомили.
Бодай пана громы били,
Якъ мы ноги потомили. (Въ Докудовѣ)

14.

Вже мы жита дожали, дожали,

И снупочки звязали, звязали.
Дожали жита до згуорка, до згуорка,
А панъ окомонъ дозуорця, дозуорця.
Дожали жита до ярки, до ярки,
Дасць панъ горіелки двіе кварты, двіе кварты.

15.

(Отрывокъ — Варіантъ укр. думы).

Ой бывъ Сава въ Нэмирови
Въ ляхуовъ на обіеди.
И нэ знае, нэ видае (нэ віедае)
О своюой біеди (о бидіе).
«Сидлай, хлопче, сидлай малый,
Коня вороного:
Пойіедюмо мы до дому,
Хочь насъ и немного» (немнуого).
Йіеде Сава зъ Нэмирева
На воронуомъ коню, (конёви)
Пытаетьця челядоньки:
«Чи всэ гораздъ дома».
Гораздъ, гораздъ, панэ Саво!
Усэ хорошенько; (добре)
Выглядають изъ зза горы
Козаки частэнько.
Сидить Сава коло стола
И листоньки пише, (листы)
А Савиха на лужечку
Дитину колыше.

Эту думу объ атаманѣ Савкѣ я слышалъ въ Любенкѣ въ 60-хъ годахъ.

Народныя пѣсни, записанныя въ дер. Любенкѣ въ 1900 году[1]).

16.

А у поли два тополи, яворъ зэлэненьки,
Не женися, муой сыноньку, бо щесь молодэньки.
— Жебъ ты мати тое знала, що кохане може,
То-бъ ты сама и сказала: «женися нэбоже!»
Жебъ ты мати знала, котора мніе мила,
Была бысь мэнэ въ сіемъ ліетъ оженила.
А въ Дунаю, Дунаю рыбка рыбку ловитъ,
То такъ мила по милому біелы ручки ломитъ.

17.

Подъ вишнею, подъ черешнею, тамъ муой милы лежитъ:
Ой зажурывся на біедну головку, що головка болитъ.
Болитъ мэнэ той головонька, самъ нэ знаю чого.
Ой полюбивъ я хорошу дивчину, самъ нэ знаю для кого.
А въ суботоньку по нэшпороньку друобны дощикъ им-[житъ,
Ой уже моя хороша дивчина по водицю бижитъ.
Ой и прибіегла той подъ оконьце на дзень-добры дала.
Ой дзень-добры, хлопчино надобны, уже я не твоя.
А въ понэдилоньку той поранoньку два орлы воду пьютъ,
Ой уже мою хорошу дивчину до шлюбоньку вэзутъ.
Едёнъ вэдэ за рученьку, а други за рукавъ,
А мніе самому сэрце ся крае, що любивъ, а не взявъ.

18.

Пэрэстань нэщасны думку думати:
Покинь нэлюбу тую кохати,

1) Эти пѣсни сообщилъ мнѣ крестьянинъ дер. Любенки Степанъ Ярошукъ.

А возьми тую, що тэбэ любить,
Прэдъ ціельимъ свіетомъ тэбэ голубить.
— Ты-сь присягався пэрэдо мною,
Твоя присяга пэрэдъ тобою.
Ты о присягу свою нэ дбаешь,
Гиншую любу ты собіе маешь.
Тэпэръ я скажу свіету усёму,
Жебъ не віерйвъ нихто никому,
Ой бо я сама того дознала,
Що нэвирного віерно кохала.
Пуйду, я пуйду у ліесъ - лисочки,
Дэ зацвитаютъ красны цвиточки.
Съ кимъ я ходила, съ кимъ говорила,
Не злучивъ Панъ-Бугъ кого любила.
— Пэршу я тэбэ въ свіети познавъ-емъ,
Надъ свое жице тэбэ кохавъ—емъ.
Пріими мэнэ люба, пріими мэнэ мила,
Якъ ты нэ пріймэшь, пріимэ могила.
Давъ-есь ся, Боже, намъ ся познати,
Чомъ же нэ судишь намъ ся побрати?
Чомъ же нэ судишь, чомъ же нэ злучишь?
Нащо насъ, Боже, такъ довго мучишь?

19.

Ой плыли гусоньки быстрою водою,
«Ой що ты, дивчино, вдумала зо мною!»
— Ой таки я нэразъ нэ два съ тобою стояла,
Ой такй я тоби правды нэ сказала.
Тогды я тоби усю правду скажу,
Якъ твою рученьку изъ моею звяжу.
Ой стала дивчина рэвнэнько плакати.
«Мысли, мои мысли, нащо віете вышли,
Подъ моимъ оконьцёмъ стоитъ коникъ быстры,

Стоитъ коникъ быстры изъ быстрого строю.
Ой що ты, дивчино, вдумала зо мною»!
— Думала, гадала въ Дунай утонути,
Нижели нэлюбому за милую быти.
Въ Дунай утонути, то воды напьюся,
За нэлюба пуйду — навіеки втопьюся.
Думала-гадала гуорки полынъ йіести,
Нижели зъ нэлюбомъ за столикомъ сіести.
Думала-гадала гороньку скопати,
Нижели зъ нэлюбомъ до шлюбоньку стати.
Гороньку скопавши, сяду отпочину,
За нэлюба пуйду, навіеки загину.

20.

Зайиздивъ коника, зайиздивъ другого,
«Ой скажи, дивчино, чи що будэ съ того?
Ой чи будэ съ того, або ніе?
Скажи, діевче, правду щіеру мніе!»
— Я тобіе казала и твоёму роду:
Нэ ходи до мэнэ, нэ роби заводу,
Бо въ мэнэ посагу нэ будэ,
Возьмутъ и такъ мэнэ добры людэ!
—«А мніе посагу твоёго нэ трэба,
Дасць намъ Панъ-Буґъ зъ высокого нэба.
Ты-сь у мэнэ посагъ самая,
Якъ на нэби зора ясная!»
— Ты топіеро кажешь, що я зора ясна,
А потымъ ты скажешь: доля нэщасна;
А якъ ты нэ скажешь, то мати:
Было убогои нэ брати.
«Мати, моя мати нэ будэ казати,
Кого я полюбивъ, того мушу взяти,
Дасць намъ Панъ-Буґъ за тое,

Що мы побэрэмося обое».
— Тэпэрь мэнэ бэрэшь самъ бачишь якую:
Хорошу, здорову на всю̑омъ прибраную;
А борони, Боже, нэдуги—
Будэшь ся дивити на други.
«Скарай мэнэ, Боже, на гладкуй дорози,
Если я помыслю о другуй нэбози;
Скарай мэнэ, Боже, на коню,
Если я помыслю о кому».
Выйихавъ хлопчина на ростанну дорогу,
Зламавъ коникъ шію, а соби той ногу.
Ой то тобі̑е, хлопчино, за тое,
За твое кохане другое.

Варіантъ этой пѣсни я слышалъ въ 70-хъ годахъ въ пос. Воинѣ, Радинск. у., Сѣдл. губ.

21.

Дивчинонька по грибы ходила,
Въ зелёному гаю заблудила.
Приблудила вона къ зэлёному дубу;
То тутъ тэпэръ ночовати буду.
Я думала, що дубъ зэленэньки,
А то стоитъ хлопэць молодэньки.

22.

Ой ты, дивчино чорнобрывая!
Чаровниченка справэдливая:
Очаровала ты мою душу,
Тэпэръ я тэбэ любити мушу.
Ой пуйду, я пуйду у лі̑есъ-лисочки,
Дэ зацвитаютъ красны цвиточки.
Ой пуйду, я пуйду у лі̑есъ-лищину,

То тамъ зобачу хорошу дивчину.
А я то думавъ, що то дивчина,
А то красива червона калина.

23.

Пошла дивчина до Ломазъ гуляти.
Ой лю-ли, ой лю-ли! до Ломазъ гуляти.
Нашла вона соби той три салдаты.
Ой лю-ли, ой лю-ли! той три салдаты.
А тыи солдаты, всіе три нэженаты.
Ой лю-ли, ой лю-ли! всіе три нэженаты.
А тыи солдаты пошли турка воёвати.
Ой лю-ли, ой лю-ли! пошли турка воёвати.
Ой выходь же, выходь турецькая баша.
Ой лю-ли, ой лю-ли! Туреччина наша!

Эта пѣсня сложена во время русск.-тур. войны въ 1878—79 г.

Въ Ломазскомъ приходѣ въ настоящее время мало сохранилось народныхъ малорусскихъ пѣсенъ; прежде ихъ было гораздо больше: еще въ 60-хъ годахъ я слышалъ въ Любенкѣ до 60 пѣсенъ—по большой части варіантовъ украинской народной поэзіи. Причина оскудѣнія народнаго творчества кроется въ религіозномъ состояніи мѣстныхъ жителей, находившихся продолжительное время подъ сильнымъ вліяніемъ уніатскаго и католическаго духовенства, неблагосклонно смотрѣвшаго на народныя вѣрованія и пѣсни: оно постоянно внушало народу, что пѣть мірскія пѣсни грѣшно, и старалось замѣнить ихъ религіозными польскими пѣснопѣніями. И теперь часто можно слышать, какъ въ лѣсу, полѣ и въ домахъ раздаются костельные гимны. Но, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства для народной поэзіи, все-таки существуютъ малорусскія пѣсни, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, а въ послѣднее время даже сложились и новыя пѣсни, которыя по своему складу

и содержанію, нѣсколько отличаются отъ старыхъ, существовавшихъ въ крѣпостное время.

Пѣсни въ селѣ Докудовѣ, Бѣльск. уѣзда[1]).

24.

1) Свадебныя.

Ой короваю, короваю!
Мн͡уого на тэбэ кошту трэба:
Корэць мучици пшеничнои,
Цэбэръ водици крыничнои,
Пувкопы яець одъ молодыхъ кур͡іей,
Фасу масла одъ яловыхъ коровъ.

25.

Ой выйдь, мати, съ хаты
Свого зятя витати.
Выйди, батьку, съ хаты
Свого зятя витати.
Выйди, мати, зза пэчи,
Возьми зятя за плечи.
Выйди, батьку, зза пэчи,
Возьми зятя за плечи.

26.

Ой свату, свату! росточи хату!
Росточи хату, росточи с͡іени,
Жебъ ус͡іе пэрэзвы с͡іели.

1) Записаны мною въ 1900 г. отъ крестьянки сел. Докудова Софіи Борисюкъ.

Калиною вытыкана,
Щ͡іэрцёмъ высыпана.

27.

Ой казали намъ людэ, 2.
Що намъ чесци нэ будэ.
Намъ чесци задосыть
Ґарцёмъ горі͡елку посить,
То ґарцёмъ, то фляшками,
То биленькими талирками.

28.

Ой уже мы пойі͡едюмо,
Тэбэ молоду покинюмо:
Трэба тоби рано встати
И свэкрухи запытати,
Що на раночко зготовати:
Чи куратину, чи гусятину,
Чи биленькую лебэдину.

29.

Свашка коровай крае,
Бо гостры ножикъ мае,
То въ кишку, то въ кишеню
Для мужика на вэчеру.

30.

Ой бі͡егъ зайчикъ черэзъ гайчикъ до ру͡овця,
Нэ выдайи, моя матю͡онко, за вдовця,
Бо у вдовця лихіи слувця у его,
Той позбудуся здоровечка своего.

31.

Ой доброго я роду,
Пью горі͡елку, якъ воду.
Мэнэ пиво заморозило:
Мні͡е горі͡елки дайтэ.
Мні͡е горі͡елка не поможе:
Мні͡е хлопця шукайтэ.

32.

Ой горохъ! 2 самы лопаточки,
Выдопкала черэвички самы перэдочки.
Ой горохъ! 2 нэ люби насъ разомъ двохъ:
Люби мэнэ самую, пуки тэбэ шаную.

33.

Ой у клуни два каплуны жито молотили,
На улици дві͡е курыци до млина носили.
Козёлъ мэле, козёлъ мэле, баранъ росчиняе,
А маленькое козэнятко муку нагортае.
Муха мі͡еситъ, муха мі͡еситъ, комаръ воду носитъ,
Молодая дивчинонька на весі͡еле проситъ.

2) *Весеннія пѣсни, распѣваемыя дѣвушками со второго дня Пасхи до Ѳоминой недѣли.*

34.

А пудъ синьми, пудъ новэнькими,
Висятъ винки зэленэнькіи,
Туды йі͡ехавъ Василько до ді͡евки.

Хочъ доставай, нэ доставай канчукомъ віенки,
Нэма тобіе Докудовськои діевки.
Пойіедь соби до Дубровищá,
Тамъ для тэбэ естъ старыи вдовища;
Пойіедь соби до Дубровы,
Тамъ для тэбэ старыи вдовы.

35.

Пуйду я въ садочокъ, зробью холодочокъ:
Посаджу Василька коло ягудочокъ.
А Василько рады и въ долони плеще:
Poczekaj Kasiuniu: dam busieńkî jeszcze.

36.

Ой летіели галоньки,
. Грай, морэ радомóе[1]),
Ой летіели чорнэньки.

Хто по грошу, хто по два,
Грай, морэ радомое,
Хто по грошу, хто по два.

А Сидуорко найбуольшъ давъ,
Грай, морэ радомое,
Бо Галоньку сподобавъ.

Просилася Галонька,
Грай, морэ радомое,
Просилася чорнэнька.

Пусти мэнэ молоду,
Грай, морэ радомое,

---

1) Вмѣсто радомое (?), иногда поютъ—«водяное».

До моёго роду.

Русу косу роспущу[1]),
Грай, морэ радомое,
Тогды сама нэ схочу.

Бо дивоньки нэ пріймутъ,
Грай, морэ радомое,

Зъ руты виночка нэ вьютъ.
Грай, морэ радомое,
Дивонькою нэ назвутъ.

37.

Ой пуйду я въ поле по зіеле зэлёное:
Увью я виночокъ для докудовськихъ дивочокъ.
Въ Докудови дивоньки, якъ на нэби зороньки;
Въ Докудови молодци, якъ на нэби мисяци.
Ой пуйду я въ поле, хорошенько вбэруся,
Ой то скажутъ людэ, що я ничимъ нэ журуся.

38.

Ой пуйду я ззаду, посіею росаду:
Вже моя росада густэнько зыходитъ,
Вже моимъ ворожкамъ на згибэль приходитъ;
Вже въ моюой росади широки листочки,
Вже въ моихъ ворожкувъ болятъ животочки;
Вже моя росада у головки вьетьця,
Вже моимъ ворожкамъ на згибэль кладэтьця.

1) Иногда въ словѣ «русу» первое у замѣняютъ звукомъ о: росу косу.

39.

Гордая рожа, гордая,
Коло гору͡одця стояла;
Похилилася въ гору͡одэць,
И нашъ Ясюлё молодэць
Бэрэ Марысю, йдэ въ танэць.
— Иди, Марысю, зо мною:
Будэшь моею жёною;
Будэшь же ты мні͡е женочка,
Мою͡ой матю͡оньци вирночка;
Будэшь же ты мні͡е вирити,
Мою͡ой матю͡оньци служити.

40.

Ой ты, рута зелёная,
Якъ у тэбэ вэрхи гнутьця.
Ой ты, Влянко молодая,
Якъ за тэбэ хлопци бьютьця.
— Нэха́й бьютьця, погодятьця;
Нэхъ на мэнэ нэ надятьця,
Бо я вэликого росту,
То я пуйду за старосту,
За старосту старэнького,
За писара молодого.
Ой же ты, му͡ой писарёньку!
Выпиши мні͡е сукононьку.
— «Я якую»? — Зэленую,
Той на мэнэ молодую.

41.

Ой пуйду я по-надъ риченькою, млинъ мэле, млинъ мэле.
Ой нагнивався му͡ой батэнько на мэнэ, на мэнэ:

Ой поставью я бочку мэдочку, вина двіе, вина двіе;
Пэрэпрошу я свого батэнька на виніе, на виніе.

Ой пуйду я и т. д.
Ой нагнивалася моя матюонка на мэнэ, на мэнэ:
Ой поставью я бочку мэдочку, вина двіе, вина двіе;
Пэрэпрошу я свою матюонку на виніе, на виніе.

Ой пуйду я и т. д.
Ой нагнивався муой братичокъ на мэнэ, на мэнэ:
Ой поставью я бочку мэдочку, вина двіе, вина двіе;
Пэрэпрошу я свого браточка на виніе, на виніе.

Ой пуйду я и т. д.
Ой нагнивалася моя сэструонка на мэнэ, на мэнэ:
Ой поставью я бочку мэдочку, вина двіе, вина двіе;
Пэрэпрошу я свою сэструонку на виніе, на виніе.

Ой пуйду я и т. д.
Ой нагнивався муой миленьки на мэнэ, на мэнэ:
Ой поставью я бочку мэдочку, смолы двіе, смолы двіе;
Пэрэпрошу я свого милого на смоліе, на смоліе.

42.

Ой чіи-то конопэльки въ ліеси?
И чійи-то нэдорослыи?
Янулёвы конопэльки въ ліеси нэдорослыи.
Ой воліевся-бъ я Марыську брати,
Нижи тыи конопэльки рвати;
Конопэльки рвати, мочити,
А Марысю въ танэць водити.
Конопэльки трутьця, мнутьця,
А за Марысю хлопци бьютьця.

43.

Куе зазуля, куе рабэнька, по саду летаючи,
А въ бору, при бору три сады зацвило,
Червона калина, що въ бору шуміела.
А въ пэршумъ садочку зазуленька куе,
Бо літэчко чуе,
А въ бору, при бору и т. д.
Червона калина и т. д.
Зазуленька куе, бо літочко чуе,
А въ бору, при бору и т. д.
Червона калина и т. д.
А въ другумъ садочку соловіей щебэче,
Бо до саду хоче,
А въ бору, при бору и т. д.
Червона калина и т. д.
А въ трэтюмъ садочку дивонька плакала,
За старого йдучи, винокъ зъ рутки вьючи,
А въ бору, при бору три сады зацвило,
Червона калина, що въ бору шуміела.

44.

Тамъ коло гаю той походжаю, а въ гаю нэ бываю,
О я до тэбэ, сэрцэ дивчино, свататися думаю.
«Хочъ сватайся, хочъ нэ сватайся, нэ оддасць мэнэ моя мати.
Ой рости, коса, той до пояса, ще я буду гуляти.
Ай бо въ павича золотыи крыла, а въ павички косы,
И нэ зажіе жадна дивчина за гультаёмъ роскоши».

45.

Ой чи то я нэ попова дочка?
Ой чи то я нэ роботочка?

На припичку огонь клала,
А на пэчи кросна ткала;
А якъ прибіегли хлопченятка,
Похапали клубченятка.

46.

Ой вырости, кропэ, вырости зелёны,
Вышше мого города! 2.
Нэ ходи стары, нэ ходи нэвдалы,
Коло мого двора! 2.
Бо я тэбэ стары, я тэбэ нэвдалы
Зъ давныхъ ліетъ нэ любыю. —
Тоби до шапчища — щапчище натыканэ;
Тоби до пальтища — пальтище ободранэ.

47.

Ой пуйду я ранкомъ до діевки,
Чи нэ купитъ тэща горіелки?
Бодай была тэща здорова:
Будэ въ мэнэ вуолъ и корова.
Буду воломъ на хліебъ робити,
Чорнымъ конёмъ дрова возити.

48.

Ой пуйду я по-надъ лугомъ,
Тамъ муой милы орэ плугомъ.
Ой занэсу ёму пити,
Чи нэ будэ говорити;
Ой занэсу ёму іесьци,
Чи нэ скаже вуонъ мніе сіесьци
Вуонъ напився и наіевся,

Коло плуга положився.
— Чого лежишь? чомъ нэ орэшь?
Чомъ до мэнэ нэ говоришь?
«А я лежу, розмышляю:
Нэ до мысли жу͡онку маю».

49.

Ой пуйду я до дубровы,
Ой вытну я кій дубовы:
Буду бити, мужа карати,
Жебъ нэ ходивъ до корчмы гуляти.

50.

Горошкова жона 2
Нэ ночовала вдома: 2
Три дні͡е въ корчмі͡е пила, 2
Горошка загнивила. 2
— Горошку, му͡ой муженоньку! 2
Нэ би мэнэ въ головоньку!
Тогды будэшь бити, 2
Якъ я въ корчмі͡е буду пити.
Би мэнэ дубиною,
Би мэнэ бэрэзою,
Жебъ я была твэрдою; 2
Би мэнэ жердкою, 2
Жебъ я была вэрткою. 2

51.

По холодѣ въ лѣсѣ по маёвой росѣ,
Иззору долиноньку по холодѣ въ лѣсѣ по маёвой росѣ.
Якъ засі͡эю, заволочу по холодѣ и т. д.
Вже моя травонька сходитъ по холодѣ и т. д.

Зэленушки [1]) фартушочёкъ по холодѣ и т. д.
Доздревушки килишёчокъ по холодѣ и т. д.
Буду я сушити, свэкруху труити по холодѣ и т. п.
Свэкруху продавати по холодѣ и т. д.
Свэкорка набывати по холодѣ и т. п.

52.

Ой плывэ човничокъ одъ рі͡ечки до рі͡ечки,
Ой плакавъ Василько по Уляньци ді͡евци.
Вже твоя дивонька росла, пэрэросла,
А мні͡е трэба барзо робочои —
Жебъ кросна поткала и хуста попрала,
И пэчи напалила, і͡есьци наварыла,
Челядь накормила, въ поле вырадила.

53.

Ой розвивайся, зэлёна дуброва!
Куды тыи казаки идутъ, молодыи жомі͡ерэ.
Дэ слезонька канэ, бі͡елы камэнь станэ,
Пудъ нимъ рута зэлёна, на ю͡омъ рожа червона. [2])
И батэнько стоитъ и коника дэржитъ
Свому сынку на вуйну, на чужую сторону.
Ой розвивайся, зэлёна дуброва! и т. д.
И матю͡онка стоитъ и шапочку дэржитъ
Свому сынку на вуйну, на чужую сторону.
Ой развивайся и т. д.
И сэстру͡онка стоитъ, кошуленьку дэржитъ
Свому брату на вуйну, на чужую сторону.

---

1) Зеленець-зеленушка = неспѣлые плоды, ягоды.
2) Въ этой пѣснѣ первые 4 стиха повторяются въ началѣ каждаго куплета.

54.

Ишли дивоньки черэзъ буоръ,
На ихъ сукенки въ дэвьять пуолъ.
Стали сукенки маяти,
Стала туброва горіети; 2
Стали дуброву гасити,
Кубочкомъ воду носити. 2
Куолько кубочкувъ водици,
Туолько въ дивонькахъ правдици. 2
Ишли молодци черэзъ буоръ,
На ихъ сукманы въ дэвьять пуолъ.
Стали сукманы маяти,
Стала дуброва горіети; 2
Стали дуброву гасити,
Рэшетомъ воду носити. 2
Куолько въ рэшети водици,
Туолько въ молодцяхъ правдици. 2

55.

Ой положу я кладку вэрбову,
Часъ вамъ дивоньки до дому.
А ты, Улянко, тутъ зостань, 2
Прііедэ ґмитрусё, ручку дай; 2
Привэзэ хустоньку зъ лиліеи, 2
То тобіе, Улянко, къ нэдіели; 2
Привэзэ ґмитрусё хустоньку исъ проса,
То тобіе, Улянко, до носа.

56.

Ой ты, травко, чомъ ты нэсухая?
— О якъ маю сухого быти,

Коли мэнэ сьвинн нэ порыли.
Чомъ ты, травко, такая сухая?
— О якъ я маю нэ сухою быти,
Коли мэнэ сьвини порыли,
Стары бабы ядвабными паньчушками ходили.
Ой ты, травко, чомъ ты нэзэлёная?
О якъ я маю зэлёною быти,
Коли мэнэ сьвини порыли
И стары бабы ядвабными панчушками ходили.

57.

Пої͡ехавъ Ясюнё на воёванечко,
Гей зъ нами, на воёванечко.
Покинувъ Касюню па годованечко,
Гей зъ нами, на годованечко.
Матуню, матуню, годуй мні͡е Касюню,
Гей зъ нами, годуй мні͡е Касюню.
Давай ю͡ой і͡ести пшеничного хлі͡еба,
Гей зъ нами, пшеничного хлі͡еба.
Клади еі͡е спати въ пуховы пэрыны,
Гей зъ нами, въ пуховы пэрыны.
Матуня Касюни того нэ робила,
Гей зъ нами, Касюню морила.
Прії͡ехавъ Ясюнё изъ воёванечка,
Гей зъ нами, изъ воёванечка.
Матуню! матуню! живая, здорова?
Гей зъ нами, живая, здорова.
Чи Касюня дома?
Гей зъ нами, Касюня дома.
Твоя Касюня вэлика роспусниця.
Гей зъ нами, вэлика роспусниця,
Зъ двороками спала, постэль змарновала,
Гей зъ нами, постэль змарновала.

Матуню, матуню! що ю͡ой зробити?
  Гей зъ нами, зробити.
Вывэдь на гулоньку, сьтни ю͡ой головоньку,
  Гей зъ нами, головоньку.
Дэ головка впала, тамъ церковка стала,
  Гей зъ нами, тамъ церковка стала.
Дэ нуженьки впали, тамъ орґаны грали,
  Гей зъ нами, тамъ органы грали.
Дэ рученьки впали, тамъ сьвичи палали,
  Гей зъ нами, тамъ сьвичи палали.

58.

Черэзъ наше сэло дэрэво вэзёно,
  Гей зъ нами, дэрэво вэзёно.
Дэрэво вэзёно, коло малёвано,
  Гей зъ нами, коло малёвано.
Вымалёваныхъ два мисяци ясныхъ,
  Гей зъ нами, два мисяци ясныхъ.
Два мисяци ясныхъ, дві͡е дивоньки красныхъ,
  Гей зъ нами, дві͡е дивоньки красныхъ.
Пэрша дивонька молода Марыся,
  Гей зъ нами, молода Марыся.
Друга квитонька молодый Юзюнё,
  Гей зъ нами, молодый Юзюнё.
А Юзюнё каже: «я Марысю любью,
  Гей зъ нами, я Марысю любью.
Я Марысю любью, до церковки пуйду,
  Гей зъ нами, до церковки пуйду.
До церковки пуйду: зъ ею шлюбикъ возьму,
  Гей зъ нами, зъ ею шлюбикъ возьму».

3) *Пѣсни, которыя поются на вечеринкахъ и во время полевыхъ работъ.*

59.

Сьпиваю, сьпиваю, свое горэ тіешу,
Зайду до домоньку, на кулокъ повіешу.
Повіешу, повіешу догоріе ногами,
Самъ буду жити мижи ворогами.
Куколю, Куколю, нэ ходи по полю,
Нэ моргай очима, нэ твоя дивчина.
Коло тэбэ сиджу, тэбэ нэнавиджу.
Коло тэбэ стою, съ тэбэ дурня строю.

60.

Ой пудъ вишнею, подъ черешнею,
Тамъ муой милы лежитъ.
Ой зажурився молодый Стэпанко, що головка болитъ.
Ой болитъ мэнэ той головонька,
Самъ нэ знаю чого.
Ой полюбивъ я хорошу дивчину,
Самъ нэ знаю для кого.
Ой чи попови, чи дякови
Суди, Боже, еіе;
Ой якъ якому той гультаёви,
Зжалься, Боже, еіе.

61.

Я въ сэрэду родилася, горэ, мое горэ!
Нэ пуйду я за старого, бородою коле.
Пуйду я за такого, що нэ мае усувъ:
Вуонъ до мэнэ заговоритъ, а я засьміюся.

62.

Калиноньку ломаю — на зиму ховаю.
Чужихъ хлопцювъ любью, своёго нэ маю.
Калиноньку юмаю, бэрэзонька гнетьця.
Чужихъ хлопцювъ любью, свого нэ хочетьця.

63.

Кличе голубъ голубочку,
Якъ нэ свою, то чужую:
«Ходи, сэрцэ, поцилую»
— Нащо маешь циловати,
Сэрцю туги задавати;
Нэ задавай сэрцю туги,
Нэ возьмэшь ты, возьмэ други.
Якъ мы ся кохалися —
Всіе вороги смутилися;
А якъ мы ся пэрэстали —
Всіе вороги радовались.

64.

Черэзъ садъ-виноградъ по воду ходила,
Чомъ мэнэ той нэ взявъ, що его любила.
Черэзъ садъ-виноградъ жену я индыки,
Туды душа моя горитъ, дэ грають музыки.
Черэзъ садъ-виноградъ жену я тэлята,
Туды душа моя горитъ, дэ скачутъ дивчата.
Коли хочь, пэрэскочь, вырви соби мнятки,
Коли хочешь мэнэ взяти, запытайся матки.

65. (Отрывокъ).

Вэльможная пани талярами сыпье —
«Кидай, Пэтрусю, жита молотити:
Иди до мэнэ міедъ—вина пити»!
Вэльможная пани талярами сыпье —
«Кидай, Пэтрусю, стодолы — оборы,
А йди до мэнэ въ новыи покои»!
Покинувъ Пэтрусё жито молотити,
Пошовъ до еи міедъ-вина пити.

66.

Дэ тая ричинонька, що я въ юой купався?
Дэ тая дивчинонька, що зъ ею кохався?
Вже тую ричиноньку голубы выпили,
Вже твою дивчиноньку гиншіи полюбили.
Вже тую ричиноньку щирцёмъ высыпали,
Вже твою дивчиноньку зъ гиншимъ звинчали.
Вже тая ричинонька травицею заросла,
Вже тая дивчинонька за другого пошла.

67.

А тамъ у матуни за двэреньками,
Тамъ стоитъ лужечко съ пэрынэньками.
А на туомъ лужечку Юзюнё лежитъ
И въ правуй ручоньци скрыпочку дэржитъ.
Ой та скрыпонька такъ хороше грае,
Ажъ примовляе.
Ой знати, знати, що вуонъ думае:
А вуонъ думае Ганулю взяти,
А Гануля молода нэ вміее жати.
—Ой жала, жала повыше сэбэ,
Нэ жала въ батенька, нэ буду въ тэбэ.

А я въ батэнька міедъ—вино пила,
А въ тэбэ, гультаю, пшеницю жала-бъ

68.

Оддала мати дочку далеко отъ сэбэ,
Нэ казала юой быти сіемъ ліетъ у сэбэ.
Уже восьмы ручочокъ наступае,
Уже дочечка прилитае.
— «Ой позычу, позычу въ зазули крылець:
Ой залечу, залечу въ матюоньчинъ садэць—
Якъ зачну ковати, сады роскую;
Якъ зачну плакати, луги затопью».
Ой учула матюонка голосокъ, учула миленьки:
—Ой выйди, сынику, выйди, руднэньки!
Якъ сэструонка твоя, проси до хаты;
А якъ нэ сэструонка твоя, зачни стриляти.
—«Ой нэ стриляй, руоднэпьки братику, нэ стриляй!
И руоднуй сэструоньци двэри одчиняй!»

69.

Оп поіехавъ муой миленьки по сіено на стэпъ,
А я тую кудэлицю пудъ лавицю тэпъ.
— Ой лежи-жъ ты, кудэлиця, опушившися,
А я пуйду до другихъ жуночёкъ вэсэлившихся.
Ой пришовъ муой миленьки до хаты,
Пытаетьця своихъ дитокъ: «А дэ ваша мати?»
— Наша мати въ корчомци впилася,
И въ новэнькую комороньку спати поклалася.
«Цихте, дитки, не кричіетэ, нэхай мати спитъ.
А якъ придэ шинкаронька — трэба заплатить.»
—«Встаи, мила чорнобрыва! Мнуого напила?»
— Вчорай пила на корову, дисясь на вола;
Ходитъ піевэнь по улици, станэ на вола.

Вчора пила на корову, а дись на вола;
Ходитъ курка по смитнику, то корова моя.

70. (Варіантъ укр. пѣсни).

И шумитъ и гудэ, друобны дощикъ идэ,
А хто мэнэ молодую до домоньку заводэ? 2
Одозвався козакъ на солодкумъ мэду:
«Гуляй, гуляй, дивчинонько, я до дому заводу. 2
— Нэ прошу я тэбэ, нэ води ты мэнэ:
Естъ у мэнэ лихій мужъ — будэ бити мэнэ. 2
Ни за суоль, ни за суоль, ни за кварту муки;
Но за тое, но за тое, що кохала двораки. 2

71. (Варіантъ укр. пѣсни).

Якъ была вдома дивчиною, пудо мною
Зэмля тумотіела пудъ ногою;
Якъ я пошла за лихого мужа,
То я стала за рочокъ нэдужа.
«Забью, забью тэбэ молодую:
Возьму соби другую милую».
— Нэ би, нэ би мэнэ, ще я молодая:
Естъ у мэнэ дитина малая.
И якъ и забьешь, то поховай:
Выкопай мніе широку могилу,
И посади червону калину,
И влуожь мніе вышиту сорочку,
И поховай въ вишнёвумъ садочку.
Якъ ты будэшь сыника женити,
Пришлешь калины ломити;
Якъ ты будэшь дочку выдавати,
То ты пришлешь барвиночку рвати.
Будэшь мэнэ молодую споминати,

Лю-лю, лю-лю милую дитину колыхати,
Воно будэ знати, що нэруо͡дна мати.
«Встань, мила чорнобрыва,
Бо плаче твоя дитина!»

72.

Ой якъ выйду на гулоньку,
Якъ тупну, якъ гукну:
Нэхай мати почуе
И вэчереньку готуе.

73.

Ой, сама, я сама пшениченку жала,
Прихожу я до домоньку—нэма мого пана, 2
А ни мого пана, а ни слуги его,
Ой, я бiе͡дна дивчинонька, що нэма никого. 2
Ой, выйду я, выйду на гору крутую:
Посмотру я, погляну я на воду быструю. 2
Рыба щука грае, пару соби мае,
А я бiэ͡дна дивчинонька, що пары нэ маю. 2
Туо͡лько въ мэнэ пары, що очици кары,
Туо͡лько въ мэнэ щасьця—доли, що чорныи бровы. 2

Варiантъ этотъ украинск. пѣсни я слышалъ въ деревнѣ Любенкѣ.

74 (Свадебныя).

Чомъ соловеи нэ щебэтали,
Якъ сады зацьвитали?
Чомъ нэ плакала, молода дивчинонько,
Якъ тэбэ заручали?
— А я молода, молодэнькая,

Я думала, що въ картоньки грають,
А то за мэнэ молодэнькую
Міедъ—вино запивають.

75.

Похилилася вэрба одъ вэрху до корэня,
Поклонилася Гануля старому, малому
И батькови своёму.
Гануля на стуолъ головоньку клонитъ,
А подъ стуолъ свои слёзы ронитъ.

76.

Молодая Гануля по садику ходила,
Калиноньку ламала,
До личика прикладала,
Батэнька ся пытала:
— Чи я буду такая,
Якъ калина тая?
«Будэшь, дитятко, будэшь,
Поки въ мэнэ будэшь,
Бо якъ пуойдэшь одъ мэнэ,
То спадэ зъ лиця краса,
Якъ одъ віэтру роса;
Высушитъ віетёръ гороньку,
А морозъ долиноньку».

77.

Нэма ксёндза вдома,
Поіехавъ до Вильбона: (Въ друг. вар. до Львова).
Ключикувъ куповати,
Церковку одмыкати,
Ганули шлюбъ давати.

Въ Докудовѣ сохранилось больше пѣсенъ, чѣмъ въ Ломазскомъ приходѣ. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ мною пѣсенъ, очевидно, мѣстнаго происхожденія, а двѣ—три изъ нихъ даже сложены въ самомъ Докудовѣ, какъ это видно изъ содержанія таковыхъ; нѣсколько же пѣсенъ — варіанты украинскихъ, которыя подъ вліяніемъ мѣстнаго говора нѣсколько видоизмѣнились. Докудовскій говоръ тожественъ съ Ломазскимъ и отличается отъ послѣдняго только тѣмъ, что въ немъ существуетъ одна звуковая особенность, которой нѣтъ въ Ломазской рѣчи, а именно: въ нѣкоторыхъ словахъ послѣ звуковъ **р** и **ч** образуется дифтонгъ і͡е: прі͡есьци, кричі͡ела, а не прасьци, кричала, какъ говорятъ въ Ломазахъ. Кромѣ того, Докудовская рѣчь еще отличается немного отъ Ломазской и лексическимъ своимъ составомъ — въ Докудовѣ говорятъ: дя́дько тѐтка, а не вуйко, стрій, цётка; причемъ слова произносятся протяжно, но не въ такой степени, какъ въ Кошолахъ. Тѣ же особенности замѣчаются и въ Кошоловскомъ говорѣ, что и въ Докудовскомъ, но въ общихъ чертахъ они тожественны съ Ломазскимъ.

Такіе же народные говоры, съ незначительными діалектическими особенностями, существуютъ и въ другихъ мѣстахъ Бѣльскаго, Радинскаго и Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ.

IV.

Лексическій составъ Ломазскаго говора—названія предметовъ и въ связи съ ними краткое описаніе народныхъ обычаевъ, повѣрій, игръ и т. п.

ЛЮДИ.

1) Мужескія имена.

Артэ́мъ, Яртэ́мъ
Банады́къ
Васи́ль—Базы́ль
Ваврýхъ (Лавръ) —
Гаврыло—Ґáбріэль
Гордіей —
Грыць — Рэгуоръ
Мы́ць, Мицько—Ґмитёръ
Гараси́мъ
Дани́ло, Дáнель
Дэмья́нъ
Дэми́дъ —
Дэни́съ
Дóрошъ (Дороѳей) —
Захáръ, Сахáръ —
Зинькó (Зиновій) —
Евтýхъ (Евтихій) —
Ивáнъ — Янъ (Часто).
Карпо —
Кирыло
Кузьмá
Кася́нъ
Кири́къ —
Кость, Костянъ—Константы́нъ.
Кундрáтъ
Корнило
Лáзаръ —
Лѐвко — Лéонъ (Левъ, Левкій).
Луць — Лукáшъ
Илья — Ляшъ
Макси́мъ
Макáръ —
Мáрко
Марци́нъ
Мацъ, Мацько—Мавтэй (Матѳей).
Мирýонъ
Михáйло—Михáлъ
Мэля́нъ (Емильянъ)
Микита
Микóла—Миколáй (Часто).
Миконóръ —
Назáръ —
Кали́шъ (Каллистъ)—
Нэсцюръ (Несторъ)

Ничи́поръ (Никифоръ)
Они́сько (Онисимъ)—
Ову́прій
Оле́кса — (Алексѣй)
Олександэръ
Ондріей
Онтуонъ
Оста́пъ (Евстафій) —
Пашко́ — Па́володъ (Часто).
Панталимуонъ —
Пота́пъ
Пэтро́ (Часто)
Полика́рпъ —
Прокуопъ
Пана́съ (Аѳанасій)
Пили́пъ
Порхи́мъ (Порѳеній)—
Вахъ (Вакхъ)—
Рома́нъ
Радько́ (Иродіонъ)—
Са́ва —
Самуойло
Сэміенъ—Ши́монъ
Собо́хъ (Севастіанъ)
Сэргіей —
Сельвэ́стэръ
Супруонъ (Софроній)—
Стэпа́нъ
Спиридуонъ —
Сакъ (Исакъ) —

Си́доръ
Тара́съ
Тихуонъ
Троць, Трохи́мъ —
Ви́кторъ
Тэре́шко (Терентій)—
Тофи́ль (Ѳеофилъ)
Харла́мпъ —
Харитуонъ —
Хома́ — Тома́шъ
Халимуонъ —
Хво́дуръ — Тедуоръ
Юрій, Юрко
Юшко, Оси́пъ—Юозво
Яшко, Яцько—Якубъ
Яки́мъ
Усьцимъ
Яруошъ (Ерофей).—
Юзэфа́тъ
Виньцю́хъ (Викентій)
Гнатъ (Игнатій)
Юхи́мъ (Ефимъ)
Борысъ
Лихвіэръ (Елевѳерій)—
Гу́рко, Гу́ринъ (Гурій)—
Урынъ (Уреанъ)—
Филь (Филъ)—
Купрія́нъ —
Уласъ, Во́лосъ (Власъ)—[1])
Олешко, Васько, Вашко —

---

1) Въ Ломазахъ и въ другихъ мѣстностяхъ существуютъ фамиліи — Волосовичъ, Волосевичъ, которыя образовались отъ имени Волосъ или же отъ Волохъ. Послѣднее предположеніе болѣе вѣроятно, такъ какъ въ Ломазской

2) Женскія имена.

Гáпа (Агафія)
Нáсьця (Часто)
Гáнна, Гáндзя (Часто).
Варвáра — Барбáра
Бу͡овдя (Евдокія)
Фрузúна (Евфросинія).
Катэрына, Кáська (Часто).
Марына
Марыська (Марья). (Часто).
Евка
Галéна (Елена). Часто.
Жóська (Софія)
Ярына (Ирина) —
Уляна
Усьцúна
Оксэ́ня (Ксенія)
Люба (Любовь) —
Мáвра —
Мокрына —
Мáрта
Матру͡она
Парáска
Палáшка (Палагея)
Салоха (Саломонія) —
Татяна
Юхúмка (Ефимія)
Харытúна —
Христúна —
Тэкля (Ѳекла)
Натáлка —
Хвэдóра, Тэдóра
Онтóха (Антонина)
Домúнка (Домника)
Онúська (Анисія) —
Мáґда, Магдалéна
Стэпанúна

Народныя личныя имена, обозначенныя чертой, прежде существовали въ Ломазскомъ приходѣ, а въ настоящее время одни изъ нихъ вышли изъ употребленія, а другія замѣнены польскими, и они только сохранились въ фамильныхъ названіяхъ, поговоркахъ, сказкахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья, гдѣ и понынѣ имѣютъ свою первоначальную народную форму [1]). Въ послѣднее время много встрѣчается именъ польскихъ у дѣтей упорствующихъ

«Люстраціи» 1566 г. встрѣчаются фамиліи переселенцевъ изъ Валахіи и Бессарабіи. На довольно значительный приливъ выходцевъ изъ Придунайскихъ княжествъ указываетъ названіе села въ Володавскомъ уѣздѣ — Волоская Воля.

1) Многія изъ старыхъ именъ, нынѣ забытыхъ или измѣненныхъ, находятся въ «Люстраціи мѣста Ломазъ 1566 року».

уніатовъ, совершающихъ требы въ костелахъ: ксендзы даютъ такія имена при крещеніи, какихъ вовсе нѣтъ въ православныхъ святцахъ: Казиміръ, Станиславъ, Карлъ, Людовикъ, Розалія, Викторія, Клементина, Францъ, Франциска и т. п. Полонизованныя имена встрѣчаются не только въ Ломазскомъ, но и въ сосѣднихъ приходахъ въ большей или меньшей степени.

3) Названія женъ по именамъ своихъ мужей: Стэпа́ниха, Василя́ха, Кузьми́ха, Ляши́ха, Банады́чиха, Яни́ха, Дани́лиха, Лукаши́ха, Собэ́шка.

4) Названія дѣтей по имени отца (отчества): Гаврилюкъ, Радчукъ, Макару́къ, Стэпаню́къ, Тарасю́къ, Кузьмичу́къ, Банадычукъ, Микитю́къ, Собэшу́къ; Василя́нка, Банады́чанка, Гаврилянка, Собэшанка.

Фамиліи.

Въ Ломазскомъ приходѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ русскаго Забужья, распространены родовыя названія съ слѣдующими окончаніями:

1) Западно-русская форма на **ичъ**, образовавшаяся изъ отчествъ: Карпо́вичъ, Саке́вичъ, Сацэвичъ, Пашке́вичъ, Шаталовичъ, Дэрлюкевичъ и т.

2) Малороссійскія (украинскія) на **енко**, **ко**: Коваленко, Пэтрученко, Сни́тко.

3) Польскія на **скій**: Ковалюовській, Соколуовській, Савицькій, Кукавській, Хмѣлевській, Лоевській [1]).

---

1) Народныя фамиліи на скій по большей части произошли отъ названія мѣстности, откуда выселились предки; дворянскія же фамиліи съ этимъ окончаніемъ образовались отъ названія родовыхъ имѣній: Верещинскіе отъ Верещинъ, Яновскіе отъ Яновъ. Но бываютъ не рѣдкіе случаи, когда свои фамиліи съ неблагозвучныхъ окончаніемъ передѣлываютъ на скій, цкій. Такое стремленіе къ измѣненію своей фамиліи замѣчается преимущественно у вышедшихъ изъ мѣщанской или крестьянской среды. То же можно сказать и относительно фамильнаго названія на ичъ: изъ какого нибудь Луцюка или Троцюка дѣлается Луцевичъ, Троцевичъ. Судя по двойному окончанію родового прозвища—Дерлюкевичъ, и въ старину передѣлывали неблагозвучныя фамиліи: сначала отъ какого-то, вѣроятно, искаженнаго литовскаго имени—Дерло образовалась мѣстная народная форма Дерлюкъ, которая впослѣдствіи измѣнилась въ Дерлюкевичъ.

4) Мѣстныя малорусскія на **укъ, юкъ**: Ярошу́къ, Панасю́къ, Тэрещу́къ, Борисю́къ, Крывчу́къ.

5) Мѣстныя малорусскія на **эць**: Сторосі͡елець, Кульгавэ́ць, Комарэ́нэць.

6) Малорусскія на **а, ъ, никъ**: Дэнэка, Морозъ, Солоду́ша, Сорока, Богу́нъ, Соду͡овникъ, Борови́къ, Сыры́чикъ.

7) Литовскія на **ло, ейко**: Кромэца́ло, Цидэ́йко, Шудэ́йко, Шенэ́йко.

Фамиліи съ окончаніемъ **ичъ** и **скій** употребляются только оффиціально въ дѣловыхъ бумагахъ; въ общежитіи же Дерлюкевича, Шаталовича, Моргуновича, Соколовскаго, Шалацкаго, Кардашевича, Голубовича, Кобчинскаго называютъ Дерлюкомъ, Шатало́мъ, Моргуно́мъ, Соколо́мъ, Шала́тою, Кардашо́мъ, Голубомъ, Кобцёмъ. Но нѣкоторыя фамиліи и въ народной рѣчи иногда употребляются съ окончаніемъ на **ичъ** и **скій**: Сави́цьки, Ковал͡юовськи, Станиле́вичъ, Кучиньськи. Въ старину родовыя прозвища употреблялись въ большинствѣ случаевъ и оффиціально въ первобытной народной формѣ, какъ это видно изъ «Люстраціи мѣста Ломазъ 1566 року», составленной по русски княземъ Сопигою (Сапѣгой), воеводой Подлясскимъ.

Фамиліи замужнихъ женщинъ оканчиваются на **иха, учка, ючка**: Карпо́вичиха, Сави́ха, Ковале́нчиха, Мо́розиха, Го́лубиха, Кобчи́ха, Шатали́ха. Кульга́вчиха; отъ Кривчукъ, Тарасюкъ, Панасюкъ — Кривчу́чка, Панасю́чка, Тарасю́чка.

Фамиліи дѣтей на **укъ, юкъ, анка, янка**: Боровичукъ, Соколю́къ, Дэрлючу́къ, Шаталю́къ, Королю́къ, Кромэцалю́къ; Борови́чанка, Василя́нка, Сача́нка, Шаталя́нка, Сави́ччанка, Кромэца́лянка. Отъ фмиліи на **юкъ**- Борисюкъ, Тарасюкъ называютъ сыновей — Борисючо́къ, Тарасючо́къ.

Въ Ломазахъ и окрестныхъ селеніяхъ и усадьбахъ встрѣчаются нѣкоторыя фамиліи не славянскаго происхожденія: Кромецало, Денека, Цидейко, Шудейко, Шаталовичъ (Шаталъ), Дерлюкевичъ (Дерлюкъ), Станилевичъ (очевидно, литовскаго); Кардасевичъ (Кардашъ) татарскаго отъ слова кардашъ-братъ;

Шульцъ, Ґиль, Эйсмундъ (нѣмецкаго). Фамиліи съ окончаніемъ на **укъ**, **юкъ**, образовавшіяся отъ личнымъ именъ или отъ уличныхъ прозвищъ, какъ отчества, распространены въ Забужномъ краѣ и въ Волынской губ., и составляютъ характерную особенность этихъ мѣстностей. Фамиліи на укъ и юкъ встрѣчаются и въ другихъ губ. Юго-Западнаго края, но только не такъ часто, какъ въ Забужьѣ и на Волыни.

Уличныя прозвища.

Кромѣ личныхъ именъ и родовыхъ названій существуетъ въ народѣ множество уличныхъ прозвищъ, выражающихъ типичныя черты людей—ихъ физическій и нравственный обликъ. Эти прозвища замѣчаются во всѣхъ возрастахъ, но наиболѣе распространены въ молодомъ поколѣніи среди мальчиковъ и парней. Изъ прозвищъ, употребляемыхъ въ Ломазахъ и окрестныхъ деревняхъ, наиболѣе замѣчательны: Вэли́ки, Сухору́ки, Билоголо́вы, Черевачъ, Носа́чъ Голова́чъ, Зикра́чъ, Наґула, Кріеса, Кульга́вы, Ле́бэдь, Лыча́къ, Шашіэръ, Калаку́тъ, Калаку́тка. Калакутами называютъ упорствующихъ уніатовъ, не посѣщающихъ православныхъ церквей.

Въ качествѣ прозвища иногда служитъ личное имя, видоизмѣняемое на разные лады: Банадыкъ—Бонады́цё, Миколай—Кайча́, Пилиппъ—Пили́пушка. Въ этомъ отношеніи особенно способно принимать разнообразныя формы имя Янъ: Ясько́, Янко́, Януне́, Янча́, Янчу́къ, Янцю́ле, Януле́.

Иногда прозвища мужчинъ переходятъ на ихъ женъ и дѣтей: Кріесиха, Кріесянка, Шашіерка, Шашируkъ, Шаши́ранка, Лебэдиха, Янцю́лиха, Янцюлю́къ, Янцю́лянка. Многія фамиліи мѣстныхъ жителэй образовались изъ прозвищъ ихъ предковъ: Кули́къ, Маза́нъ, Го́лубъ, Сокуолъ, Солоду́ша, Моргу́нъ, Шуля́къ, Соро́ка, Моро́зъ, Кобэ́ць, Шоста́къ, Бояръ, Лобода́, Луой, Борови́къ, Богу́нъ, Мэдвіедь Лебэдь, Кульгавэ́ць.

Въ личныхъ обращеніяхъ другъ къ другу употребляются только собственныя имена или же названія, означающія родство, свойство: Степанэ, Кузьмо, Стэпанку, Ганулю, сынку, кумо, кумэ, братику, сусі͡едэ, сватэ, сэстро и т. п. Названія по фамиліи очень рѣдко употребляются при личномъ обращеніи, а названія по мужу, отцу, имѣющія въ народной рѣчи характеръ прозвищъ, только употребляются заочно для обозначенія лица, семейства и рода и для этой цѣли служитъ или видоизмѣненное личное имя (Янцю́лё, Янкó, Банадыцё, Пили́пушка), или названіе по отцу или по мужу (Стэпанюкъ, Стэпаниха, Королюкъ, Короліха; или же уличное прозвище (Вэликій, Сухорукій, Вилоголовый т. д.).

Люди по національности, племени и вѣроисповѣданію.

По національности и племени: руськи, руськая, руси́нъ, руси́нка, руськіи, руси́ны; полихи́—полі͡ехъ, полі͡ешка, полишукъ, полі͡ещанка; кацáпы—кацапъ, кацапка; литвины—литви́нъ, литви́нка; козаки́—козакъ, козачка; ляхи́, ляшня́—ляхъ, поляки—поля́къ, поля́чка; жиды́, жидовá—жидъ, жиду͡овка, жидэня́та, баху́ръ, баху́рка, бахуреня́та; цыганы́—цыгáнъ, цыгáнка, цыганя́та; татары, татарва—татáринъ, татарка; мазурі͡е—мазу́ръ, мазу́рка, мазуру́къ, мазурчáнка, мазуреня́та; австріяки, ні͡емци, прусаки, волохи, ту́рки, черкесы, калмыки́, голéндры, ормьянэ.

По вѣроисповѣданію: православныи, уніяты, лацинники, католики, лютры, старові͡еры, нэдові͡ерки—жиды и татары, погáны, христія́нэ, калаку́ты.

Калакутами, какъ я выше замѣтилъ, называютъ въ Забужьѣ упорствующихъ уніатовъ, уклоняющихся отъ православной церкви. Въ свою очередь «калакуты» называютъ уніатовъ, возсоединившихся съ провославвой церковью, «сусматыками». Послѣдніе даже и не обижаются и говорятъ имъ въ отвѣтъ: «Мы сусматыки, бо въ Суса ві͡эруемо, а ві͡етэ калакуты—ни православныи, ни правдивыи католики.»

Мѣстное коренное русское населеніе въ отличіе отъ поляковъ и мазуровъ съ древнихъ временъ называетъ себя русскими (руськими), русинами же зовутъ ихъ поляки. Слово русинъ звучитъ въ мѣстныхъ говорахъ уничижительно, какъ ляхъ, жидъ, кацапъ, и рѣдко и неохотно употребляется оно въ разговорѣ. Названія—русинскій, русинская, русинское, изобрѣтенныя поляками въ Галичинѣ для отличія малоросса отъ великоросса, въ народѣ вовсе неизвѣстны, а употребляется общерусская форма этого прилагательнаго съ мѣстнымъ произношеніемъ: руськи Вэликдэнь, руськая колядá, руськи пустъ, руськи ксёндзъ и т. п. И на вопросъ, кто ты, полякъ, или полячка? Отвѣчаютъ: ніе, я рýськи, или я рýськая.

Вѣроисповѣданіе и народность неразрывно соединены между собою, такъ что, по народнымъ понятіямъ, національность человѣка опредѣляется его религіей и наоборотъ: полякъ значитъ католикъ, католикъ значитъ полякъ. Но главнымъ признакомъ народности, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, служитъ не языкъ и не племенное происхожденіе, а вѣра, которую исповѣдуетъ человѣкъ. Уніатъ или православный, перешедшій въ католичество, считается уже полякомъ, хотя бы и сохранилъ онъ языкъ и обычаи своихъ отцовъ и дѣдовъ и наоборотъ: уніатъ или православный, забывшій русскую рѣчь и говорящій исключительно по польски, называетъ себя русскимъ. Такъ напримѣръ упорствующіе уніаты считаютъ себя уже поляками, а присоединившіеся къ православію—русскими. Тэкія же понятія о народности сложились у нѣкоторыхъ нашихъ сектантовъ: субботники считаютъ себя евреями, а не русскими; духоборы и штундисты причисляютъ себя къ нѣмцамъ, а не къ русскимъ.

Названія—великороссы, малороссы и бѣлоруссы въ народной рѣчи не употребляются: бѣлоруссовъ называютъ здѣсь литвинáми; малороссовъ, произносящихъ нѣкоторыя гласныя звуки твердо, называютъ полихáми, а великороссовъ крестьянъ — кацапами, дворянъ — руськими папáми; солдатъ называютъ москаля́ми. Москалёмъ называютъ всякого солдата какого бы онъ

не былъ вѣроисповѣданія и народности и это названіе въ народной рѣчи не имѣетъ презрительнаго характера.

Названія по мѣстожительству.

Мужчины: мищанинъ, сі͡eльски чолові͡eкъ, сі͡eльскіи людэ, билянинъ, ломазэць, любэнэць, росушéць, кóшоловэць, волóдавэць, кодэнэць, докýдовэць — биляне, гущáнэ, ломазьці͡e, любеньци, вортульці͡e, росусьці͡e.

Женщины: мищáнка, сі͡eльськая баба, любэ́нчиха, кóшулувчиха, росу͡oщиха, вортульчи́ха, кодэ́нчиха, сьцидю͡oнчиха.

Мальчики: кошолувчýкъ, росущýкъ, вортульчýкъ.

Дѣвушки: любэ́нчанка, росу͡oщанка, докýдовчанка, вортульчанка, кóшулувчанка, сьцидю͡oнчанка.

Особыя названія парней и дѣвушекъ по ихъ мѣстожительству употребляются только для нѣкоторыхъ ближайшихъ мѣстностей, а для болѣе отдаленныхъ существуютъ общія наименованія мужчинъ и женщинъ: варшавя́къ, варшовя́нка; волы́нэць, волынянка; подоля́нэць, подолянка; волóдавэць, володавянка и т. д.

Люди по сословіямъ и занятіямъ.

Государи: цэ́саръ, царъ, цары́ця, корóль — кру͡oль, королева и крулёва, монáрхъ.

Дворяне: паны́—панъ, пáни, пани́чъ, пáнна.

Земледѣльцы дворяне: шля́хта—шля́хтичъ, шляхтя́нка.

Мѣщане:—мищáнинъ, мищáнка, мищанчýкъ.

Крестьяне: сі͡eльскіи людэ — сі͡eльськи чолові͡eкъ, сі͡eльская бáба.

Земледѣльцы мѣщане и крестьяне: прóстыи людэ, мужики́—мужикъ, мужичка, прóсты чолові͡eкъ, прóстая баба.

Священники, церковно-служители и ихъ семейства во время существованія уніи: пу͡oпъ, попадя́, попадю́къ, попадя́нка,

дякъ, дячи́ха, дячу́къ, дячанка, руськи ксёндзъ, руськи дзéканъ, руськи бискупъ, базыліянэ, супéріоръ, закóнникъ, прóбощъ. Католическое духовенство: пуольськи ксёнзъ, пуольськи дзеканъ, пуольськи бискупъ, арцибúскупъ, пáпежъ, капуцыны, рэформаты, паулины, езуйиты, доминиканы, орґанисты, ґвáрдіянъ, миссіонаръ.

Православное духовенство: батюшка, мáтушка, діяконъ, діякониха, благочинны, проторэй, архирэй, мэтрополитъ, манáхъ, монáшка, патріярхъ, псаломщикъ, псаломщиха, свящéнникъ, пуопъ, попадя, попадюкъ, попадянка, дякъ, дячиха, дячукъ, дячанка.

Изъ перечисленныхъ названій духовныхъ лицъ и церковнослужителой и ихъ семейства въ народѣ сохранились изъ старины подчеркнутыя наименованія. Во время существованія уніи русскія народныя названія духовенства забыты и замѣнены польскими и только послѣ возсоединенія уніятовъ съ православной церковью въ 1875 году мало-по-малу народъ началъ употреблять русскія наименованія духовныхъ лицъ съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ для болѣе легкаго произношенія.

Въ Забужномъ краѣ коренное русское населеніе раздѣляется только на три сословія: крестьянъ, мѣщанъ и духовныхъ; русскаго мѣстнаго дворянства вовсе нѣтъ—русскіе и обрусѣлые литовскіе дворянскіе роды ьъ Забужьѣ, какъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ XVI и XVII вѣкѣ ополячились и окатоличились, какъ это видно изъ историческихъ актовъ, издан. Вил. Арх. Ком., а также изъ древнихъ документовъ, хранящихся у мѣстныхъ жителей Забужной Руси. Отъ литовско-русскихъ дворянъ остались здѣсь на русскомъ языкѣ дарственныя записи для православныхъ церквей и сооруженные храмы, какъ напримѣръ въ пос. Коднѣ, Бѣльск. уѣзда, замковая С.-Духовская церковь, построенная княземъ Сапѣгой въ XVI столѣтіи и сохранившаяся до настоящаго времени въ обновленномъ видѣ. Какъ видно изъ «Дневника Люблинской уніи»—Дзялынскаго, изд. Вил. Арх. Ком., владѣльцемъ старостинскихъ имѣній—Ломазъ, Воиня, Полюбичъ

и др. былъ въ XVI в. Евстафій Воловичъ, подканцлеръ Вел. Княж. Литовскаго. За отказъ Воловича отъ присяги на соединеніе Литвы съ Польшей въ Люблинѣ 1569 г. король польскій Сигизмундъ Августъ конфисковалъ его подляшскія имѣнія и подарилъ ихъ польскому магнату Яну Тарло. По свидѣтельству архіепископа Полоцкаго Мелетія Смотрицкаго, автора «Плачъ Восточной церкви», православные дворяне Воловичи были въ числѣ первыхъ измѣнниковъ своей церкви и русской народности. Въ XVI вѣкѣ до Радзивиловъ владѣльцами г. Бѣлы были русско-литовскіе дворяне Ильинскіе, а Докудова, Вортеля — Боговиты. Послѣ перехода Ильинскихъ въ католицизмъ, одинъ изъ нихъ Иванъ Ивановичъ («Iwanowicz») построилъ въ XVI столѣтіи первый костелъ въ г. Бѣлѣ. Вотъ нѣкоторые землевладѣльцы, построившіе православныя церкви, или же надѣлившіе ихъ землею, десятинами: Павелъ Ивановичъ Сапѣга въ пос. Коднѣ 1520 г. и въ Вишничахъ 1546 г., Анна Николаевна Любецкая въ селѣ Роговѣ (Соколовск. уѣзда) 1546 г., Ярошъ Немира въ селѣ Гнойнѣ 1592 г., Павелъ Богушъ Боговитоновичъ въ Козерадахъ, нын. пос. Константиновѣ 1576 г., Иванъ Ходкевичъ въ с. Голубля, Сѣд. уѣзда, 1525 г., Иванъ Николаевичъ Даниловичъ въ г. Межирѣчьѣ, Рад. уѣзда, 1564 г., Василій Андреевичъ Полубинскій въ пос. Городищѣ (Вол. уѣзда) 1550 г., Степанъ Збаражскій въ с. Шосткѣ, Рад. у., 1551 г., князь Иванъ Шуйскій въ с. Корощинѣ 1609 г. Въ первой половинѣ XVI в. князь Хрептовичъ устроилъ русскую школу при церкви въ Мукободахъ, Сѣдл. уѣзда.

Кромѣ того, еще были и другіе дворянскіе православные роды въ Забужьи: Поцѣи, Горки или Гурки, Крупы, Копцы, Сосновскіе, Верещинскіе, Косинскіе, князья Четвертинскіе, Мирскіе и проч. По словамъ Костомарова, Христофоръ Косинскій, гетманъ украинскихъ козаковъ, происходилъ изъ подляшскихъ шляхтичей православнаго вѣроисповѣданія. Въ нынѣшней Люблинской губ. въ такъ называемой Холмщинѣ не мало было русскихъ дворянскихъ родовъ, въ числѣ

которыхъ считались и предки Богдана Хмельницкаго («Богданъ Хмельницкій», Костомарова). Православные дворяне Холмской земли, входившей въ составъ Червонной Руси, еще раньше начали ополячиваться и окатоличиваться, чѣмъ на Подляшьѣ, такъ какъ Галиція съ Холмской землей подпали подъ власть поляковъ въ половинѣ XIV вѣка; между тѣмъ Забужье въ нынѣшней Сѣдл. губ. присоединено къ Польшѣ послѣ Люблинской уніи (1569 г.). Но и въ Холмской землѣ въ XVI вѣкѣ еще оставались нѣкоторые дворянскіе православные роды, которые постепенно переходили въ католичество, и въ концѣ XVII вѣка во всемъ Забужномъ краѣ, Любл. и Сѣд. губ., не сохранилось уже историческихъ слѣдовъ о существованіи мѣстнаго русскаго дворянства («Холмская Русь», Батюшкова, «Червенскіе города», Лонгинова, а также древніе акты, изд. Вил. Арх. Ком. или сохр. у жителей городовъ и пос., Сѣдл. губ.).

Судя по географическимъ и фамильнымъ названіямъ (Бояры, Боярчукъ, Боярскій), часто встрѣчаемыхъ въ Забужьи, здѣсь въ старину существовало полусвободное боярское сословіе. Литовскіе бояре, по изслѣдованію нашихъ ученыхъ, занимали среднее мѣсто въ соціальномъ строѣ Литвы между шляхтой и мѣщанами. Бояре участвовали въ военныхъ походахъ, а въ мирное время ихъ обязанностью было возить письма, вообще быть на посылкахъ у воеводъ и старостъ. Многіе изъ бояръ за отличіе на войнѣ получили права шляхты, и не мало было въ Литвѣ боярскихъ поселковъ, превратившихся впослѣдствіи въ застѣнки польской шляхты, всегда принимавшей дѣятельное участіе въ польскихъ возстаніяхъ [1]).

---

1) Въ XVI вѣкѣ въ Берестейскомъ староствѣ, въ составъ котораго входили нынѣшній Бѣльскій и отчасти Радинскій и Володавскій уѣзды, Сѣдлецкой губ., и часть Гродненск. губ, жили въ нѣсколькихъ селахъ путные бояре, всего на 163 волокахъ. Эти боярскія села слѣдующія: Гоща, Тучная, Суходолы. Они обязаны были являться «за листомъ господарскимъ» на войну, ставя одного коня съ двухъ волокъ. Если войны не было, то платили «за вси повинности платомъ голимъ» (Довнаръ-Запольскій, Берестейск. стар. въ XVI в.).

Землевладѣльцы и ихъ служащіе (офиціалисты): дѣдичъ, панъ, дэржавця-арэндáтуръ-посэ́суръ, роньця-жоньця, окомонъ, ґуменны, ґожельникъ, пивовàръ.

Земледѣльцы: господáръ, господы́ня, ратáй, косáръ, жнэць, молотэвникъ, полóтниця.

Прислуга: пáрубокъ, діевка, пастухъ, припасичъ, овчáръ, свинопàсъ, волопàсъ, мáмка, нянька, прáчка, стóрожъ, фýрманъ, кýхаръ, лёкай, покоювка, огрóдникъ, шáфаръ, шафáрка.

Ремесленники: мáйстэръ, челя́дникъ, кравэць, швэць, гончáръ, стóляръ, тэсля, мýляръ, маля́ръ, ковáль, слéсаръ, ткачъ, бóндаръ, шкляръ, котля́ръ, ситаръ, дротя́ръ, кушніеръ, швáчка, штэльмахъ, дёхтяръ, пахтя́ръ, ризни́къ, трачъ, ры́маръ.

Торговцы: купэць, пэрэкупка, гандля́ръ, крамаръ, шинкáръ, шинкáрка, ґаляптэрникъ, пропинáторъ, корчмáръ, гапты́каръ.

По разнымъ занятіямъ: ліекаръ, ликарка, комэнюхъ, комэдіянтъ, рыбáкъ, мэльникъ, музыкáнтъ, стрэлець, бóртникъ, школяръ, ученикъ, студэнтъ, діедъ, жебрýщая баба, убóги, убóгая, поводы́ръ, прáчка, плисáкъ, лисни́къ, ґайовы, стуйкóвы, вартовни́къ.

Служащіе на государ. или общеетв. службѣ: научицель — учитэль, профэсуръ, дырэхтуръ, гинспэктуръ, попэчитель; вуойтъ, сóлтысъ, дэся́тникъ, комисáръ, начельникъ, ґубэрнатóръ бурми́стръ, лáвникъ, сэкретáръ, дилопроизводи́тэль; сэндзя — судя́, прокурòръ, комуорникъ, вóзны, пудлѣсны, надлѣсны, старóста, фэльчуръ, мэтра, пучмэйстэръ, пучталіóнъ, дóхтуръ, стрáжникъ, урадникъ, казначéй, жòндаръ.

Военные: москáль — салдáтъ, жоміеръ, козáкъ, улáнъ, карасіеръ, шашіеръ, дэнщи́къ, трубáчъ, звóдны, фэльфэбэль, гусаръ, кашовáръ, гусáръ, барабáнщикъ. Офицеры (старшинá, офицэры): сотникъ, ясаýлъ, порутчикъ, маёръ, командіеръ, пувковникъ, янаралъ, капитáнъ.

Главное занятіе мѣстныхъ жителей составляетъ сельское хозяйство — земледѣліе Всѣ почти крестьяпе и мѣщане городовъ и посадовъ (прежн. мѣстечекъ) занимаются хлѣбопаше-

ствомъ; одни только евреи преимущественно занимаются торговлею и отчасти ремеслами, не требующими большаго физическаго труда. Изъ евреевъ по большей части портные, сапожники, стекольщики, печники, маляры. Вся торговля въ рукахъ еврейскихъ. Среди евреевъ встрѣчаются и арендаторы и владѣльцы мелкихъ имѣній, въ которыхъ занимаются сельскимъ хозяйствомъ; но такихъ евреевъ, сельскихъ хозяевъ, очень мало находится въ Забужьи. Владѣніе землей здѣсь подворное и только одни пастбиша общественныя; система же хозяйства сохранилась до сихъ поръ трехъ-польная—три полïетки: паръ или ýгоръ, ярынá, жи́то (озимый хлѣбъ). У крестьянъ здѣшнихъ существуетъ обычай взаимопомощи — толокá. Идти на толоку рѣдко кто отказывается, такъ какъ не оказать помощи нуждающему считается грѣхомъ. На толоку́ созываютъ своихъ односельчанъ, когда нужно свезти хлѣбъ съ поля, привезти лѣсъ для постройки хаты, вспахать или засѣять поле, перевезти постройки на другое мѣсто и т. п. По окончаніи работы, хозяинъ угощаетъ принявшихъ участіе въ толокѣ, но бываютъ нерѣдко случаи, что нѣкоторые крестьяне отказываются отъ водки и закуски и уходятъ домой. Въ случаѣ пожара, наводненія и т. п. крестьяне охотно помогаютъ пострадавшимъ хлѣбомъ, работой, кредитомъ безъ процентовъ и т. п. Бездѣтные родители часто усыновляютъ сиротъ — мальчиковъ и дѣвочекъ, или берутъ ихъ на воспитаніе, пока малолѣтни.

Кромѣ хлѣбопашества, среди мѣстнаго русскаго населенія существуютъ нѣкоторыя отрасли кустарной промышленности: въ каждой крестьянской и мѣщанской хатѣ бабы ткутъ холстъ и сукно для домашняго употребленія, а излишекъ для продажи на ярмаркахъ; для собственной надобности въ хозяйствѣ плетутъ изъ лозы корзины, а изъ соломы короба и стужки для зерна и муки; приготовляютъ изъ дерева земледѣльческія орудія—грабли, лопаты, сохи, а также корыта, ложки, ткацкіе станки — крóсна. Въ городахъ, посадахъ и деревняхъ бываютъ изъ православныхъ и католиковъ мельники, кузнецы, плотники, скорняки, горшечники,

сапожники, портные. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужнаго края развилась какая-нибудь особая отрасль кустарной промышленности, такъ напр. въ г. Соколовѣ всѣ почти мѣщане занимаются выдѣлкой овчинъ; въ пос. Коднѣ находится много сапожниковъ, изготовляющихъ для продажи на ярмаркахъ простые сапоги; въ г. Бѣлгораѣ, Любл. губ., мѣщане католики и православные дѣлаютъ сита. Бѣлгорайскіе ситари снабжаютъ своимъ товаромъ весь Привислянскій край, всю сѣверо-западную и юго-западную Россію, Кавказъ, Малороссію, Новороссію и вывозятъ сита за границу—въ Галицію и Румынію. Торговлей мѣстное коренное населеніе русское и польское не занимается; только нѣкоторые изъ крестьянъ покупаютъ на ярмаркахъ воловъ, откармливаютъ и продаютъ ихъ съ барышемъ евреямъ на убой. Здѣсь существуютъ и нѣкоторые отхожіе промыслы: кромѣ вывозки ситъ въ разныя мѣстности Россіи и за границу, нѣкоторые бѣдные крестьяне отправляются на плисъ, т. е. на рѣку Вислу сплавлять плоты въ Гданскъ (Данцигъ). Но этотъ промыселъ практиковался въ Забужьи въ прежнія времена чаще, а теперь очень рѣдко. Въ селѣ Корницѣ (Сѣдл. губ.) крестьяне продаютъ бѣлую глину вальками и развозятъ ее для продажи по всѣмъ деревнямъ и посадамъ Забужья, Сѣдл. губ.

Что касается государственной и общественной службы, то до послѣдняго польскаго возстанія (1863 г.) всѣ должности, начиная съ самыхъ низшихъ и кончая самыми высшими, были заняты исключительно поляками католиками; а если же случайно кто нибудь изъ уніатовъ или православныхъ попадалъ въ чиновничью среду, то переставалъ быть русскимъ, женившись на полькѣ, и дѣлался настоящимъ полякомъ католикомъ, а иногда даже ярымъ патріотомъ, и во время повстанья сыновья этихъ ренегатовъ сражались съ русскими войсками за Польшу, желая возстановить Рѣчь-Посполитую отъ Балтійскаго до Чернаго моря и отъ Карпатскихъ горъ до предѣловъ Московской губ. Съ подавленіемъ мятежа картина перемѣнилась: всѣ высшія и даже низшія должности были предоставлены русскимъ, прибывшимъ

изъ Имперіи, а по мѣрѣ распространенія русской грамотности и образованія въ Забужномъ краѣ, стали выходить изъ мѣстнаго кореннаго русскаго населенія учителя нар. училищъ, писаря, письмоводители, дѣлопроизводители, судьи, судебныя слѣдователи, и т. п. Въ числѣ учителей гимназій и даже профессоровъ университетовъ въ настоящее время встрѣчаются уроженцы Сѣдл. и Люблин. губ.

Послѣ перехода православныхъ дворянъ землевладѣльцевъ въ католичество, въ концѣ XVII вѣка польское землевладѣніе водворилось повсемѣстно въ Забужной Руси и господствовало вплоть до половины 60-хъ годовъ XIX вѣка, и польскіе помѣщики — потомки русскихъ и литовскихъ князей и бояръ и природные поляки католики содѣйствовали ополяченію и окатоличенію мѣстнаго русскаго народа, распространяя въ своихъ имѣніяхъ церковную унію и строя множество костеловъ и католическихъ монастырей разныхъ орденовъ.

До половины 60-хъ годовъ помѣщики католики были патронами или колляторами правосл. и уніатск. церквей и назначали на приходы священниковъ по своему усмотрѣнію.

Послѣ усмиренія польскаго бунта (1863 г.) нашимъ правительствомъ было положено въ Забужьи и вообще въ Привислинскомъ краѣ начало русскаго землевладѣнія: были розданы на правахъ майоратовъ казенныя имѣнія русскимъ дворянамъ, преимущественно военнымъ, за заслуги по умиротворенію края; а также проданы на льготныхъ условіяхъ по-духовныя имѣнія лицамъ православнаго вѣроисповѣданія. Владѣльцы майоратныхъ имѣній въ большинствѣ случаевъ сами не хозяйничаютъ, а отдаютъ ихъ въ аренду; владѣльцы же по-духовныхъ имѣній, за рѣдкими исключеніями, сами занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, лѣтъ 35 тому назадъ возникло въ Привислинскомъ краѣ русское землевладѣніе и не малое число русскихъ помѣщиковъ приходится и на русское Забужье, гдѣ существовало довольно много казенныхъ и по-духовныхъ имѣній, принадлежавшихъ приходскимъ костеламъ и католическимъ мона-

стырямъ разныхъ орденовъ. Приходскіе уніатскіе священники, кромѣ базиліанъ, не имѣли крѣпостныхъ крестьянъ, какъ латинское духовенство, владѣвшее помѣстьями и получавшее десятину не только со своихъ прихожанъ католиковъ, но и съ русскихъ, принадлежавшихъ къ уніатскому или православному приходу. Изъ-за этой десятины, незаконно получаемой ксендзами, велись постоянные споры и тяжбы между русскимъ и польскимъ духовенствомъ въ теченіе чуть ли не 300 лѣтъ, пока, наконецъ, правительствомъ нашимъ въ царствованіе императора Николая I-го не воспрещено было католическому духовенству взимать незаконные поборы съ русскихъ прихожанъ Холмской уніатской епархіи [1]).

Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права (1861 г.) много польскихъ помѣщиковъ въ Забужьи, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи, разорилось, и свои имѣнія начали продавать или сами или въ большинствѣ случаевъ съ аукціона за неплатежъ долговъ въ банки. Главными покупателями такихъ имѣній бываютъ мѣстные болѣе зажиточные крестьяне, которые обыкновенно пріобрѣтаютъ помѣщичью землю по частямъ. Въ числѣ такихъ мелкихъ владѣльцевъ крестьянъ не мало находится и крестьянъ католиковъ, переселившихся сюда изъ разныхъ мѣстностей привислинскихъ губерній. Такимъ образомъ, въ послѣднія десятилѣтія появились польскіе поселки среди сплошного русскаго населенія Бѣльскаго и Володавскаго уѣзда, гдѣ польскій элементъ сравнительно съ русскимъ до 60 годовъ былъ незначителенъ. Такое усиленіе польскаго элемента въ послѣдніе годы способствуетъ къ ополячиванію нѣкоторыхъ мѣстностей Забужнаго края. Благодаря распродажѣ имѣній обѣднѣвшихъ польскихъ пановъ, а также предоставленнымъ правамъ для лютеранъ наравнѣ съ православными на пріобрѣтеніе недвижимаго имущества, въ 60 и

1) Еще въ 1840 году латинское духовенство взимало десятину съ 59 русскихъ приходовъ. («O dziesięcinach kościelnych na Rusi», Поцѣя. Варшава 1845 г.).

70-хъ годахъ прошлаго столѣтія открылась широко дверь для нѣмецкой колонизаціи Привислинскаго и Юго-Западнаго края. Нѣмецкія колоніи появились съ того времени и въ Забужномъ краѣ, Люблин. и Сѣдл. губерніяхъ.

Люди по возрасту.

Людя́ — людэ: дитя́, дити́на, дзэ́цко[1]), хлопэць, чолові̑екъ, ді̑едъ, ді̑евчина, ді̑евка, молоди́ця, кобі̑ета, баба.

Великаны и карлики. По народному повѣрію, въ первобытныя времена люди были великанами (велькolю́дами), которымъ показались бы мы маленькими карликами, и могли-бъ они разсматривать насъ на своей ладони. Родъ человѣческій постепенно мельчаетъ и пройдутъ вѣка и передъ концемъ міра будутъ такіе маленькіе люди, что нынѣшній человѣкъ показался бы имъ великаномъ и могъ бы нѣсколько такихъ человѣчковъ взять себѣ въ руку и положить въ карманъ, какъ маленькихъ птичекъ. Въ Бѣльскомъ замкѣ находилось китовое ребро, привинченное къ наружной стѣнѣ, и народъ былъ убѣжденъ, что эта громадная кость принадлежитъ человѣку-великану, когда то жившему на землѣ. Это сказаніе могло сложиться въ народѣ на основаніи находимыхъ иногда огромныхъ костей допотопныхъ животныхъ и скелетовъ людей необыкновеннаго роста.

Судьба-доля. По народному вѣрованію, каждому человѣку при его рожденіи опредѣлена свыше судьба или доля. Хотя это вѣрованіе не такъ глубоко вкорснено въ убѣжденіи народномъ, какъ у мусульманъ, но тѣмъ не менѣе, въ случаѣ какого нибудь несчастія всегда говорятъ: такая его доля. Это вѣрованіе часто выражается въ народныхъ пѣсняхъ.

Смерть. По народному воображенію, смерть представляется

---

1) Дзѣцко и кобіета (замужняя женщина) польск. dziecko, kobicta; слово дзѣцко встрѣчается въ Несторовой лѣтописи: «съ дѣтьскимъ святославомъ».

старой костлявой бабой съ косою, и въ одной народной пѣснѣ говорится: Смэрть надо мною стоитъ съ косою, а нэма обороны и т. д. Когда душа выйдетъ изъ тѣла, то ея добрыя и злыя дѣла взвѣшиваютъ на вѣсахъ: ангелъ хранитель кладетъ на правую чашку вѣсовъ всѣ добродѣтели, а діаволъ на лѣвую всѣ грѣхи. Если добродѣтели перевѣсятъ грѣхи, то ангелъ уноситъ душу въ царство небесное, причемъ ангелъ очень радуется, а діаволъ печалится и наоборотъ: когда грѣхи перевѣсятъ добрыя дѣла, то діаволъ уноситъ душу въ адъ и очень радуется, а ангелъ отходитъ печальнымъ. Во время взвѣшиванія добрыхъ и злыхъ дѣлъ человѣка, ангелъ съ бѣсомъ поднимаютъ споръ — кому должна принадлежать душа, и чертъ нерѣдко вскакиваетъ на лѣвую чашку вѣсовъ, чтобъ перевѣсить правую, но ангелъ хранитель въ такихъ случаяхъ отгоняетъ бѣса и старается всѣми силами защитить грѣшную душу, если за ней замѣчались и добрыя дѣла. Такое представленіе народа о борьбѣ ангела съ діаволомъ, вѣроятно, получено изъ картинъ, встрѣчаемыхъ въ церквахъ и на ярмаркахъ.

Въ дер. Любенкѣ существуетъ обычай бросать вѣтки на могилу убитаго и когда набросаютъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль большую кучу хворосту, то ее сжигаютъ. Каждый мальчикъ, проходя мимо этой могилы, бросаетъ вѣтку и говоритъ: «забитый, забитый, на тобіе лозу».

Русалки-русавкі. Въ Забужьи, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и славянскихъ земляхъ, въ народѣ сохранилось древнее славянское повѣріе о русалкахъ. Въ Докудовѣ говорятъ, что русавкі появляются весной въ хлѣбахъ, когда рожь цвѣтетъ (якъ жито ру́нитъ) и если кого поймаютъ, то начнутъ щекотать до тѣхъ поръ, пока не защекочутъ до смерти. Русавки представляются воображенію народному русоголовыми дѣвочками (русявыми); ими матери стращаютъ своихъ дѣтей: «Нэ йди въ жито, а то васъ русавки заґидзикаютъ»! Чтобы русавки не дѣлали вреда, докудовцы освящаютъ на полѣ хлѣбъ, и послѣ освященія онѣ изсчезаютъ съ полей, по вѣрованію народа.

Родство и свойство.

Симья́ и ру͡одъ: рôдичи-батько, родичъ, отэць, мати, нэру͡одны батько, ойчи́мъ, нэру͡одная мати, ма́чоха. Д͡іети и па́сэрбы— сынъ, дочка́, па́сэрбъ, па́сэрбиця. Братъ, сэстра, цётка, дядько, дя́дина, вуйко, стрый, брата́нэць, сэстрэнэць, прадидъ, д͡іедъ, баба, правну́къ, внукъ, правнучка, внучка, своя́къ, крэвны, крэвная, кумъ, кума́, хрэсны батько, хрэсная мати, хрэсны сынъ, хрэсная дочка́, Молоды́й, молоду́ха, сва́ха, сва́шка, дру́жка, чолов͡іекъ и жу͡онка, зять, нэв͡іестка, свэкоръ, свэкруха, тэсть, тэща, шва́ґоръ. Близнюки́—близнюкъ, близню́чка. Бастру́къ и бастру́чка. Сирота́, пріймачъ, году́нъ, году́нка[1]).

Свадьба—вес͡іеле. У крестьянъ и мѣщанъ земледѣльцевъ свадьбы обыкновенно бываютъ осенью послѣ Покрова, когда окончены всѣ полевыя работы. Покрова — д͡іевка готова, говорятъ крестьяне. И эта народная поговорка ясно указываетъ на время свадьбъ. Родители, желающіе женить сына, посылаютъ его со сватами «въ дивоспу́бы», а потомъ «па заручины». Если дѣвушка съ согласія своихъ родителей дастъ слово выйти замужъ, тогда начинаютъ приготовляться къ свадьбѣ: рѣжутъ корову, колютъ свинью, закупаютъ много водки и пива и въ одно изъ воскресеній играютъ свадьбу. Въ субботу пекутъ коровай, а женихъ и невѣста въ сопровожденіи дружковъ и дружекъ ходятъ по хатамъ, кланяются низко каждому и просятъ на свадьбу: «Просятъ тато и мама на вэс͡іеле и я прошу». Женихъ и невѣста ходятъ приглашать на свадьбу не вмѣстѣ, а отдѣльно: женихъ съ лентой на груди, а невѣста съ распущенными волосами, убранными лентами, барвинкомъ или рутой. Прежде всѣ молодые такъ убирались, а теперь многіе уже начали подражать мѣщанамъ уѣзд-

---

1) Въ памятникахъ древняго русскаго языка встрѣчаются подобныя названія: вуй, стрый, пасербъ, пасербица, братаничь (Дьяченка «Полн. церк.-слав. словарь». Москва, 1899).

ныхъ городовъ въ головномъ уборѣ и даже въ платьѣ. Въ воскресенье съ музыкой ѣдутъ или идутъ въ церковь вѣнчаться. Послѣ вѣнчанія молодые съ дружками, сватами отправляются къ родителямъ невѣсты на обѣдъ, а вечеромъ всѣ гости съ молодыми приходятъ въ домъ жениха и свадебный пиръ продолжается здѣсь три дня. Гости приходятъ на свадьбу съ хлѣбомъ. Угощеніе сопровождается оживленнымъ разговоромъ, пѣніемъ, музыкой; молодежь въ сѣняхъ или на дворѣ танцуетъ. Подаютъ на столъ много кушаньевъ и напитковъ: жаркое, борщъ, кашу, студень, колбасы, водку, пиво и т. д. Свадьба обходится не дешево: бѣдному до 50, съ среднимъ достаткомъ до 100, а богатому до 150 руб. Во время свадьбы молодицы и дѣвушки поютъ, когда пекутъ коровай, при расплетаніи косы у невѣсты, при выходѣ изъ хаты молодыхъ, при ихъ встрѣчѣ и т. п. Вообще всѣ важные моменты свадьбы сопровождаются народными пѣснями. Въ Ломазскомъ приходѣ свадебные обычаи въ настоящее время упростились и немного ихъ осталось изъ старины — всѣ норовятъ дѣлать на городской ладъ или «по-шляхецьки», какъ здѣсь выражаются. Здѣсь замѣчается и меньше народныхъ свадебныхъ пѣсенъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Забужья.

Куница или куна́. Въ прежнее время, когда было крѣпостное право, существовалъ народный обычай ходить къ своему пану на второй день свадьбы съ куной или куницей. Первый собиратель народныхъ малорусскихъ пѣсенъ на Подляшьи Войцицкій помѣстилъ въ своемъ сборникѣ «Pieśni Ludu» слѣдующую пѣсню, записанную имъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ дер. Выгнанка, Бѣльскаго уѣзда, Подляшскаго воеводства:

Мы идэмо съ куницу
И зъ ярою пшеницу
Одъ свого господара
До пана дѣдича.
Ѣдтэ, сватовэ, въ двуръ,
Допчитэ зэленый мармуръ

Корками, подковками,
Жолтыми чоботками.
Подякуймо Богу и пану,
И ксёндзови своему,
Же насъ звинчалъ,
А панъ нэмножко взялъ:
Лицарскую копу
За Ганулину косу.
Подякуймо Богу и пану,
И ксёндзови своёму,
Же насъ звинчалъ,
А панъ нэмножко взялъ:
За мэнэ молодую
Червоньця червоного
Одъ Лукашка молодого.

Въ примѣчаніи Войцицкій говоритъ, что эта пѣсня очень древняя и затѣмъ описываетъ обычай ходить съ куницей: «Когда молодые повѣнчались, братъ невѣсты и «вэсильный маршалокъ», взявъ пѣтуха и коровай въ цвѣтной платокъ или «ручникъ», отправлялись къ своему пану и пѣли ему пѣсни». Этотъ народный обычай во время крестьянской свадьбы я видѣлъ въ 60-хъ годахъ въ селѣ Кошолахъ, Бѣльскаго уѣзда. Здѣсь его называютъ «кунóю». Въ старину, очевидно, носили въ подарокъ своему помѣщику куницу, какъ особую установленную дань, замѣнившуюся впослѣдствіи пѣтухомъ и караваемъ. По словамъ изслѣдователей древнихъ денегъ на Руси, куна́ или куница была свадебная повинность, существовавшая въ Литвѣ въ XVI столѣтіи.

Животныя.

Домашнія животныя: рогатый скотъ (бы́дло, добы́токъ)—ву͡олъ, быкъ, буга́й, корова, тэлушка, ялóшка, тэля́, я́ловая и

тіельная корова. Кóни—куопь, óґеръ,—жерэбэць, кобы́ла, жеруобна кобы́ла, жеруобка, жерэбья́. Овэчки́—бара́нъ, овэчка, шу́хна, т р ы к ъ, ягня́. Сви́ни-свиня́, вэпóръ, вэприкъ, кéрнозъ, порося́. Собáки—собака, су́ка, цюхъ, пэсъ, щеня́, цуцэня́ Кóзы-коза́, козёлъ, козэня́. Коты́-куотъ, куошка, котэня́. Осёлъ, вэрблю́дъ, бу́йволъ.

О верблюдахъ и буйволахъ крестьяне слыхали отъ солдатъ, побывавшихъ на Кавказѣ или въ Туркестанѣ; ослы иногда бываютъ у помѣщиковъ, а козъ держатъ жиды. Въ прежнее время до 70-хъ годовъ мѣстные сельскіе хозяева исключительно пахали волами, но въ послѣдніе двадцать лѣтъ начали употреблять для этой цѣли лошадей, и теперь большинство пашутъ коньми.

Дикіе звѣри: вовкъ, вовчиця, вовченя́; мэдвіедь, лисъ, тхуоръ, лось, д з и к ъ[1]), сáрна, зáяць, йіежъ, вы́дра, куна́, борсу́къ, мышь, кожáнъ, щуръ, дикая коза́, собуоль, левъ, нáвпа, вэвьюорка, éлень.

Домашнія птицы: ку́рэ—ку́рка, ку́рыця, піевэнь, калаку́тъ, калаку́тка, каплу́нъ, ципленя. Качки́—кáчка, кáчуръ, каченя. Гуси-гусь, гусáкъ, гусэня́. Гóлубъ, голу́бка, инды́къ, цисáрка, пáвичъ, павичка.

Дикія птицы: воробіей, соловіей, сини́ця, ріеполуска, жаворонóкъ, лáстувка, буцёнъ, жовтобру́шка, ворóна, к р у к ъ, сорóка, коропáтва, пэрэпэли́ця, тэтэра, книгавка, зазу́ля, дроздъ, чáпля, журавэль, бэкасъ, красóха, сорокуошъ, крутоголóвэць, сокуолъ, дзіерба, орóлъ, ґáня, я́струбъ, сова́, пугáчъ, гу́пачъ, пуотькачъ, дэркачъ, водяная ку́рочка, шпакъ, рэмэзъ, краголéць, дя́тёлъ, суойка, лéлякъ, жолна́, шуля́къ, ю́нчакъ, дикая гусь, дудóкъ, лебэдь. к á в к а[2]), бэрэстя́нка, куосъ, дикая кáчка, чирáнка, сьмитю́хъ, кобы́лка, коршу́нъ.

Рыбы: щ у п á к ъ, щу́чка, карáсь, плоти́ця, язь, линъ, карпъ, óкунь, вьюнъ, пи́скоръ, йіершъ, сопу́хъ, козу́ля, сомъ, сэлéдэць, лящъ, саморуодка.

---

1) Дзикъ польск. dzik—дикій кабанъ; кернозъ—малор. кнорозъ.

2) Кáвка, польск. kawka-галка; въ Херс. губ. гáва.

Гады: жа́ба, ко́ропъ, пра́чикъ, я́щурка, ужъ, змiя́, гадъ, га́дина, черэпа́ха.

Насѣкомыя: пщола́, ма́тка, тру́тэнь, му́ха, чмі͡ель, мо́шка, ґезъ, бомкъ, кома́ръ, прусъ, таранъ, стоно́га, саранча́, слипа́къ, оса́, роба́къ, че́рва, хрущъ, му͡оль, глистъ, моты́ль, свэрсту́нъ, ко́никъ, вошь, блоха́, плюска, гнида, плавунэць, жукъ, ше́ршень, музыка́нтъ, козя́вка, свэрку́нъ, мура́ха, кли͡ещъ.

Ра́ки, павуки́, слима́къ, пьявка.

Народныя повѣрія о нѣкоторыхъ животныхъ.

Въ отдѣлѣ «Образцы Ломазскаго говора. Народные разсказы» я привелъ нѣкоторыя повѣрья о животныхъ, такъ, напримѣръ, о происхожденіи волка, аиста, медвѣдя, о чертовой сестрѣ сорокѣ и совѣ, которую вѣшаютъ въ конюшняхъ, чтобы чертъ не ѣздилъ на кобылѣ. Кромѣ того, существуютъ у народа слѣдующія примѣты и повѣрья:

Собаки. Вой собакъ предвѣщаетъ пожаръ.

Кошка. Когда кошка умывается, значитъ, что гость придетъ. Нѣкоторые крестьяне отрубливаютъ хвостъ у котовъ, думая, что въ нихъ сидитъ нечистый духъ.

Сычъ-пу͡отькачъ. Если сычъ сядетъ на чью-нибудь хату и начнетъ кричать, то непремѣнно кто нибудь умретъ въ ней.

Кукушка-зазуля. Если кукушку первый разъ кто услышитъ, то нужно считать сколько разъ она прокукуетъ, столько и лѣтъ останется жить человѣку. Если въ карманѣ будутъ деньги, когда первый разъ услышитъ, какъ кукуетъ кукушка, у того никогда не переведутся деньги; а если денегъ не было, то на всю жизнь останется бѣднымъ. По повѣрію народа, кукушка послѣ Петра и Павла превращается въ ястреба.

Летучая мышь-кожанъ. Когда мышь съѣстъ «свячоного» на Пасху, то превращается въ летучую мышь или кожана́, и всѣ

увѣрены, что кожанъ дѣлается изъ мыши, попробовавшей чего нибудь изъ пасхальнаго стола.

Пчелы. Пчелы пользуются большимъ уваженіемъ у крестьянъ, такъ какъ онѣ дѣлаютъ для человѣка медъ, а для Бога воскъ и потому считается грѣхомъ убить пчелу или сказать, что пчелы подохли, а нужно говорить, «вмерли», какъ выражаются о христіанахъ.

Гады. Ужей и змѣй вмѣняется въ обязанность убивать, и за это Богъ проститъ грѣхи. Поэтому аистовъ, которые, говорятъ, глотаютъ ужей и гадюкъ, считаютъ благодѣтелями, уважаютъ ихъ и любятъ и никогда ихъ не преслѣдуютъ и не обижаютъ, считая за счастіе, если они совьютъ гнѣздо на чьей нибудь хатѣ или клунѣ.

Языкъ у животныхъ. По повѣрію народа, животныя имѣютъ свой языкъ, какъ и человѣкъ, но ихъ разговора люди не понимаютъ.

Вырій или Выріе. Теплую страну, куда птицы улетаютъ на зиму и откуда возвращаются къ намъ весною, называютъ Выріемъ, и говорятъ: «Гуси полетіели до Вырія; журавліе летятъ изъ Вырія». Что за слово Вырій—какого оно этимологическаго происхожденія, неизвѣстно; Аѳанасьевъ въ своемъ сочиненіи «Поэтическія возрѣнія древнихъ славянъ на природу» сближаетъ Вырій со словомъ рай. Вирій, древн. рус. ирии (Въ поуч. Владимира Мономаха «изъ ирья»)—очевидно, названіе первобытной родины славянъ и другихъ арійскихъ народовъ, переселившихся въ до-историческія времена въ Европу.

Части человѣческаго тѣла и животнаго.

Головá, шія, рýки, нóги, грýди, живуотъ чéрэво, хрибэтъ, буокъ, рэбрó, хвуостъ, жúла, куость, мóзокъ, шпиѓъ, кровъ, сýкровиця, юхá, шкуора, хращъ, вòлосы и волуосе, пэра и піерье, лускá, щетúна, вóвна, шерсть, пухъ, горбъ, мнясо.

Части головы: тваръ, мо́рда, черэпъ, поты́лиця, ті͡емэне, о́чи, у́ха, лобъ, ну͡осъ, ну͡оздры, ро́ги, че́люсть, що́ки, ротъ, гу́ба, ры́ло, жоло́, у́сы, пыскъ, чубъ.

Части рта, шеи. руки и ноги: зубы, горло, ґардзю͡олка, ґа́ґавка, грыва, пащёнка, плече́, лу͡окоть, доло́ня, па́льци, мизи́нэць, стэгно́, голёпа, пьята́, подо̀шва, пазу́ръ, колі͡ено, язы́къ, поднебе́не, лопа́тка, копы́то, крыло́, дзюбъ, воле, пудво́ле, лапа, жабры. Бро̀вы, чолові͡ечки, ві͡еки, билки. Поясни́ця, кишки́, ке́ньдюхъ, калду́нъ, сэрцэ, слязь, пухі͡еръ, мырка, жовчъ, вымэне, цицьки́, пэчу͡онка-онтроба леткая и тяжкая.

Кадыкъ-ґаґавка. Происхожденіе кадыка объясняетъ себѣ народъ слѣдующимъ образомъ: когда Адамъ въ раю взялъ отъ Евы яблоко, чтобы его попробовать, то во время ѣды поперхнулся и яблоко у него застряло въ горлѣ, и съ тѣхъ поръ всѣ люди рождаются съ Адамовымъ яблокомъ (зъ ґаґавкою).

Растенія.

Плодовыя деревья: я́блыня, гру́ша, сли́вка, ви́шня, чере́шня.

Плоды: яблыко, гру́шка, сли́вка, орі͡ехъ, фиґа.

Сорты грушъ: билу́ха, червону́ха, камэну́ха, вислу́ха, воинка, сапежа́нка, па́нна.

Лѣсныя деревья: со́сна, бэрэя́къ, хвои́на; бэрэза, бэрэзина; у͡ольха, ольши́на, дубъ и дубина, грабъ и граби́на, сокоры́на, топу͡оль, вэрба и вэрби́на, клю͡онъ, и́ва, я́сюнъ, оси́на, бэрэстъ, яли́на, я́воръ, ли́па, орабъ, кошла́къ.

Кусты и ягоды: лещи́на, шепши́на, бэзъ, яловэць, хворо́стъ, жовтолы́чка, дэрэза́, молоки́та, черэ́мха, сморо̀дина, поры́чки, я́ґрэстъ, круши́на, черни́ця, мали́на, ожи́на, журавли́ны, лохи́ны, баранюхи, позю͡омки, вовчи я́гуды, калина, рабина, виноградъ.

Цвѣты: ро́жа, очи́токъ, барви́нокъ, ґира́нія, ру́та, ґо́здика, розма́ринъ, мацёра́нка, чибре́ць, я́скры, румья́нокъ, лилія, бахрі͡е, повуо͡йка, пивонія, ґо́зьдики, ґеорґиня.

Хлѣбныя растенія: жи́то, пшени́ця, овэсъ, ячмі͡ень, про́со, горо́хъ, сачеви́ця, грэчка.

Огородныя растенія: карто́фли, капу́ста, бураки́, мо́рква, бру́ква, цибу́ля, часны́къ, рі͡епа, рэдька, ды́ня, гарбу́зъ, ты́ква, пастэрна́къ, бу͡объ, шлапа́къ, фасо́ля, пэтру́шка, шала́та, хрі͡енъ, чорну́шка, гурки́, кру͡опъ.

Травы, зелье и другія растенія: пирі͡ей, костэрэва, митла́, бле́кутъ, чортополо́хъ, бодя́къ, ризо́ха, конюши́на, куку͡оль, подоро́жникъ, копы́тникъ, сварыбаба, ситникъ, со́сэнька, хву͡ощка, копры́ва, лата́те, плишни́къ, лобода́, щаву́хъ, слипу͡отка, горо́шокъ, вэрэсъ, лопу́хъ, пову͡ойка, бахо́ръ, осо́ка, тростина́, мони́стъ, бу́здэрэве, любы́стокъ, шпоры́хъ, мохъ, лиша́й, па́пороть паску́дникъ, зазу́лина трава.

Грибы-губы: грыбъ, козакъ, маслю́хъ, рэшетня́къ, красноголо́вэць, мухомо́ра, синя́къ, пу́рхватка, червону́ха, рыжо́къ, опэ́ньки, плиски́.

Масличныя растенія: лёнъ, коно́пли, рыпа́къ.

Садоводство. Мѣстные жители, какъ вообще всѣ малоруссы, любятъ возлѣ своихъ хатъ разводить сады, и рѣдко у кого не бываетъ посажено нѣсколькихъ плодовыхъ деревъ и ягодныхъ кустовъ.

Части растеній: ко́рэнь, корі͡ене, вэрхъ, голя́ка, сукъ, кора́, оболо́не, сэрэдина, лубъ, стэбло, колосъ, ру́но, цві͡етъ, ли́сьце, колі͡еньце, ботви́не, хмэли́на, сьципи́ре, лупи́на. Дупло́, стэрно́, пэнь, лы́ко. Сі͡емэне, зэрно́, ядро́, ши́шка, стручо́къ, смола́, живи́ця, су͡окъ, клі͡ей, гу́бка, ра́ло, кошута́.

Ископаемыя.

Земли: чорная, писо́къ, гли́на, мулъ, сапъ, щі͡ерэць, ва́пно.

Камни: ка̂мэнь, камі͡ене, кра́мэнь, ма́рмуръ.

Металлы: зэлі͡езо, мі͡едь, о́лово, срі͡ебло, зо́лото, сталь.

Минералы: су͡оль, сі͡ерка, галу́нъ, крэйда, комфо́ра.

Земля. Земля, по убѣжденію народа, плоская, круглая и стоитъ на водѣ. Къ землѣ относятся съ уваженіемъ и любовью, называя ее святой землицей; а когда по утрамъ и вечерамъ молятся, то цѣлуютъ ее, какъ какую нибудь святыню.

Камни. По увѣренію нѣкоторыхъ крестьянъ, камни, находящіеся на поляхъ, выросли изъ земли.

Перунова стрѣла. Окаменѣлости въ видѣ конуса, находимыя нерѣдко въ землѣ, называются пэруновыми стріэлами на томъ основаніи, что когда «Пэрунъ ударитъ, то стрилá летитъ въ въ зэмлю».

Вода, огонь, воздухъ.

Состояніе воды: водá, окруопъ, пáра, стюонъ, люодъ.

Виды воды: морэ, рикá, сáджавка, езёро, затóка, плесъ, калюжа, ярýга, крыниця, колóдэзь, жерэлó, болóто—багнó.

Огонь — огóнь, дымъ, и́скра, пóламэне, жаръ.

Воздухъ — повіетрэ, духъ, запáхъ, сморуодъ.

Явленія природы: дощъ, сніегъ, шадъ, росá, градъ, мгла, óболоко, хмáра, віетёръ, бýра, вѝхоръ, груомъ—гримóты, блискавка, пэрунъ, тэнча, тэплó, хóлодъ, морозъ, одли́га, ростэча, мэтэлюга, завирýха, віейка.

Вѣтеръ. Если сильный вѣтеръ дуетъ и свищетъ, то говорятъ, что кто-то повѣсился.

Вихрь. Вихрь производитъ, по убѣжденію народа, чертъ, который несетъ и крутитъ песокъ и листья. Крестьяне, замѣтивъ приближающійся къ нимъ вихрь, усердно крестятся, чтобы бѣсъ не сдѣлалъ имъ какого нибудь вреда.

Громъ. Громъ объясняютъ тѣмъ, что святый Илья ѣздитъ по небу и производитъ грохотъ. Когда гремитъ, то дѣтямъ говорятъ: «Бозя сварытьця».

Молнія - блискавка. Когда сверкаетъ молнія (блискáе), то говорятъ, что это небо раскрывается и показывается людямъ; когда она ударитъ, то говорятъ, что «пэрунъ удáрывъ».

Радуга-тэнча. Думаютъ, что радуга пьетъ воду изъ моря, чтобъ сдѣлать запасъ для дождей.

Свѣтила небесныя.

Сóньце, сóнэчко, міесяць, зорá, митлá.

Созвѣздія: гостúнэць, вуозъ, кýрочка, косаріе.

Луна-міэсяць. Пятна на лунѣ изображаютъ собою, по мнѣнію народа, Каина, держащаго Авеля на вилахъ.

Комета—митла. Всѣ убѣждены, что кометы непремѣнно предвѣщаютъ народное бѣдствіе — войну, моръ и т. д. Въ подтвержденіе своего мнѣнія указываютъ на войны, на канунѣ которыхъ всегда появлялись кометы.

Падающія звѣзды. Когда увидятъ, что звѣзды падаютъ, то говорятъ, что это «нэхрúщены діети пáдаютъ на зэмлю» и при этомъ случаѣ нѣкоторые произносятъ молитву на польскомъ языкѣ.

Государства, области, мѣстности.

Русь, Рóссія, Москóвщина, Пуольща, Лúтва, Укрáина, Подуоле, Волúнь, Козáччина, Капкáзъ, Сибіеръ, Галúція, Поліесе, Нимéччина, Турéччина, Прýссы, Австрія, Фрáнція, Англія.

Урочища: мáстырь, церковиско, костéлиско, двóриска.

Наслѣдственныя земли: бáтькувщина, материнщина, діедувщина, попувщина.

Для указанія мѣстностей Гродненской губ. служитъ выраженіе «за Бýгомъ, за Бэ́рэстёмъ»; для опредѣленія мѣстъ со сплошнымъ мазурскимъ населеніемъ, говорятъ «на мазурàхъ». Названія—Малороссія, Новороссія, Бѣлоруссія мѣстнымъ жителямъ неизвѣстны; а если и усвоены эти географическія наименованія нѣкоторыми грамотными крестьянами, то только изъ книгъ во время школьнаго обученія. Даже названіе своей родины—Подляшье и Холмщина въ народной рѣчи не употребляется, такъ какъ эти

географическіе термины книжные. Эта страна въ XIII в. была извѣстна подъ именемъ Украины, въ составъ которой входила вся русская мѣстность нынѣшней Сѣдл. губ., называемая съ XV вѣка Подлясьемъ или Подляшьемъ. О происхожденіи названія этой страны существуетъ два мнѣнія: поляки утверждаютъ, что Подлясье происходитъ отъ словъ — pod и las, т. е. страна, находящаяся подъ лѣсами; русскіе же писатели полагаютъ, что слово Подляшье или по латинскому написанію Podlachia произошло отъ словъ—подъ и ляхъ, т. е. страна, расположенная вблизи ляховъ, т. е. поляковъ. По закону этимологіи послѣднее объясненіе болѣе правдоподобно, чѣмъ первое, такъ какъ въ польскомъ языкѣ звукъ **a** въ словѣ las измѣняется въ **e**: leśny, podleśny, nadlesny, Zalesie; слѣдовательно нужно было бы писать не Podlasie, а Podlesie. Кромѣ того, русское правописаніе этого слова основывается на латинской конскрипціи и на историческихъ данныхъ: еслибъ Подляшье происходило не отъ слова ляхъ, а лѣсъ, то по латыни писали бы не Podlachia, а Podlassia; въ Густынской лѣтописи и въ древн. грамотахъ на западно-русскомъ языкѣ всегда писалось Подляшіе или Подляшье.

Строенія, домашняя утварь, пища, одежда.

Ду͡омъ, ха́та, па́лацъ, за́мокъ, це́рква, мастыръ и намасты́ръ, кля́штуръ, ко́сцюлъ[1]), капли́ця, бужни́ця, райшу́ля, шко́ла, австэрія, корчма́, хлі͡евъ, клу́ня, шпихі͡еръ, стайня и конюшня, млынъ и млинъ, витра́къ, допта́къ, ку́зня, крамъ, я́тка, клі͡етка, камэни́ця, овча́рня, обо́ра, зэмля́нка, свини́нэць, лёхъ, оліярня, фалю́шъ, фа́брика, гу́та, клеба́нія, звуни́ця, крэмина́лъ, гминная канцэлярія, гапты́ка.

1) Сооруженіе старинныхъ высокихъ церквей и костеловъ народъ приписываетъ чуду, такъ напр., когда строился Лѣснинскій монастырь (въ 25 верст. отъ г. Бѣлы), то по мѣрѣ возвышенія стѣнъ, монастырь входилъ въ землю; а когда была сдѣлана на немъ крыша, то вышелъ изъ земли.

Части хаты и ея принадлежности: пудвáлины, зрубъ, стîены, пóлапъ, горá, стрîеха, крóквы, лáты, бэльки, óкна, пîечь, двэры, кóмэнъ, пудлóга, зэмля (глин. полъ), призьба.

Части печки и ея принадлежности: чарîенъ, бýндуръ, куопка, чéлюсть, дымникъ, затýлка, зáткало, рогáчъ, коцюбá, помэлó, бляха. Почетный уголъ подъ образами — пóкуте.

Въ хатѣ находится жилая комната (хата), сîени, кладовая (комóра), а въ иной — альковъ (ванкîеръ — alkierz). Бываютъ и двойныя хаты (подвуойныи). Всѣ крестьянскія и мѣщанскія постройки (будынки) въ Забужьи деревянныя, а крыши соломенныя; только въ уѣздныхъ городахъ встрѣчаются крыши, покрытыя тесомъ (ґонтами). Какъ внѣшній видъ хаты, такъ и внутреннее ея устройство въ теченіе истекшаго столѣтія значительно измѣнились. Еще въ началѣ прошлаго вѣка всѣ крестьянскія избы были курныя, какъ объ этомъ разсказываютъ старики; были онѣ небольшаго размѣра, съ маленькими окошками, съ глиняными полами, а затѣмъ, по мѣрѣ улучшенія быта крестьянъ и ихъ жилища начали улучшаться, и въ настоящее время у нѣкоторыхъ поселянъ и мѣщанъ замѣчается даже нѣкоторая роскошь въ устройствѣ жилищъ. Послѣ освобожденія крестьянъ, начали строить хаты въ видѣ городскихъ домиковъ, настилать въ нихъ досчатые полы, обзаводиться на зиму двойными рамами, устраивать печи съ желѣзной плитой, (фаéрки) взамѣнъ камина (кóмэнъ), гдѣ по вечерамъ и утрамъ варили кушанья и лучиной освѣщали комнату. Теперь лучины нѣтъ и въ поминѣ, и свѣтильнымъ матеріаломъ служитъ керосинъ (нáфта). Теперь въ окнахъ крестьянскихъ жилищъ можно даже видѣть иногда и цвѣтныя занавѣски (фирáнки) и выкрашенныя рамы. Какъ измѣнилось устройство хаты въ теченіе вѣковъ можно судить даже по однимъ названіямъ ея частей и принадлежностей: чисто народныя наименованія показываютъ типъ стариннаго жилища; позаимствованныя же названія изъ польскаго языка, которыя по большей части нѣмецкаго происхожденія, свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ улучшеніи крестьянской хаты. Но та-

кое улучшеніе, замѣчается не у всѣхъ крестьянъ—у болѣе бѣдныхъ сохранилось устройство избы прежнее, какое существовало въ 60-хъ годахъ истекшаго вѣка, но такихъ хатъ въ настоящее время въ Ломазскомъ приходѣ осталось незначительное число.

Народная школа. До освобожденія крестьянъ въ Забужномъ краѣ, по селамъ школъ вовсе не существовало, только въ городахъ и посадахъ (мѣстечкахъ), были устроены церковноприходскія въ 50-хъ годахъ. Въ то время изъ крестьянъ рѣдко кто зналъ грамоту. Послѣ польскаго возстанія правительство начало устраивать народныя школы повсемѣстно, и въ настоящее время все Забужье покрылось густой сѣтью народныхъ училищъ, и теперь рѣдко какое селеніе остается безъ школы. Въ половинѣ 60 годовъ открыто было довольно много народныхъ училищъ, но въ настоящее время число ихъ учетверилось. Такъ напримѣръ въ 70-хъ годахъ въ Ломазскомъ приходѣ было одно училище, а въ настоящее время уже существуетъ 4 школы. Такое увеличеніе числа народныхъ школъ объясняется заботливостью нашего правительства о возрожденіи русской народности въ Забужномъ краѣ. По школамъ происходятъ народныя чтенія съ туманными картинами и на эти чтенія охотно собираются не только православные, но и упорствующіе уніаты и католики.

Мебель: стуо͡лъ, стулéць, лáвка, крі͡есло, полати, лу͡óжко, шáфа, скры́ня, куфэрокъ; поли́ця, грáдка, колы́шка (колыбель).

Въ крѣпостное время крестьяне спали на полатяхъ, а теперь многіе изъ нихъ обзавелись кроватями. Теперь можно видѣть въ иной крестьянской избѣ и простые стулья, чего прежде не было у крестьянъ въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Посуда: ми́ска, гóрчикъ, саґáнъ, вэртюха, збанóкъ, глады́шка, талі͡еръ, бóчка, видрó, кру́жка, копанька, жлу́хто, ряжка, стагóвка. дижá — ді͡ежка, цэбрикъ, склянка и шкля́нка, бутáлька, фля́шка, кили́шокъ, самовáръ, чáйникъ, балія, коры́то, пувми́сокъ, котёлъ, калямáръ, ки́лихъ.

Издѣлія изъ соломы — корóбка, стýжка, ґáрнэць.

Изъ лозы — кóшикъ, кéльня, вэршка, колышка.

Кушанья: хлі͡ебъ, пиру͡огъ, бýлка, пудполóнникъ, пляцокъ, коровай, палюхи́, обарáнокъ, кнышъ.

Жидкая пища (страва): борщъ, кáша, крýпникъ, затi͡ерка, журъ, солодýша, студэнэць, каплýнъ, кутя́, кисi͡ель, локшины, узваръ, горóхъ, сачеви́ця.

Молочная:—масло, сыръ, творóгъ, молóзиво, молокó, смэтáна.

Мясное: мнясо, зáкуска, солони́на, кумпъ, колбасá, ки́шка, пэчéня, свини́на, поросятина, я́ловичина, барáнина, гусятина, дрэгели́ны — дреглi͡е.

Рыба — рыба, ю́шка зъ рыбы.

Напитки (трýнки): водá, квасъ, молоко, пиво, горi͡елка, мi͡едъ, гарбата и чай, кáва, гáракъ.

Ужинъ въ сочельникъ — *вэчера на коляду*: горi͡елка, пиво, борщъ зъ грибáми, кутя́ зъ макомъ и мэдомъ, горóхъ съ олiёмъ, кисi͡ель (овсяный), пастэрнáкъ, узваръ, сэлéдци, смáженая ры́ба, вáрэная рыба, си́тны хлi͡ебъ, пироги́, налесни́ки.

Пасхальный столъ — *паска*, *свъячонэ*: хлi͡ебъ, бáба, я́йця, сыръ, мáсло, колбáсы, кумпъ, тэля́тина, свини́на, порося́, солони́на, горi͡елка, пиво. Въ видѣ дессерта иногда бываетъ медъ въ сотахъ.

Въ послѣднія времена началъ входить въ употребленіе чай и кофе изъ ячменя; нѣкоторые изъ крестьянъ болѣе зажиточныхъ обзавелись даже самоварами, чего не было въ обычаѣ въ прежнее время, когда была панщина.

Одежда-одi͡ене: шáпка, сукмáнъ, кожýхъ, тулýбъ, шýба, сукня́нки, спóдни, камизэ́лька, капота, пальтóнъ, шпанцi͡ерокъ, кафтáнъ, поясъ, пацрýжка, капэлю́шъ, кóрсэтъ, кибáлка, бýрка, шинi͡ель, сýрдутъ, хустка, шаль, пріяцю͡олка, кýрта, анґéрка.

Части одежды: комiеръ, пóлы, фáлды, кишéня, ґузы.

Бѣлье: сорóчка, нагави́ци, ручни́къ, пигýля, фартýхъ, пу͡олка, пу͡ошувка, плáхта, хýстка, чi͡епокъ, обрýсокъ, панчóхи, спудни́ця.

Обувь: постолы́, ходакѝ, чо́боты, кама́ши, калёши, чѝжмы, черевѝки, патынки, вы́ступци.

Части обуви: холява, обца́съ, пудошва, уха, вэрвэ́чка.

Въ послѣднія тридцать лѣтъ какъ въ обстановкѣ хаты, такъ и въ одеждѣ мѣщанъ и крестьянъ Ломазскаго прихода и сосѣднихъ мѣстностей произошли нѣкоторыя перемѣны: теперь въ будни носятъ одежду стараго покроя изъ сукна домашняго приготовленія, а по праздникамъ молодежь одѣвается по городскому, дѣлая костюмы изъ матерій фабричнаго издѣлія. Теперь даже входитъ въ моду носить галоши, дождевые зонтики и даже карманные часы.

Многіе изъ мѣщанъ и крестьянъ курятъ папиросы, чего раньше не бывало; прежде старики обыкповенно нюхали табакъ. Трубка (люлька), повсемѣстно употребляемая полѣхами, въ Ломазахъ и окрестныхъ селеніяхъ рѣдко встрѣчается.

Въ Забужной Руси съ древнихъ временъ сохранился доселѣ обычай носить одежду темно-рыжаго цвѣта изъ шерсти черныхъ овецъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ наприм. въ Ломазахъ, Россошѣ и сосѣднихъ деревняхъ, уже давно одѣваются въ платья сѣраго цвѣта, т. е. изъ смѣси черной и бѣлой шерсти, по примѣру мелкой польской шляхты — отъ которой позаимствовали и покрой нѣкоторыхъ одеждъ—капо́ту взамѣнъ стариннаго сукмана́, камизе́льку, шпанціерокъ, капелю́шъ, спо́дни и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ Забужья, почти вездѣ, носятъ сукма̀нъ, а полѣшки киба́лку—родъ кокошника. Судя по названію, «чо́буты» не туземнаго, а иностраннаго происхожденія. Такого же происхожденія разнаго покроя одежда и обувь, позаимствованныя впослѣдствіи отъ горожанъ и мелкой шляхты.

Орудія, экипажи, упряжь, судна.

Земледѣльческія орудія: соха́, борона́, плугъ, лопата́, залѣзникъ, шо́пля, гра́бли, коса́, моты́чка, вѝлы, сокіера, топо́ръ; сика́чъ, сика́чка, сэрпъ, ціепъ, сичкарня.

Разныя орудія, инструменты: нуо͡жъ, цизбрикъ, цыга́нчикъ, молото́къ, гэбэль, го́лка, но́жници, ши́ло, кліе͡щи, стругъ, долото́; товка́чъ, бичъ, бату͡огъ, кій, бу́лава, костю́ръ, мэтэнька, си́то, рэ́шето, ло́жка, ополоникъ, кны́бэль, ле́щи.

Части орудій: сушни́къ, ра́ло, поли́ця, плаха, топорыско, обу́хъ, остріё, черэно́къ, дэржа́къ, бичи́льне, ципи́льне, зу́бы, гра́блиска.

Оружіе: фузія, стрильба́, дзи́да—пи́ка, ша́бля, па́лашъ, гарма́та и пу́шка, дубэльту͡овка, караби́нъ, пистоле́тъ, тэса́къ, лукъ.

Части ружья и снаряда: ло́же, лю́фа, шру͡отъ, ку́ля, момба, ку́рокъ, писту͡онъ, по́рохъ.

Рыболовныя снасти: колы́шка, вэ́ршка, въятё́ръ, кло́мля, сачо́къ, у́дка, нэ́вудъ.

Сельско - хозяйственныя машины въ среду мѣстныхъ крестьянъ еще не проникли, вслѣдствіе ихъ дороговизны и потому всѣ работы производятся первобытнымъ способомъ; въ другихъ же мѣстахъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ Херсонской губ., многіе молотятъ и вѣютъ машинами. Всѣ почти деревянныя орудія, а также рыболовныя снасти сами хозяева приготовляютъ для своей надобности.

Повозки, экипажи: ву͡озъ, фу͡ора, тэліе͡га, тарата́йка, біе͡дка, бры́чка, каріе͡та, са́ни, халабу́да, дрожки.

Части воза, саней, колеса: пэрэдо́къ, задъ, лю́шня, колесо́, дышель, ось, шво́рень, драби́на, зво́ны, ступи́ця, спи́ци, по́лозы, оглоб́ли, лоно́къ, пыжъ.

Упражь: ярмо́, нару͡ожникъ, дуга́, хаму́тъ. по́воды, лейцы, сидло́, шлія́, стрэмэна́, пу́то.

Судна: човонъ, ло́дка, парахо́дъ, о́крэнтъ—корабль, бэрли́на.

Мѣры.

Мѣры длины: пьядь, цаль, ло́коть, са́жень, вэрста́, миля, ста́и, кро́ки.

Вѣсъ—вага: фунтъ, пудъ, лотъ, цэ́тнаръ. Мѣра вѣса—ва́ґи (вѣсы), безмі͡енъ.

Мѣры жидкостей: видро́, бо́чка, ґа́рнэць, кварта, пувква́рты, кватырка.

Мѣры сыпучихъ тѣлъ: жмэня, при́горчи, ґа́рнэць, чві͡ертка, ко́рэць, ква́рта, то́рба, мишо́къ.

Мѣры поверхности: воло́ка, морґъ, прэнтъ, пувлу͡очокъ, четвэрти́на.

Деньги-гроши: *мѣдныя*—ше́лягъ ($^1/_6$ коп.), гру͡ошъ ($^1/_2$ к.) пувкопі͡ейки, копі͡ейка, троя́къ ($1^1/_2$ коп.), пьята́къ ($2^1/_2$ коп.), дэся́тка (5 коп.); серебряныя:—дэся́тка, злоты и золоты́й, (15 коп.) сороку͡овка (20 к.), пуврубля, рубэль; золотыя—черву́нэць; бумажки—банкоцетли.

Шеляги ходятъ еще между евреями—которые даютъ ихъ своимъ нищимъ собратьямъ. Снопы, яйца, грибы считаютъ ко́пами; въ копѣ находится 60 штукъ.

Дрова: ву͡озъ, са́жень, бэрэмэне.

Время (часъ): мину́та, години́, дэнь, ты̀ждэнь, мі͡есяць, вэсна́, лі͡ето, о́синь, зима́, ру͡окъ, ві͡екъ.

Части сутокъ: дэнь, ну͡очъ, полу́дэнь, пу͡овночь, ра́нокъ, вэчуръ, сьвита́не.

Дни недѣли: понэді͡елокъ, вувто́рокъ, сэрэда́, четвэ́ръ, пья́тниця, субо́та, неді͡еля.

Названія мѣсяцевъ у мѣстныхъ жителей старославянскія отчасти съ народнымъ произношеніемъ, а отчасти съ польскимъ: Сты́чень, Лю́ты, Ма́рэць, Кви́цень (въ Докудовѣ Со́чень), Май, Че́рвэць, Ли́пэць, Сэрпэнь, Вре́сень Паздéрникъ, Листопа́дъ, Гру́дэнь. Въ общежитіи рѣдко употребляются названія мѣсяцевъ, а въ большинствѣ случаевъ считаютъ время, какъ всѣ малороссы, по праздникамъ, постамъ, временамъ года и по полевымъ работамъ: пэрэдъ Пэтромъ, по Вэли́цедни, въ Пилиповку, въ Спа́сувку, вэсною, зимою, лі͡етомъ, ввосэни, пэрэдъ жнива́ми, въ косови́цю и т. п.

Сельское хозяйство (господарство).

Работы на пашнѣ—въ поли: ора́ти, ра́лити, зяблйти, борона́ти, скорбдити, обо́рувати, сіяти, жа́ти, возйти.

Виды пашни: гру́ды, скибы, загоны, борозны, облоги, попэрэчники, ра́леники, паръ, збуоже.

Жатва—жнива. Виды хлѣба—збуожа: снуопъ, мыдэль, скіерда.

Молотьба—молотити. Солома, зэрно, послієдъ, згонины, полова.

Виды и сорты соломы: околоты, кошманая, житная, пшенична́я, овсянка, ячмянка, горошвины.

Продукты зерна—сѣмѣни: мука́, дэрть, высивки, отрубы, крупа́, яглы, кутя; оліей и ма́кухъ. Ручная мельница — жорна зъ млёномъ, ступа съ товкачомъ.

Сѣнокосъ-косовиця. Работа — косити, гра́бити, ворошити, копити, возити.

Лугъ — лонка: трава́, сієно, ота́ва, вишаръ.

Виды сѣна: покуосъ, очерэтъ, копиця, струогъ. Труха отъ сѣна называется мэрва. Лугъ по мѣстному лонка; въ другихъ селахъ Забужья называется луки, а иногда и лугъ.

Мѣстные малороссы по большей части для названія работъ употребляютъ глаголы, а въ рѣдкихъ случаяхъ и существительныя: оране, косіэне, полоте, копане, соліэне.

Садъ и огородъ — садъ и городъ. Работы — копа́ти, садити, полива́ти, полоти, щипити, рва́ти, труча́ти, руба́ти.

Пасѣка — пасіека—уліи, маточникъ, вощины, міедъ, вуоскъ, воскобоины, свіечка, грумниця. Пчеловодствомъ рѣдко кто занимается, а если у кого и есть пчелы, то по нѣсколько ульевъ колодочной системы — о раціональномъ пчеловодствѣ здѣсь не имѣютъ понятія. Крестьяне очень неохотно пускаютъ постороннихъ въ свои посѣки изъ опасенія, чтобы пчелъ не сглазили.

Ткачество. — Пряжа — прадиво: лёнъ, кýжель, клóчэ, вóвна, нитки́, пові͡есмо, кудэля, почи́нокъ, му͡отокъ, клубóкъ, пáсмо, оснóва, полотнó, суккó.

Снаряды при обработкѣ льна, пеньки и шерсти: трэпáчка, тэртка, грэбэнь, пóдэсь, коноврýтокъ, мотови́ло, вэрэтено, крóсна. *Крóсна—ихъ части и принадлежности*: воротúло, бэ́рдо, ни́чаници, чóвникъ, ці͡евка, сукáдло. Кромѣ холста, полотна и сукна, здѣсь еще ткутъ крестьянки рядна и килúмы въ родѣ ковровъ.

Обработка дерева: колóда, дыль, бэлька, дóщка, тэртúця, клéпка, ви́тка, опу͡олокъ, стовпъ, кулóкъ, жéрдка. Колодэзь, пэрэлáзы, плу͡отъ, парґанъ, му͡остъ, паль, ві͡еха, журавэль, клю́чка, ві͡еникъ, митлá, парэнчи, драби́на.

Культурные пережитки: пóдэсь съ вэрэтеномъ, стýпа съ товкачемъ, жорна съ млéномъ. До 60-хъ годовъ прошлаго вѣка подесь съ веретеномъ (прялка простая) въ Забужьи былъ вездѣ употребляемъ для пряжи; въ 60 и 70-хъ годахъ появился среди крестьянъ коноврý͡отокъ—kołowrótek (самопрялка съ колесомъ) и мало-по-малу вытѣснилъ изъ употребленія первобытный пóдесь, такъ что въ настоящее время только изрѣдка прядутъ на немъ старухи, непривыкшія съ самопрялкѣ. То же самое можно сказать о ступѣ и жóрнахъ (ручныхъ мельницахъ): ручная ступа съ толкачемъ теперь замѣнена болѣе удобной ножной; жóрна, которыми мололи прежде вездѣ по хатамъ муку и дерть для свиней, въ настоящее время только служатъ для послѣдней цѣли, а рожь и пшеницу везутъ на мельницу. Въ 60 и 70-хъ годахъ только передъ Пасхой обыкновенно мололи муку для куличей на вѣтряныхъ и водяныхъ мельницахъ; въ другое время мало кто изъ крестьянъ нуждался въ мельницѣ, довольствуясь своими жóрнами, унаслѣдованными отъ своихъ дѣдовъ, прадѣдовъ. Къ культурнымъ переживаніямъ можно отнести калитку съ огнивомъ (калитка, кресило, крамэнэ́цъ, губка): прежде эти вещи для добыванія огня находились въ каждой хатѣ, а теперь въ большинствѣ случаевъ для этой цѣли держать спички.

Засѣвки. Крестьяне, приступая къ какимъ нибудь полевымъ работамъ, всегда крестятся и молятся, чтобъ Господь Богъ далъ имъ счастливо окончить работу и послалъ хорошій урожай. Въ случаѣ засухи ходятъ крестные ходы по полю, служатъ молебны и вообще ежегодно весною ходятъ процессіей на нивы и освящаютъ свои хлѣба. Но особенно съ благоговѣйнымъ чувствомъ начинаютъ посѣвъ ржи — жита. Помолившись усердно Богу, домохозяинъ (господáръ) дѣлаетъ крестъ на грядкѣ изъ пучка ржи, освященной въ церкви, затѣмъ засѣваетъ это мѣсто зернами, выбитыми изъ колосьевъ того же пучка, и бережно покрываетъ ихъ землею. И только послѣ совершенія этого религіознаго народнаго обычая, хозяинъ начинаетъ сѣять озимую рожь на своемъ полѣ.

Дожинки или обжинки. Когда дожнутъ рожь, то жницы связываютъ пучекъ ржаныхъ колосьевъ въ видѣ снопочка и дѣлаютъ верéю. Рожь эту освящаютъ въ церкви на Маковія и затыкаютъ за образа до засѣвокъ. Въ крѣпостное время этотъ снопочекъ ржи и вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ относили своему пану, оглашая дворъ пѣснями по этому случаю. Этотъ вѣнокъ съ житомъ обыкновенно несла «пóстатница», которая жала «на пóстати» т. е. впереди всѣхъ жнецовъ. По окончаніи жатвы ржи, какъ я уже замѣтилъ выше, жницы дѣлаютъ верéю, причемъ поютъ пѣсни, сложенныя по этому случаю. Для вереи оставляютъ рожь на корню приблизительно въ одинъ квадратный футъ: полютъ и взрыхляютъ землю между стеблями этой ржи (орýтъ), затѣмъ, вытеревъ пальцами зерна изъ колосьевъ стоящихъ стеблей, засѣваютъ это мѣсто и заволакиваютъ сѣмена землею (боронýютъ). По окончаніи посѣва, сверху скручиваютъ стебли въ узелъ (бóроду), который убираютъ вѣтками рябины и полевыми цвѣтами, такъ что верéя принимаетъ очень нарядный видъ среди жнивья (стернó) послѣ сжатаго хлѣба. Дожинки считаются у крестьянъ важнымъ событіемъ въ ихъ жизни и потому на радостяхъ хозяева угощаютъ работниковъ обильнымъ ужиномъ. Если даже нѣтъ и наемныхъ жнецовъ, то все таки вечеромъ свои

семья празднуетъ обжинки. Когда справляютъ болѣе зажиточные дожинки, то вечеромъ послѣ ужина бываетъ музыка и танцы.

Ржаной хлѣбъ — хлѣебъ. Къ хлѣбу относятся съ большимъ уваженіемъ, называя его «святымъ хлѣбомъ, даромъ Божіимъ». Бросать хлѣбъ считается у народа большимъ грѣхомъ; если же случайно упадетъ хлѣбъ на землю, то его сейчасъ подымаютъ и цѣлуютъ, какъ какую нибудь святыню; даже крошки, упавшія со стола, тщательно собираютъ, чтобы не топтать даръ Божій. Крестьяне говорятъ, что если кто не будетъ уважать святый хлѣбъ, то Богъ разгнѣвается на такого человѣка и лишитъ его этого дара, безъ котораго никто не можетъ жить на свѣтѣ.

Народная медецина.

Болѣзни—хороба: поѓанка—хріебра, холéра, жáба, горáчка, вуоспа, вуодра, скýла, парáлюшъ, пухіеръ, кила, тифусъ, корóста, пáрхи, сплáвы, сухóты, натрýтъ, куольки, прыщъ, ракъ, припáдокъ.

Народныя средства противъ нѣкоторыхъ болѣней: водка съ перцемъ, лукъ, уксусъ, подорожникъ, липовый цвѣтъ, ромашка, льняное сѣмя, труха отъ сѣна, муравейникъ, сѣра, комфора, горчишники, піявки, березовые листья, мята и другія растенія. По народному убѣжденію, всѣ болѣзни легко излѣчиваются цвѣтами, листьями, кореньями и если бы люди только знали всѣ свойства растеній, то не нужно было бы покупать лѣкарство въ аптекѣ и обращаться за помощью къ врачамъ, которымъ не довѣряютъ, говоря, что если Богъ не поможетъ, то даже самый искуссный докторъ не въ состояніи вылѣчить очень больного человѣка. Есть еще одно средство, къ которому прежде очень часто обращались, а теперь рѣже, а именно заговоры (замовляти). Еще и въ настоящее время простой народъ, крѣпко вѣритъ что знахари и знахарки своими шептаніями

и дуновеніями (шептани и хухати) могутъ помочь больному и указываютъ даже частые примѣры такого излѣченія. Только испытавъ домашнія средства леченія разными цвѣтами, листьями, кореньями и убѣдившись, что они не помогаютъ, больные обращаются тогда сначала къ знахарямъ, а потомъ къ врачамъ Правду сказать, въ Привислянскихъ губерніяхъ хуже устроена медицинская часть, чѣмъ въ нашихъ земскихъ въ Россіи — здѣсь безплатно никого не лѣчатъ и потому бѣдные люди рѣдко обращаются за помощью къ врачамъ, проживающимъ въ уѣздныхъ городахъ или, за рѣдкими исключеніями, въ посадахъ. Всѣ эти врачи, кромѣ уѣзднаго, частные. Въ старину, по словамъ старожиловъ, существовалъ въ Забужьи обычай опахивать село для избавленія отъ холеры: выходили всѣ крестьяне изъ села, болѣе взрослые и сильные впрягались въ соху и кругомъ села проводили борозду (обборували село), думая этимъ средствомъ спасти себя отъ холеры, свирѣпствовавшей въ окрестныхъ деревняхъ или въ сосѣднемъ мѣстечкѣ. Такъ сдѣлали въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія крестьяне дер. Любенки, чтобы эта повальная болѣзнь не распространилась среди нихъ изъ Ломазъ. И такъ какъ случайно никто не заразился въ этой деревнѣ во время существовавшей кругомъ холеры, то они по простотѣ своей повѣрили, что опахиваніе села спасло ихъ отъ этой страшной эпидеміи.

Музыкальные инструменты.

1) *Дудка.* Дудка самый простой инструментъ: дѣлается онъ изъ камыша и издаетъ монотонный звукъ — ду-ду-ду-ду.

2) *Свистюолка* — сопилка, свирѣль приготовляется изъ бузины или въ большинствѣ случаевъ покупается на ярмаркахъ. Нѣкоторые изъ парней очень хорошо наигрываютъ мотивы разныхъ пѣсенъ.

3) *Труба* — осенній музыкальный инструментъ, издающій громогласный протяжный звукъ, дѣлается изъ дерева длиною

2 аршина съ лишнимъ. Трубятъ парни въ лѣсу, когда пасутъ скотъ, и по вечерамъ дома, и торжественные звуки далеко расходятся по окрестностямъ и отдаются громкимъ эхомъ въ лѣсу и садахъ.

4) *Скрипка.* Нѣкоторые крестьяне, какъ любители музыки, покупаютъ скрипки и выучиваются порядочно играть и во время свадьбъ и на вечеринкахъ играютъ, за что ихъ усердно угощаютъ, а парни въ складчину вознаграждаютъ за трудъ деньгами. Играютъ мѣстные музыканты маршъ, козака́, хмэля, пóльку, мазу́ра, ва́льця. Хмеля играютъ во время собиранія денегъ для музыкантовъ, когда бываетъ свадьба.

5) *Гармонія.* Гармоники покупаются на ярмаркахъ и наигрываютъ на нихъ мотивы малорусскихъ, русскихъ и польскихъ пѣсенъ; Этотъ музыкальный инструментъ началъ входить въ моду въ послѣднія времена послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но все-таки нераспространенъ въ такой степени, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Вообще, жители Забужной Руси, какъ всѣ малороссы, довольно пѣвучій и музыкальный народъ; часто здѣсь можно слышать пѣніе и музыку и дома, и въ полѣ, и въ лѣсу. Мѣстныя малорусскія пѣсни по большей части заунывныя, но встрѣчаются и веселые напѣвы. Всѣ пѣсни свадебныя и дожиночныя монотонны, другія же пѣсни отличаются разнообразіемъ напѣвовъ: грустныхъ, заунывныхъ, веселыхъ, плясовыхъ и торжественныхъ. Въ Забужьи тѣ же мотивы малорусскихъ пѣсенъ, что и въ Малороссіи, но встрѣчаются иногда напѣвы и мѣстнаго происхожденія. Кромѣ народныхъ молорусскихъ пѣсенъ, здѣсь вошли въ употребленіе и польскія народныя и религіозныя въ различномъ количествѣ, смотря по мѣстности — въ иной больше, въ иной меньше; но есть и такія мѣста, гдѣ польскихъ пѣсенъ вовсе нѣтъ, но такихъ мѣстъ сравнительно немного въ Сѣдлецкой губ. Вообще, польское вліяніе отразилось какъ въ языкѣ здѣшнихъ малороссовъ, такъ и въ ихъ музыкѣ и пѣніи.

Дѣтскія игры и игрушки.

Въ Ломазскомъ приходѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ существуютъ слѣдующія народныя игры:

1) *Хованка-прятки.* Эта общераспространенная дѣтская забава, какъ всѣмъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что одинъ изъ участниковъ ея прячется, а другой ищетъ его, а когда найдетъ спрятавшагося, то беретъ за руку и приводитъ его къ товарищамъ и тотчасъ самъ прячется. На поиски отправляется третій мальчикъ или дѣвочка, и, нашедши спрятавшагося, въ свою очередь и самъ забивается въ какое нибудь потаенное мѣсто, пока не будетъ отысканъ очереднымъ игрокомъ. И такъ продолжается эта забава маленькихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока имъ она не наскучитъ (нэ обры́днэ).

2) *Слипая бабка — жмурки* — одна изъ самыхъ распространенныхъ игръ, обыкновенно устраивается въ комнатѣ, сараѣ и вообще въ стѣнахъ какого нибудь зданія. Прежде всего, какъ передъ началомъ другихъ игръ, бросаютъ жребій, кому быть слѣпой бабкой — для этого берутъ длинную палку и каждый изъ играющихъ съ одного конца обхватываетъ ее правой рукой, затѣмъ по очереди снизу вверхъ передвигаютъ свои руки; наконецъ, и третій разъ иногда перекладываютъ, и чья окажется рука сверху палки, тотъ долженъ быть слѣпой бабкой. Мальчику или дѣвочкѣ, играющей эту роль, завязываютъ платкомъ глаза и велятъ ловить своихъ товарищей. Если слѣпая бабка поймаетъ кого нибудь, тогда снимаетъ съ себя повязку и накладываетъ на пойманнаго, который долженъ быть въ свою очередь слѣпой бабкой. И такъ продолжается игра дальше, пока не прекратится.

3) *Кидати кійие — бросаніе палокъ.* Участвующіе въ этой игрѣ мальчики и парни становятся въ рядъ, каждый съ своей палкой (кіёмъ) и начинаютъ по очереди бросать ихъ ногами въ одну сторону такимъ образомъ: играющій ставитъ палку на правую

ступню, а сверху слегка ее поддерживаетъ рукою, и затѣмъ, нѣсколько разъ размахнувшись ногою, сильно толкнетъ палку, и она летитъ иногда на далекое разстояніе. Чья палка упадетъ ближе другихъ, тотъ обязанъ собрать всѣ брошенныя палки и принести ихъ своимъ товарищамъ. Въ этой игрѣ бросаніе палокъ такимъ образомъ повторяется нѣсколько разъ. Эта игра происходитъ въ полѣ или на лугу, когда пасутъ мальчики свой скотъ.

4) *Свинка.* Приступая къ игрѣ въ свинку, мальчики дѣлаютъ ямку (хл͡іевъ), а кругомъ нея на нѣкоторомъ разстояніи отъ хлѣва каждый себѣ роетъ особую ямочку для обозначенія сторожевого поста. Пространство, находящееся между хлѣвомъ и сторожевыми мѣстами, называется дворомъ (двурцёмъ). Приготовивъ круглую кочерижку (свинку), подходящую для игры, выбираютъ пастуха по жребію, и начинается игра: всѣ берутъ палки и выгоняютъ свинку изъ хлѣва въ поле, а пастуху велятъ ее пасть; сами же становятся на-сторожѣ у своихъ ямочекъ съ опущенными въ нихъ палками. Пастухъ, подбивая своей палкой свинку, старается загнать ее въ хлѣвъ, покрикивая: Ал́я до хл͡іева! а сторожа, ударяя ее палками, прогоняютъ отъ двора, приговаривая: Ал́я въ поле! Въ то время, когда сторожа бьютъ свинку, пастухъ старается воткнуть свою палку въ одну изъ опустѣвшихъ ямочекъ, и если ему это удастся, то онъ дѣлается сторожемъ, а зазѣвавшійся мальчикъ пастухомъ. Но это не такъ скоро удается пастуху, такъ какъ сторожъ, отгоняющій свинку, въ большинствѣ случаевъ предупреждаетъ занять свой наблюдательный постъ, воткнувши раньше свою палку. Иной неловкій мальчикъ такъ и остается пастухомъ до окончанія игры.

5) *Блудзё.* Игра въ «блу̀дзя» обыкновенно устраивается на скошенномъ лугу; для этой цѣли мальчики садятся въ кружекъ и по очереди вбиваютъ палкой заостренный колышекъ въ рыхлую землю такимъ образомъ: каждый игрокъ беретъ палку сначала между двухъ пальцевъ—мизинцемъ и безыменнымъ и ударяетъ одинъ разъ по колышку, слегка воткнутому въ землю; затѣмъ, переложивъ палку между безыменнымъ и среднимъ пальцемъ, ударяетъ

второй разъ; послѣ, передвинувъ палку между среднимъ и указательнымъ пальцемъ, ударяетъ по ней третій разъ и, наконецъ, взявъ палку въ руку и обхвативъ ее всѣми пальцами, ударяетъ четвертый разъ. Послѣ четырехъ ударовъ играющій обозначаетъ ножикомъ ту часть колышка, которую ему удалось вбить въ землю. Когда обойдетъ очередь вколачиванія всѣхъ играющихъ, тогда вытаскиваютъ колышекъ изъ земли и смотрятъ: кто найменьше вбилъ его, тотъ обязанъ быть блу́дзёмъ, т. е. блудящимъ. Блудящему завязываютъ платкомъ глаза, даютъ въ руки палку и одинъ изъ играющихъ съ колышкомъ въ рукѣ водитъ его вокругъ товарищей и постоянно нагибается къ землѣ, показывая видъ, что втыкиваетъ колышекъ и когда незамѣтно воткнетъ его, то еще продолжаетъ будто бы тыкать и, наконецъ, велитъ блудзю искать колышекъ, а самъ уходитъ къ товарищамъ. Тогда блуждающій начинаетъ махать своей палкой по землѣ направо и налѣво до тѣхъ поръ, пока не застучитъ воткнутый колышекъ отъ удара палки. Но иногда бываютъ случаи, что долго ходитъ и машетъ палкой во всѣ стороны, а колышка все-таки не отыщетъ. Съ находкой колышка игра эта прекращается. Судя по названію, эта дѣтская забава, очевидно, бѣлорусскаго происхожденія.

6) *Бі́ерки*. Бирки дѣлаются мальчиками изъ тоненькихъ дощечекъ, выструганыхъ изъ прута орѣшника или изъ какого нибудь подходящаго молодого деревца. Каждая партія бирокъ состоитъ изъ 10—20 паръ простыхъ ли́шекъ (смотря по желанію игравшихъ), короля, королевы, марша́лка, десятки и пятки, т. е. пятерки. Послѣднія 5 бирокъ называются старшино́ю, т. е. начальствомъ.

Форма бирокъ: ли́шка, король, королева, марша́локъ, десятка (10 черточекъ)

пятка съ пятью зубчиками. Естественная величина ихъ въ 2 раза больше.

Каждый изъ играющихъ приготовляетъ себѣ партію бирокъ. Игра въ бирки состоитъ въ слѣдующемъ: мальчики разстилаютъ на землѣ полу чьей нибудь верхней одежды (сукманá), садятся въ кружокъ и, перемѣшавъ всѣ партіи бирокъ, начинаютъ играть одинъ послѣ другого такимъ образомъ: играющій, взявъ полную горсть бирокъ съ полы, подбрасываетъ ихъ вверхъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы часть ихъ упала на верхъ руки съ сомкнутыми пальцами и въ такомъ видѣ еще разъ подбрасываетъ бирки вверхъ и старается поймать ихъ одного наименованія и когда ему удастся это сдѣлать, то возобновляетъ по праву опять игру; въ случаѣ же, если въ рукѣ окажутся разнородныя бирки, положимъ лишка и король или пятакъ и маршалокъ и т. д., то играть начинаетъ его сосѣдъ. Если поймавшій сразу много лишекъ безъ старшины на вопросъ — «чи до пары, чи нэ до пары», угадаетъ четное или нечетное ихъ число, то въ такомъ случаѣ лишки беретъ себѣ и продолжаетъ вновь бросать и ловить; а если не угадаетъ, то играть начинаетъ другой. Эта игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ бирки не будутъ пойманы игроками, послѣ чего начинаетъ каждый провѣрять свою добычу, откладывая свои бирки въ одну кучку, а чужія, попавшія въ плѣнъ, въ другую. Окончивши провѣрку пойманныхъ бирокъ, приступаютъ къ обмѣну или выкупу плѣнныхъ такъ: если, напримѣръ, у кого нибудь недостаетъ короля, очутившагося въ плѣну у сосѣда, тогда онъ подставляетъ ему ладонь и сосѣдъ царапнетъ по ней королемъ 12 разъ, а затѣмъ отдаетъ короля. За королеву царапаютъ 6 разъ, за маршалка 11 разъ, за десятку 10 разъ, за пятку 5 разъ, а за лишку только одинъ разъ. При обмѣнѣ плѣнныхъ дѣлаютъ такъ: когда, положимъ, короля обмѣниваютъ на королеву, то въ придачу первый игрокъ царапнетъ по ладони второго 6 разъ; короля на маршала царапнетъ одинъ разъ, десятку на пятку 5 разъ и т. д. Когда у всѣхъ играющихъ окажется полный комплектъ бирокъ, то игра считается оконченной.

Въ Ломазахъ и окрестныхъ деревняхъ игра въ бирки одно изъ любимѣйшихъ развлеченій для мальчиковъ и дѣвочекъ, когда они пасутъ скотъ.

Названіе бирки, очевидно, татарскаго происхожденія отъ словъ — биръ — одинъ и эки́ — два, такъ какъ во время игры два раза подбрасываютъ бирки, чтобъ ихъ поймать. Надо полагать, что и самая игра эта позаимствована отъ татаръ.

7) *Король*. Играютъ въ короля, когда северется много мальчиковъ, по крайней мѣрѣ, до 40 или до 50; для этого всѣ мальчики, взявшись крѣпко за руки, становятся въ два ряда другъ противъ друга на такомъ разстояніи, чтобы было удобно бѣгать и отбивать въ плѣнъ непріятеля. Въ каждомъ ряду роль короля исполняютъ болѣе сильные. Происходитъ эта игра такимъ образомъ: изъ 1-й цѣпи мальчикъ по командѣ своего короля стремительно бѣжитъ на вторую цѣпь, прорываетъ ее или же повиснетъ на двухъ рукахъ сосѣдей: въ первомъ случаѣ остается побѣдителемъ, и отбитыхъ солдатъ уводитъ въ свой лагерь, поставивъ ихъ въ цѣпи, а во второмъ — остается въ плѣну у непріятелей, которые ставятъ въ своей цѣпи нападавшаго врага. Послѣ этого наступаетъ очередь нападенія одного изъ второй цѣпи на первую. И такъ продолжается попеременно игра то съ той, то съ другой стороны, пока которая нибудь не восторжествуетъ надъ противникомъ. Когда въ ослабѣвшей сторонѣ всѣ почти взяты въ плѣнъ и только остается король съ двумя воинами, тогда онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку отбить отъ враговъ своихъ солдатъ, попавшихъ въ плѣнъ; но если ему это не удастся, то и самъ попадаетъ въ плѣнъ и тѣмъ и оканчивается игра въ короля. Дѣвочки въ этой игрѣ не участвуютъ.

8) *Шубениця - висѣлица*. Играютъ въ шубеницу только двое; для этого на столѣ или на доскѣ проводятъ мѣломъ двѣ параллельныя линіи въ горизонтальномъ направленіи и поперекъ ихъ двѣ вертикальныя, такъ чтобы образовался между пересѣ-

кающимися линіями прямоугольникъ, какъ это видно на чертежѣ Когда шубеницу сдѣлалаютъ, то на мѣстахъ, обозначенныхъ на чертежѣ цифрами, одинъ игрокъ А пишетъ кружечки (нолики), а другой В — палочки такимъ образомъ: положимъ,

0 1	2 1	3 1
1 4	5 1	6 0
0 7	8 0	9 0

игрокъ А пишетъ ноликъ на мѣстѣ единицы, а В ставитъ палочку на мѣстѣ цифры 5; затѣмъ второй разъ А пишетъ ноликъ гдѣ находится цифра 7, тогда В, чтобы не быть повѣшеннымъ, долженъ непремѣнно поставить свой знакъ — палочку на мѣстѣ 4; наконецъ, ставятъ третій разъ свои знаки — А на мѣстѣ 6, чтобы не быть повѣшеннымъ, а В ставитъ свою палочку на мѣстѣ 3. Пока до сихъ поръ никому не удалось повѣсить, такъ какъ оба играли обдуманно. Продолжаютъ играть дальше: А стираетъ свой ноликъ на первомъ мѣстѣ и пишетъ на 9, а В по несообразительности, стеревъ палочку, написанную на 4 мѣстѣ, пишетъ ее на 2-мъ; тогда А, уничтоживъ ноликъ на 6-мъ мѣстѣ, пишетъ его на 8-мъ, и перечеркиваетъ эти три нолика, стоящіе на мѣстѣ цифръ 7, 8, 9, объявляя товарищу: «я тэбэ повіэсивъ». Вѣшать можно въ шести направленіяхъ, когда три одинаковыхъ знака находятся вдоль горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій: I) 1, 2, 3, II) 4, 5, 6, III) 7, 8, 9, IV) 1, 4, 7, V) 2, 5, 8, VI) 3, 6, 9. Если игра бываетъ механическая, безъ всякой мысли, то вѣшаніе происходитъ поперемѣнно то съ той, то съ другой стороны, что всегда случается между маленькими дѣтьми; но когда обдуманно играютъ болѣе взрослые парни, то только тотъ вѣшаетъ, у кого больше соображенія. Иногда два равносильныхъ игрока долго возятся, пока кто нибудь изъ нихъ не повѣситъ своего товарища. Эта игра, на видъ очень простая, служитъ простолюдину прекраснымъ умственнымъ упражненіемъ. Играютъ въ шубеницу по большей части зимою.

9) *Хибки*. Хибки дѣлаются изъ неоструганнаго прутика; для этого отрѣзываютъ два кусочка деревца длиною каждый въ полдюйма; затѣмъ расчепливаются пополамъ, сглаживаются ножи-

комъ расчепъ, и эти четыре половинки называются хи́бками. Въ хибки играютъ взрослые парни на деньги и эту игру можно назвать азартной, своего рода крестьянской рулеткой. При игрѣ въ хибки употребляется выраженіе для выигриша «трапивъ», а для проигриша—«хибивъ». «Трапивъ» это значитъ, что хибки при бросаніи играющимъ упали такъ: двѣ плоской бѣлой стороной внизъ, а двѣ той же стороной вверхъ; или же всѣ онѣ упали бѣлыми сторонами вверхъ. «Хибивъ» это значитъ, что три стороны выпуклыя, темныя очутились наружу, а одна хибка показалась плоской стороной или наоборотъ. Если всѣ четыре хибки сверху будутъ темными сторонами, то и это считается «хибивъ». Для игры въ хибки разстилаютъ одежду на землю и садятся парни въ кружокъ: двое играютъ, а остальные смотрятъ или же и сами участвуютъ въ игрѣ, но только не бросаютъ хибокъ. Одинъ игрокъ, взявъ хибки въ руку, потряхиваетъ ихъ въ горсти и затѣмъ бросаетъ на полу одежды, разостланной на землѣ, и говоритъ: «тра́пна», а его товарищъ отвѣчаетъ: «хи́бна». Если бросающій трапилъ, то деньги забираетъ, а если хибилъ, то ставка достается его партнеру. Въ первомъ случаѣ первый продолжаетъ бросать хибки, а во второмъ игра переходитъ другому. Такимъ образомъ игра продолжается дальше и оканчивается тѣмъ, что кто нибудь изъ играющихъ всѣ деньги спуститъ. На Пасху играютъ въ хибки на крашенныя яйца.

10) *Карты*. Игра въ карты до 70-тыхъ годовъ среди крестьянской молодежи рѣдко практиковалась и только въ послѣднія времена начала мало-по-малу входить въ моду ради развлеченія въ праздники, но на деньги мало кто играетъ; а если затѣется игра на деньги, то охотнѣе для этой цѣли прибѣгаютъ къ хибкамъ, чѣмъ къ картамъ. Эта игра, появившаяся сначала среди пановъ, распространилась потомъ между мѣщанами, а отъ послѣднихъ перешла и къ крестьянамъ, и теперь можно видѣть у иныхъ парней засаленныя карты, купленныя у жида въ сосѣднемъ посадѣ.

Кромѣ перечисленныхъ игръ въ Ломазскомъ приходѣ, какъ

и въ другихъ мѣстностяхъ, существуютъ еще и другія подобныя забавы. Въ каждой мѣстности Забужья можно встрѣтить иногда особыя дѣтскія игры, которыя не существуютъ въ сосѣднихъ селеніяхъ и посадахъ. Въ Ломазахъ, какъ вездѣ и въ другихъ мѣстахъ, дѣти, въ видѣ развлеченія, дѣлаютъ гимнастическія упражненія: 1) катаютъ кругъ, 2) бѣгаютъ взапуски (навы́тэки) 3) бѣгаютъ назадъ, не поворачивая лица 4) прыгаютъ на одной ногѣ, 5) перепрыгиваютъ рвы, колоды и т. п. 6) лазаютъ по деревьямъ 7) катаются по льду, 8) катятся колесомъ (катиться черезъ голову) 9) бросаютъ изъ бича́ камни, какъ изъ пращи и т. д.

Игрушки (*забавки*, *цацки*): ля́лька, чи́жикъ, лукъ, пистоле́тъ, дэркачъ, си́кавка, млыно́къ, во́зикъ, скры́почка, ко́никъ, пта́шка, коза́, соба́ка, сто́ликъ, трачъ, гра́бли, лопа́та и т. д.

Всѣ эти игрушки изготовляются самыми мальчиками и только въ рѣдкихъ случаяхъ покупаются на ярмаркахъ за небольшую цѣну. Нѣкоторые мальчики очень искусно дѣлаютъ игрушки и среди нихъ нерѣдко встрѣчаются маленькіе Кулибины, которые надѣлены способностью изобрѣтать и выдѣлывать разныя замысловатыя вещицы не хуже фабричныхъ издѣлій. И еслибъ талантъ такихъ мальчиковъ не заглохъ въ деревенской глуши, то изъ нихъ вышли бъ потомъ искусные механики, техники, архитекторы и т. п.

Церковь.

Части церкви и ея принадлежности: овта́ръ, баби́нэць и кру́хта, ра́йськіи дворы—иконостасъ, образы́, хоронґвы, крыжъ, зво́ны, лихта́ръ, сьві͡ечка, манстра̀нція, скарбу́на.

Церковная одежда и сосуды: о́рнатъ, сту́ла, альба, ми́тра, ки́лихъ, ло́жечка, паты́на.

Богослужебныя книги: ванэлія, мшалъ, трэбникъ, часосло́въ, псавты́ра, апо́стулъ.

Богослуженіе: всэнóчная, ютрэдня, мша, нэшпуръ, молéбэнъ, парастáсъ, панахи́да, акáфистъ.

Молитвы и таинства: пáцюръ—Отче нашъ, Ойче-нашъ, Богородиця, Здровась-Марія, Вирую, Веже въ Боґа, рожáнэць, ґодзи́нки, корóнка, комунія, сакрамэнтъ, сповэдь, хрэстъ, бижмоване, шлюбъ, свенты — олей, поку́та.

Каждая группа названій разныхъ предметовъ, перечисленныхъ мною выше, подверглась въ Ломазахъ и сосѣднихъ мѣстностяхъ, большому или меньшому вліянію польскаго языка, но что касается церкви и ея принадлежностей, молитвъ, богослуженія и даже священныхъ лицъ, то здѣсь полонизмы встрѣчаются на каждомъ шагу, и такую номенклатуру привила къ мѣстному русскому говору существовавшая до 1875 года церковная унія, позаимствовавшая эти наименованія отъ польскаго костела.

Польскій pacierz отъ латинскаго pater измѣнился въ мѣстномъ говорѣ въ пáцюръ; nieszporу отъ лат. vesper—вечеръ—въ нэшпуръ.

Здѣсь существуетъ обычай не только у упорствующихъ уніатовъ, но даже иногда и среди православныхъ (бывш. уніатовъ) вписываться въ разныя католическія братства: рожанець, коронку, шкаплеры и т. п. Эти братства распространились въ народѣ съ 60-тыхъ годовъ, т. е. со времени возстанія поляковъ и освобожденія крестьянъ. И теперь нерѣдко можно видѣть въ домѣ православнаго католическія четки (рожанцы или коронки), по которымъ читаютъ польскія молитвы: Ojcze nasz, Zdrowaś Maryja, Wierzę w Boga. Здѣсь во время уніи одни молились по русски, другіе по польски, но большинство говорили въ перемежку то русскія, то польскія молитвы. Въ послѣднее время замѣчается, что среди молодежи, воспитанной въ русскомъ духѣ въ народныхъ школахъ, многіе начинаютъ держаться обычаевъ православной церкви и въ разговорѣ стараются употреблять русскія названія священныхъ лицъ, молитвъ, богослуженія, принадлежностей православнаго храма.

Вообще, вѣроисповѣдный вопросъ, на почвѣ котораго происходитъ вѣковая борьба двухъ родственныхъ народностей, составляетъ въ Забужной Руси больное мѣсто, которое Богъ знаетъ, когда окончательно излѣчится. Не смотря на сравнительно короткій промежутокъ времени, русское дѣло въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ сдѣлало въ Забужьи большіе успѣхи: $^4/_5$ населенія уніатскаго присоединилось къ православію, повсемѣстно устроены русскія училища, въ которыхъ охотно обучаются всѣ безъ различія вѣроисповѣданія, и русское вліяніе замѣчается почти на каждомъ мѣстѣ; пройдутъ еще десятки лѣтъ такого направленія и можно будетъ надѣяться, что и остальная $^1/_5$ часть населенія, находящагося теперь въ переходномъ состояніи, образумится, возвратится къ вѣрѣ своихъ предковъ и будетъ себя называть русскимъ именемъ.

Церковные и народные праздники и посты.

Пили́пувка
Коляда́
Руздво́
Свя́тки, (Святыи вэчера́).
Го́готы (Канунъ Нов. года).
Но́вы руокъ
Водяна́я Коляда (Канунъ Богоявленія).
Трохъ круди (Крещеніе).
Трохъ святыхъ (Василія Вел., Григ. Богос., Іоанна Злат.).
Грумни́ци (Срѣтеніе).
Всэіедны тыждэнь.
Ма́сляниця.
За́пусты (Заговины).
Вэлики пуостъ.
Благовіещене.
Вэрбная нэдіеля, Вэрбниця.
Стра́сьци.
Вэликдэнь.
Про́воды.
Юрія.
Мико́лы вэсняно́го.
Вшэ́сьця (Вознесеніе).
Зэлёныи свя́тки (Тройца).
Пэтруовка.
Зэленьця́ (15 Іюня).
Святого Яна (24 Іюня).
Пэтра́
Спасуовка, Спа́сувка.
Спа́са (Преображеніе).
Успіене, Ма́тка-Бо́жа.
Головосіека (Усѣкновеніе).
Маковіея (1 августа).

Пречи́ста (Рожд. Пресв. Богородицы).
Че́сного Хрэста́ (Воздвиженіе).
Яна Богосло́ва
Покро́ва.
Кузьмы и Дэмьяна.
Вовэдэне.
Миколы зимнёго.
Га́нны (25 Іюля).
Пья́тюнки (Параскевы).
Всіе́хъ святы́хъ.
Сорокъ святы́хъ.
Помина́льниця.
Льи (Иліи)
Варвары (4 декабря).
Миха́йла.
Пра́зникъ (храмовой праздникъ).
Прэтэчи (7 января).

Изъ всѣхъ святыхъ, послѣ Пресвятой Троицы и Богородицы, наиболѣе почитается здѣшнимъ народомъ Николай Чудотворецъ, какъ покровитель сиротъ и несчастныхъ, и потому въ честь этого святого много построено храмовъ въ Забужной Руси. Здѣсь, какъ вездѣ на Руси, простой народъ соблюдаетъ всѣ посты очень строго; даже малымъ дѣтямъ и больнымъ не даютъ скоромной пищи и только, по настоянію врача, даютъ неохотно послѣднимъ мясо, яйца, молоко.

По народному понятію, нарушеніе постовъ считается величайшимъ грѣхомъ, бо́льшимъ, чѣмъ кража, пьянство, обманъ: напримѣръ, воръ украдетъ, но въ постъ не станетъ пробовать скоромнаго. Кромѣ пятницы и середы, нѣкоторые православные изъ бывшихъ уніатовъ, вступившихъ въ какое нибудь католическое братство, постятъ по субботамъ и въ нѣкоторые дни въ году (сухедни) ѣдятъ только сухой хлѣбъ безъ горячей пищи. Праздники, какъ и посты, тоже соблюдаются строго, и рѣдко здѣсь бываютъ случаи ихъ нарушенія: обычая возить въ воскресенье или въ праздникъ сѣно, хлѣбъ, палить свинью и т. п., какъ это иногда практикуется въ Новороссіи, въ Забужьи не существуетъ. Тройцу, какъ Рождество и Пасху, здѣсь празднуютъ три дня. Въ Святки отъ Рождественскаго сочельника до Крещенія въ старину никто не работалъ и теперь нѣкоторыя бабы не прядутъ, чтобы ленъ не перевелся. Здѣсь очень любятъ ходить по праздникамъ на богомолье (на о́тпусты—на отпущеніе грѣховъ)

въ сосѣднія церкви и костелы, когда тамъ бываютъ храмовые праздники, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся чудотворныя иконы. Самое многолюдное собраніе православныхъ богомольцевъ изъ близкихъ и дальнихъ мѣстностей бываетъ въ г. Холмѣ (Любл. губ.) на Рождество Пресвятой Богородицы и Лѣснѣ (Сѣдл. губ.) на Троицу и на Воздвиженіе; а въ костелахъ — въ Люблинѣ и Ченстоховѣ, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери[1]). Въ Ченстоховъ весной, какъ извѣстно, стекается ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ Польши, въ числѣ которыхъ не малое число находится и бывшихъ уніатовъ изъ Люблинской, а особенно изъ Сѣдлецкой губ. Въ Ченстоховъ идутъ «на отпустъ» не только упорствуюшіе, но даже многіе изъ православныхъ, и нѣкоторые изъ нихъ послѣ возвращенія домой въ свою очередь дѣлаются упорствующими. Паломничество бывшихъ уніатовъ въ Ченстоховъ, Люблинъ и другія мѣста католическихъ святынь началось со времени освобожденія крестьянъ (съ 1861 г.), а въ настоящее время развилось до такой степени, что рѣдко кто изъ упорствующихъ не посѣщаетъ каждый годъ этихъ отдаленныхъ костеловъ. Этимъ случаемъ пользуются ксендзы: изъ религіозно-національной ненависти къ русскимъ они на исповѣди внушаютъ темному люду не ходить въ «схизматическія» церкви и не обращаться за церковными требами къ «попамъ». Молодое поколѣнье, выросшее на свободѣ и не испытавшее на себѣ панскаго ярма, легко поддается вліянію польской партіи, враждебно относящейся къ Россіи, тѣмъ болѣе, что почва къ этому была подготовлена раньше ополяченными уніатскими священниками,

1) Ченстоховская чудотворная икона Божіей Матери — древнее достояніе русской церкви. Святыня эта, привезенная изъ Греціи, съ древнихъ временъ находилась въ Белзской православной церкви въ Галиціи, откуда была взята въ видѣ добычи княземъ Владиславомъ Опольскимъ въ 1377 г. и оставлена имъ въ 1382 г. на Ясной горѣ вблизи Ченстохова, гдѣ она съ тѣхъ поръ сохраняется въ римско-католическомъ монастырѣ.

изкажавшими произвольно греческій обрядъ и усердно вводившими въ уніатскую церковь органы, колокольчики, монстранціи, пѣніе рожанца и т. д. Уніатское духовенство само толкало своихъ прихожанъ въ латинство, и если оно заводило споры съ ксендзами за совращеніе въ католичество уніатовъ, то единственно изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ, чтобы не лишиться доходовъ, получаемыхъ за требы. Такъ поступилъ, между прочимъ, одинъ изъ лучшихъ уніатскихъ священниковъ Калиновскій въ мѣстечкѣ Ломазахъ. Когда въ началѣ 60-хъ годовъ польскій ксендзъ въ Ломазахъ устроилъ рожанцовое братство, сулящее много индульгенцій, тогда нѣкоторые изъ русскихъ прихожанъ, особенно бабы, вписались въ него и начали ходить въ костелъ. Видя убыль своихъ прихожанокъ, Калиновскій началъ хлопотать у католическаго епископа Веніамина Шиманскаго послать ему изъ Янова доминиканца, для введенія рожанцоваго братства въ Ломазскую уніатскую церковь; Ломазскій же ксендзъ сталъ просить епископа ни въ какомъ случаѣ не разрѣшать, чтобы въ церкви пѣли рожанецъ, такъ какъ по восточному обряду это братство неумѣстно. Но епископъ былъ политикъ: не только разрѣшилъ это сдѣлать Калиновскому, но даже преподалъ ему свое благословеніе на это нововведеніе въ уніатской церкви[1]. Тогда Калиновскій привезъ доминиканца въ Ломазы и въ воскресенье прежде самъ торжественно поступилъ въ братство, а потомъ записалъ въ него многихъ прихожанъ и тѣхъ лицъ, которыя раньше поступили въ братство Ломазскаго костела.

---

1) Веніаминъ Шиманскій, католическій епископъ Подляccкой епархіи, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, пользуясь своимъ авторитетомъ и слабостью Холмскихъ уніатскихъ епископовъ, стремился уничтожить греческій обрядъ въ забужныхъ церквахъ, и всѣхъ уніатовъ обратить въ латинство. Шиманской самовольно вмѣшивался въ дѣла уніатской церкви, и дѣлалъ свои распоряженія; особенно же онъ являлся полновластнымъ хозяиномъ въ подляшскихъ русскихъ приходахъ, гдѣ его дѣятельность простиралась даже до мелочей. Однажды, посѣщая Бѣльскій базиліанскій монастырь, велѣлъ передѣлать на иконостасѣ православный восьмиконечный крестъ на латинскій четырехконечный.

Сначала многимъ русскимъ прихожанамъ это нововведеніе очень не нравилось, такъ что, кромѣ нѣсколькихъ бабъ и мужчинъ, остающихся пѣть рожанецъ, всѣ почти уходили изъ церкви. Но когда послѣ истеченія нѣсколькихъ лѣтъ начали въ церквахъ устранять польско-латинскія нововведенія, то Ломазскіе прихожане ухватились за рожанецъ, какъ за якорь спасенія, и ни за что не соглашались на его уничтоженіе, говоря, что если имъ не дозволяется пѣть по польски, то пусть переведутъ рожанецъ на русскій простонародный языкъ. Много хлопотъ было духовнымъ властямъ съ этимъ рожанцемъ, вызывавшимъ неразъ народныя волненія въ Ломазахъ и другихъ подляшскихъ приходахъ. Но не изъ-за одного только рожанца пришлось бороться съ уніатами: не легко было вывести изъ употребленія и другіе католическіе обычаи, вошедшіе сравнительно недавно въ уніятскія церкви — органы, монстранціи, польскія проповѣди, колокольчики и т. п. Теперь предстоитъ нелегкая задача — возвратить заблудшихъ уніатовъ, отрекающихся отъ вѣры своихъ предковъ и народности: упорствующіе уніаты, называя себя католиками и поляками, не соблюдаютъ русскихъ праздниковъ и постовъ и враждебно относятся къ православной церкви. Сначала ихъ упорство было основано на вѣроисповѣдномъ разногласіи, а нынѣ оно приняло уже польско-національную окраску: среди этихъ людей циркулируютъ разныя заграничныя польскія пѣсни, брошюры и книжки, возбуждающія ненависть по всему русскому. Эти упорствующіе до того нафанатизированы, что даже изъ любопытства не заглянутъ въ церковь; проходя мимо православнаго храма, шапокъ не снимаютъ и не крестятся; скорѣе природный католикъ простолюдинъ зайдетъ въ православную церковь и перекрестится, но упорствующіе, или какъ здѣсь называютъ ихъ калакуты, ни за что. Вообще, «калакуты» по своему невѣжественному предубѣжденію къ православной церкви, весьма схожи съ нашими закоренѣлыми сектантами и раскольниками: старовѣрами, молоканами и проч.

Народные обычаи во время праздниковъ.

Въ Рождественскій постъ (Пилиповку) парни и дѣвушки собираются на вечеринки (на вечуркѝ). Дѣвушки на этихъ вечеринкахъ прядутъ, а парни съ ними шутятъ, разсказываютъ сказки, поютъ польскія и русскія колядки (кóляды). Польскія колядки, находящіяся въ печатномъ сборникѣ «Kantyczki», по большей части шутливаго характера и возбуждаютъ въ присутствующихъ смѣхъ и остроты; русскія же, переписанныя въ тетрадяхъ или же помѣщенныя въ сборникѣ Львовскаго или Варшавскаго изданія и отличающія болѣе религіознымъ содержаніемъ и болѣе пріятными напѣвами, чѣмъ польскія, очень нравятся молодежи и взрослымъ, хотя не всѣ выраженія въ нихъ имъ понятны, такъ какъ эти духовныя пѣсни сложены на церковно-славянскій ладъ съ примѣсью въ большей или меньшей степени народныхъ словъ и оборотовъ мѣстнаго языка. Отрывки нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, какъ образецъ произведенія церковныхъ книжниковъ, привожу ниже:

1) Нэбо и зэмля 2 ныни торжествуютъ,
Ангэлы, людэ 2 вэсело празнуютъ,
Христосъ родився, Богъ воплотився,
Ангэлы спиваютъ, Цара витаютъ,
Пастыріе граютъ, быдлята клякаютъ,
Поклонъ отдаютъ, чудо, чудо повидаютъ.
Тріе царіе 2 отъ востокъ придоша:
Смирну и ливанъ 2 ему принэсоша.
Христосъ родився, Богъ воплотився и т. д.
А мы рождэнну 2 ему поклонъ даймо,
Слава во вышнихъ 2 ему заспиваймо,
Христосъ родився Богъ воплотився,
Ангэлы спиваютъ, Цара витаютъ,
Пастыріе граютъ и т. д.

2) Новое лі̑ето зачинае,
Новы царъ цара низлагае.
Убого ся народивъ,
Богатого засмутивъ Ирода!
Смутятся вси иродіянэ,
Крушатся въ Египти болваны:
Бо насъ отъ тьмы возвэдэ
И ко свиту привэдэ заблудшихъ.

3) Днэсь зъ Ді̑евы Христосъ рождается
Во вэртэпи Виѳлійскомъ,
Яко зэмэль повивается
Въ Виѳліеми Юдэйскомъ:
Того витайтэ и величайтэ,
Пі̑есню пі̑этэ, радость молі̑этэ,
Слава Богу во вышнихъ!

Въ рукописныхъ спискахъ часто встрѣчаются искаженія, затемняющія смыслъ пѣсни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ такими искаженіями ихъ пѣли до 60-хъ годовъ, пока не появились печатные сборники съ варіантами этихъ духовно-религіозныхъ пѣсенъ. Такъ какъ въ пѣсняхъ этихъ часто попадаются не народныя выраженія и не соблюдаются всѣ звуковыя особенности мѣстной рѣчи, то онѣ не могутъ служить образцомъ какого-нибудь мѣстнаго малорусскаго говора. Въ каждой мѣстности Забужья встрѣчаются особыя пѣсни духовнаго содержанія; даже въ г. Соколовѣ среди омазуренныхъ мѣщанъ я слышалъ какъ подъ окномъ на Рождество пѣли парни русскую колядку, вовсе мнѣ незнакомую. Подобнаго рода пѣсни распространены въ Галиціи и на Волыни.

Въ Рождественскій сочельникъ (на кóляду) приготовляютъ обильный ужинъ (вэчéру) изъ многихъ постныхъ яствъ. До первой звѣзды (зоры́), кромѣ маленькихъ дѣтей, почти всѣ взрослые ничего не ѣдятъ и даже воды не пьютъ. Днемъ ходятъ по ха-

тамъ мальчики и дѣвочки въ одиночку и поютъ: Ой Коляда, Колядиця! Дайтэ мачку и кутицю и т. д. Имъ даютъ по маленькой булочкѣ, нарочно испеченной для этой цѣли. Вечеромъ, когда покажется на небѣ первая звѣзда, настилаютъ на столъ сѣна, закрываютъ его бѣлою скатертью (обрускомъ), а въ переднемъ углу подъ образами (на пóкути) ставятъ ржаной снопъ. Когда вся семья соберется въ хату на ужинъ, то передъ ѣдой, какъ всегда дѣлается, всѣ крестятся и молятся, затѣмъ садятся за столъ. Въ 60-ти годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья, между прочимъ, и въ Ломазскомъ приходѣ существовалъ польскій обычай передъ ужиномъ дѣлиться облатками, купленными у органиста ближайшаго костела или у странствующаго католическаго монаха, собирающаго милостыню для своего монастыря, и теперь этотъ обычай во многихъ мѣстахъ существуетъ. Во время ужина обыкновенно приходитъ какая нибудь бѣдная старуха подъ окно хозяина и колядуетъ. Ей выносятъ кусокъ ситняго хлѣба и пирогъ (колядни́къ).

На первый день Рождества Христова послѣ возвращенія изъ церкви собираютъ сѣно со стола и отдаютъ его воламъ и коровамъ, а ржаной снопъ остается на пóкути до Крешенія.

На второй день въ Ломазахъ, а въ другихъ мѣстахъ и на третій, парни и мальчики отдѣльными группами ходятъ вечеромъ колядовать: одни безъ звѣзды, а другіе со звѣздой, сдѣланной ими въ Пилиповку. Звѣзду эту (ґвя́зду) дѣлаютъ изъ «обича́йки», стараго рѣшета или сита и бѣлой бумаги, намазанной льнянымъ масломъ для лучшаго пропуска свѣта отъ горящей свѣчки внутри этой звѣзды. Чтобы звѣзда не сгорѣла, то во время колядованія постоянно оборачиваютъ ее вокругъ оси, на которой воткнута зажженная свѣча. Эта звѣзда съ четырьмя или съ шестью рогами, украшенными бумажными лентами, очень красива и производитъ больше эфекта ночью, чѣмъ малороссійская въ Херсонской губ. Здѣсь тоже мальчики дѣлаютъ звѣзду, но только безъ освѣщенія и носятъ ее, когда колядуютъ, не вечеромъ, а днемъ. Придя цѣлой компаніей подъ окно чьей нибудь хаты, колядующие всѣ

хоромъ говорятъ громогласно: «Нехъ бэндзе похвалёны Езусъ Христусъ! Чи кажетэ піесню піети — свуой дуомъ вэсэлитя?»— Кажемо, отзываются въ хатѣ. «А якói, русьскои, чи пуольськои»? Въ одной хатѣ просятъ пѣть русскую такую-то колядку, въ другой — польскую такую-то пѣсню. И всѣ поютъ, иногда охрипшими голосами, подъ аккомпаниментъ скрипки; послѣ окончанія пѣнія выносятъ имъ колядни́къ—ржаной ситній или пшеничный хлѣбъ, который кладутъ въ мѣшокъ. Затѣмъ подходятъ по очереди къ сосѣдней хатѣ и поютъ русскую или польскую колядку по желанію домохозяевъ. Такимъ образомъ обходятъ всѣ хаты въ селѣ или въ мѣстечкѣ и собранные «колядники́» на другой день продаютъ и деньгами дѣлятся поровну. Иногда дѣвушки на вырученныя деньги отъ продажи колядниковъ покупаютъ для церкви иконы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забужья, какъ, напримѣръ, въ Докудовѣ, Стидёнкѣ, Ломазахъ, существуетъ обычай среди парней—ходить по хатамъ въ Рождественскіе праздники (на второй и третій день) ряжеными: козой, конемъ, смертью съ косой, жидомъ, цыганомъ, Иродомъ со свитой — старшиной. Эта труппа доморощенныхъ актеровъ, представляющая собою живой малороссійскій вертепъ или польскую шопку, за свою игру съ польскими и малорусскими діалогами получаетъ въ каждой хатѣ отъ 5 до 10 копѣекъ.

Канунъ Новаго года называютъ здѣсь Го́готами, а вечеръ— Щедрымъ вэ́чуромъ или Василёвымъ вэ́чуромъ. Въ этотъ вечеръ ходятъ по хатамъ щедровать или, по мѣстному выраженію, гота́ти. Щедрующій, придя въ хату, говоритъ нараспѣвъ: Василёва мати пошла гоготати: гу-гу-гу, дайтэ того, що на рогу— кя́шки, колба́ски и всего, що зъ вашеи ласки! И его одариваютъ чѣмъ нибудь съѣстнымъ. Въ Докудовѣ въ этотъ вечеръ парни и дѣвушки устраиваютъ маскарадъ: переодѣвшись въ цыганъ, нищихъ, странниковъ, съ самодѣльными масками на лицѣ врываются шумно въ хату, если не заперта, начинаютъ просить у хозяевъ хлѣба, сала, денегъ и т. п. Въ то время, какъ одни осаждаютъ просьбами на счетъ подачки, другіе шарятъ по всѣмъ

угламъ и стараются что нибудь стащить—дѣвушки ленъ, нитки, а парни—хлѣбъ, сало, колбасу и т. д. Многіе отъ этихъ безпокойныхъ посѣтителей запираются, но замаскированные все таки ухитрятся внезапно ворваться въ хату и тамъ что нибудь выпросить или украсть незамѣтно. Вся эта комедія сопровождается большимъ шумомъ и смѣхомъ.

Въ Новый годъ въ Забужномъ краѣ не существуетъ обычая у крестьянъ и мѣщанъ—земледѣльцевъ поздравлять другъ друга съ наступающимъ новымъ годомъ, какъ это дѣлается среди интеллигенціи въ среднемъ и въ высшемъ классѣ; здѣсь и мальчики не ходятъ съ этой цѣлію по хатамъ, какъ въ Херсонской губ., въ Новой Прагѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Новой Прагѣ на Новый годъ ходятъ мальчики съ поздравленіемъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и, вошедши въ домъ, поютъ слѣдующую пѣсню и въ заключеніе посыпаютъ зерномъ комнату:

А въ поля, въ поли самъ Господъ хо̀дэ,
Самъ Господъ хо̀дэ. Дива Марія,
Дива Марія йисты носыла,
Йисты́ носыла, сына просыла:
Уроды, Боже, жито, пшеныцю,
Жито, пшеныцю, всяку пашныцю.
Що въ поли зэрно, то въ доми добро.

Сію, вію, посиваю, зъ Новымъ годомъ поздоровляю. (Въ это время посыпаютъ полъ пшеницею).

На Водяную Коляду (Канунъ Богоявленія) всѣ постятъ до святой воды. Въ этотъ день, какъ и въ Рождественскій сочельникъ, приготовляютъ много постныхъ кушаньевъ для поздняго обѣда. Въ Докудовѣ на Водяную Коляду бѣдныя старухи ходятъ по селу и колядуютъ, распѣвая подъ окнами рождественскія пѣсни.

На Крещеніе, послѣ возвращенія съ іордани (ёрда́на), каждый домохозяинъ зажигаетъ грумни́цу (то что у православныхъ страстная свѣча) и копотью ея дѣлаетъ кресты въ хатѣ на балкѣ потолка и на верхнихъ косякахъ (ушака́хъ) дверей и оконъ; а іор-

данской водой, которую всѣ съ благоговѣніемъ пили, возвратившись домой, хозяинъ (господаръ) окропляетъ всю хату, не забывая ни одного закоулка, чуланъ (комо́ру), чердакъ (гору́) сара́и, хлѣвы (клуню и хливы), «щобъ нэчи́стую си́лу вы́гнати, бо якъ свячона вода капнэ на зло́го духа, то ву́онъ втикае, бо ёго па́литъ, якъ ого́нь». Такую силу приписываютъ и кресту и крестному знамени: когда зѣваютъ или пьютъ воду, то усердно крестятся, «щобъ чортъ не влі́езъ въ чолові́ека».

На Срѣтеніе (Грумни́ци) несутъ въ церковь для освѣщенія самодѣльныя большія восковыя свѣчи, называемыя грумницями. Послѣ возвращенія изъ церкви отецъ семейства зажигаетъ грумницу, поднимаетъ ее къ потолку хаты и дѣлаетъ на балкѣ черный крестъ. Затѣмъ подходятъ жена и дѣти, становятся подъ этимъ крестомъ, и батько каждому изъ нихъ поджигаетъ крестообразно концы волосъ вокругъ головы. Эту свѣчу—грумницу зажигаютъ во время сильной грозы, «щобъ пэ́рунъ не вда́ривъ», и подаютъ въ руки умирающему, «щобъ одогна́ти злого духа». Во время грозы каждый разъ, когда сильно ударяетъ молнія, всѣ набожно крестятся и молятся: крестятся по католически цѣлой рукой, не сгибая двухъ пальцевъ и не дѣлая поклоновъ, и одни говорятъ: Во имя Отца, а другіе—Wimię Ojca и т. д. Польско-католическій обычай освящать свѣчи на Срѣтеніе, принятый уніатами, и теперь сохранился въ православныхъ забужныхъ церквахъ, и въ каждой хатѣ здѣшняго мѣщанина или крестьянина непремѣнно находится громница, какъ у православныхъ въ Россіи страстная свѣча.

Масляницу здѣсь справляютъ довольно скромно въ сравненіи съ тѣмъ, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи; но и въ Забужьи въ этотъ день болѣе замѣчается пьяныхъ, чѣмъ въ другое время. Здѣшняя молодежь, какъ вездѣ, веселится: парни съ дѣвками устраиваютъ музыку, танцуютъ и угощаются до полуночи. Печь блины на масляницу здѣсь нѣтъ обычая.

Въ Великій постъ передъ утренней и вечерней молитвой и послѣ окончанія сохранился въ народѣ издревле обычай бить по-

клоны три раза. Передъ исповѣдью и причащеніемъ просятъ прощенія: дѣти обыкновенно цѣлуютъ руки у родителей, а братья и сестры, наклонивъ слегка голову, говорятъ другъ другу: «Прощай или прощайтэ мэнэ гріешного или гріешную!» А имъ отвѣчаютъ: «Нэхай тэбэ, или васъ самъ Буогъ проститъ». Говѣютъ здѣсь только одинъ день, но бываютъ у исповѣди особенно взрослые нѣсколько разъ въ году, и на храмовыхъ праздникахъ бываетъ столько говѣющихъ, что едва успѣваютъ священники исповѣдывать и причащать. Уничтоженный во время уніи обычай причащать маленькихъ дѣтей, пока еще не вполнѣ возстановился послѣ возсоединенія съ Православной церковью въ 1875 году.

Въ Вербное воскресенье, какъ и въ Малороссіи, мальчики и дѣвочки бьются освященными вербами, приговаривая: Вэрба бье, не я бью: Вэликдэнь за тыждэнь. Освященную вербу затыкаютъ за образа или хранятъ ее въ какомъ нибудь укромномъ мѣстѣ въ коморѣ до тѣхъ поръ, пока рогатый скотъ стоитъ въ хлѣву. Когда же весной въ первый разъ скотъ выгоняютъ на пастбище, то этой вербой ударяютъ его и окропляютъ святой водой, чтобы волы и коровы были здоровы и чтобы не съѣли ихъ волки. Послѣ этого вербу или прячутъ или сожигаютъ.

На Пасху, какъ и вездѣ, красятъ яйца въ разные цвѣта, но преимущественно въ красный[1]). Этотъ праздникъ, какъ повсюду, встрѣчаютъ здѣсь съ большею радостью, и самый бѣдный человѣкъ старается сдѣлать себѣ обновку и приготовить въ изобиліи пасхальный столъ (пáску). Многіе въ теченіе года, не пробующіе яицъ, мяса, на Пасху непремѣнно разговляются этими рѣдкими для нихъ яствами. По народному вѣрованію, кто умретъ въ первый день Пасхи, тотъ пойдетъ въ Царство небесное, хотя бы былъ и великимъ грѣшникомъ, даже разбойникомъ.

---

1) Здѣсь существуетъ обычай приносить къ Пасхѣ яйца въ подарокъ писарю, учителю и другимъ служащимъ и это добровольное приношеніе называется «волочевное» или «волочебное».

Обычая цѣловаться при христосованіи здѣсь не существуетъ, но при встрѣчахъ привѣтствуютъ другъ друга словами: Христосъ воскресъ! Воистэльно воскресъ! Это привѣтствіе употребляется мѣстными жителями, какъ вообще русскими, съ перваго дня Пасхи до Вознесенія; въ другое же время въ теченіе года здѣсь существуетъ польскій обычай говорить при встрѣчахъ: «Нехъ бэндзе похвалены Езусъ Христусъ! — На вѣки вѣкувъ амэнъ». Этотъ обычай привѣтствовать другъ друга сначала существовалъ въ Польшѣ у католическихъ монаховъ, говорившихъ по латыни: Laudator Iesus Christus!—In secula seculorum amen, затѣмъ перешелъ къ польскому простонародью, а въ началѣ истекшаго вѣка распространился и среди холмскихъ уніатовъ, и теперь его придерживаются не только упорствующіе уніаты, но и православные мѣщане и крестьяне. «Похвалены» здѣсь можно слышать на каждомъ шагу, даже и тогда говорятъ, когда идутъ другъ съ другомъ ругаться и драться. У польской интеллигенціи этого обычая не существуетъ.

Когда вся семья соберется въ хату, чтобы разговѣться, то батько идетъ въ кладовую (комору) за «паскою» и выноситъ оттуда большой коробъ, наполненный всякой снѣдью, и говоритъ: Христосъ воскресъ! Воистэльно или благоистэльно воскресъ! ему отвѣчаетъ семья. Поставивъ коробъ на лавку возлѣ стола и помолившись стоя передъ образами[1]), батько садится за столъ съ семьей и начинаютъ всѣ разговляться: прежде всего домохозяинъ дѣлится яйцомъ съ женой, дѣтьми и прислугой, говоря: «Дай, Боже, дождати въ добрумъ здорови Вэликодня натакру͡окъ» «Дай, Боже!» отвѣчаетъ взявшій кусочекъ яйца. Послѣ яйца начинаютъ ѣсть паску; по окончаніи розговинъ всѣ крестятся и моютъ руки въ печкѣ, а оставшіяся крошки и кости отъ паски

---

1) До 1875 года во всѣхъ хатахъ были иконы польскаго или нѣмецкаго письма, а послѣ возсоединенія съ Прав. церк. начали появляться и русскіе образа. Иконы съ польскими и нѣмецкими надписями иногда встрѣчаются и въ Херсонск. губ.

складываютъ въ особое мѣсто въ коробѣ, чтобы ихъ послѣ праздниковъ сжечь и золу высыпать въ саду или на огородѣ, гдѣ растетъ рута, барвинокъ и другіе цвѣты; а затѣмъ хозяинъ уноситъ «свяченое» въ коробѣ въ комору. Мѣщане и крестьяне не накрываютъ пасхальнаго стола, какъ паны, а все съѣстное, приготовленное на Пасху, держатъ въ коморѣ, какъ въ болѣе прохладномъ мѣстѣ; черный ржаной хлѣбъ въ скатерти (въ обрускови) всегда у нихъ лежитъ на столѣ на правой сторонѣ. Христосованіе и умываніе рукъ послѣ ѣды соблюдается во всѣ дни Пасхи, когда обѣдаютъ. Остатки пасхальнаго стола стораются сохранить до Вознесенія. Въ продолженіе пасхальныхъ дней дѣти, парни и дѣвушки собираются большими группами (ку́пами) и развлекаются разными играми, но самою любимою игрою служатъ крашеныя яйца. Парни играютъ на яйца и даже иногда на деньги въ хибки и карты. Для развлеченія устраиваютъ изрѣдка и качель (гойда́нку).

Въ праздники сосѣди и родственники навѣщаютъ другъ друга. При входѣ въ избу привѣтствуютъ хозяина и его жену съ дѣтьми: Христосъ воскресъ! — Богоистэльно воскресъ, отвѣчаютъ гостю. Будтэ здоровы съ святымъ Вэликоднёмъ, говоритъ гость. — Сядайтэ, кумэ, отвѣчаютъ хозяева. Когда угощаютъ гостей водкой передъ закуской, то пьютъ за здоровье другъ друга: Здровы будтэ, сусі͡єдэ; дай, Боже, дочека́ти святого Вэликодня натакру͡окъ! — Дай, Боже, пі͡єте на здоро́ве, отвѣчаетъ въ свою очередь его сосѣдъ. По окончаніи угощенія гости благодарятъ хозяина и его жену: Дякую вамъ за госцину! Богови Святому, отвѣчаютъ хозяева. При прощаньи, гости или просто посѣтители говорятъ: Будтэ здоровы! — Иді͡єтэ зъ Богомъ, отвѣчаютъ хозяева. У здѣшнихъ жителей, при встрѣчахъ и прощаніяхъ, если они односельчане, нѣтъ обычая подавать руку другъ другу; только, если придутъ или пріѣдутъ издалека друзья или родственники, то съ хозяевами цѣлуются или подаютъ руки; маленькія дѣти цѣлуютъ руку своихъ тетокъ, дядей и крестныхъ матерей, особенно если они получаютъ какіе нибудь подарки

(гости́ньци). Когда хозяева или ихъ дѣти придутъ въ свою хату и застанутъ тамъ взрослаго посѣтителя, то привѣтствуютъ его словами: Вита́йтэ до насъ!—Буґъ-за́плаць за вита́не, отвѣчаетъ имъ пришедшій человѣкъ. При встрѣчѣ послѣ долгой разлуки здороваются такъ: Якъ ся маетэ? Чи всі͡е ваши здоровы? Що у васъ доброго чути?—Хвали́ти Бога живэмо и всі͡е здоровы. Якъ же ваши (семья)?—Хвала́-Богу́, всі͡е здоровы.—Той Богу дяковати. Человѣкъ, убитый горемъ, на вопросы привѣтствующаго отвѣчаетъ: Эхъ! Якое мое здоро́ве. Кны́хаю до котрого часу, но нэ здужаго вже роби́ти. Баба моя разура́зъ хорі͡ее, старши сынъ мэнэ покинувъ—неві͡естка его збунтовала; а другіи ді͡ети не слухаютця. Роспуста вэликая тэпэрь на́сьвити. Якъ мы были малыми ще за панщины, то боялися Бога и встыдалися людi͡ей—батькуо͡въ и матэруо͡въ своихъ шановали. А тэпэръ що? Молодыи палятъ папиросы, никому доброго слова не даду́тъ, гуляютъ до свита́ня, а якъ посвари́ти ихъ трохи, що такъ не годитця робити, то во́ни туо͡лько сміютьця и злуютъ и нась старыхъ дурнями называютъ. Звычайно, брыка́ютьця, якъ тэля́та, бо ще молодыи и биды́ нэ знаютъ. А то е мижи йими такіи хло́пци, що въ нэді͡елю або въ свято поодягаютьця по паньськи и думаютъ, що вже вони паны́. Дурныи вони: мужикъ хочъ-бы вбрався и въ золото, а всэ-жъ таки вуо͡нъ мужикъ, а нэ панъ, бо освi͡еты нэ мае такои, якъ панъ. Панъ зъ маленькосци учитьця въ школахъ, и знае, що на́—свити діетьця, а мужикъ тэмны, якъ табака въ рого́ви. А котры́й мужикъ пуо͡йдэ до вышшихъ шкуо͡лъ и нэ доучитьця, то одъ своихъ одстанэ и до пануо͡въ нэ пристанэ и будэ ни бэ, ни мэ, ни кукурi͡еку. Рi͡едко хто съ простыхъ людi͡ей выйдэ на пана и туо͡лько выходятъ такіи хлопци, котрыи маютъ добрую память, добрэ учатьця и нэ роспаскудятьця; но такихъ товарищи паны нэ любятъ. Добрэ якъ хто зъ нашихъ выучитьця на ксёндза, а якъ на крутэля́ пи́сара, то зжалься, Боже, и учити такого сына — лi͡епшъ нэхай будэ господоромъ, бо господаръ, абы працовавъ и шанувався, завше мае хлi͡ебъ и до хлi͡еба; никого вуо͡нъ нэ боитьця, и жіе собi͡е спокуо͡йно.

Всі̑е въ руки господара заглядають — и жидъ, и уженднику (чиновникъ) и панъ, и майстэръ; самъ ву̑онъ йі̑естъ сву̑ой хлі̑ебъ и ще и другихъ кормитъ. Нэма найлі̑епшои профэсіи, якъ господарство. Якъ панщина была, то людэ бидова́ли, а тэпэръ, царство нэбэсное нашому Царови, всі̑емъ добрэ, абы ту̑олько працовали и шанова́лися; но въ тэпэришніи часы́ молодыи людэ гу̑оршіи стали, якъ давні̑ей: впэршъ въ ги́ншумъ сэлі̑е нэ было́ ни одного піякани злóдія, а тэпэръ въ насъ часто пьютъ, крáдутъ, волочатьця по судáхъ, сварáтьця и знэважáють рóдичувъ и старыíхъ. Нэхъ Бу̑огъ борóнитъ, якая тэпэръ вки́нулася роспуста мижи людьми и нэма кому ихъ припынити, щобъ такъ нэ роби́ли».

Такъ высказываютъ свое мнѣніе старики о молодомъ поколѣніи, выросшемъ на свободѣ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. И дѣйствительно замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья и въ Россіи, что въ послѣднія времена нравственность среди молодого поколѣнія понизилась сравнительно со старымъ, болѣе дисциплинированнымъ въ крѣпостное время. Даже въ обращеніи съ интеллигентными лицами замѣчается большая разница между старыми и молодыми: старики отвѣчаютъ всегда вѣжливо и почтительно, между тѣмъ какъ парни въ большинствѣ случаевъ говорятъ грубо и нахально, а на возраженія отвѣчаютъ дерзостями.

Здѣсь въ Забужьи сохранился древній обычай носить въ церковь и на кладбище на Проводы и въ поминальные дни хлѣбъ и миски съ колбасами, яйцами, яблоками и т. п. Нѣкоторую часть этого приношенія отдаютъ нищимъ, а болѣе половины оставляютъ въ пользу церковнаго причта: священника, діакона и псаломщика.

На Георгія (Юрія) весной домохозяева съ дѣтьми носятъ «коровай» на ниву, засѣянную рожью и пшеницею, и катаютъ его по озими; причемъ молятся на колѣняхъ, «щобы Бу̑огъ вродивъ збу̑оже — жи́то и пшени́цю».

На Тройцу (на Зелёныи святки) хату украшаютъ зеленью, какъ это вездѣ бываетъ: на полъ настилаютъ рѣчной аиръ (плиш-

ни́къ), образа убираютъ вѣтками и цвѣтами. На первый день Троицы пастухи (мальчики и парни) привязываютъ березовыя вѣтки къ рогамъ воловъ и коровъ, и рогатый скотъ возвращается вечеромъ домой съ цѣлымъ лѣсомъ молодыхъ деревъ.

На Зэленьця (*15 Іюня*) дѣвушки приготовляютъ вѣночки изъ мелкихъ душистыхъ цвѣтовъ—очитка, чебреца, липоваго цвѣта и т. п. и несутъ въ церковь для освященія. Во время грозы зажигаютъ «грумницю» и кадятъ этими вѣночками въ хатѣ, коморѣ и сѣняхъ, «щобъ пэрунъ нэ спали́въ ха́ты». Этотъ обычай, позаимствованный уніатами отъ католиковъ, сохраняется понынѣ и среди православныхъ Забужнаго края, и теперь можно видѣть эти вѣночки въ каждой хатѣ, висящіе подъ образами.

Въ праздникъ Рождества Предтечи и Крестителя Госп. Іоанна 24 іюня (на сьвятого Яна) подъ стрѣху каждой хаты натыкиваютъ зеленыхъ вѣтокъ. Въ Докудовѣ мальчики надѣваютъ вѣнки изъ вѣтокъ и полевыхъ цвѣтовъ на рога коровъ и воловъ, а дѣвушки пускаютъ свои вѣнки на рѣку и по плаванію ихъ гадаютъ о замужествѣ.

Въ одной малорусской пѣснѣ, записанной на Подляшьѣ въ 20-хъ годахъ Войцицкимъ, ночь на канунѣ этого праздника называется *купальночкой*. Въ эту ночь, по народному повѣрію, распространному повсемѣстно, «па́пороть цвитэ и хто той цві͡етъ на́йдэ, то бу́дэ мі͡ети вэликое щасьце». Первый собиратель народныхъ малорусскихъ пѣсенъ въ Сѣдлецкомъ Подляшьѣ Войцицкій говоритъ въ своемъ сборникѣ «Pieśni Ludu»: «Когда я посѣщалъ русскія селенія на Подляшьѣ (между 1824 и 25 годами), крестьяне указывали мнѣ старика, который на канунѣ св. Яна искалъ въ лѣсу заблудившуюся корову и ему случайно попалъ въ лапти (postoły) цвѣтокъ папоротника, и онъ тотчасъ узналъ о большихъ сокровищахъ, находящихся въ погребахъ Бѣльскаго замка. Но когда старикъ, снимая лапти, уронилъ и потерялъ чудесный цвѣтокъ, то онъ уже не могъ воспользоваться минутнымъ всевѣдѣніемъ, такъ какъ сейчасъ же все позабылъ, что ему сообщилъ этотъ цвѣтокъ».

Въ этотъ праздникъ у поляковъ существуетъ обычай обливаться поутру, когда еще спятъ: близкіе знакомые входятъ въ спальню и выливаютъ стаканъ воды на голову спящаго, и когда онъ въ недоумѣніи вскакиваетъ съ постели, то ему говорятъ: A świętego Iana! Потревоженный неожиданнымъ обливаніемъ успокаивается и пускается въ шутливый разговоръ съ посѣтителемъ. Обычай этотъ распространился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и Забужья.

На Успенье 15 авг. носятъ въ церковь освящать макъ, астры, гвоздику и другіе цвѣты. Изъ каждой хаты несутъ пучекъ этихъ цвѣтовъ въ церковь и послѣ освященія закладываютъ его за образа; а когда кто умретъ, то въ гробъ (въ трунў) кладутъ эти цвѣты.

Въ Малороссіи освящаютъ макъ, гвоздику и астры на Маковея.

На Анну 25 іюля освящаютъ въ церкви горсть ржи и въ началѣ посѣва употребляютъ ее на крестъ, устраиваемый домохозяиномъ на первой грядкѣ и на высѣвку освященныхъ сѣмянъ, какъ я объ этомъ упоминалъ въ описаніи обычая «засіевки».

На Спаса, какъ это вездѣ принято въ Россіи, существуетъ древній православный обычай освящать въ церкви плоды и медъ. Нѣкоторые благочестивые старики и старухи до этого праздника не пробуютъ яблокъ, грушъ, считая грѣхомъ нарушить обычаи своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Храмовой праздникъ въ Забужьи справляютъ очень торжественно: на храмъ обыкновенно пріѣзжаетъ нѣсколько сосѣднихъ священниковъ и приходятъ всѣ почти ихъ прихожане, такъ что небольшая церковь не можетъ вмѣстить всѣхъ молящихся. Послѣ обѣдни всякій домохозяинъ зоветъ къ себѣ въ гости родственниковъ и знакомыхъ изъ сосѣднихъ приходовъ; у мѣстнаго священника собирается много гостей: родственниковъ и знакомыхъ изъ цѣлой округи и продолжается пиръ часто съ музыкой, танцами и разными развлеченіями цѣлую ночь.

Нѣкоторые народные обычаи и повѣрія.

1) Когда кто проходитъ мимо работающихъ, то послѣ обычнаго привѣтствія «Похвалены» всегда говоритъ: «Помагáй вамъ, Боже, до робóты!» — «Бугъ — зáплаць, за доброе слово», отвѣчаютъ ему рабочіе.

2) Если чужой войдетъ въ хату во время ѣды за столомъ, то хозяинъ или хозяйка всегда говоритъ посѣтителю: Прóсимо васъ на полýдэнь (или на вэчеру или на снэдáне)! А вошедшій отвѣчаетъ: Йіе́жтэ (или поживайте) здоровы! Когда дѣйствительно хотятъ угостить чужого человѣка, то просто говорятъ: Идіетэ до насъ вэчéрати! Сядáйтэ за стуолъ и беріетэ ложку!

3) Кòгда кто чихнетъ, то ему говорятъ: на здорóве, и онъ за это благодаритъ: Бугъ—зáплаць.

4) Когда у маленькихъ дѣтей выпадетъ зубъ, то его бросаютъ подъ печку и говорятъ: На тобіе, мышка, зубóкъ костяный, а мніеэ дай зеліезны.

5) Плевать въ огонь грѣшно, «и хто плю́нэ, тому язы́къ спры́щитъ».

6) Если баба перейдетъ дорогу съ пустыми ведрами или заяцъ перебѣжитъ дорогу передъ идущимъ или ѣдущимъ, то считается дурнымъ предзнаменованіемъ, и говорятъ, что будетъ несчастіе.

7) Здѣсь вѣрятъ въ сглазъ, заговоры, вòрожбу и дурныя предзнаменованія и примѣты.

8) Нельзя на себѣ починять одежды и бѣлья, «бо розумъ муожня зашити».

9) Всякое явленіе природы и общественной жизни простой народъ объясняетъ по своему, такъ напримѣръ — войны бываютъ для того, чтобы меньше людей было на землѣ, а то земля не могла бъ держать много народа.

10) О происхожденіи Юліанскаго и Григоріянскаго календаря существуетъ въ народѣ такое объясненіе: Когда Христосъ ро-

дился, то всѣ народы шли къ нему поклониться и принести свои подарки. Полякъ, нѣмецъ, французъ, какъ болѣе ловкіе, наскоро одѣлись и прежде русскихъ прибыли въ Виѳліемъ; «повуольны» русинъ же, пока одѣлъ свой сукманъ и обулся въ постолы да пока снаряжался въ путь и, наконецъ, добрелъ до мѣста рожденія Христа, то опоздалъ послѣ поляка, нѣмца и француза на 12 дней, и вотъ почему Рождество и другіе русскіе праздники бываютъ на 12 дней позже польскихъ праздниковъ. Относительно поклоненія Христу разныхъ народовъ и поднесенія ему подарковъ, то на эту тему сочинена книжниками польская колядка, находящаяся въ печатномъ сборникѣ «Кантычки» (Kantyczki). Въ этой колядкѣ на счетъ русина (малоросса) говорится: «Rusin każe: aliłuja, pomohu ja, do szopy przybywa, swe knyszy dobywa... Knyszy, pyrohy nosyły — Panu dawały, Panu dawały!» Про русскихъ (великороссовъ) сказано: «Moskalowi i znać dano, przykazano: Taak stupaj batiuszka! rodiłsia dietiuszka и т. д. Въ такомъ же родѣ и на языкѣ каждаго народа поется о венгерцѣ, нѣмцѣ, французѣ, испанцѣ. Венгерецъ, по словамъ пѣсни, принесъ Христу духи (zdrowe olejki) и т. д.

Старинные народные обычаи и повѣрья Забужной Руси не вездѣ сохранились въ одинаковой степени: въ однихъ мѣстахъ ихъ существуетъ больше, а въ другихъ меньше, то въ болѣе цѣльномъ видѣ, то въ частичномъ. Къ послѣдней категоріи можно отнести и Ломазскій приходъ; здѣсь сравнительно мало осталось обычаевъ и повѣрій изъ глубокой старины: одни забыты давно, другіе видоизмѣнились, третьи измельчали, и только остались въ такомъ видѣ, въ какомъ я описалъ въ настоящемъ очеркѣ. Вообще, народные обычаи, а особенно повѣрія въ этой мѣстности въ настоящее время значительно ослабѣли и нѣкоторые изъ нихъ находятся на пути къ исчезновенію въ недалекомъ будущемъ. Такое ослабленіе и уничтоженіе народныхъ суевѣрій и предразсудковъ произошло отъ сильнаго вліянія духовенства и просвѣщенія, распространяемаго среди мѣщанъ и крестьянъ народными русскими училищами, находящимися почти повсемѣстно въ За-

бужномъ краѣ. Что касается русскихъ церковно-религіозныхъ обычаевъ, вошедшихъ издревле въ жизнь мѣстнаго населенія, то многіе изъ нихъ во время существованія здѣсь уніи замѣнились польско-католическими и такъ сильно вкоренились, что могутъ исчезнуть только со временемъ, когда разовьется въ народѣ сознаніе своей національности.

Народные обычаи, повѣрія и игры, описанные мною по личнымъ наблюденіямъ, если не всѣ, то во всякомъ случаѣ весьма многіе распространены повсемѣстно въ Забужномъ краѣ, а нѣкоторые изъ нихъ, особенно же повѣрія, относящіяся къ слав. демонологіи и космогоніи, извѣстны и въ другихъ русскихъ областяхъ; такъ, напр., народныя сказанія о происхожденіи аиста, волка, медвѣдя существуютъ и въ Новороссіи.

Изъ приведенныхъ образцовъ Ломазской рѣчи, а также изъ перечисленныхъ названій предметовъ по группамъ видно, что словарь этого говора составленъ изъ двухъ главныхъ элементовъ, развившихся органически въ народной рѣчи — общерусскаго и южно-русскаго, и третьяго — иноязычнаго, вошедшаго впослѣдствіи въ языкъ русскаго народа Забужнаго края.

1) Группа общерусскихъ словъ съ одинаковыми корнями, преобладающая и по своей многочисленности, придаетъ русскій характеръ Ломазскому и другимъ Холмско-Подляшскимъ говорамъ.

2) Южно-русская, или малорусская группа лексикальныхъ формъ раздѣляется на три разряда: а) слова чисто малорусскаго происхожденія съ особыми корнями, не встрѣчающимися въ другихъ русскихъ и инославянскихъ нарѣчіяхъ; б) слова сходныя съ польскими, имѣющія общіе корни. Надо полагать, что большинство подобныхъ словъ развилось въ южно-русской рѣчи самостоятельно, безъ вліянія польскаго языка, что̀ подтверждается иногда и памятниками нашей древней письменности; в) наконецъ, особыя мѣстныя слова, сохранившіяся съ древнѣйшихъ временъ или развившіяся на почвѣ Холмско-Подляшскихъ говоровъ. Въ этихъ трехъ разрядахъ часто встрѣчаются древне-русскія слова

и выраженія, вышедшія нынѣ изъ употребленія въ лит. русскомъ языкѣ.

3) Къ третьей группѣ принадлежатъ слова разноврем. иноязычнаго происхожденія — польскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, французскаго и тюрко-татарскаго. По количеству инородныхъ словъ, вошедшихъ въ забужные говоры, первое мѣсто занимаетъ польскій элементъ, а послѣднее — тюрско-татарскій (калямáръ, шайтáнъ, бирки, а-псикъ, гиша, ирха, дахъ и т. п.).

Къ послѣдней группѣ принадлежитъ значительное количество словъ чисто польскаго происхожденія или же перешедшія черезъ польскій языкъ латинскія, нѣмецкія, французскія слова, которыя въ мѣстныхъ народныхъ говорахъ въ большей или въ меньшей степени видоизмѣнились согласно фонетикѣ малорусскаго языка. Число словъ польскаго и иностраннаго происхожденія въ забужныхъ малорусскихъ говорахъ разнообразное: въ однихъ говорахъ этихъ словъ находится больше, въ другихъ меньше, смотря по мѣстности, бывшей подъ большимъ или меньшимъ польскимъ вліяніемъ. Здѣсь всѣ техническіе термины названія церковныхъ предметовъ, духовн. лицъ и богослуженія, общія названія однородныхъ вещей позаимствованы изъ польскаго языка точно такъ, какъ въ Малороссіи употребляютъ великорусскія названія, перенятыя въ послѣднія времена. Въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ подобныхъ говорахъ, одни малорусскія слова забыты и замѣнены польскими, другія продолжаютъ употребляться наряду съ польскими. Забужные говоры съ трехъ-элементнымъ составомъ существовали въ періодъ польскаго вліянія до послѣдняго польскаго бунта; послѣ же усмиренія мятежа, въ половинѣ 60-хъ годовъ, когда наше правительство ввело русскій языкъ во всѣхъ учрежденіяхъ и устроило русскія народныя училища, началось русское вліяніе и на мѣстный малорусскій языкъ, и въ составъ его начали входить мало-по-малу книжныя русскія слова и выраженія, а въ настоящее время великорусскій, по времени четвертый, элементъ очень замѣ-

тенъ въ народныхъ говорахъ. Русскія слова постепенно вытѣсняютъ польскія, и каждый мѣстный говоръ принимаетъ болѣе чистый обликъ русскаго языка. Но и вліяніе польскаго языка продолжается въ Забужьи, хотя не въ такой степени, какъ прежде, когда этотъ языкъ господствовалъ и въ уніатской церкви (проповѣди, пѣсни, разговоръ священника на польскомъ языкѣ), и въ государственныхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья, особенно въ Сѣдлецкой губ. и въ настоящее время польскій языкъ употребляется при пѣніи и при совершеніи молитвъ не только среди упорствующихъ, но часто и среди православныхъ мѣщанъ и крестьянъ. Здѣсь по католическому польскому обычаю бывшіе уніаты по привычкѣ ходятъ въ костелъ и нѣкоторые даже и въ православную церковь съ польскими книжками «до набоженства». Но русскій лит. языкъ во многихъ мѣстностяхъ Забужья теперь больше оказываетъ вліянія на малорусскіе говоры, чѣмъ польскій, такъ какъ на немъ исключительно обучаются въ Забужныхъ народныхъ училищахъ (въ польскихъ мѣстностяхъ преподается и по польски) и дѣти многія слова и выраженія, усвоенныя изъ русской книжки, часто употребляютъ въ своемъ говорѣ. Не мало способствуютъ къ усвоенію русскихъ словъ и выраженій правительственныя учрежденія, гдѣ все дѣлопроизводство ведется на русскомъ языкѣ. Но самымъ могучимъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи служитъ русская книга, появившаяся со времени водворенія въ Забужьи русской школы; въ настоящее время въ каждой почти хатѣ можно встрѣтить книжку для чтенія, взятую изъ училищной библіотеки или же купленную на ярмаркѣ — до послѣдняго польскаго возстанія, за рѣдкими исключеніями, въ мѣстечкахъ русской книги не существовало вовсе, а только въ нѣкоторыхъ домахъ были польскія или славянскія духовнаго содержанія; въ деревняхъ же, гдѣ грамотныхъ мало встрѣчалось, не было никакой книжки — ни русской ни польской. Русская школа развила среди молодого поколѣнія любовь къ чтенію, и теперь часто можно видѣть какъ въ крестьянской или мѣщанской хатѣ маль-

чикъ или дѣвочка читаютъ вслухъ, а взрослые слушаютъ со вниманіемъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ интересуются и политикой и выписываютъ дешевыя газеты.

V.

Народныя названія мѣстностей Сѣдлецкаго Подляшья, по Ломазскому произношенію.

Народныя названія мѣстностей по большей части сохранились съ древнихъ временъ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ лѣтописи и старинные акты. Эти народныя названія составляютъ единственный памятникъ нѣкоторыхъ формъ древняго языка мѣстнаго кореннаго русскаго населенія. Со времени перехода Подляшья послѣ Люблинской уніи (1569 г.) подъ власть Польши, многія географическія названія приняли польскую форму и въ такомъ видѣ употреблялись оффиціально почти до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія и только послѣ польскаго возстанія во время введенія реформъ въ царствѣ Польскомъ было обращено вниманіе на мѣстныя русскія названія Забужнаго края. Но не всѣ народныя названія мѣстностей возстановлены, и при нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ употребляются оффиціально прежнія польскія названія какъ, наприм.: Влодава, Вогинъ, Вишница и т. д., вмѣсто народн. Володава, Воинь, Вишничи.

Народныя географическія названія русскаго Забужья, относительно ихъ формы, употребляются въ единственномъ и множественномъ числѣ съ окончаніями: **ово—ево, овка—евка, ецъ, иця—ици, скъ (= скій) ъ—ь, инъ, енъ, инка, енка, а (= ая), но (= не, ное), е (= ье), и—ы, ичи—овичи.** Это наиболѣе распространенныя окончанія народ-

ной географической номенклатуры. Но кромѣ перечисленныхъ формъ, существуютъ еще наименованія; не имѣющія общей системы окончаній. Въ лингвистическомъ отношеніи мѣстныя географическія названія можно раздѣлить на четыре главныхъ группы: общеславянскую, русскую, польскую и ятвяго-литовскую. Къ послѣдней группѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ тѣ названія мѣстностей Сѣдлецкой губ., лексическое значеніе которыхъ не поддается объясненію при помощи славянской этимологіи. Къ такимъ названіямъ принадлежатъ — Ломазы, Юсаки, Шенейки, Вортель, Докудовъ, Кошолы и другія.

«Всѣ названія городовъ и селеній, проистекаютъ изъ двухъ источниковъ—изъ именъ личныхъ и нарицательныхъ, усложняясь, хотя не всегда, различными окончаніями. Большинство названій мѣстностей въ славянскихъ земляхъ происходитъ отъ именъ личныхъ, но изслѣдованіе ихъ труднѣе сравнительно съ нарицательными названіями, такъ какъ многія старославянскія собственныя имена намъ вовсе незнакомы и потому легко могутъ быть отнесены, по ошибкѣ, къ нарицательнымъ. Затрудненіе увеличивается вслѣдствіе непостоянства окончаній. Одни и тѣ же окончанія, за небольшими изъятіями, встрѣчаются одинаково и въ тѣхъ и въ другихъ названіяхъ. Уразумѣнію первоначальнаго смысла названій мѣстностей не всегда помогаютъ стародавніе документы. Часто названія представляются въ нихъ уже сильно искаженными. Тогда приходится прибѣгать къ помощи этимологіи, мѣстной топографіи и археологіи. Разоблаченіе внутренняго смысла названій мѣстностей приближаетъ насъ, такъ сказать, къ самому зародышу славянскаго быта. Но нѣтъ надежды раскрыть значеніе всѣхъ названій (А. В. Лонгиновъ, Червенскіе города, стр. 2—3)».

Городъ Брестъ-Литовскъ.

Самымъ древнимъ русскимъ поселеніемъ на рѣкѣ Бугѣ, на границѣ Сѣдлецкой губ., считается г. Брестъ-Литовскъ, Грод-

ненской губ. Брестъ былъ главнымъ городомъ до конца XVIII столѣтія сначала Берестейской области при удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князьяхъ, потомъ, съ 1520 г. Подляшскаго и, наконецъ, съ 1569 г. Брестскаго воеводства, въ составъ которыхъ всегда входила Забужная Русь. Сѣдлецкой губ. Брестъ, упоминаемый въ Несторовой лѣтописи (1019 г.) подъ именемъ Берестье, а въ Ипатьевской — Берестій, называется въ западно-русскихъ истор. актахъ—Bерестъ. И это названіе древняго русскаго города сохранилось до сихъ поръ въ народѣ— Бэ́рэсть или, по произношенію Ломазскому, Бэ́рэсьцъ.

Польскій историкъ Шайноха основаніе Бреста-Литовскаго, какъ и основаніе Бреста-Куявскаго и Бреста французскаго, приписываетъ норманнамъ. Но такое предположеніе относительно двухъ старинныхъ славянскихъ городовъ едва ли основательно, такъ какъ на Руси и въ другихъ славянскихъ земляхъ много существуетъ подобныхъ названій, образовавшихся отъ слова берестъ, не говоря даже о томъ, что и въ Грубешовскомъ уѣздѣ Люблинской губ. находится село Берестье. Названіе французскаго Бреста и обоихъ славянскихъ городовъ того же наименованія—различнаго происхожденія, какъ Австрійская Галиція и Испанская Галиція. Названіе Берестье, Берестъ древнерусское, какъ Brześć (Куявскій) древнепольское — оба эти названія въ древне-прилагательной славянской формѣ образовались отъ личнаго имени Берестъ и Brzost, происшедшихъ отъ названія дерева берестъ и brzost. Средній родъ этого названія указываетъ на существованіе села, а мужескій — города: Берестье, т. е. Берестовое село; Берестій—Берестъ, т. е. Берестовъ городъ. Аналогическія формы наименованій старинныхъ славянскихъ городовъ встрѣчаются довольно часто: Перемышль, Ярославль, Любомль, Переяславль, Степань и т. д. Древніе славяне, какъ и другіе первобытные народы, часто назывались именами разныхъ животныхъ и растеній. Наши предки, принявъ христіанскую вѣру, рядомъ съ христіанскими именами надѣлялись въ общежитіи прозвищами разныхъ деревъ, цвѣтовъ, птицъ, звѣрей и

13*

т. п. И въ настоящее время въ народѣ существуетъ множество подобныхъ уличныхъ прозвищъ. И вотъ почему столько встрѣчается фамильныхъ и личныхъ прозвищъ, образовавшихся отъ названій животныхъ и растеній и перешедшихъ во многихъ мѣстностяхъ въ географическую номенклатуру.

Сѣдлецкая губ.

1) *Бѣльскій уѣздъ.*

Біэла — Віаɫа — Бѣла-уѣздный городъ. Въ истор. актахъ XVI и XVII вѣка Бѣла—Била, Alba Ducalis (Княжеская Бѣла) [1]).

Бѣла принадлежала князьямъ Радзивилламъ изъ Несвѣжской линіи. Послѣ выхода замужъ Стефаніи Доминиковны кн. Радзивиллъ за князя Льва Петровича Витгенштейна, Бѣла перешла въ первой половинѣ прошлаго столѣтія во владѣніе князей Витгенштейновъ (И. А. Кубасовъ, Архивъ Брюлловыхъ, стр. 138). Бѣльскіе мѣщане какъ католики, такъ и православные изъ бывшихъ уніатовъ говорятъ по-польски, но въ окрестныхъ деревняхъ и во всемъ уѣздѣ по посадамъ и селамъ мѣщане и крестьяне православные и почти всѣ католики говорятъ на мѣстномъ русскомъ языкѣ, состоящемъ изъ множества народныхъ говоровъ. Говоры эти по своимъ звуковымъ особенностямъ и формамъ можно раздѣлить на двѣ главныя группы — мягкіе бѣло-малорусскіе и твердые полѣсско-малорусскіе. Почти въ каждомъ православномъ приходѣ существуетъ особый говоръ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ находится 32 прав. прихода съ населеніемъ 37, 600 человѣкъ. Всѣхъ жителей въ этомъ уѣздѣ 62 т., изъ коихъ православныхъ 62, 9%, католиковъ 3, 4%, а остальн евреи.

---

1) Рядомъ съ мѣстнымъ малорусскимъ географ. названіемъ привожу польское и оффиціальное русское; если же народное названіе тожественно съ польскимъ и оффиціальнымъ русскимъ, то послѣднія пропускаю.

Ломазскій приходъ.

Въ составъ Ломазскаго прав. прихода входятъ слѣдующія мѣстности:

Посады — Ломáзы, Росу͡ошэ — Rossosz — Россошъ. Пос. Россошъ въ послѣднее время выдѣленъ въ особый приходъ.

Деревни—Лю̀бенка Сьцидю͡онка—Studzianka—Студянка, (въ XVI в. Студеная), Копы́тникъ, Ку͡озлы — Kozły — Козлы.

Хутора: фольварокъ Ломазы, водяные мельницы: Юсакѝ, Шэнэ́йки, Шэ́лестъ.

Ломазскій приходъ самый многолюдный въ Сѣдлецкой губ.; въ немъ числится 3,350 прихожанъ, большая часть которыхъ въ настоящее время считаются упорствующими уніатами. Но кромѣ русскаго населенія, въ Ломазскомъ приходѣ живутъ католики въ небольшомъ количествѣ, нѣсколько татарскихъ семействъ и довольно значительное число евреевъ въ двухъ посадахъ. Татары живутъ въ дер. Студёнкѣ, гдѣ находится ихъ мечеть, единственная въ Привислинскомъ краѣ. Татары поселились здѣсь на правахъ дворянства въ началѣ XV вѣка при Витовтѣ, великомъ князѣ Литовскомъ. Мѣщане и крестьяне, какъ бывшіе уніаты, такъ и католики, говорятъ по-малорусски или, какъ здѣсь выражаются, «по-руськи»; нѣсколько же семействъ польскихъ и татарскихъ изъ мѣстной шляхты говорятъ на польскомъ языкѣ. Такой же говоръ, какъ въ Ломазскомъ приходѣ, существуетъ съ незначительными отличіями и въ сосѣднихъ приходахъ—Кошоловскомъ, Докудовскомъ и Бѣльскомъ. Говоръ этотъ, съ небольшими уклоненіями въ фонетикѣ, распространенъ и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣльскаго уѣзда.

Ломазы одно изъ древнѣйшихъ поселеній Забужной Руси, Сѣдлецкой губ., находятся на рѣкѣ Зелявѣ, притокѣ Кросны, впа-

дающей въ рѣку Бугъ [1]). Основаніе этого поселенія можно отнести къ XIV или даже къ XIII вѣку, такъ какъ въ историческихъ актахъ упоминается оно въ 1446 году. Въ XVI столѣтіи Ломазы были преобразованы изъ села въ городъ (мі̑эсто) съ Магдебургскимъ правомъ; въ 70 годахъ прошлаго столѣтія наравнѣ съ другими мѣстечками Привислинскаго края переименованы въ посадъ. Въ Ломазахъ сохранилось нѣсколько письменныхъ памятниковъ западно-русскаго языка съ XVI и XVII вѣка — привилегіи королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ. Особенно интересный историческій документъ въ этнографическомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія «Люстрація мѣста Ломазъ 1566 року», составленная по-русски Подлясскимъ воеводой княземъ Сапѣгой (Сопига). Въ этой Люстраціи перечислены всѣ домохозяева мѣстечка Ломазы. Въ Ломазской церкви метрическія записи велись до половины XVIII столѣтія на мѣстномъ русскомъ языкѣ. Случалось мнѣ видѣть и частную переписку съ конца того же столѣтія на мѣстномъ нарѣчіи (заемное письмо). Писали тогда полууставомъ.

Судя по фамильнымъ прозвищамъ XVI вѣка и по особенностямъ языка мѣстныхъ жителей, въ Ломазахъ съ давнихъ временъ было, очевидно, смѣшанное населеніе, которое состояло изъ преобладающаго большинства коренныхъ обитателей Прибужья съ примѣсью литовцевъ и мазуровъ, слившихся въ одноязычное населеніе. Уже самыя названія показываютъ, что первыми поселенцами Ломазъ, Шенеекъ, Юсаковъ были выходцы литовскаго происхожденія. Еще и теперь въ Ломазахъ существуетъ фамилія Шенейко. Ломазы и Ломжа (Ломза), очевидно, одного корня—слова. Названія рѣкъ—Зелява, на которой стоятъ Ломазы, и Зельва, притока Нѣмана, Гродн. губ., безъ сомнѣнія, ятвяго-литовскаго происхожденія. Такого же происхожденія, надо полагать, и названіе рѣки Кросна — Крсна — Кржна;

1) Зелява по народному произношенію Желява. Народная форма этого названія встрѣчается и въ историческихъ актахъ XVI вѣка.

первое названіе извѣстно въ Ипатьевской лѣтописи, второе въ актахъ XVI вѣка, а послѣднее употребляется въ настоящее время поляками и на картахъ русскаго изданія. Впрочемъ, эта рѣка пазвана на одной картѣ XVIII вѣка Красна, вѣроятно, по ошибкѣ, такъ какъ въ Волынской лѣтописи XIII вѣка она такъ не называется. Сопоставляя названія рѣкъ—Зелява и Кросна—Крсна и названіе одной деревни въ Бѣльскомъ уѣздѣ Бокинка съ названіями ятвяжскихъ племенъ—Зелинцевъ, Крисменцевъ и Покинцевъ, нельзя не придти къ заключенію, что нынѣшній Бѣльскій уѣздъ (Сѣдл. губ.) былъ ихъ первоначальной родиной, пока они не были вытѣснены отсюда Владиміромъ Святымъ въ 983 г., во время похода его на ятвяговъ, а затѣмъ покорены Ярославомъ Мудрымъ въ 1038 году, какъ объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ русскія лѣтописи и польскія хроники. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ X-го вѣка русскія поселенія существовали въ нынѣшнемъ Бѣльскомъ и Константиновскомъ уѣздахъ, иначе не упоминалось бы Несторомъ Берестье 1019 года, которое было въ то время, очевидно, значительнымъ поселеніемъ въ этой странѣ. По рѣкѣ Кроснѣ, кромѣ г. Бѣлы, расположены слѣдующія мѣстности: городъ Межирѣчье и селенія—Русская Воля, Столпно, Высокое, Долга (Рад. уѣзда), Сидорки, Горбовъ, Кіевецъ, Добрынь, Корощинъ, Воскреничи (Бѣльскаго уѣз.). Въ Ипат. лѣтописи подъ 1282 г. говорится: «Ляхове воеваша у Берестья по Кроснѣ и взяша селъ десять». Хотя и не поименованы лѣтописью эти села, но, безъ сомнѣнія, уже существовали въ то время нѣкоторыя изъ перечисленныхъ мною населенныхъ мѣстъ. Къ такимъ населеннымъ мѣстамъ можно отнести Бѣлу, Межирѣчье, Кіевецъ, Корощинъ, Долгу, Добрынь, Столпно и другія. Если принять во вниманіе, что въ настоящее время по рѣкѣ Кроснѣ и по близости ея находится не болѣе 20 населенныхъ мѣстностей, то упоминаемыя лѣтописью 10 селъ по этой рѣкѣ показываютъ, что въ XIII вѣкѣ Бѣльскій и Радинскій уѣзды довольно густо были населены.

Многія географическія названія Сѣдлецкой губ. встрѣчаются

и въ другихъ губерніяхъ, такъ, напр., Студянка, Россошъ, Костеневичи, Рудно, Кодень, Соколовъ, Яновъ, Городокъ, Городище, Дорогичинъ и другія наименованія мѣстностей Сѣдлецкой губ. находятся въ губерніяхъ: Студянка на Березинѣ въ Минской, Россошь въ Харьк., Костеневичи въ Вилен., Рудня и Кодня въ Волын., Соколовъ, Дорогичинъ въ Гродней., а Городища и Городки существуютъ повсемѣстно въ Россіи и другихъ славянскихъ земляхъ. Основываясь на одинаковыхъ историческихъ и географическихъ названіяхъ, нѣкоторые изслѣдователи, при опредѣленіи древней области распространенія русской или польской народности, иногда приходятъ къ ложнымъ заключеніямъ. Такъ, напр., галицко-польскій писатель Захарьясевичъ, авторъ тенденціозной повѣсти «Swięty Iur», видитъ древнюю Польшу на Днѣпрѣ на томъ только основаніи, что славяне, жившіе на этой рѣкѣ и на Вислѣ, одинаково назывались — полянами.

Нѣкоторые изслѣдователи Холмской старины, въ подтвержденіе своего мнѣнія о принадлежности той или другой мѣстности къ древней Руси, или для указанія древне-русскаго вліянія на польскую географическую номенклатуру, — ссылаются на названія, въ родѣ Владиміръ, Владиміровка, встрѣчающіяся въ Радомской, Петриковской и Калишской губ.

Но подобныя древнія географическія названія не всегда могутъ быть отличительнымъ признакомъ русской или польской народности, такъ какъ въ старину Владиміръ, Владиславъ, Станиславъ, Казиміръ, были общеславянскими именами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ народныя сказки и историческія данныя. Вообще изслѣдователямъ исторіи и этнографіи трудно дѣлать какія-нибудь вѣрныя обобщенія на основаніи тождественныхъ географическихъ наименованій, такъ какъ сходство славянскихъ языковъ и обычаевъ народныхъ создали и одинаковую во многихъ мѣстахъ географическую номенклатуру.

Но встрѣчается въ русскомъ Забужномъ краѣ географическія названія съ отличительными признаками русскаго происхожденія, которыя возникли подъ вліяніемъ мѣстныхъ народныхъ

говоровъ въ періодъ удѣльныхъ русскихъ князей и литовскаго владычества. И такихъ названій въ Забужьи очень много. При перечисленіи населенныхъ мѣстностей Сѣдлецкой губ. я и буду обращать на нихъ вниманіе, такъ какъ они имѣютъ извѣстное значеніе для русской этнографіи мѣстнаго края вообще, а для описанія Ломазскаго говора въ частности.

Кóшолы — сосѣднее село съ Ломазскимъ прих., въ немъ 441 прихож. Названіе этого села, очевидно, не славянское, а ятвяго-литовское, которое произошло отъ имени его основателя — Кóшолъ, Кóшолы. Ломазы, Кошолы, Юсаки, Шенейки, Славáтычи и вообще всѣ названія съ окончаніями множественнаго числа—суть родовыя названія первыхъ поселенцевъ, прозвища которыхъ превратились впослѣдствіи въ географическія наименованія. Кóшоловскій говоръ иногда называется неправильно Кошельскій. Ошибка эта произошла отъ собирателя народныхъ пѣсенъ Я. П. Андріевскаго, произведшаго названіе Кошолы отъ слова кошель. Кошоловскій говоръ по своимъ звуковымъ особенностямъ и формамъ почти похожъ на Ломазскій и только отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что слова произносятся протяжно, нараспѣвъ. Въ Ломазахъ отзываются про кошоловцевъ такъ: «Кóшулувци говóратъ такъ, якъ съ колóдэзя вóду тя́гнутъ». Кромѣ пѣвучести, Кошоловскій говоръ имѣетъ одну звуковую черту, которой нѣтъ въ Ломазской рѣчи: въ нѣкоторыхъ словахъ послѣ р, ж, ч, ш, щ. слышится дифтонгъ i͡э: прi͡эсьци. прi͡эзникъ, жi͡ети, шi͡епка, щi͡есте, Кошоловскій говоръ отчасти разнится отъ Ломазскаго и лексическимъ составомъ: въ немъ меньше встрѣчается полонизмовъ, чѣмъ въ Ломазскомъ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что Кошоловскій говоръ былъ подъ меньшимъ вліяніемъ польскаго языка, чѣмъ Ломазскій, вслѣдствіе отсутствія костела въ Кошолахъ; въ Ломазахъ же рядомъ съ церковью уже давно существовалъ костелъ, научившій русской народъ польскимъ молитвамъ и духовнымъ пѣснямъ и распространившій между нимъ польскую грамоту. Особенно усилилось вліяніе польскаго языка на мѣстный говоръ по-

слѣ послѣ пожара костела, когда въ Ломазской уніатской церкви впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ совершалось поочередно по воскресеньямъ и праздникамъ славянское и латинское богослуженіе съ польскими молитвами, пѣснями и проповѣдями.

Докýдово — Dokudow — Докудовъ на рѣкѣ Зелявѣ — село. Въ Докудовскомъ приходѣ числится 1232 прихож. Въ XVI в. Докудово называлось еще Левково и было на правахъ мѣстечка съ Магдебургскимъ правомъ, но въ концѣ прошлаго столѣтія Радзивиллъ лишилъ мѣщанъ городскихъ привилегій и обратилъ ихъ въ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ окрестности села Докудова и Вортеля находится древнее монастырское урочище «Мастырь», упоминаемое въ одномъ изъ западно-русскихъ историческихъ актовъ XVI вѣка. По народному преданію, здѣсь когда-то стоялъ на высокой горѣ среди топкихъ болотъ православный монастырь, неизвѣстно кѣмъ основанный и когда уничтоженный.

Дýбово — Dubow — Дубовъ — дер. Докудовск. прихода.

Вуóлька — Wólka Plebanska—Вулька—Плебанская. Мѣстные крестьяне были крѣпостными бѣльскихъ ксендзовъ. (plebanów).

Грáбаново — Grabanów — Грабановъ; Сэ́лець, Старынэць—Starzyniec—Старинецъ, Поросюки, Сидóрки, Славатинъ. Всѣ эти деревни принадлежатъ Бѣльскому прав. приходу, въ которомъ числится 2430 прихожанъ.

Вóртэль—Ortel—Ортель. Существуетъ два Ортеля—Королевскій и Княжескій. Въ XVI вѣкѣ Вортель Королевскій назывался Вортолъ, а Княжескій — Княжая. Въ Пруссіи, въ мѣстности, населенной литовцами, находится гор. Ортельсбургъ. Очевидно, Ортель, Бѣльскаго уѣзда и Ортельсбургъ въ Прусссіи одного этимологическаго происхожденія. Ортель—Княжескій или какъ мѣстные жители называютъ Паньськи принадлежалъ князьямъ Радзивилламъ, а Королевскій вмѣстѣ съ деревнями Ломазскаго прихода составляли королевскія имѣнія (столовыя) или казенныя во время русскаго правленія. Въ настоящее время Ломазская экономія считается майоратомъ и принад-

лежитъ со времени польскаго бунта генералу Манюкину, который отдаетъ это имѣніе въ аренду. Изъ Ломазскихъ арендаторовъ или державцевъ—паны Тизенгаузъ и Кутасевичъ оставили по себѣ дурную память: о ихъ жестокостяхъ и звѣрствахъ въ народѣ ходятъ и до сихъ поръ разные разсказы, приведенные мною выше на стран. 50—51. Въ Вортелѣ народный говоръ разнится отъ Ломазскаго своими звуковыми особенностями. Въ Вортелѣ звукъ и произносится тверже, чѣмъ въ Ломазахъ, но мягче ы.

Вуоскрэничи—Woskrenice—Воскреница—село.

Костэнэ́вичи — Koscieniewicze — Костеневичи (въ XVI в. Костянково).

Добра́тычи — Dobratycze — Добратычи — село.

Слава́тычи — Sławatycze — Славатычи — посадъ.

Бояры — Шаро́вичи — Bojary — Szarowicze — дер.

Костомоло́ты — Kostomłoty — Костомлоты — село.

Долгоборо́ды — Dołgobrody — Долгоброды—село.

Названія мѣстностей съ окончаніемъ на ичи образовались отъ фамильныхъ прозвищъ основателей этихъ населенныхъ мѣстъ и они служатъ характерной чертой географической номенклатуры Забужной Руси и Сѣверо-Западнаго края; особенно же много встрѣчается подобныхъ названій въ Минской губ.

Го́рбово—Horbów—Горбовъ, Ляхуовка—Lachówka—Ляховка, Коло́да — Kłoda — Колода, Залiэсе — Zalesie — Залѣсье, Ука́зна — Указная, До́брынь, Бэрэ́зувка — Березовка, Новосюолки — Новоселки, Кiёвэць — Кіевецъ, Дэрэ́чинка — Деречинка, Гусиннэ, Корчуовка — Корчовка, Красуовка — Красовка, а въ старину Красное, Бурви́нъ, Ма́занувка — Мазановка, Лу́ковци — Łukowiec — Луковецъ, Ягудниця — Ягодница, Тэрэбэ́ля, До́брынка, Хоты́лово—Хотыловъ, Дубро́виця —Dąbrowica — Добровица, Пища́тэць — Piszczac — Пищацъ (въ XVI в. Пещатка), Га́нна, Ку́завка, Го́лешовъ — Holeszow — Голешовъ, Ле́бэдево — Лебедевъ, Михалько́во—Михальковъ, Ко́жанувка — Кожановка, Ляцькъ—

Ляцкъ, Павлюки́, За́болоте — Zabłocie — Заболотье, Жуки́, Крывая Ву͡оулька, Мэжилі͡эсь — Międzyleś — Межилѣсь, Шостаки́, Малы́и — Малашэ́вичи — Малыя — Малашевичи, Вэли́кіи — Малашэ́вичи — Большія Малашевичи, Поля́тычи — Polatycze — Полятычи, Ко́дэнь, Копы́тово — Копытовъ, Коро́щинъ, Коро́щинка — Хорощинка, Само́вичи — Samowicze — Самовичи, Малю͡овка — Малевка, Поло́ски, Слава́тычи — Sławatycze — Славатычи, Занько́во — Заньковъ, Тэресп͡уоле — Terespól — Тересполь, Болотково — Болотковъ, Лобачо́во — Лобачевъ, Боки́нка, Яблочно. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ находится три мазурскихъ селенія: Гу͡ощa — Huszcza — Гуща, Ту́чна и Ви́ски. Судя по названію, деревни Ляцкъ и Ляховка были основаны въ старину и населены ляхами, хотя въ настоящее время эти поселки русскіе. Основателями Кіевца и Луковца, очевидно, были выходцы Кіева и Лукова, такъ какъ, по народному выраженію, кіёвэць и луковэць означаютъ жителей этихъ городовъ—(кіёвэць—кіевлянинъ). Въ Забужьи и вообще въ Привислинскомъ краѣ часто встрѣчаются селенія съ названіями Воля и Вулька. Селеній подъ именами Воля и Вулька въ предѣлахъ Холмской Руси находится до 60, а во всемъ царствѣ Польскомъ ихъ наберется нѣсколько сотенъ. Эти наименованія мѣстностей аналогичны съ русскими—Слобода и Слободка и какъ тѣ, такъ и другія возникли почти при одинаковыхъ условіяхъ. Воли и Вульки въ Польшѣ были основаны въ позднѣйшія времена послѣ опустошительныхъ войнъ и повальныхъ болѣзней, когда страна была разорена и ея населеніе значительно уменьшилось. И теперь во многихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Забужья можно замѣтить слѣды прежней земледѣльческой культуры—борозды, грядки, канавы. Для привлеченія крестьянъ къ заселенію пустошей, землевладѣльцы вынуждены были на извѣстное число лѣтъ освободить поселенцевъ отъ панщины и всякихъ повинностей, т. е. дать имъ волю, или свободу.

Названія въ прилагательной формѣ мужескаго рода на овъ въ народной рѣчи въ большинствѣ случаевъ оканчиваются на

ово, согласно среднему роду нарицательныхъ сэло, мі͡эсто (городъ): Ду́бово, Па́влово, Лу́ково, Соколо́во. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что ударенія, по большей части, въ народныхъ названіяхъ бываютъ другія, чѣмъ въ польскомъ языкѣ: Лю́бенка — Lubénka, Соколо́во — Sokółów, Ма́занувка—Mazanówka, Дубро́виця — Dąbrowica.

Въ селѣ Яблочнѣ на рѣкѣ Бугѣ находится православный Свято-Онуфріевскій монастырь, основанный въ XVI вѣкѣ. Обитель эта, находясь болѣе 200 лѣтъ среди сплошного русскаго населенія, перешедшаго въ унію, сохранила древнее православіе, несмотря даже на частыя угрозы и насилія со стороны духовенства и польской шляхты совратить ее въ унію.

2) *Володавскій уѣздъ.*

Въ Володавскомъ уѣздѣ общаго населенія считается 79 тысячъ, изъ коихъ приходится православныхъ 64, 6%, католиковъ 6, 7%, а остальные евреи. Всего русскаго населенія 22,910 человѣкъ въ 27 приходахъ.

Воло́дава — Włodawa — Влодава — уѣздный гор. Въ Ипатской лѣтописи и въ древнихъ актахъ этотъ городъ извѣстенъ подъ именемъ Володова.

Рѣка Воло́давка — Włodawka — Влодавка.

По странной случайности до сихъ поръ этотъ городъ и уѣздъ оффиціально называютъ Влодава, Влодавскій уѣздъ; между тѣмъ какъ другія мѣстности За́бужья еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія стали называть по народному русскому произношенію.

Названіе этого города произошло отъ древне-русскаго личнаго имени Володъ въ прилагательной формѣ съ окончаніемъ **ово**; при чемъ звукъ **о** замѣнился въ народной рѣчи звукомъ **а**, для болѣе легкаго произношенія, какъ это потверждаетъ переходъ одной гласной въ другую въ словахъ—гарашкова́ты, нагави́ци, вмѣсто горошковаты, ногавици. У поляковъ тоже суще-

ствовало въ старину имя Володъ (Włod), которое встрѣчается въ народныхъ польскихъ пѣсняхъ и сохранилось въ названіяхъ селеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Привислянскаго края. Нѣкоторые утверждаютъ, что названіе Володава означаетъ — воловъ давала, такъ какъ въ прежнее время въ этомъ городѣ была большая торговля волами во время ярморковъ. Но такое объясненіе происхожденія этого названія опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что Володава существовала еще въ XIII вѣкѣ, когда вовсе не было ярмарковъ и притомъ названіе это встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ никогда не велась торговля волами.

Изъ населенныхъ мѣстностей Володавскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи болѣе замѣчательны: Приміэ͡рки — Примярки, Королю͡овка — Королевка, Волóська — Воля — Волосская—Воля, Брусъ, Дубина, Зэнькѝ, Вытычно, Старынá, Ганьскъ, Кульчѝнъ, Збэрэ́жэ, Бы́тынь, Тарасюкѝ, Лю́та, Орху͡овокъ, пос. О́строво—Островъ, Городóкъ—Gródek—Городокъ, Забі͡эла—Zabiała—Забѣла, Собиборъ, Соснóвиця — Сосновица, Орі͡эхово — Орѣховъ, Лисóкъ — Лѣсокъ, Угривськъ—Угрускъ, Усьцѝмово — Устимовъ, Крáснэ, Маслюхѝ, Дрóздувка, Глыбóке — Глубоке, пос. Вѝшничи — Wisznice—Вишницы, Голóвно, Гóля, Зáмолодичи, Кривовэ́рба (въ XVI в. Кривая Берва), пос. Городѝщэ, Дубѝця — Дубица, Хворосты́та — Горостыта, Загáйки, Лѝпувка — Липовка, Зэ́щинка—Жещинка, Бокѝнка, Пэрэходъ — Кодэ́нэцъ — Коденецъ, Любэнь, Колихóвичи — Kolichowice — Колиховица, Вы́рыки, Ивáнки, Му͡отвиця — Мотвица, Погорі͡элець—Погорѣлецъ, Сосну͡овка Опу͡сле—Ополе, Русѝны, Боя́ры, Полю́бичи—Połubicze—Полюбичи, Пáрцёво — Parczew — гор. Парчевъ, Бі͡элка — Białka — Бѣлка, Дубóвая Колóда, Рожáнка, Красу͡овка — Красовка, Жу́ково — Жуковъ, Розвáдувка — Розвадовка, Долголі͡эска — Долголѣска.

Историческое село Угрускъ или, по мѣстному народному произношенію, Угривськъ извѣстно въ Ипатьевской лѣтописи подъ

именемъ Угровьскъ и Угровескъ. Угровьскъ или Угровескъ, какъ Бужескъ, Ганскъ, Ляцкъ, прилагательная форма, образовавшаяся отъ имени Угръ. Въ Угровскѣ была временная резиденція князя Данінла Романовича въ первой четверти XIII вѣка. Полюбичи, какъ и Ломазы, упоминаются въ первый разъ въ 1446 году, по случаю присоединенія ихъ къ Литвѣ, взамѣнъ захваченныхъ нѣкоторыхъ мѣстностей поляками, принадлежащихъ литовцамъ. Гор. Парчевъ или по народному Па́рцёво извѣстенъ въ исторіи XVI вѣка своими сеймами, на которые пріѣзжали польскіе и литовскіе паны.

Село Рожанка принадлежало въ XVI столѣтіи русскому дворянскому роду Поцѣямъ. Здѣсь родился Ипатій Поцѣй, епископъ Владимірскій и Брестскій, принявшій унію и усердно распространявшій ее въ своей обширной епархіи, въ составъ которой входили и православныя церкви Забужной Руси въ нынѣшней Сѣдлецкой губ.

Въ Забужьи встрѣчается нѣсколько названій мѣстностей — Бояры. Эти селенія, какъ показываетъ само ихъ названіе, были основаны литовскими боярами. Бояре эти считались въ Литвѣ полусвободнымъ сословіемъ — среднимъ между шляхтой и мѣщанами, въ родѣ нашихъ однодворцевъ во время крѣпостнаго права.

Въ Сѣдлецкой и Люблинской губ., судя по названіямъ мѣстностей—Литовники, Жмудь, Турка, Волосская Воля, Ляцкъ, Ляховка, селились среди мѣстнаго русскаго населенія военноплѣнные или свободные: литовцы, жмудины, турки, волохи и ляхи, которые впослѣдствіи обрусѣли и слились съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Не мало было военноплѣнныхъ поселенцевъ и татаръ: ими заселены Горай и Бѣлгорай, — Билгорай, Люб. губ. И хотя потомки ихъ отуземились, но сохранили нѣкоторые обычаи своихъ предковъ, поселившихся въ этихъ мѣстностяхъ съ названіями ихъ вождей—мурзъ и бековъ.

Въ гор. Володавѣ и Парчевѣ мѣщане говорятъ по-польски, а жители посадовъ и все сельское населеніе уѣзда — по-мало-

русски (по-руськи). Здѣсь, какъ и въ Бѣльскомъ уѣздѣ, существуютъ различные народные говоры, между которыми выдѣляется своими особенностями полѣшскіе говоры. Эти говоры распространены во многихъ мѣстностяхъ Володавскаго уѣзда и въ нѣсколькихъ смежныхъ приходахъ, Бѣльск. уѣзда. Жителей этихъ мѣстностей, поселившихся съ древнихъ временъ среди лѣсовъ и говорящихъ на языкѣ, рѣзко отличающемся отъ сосѣднихъ народныхъ говоровъ, называютъ полѣха́ми. Полѣхи по языку принадлежатъ иному племени, чѣмъ жители другихъ мѣстностей Сѣдл. губ., и находятся въ племенномъ родствѣ съ русскимъ населеніемъ Люблинской губ. Полѣшсскіе говоры больше имѣютъ основныхъ чертъ малорусскаго нарѣчія, чѣмъ другіе подляшскіе, сходные съ Ломазскимъ, такъ какъ въ полѣсской рѣчи встрѣчаются такія звуковыя особенности, какъ и въ украинскихъ говорахъ, съ тою только разницею, что въ первой часто слышатся болѣе отвердѣвшіе звуки, чѣмъ въ послѣднихъ: вилъ, кинь, силь, ляхивъ, сыно, чоловыкъ, мышокъ, вынокъ, ходылы, робылы. Кромѣ того, полѣсская рѣчь отличается отъ Ломазской и лексическихъ своимъ составомъ; въ ней встрѣчаются такія слова, какихъ вовсе нѣтъ въ послѣдней. Въ этихъ говорахъ меньше находится полонизмовъ, чѣмъ въ Ломазскомъ. Ломазцы говорятъ: барзо, бы́дло, ло́нка, цётка, Базы́ль, Хелмъ, коло, а полѣхи — во́льмы, скоты́на, худо́ба, лу́ка, титка, Васы́ль, Холмъ, пы́ля и т. д.

Полѣхи отличаются отъ другихъ жителей Забужья не только языкомъ, но и своей наружностью и обычаями. Это единственный народъ въ Сѣдлецкой губ., сохранившій свой старинный русскій бытъ въ этой мѣстности, и для этнографа полѣхи представляютъ интересный предметъ для изслѣдованія. Полѣхи носятъ длинные волосы, которые никогда не постригаются; бороды же бреютъ, какъ всѣ малоруссы. Одежда у нихъ особаго покроя, темнаго цвѣта изъ самодѣльнаго сукна, шапка изъ такого же сукна съ четырьмя рогами, въ родѣ польской конфедератки. Мужчины носятъ рубахи изъ холста своего издѣлія и вы-

пускаютъ ее поверхъ холщевыхъ штановъ (нагавицы); женщины надѣваютъ на голову, въ родѣ кокошника, кибалку. Въ дорогу, вмѣсто торбы, носятъ за плечами кошель, сдѣланный изъ липовой коры. Мальчики, парни и мужчины подпоясываются широкими кожаными поясами (папружка). Мужчины по большей части ходятъ въ лаптяхъ (въ постола́хъ) не только дома, но и въ церковь, и въ городъ. Вообще, по языку, наружности и одеждѣ полѣхъ представляетъ большой контрастъ съ ломазсцемъ, кошоловцемъ и другими жителями Забужнаго края, Сѣдл. губ.

Но еще большій контрастъ существуетъ между мазуромъ и полѣхомъ въ ихъ рѣчи, такъ что, по словамъ ломазцевъ, они другъ друга не понимаютъ; и по этому случаю въ народѣ ходитъ анекдотъ, который я передаю дословно, какъ образецъ Мазурской и Полѣшской рѣчи.

Однажды мазуръ встрѣчается съ русиномъ и спрашиваетъ его скороговоркой:

— Człowiece, człowiece! Cy nie znalazłeś worka, a w worku tsy tatarcaka, tsy wytsyscaka, poświstunem zawiązany?

— Ны͡э, я того́ нэ нашовъ, отвѣчаетъ русинъ медленно, а нашо́въ мышо́къ, а въ мышко́вы тры грэ́чаныки, тры сэлэ́дцы, пу́гавыцою завы́заны.

— Bądź zdrów, bracie! to nie moje.

3) *Радинскій уѣздъ.*

Въ 16 православныхъ приходахъ, Рад. уѣз., считается русскаго населенія 21,103 челов.; общаго же населенія въ Радинскомъ уѣздѣ числится 65 тыс., изъ коихъ приходится 39, 5% прав., 35% кат., а остальные евреи. Въ восточной части этого уѣзда сплошное русское населеніе, а въ западной — польское и отчасти смѣшанное — русское и польское.

Во всѣхъ почти мѣстностяхъ существуютъ малорусскіе говоры; въ нѣкоторыхъ же приходахъ, расположенныхъ среди

смѣшаннаго населенія, православные, какъ и католики, говорятъ по-мазурски или по-польски, какъ напр. въ г. Межирѣчьѣ и его окрестныхъ деревняхъ, а также и въ Русско-Вольскомъ приходѣ всѣ крестьяне забыли свою родную рѣчь и говорятъ только по польски съ мазурскимъ произношеніемъ.

Радзы́нь—Radzyń—Радинъ—уѣздный городъ. Отъ имени Радъ или Радзъ произошла старославянская прилагательная форма — Радинь или Радзинь. Очевидно, звукъ з явился для смягченія окончанія. Этотъ городъ заселенъ поляками, но прежде здѣсь было русское населеніе, имѣвшее свою церковь; потомъ всѣ русскіе мѣщане перешли изъ уніи въ католичество, такъ что прихожанами этой церкви остались одни крестьяне деревень, находящихся въ окрестности города. Въ настоящее время почти всѣ крестьяне Радинскаго прав. прихода говорятъ на польскомъ языкѣ, съ мазурскимъ произношеніемъ.

Межи́ричи — Międzyrzec — Межирѣчье — заштатный городъ на рѣкѣ Кроснѣ. Возлѣ самаго города за рѣкой находится, какъ бы его предмѣстье, деревня Сто́лпно, указывающая своимъ названіемъ на существованіе здѣсь въ старину столпа или башни подобно тѣмъ столпамъ, какіе были сооружены Галицко-Волынскими князьями въ окрестности городовъ — Холма, Каменца и др. Первоначально названіе Межиричи означало жителей, поселившихся между рѣками.

Вои́нь — Wohyń — Вогинъ — посадъ. Воинь древнее русское поселеніе. Село Воинь упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1282 г.: «и вспомяну Володимеръ, оже прежде сего Лестко, пославъ Люблинецъ, взялъ бяшеть у него село на Вкраинци именемъ Воинь». Возлѣ этого посада находится большой камень съ высѣченными славянскими буквами, какъ пограничный знакъ между Литвой и Польшей. У здѣшнихъ мѣщанъ сохраняется большая книга старинныхъ актовъ, написанныхъ на западно-русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ. Мѣщане говорятъ по-польски, но и мѣстный народный говоръ отчасти сохранился. Мѣстность, гдѣ находится Воинь, Межирѣчье, Бѣла,

Ломазы и проч., въ XIII столѣтіи при русскихъ князьяхъ была извѣстна подъ именемъ «Волынской Украины». Названіе Воинь, какъ названія и другихъ мѣстностей съ подобными окончаніями— Добрынь, Любень, Кодень, образовалось отъ личнаго имени основателя или владѣльца этой мѣстности въ древней формѣ прилагательнаго, какъ Господень, цвѣтень, Степань, Червень и т. п.

Боянўовка — Бояновка — дер., получившая свое названіе отъ имени Боянъ. Извѣстное имя древне-русскаго пѣвца Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о полку Игоревомъ, очевидно, было общеупотребительное на Руси, если встрѣчаются мѣстности съ подобными наименованіями.

Браниця — Браница — дер. Названіе этого селенія произошло отъ фамиліи—Браницкій, какъ владѣльца этой мѣстности. Послѣднее наименованіе даетъ ключъ къ объясненію подобныхъ формъ названій: Корница, Челесница, Дубица, Кленовница, которыя, очевидно, получили свои названія отъ ихъ владѣльцевъ — Корницкихъ, Челесницкихъ, Дубицкихъ, Кленовницкихъ и т. п. Но правдоподобнѣе, что фамиліи этихъ владѣльцевъ произошли отъ названій своихъ помѣстій, получившихъ наименованіе отъ основателей съ родовыми прозвищами на **ичъ**, измѣнившимися на **ца**: Корничъ—ца, Браничъ—ца, Дубичъ—ца, Кленовничъ—ца, какъ Савичъ—ца.

Дрэглёво—Drelew—Дрелевъ—село. Въ окрестности Дреглева находится урочище съ часовней—Городо́къ—Gródek, гдѣ замѣтны слѣды укрѣпленій — насыпи и рвы.

Гусь — Gięś — Гусь, Колiэно — Kolano — Колѣно, Вито́рожъ, Бэзво́ля, Стрижўовка — Стрижевка, Давы́ды, Пэрэволо́ка — Przewłoka, До́лга, Пугачи́ — Пугаче, Ква́сувка — Квасовка, Пэрэ́щувка — Перещовка, Колэмбро́ды — Kolembród — Колембродъ, Зэлiэзна — Желѣзна, — Воронэ́ць — Воронецъ, Бэрэ́за — Береза, Ричи́ця — Рѣчица, Криви́ця — Krzewica — Кржевица, Савки, Прогалины — Przegaliny — Прогалины, Комарўовка — Комаровка, Па́шки, Бiэлка — Białka — Бѣлка, Ра́дчэ, Рудно́, Рудэ́нэць, Дэрэ-

вична — Деревична, Бэрэзкутъ — Brzozowy-Kąt — Березовый-Кутъ. Руська — Воля — Русская — Воля, Шуостка — Szóstka — Шостка, Пáшэнки — Пашенки, Яблоне — Яблонь. Прилагательная форма названій — Радче и Руднó (первоначально Рудне (село), образовалась отъ именъ Радъ и Рудъ (т. е. Рудый — темнорыжій). Существуетъ это названіе съ окон. жен. р. — Рудня, (Вол. губ.).

Первообразныя названія — Гусь, Колѣно, Давыды, Долга, Пугачи, Береза, Пашки, Савки, вѣроятно, произошли отъ именъ и прозвищъ первыхъ поселенцевъ этихъ мѣстностей. Названія мѣстностей по большей части произошли отъ личныхъ именъ или прозвищъ первыхъ поселенцевъ, но встрѣчаются въ Забужьи населенныя мѣста, которыя получили свои названія отъ характера мѣстности, гдѣ они расположены: Межирѣчье, Заболотье, Залѣсье, Березкутъ, Долголѣска, Цициборъ, Колембродъ, Собиборъ. Впрочемъ, послѣднія три названія могли образоваться отъ старинныхъ славянскихъ именъ съ подобными окончаніями, какъ Ратиборъ, Побѣдобродъ. Если эти названія происходятъ отъ старославянскихъ личныхъ именъ, что вѣроятнѣе всего, то они употреблялись прежде въ смыслѣ прилагательныхъ, какъ теперь мы говоримъ: Владимировъ, Ивановъ, Максимовъ. Буслаевъ въ своей «Исторической грамматикѣ русскаго языка» говоритъ, что названіе города Владиміръ не имя существительное, а прилагательное старославянской формы, и должно оканчиваться знакомъ мягкимъ — Владиміръ, т. е. Владиміровъ (городъ), какъ Степань — Степановъ (городъ). Гр. 1130 г. — Мьстиславъ Володимирь сн҃ъ.

4) *Константиновскій уѣздъ.*

Въ Константиновскомъ уѣздѣ во всѣхъ 22 православныхъ приходахъ числится 25,367 прихожанъ; всего же населенія считается 58 тысячъ, изъ коихъ 55,6% прав., 29,3% кат., а остальные евреи. Уѣздъ получилъ свое названіе отъ имени посада — Константинóво — Konstantynów — Константиновъ; присутствен-

ныя же мѣста и мѣстопребываніе уѣзднаго начальника находятся въ гор. Яновѣ, гдѣ существуетъ извѣстный казенный конскій заводъ.

Константиновъ, получившій свое названіе отъ имени предка графовъ Александровичъ, нынѣшнихъ владѣльцевъ этой мѣстности, въ XVII вѣкѣ назывался Козѣрадами. Во время войны Хмельницкаго съ поляками народное возстаніе распространилось и въ Забужьи; козаки при участіи мѣстнаго сельскаго населенія избивали пановъ и жидовъ въ Козѣрадахъ, Бѣлѣ, Докудовѣ, Виторожѣ и другихъ мѣстахъ Сѣдлецкой и Люблинск. губ.; они съ ожесточеніемъ нападали на имѣнья Радзивилла въ отместку за пораженіе имъ одного запорожскаго отряда; королевскихъ мѣстечекъ и селеній, какъ напр. Ломазы, не разоряли. Объ этомъ событіи разсказываетъ Бѣльскій пресвитеръ Селецкій въ своей лѣтописи, написанной на мѣстномъ русскомъ языкѣ.

Ло́сичи, Łosice — Лосицы — посадъ, получившій названіе отъ фамильнаго прозвища — Лосичъ, основателя или владѣльца этой мѣстности. Изъ старинныхъ актовъ видно, что этотъ посадъ назывался прежде — Ло́сичи, а не Лосицы; послѣднее названіе мазурскаго происхожденія, такъ какъ звукъ **ч** у мазуровъ часто замѣняется звукомъ **ц**.

Въ настоящее время мѣщане въ г. Яновѣ, Константиновѣ, Лосичахъ говорятъ по-мазурски или по-польски, хотя многіе изъ нихъ до 1875 г. считались греко-уніатами, а теперь православными; крестьянское же населеніе почти во всѣхъ селеніяхъ говоритъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи. Изъ мѣстныхъ малорусскихъ говоровъ извѣстенъ въ нашей литературѣ Корницкій, обстоятельно изслѣдованный г. Янчукомъ. Этотъ говоръ находится въ близкомъ родствѣ съ Ломазскимъ какъ по формѣ словъ, такъ и по звуковымъ своимъ особенностямъ.

Изъ мѣстностей Константиновскаго уѣзда болѣе замѣчательны въ этнографическомъ отношеніи: Корни́ця, Кленовниця, Голо́дниця, Сэрнэли́ця, Бу́бэль, Виту́линъ, Гнуо͡йно — Гнойно, Осу͡овка, Бурсуки́, Клепачово, Грудъ, За-

бу́жэ — Забужье, Чэлесни́ця — Цѣлесница, Вихо́вичи — Вѣховичи, Пэрэдi͡элъ — Передило, Горо́шки, Кры́чэво— Кричевъ, Мака́рово — Макаровъ, Кра́сна, Мэ́льники, Мо́стово, Нэзна́йки, Мша́нна, Юне́вичи, Крывоши́ты, Горихво́сты, Крыни́ця, Нэ́пли, Ку́завка, Само́вичи, Кукурэ́ки, Но́сово, Буко́вичи — Bukowice — Буковицы, Ду́бичи, Залi͡эсе — Залѣсье, Пратулинъ, Богука́лы, Дэ́рло, Воро́блинъ, Луги́, Колчи́нъ, Роки́тна, Сво́ры, Кисилёво, Головчи́ця, Лито́вники, Грибово, Хо́тычи — Chotycze — Хотычи, Топорово, Фоля́тычи, Журавлёвка, Па́влово. Вэрхолi͡эсъ — Верхолѣсъ, Вали́нна, Новосэ́льци — Новосельцы, Па́шково, Русськово—Русскова, Алекса́ндрувка, Дави́ды, Корчу͡овка—Корчовка, Кошэлю͡овка — Кошелевка.

Существительная форма названій съ окончаніемъ **овка — евка** развилась изъ прилагательной формы на **овъ**: Павловъ — Павлов-ка, Александровъ — Александров - ка, Корчовъ — Корчов-ка. Названія съ окончаніемъ **ка** позднѣйшаго происхожденія. Хотя нѣкоторыя названія съ подобными окончаніями образовались изъ другихъ формъ прилагательныхъ, какъ напр. Красовка изъ прил. Красное, какъ видно изъ древ. документовъ.

Такимъ же образомъ развились названія съ окончаніемъ **инка, енка** отъ древнеславянской формы имени прилагательнаго ца **инъ, ынь — ень**: Любень — Любенка, Добрынь — Добрын-ка, Корощинъ—Корощинка, Студёнка, Бокинка, Ольшанка.

Подобнаго рода названія встрѣчаются только въ одномъ Бѣльскомъ уѣздѣ.

5) *Соколовскій уѣздъ.*

Въ Соколовскомъ уѣздѣ русское населеніе незначительно — насчитывается всего въ 8 православныхъ приходахъ 4885 человѣкъ, говорящихъ по-польски съ мазурскимъ произношеніемъ, за исключеніемъ села Городка, гдѣ сохранился мѣстный народный говоръ, который, по словамъ очевидцевъ, очень похожъ на

Ломазскій. Въ Соколовскомъ уѣздѣ въ прежнее время было больше русскаго населенія, чѣмъ теперь: въ теченіе XVIII и до 60 годовъ прошлаго столѣтія уничтожено до 10 греко-уніатскихъ приходовъ и совращено въ католичество нѣсколько тысячъ русскихъ прихожанъ, благодаря возмутительнымъ насиліямъ мѣстнаго римско-католическаго духовенства и польской шляхты, ревностно заботящейся объ уничтоженіи русской народности этой мѣстности. Нѣкоторые помѣщики, какъ разсказываютъ старожилы, разрушали церкви, а на ихъ мѣстахъ строили костелы, въ которые загоняли русскій народъ побоями; въ польскіе посты ихъ экономы ходили по хатамъ и выбрасывали скоромную пищу своимъ собакамъ; посѣщавшихъ сосѣднія церкви ловили и подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, приговаривая: «Вотъ тебѣ поповская просвирка!» Особенно фанатическимъ изувѣрствомъ отличался помѣщикъ Кушель въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ своемъ имѣніи Вировѣ на Бугѣ, гдѣ нынѣ основанъ православный женскій монастырь, и другой помѣщикъ, по фамиліи мнѣ неизвѣстный, въ селѣ Старой-Вси на рѣкѣ Ливцѣ, притокѣ р. Буга. Во многихъ ополяченныхъ мѣстностяхъ Соколовскаго уѣзда еще до сихъ поръ замѣтны слѣды существовавшей русской народности: въ польско-мазурскомъ языкѣ встрѣчается много словъ и выраженій, оставшихся отъ вымершихъ народныхъ говоровъ. Не рѣдко можно слышать малорусскія пѣсни и пословицы, конечно, въ искаженномъ видѣ съ мазурскимъ произношеніемъ. Кромѣ того, здѣсь сохранилось много географическихъ названій— племенныхъ наименованій, свидѣтельствующихъ о существованіи съ древнихъ временъ русской народности. Судя по двойнымъ названіямъ нѣкоторыхъ мѣстностей Соколовскаго и Сѣдлецкаго уѣздовъ — Русскій и Лядскій, народонаселеніе этой страны со времени ея колонизаціи было смѣшанное — рядомъ съ русскими поселеніями существовали и польскія одного и того же наименованія. Съ наплывомъ мазурскаго населенія въ эту часть Забужья русская народность была придавлена и уничтожена почти окончательно, при содѣйствіи католическаго духовенства и польской

шляхты; русскими называютъ себя только нѣсколько тысячъ уніатовъ, перешедшихъ въ православіе въ 1875 г.

Соколо́во — Sokołów — Соколовъ — уѣздный городъ. Изъ мѣстной церковной лѣтописи видно, что село Соколово преобразовано въ городъ великимъ княземъ Витовтомъ въ 1399 году. Русская часть г. Соколова называется въ народѣ Русь. Мѣщане говорятъ по-польски, но въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія ихъ дѣды говорили на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчіи съ бѣлорусскимъ оттѣнкомъ. Предки соколовцевъ отличались преданностью православію. Здѣсь унія водворилась только въ концѣ XVII вѣка; нѣкоторые же соколовцы, въ числѣ 12 домохозяевъ, болѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ, были обращены въ унію бѣльскими базиліанами въ концѣ только XVIII вѣка, во время такъ называемой миссіи, бывшей въ Соколовѣ, Ломазахъ, Докудовѣ, Бѣлѣ и другихъ мѣстахъ Забужья, Сѣдл. губ. Вообще церковная унія, превозглашенная на Брестскомъ соборѣ въ 1596 году, въ Забужномъ краѣ распространилась не одновременно во всѣхъ православныхъ приходахъ: въ королевскихъ столовыхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ католиковъ — пановъ она раньше утвердилась; въ имѣніяхъ же, принадлежащихъ къ землевладѣльцамъ православнымъ или протестантамъ, унія водворилась гораздо позже и только послѣ перехода этихъ имѣній въ руки ревностныхъ католиковъ. Соколовъ до 1690 года принадлежалъ Радзивилламъ протестантамъ изъ Слуцкой линіи. Князья Радзивиллы, женатые иногда на русскихъ княжнахъ изъ Московскаго государства, поддерживали здѣсь православіе; между тѣмъ какъ князья Радзивиллы католики, владѣльцы Несвѣжа, Бѣлы, Словатычъ ревностно вводили унію и католицизмъ въ Забужныхъ своихъ имѣніяхъ.

Городо́къ — Gródek — Городокъ — село. Это единственная мѣстность въ Соколовскомъ уѣздѣ, гдѣ сохранился мѣстный русскій говоръ, о которомъ я упоминалъ уже выше. Вокругъ этого села, расположеннаго на берегу р. Буга, замѣтны насыпи и углубленія, какъ остатокъ городскихъ укрѣпленій.

Коссовъ Русскій и Коссовъ Ляцкій — посадъ, состоявшій изъ двухъ частей—русской и лядской. Въ концѣ XVIII вѣка существовала русская (уніатская) приходская церковь. Въ настоящее время русское населеніе Коссова и окрестныхъ деревень ополячено и окатоличено.

Яблонна Русская и Яблонна Ляцкая — сосѣднія селенія; Галки — Ляцкіе — деревня, Скверчинъ — Русскій и Скверчинъ — Ляцкій—тоже; Бучинъ — Русскій, Савицы — Русскіе. Въ Яблоннѣ—Русской существовала прежде прих. церковь.

Купятынъ — Kupętyn — Купентинъ, Головенки, Лужки, Рѣпки, Бочки, Теляки, Хрущовка, Тхорница, Лебедзь, Кремень, Городище — Grodzisk — Гродискъ, Суходолъ, Серочинъ, Чекановъ, Роговъ, пос. Стердынь, Буяны, Шкопы, Малолѣтки, Боги, Каменка, посадъ Дрогичинъ, въ Ипатьевской лѣтописи XIII вѣка Дорогичинъ. Дрогичинъ старинный русскій городъ, основаніе котораго относятъ къ XI вѣку. По словамъ польскихъ историковъ, Дрогичинъ былъ главнымъ поселеніемъ Ятвяговъ, обитавшихъ въ этой странѣ до ихъ пытѣсненія Ярославомъ Мудрымъ и польскими и мазовецкими князьями. Въ 20-хъ годахъ минувшаго вѣка г. Дрогичинъ отъ разлива р. Буга, во время котораго измѣнилось его русло, раздѣлился на два Дрогичина — лѣвобережный Сѣдлецкій и правобережный Гродненскій; первый называется въ народѣ Ляцкой стороною, а второй Русской стороною. Во время существованія Галицко-Волынскаго княжества Дорогичинъ былъ иногда стольнымъ городомъ удѣльныхъ русскихъ князей. Въ старину въ этомъ городѣ, а равно и въ окрестностяхъ его было сплошное русское населеніе, оказывавшее не разъ свою помощь русскимъ и литовскимъ князьямъ въ изганіи поляковъ и мазуровъ, часто захватывавшихъ Дорогичинъ съ прилегающими къ нему мѣстностями. Въ прежнее время Дрогичинъ былъ довольно многолюдный городъ; въ немъ находилось нѣсколько церквей и два православныхъ монастыря, существовавшихъ до 20-хъ го-

довъ истекшаго вѣка, т. е. до сильнаго разлива Буга, разрушившаго ихъ вмѣстѣ съ другими многочисленными домами. Въ одной Ляцкой сторонѣ въ старину существовало три православныхъ церкви; въ настоящее же время въ пос. Дрогичинѣ Сѣдл. губ., находится одна православная церковь съ 159 прихожанами, сохранившими древнее православіе, несмотря на постоянныя преслѣдованія ихъ предковъ со стороны католиковъ и уніатскаго духовенства, усердно заботившихся о совращеніи ихъ въ унію и католицизмъ.

Что касается этимологическаго происхожденія Дорогичина, то его географическое названіе, какъ и названія мѣстностей Забужья — Корощинъ, Савинъ, Витулинъ, Пратулинъ, Бурвинъ, Верещинъ, образовалось въ прилагательной формѣ съ окончаніемъ мужеск. рода на **инъ** отъ личнаго имени или прозвища на а: Дорогича, Короща, Савва, Витула, Пратула, Бурва, Вереща. Такого же этимологическаго происхожденія, надо полагать, и названія старинныхъ славянскихъ городовъ — русскаго Люблина и австрійской Любляны.

Географическія наименованія—Соколовъ, Косовъ, Лебедево, Галки, Шпаки, Тхорница, Хрущоцка, Комаровка, Дроздовка, Деревична, Лосичи, Вишничи, Теляки, Козлы, Дубица, Кленовница, Яблонь, Яблочно и т. п., произошли не прямо отъ названій этихъ птицъ, насѣкомыхъ, звѣрей и деревъ, а отъ личныхъ или фамильныхъ прозвищъ первыхъ поселенцевъ или владѣльцевъ, получившихъ свои прозвища отъ названія различныхъ животныхъ и растеній: Соколъ, Косъ, Лебедь, Галка, Шпакъ, Тхоръ, Комаръ, Хрущъ, Дроздъ, Дерево, Лось, Вишня, Теля, Козёлъ и т. п.

6) *Сѣдлецкій уѣздъ.*

Въ Сѣдлецкомъ уѣздѣ во всѣхъ почти мѣстностяхъ совершенно окатоличено и ополячено мѣстное коренное русское населеніе и только случайно уцѣлѣло два прихода, перешедшіе въ

1875 г. изъ уніи въ православіе. Всѣхъ прихожанъ въ обоихъ приходахъ считается 1325 человѣкъ обоего пола. Всѣ они говорятъ по-мазурски и разсѣяны по разнымъ деревнямъ среди сплошнаго мазурскаго населенія польскаго и русскаго происхожденія. По народнымъ преданіямъ и по историческимъ документамъ, еще въ XVIII и въ началѣ прошлаго вѣка существовали многіе русскіе приходы и сравнительно въ недавнее время нѣкоторые изъ нихъ были ополячены и окатоличены, и теперь только одни названія мѣстностей свидѣтельствуютъ о существовавшей здѣсь русской народности. Для уничтоженія русской народности паны съ ксендзами прибѣгали къ такимъ же варварскимъ мѣрамъ, какъ и въ Соколовскомъ уѣздѣ. Уничтоживъ древнее православіе, они стали усердно истреблять церкви уніатскія и ихъ прихожанъ обращать въ католиковъ. Окатоличиваніе мѣстнаго русскаго народа, какъ видно изъ актовъ, началось съ XVI вѣка и продолжалось вплоть до возсоединенія холмскихъ уніатовъ въ 1875 г. И въ настоящее время пропаганда польскаго духовенства не перестаетъ дѣйствовать среди русскаго населенія Забужья, не окрѣпшаго пока въ православіи и, повидимому, не безуспѣшно—многіе изъ бывшихъ уніатовъ перестали ходить въ свои церкви и посѣщаютъ костелы, исполняя религіозныя требы у польскихъ ксендзовъ.

Сэльци — Siedlce — Сѣдлецъ — губернскій городъ. Въ Забужьи встрѣчаются одноименныя названія мѣстностей — Старосэльци, Новосэльци. Въ XVII вѣкѣ въ Московскомъ уѣздѣ существовало село Троицкое Сельцы (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. за 1886 г. мѣс. Май — «Большой бояринъ въ Москвѣ», Ив. Забѣлина). Въ настоящее время въ Сѣдлецѣ нѣтъ коренного русскаго населенія, а только пришлое изъ Россіи — войска и служащіе. Судя по названію, происшедшему отъ слова сельцо или, по мѣстному произношенію, сэльцѐ, г. Сѣдлецъ былъ въ старину русскимъ поселеніемъ, тѣмъ болѣе, что прежде существовали въ окрестности его русскія деревушки, сохранившія до сихъ поръ названія съ признаками русскаго происхожденія.

Приходъ Голубля: село Гулубля и деревни — Папротна, Креслинъ—Krzeslin, Кавнацински. Въ приходѣ 296 прав. прихожанъ. Въ Креслинѣ въ XVI вѣкѣ существовала православная церковь.

Приходъ Челомые: село Челомые и деревни и посады— Огородники, Вычолки, Стокъ — Русскій, Чепелинъ, Морды, Глуховъ, Клименты, Климы, Пташки, Войковъ, Суходолъ, Издебка, Мукободы—Мокободы, Кржимоше, Старавесь, Мосциброды. Въ приходѣ 1029 прихож. Посадъ Мокободы —Mękobody прежде назывался Мукободы, какъ видно изъ актовъ XVI вѣка. Русская часть этого посада извѣстна въ народѣ подъ именемъ Русь; въ настоящее время въ Мукободахъ живетъ немного православныхъ прихожанъ, совершенно омазуренныхъ. Здѣсь существовала православная церковь и русская школа, основанная княземъ Хребтовичемъ въ XVI вѣкѣ. Въ посадѣ Мордахъ была церковь, уничтоженная католиками въ началѣ прошлаго столѣтія. Кромѣ того, существовали церкви въ Невискахъ, Старой-Вси и другихъ ополяченныхъ мѣстностяхъ.

Въ Сѣдлецкомъ и Соколовскомъ уѣздахъ съ ополяченнымъ населеніемъ мало сохранилось народныхъ русскихъ названій мѣстностей—многія наименованія измѣнились согласно фонетикѣ польско-мазурскаго языка. Изъ русскихъ мѣстностей Сѣдлецкаго уѣзда заслуживаютъ вниманія по своему этимологическому и этнограф. значенію: Голубля, Стокъ-Русскій, Стокъ-Ляцкій, Волынцы, Чурылы, Мукободы. Въ первомъ названіи сохранилась старославянская форма имени прилагательнаго, образовавшагося отъ имени Голубъ, какъ отъ Ярославъ, Авраамъ — Ярославля, Авраамля. Названіе — Волынцы показываетъ, что первымъ поселенцемъ этой мѣстности былъ Волынецъ, т. е. уроженецъ Волыни, если не самъ лично, то его предокъ, переселившійся изъ этой страны. Деревня Чурилы получила свое названіе отъ имени ея основателя Чурило (Кирилло). Очевидно, что народное имя извѣстнаго Кіевскаго богатыря при Владимірѣ Святомъ Чурилы Пленковича было общеупотребительнымъ на Руси, если

оно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перешло въ географическое наименованіе. Деревни — Огородники, Сѣдл. уѣзда, и Огородники и Указная, Бѣльск. уѣзда, основаны въ 60-хъ годахъ, во время освобожденія крестьянъ, и обязаны своимъ происхожденіемъ и названіемъ Высочайшему Указу, по которому безземельные крестьяне были надѣлены землей и огородами, которыми они временно пользовались у своихъ помѣщиковъ во время крѣпостнаго права. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Забужномъ краѣ началось еще съ 50-хъ годовъ передъ Крымской войной: въ 1851 была освобождена часть государственныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ дер. Любенкѣ, Копытникѣ и другихъ казенныхъ селеніяхъ; въ 1861 г. по Высочайшему Манифесту отъ 19 февраля освобождены повсемѣстно помѣщичьи и государственные крестьяне.

Въ Сѣдлецкой губ. всего коренного русскаго населенія считается въ настоящее время около 140,000 человѣкъ. Здѣсь существуетъ много народныхъ малорусскихъ говоровъ, почти столько, сколько находится православныхъ приходовъ. Говоры эти, благодаря географическому своему положенію, подверглись болѣе сильному вліянію польскаго языка, чѣмъ украинскіе; нѣкоторые же изъ нихъ вымерли и замѣнены польско-мазурской рѣчью, какъ это было указано мною при перечисленіи русскихъ мѣстностей Сѣдлецкой губерніи. И нужно только удивляться живучести народной русской рѣчи, что она окончательно не погибла въ Забужномъ краѣ отъ напора польской волны, охватившей эту страну съ 1569 г. до послѣдняго польскаго возстанія (1863 г.). И только послѣ усмиренія польскаго бунта русскій языкъ, введенный въ школу и правительственныя учрежденія, сдѣлался могучимъ охранителемъ и обновителемъ мѣстныхъ народныхъ говоровъ, находившихся на пути къ вырожденію. И съ того времени мѣстные говоры получили право гражданства и средства для дальнѣйшаго своего развитія на началахъ объединенія съ общерусскимъ языкомъ; между тѣмъ какъ при польскомъ направленіи они были терпимы и принижены — среди мазуровъ и поляковъ

остерегались говорить на своемъ родномъ языкѣ, чтобъ избѣжать насмѣшекъ. Вообще, мѣстный русскій яз. считался мужицкимъ (chłopskim), а польскій, хотя бы и простонародный — панскимъ. Подъ вліяніемъ костела и убѣжденія о благородствѣ польскаго языка и во избѣжаніе насмѣшекъ со стороны мазуровъ въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, особенно въ городахъ, малоруссы стали говорить по-польски.

Вотъ главныя побудительныя причины, заставившія нѣсколько тысячъ (приблизительно 10 тыс.). мѣстныхъ малоруссовъ забыть свой родной языкъ! Но подвести итоги всѣмъ ополяченнымъ и окатоличеннымъ малоруссамъ въ Забужномъ краѣ за прежнія времена нѣтъ никакой возможности — можно только указать многія мѣстности съ уничтоженными церквами, гдѣ прежде существовала русская народность, и окотоличенныхъ и ополяченнныхъ, можно предположить, было значительное число, по крайней мѣрѣ, составляющее треть нынѣшняго русскаго народонаселенія. Еслибъ наше Правительство съ 60-хъ годовъ не взяло подъ свою защиту ополячивающихся забужныхъ уніатовъ, то не въ далекомъ будущемъ они слились бы окончательно съ поляками, и русская народность въ Забужьи погибла бы навсегда! Польскій бунтъ пробудилъ русское народное самосознаніе, и спасъ отъ совершеннаго ополяченія Холмско-Подляшскую Русь.

(При составленіи настоящаго отдѣла я пользовался пособіями: 1) Списокъ церквей и духовенства Холмско-Варшавской епархіи за 1886 г. 2) Подляшье и Холмская Русь, А. И. Липранди. «Русскій Вѣстникъ» за 1896 г., 3) Червенскіе города, Лонгинова, 4) Берестейское староство XVI вѣка, Довнара — Запольскаго, 5) Славянскій именословъ, Морошкина и др.).

ДОБАВЛЕНІЕ.

Въ дополненіе къ настоящему отдѣлу привожу изъ книги М. В. Довнаръ-Запольскаго названія населенныхъ мѣстъ Берестейскаго страроства XVI вѣка. Въ составъ Берестейскаго староства входили слѣдующіе 6 городовъ и 7 волостей съ 23 войтовствами:

Города: Берестье, Дивинъ, Милейчицы въ нынѣшней Гродненской губ. и Ломазы, Пещатка (Пищацъ), Воинь — Сѣдлецкой губ.

Берестейская волость.

Кобылянское войтовство: Кобыляне, Малашевичи, Лебедево, Полятичи, Кокорѣки (Сѣдл. губ.).

Сичевское войт. — Сичи, Нехолости, Волмовичи, Воробьи (Гродн. губ.).

Конюшское войт. — Яцковичи, Новоселки, Кринки (Гродн. г.).

Збирозское войт. — Збироги, Рѣчица, Бердичи (Гродн. губ.).

Прилуцкое войт. — Прилукъ, Гершановичи (Гродн. губ.).

Польсская волость (Гродн. губ.).

Старосельское войт. — Старое село, Озято.

Доропеевское войт. — Доропеевичи, Чернявы, Заболотье (Гродн. губ.).

Дивинское войт. — Липовая, Клетища, Осая.

Ляховецкое войт. — Ляховцы, Масевичи, Лукое, Ромятово, Ритая Малая, Ритая Великая.

Олтушское войт. — Олтушъ, Хотеславль, Орѣхово, Медвѣдка

Гвозницкое войт. — Гвозница, Радешъ, Бродятинъ, Збуражъ.

Кіевецкая волость (Сѣдл. губ.).

Дворовое войт. — Стрекалово, Подлипяны.

Михалковское войт. — Михалки, Рокитная.

Ломазская волость (Сѣдл. губ.).

Вортольское войт. — Вортолъ, Княжая, Любенка, Студеная, Костянково (нын. Костеневичи).

Гощенское войт. — Гоща, Тучная, Копытникъ.

Пещатская волость (Сѣдл. губ.).

Дубровицкое войт.—Дубровица Великая, Дубровица Малая, Добринка, Полоски, Корощинка, Воля Бокинская, Вычолки.

Воинская волость (Сѣдл. губ.).

Воинское войт. — село Воинь, Осовая, Деревичная.

Руденское войт. — Рудно, Виски, Березовъ Кутъ.

Кролевобродское войт. — Кролевъ Бродъ (вѣроятно, Колембродъ).

Коденецкое войт.—Коденецъ, Пашки, Карпцы, Вылеги, Кривая Берва (вѣроятно, Кривоверба), Темная, Голя.

Милейчицкая волость (Годн. губ.).

Собятинское войт. — Красники.

Пужицкоо и Половецкое войтовства: Медвѣдка, Пещанка, Сухоры, Хлевинское, Суходолы.

Этнографическая карта русскаго Забужья.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ этнографической картѣ русскаго Забужья. Будучи хорошо знакомъ со многими мѣстностями Сѣдлецкой и Люблинской губерніи, я убѣдился, что существующія карты русской и польской народности Забужнаго края неудовлетворительны—во многихъ мѣстахъ показаны эти народности невѣрно. Первая карта по времени издана А. Риттихомъ въ 1864 г. Эта карта русскаго и польскаго населенія Люблинской и Августовской губ.[1]) послужила прототипомъ для позднѣйшихъ изданій, и встрѣчаемыя погрѣшности на картѣ Риттиха повторились и въ другихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, на этнографической картѣ славянскихъ народностей, состав. Мирковичемъ въ 1874 г. То же замѣчается и на другихъ подобныхъ картахъ. Въ объясненіи къ своему изданію самъ даже Риттихъ признаетъ свой трудъ неудовлетворительнымъ, говоря, что только побывавъ лично въ каждомъ приходѣ и узнавши въ точности составъ его населенія, можно составить вѣрно этнографическую карту Забужнаго края. Очевидно, что карта имъ была составлена только на основаніи общаго количества населенія этихъ губерній по народностямъ, не принимая въ разсчетъ процентнаго отношенія уніатовъ и католиковъ каждой мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ мѣстности, гдѣ находятся Ломазы и Россошъ, показана польская народность, а гдѣ расположены мазурскія селенія — Гуща, Тучна, Виски, обозначена русская. Среди сплошного русскаго населенія иногда отводится много мѣста для польскаго и наоборотъ. Вообще, кто незнакомъ съ мѣстнымъ краемъ, тотъ получитъ невѣрное представленіе о распредѣленіи въ Забужьи русской и польской народности по тѣмъ этнографическимъ картамъ, какія у насъ существуютъ до сихъ поръ.

---

1) Въ это время въ составъ Люблинской губ. входила и нынѣшняя Сѣдлецкая, а Августовская состояла изъ нынѣшней Ломжинской и Сувалкской губ.

VI.

Древнія урочища и слѣды памятниковъ православной церковной старины въ окрестности Ломазъ, Докудова и Вортеля, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдл. губ.

Изъ Кіевской великокняжеской эпохи древней Руси немного осталось архитектурныхъ памятниковъ русской старины въ Россіи, но въ Забужной Руси только сохранились изъ этого отдаленнаго времени двѣ сторожевыя башни въ окрестностяхъ г. Холма, Люблинской губ. — Столпьевская и Бѣлавинская, находящіяся въ селеніяхъ того же имени. Такое незначительное число древнерусскихъ памятниковъ старинной архитектуры объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что древняя Русь была почти вся деревянная и только нѣкоторые храмы въ большихъ стольныхъ городахъ сооружались изъ кирпича или камня; Столпьевская и Бѣлавинская башни тоже были построены изъ послѣдняго матеріала. Немного сравнительно съ другими древними русскими областями сохранилось въ лѣтописяхъ названій населенныхъ мѣстностей Холмско-Подляшской Руси: Несторова и Ипатіевская лѣтописи упоминаютъ въ предѣлахъ нынѣшней Люблинской и Сѣдлецкой губ. до 30 такихъ мѣстъ; но урочища древнихъ городковъ, церквей и монастырей въ Забужномъ краѣ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, о которыхъ сохранились народныя преданія изъ глубокой старины. Въ Люблинской губ. въ такъ называемой Холмщинѣ существуютъ урочища двухъ древне-русскихъ городовъ—Волыни и Червеня, отъ имени которыхъ получили свои названія двѣ русскія области — Волынь и Червоная Русь.

I.

Глуховское церковище, по личнымъ наблюденіямъ.

Неподалеку отъ посада Ломазъ за рѣкой Желявой, при сліяніи ея съ безыменной рѣчкой, протекающей возлѣ дер. Любенка, находится довольно большая мѣстность, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Глухъ. И недаромъ это урочище получило такое названіе: когда въ старину эта мѣстность, съ прилегающими къ ней теперь полями и лугами, была покрыта дремучими лѣсами, то она представляла собою глухой малодоступный уголъ, окруженный съ сѣверо-востока болотистыми рѣками, а съ юго-запада непроходимыми топкими болотами. Даже и въ настоящее время эта безлѣсная сторона послѣ осушенія болотъ и обмелѣнія рѣкъ, благодаря своему изолированному географическому положенію, сохранила отчасти характеръ глуши, особенно же въ весеннее половодіе, когда она, какъ островъ, окружена широкой полосой разлившейся воды. Повидимому, эта глухая мѣстность въ старину служила убѣжищемъ для окрестныхъ жителей во время нашествія непріятелей и въ такомъ случаѣ она играла роль старо-славянскаго городища, созданнаго самой природой. О древнемъ заселеніи мѣстности, гдѣ теперь расположены Ломазы съ окрестными деревнями, свидѣтельствуютъ языческія могилы (ятвяговъ и славянъ), нерѣдко находимыя здѣшними поселянами во время земляныхъ работъ—при добываніи глины, рытіи ямъ, канавъ и т. п. Одну изъ такихъ древнихъ могилъ недавно открылъ около своей усадьбы крестьянинъ дер. Любенка Василій Ярощукъ. Крестьянину этому, замѣчавшему изъ года въ годъ, что въ одномъ мѣстѣ на его полѣ плохо растетъ хлѣбъ, пришла мысль разрыть землю, чтобъ узнать причину такого непонятнаго для него явленія. Но когда онъ началъ раскапывать это мѣсто, то наткнулся на цѣлую груду большихъ камней, которыхъ оказалось до восьми большихъ возовъ; посреди кучи нава-

леннаго булыжника лежали кости громаднаго человѣка, такъ что, по словамъ Ярошука, такихъ великановъ между людьми теперь не встрѣчается. Но, кромѣ человѣческихъ костей, въ этой могилѣ никакихъ вещей не обнаружилось; отсутствіе же въ могильникахъ предметовъ обряда погребенія, по мнѣнію археологовъ, служитъ явнымъ признакомъ древняго ихъ происхожденія. Очевидно, что этотъ Любенскій могильникъ принадлежитъ какому-то древнему богатырю: или славянину - бужанину, жившему здѣсь приблизительно въ Х-мъ вѣкѣ; или же, вѣроятнѣе всего,—дикарю ятвягу, обитавшему въ этой мѣстности въ доисторическія времена. О пребываніи на Подляшьи аборигеновъ ятвяговъ, кромѣ могилъ, свидѣтельствуютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей Сѣдлецкой губ.

Судя по народнымъ разсказамъ и по нѣкоторымъ вещественнымъ памятникамъ мѣстной старины, здѣсь, «на Глухови» въ давно минувшія времена существовало довольно значительное русское поселеніе съ православной церковью, основанной, быть можетъ, въ числѣ первыхъ христіанскихъ храмовъ въ этой округѣ[1]). Объ этой стародавней церкви сохранилось до настоящаго времени народное преданіе, сложенное, очевидно, въ то время, когда существовало въ здѣшней мѣстности древнее православіе, еще задолго до введенія уніи. Для большей точности привожу дословно это интересное преданіе на народномъ языкѣ, на которомъ говорятъ въ Ломазскомъ приходѣ:

«Кажутъ, що на Глухови колись была церква, но запалася. На Великдень, на першій день, якъ люде вышли изъ церквы, баба зачала замитати церкву и ударилася ногою о порогъ, и заклялa: «А щобъ тая церква запалася!» И церква запалася и вышла въ Кіеви. И де ту͡олько западетця церква, то выходитъ въ Кіеви и оттого въ Кіеви такъ мну͡ого церкву͡овъ. Коли прійти

1) Одинъ изъ любителей мѣстной археологіи народный учитель г. Волосъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ производилъ кое-какія раскопки въ урочищѣ Глухъ, гдѣ нашелъ нѣкоторые предметы древняго домашняго быта.

на Великдень, на першій день на Глухъ, на тое міесьце, де церква стояла, и нагнутися до самои земли и слухати, то чути якъ звоны звонятъ и якъ спиваютъ въ туой церкви. Но не всіе почуютъ якъ звонятъ и спиваютъ въ туой церкви, добавляютъ иные разсказчики, а туолько щасливыи у Бога».

Это народное преданіе, какъ отголосокъ сѣдой старины, свидѣтельствуетъ о церковно-религіозной связи русскаго Подляшья съ древнимъ Кіевомъ во времена удѣльныхъ русскихъ князей и въ періодъ литовскихъ правителей; со времени же появившейся здѣзь церковной уніи (1596 г.) эта исконная историческая связь начала постепенно ослабѣвать, а въ послѣднія времена ея существованія совсѣмъ порвалась. Очевидно, что вышеприведенное преданіе могло только возникнуть въ народѣ въ то время, когда еще въ немъ не была поколеблена православная вѣра, какъ главный элементъ русской народности. Преданіе это, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіе многихъ вѣковъ, пережило унію, ненадежную хранительницу русскихъ началъ, и дошло до нашихъ дней въ такомъ почти видѣ, въ какомъ оно зародилось во времена существованія здѣсь древняго православія.

Кромѣ преданія о существовавшей нѣкогда православной церкви «на Глухови», въ народѣ ходятъ объ этой мѣстности разныя легенды — о блуждающихъ по ночамъ огонькахъ, о появляющихся духахъ, въ видѣ животныхъ, о зарытыхъ здѣсь кладахъ, тщательно скрываемыхъ нечистой силой и т. п. Все это наводитъ на мысль, что когда-то Глухъ былъ заселенъ и что его обитатели славились богатствомъ, которое во время нашествія враговъ прятали въ землю. Вообще, урочище Глухъ въ воображеніи народа рисуется какимъ-то заколдованнымъ мѣстомъ, возбуждающимъ суевѣрный страхъ въ окрестномъ населеніи. Заинтересованный часто слышанными мною въ дѣтствѣ всѣми этими разсказами, разукрашенными народной фантазіей, я неоднократно побывалъ «на Глухови» и съ любопытствомъ осматривалъ эту историческую мѣстность. Прежде всего меня очень интересовало узнать то мѣсто, гдѣ въ старину стояла церковь,

которая, по народному повѣрію, «запалася» на первый день Пасхи и вышла въ Кіевѣ. По указанію мѣстныхъ жителей, я увидѣлъ это мѣсто на пригоркѣ среди болотистаго луга, расположеннаго между сливающимися рѣками и старинной канавой, заросшей тростникомъ и кустарникомъ. Эта канава, въ видѣ рѣчки, обогнувъ сначала часть этого луга вдоль поля, потомъ поворачиваетъ и пересѣкаетъ его почти по прямой линіи до самой рѣки Желявы. Въ этомъ луговомъ четыреугольникѣ, образуемомъ почти со всѣхъ сторонъ текучей водой, и находится древнее церковное урочище, по преданію народа. Возлѣ этого церковища я замѣтилъ кое-гдѣ разбросанные по болоту осколки кирпичей и камней. Были ли это остатки отъ фундамента разрушенной церкви, или же отъ другого какого нибудь строенія, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ сюда не могли попасть случайно эти кирпичи, такъ какъ мѣстность эта довольно удалена отъ окрестныхъ поселеній — Ломазъ, Отидёнки и Любенки. Если дѣйствительно здѣсь, на этомъ мѣстѣ находилась церковь, на что отчасти указываетъ самое возвышеніе среди болотистаго луга и валяющійся около него мусоръ, то она стояла на низменномъ островѣ, который впослѣдствіи отъ сильныхъ разливовъ рѣкъ былъ затопленъ и во время большого ледохода и самая церковь (деревянная) могла быть снесена и разружена до основанія. О большихъ наводненіяхъ въ этой мѣстности свидѣтельствуютъ песчаные наносы по краямъ этого рѣчного луга со стороны смежнаго поля. Катастрофа эта могла случиться въ первый день Пасхи и такъ поразила мѣстныхъ жителей, что разсказъ объ этомъ необычайномъ событіи передавался изъ рода въ родъ и дошелъ до нашего времени въ видѣ преданія съ примѣсью народныхъ повѣрій. Отъ времени настоящая причина уничтоженія этой церкви была забыта, и народъ впослѣдствіи сталъ приписывать ея исчезновеніе суевѣрному случаю. Это общее народное повѣріе относительно уничтоженія древнихъ церквей и монастырей распространено среди русскаго населенія Прибужнаго края. Что Глуховская церковь была православной, то на это ясно указываетъ преданіе, выразившее

народное желаніе видѣть ее въ числѣ Кіевскихъ православныхъ святынь.

Подальше отъ церковища на возвышенномъ мѣстѣ среди давнихъ «облюговъ» заброшеннаго поля находится старинное кладбище (могилки) съ могильными камнями, напоминающими восточный погребальный обычай, существующій и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ народовъ, ставить эти надгробные памятники на могилахъ своихъ покойниковъ. На одномъ изъ этихъ камней я замѣтилъ высѣченный православный восьмиконечный крестъ. Надо полагать, что эти камни были взяты для кладбища съ древняго церковища. Такое же старинное кладбище съ могильными камнями и высѣченными на нихъ православными крестами и славянскими буквами существуетъ около дер. Стидёнка, на землѣ которой находится урочище Глухъ. Въ противоположной сторонѣ Глуха на притокѣ рѣки Желявы остались слѣды плотины—пасыпи и сваи. Здѣсь, по разсказамъ старожиловъ, когда-то существовала водяная мельница. Но какъ кладбище, такъ и эта мельница, повидимому, позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ Глуховская церковь.

Такъ какъ о Глуховской церкви не сохранилось не только никакихъ письменныхъ историческихъ свѣдѣній, но даже не осталось и явныхъ слѣдовъ ея существованія, то приходится обыкновенному наблюдателю ограничиться пока не многимъ; но можно надѣяться, что со временемъ, когда будутъ произведены археологическія раскопки въ этой исторической мѣстности, тогда, быть можетъ, и обнаружатся какія-нибудь данныя о существовавшей здѣсь нѣкогда православной святыни, сохранившейся столько вѣковъ въ памяти народной.

II.

Докудовско-Вортельское монастырище, по разсказамъ очевидцевъ.

Въ окрестности села Вортеля и Докудова, находящагося въ 6-ти верстахъ отъ пос. Ломазъ, по народному преданію, существовалъ въ старину православный монастырь. О Докудовско-Вортельскомъ монастырскомъ урочищѣ упоминается въ одномъ изъ древнимъ западно-русскихъ актовъ 1580 г.—«межи водами близъ горы». Монастырище это, или по народному намастырь, не смотря на болѣе, чѣмъ 300-лѣтнее свое существованіе, благодаря малодоступному своему мѣстоположенію, а также и заботливости о его сбереженіи на память народу со стороны мѣстныхъ дворянъ— землевладѣльцевъ, сначала православныхъ, а потомъ и католиковъ, сохранилось въ цѣлости почти до конца прошлаго столѣтія и только въ послѣдніе 90-тые годы началось подвергаться постепенному разрушенію: съ дозволенія помѣщика докудовскіе крестьяне стали имъ пользоваться, какъ матеріаломъ (землею и камнями), для устройства и исправленія плотины (гребли) и мостовъ въ этой обширной болотистой мѣстности. Эти топкія болота съ трясинами и плесами, будучи расположены между рѣкою Желявой и каналомъ, проведеннымъ въ недавнее время для спуска воды, тянутся на нѣсколько верстъ въ длину и ширину отъ Докудова до самаго Вортеля. Среди этихъ непроходимыхъ болотъ вдали виднѣется на луговомъ островѣ высокая гора, называемая народомъ «Намастыромъ». На этой горѣ, по преданію, когда-то стоялъ монастырь, который будто-бы провалился подъ землю отъ проклятія бабы-чародѣйки. И въ Докудовѣ говорятъ, что на первый день Пасхи можно слышить звонъ и пѣніе въ этомъ монастырѣ, какъ и въ Глуховской церкви. Но при ближайшемъ осмотрѣ монастырскаго урочища, оказывается, что эта гора не что иное, какъ только высокій валъ, насы-

панный въ старину для защиты обители отъ нападенія враговъ. Быть можетъ, что монастырская церковь была устроена въ старинномъ славянскомъ городкѣ. Добраться до этого урочища весной и въ дождливое лѣто, когда бываютъ снесены мосты и размыты плотины, очень затруднительно, развѣ только на лодкѣ; въ сухой же годъ во время сѣнокоса рабочіе помѣщика пробираются на монастырскій островъ по плотинамъ (гребсямъ) и мостамъ. На этомъ луговомъ островѣ, гдѣ лѣтомъ сушатъ сѣно и складываютъ его въ стоги до замерзанія болотъ, замѣтны грядки, борозды и углубленія съ остатками торчащихъ кое-гдѣ пней плодовыхъ и лѣсныхъ деревъ. Очевидно, что это слѣды монастырскаго сада и огорода. Посреди этой большой приподнятой луговой площади въ болотистой мѣстности поднимается до трехъ саженъ круглый валъ. Если подняться на верхъ этого крутого вала, то внутри его открывается большая котловина, гдѣ можетъ свободно помѣститься обширный домъ. На днѣ этого искусственнаго кратера, заваленнаго камнями и мусоромъ и переполненнаго массой человѣческихъ костей, и находится, древній погостъ, на которомъ очевидно, стоялъ въ старину православный монастырь болѣе 300-тъ лѣтъ тому назадъ, основанный, по всей вѣроятности, во времена удѣльныхъ русскихъ князей, когда нынѣшнее Подляшье подъ именемъ Украйны съ главнымъ гор. Берестьемъ входило въ составъ Волынскаго, а затѣмъ Владиміро-Галицкаго княжества. Въ послѣдніе годы, когда начали докудовцы раскапывать вѣковой валъ и выбирать камни съ монастырскаго погоста, то потревожили прахъ усопшихъ монаховъ и ихъ благотворителей: разсказываютъ, что рабочіе, когда докопались до цѣлой груды человѣческихъ скелетовъ, сильно перепугались и со страху наотрѣзъ отказались отъ дальнѣйшей работы. Нахожденіе такого множества человѣческихъ костей на монастырскомъ урочищѣ невольно наводитъ на мысль, что здѣсь когда-то разыгралась кровавая драма во время непріятельскаго нападенія на монастырь, защитники котораго пали подъ ударами вражьихъ

стрѣлъ и мечей — тогда могло погибнуть отъ враговъ множество народа, сбѣжавшагося сюда изъ окрестностей для спасенія своей жизни. Послѣ такого поголовнаго избіенія непріятель могъ овладѣть монастыремъ, ограбить и сжечь его. Впрочемъ, и при другихъ обстоятельствахъ могъ уничтожиться этотъ монастырь-городокъ, возникшій несомнѣнно, въ первые вѣка христіанства на Руси, въ эпоху великихъ князей Кіевскихъ.

Если не будутъ приняты своевременныя мѣры для охраненія отъ дальнѣйшаго разрушенія этого замѣчательнаго рѣдкаго памятника подляшской русской старины, просуществовавшаго чуть ли не 800 лѣтъ и бывшаго свидѣтелемъ всѣхъ политическихъ и церковныхъ переворотовъ нашего Забужья, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не останется и слѣда отъ вѣкового вала, и всѣ оказавшіяся въ немъ находки, которыя могли-бъ освѣтить древнюю исторію Подляшья вообще и монастыря въ частности, погибнутъ безслѣдно въ рукахъ невѣжественныхъ или злонамѣренныхъ людей. Такимъ образомъ не мало изгладилось слѣдовъ русской старины въ Забужномъ краѣ!

Кромѣ Бѣльскаго уѣзда, существуютъ древнія урочища и въ другихъ мѣстахъ Сѣдл. губ.; такъ, напримѣръ, въ окрестности села Дреглёва, Радинскаго уѣзда, находится урочище Городокъ, гдѣ существуетъ понынѣ православная часовня съ чудотворной иконой св. Онуфрія, на поклоненіе которой стекается много народа изъ окрестныхъ и отдаленныхъ мѣстностей. Городокъ этотъ, будучи окруженъ съ трехъ сторонъ болотами, а съ четвертой лѣсомъ, былъ когда-то окопанъ рвомъ, слѣды котораго видны и теперь. По преданію, этотъ ровъ былъ сдѣланъ какимъ-то княземъ, скрывавшимся въ лѣсу во время нашествія непріятелей. По разсказомъ старожиловъ, въ Городкѣ существовалъ въ старину красивый колодецъ, устроенный изъ камня.

Судя по мѣстоположенію древнихъ церковищъ и монастырищъ, въ такихъ мѣстахъ какъ урочище Глухъ и Намастырь въ старыя времена устраивались на этой окраинѣ древней Руси православ-

ные храмы. Въ тѣ тревожныя времена частые набѣги хищныхъ ятвяговъ, литвы, ляховъ и другихъ враждебныхъ племенъ, опустошавшихъ города и селенія съ церквами, заставляли мѣстное русское населеніе скрывать свои христіанскія святыни въ недоступныхъ мѣстахъ — въ укрѣпленныхъ городкахъ, на островахъ среди рѣкъ и болотъ, заросшихъ густыми камышами и окруженныхъ дремучими лѣсами.

Такой способъ устройства древнихъ церквей и монастырей въ Забужьи (Сѣдл. губ.) невольно переноситъ насъ въ глубокую старину, когда христіанская вѣра здѣсь распространялась чуть ли не одновременно съ русской колонизаціей, вытѣснившей ятвяговъ отсюда въ дебри нынѣшней Гродненской и Ломжинской губ., повидимому, еще въ X-мъ вѣкѣ, такъ какъ въ послѣдующія времена вплоть до половины XIII столѣтія, по историческимъ даннымъ, всѣ набѣги ятвяговъ на Забужную Русь совершались изъ лѣсныхъ трущобъ на правой сторонѣ Буга.

Въ дополненіе къ моему описанію Докудовско-Вортельскаго монастырища, привожу сообщеніе о мѣстной старинѣ настоятеля Докудовскаго прихода О. Анастасія Латко.

С. Докудовъ, 20 апрѣля 1903 г.

Милостивый Государь!

Письмо Ваше получено, и все, что я знаю лично, что у меня было записано и что я могъ узнать у стариковъ-крестьянъ, сообщаю Вамъ, можетъ что-нибудь изъ сообщеннаго и пригодится.

Къ сожалѣнію, у «Намастыря» я самъ не былъ, такъ какъ туда трудно пройти, на Лысой же горѣ былъ.

Во-первыхъ, сообщаю Вамъ письменную замѣтку, списанную мною изъ Епарх.—Вѣстника за нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «Изъ Сѣдлецкой губерніи».

«Здѣсь еще есть мѣста, оставленныя безъ вниманія людьми науки, а между тѣмъ они при изслѣдованіи могли бы дать цѣн-

ные вклады въ наши музеи, такъ какъ объ ихъ историческомъ значеніи существуетъ богатѣйшее мѣстное народное преданіе, но и сохраняются письменныя и вещественныя доказательства въ сельскихъ церквахъ. Къ такимъ мѣстамъ можно отнести село Докудовъ съ окрестностями, находящагося въ 10 верстахъ отъ г. Бѣлы Сѣдл. губ. Село это, какъ видно изъ разныхъ церковныхъ документовъ и стар. вещей (антиминсовъ — «данъ св. Параскев. церкви въ градѣ Докудови» и др.), сохранившихся въ церкви, лѣтъ около 150 тому назадъ было городомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его теперешній видъ. Оно расположено у рѣки Зелявы, какъ на полуостровѣ, тремя параллельно идущими улицами, въ рединѣ съ площадью, «рынкомъ». Рѣдкой архитектуры Докудовская церковь еще издали привлекаетъ взоръ всякого человѣка; она построена въ 1716 г. княземъ Карломъ Радзивилломъ, канцлеромъ Литовскимъ и владѣльцемъ Бѣлы и состоитъ изъ отдѣльныхъ частей подъ отдѣльными пирамидальными крышами съ куполами. Стиль ея византійскій. Церковь построена изъ цѣльныхъ, нераспиленныхъ, огромной толщины обтесанныхъ въ квадратъ сосенъ, нигдѣ здѣсь незамѣтно употребленія желѣза; она никогда не красилась снаружи, потому стѣны ея съ сѣвера покрыты мхомъ, а съ юга обуглились. Видъ церкви снаружи величественный. Когда вы войдете въ нее, вамъ представится крайне бѣдная обстановка: все принадлежитъ въ ней глубокой старинѣ, и прихожане сильно дорожатъ видомъ своего храма и его старинными принадлежностями. Въ Докудовской церкви нѣтъ почти ни одной новой иконы. Здѣсь сохраняется много иконъ, книгъ и разныхъ церковныхъ принадлежностей 1600 и даже 1500 годовъ, значитъ, онѣ древнѣе самой церкви. Притворъ церкви представляетъ настоящій музей: стѣны его сплошь увѣшаны старинными иконами, напоминающими о древнемъ православіи въ этомъ приходѣ, ибо кресты на нихъ восьмиконечные. Изъ обращающихъ на себя особое вниманіе предметовъ слѣдуетъ отмѣтить: портретъ основателя храма кн. Радзивилла и доску съ надписью о закладкѣ ея и съ изображеніемъ герба «погонь» рода

князя Радзивилла и древнѣйшія иконы — Страшнаго суда и Архистратига Михаила, попирающаго діавола и висящія въ притворѣ на стѣнѣ Царскія врата. Такъ какъ нынѣшняя церковь, какъ уже сказано выше, построена въ 1716 году и до этого времени, по мѣстному преданію, въ Докудовѣ церкви не было, то всѣ церковныя принадлежности, имѣющія свыше 200 лѣтъ, были, по разсказамъ мѣстныхъ крестьянъ, перенесены въ церковь изъ Докудовскаго монастыря, о которомъ здѣсь не только сохранилось живѣйшее преданіе, но встрѣчаются нѣкоторые документы въ церковномъ архивѣ (таковыхъ не находимъ, не смотря на тщательныя поиски), и о которыхъ даже «Холм. Русь» даетъ маленькій намекъ, что онъ находился «межи водами».

Замѣчательно мѣсто, гдѣ находился Докудовскій монастырь: это круглая порядочной вышины (отъ 3 до 4 саж.) гора, находящаяся между болотами и лугами. Это между Докудовымъ и Ортелемъ (или Вортелемъ) Княжескимъ, между рѣками — Зелявой и Кшной и каналомъ. На островѣ (въ версту въ окружности) виднѣется гора, называемая «Намастырь» и никакъ не Лысая. Гора эта по срединѣ имѣетъ большую впадину на подобіе кратера; говорятъ крестьяне, что это провалившійся церковный склепъ. Вся гора (никакъ не валъ), за исключеніемъ впадины, прежде была покрыта дубами, разными кустами и вьющимися растеніями, но въ послѣднее время ее обнажили отъ природнаго покрова: дубы и дерево потолще вырублено, осталось мелкое дерево и кусты. Преданіе говоритъ, что это гора искусственная, насыпана язычниками до христіанства на Руси, что очень правдоподобно, такъ какъ вокругъ нея находится нѣсколько холмовъ, напоминающихъ могилы, и при раскопкѣ одного изъ нихъ найденъ былъ сосудъ, наполненный золою. Дно ямы завалено мусоромъ и камнями (о костяхъ не упоминайте, такъ какъ никто не видалъ ихъ въ этомъ мѣстѣ). Гора эта у окрестныхъ крестьянъ слыветъ подъ названіемъ «Намастырь». Объ участи Докудовскаго монастыря между крестьянами ходитъ легенда: «На первый день Пасхи одна женщина, проходя черезъ перекладину рва,

которымъ былъ окопанъ монастырь, упала въ воду и стала проклинать это мѣсто, чтобы оно «запалось» и монастырь, на ея же глазахъ провалился въ землю». Ни камней, ни песку крестьяне оттуда не везутъ, такъ такъ земля принадлежитъ Бѣльской Администраціи. Остальное вѣрно.

Съ западной стороны село Докудовъ защищено было земляныиъ валомъ, который еще лѣтъ 20—30 тому назадъ былъ нѐтронутъ, и теперь отъ него остаются отчетливые слѣды. Валъ протяженіемъ съ полверсты, въ разстояніи менѣе полверсты отъ Докудова, довольно широкій; крестьяне его раскапываютъ, вывозя песокъ на разныя хозяйственныя надобности; при раскопкѣ часто выкапываются скелеты людей (этого теперь не слышно). Подобная валу участь постигла-бъ и гору Намастырь, если бы она была не на помѣщичьей землѣ. На югѣ отъ села, за рѣкой Зелявой, подъ Студянкой видна другая гора, такъ называемая «Лыса гора», на которой также выбиваются человѣческія кости (вѣрно, самъ видалъ) и было найдено много камней съ крестами (вѣрно, камни небольшіе, вѣсомъ до полупуда и пуда, даже и больше, числомъ до 13 и теперь тамъ лежатъ съ отчетливыми крестами); гору, такъ какъ она песчаная, снесло въ уровень съ землею и пескомъ засыпало окружающія ее поля; растетъ на ней нѣсколько сосенъ. По преданію, какой-то крестьянинъ собиралъ эти камни и бралъ песокъ, но послѣ нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ, бывшихъ въ его домѣ, отвезъ ихъ обратно. Въ бурю гора покрывается кружащимся пескомъ. Старожилы Докудовскіе (до 80 лѣтъ) помнятъ эти камни съ крестами на теперешнихъ мѣстахъ. Гора эта находится въ Ломазскомъ приходѣ. Народъ говоритъ, что Лыса гора и валъ—это могилы отъ шведскихъ войнъ въ Польшѣ. Подъ селомъ съ южной стороны находится возвышенное мѣсто, окруженное водою, гдѣ, по преданію, стоялъ замокъ, и находится въ пользованіи крестьянъ, которые при вспахиваніи находятъ здѣсь кирпичъ съ разными буквами, а иногда и желѣзныя полосы. Съ сѣверной стороны села въ разстояніи полуверсты отъ него остался явный слѣдъ благоустроен-

наго рыбнаго пруда, обнесеннаго и раздѣленнаго валомъ, съ маленькимъ протокомъ. Вотъ все, что самъ знаю и что Вамъ могу сообщить изъ имѣющихся у меня записей. Боюсь только, что я опоздалъ съ отвѣтомъ, и Вы отослали корректурные листы.

Свящ. Анастасій Латко.

Добавленіе къ отд. III „Образцы Ломазскаго говора“.

Свадебныя пѣсни дер. Любенки, Ломазскаго прихода.

По народнымъ обычаямъ, свадебный обрядъ требуетъ отъ молодого-князя (жениха) и молодухи-княгини (невѣсты) избрать себѣ дружбу—бояръ (дружину, свиту). Для этой цѣли со стороны жениха приглашаются сваты, маршалки и дружкѝ (шафера), а со стороны невѣсты — свашки, прѝсвашки и дру́жки. Эта дру́жба подраздѣляется на старшую и младшую; такъ, напр., бываетъ старшая и младшая дружка и свашка. Но самымъ главнымъ въ свадебной дружбѣ считается старшій маршалокъ, который играетъ роль чашника во время свадебныхъ пиршествъ. Вся эта дружба въ теченіе трехъ дней находится неотлучно при молодыхъ и исполняетъ разныя свадебныя обязанности и церемоніи: дѣлаютъ коровай, одѣваютъ невѣсту, распѣваютъ пѣсни и т. д.

78.

Въ субботу вечеромъ, когда дѣлаютъ коровай, дружки и свашки поютъ:

Приплынь, Дунаеньку,
До нашого бэрэженьку:
Будюмо руки мыти,

Будюмо коровай робити.
Ой знаю, я знаю,
Що въ туомъ короваю:
Съ симьёхъ крыницъ водиця,
Съ симьёхъ пуоль пшениця,
Сіэмъ куопъ яецъ
И друщіэй гарнэць.
Нашъ пышны короваець!

79.

Коровайници, нэ росходьтэся,
Свашеченьки, нэ росходьтэся,
Бо дивчина батэнька
Будэ даромъ дарити:
По повнэньцій, по повнэсенькуй,
По гусоньци, по билесенькуй.

80.

Вэсіэльная мати, 2
Выйди танцювати,
Тупни по помосьци,
Розвэсэли намъ госьци,
Розвэсэли намъ людэ, 2
То хорошенько будэ.

81.

Отецъ и мать, а если ихъ нѣтъ, то крестные, взявшись за руки обращаются направо и налѣво и становятся рядомъ передъ

образами: женихъ и невѣста падаютъ имъ въ ноги и родители ихъ благословляютъ, а молодежь поетъ:

Въ ручки, въ ножки падай: 2
Одъ Бога доли жадай.

82.

Стоитъ дубочокъ, якъ орабочокъ,
На Дунай похилившись.
Молодый Ондрійко до Марыси
Хорошенько убравшись,
Въ правуй ручоньци хусточку носитъ
И слюзоньки утирае и батэнька проситъ,
Що у дӗвки говорити.
«Нэ говори, сынку, ничого —
Есть у тэбэ друженько до того:
Будэ видати, що говорити
За тэбэ молодого».

83.

А въ мӗсяця два рожки,
А въ молодого два братци:
Одинъ коня сёдлае,
А други поучае —
«Нэ бэри, браце, въ золоти,
А бэри въ розуми,
Бо золота доложимо,
А розуму нэ вложимо».

84.

Росходився ясны мӗсяць по нэби,
Збираючи ясны зоры въ громаду,

Пуо͡йдюмо до Пана Бога на раду:
Будюмо Бога просити,
Жебъ намъ позволивъ ці͡элу ну͡счь сьвитити.
Расходився молодый Ондрусё по двурцяхъ,
Збираючи сваты—бояры до столу,
Бо поі͡эдюмо до тэсьцёвого двору.
Будюмо йі͡эхати штыры мили возами,
А пьяту милю коваными санями.

85.

Женихъ усаживаетъ за столъ маршалковъ и дружковъ и послѣ выпивки и закуски уѣзжаетъ съ ними къ невѣстѣ, а молодежь ему поетъ:

Нэ йі͡эдь, Ондрусю, бо болото.
— Якъ же нэ йі͡эхати, коли золото.
Нэ йі͡эдь, Ондрюсю, бо залява.
— Якъ же нэ йі͡эхати, коли казала.
Нэ йі͡эдь, Ондрусю, бо исъ стрі͡эхъ каптитъ.
— Якъ же нэ йі͡эхати, коли якъ мі͡эдъ пахтитъ.

86.

Въ ожиданіи жениха молодицы и дѣвушки поютъ невѣстѣ:

Смутна Марыся, смутна,
И въ окно поглядае:
Подобнось, вона госьци сподивае;
Сподиваетьця Господа Бога
Зъ усі͡эми анёлами,
Сподиваетьця свого Ондруся
Съ пышными боярами.

87.

Ѣдетъ женихъ, и дѣвушки продолжаютъ пѣть:

Ой йі͡эдэ, йі͡эдэ ружовы квi͡этэ,
Завьязавы му͡ой сьвi͡этэ.
Завьязавъ очи тэмнои ночи
Червоною китайкою:
Ни я до дивочокъ,
Ни я у таночокъ,
Ни на гулоньку выйти;
Дивоньки гуляютъ,
Косоньки маютъ,
А мэнэ нэ пускаютъ.

88.

Женихъ заѣхавъ на зару́чины, даритъ невѣстѣ и ея матери черевики и платокъ и садится рядомъ съ молодухой за столъ, а дружки и свашки поютъ невѣстѣ:

Куе зазуля, куе рабая,
На ракитоньку стала;
Вона думала—ракиту зломитъ,
А вона не схилила,
Молода Марыся на заручины сi͡эла.
Вона думала—матюнку развэсэлитъ,
А вона засмутила.
— Бi͡эдна моя головонька,
Що нэ вся родиноњка:
Пошлю͡омъ мы листы,
Всi͡э розмаисты,
А зазуленьку на Украиноньку.

Бывай, родино, бывай!
Близкая и далекая
И сусидоньки мои милы!

89.

Куе зазуля, куе рабая
У саду на калини,
Плаче Марыся, плаче молода
У комори на скрыни.
Вышла Марыся, вышла молода
За воротэчка, подъ калиною стала:
Калину ломитъ, слюзоньки ронитъ,
Доленько нэщасная.
Вышла до еи матюнка еи:
— «Чого, дитино, плачешь?
Я тоби даю, що вдома маю,
А доленьки нэ вгадаю».
Выйду я на долину и гукну на родину:
Бывай, родино, бывай
До мэнэ на коровай —
Близкая и далекая
И сусидоньки мои милы!

90.

Чомъ ты, зазуле, тогды нэ ковала,
Якъ сады зацьвитали?
Чомъ ты, Марысю, тогды нэ плакала,
Якъ тэбэ заручали?
— Я думала, що муой батэнько
Въ карты грае,

А в͡уонъ за мэнэ молодэнькую
Литкупъ запивае.

91.

Въ воскресенье, когда молодуха ѣдетъ въ церковь вѣнчаться, поютъ ей такъ:

А въ кого же ты, молода Марыся, вдалася,
Що въ ср͡іэбло — золото вбралася.
Вила виночокъ съ трохъ ягудочокъ,
Золотый пасъ.
Ой бывай, бывай, моя матюнко,
Часто у насъ.
— Ой якъ же маю у тэбэ бывати:
Позаростало стэженьки нэ знати.
Позаростали стэжки — дорожки вэрбами,
А нэ красными и нэ червоными квитками.

92.

Покропи насъ, батэньку, свьячоною водою,
Правою рукою и щасливою годиною,
Бо мы й͡іэдюмо до Божого дому,
Жебъ насъ ксёндзъ шлюбъ давъ
И намъ б͡іэлы ручки извьязавъ.

93.

Нэма попа вдома, 2
Пой͡іэхавъ до Львова:
Ключ͡уовъ куповати,

Церкву одмыкати,
Молодымъ шлюбъ давати [1]).

94.

По выходѣ изъ церкви свашка поэтъ:

Подякуймо попонькови,
Якъ руодному батэнькови,
Же намъ шлюбъ давъ
И нэмнуого за тое узявъ:
Туолько штыры золотыи
За наши молодыи.

1) Пѣсня эта, повсемѣстно распространенная въ Холмской Руси, извѣстна въ народѣ подъ именемъ Желиманъ. Она сложилась въ народѣ въ тяжелыя времена польскаго владычества, когда нѣкоторые паны—католики, подстрекаемые ксендзами—фанатиками, отдавали въ аренду жидамъ православныя церкви. У жида-арендатора находились ключи отъ церкви. Когда нужно было окрестить дитя, или повѣнчать молодыхъ или же освятить «паску», то за извѣстную плату еврей отпиралъ церковь. Объ одномъ изъ такихъ арендаторовъ Желиманѣ (Зельманѣ) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забужья сохранилась народная пѣсня, начинающаяся словами: Йiэдэ, йiэдэ Желиманъ, йiэдэ его братъ: церкву отчиняти, щобъ молодыхъ зьвинчати....

О жидовскихъ откупахъ XVII–XVIII в. сложилась на Украйнѣ слѣдующая народная дума:

Іще ж то Жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Ураїні всі козацьки церкви заорандовали.
Которому б то козаку, альбо мужику дав Бог дитину появити,
То не йди до попа благословиться,
Да пійди до жида-рандара да полож шостак, щоб позволив церкву одчинити,
Тую дитину охристити.
Іще ж то которому б то козаку, альбо мужику дав Бог дитину одружити,
То не йди до попа благословиться,
Да пійди до жида-рандара да полож битий тарель, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити (Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. II, Кіевъ, 1875 г., стр. 21).

95.

Пріѣхавъ отъ вѣнца, молодые останавливаются у дверей дома родителей невѣсты: отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ. Наливъ рюмку водки, отецъ подаетъ ее молодымъ, но молодая выливаетъ водку назадъ черезъ голову, «щобъ ворогамъ залі͡эти очи». Наливаютъ имъ вторую рюмку: тогда молодая несетъ ее въ бѣломъ платочкѣ и ставитъ на столъ[1]. Всѣ садятся обѣдать — молодые, маршалки, сваты, свашки, прúсвашки, дружкú, дрýжки и другіе гости. Во время обѣда молодежь поетъ свашкѣ:

Дай намъ, свашко, сыра: 2
Дасьць тоби Бу͡огъ сына —
Зъ ручками, зъ нужками,
Съ чорными очками.
Казали, свашка въ шуби, 2
А свашка въ кожуси.
Кожухъ съ пэтлицями,
Сидятъ воши копицями.
Знати свашеньку знати, 2
Що зъ богатэи хаты:
Сырами обклалася,
Пирогами пудпэрлася.
А свашенька, якъ пташенька, 2
Личко, якъ яблычко;
Сама въ золоти сяе,
Якъ макъ зацьвитае.

96.

Свашка вынимаетъ сыръ и пирогъ (пшеничный хлѣбъ) и подаетъ маршалку. Маршалокъ, разрѣзавъ сыръ и пирогъ на ку-

1) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Докудовѣ, существуетъ обычай послѣ возвращенія изъ церкви обсыпать молодыхъ зерномъ, сѣменемъ и

сочки, раздаетъ ихъ всѣмъ присутствовавшимъ за столомъ. Онъ, какъ распорядитель свадебнаго пира, нарѣзываетъ хлѣба, мяса и наливаетъ водку и пиво для гостей и все время прислуживаетъ молодымъ за обѣдомъ. Маршалку и свашкѣ поютъ:

Маршалокъ сыръ крае, 2
Бо золотый ножикъ мае,
Срі͡эбную тарилочку
И гуркую горилочку.

97.

Падаймо свасьци въ ноги 2
За бі͡элы пироги,
За бі͡элого сыра:
Нэхъ ей Бу͡огъ дасьць сына.

98.

Казали, маршалокъ просты—2
Маршалокъ горбаты;
Сосэрэдъ горба
Выросла вэрба —
Усі͡эмъ очи дэрла.

99.

Поютъ молодой:

Ой щожъ ты, молода Марысю, вдумала,
Що нэлюбови праву ручку подала.
Ой ты думала — вороный коникъ то ёго,

перьями, а также обходить всѣмъ по солнцу три раза вокругъ стола, поставленнаго среди хаты.

А ву͡онъ позычивъ у товарыша своёго.
— Ой щожъ вамъ, добрыи людэ, до того,
Якъ ёго Бу͡огъ споможе, то ву͡онъ будэ мі͡эти свого.

100.

Пэрэбиралась, молода Марысю,
Якъ на ружовумъ кві͡эти,
Выбрала-бысь въ своюю͡омъ сэлі͡э
Хорошого на сьмі͡эти.

101.

Чэрэзъ бу͡оръ, чэрэзъ дву͡оръ
Тэтэренька летала,
Ой нэ судивъ мні͡э Бу͡огъ того,
Кого я кохала.
Ой нащожъ ты, му͡ой батэньку, уважавъ:
Чи на ёго волы, чи на ёго кони,
Чи на ёго вроду?
Утопивъ-есь мэнэ, якъ конопэльку въ воду.
Утопивши коноплю въ воду,
То трэба вытягати,
А мні͡э молоду͡ой трэба бидовати.

102.

Ой ци я тоби, моя Марысю,
Зъ вэсны нэ казала:
— Нэ копай мэжи, нэ сади рожи,
Нэ будэшь поливати.
«Ой якъ ты пу͡ойдэшь, моя матюнко,
Моими стэженьками,

То польешь рожу, польешь червону
Друбными слюзками.

103.

Ой казавъ-есь, кленовы листэ,
Нэ будэшь опадати,
Ой казавъ-есь, руодны батэньку,
Нэ будэшь оддавати;
А тэпэръ даешь и нэ жалуешь,
Такъ далеко отъ сэбэ,
Роботоньки нэ научивши
И до розумоньку нэ довьюовши.
Научатъ мэнэ добрыи людэ:
Тобіэ, батэньку, за жаль будэ,
А мніэ молодуой за жартъ вуойдэ.

104.

Зэлёна, зэлёнэнька 2
У поли конопэлька;
Нэ давъ ей буйны віэтёръ
Зэлёнуй постояти,
И здмухнувъ юой цьвиточокъ
На жовты писочокъ—
Молода, молодэнька
Марыся у свого батэнька.
Ой нэ давъ юой молодый Ондрусё
Молодуой погуляти:
Здойнявъ виночокъ,
Наложивъ чипочокъ.

105.

Гуляй, рыбко, гуляй!
Гуляй, рыбко, гуляй
У быструй водіэ на дніэ,
Ой бо якъ тэбэ рыбаки поймуть,
То съ тэбэ золотую луску здоймуть.
Гуляй, Марысю, гуляй
У матюнки своей,
Ой бо якъ тэбэ бояры поймуть,
И гулянечко тобіэ уймуть —
Помина тэбэ тое
Гулянечко частое.

106.

Передъ отъѣздомъ въ домъ молодого, садятся «на подвэчурокъ», во время котораго поютъ слѣдующія пѣсни:

Вже година пьята,
Выраджай, мати, зятя;
Шоста наступае —
Нэхъ зять выйинджае.

107.

Нэ плачь, матюнко!
Нэ все я у тэбэ забэру:
Кидаю слидоньки по двору,
А друобны слюзоньки по столу.
Дэ ся поворнэшь,
Мэнэ спомэнэшь;
На стуолъ запрэсься,
Слюзками вльесеься.

108.

Въ новумъ городци по яруй рути
Соловіэйчикъ щебэче—
Иди, иди, молодая Марысю,
Тэбэ матюнка кличе.
«Нэхъ соби кличе, якъ соби хоче,
Вже я ей отслужила,
Въ новуй комори, на новумъ столи
Сэрпокъ положила».
—Эй, хто-жъ же тымъ сэрпомъ будэ жати?
Трэба до ёго принайняти,
Щодэнь два злоты дати,
Щэ нэ схоче добрэ жати:
Будэ на соньце поглядати
И до домоньку поспишати.

109.

Ой нэ думай, молода дитино, нэ думай,
Оддамо тэбэ за быстру ріэчку за Дунай.
Ой будэшь ты подъ тымъ Дунаёмъ стояти
И будэшь ты своей матюнки ждати.
— Ой будь моя матюнка, прибудь тутъ до мэнэ:
Склонюся тоби до біэлыхъ нуожокъ до зэмли.

110.

Ой гудутъ пщулки, гудутъ,
Вже Марысю мысли бэрутъ,
По новыхъ синёхъ ходячи,
До новыхъ скрынь говорачи:
— Ой скрыни мои новэнькія!

И подарки биленькіи!
Пуойдэтэ віэтэ па чужину,
Будэтэ віэтэ обсуджоны,
Що нэ новэньки и нэ билыи
Моей свекруси нэмилыи.

111.

Кланяйся, Марысю, 2
Старому, малому,
Батэнькови родному.
Въ ручки, въ нуожки падай, 2
Одъ Бога доли жадай.

112.

На бытъ ся выраджае, 2
Еи доля въ воротахъ спотыкае.
Если доля добрая, 2
То сядай на вуозъ зо мною;
Если якая той нэдобрая,
То плынь по мору зъ водою.
Выіэхала зъ воротэць
И махнула хусточкою въ городэць:
—Ой ужежъ мни въ тумъ городци нэ быти,
Зъ руты виночокъ нэ вити!

113.

Послѣ окропленія святой водой, молодые уѣзжаютъ въ домъ родителей жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ у дверей отецъ и мать и вводятъ новобрачныхъ въ хату съ такими же церемоніями, какъ и въ домѣ родителей невѣстки. Хоръ дѣвушекъ поетъ:

Возьми, мати, лі͡эску: 2
Привитай нэві͡эстку,
Лі͡эску лисковую,
Нэві͡эстку молодую.

114.

Ясная зора на стрі͡эху впала,
Молода Марыся на двуо͡ръ въѣхала.
Скоро въѣхала, зору запытала:
«Ци будэ свэкорко, якъ руо͡дны батэнько»?
— Нэ будэ зима, якъ тихе лі͡это;
Нэ будэ свэкорко, якъ руо͡дны батэнько.

115.

Въ понедѣльникъ свашки и присвашки надѣваютъ на молодую чепчикъ и одна изъ нихъ причитываетъ: «Тэпэръ я королицею, зробила ді͡эвку молодицею». Перезва (близкая родня молодой) въ этотъ день гоститъ у зятя и поетъ:

Сьвьятый понэді͡элку,
Прибравъ-есь намъ ді͡эвку:
Вчора была у виночку,
А дзись у чипочку.
А въ нашого свата 2
Сосновая хата,
А сі͡эни зъ бэрэзы,
Пошли госьци твэрэзы.

116.

Ой бо ві͡этэ ейи 2
Товчи, молоти заставтэ,

А туолько ейи 2
Часто въ госьци пускайтэ.

117.

Молодежь поетъ:

Найiэхали пэрэзвьянки, 2
Що ажъ погнулися лавки;
Якъ еще пива напьютьця,
То ще нэ такъ погнутьця.

118.

Пропила мати дочку 2
На солодкумъ мэдочку,
На гуоркуй горылци:
Маешь, мати, по дiэвци.
Нэ сама я пропивала, 2
Родина помагала.
Ой было добрэ 2
Мiэдъ-горiэлку пити,
Пришовъ понэдiэлокъ 2
Нэма кого будити.
Оглядилася мати 2
Що нэма дочки въ хати,
Ни скрыни, ни пэрыны,
Ни руодной дитины.

Въ понедѣльникъ вечеромъ свадьба кончается, и всѣ расходятся по домамъ. Во вторникъ еще приходятъ съ хлѣбомъ близкіе

и дальніе родственники и гостятъ до вечера; вечеромъ же всѣ «вроспорохъ» (въ разныя стороны) по пословицѣ: Сэрэдище-розженище.

На всякой свадьбѣ бываетъ музыка и танцы, которые обыкновенно устраиваются въ сѣняхъ или на дворѣ. Во все время свадьбы музыка чередуется съ пѣніемъ. Пѣніе часто сопровожоается плачемъ невѣсты, ея матери и подругъ: плачутъ, когда коровай дѣлаютъ, плачутъ, когда ѣдутъ къ вѣнцу, плачутъ при уходѣ невѣсты изъ родительскаго дома. Всѣ свадебныя пѣсни поются монотоннымъ протяжнымъ и притомъ очень грустнымъ голосомъ, такъ что, по выраженію Ярошука, записавшаго настоящія пѣсни, «отъ такого жалоснаго пѣнія молодые, хотя-бы имѣли и твердое сердце, какъ камень, поневолѣ должны заплакать». Но этотъ плачъ происходитъ не отъ одного только унылаго напѣва, но часто вызывается и раздумьемъ о горькой долѣ невѣстки среди чужой семьи, нерѣдко обижающей ее.

По словамъ Ярошука, русскія свадебныя пѣсни сохранились только среди стараго поколѣнія, а теперешняя молодежь больше любитъ пѣть веселые польскіе краковяки. Особенно стали чуждаться русскихъ пѣсенъ такъ называемые «калакуты», т. е. бывшіе уніаты, уклоняющіеся отъ православной церкви. Такое нерасположеніе «калакутовъ» къ родной своей пѣснѣ, любимой ихъ отцами и дѣдами, объясняется религіознымъ фанатизмомъ, возбуждаемымъ недругами русской народности.

Дожиночныя пѣсни.

119.

А мы вэрэю орали, орали,
Бодай намъ волы буяли, буяли.
Дожали жита до ровы, до ровы[1]),

1) Въ разговорной рѣчи: до рова.

Нэхай мы будюмъ здоровы, здоровы.
Дожали жита до границь, до границь.
А намъ за тое нэма ниць, нэма ниць.
Дожали жита до луга, до луга,
А намъ пива бочка и друга, и друга.
Дожали жита до ярки, до ярки,
Дасьць нашъ господаръ ґожалки, ґожалки.
А мы пива нэ хочемъ, нэ хочемъ,
Дай намъ музыку—пудскочимъ, пудскочимъ.
Закладай, господару, жерэбця. жерэбця,
Йї͡эдь по музыку до Брэсьця, до Брэсьця.
Засьцилай, господынё, обрусы, обрусы,
Бо йдэ челядонька, якъ гуси, якъ гуси.
А нашъ виночокъ удався, удався,
А нашъ господаръ сховався, сховався.

120.

Господару нашъ,
Будь же нами радъ,
Бо мы жито дожали,
Хорошенько засьпивали:
Будь же нами радъ.
Принэси намъ монопольки,
То якъ выпьюмъ,
Пу͡ойдюмъ польки,
И обуюмъ башмака,
Еще пу͡ойдюмъ козака.
Хочь въ насъ руки, ноги болятъ,
Для того пу͡ойдюмъ якуратъ.

121.

А нашъ сусидонько лининвы, лининвы,
Сіе жито на ниви, на ниви.

Шкодуе гроши оддати, оддати,
Будэ его жито зимовати, зимовати.

122.

А ты, панэ нашъ,
До домоньку часъ:
Усіэ паны попускали,
Ты трымаешь насъ.
Уже соньце надъ грушами,
Пусьци, панэ, хочь зъ душами,
Пусьци, пусьци насъ[1]).

Запис. въ 1902 г. Степаномъ Ярощукомъ.

---

1) Во времена крѣпостнаго права много было сложено народныхъ пѣсенъ о панахъ, жестоко обращавшихся съ крестьянами. Но теперь мало сохранилось пѣсенъ подобнаго рода — однѣ изъ нихъ забыты, а другія видоизмѣнились сообразно обстоятельствамъ времени, или-же остались въ видѣ обрывковъ; двѣ такія пѣсни помѣщены мною на стр. 90. Привожу еще слѣдующую пѣсню, какъ образчикъ подобнаго народнаго творчества и въ другихъ мѣстахъ Россіи:

Ходить попокъ по церковци,
У книжку читае:
— Ой чомъ же васъ, добры люде,
У церкви не мае?
— Ой, якъ-же намъ, паноченьку,
До церкви ходити:
Отъ недили до недили
Маемъ молотити.

(Лихолѣтіе, истор. ром. В. А. Маркова).

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

VII.

Ломазскій говоръ въ сравненіи съ народными говорами Холмской Руси и другихъ русскихъ и славянскихъ областей*).

Сравниваемый народный говоръ по степени своего распространенія занимаетъ видное мѣсто среди разнообразныхъ говоровъ Холмской Руси. Кромѣ многолюднаго Ломазскаго прихода,

*) При составленіи настоящаго дополнительнаго отдѣла я пользовался нижепоименованными пособіями и источниками:

1) В. С. Шимановскаго: «Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси». Варшава, 1897 г.

2) Проф. А. И. Соболевскаго:—«Лекціи по истор. русскаго языка» и другія изслѣдованія въ области слав. и русск. филологіи.

3) Н. И. Петрова—«Южно-русская литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая», въ «Русск. Вѣстн.» за 1880 г.

4) М. В. Довнаръ-Запольскаго, «Пѣсни Пинчуковъ».

5) Шейна—«Великоруссъ». Изд. Импер. Академіи Наукъ. 1900 г.

6) Акад. Я. К. Грота—«Русское правописаніе». Изд. Акад. Наукъ. 1886 г.

7) Свящ., маг. Г. Дьяченко—«Полный церковно-слав. словарь» (со внесеніемъ въ него важнѣйшихъ др.-русск. словъ и выраженій). М. 1900 г.

8) Проф. А. Смирнова—«Сборникъ древн.-русск. памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи». Варшава, 1882.

9) Проф. Т. Флоринскаго—«Лекціи по славянскому языкознанію».

10) «Русскій Филологическій Вѣстникъ» за 1881 г. т. V и VI. Варшава.

11) Образцы церк.-слав. и древн.-русск. языка: Евангеліе по Остромирову списку 1056—1057 г. Лѣтопись Нестора, Поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку Игоря и другіе отрывки памятниковъ древней письменности.

12) К. В. Войцицкаго—«Pieśni Ludu». Изд. 30 или 40 годовъ прошл. вѣка.

13) Новый Завѣтъ на Господа Іисуса Христа. Цариградъ, 1866.

14) Sveto Pismo Staroga i Novoga Zavjeta. U Pešti, 1868.

состоящаго изъ посада Ломазъ, селеній — Любенки, Студёнки, Копытника, Козловъ и хуторовъ—Юсаковъ и Шенеекъ, говоръ этотъ существуетъ въ сосѣднемъ посадѣ Россошѣ и, съ незначительными діалектическими отличіями, въ ближайшихъ приходахъ—Докудовскомъ, Кошоловскомъ и въ окрестныхъ деревняхъ г. Бѣлы, а также и въ другихъ мѣстахъ Бѣльскаго, Радинскаго и Константиновскаго уѣздовъ, Сѣдлецкой губ. Къ этой группѣ родственныхъ говоровъ принадлежитъ и Корницкій, описанный г. Янчукомъ въ Трудахъ этногр. отд. Императорскаго общ. любителей естествозн., антроп. и этногр. при Москов. Университетѣ, VII.

Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ живетъ почти вездѣ сплошное русское населеніе, состоящее изъ преобладающаго большинства православныхъ и бывшихъ греко-уніатовъ, уклоняющихся отъ православной церкви, и сравнительно незначительнаго числа римско-католиковъ, не отличающихся отъ коренныхъ русскихъ жителей ни языкомъ, ни обычаями, ни народными вѣрованіями. Многіе изъ послѣдней группы народонаселенія даже русскаго происхожденія, такъ какъ ихъ отцы и дѣды были совращены изъ уніи въ латинство; но встрѣчаются между мѣстными католиками и такіе мѣщане и крестьяне, предки которыхъ были мазурами, но, поселившись среди сплошного русскаго населенія, совершенно ассимилировались съ коренными жителями. И потому въ этнографическомъ отношеніи эту часть католическаго населенія нельзя не причислить къ русской народности, хотя мѣстные жители всѣхъ вообще католиковъ и даже и упорствующихъ уніатовъ считаютъ поляками, такъ какъ, по народнымъ понятіямъ, народность человѣка опредѣляется не по языку, на которомъ онъ говоритъ съ дѣтства въ своей семьѣ, а по его вѣроисповѣданію[1]).

---

1) Судя по историческимъ даннымъ, римско-католики въ Юго-западной Руси до соединенія Литвы съ Польшей (1569 г.) считали себя русскими, и для нихъ докт. Франтишекъ Скорина изъ Полоцка перевелъ на русскій языкъ библію, акаѳистникъ и другія книги. Въ то время въ костелахъ употреблялся русскій языкъ для проповѣди и въ дополнительномъ богослуженіи; учредитель-

Въ послѣднемъ случаѣ такой народный взглядъ на вѣроисповѣданіе, какъ на главный признакъ народности, имѣетъ психологическое свое основаніе: перемѣна греческаго обряда на латинскій, или, по народному выраженію,—русскаго на польскій, при легкости усвоенія языка родственнаго славянскаго племени, въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собою окончательную утрату своей народности, такъ какъ перешедшій въ другое вѣроисповѣданіе попадаетъ въ сферу противоположнаго вліянія и невольно проникается симпатіями къ чужому языку молитвъ и религіозныхъ пѣснопѣній, а также и къ обычаямъ и чуждымъ національно-политическимъ стремленіямъ, иногда даже во вредъ народности, къ которой онъ принадлежитъ по своему рожденію. Эту истину подтверждаютъ намъ многочисленные факты изъ исторіи Юго-Западной Руси вообще и Холмской въ частности. Такихъ фактовъ не мало встрѣчается и въ настоящее время въ Прибужномъ краѣ, гдѣ вѣковая племенная борьба на почвѣ вѣроисповѣдной продолжается до сихъ поръ, по традиціи старой Польши, между двумя родственными народностями—польской и русской.

Почти всѣ здѣшніе мѣщане посадовъ, бывшихъ мѣстечекъ, и всѣ крестьяне безъ различія вѣроисповѣданія говорятъ дома и между собою «по-руськи». Благодаря близкому сосѣдству съ польскимъ населеніемъ или же совмѣстному сожительству въ нѣкоторыхъ городахъ и селеніяхъ, а главнымъ образомъ, сильному вліянію польскаго костела — знаніе польской рѣчи и грамотности довольно распространено среди русскаго народа Прибужнаго края, и потому вліяніе польскаго языка замѣтно сказалось въ различныхъ степеняхъ въ народныхъ говорахъ Холмской Руси. Польское вліяніе, главнымъ образомъ выразившееся въ заимствованіи словъ и выраженій, мало коснулось устойчивыхъ формъ и звуковыхъ осо-

---

ныя и дарственныя грамоты для костеловъ писались по-русски. Нѣкоторые западно-русскіе акты, относящіеся къ костеламъ въ Сѣдлецкомъ Подляшьѣ, встрѣчаются въ Метрикѣ Литовской, какъ, напр., гравота Сигизмунда I Лосицкому плебану 1506 г. и другая грамота Воинскому плебану 1537 г. о постройкѣ костеловъ и о надѣленіи ихъ десятинами (Поцѣй — «O dziesięc. kościelnna Rusi», стр. 24 и 26).

леній мѣстной народной русской рѣчи. Но эти иноязычныя наслоенія, по справедливому замѣчанію изслѣдователя холмскихъ говоровъ В. С. Шимановскаго, весьма легко и быстро отпадаютъ, при перемѣнѣ источниковъ и условій умственной жизни народа.

Русскій языкъ, введенный въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія въ правительственныя учрежденія Привислинскаго края, очень легко усваивается мѣстнымъ населеніемъ, и нашъ литер. языкъ, сдѣлавшись новымъ источникомъ для духовной жизни народа, оказываетъ замѣтное свое вліяніе на его родную рѣчь, обогащая ее новыми словами и выраженіями и замѣняя въ ней вкравшіеся полонизмы чистыми элементами русской рѣчи, такъ прекрасно развившейся въ нашей современной письменности. Такому легкому изученію нашего книжнаго языка мѣстнымъ населеніемъ не мало способствуетъ его родная рѣчь, содержащая въ себѣ много русскихъ элементовъ какъ въ отношеніи формъ языка, такъ и въ отношеніи его звуковъ и удареній, въ большинствѣ случаевъ совпадающихъ съ удареніями литер. русскаго языка. Особенно же легкій переходъ къ русскому языку представляютъ собою тѣ подляшскіе говоры (въ томъ числѣ и Ломазскій), въ которыхъ сохранился первичный мягкій звукъ и, отвердѣвшій въ большинствѣ говоровъ Сѣдлецкой и Люблинской губ. Отсутствіе въ Ломазскомъ и другихъ родственныхъ говорахъ отвердѣвшаго и, составляющаго одну изъ главныхъ характерныхъ чертъ малорусскаго нарѣчія, выдѣляетъ ихъ въ особую группу переходныхъ говоровъ отъ малорусскихъ къ бѣлорусскимъ, и въ отличіе отъ послѣднихъ, за неимѣніемъ болѣе подходящаго термина, назовемъ ихъ бѣло-малорусскими говорами, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ лексическія формы малорусскаго нарѣчія, а звуковыя черты смѣшаннаго характера—однѣ изъ нихъ малорусскія, какъ, напримѣръ, отвердѣвшее е=э, другія же бѣлорусскія мягкіе звуки: и и дифтонгъ і͡э, приближающійся къ е = јэ, и ѣ, а также во многихъ случаяхъ ц вмѣсто т и др. Въ этихъ подляшскихъ говорахъ, главнымъ образомъ, сохранились такъ называемые дифтонги, составляющіе въ боль-

шинствѣ случаевъ переходную звуковую черту древняго славянскаго языка въ отдаленную эпоху его развитія. И потому подляшскіе говоры съ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ дифтонговъ заслуживаютъ вниманія языковѣдовъ, для научныхъ выводовъ въ области фонетики славянскаго языка вообще и русскаго въ частности.

I. Фонетика.

А. Ударенія.

Въ Ломазскомъ и другихъ мѣстныхъ народныхъ говорахъ ударенія въ большинствѣ случаевъ бываютъ такія, какъ и въ литер. русскомъ языкѣ. Относительно удареній холмско-подляшскихъ говоровъ можно сказать, что они довольно правильны и даже болѣе приближаются въ данномъ случаѣ къ удареніямъ литер. русскаго языка, чѣмъ украинскіе говоры; въ послѣднихъ не рѣдко можно слышать, какъ говорятъ: на Пэ́тра, на дво́ри, Васи́лько, зэ́рно, ни́коли, дивчи́на, вы́соко, ши́роко, глы́боко и т. п. Между тѣмъ, какъ въ народной рѣчи Холмской Руси эти слова произносятся такъ: на Пэтра́, на дворы́—на дворі͡э, Василько́, зэрно́, нико́ли, ди́вчина — ді͡эвчина, высо́ко, широ́ко, глыбо́ко и т. п.

Кромѣ общихъ удареній мѣстныхъ говоровъ и литер. русскаго языка, въ народной рѣчи Прибужной Руси существуютъ и особыя ударенія, свойственныя вообще малорусскому нарѣчію или же только мѣстнымъ говорамъ; такія ударенія бываютъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) Въ именахъ существ. во всѣхъ падежахъ мн. числа ударенія гораздо чаще ставятся на послѣднемъ слогѣ, чѣмъ въ литер.

языкѣ, а также изрѣдка встрѣчаются случаи постановки ударенiй на другихъ слогахъ въ сущ. ед. числа: козакѝ, полякѝ, бабы́, коровы́, жабы́; пóдушка, зáкуска, дочкá, зáгадка, цыгáнъ.

б) Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ формахъ ударяется послѣднiй слогъ, какъ иногда въ великорусскихъ говорахъ: новы́й, малы́й, стары́й; во всѣхъ же уменьшительныхъ прил. на енькiй удареніе всегда слышится на предпослѣднемъ слогѣ: чорнэ́нькiй, билéнькiй, зэленэ́нькiй и т. п.

в) Въ числительныхъ формахъ встрѣчаются единичные случаи уклоненія отъ правильныхъ ударенiй русскаго языка: еднóго, еднóму, шóстая, сéмая, вóсьмая, зъ двóма, съ трóма.

г) Мѣстоименія указательныя, личныя и возвратное въ род. и вин. пад. ед. числа безъ предлога имѣютъ тѣ же ударенія, что и въ русскомъ языкѣ, а съ предлогомъ, какъ въ польскомъ: тогó, мэнэ́, тэбэ́, сэбэ́, ёгó, ејiэ; у тóго, у мэ́нэ, для сэ́бэ, въ éго, éјu.

д) Въ глагольныхъ формахъ бываютъ изрѣдка отступленія въ данномъ случаѣ отъ литер. языка: хóчу—хóчутъ, говóритъ—говóратъ, нэ всэ́дитъ (= не усидитъ).

е) Въ нарѣчiяхъ встрѣчаются единичные примѣры постановки другихъ ударенiй, чѣмъ въ лит. языкѣ: вчóра. позавчóра.

Ударенія во всѣхъ мѣстныхъ говорахъ тожественны, а если и встрѣчаются разногласія вродѣ Спáсувка и Спасуовка, то очень рѣдко. Но это можно сказать относительно живой разговорной рѣчи; что же касается народныхъ пѣсенъ, то частая неправильная постановка въ нихъ ударенiй составляетъ обычное явленіе не только въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ, но не рѣдко и въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ. Отъ неправильныхъ ударенiй въ произведеніяхъ подобнаго рода народнаго творчества нѣкоторые звуки измѣняются, и потому нельзя составить по однимъ только пѣснямъ цѣльнаго понятія о фонетикѣ того или другого народнаго говора, особенно такого, въ которомъ существуютъ дифтонговыя образованія. Ударенія мѣстныхъ говоровъ рѣзко оттѣняютъ народную русскую рѣчь отъ польской, а въ им.

сущ. мн. числа еще рѣзче, чѣмъ ударенія лит. русскаго языка, гдѣ болѣе находится случаевъ ихъ совпаденія съ удареніями польскаго языка. Въ нашихъ бѣло-малорусскихъ говорахъ ударенія имѣютъ еще особое значеніе въ области славянской фонетики, такъ какъ подъ ихъ вліяніемъ развились и сохранились двугласные звуки. И вообще, въ ходѣ историческаго видоизмѣненія звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ ударенія принимали главное участіе въ ихъ генетическомъ развитіи, и можно утвердительно сказать, что различное произношеніе буквы ѣ въ славянскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ обязано своимъ происхожденіемъ ударяемымъ слогамъ въ зависимости отъ способа произношенія словъ скораго или протяжнаго.

Б. Гласные звуки[1]).

1. а) А = а. Первичный звукъ а, за нѣкоторыми исключеніями, указанными ниже подъ лит. б и в, сохранился во всей своей полнотѣ въ большинствѣ говоровъ Холмской Руси, какъ и въ литер. русскомъ языкѣ; вторичное же а, развившееся изъ малаго юса послѣ шипящихъ звуковъ, въ большей или меньшей степени подверглось измѣненіямъ во многихъ холмско-подляшскихъ говорахъ, кромѣ Ломазскаго, какъ это будетъ видно изъ 2-го примѣчанія.

б) А=я. Въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ забужныхъ говорахъ, мало встрѣчается примѣровъ перехода звука а въ я; такой переходъ замѣчается только въ нѣсколькихъ словахъ не сла-

---

1) При сравненіи діалектическихъ звуковъ со звуками лит. русскаго языка часто приходится выражаться, что такой-то основной, первичный звукъ нашего книжнаго языка переходитъ въ такой-то вторичный звукъ народнаго говора. Термины—«основной», «первичный», «вторичный звукъ» не всегда отвѣчаютъ ходу историческаго развитія звуковыхъ явленій, такъ какъ нерѣдко тѣ или другіе звуки народныхъ говоровъ оказываются болѣе древняго происхожденія, чѣмъ замѣнившіе ихъ звуки книжнаго русскаго языка.

вянскаго происхожденія: Яртэмъ, яґрэстъ, якуратъ, ястра. Единичные случаи замѣны а звукомъ я извѣстны великорусскимъ и польскимъ говорамъ: яленькій, ялѣется (Шейнъ, Великоруссъ 2004); Iadam (Войцицкій, Piesni Ludu).

Взаимный переходъ звуковъ а и я существовалъ въ старину въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкѣ: азъ—язъ, агнецъ—ягня, авѣ—явѣ, агодичина—ягодичина, аице—яице, ару—яру, ама—яма, азва—язва, азно—язьно, алань—ялань (Дьяченко, Полн. церк.-сл. словарь, 1—30).

в) А=о. Замѣна а звукомъ о, встрѣчаемая въ нѣкоторыхъ собственныхъ и нарицательныхъ именахъ иноязычнаго происхожденія, наблюдается во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія: Олекса, Олександэръ, Онтуонъ, Ондріэй, оксамитъ, овтаръ. Это звуковое явленіе развилось въ нѣкоторыхъ великопольскихъ говорахъ не только въ словахъ, позаимствованныхъ изъ чужихъ языковъ, но и въ чисто славянскихъ выраженіяхъ: twordy, tom, pon, ponna, warsowionka, (Войцицкій, тамъ же I, 110).

Приведенная звуковая черта отмѣчена въ памятникахъ древне-русскаго языка: адамашка—одомашка, аже—ажь = оже—ожь, аламъ—оламъ, алебарда—олебарда, атласъ—отласъ, алтарь—олтарь (Дьяченко, тамъ же, 1—30). Въ Остромировомъ ев. находимъ: «сотоно», въ Свято-слав. Сбор.—сотонинъ», въ Словѣ о полку Игоревѣ—оксамиты, въ Ипатьевской лѣтописи—Олексича, въ предисловіи къ житію св. Нифонта 1219 г.—Олексию, въ договор. ґрам. Александра Невскаго съ нѣмцами 1262—1263 г.—Се азъ князь ѡлександръ, въ Смоленскихъ грамотахъ къ рижанамъ 1284, 1297—1298 г.—ѡлекса Черныи, ѿ олександра, въ Двинской рядной XIV в.—Оврамъ, Ондрѣєвичь (Смирновъ, Сбор. др.-русск. памятниковъ, 21, 27, 40, 43, 75).

2. а) Я=я. Звукъ я изъ іотованнаго древняго а звучитъ во всѣхъ забужныхъ говорахъ, какъ и въ лит. русскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ вторичное я и а изъ малаго юса ѧ, а также и основное а во многихъ холмско-подляшскихъ говорахъ въ раз-

личныхъ степеняхъ замѣняются другими гласными или двугласными звуками въ сочетаніяхъ — **жа, ча, ша, ща, ща**—ца (=**ця**), **ря, мя, ся, ля, зя, тя, пя, бя, оя.**

б) Я=эн. Въ Ломазскомъ, Докудовскомъ, Кошоловскомъ и и другихъ родственныхъ говорахъ сохранился древне-славянскій суффиксъ малаго юса въ сущ. среди рода на **мя** не только въ косвенныхъ падежахъ, какъ и въ русскомъ изыкѣ, но и въ им. ед. числа (Примѣры на стр. 3).

в) Я—а=е—э. Изъ звуковъ, замѣнившихъ а—я, является преобладающимъ мягкое е=jэ, которое весьма распространено въ народной рѣчи Люблинской губ., а также въ полѣсскихъ говорахъ Володавскаго и Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. Твердое э на мѣстѣ я встрѣчается только въ Ломазскомъ и сосѣднихъ говорахъ въ словахъ—памэть, памэтати во всѣхъ ихъ формахъ. Область распространенія звука е, замѣнившаго а—я, очень обширна въ русскихъ и инославянскихъ говорахъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличаются холм. — подляш. говоры слѣдующихъ мѣстностей Люблинской и Сѣдлецкой губерніи: оглядаицьсе, умываицьсе, взевъ, честу, чесъ—село Руда; проижджели, петдэсетъ — дер. Гнишевъ; называвсе, гниватысе, пытаице, взевъ, мнесо—д. Волковяны; выгледаты, чесъ, седь—с. Слипче; глену, гореть, стоеть, сыдеть—с. Потуринъ; чого се пышнэшъ, за мазуре—с. Шлятинъ; обычей, крычеты, глень, плющеть, лущеть, петниця — с. Типинъ; зачела, дытетко, тыле, спречи, чесъ — Переспа, Степанковичи Подгорцы, пос. Павловъ (Холмскаго, Грубешовскаго, Бѣлгорайскаго и Томашовскаго уѣздовъ). Въ полѣсскихъ говорахъ Сѣдлецк. губерніи: петдэсетъ, двайцеть, рубле —д. Сухава; поросета, курчета — с. Любень; наставлела, взела, сажети, сажей, ключе, саганьце — д. Замолодичи, Володавскаго уѣзда (Шимановскій, Звук. и форм. особ. нар. говоровъ Холмской Руси, 18, III—XXXI).

Замѣна а—я звукомъ е наблюдается и въ говорахъ сосѣдней Волыни и Галичины, въ составъ которыхъ при удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князьяхъ входила и Холмская Русь:

обредъ, наражеты, крычеты, урожей, обычей, ципъетко, петныця, догуревъ, тежко — Ковель, Каменно — Коширскъ, Быстреки, Смидинъ и друг. мѣстности, Волынской губ. (Шимановскій, тамъ же 19); въ галицко-подольскихъ говорахъ: взевъ, подывысе, дивчеточка, вытеглы, утелы, чесокъ, вороного коне, (Смирновъ, Сбор. образневъ нар. русск. рѣчи, 209 — 213). Въ Заблудовскомъ смѣшанномъ малорусск. — бѣлорусск. говорѣ (Гродненск. губ.): ухитриўсе, зачиўсе, розлиласе, не причеплялосе (Смирновъ, тамъ же, 222).

Приведенная черта особенно сильно розвилась въ бѣлорусскихъ говорахъ (Карскій, Обзоръ 46) и встрѣчается спорадически и въ великорусской народной рѣчи: тpecти 1008, огленетсе, гулеютъ 2508—Вологод. губ.; погледѣла 1670, опеть 2550 — Новгор. губ.; слуцилосе, не даваласе, не случаласе 2504, показаласе, короталасе, надіяласе 2506, не собираесе 2520 време 1643—Олонецкой; нарежу 1205, ребина 1211, трепичка 1214, гледѣла 1218 — Пермской; треси, потресется 2099 — Курской; потресетъ 2317 — Нижегородской, коледа 1035 — Московской, слушетъ 2232—Владимірской, не понела 1757—Псковской губ. (Шейна, Великоруссъ, №№ пѣсенъ). Въ бѣлорусскихъ говорахъ: разкарачсе, выробиласе, женицисе, повелосе (Смирновъ тамъ-же, 194—208).

Явленіе это замѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ: сербо-хорватскомъ—pleme. ime, и početku, knez, uzeti; болгарскомъ—дѣте, врѣме, петь, четьридесетъ; чешско-словацкомъ — opet. Въ народныхъ польскихъ говорахъ нерѣдко можно слышать e вмѣсто обычнаго въ данномъ случаѣ носового ę: żena =żeła), kłaniajsie (Новый Завѣтъ на хорват. яз., Евангеліе на болгарск.; Войцицкій, тамъ же).

Судя по формѣ развращеньтъ Добрилова евангелія, эта діалектическая особенность была уже извѣстна въ др. — русскомъ языкѣ въ XII вѣкѣ (Соболевскій, Очерки 7).

г) Е=и—ы. Въ нѣкоторыхъ холм. — подляшск. говорахъ звукъ е изъ я перешелъ въ и мягкое: поридокъ, обридокъ,

стричиты—с. Любень, Волод. у.; взивъ, узивъ, сидэ — с. Полоски, Бѣльск. у. (Сѣдлецк. губ.); отъ книзя — с. Слипче, я си забавила — Подгорцы, залыцевси, обицевси, — с. Потуринъ, нэ можэ си надывыты — с. Шлятинъ, въ копыцю си ссило — Типинъ; схувайси, выглидаи, мирить, баба си запытала — с. Переспа, Люблин. губ. (Шимановскій, тамъ-же). Единичные случаи перехода е въ и встрѣчаются и въ инословянскихъ говорахъ, какъ, напримѣръ, въ чешскихъ — wziti (Войцицкій, тамъ-же чешск. и слов. пѣсни).

Въ галицко-буковинскихъ говорахъ, какъ въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ, и въ данномъ случаѣ является отвердѣвшимъ звукомъ: розвывсы, подывытсы, нэ быйтэсы, (Смирновъ, тамъ же 209 — 213); аглянитцы, бялѣицды — Псковск. губ. (Шейна, тамъ-же 679).

д) И = і͡э. Въ нѣкоторыхъ подляшск. говорахъ звукъ и изъ е на мѣстѣ а — я послѣ согласныхъ — р, ж, ч, ш, щ переходитъ въ дифтонгъ і͡э: прі͡эсьци, жі͡эти, крычі͡эти, ші͡эпка, щі͡эсьце — с. Кошолы и Докудово; нарі͡едъ, обрі͡едъ — Жещинка; порі͡едокъ, рі͡еженый, стричі͡еты — с. Ганна, Бѣльск. и Володавск. уѣзда:

г) И = іа. Въ Корницкомъ говорѣ (Константиновск. уѣзда), звукъ и послѣ р и шипящихъ согласныхъ переходитъ въ дифтонгъ іа, приближающійся въ данномъ случаѣ къ древнему я: поріадоньку, бріазнули, шіаснути, жіати, жіарты, шіапка (Янчукъ, Труды этн. отд. Имп. общ. любителей естествозн., антроп. и этногр. при Московск. ун., VII).

ж) Я=а. Звукъ я въ сочетаніи съ согласнымъ р въ народной рѣчи Забужья, за рѣдкими исключеніями, звучитъ твердо, какъ и въ другихъ малорусскихъ (гродненскихъ и волынскихъ) и бѣлорусскихъ говорахъ: порадокъ, цара, гора. Древній звукъ я послѣ шипящихъ звуковъ въ преобладающемъ большинствѣ говоровъ Холмской Руси (въ томъ числѣ и Ломазскомъ) отвердѣлъ въ а, какъ и въ лит.-русскомъ языкѣ: жати, часто, шапка, щасьце.

Замѣна а—я изъ ѧ звукомъ е встрѣчается въ нѣкоторыхъ древне-болгарскихъ памятникахъ XI вѣка: послѣдуе, безначельна, изещьнаго, те, паметь, ѣзичнаѣ (А. Соболевскій, Объ отрывкахъ изъ др. — слав. рук. XI и XII — XIII вѣка въ «Русск. Фил. Вѣст.», т. V, 376). Древніе памятники нашей письменности мало сохранили случаевъ замѣны а — я звукомъ е, какъ остаткомъ малаго юса, и это очень понятно: въ періодъ написанія Добрилова евангелія (XII вѣка) и другихъ галицко-волынскихъ памятниковъ (Поученіе св. Ефрема Сирина и проч.), гдѣ эта черта отмѣчена, процессъ развитія а—я изъ малаго юса въ большинствѣ русскихъ говоровъ окончился и только оставшееся изъ древняго носового звука вспомогательное е сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ діалектическая особенность народной рѣчи, изъ которой изрѣдка вносилось въ рукописи переписчиками древнихъ евангелій, поученій и т. п. Эту діалектическую черту находимъ и въ XVI вѣкѣ въ памятникахъ западно-русскаго языка: тысещнаго (Библія руска 1517 — 1519 г., Франц. Скорины изъ Полоцка); въ дарств. записи 1585 г.: месеца, хотечи, тысеча; въ Слуцкой грамотѣ 1589 г. — памети, мѣлосе, заховатисе, кнежети Александра, тысеча (Смирновъ, тамъ же (Смирновъ, тамъ-же 127—131). Туже особенность можно указать и въ полѣсской малорусской рѣчи XVIII вѣка — светая, повъпета (Петрова, Южно-русск. лит. XVIII вѣка, преимущ. драмат.).

Приведенныя данныя даютъ основаніе для заключенія, что діалектическіе звуки—е. и, і͡э, іа на мѣстѣ нашихъ гласныхъ а—я, развившихся изъ малаго юса, сохранившагося во всей своей полнотѣ въ польскомъ нарѣчіи и въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ, какъ наприм., Солунскомъ, а также и въ русскомъ языкѣ въ им. сущ. сред. родит. на мя,—составляютъ переходныя звуковыя ступени отъ древняго малаго юса ѧ къ звукамъ нашего языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. Когда совершился въ русскомъ ясыкѣ звуковый просессъ перехода юсовыхъ звуковъ въ а—я—трудно указать приблизительное время,

но во всякомъ случаѣ, въ очень отдаленное отъ насъ, такъ какъ по памятникамъ древняго церковно-славянскаго языка Кирилловско-Меѳодіевскаго періода нѣтъ основанія судить о времени существованія юсовъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, потому что эти памятники возникли на почвѣ южно-славянскихъ говоровъ, преимущественно болгарскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ сохранилась эта древняя звуковая черта; древнѣйшіе же памятники русской редакціи, какъ Остромирово евангеліе XI вѣка и друг., переписывались съ болгарскихъ или сербскихъ оригиналовъ, и соблюдалось переписчиками инославянское правописаніе и только въ видѣ поправокъ вносились ими тѣ или другія формы, свойственныя древнему русскому языку или же его мѣстнымъ говорамъ. Въ позднѣйшихъ болѣе самостоятельныхъ памятникахъ нашей письменности—лѣтописяхъ, поученіяхъ, поэтическихъ произведеніяхъ и т. п., гораздо болѣе находится матеріаловъ для исторіи русскаго языка и его нарѣчій и говоровъ; хотя въ нихъ въ большинствѣ случаевъ и соблюдены формы древняго болгарскаго, а иногда и сербскаго нарѣчія, но элементы русской рѣчи очень часто обнаруживаются изъ-подъ оболочки инославянской какъ въ отношеніи фонетики и морфологіи, такъ и въ отношеніи склада народной рѣчи, которая по своему характеру обличаетъ или южно-русское или сѣверно-русское ея происхожденіе.

3) а) Е=е (jэ). По законамъ общерусской фонетики е звучитъ всегда мягко въ началѣ словъ и передъ гласными и полугласными звуками. Кромѣ того, въ Ломазскомъ и другихъ родственныхъ говорахъ, какъ въ бѣлорусской и великорусской рѣчи е мягкое всегда слышится передъ согласными ґ, к, х, л, а также и въ концѣ сущ. сред. рода послѣ н, с, в, т. ц: снэдане, волу͡осе, здорове, сьмі͡этe, яйце. Звукъ е передъ ц произносится въ данномъ случаѣ или какъ въ лит. языкѣ (сэрце), или же гораздо мягче—соньjэ, сэльцjэ. Въ нашемъ говорѣ мягкое е слышится въ увелич. прил. и нарѣчіи послѣ согласнаго звука с: билюсенька, рабусенька, ранюсенько, рыдюсенько. Относительно

произношенія е послѣ шипящихъ звуковъ слѣдуетъ замѣтить, что этотъ звукъ въ Ломазской рѣчи, какъ и въ другихъ бѣло-малорусск. говорахъ, произносится въ большинствѣ случаевъ или какъ и въ лит. русскомъ языкѣ или же иногда нѣсколько потверже, но не доходитъ до полнаго отвердѣнія въ э, какъ въ прибужныхъ полѣсскихъ говорахъ. Къ мягкому произношенію е приближается дифтонгъ і͡э, развившійся изъ и на мѣстѣ е и ѣ: вэсі͡эле, сі͡эно. Такая же степень распространенія мягкаго е замѣчается во всѣхъ подляшскихъ бѣло-малорусск. говорахъ, различающихъ твердое ы отъ первичнаго мягкаго и; въ другихъ же забужныхъ говорахъ, утратившихъ это различіе, во всѣхъ почти случаяхъ послѣ согласныхъ звуковъ мягкое е отвердѣло въ э, и только въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ сохранилось мягкое произношеніе этого звука передъ согласными л, ж и въ тѣхъ случаяхъ, когда е замѣняетъ а—я, какъ это видно изъ примѣчанія 2-го подъ лит. в.

б) Е=ё. Звукъ ё, встрѣчающійся часто въ забужныхъ говорахъ, развился подъ удареніемъ и безъ ударенія. Ударяемое ё, какъ въ литер. русск. языкѣ, замѣчается въ большинствѣ случаевъ въ основахъ словъ твердаго склоненія и отчасти и въ мягкихъ флексіяхъ: осёлъ, козёлъ, котёлъ, слёзы, конёмъ, рублёмъ, огнёмъ; неударное ё чаще всего бываетъ во флексіяхъ мягкаго склоненія: пэ́рцёмъ, со́ньцёмъ, тэля́тёви, на пальцёви, синёе, трэтёе. Звукъ е особенно достигъ полнаго своего развитія въ мягкихъ флексіяхъ муж. и сред. рода именъ существ. и въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія муж. и средн. рода: вэсі͡элёмъ, зі͡элёмъ, ковалёви, Янулё, съ хлопцёмъ, на камэнёви, ёго, ёму, моёму, твоёму, своёму.

Это звуковое явленіе, широко развившееся во многихъ холмско-подляшскихъ говорахъ, извѣстно и въ другихъ областяхъ русской рѣчи — бѣлорусской и велико-русской (Карскаго, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусск. рѣчи 44; Колосова, Обзоръ стр. 73—74). Приведенная черта существовала и въ древне-русскомъ языкѣ Галицко-Волынской области, какъ это видно изъ написа-

нія звука ѐ въ купчихъ грамотахъ 1359 и 1366 г. (напис. въ Перемышльской землѣ): што по ніой далъ, Василіовъ сынъ (Смирновъ, тамъ же 62—64). Въ Кіевскихъ памятникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчаются формы: обычаіов' напоіов' (Шимановскаго, Очерки по ист. русск. нарѣчій 70); въ полѣсской малорусской рѣчи XVIII вѣка—іого, по іонумъ (Петрова, тамъ же 538).

в) Ё = ю. Безударный звукъ ю изъ ѐ, встрѣчаемый часто въ подляшск. бѣло-малорусск. рѣчи, распространенъ независимо отъ ударенія и въ другихъ забужныхъ говорахъ полѣсскаго характера.

Эта діалектическая черта была извѣстна и въ старину въ области распространенія южно-русской рѣчи, такъ, напримѣръ, читаемъ въ купчей грамотѣ 1366 г. (пис. въ Перемышльской землѣ): у Шюльжичювъ; въ грам. старосты Галицкаго и Снятинскаго 1398 г. — на своюмъ селѣ, на своюи вотнинѣ, листъ будетъ чтюнъ (Смирнова, тамъ же 63, 74), Эта звуковая особенность, развившаяся на почвѣ подляшскихъ говоровъ, отмѣчена на плитѣ князя Ивана Семеновича Сапѣги 1520 г. въ Коденской Свято-Духовской церкви (Сѣдл. губ.) — Литовскихъ князювъ (Батюшкова, Холмская Русь, 89). То же находимъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ малорусскаго нарѣчія съ полѣсскими особенностями: орюмъ, сѣюмъ, принюсъ, щедрювокъ, пятюнку, вечюрки (Петрова, Южно-русск. лит. XVIII вѣка въ «Русск. Вѣст.» за 1980 г. т. 148, 159, 160).

г) Ю = ю͡о. Въ Сѣдлецкихъ бѣло-малоруск. говорахъ ударяемый звукъ ю изъ ѐ переходитъ въ дифтонгъ ю͡о: купцю͡овъ, кавалю͡овъ, огню͡овъ, рублю͡овъ, здалю͡окъ — Ломазы, Россошъ, Кошолы, Докудовъ, Бѣльск. уѣзда; ю͡ой, ню͡осъ, завю͡олъ—Корница, Хотычи, Констант. уѣзда.

д) Е=и—ы. Замѣна е мягкимъ или отвердѣвшимъ звукомъ и замѣчается въ различныхъ степеняхъ въ малорусской рѣчи во всѣхъ областяхъ ея распространенія. Во всѣхъ малор. говорахъ находится цѣлая группа одинаковыхъ словъ, въ которыхъ на-

блюдается это звуковое явленіе: видро, писокъ, христити, мидъ, трыснути, зиле, корине, вэсиле и т. п. Кромѣ общихъ случаевъ перехода е въ и—ы, многіе изъ мѣстныхъ говоровъ еще имѣютъ въ этомъ отношеніи и свои особенности, которыя по своему характеру бываютъ различны: Сѣдлецкіе бѣло-малорусскіе знаютъ только общіе случаи мѣны е на и или і͡э, какъ это видно изъ образцовъ Ломазской рѣчи; между тѣмъ какъ нѣкоторые холмско-подляшскіе говоры представляютъ въ данномъ случаѣ много примѣровъ этой звуковой особенности. Замѣна е звукомъ и—ы особенно часто встрѣчается въ слѣдующихъ говорахъ Люблинск. и Сѣдл. губ.: јиго, јиму, ны будышь, гниваице, пытаице—с. Волковяны; оглядаитьсе, обыймаитьсе, маишь, јиго, јиму, ны јисть, ны пье, зылёна, чырышнёва—Руда; зили, камини, учини, тыби, тырпиты, чырывыки—Телятинъ, Сагрынь, Дубенка, Потуринъ; выглядаи, слухаи, кажы, ни згины, завшы, ни можы, вэчыръ—Пересопа; въ сырэду, мини, тыпэръ, стылыла, ырано, вылыкій—с. Тыпинъ; ны давъ. тыле—Степанковичи; чырвопый, трывожыты, хрыстыты, ны лыныввый ны плачь, хрысть—Ганна, Полоски, пос. Вишничи (Шимановскій, тамъ же).

Приведенная черта извѣстна бѣлорусскимъ и великорусскимъ говорамъ: лаицъ, малицъ, думаишь, вечиромъ, чирвопый, бирагчи, чуицъ; сугласинъ, оттолива, миццьнёмъ, нисци, ищо—Нижегор. губ.; тибе, чирязъ, пирясталъ—Курск. губ.; сибя, станитъ, по-прежниму, жирибецъ, плачитъ—Тамб. губ.; скажитъ, пашитъ, прикинится, будитъ, кусочикъ, восимдисятъ, у миня, въ силѣ, тривога, привиди — Казанск. губ.; братицъ, дзиревня, попилъ, станимъ—Тверск. губ. (Смирновъ, тамъ же 145—202); тибѣ, сибя, миня, нильзя 1670—Новгородск. губ.; дочичка, своиго 1880 въ новинкяй, молодинькая 1881, зилену мяту 1885—Тульск. губ.; мине 993—Рязанск. губ., ни агляниттцы, бялѣиццы 679—Псковск. губ.; гленитсе 2508—Вологодск., тибѣ 2519—Олонецк. губерніи (Шейнъ, тамъ же №№ пѣсенъ).

Историческія указанія на развитіе этого звука въ народной рѣчи находимъ въ древнихъ памятникахъ южно-русской письменности: надъ учителимъ, сторицию, ещи, суитьнаго, суитѣ (Крыжановскій, Рукоп. еванг. кіевскихъ книгохр. 68, 102, 122; Соболевскій, Очерки 84 — 85), въ купчихъ грамотахъ 1459—1466 г. (пис. въ Перемышльской землѣ): шистдесятъ, шистьцятого; въ судной грамотѣ старосты русской земли (Галиціи) 1393 г. — шисть кобилъ; въ заемной грамотѣ 1421 г. (пис. во Львовѣ)—потрибно (Смирновъ, тамъ же 62, 63, 72, 86).

е) И = і͡э. Въ Ломазскомъ и другихъ бѣло-малорусск. говорахъ сравнительно мало находится случаевъ замѣны **е** однимъ только звукомъ **и**, но большею частію этотъ послѣдній звукъ произносится съ помощью придаточнаго **э**, которое не вполнѣ ясно слышится въ живой рѣчи. Дифтонгъ этотъ, образовавшійся подъ удареніемъ изъ **и** на мѣстѣ первичнаго **е** или древняго **ѣ**, встрѣчается во многихъ словахъ Ломазскаго, Кошоловскаго, Докудовскаго и другихъ родственныхъ говоровъ какъ въ основахъ, такъ и во флексіяхъ им. существительныхъ (Примѣры на стр. 2). При образованіи этого двугласнаго созвучія наблюдается слѣдующее явленіе: во всѣхъ словахъ і͡э развилось въ закрытыхъ слогахъ и только въ сущ. сред. рода на **е**, за исключеніемъ пі͡эрье, этотъ дифтонгъ является открытымъ во всѣхъ ихъ падежахъ: пі͡эчь — пэчи, мі͡эдъ — мэду, солові͡эй — соловья, ші͡эсьць — шесьци, сі͡эльській при сэло́ — сі͡эльскского; зі͡эле — зі͡эля — зі͡элёмъ, вэсі͡эле — вэсі͡эля — на вэсі͡эли, камі͡эне — камі͡эня — камі͡энёмъ. Въ данномъ случаѣ такое уклоненіе отъ общаго закона фонетики объясняется историческимъ ходомъ развитія звуковыхъ явленій. Дифтонгъ этотъ могъ образоваться первоначально въ закрытыхъ слогахъ, когда въ основахъ подобныхъ формъ существовалъ полугласный **ъ**; съ утратой же этого звука двугласный і͡э легко перешелъ изъ закрытаго слога въ открытый по аналогіи съ открытыми дифтонгами изъ **ѣ**: сі͡эно, колі͡эно, рі͡эки и т. п. Историческимъ памятникомъ существовав-

шаго въ приведенныхъ формахъ полугласнаго ѣ служитъ слово пі͡эрье во всѣхъ его падежахъ, гдѣ сохранилась эта звуковая особенность, такъ широко развившаяся въ великорусскихъ говорахъ изъ древняго звука и: зеліе—зелье, веселіе—веселье, кореніе — коренье и т. п.

Замѣна е звуками и, ы, і͡э, наблюдаемая въ различныхъ степеняхъ въ холмско-подляшскихъ, галицко-подольскихъ и украинскихъ говорахъ, составляетъ общую черту малорусскаго нарѣчія и по своему происхожденію не рѣдко восходитъ къ древнему ѣ, вышедшему у насъ въ данномъ случаѣ изъ употребленія иногда даже безъ всякаго этимологическаго основанія, а только въ силу укоренившагося обычая: пѣсокъ, трѣзъвъ, тѣмя, трѣснути, олѣй при елей, зѣліе, плѣва, вѣдро = ломаз. — писо́къ, трі͡эзвый при тврозый, ті͡эмэне, трі͡эснути, олі͡эй, зі͡эле, плі͡эвка, видро́ — ві͡эдра мн. ч. и. п. (Грота, Русское правописаніе; Дьяченко, Полный церк.-слав. словарь).

ж) Е = э. Отвердѣвшее е во множествѣ словъ не развилось въ бѣло-малорусской рѣчи до такой степени, какъ въ другихъ холмско-подляшскихъ говорахъ, не знающихъ первичнаго мягкаго и. Эта звуковая черта, присущая во всѣхъ мѣстахъ малорусскому нарѣчію, въ данномъ случаѣ придаетъ такой же характеръ Ломазскому и другимъ подобнымъ говорамъ. Среди разнообразныхъ прибужныхъ говоровъ особенно отличаются твердымъ произношеніемъ звуковъ такъ называемые полѣсскіе говоры, существующіе въ Володавскомъ и отчасти и Бѣльскомъ уѣздѣ, Сѣдлецк. губ., а также во многихъ мѣстностяхъ Люблинской губ. Рѣчь полѣховъ совершенно отвердѣла, такъ какъ въ ней не только первичные е и и замѣнены твердыми э—ы, но и вторичное и на мѣстѣ е и ѣ произносится твердо: лэжыть, бымыть, робылы, ходылы, сыно, выра, колыно, пышэ, шыло, выдро, пысокъ, лынывый, тылс и т. п. Въ полѣской рѣчи мягкое е=јэ только появляется на мѣстѣ а—я, развившихся изъ малаго юса, или же изъ основного а въ случаяхъ, указанныхъ выше въ примѣчиніи 2 подъ лит. в. Вообще черезчуръ твердое произноше-

ніе мягкихъ звуковъ — главная отличительная черта полѣсскихъ говоровъ отъ украинскихъ, въ которыхъ сравнительно больше находится мягкихъ звуковъ, или не до такой степени отвердѣвшихъ, чѣмъ въ первыхъ. И въ этомъ отношеніи полѣсскіе говоры, еще рѣзче отличаются отъ бѣло-малорусскихъ, чѣмъ отъ украинскихъ, не различающихъ отвердѣвшаго **и** отъ **ы**.

Въ пинскихъ говорахъ **е** въ большинствѣ случаевъ перешло въ **э**, которое является въ народной рѣчи или преобладающимъ, какъ въ забужныхъ полѣсскихъ говорахъ, или же иногда чередуется съ мягкимъ **е**, какъ въ нѣкоторыхъ подляшскихъ, приближающихся къ бѣлорусской рѣчи (Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ).

Полагаютъ, что въ древне-славянскомъ языкѣ, какъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, произношеніе є приближалось съ современному русскому э. (А. И. Соболевскаго, Фонетика церк.-слав. яз., стр. 25 — 26). Надо думать, что твердое произношеніе церковно-славянской буквы є существовало съ древнихъ временъ въ областяхъ распространенія малорусскаго и сербо-хорватскаго нарѣчій, въ которыхъ и понынѣ находится эта звуковая особенность. Въ Холмской Руси до 1875 года при чтеніи церковно-славянскихъ книгъ всегда є произносили твердо, какъ э; точно также произносятъ эту букву въ данномъ случаѣ и теперь въ Галичинѣ и Буковинѣ. Такой же способъ произношенія церковно-славянскаго є былъ раньше и въ южной Руси — на Волыни, въ Подоліи и другихъ юго-западныхъ областяхъ. Какъ видно изъ постановки **ѥ** и **ѣ** вмѣсто е въ памятникахъ XI — XIII вв. (нѥмь, цѣрковь, на бѣрѣзѣ, нѣмци-немци и т. п.), звукъ **е** передъ согласными произносился мягко съ древнѣйшихъ временъ въ областяхъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія.

з) Е=о. Переходъ **е** въ **о**, изрѣдка встрѣчаемый въ корняхъ словъ малорусскихъ и отчасти и бѣлорусскихъ говоровъ (**чоловикъ, тоби, соби, оролъ, лобода, попэлъ**), часто видимъ въ суффиксахъ и флексіяхъ русскихъ нарѣчій вообще и малорусскаго въ особенности. Въ праславянскій періодъ въ русскомъ, серб-

скомъ и болгарскомъ яз. совершился переходъ древняго ѥ въ о въ личномъ мѣст. и = онъ, слившимся съ именными прилагательными, числит., причаст. и мѣстоименіями, при образованіи членныхъ формъ этихъ частей рѣчи: добръ—и=добры—добрый; добръ—его = русск. доброго — добраго, серб.-хорв. доброга—dobroga, чеш. и верх.-луж. dobreho, польск. и нижн. лужиц. dobrego, словинск: dobrega; добръ—ему=русск. и друг. доброму, польск. и др. dobremu; о добръ—емъ=русск. и др. о добромъ, чеш. и др. о dobrém. Замѣна е звукомъ о въ членныхъ формахъ род. пад. ед. ч. муж. и ср. р. свойственна малорусскому нарѣчію, а также и сѣв.-великорусскому, а съ ударяемымъ о и южно-великорусск. и бѣлорусск. акающимъ нарѣчіямъ. Малорусскіе говоры не знаютъ бѣглаго е—э въ суффиксахъ на ек и во флексіяхъ тв. пад. на емъ послѣ р и шипящихъ эвуковъ, а только переходное о: кусочокъ, пташóкъ р. м.; товкачомъ, косаромъ. Кромѣ того, въ холм.—подляшск. и другихъ малорусск. и бѣлорусск. говорахъ встрѣчается замѣна е звукомъ о послѣ р и шипящихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ формахъ глаголовъ и мѣстоименій: трохъ—тромъ, штырохъ—штырома, шостый, пошовъ, нашовъ, нашого, вашого.

Приведенная черта отмѣчена въ памятникахъ древне-русскаго языка: въ Святославомъ Изборникѣ 1073 г.: собѣ; въ лѣтописи Нестора — Ѡлена, собѣ; въ надписи на антиминсѣ 1149 г., новгородьского, ростовъскъго; въ новгородской грамотѣ 1189—1199 г.: старого (Соболевскій, тамъ же въ «Русск. Фил. Вѣст.» за 1881 г., стр. 229); на крестѣ св. Ефросиніи 1164 г. — Ѡфросинья, въ договорной грам. Смоленскаго князя съ Ригою 1229 г. — Гочкого бѣрѣга; въ договор. грам. литовско-русскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ и мазовецкими князьями 1349 г. — нисожьженого; въ Рязанской грам. 1356 г. — епискоупа Рязаньского и Муромского; въ грамотѣ вел. кн. Литовскаго Витовта 1383 г. — лѣта тисячного трисотного осмьдесятого третего; въ грамотѣ Рижанъ къ Витебскому князю 1300 г.—тобе, прошодъ, пошолъ; въ Новгородской грамотѣ

1325—1326 г. — тобѣ, въ записи Острожской (на Волыни) 1464 г.—на святого Остаѳья; въ жалованной грам. Слуцкой кн. Анны 1492 г.— зъ нашою печатью; въ купчей Волоцкой прежде 1494 г.—по Овдотьину землю, Ржевского; въ грам. Кіевскаго митрополита Іосифа 1509 г. — по нашому благословенію, зъ нашою печатью; въ Виленской грам. 1512 г. — лѣпшому, двадцатого (Смирновъ, тамъ же 16—106). Эту діалектическую особенность находимъ и въ памятникахъ Холмской Руси XIV—XV вѣка—вкладной грамотѣ кн. Юрія Холмскаго 1376 г. — сн҃ъ Даниліа Холмского (Смирномъ, тамъ же 66); въ актахъ писаныхъ по-латыни: Horzyszow, Ostapko (Шимановскій тамъ же); на плитѣ князя Ивана Семеновича Сапѣги 1520 г. въ св. Духовской церкви въ пос. Коднѣ: Троцкого, Белженского и Подолского (Батюшковъ, Холмская Русь).

и) Е=а—я. Въ холмско—подляшскихъ говорахъ и въ томъ числѣ и Ломазскомъ мало встрѣчается случаевъ перехода э въ а и е въ я (Примѣры на стр. 1), между тѣмъ какъ въ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ эта звуковая черта часто наблюдается въ безударныхъ слогахъ: вярнися, ня верницца, яё, за мяне, у цябе, цяперъ, бярець, сяродъ, поляцѣла, на пячи, жана, сярабромъ, нямного, ляжиць (Смирновъ, тамъ же 194—208); тябе, мядвѣдь 970, кіявскій, княгиняю 1188, зяленый, посярёдъ, напяредъ, повяду 1189, ляцѣла, яго, сястра, жана 1190, часать 1838, полячу 1653, вясну 1176, ляжить 1193, любязная, будя 1880, горямыка 1881, Аляксѣй 1882, нярина, лятала 1883, Ягоровъ 1885 (Шейнъ, тамъ же).

Изъ инославянскихъ нарѣчій можно указать переходы е въ а въ сербо-хорватскомъ и болѣе частые въ польскомъ: мач, дан, змай, јелан; czarny, twardy, martwy, zmarzła, umarła, żarła, tarła[1]).

Какъ видно изъ рукописи болгарскаго письма XIV вѣка, эта черта была извѣстна нѣкоторымъ народнымъ говорамъ южныхъ

1) Въ этихъ примѣрахъ сербо-хорватск. и польск. является не переходъ полугласнаго или глухого ъ — ь въ а.

славянъ: бѫдѣтѧ, вьшѧдшоу, пришѧдь, напаѩшѧ (Викт. Макушевъ, О нѣкот. рукоп. народ. библ. въ Бѣлградѣ въ «Руск. Фил. Вѣст.» за 1881 г., стр. 305[1])). На почвѣ народныхъ говоровъ Забужной Руси разсматриваемое звуковое явленіе развилось въ старину и отмѣчено въ Холмскихъ актахъ съ 1473—1476 г., изд. Вил. Археогр. Ком.: Harassim, Harassimus, Harasym (Шимановскій, тамъ же).

4. а) О = о. Основное **о** и переходное **о** изъ древняго бѣглаго **є** и **ĸ** во многихъ русскихъ и инославянскихъ говорахъ въ большей или меньшей степени подверглись звуковымъ измѣненіямъ. Чистый звукъ **о** въ холм.—подляшск. говорахъ сохранился въ различныхъ степеняхъ: въ бѣло-малорусск. и въ нѣкоторыхъ холмскихъ говорахъ, приближающихся къ украинской рѣчи, этотъ звукъ значительно преобладаетъ надъ звуками, замѣнившими его. Въ этихъ говорахъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, чистое **о** всегда бываетъ въ открытыхъ слогахъ и нерѣдко встрѣчается и въ закрытыхъ: колосъ, полозъ, кровъ, горохъ, мохъ, и т. д. Въ другихъ же прибужныхъ говорахъ полѣсскаго характера вторичные звуки, замѣнившіе **о**, являются иногда преобладающими, такъ что въ народной рѣчи нѣкоторыхъ мѣстностей мало слышится звукъ **о**; таковы, напримѣръ, говоры пос. Тарногрода и дер. Волковянъ, Люблинской губ.: Гуспударъ казавъ, жибэ гуспудэня пумугла загнаты курову ду хливá = Ломаз.—Господаръ казавъ, жебъ господыня помогла загнати корову до хливá.

б) О=е—э. Замѣна о звукомъ е—э въ народной рѣчи Забужья нерѣдкое явленіе. И въ этомъ отношеніи мѣстные говоры представляютъ общіе и частные случаи этой звуковой особенности малорусскаго нарѣчія. Общую черту въ данномъ случаѣ составляютъ малорусскія формы нечленныхъ прилаг.—жовтэ, чорнэ, билэ, добрэ, солодке. Подобныя формы встрѣчаются во большинствѣ говоровъ и во флексіяхъ числ., мѣстоим. и причастій: друге, шостэ, сёмэ, чэтвэртэ, такэ, которэ, скошонэ, забитэ.

---

1) Здѣсь переходъ носоваго ѧ—въ е и только въ письмѣ обратно, по становившемуся тожеству ѧ и е. Ред.

Кромѣ того, забужные говоры имѣютъ и свои діалектическія особенности, не встрѣчаемыя въ украинской рѣчи: елень, езёро, едёнъ, една́ (при одёнъ, одна одипаньцять), жовтэи, свэи, тэи — Ломазы; сырэи земли, мылэй пары — Холмск.; русэи, добрэи, сывэи, чужэи—Павлово; малэю — Полоски, добрэю — Корница, якэю, чэрвонэю, казацкэю, заслужнэю—Орховокъ. Формы едёнъ, една распространены въ народной рѣчи во многихъ мѣстахъ Холмской Руси (Шимановскій, тамъ же). Эту форму числительнаго встрѣчаемъ и въ другихъ малор. говорахъ: еднымъ воломъ, еднэ лычко-Лемковскій гов. въ Угорской Руси (Смирновъ, тамъ же, 209). Разсматриваемая черта особенно развилась въ основахъ словъ нѣкоторыхъ пинскихъ говоровъ: пэпъ, вэпъ, Бэгъ, бэльшъ, вэйско, бэкъ, твэй, свэй (Довнаръ-Запольскій, тамъ-же).

Мѣна о на е—э во флексіяхъ прил., числ., мѣст. и прич., спорадически развившаяся въ разныхъ степеняхъ во всѣхъ забужныхъ и другихъ малорусскихъ говорахъ, составляетъ обычное звуковое явленіе въ польскомъ и чешскомъ яз. И эти формы по своему происхожденію, очевидно, восходятъ къ древнѣйшему прославянскому періоду; что же касается пинскихъ формъ, то онѣ позднѣйшаго образованія, такъ какъ, повидимому, развились изъ вторичныхъ (украинскихъ) формъ: попъ—пипъ=пэпъ; больше — бильшъ = бэльшъ; твой — твій = твэй.

Взаимный переходъ звуковъ о и е существовалъ и въ древнерусскомъ языкѣ: езеро—озеро, елень—олень, ежъ—ожъ, още—еще, одъва—едва, оже—еже, октенія—ектенія, олей—елей и т. д. (А. Соболевскій. Лекц. по ист. русск. яз., 2, стр. 33—34).

в) О = а. Переходъ звука о въ а, широко развившійся въ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ нарѣчіяхъ въ безударныхъ слогахъ, въ Ломазскомъ и другихъ прибужныхъ говорахъ имѣетъ характеръ спорадическаго явленія, и ограничивается только единичными случаями: манасты́ръ, манахъ, Воло́дава, нагави́ци, гарашкова́тый, га́рдый, га́рдити, злама́ти, салдатъ, зазу́ля.

Замѣна о звукомъ а извѣстна польскому и чешскому языкамъ въ основахъ нѣкоторыхъ словъ — hardy, złamać,

gárdło[1]), hlawa, krava. Это явленіе развилось во флексіяхъ род. пад. членныхъ прилаг. и мѣстоим. сербо-хорватскаго и словинскаго яз.: mojega, staroga, novoga, слов. starega, novega.

Повидимому, уже съ древнѣйшихъ временъ была склонность въ русскомъ языкѣ къ переходу звука **о** въ **а**, какъ объ этомъ можно судить по формѣ манастырь, часто повторяемой въ памятникахъ нашей письменности, какъ, наприм., въ сборникѣ 1076 г.: манастырѧ, въ Юрьевскомъ ев. 1120—1128 г.— въ манастырь, на крестѣ св. Евфросиніи 1161 г.—ѿ манастыря. (Смирновъ, тамъ же 7—14). Замѣна **о** звукомъ **а** въ окончаніяхъ род.—вин. п. прил. и мѣст. отмѣчена въ древнихъ памятникахъ не только въ областяхъ распространенія великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, но и малорусскаго,. Окончанія **ого** и **аго** въ древне-русскомъ языкѣ чередуются съ преобладаніемъ то первой, то второй формы и обѣ эти формы встрѣчаются въ приведенныхъ мною памятникахъ въ примѣчаніи 3 подъ лит. з. Полагаютъ (проф. Соболевскій и др.), что формы род. пад. прил. и мѣст. на **ого** развились въ др.—русск. яз. органически, а формы на **аго** образовались подъ вліяніемъ формъ церковно-славянскихъ.

г) О=и—ы. Переходъ открытаго **о** въ звуки **и**—**ы** въ Ломазскомъ и другихъ бѣло-малорусскихъ говорахъ ограничивается нѣсколькими случаями; яблыня, яблыко, кривавый, чорнобрывый, дрыжати при дрощъ=дрожь); закрытое же **и**, которое только встрѣчается въ бѣло-малорусской рѣчи въ словѣ килька (=нѣсколько), распространено во многихъ забужныхъ говорахъ, но только этотъ звукъ въ данномъ случаѣ не достигъ въ нихъ такого полнаго развитія, какъ въ украинской рѣчи. Въ однихъ говорахъ закрытое **о** замѣняется мягкимъ и = і, въ другихъ — твердымъ **ы**: вилъ, килъ, ничь, мужыкивъ, боридъ, вивтаръ, вильха, винъ — Подгорцы, Гоздовъ, Волковяны, Тератинъ, Скордіевъ, Ганна; узлывъ, волывъ, братывъ, вынъ — Монятычи, Заболотье, Деполтычи, Замхъ, Горный — Потокъ,

1) hardy и gárdło отвѣчаютъ древн.-слав. грѫд- и грълo. Ред.

Люб. и Сѣдл. губ. Въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ мягкій звукъ и, замѣнившій о, чередуется съ твердымъ ы, или же послѣдній звукъ произносится мягче, какъ украинское и, смотря потому, какіе согласные предшествуютъ этимъ гласнымъ звукамъ (Шимановскій, тамъ же 23—24).

Эта звуковая особенность, свойственная преобладающему числу говоровъ малорусскаго нарѣчія, отмѣчена въ малорусской пѣснѣ по списку конца XVI в. (Транскрипція Потебни): В. Турецкий мі роті, В Волоский мі роті, В Штефановий роті (Смирновъ, тамъ же 132).

д) О=у. Звукъ у, замѣнившій о, находится въ различныхъ степеняхъ развитія во всѣхъ почти холмско-подляшскихъ говорахъ и только нѣкоторые изъ нихъ, приближающіеся къ украинской рѣчи, не знаютъ этой мѣны, кромѣ украинскаго звука и=і или полѣсскаго ы; но такихъ забужныхъ говоровъ, очевидно, очень мало, такъ какъ по многочисленнымъ примѣрамъ и 16 образцамъ народной рѣчи Холмской Руси, приведеннымъ въ книгѣ Шимановскаго, одинъ только говоръ дер. Скордіева, Холм. у., оказывается вполнѣ свободнымъ отъ полѣсскаго звука у—ю на мѣстѣ о—е: лыжко, пидъ, пишовъ, тылько, на тый, жинка, снопывъ, мій. Но еслибъ прислушаться внимательно къ народной живой рѣчи подобныхъ мѣстностей, какъ Скордіево, то, по всей вѣроятности, и въ такихъ холмскихъ говорахъ можно бы подмѣтить единичные случаи замѣны о—е звуками у—ю, такъ какъ даже и украинскіе говоры не совсѣмъ чужды этой звуковой особенности въ безударныхъ открытыхъ слогахъ: напувала, годувала, частуваты, танцюваты, роскрайюваты, цилуватыся, мылуватыся, буяре (Свад. пѣсни у малорос. и великорус. м. Дмитровка, Александр. у. (Херс. губ.). Собралъ свящ. Гавріилъ Сорокинъ. Изд. ред. журн. «Кіевская Старина» 1891 г., стр. 16—23).

Въ большинствѣ народныхъ говоровъ Люблинской губ., а также и въ Сѣдлецкихъ полѣсскихъ ударяемые и безударные звуки о и е въ закрытыхъ слогахъ переходятъ въ мягкое и или твердое ы, а въ безударныхъ открытыхъ слогахъ — о въ у, а

е въ ю; въ другихъ же холмско-подляшскихъ говорахъ ударяемые и безударные о и ё въ слогахъ закрытыхъ и открытыхъ переходятъ—первый звукъ въ у, а второй въ ю. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ холмскихъ говорахъ наряду съ переходомъ о—е въ ударяемыхъ закрытыхъ слогахъ въ и—ы встрѣчается изрѣдка замѣна этихъ звуковъ въ безударныхъ слогахъ черезъ у, какъ это будетъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ ниже.

Вообще, у и ю, въ отдѣльности и въ дифтонгахъ, являются въ данномъ случаѣ господствующими звуками въ народной рѣчи Холмской Руси, и составляютъ главную отличительную ея черту отъ украинскихъ говоровъ, въ которыхъ соотвѣтственнымъ звукомъ всегда бываетъ мягкое и въ слогахъ закрытыхъ и безударное о и е въ открытыхъ; въ частности же въ говорахъ Люблинской губ. преобладающимъ звуками, замѣнившими о—е, являются въ закрытыхъ слогахъ и—ы и въ открытыхъ у, а въ подляшскихъ Сѣдлецкой губ. въ закрытыхъ слогахъ у—ю, а въ открытыхъ — о — е.

Въ Ломазской, Кошоловской, Докудовской народной рѣчи сравнительно съ другими забужными говорами мало встрѣчается случаевъ перехода о въ у и ё въ ю въ слогахъ открытыхъ, между тѣмъ какъ во многихъ холмско-подляшскихъ говорахъ эта звуковая особенность сильно развилась въ данномъ случаѣ. Въ этомъ отношеніи особенно характерны нѣкоторые говоры Люблинской губ., въ которыхъ находимъ массовой переходъ безударнаго о въ у въ открытыхъ слогахъ, какъ и въ болгарскихъ восточныхъ говорахъ: винъ, нысъ, записъ, хвистъ, стылъ, въ нашумъ, парубокъ, чулувикъ, мулотыть, гуспударъ, пушовъ, бисувуму, прудай, пугнавъ, лубуда, туби, суби, куму — дер. Волковяны; витэцъ, мій, съ фирманомъ, винъ, пыдъ, згудывся въ гуспудара, ду, змурывся, бу, вуна, купаты, кулина, пурусята, кузакъ, куровы, мускаль, цилувалы, закупалы—пос. Тарногродъ, Бѣлгорайскаго уѣзда.; винъ, мій, твій, жинка, на тымъ, гувубивъ (л=в), мувуду, въ нувую, на быструй вуди, на куни,

пу-пудъ, дурожка, пузади, утэць, муя, твуя, ду пувку, муи братя мувутять — с. Руда, Холм. у.; прынисъ, по-пидъ гаемъ, стуливъ, вугнивъ, кумужъ, туби, суби, кунупэль, пусіяты, полоть сулуныны, куму, бurодъ, яблуку, сукера, хурошый с. Потуринъ, Томаш. у.; пукирное тыле, дурогою мулука попрушу, нэ круши, бу, ду пурога, куровы — с. Степанковичи, Грубешов. у.; буродъ, буриздъ, куровъ, дурогъ, пумагавъ, дугаравъ, луждавъ, Дуруѳей, вуламы, кунями — с. Замхъ, Бѣлгор. у.; вилъ-вула, килъ-кула, буридъ, куровъ — с. Телятинъ, Томашов. у. Частую мѣну о—е на у—ю наблюдаемъ въ открытыхъ, а иногда и въ закрытыхъ слогахъ и въ полѣсскихъ говорахъ Сѣдлецкой губ.: вилъ—вуола, мужикивъ, узлывъ, буридъ кулокъ—кулка, пудо мною, людюмъ, конюмъ — с. Заболотье, Бѣльск. у.; вилъ — вула, килъ — кула, буридъ, луригъ, Мыкулаювськый—с. Ганна, того же уѣзда. (Тамъ же).

Звуки и—ы и у—ю, замѣняющіе основные о—е, занимаютъ въ забужныхъ говорахъ различное положеніе: въ однихъ говорахъ эти діалектическіе звуки больше развились, въ другихъ меньше; въ однихъ говорахъ преобладаютъ звуки и—ы, въ другихъ — у —ю, въ третьихъ тѣ и другіе звуки чередуются почти равномѣрно.

Закрытое у—ю на мѣстѣ о—е, изрѣдка встрѣчаемое рядомъ съ и—ы въ холмскихъ говорахъ выше приведеннаго типа, широко развилось въ преобладающемъ числѣ Сѣдлецкихъ говоровъ или въ видѣ отдѣльныхъ звуковъ или въ большинствѣ случаевъ въ дифтонговыхъ слогахъ. Эта звуковая черта въ закрытыхъ слогахъ извѣстна и нѣкоторымъ Люблинскимъ говорамъ: вулъ, до коныкувъ, въ тумъ—Бѣлгорай; руднэнькая, пузнаютъ, по зэлёнумъ, на зэлёнуй, по новэнькуй, на русуй косоньцы, ключувъ, сэструпька—пос. Павлово, Холм. у. (Тамъ же).

Звукъ у на мѣстѣ о, развившійся въ разныхъ степеняхъ въ народной рѣчи Забужной Руси, имѣетъ обширную область распространенія въ русскихъ и инославянскихъ говорахъ. Эта звуковая особенность встрѣчается спорадически во всѣхъ почти ма-

лорусскихъ, бѣлорусскихъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ; но особенно сильно развилась въ полѣсскомъ малорусск. нарѣчіи: Бугъ, муй, кунь, друбные, тулько, на новумъ, пры тыхуй (Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ). Такая же степень развитія діалектическаго звука у наблюдается въ открытыхъ слогахъ и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ: гуворацъ, свуёй, гулува, пурусла, чулувича, здурова (Живая Старина 1892, III, 19). Эта звуковая черта находится и въ закрытыхъ слогахъ бѣлорусской рѣчи: откуль, покуль. Замѣна о звукомъ у въ единичныхъ случаяхъ не чужда и нѣкоторымъ сѣверно-великорусск. и малорусск. говорамъ украинскаго характера: хушь—Нижегор., сумоварцикъ сугласинъ, убманитъ—Владимир.; збуйничкови—Угорская Русь, керуваты (польск. kierować=направлять, править)—Станислав. въ Галиціи; на кордуни—Коломыйскій въ Гал., въ кайданы вкувалы—Буковин., попарувалы, напуваты (напоить)=Кіев. губ. (Смирновъ, тамъ же).

Ударяемое и безударное у и ю въ слогахъ закрытыхъ, а иногда и въ открытыхъ часто встрѣчаются въ польскомъ и нерѣдко и въ чешскомъ яз. на мѣстѣ общеславянскаго **о** и **ѳ**=э: польск. mój, twój, Bóg, wrogów, polaków, kazaków, córka, córusia, skóreczki, nóżeczki, módlsię, mówić, mróz anióƚ stróż; чеш.—Bůh, ruža, můžeš, kuń, vůl, kůl. Въ нѣкоторыхъ польскихъ народныхъ говорахъ эта звуковая особенность болѣе развилась, чѣмъ въ лит. языкѣ, но не въ такой степени, какъ въ народной рѣчи Холмской Руси. Замѣна въ польскомъ языкѣ закрытаго **о** звукомъ ó=у не всегда совпадаетъ съ такой же замѣной въ прибужныхъ русскихъ говорахъ—бываетъ много случаевъ, когда въ польскихъ словахъ эта особенность встрѣчается, а въ соотвѣтственныхъ русскихъ ея вовсе нѣтъ и наоборотъ. Но главное отличіе въ данномъ случаѣ польскихъ говоровъ отъ мѣстныхъ русскихъ заключается въ томъ, что въ первыхъ разсматриваемая звуковая черта развилась въ сокращенныхъ формахъ сущ. и глаг., а въ послѣднихъ въ соотвѣтственныхъ полногласныхъ формахъ, свойственныхъ вообще русскому языку,

въ большинствѣ говоровъ отсутствуетъ: mróz—морозъ, stróż—сторожъ, głód—голодъ, król—король, młót—молотъ, broń—боронн, młóć—молоти, módlsię—молися. Изъ другихъ славянскихъ языковъ особенно сильно развился переходъ открытаго безударнаго о въ у въ болгарскихъ восточныхъ говорахъ, а отчасти и въ словинскихъ: Бугдане, бколу, гулѣмъ, муре́, ра́бута и т. п.; ynu gospudy, czestu (Флоринскій, Лекціи по слав. языкознанію I, 84—82, 416). Единичные случаи мѣны о на у попадаются даже и въ серб.-хорват. яз. — sunce.

е) У=ю. Звукъ ю, развившійся изъ у на мѣстѣ древняго о, имѣетъ характеръ спорадическаго явленія въ нѣкоторыхъ холмскихъ говорахъ и ограничивается только единичными случаями: двюръ, сбюръ, мюй—пос. Павлово; трапывъ говубку ю (=й у) правый крылець, ю викъ ны забуду, якъ камэню̓ю води, юдъ=й удъ—одъ, юбмувонька—й убмувонька—Руда. Звукъ ю въ предлогахъ у, удъ, убъ (объ) обязанъ своимъ происхожденіемъ союзу и=й, слившемуся съ у въ приведенныхъ формахъ (Шимановскій, тамъ же, 24).

Какъ видно изъ одного литературнаго произведенія изъ народнаго быта XVIII вѣка, въ то время уже существовалъ частый переходъ **о** въ **у** и **ю** въ полѣсскомъ малорусскомъ нарѣчіи: муй, колядувокъ, въ крамарувъ, жунки, панувъ, булшъ, тулко, пудъ, вупъ, всѣ вукна, постуй, бульше щедрювокъ, хрѣхювъ, на вечюрки, на юлицу, разювъ (Петровъ, Южнорусск. лит. XVIII в. въ «Русск. Вѣст.» за 1880 г.).

Въ Сѣдлецкихъ говорахъ, кромѣ замѣны основныхъ о и е вторичными звуками и—ы и у—ю, существуетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ дифтонговъ, въ основѣ которыхъ лежатъ ударяемые у, ю, ы, развившіеся изъ о или ё въ закрытыхъ слогахъ. Изъ дифтонговъ, приведенныхъ ниже, наиболѣе распространенъ въ народной рѣчи Подляшья у͡о изъ **о** и ю͡о изъ ё: ву͡олъ, сю͡олъ.

ж) У=у͡о. Безударный звукъ у изъ о и образовавшійся изъ **у** подъ удареніемъ двугласный у͡о развились въ большинствѣ случаевъ въ закрытыхъ и отчасти и въ открытыхъ слогахъ Ло-

мазкаго, Докудовскаго, Кошоловскаго, Корницкаго и другихъ подляшскихъ бѣло-малорусскихъ и нѣкоторыхъ полѣсскихъ говоровъ. Открытыхъ звуковъ у и у͡о, замѣнившихъ чистое **о**, въ бѣло-малорусск. говорахъ сравнительно очень мало: снупокъ, кулокъ, кунэць, мну͡ого, ву͡осимъ, у͡ольха, у͡ось. Дифтонгъ у͡о въ словахъ—у͡ольха и у͡ось, очевидно, образовался въ старину въ закрытыхъ слогахъ (ву͡ольха, ву͡ось), но впослѣдствіи приставочный звукъ в отпалъ, и дифтонгъ обнажился. Въ нѣкоторыхъ подляшскихъ говорахъ, какъ, наприм., въ Заболотскомъ (Бѣльск. уѣзда) дифтонгъ у͡о бываетъ и въ безударныхъ открытыхъ слогахъ и чередуется съ другими звуками: вилъ — вуола, куоровъ, дуорогъ, поурадокъ, куоринне, буридъ, бурузёнъ (=бѣл.-малор. борозёнъ—бороздъ).

Эта звуковая черта, широко развившаяся въ пародной рѣчи Бѣльскаго, Радинскаго и Константиновскаго уѣздовъ, Сѣдлецк. губ., извѣстна и другимъ русскимъ говорамъ за предѣлами Забужья: Заблудовскому (Гродн. губ.)—розбуойница, вуонъ, туолько, буольшъ, у туомъ, потуомъ (Смирновъ, тамъ же, стр. 121—122); пинскимъ — жуонка, туолько (Довнаръ-Запольскій, тамъ же); мозырскимъ въ открытыхъ безударныхъ слогахъ, какъ въ нѣкоторыхъ подляшск. говорахъ: коруовочка, руожечки, нуожечки (Живая Старина 1892, III, 27); нѣкоторымъ черниговскимъ говорамъ около Брянскаго сталелит. завода — вуолъ, куонь (По словамъ тамошнихъ уроженцовъ). Эта діалектическая особенность не чужда и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ, такъ, наприм., находимъ дифтонгъ у͡о въ народной рѣчи дер. Снегерихи Владимірскаго уѣзд., Влад. губ. — въ сапуошкахъ, хвуосты, хвуостами, (Шейнъ, Великоруссъ, 2232 пѣсня).

з) У = уа: вуалъ, куалъ, узлуавъ, коруавъ, доруагъ — с. Гусь, Радинск. уѣзда.

и) У = уэ: руэкъ — дер. Пашенки, того-же уѣзда.

к) У = уы: вуынъ, пуысъ, жуынка — с. Полоски, Кленовница, Бѣльск. и Константиновск. уѣзда.

л) Ю = юи: рюидный — дер. Желевше, Пищацъ, Бѣльск. уѣзда.

м) Ы = ыи: тыилко, стыилъ—дер. Кульчинъ, Володав. уѣзда (Шимановскій, тамъ же, стр. 25).

Діалектическій ударяемый звукъ у, не прояснившійся въ закрытыхъ слогахъ въ о, по большей части произносится глухо. Это звуковое явленіе, очевидно, сохранилось съ древнѣйшихъ временъ въ народной рѣчи Холмской Руси и другихъ русскихъ и инославянскихъ областей. Въ первыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, преимущественно болгарской редакціи, этотъ глухой звукъ изображался знакомъ ъ, древнее произношеніе котораго на мѣстѣ нашего о до сихъ поръ не вполнѣ разгадано. Полагаютъ, что въ кирилло-меѳодіевскую эпоху церковно-славянскія буквы ъ и ь, означавшія глухіе звуки, приближались своимъ произшеніемъ — первая къ о, а вторая къ е: сънъ, вънъ, дьнь, вьсь (Соболевскій, Фонет. церк.-слав. яз., 29—31). Но основываясь на произношеніи въ данномъ случаѣ о какъ у во многихъ современныхъ русскихъ и инославянскихъ говорахъ и нарѣчіяхъ, нельзя не прійти къ заключенію, что древне-церковнослав. буква ъ на мѣстѣ нашего о могла произноситься, какъ глухой звукъ у, потвержденімъ чего могутъ служить дифтонги, развившіеся изъ этого звука и указывающіе переходъ у въ о, вънъ = вунъ = вуонъ = вонъ.

Это звуковое явленіе въ слогахъ закрытыхъ отмѣчено въ галицко-волынскихъ памятникахъ: въ купчей грамотѣ 1366 г. (Пис. въ Перемышльской землѣ) — у Шюльжичювъ, добровульно, Столпувскій, Друздъ, владыка Ларивунъ, прузвищемъ; въ грамотѣ Львовскаго воеводы 1400 г. — Кундратъ, въ заемпой грамотѣ 1421 г. (Пис. во Львовѣ): сто купъ, у рукъ. Ту же особенность находимъ въ малорусской пѣснѣ по списку конца XVI вѣка (Транскрипція Потебни): пуйми, пуймил. (Смирновъ, тамъ же, 63, 64, 75, 86, 133).

Безударное у въ слогахъ открытыхъ одно изъ древнихъ звуковыхъ явленій, отмѣченныхъ въ первыхъ памятникахъ нашей

письменности. Эта особенность часто встрѣчается въ окончаніяхъ дат. пад. ед. ч. прилагат. и причастій, образовавшихся изъ склоняемыхъ именныхъ формъ, слившихся съ формами мѣстоименія и = онъ; такъ, напримѣръ, читаемъ въ Остромировомъ ев. 1056—1057 г.: чистоуоуму (чисту—ему=чисту—ому) дроугоуоуму, оударающоуоуму; въ Святославовомъ Изборникѣ 1075 г. — великоуоуму, въ Мстиславовомъ ев. 1117 г. — князю Новъгородьскоуо'моу, благовѣрьноуоумоу; въ надписи на крестѣ Новгородскаго архіеп. Антонія 1211—Новгородьскуму, давшюму (Смирновъ, тамъ же). Переходъ звука о въ у въ данномъ случаѣ встрѣчается нерѣдко и въ народной рѣчи Забужья: нашуму, вашуму, добруму, чистуму, хорошуму и т. д. Другіе случаи перехода открытаго и закрытаго о въ у представляютъ намъ памятники южнорусскаго языка XII—XIII вѣка: скузѣ, дулу, мунастырь, гулубеви, будру, субутный, унукумъ, добровульно (Соболевскій, Очерки 95—96). Единичные случаи этой звуковой черты, развившейся на почвѣ бѣлорусскихъ говоровъ, находимъ и въ памятникахъ западнорусскаго языка XIII вѣка—въ грам. Рижанъ къ Витебскому князю 1300 г.: со великою жалоубою (Смирновъ, тамъ же).

Судя по формамъ, отмѣченнымъ въ древнихъ памятникахъ южнорусскаго языка XII—XV вв., звукъ **у**, замѣнившій о, имѣлъ въ старину болѣе обширную область своего распространенія, чѣмъ теперь, но въ послѣдующія времена въ преобладающемъ большинствѣ малорусскихъ говоровъ въ слогахъ закрытыхъ, очевидно, перешелъ въ мягкое **и** или въ твердое ы, а въ открытыхъ въ чистое о. И надо полагать, что этотъ переходъ совершился или непосредственно изъ у или, вѣроятнѣе всего, въ ударяемыхъ слогахъ черезъ дифтонгъ уи, сохранившійся въ данномъ случаѣ и понынѣ въ нѣкоторыхъ холмско-подляшскихъ говорахъ. И какъ видно изъ вышеприведенныхъ формъ стародавней малорусской пѣсни, процессъ перехода **у** въ **и** въ концѣ XVI вѣка еще не окончился во всѣхъ малорусскихъ говорахъ украинскаго ха-

рактера, такъ какъ рядомъ съ неударнымъ **и** встрѣчается и звукъ **у** въ ударяемыхъ закрытыхъ слогахъ: въ турецкій роти, пуйми; въ настоящее же время закрытый звукъ **и** на мѣстѣ о значительно преобладаетъ надъ звукомъ **у** въ данномъ случаѣ въ малорусскомъ нарѣчіи. По этимъ двумъ звуковымъ особенностямъ малорусское нарѣчіе раздѣляется на украинскіе и полѣсскіе говоры: въ первыхъ отличительной чертой бываетъ мягкій звукъ **и** въ закрытыхъ слогахъ вмѣсто о и е, а въ открытыхъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ перехода о въ и или въ у—ю, сохраняется общерусское **о**; во вторыхъ же характерной особенностью является въ соотвѣтствіе украинскаго **и** звукъ **у**, замѣняющій о, и ю вмѣсто е—ё въ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ. Но существуетъ много полѣсскихъ говоровъ смѣшаннаго характера, въ которыхъ находится ударяемое закрытое **и**, отвердѣвшее въ большинствѣ случаевъ въ **ы**, но зато въ безударныхъ открытыхъ слогахъ часто встрѣчаются звуки у и ю на мѣстѣ общерусскаго **о** или **е**. Въ данномъ случаѣ къ полѣсскимъ говорамъ перваго типа примыкаютъ и бѣло-малорусскіе (въ томъ числѣ и Ломазскій), которые по своему характеру составляютъ особыя малорусскія разнорѣчія, не знающія отвердѣвшаго первичнаго **и**. И эти разнорѣчія по своимъ звуковымъ особенностямъ болѣе приближаются къ народной бѣлорусской и великорусской рѣчи, чѣмъ другіе малорусскіе говоры.

Область распространенія украинскаго нарѣчія гораздо обширнѣе полѣсскаго, такъ какъ, кромѣ Малороссіи, Новороссіи и Кубанской области, народная рѣчь украинскаго характера распространена въ юго-западныхъ губерніяхъ—Подольской, Волынской и отчасти и Люблинской, а также и въ зарубежной Руси—Галичинѣ, Буковинѣ и Угорщинѣ (въ сѣверной Венгріи). Полѣсскіе говоры малорусскаго нарѣчія существуютъ на Полѣсьѣ, въ обширномъ значеніи этого географическаго термина — въ губерніяхъ: Минской, Гродненской, Волынской и отчасти и Черниговской. Народная рѣчь полѣсскаго характера является преобладающей въ русскихъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губ.; пе-

реходные же бѣло-марусскіе говоры, находящіеся въ данномъ случаѣ (замѣна о черезъ у) въ близкомъ родствѣ съ полѣсскими, главнымъ образомъ распространены въ Сѣдлецкомъ Подляшьѣ и отчасти и въ Гродненской губерніи. Но судя по звуковымъ особенностямъ Заблудовской народной рѣчи, въ Гродненскихъ подобныхъ говорахъ болѣе отразилось бѣлорусское вліяніе, чѣмъ на Сѣдлецкіе, которые, повидимому, развились органически, такъ какъ они непосредственно не смѣшивались съ бѣлорусскими, будучи отдалены географически отъ послѣднихъ значительнымъ разстояніемъ.

5. а) И = и — ы. Первичное мягкое и, сохранившееся въ Ломазской рѣчи, составляетъ главную отличительную черту цѣлой группы подляшскихъ говоровъ Сѣдлецкой губ. и въ данномъ случаѣ придаетъ имъ звуковую окраску бѣлорусской и великорусской рѣчи. Преобладающее большинство народныхъ говоровъ Холмской Руси утратило эту общеславянскую звуковую особенность, и въ живой разговорной рѣчи Люблинской и Сѣдлецкой губ. мягкое и въ различныхъ степеняхъ является отвердѣвшимъ звукомъ, какъ вообще въ малорусскомъ нарѣчіи: въ однихъ мѣстныхъ говорахъ, приближающихся къ украинской рѣчи, и произносится нѣсколько мягче ы; въ другихъ же оно совершенно звучитъ твердо, какъ ы. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ полѣсскіе говоры (Сѣдл. и Любл. г.), въ которыхъ почти всегда слышится ы вмѣсто и передъ всѣми согласными звуками: потылыця, ногы, рукы, говорылы, просылы, пылы. Такого же характера и наблюдается и въ пинскихъ говорахъ, сходныхъ во многихъ чертахъ съ нѣкоторыми холм.-подляшскими: ключе, калына, полыця, грудьмы (Довнаръ-Запольскій, тамъ же).

Отвердѣвшее и въ южно-русскомъ языкѣ уже находимъ въ памятникахъ Галицко-Волынской области XII в., какъ, наприм., въ Добриловомъ ев. 1164 г. — погубывый, просыти, совѣтныкъ (Соболевскій, Очерки 99); въ купчей грамотѣ 1359 г. (Пис. въ Перемышльской землѣ) — старостынъ дякъ (Смирновъ, тамъ же 62). Эта звуковая черта была извѣстна въ старину и

нѣкоторымъ южно-славянскимъ говорамъ, какъ это видно изъ рукописи XIV вѣка: ѡбытели, пленыкомъ, стльпныка, велыемь, вьзьпы, толикы (Русск. Фил. Вѣст., за 1881 г., т. VI, стр. 305). Случаи постановки отвердѣвшаго и, развившагося на почвѣ забужныхъ говоровъ, находимъ въ Холмскихъ грамотахъ XV вѣка — Нагаѕуm (Акты 1473 — 1476, изд. Вил. арх. ком.), 1456 г. — z Wasylowa (Поцѣй, тамъ же стр. 22).

б) И—ы=і͡э. Въ Ломазской рѣчи, какъ и въ другихъ бѣломалор. говорахъ—Докудовскомъ, Кошоловскомъ и Корницкомъ, звуки и и ы подъ удареніемъ часто переходятъ въ дифтонгъ і͡э послѣ согласныхъ л, н, р, ц, ж, ч, ш, щ, а въ глагольныхъ формахъ повелит. накл. и послѣ другихъ согласныхъ (стр. 5). Эта звуковая черта, рѣдко встрѣчаемая въ корняхъ словъ, довольно часто наблюдается во флексіяхъ им. пад. мн. ч. именъ сущ., но особенно достигла полнаго своего развитія въ повелительномъ наклоненіи (стр. 34).

Переходъ звуковъ и—ы въ двугласный і͡э бываетъ и въ нѣкоторыхъ пинскихъ говорахъ: дыерка, косарые, борые (Довнаръ-Запольскій, тамъ-же). То же явленіе встрѣчается и въ Заблудовскомъ бѣло-малор. говорѣ—трыэска (Смирновъ, тамъ же 222). Единичные случаи образованія дифтонга і͡э изъ и находимъ и въ великорусской рѣчи, какъ, напримѣръ, въ народной рѣчи дер. Снегириха, Владим. губ. того же уѣзда— миеръ (Шейнъ, тамъ же 2232).

в) И—ы=э(е). Единичные случаи перехода и—ы въ э, а иногда и въ е встрѣчаются во всѣхъ малорусскихъ говорахъ (въ томъ числѣ и Ломазскомъ): едёнъ, идэнъ, людэ, курэ, всюдэ, сусидэ, нэ всэ̓дитъ (=не усидитъ) и т. д.; но въ нѣкоторыхъ холмскихъ говорахъ эта звуковая особенность сильно развилась не только во флексіяхъ, но и въ основахъ словъ: забэвъ, зранэвъ, свитлецю, чэсту пшинэцю, зэмную водэцю, бэтый, дытэна, сэну, чужэй край—с. Руда; просэла рэбу, мэлый, пэла, мужэка, малэй, хвалэтьця — д. Скордіевъ; пужэлый, трэ сынэ, дурнэй сэнъ,

бэдло, ны далэ, купэвъ, чуртэ, зрубэты, самэ пушлэ, вулэ, такей— д. Волковяны (Тамъ же).

Замѣна и—ы звукомъ е—э бываетъ въ пинскихъ полѣсскихъ и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусск. говорахъ: борэ, волэ, туркэ; барснъ, положелъ, третей годъ (Довнаръ-Запольскій; Смирновъ тамъ же). Эта звуковая черта не чужда и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, какъ, наприм. польскому: sierota, szeroki, cztery, ser, ścierać, ubierać и т. д. Эта звуковая черта изрѣдка встрѣчается и въ сербо-хорватскомъ языкѣ, не знающемъ вовсе общеславянскаго твердаго ы, кромѣ только и: iz zemlje. Это звуковое явленіе находимъ въ древнѣйшемъ памятникѣ нашей письменности — Остромировомъ евангеліи: лицемѣре, мытарик; въ Несторовой лѣтописи: рыболове, усобицѣ, лжицѣ, въ хрестеянехъ, гостье. Не рѣдкіе случаи перехода и въ е извѣстны нашимъ памятникамъ XIII—XVI вв., особенно же южнорусскимъ спискамъ: жедове, мерось, прѣменеть, принече, галелѣя, семеону, патрекия, честъ, истены, каменеемь, тернеемь (Соболевскій, Очерки 100; Крыжановскій, Рукоп. ев. кіев. книгохранилищъ 68, 123, 213).

Дифтонгъ i͡э, образовавшійся изъ звука и въ именныхъ флексіяхъ род. пад. ед. числа и имен. пад. множ. числа, а также въ примѣтѣ повелительнаго накл. на и, часто восходитъ въ Ломазскомъ и другихъ родственныхъ говорахъ къ древнему ѣ, сохранившемуся во всѣхъ почти тожественныхъ случаяхъ въ памятникахъ нашей древней письменности и въ современномъ болгарскомъ языкѣ (идѣте, извѣстѣте, любѣте, молѣте ся): Остромирово ев. — почьрпѣте, принесѣте, съберѣте, идѣте, вънидѣте, вънемлѣте, покажѣтеся = Ломаз. — зечерпнi͡этэ, принэсi͡этэ, збэрi͡этэ, идi͡этэ, вуйдi͡эте, пакажi͡этэся; Несторова лѣтопись — понесѣте, потягнѣте, еѣ, не посрамимъ землѣ рускiѣ = Ломаз. — понэсi͡эте, потягнi͡этэ, еji͡э(ея), земли͡э; Поученіе Владиміра Мономаха — не погубите душѣ своеѣ, не минѣте, и сторожѣ сами наряживайте = Ломаз. — нэ по-

ґубі͡этэ душі͡э своéјя, и сторожі͡э им. п. мн. числ. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаются и формы повел. наклон. современнаго русскаго языка: коупите, молите, просите, пришлите, не грѣшите, кормите, пріимите, учите = Ломазск. купі͡этэ, молі͡этэ, просі͡этэ, пріймі͡этэ, не гриші͡эте, пришлі͡этэ, кормі͡эте, учі͡этэ и т. д.

Изъ приведенныхъ формъ, отмѣченныхъ въ древнихъ памятникахъ XI—XII ст., видно, что не во всѣхъ глаголахъ пов. накл. ѣ замѣняетъ и; между тѣмъ какъ въ Ломазскомъ говорѣ въ данномъ случаѣ всегда подъ удареніемъ является дифтонгъ і͡э не только въ окончаніи 2-го лица, но и въ 1-мъ лицѣ, гдѣ въ древнихъ памятникахъ ѣ очень рѣдко встрѣчается: помолѣмся, творѣмъ = помолі͡эмося творі͡эмо и т. д. (Примѣры на стр. 34). И отсюда можно заключить, что ѣ на мѣстѣ нашего и имѣетъ характеръ въ древне-русскомъ языкѣ спорадическаго явленія, какъ и въ современномъ болгарскомъ и потому на эту древнюю звуковую черту въ данномъ случаѣ слѣдуетъ смотрѣть какъ на діалектичеэкую особенность, появившуюся, быть можетъ, въ перныхъ памятникахъ нашей письменности не безъ вліянія болгарской.

6. а) Ѣ = е = јэ — э. Въ Ломазскомъ и другихъ бѣло-малорусскихъ говорахъ встрѣчаются только единичные случаи произношенія ѣ, какъ мягкое великорусское е или какъ твердое э (Прим. на стр. 6); только въ народныхъ пѣсняхъ подъ вліяніемъ напѣвовъ и неправильныхъ удареній чаще слышится эта звуковая особенность, такъ широко развившаяся въ бѣлорусскомъ и великорусскомъ нарѣчіяхъ: На холодѣ въ лѣсѣ, на маёвой рóсѣ (стр. 106). Но существуютъ нѣкоторые говоры въ Сѣдлецкой губ., въ которыхъ великорусск. и бѣлорусск. ѣ чередуется довольно часто съ малорусск. и, особенно послѣ звука согласнаго л: хлѣбъ и хлибъ, хлѣвъ и хливъ — сел. Жещинка и Любень, Володавск. у. (Тамъ же).

б) Ѣ = и — ы. Въ Сѣдлецкихъ и Люблинскихъ малорусскихъ говорахъ главнымъ звукомъ, замѣняющимъ бѣлорусск. и

великорусск. ѣ, является, какъ въ украинской рѣчи, мягкое и, которое во многихъ мѣстныхъ полѣсскихъ говорахъ отвердѣло въ большинствѣ случаевъ въ ы: свитлецю, на гори, на мори, въ нэдилю, зблидла, бидна, чоловика, ду хлива, вирна, сьвитылося, винокъ, мисяць, рика, обидае, снигъ, стрылець, дытокъ, Руда, дер. Скордіевъ, Гнишевъ, с. Деполтычи и др., Люблинск. губ.; влызъ, хлыбъ, хлывъ, вынокъ, дытокъ, зацвыла, свытлыця, на рыбонцы, въ вудоньцы, сыротоньцы, на труноньцы — сел. Тератинъ, Бонча, Павлово, той же губ.; въ мышковы, мыдвыдя, на пысковы, нэ сыйтэ, выночокъ, дывочокъ, тэрпыты — сел. Заболотье, Ганна, Жещинка, Любень, Желевше, Полоски, Пищацъ, Волька-Носовская, Верещинъ, Сѣдл. губ. (Тамъ же).

Во многихъ забужныхъ говорахъ въ данномъ случаѣ ы чередуется съ мягкимъ и, которое часто слышится во флексіяхъ дат. и предл. пад. мѣстоименій и существительныхъ: мни, соби, тоби, на дорози, на пичци и т. п.

Произношеніе ѣ, какъ е, э, и, ы, наблюдается и въ пинскихъ говорахъ: вѣтеръ, обѣдъ, сѣдѣлы, вѣрно, злодэй, мэдвэдемъ, рэчка, цэлу, дило, сино, ричка, на моры, бабоньцы, одрыжь, (Довнаръ-Запольскій, тамъ-же).

в) И = і͡э. Въ подляшскихъ бѣло-малорусск. говорахъ (въ томъ числѣ и Ломазскомъ) звукъ и, замѣняющій ѣ, въ безударныхъ слогахъ не измѣняется, а въ ударяемыхъ переходитъ въ дифтонгъ і͡э: рика-рі͡эки, рі͡эчка, лисокъ, въ лі͡эси, мні͡э, тобі͡э, собі͡э. Эта звуковая особенность изрѣдка встрѣчается въ пинскихъ говорахъ во флексіяхъ дат. и предл. пад. личныхъ мѣсто́именій: мніе, тобіе, собіе (Тамъ же). Судя по правописанію, дифтонгъ этотъ существуетъ и въ Заблудовской народной рѣчи Гродненской губерніи: у лјѣси, вјѣдзьма, у зѣмлјѣ, у ночјѣ, мјѣсяцъ, чоловјѣка, по цјѣли (Смирновъ, тамъ же 121—122).

Въ сербо-хорватскомъ нарѣчіи двугласный ије = ие, развившійся на мѣстѣ ѣ, бываетъ довольно частымъ явленіемъ не только въ народныхъ говорахъ, но даже и въ лит. языкѣ, въ которомъ этотъ дифтонгъ чередуется съ мягкимъ је = ѣ: би-

једа, бијел, бијес, вијек, vrijeme, svijet, mjesto, čovjek, zapovijest.

г) И = ia. Въ народной рѣчи села Гусь Радинск. у., Сѣдл. губ. существуетъ на мѣстѣ ѣ древнеславянскій дифтонгъ ia, какъ и въ Солунскомъ говорѣ болгарскаго языка: сіано, коліано (Шимановскій, Флоринскій, тамъ же). Эта древняя звуковая черта составляетъ переходную ступень къ звукамъ а—я, развившимся подъ удареніемъ такъ широко въ польскомъ яз. и отчасти въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ (strzała, miasto, rzadko, wiara, biała; вяра, бяла), а также спорадически и въ бѣлорусскихъ и великорусскихъ говорахъ преимущественно въ безударныхъ слогахъ: мяшокъ, вянокъ, дзяцей, ядуць, бягучій, сяньми, колясо, у вяку, дзядоўнику, бялёшенькіе (Смирновъ, тамъ же); на бяломъ лицу, у снягу, золотые вянцы — Тульск. губ.; у лясокъ, изъ ляска—Курск. губ., стральцовъ—Могилевской, бялѣицы, не сяки—Псковск. и Орловск. (Шейнъ, тамъ-же 28, 679, 970, 1077, 1119, 1122, 1885). Изрѣдка встрѣчаемая въ бѣлорусской и великорусской рѣчи замѣна ѣ звуками а—я, очевидно, позднѣйшаго происхожденія и это спорадическое явленіе можно объяснить обратнымъ переходомъ ѣ = е въ а — я, по склонности въ бѣлорусск. и великорусск. говорахъ перехода звука е въ а—я: жану, мядкомъ, дяржитъ, лятитъ и т. д.

Въ современныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ на мѣстѣ ѣ существуетъ три главныхъ звука: е = jə, и, я (а): первый звукъ jə является преобладающимъ и распространенъ въ лит. языкахъ — русскомъ, болгарскомъ, сербско-хорватскомъ, чешскомъ, верхн. и нижн. лужицкомъ, словинскомъ и отчасти и въ польскомъ: русск. и болг. — свѣтъ — свѣтъ-тъ, вѣруетъ — вѣрўва, вѣчный—вѣчен; серб.-хорв.—вјерује—vjeruje, вјечни—vječni; чешск. и польск. svět—świat, věřj—wierzy, věčny—wieczny; словинск.—svet, veruje, večni; верхн. и нижн. луж.—Schwjet—sswet, wjerja—wereze, wjeczne, (St. Johannis iii. 16 in einigen der Sprachen und Dialecten. Изд. Британск. Библ. Общ.

Лондонъ 1876 г.). Второй звукъ и, встрѣчаемый въ областной южнорусской письменности—галицко-украинской (гал. ѣ=и, а укр. і), господствуетъ въ малорусскомъ нарѣчіи и спорадически наблюдается въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусск. говорахъ: вси—Арханг. губ., писеньку—Вологодск., нимецкій—Псковск., въ лисѣ, вира, звирей — Новгородск. (Шейнъ, тамъ же 1008, 1027, 1298, 2550); рицьку, здись, отъ обидни, поисти, двинадцать — Вятск. (Смирновъ, тамъ же 167 — 168). Звукъ и въ данномъ случаѣ сохраняется во всѣхъ народн. говорахъ и въ нашемъ лит. яз. въ словѣ дитя во всѣхъ пад. ед. числ. (болг. дѣте, польск. dzieciątko), а также и въ формахъ пов. накл. на ите, гдѣ, какъ извѣстно, въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ часто встрѣчается буква ѣ. Въ инославянскихъ нарѣчіяхъ звукъ и на мѣстѣ нашего ѣ занимаетъ также видное мѣсто: онъ существуетъ во многихъ говорахъ болгарскихъ, сербо-хорватскихъ (въ народной рѣчи черногорцевъ) и даже изрѣдка наблюдается въ чешско-словацкихъ и польскихъ: болг. и серб.—сино, била, тило; чешск. и польск. — bílý—biały, bis, bida, biduje (Флоринскій, Война́цкій, тамъ же). Третій звукъ я, переходящій иногда въ а, достигъ наибольшаго своего ризвитія въ данномъ случаѣ въ польскомъ языкѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ. Эта звуковая особенность, какъ объ этомъ упомянуто выше, не чужда бѣлорусской и великорусской рѣчи. Звукъ я — а на мѣстѣ древне-славянскаго ѣ является въ польскихъ говорахъ преобладающимъ и чередуется съ другимъ звукомъ ie = ѣ, сохранившимся во многихъ случаяхъ: człowiek, bies, nadlesny, wiek, bięda, pieśń и т. д.

Изъ обзора главныхъ и второстепенныхъ (діалектическихъ двугласныхъ) звуковъ па мѣстѣ нашего ѣ видно, что древнѣйшимъ первичнымъ звукомъ въ смыслѣ историческомъ слѣдуетъ признать мягкое и, такъ какъ этотъ основной звукъ въ данномъ случаѣ въ большей или меньшей степени сохранился во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и находится въ дифтонгахъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ говоровъ; въ преобладающемъ же числѣ

славянскихъ говоровъ звукъ этотъ является въ видѣ й, слившагося съ чистыми гласными э и а=йэ—йа (иносл. іе—іа). Итакъ, историческій процессъ образованія звуковъ въ данномъ случаѣ представляютъ намъ народные говоры, въ которыхъ мы находимъ указанія на постепенный переходъ однихъ звуковъ въ другіе въ генетическомъ ихъ развитіи: и=иэ=йэ=ѣ; и=иа=йа=я. Діалектическій дифтонгъ еа болгарскаго нарѣчія, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ онъ развился, повидимому, изъ древняго звука ѣ=jэ. Судя по большей склонности перехода звука е—ѣ въ я и а во многихъ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, можно предположить, что польское и болгарское я—а на мѣстѣ ѣ развилось въ старину именно изъ этого древняго звука, произносившагося, какъ русское ѣ=йэ.

VIII.

Словарь.

Особыя слова и выраженія, встрѣчаемыя въ Ломазскомъ и другихъ говорахъ Сѣдл. губ.

А.

Або́ = или.

Абы́—др. русск.=если-бы, чтобы, лишь бы.

Авжежъ = да, конечно.

Але — др. русск. али = но, а, если же.

Б.

Баби́нець = притворъ храма.

Ба́бити = принимать младенца при рожденіи.

Багно́ — др. русск. = болото, топкое мѣсто.

Баламу́тити = подстрекать, возмущать, бездѣльничать.

Баламу́тъ = бездѣльникъ, подстрекатель.

Балія́ = лохань для стирки бѣлья.

Баранюхи́ = брусника.

Ба́рзо — польск. bardzo = очень, весьма.

Бары́лка = боченокъ.

Бастру́къ, бастру́чка = мальчикъ и дѣвочка, родивш. внѣ брака.

Ба́тькувщина = хата и земля, унаслѣд. отъ отца.

Бахо́ръ = цв. василекъ синій.

Баху́ръ, баху́рка = евр. мальчикъ и дѣвочка.

Ба́чити = видѣть.

Бэ́бэхи = внутренности.

Бэздо́ньница = бездна.

Бэзмі͡энъ = безменъ, вѣсы.

Бэрэ́зина = березнякъ, березовая роща.

Бэрэ́мэне = охапка.

Бэрэсьци́цьки — древн. русск. Берестейскій = Брестскій.

Бэрэя́къ = сосна средней величины.
Бзюча́ти = жужжать.
Биля́вы = бѣловатый.
Бичи́льне = кнутовище.
Бі͡эдка = двуколка.
Бода́й — (Богъ дай) = чтобъ, пусть.
Бо = ибо, потому что.
Бодякъ = чертополохъ.
Бо́зя (дѣтск.) = Богъ, образъ.
Боло́то = болото, грязь.
Боло́не — др. русск. = низина около рѣки.
Болёны = жалкій, болѣзный.
Благій = плохой, дурной.
Блева́ти = рвать; блеваки́ = рвоты.
Блевья́скати = вздоръ говорить, болтать.
Бле́кутъ = бѣлена.
Близна́ — др. русск. = рубецъ, знакъ послѣ раны.
Брата́нэць — др. русск. братаничь = племянникъ, сынъ брата.
Бры́дки = некрасивый, гадкій, скверный.
Бу́бнити = барабанить.
Бу́бонъ = барабанъ.
Бу͡огмэ = ей — Богу.
Будова́ти = строить.
Буды́нокъ = строеніе.
Бу́да = конура, шалашъ.
Бу́ддэнь — др. русск. будень = рабочій день, не праздникъ.
Бужни́ця = синагога.
Бу́здэрэво = раст. артемизія.
Бу́лава = палка съ утолщеннымъ концемъ въ видѣ шара.
Булва́нъ = идолъ, дуракъ.
Бухано́цъ = ржаной хлѣбъ.
Бы́ця (дѣтск.) = волъ, корова.

В.

Ва́бити — др. русск. = заманывать птицъ, подражая ихъ голосу; приглашать, звать.
Валюхова́ты = неповоротливый, медлительный.
Ва́пно — др. руск. = известь.
Вартова́ти = сторожить.
Ва́рта = сельскій караулъ.
Вартувни́къ = караульный.
Ва́шець = вы, вашъ.
Ввэ́черы = вечеромъ.
Вэ́лми—полѣс. = очень, весьма.
Вэпо́ръ, вэ́прикъ = кабанъ.
Вэрби́на = вербовая роща.
Вэрвэ́чка = оборка отъ лаптя.
Вэрэща́ти = кричать благимъ матомъ.
Вэ́ртюха = большая чашка для растиранія маку, крахмалу, укр. макотра.
Вэча́ти = ревѣть.
Вэче́рати = ужинать.

Витра́къ = вѣтряная мельница.

Вишáръ = трава, растущая на лѣсныхъ болотахъ, которую косятъ позднею осенью.

Вищáти = визжать.

Віэйка = небольшая метель.

Віэко=вѣко, крышка отъ квашни, отъ кадки.

Віэньця = верхній край горшка, кувшина и другой посуды.

Віэ-тэ = вы.

Віэхоть — др. русск. вѣхъть = ветошь, тряпка.

Вóвна = овечья шерсть.

Вовковáты = похожій характеромъ на волка.

Воднóсталь = въ одну нитку.

Вóле = зобъ у птицы.

Воліэти = больше желать, предпочитать.

Волочи́тися = скитаться, бродяжничать.

Волоцю́га = бродяга.

Волочéвнэ = даренье яицъ на Пасху.

Волахáты = косматый.

Вороти́ло = цилиндръ, на который наворачиваютъ основу.

Ворошити = шевелить.

Вóхки = влажный.

Впрóбусьць = въ сапогахъ набосую ногу.

Врóда = урожай, красота.

Всэля́кій = всякій, разный.

Всэнь = весь.

Вхопи́ти = украсть.

Вуодра = корь.

Вýйко—др. русск. вуй = дядя, братъ матери.

Выджварáтися = паясничать, фиглярничать.

Вымáти = вынимать.

Выраджáти = снаряжать, приготовлять.

Вы́рапити очи=выпучить глаза.

Вы́солопити языкъ = высунуть языкъ.

Вышки = чердакъ въ сараѣ для склада сѣна или соломы.

Вы́щирити зубы = оскалить зубы.

Въя́тёръ — польс. więcierz = вентеръ — рыболовн. снасть.

Г.

Гáитися = мѣшкать, медлить.

Гай — др. русск. = роща.

Гáйты (дѣт.) = гулять.

Гáлка = шаръ.

Гáмати (дѣт.) = кушать.

Гáнити = порицать.

Гарашкóваты (отъ горохъ) = кудрявый, курчавый.

Гарбýзъ = круглая тыква.

Гáрдити = пренебрегать.

Гарчáти = ворчать.

Гати́ти = дѣлать гать, греблю.

Гэнъ-гэнъ = вотъ тамъ.
Гэтъ = прочь, вонъ!
Ги́дки = тошный.
Ги́дко = тошно.
Ги́нши = иной, другой.
Ги́ша (др. русск. гижъ = коршунъ) = окрикъ на куръ.
Гладышка = кувшинъ съ широкимъ горлышкомъ.
Глуодъ = боярышникъ.
Гни́лка = гнилая груша (плодъ).
Гнучкій = гибкій.
Гóди = довольно.
Годи́на — др: русск. = часъ.
Годова́ти = воспитывать, содержать.
Году́нъ, году́нка = пріемышъ, воспитанникъ.
Годи́ти = мирить, договаривать.
Гóжи = добрый, ласковый.
Гой = чудакъ.
Гóйдатися = качаться.
Гóйданка = качель.
Гóйны = щедрый, великодушный.
Гóкати = кричать въ лѣсу: го-го-го! звать.
Голёпа = голень.
Голёпáты = голенастый.
Голёкати = кричать въ лѣсу; звать.
Голосны́й = громкій.
Гóлосно = громко.
Голя́ка, голячка = вѣтвь, вѣтка.
Голопу́пэць — др. русск. голопупъ = неоперившійся птенчикъ.
Голóта = голытьба.
Горá = гора, чердакъ.
Гóраче = жарко.
Госьци́на = угощеніе.
Госьци́нэць = трактъ, млечный путь.
Господаръ = земледѣлецъ, хозяинъ.
Господáрити = хозяйничать.
Грáдка = шесть для вѣшанья платья.
Гру́бая = толстая, беременная.
Громáда = сельскій сходъ.
Грыбъ = бѣлый грибъ, боровикъ.
Гу́бы = губы, грибы.
Гужа! = окрикъ на собакъ, чтобы онѣ кусали.
Гукъ = отголосокъ.
Гу́кати = кричать: гу-гу, гу; звать.
Гуля́ти = бражничать, пьянствовать.
Гу́матный = мѣшковатый (объ одеждѣ).
Гумэнэ́ць = дворъ между сараями.
Гу́пачъ = водяной быкъ, выпь.
Гурбá = стадо, толпа.
Гу́рнули = ринулись.
Гучáти = гудѣть.

Ґ (G).

Ґáґавка = кадыкъ, Адамово яблоко.

Ґáня = коршунъ.

Ґардзю͡олка—польск. gardziel= гортань.

Ґезъ = насѣк. строка, отъ котораго разбѣгается скотъ.

Ґерґотáти = говорить по-жидовски.

Ґьзúтися = разбѣгаться (о скотѣ).

Ґидзúкати = щекотать.

Ґидзúкавка = щекотанье.

Ґлёнокъ хлі͡эба=кусокъ хлѣба.

Ґозьдзь = гвоздь.

Ґрунтъ = земля, пашня.

Ґузъ = пуговица.

Ґузолъ = узелъ.

Д.

Дарэмнúкъ = даромъ работающій.

Двурэ́цъ = дворъ возлѣ хаты.

Дэржáва = аренда, посессія.

Дэржáвця = арендаторъ.

Дэржáкъ = ручка лопаты.

Дзёбати = ударять остріемъ по дереву.

Дзикъ = дикій кабанъ.

Дзю́бати = клевать.

Дзюбъ = клювъ.

Дзюрá = дыра.

Дивáчитися = чудачить.

Дивú-дивú = удивительно.

Дивоснýбы = сватовство.

Дижá — татарск. = квашня, кадка.

Ді͡эдъ = дѣдъ, нищій.

Ді͡эдовщина = хата и земля, унаслѣдован. отъ дѣда.

Дмýхати = дуть.

Добы́токъ = скотъ.

Доглядáти = присматривать, ухаживать.

Долóня = ладонь.

Дрэгэлúны, дрэглі͡э = студень.

Дубúна = дубнякъ, дубовая роща.

Дýжатися = бороться.

Дýжи = сильный.

Дýже = много.

Ды́бати = брести, тихо итти.

Дя́дина = жена дяди.

Дя́дько = дядя.

Дя́ковати = благодарить.

Ж,

Жáба = лягушка

Жáборотине = лягушечья слизь въ водѣ.

Жаврі͡эти = разговаривать, балагурить.

Жáдны = никакой, никто.

Жартова́ти = шутить.
Жва́вы = быстрый.
Же́жко — полѣсск. = жарко.
Жену́ = гоню.
Жерэло́ = вод. жила, источ.
Же́рти = жрать.
Жеру͡обка = молодая кобыла.
Живи́ця = смола на соснѣ.
Живэ́ на ві͡эру = внѣбрачное сожительство.
Жи́жа (дѣтск.) = огонь.
Жиръ = птичій кормъ въ лѣсу, въ полѣ.
Жиру́ютъ = ищутъ кормъ (о птицахъ).
Жмэ́ня = горсть.
Жовтолы́чка = желтолозникъ.
Журъ = похлебка изъ ржаной муки.
Журавли́ны — клюква.
Жури́тися = безпокоиться, хлопотать, печалиться.
Журба́ = хлопоты, безпокойство, печаль.

З.

Заблю́щити очи = закрыть глаза.
Забро́нтати = запутать нитку, веревку.
Забу́дько = забывчивый.
Завзя́ты = упрямый, злопамятный.
Зага́дувати = задумать, предполагать.
Задрі͡эпаны = съ загрязненнымъ подоломъ платья.
Зазу́ля = кукушка, божья коровка.
Закомоси́вся = засуетился.
За́куска = тушоная свинина.
Залёпатися = замочить подолъ платья.
Залёпаны = забрызганный.
Заму́рзаны = испачканный.
Заму́раны = тоже.
Засі͡экъ = сусѣкъ, закромъ.
Заті͡эрка = похлебка изъ муки.
Затули́ти = закрыть.
Зату́лка = крышка.
Затю͡онливы = упрямый, злопамятный, злобный.
Зачаи́тися = сдѣлать засаду.
Здра́дити = измѣнить, обмануть.
Здрада = измѣна.
Здрі͡элы = зрѣлый.
Здумі͡экатися = недоумѣвать.
Здурі͡эти = одурѣть.
Зэлі͡эзникъ = желѣзная лопата.
Зикра́ты = пучеглазый.
Знуча́тися = издѣваться, насмѣхаться.
Зора́ = звѣзда.
Зу͡орно = звѣздно.
Зю́зя (дѣтск.) = холодъ.
Зябли́ти = пахать на зябь.

Й.

Йі͡эзъ — др. русск. ѣзъ, езъ = заколы въ рѣкѣ.

Йі͡эжъ = ёжъ.

Йі͡эрха — татарск. = собачья шкура.

Йі͡эдло, йидá = ѣда.

К.

Кадýкъ = злой духъ.

Калакýтъ, калакутка = пѣтухъ и курица особой породы.

Каламýтити = взбалтывать воду.

Каламýтная = мутная, грязная вода.

Калатáти = раскачивать.

Калатáтися = раскачиваться, окалачиваться, коротать.

Калдýнъ = желудокъ животнаго.

Калúтка = кожаная сумка для огнива.

Калямáръ — татарск. = чернильница.

Каплýнъ = тюря; откормленный пѣтухъ.

Кві͡этка = цвѣтокъ.

Кéльня = плетенка изъ лозы для воза.

Кéньдюхъ = желудокъ животнаго.

Кепковáти = шутить, трунить.

Кéрнозъ = некастр. кабанъ.

Кúла — др. русск. = грыжа.

Кúлавы = страдающій грыжей.

Килúмъ, килúмокъ — татарск. = шерстяное полосатое одѣяло домашняго издѣлія.

Кихúкати = покашливать.

Клеку͡отка = трещетка.

Кнúгавка = чайка.

Кны́хаю = чуть дышу, чуть живу.

Кобы́лка = иволга.

Кожýхъ = полушубокъ, тулупъ.

Козакъ = гр. подосиновикъ.

Козаковáты = похожій на козака, молодцоватый.

Колотúтися = ссориться.

Колотэ́ча = ссора.

Колупáти = ковырять.

Колы́шка = большая продолговатая корзина, колыбель.

Комэню́хъ = трубочистъ.

Комóра = кладовая, таможня.

Кому͡орникъ = судебный приставъ.

Кóнче = непремѣнно.

Копáнька = укр. почвы—дерев. посуда для стирки бѣлья.

Копáчка = сапа.

Копры́ва = крапива.

Каркулёвáти = соображать.

Карачу͡онъ = корявое дерево.

Корóбка = плетенка изъ соломы

для ношенія зерна во время сѣянія.

Кóропъ = жаба.

Кортитъ = хочется.

Корчъ = кустъ.

Костэрэ́ва = раст. костеръ; кострика.

Коцюбá = кочерга.

Кошіэль = котомка изъ липоваго лыка.

Кошлáкъ = ломкая крушина.

Кошутá = хвои, иглы на соснѣ.

Крайка = кромка; поясокъ изъ обрѣзка сукна или изъ другой матеріи.

Красноголóвэць = березовый грибъ.

Крэ́йда = мѣлъ.

Крэси́ло = огниво.

Кріэсло = стулъ.

Крýпникъ = супъ изъ крупы и картофеля.

Крутіэль = плутъ, проныра.

Крутоголóвэць = пт. вертошейка.

Кубáра = кубышка изъ коры для ягодъ.

Кудыі́сь = куда-то.

Кýжель = пенька.

Кужіэльны = холщевой.

Кýздрати = ковырять, мѣшать въ печкѣ угли, дрова.

Кульгáвы = хромой.

Кульгáти = хромать.

Куля = пуля, костыль.

Кумовáти = быть воспріемникомъ.

Кумпъ = окорокъ.

Кунчáнэ = живущіе на окраинѣ села.

Куопка = печурка съ лѣвой стороны печи для углей и золы.

Кýпа = куча.

Купинá = кочки на болотѣ.

Кýрава = пыль.

Кýрочка = курочка, куриная слѣпота, Малая Медвѣдица.

Куснúкъ (отъ коса) = лента.

Кутъ = уголъ.

Кутя̀ = супъ изъ ячной крупы.

Л.

Ланъ = помѣщичье поле, земля.

Лáсы = жадный.

Латáте = раст. калужница болотная.

Лéлякъ = пт. козодой.

Лескли́вы = льстивый.

Лéстки = лесть.

Лисóха = осока лѣсная.

Лихі́й = злой, сердитый.

Лищи́на = орѣшникъ.

Ломáче = хворостъ.

Лóнка—польск. Łąka = лугъ.

Лонóкъ = чека.

Лóньськи руокъ (въ др. гов.) = прошлый годъ.

Лохи́ны = яг. голубика.

Ло́хнути = грустить, тревожиться.

Лу͡ой = бараній жиръ.

Лу́ки — полѣсск. = лугъ.

Луна́ = зарево.

Лупи́ны = шелуха отъ овощей.

Луска́ = чешуя.

Лы́кати = глотать.

Лю́бка = любимецъ, любимица.

Лю́бощи = любовь, ухаживанье.

Людя́ = вообще человѣкъ.

Лю́цьки = людской, чужой.

Люлька = трубка.

Лядá чи, лядáщи = злой, скверный, худой.

Ля́ля (дѣтск.). = ди́тя.

Ляховэ́цьки = ляцкій.

Ляшня́ = ляхи.

М.

Маковэ́ртъ = пестъ для растиранія мака, крохмала.

Ма́кухъ = макуха, выжимки изъ льняного или коноплянаго сѣмени.

Мара́ = привидѣніе, призракъ.

Мару́да = мямля.

Мару́дити = мямлить, бездѣльничать.

Маслю́хъ = гр. масленникъ.

Мати́не — др. русск. натина = листья корнеплодныхъ растеній.

Матэри́нщина = наслѣдство послѣ матери.

Ма́яти (въ пѣсн.) = краснѣть, красоваться.

Мирковáти, мъярковáти = мариковать, соображать.

Млинъ, млынъ = мельница.

Млю͡онъ = шестъ для ручной мельницы.

Молоди́ця = молодая замужняя женщина, молодка.

Молоки́та = корзиночная лоза.

Молочáкъ = сельдь съ молоками; икрáкъ — съ икрой.

Моло́зиво = первое молоко отъ отелившейся коровы.

Мони́стъ = раст. цикута.

Мозу͡оль = язва, рана.

Моцё (дѣтск.) = молоко.

Мочимо́рда = горькій пьяница.

Мотузо́къ = веревка.

Мрэць = мертвецъ.

Мучáти = мурлыкать, бормотать.

Мудровáти = шалить.

Мудрагэ́ль = умникъ (ирон.).

Мурáха = муравей.

Мути́ти = возмущать, обманывать.

Мы́рка, ны́рка = почка животнаго.

Мэ́рва = сѣнная труха.

Мэ́та = обозначенное мѣсто, до котораго бѣгутъ или бросаютъ что-нибудь во время игры.

Мэ́тра = землемѣръ.

Мэтэлю́га = метель, буранъ.

Мэтэ́нька = лопаточка, которою точатъ пескомъ косу.

Н.

На-вмі͡э = въ умѣ, на умѣ.

На́впа — польск. małpa = обезьяна.

Навпа́къ=въ противоположную сторону.

Навы́лютъ = напролетъ, насквозь.

Нагави́ци = холщевые штаны, портки.

Нагу́ла = безтолковый.

Напуцьня́ти = разбухнуть (о горохѣ и бобахъ).

Нарэ́сьци = наконецъ.

Нару͡ожникъ—укр. налы́гачъ= веревка на рогахъ воловъ.

Натакру͡окъ = на будущій годъ.

Натру́тъ = вередъ.

На́тще = натощакъ.

Нахля́тися = напиться водки, нализаться.

Нэ-дорі͡эчи = не кстати.

Нэду́жи = безсильный, нездоровый.

Нэзду́жае = нездоровится.

Ни́пати = слоняться, бродить въ поискахъ.

Нучлі͡э = ночлегъ, ночное въ лѣсу съ лошадьми, волами.

О.

Оба́пулъ = по обѣимъ сторонамъ рѣки; доска съ выпуклой стороной.

Обэрэ́мокъ = охапка.

Обі͡эдъ = парадный или праздничный обѣдъ.

Обі͡эручъ = обѣими руками.

Облу͡огъ = заброшенное поле съ слѣдами грядокъ и бороздъ.

Обрэ́скъ = опухъ, обрюзгъ.

Обру́сокъ = скатерть.

О́болоко = облако.

Оболока́тися = надѣвать бѣлье.

Обры́днути = опротивить, надоѣсть.

Обры́дло = опротивило, надоѣло.

Одли́га = оттепель.

Одрыга́еться = дѣлается отрыжка.

Одяга́тися = одѣваться.

Ожи́ны = ежевика.

О́жухъ = палка съ обожженнымъ концемъ.

Окро́мэ = отдѣльно.

Окра́са=приправа—сало,масло.

Окраси́ти = приправить.

Окру͡опъ = кипятокъ.

Окру́шокъ = кусокъ хлѣба.
Оно́що = едва, чуть-чуть.
Ополо́никъ = разливная ложка.
О́рабъ = дер. рябина.
Ота́ва = второй урожай травы.
Отсю͡оль = отсюда.
Отту͡оль = оттуда.
Охля́бъ = истощился, ослабѣлъ.
Охні͡элы = осуновшійся, ослабѣвшій, осоловѣлый.
Охо́жа = большое болото.
Очмана́ = чудище, странное существо.

П.

Палю́хъ = вареникъ.
Паль = свая, высокій колъ.
Па́па (дѣтск.) = хлѣбъ.
Папру́жка = кожаный поясъ.
Пара́люшъ = параличъ.
Па́рубокъ = годовой работникъ.
Па́стовэнь = выгонъ около села, гдѣ пасется скотъ.
Па́сэрбъ, пасэ́рбиця — др. русск. = пасынокъ, падчерица.
Патоні͡эти = говорить вздоръ, сплетничать.
Патона́ = сплетникъ, болтунъ.
Паты́къ = кусокъ палочки, или вѣтки безъ листьевъ.
Па́ша = пастбище, кормъ.
Паще́нка = пасть.
Пацюрова́ти = молиться по-еврейски.
Пэкъ тобі͡э = чуръ тебѣ.
Пэрэбэ́ньдювати = превередничать.
Пэрэла́зы = огорожа изъ жердей.
Пэрэкобі͡элы = быкъ или корова черной масти съ бѣлой полосой поперекъ туловища.
Пэрэкрывля́ти = копировать, передразнивать.
Пэрэкомара́тися = подшучивать, подразнивать.
Пэсьти́ти = баловать.
Пэсти́тися = нѣжиться.
Пэсту́нъ = баловникъ.
Пэ́цкатися = пачкаться.
Пигу́ля = юбка.
Пиру͡огъ = пшеничный хлѣбъ.
Пла́хта = рядно.
Плесъ = глубокое мѣсто на болотѣ, гдѣ всегда находится вода.
Плеско́ваты = плоскій.
Плетюха́ = сплетникъ.
Плётки = сплетни.
Пле́ще въ долони = хлопаетъ въ ладоши.
Плисна́ = плѣсень.
Плишни́къ = аиръ обыкновенный, татарское зелье.
Плю́ска = клопъ.
Повіэсмо = пряжа на прялкѣ.

Пога́нка = лихорадка.
Пога́ны = дурной, скверный.
Пога́нинъ = язычникъ.
Подъю́дити = подговорить, подстрекнуть.
По́дэсь = прялка.
Позиха́ти = зѣвать.
Пойида́тися=ссориться, грызться.
Поканя́ти — попачкать.
Покому͡орникъ = квартирантъ.
По́лапъ = потолокъ.
Поли́ця = полка.
Поло́нка = полынья, прорубь.
Половы́й = сѣроватой масти.
Полу́дэнь = полдень, обѣдъ въ въ будни, югъ.
Полу́дновати = обѣдать въ будничный день.
Полю́дяны=похожій на добрыхъ людей.
Попэра́чникъ = поперечная грядка.
Порохно́ = древесная труха.
По́торочь = женщина дурного поведенія.
По́тэребы = мѣсто, гдѣ вырубленъ лѣсъ.
Потруча́ти = посбивать плоды съ дерева.
Поты́лиця = затылокъ, задняя часть шеи.
Почи́нокъ = веретено съ нитками.

Пра́диво = пряжа.
Пра̀дка = пряха.
Пра́ти = стирать.
Прачъ = валекъ.
Пра̀чикъ = головастикъ.
При́зьба = завалинка.
Прикмі͡этилося = причудилось, показалось.
Прійма̀чъ = зять, живущій у тестя.
Пру͡орва = пропасть.
Псова̀ти = портить.
Псяма́тькати = ругать по матушкѣ.
Пуга́чъ = филинъ, сова.
Пу́дити = гнать.
Пудво́ле = подгрудокъ.
Пудпэрэза́тися = подпоясаться.
Пу́рхватка = гр. дождевикъ.
Пухі͡эръ = пузырь.
Пу͡олка = передникъ.
Подкулити хву͡остъ = поджать хвостъ.
Пха́ти = толкать.
Пхи́кати = хныкать.
Пыжъ = колышекъ, которымъ прикрѣпляется ярмо къ дышлу воза или саней.
Пыскъ = високъ, лицо.
Пы́ха = гордость.

Р.

Раби́на = яг. рябина.

Рабовáти = грабить, марадерствовать.

Работи́не = веснушки на лицѣ.

Рабы́й = рябой, пестрый.

Рáдити = совѣтовать.

Радá = совѣтъ.

Разурáзъ = постоянно.

Рàптомъ = вдругъ, внѣзапно.

Райскіи двэры = царскія врата, иноностасъ.

Рáкомъ = на четверенькахъ.

Рáлити = перепахивать поле послѣ вспашки на зябь.

Рáло = сукъ — толстая вѣтвь, идущая отъ ствола.

Ратовáти = спасать, помагать.

Ратáй — др. русск. = пахарь.

Рэготáти = громко смѣяться, хохотать.

Рэ́шта = остатокъ, послѣднее.

Ризóха = осока рѣзунъ.

Рі͡эпулуска = пт. рѣполовъ.

Рі͡эчь = вещь.

Робáкъ = червякъ.

Розьдзя́вити гу́бу = раскрыть ротъ.

Роздзя́ва = ротозѣй.

Рóдичъ = родитель, отецъ.

Росянó = большая роса.

Роскотóрханы = съ растрепанными волосами.

Росковы́рати = разбаловаться, испортиться.

Ростьы́цяти = пороспихивать, размѣстить.

Ростэ́ча=ростепель, распутица.

Росхрі͡эманы = съ растегнутымъ воротомъ рубашки или платья.

Руды́й = рыжій.

Руздвяны́й = рождественскій.

Ру́нити = цвѣсти (о хлѣбахъ).

Ру́но = овечья шерсть, цвѣтъ на хлѣбахъ.

Ру́хаетьця = всходитъ, подымается тѣсто.

Ря́жка = лоханка для помой.

С.

Сáло = свиное внутреннее сало, сдоръ.

Сварыбаба = плаунъ аптекарскій.

Сварыти = журить, ругать.

Сварытися = ссориться, ругаться.

Свáрка = ссора.

Свэрби́тъ = чешется, зудитъ.

Свэрсту́нъ = кузнечикъ.

Свэрдёлокъ = буравъ.

Свэрді͡эти = сверлить.

Сві͡этокъ = др. русск. видокъ= свидѣтель.

Свояќъ = родственникъ.

Сэстрэ́нэцъ = племянникъ, сынъ сестры.

Сёрбати = хлебать.
Сі͡эдало = нашестье для куръ.
Сиду́нъ = фасоль низкорослая.
Синя́къ = синякъ, гр. красикъ.
Скорóдити = боронить вспаханный паръ.
Скру͡озь = вездѣ.
Ску́ла = рожа.
Ску͡оль? = откуда?
Слипáкъ = насѣк. слѣпень.
Слипу͡отка = раст. лютикъ.
Слухня́вы = послушный.
Слязь = селезенка.
Смáга = накинь, изжога.
Смáжити = жарить.
Смáлець = топленый жиръ.
Сьмитю́хъ = хохлатый жаворонокъ.
Смолю́ховата = темно-сѣрая (корова).
Сморóдина = черная смородина; пори́чки = красная.
Сму́тны = печальный.
Снэдáти = завтракать.
Снэдáне = завтракъ.
Солоду́ша = простокваша.
Солóдки = сладкій.
Солони́на = свиное наружное сало.
Сокоры́на = осокорь.
Сороку͡ошъ = сорокопутъ.
Сóсна = высокая и толстая сосна.
Сподóбатися = понравиться.
Спру́тнути = погибнуть умереть.
Спы́нити = остановить скотъ и направить его въ другую сторону.
Стагóвка = кадка для капусты.
Стáи = перегонъ — мѣра длины вспаханнаго поля.
Стамту͡оль, сту͡оль = оттуда, отсюда.
Старшинá = офицеры.
Стэгнó = бедро.
Стэ́жка = тропинка.
Стэрнó = жнивье.
Стрáва = жидкое кушанье.
Страхополóхъ = дурманъ.
Стрильбá = ружье.
Стрі͡эха = соломенная крыша.
Стрый — др. русск. = дядя, братъ отца.
Студэнэ́ць = окрошка изъ квасу, огурцовъ и луку.
Сту́жка — плетенка изъ соломы въ видѣ огромнаго кувшина для зерна, отрубей и т. п.
Стулéць = короткая скамейка.
Субу͡отникъ = помянникъ — книжка для вписыванія именъ умершихъ для поминанія въ поминальныя субботы.
Сукáдло = снарядъ для навивки нитки на цѣвку.
Сукня́нки = штаны изъ самодѣльнаго сукна.

Сукма́нъ = верхняя суконная одежда у крестьянъ.

Суля́ти = вилять, уклоняться, безцѣльно бродить.

Сумле́не = совѣсть.

Су́тки = узкій проходъ между сараями.

Сьципі͡эрэ = листья лука, чеснока.

Сьцю͡онъ — (отъ стянути) = тонкій ледъ, по которому нельзя ходить.

Т.

Такру͡окъ = прошлый годъ.

Тара́нъ = тараканъ.

Тарата́йка = двуколка, на которой возятъ соху.

Тэлі͡эга = тоже.

Тэрэби́ти = карчевать, вырубливать съ корнемъ деревья и кусты.

Тэрти́ця = доска.

Тэ́ртка = снарядъ для перетиранія льна и конопли.

Тэ́сля—др. русск. тесль = плотникъ.

Той, тамтой = этотъ, тотъ.

Тра́питьця = случится.

Трачъ = пильщикъ.

Трэбэза́ = густая поросль на болотѣ или рѣкѣ.

Трэмэли́на = бересклетъ бородавчатый.

Трі͡эска = щепка.

Трэпа́чка = лопатка для выбиванія кострики.

Тросьцина́ = тростникъ, камышъ.

Труна́ — польск. trumna = гробъ.

Трыкъ = некастр. баранъ.

Тры́мати = держать.

Тры́чи = трижды, три раза.

Тхну́ти = дохнуть.

Ты́ждэнь = недѣля.

Ты́цяе = бредетъ, тихо ходитъ.

Тычку́нъ = фасоль, вьющаяся на тычинкахъ.

Тю́тя (дѣтск.) = курица.

Тя́мити — польск. = помнить.

Тя́ти — др. русск. = рубить.

Ф.

Фалю́шъ = сукновальня.

Фальбо́ны = оборки на юбкѣ.

Фамилія = родня.

Фа́ньте = бѣлье и платье.

Фа́рба = краска.

Фарбова́ти = красить.

Фи́ѓа = инжиръ, кукишъ.

Фра́нцы = сифилисъ.

Францова́ты = сифилитикъ.

Фу́зія = ружье.

Фульвáрокъ = помѣщичья усадьба.

Фу͡ора = возъ.

Фу́рманъ = возница.

Фурмáнка = подвода.

Фурмановáти = заниматься извозомъ.

Х.

Хамъ, хаму́ла, хáмська потыилиця = невѣжа, грубіянъ.

Хватъ, хвáцьки = молодецъ, молодецкій.

Хвои́на = сосновая поросль, молодой сосновый лѣсъ.

Хворóстъ = лознякъ, изъ котораго дерутъ лыка для лаптей и дѣлаютъ плетень.

Хибá = развѣ.

Хили́тися = клониться.

Хиру́сны = жалкій, бѣдненькій.

Хитáти = шатать.

Хня́вати = упрашивать, канючить.

Хмáра, хмура = туча.

Хму́рно = пасмурно.

Ховáти = прятать; хоронить.

Ходáкъ = кожаный лапоть.

Холява = голенище.

Хортъ = борзая собака.

Хорі͡эти = болѣть, хворать.

Хорóба = болѣзнь.

Хóры = больной; хоры.

Хорóши = красивый.

Хорошé = красиво, хорошо.

Хорóленьки = красивенькій.

Хоруствó = добро, красивыя вещи.

Хрибэ́тъ = спина.

Хрущъ = майскій жукъ.

Худы́й = тощій, худощавый.

Худóба — полѣс. = скотъ.

Ху́стка = платокъ.

Ху́ста = грязное бѣлье.

Ху́тко = скоро, быстро.

Ху́хати = дуть въ руки въ морозъ.

Ц.

Цáцка = игрушка.

Цацкáтися = забавляться чѣмъ нибудь.

Цэ́саръ — др. русск. цесарь = императоръ, царь.

Цёнґле = постоянно.

Цёпати = сѣчь зелье, картофель для свиней.

Цёся (дѣтск.) = лошадь.

Цвэкъ = звоздикъ.

Цвирку́нъ = сверчокъ.

Цьвинтáръ = церковный погостъ.

Цьковáти = травить собаками.

Ци, чи — др. русск. ци = ли, развѣ.

Цибу́ля = лукъ.

Цибу́къ — татар. = чубукъ.

Циди́лко = ситечко для процѣживанія молока.

Цика́вы = любопытный, любознательный.

Ципи́льне = палка цѣпа.

Ци́цька = соска, грудь.

Цні͡эти = чахнуть.

Цыга́нчикъ = складной ножикъ съ деревяннымъ черенкомъ.

Цы́ня (дѣтск.) = свинья.

Цыть, цытьтэ! = молчи, молчите, молчать!

Цюрко́момъ тэче = струей течетъ.

Цю́ся (дѣтск.) = собака.

Цюхъ = песъ.

Ч.

Ча́пля = цапля.

Чапі͡эти=стоять безъ дѣла, торчать.

Частова́ти = угощать.

Чарі͡энъ = нижняя часть печи, гдѣ печется хлѣбъ.

Челяні͡эти = упрашивать, канючить.

Че́плятися = цѣпляться.

Че́рва = червяки, гусеницы.

Че́рга = очередь для помола.

Че́рэво = брюхо.

Черэва́чъ = брюхачъ.

Черэви́ки = башмаки.

Черэда́ = стадо.

Черэ́мха = черемуха.

Четвэрти́на = четверть волоки.

Чи́жикъ = пт. чижъ, игр. волчокъ.

Чи́жмы = высокіе башмаки.

Чижпа́къ? = развѣ?

Чира́нка = утка чирокъ.

Чмі͡эль = шмель.

Чолові͡эчки = зрячки.

Чо́хатися = чесаться.

Чубры́на = в.-рус. чупрунъ, вихоръ.

Чубъ = хохолъ, вихоръ.

Чу́ти = слыхать, слышно.

Чу́тка = слухъ, молва.

Чухра́ти = чесать ленъ, шерсть.

Ш.

Шадъ = иней.

Шала́та = салатъ.

Шалёны = сумашедшій.

Шалі͡эти = съ ума сходить, бѣситься.

Шапкова́ти = упрашивать.

Шаткова́ти = рѣзать капусту, мельчить.

Шепэля́ти = шепелявить.

Шепши́на = шиповникъ.

Ши́дити = насмѣхаться.

Шкло, скло = стекло.

Шлапа́къ = большіе бобы.

Шпакъ = скворецъ.

Шпакова́ты = пестрый, съ просѣдью.

Шпанці͡эрокъ = куртка.
Шпиѓъ = мозгъ въ костяхъ.
Шпихі͡эръ = амбаръ.
Шту́рхати = толкать.
Шпоры́хъ = спорынья, спорышъ.
Шу́бэниця = висѣлица.
Шука́ти = искать.
Шуля́къ = ястребъ небольшой породы.
Шу́хна = самка овца.

Щ.

Щабэ́ль = ступенька лѣстницы.
Щаву́хъ = щавель.
Шва́ѓоръ = шуринъ.
Щелю́ба = щель.
Щі͡эльны = плотный.
Щі͡эрэць = крупный рѣчной песокъ.
Щі͡эры = сердечный, искренній.
Щовэ́чуръ = каждый вечеръ.
Щодэ́нь, щодня́ = ежедневно.
Щомі͡эсяця = ежемѣсячно.
Щонэді͡эли = каждое воскресенье.
Щону͡очь, щоно́чи = каждую ночь.
Щора́нку = каждое утро.
Щору͡окъ, щоро́ку = ежегодно.
Щоты́ждэнь = еженедѣльно.
Щупа́къ = большая щука.
Щуръ = крыса.

Ю.

'Юдитися = дразнить.
Ютрэдня = утреня.
'Юха́ = кровь гада.
'Юшка = уха, жидкость въ кушаньѣ.

Я.

Яглы́ = пшено.
'Яѓрэстъ = крыжовникъ.
Ядрынóе збу͡оже = полнозерный хлѣбъ.
Ядрó = ядро, сѣмя тыквы.
'Ядуха = удушливый кашель.
'Ядушливы = страдающій удушливымъ кашлемъ.
Яли́на = ель.
Яловэ́ць = можжевельникъ.
'Яловая корова — корова, не имѣющая теленка.
'Яловичина = говядина.
Ялóшка = телка.
Ярына́ = яровой хлѣбъ.
Яру́га = глубокая лужа въ оврагѣ.
'Ярка = шерсть съ ягненка.
'Ясна = дёсна.
'Ящурка = ящерица.
'Ятка = мясная лавка.

ДОБАВЛЕНІЕ.

Ажъ = такъ что.
Ажеáжъ = черезчуръ.
Бáйки—укр. байдуже = ничего себѣ.
Бли́кати = мерцать.
Блискáти = сверкать.
Бли́скавка — молнія.
Блищачкїй = блестящій.
Блю́кати = моргать.
Ботви́не = ботва.
Бу́си — дѣтск. = поцѣлуй.
Впэршъ = прежде.
Вы́ступци, паты́нки = туфли.
Вчáдити = угорѣть.
Гáлами задэ́ръ = ногами задралъ.
Ги́кавка = икотка.
Головóю наложи́въ = погибъ, убитъ.
Ґóльнути = ударить, треснуть.
Гу́бка = древесный грибъ.
Дбáти = заботиться.
Дригу͡отка = дрожь.
Друйкїй = горьковатый.
Жадáти = желать.
Зáвше, зáвжды = всегда.
Збанóкъ = кувшинъ.
Зусю͡оль = отовсюду.
Зыркъ = глядь.
Зы́чити = желать.
Канчу́къ = плеть, кнутъ.
Кишéня = карманъ.
Ку͡опно = много снѣгу на дорогѣ.
Лáпати = ловить.
Лéщи = прессъ для выжимки меду.
Лéмати = бѣжать (о свиньяхъ).
Лящи́тъ = гремитъ, громко звучитъ.
Лякáти = пугать.
Муравни́къ = муравейникъ.
Нэ дáти рáды = не въ силахъ, что-нибудь сдѣлать.
Нэ ру́хати = не трогать.
Ну́дити = скучать.

Нурковáти = нырять.
Нутрáкъ = полукастр. кабанъ.
Одбобóвчивъ губу = оттопырилъ губы.
Отбобóвчены оттопыренный.
Ошукáти = обмануть.
Пазýръ = ноготь, коготь.
Пэрэпэли́ця = перепелъ.
Пэрэпроси́ти = извиниться.
Припынити = остановить, образумить.
Прочкнýтися = проснуться.
Пры̀кры = приторный.

Пы́ля — полѣс. = подлѣ, возлѣ.
Пудполóникъ = коржъ, испеч. подъ пламенемъ.
Пýгавыця = полѣс. = бечевка.
Позы́чити = одолжить.
Труи́ти = отравлять.
Схвóстаны — польск. schłostany = битый.
Фáля — укр. хвыля = волна.
Хобурскій = вспыльчивый.
Чадъ = угаръ.

Опечатки, погрѣшности и поправки.

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
2	5 сверху	здоровіэй	дэрэвіэй
3	12—13 св.	въ двоегласіе	въ двугласную
—	10 снизу	овтóръ	овтáръ.
6	7 сверху	только косвенныхъ	только въ косвенныхъ
7	2 »	въ бѣлорусской рѣчи	въ полѣсской рѣчи
—	прим. 2-е	протяжно надо	протяжно. Надо
—	—	обитателями	у обитателей
8	15 сверху	(хóчу-хотѣли).	при хочу-хочуть.
—	12—13 сн.	своего вырожденія	къ вырожденію
9	3 сверху	полюцьки	по-люцьки
10	10 »	въ однозвучые	въ отзвучные
—	7 снизу	не ясное	неясное
11	12 »	фóрба	фáрба
12	11 сверху	ряжкá	ря́жка
13	7 »	гидзи́ковка	ґидзи́кавка
—	7—8 сн.	дзвиниця, (подземный ключъ)	джерело (подземный ключъ)
—	4—5 »	окóньце, сóньце, ци́цька	окóньця, сóньцю, цицы́
14	14 сверху	звуками ц	звукомъ ц
—	4 снизу	руовмно	руомно
15	8 сверху	гласныхъ	согласныхъ

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
16	6 сверху	вт: Втома, Матвтэй	фт: Фтома, Матфтэй
—	12 »	на именахъ Хвэдоръ и Мавтэй	на имени Мавтэй
17	9 снизу	бóрщу	борщý
18	10 сверху	купчáнэ	кунчáнэ
—	13 »	разбу͡ойпикуовъ	розбу͡ойникувъ
—	прим. 2-е	косапу͡овъ	косару͡овъ
19	4 сверху	пэ́ри	пэ́ра
—	5 »	кáмэнями	камэня́ми
21	4 снизу	дивiáта	дивчáта
—	3 »	дивiатъ	дивчáтъ
24	7 снизу	чэ́рвоны	червóны
26	1 сверху	по большей частью	они по большей части
—	14 »	бi͡эдныи	бi͡эдны
28	1 снизу	три óкна	три окнá
29	1 сверху	оденъ-еденъ	одёнъ-едёнъ
—	13 снизу	ку͡ождёнь, всэля́кiи	ку͡ождёнъ, всэля́ки
31	15 сверху	чiейй	чiейи
—	16 »	всю͡ои	всю͡ой
—	10 снизу	такъ же	также
—	прим. 1-е	предл.	твор.
32	14 сверху	щая	шая
—	5 снизу	хóчуть	захóчуть
33	6 »	Во множ. числѣ	Глаголъ во множ. чис.
34	14 св. и сн.	нэхъ	нэхъ или нэхай
—	2 снизу	польскаго	древнерусскаго
35	10 сверху	ржэ	иржэ́
—	14 снизу	гучи́тъ	гýпае
—	1 »	куплены - куплена, куплено	кýпъёны, на, нэ
36	10 сверху	дѣйствительнаго залога	дѣйствит. и сред. зал.
—	16 »	а причастiя	и причастiя
38	1 снизу	великорусскiй	великорусскiе пред.
39	1 »	ни, якъ-такъ, чомъ,	По недосмотру включены въ число союзовъ.
40	1 сверху	для чого, нащо, що-нэбудь, сь (дэсь, якiйсь, колись),	

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
40	6 сверху	що-нибудь	що-нэбудь
41	8 »	стэгнэ́ обуэ́ръ	стэгнó обдэ́ръ
44	5 снизу	що ты	що то
47	7 сверху	выджворáюцьця	выджварáюцьця
—	4 снизу	цорыцёю	царыцею
—	2 »	цорыця	царыця
48	8 сверху	оборанки	обарáнки.
—	13 »	Жи́литися	Жáлитися
50	7 »	йихи	йихъ
82	14 »	ворыла	варыла.
—	13 снизу	сторшина	старшина
86	9 сверху	въ ночи	въ ноги
92	3 »	зэлэненьки	зэленэ́ньки
102	5 снизу	Я якую?	А якую?
121	6 сверху	Бу͡овдя	Ву͡овдя
124	12 »	найболѣе	наиболѣе
125	11 »	Вилоголовый т. д.).	Билоголовый).
126	11 »	полячка? Отвѣчаютъ	полячка — отвѣчаютъ
127	1 »	не былъ	ни былъ
129	10 снизу	Хрептовичъ	Хребтовичъ
136	прим. 1-е	дѣтьскимъ.	дѣтьскомъ
137	17 сверху	изъ картинъ	отъ картинъ
—	2—1 сн.	изсчезаютъ	исчезаютъ
141	12 сверху	пашутъ	пашетъ
143	7 снизу	арійскихъ	индо-европейскихъ.
144	8 »	лещи́на	лищи́на
146	16 сверху	запáхъ	зáпахъ
153	10 сверху	момба	бонба
155	12 »	зерна — семѣни	зерна и сѣмени
—	14 снизу	стру͡огъ	сту͡огъ
—	1 »	посѣки	пасѣки
157	15 сверху	снопочка	снопика
—	17 снизу	снопочекъ	снопикъ
158	14 сверху	медецина	медицина
—	12 снизу	комфора	камфора
—	5 »	искуссный	искусный
159	1 сверху	шептани	шептáти
—	15 снизу	нынѣшняго	прошлаго

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
159	8 снизу	онъ	она
177	4 »	эфекта	эффекта
189	3 сверху	Виѳліемъ	Виѳлеемъ
190	11 снизу	лексикальныхъ	лексическихъ.
193	1 сверху	читаютъ	читаетъ
—	10 снизу	и при нѣкоторыхъ	и нѣкоторыя
195	8 сверху	Бересть	Берестье, Бересть
196	9 »	Бѣла—Била	Бѣла—Бела
197	10 сверху	водяные мельницы	водяныя мельницы
200	5 снизу	создали	создало
202	8 сверху	прошлаго столѣтія	XVIII столѣтія
—	2 »	впродолженіе	въ продолженіе
206	7 снизу	Русйны	Русйлы
—	6 сверху	ярморковъ	ярмарокъ
216	7 снизу	Словатычъ	Славатычъ
217	16 »	пытѣсненія	вытѣсценія
218	13 »	Хрущоцка	Хрущовка.
221	16 сверху	140,000	153,000
256	12 »	жалоснаго	жалостваго
262	1 »	леній	бенностей
266	13 снизу	Свято-слав.	Святославовъ
269	14 »	г)	е)
270	2 снизу	ясыкѣ | просессъ	языкѣ | процессъ
271	3 »	соньје	соньцјэ
—	2 »	и нарѣчіи	и нарѣчіяхъ
272	5 сверху	въ з	въ э
—	4 снизу	велико-русской	великорусской
295	2 сверху	своέјя	своέји

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXXV, № 8.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ

въ 1901 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
29 декабря 1901 года

Ординарнымъ Академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

На соисканіе Ломоносовскихъ премій въ текущемъ году поступило отъ четырехъ соискателей всего шесть сочиненій. Изъ этого числа комиссіею, образованною согласно § 10 Правилъ о присужденіи означенныхъ премій, изъ членовъ Отдѣленія: Ординарныхъ Академиковъ А. Н. Веселовскаго, А. Н. Пыпина, А. А. Шахматова, В. И. Ламанскаго, Н. П. Кондакова и А. И. Соболевскаго, было признано необходимымъ отложить два сочиненія одного изъ соискателей до ближайшаго по Отдѣленію русскаго языка и словесности присужденія Ломоносовскихъ премій, которое послѣдуетъ въ 1903 году.

Такимъ образомъ разсмотрѣнію означенной Комиссіи подлежало всего четыре сочиненія:

I.

Экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета А. Н. Ясинскаго: «Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка.

Томъ I: Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права (Юрьевъ, 1901 г.)». Разсмотрѣніе означеннаго труда по предложенію Отдѣленія принялъ на себя профессоръ Императорскаго Университета Св. Владиміра Т. Д. Флоринскій.

Авторъ даннаго труда, профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета, А. Н. Ясинскій, — говоритъ г. рецензентъ, — уже въ теченіе многихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ посвящаетъ свои силы спеціальнымъ занятіямъ въ области соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Въ 1895 году вышло въ свѣтъ его сочиненіе: «Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ (X—XIII в.)», удостоенное Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ преміи имени профессора А. А. Котляревскаго въ половинномъ размѣрѣ. Новый его трудъ, составляющій первый томъ цѣлой серіи задуманныхъ авторомъ и отчасти уже приготовленныхъ къ печати «Очерковъ и изслѣдованій», находится въ тѣсной связи съ первымъ вышеназваннымъ сочиненіемъ. Онъ содержитъ болѣе глубокое изслѣдованіе нѣкоторыхъ вопросовъ, частью лишь поставленныхъ, частью слегка затронутыхъ въ болѣе ранней работѣ. Почтенный изслѣдователь прекрасно понялъ, что изображеніе въ полномъ объемѣ, въ цѣльной и ясной картинѣ, соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ Чехіи въ средніе вѣка станетъ возможнымъ только послѣ спеціальнаго монографическаго изученія отдѣльныхъ вопросовъ. Одному изъ такихъ крупныхъ, наиболѣе важныхъ вопросовъ — уясненію основъ соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства «обычнаго права» — профессоръ Ясинскій посвящаетъ первый томъ своихъ «Очерковъ и изслѣдованій».

Достоинства хорошаго научнаго критическаго изслѣдованія, заявленныя въ значительной степени и въ первой работѣ о паденіи земскаго строя въ чешскомъ государствѣ, выступаютъ еще въ большей степени въ новѣйшемъ сочиненіи профессора Ясинскаго. Авторъ работалъ непосредственно и самостоятельно по

первоисточникамъ, причемъ привлекъ къ разсмотрѣнію и изученію матеріалъ (поземельныя описи или урбаріи), который до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ національные изслѣдователи внутренней исторіи чешскаго государства. Онъ хорошо знакомъ съ методами изслѣдованія явленій соціальной и экономической жизни, умѣло извлекаетъ изъ источниковъ всѣ представляемыя ими данныя и точно опредѣляетъ ихъ значеніе какъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ или другомъ изслѣдуемомъ явленіи. Хорошо извѣстна профессору Ясинскому и литература изучаемыхъ имъ вопросовъ. Ко взглядамъ своихъ предшественниковъ онъ относится критически, ничего не принимаетъ на вѣру, всякое мнѣніе подвергаетъ разбору. Вообще полная самостоятельность изслѣдованія и независимость взглядовъ автора составляютъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ его труда. Выводы автора большею частью отличаются свѣжестью и новизной, и если, быть можетъ, не всѣ получатъ значеніе общепризнанныхъ истинъ, то во всякомъ случаѣ послѣдующимъ изслѣдованіямъ нельзя будетъ не считаться съ ними, какъ основанными на самостоятельномъ и тщательномъ изученіи историческаго матеріала.

Въ первомъ своемъ сочиненіи («Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ») профессоръ Ясинскій проводилъ мысль, что процессъ замѣны общеславянскаго земскаго строя въ Чехіи сословнопривилегированнымъ обусловливался государственными нуждами и потребностями и облекался въ формы вполнѣ самобытныя. При этомъ авторъ совершенно отрицалъ воздѣйствіе на этотъ процессъ со стороны иноземныхъ нѣмецкихъ началъ. Критика уже отмѣтила всю поспѣшность такого вывода. Въ новомъ своемъ трудѣ профессоръ Ясинскій почти совсѣмъ не касается вопроса о нѣмецкомъ вліяніи на измѣненіе соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ Чехіи въ XIII и XIV вв.; но онъ все таки остается при прежнемъ взглядѣ о *самобытномъ* развитіи этихъ отношеній и нерѣдко подчеркиваетъ эту «самобытность». Такъ, вторая глава носитъ названіе: «*самобытное* развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села»; доканчивается эта глава вы-

водомъ: «Развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села было *самобытно*, такъ какъ обусловливалось условіями и запросами жизни, зарождавшимися въ нѣдрахъ самого общества». Развитіе зависимыхъ отношеній также разсматривается, какъ естественный результатъ внутренней колонизаціи, вызванной уменьшеніемъ количества пустошей. Въ этомъ подчеркиваніи «самобытности» чешскаго соціальнаго и аграрнаго строя въ данный періодъ несомнѣнно заключается слабая сторона труда профессора Ясинскаго. Оно невольно внушаетъ читателю подозрѣніе, что авторъ приступилъ къ работѣ съ извѣстной предвзятой мыслью, чего на дѣлѣ, вѣроятно, не было. Профессоръ Ясинскій далъ отчетливую картину развитія соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ Чехіи въ средніе вѣка и на этомъ пока слѣдовало остановиться. Рѣшать вопросъ о томъ, было ли это развитіе самобытно, или оно совершалось подъ вліяніемъ чужихъ нѣмецкихъ началъ, — можно будетъ тогда, когда нашъ авторъ въ дальнѣйшихъ томахъ своей работы опредѣлитъ болѣе или менѣе точно размѣры нѣмецкой колонизаціи въ Чехіи въ средніе вѣка и степень силы и распространенія въ чешскомъ народѣ латино-нѣмецкихъ стихій. Пока этого имъ не сдѣлано, утвердившееся въ чешской исторіографіи мнѣніе о значительномъ вліяніи нѣмецкаго права и нѣмецкихъ обычаевъ на соціальную и культурную жизнь Чехіи въ средніе вѣка вполнѣ сохраняетъ свое значеніе. Впрочемъ, и въ книгѣ профессора Ясинскаго встрѣчаются замѣчанія, ослабляющія его утвержденіе относительно «самобытнаго» развитія чешской соціальной и экономической жизни. Напримѣръ, на стр. 26 авторъ говоритъ: «Исторія XIV вѣка есть исторія *ассимиляціи отечественныхъ началъ быта съ новыми правовыми и экономическими началами, заимствованными отъ романо-германскаго міра*»... Или на стр. 257: «Когда же.... Чехія сдѣлалась королевствомъ, государи *подъ вліяніемъ чуждыхъ народу юридическихъ воззрѣній* стали систематически расшатывать правовыя основы стариннаго быта»....

Всѣ эти недочеты, по мнѣнію рецензента, какъ и указан-

ные выше, нисколько не умаляютъ отмѣченныхъ крупныхъ достоинствъ труда профессора Ясинскаго. Трудъ этотъ и по цѣнности внесеннаго въ него матеріала, и по точности метода изслѣдованія, и по новизнѣ выводовъ значительно содѣйствуетъ уясненію соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно обогащаетъ русскую ученую литературу, такъ бѣдную самостоятельными трудами по исторіи западнаго славянства. На основаніи изложеннаго рецензентъ находитъ, что данное сочиненіе профессора А. Н. Ясинскаго вполнѣ заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовской преміею.

II.

Профессора Императорскаго Варшавскаго Университета Е. Ѳ. Карскаго: а) «*Очеркъ славянской кирилловской палеографіи.* Изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ (Варшава, 1901 г.)», и б) «*Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ* (Варшава, 1901 г.)».

Разсмотрѣніе означеннаго труда было поручено П. К. Симони.

Трудъ проф. Императорскаго Варшавскаго Университета Е. Ѳ. Карскаго, представленный въ настоящемъ году на соисканіе Ломоносовскихъ премій, есть переизданіе, исправленное, отчасти передѣланное, а, главное, увеличенное противъ его же печатнаго курса по славяно-русской палеографіи, читаннаго имъ въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и отпечатаннаго въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ тт. XXXV—XXXVII и отдѣльно подъ заглавіемъ: «Изъ лекцій по славянской кирилловской палеографіи, читанныхъ.....» Варшава, 1897 г. (стр. 173+1 табл. снимковъ), съ отдѣльною брошюрою: «Дополненій и поправокъ» (на 24 страницахъ), б. о. м. и. г. п. Въ предисловіи къ новому изданію своего труда (впрочемъ подъ измѣненнымъ загла-

віемъ) авторъ указываетъ, что въ основѣ «Очерка» славянской кирилловской палеографіи лежатъ его «Лекціи», указанныя выше, но прибавляетъ, что настоящій «Очеркъ» существенно отличается отъ «Лекцій» какъ по своему объему (изданіе болѣе, чѣмъ утроилось), такъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ составленъ преимущественно на основаніи первоисточниковъ, самихъ рукописей, тогда какъ «Лекціи» опирались на разныя изданія памятниковъ и на пособія.

О цѣли изданія своего труда авторъ въ томъ же предисловіи говоритъ, что какъ и при выпускѣ «Лекцій», онъ «имѣлъ въ виду дать *первое* руководство приступающему къ занятіямъ старинными рукописями, съ цѣлями ли чисто археологическими и лингвистическими, или историко-литературными. Палеографъ найдетъ здѣсь болѣе или менѣе обширный конспектъ для собиранія матеріаловъ по славянской кирилловской палеографіи.....»

Вполнѣ цѣня всѣ предыдущіе труды почтеннаго автора подлежащаго разсмотрѣнію сочиненія и отдавая должное трудолюбію его на палеографическомъ поприщѣ, рецензентъ все таки не могъ согласиться съ нѣсколькими частностями, какъ будетъ сказано ниже.

Весь трудъ проф. Карскаго построенъ по образцу прекраснаго, но уже значительно устарѣвшаго нынѣ и не полнаго сочиненія по греческой палеографіи В. Гардтхаузена — «Griechische Palaeographie (Leipzig, 1879)» — и распадается на слѣдующіе отдѣлы или главы:

I. Предметъ науки и ея методы (стр. 3—10).

II. Источники для палеографическихъ наблюденій (с. 11—58).

III. Пособія (с. 59—85).

IV. Матеріалъ, на которомъ писали (с. 86—109).

V. Форматъ и переплетъ рукописей (с. 110—126).

VI. Принадлежности письма (с. 127—136).

VII. Орнаментъ (с. 137—157).

Въ представленномъ извлеченіи изъ своего отчета рецензентъ остановился лишь на нѣкоторыхъ недочетахъ труда проф. Карскаго. Къ числу послѣднихъ онъ относитъ:

1) Прежде всего, равномѣрно проходящую по всѣмъ отдѣламъ книги недостаточность или даже отсутствіе точнаго разграниченія палеографическаго матеріала, извлекаемаго авторомъ изъ разныхъ рукописей: греческихъ (византійскаго періода) и славянскихъ изводовъ — русскихъ и юго-славянскихъ, на что̀ уже указалъ автору въ своей рецензіи на его трудъ магистрантъ С. М. Кульбакинъ (въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., октябрь, 1901 г., ч. CCCXXXVII, отд. Крит. и библіографія, стран. 498—500).

2) Затѣмъ, сбивчивое изложеніе очень важныхъ для его читателя — неофита въ славянской палеографіи, какого именно прежде всего имѣетъ въ виду авторъ — свѣдѣній о способахъ воспроизведенія памятниковъ письма въ снимкахъ, для изданія ли, или вообще для подбора данныхъ по тому или иному научному вопросу. По мнѣнію рецензента, отдѣлъ этотъ въ такомъ трудѣ, какъ настоящій, долженъ бы быть изложенъ со всевозможною

обстоятельностью и точностью, такъ какъ по современнымъ намъ научнымъ требованіямъ, каждое изданіе того или иного памятника письменности или даже только изслѣдованіе о немъ — не исключая памятниковъ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ позднихъ — должно быть снабжено достаточнымъ количествомъ снимковъ какъ для знакомства съ разными почерками одного и того же списка, такъ и для представленія себѣ читателемъ обмолвокъ (рѣчи), описокъ (письма) писца рукописи и поправокъ, особенно позднѣйшихъ, въ виду того, что такія данныя важны для изслѣдователя литературной исторіи памятниковъ. Думается, что слѣдовало бы изложить опредѣленіе самыхъ способовъ воспроизведенія письма памятниковъ, и какъ указать для пользы самаго дѣла, вообще съ большею подробностію, самые способы дѣланія снимковъ (ихъ технику), такъ и перечислить всю относящуюся къ этому предмету новѣйшую литературу и русскую, и особенно иностранную. Въ этомъ же отдѣлѣ слѣдовало бы также сказать нѣсколько словъ о пріемахъ ученой критики текста памятниковъ письменности, объ отличеніи редакцій одного и того же памятника, и т. п.

3) Самымъ же главнымъ недостаткомъ труда рецензентъ считаетъ то, что авторъ, слѣдуя примѣру германскаго палеографа Ватенбаха, извѣстнаго между прочимъ своими трудами по греческой и латинской палеографіи (особенно Anleitung zur griechischen Palaeographie, 3-te Aufl., Lpz., 1895), и отчасти по примѣру своего предшественника ак. И. И. Срезневскаго, автора «Славяно-русской Палеографіи. XI—XIV вв. С.-Пб. 1885 г.», и поставивъ себѣ задачей разсмотрѣніе исторіи славянскаго кирилловскаго письма въ отношеніи къ исторіи случаевъ употребленія начертаній и перечисленія отдѣльныхъ буквъ всѣхъ родовъ и всѣхъ семей письма, не сумѣлъ однако справиться съ ней: обозрѣніе у него ведется въ порядкѣ азбуки въ весьма смѣшанномъ видѣ (чего пришлось коснуться выше), изложенное на многихъ страницахъ (см. стр. 183—218). Въ выноскѣ 2-ой къ стр. 183-й авторъ говоритъ, что «при изложе-

ніи настоящаго отдѣла главнымъ пособіемъ служили ему литографированныя лекціи проф. А. И. Соболевскаго: Славяно-русская палеографія», С.-Пб. 1893 г., стр. 70—88. Приходится сожалѣть, что авторъ — хотя и сосредоточилъ свое вниманіе на обстоятельности изложенія, по возможности, всего матеріала, извѣстнаго ему изъ печатныхъ источниковъ и частію изъ непосредственнаго знакомства съ рукописями, — относительно разныхъ случаевъ употребленія того или иного вида начертанія каждой буквы кирилловскаго алфавита, — не послѣдовалъ примѣру труда по тому же предмету, принятаго имъ за главное пособіе[1]). Тогда какъ у А. И. Соболевскаго на очень немногихъ страницахъ, въ сжатомъ видѣ, но съ достаточною обстоятельностью дано изложеніе только важнѣйшихъ въ строго-палеографическомъ отношеніи начертаній и притомъ весьма удачно для сей цѣли подобранныхъ буквъ, наблюденія надъ которыми помогаютъ съ большею или меньшею надежностію разобраться въ вопросахъ о времени написанія того или иного памятника, — у профессора Карскаго мы находимъ на стр. 218-й въ концѣ отдѣла лишь всего нѣсколько общаго содержанія строкъ въ видѣ руководственнаго замѣчанія, въ которыхъ говорится, что «въ палеографическомъ отношеніи особенно интересными являются тѣ или другія написанія йотованныхъ гласныхъ (ѥ, ꙗ, ю), а также»... и т. д. Такимъ образомъ такое чрезвычайно важное и долженствующее служить чуть ли не первымъ и единственнымъ пособіемъ къ опредѣленію времени написанія даннаго текста — руководящее замѣчаніе, поставленное въ заключеніе всего пространно, но все-таки недостаточно полно изложеннаго важнѣйшаго отдѣла рецензируемаго труда, — является какъ бы замѣчаніемъ лишь мимоходомъ оброненнымъ, а не поставленнымъ «во главу угла» (какъ это сдѣлано у профессора Соболевскаго). Оттого изложеніе этого отдѣла у автора можетъ имѣть цѣну

1) Ср. стр. 75.

лишь для человѣка, уже искушеннаго въ основахъ ученія палеографовъ, но для приступающаго только что къ знакомству съ этими вопросами — будетъ непосильно и не ясно.

4) Къ стр. 60. — Слѣдовало бы указать еще нѣсколько наиболѣе важныхъ трудовъ по греческой и въ частности византійской палеографіи, напримѣръ, а) Шарля Гро рецензіи на Ваттенбаха и Гардтхаузена; б) труды и изданія Маттеи и —, пожалуй, Скіады; в) Арх. Амфилохія (ср. стран. 61 и 71, особенно его работы изслѣдовательнаго характера), хотя и несовершенныя, такъ какъ онѣ исполнены были на основаніи снимковъ переводомъ на (промасленную) сквозную бумагу и проч. (Ср. Библіологич. опытъ А. Котляревскаго въ его Сочин. IV, 391—2).

5) Къ стр. 63. — Отмѣчая въ очеркѣ исторіи русской палеографіи плодотворную дѣятельность Калайдовича, митроп. Евгенія (Болховитинова) и Востокова, проф. Карскій не нашелъ нужнымъ почтить даже простымъ упоминаніемъ дѣятельность двухъ ученыхъ, сдѣлавшихъ много своихъ вкладовъ въ изученіе славянорусской палеографіи — П. И. Кеппена и В. М. Ундольскаго. О Кеппенѣ имѣются у него упоминанія лишь на стр. 18 (о Библіограф. Листахъ) и 30 (Собраніи памятниковъ внѣ Россіи); не отмѣченъ вовсе важный его (даже послѣ изданій И. И. Срезневскаго того же рода въ 1860-ыхъ годахъ) трудъ: «Списокъ рускимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной Палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кеппеномъ. Напечатанъ иждивеніемъ Его Сіят. Графа Ѳ. А. Толстова». М. 1822 г. 8°. Цѣнность этого труда возвышается нынѣ еще тѣмъ, что нашлись недавно всѣ подлинные снимки Кеппена, считавшіеся утраченными и перечисленные въ печатномъ его описаніи, — и тѣмъ, что среди нихъ есть нѣсколько снимковъ съ памятниковъ, уже нынѣ погибшихъ или неизвѣстно гдѣ находящихся. Кеппенъ въ кружкѣ гр. Румянцова считался какъ бы присяжнымъ палеографомъ (см. стр. 147 Переписки Востокова. Тамъ же объ его палеографическихъ работахъ вообще и о продажѣ снимковъ Росс.

Академіи). Впрочемъ, митроп. Евгеній болѣе способнымъ для сего считалъ Востокова (стр. 83), а графъ Румянцовъ и поручилъ наконецъ тому же Востокову составленіе славяно-русской палеографіи (стр. 243, 247, 422—3). Отмѣтимъ еще его рецензію на Описаніе рукописей гр. Ѳ. П. Толстого, составленное Строевымъ и Калайдовичемъ — (см. у Котляревскаго въ Библіол. Опытѣ. Соч. IV, 241), и его статью «Die slavisch-russische Schrift von XI bis sur XV Jahrhundert», съ 1 палеогр. таблицею — опытъ сводного алфавита изъ датированныхъ рукописей (Bulletin historico-philol. V—1848, № 3, 33—48. См. еще вообще о Кеппенѣ въ Библ. Опытѣ Котляревскаго, въ его Соч. IV, № 20, стр. 243—4).

6) Къ стр. 65. — Не упомянута Переписка Востокова (V томъ Сборника Отдѣл. русскаго яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ). См. особенно письма гр. Румянцова, Евгенія, Калайдовича и другихъ и переписку ихъ между собою.

7) Къ стр. 65—6. — Ни слова не упомянуто о трудахъ В. М. Ундольскаго по славяно-русской палеографіи, хотя его мастерски выбранные изъ русскихъ рукописей (особенно Св.-Троице-Сергіевой Лавры, Синод. и Типогр. Библіотекъ и Архива Мин. Иностр. Дѣлъ) XI—XVII столѣтій снимки въ числѣ 86 таблицъ до сихъ поръ привлекаютъ къ себѣ вниманіе палеографовъ. Экземпляръ этихъ снимковъ съ заготовленными для ихъ продолженія матеріалами, равно какъ и его рукописные матеріалы для задуманнаго имъ въ 1840-ыхъ годахъ цѣннѣйшаго труда, которое онъ озаглавилъ: «Опытъ Славяно-Русской Палеографіи, или искуства распознавать время написанія рукописей и правильно читать оныя, съ присовокупленіемъ снимковъ съ разныхъ кодексовъ и граматъ съ XI по XVIII вѣкъ» — сохранились (въ Моск. Публичн. и Румянц. Музеяхъ) и служатъ до сихъ поръ хорошимъ пособіемъ для начинающихъ тружениковъ, подвизающихся на палеографическомъ поприщѣ. Пока рецензентъ не упоминаетъ о многихъ цѣнныхъ и руководящихъ работахъ Ундольскаго по палеографіи и изученію вообще рукописной старины и книжнаго

дѣла, такъ какъ впослѣдствіи будетъ имъ сказано о томъ подробнѣе.

8) Къ стр. 79. — Не отличены два разнородные вида изданій Общества Любителей Древней Письменности — «Изданія» и «Памятники».

9) Къ стр. 82. — Необходимо отмѣтить тутъ же: а) первое, но болѣе полное изданіе указаннаго труда И. П. Каратаева, именно его: «Хронологическую роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491 — 1730 (С.-Пб.—1861 г. въ м. 8 д. л.), и б) В. М. Ундольскаго «Очеркъ славянорусской библіографіи» съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Викторова. (М. 1871, Вып. I «Хронологическаго указателя славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491-го по 1864-й г.»).

10) Къ стр. 82. Не отмѣчена брошюрка Лашкевича: «Самоучитель чтенія рукописей XVII столѣтія» (1891 г.?).

11) Къ стр. 99. Не отмѣчено, что для своихъ работъ дѣлали собранія снимковъ съ проточныхъ знаковъ на бумагѣ — А. Востоковъ, Мейчикъ и нѣкоторые другіе. Также не указана рецензія А. Х. Востокова на «Опытъ» Лаптева (въ Библіографическихъ Листахъ Кеппена, 1825 г. № 44, стр. 133—6).

12) Къ стр. 106. По поводу Тмуторокапскаго камня (около 1068 г.) стоило бы замѣтить, что отъ времени до времени онъ возбуждалъ въ ученыхъ сомнѣнія въ своей подлинности (и даже въ самое недавнее время послужилъ предметомъ ученаго спора и притомъ не въ пользу своей древности).

13) Къ стр. 127. Про орудіе для проведенія линій на пергаменѣ и проч. сказано..... «ножъ, или гвоздь, или грифель, которое *назовемъ* словомъ *lineal* (греч. χανών, στῦλος)». Непонятно, зачѣмъ понадобилось автору нѣмецкое слово въ новѣйшей его формѣ, такъ какъ извѣстна болѣе общая и старая латинская форма — *liniarium* («Est autem *liniarium* instrumentum scriptorum, secundum quod format lineas, quibus dirigitur scriptor in scribendo directe litterales figuras»). По греч. χανών, χανονίς

(иногда παράγραφος). См. «Das Schiftwesen im Mittelalter», von W. Wattenbach. Lpz. 1896, S. 218[3].

14) Къ стр. 157. — Выборъ цвѣта красокъ для орнаментаціи (раскрашиванія большихъ заглавныхъ буквъ, заставицъ и т. п.) — авторъ склоненъ объяснять *случайностью*, но съ этимъ едва ли можно согласиться.

15) Къ стр. 181—2. Неточно сказано, что: «Послѣ Востокова этимъ «остромировскимъ шрифтомъ» *печатаются* у насъ *всѣ* древнѣйшіе памятники». Послѣ изданія Востокова О. Ев. (Спб. 1843 г.) — шрифтъ этотъ не употреблялся почти никѣмъ и нынѣ растерянъ и частію утраченъ. Впрочемъ, О. М. Бодянскимъ этимъ же шрифтомъ было напечатано нѣсколько изданій памятниковъ («Богословіе» и «Шестодневъ», см. у проф. Карскаго, стр. 69 въ примѣчан. г. и д.).

— Къ стр. 181—2. Изданія Ягича печатаются шрифтомъ, извѣстнымъ въ типографіи Императорской Академіи Наукъ подъ названіемъ «вѣнскаго». Такимъ шрифтомъ еще въ 1854 году была отпечатана, напр., «Хрестоматія церковно-словенскаѧ и древне-рускаѧ», Якова Головацкаго.... (Въ Вѣдни, 1854—8°) и т. п.

16) Къ стр. 259. Думается, что предѣлъ начальнаго появленія угловатой глаголицы (по мнѣнію проф. Карскаго, «древнѣйшіе памятники, писанные этою глаголицею, относятся *только* къ XIV—XV вв. (глаголич. часть Реймскаго Евангелія 1395 г.)» могъ бы быть отодвинутъ нѣсколько болѣе въ глубь къ началу письменности. Вообще изложеніе свѣдѣній по исторіи употребленія глаголицы—на стр. 259—оставляетъ желать большей осторожности и точности.

17) Къ стр. 308 слѣд. — и 481. Алфавитный *списокъ* извѣстныхъ *писцовъ* кирилловскихъ книгъ по 1500 годъ — можно бы было пополнить еще болѣе, даже если бы воспользоваться указаніями исключительно однихъ печатныхъ описаній рукописей, что̀ было легко сдѣлать, такъ какъ нерѣдко они снабжены указателями.

Въ заключеніи рецензентъ говоритъ: «не смотря на указанные недостатки, объемистый трудъ (печатался въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ съ 1899 по 1901 годъ) проф. Е. Ѳ. Карскаго, стоившій ему многихъ трудовъ, сопряженныхъ съ поѣздками въ отдаленныя отъ Варшавы важнѣйшіе центры храненія памятниковъ кирилловской письменности, — заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго образованнаго человѣка, дорожащаго судьбами отечественнаго просвѣщенія вообще и памятниковъ искусства и древности въ частности. Кромѣ того, онъ вообще имѣетъ и неотъемлемыя научныя достоинства. Посему мы не колеблясь рѣшаемся ходатайствовать передъ Императорскою Академіею Наукъ о награжденіи полезнѣйшаго труда проф. Карскаго Ломоносовскою преміею въ половинномъ размѣрѣ».

III.

«*Словарь областного олонецкаго нарѣчія* въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Г. И. Куликовскій (С.-Петербургъ, 1898 г.) — съ особымъ *Дополненіемъ* (Москва, 1899 г.).

Настоящій трудъ былъ разсмотрѣнъ академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Трудъ г. Куликовскаго заслуживаетъ вниманія. Въ немъ собрано относительно большое число словъ Олонецкаго края, по преимуществу записанныхъ имъ лично на мѣстѣ, отчасти заимствованныхъ изъ печатныхъ источниковъ; означено (не всегда впрочемъ) ихъ удареніе; указано ихъ значеніе; приведены (часто) тѣ выраженія, въ которыхъ ему привелось ихъ услышать. Если мы примемъ во вниманіе еще то обстоятельство, что онъ составленъ въ мѣстахъ сожительства племенъ русскаго и финскаго и посвященъ словарному матеріалу говора особенно богатаго финнизмами, то его научная цѣнность будетъ для насъ достаточно ясна.

Къ сожалѣнію, словарь г. Куликовскаго имѣетъ *крупные* недостатки.

Прежде всего это — не словарь, а лишь матеріалы для словаря. Г. Куликовскій воспользовался печатными источниками; они у него перечислены послѣ предисловія. Но далеко не всѣми и далеко не полно.

Второй недостатокъ труда г. Куликовскаго — неточность въ передачѣ звуковъ. Этотъ укоръ относится къ ороографіи. Г. Куликовскій не можетъ устоять противъ ороографическихъ привычекъ — и даетъ *а* тамъ, гдѣ въ олонецкомъ говорѣ слышится *о*, *е* — тамъ, гдѣ бы надо написать *ё*, *с* тамъ, гдѣ слышится *з*, и т. п.

Мѣстные знатоки олонецкаго нарѣчія, вѣроятно, указали бы еще на не всегда вѣрное опредѣленіе значенія словъ. Мы можемъ привести лишь нѣсколько примѣровъ, гдѣ г. Куликовскій расходится съ другими, и гдѣ точность не на сторонѣ г. Куликовскаго. Напримѣръ, по г. Куликовскому, *боковушка* — «комната, устроенная въ кладовой деревенскаго дома»; по Б. В. Яновскому это слово означаетъ небольшую, отдѣльную отъ избы горницу, гдѣ промышленники складываютъ свою добычу. («Библіотека для чтенія» 1855 года, томъ 131, стр. 183).

Словарь г. Куликовскаго не представляетъ выдающихся достоинствъ и во всѣхъ отношеніяхъ далекъ отъ совершенства; чувствуется недостаточность необходимой научной подготовки у автора. Тѣмъ не менѣе онъ расширяетъ наши свѣдѣнія о русскихъ народныхъ говорахъ и можетъ быть полезнымъ въ практическомъ отношеніи. Въ виду этого онъ заслуживаетъ поощренія.

Комиссія, разсмотрѣвъ упомянутыя сочиненія и представленныя на нихъ рецензіи профессора Императорскаго Университета Св. Владимира Т. Д. Флоринскаго, П. К. Симони и академика А. И. Соболевскаго, присудила посредствомъ закрытой баллотировки профессорамъ А. Н. Ясинскому и Е. Ѳ. Карскому за представленные ими на конкурсъ труды *по малой*

Ломоносовской преміи, въ пятьсотъ рублей каждая; словарный же трудъ Г. И. Куликовскаго Комиссія признала заслуживающимъ *почетнаго отзыва* имени Ломоносова. Означенное постановленіе Комиссіи Отдѣленіе русскаго языка и словесности единогласно утвердило и постановило выразить свою искреннюю благодарность г.г. рецензентамъ, разсматривавшимъ по его порученію поступившіе на Ломоносовскій конкурсъ печатные труды.

Слѣдующее ближайшее присужденіе Ломоносовскихъ премій по Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ послѣдуетъ въ 1903 году; срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 1-е іюня 1903 года.

I.

А. Н. Ясинскій. Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Томъ I. Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права. Юрьевъ, 1901 г.

Рецензія профессора Т. Д. Флоринскаго.

Авторъ даннаго труда, профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета, А. Н. Ясинскій уже въ теченіе многихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ посвящаетъ свои силы спеціальнымъ занятіямъ въ области соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Въ 1895 году вышло въ свѣтъ его сочиненіе «Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ» (X—XIII в.), удостоенное Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ преміи имени проф. А. А. Котляревскаго въ половинномъ размѣрѣ. Новый его трудъ, составляющій первый томъ цѣлой серіи задуманныхъ авторомъ и отчасти уже приготовленныхъ къ печати «Очерковъ и изслѣдованій», находится въ тѣсной связи съ первымъ вышеназваннымъ сочиненіемъ. Онъ содержитъ болѣе глубокое изслѣдованіе нѣкоторыхъ вопросовъ, частью лишь поставленныхъ, частью слегка затронутыхъ въ болѣе ранней работѣ. Почтенный изслѣдователь прекрасно понялъ, что изображеніе въ полномъ объемѣ, въ цѣльной и ясной картинѣ соціальныхъ и экономиче-

скихъ отношеній въ Чехіи въ средніе вѣка станетъ возможнымъ только послѣ спеціальнаго монографическаго изученія отдѣльныхъ вопросовъ. Одному изъ такихъ крупныхъ, наиболѣ важныхъ вопросовъ—уясненію основъ соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства «обычнаго права» проф. Ясинскій посвящаетъ первый томъ своихъ «Очерковъ и Изслѣдованій».

Достоинства хорошаго научнаго критическаго изслѣдованія, заявленныя въ значительной степени и въ первой работѣ о паденіи земскаго строя въ чешскомъ государствѣ, выступаютъ еще въ большей степени въ новѣйшемъ сочиненіи проф. Ясинскаго. Авторъ работалъ непосредственно и самостоятельно по первоисточникамъ, при чемъ привлекъ къ разсмотрѣнію и изученію матеріалъ (поземельныя описи или урбаріи), который до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ національные изслѣдователи внутренней исторіи чешскаго государства. Онъ хорошо знакомъ съ методами изслѣдованія явленій соціальной и экономической жизни, умѣло извлекаетъ изъ источниковъ всѣ представляемыя ими данныя и точно опредѣляетъ ихъ значеніе какъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ или другомъ изслѣдуемомъ явленіи. Хорошо извѣстна проф. Ясинскому и литература изучаемыхъ имъ вопросовъ. Ко взглядамъ своихъ предшественниковъ онъ относится критически, ничего не принимаетъ на вѣру, всякое мнѣніе подвергаетъ разбору. Вообще полная самостоятельность изслѣдованія и независимость взглядовъ автора составляютъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ его труда. Выводы автора большею частью отличаются свѣжестью и новизной и, если, быть можетъ, не всѣ получатъ значеніе общепризнанныхъ истинъ, то во всякомъ случаѣ послѣдующимъ изслѣдователямъ нельзя будетъ не считаться съ ними, какъ основанными на самостоятельномъ и тщательномъ изученіи историческаго матеріала.

Книга проф. Ясинскаго состоитъ изъ введенія и трехъ главъ. Во введеніи (1—22) авторъ выясняетъ важное значеніе поземельныхъ описей для соціальной исторіи и отмѣчаетъ то немногое, что сдѣлано въ Чехіи для изученія этихъ важныхъ

памятниковъ. Если маститый чешскій ученый Томенъ еще 50 лѣтъ назадъ положилъ начало изученію чешскихъ поземельныхъ описей, то онъ имѣлъ мало послѣдователей, которые продолжали бы его дѣло, и въ новѣйшей чешской исторіографіи поземельныя описи привлекаютъ менѣе вниманія изслѣдователей, чѣмъ онѣ того заслуживаютъ по всей справедливости. Достаточно указать на новѣйшій двухтомный трудъ по соціальной исторіи Чехіи Липперта, въ которомъ, несмотря на его обстоятельность, поземельныя описи оставлены безъ разсмотрѣнія. Вотъ почему проф. Ясинскій принялъ на себя задачу подвергнуть подробному изученію эти важные матеріалы, содержащіе въ себѣ цѣнныя данныя для знакомства съ экономической стороной происходившаго въ Чехіи въ концѣ среднихъ вѣковъ сложнаго историческаго процесса переустройства основъ соціальнаго быта чешскаго народа. На ряду съ грамотами и лѣтописями онъ выдвинулъ и поземельныя описи, какъ важнѣйшій источникъ соціальной исторіи Чехіи.

Первая глава (23 — 107) имѣетъ предметомъ изслѣдованіе внѣшней исторіи чешскихъ поземельныхъ описей или урбаріевъ. Авторъ занимается изученіемъ трудныхъ вопросовъ о происхожденіи, составѣ и источникахъ древнѣйшихъ чешскихъ поземельныхъ описей и впервые здѣсь приходитъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ, совершенно новымъ выводамъ по всѣмъ этимъ вопросамъ. А именно: Чешскія поземельныя описи по своей формѣ, отношенію къ источникамъ и даже названію не были похожи другъ на друга. На этомъ основаніи можно сказать, что въ теченіе предгуситскаго времени поземельныя описи находились въ стадіи своего нарожденія или развитія. Хотя сохранилось только небольшое число предгуситскихъ описей, но изученіе даже этихъ описей, относящихся по времени составленія къ различнымъ десятилѣтіямъ XIII — XV вѣковъ, позволяетъ усматривать въ исторіи ихъ развитія два періода, гранью которыхъ была середина XIV вѣка. Поземельныя описи перваго періода, называемыя обыкновенно описями, состояли изъ краткихъ чиншевыхъ и

барщинныхъ замѣтокъ, а главнымъ ихъ источникомъ были устныя показанія населенія. Поземельныя описи позднѣйшаго времени, называемыя регистрами, состояли изъ подробныхъ чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ. Въ составъ однѣхъ изъ этихъ описей включены были грамоты цѣликомъ или въ извлеченіи, а другія изъ ихъ числа вписаны были въ рукописные сборники наряду съ грамотами. Эти факты доказываютъ, что составители и переписчики описей позднѣйшаго времени придавали значительно бóльшее значеніе актовому матеріалу, чѣмъ ихъ предшественники (106 стр.). О вліяніи нѣмецкихъ урбаріевъ на происхожденіе чешскихъ поземельныхъ описей авторъ не считаетъ даже возможнымъ говорить.

Во второй главѣ (108—243) разсматривается «Самобытное развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села». Какъ извѣстно, при объясненіи происхожденія и исторіи землевладѣнія ученые придерживаются двухъ направленій. Приверженцы теоріи коллективныхъ формъ землевладѣнія полагаютъ, что первоначально главная масса народа состояла изъ свободныхъ людей, которые постепенно въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ теряли свою свободу и попадали въ зависимость отъ землевладѣльцевъ. Защитники другой теоріи, которую можно назвать теоріей индивидуальнаго или частнаго землевладѣнія, полагаютъ, что на первоначальной ступени развитія въ народной массѣ преобладаютъ рабы и зависимые люди, что самыя формы общаго владѣнія полями и угодьями возникли впослѣдствіи подъ вліяніемъ финансовыхъ и экономическихъ соображеній самихъ землевладѣльцевъ. Послѣдній взглядъ отстаивали кромѣ извѣстнаго французскаго ученаго Фюстель де-Куланжа, австрійскій историкъ Инама-Штернеггъ и нѣмецкіе ученые Виттихъ и Гильдебрандтъ. Въ чешской исторіографіи той же теоріи держатся Пейскаръ и Шуста. Проф. Ясинскій на ряду съ многозаслуженнымъ авторитетнымъ историкомъ чешскаго права проф. Челяковскимъ стоитъ за первую теорію и доказываетъ, что начальнымъ пунктомъ аграрнаго и соціальнаго развитія

чешскаго народа были коллективныя формы быта и землевладѣнія. Исходя изъ этого положенія авторъ послѣдовательно раскрываетъ картину развитія соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села. Установивъ, на сколько позволяютъ скудныя историческія свидѣтельства, соотношеніе между кровными и территоріальными союзами (задруга — дворъ, село — община, околица) проф. Ясинскій останавливается особенно на выясненіи вопроса объ освоеніи пустошей, какъ явленіи, обусловливавшемъ дальнѣйшее развитіе соціальнаго строя чешскаго села. Пустоши не были res nullius, но первоначально находились въ распоряженіи различныхъ юридическихъ и физическихъ лицъ. Освоеніе пустошей приводило къ образованію такъ называемыхъ уѣздовъ (circuitus). Древнѣйшіе уѣзды, какъ возникшіе на территоріи околицы, не были велики; но впослѣдствіи, преимущественно на окраинахъ государства подъ уѣзды государи стали отводить огромныя пространства земли. Возникновеніе уѣздовъ приводило къ разложенію околицы, какъ сплоченной территоріальной и правовой группы, послѣдствіемъ чего было обособленіе селъ. Аграрный строй чешскаго села по изысканіямъ автора представляется въ слѣдующемъ видѣ. Полевая запашка славянскихъ селъ въ Чехіи раздѣлялась на коны или клины. Черезполосица была естественнымъ послѣдствіемъ того, что расчистки были разрабатываемы коллективнымъ трудомъ многихъ товарищей, каждому изъ которыхъ отводилась полоса или нива, по величинѣ соотвѣтствующая размѣру его участія въ общемъ дѣлѣ. Полосы обыкновенно представляли собою площади мѣрою $^1/_{15}$—$^1/_2$ югера. Въ господскихъ селахъ, возникшихъ на территоріи уѣздовъ, запашка слагалась изъ ограниченнаго числа правильныхъ коновъ, раздѣленныхъ на малое число полосъ. Плугъ или рало былъ поземельной единицей финансоваго обложенія и возникъ на территоріи уѣздовъ. Землевладѣльцы стремились привести къ совпаденію количество податныхъ или оброчныхъ единицъ и число находившихся въ селѣ хозяйственныхъ единицъ. Въ селахъ свободныхъ людей надѣлы бывали обыкновенно меньшаго раз-

мѣра, чѣмъ въ селахъ зависимыхъ людей. Кромѣ того, на установленіе размѣра надѣловъ оказывали также вліяніе такія обстоятельства, какъ давность существованія поселенія и качество земли. Право населенія пользоваться лѣсными пустошами было остаткомъ старинныхъ вещныхъ правъ околицы и свидѣтельствовало о господствѣ въ древности коллективныхъ формъ быта. Ограниченіе права пользованія лѣсными пустошами совершалось въ формѣ размежеванія земель и отвода отдѣльнымъ селамъ особыхъ пастбищныхъ мѣстъ. Эта практика приводила постепенно къ системѣ исключительнаго полеводства.

Въ третьей главѣ (244—325) разбирается вопросъ о «развитіи зависимыхъ отношеній». Главной причиной этого соціальнаго явленія авторъ считаетъ поселеніе на чужой землѣ или желаніе пользоваться освоенными землевладѣльцами пустошами, вызванныя уменьшеніемъ пустопорожнихъ земель, какъ у крестьянъ на территоріи околицъ, такъ у крупныхъ землевладѣльцевъ. По мнѣнію автора, главная масса сельскаго зависимаго люда вышла изъ нѣдръ свободнаго населенія. Потомки же рабовъ пополнили собою классъ министеріаловъ, а главнымъ образомъ классъ сельскихъ батраковъ или подсосѣдковъ. Зависимость возникала въ силу поселенія свободнаго человѣка на чужой землѣ. Первыми колонизаторами, а слѣдовательно создателями обширнаго класса зависимыхъ людей были государи. Впослѣдствіи соглашенія между поселенцами и землевладѣльцами облекались въ форму договора, извѣстнаго подъ именемъ льготы, главнымъ условіемъ котораго было освобожденіе поселенцевъ отъ всѣхъ платежей и повинностей въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Правовое положеніе зависимыхъ людей первоначально было неодинаковое: потомки свободныхъ людей пользовались правомъ перехода, а потомки рабовъ этого права не имѣли, такъ что землевладѣльцы могли по своему усмотрѣнію удалить ихъ вовсе или перевести на другія земли. Съ теченіемъ времени и потомки рабовъ, подобно потомкамъ свободныхъ людей, получили права дѣдичей, т. е. сдѣлались наслѣдственными арендаторами получен-

ныхъ ими участковъ земли. Право собственности землевладѣльцевъ на земли, отданныя зависимымъ людямъ, бывшимъ въ положеніи дѣдичей, было ограничено прежде всего тѣмъ, что землевладѣльцы не могли насильственно удалить зависимыхъ людей съ земель, а также не могли по своему произволу возвысить размѣръ ихъ службъ, повинностей и платежей.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе прекраснаго труда проф. Ясинскаго. Каждый отдѣлъ его представляетъ что-нибудь новое въ фактическомъ или теоретическомъ отношеніи. Общій же взглядъ автора на развитіе основъ соціальнаго строя чешскаго народа рѣзко расходится съ воззрѣніями на этотъ вопросъ, установившимися въ чешской исторіографіи и уже потому заслуживаетъ полнаго вниманія. Изложеніе предмета, ясное, стройное, послѣдовательное, только увеличиваетъ общее хорошее впечатлѣніе отъ книги.

При всѣхъ своихъ большихъ достоинствахъ сочиненіе проф. Ясинскаго не свободно отъ разныхъ болѣе или менѣе важныхъ недочетовъ, упущеній и пробѣловъ. Отмѣчу нѣкоторыя изъ нихъ.

Большую заслугу автора, какъ уже замѣчено, нужно видѣть въ томъ, что онъ первый подвергнулъ подробному и весьма обстоятельному изученію чешскія поземельныя описи или урбаріи. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи онъ не достигъ той полноты, которая была бы желательна. Проф. Ясинскій ограничился изученіемъ лишь изданныхъ памятниковъ этого рода, при чемъ всетаки упустилъ изъ виду одинъ уже напечатанный урбарій — Вышнебродскій, изданный Пангерлемъ въ Urkundenbuch von Hohenfurth (Font. Rer. Austr. II. 23). Поисковъ за неизданными урбаріями онъ не предпринималъ, между тѣмъ такихъ урбаріевъ въ настоящее время извѣстно два; а именно: Поземельныя описи Требоньскаго монастыря 1378 г. (въ Требоньскомъ архивѣ) и Ждярскаго 1407 г. (въ музейномъ архивѣ, въ Брнѣ) [1]). На стр. 43, въ примѣч. 2 авторъ, со словъ Эмлера,

1) Ср. Český Časopis historický, R. VII. 1901. Sv. 3. 332.

упоминаетъ, что въ Музеѣ Королевства Чешскаго сохраняется отрывокъ *какого-то* Литомышльскаго урбарія, написаннаго по чешски. Болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ урбаріи проф. Ясинскій не собралъ. Но особенно приходится пожалѣть, что проф. Ясинскій, самъ замѣтившій (стр. 57), что изданіе одного изъ важнѣйшихъ урбаріевъ — урбарія Островскаго монастыря крайне неудовлетворительно, именно представляетъ путаницу страницъ памятника и произвольное соединеніе двухъ текстовъ разнаго времени, тѣмъ не менѣе не нашелъ возможнымъ получить новую, болѣе точную копію этого памятника, хранящагося въ библіотекѣ Музея Чешскаго Королевства. Нѣкоторые выводы автора, основанные на изученіи памятника по неудовлетворительному изданію Эмлера, нуждаются въ поправкахъ.

Извѣстная неполнота въ работѣ наблюдается кое-гдѣ и въ методологическомъ отношеніи. Такъ, оспаривая мнѣніе чешскаго ученаго Шусты, утверждающаго, что чешскія поземельныя описи по формѣ ничѣмъ не отличаются отъ нѣмецкихъ, проф. Ясинскій отказывается признать какую-либо связь между чешскими и нѣмецкими урбаріями: первые, по его мнѣнію возникли совершенно самостоятельно, и никакъ не могутъ разсматриваться какъ фактъ культурнаго вліянія Германіи. Однако, это положеніе могло бы оказаться убѣдительнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ авторъ провелъ параллель между чешскими урбаріями и нѣмецкими, чего онъ не сдѣлалъ въ своей книгѣ.

Въ третьей главѣ на стр. 255—256 авторъ отстаиваетъ положеніе, что «еще въ XII в. основную массу населенія въ Чехіи составляли свободные люди»; опять опровергая мнѣніе Шусты, утверждающаго, что въ эту пору значительная часть населенія состояла изъ рабовъ. Взглядъ проф. Ясинскаго мнѣ кажется болѣе правильнымъ, но едвали можно признать достаточной аргументацію автора: онъ ограничивается ссылкой на два лѣтописныхъ свидѣтельства, изъ которыхъ одно (Винцента) не содержитъ въ себѣ никакихъ прямыхъ указаній относительно *свободныхъ* людей. Между тѣмъ автору слѣдовало дать болѣе

прочное обоснованіе своего положенія въ виду того, что сторонники противоположнаго мнѣнія ссылаются на значительное количество документальныхъ источниковъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о рабахъ.

Проф. Ясинскій въ разныхъ частяхъ своего труда обращается къ даннымъ и фактамъ изъ исторіи другихъ народовъ, особенно русскаго, съ цѣлью достигнуть лучшаго освѣщенія явленій чешской исторической жизни. Къ сожалѣнію онъ не даетъ такихъ параллелей изъ исторіи польскаго народа, который находился въ условіяхъ, очень сходныхъ съ тѣми, среди которыхъ складывалась историческая жизнь чешскаго народа. Новѣйшія работы по соціальной и экономической исторіи Польши въ средніе вѣка Пекосинскаго, Смольки, Бальцера и др. облегчали возможность приведенія подобныхъ параллелей.

Въ первомъ своемъ сочиненіи («Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ») проф. Ясинскій проводилъ мысль, что процессъ замѣны общеславянскаго земскаго строя въ Чехіи сословно-привилегерованнымъ обусловливался государственными нуждами и потребностями и облекался въ формы вполнѣ самобытныя. При этомъ авторъ совершенно отрицалъ воздѣйствіе на этотъ процессъ со стороны иноземныхъ нѣмецкихъ началъ. Критика уже отмѣтила всю поспѣшность такого вывода. Въ новомъ своемъ трудѣ проф. Ясинскій почти совсѣмъ не касается вопроса о нѣмецкомъ вліяніи на измѣненіе соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ Чехіи въ XIII и XIV вв.; но онъ всетаки остается при прежнемъ взглядѣ о *самобытномъ* развитіи этихъ отношеній и нерѣдко подчеркиваетъ эту «самобытность». Такъ, вторая глава носитъ названіе: «*Самобытное* развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села». Заканчивается эта глава выводомъ: «развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села было *самобытно*, такъ какъ обусловливалось условіями и запросами жизни, зарождавшимися въ нѣдрахъ самого общества». Развитіе зависимыхъ отношеній также разсматривается, какъ естественный результатъ внутренней колонизаціи, вызванной

уменьшеніемъ количества пустошей. Въ этомъ подчеркиваніи «самобытности»» чешскаго соціальнаго и аграрнаго строя въ данный періодъ несомнѣнно заключается слабая сторона труда проф. Ясинскаго. Оно невольно внушаетъ читателю подозрѣніе, что авторъ приступилъ къ работѣ съ извѣстной предвзятой мыслью, чего на дѣлѣ, вѣроятно, не было. Проф. Ясинскій далъ отчетливую картину развитія соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ Чехіи въ средніе вѣка и на этомъ пока слѣдовало остановиться. Рѣшать вопросъ о томъ—было ли это развитіе самобытно или оно совершалось подъ вліяніемъ чужихъ нѣмецкихъ началъ—можно будетъ тогда, когда нашъ авторъ въ дальнѣйшихъ томахъ своей работы опредѣлитъ болѣе или менѣе точно размѣры нѣмецкой колонизаціи въ Чехіи въ средніе вѣка и степень силы и распространенія въ чешскомъ народѣ латино-нѣмецкихъ стихій. Пока этого имъ не сдѣлано, утвердившееся въ чешской исторіографіи мнѣніе о значительномъ вліяніи нѣмецкаго права и нѣмецкихъ обычаевъ на соціальную и культурную жизнь Чехіи въ средніе вѣка вполнѣ сохраняетъ свое значеніе. Впрочемъ, и въ книгѣ проф. Ясинскаго встрѣчаются замѣчанія, ослабляющія его утвержденіе относительно «самобытнаго» развитія чешской соціальной и экономической жизни. Напр., на стр. 26 авторъ говоритъ: «Исторія XIV вѣка есть исторія *ассимиляціи отечественныхъ началъ быта съ новыми правовыми и экономическими началами*, *заимствованными отъ романо-германскаго міра*».....
Или на стр. 257: «Когда же ... Чехія сдѣлалась королевствомъ, государи *подъ вліяніемъ чуждыхъ народу юридическихъ воззрѣній* стали систематически расшатывать правовыя основы стариннаго быта»...

Можно было бы указать еще нѣсколько недочетовъ въ разбираемой книгѣ, но я ограничиваюсь указанными. Всѣ эти недочеты, какъ и указанные выше, нисколько не умаляютъ отмѣченныхъ крупныхъ достоинствъ труда проф. Ясинскаго. Трудъ этотъ и по цѣнности внесеннаго въ него матеріала, и по точности метода изслѣдованія и по новизнѣ выводовъ значительно

содѣйствуетъ уясненію соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно обогащаетъ русскую ученую литературу, такъ бѣдную самостоятельными трудами по исторіи западнаго славянства. На основаніи изложеннаго я полагаю, что данное сочиненіе проф. А. Н. Ясинскаго вполнѣ заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовской преміей.

II.

Словарь областного Олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ **Германъ Куликовскій**. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1898 г.

Дополненіе къ «Словарю областного Олонецкаго нарѣчія». М. 1899. (Изъ XL—XLI кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»).

Рецензія академика А. И. Соболевскаго.

Мы все еще бѣдны свѣдѣніями о русскихъ народныхъ говорахъ вообще и о словарныхъ особенностяхъ этихъ говоровъ въ частности. Правда, записано уже значительное количество народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п.; появился въ печати рядъ небольшихъ сборничковъ областныхъ словъ; беллетристы, съ А. Ѳ. Писемскимъ и графомъ Л. Н. Толстымъ во главѣ, не разъ воспользовались областными словами и выраженіями. Тѣмъ не менѣе составленный слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ словарь В. И. Даля остается почти единственнымъ трудомъ, гдѣ можно получить объ областныхъ словахъ нужныя справки и указанія [1]).

1) Мы имѣемъ еще небольшой словарь архангельскаго говора, составленный г. Подвысоцкимъ. Сверхъ того, недавно вышли въ свѣтъ словари колымскаго говора г. Богораза и кашинскаго говора г. Смирнова.

Въ виду этого трудъ г. Куликовскаго заслуживаетъ вниманія. Въ немъ собрано относительно большое число словъ Олонецкаго края, по преимуществу записанныхъ имъ лично на мѣстѣ, отчасти заимствованныхъ изъ печатныхъ источниковъ; означено (не всегда впрочемъ) ихъ удареніе; указано ихъ значеніе; приведены (часто) тѣ выраженія, въ которыхъ ему привелось ихъ услышать. Если мы примемъ во вниманіе еще то обстоятельство, что онъ составленъ въ мѣстахъ сожительства племенъ русскаго и финскаго и посвященъ словарному матеріалу говора особенно богатаго финнизмами, то его научная цѣнность будетъ для насъ достаточно ясна.

Къ сожалѣнію, словарь г. Куликовскаго имѣетъ *крупные* недостатки.

Прежде всего это — не словарь, а лишь матеріалы для словаря.

Г. Куликовскій, какъ мы сказали выше, воспользовался печатными источниками; они у него перечислены послѣ предисловія. Но далеко не всѣми и далеко не полно. Между прочимъ ему остались неизвѣстны «Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерніи», Ѳ. Студитскаго, Спб. 1841 (здѣсь пѣсни первой губерніи занимаютъ первую часть книжки, пѣсни второй — вторую); «Описаніе Олонецкой губерніи въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ», В. А. Дашкова, Спб. 1842; «Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями», О. Х. Агреневой-Славянской, I — III, М. 1887, Тверь 1887, 1889; «Олонецкій Сборникъ», двѣ книги, и кое-что малозначительное; не вполнѣ извлеченъ матеріалъ изъ «Пѣсенъ» П. Н. Рыбникова и, между прочимъ, изъ IV части этого сборника, гдѣ помѣщенъ списокъ олонецкихъ словъ. Въ виду этого мы безъ всякаго усилія собрали рядъ олонецкихъ словъ, отсутствующихъ у г. Куликовскаго. Вотъ они.

бездиля ничего не дѣлающій, Р. 276;
болтарь олтарь, Сл. II, 7;

ватруга ватрушка, Сл. II, 40;
вичина нитка изъ древеснаго корня, О. 66;
гогарникъ трава, Р. 294;
горница помѣщеніе для шкипера на суднѣ, О. 62;
городки срубъ для постройки судна, О. 59;
грязникъ мѣсто на дорогѣ, гдѣ всегда вода, Р. 294;
гуккаръ названіе судна, О. 64;
елевый еловый, О. 60;
жукóвина перстень, Сл. II, 111;
забавить промѣшкать, Р. 283;
залогъ вещь, которую дѣвушка даетъ парню въ знакъ согласія выйти за него замужъ, Сл. I, 5;
зáлозно залогъ, знакъ, Сл. II, 117;
залѣзть найти, Р. 285;
занестужь толстая дѣвка, Р. 281;
заноса сугробъ, Ст. 63;
знамя родимое пятно, Р. 286;
издаваться удаваться, Р. 284;
изнедобиться обезсилѣть, Р. 284;
кожанъ верхнее платье изъ кожи, Р. 291;
колнуться чокнуться (рюмками), Сл. II, 77;
косякъ табунъ, Р. 292;
кошевое угощеніе, Сл. II, 40;
крохать починивать, Р. 282;
ледянка перекладина на бревнахъ для спуска вновь построеннаго судна на воду, О. 60;
лучить добывать (птицу и т. п.), Р. 283;
мизгирь паукъ, Р. 290;
мотуха связка (баранокъ и т. п.), Сл. II, 117;
наволокище Р. 290;
надій надежный человѣкъ, Р. 292;
объинѣть объиндевѣть, Ст. 34;

оставежь, Р. 280;
отодраться отдѣлиться, Р. 284;

парманъ оводъ, Р. 280;
певчатый (= пельчатый?) обшитый (рукавъ), Ст. 65;
пика большой ножъ для рубки мяса, сахара, Сл. II, 49;
плакса плачущіе (собират.), Р. 291;
побойникъ повойникъ, Сл. II, 109;
полубарокъ небольшое судно, О. 60;
полулодокъ небольшая лодка, О. 61;
поносить тошнить, Р. 285;
правоплечникъ помощникъ, Сл. II, 8;
проступать пробивать ногами настъ и вязнуть въ снѣгу, Р. 282;
пружить, опружить опрокинуть (сани), Р. 283;
пясть, пинать, Р. 281;

разбракаться разболтаться, Р. 284;
распастаться распоясаться, Р. 284;
росказъ старшій сватъ, Сл. II, 24;
рьянóй сердитый, Сл. I, 5;
ряса мокрота, Р. 291;

саянъ платье, Р. 291;
сельбище мѣсто, гдѣ было селеніе, Р. 290;
скіюшка стряпуха, Сл. II, 16;
скупъ (взять) взятка, Сл. II, 15;
сколнуть сколотить, Р. 285;
собить нѣжить, Р. 288;
собиться быть не (?) по себѣ, Р. 284;
содержатай, Р. 287;
спень сонъ, Р. 287;
спѣть приготовлять, Р. 283;
страховитый страшный, Сл. II, 15;
стреканье осужденіе, Сл. II, 52;
ступить достать, Р. 283;

тарасы полати, Ст. 65;

тaшка пташка, Р. 279;
торить торопить (коня), Р. 283;
трынкать рвать въ клочья, Р. 282;
тухлый глухой (громъ), Р. 286;

углаждаться услаждаться, Сл. II, 48;

хломнуть хлопнуть, Сл. II, 12;

чагать доставать, Р. 282;
чанжунъ говорунъ, Р. 291;
чарома чара, Сл. II, 33;
чета причетники, Р. 289;
шигайдунъ неповоротливый, Р. 291 [1]).

Въ виду неполноты, словарь г. Куликовскаго мало помогаетъ при чтеніи текстовъ Рыбникова и Гильфердинга.

Второй недостатокъ труда г. Куликовскаго — неточность въ передачѣ звуковъ.

Мы укоряемъ г. Куликовскаго совсѣмъ не за то, что его записи не передаютъ въ точности звуковъ олонецкаго говора. Можно, по нашему мнѣнію, не обременять читателя разнообразными значками и т. п. и тѣмъ не менѣе давать все, что ему нужно. Нашъ *укоръ относится къ орѳографіи*. Г. Куликовскій не можетъ устоять противъ орѳографическихъ привычекъ и даетъ *а* тамъ, гдѣ въ олонецкомъ говорѣ слышится *о*, *е* тамъ, гдѣ бы надо написать *ё*, *с* тамъ, гдѣ слышится *з* и т. п. Мы читаемъ: р*а*бота, р*а*звиться, р*а*здобрѣть, р*а*зживить, р*а*змужевать, р*а*зрѣкъ и т. д., вмѣсто р*о*бота, р*о*з- (сравни р*о*збродить, р*о*здуться, р*о*зсоха и т. п.); бр*е́*уна, ж*е́*лтый, ж*е́*ноцька, крещ*е́*ный, мат*е́*рый, Сем*е́*нъ и т. п., вмѣсто брё̆уна, ж*о́*лтой, ж*о́*ночка, крещ*о́*ной, матёрой, Семёнъ; *с*говóрной, *с*годьё, *с*дери́ха и т. п., вмѣсто *з*говóрной, *з*гóдьё, *з*дериха. Въ случаяхъ въ родѣ приведенныхъ свѣдущій человѣкъ безъ труда можетъ разобраться; но какъ быть въ другихъ, гдѣ теоретическія познанія не помогаютъ?

1) О.=Олонецкій Сборникъ, т. II, Р.=Рыбниковъ, ч. IV; Сл.=Славянская; Ст.=Студитскій.

Вотъ хотя бы слово г*а*г*á*ра. Г. Куликовскій (какъ и г. Подвысоцкій, Даль) пишетъ его съ *а*; но мы его слышали съ *о*; сравни 1) г*ó*голь, 2) гог*á*рникъ (у г. Куликовскаго). Или слово б*а*р*а*хл*ó*. Г. Куликовскій (опять вмѣстѣ съ г. Подвысоцкимъ и Далемъ) пишетъ два *а*; но слово б*ó*р*о*шень, судя по звукамъ и значенію родственное съ этимъ словомъ, заставляетъ сомнѣваться въ этихъ *а*. Или слово с*а*л*а*м*á*та. Такъ у г. Куликовскаго. Даль даетъ и с*а*л*а*мата и с*о*л*о*мата (первое, очевидно, для акающихъ, второе для окающихъ говоровъ). То же можно сказать объ *а*л*а*лы́кать (сравни у Даля *а*л*а*лыкать и *о*л*о*лыкать, съ однимъ значеніемъ), объ *а*з*я́*мъ (сравни у Даля *а*з*я*мъ и *о*з*я*мъ), объ *á*р*а*ндать (сравни въ «Новгородскомъ Сборникѣ», томъ I, стр. 293: ар*о*ндаю громко говорю), объ барб*а*ши́ть (сравни бараб*ó*шить), объ бахт*о*рм*á* (сравни въ статьѣ Б. Яновскаго въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1855 года, томъ 130, стр. 62: бахт*а*рма—нижняя часть у гнилыхъ грибовъ). А что значатъ *а* и *о* рядомъ въ б*а*ж*á*тка и б*о*ж*á*тка крестная мать (какъ у Даля; у Подвысоцкаго только б*о*жатка), бр*а*зга и бр*о*зга, в*а*ровой и в*о*ровой, к*а*зю́ля и к*о*зу́ля, м*а*р*а*ков*á*ть и м*о*р*о*ков*á*ть, м*а*товусъ и м*о*тоусъ, мот*о*ръ и мот*а*ръ и т. п. ?

Объ *ё* при удареніи и особенно безъ ударенія, гдѣ русскіе говоры даютъ разнообразный матеріалъ, нечего и говорить. Трудно даже догадываться, какъ надо читать слово домови́щ*е*, съ *е* на концѣ, или съ *о* (сравни запертищ*о* и т. п.).

Буква *ѣ* дѣлаетъ свое дѣло. Г. Куликовскій ставитъ ее въ большомъ количествѣ случаевъ, и согласно съ орѳографіей, и независимо отъ этой послѣдней. Поясненій у него нѣтъ нигдѣ, и приходится недоумѣвать, чтó значитъ *ѣ* въ бол*ѣ*могя (взято у Е. В. Барсова), б*ѣ*жъ, в*ѣ*тляный и т. п. Какъ будто *ѣ* здѣсь поставленъ только по этимологическимъ соображеніямъ.

Окончаніе им. ед. муж. рода именъ прилагательныхъ *-ый*, рядомъ съ которымъ изрѣдка встрѣчается и *-ой* (безъ ударенія), также наводитъ на сомнѣнія.

Третій недостатокъ, уже не особенно важный, — смѣшеніе

фонетическихъ и морфологическихъ особенностей со словарными.

Г. Куликовскій не нашелъ возможнымъ или нужнымъ сообщить свѣдѣнія вообще объ говорѣ (точнѣе: говорахъ) Олонецкаго края; отсюда въ его трудѣ длинный рядъ такихъ словъ, которыхъ не слѣдовало бы помѣщать въ словарѣ, и такихъ, которыя лучше бы помѣстить въ болѣе обычной звуковой окраскѣ, въ соотвѣтствіе другимъ словамъ словаря. Таковы: гор*ц*юха, дро*ц*ить, жено*ц*ька, ни*ц*ёвушка и т. п., дре*бь*, *в*стребъ, оп*е́*ть, гоноши́тц*е* и т. п.; бр*е́у*на (*у* = ў ?), бы́*у* (= былъ), верё*у*ка, ку́ко*у*ка, л*а́у*ка и т. п.; бот*о́*ла и б*у*т*о́*ла и т. п.; веретн*о́*, ви́дла (= верет*е*но, вид*ѣ*ла) и т. п.; по весн*ы́*, ведё, возьмё (3 л. ед. ч.) и т. п.

Мѣстные знатоки олонецкаго нарѣчія, вѣроятно, указали бы еще на не всегда вѣрное опредѣленіе значенія словъ. Мы можемъ привести лишь два примѣра, гдѣ г. Куликовскій расходится съ другими, и гдѣ точность не на сторонѣ г. Куликовскаго. По г. Куликовскому, *боковушка* — «комната, устроенная въ кладовой деревенскаго дома»; по Б. Яновскому, это слово означаетъ небольшую, отдѣльную отъ избы горницу, гдѣ промышленники складываютъ свою добычу («Библіотека для Чтенія» 1855 года, томъ 131, стр. 183). — Г. Куликовскій опредѣляетъ *пинда* такимъ образомъ: «нѣжный слой древесины, преимущественно сосновыхъ деревьевъ, лежащій непосредственно подъ корою», «сгнившая древесина каждаго дерева»; по «Новгородскому Сборнику», это слово значитъ: рѣдкослойность лѣса (томъ I, стр. 203). Сверхъ того, позволительно усомниться, чтобы *би́та́*, *битка* обозначало «стальную плитку для игры въ бабки», а не бабку налитую свинцомъ; чтобы *жонка* значило только «жена», а не «женщина» вообще; чтобы *мнѣ лихо* значило: «не хочется», а не «мнѣ дурно, тяжело» (сравни тобольск. *лихо* — тошнитъ («Живая Старина» 1899 года, вып. IV, стр. 498).

Словарь г. Куликовскаго не представляетъ выдающихся достоинствъ и во всѣхъ отношеніяхъ далекъ отъ совершен-

ства; чувствуется недостаточность необходимой научной подготовки у автора. Тѣмъ не менѣе онъ расширяетъ наши свѣдѣнія о русскихъ народныхъ говорахъ и можетъ быть полезнымъ въ практическомъ отношеніи. Въ виду этого, онъ заслуживаетъ поощренія.

СПИСОКЪ ИЗДАНІЙ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(вышедшихъ до 1 января 1904 года).

I. **Извѣстія** по Отд. рус. яз. и словесности (*перваго ряда*, въ 4 д. л. 1854—1861 г.). Томы 3—10, по 3 р. за томъ.

II. **Извѣстія** Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (*втораго ряда*, въ 8 д. л.): **тома I-го, изд. 1896 г.**: книжки: 1-ая (стр. II+234), кн. 3-ья (стр. 439—646) — *по одному рублю;* кн. 4-ая — (стр. 647—1008, загл. листъ къ I тому и общее оглавленіе) цѣна *1 руб. 50 коп.*, [кн. *2-ой *нѣтъ въ продажѣ*]; — **тоже тома II-го, изд. 1897 г.**: книжкѣ 1-ой (стр. 1—279) цѣна *одинъ рубль*, кн. 2-ой (стр. 281—575) — цѣна *1 руб. 50 коп.*, кн. 3-ей (стр. 577—844) цѣна *одинъ рубль*, кн. 4-ой (стр. 845—1164, загл. листъ ко II т. и общее оглавленіе) цѣна *1 руб. 50 коп.*;— **тоже тома III-го, изд. 1898 г.** книжки: 1-ая — (стр. 1—314 и прилож. 1—48), кн. 2-я (стр. 315—632 и прилож. с. 49—129), кн. 3-я (стр. 633—969 и прилож. стр. 1—67 и 1—42) и кн. 4-я (стр. 969—1396) — *по 1 руб. 50 коп.;* — **тоже тома IV-го, изд. 1899 г.** книжекъ 1-й и 4-й, а также 2-ой и 3-ьей **тома V-го, изд. 1900 г.** и всѣхъ книжекъ томовъ **VI** (1901) и **VII** (1902) — цѣна *по 1 руб. 50 коп.* каждой. [*1 кн. **V** т. *распродана*].

III. **Ученыя Записки** II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ (1856—1863 г.), кн. 2, 5, 6 и 7 — по 2 р. за книгу.

IV. **Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности** (съ 1867 г.). 8° *).

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Томъ I (I—XL и 3 указателя) И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта,** Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій,** А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина,** Я. К. Грота. — **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ,** его же. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни,** И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ,** П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ,** П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ,** И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена,** А. А. Куника. — Къ тому

---

*) Томовъ IV, V вып. 1, VI, IX, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LV, LIX—*нѣтъ болѣе въ продажѣ.*

этому приложены портреты: моск. митроп. **Филарета** и **П. И. Рычкова.** Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ V, вып. I*. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія.** И И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между Преосв. и Ермолаевымъ и съ друг. приложеніями. — *Нѣтъ въ продажѣ.*

Тоже, вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки», записка И. И. Срезневскаго. — **Записка о томъ же,** А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія,** П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля,** записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** замѣтка Ф. И. Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки къ словарю Даля,** Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю,** Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи,** Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»,** статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в.,** архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи** В. Макушева. — **Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова,** сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ,** С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,** И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона,** В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.

***Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ.** Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — (*Не имѣется*).

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи,** Я. К. Грота. — **Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ,** Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара,** П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки,** М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ,** Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненія къ словарю Даля,** П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ,** Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію,** Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774),** М. Н. Лонгинова. — **Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго,** сост. Я. Ф. Головацкимъ. — **Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго. — Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ XLI—LXV. И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ,** И. И. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Перев. съ нѣм. съ примѣч. и прилож. В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXVI—LXXX и Указатели ко II т. И. И. Срезневскаго. — **Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма,** И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста. каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II,** А. С. Павлова. — **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта,** Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Вып. III. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи),** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія,** М. А. Колосова.—Ц. 2 р.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета,** Я. К. Грота.—**Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ,** С. И. Пономарева. — **Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I,** Я. К. Грота. — **Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I,** М. И. Сухомлинова.—**На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи,** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ коммисіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки,** Я. К Грота. — **Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка,** Я. К. Грота. — **Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго,** С. И. Пономарева. — Цѣна 2 р.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—**Чешскія Глоссы въ Mater verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 р.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ,** Я. К. Грота. — **Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, по рукописямъ XV вѣка,** академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного апоолога Варлаама и Іоасафа.** А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXXXI—XC,** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ,** составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ.— **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.** Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій.** М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго.** С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха: I,** академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенка. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-нищенскій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодикъ,** А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области русск. духовнаго стиха: II,** акад. А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ,** И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Ст. II, Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне.** И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю.** И. И. Носовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.,** составленный М. И. Сухомлиновымъ.—**Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова.** И.И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины:** I—II, ак. А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-cressens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ,** ак. А. Н. Веселовскаго. — **О Ксанфинѣ, греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи.** Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XCI.** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.,** съ некрологомъ И. И. Срез-

невскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII—XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и букварп.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ вмѣстѣ 10 руб., порознь эти тома не продаются.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненіе Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области р. духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,** открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й. Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ. Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина,** составленн. Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ,** составленный А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ.—**Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу.** Сообщилъ И. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** А. Н. Веселовскаго. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ.—**Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота.—**Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Г. Дестуниса.— **Описаніе славяно-русскихъ книгъ, печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 г.**— Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XXXVI. «Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императ. Акад. Наукъ акад. Я. К. Гротомъ.— **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г.** Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южно-русскія былины (III—XI).** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — **Странствующій Жидъ.** Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — **«Книги законныя», содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные.** А. Павлова. — **Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.** Гр. Д. А. Толстого. — **Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ.** Графа Д. А. Толстого. — **Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ.** Гр. Д. А. Толстого. — **Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.** С. И. Пономарева. — **Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г.,** сост. акад. А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Источники для исторіи славянской филологіи, томъ I: Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и 2 снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

Томъ XL. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о кн. «Русское Правописаніе». Записка Я. К. Грота. — **Изъ исторіи романа и повѣсти.** Матеріалы и изслѣдованія, А. Н. Веселовскаго. — **Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста.** Е. В. Пѣтухова. — **Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія.** Г. А. Воскресенскаго. — **Изъ ученой дѣятельности Спирид. Юрьев. Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха.** Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.

Томъ XLI. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — **Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Графа Д. А. Толстого. — **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть I. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году,** составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XLII. Къ Библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужняцкаго. — **Народная поэзія.** Ѳ. И. Буслаева. — **Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ.** Е. Пѣтухова. — **Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.** Нѣсколько статей Я. К. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.

Томъ XLIII. Отъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — **Характеристика Батюшкова какъ поэта,** рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — **Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ,** составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — **Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи.** — Цѣна 2 руб.

Томъ XLIV. Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева. — **Пушкинъ въ родной поэзіи.** С. И. Пономарева. — **Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Приложенія.** — **Симбирская молвь.** А. Мотовилова. — Цѣна 2 руб.

Томъ XLV. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. Составилъ П. Ровинскій. Томъ I: Географія. Исторія. — Цѣна 3 руб.

Томъ XLVI. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. — Матеріалы для исторіи русской литературы.** Нико-

лай Филиппович Павловъ (1805—1864). С. И. Пономарева. — **Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка.** И. В. Ягича. — **Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій.** — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

*Томовъ **XLVII, XLVIII, XLIX** и **L**: — **Сочиненія А. А. Котляревскаго.** Томъ I. Томъ II. Томъ III. — Томъ IV: **Очеркъ біографіи профессора А. А. Котляревскаго,** составленный чл.-корр. И. Ак. Наукъ А. Н. Пыпинымъ (Съ портретомъ А. А. Котляревскаго). «Библіологическій опытъ» и другія статьи; списокъ трудовъ А. А. К—го. — *Не имѣется болѣе въ продажѣ.*

Томъ **LI. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1889 годъ,** составленный Л. Н. Майковымъ. — **Слово о нѣкоемъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ Русской паломнической литературы XVII вѣка,** сообщеніе Хрисанѳа Лопарева. — **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть II. — **Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.** I. О святыняхъ и друг. достопамятностяхъ Цареграда. Л. Н. Майкова. — Цѣна 2 руб.

Томъ **LII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1890 г.** — **Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова 1838—1890.** — **Указатель къ періодическимъ изданіямъ Россійской Академіи и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.** — **Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по рукописямъ Соловецкой библіотеки.** И. Я. Порфирьева. — **Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ.** А. И. Кирпичникова. — **Шестое присужденіе пушкинскихъ премій.** — **Наши писательницы.** С. И. Пономарева. **Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ.** Л. Н. Майкова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ **LIII. Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1841—1891. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 г.** Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Я. К. Грота. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 г.,** составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — **О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ.** Историко-литературное изслѣдованіе арх. Леонида. — **Седьмое присужденіе Пушкинскихъ премій.** — **Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.** Л. Н. Майкова. II—III. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—XXIV.** Акад. А. Н. Веселовскаго. Выпускъ шестой. — **Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ.** Акад. А. Н. Веселовскаго. — **Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни 1835—1891,** собралъ Э. А. Вольтеръ. Цѣна 2 руб.

Томъ **LIV. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 г.,** составленн. акад. Л. Н. Майковымъ. — **Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 г.** (8-е присужденіе Пушк. прем.). — **Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа,** первоучителя славянъ св. Кирилла, акад. И. В. Ягича. — **Древняя Русская Пчела** по пергам. списку. В. Семенова. — **Переписка Карамзина съ Лафатеромъ,** сообщена др. Ф. Вальдманомъ, приготовлена къ печати Я. Гротомъ. — Цѣна 3 р.

*Томъ **LV. Сочиненія Петра Хельчицкаго.** Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончилъ по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности ордин. акад. И. В. Ягичъ. — *Нѣтъ въ продажѣ.*

Томъ **LVI. Боккачьо, его среда и сверстники.** Томъ I. Акад. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ **LVII. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ II. Цѣна 3 руб.

Томъ **LVIII. Письма Н. М. Карамзина къ брату его Василію Михайловичу Карамзину I—IV (1795—1796 гг.).** — **Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1893 г.: I. Девятое присужденіе Пушкинскихъ**

премій. II. Помянка о Г. Р. Державинѣ. Чтеніе акад. К. Н. Бестужева-Рюмина. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1893 годъ,** составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — **Боккачьо, его среда и сверстники,** акад. А. Н. Веселовскаго. Т. II. — **Апокрифическія сказанія,** акад. Н. С. Тихонравова. Ц. 2 р. 50 к.

***Томъ LIX. «Онежскія былины,** записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года». Изд. 2-е. Томъ I (1894 г.): (съ портр. А. Ѳ. Г-га). *Нѣтъ болѣе въ продажѣ.*

Томъ LX. Онежскія былины. Томъ II (съ 2 портр.: Рябинина и Щеголенка и нотами). 1896 г. Цѣна 2 рубля.

Томъ LXI. Онежскія былины. Томъ III. Выпускъ 1-ый. 1900 г. Цѣна 2 руб. [*Выпускъ 2-ой: Словарь и Указатели — печатается*].

Томъ LXII. Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ II. Новыя письма Добровскаго, Копитара, и другихъ южныхъ и западныхъ славистовъ (Шафарика, Раича, Терланча, Ганки, Кеппена и друг.). 1897. Цѣна 2 руб. 50 к.

Томъ LXIII. Краткій отчетъ о занятіяхъ заграницей доц. И. Спб. унив. П. А. Сырку въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 гг. — Отчетъ о X-омъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія И. Акад. Наукъ за 1894 г. — П. А. Ровинскій: **Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.** Томъ II, часть 1-ая: *Этнографія.* Цѣна 3 руб.

Томъ LXIV. Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ П. А. Лаврова. — **Отчетъ** проф. И. П. Филевича. — **Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житіи св. Ѳеодосія.** А. А. Шахматова. — **Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены.** А. Н. Веселовскаго. — **Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика.** П. А. Сырку. — **Сентябрьская минея-четья до-макарьевскаго состава.** М. Н. Сперанскаго. — **Автографы Пушкина, принадлежащіе графу Н. И. Капнисту.** Л. Н. Майкова. — **Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ. Нѣсколько матеріаловъ и обобщеній.** А. Н. Веселовскаго. — **Къ біографіи Ломоносова.** М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1895 годъ,** состава. акад. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1895 году.** — **Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 году.** — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895 г.** — **Разысканія въ области Гото-славянскихъ отношеній: I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ: Готы на Вислѣ.** Съ двумя картами. Ѳ. Брауна. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXV. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1896 г., составленный акад. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги.** (Съ 1 фототипическимъ снимкомъ). И. И. Срезневскаго. — **Замѣтка о Сборникѣ Кирши Данилова.** П. Н. Шеффера. — **Замѣтки о языкѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ по Лаврентьевскому списку Лѣтописи.** Н. П. Некрасова. — **А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи.** I—II. В. М. Истрина. — **В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (Юрьевѣ).** Е. В. Пѣтухова. — **Западнорусскій сборникъ XV вѣка, принадлежащій Импер. Публичной Библіотекѣ, Q. I. № 391.** Е. Ѳ. Карскаго. — **Замѣтки о Литовскомъ языкѣ и словарѣ. I—VIII.** Еп. Антонія Барановскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LXVI. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1897 г., составленн. ак. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г.** — **XII-ое присужденіе премій имени А. С. Пушкина въ 1897 г.** — В. А. Францевъ: **А. С. Пушкинъ въ Чешской литературѣ** (съ дополненіемъ). — Ѳ. Вержбовскій: **Къ біографіи Адама Мицкевича** въ 1821—1829 гг. — **Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго въ 1898 г.** — П. Симони: **Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій.** I—II. — А. А. Шахматовъ: **Къ вопросу о происхожденіи Хронографа.** 1900. Цѣна 3 руб.

Томъ LXVII. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русск. языка и слов. за 1898 г.—Записка объ ученыхъ трудахъ Ф. Ѳ. Фортунатова.—**Записка** акад. А. Н. Пыпина **о бумагахъ, относящихся къ дѣлу о Новиковѣ**

и принадлежащихъ г. Тургеневу въ Парижѣ. — Записка Э. А. Вольтера **объ изданіи постиллъ Даукши. — Записка** П. А. Сырку **о Карансебешскомъ Октоихѣ XIII вѣка. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1898 годъ**, состав. акад. А. Ѳ Бычковымъ. **Некрологъ чл. кор. А. С. Павлова.** Рѣчь, чит. гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ **о Полонскомъ. — Планъ новаго академическаго словаря съ точки зрѣнія иноязычнаго.** Записка И. Х. Пахмана. — **Нѣсколько словъ по поводу записки И. Х. Пахмана,** акад. А. А. Шахматова. — **Письмо** Ѳ. Ѳ. Фортунатова. **О залогахъ.** — П. Шмидтъ: **Тройная долгота въ латышскомъ языкѣ.** — П. А. Лавровъ: **Апокрифическіе тексты. — Воспоминанія** К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года), съ предисл. и примѣч. акад. Л. Н. Майкова. — И. Л. Лось: **Люблинскіе отрывки. — Присужденіе Ломоносовскихъ премій въ 1899 году. Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій,** сост. акад. А. А. Шахматовымъ. — **Приложенія: I. Рецензія чл. корр.** М. С. Дринова на соч. П. А. Сырку: **«Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ».** Тома I выпуски 1—2. Спб. 1899—1900. **II. Разборъ проф.** Е. Ѳ. Карскаго труда Н. М. Тупикова: **«Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ (Рукопись)». —** А. А. Шахматовъ: **Къ исторіи ударенiй въ славянскихъ языкахъ. —** Ѳ. Е. Коршъ: **О русскомъ народномъ стихосложеніи.** Выпускъ первый — Былины. — В. Н. Щепкинъ: **Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, съ приложеніемъ двухъ фототипическихъ снимковъ съ рукописи** 1901. — Цѣна 8 руб.

Томъ LXVIII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1899 годъ, акад. А. А. Шахматова. — **Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій орд. акад. Имп. Ак. Наукъ А. Ѳ. Бычкова (1838—1899).** — В. И. Чернышевъ: **Програмна для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ.** — В. Ѳ. Соловьевъ: **Особенности говора донскихъ казаковъ.** — В. И. Чернышевъ: **Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда.** — В. Г. Богоразъ: **Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія.** — А. И. Сахаровъ: **Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховского уѣзда, Орловской губерніи.** — В. И. Чернышевъ: **Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска.** 1901. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXIX. Извлеченія изъ проток. Отдѣл. рус. яз. и слов. за 1899 г. Приложенія: Записка объ ученыхъ трудахъ И. Н. Жданова, составл. акад. М. И. Сухомлиновымъ. — **Записка** акад. А. Н. Пыпина **о планѣ изданія Сочиненій Импер. Екатерины II. — Записка объ ученыхъ трудахъ** В. И. Ламанскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — **Записка объ ученыхъ трудахъ** Ѳ. Е. Корша, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — **Записка объ ученыхъ трудахъ** экстраорд. акад. А. А. Шахматова, сост. М. И. Сухомлиновымъ. — **Записка объ ученыхъ трудахъ** акад. Н. П. Кондакова, составл. акад. Л. Н. Майковымъ. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1900 годъ,** составл. акад. А. Н. Пыпинымъ. — **Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого въ 1900 году,** чит. акад. А. Н. Веселовскимъ. — П. Ровинскій: **Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. — Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе.** *Томъ II, Часть 2.* — Г. З. Кунцевичъ: **Исторія о Казанскомъ царствѣ (ея списки).** — С. М. Кульбакинъ: **Отчетъ Отдѣленію рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ о занятіяхъ въ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга съ 25-го сентября по 23-ье декабря 1898 г.** 1901. Цѣна 2 рубля 50 коп.

Томъ LXX. Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія рус. яз. и слов. за 1900 г. Приложеніе: Записка объ ученыхъ трудахъ орд. проф. И. Спб. Унив. чл.-корр. А. И. Соболевскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — В. М. Истринъ. **Греческіе списки апокрифическаго мученія Даніила и трехъ отроковъ.** — И. В. Ягичъ. **А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей.** — В. А. Францевъ. **Остатки языка славянъ полабскихъ, собранные и объясненные** Ф. Л. Челаковскимъ. — К. К. Арсеньевъ. **Россій-**

ская Академія и Разрядъ изящной словесности. — И. Т. Смирновъ. **Касимовскій словарь.** — В. И. Срезневскій. **Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни.** (**Съ двумя портретами**). — В. Чернышевъ. **Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда;** въ приложеніи: **Письмо академика** Ѳ. Е. Корша, **Объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ.** 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXI. **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1901 годъ,** составл. акад. А. И. Соболевскимъ. —Н. В. Ястребовъ. **O pŭvodu Jednoty bratrské a řádu v ní** Я. Благослава. (Введеніе и текстъ — съ указат.). — П. А. Сырку. **Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній Болгаръ и Сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая Новаго Софійскаго по единствен. рукописи XVI в.** — Е. Р. Романовъ. **Катрушницкій лемезень. Условный языкъ Дрибинскихъ шаповаловъ.** — Н. П. Кондаковъ. **М. П. Погодинъ, какъ археологъ.** — В. Чернышевъ. **Свѣдѣнія о говорахъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимірскаго уѣздовъ.** — А. А. Потѣхинъ. **Воспоминанія о М. П. Погодинѣ.** — М. А. Карауловъ. **Матеріалы для этнографіи Терской области. Говоръ гребенскихъ казаковъ.** 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXII. **Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русск. яз. и слов. за 1900 г.** (сент.—декабрь). — В. Н. Рогожинъ. **Дѣла «Московской Цензуры» въ царствованіе Павла I, какъ новые матеріалы для русской библіографіи и словаря русскихъ писателей.** Вып. I. 1797 годъ. — Н. Васенко. **Замѣтки къ Латухинской степенной книгѣ.** — В. Волоцкій. **Сборникъ матеріаловъ для изученія Ростовскаго (Яросл. губ.) говора.** — П. В. Шейнъ. **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Томъ III.** (Съ портретомъ). — А. Кузнецовъ. **Свадебные приговоры дружки по рукописи половины XIX столѣтія.**—Цѣна 2 руб.

Томъ LXXIII. Л. Н. Майковъ. **Матеріалы для біографіи кн. А. Д. Кантемира. Съ введеніемъ и примѣчаніями** проф. В. Н. Александренко. — **Тринадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1899 года.** — **Отчетъ о первомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности присужденіи премій митроп. Макарія.** — С. М. Кульбакинъ. **Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. I. Фонетика свашендзскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ.** — **Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. Выпускъ VIII.** — Цѣна 2 руб.

Томъ LXXIV. **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1902 г.,** сост. акад. В. И. Ламанскимъ.—А. Соболевскій. **Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Библіографическіе матеріалы.**—Е. Аничковъ. **Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Часть I. Отъ обряда къ пѣснѣ.** — Цѣна 2 руб.

V. Отдѣльныя изданія Отдѣленія:

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. *I-го тома: выпусковъ 1-го, 2-го* и *3-го болѣе нѣтъ въ продажѣ.* — *II-го тома*: вып. 1 (съ начала изданія 4-й) *Е — Желѣзный.* 1897. Цѣна 1 рубль; — *вып. 2-ой* (съ начала изданія 5-й) *Желѣзный — За.* 1898 г. Цѣна 75 коп.; — *вып. 3-й* (съ нач. изд. 6) *За—Заграчить.* 1899 г. Цѣна 60 коп.; — *вып. 4-й* (съ начала изд. 7) *Заграять—Закрѣплять.* 1900. Цѣна 75 коп. — *вып. 5* (съ начала изданія 8) *Закрѣплять—Заносить.* 1901. Цѣна 75 коп., — *вып. 6* (съ начала изданія 9) *Заносить—Засада.* 1902. Цѣна 75 к.

Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. *Томъ I* (А—К) 1893. Ц. 8 руб.; Вып. 1-го отдѣльно болѣе не имѣется; *Томъ I, вып. 2-й* (Г — начало И.) 1892. Ц. 1 руб.

Вып. 3-й (И—К). Ц. 1 руб. Т. II, в. 2 (Оба — Пак). Ц. 1 руб. — Т. II, вып. 3 (Пак—Правитель). Ц. 1 руб. Т. II., вып. 4 (пра—пач). 1902. Цѣна 1 рубль. — [Дальнѣйшіе выпуски *печатаются*].

Дополненіе къ Опыту областнаго великорусскаго языка. (Издано подъ редакціей ак. А. Х. Востокова.) 1858. 328 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб.

Словарь областного Олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Г. И. Куликовскій. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. 1870. Цѣна 3 р.

Литовскій Словарь А. Юшкевича съ толкованіемъ словъ на русск. и польскомъ языкахъ. *Вып. I.* A—Dż. 1897 г. Цѣна 2 р. 50 к. — *Вып. II печатается.*

XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ *по рукописи Императ. Публичной Библіотеки XI вѣка.* Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. 1875. 1 руб. 50 к.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе *съ примѣчаніями и приложеніями.* Трудъ ак. И. В. Ягича. 1883 г. Цѣна 5 руб:

Памятники старославянскаго языка. *Томъ I,* вып. 1-й: С. М. Кульбакинъ. Хиландарскіе листки XI вѣка (съ 4 фототипич. снимками). 1900. Ц. 50 коп. — *Вып. 2-й:* В. Н. Щепкинъ. Саввина книга. 1903. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Памятники древнерусскаго языка. Томъ I: *Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь* въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ ак. И. В. Ягича, съ 6-ю фототип. таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.

Изслѣдованія по русскому языку. Томъ I. 1895: М. Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остром. Ев.—А. Шахматовъ. Изслѣдов. о яз. Новгородск. грамотъ XIII—XIV в.—Ак. И. В. Ягичъ. Разсужденія южнослав. и русской старины о церковно-слав. языкѣ. (Стран. X+1070). Ц. 5 руб.

— **Томъ II,** *вып. 1-й:* О. Брохъ. «Угрорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). 1900. Цѣна 75 коп.—*вып. 2-й:* Б. М. Ляпуновъ «Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской Лѣтописи. Вып. 1: Очеркъ изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ». 1900 г. Цѣна 1 руб. — *Вып. 3-й*: А. Шахматовъ: Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в. Части I и II. 1903. Цѣна 2 руб.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. *Второе изданіе.* 1882. 2 рубля.

Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Составлена акад. А. Х. Востоковымъ. 1863. (134 стр.). Цѣна 50 коп.

Филологическія наблюденія А. Х. Востокова, изд. акад. И. Срезневскимъ. 1865. Цѣна 3 руб.

Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка (И. Давыдова), 3 изд. 1854. LXI+512 стр. Цѣна 50 коп.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. 1870. Цѣна 3 р. — Т. II. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. —Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р.—Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р.—Т. IV. (1739—41 гг.) 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р.—Т. V. 1889. (1742—43 гг.) съ 3 портр. Ц. 3 р.—Т. VI. 1890. (1725—43 гг.). Ц. 3 р.—Т. VII. 1895. (1744—45 гг.). Ц. 2 р. 50 к.—Т. VIII. 1895. (1746—47 гг.) Ц. 2 р. 50 к. Т. IX. 1897. (1748 — (янв—май) 1749 гг. Ц. 2 руб. — Т. X. 1749 (іюнь) — (дек.) 1750 г. — 1900. Ц. 2 руб. —

Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. А. Лагуса (перев. Э. Паландеръ). 1890. 1 руб. 50 коп.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I—II*). Вып. III, цѣна 1 р. 75 к. Вып. IV, цѣна 2 руб. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI.

*) Отдѣльно уже не имѣются; но заключаются въ тт. XI и XIV Сборника Отдѣленія.

цѣна 1 р. 95 коп. Вып. VII, цѣна 2 р. 50 к. — Вып. VIII (*съ Указат.*). Цѣна 3 р. 50 к.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота (I-е изданіе *съ рисунками*). Томы II—IX, 1865—83 гг.:

[Тома I. Спб. 1864 *нѣтъ болѣе въ продажѣ*].—Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р. — Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб. — Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб. — Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп. — Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп. — Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб. — Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб. — Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію. 1883: 3 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ: Томъ I (съ портретомъ Державина). 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб. — Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Т. I. (съ портретомъ). 1891. Ц. 3 руб. 50 коп. Т. II (съ портрет.). 1893. Ц. 3 р. 50 к. Т. III. 1895. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV: филологич. сочиненія, похв. слова и рѣчи. 1898. Ц. 3 р. 50 к. Т. V. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Сочиненія Императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. **Томы I—IV и VII—X:** 1901 г. Цѣна I-го тома 2 руб., II-го т. 2 руб. 50 коп., III-го т. 2 р., IV-го т. 1 руб. 50 коп., VII-го т. 2 р., VIII-го т. 2 р., IX-го т. 2 р., X-го т. 1 р. 50 к. (Т. V, VI, XI, XII и слѣд. — *печатаются*).

Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. и съ примѣчаніями акад. Л. Н. Майкова. *Томъ I:* Лирич. стихотворенія (1812—17 гг.). *Изданіе 2-е.* 1900 г. Цѣна 3 руб. [Томъ II — *печатается*].

Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. 1902. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ II. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. 1884. 2 р. 50 к. — Т. V. 1885. 2 р. 50 к. — Томъ VI. 1886. 3 р. — Томъ VII. 1888. 2 р. 50 к. — Томъ VIII. 1890. 2 р. 50 к.

Подробный словарь Русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Составилъ Д. А. Ровинскій. 1895. Изданіе Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Н. (*въ одномъ только томѣ*). Съ рисунками лишь въ «Историч. обзорѣ гравированія». Цѣна 4 руб.

Кондаковъ, Н. П. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ (съ 49 фототипіями и 103 рис. въ текстѣ), 1902. Цѣна 7 руб.

Рѣчи, посвященныя памяти Н. В. Гоголя 21 февраля 1902 года. 1902. Цѣна 50 коп.

Перетцъ, В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. 1903. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Яцимирскій, А. И. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. 1904. Цѣна 3 руб.

Сиповскій, В. В. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. (Матеріалы по библіографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I: XVIII вѣкъ. 1903. Цѣна 2 руб.

Lorentz, Fr. Slovinzische Grammatik. 1903. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Барсковъ, Я. Л. Списокъ трудовъ академика А. Н. Пыпина. 1853—1903. 1903. Цѣна 60 коп.

Славяновѣдѣніе въ 1901 году. Систематическій указатель трудовъ по языкознанію, литературѣ, этнографіи и исторіи. 1903. Цѣна 1 руб. 20 коп.
Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ I. 1903. Цѣна 75 коп.

VI. Сверхъ того имѣется еще ограниченное количество отдѣльныхъ оттисковъ слѣдующихъ статей, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ:

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). 1867. Цѣна 1 руб.
Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.
Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.
Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. 1885 г. Ц. 50 коп.
Пятидесятилѣтіе Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1841—1891. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи и Вице-президента Академіи Я. К. Грота. 1891. Ц. 30 коп.
Програмы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ (всѣ экземпляры съ пропускомъ страницъ для отмѣтокъ):

> **I—II:** Програмы для собиранія особенностей *великорусскихъ* говоровъ 1900 г. (II + 145 стран.). Цѣна 30 коп. — **III.** Программа для собиранія особенностей говоровъ *бѣлорусскаго нарѣчія*, составлен. по поруч. Отдѣленія русск. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ проф. И. Варш. унив. Е. Ѳ. Карскимъ. 1897 г. (59 стран.). Цѣна 25 коп.

Означенныя изданія Отдѣленія русск. яз. и словесн. продаются въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ, а также у слѣдующихъ ея коммиссіонеровъ: **И. И. Глазунова, К. Л. Риккера** и **М. Эггерса и Комп.** въ Санктпетербургѣ, **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фосса (Г. Гесселя)** въ Лейпцигѣ.

Лица, покупающія книги въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ [въ главномъ зданіи Академіи] на наличныя деньги, пользуются [независимо отъ количества покупаемыхъ книгъ и ихъ цѣны] уступкою 25% съ цѣнъ, назначенныхъ въ семъ спискѣ; иногородные же адресуютъ свои требованія туда же и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги почтою безъ платежа вѣсовыхъ.